Н. Г. Чернышевский

Digitized by the Internet Archive
in 2026

https://archive.org/details/completecollecte0002ngch

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО

въ 10 томахъ съ 4 портретами.

Томъ II.

СОВРЕМЕННИКЪ 1856.

Очерки Гоголевскаго періода русской литературы.—Критика и библіографія.—Замѣтки о журналахъ 1856 г.—

Изданіе М. Н. Чернышевскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Лештуковская Паровая Скоропечатня П. О. Яблонскаго, Лештуковъ пер., № 13.
1906.

PRINTED IN RUSSIA

Оглавленіе II тома.

Современникъ 1855—1856 гг.

1855—№ 12.—1856—№№ 1, 2, 4, 7, 9—12—**Очерки Гоголевскаго періода русской литературы.** стр.

Глава I —Общія замѣчанія—Н. А. Полевой 1
Глава II —Сенковскій (баронъ Брамбеусъ)..... 35
Глава III —Погодинъ. — Кирѣевскій. — Шевыревъ.— Кн. Вяземскій.—Плетневъ 64
Глава IV —Надеждинъ..... 117
Глава V —Надеждинъ.—Бѣлинскій 160
Глава VI —Бѣлинскій 179
Глава VII —Бѣлинскій 204
Глава VIII —Бѣлинскій..... 240
Глава IX —Бѣлинскій 257

1856—№ 1—**Библіографія**:—Основьяненко. Сочиненіе Григорія Данилевскаго 277
—Лейтенантъ и Поручикъ, быль временъ Петра Великаго. Сочиненіе Константина Масальскаго..... 281
—Мѣсяцословъ на 1856 г..... 286
—Думы современной Россіи. Александры Ступиной... 288
—Правила составленія употребительнѣйшихъ въ строительномъ искусствѣ мастикъ и проч., сочиненіе И. Лейхса 289
—Гражданскіе законы Псковской Судной грамоты, сочиненіе И. Энгельмана..... 289
—Указатель для обозрѣнія Московской Патріаршей (нынѣ Синодальной) Ризницы и Библіотеки. Составленъ архимандритомъ Саввою 289
—О плѣнныхъ по древнему русскому праву. А. Лохвицкаго 290
—Историческія свѣдѣнія о примѣчательнѣйшихъ мѣстахъ въ Бѣлоруссіи. Составлены генералъ-майоромъ М. О. Безъ-Корниловичемъ 290
—Мельница близъ села Ворошилова, простонародный разсказъ дяди Аѳанасія 290
—Православныя и другія христіанскія церкви въ Турціи. И. Березина 291
—Описаніе хронологической машины А. Головацкаго, составленное академикомъ Вишневскимъ..... 292
—Ложь и правда о войнѣ на Востокѣ. Сочиненіе Виктора Жоли. Перев. съ французскаго Е. Серчевскій. 293

СТР.

—Правила конюшеннаго хозяйства или обязанности кучера. Сочиненіе магистра О. С. Пашкевича... 293
—Веселый карандашъ или свѣтъ и тѣни современности въ рисункахъ..... 294
—Очеркъ исторіи православной церкви на Волыни. Сочиненіе Платона Карашевича 294
—Обзоръ главнѣйшихъ путешествій и географическихъ открытій въ пятилѣтіе съ 1848 по 1853 годъ, составленъ К. Ѳ. Свенске 295

№ 3— **Библіографія**:—Стихотворенія графини Ростопчиной. Томъ I..... 296
—Вѣстникъ Естественныхъ Наукъ. 1856, № I..... 310
—Журналъ Садоводства. Книжка I..... 311
—Очерки Сибиряка. I. Дѣвичій сонъ на Новый годъ. Быль изъ временъ давно-прошедшихъ..... 313
—Силуэты, сцены въ стихахъ В. Н. Попова 315
—Разведеніе свекловицы и добываніе свекловичнаго сахара. Сочиненіе М. Веллера.—Фабрикація стеариновыхъ, маргариновыхъ, прозрачныхъ, солнечныхъ, сальныхъ и вообще всякаго рода свѣчей. Мельнейера. — Практика золоченія и серебренія всѣхъ вообще металловъ. Составлено Шрейберомъ. 321
—Первое чтеніе и первые уроки для маленькихъ дѣтей. Сочиненіе А. Ишимовой 322
—Новороссійскій Календарь на 1856 годъ..... 323
—Записки Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Книжка III. .. 324
—Поѣздка въ Вольную Сванетію полковника Бартоломея въ 1853 г... 328
—Нѣкоторыя замѣчанія, почерпнутыя преимущественно изъ иностранныхъ источниковъ, о дѣйствительныхъ причинахъ гибели Наполеоновыхъ полчищъ въ 1812 г. И. П. Липранди 330
—Образцы и формы дѣловыхъ актовъ и бумагъ 333
—Карманная почтовая книжка. Изданіе почтоваго Департамента 334
—Послѣдніе слѣды сэра Джона Франклина 334
—Элементарный способъ рѣшенія вопросовъ относительно сопротивленія матеріаловъ и устойчивости сооруженій. Инженеръ-подполковника Безпалова. 334
—Похожденія Чичикова или Мертвыя Души, поэма Н. Гоголя..... 335
Замѣтки о журналахъ. Февраль 1856 г.—Москвитянинъ.—Письма Гоголя 336

№ 2— **Замѣтки о журналахъ**. Декабрь 1855 и Январь 1856 г.—О „Русскомъ Вѣстникѣ“ 345

№ 4— **Библіографія**:—Стихотворенія Ивана Никитина. Издалъ графъ Д. Н. Толстой 349
—Графиня Полина. Повѣсть Авдотьи Глинки..... 355
—Вспомогательная книга для помѣщиковъ и сельскихъ хозяевъ. Соч. Крейсига. Перевелъ С. М. Усовъ.. 359
—Бесѣды о сельскомъ хозяйствѣ, профессора Ярослава Линовскаго 359

СТР.

—О производительныхъ силахъ Россіи, сочиненіе тайнаго совѣтника, члена Государственнаго Совѣта Л. В. Тенгоборскаго. Переводъ И. В. Вернадскаго. 360
—Россійская родословная книга, издаваемая княземъ Петромъ Долгоруковымъ. Частья третья..... 360
—Кабинетъ магика или шестьдесятъ опытовъ натуральной магіи и пр., составила М. Ж..... 360
—Очерки Сибиряка..... 361
—Врачебно-комнатная гимнастика. Соч. доктора Шребера 361
—Судоходство на Шельдѣ. Историко-юридическое изслѣдованіе А. Наумова..... 362
— **Замѣтки о журналахъ**. Апрѣль 1856 г.—Обзоръ историческаго развитія сельской общины въ Россіи, Чичерина ... 363

№ 5— **Библіографія**:—Искусство продлить человѣческую жизнь (макробіотика). Сочиненіе Х. В. Гуфеланда. Перев. Заблоцкій. 371
—Жизнь адмирала Θ. Θ. Ушакова. Р. Скаловскаго.... 371
—Блокада крѣпости Костромы, или Русскіе въ 1608 г. Историческія сцены. Сочиненіе А. П. С—на..... 373
—Значеніе Пушкина въ исторіи русской литературы. Рѣчь, произнесенная проф. Николаемъ Буличемъ 9 октября 1855 г..... 374
—Статистическое обозрѣніе промышленности Московской губерніи, составленное Ст. Тарасовымъ..... 378
—Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя..... 380
—Для легкаго чтенія. Томъ I..... 390

№ 6— **Библіографія**:—Сочиненія Н. В. Гоголя. Томы V и VI 391
—Исторія Балтійскихъ Славянъ. А. Гильфердинга 397
— **Критика**: —Сочиненія Т. Н. Грановскаго. Томъ первый..... 400
— **Замѣтки о журналахъ**. Май 1856 г.—Русская Бесѣда и ея направленіе. 421

№ 7— **Библіографія**:—Понятія Гопкинса о народномъ хозяйствѣ. Съ англійскаго, В***..... 432
—Статистическое описаніе Кіевской губерніи, изданное тайнымъ совѣтникомъ, кавалеромъ Иваномъ Фундуклеемъ..... 435
—De l'or et de l'argent etc. par Narcès Tarassenko-Otreschkoff 436
—Разсказы и воспоминанія охотника. С. Аксакова.... 436
—Общій курсъ исторіи среднихъ вѣковъ. Сочиненіе М. Стасюлевича 437
—Южно-русскія лѣтописи, открытыя и изданныя Н. Бѣлозерскимъ. Томъ I. 437
— **Заграничныя извѣстія** 438
— **Замѣтки о журналахъ**. Іюнь 1856 г.—Разборъ статьи Н. Ф. Павлова о комедіи „Чиновникъ“.—О воспитаніи, Бема. —Мысли по поводу статьи „О воспитаніи“ Даля[1])..... 457

№ 8— **Критика**: —Статистическое описаніе Кіевской губерніи, изданное тайнымъ совѣтникомъ И. Фундуклеемъ 470

[1]) Въ текстѣ, въ концѣ заголовка этой статьи, по ошибкѣ напечатано: „Объ обязанностяхъ старшаго офицера на кораблѣ“.

стр.

— **Библіографія:**—О нѣкоторыхъ условіяхъ, способствующихъ умноженію народнаго капитала. Рѣчь, произнесенная проф. Иваномъ Бабстомъ 3 іюня 1856 года..... 502
—Военно-историческіе очерки Крымской Экспедиціи, составленные капитаномъ Аничковымъ 509
—Для легкаго чтенія. Томъ II 509
— **Заграничныя извѣстія** 511
— **Замѣтки о журналахъ.** Іюль 1856 г.—Бѣлинскій.—Продолженіе разбора статьи Н. Ф. Павлова о комедіи „Чиновникъ".—Вопросы жизни, Пирогова 519

№ 9— **Критика:** —Стихотворенія Н. Огарева 532
— **Библіографія:**—Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ. Сочиненіе Б. Чичерина 539
—Дворяне-благотворители. Сказаніе В. Порошина..... 554
—Сочиненія Ульянова 557
—Русская грамматика В. Классовскаго 558
—Словарь сельско-хозяйственныхъ растеній. Составленъ И. Палимпсестовымъ 558
—Плѣнъ у Шамиля. Правдивая повѣсть Е. Вердеревскаго 558
—Труды Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Археографическаго Общества. Часть 2-я..... 558
—Сенсаціи и замѣчанія г-жи Курдюковой за границею, дан л'Этранже. Три части 559
—О выборѣ стихотворнаго размѣра 559
— **Замѣтки о журналахъ.** Августъ 1856 г.—Отчетъ Министра Народнаго Просвѣщенія за 1855 г.—Романы и разсказы Григоровича.—И. В. Кирѣевскій..... 561

№ 10—**Библіографія:**—Записки Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Книжка I..... 578
—Римскія женщины. Историческіе разсказы по Тациту. П. Кудрявцева 583
—Собраніе стихотвореній В. Бенедиктова..... 583
—Стихотворенія графини Ростопчиной. Томъ второй... 598
— **Замѣтки о журналахъ.** Сентябрь 1856 г. — Семейная хроника, Аксакова.—Губернскіе очерки, Щедрина.—Замѣтка по поводу статьи Бланка „Русскій помѣщичій крестьянинъ", Безобразова.—О горѣ злосчастіи, Буслаева 603

№ 11—**Библіографія:**—Стихотворенія Н. Некрасова..... 617
— **Замѣтки о журналахъ.** Октябрь 1856 г.—Библіотека для Чтенія и ея программа.—Полемика съ Отечественными Записками 618

№ 12—**Библіографія:**—Дѣтство и отрочество. Соч. графа Л. Н. Толстаго. — Военные разсказы, графа Л. Н. Толстаго..... 638
—Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, его жизнь и сочиненія 648
—Для легкаго чтенія. Томъ IV..... 651
—О золотѣ и серебрѣ. Сочиненіе Н. Тарасенко-Отрѣшкова 651
— **Замѣтки о журналахъ.** Ноябрь 1856 г.—Русскій Вѣстн.—Русск. Бесѣда 653

Очерки Гоголевскаго періода

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Сочиненія Николая Васильевича Гоголя. *Четыре тома. Изданіе второе. Москва 1855.*

Сочиненія Николая Васильевича Гоголя, найденныя послѣ его смерти. *Похожденія Чичикова или Мертвыя Души. Томъ второй (Пять главъ). Москва 1855.*

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Общія замѣчанія.—Н. А. Полевой.

Въ древности, о которой сохраняются нынѣ лишь темныя, неправдоподобныя, но дивныя въ своей невѣроятности воспоминанія, какъ о времени миѳическомъ, какъ объ «Астреѣ», по выраженію Гоголя,—въ этой глубокой древности былъ обычай начинать критическія статьи размышленіями о томъ, какъ быстро развивается русская литература. Подумайте (говорили намъ)—еще Жуковскій былъ въ полномъ цвѣтѣ силъ, какъ ужъ явился Пушкинъ; едва Пушкинъ совершилъ половину своего поэтическаго поприща, столь рано пресѣченнаго смертью, какъ явился Гоголь—и каждый изъ этихъ людей, столь быстро слѣдовавшихъ одинъ за другимъ, вводилъ русскую литературу въ новый періодъ развитія, несравненно высшаго, нежели все, что дано было предъидущими

Примѣчаніе издателя къ первому изданію «Очерковъ Гоголевскаго періода» 1892 г.: Издаваемые нынѣ «Очерки Гоголевскаго періода русской литературы» печатались въ журналѣ «Современникъ» 1855—1856 гг. и въ свое время обратили на себя большое вниманіе, какъ первый опытъ обстоятельнаго историко-литературнаго объясненія отношеній «Гоголевскаго періода»: они были и первою оцѣнкою дѣятельности Бѣлинскаго: не названный въ первыхъ главахъ, по условіямъ того времени, онъ только въ концѣ книги является съ его собственнымъ именемъ. Въ такой живой, и вмѣстѣ популярной, формѣ картина литературы тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ не была въ другой разъ воспроизведена и до сихъ поръ. Послѣдующіе историки нашей литературы цитировали «Очерки», какъ изслѣдованіе, цѣнное и по фактическимъ указаніямъ, и по критической точкѣ зрѣнія; новѣйшія детальныя изысканія о той эпохѣ не уменьшили значенія этого труда и, излагая обыкновенно подробности безъ общаго историческаго освѣщенія, можетъ быть, дѣлаютъ еще болѣе необходимымъ такой цѣльный обзоръ эпохи, какой въ свое время и предпринялъ авторъ «Очерковъ».

періодами. Только двадцать пять лѣтъ раздѣляютъ «Сельское кладбище» отъ «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки», «Свѣтлану» отъ «Ревизора»,—и въ этотъ краткій промежутокъ времени, русская литература имѣла три эпохи, русское общество сдѣлало три великіе шага впередъ по пути умственнаго и нравственнаго совершенствованія. Такъ начинались критическія статьи въ древности.

Эта глубокая, едва памятная нынѣшнему поколѣнію древность была не слишкомъ давно, какъ можно предполагать изъ того, что въ преданіяхъ ея встрѣчаются имена Пушкина и Гоголя. Но—хотя мы отдѣлены отъ нея очень немногими годами,—она рѣшительно устарѣла для насъ. Въ томъ увѣряютъ насъ положительныя свидѣтельства почти всѣхъ людей, пишущихъ нынѣ о русской литературѣ—какъ очевидную истину, повторяютъ они, что мы уже далеко ушли впередъ отъ критическихъ, эстетическихъ и т. д. принциповъ и мнѣній той эпохи; что принципы ея оказались односторонними и неосновательными, мнѣнія—утрированными, несправедливыми; что мудрость той эпохи оказалась нынѣ суесловіемъ, и что истинные принципы критики, истинно мудрыя воззрѣнія на русскую литературу—о которыхъ не имѣли понятія люди той эпохи—найдены русскою критикою только съ того времени, какъ въ русскихъ журналахъ критическія статьи начали оставаться неразрѣзанными.

Въ справедливости этихъ увѣреній еще можно сомнѣваться, тѣмъ болѣе, что они высказываются рѣшительно безъ всякихъ доказательствъ: но то остается несомнѣннымъ, что въ самомъ дѣлѣ, наше время значительно разнится отъ незапамятной древности, о которой мы говорили. Попробуйте, напримѣръ, начать нынѣ критическую статью, какъ начинали ее тогда, соображеніями о быстромъ развитіи нашей литературы—и съ перваго же слова вы сами почувствуете, что дѣло не ладится. Сама собою представится вамъ мысль: правда, что за Жуковскимъ явился Пушкинъ, за Пушкинымъ Гоголь, и что каждый изъ этихъ людей вносилъ новый элементъ въ русскую литературу, расширялъ ея содержаніе, измѣнялъ ея направленіе: но что новаго внесено въ литературу послѣ Гоголя? И отвѣтомъ будетъ: Гоголевское направленіе до сихъ поръ остается въ нашей литературѣ единственнымъ сильнымъ и плодотворнымъ. Если и можно припомнить нѣсколько сносныхъ, даже два или три прекрасныхъ произведенія, которыя не были проникнуты идеею, сродною идеѣ Гоголевыхъ созданій, то, несмотря на свои художественныя достоинства, они остались безъ вліянія на публику, почти безъ значенія въ исторіи литературы. Да, въ нашей литературѣ до сихъ поръ продолжается Гоголевскій періодъ—а вѣдь двадцать лѣтъ прошло со времени появленія «Ревизора», двадцать-пять лѣтъ съ появленія «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки»:—прежде, въ такой промежутокъ смѣнялись два-три направленія. Нынѣ—господствуетъ одно и тоже, и мы не знаемъ, скоро-ли мы будемъ въ состояніи сказать: «начался для русской литературы новый періодъ».

Изъ этого ясно видимъ, что въ настоящее время нельзя начинать критическихъ статей такъ, какъ начинали ихъ въ глубокой древности,—размышленіями о томъ, что едва мы успѣваемъ привыкнуть къ имени писателя, дѣлающаго своими сочиненіями новую эпоху въ развитіи нашей литературы, какъ уже является другой, съ произведеніями, которыхъ содержаніе еще глубже,

которыхъ форма еще самостоятельнѣе и совершеннѣе,—въ этомъ отношеніи нельзя не согласиться, что настоящее не похоже на прошедшее.

Чему же надобно приписать такое различіе? Почему Гоголевскій періодъ продолжается такое число лѣтъ, какого въ прежнее время было достаточно для смѣны двухъ или трехъ періодовъ? Быть можетъ сфера Гоголевскихъ идей такъ глубока и обширна, что нужно слишкомъ много времени для полной разработки ихъ литературою, для усвоенія ихъ обществомъ,—условія, отъ которыхъ, конечно, зависитъ дальнѣйшее литературное развитіе, потому что, только поглотивъ и переваривъ предложенную пищу, можно алкать новой, только совершенно обезпечивъ себѣ пользованіе тѣмъ, что уже пріобрѣтено, должно искать новыхъ пріобрѣтеній,—быть можетъ, наше самосознаніе еще вполнѣ занято разработкою Гоголевскаго содержанія, не предчувствуетъ ничего другаго, не стремится ни къ чему болѣе полному и глубокому? Или пора было бы явиться въ нашей литературѣ новому направленію, но оно не является вслѣдствіе какихъ нибудь постороннихъ обстоятельствъ? Предлагая послѣдній вопросъ, мы тѣмъ самымъ даемъ поводъ думать, что считаемъ справедливымъ отвѣчать на него утвердительно; а говоря: «да, пора было бы начаться новому періоду въ русской литературѣ», мы тѣмъ самымъ ставимъ себѣ два новые вопроса: въ чемъ же должны состоять отличительныя свойства новаго направленія, которое возникнетъ и отчасти, хотя еще слабо, нерѣшительно, уже возникаетъ изъ Гоголевскаго направленія? и какія обстоятельства задерживаютъ быстрое развитіе этого новаго направленія? Послѣдній вопросъ, если хотите, можно рѣшить коротко—хотя бы, напримѣръ, и сожалѣніемъ о томъ, что не является новый геніальный писатель. Но вѣдь опять можно спросить: почему же онъ не является такъ долго? Вѣдь прежде являлись же, да еще какъ быстро одинъ за другимъ—Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Кольцовъ, Лермонтовъ, Гоголь... пять человѣкъ, почти въ одно и то же время—значитъ не принадлежатъ же они къ числу явленій, столь рѣдкихъ въ исторіи народовъ, какъ Ньютонъ или Шекспиръ, которыхъ ждетъ человѣчество по нѣскольку столѣтій. Пусть же теперь явился бы человѣкъ, равный хотя одному изъ этихъ пяти, онъ началъ бы своими твореніями новую эпоху въ развитіи нашего самосознанія. Почему же нѣтъ нынѣ такихъ людей? Или они есть, но мы ихъ не замѣчаемъ? Какъ хотите, а этого не слѣдуетъ оставлять безъ разсмотрѣнія. Дѣло очень казусное.

А иной читатель, прочитавъ послѣднія строки, скажетъ, качая головою: «не слишкомъ то мудрые вопросы; и гдѣ-то я читалъ совершенно подобные, да еще и съ отвѣтами,—гдѣ, дайте припомнить; ну, да, я читалъ ихъ у Гоголя, и именно въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ подневныхъ «Записокъ сумасшедшаго»:

Декабря 5. Я сегодня все утро читалъ газеты. Странныя дѣла дѣлаются въ Испаніи. Я даже не могъ хорошенько разобрать ихъ. Пишутъ, что престолъ упраздненъ, и что чины находятся въ затруднительномъ положеніи о избраніи наслѣдника. Мнѣ кажется это чрезвычайно страннымъ. Какъ же можетъ быть престолъ упраздненъ? На престолѣ долженъ быть король. «Да», говорятъ, «нѣтъ короля»—не можетъ статься, чтобъ не было короля. Государство не можетъ быть безъ короля. Король есть, да только онъ гдѣ нибудь скрывается въ неизвѣстности. Онъ, статься можетъ, находится тамъ же, но какія нибудь или фамильныя причины, или опасенія со стороны сосѣдственныхъ державъ, какъ-то: Франціи и другихъ земель, заставляютъ его скрываться, или есть какія нибудь другія причины.

Читатель будетъ совершенно правъ. Мы дѣйствительно пришли къ тому же самому положенію, въ какомъ былъ Аксентій Ивановичъ Поприщинъ. Дѣло только въ томъ, чтобы объяснить это положеніе на основаніи фактовъ, представляемыхъ Гоголемъ и новѣйшими нашими писателями, и переложить выводы съ діалекта, которымъ говорятъ въ Испаніи, на обыкновенный русскій языкъ.

Критика вообще развивается на основаніи фактовъ, представляемыхъ литературою, произведенія которой служатъ необходимыми данными для выводовъ критики. Такъ, вслѣдъ за Пушкинымъ съ его поэмами въ Байроновскомъ духѣ и «Евгеніемъ Онѣгинымъ», явилась критика «Телеграфа»; когда Гоголь пріобрѣлъ господство надъ развитіемъ нашего самосознанія, явилась такъ называемая критика 1840-выхъ годовъ... Такимъ образомъ развитіе новыхъ критическихъ убѣжденій каждый разъ было слѣдствіемъ измѣненій въ господствующемъ характерѣ литературы. Понятно, что и наши критическія воззрѣнія не могутъ имѣть притязаній ни на особенную новизну, ни на удовлетворительную законченность. Они выведены изъ произведеній, представляющихъ только нѣкоторыя предвѣстія, начатки новаго направленія въ русской литературѣ, но еще не выказывающихъ его въ полномъ развитіи, и не могутъ содержать болѣе того, что дано литературою. Она еще не далеко ушла отъ «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ», и наши статьи не могутъ много отличаться по своему существенному содержанію отъ критическихъ статей, явившихся на основаніи «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ». По существенному содержанію, говоримъ мы,—достоинства развитія зависятъ исключительно отъ нравственныхъ силъ пишущаго и отъ обстоятельствъ; и если вообще должно сознаться, что наша литература въ послѣднее время измельчала, то естественно предполагать, что и наши статьи не могутъ не носить того же характера, по сравненію съ тѣмъ, что мы читали въ старину. Но какъ бы то ни было, не совершенно же безплодны были эти послѣдніе годы—наша литература пріобрѣла нѣсколько новыхъ талантовъ, если и не создавшихъ еще ничего столь великаго, какъ «Евгеній Онѣгинъ» или «Горе отъ ума», «Герой нашего времени» или «Ревизоръ» и «Мертвыя Души», то все же успѣвшихъ уже дать намъ нѣсколько прекрасныхъ произведеній, замѣчательныхъ самостоятельными достоинствами въ художественномъ отношеніи и живымъ содержаніемъ,—произведеній, въ которыхъ нельзя не видѣть залоговъ будущаго развитія. И если въ нашихъ статьяхъ отразится хотя сколько нибудь начало движенія, выразившееся въ этихъ произведеніяхъ, онѣ будутъ не совершенно лишены предчувствія о болѣе полномъ и глубокомъ развитіи русской литературы. Удастся ли намъ это—рѣшатъ читатели. Но мы смѣло и положительно сами присудимъ своимъ статьямъ другое достоинство, очень важное: онѣ порождены глубокимъ уваженіемъ и сочувствіемъ къ тому, что было благороднаго, справедливаго и полезнаго въ русской литературѣ, и критикѣ той глубокой древности, о которой говорили мы въ началѣ, древности, которая, впрочемъ, только потому древность, что забыта отсутствіемъ убѣжденій или кичливостью и въ особенности мелочностью чувствъ и понятій,—намъ кажется, что необходимо обратиться къ изученію высокихъ стремленій, одушевлявшихъ критику прежняго времени; безъ того, пока мы не вспомнимъ ихъ, не проникнемся ими, отъ нашей критики нельзя ожидать никакого вліянія на умствен-

ное движеніе общества, никакой пользы для публики и литературы; и не только не будетъ она приносить никакой пользы, но и не будетъ возбуждать никакого сочувствія, даже никакого интереса, какъ не возбуждаетъ его теперь. А критика должна играть важную роль въ литературѣ, пора ей вспомнить объ этомъ.

Читатели могутъ замѣтить въ нашихъ словахъ отголосокъ безсильной нерѣшительности, овладѣвшей русскою литературою въ послѣдніе годы. Они могутъ сказать: «вы хотите движенія впередъ, и откуда же предлагаете вы почерпнуть силы для этого движенія? Не въ настоящемъ, не въ живомъ, а въ прошедшемъ, въ мертвомъ. Неодобрительны тѣ воззванія къ новой дѣятельности, которыя ставятъ идеалы себѣ въ прошедшемъ, а не въ будущемъ. Только сила отрицанія отъ всего прошедшаго есть сила, создающая нѣчто новое и лучшее». Читатели отчасти будутъ правы. Но и мы не совершенно неправы. Падающему всякая опора хороша, лишь бы подняться на ноги; и что же дѣлать, если наше время не выказываетъ себя способнымъ держаться на ногахъ собственными силами? И что же дѣлать, если этотъ падающій можетъ опереться только на гробы? И надобно еще спросить себя, точно ли мертвецы лежатъ въ этихъ гробахъ? Не живые ли люди похоронены въ нихъ? По крайней мѣрѣ, не гораздо ли болѣе жизни въ этихъ покойникахъ, нежели во многихъ людяхъ, называющихся живыми? Вѣдь если слово писателя одушевлено идеею правды, стремленіемъ къ благотворному дѣйствію на умственную жизнь общества, это слово заключаетъ въ себѣ сѣмена жизни, оно никогда не будетъ мертво. И развѣ много лѣтъ прошло съ того времени, когда эти слова были высказаны? Нѣтъ; и въ нихъ еще столько свѣжести, они еще такъ хорошо приходятся къ потребностямъ настоящаго времени, что кажутся сказанными только вчера. Источникъ не изсякаетъ оттого, что, лишившись людей, хранившихъ его въ чистотѣ, мы по небрежности, по легкомыслію, допустили завалить его хламомъ пустословія. Отбросимъ этотъ хламъ,—и мы увидимъ, что въ источникѣ еще живымъ ключемъ бьетъ струя правды, могущая, хотя отчасти, утолить нашу жажду. Или мы не чувствуемъ жажды? Намъ хочется сказать «чувствуемъ»,—но мы боимся, что придется прибавить: «чувствуемъ, только не слишкомъ сильно».

Читатели могли видѣть уже изъ того, что нами сказано, и увидятъ еще яснѣе изъ продолженія нашихъ статей, что мы не считаемъ сочиненія Гоголя безусловно удовлетворяющими всѣмъ современнымъ потребностямъ русской публики, что даже въ «Мертвыхъ Душахъ» [1]) мы находимъ стороны слабыя, или, по

---

[1]) Мы говоримъ здѣсь только о первомъ томѣ «Мертвыхъ Душъ», какъ и вездѣ, гдѣ не означено, что рѣчь идетъ о второмъ. Кстати, надобно сказать хотя нѣсколько словъ о второмъ томѣ, пока придетъ намъ очередь разбирать его подробно, при обзорѣ сочиненій Гоголя. Напечатанныя нынѣ пять главъ втораго тома «Мертвыхъ Душъ» уцѣлѣли только въ черновой рукописи, и безъ сомнѣнія въ окончательной редакціи имѣли совершенно не тотъ видъ, въ какомъ теперь мы читаемъ ихъ—извѣстно, что Гоголь работалъ туго, медленно, и только послѣ множества поправокъ и передѣлокъ, успѣвалъ придать истинную форму своимъ произведеніямъ. Это обстоятельство, значительно затрудняющее при рѣшеніи вопроса: «ниже или выше перваго тома «Мертвыхъ Душъ» въ художественномъ отношеніи было бы ихъ продолженіе, окончательно обра-

крайней мѣрѣ, недостаточно развитыя, что, наконецъ, въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ послѣдующихъ писателей мы видимъ залоги болѣе полнаго и удовлетворительнаго развитія идей, которыя Гоголь обнималъ только съ одной стороны, не сознавая вполнѣ ихъ сцѣпленія, ихъ причинъ и слѣдствій. И однако же мы осмѣлимся сказать, что самые безусловные поклонники всего, что написано Гоголемъ, превозносящіе до небесъ каждое его произведеніе, каждую его строку, не сочувствуютъ такъ живо его произведеніямъ, какъ сочувствуемъ мы, не приписываютъ его дѣятельности столь громаднаго значенія въ русской литературѣ, какъ приписываемъ мы. Мы называемъ Гоголя безъ всякаго сравненія величайшимъ изъ русскихъ писателей, по значенію. По нашему мнѣнію, онъ имѣлъ полное право сказать слова, безмѣрная гордость которыхъ смутила въ свое время самыхъ жаркихъ его поклонниковъ, и которыхъ неловкость понятна и намъ:

«Русь! Чего ты хочешь отъ *меня*? Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты такъ, и зачѣмъ *все, что ни есть въ тебѣ, обратило на меня полныя ожиданія очи*?»

ботанное авторомъ», не можетъ еще заставить насъ совершенно отказаться отъ сужденія о томъ, потерялъ или сохранилъ Гоголь всю громадность своего таланта въ эпоху новаго настроенія, выразившагося «Перепискою съ друзьями». Но общій приговоръ о всемъ черновомъ эскизѣ, сохранившемся отъ втораго тома, дѣлается невозможнымъ потому, что этотъ отрывокъ самъ, въ свою очередь, есть собраніе множества отрывковъ, написанныхъ въ различное время, подъ вліяніемъ различныхъ настроеній мысли, и кажется, написанныхъ по различнымъ общимъ планамъ сочиненія, наскоро перечеркнутыхъ безъ пополненія вычеркнутыхъ мѣстъ,—отрывковъ, раздѣленныхъ пробѣлами, часто болѣе значительными, нежели самые отрывки, наконецъ потому, что многія изъ сохранившихся страницъ были, какъ видно, отброшены самимъ Гоголемъ, какъ неудачныя, и замѣнены другими, написанными совершенно вновь, изъ которыхъ иныя—быть можетъ, въ свою очередь также отброшенныя—дошли до насъ, другія—и вѣроятно большее число—погибли. Все это заставляетъ насъ разсматривать каждый отрывокъ порознь, и произносить сужденіе не о «пяти главахъ Мертвыхъ Душъ», какъ цѣльномъ, хотя и черновомъ эскизѣ, а только о различной степени достоинствъ различныхъ страницъ, не связанныхъ ни единствомъ плана, ни единствомъ настроенія, ни одинаковостью довольства ими въ авторѣ, ни даже единствомъ эпохи ихъ сочиненія. Многіе изъ этихъ отрывковъ рѣшительно такъ же слабы и по выполненію и особенно по мысли, какъ слабѣйшія мѣста «Переписки съ друзьями»; таковы особенно отрывки, въ которыхъ изображаются идеалы самого автора, напримѣръ, дивный воспитатель Тентетникова, многія страницы отрывка о Костанжогло, многія страницы отрывка о Муразовѣ; но это еще ничего не доказываетъ. Изображеніе идеаловъ было всегда слабѣйшею стороною въ сочиненіяхъ Гоголя, и вѣроятно не столько по односторонности таланта, которой многіе приписываютъ эту неудачность, сколько именно по силѣ его таланта, состоявшей въ необыкновенно тѣсномъ родствѣ съ дѣйствительностью: когда дѣйствительность представляла идеальныя лица, они превосходно выходили у Гоголя, какъ напримѣръ, въ «Тарасѣ Бульбѣ» или даже въ «Невскомъ Проспектѣ» (лицо художника Пискарева). Если же дѣйствительность не представляла идеальныхъ лицъ, или представляла въ положеніяхъ, недоступныхъ искусству—что оставалось дѣлать Гоголю? Выдумывать ихъ? Другіе, привыкшіе лгать, дѣлаютъ это довольно искусно; но Гоголь никогда не умѣлъ выдумывать, онъ самъ говоритъ это въ своей «Исповѣди», и выдумки у него выходили всегда неудачны. Въ числѣ отрывковъ втораго тома «Мертвыхъ Душъ» много выдуманныхъ, и нельзя не видѣть, что они произошли отъ сознательнаго желанія Гоголя внести въ свое произведеніе отрадный элементъ, о недостаткѣ котораго въ его прежнихъ сочиненіяхъ такъ многіе и такъ много и громко кричали, и жужжали ему въ уши. Но мы не знаемъ, суждено ли было бы этимъ отрывкамъ уцѣлѣть въ окончательной редакціи «Мертвыхъ Душъ»—художественный тактъ, котораго такъ много было у Гоголя, вѣрно сказалъ бы ему при просмотрѣ сочиненія, что эти мѣста слабы; и мы не имѣемъ права утверждать, что стремленіе разлить отрадный колоритъ по сочиненію перешло бы тогда художническую критику въ авторѣ, который былъ и неумолимымъ къ себѣ и проницательнымъ критикомъ. Во многихъ случаяхъ эта фальшивая идеализація происходитъ, повидимому, чисто отъ произвола автора; но другіе отрывки обязаны происхожденіемъ искреннему, непроизвольному, хотя и несправедливому убѣжденію. Къ числу такихъ мѣстъ относятся по преимуществу монологи Костанжогло, представляющіе смѣсь правды и фальши, вѣрныхъ замѣчаній и узкихъ фантастическихъ выдумокъ; эта смѣсь удивитъ своею странною пестротою каждаго, кто не знакомъ

Онъ имѣлъ полное право сказать это, потому что какъ ни высоко цѣнимъ мы значеніе литературы, но все еще не цѣнимъ его достаточно: она неизмѣримо важнѣе почти всего, что ставится выше ея. Байронъ въ исторіи человѣчества лицо едва ли не болѣе важное, нежели Наполеонъ, а вліяніе Байрона на развитіе человѣчества еще далеко не такъ важно, какъ вліяніе многихъ другихъ писателей, и давно уже не было въ мірѣ писателя, который былъ бы такъ важенъ для своего народа, какъ Гоголь для Россіи.

Прежде всего скажемъ, что Гоголя должно считать отцомъ русской прозаической литературы, какъ Пушкина—отцомъ русской поэзіи. Спѣшимъ прибавить, что это мнѣніе не выдумано нами, а только извлечено изъ статьи «О русской повѣсти и повѣстяхъ г. Гоголя», напечатанной ровно двадцать лѣтъ тому назадъ («Телескопъ», 1835 г., часть XXVI) и принадлежащей

коротко съ мнѣніями, которыя часто встрѣчались въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ журналовъ и принадлежатъ людямъ, съ которыми Гоголь былъ въ короткихъ отношеніяхъ. Чтобы охарактеризовать эти мнѣнія какимъ нибудь именемъ, мы, держась правила: nomina sunt odiosa, назовемъ только покойнаго Загоскина,—многія страницы втораго тома «Мертвыхъ Душъ» кажутся проникнуты его духомъ. Мы не думаемъ, чтобы именно Загоскинъ имѣлъ хотя малѣйшее вліяніе на Гоголя, и даже не знаемъ, въ какихъ отношеніяхъ они были между собою. Но мнѣнія, проникающія насквозь послѣдніе романы Загоскина и имѣющія лучшимъ изъ своихъ многочисленныхъ источниковъ простодушную и недальновидную любовь къ патріархальности, господствали между многими ближайшими къ Гоголю людьми, изъ которыхъ иные отличаются большимъ умомъ, а другіе начитанностью или даже ученостью, которая могла обольстить Гоголя, справедливо жалующагося, что не получилъ образованія, соотвѣтственнаго его таланту, и, можно прибавить, великимъ силамъ его нравственнаго характера. Ихъ-то мнѣніямъ конечно подчинялся Гоголь, изображая своего Костанжогло, или рисуя слѣдствія, происшедшія отъ слабости Тентетникова (стр. 24—26)*. Подобныя мѣста, встрѣчавшіяся въ «Перепискѣ съ друзьями», болѣе всего содѣйствовали осужденію, которому подвергся за нее Гоголь. Впослѣдствіи мы постараемся разсмотрѣть, до какой степени его слѣдуетъ осуждать за то, что онъ поддался этому вліянію, отъ котораго, съ одной стороны, долженъ былъ предохранять его проницательный умъ, но противъ котораго, съ другой стороны не имѣлъ онъ достаточно твердой подпоры ни въ прочномъ современномъ образованіи, ни въ предостереженіяхъ со стороны людей, прямо смотрящихъ на вещи—потому что, къ сожалѣнію, судьба или гордость держала Гоголя всегда далеко отъ такихъ людей. Сдѣлавъ эти оговорки, внушенныя не только глубокимъ уваженіемъ къ великому писателю, но еще болѣе чувствомъ справедливаго снисхожденія къ человѣку, окруженному неблагопріятными для его развитія отношеніями, мы не можемъ, однако же, не сказать прямо, что понятія, внушившія Гоголю многія страницы втораго тома «Мертвыхъ Душъ», не достойны ни его ума, ни его таланта, ни особенно его характера, въ которомъ, несмотря на всѣ противорѣчія, до нынѣ остающіяся загадочными, должно признать основу благородную и прекрасную. Мы должны сказать, что на многихъ страницахъ втораго тома, въ противорѣчіе съ другими и лучшими страницами, Гоголь является адвокатомъ закоснѣлости: впрочемъ, мы увѣрены, что онъ принималъ эту закоснѣлость за что-то доброе, обольщаясь нѣкоторыми сторонами ея, съ односторонней точки зрѣнія могущими представляться въ поэтическомъ или кроткомъ видѣ и закрывать глубокія язвы, которыя такъ хорошо видѣлъ и добросовѣстно изобличалъ Гоголь въ другихъ сферахъ, болѣе ему извѣстныхъ, и которыхъ не различилъ въ сферѣ дѣйствій Костанжогло, ему не столь хорошо знакомой. Въ самомъ дѣлѣ, второй томъ «Мертвыхъ Душъ» изображаетъ бытъ, котораго Гоголь почти не касался въ прежнихъ своихъ сочиненіяхъ. Прежде у него на первомъ планѣ постоянно были города и ихъ жители, преимущественно чиновники и ихъ отношенія: даже въ первомъ томѣ «Мертвыхъ Душъ», гдѣ является такъ много помѣщиковъ, они изображаются не въ своихъ деревенскихъ отношеніяхъ, а только какъ люди, входящіе въ составъ такъ называемаго образованнаго общества, или чисто съ психологической стороны. Коснуться не вскользь сельскихъ отношеній Гоголь вздумалъ только во второмъ томѣ «Мертвыхъ Душъ», и новость его на этомъ поприщѣ можетъ до нѣкоторой степени объяснить его заблужденія. Быть можетъ, при ближайшемъ изученіи предмета, многія изъ набросанныхъ имъ картинъ совершенно измѣнили бы свой колоритъ въ окончательной редакціи. Такъ или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ мы имѣемъ положительныя основанія утверждать, что каковы бы ни были нѣкоторые эпизоды во второмъ томѣ Мертвыхъ Душъ», преобладающій характеръ въ этой книгѣ, когда бъ она была окончена, остался бы все-таки тотъ же самый, какимъ отличается и ея первый томъ и всѣ предъидущія творенія великаго писателя. Въ этомъ ручаются намъ первыя же строки изданныхъ нынѣ главъ:

«Зачѣмъ же изображать бѣдность, да бѣдность, да несовершенство нашей жизни, выкапывая людей изъ глуши, изъ отдаленныхъ закоулковъ государства?—Что-жь дѣлать, если уже

автору «Статей о Пушкинѣ». Онъ доказываетъ, что наша повѣсть, начавшаяся очень недавно, въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, первымъ истиннымъ представителемъ своимъ имѣла Гоголя. Теперь, послѣ того какъ явились «Ревизоръ» и «Мертвыя Души», надобно прибавить, что точно также Гоголь былъ отцомъ нашего романа (въ прозѣ) и прозаическихъ произведеній въ драматической формѣ, то есть, вообще русской прозы (не надобно забывать, что мы говоримъ исключительно объ изящной литературѣ). Въ самомъ дѣлѣ, истиннымъ началомъ каждой стороны народной жизни надобно считать то время, когда эта сторона раскрывается замѣтнымъ образомъ, съ нѣкоторою энергіею, и прочнымъ образомъ утверждаетъ за собою мѣсто въ жизни,—всѣ предшествующія отрывочныя, исчезающія безъ слѣда, эпизодическія проявленія должны быть считаемы только порывами къ осуществленію себя, но еще не дѣйствительнымъ существованіемъ. Такъ, превосходныя комедіи Фонвизина, не имѣвшія вліянія на развитіе нашей литературы, составляютъ только блестящій эпизодъ, предвѣщающій появленіе русской прозы и русской комедіи. Повѣсти Карамзина

таковы свойства сочинителя, и заболѣвъ собственнымъ несовершенствомъ, уже не можетъ онъ изображать ничего другаго, какъ только бѣдность, да бѣдность. да несовершенства нашей жизни. выкапывая людей изъ глуши, изъ отдаленныхъ закоулковъ государства?...»

Очевидно, что это мѣсто, служащее программою второму тому, написано уже тогда, какъ Гоголь былъ сильно занятъ толками о мнимой односторонности его произведеній; когда онъ, считая эти толки справедливыми, уже объяснилъ свою мнимую односторонность собственными нравственными слабостями,—однимъ словомъ, оно принадлежитъ эпохѣ «Переписки съ друзьями»; и однако же программою художника остается, какъ видимъ, прежняя программа «Ревизора» и перваго тома «Мертвыхъ Душъ». Да, Гоголь—художникъ оставался всегда вѣренъ своему призванію, какъ бы ни должны мы были судить о перемѣнахъ, происшедшихъ съ нимъ въ другихъ отношеніяхъ. И дѣйствительно, каковы бы ни были его ошибки, когда онъ говоритъ о предметахъ для него новыхъ,—но нельзя не признаться, перечитывая уцѣлѣвшія главы втораго тома «Мертвыхъ Душъ», что едва онъ переходитъ въ близко знакомыя ему сферы отношеній, которыя изображалъ въ первомъ томѣ «Мертвыхъ Душъ», какъ талантъ его является въ прежнемъ своемъ благородствѣ, въ прежней своей силѣ и свѣжести. Въ уцѣлѣвшихъ отрывкахъ есть очень много такихъ страницъ, которыя должны быть причислены къ лучшему, что когда либо давалъ намъ Гоголь, которыя приводятъ въ восторгъ своимъ художественнымъ достоинствомъ, и что еще важнѣе, правдивостью и силою благороднаго негодованія. Не перечисляемъ этихъ отрывковъ, потому что ихъ слишкомъ много; укажемъ только нѣкоторые: разговоръ Чичикова съ Бетрищевымъ о томъ, что всѣ требуютъ себѣ поощренія, даже воры, и анекдотъ, объясняющій выраженіе: «полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ», описаніе мудрыхъ учрежденій Кашкарева, судопроизводство надъ Чичиковымъ и геніальные поступки опытнаго юрисконсульта; наконецъ, дивное окончаніе отрывка—рѣчь генералъ-губернатора. ничего подобнаго которой мы не читали еще на русскомъ языкѣ, даже у Гоголя. Эти мѣста человѣка самаго предубѣжденнаго противъ автора «Переписки съ друзьями» убѣдятъ, что писатель, создавшій «Ревизора» и первый томъ «Мертвыхъ Душъ», до конца жизни остался вѣренъ себѣ, какъ художникъ, несмотря на то, что какъ мыслитель могъ заблуждаться;—убѣдятъ, что высокое благородство сердца, страстная любовь къ правдѣ и благу всегда горѣли въ душѣ его. что страстною ненавистью ко всему низкому и злому до конца жизни кипѣлъ онъ. Что же касается чисто юмористической стороны его таланта. каждая страница, даже наименѣе удачная. представляетъ доказательства, что въ этомъ отношеніи Гоголь всегда оставался прежнимъ великимъ Гоголемъ. Изъ большихъ отрывковъ, проникнутыхъ юморомъ, всѣми читателями втораго тома «Мертвыхъ Душъ» были замѣчены удивительные разговоры Чичикова съ Тентетниковымъ, съ генераломъ Бетрищевымъ, превосходно очерченные характеры Бетрищева, Петра Петровича Пѣтуха и его дѣтей, многія страницы изъ разговоровъ Чичикова съ Платоновыми, Костанжогло. Кашкаревымъ и Хлобуевымъ, превосходные характеры Кашкарева и Хлобуева. прекрасный эпизодъ поѣздки Чичикова къ Лѣницыну и наконецъ множество эпизодовъ изъ послѣдней главы, гдѣ Чичиковъ попадается подъ судъ. Однимъ словомъ, въ этомъ рядѣ черновыхъ отрывковъ. которые намъ остались отъ втораго тома «Мертвыхъ Душъ», есть слабые, которые безъ сомнѣнія были бы передѣланы или уничтожены авторомъ при окончательной отдѣлкѣ романа, но въ большей части отрывковъ, несмотря на ихъ неотдѣланность, великій талантъ Гоголя является съ прежнею своею силою, свѣжестью. съ благородствомъ направленія, врожденнымъ его высокой натурѣ.

имѣютъ значеніе только для исторіи языка, но не для исторіи оригинальной русской литературы, потому что русскаго въ нихъ нѣтъ ничего, кромѣ языка. Притомъ же, и онѣ скоро были подавлены наплывомъ стиховъ. При появленіи Пушкина, русская литература состояла изъ однихъ стиховъ, не знала прозы, и продолжала не знать ея до начала тридцатыхъ годовъ. Тутъ—двумя или тремя годами раньше «Вечеровъ на Хуторѣ», надѣлалъ шума «Юрій Милославскій»,—но надобно только прочитать разборъ этого романа, помѣщенный въ «Литературной Газетѣ», и мы осязательно убѣдимся, что если «Юрій Милославскій» нравился читателямъ, не слишкомъ требовательнымъ относительно художественныхъ достоинствъ, то для развитія литературы онъ и тогда не могъ считаться важнымъ явленіемъ,—и дѣйствительно, Загоскинъ имѣлъ только одного подражателя—себя самого. Романы Лажечникова имѣли болѣе достоинства,—но не столько, чтобъ утвердить право литературнаго гражданства за прозою. Затѣмъ остаются романы Нарѣжнаго, въ которыхъ нѣсколько эпизодовъ, имѣющихъ несомнѣнное достоинство, служатъ только къ тому, чтобы ярче выставить неуклюжесть разсказа и несообразность сюжетовъ съ русскою жизнью. Они, подобно Ягубу Скупалову, болѣе походятъ на лубочныя издѣлія, нежели на произведенія литературы, принадлежащей образованному обществу. Русская повѣсть въ прозѣ имѣла болѣе даровитыхъ дѣятелей,—между прочими Марлинскаго, Полеваго, Павлова. Но характеристику ихъ представляетъ статья, о которой мы говорили выше, и для насъ довольно будетъ сказать, что повѣсти Полеваго признавались самыми лучшими изъ всѣхъ, существовавшихъ до Гоголя,—кто забылъ ихъ и хочетъ составить себѣ понятіе о ихъ отличительныхъ качествахъ, тому совѣтуемъ прочесть превосходную пародію, помѣщенную нѣкогда въ «Отечественныхъ Запискахъ» (если не ошибаемся, 1843 г.) —«Необыкновенный Поединокъ»; а для тѣхъ, кому не случится имѣть ее подъ руками, помѣщаемъ въ выноскѣ характеристику лучшаго изъ беллетристическихъ произведеній Полеваго—«Аббаддонны». Если таково было лучшее изъ прозаическихъ произведеній, то можно себѣ вообразить, каково было достоинство всей прозаической отрасли тогдашней литературы [1]). Во всякомъ случаѣ, повѣсти были

---

[1]) «Г. Полевой хотѣлъ выразить въ своемъ романѣ идею противорѣчія поэзіи съ прозою жизни. Для этого онъ представилъ молодаго поэта въ борьбѣ съ сухимъ, эгоистическимъ и прозаическимъ обществомъ. Но... во-первыхъ, его поэтъ, этотъ Рейхенбахъ, есть то, что нѣмцы называютъ «прекрасная душа» (schöne Seele). Слова «прекрасная душа» имѣли у нѣмцевъ то благородное значеніе, которое имѣютъ они до сихъ поръ у насъ. Но теперь они у нѣмцевъ употребляются какъ выраженіе чего то комическаго, смѣшнаго. Такъ точно, еще недавно слова «чувствительность» и «чувствительный» употреблялись у насъ для отличія людей съ чувствомъ и душою отъ людей грубыхъ, животныхъ, лишенныхъ души и чувства: а теперь употребляются для выраженія слабаго, расплывающагося, растлѣннаго и приторнаго чувства. Выраженіе «прекрасная душа» получило теперь у нѣмцевъ значеніе чего-то добраго, теплаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣтскаго, безсильнаго, фразерскаго и смѣшнаго. Рейхенбахъ г. Полеваго есть полный представитель такой «прекрасной души»,—и онъ тѣмъ смѣшнѣе, что почтенный сочинитель нисколько не думалъ издѣваться надъ нимъ, но отъ чистаго сердца убѣжденъ, что представилъ намъ въ своемъ Рейхенбахѣ истиннаго поэта, душу глубокую, пламенную, могучую. И потому его Рейхенбахъ есть что-то уродливое, смѣшное, не образъ и не фигура, а какая-то каракулька, начерченная на сѣрой и толстой бумагѣ дурно очиненнымъ перомъ. Въ немъ нѣтъ ничего поэтическаго: онъ просто добрый малый,—и весьма недалекій малый,—а между тѣмъ, авторъ поставилъ его на весьма высокія ходули. Люди оскорбляютъ его не истинными своими недостатками, а тѣмъ, что не мечтаютъ, когда надо работать, и не восхищаются вечернею зарею, когда надо ужинать. Авторъ даже и не намекнулъ на истинныя противорѣчія поэзіи съ прозою жизни, поэта съ толпою.

несравненно лучше романовъ, и если авторъ статьи, о которой мы упоминали, подробно обозрѣвъ всѣ существовавшія до Гоголя повѣсти, приходитъ къ заключенію, что, собственно говоря, «у насъ еще не было повѣсти» до появленія «Вечеровъ на Хуторѣ» и «Миргорода», то еще несомнѣннѣе, что у насъ не существовало романа. Были только попытки, доказывавшія, что русская литература готовится имѣть романъ и повѣсть, обнаруживавшія въ ней стремленіе къ произведенію романа и повѣсти. Относительно драматическихъ произведеній нельзя сказать и этого: прозаическія пьесы, дававшіяся на театрѣ, были чужды всякихъ литературныхъ качествъ, какъ водевили, передѣлываемые нынѣ съ французскаго.

Такимъ образомъ, проза въ русской литературѣ занимала очень мало мѣста, имѣла очень мало значенія. Она стремилась существовать, но еще не существовала.

Въ строгомъ смыслѣ слова, литературная дѣятельность ограничивалась исключительно стихами. Гоголь былъ отцомъ русской прозы, и не только былъ

«Рейхенбахъ любитъ Генріетту, простую дѣвушку безъ образованія, безъ эстетическаго чувства, но хорошенькую, добренькую и молоденькую. Кто не былъ мальчикомъ и не влюблялся такимъ образомъ и въ кузину, и въ сосѣдку, и въ подругу по дѣтскимъ играмъ? Но у кого же такая любовь и продолжалась за ту эпоху, когда воротнички à l'enfant мѣняются на галстухъ? Рейхенбахъ думаетъ объ этомъ иначе и, во чтобы то ни стало, хочетъ обожать Генріетту до гробовой доски. Она тоже не прочь отъ этого. Но въ ихъ отношеніяхъ нѣтъ ничего поэтическаго, невыговариваемаго авторомъ, но понятнаго для читателей. Вся любовь ихъ испаряется въ словахъ, въ дерзкихъ поцалуяхъ со стороны поэта, и въ «ахъ, что вы это?» со стороны хорошенькой мѣщаночки. Вдругъ, Рейхенбаху предстаетъ Леонора. Это актриса,—femme émancipée нашего времени, жрица искусства и любви. Любовница министра, дряхлаго, развратнаго старичишки, она томится жаждою любви глубокой и возвышенной. Въ Рейхенбахѣ находитъ она свой идеалъ. И вотъ, вы думаете, что она перерождается, какъ баядера Гёте,—ничего не бывало! Она только говоритъ о перерожденіи, о возстаніи, о пламени любви своей. Вы думаете, что Рейхенбахъ оставляетъ для этой сильной, пламенной и страстной души, столь обаятельной для юношей,—оставляетъ для нея свою ребяческую любовишку къ добренькой кухарочкѣ—ничего не бывало! Онъ только колеблется между тою и другою, и въ этомъ колебаніи выказывается вся слабость его слабенькой натуры. Наконецъ Генріетта рѣшительно побѣждаетъ, особенно потому, что Леонора впадаетъ въ бѣшенство и неистовствуетъ, какъ пьяная гетера, вмѣсто того, чтобъ представлять изъ себя плачущую слезами любви и раскаянія падшую пери. И чѣмъ же оканчивается любовь нашего великаго поэта? а вотъ чѣмъ, послушайте: «Генріетта ни за что не «хотѣла соглашаться съ Вильгельмомъ, который увѣрялъ, что съ этихъ поръ онъ перестанетъ пи«сать стихи. На усиленныя просьбы Генріетты не оставлять стиховъ, онъ отвѣчалъ, смѣясь, «что готовъ писать, но—только колыбельныя пѣсни для своихъ дѣтей. Тутъ нескромному Виль«гельму зажали ротъ маленькою ручкою, красивѣли и не знали куда дѣваться, пока другіе собе«сѣдники смѣялись громко...» О, честное комнанство добрыхъ мѣщанъ! О, великій поэтъ, вышедшій изъ маленькой фантазіи! Видите ли, какъ ложная, натянутая идеальность сходится наконецъ съ пошлою прозою жизни, мирится съ нею на конфектныхъ страстишкахъ, картофельныхъ нѣжностяхъ и плоскихъ шуткахъ?.. Это не то, что на человѣческомъ языкѣ называется «любить», а то, что на мѣщанскомъ языкѣ называется «амуриться»...

«Вообще, многое въ романѣ г. Полеваго можетъ быть прочтено не безъ удовольствія, а иное и съ удовольствіемъ, но цѣлое странно: теперь оно развѣ усыпитъ сладко, и ужь никого не увлечетъ. Когда, рисуя смѣшное, авторъ знаетъ, что онъ рисуетъ смѣшное,—картина можетъ быть великимъ созданіемъ; но когда авторъ изображаетъ намъ Донъ-Кихота, думая изображать Александра Македонскаго или Юлія Цезаря,—картина выйдетъ суздальская, лубочная литографія съ изображеніемъ райской птицы и наивною надписью:

Райская птица Сиренъ,
Гласъ ея въ пѣніи зѣло силенъ:
Когда Господа воспѣваетъ,
Сама себя позабываетъ...

Поэзія, поэтъ, любовь, женщина, жизнь, ихъ взаимныя отношенія,—все это въ «Аббаддоннѣ» похоже на цвѣты, сдѣланные изъ старыхъ тряпокъ...

(Отеч. Зап. 1841 г., томъ XV, библіограф. хроника).

отцомъ ея, но быстро доставилъ ей рѣшительный перевѣсъ надъ поэзіею, перевѣсъ, сохраняемый ею до сихъ поръ. Онъ не имѣлъ ни предшественниковъ, ни помощниковъ въ этомъ дѣлѣ. Ему одному проза обязана и своимъ существованіемъ, и всѣми своими успѣхами.

«Какъ! не имѣлъ предшественниковъ или помощниковъ? Развѣ можно забывать о прозаическихъ произведеніяхъ Пушкина?»—Нельзя, но во-первыхъ, они далеко не имѣютъ того значенія въ исторіи литературы, какъ его сочиненія, писанныя стихами: «Капитанская дочка» и «Дубровскій»—повѣсти, въ полномъ смыслѣ слова превосходныя; но укажите, въ чемъ отразилось ихъ вліяніе? гдѣ школа писателей, которыхъ было бы можно назвать послѣдователями Пушкина, какъ прозаика? А литературныя произведенія бываютъ одолжены значеніемъ не только своему художественному достоинству, но также (или даже еще болѣе) своему вліянію на развитіе общества или, по крайней мѣрѣ, литературы. Но главное—Гоголь явился прежде Пушкина, какъ прозаика. Первыми изъ прозаическихъ произведеній Пушкина (если не считать незначительныхъ отрывковъ) были напечатаны «Повѣсти Бѣлкина»—въ 1831 г.; но всѣ согласятся, что эти повѣсти не имѣли большаго художественнаго достоинства. Затѣмъ, до 1836 года, была напечатана только «Пиковая дама» (въ 1834 году)—никто не сомнѣвается въ томъ, что эта небольшая пьеса написана прекрасно, но также никто не припишетъ ей особенной важности. Между тѣмъ, Гоголемъ были напечатаны «Вечера на хуторѣ» (1831—1832), «Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ» (1833), «Миргородъ» (1835)—то есть, все, что въ послѣдствіи составило двѣ первыя части его Сочиненій; кромѣ того, въ «Арабескахъ» (1835)—«Портретъ», «Невскій проспектъ», «Записки сумасшедшаго». Въ 1836 году Пушкинъ напечаталъ «Капитанскую дочку»—но въ томъ же году явился «Ревизоръ», и кромѣ того, «Коляска», «Утро дѣловаго человѣка» и «Носъ». Такимъ образомъ, большая часть произведеній Гоголя, и въ томъ числѣ «Ревизоръ», были уже извѣстны публикѣ, когда она знала еще только «Пиковую даму» и «Капитанскую дочку» («Арапъ Петра Великаго», «Лѣтопись села Горохина», «Сцены изъ рыцарскихъ временъ» были напечатаны уже въ 1837 г., по смерти Пушкина, а «Дубровскій» только въ 1841)—публика имѣла довольно времени проникнуться произведеніями Гоголя прежде, нежели познакомилась съ Пушкинымъ, какъ прозаикомъ.

Въ общемъ теоретическомъ смыслѣ, мы не думаемъ отдавать предпочтенія прозаической формѣ надъ поэтическою, или наоборотъ—у каждой изъ нихъ есть свои несомнѣнныя преимущества; но что касается собственно русской литературы, то, смотря на нее съ исторической точки зрѣнія, нельзя не признать, что всѣ предъидущіе періоды, когда преобладала поэтическая форма, далеко уступаютъ въ значеніи и для искусства и для жизни послѣднему, Гоголевскому періоду, періоду господства прозы. Что принесетъ литературѣ будущее, мы не знаемъ; мы не имѣемъ основаній отказывать нашей поэзіи въ великой будущности; но должны сказать, что до настоящаго времени прозаическая форма была и продолжаетъ быть для насъ гораздо плодотворнѣе стихотворной, что Гоголь далъ существованіе этой важнѣйшей для насъ отрасли литературы, и единственно онъ доставилъ ей тотъ рѣшительный перевѣсъ, который она сохраняетъ до настоящаго времени и по всей вѣроятности сохранитъ еще надолго.

Нельзя сказать, напротивъ, того, чтобы Гоголь не имѣлъ предшественниковъ въ томъ направленіи содержанія, которое называютъ сатирическимъ. Оно всегда составляло самую живую, или, лучше сказать, единственную живую сторону нашей литературы. Не будемъ дѣлать распространеній на эту общепризнанную истину, не будемъ говорить о Кантемирѣ, Сумароковѣ, Фонвизинѣ и Крыловѣ, но должны упомянуть о Грибоѣдовѣ. «Горе отъ ума» имѣетъ недостатки въ художественномъ отношеніи, но остается до сихъ поръ одною изъ самыхъ любимыхъ книгъ, потому что представляетъ рядъ превосходныхъ сатиръ, изложенныхъ то въ формѣ монологовъ, то въ видѣ разговоровъ. Почти столь же важно было вліяніе Пушкина, какъ сатирическаго писателя, какимъ онъ явился преимущественно въ «Онѣгинѣ». И однако же, несмотря на высокія достоинства и огромный успѣхъ комедіи Грибоѣдова и романа Пушкина, должно приписать исключительно Гоголю заслугу прочнаго введенія въ русскую изящную литературу сатирическаго—или, какъ справедливѣе будетъ называть его, критическаго направленія [1]). Несмотря на вопросъ, возбужденный его комедіею, Грибоѣдовъ не имѣлъ послѣдователей, и «Горе отъ ума» осталось въ нашей литературѣ одинокимъ, отрывочнымъ явленіемъ, какъ прежде комедіи Фонвизина и сатиры Кантемира, осталось безъ замѣтнаго вліянія на литературу, какъ басни Крылова [2]). Что было тому причиною? Конечно, господство Пушкина и плеяды поэтовъ, его окружавшей. «Горе отъ ума» было произведеніемъ, на столько блестящимъ и живымъ, что не могло не возбудить общаго вниманія: но геній Грибоѣдова не былъ такъ великъ, чтобы однимъ произведеніемъ пріобрѣсть съ перваго же раза господство надъ литературою. Что же касается до сатирическаго направленія въ произведеніяхъ самого Пушкина, то оно заключало въ себѣ слишкомъ мало глубины и постоянства, чтобы производить замѣтное дѣйствіе на публику и литературу. Оно почти совершенно пропадало въ общемъ впечатлѣніи чистой художественности, чуждой опредѣленнаго направленія,—такое впечатлѣніе производятъ не только всѣ другія лучшія произведенія Пушкина—«Каменный гость», «Борисъ Годуновъ», «Русалка» и проч., но и самый «Онѣгинъ»:—у кого есть сильное предрасположеніе къ критическому взгляду на явленія жизни, только на того произведутъ вліяніе бѣглыя и легкія сатирическія замѣтки, попадающіяся въ этомъ романѣ;—читателями,

---

[1]) Въ новѣйшей наукѣ, критикою называется не только сужденіе о явленіяхъ одной отрасли народной жизни—искусства, литературы или науки, но вообще сужденіе о явленіяхъ жизни, произносимое на основаніи понятій, до которыхъ достигло человѣчество, и чувствъ, возбуждаемыхъ этими явленіями при сличеніи ихъ съ требованіями разума. Понимая слово «критика» въ этомъ обширнѣйшемъ смыслѣ, говорятъ: «Критическое направленіе въ изящной литературѣ, въ поэзіи»—этимъ выраженіемъ обозначается направленіе до нѣкоторой степени сходное съ «аналитическимъ направленіемъ, анализомъ» въ литературѣ, о которомъ такъ много говорили у насъ. Но различіе состоитъ въ томъ, что «аналитическое направленіе» можетъ изучать подробности житейскихъ явленій и воспроизводить ихъ подъ вліяніемъ самыхъ разнородныхъ стремленій, даже безъ всякаго стремленія, безъ мысли и смысла; а «критическое направленіе» при подробномъ изученіи и воспроизведеніи явленій жизни, проникнуто сознаніемъ о соотвѣтствіи или несоотвѣтствіи изученныхъ явленій съ нормою разума и благороднаго чувства. Потому «критическое направленіе» въ литературѣ есть одно изъ частныхъ видоизмѣненій «аналитическаго направленія» вообще. Сатирическое направленіе отличается отъ критическаго, какъ его крайность, не заботящаяся объ объективности картинъ и допускающая утрировку.

[2]) Мы говоримъ о направленіи литературы, о ея духѣ, стремленіяхъ, а не о развитіи литературнаго языка.—въ послѣднемъ отношеніи, какъ уже тысячу разъ было замѣчаемо въ нашихъ журналахъ, Крыловъ долженъ быть считаемъ однимъ изъ предшественниковъ Пушкина.

не предрасположенными къ нимъ, они не будутъ замѣчены, потому что дѣйствительно составляютъ только второстепенный элементъ въ содержаніи романа.

Такимъ образомъ, не смотря на проблески сатиры въ «Онѣгинѣ» и блестящія филиппики «Горе отъ ума», критическій элементъ игралъ въ нашей литературѣ до Гоголя второстепенную роль. Да и не только критическаго, но и почти никакого другого опредѣленнаго элемента нельзя было отыскать въ ея содержаніи, если смотрѣть на общее впечатлѣніе, производимое всею массою сочиненій, считавшихся тогда хорошими или превосходными, а не останавливаться на немногихъ исключеніяхъ, которыя, являясь случайными, одинокими, не производили замѣтной перемѣны въ общемъ духѣ литературы. Ничего опредѣленнаго не было въ ея содержаніи,—сказали мы,—потому что въ ней почти вовсе не было содержанія. Перечитывая всѣхъ этихъ поэтовъ—Языкова, Козлова и проч., дивишься тому, что на столь бѣдныя темы, съ такимъ скуднымъ запасомъ чувствъ и мыслей, успѣли они написать столько страницъ,—хотя и страницъ написано ими очень немного—приходишь наконецъ къ тому, что спрашиваешь себя: да о чемъ же они писали? и писали ли они хотя о чемъ нибудь; или просто ни о чемъ? Многихъ не удовлетворяетъ содержаніе Пушкинской поэзіи,—но у Пушкина было во сто разъ больше содержанія, нежели у его сподвижниковъ, взятыхъ вмѣстѣ. Форма была у нихъ почти все, подъ формою не найдете у нихъ почти ничего.

Такимъ образомъ за Гоголемъ остается заслуга, что онъ первый далъ русской литературѣ рѣшительное стремленіе къ содержанію, и притомъ стремленіе въ столь плодотворномъ направленіи, какъ критическое. Прибавимъ, что Гоголю обязана наша литература и самостоятельностью. За періодомъ чистыхъ подражаній и передѣлокъ, какими были почти всѣ произведенія нашей литературы до Пушкина, слѣдуетъ эпоха творчества, нѣсколько болѣе свободнаго. Но произведенія Пушкина все еще очень близко напоминаютъ или Байрона, или Шекспира, или Вальтера-Скотта. Не говоримъ уже о Байроновскихъ поэмахъ и «Онѣгинѣ», котораго несправедливо называли подражаніемъ «Чайльдъ-Гарольду», но который однако же дѣйствительно не существовалъ бы безъ этого Байроновскаго романа; но точно также «Борисъ Годуновъ» слишкомъ замѣтно подчиняется историческимъ драмамъ Шекспира, «Русалка»—прямо возникла изъ «Короля Лира» и «Сна въ лѣтнюю ночь», «Капитанская дочка»—изъ романовъ Вальтера-Скотта. Не говоримъ уже о другихъ писателяхъ той эпохи,—ихъ зависимость отъ того или другаго изъ европейскихъ поэтовъ слишкомъ ярко бросается въ глаза. То ли теперь?—повѣсти г. Гончарова, г. Григоровича, Л. Н. Т., г. Тургенева, комедіи г. Островскаго также мало наводятъ васъ на мысль о заимствованіи, также мало напоминаютъ вамъ что либо чужое, какъ романъ Диккенса, Теккерея, Жоржа-Санда. Мы не думаемъ дѣлать сравненія между этими писателями по таланту или значенію въ литературѣ; но дѣло въ томъ, что г. Гончаровъ представляется вамъ только г. Гончаровымъ, только самимъ собою, г. Григоровичъ также, каждый другой даровитый нашъ писатель также,—ничья литературная личность не представляется вамъ двойникомъ какого нибудь другаго писателя, ни у кого изъ нихъ не выглядывалъ изъ-за плечъ другой человѣкъ, подсказывающій ему—ни о комъ изъ нихъ нельзя сказать «Сѣверный Диккенсъ», или «Русскій Жоржъ-Сандъ», или «Теккерей

сѣверной Пальмиры». Только Гоголю мы обязаны этою самостоятельностью, только его творенія своею высокою самобытностью подняли нашихъ даровитыхъ писателей на ту высоту, гдѣ начинается самобытность.

Впрочемъ, какъ ни много почетнаго и блестящаго въ титулѣ «основатель плодотворнѣйшаго направленія и самостоятельности въ литературѣ»—но этими словами еще не опредѣляется вся великость значенія Гоголя для нашего общества и литературы. Онъ пробудилъ въ насъ сознаніе о насъ самихъ—вотъ его истинная заслуга, важность которой не зависитъ отъ того, первымъ или десятымъ изъ нашихъ великихъ писателей должны мы считать его въ хронологическомъ порядкѣ. Разсмотрѣніе значенія Гоголя въ этомъ отношеніи должно быть главнымъ предметомъ нашихъ статей,—дѣло очень важное, которое, быть можетъ, признали бы мы превосходящимъ наши силы, если бы большая часть этой задачи не была уже исполнена, такъ что намъ, при разборѣ сочиненій самого Гоголя, остается почти только приводить въ систему и развивать мысли, уже высказанныя критикою, о которой мы говорили въ началѣ статьи;—дополненій, собственно намъ принадлежащихъ, будетъ немного, потому что, хотя мысли, нами развиваемыя, были высказываемы отрывочно, по различнымъ поводамъ, однако же если свести ихъ вмѣстѣ, то немного останется пробѣловъ, которые нужно дополнить, чтобы получить всестороннюю характеристику произведеній Гоголя. Но чрезвычайное значеніе Гоголя для русской литературы еще не совершенно опредѣляется оцѣнкою его собственныхъ твореній: Гоголь важенъ не только, какъ геніальный писатель, но вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ глава школы—единственной школы, которою можетъ гордиться русская литература,—потому что ни Грибоѣдовъ, ни Пушкинъ, ни Лермонтовъ, ни Кольцовъ не имѣли учениковъ, которыхъ имена были бы важны для исторіи русской литературы. Мы должны убѣдиться, что вся наша литература, на сколько она образовалась подъ вліяніемъ нечужеземныхъ писателей, примыкаетъ къ Гоголю, и только тогда представится намъ въ полномъ размѣрѣ все его значеніе для русской литературы. Сдѣлавъ этотъ обзоръ всего содержанія нашей литературы въ ея настоящемъ развитіи, мы будемъ въ состояніи опредѣлить, что она уже сдѣлала и чего мы должны еще ожидать отъ нея,—какіе залоги будущаго представляетъ она, и чего еще не достаетъ ей,—дѣло интересное, потому что состояніемъ литературы опредѣляется состояніе общества, отъ котораго всегда она зависитъ.

Какъ ни справедливы мысли о значеніи Гоголя, высказанныя здѣсь,—мы можемъ, нисколько не стѣсняясь опасеніями самохвальства, называть ихъ совершенно справедливыми, потому что онѣ высказаны въ первый разъ не нами, и мы только усвоили ихъ, слѣдовательно самолюбіе наше не можетъ ими гордиться, оно остается совершенно въ сторонѣ,—какъ ни очевидна справедливость этихъ мыслей, но найдутся люди, которымъ покажется, что мы слишкомъ высоко ставимъ Гоголя. Это потому, что до сихъ поръ еще остается много людей, возстающихъ противъ Гоголя. Литературная судьба его въ этомъ отношеніи совершенно различна отъ судьбы Пушкина. Пушкина давно уже всѣ признали великимъ, неоспоримо великимъ писателемъ; имя его—священный авторитетъ для каждаго русскаго читателя и даже нечитателя, какъ, напримѣръ, Вальтеръ Скоттъ авторитетъ для каждаго англичанина, Ламартинъ и Шатобріанъ для

француза, или, чтобы перейдти въ болѣе высокую область, Гете для нѣмца. Каждый русскій есть почитатель Пушкина, и никто не находитъ неудобнымъ для себя признавать его великимъ писателемъ, потому что поклоненіе Пушкину не обязываетъ ни къ чему, пониманіе его достоинствъ не обусловливается никакими особенными качествами характера, никакимъ особеннымъ настроеніемъ ума. Гоголь, напротивъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, любовь къ которымъ требуетъ одинаковаго съ ними настроенія души, потому что ихъ дѣятельность есть служеніе опредѣленному направленію нравственныхъ стремленій. Въ отношеніи къ такимъ писателямъ, какъ напримѣръ, къ Жоржу Санду, Беранже, даже Диккенсу и отчасти Теккерею, публика раздѣляется на двѣ половины: одна, не сочувствующая ихъ стремленіямъ, негодуетъ на нихъ: но та, которая сочувствуетъ, до преданности любитъ ихъ, какъ представителей ея собственной нравственной жизни, какъ адвокатовъ ея собственныхъ горячихъ желаній и задушевнѣйшихъ мыслей. Отъ Гете никому не было ни тепло, ни холодно; онъ равно привѣтливъ и утонченно деликатенъ къ каждому—къ Гете можетъ являться каждый, каковы бы ни были его права на нравственное уваженіе—уступчивый, мягкій и въ сущности довольно равнодушный ко всему и ко всѣмъ, хозяинъ никого не оскорбитъ не только явною суровостью, даже ни однимъ щекотливымъ намекомъ. Но если рѣчи Диккенса или Жоржа Санда служатъ утѣшеніемъ или подкрѣпленіемъ для однихъ, то уши другихъ находятъ въ нихъ много жесткаго и въ высшей степени непріятнаго для себя. Эти люди живутъ только для друзей; они не держатъ открытаго стола для каждаго встрѣчнаго и поперечнаго; иной, если сядетъ за ихъ столъ, будетъ давиться каждымъ кускомъ и смущаться отъ каждаго слова; и убѣжавъ изъ этой тяжелой бесѣды, вѣчно будетъ онъ «поминать лихомъ» суроваго хозяина. Но если у нихъ есть враги, то есть и многочисленные друзья; и никогда «незлобивый поэтъ» не можетъ имѣть такихъ страстныхъ почитателей, какъ тотъ, кто, подобно Гоголю, «питая грудь ненавистью» ко всему низкому, пошлому и пагубному, «враждебнымъ словомъ отрицанья» противъ всего гнуснаго «проповѣдуетъ любовь» къ добру и правдѣ. Кто гладитъ по шерсти всѣхъ и все, тотъ, кромѣ себя, не любитъ никого и ничего; кѣмъ довольны всѣ, тотъ не дѣлаетъ ничего добраго, потому что добро невозможно безъ оскорбленія зла. Кого никто не ненавидитъ, тому никто ничѣмъ не обязанъ.

Гоголю многимъ обязаны тѣ, которые нуждаются въ защитѣ: онъ сталъ во главѣ тѣхъ, которые отрицаютъ злое и пошлое. Потому онъ имѣлъ славу возбудить во многихъ вражду къ себѣ. И только тогда будутъ всѣ единогласны въ похвалахъ ему, когда исчезнетъ все пошлое и низкое, противъ чего онъ боролся!

Мы сказали, что наши слова о значеніи произведеній самого Гоголя будутъ только въ немногихъ случаяхъ дополненіемъ, а по большей части только сводомъ и развитіемъ воззрѣній, выраженныхъ критикою Гоголевскаго періода литературы, центромъ которой были «Отечественныя Записки», главнымъ дѣятелемъ тотъ критикъ, которому принадлежатъ «Статьи о Пушкинѣ». Такимъ образомъ, эта половина нашихъ статей будетъ имѣть по преимуществу историческій характеръ. Но исторію надобно начинать съ начала,—и прежде, нежели будемъ мы излагать мнѣнія, которыя принимаемъ, должны мы представить очеркъ

мнѣній, высказанныхъ относительно Гоголя представителями прежнихъ литературныхъ партій. Это тѣмъ болѣе необходимо, что критика Гоголевскаго періода развивала свое вліяніе на публику и литературу въ постоянной борьбѣ съ этими партіями, что отголоски сужденій о Гоголѣ, высказанныхъ этими партіями, слышатся еще до сихъ поръ,—и наконецъ потому, что этими сужденіями отчасти объясняются «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями»—этого столь замѣчательнаго, и повидимому, страннаго факта въ дѣятельности Гоголя. Мы должны будемъ касаться этихъ сужденій, и нужно знать ихъ происхожденіе, чтобы надлежащимъ образомъ оцѣнить степень ихъ добросовѣстности и справедливости. Но, чтобы не слишкомъ растянуть нашъ обзоръ отношеній къ Гоголю людей, литературныя мнѣнія которыхъ неудовлетворительны, мы ограничимся изложеніемъ сужденій только трехъ журналовъ, бывшихъ представителями важнѣйшихъ изъ второстепенныхъ направленій въ литературѣ.

Сильнѣйшимъ и достойнѣйшимъ уваженія изъ людей, возставшихъ противъ Гоголя, былъ Н. А. Полевой. Всѣ другіе, когда не повторяли его слова, нападая на Гоголя, выказывали въ себѣ только отсутствіе вкуса, и потому не заслуживаютъ большаго вниманія. Напротивъ того, если нападенія Полеваго и были рѣзки, если иногда переходили даже границы литературной критики и принимали, какъ тогда выражались, «юридическій характеръ»,—то всегда въ нихъ видѣнъ умъ, и, какъ намъ кажется, Н. А. Полевой, не будучи правъ, былъ однако же добросовѣстенъ, возставая противъ Гоголя не по низкимъ разсчетамъ, не по внушеніямъ самолюбія или личной вражды, какъ многіе другіе, а по искреннему убѣжденію.

Послѣдніе годы дѣятельности Н. А. Полеваго нуждаются въ оправданіи. Ему не суждено было счастіе сойти въ могилу чистымъ отъ всякаго упрека, отъ всякихъ подозрѣній,—но многимъ ли изъ людей, долго принимавшихъ участіе въ умственныхъ или другихъ преніяхъ, достается на долю это счастіе? Самъ Гоголь также нуждается въ оправданіяхъ, и намъ кажется, что Полевой можетъ быть оправданъ гораздо легче, нежели онъ.

Важнѣйшимъ пятномъ на памяти Н. А. Полеваго лежитъ то, что онъ, сначала столь бодро выступившій однимъ изъ предводителей въ литературномъ и умственномъ движеніи,—онъ, знаменитый редакторъ «Московскаго Телеграфа», столь сильно дѣйствовавшаго въ пользу просвѣщенія, разрушившаго столько литературныхъ и другихъ предубѣжденій, подъ конецъ жизни сталъ ратовать противъ всего, что было тогда здороваго и плодотворнаго въ русской литературѣ, занялъ съ своимъ «Русскимъ Вѣстникомъ» то самое положеніе въ литературѣ, которое нѣкогда занималъ «Вѣстникъ Европы», сдѣлался защитникомъ неподвижности, закоснѣлости, которую столь сильно поражалъ въ лучшую эпоху своей дѣятельности. Умственная жизнь у насъ началась еще такъ недавно, мы пережили еще такъ мало фазисовъ развитія, что подобныя перемѣны въ положеніи людей кажутся намъ загадочными; между тѣмъ, въ нихъ нѣтъ ничего страннаго,—напротивъ, очень естественно, что человѣкъ, сначала стоявшій во главѣ движенія, дѣлается отсталымъ и начинаетъ возставать противъ движенія, когда оно неудержимо продолжается далѣе границъ, которыя онъ предвидѣлъ, далѣе цѣли, къ которой онъ стремился. Не будемъ приводить примѣровъ изъ всеобщей исторіи, хотя они скорѣе всего могли бы пояснить дѣло.

И въ исторіи умственнаго движенія недавно былъ великій, поучительный примѣръ подобной слабости человѣка, отстающаго отъ движенія, главою котораго онъ былъ—этотъ прискорбный примѣръ мы видѣли на Шеллингѣ, котораго имя въ послѣднее время было въ Германіи символомъ обскурантизма, между тѣмъ какъ нѣкогда онъ придалъ могущественное движеніе философіи; но Гегель повелъ философію далѣе границъ, которыхъ не могла переступить система Шеллинга,—и предшественникъ, другъ, учитель и товарищъ Гегеля сталъ его врагомъ. И если бы самъ Гегель прожилъ нѣсколько лѣтъ долѣе, онъ сдѣлался бы противникомъ лучшихъ и вѣрнѣйшихъ своихъ учениковъ,—и, быть можетъ, его имя сдѣлалось бы также символомъ обскурантизма.

Мы не безъ намѣренія упомянули о Шеллингѣ и Гегелѣ, потому что для объясненія перемѣны въ положеніи Н. А. Полеваго, надобно припомнить его отношеніе къ разнымъ системамъ философіи. Н. А. Полевой былъ послѣдователемъ Кузена, котораго считалъ разрѣшителемъ всѣхъ премудростей и величайшимъ философомъ въ мірѣ. На самомъ же дѣлѣ, философія Кузена была составлена изъ довольно произвольнаго смѣшенія научныхъ понятій, заимствованныхъ отчасти у Канта, еще болѣе у Шеллинга, отчасти у другихъ нѣмецкихъ философовъ, съ нѣкоторыми обрывками изъ Декарта, изъ Локка и другихъ мыслителей,—и весь этотъ разнородный наборъ былъ въ добавокъ передѣланъ и приглаженъ такъ, чтобы не смущать никакою смѣлою мыслью предразсудковъ французской публики. Эта каша, называвшаяся «эклектическою философіею», не могла имѣть большаго научнаго достоинства, но она была хороша тѣмъ, что легко переваривалась людьми, еще не готовыми къ принятію строгихъ и рѣзкихъ системъ нѣмецкой философіи, и во всякомъ случаѣ была полезна, какъ приготовленіе къ переходу отъ прежней закоснѣлости и іезуитскаго обскурантизма къ болѣе здравымъ воззрѣніямъ. Въ этомъ смыслѣ полезна была она и въ «Московскомъ Телеграфѣ». По самому собою разумѣется, что послѣдователь Кузена не могъ примириться съ Гегелевскою философіею, и когда Гегелевская философія проникла въ русскую литературу,—ученики Кузена оказались отсталыми людьми,—и ничего нравственно преступнаго съ ихъ стороны не было въ томъ, что они защищали свои убѣжденія и называли нелѣпымъ то, что говорили люди, опередившіе ихъ въ умственномъ движеніи: нельзя обвинять человѣка за то, что другіе, одаренные болѣе свѣжими силами и большею рѣшительностью, опередили его,—они правы, потому что ближе къ истинѣ, но и онъ не виноватъ, онъ только ошибается.

Новая критика опиралась на идеяхъ, принадлежащихъ строгой и возвышенной системѣ Гегелевой философіи,—вотъ первая и едва ли не важнѣйшая причина того, что Н. А. Полевой не понималъ этой новой критики, и не могъ не возстать противъ нея, какъ человѣкъ, одаренный живымъ и горячимъ характеромъ. Что это несогласіе въ философскихъ воззрѣніяхъ было существеннымъ основаніемъ борьбы, видимъ изъ всего, что было писано и Н. А. Полевымъ и его молодымъ противникомъ,—мы могли бы привести сотни примѣровъ, но довольно будетъ и одного. Начиная свои критическія статьи въ «Русскомъ Вѣстникѣ», Н. А. Полевой предпосылаетъ имъ profession de foi, въ которомъ излагаетъ свои принципы и показываетъ, чѣмъ будетъ отличаться «Русскій

Вѣстникъ» отъ другихъ журналовъ, и вотъ какъ онъ характеризуетъ направленіе журнала, въ которомъ господствовали новыя воззрѣнія:

Въ одномъ изъ журналовъ нашихъ предлагали намъ жалкіе, уродливые обломки Гегелевской *схоластики, излагая ее языкомъ, едва ли даже для самихъ издателей журнала понятнымъ.* Все еще устремляясь уничтожать прежнее, въ слѣдствіе спутанныхъ и перебитыхъ теорій своихъ, но чувствуя необходимость какихъ нибудь авторитетовъ, дико вопили о Шекспирѣ, создавали себѣ крошечные идеальчики и преклоняли колѣни передъ дѣтскою игрою бѣдной самодѣльщины, а вмѣсто сужденія употребляли брань, какъ будто брань доказательство [1]).

Видите ли, основнымъ пунктомъ обвиненія была приверженность къ «Гегелевской схоластикѣ», и всѣ остальные грѣхи противника выставляются какъ слѣдствія этого основнаго заблужденія. Но почему же Полевой считаетъ Гегелевскую философію ошибочною? потому что она для него непонятна, это прямо говоритъ онъ самъ. Точно также и противникъ его, основнымъ недостаткомъ, главною причиною паденія прежней романтической критики, выставлялъ то, что она опиралась на шаткую систему Кузена, не знала и не понимала Гегеля.

И дѣйствительно, несогласіе въ эстетическихъ убѣжденіяхъ было только слѣдствіемъ несогласія въ философскихъ основаніяхъ всего образа мыслей,— этимъ отчасти объясняется жестокость борьбы—изъ-за одного разногласія въ чисто эстетическихъ понятіяхъ нельзя было бы такъ ожесточаться, тѣмъ болѣе, что въ сущности оба противника заботились не столько о чисто эстетическихъ вопросахъ, сколько вообще о развитіи общества, и литература была для нихъ драгоцѣнна преимущественно въ томъ отношеніи, что они понимали ее какъ могущественнѣйшую изъ силъ, дѣйствующихъ на развитіе нашей общественной жизни. Эстетическіе вопросы были для обоихъ по преимуществу только полемъ битвы, а предметомъ борьбы было вліяніе вообще на умственную жизнь.

Но что бы ни было существеннымъ содержаніемъ борьбы, поприщемъ ея были чаще всего эстетическіе вопросы, и намъ должно припомнить, хотя бѣглымъ образомъ, характеръ эстетическихъ убѣжденій школы, представителемъ которой былъ Н. А. Полевой, и показать ея отношеніе къ новымъ воззрѣніямъ.

Не будемъ однако слишкомъ подробно говорить о романтизмѣ, о которомъ писано уже довольно много; скажемъ только, что французскій романтизмъ, поборниками котораго были и Марлинскій, и Полевой, надобно отличать отъ нѣмецкаго, вліяніе котораго на нашу литературу не было такъ сильно. (Баллады Саути, переведенныя Жуковскимъ, представляютъ уже англійское видоизмѣненіе нѣмецкаго романтизма). Нѣмецкій романтизмъ, главными источниками котораго были—съ одной стороны,—фальшиво перетолкованныя мысли Фихте, съ другой — утрированное противодѣйствіе вліянію французской литературы XVIII вѣка, былъ странною смѣсью стремленій къ задушевности, теплотѣ чувства, лежащей въ основаніи нѣмецкаго характера, съ такъ называемою тевтономаніею, пристрастіемъ къ среднимъ вѣкамъ, съ дикимъ поклоненіемъ всему,

[1]) Прежде Полевой говорилъ, что разрушеніе старыхъ авторитетовъ было его дѣломъ, и вообще ясно, что своего противника онъ считаетъ своимъ ученикомъ, въ ослѣпленіи зашедшимъ далѣе границъ, поставленныхъ учителемъ.

чѣмъ средніе вѣка отличались отъ новаго времени,—всему, что было въ нихъ туманнаго, противорѣчащаго ясному взгляду новой цивилизаціи,—поклоненіемъ всѣмъ предразсудкамъ и нелѣпостямъ среднихъ вѣковъ. Этотъ романтизмъ представляетъ очень много сходства съ мнѣніями, которыми одушевлены у насъ люди, видящіе идеалъ русскаго человѣка въ Любимѣ Торцовѣ. Еще страннѣе сдѣлался романтизмъ, перешедши во Францію. Въ Германіи дѣло шло преимущественно о направленіи, духѣ литературы: нѣмцамъ было ненужно много хлопотать о ниспроверженіи условныхъ псевдоклассическихъ формъ, потому что Лессингъ уже давно показалъ ихъ нелѣпость, а Гёте и Шиллеръ представили образцы художественныхъ произведеній, въ которыхъ идея не втискивается насильно въ условную, чуждую ей форму, а сама изъ себя рождаетъ форму, ей свойственную. У французовъ этого еще не было,—имъ еще нужно было освободиться отъ эпическихъ поэмъ съ воззваніями къ Музѣ, трагедій съ тремя единствами, торжественныхъ одъ, избавиться отъ холодности, чопорности, условной и отчасти пошлой гладкости въ слогѣ, однообразномъ и вяломъ,—однимъ словомъ, романтизмъ засталъ у нихъ почти то самое, что было у насъ до Жуковскаго и Пушкина. Потому борьба обратилась преимущественно на вопросы о свободѣ формы; на самое содержаніе смотрѣли французскіе романтики съ формалистической точки зрѣнія, стараясь сдѣлать все наперекоръ прежнему: у псевдоклассиковъ лица раздѣлялись на героевъ и злодѣевъ,—противники ихъ рѣшили, что злодѣи не злодѣи, а истинные герои; страсти изображались у классиковъ съ жеманной, холодной сдержанностью,—романтическіе герои начали неистовствовать и руками, и особенно языкомъ, безпощадно кричать всякую гиль и чепуху; классики хлопотали о щеголеватости,—противники ихъ провозгласили, что всякая благовидность есть пошлость, а дикость, безобразіе—истинная художественность и т. д.; однимъ словомъ, романтики имѣли цѣлью не природу и человѣка, а противорѣчіе классикамъ: планъ произведенія, характеры и положенія дѣйствующихъ лицъ, и самый языкъ создавались у нихъ не по свободному вдохновенію, а сочинялись, придумывались по разсчету, и по какому же мелочному разсчету?—только для того, чтобы все это вышло рѣшительно противъ того, какъ было у классиковъ. Потому-то у нихъ все выходило такъ же искуственно и натянуто, какъ и у классиковъ, только искуственность и натянутость эта была другаго рода: у классиковъ приглаженная и прилизанная, у романтиковъ—преднамѣренно растрепанная. Здравый смыслъ былъ идоломъ классиковъ, незнавшихъ о существованіи фантазіи; романтики сдѣлались врагами здраваго смысла, и искуственно раздражали фантазію до болѣзненнаго напряженія. Послѣ этого очевидно, насколько у нихъ могло быть простоты, естественности, пониманія дѣйствительной жизни и художественности,—ровно никакихъ слѣдовъ. Таковы были произведенія Виктора Гюго, предводителя романтиковъ. Таковы же были у насъ произведенія Марлинскаго и Полеваго, для которыхъ, особенно для Полеваго, Викторъ Гюго былъ идеаломъ поэта и романиста. Кто давно не перечитывалъ ихъ повѣстей и романовъ и не имѣетъ охоты пересмотрѣть ихъ, тотъ можетъ составить себѣ достаточное понятіе о характерѣ романтическихъ созданій, пробѣжавъ разборъ «Аббаддонны», приведенный нами выше. Откуда взялъ авторъ своего Рейхенбаха? развѣ одинъ изъ характеристическихъ типовъ нашего тогдашняго общества составляли пылкіе,

великіе поэты съ глубоко-страстными натурами?—вовсе нѣтъ, о такихъ людяхъ не было у насъ и слуху. Рейхенбахъ просто придуманъ авторомъ; и развѣ основная тема романа—борьба пламенной любви къ двумъ женщинамъ, дана нравами нашего общества? развѣ мы походимъ на итальянцевъ, какими они представляются въ кровавыхъ мелодрамахъ? нѣтъ, на Руси съ самаго призванія варяговъ до 1835 года вѣроятно не было ни одного случая, подобнаго тому, какой сочинился съ Рейхенбахомъ; и что для насъ интереснаго, что для насъ важнаго въ изображеніи столкновеній, рѣшительно чуждыхъ нашей жизни?—Эти вопросы о близкомъ соотношеніи поэтическихъ созданій къ жизни общества не приходили и въ голову романтическимъ сочинителямъ,—они хлопотали только о томъ, чтобы изображать бурныя страсти и раздирательныя положенія неистово фразистымъ языкомъ.

Мы вовсе не въ укоръ романтизму припоминаемъ его характеристику, а только для вывода соображеній о томъ, могъ ли человѣкъ, пропитавшійся насквозь подобными понятіями объ искусствѣ, понимать истинную художественность, могъ ли онъ восхищаться простотою, естественностью, вѣрнымъ изображеніемъ дѣйствительности. Мы не хотимъ смѣяться надъ романтиками,—напротивъ, помянемъ ихъ добрымъ словомъ: они у насъ были въ свое время очень полезны: они возстали противъ закоснѣлости, неподвижной заплесневѣлости; еслибъ имъ удалось повести литературу по дорогѣ, которая имъ нравилась, это было бы дурно, потому что дорога вела къ вертепамъ фантастическихъ злодѣевъ съ картонными кинжалами, жилищамъ фразеровъ, которые тщеславились выдуманными преступленіями и страстями; но это не случилось,—романтики успѣли только вывесть литературу изъ неподвижнаго и прѣснаго болота, и она пошла своей дорогой, неслушаясь ихъ возгласовъ; слѣдовательно вреда ей они не успѣли сдѣлать, а пользу сдѣлали,—за что же бранить ихъ, и какъ же не помянуть добрымъ словомъ ихъ услуги?

Намъ нужно знать ихъ понятія не для того, чтобы смѣяться надъ ними,—это безполезно, посмѣемся лучше надъ тѣмъ, что въ насъ остается еще нелѣпаго и дикаго,—а для того, чтобы понять искренность и добросовѣстность ихъ борьбы противъ тѣхъ, которые явились послѣ нихъ, которые были лучше ихъ.

Въ самомъ дѣлѣ, могъ ли поклонникъ Виктора Гюго, авторъ «Аббаддонны», понимать эстетическую теорію, которая главными условіями художественнаго созданія ставила простоту и одушевленіе вопросами дѣйствительной жизни? Нѣтъ, и его нельзя обвинять за то, что онъ не понималъ того, чего не понималъ; должно только сказать, что были правы его противники, защищавшіе ученіе болѣе высокое и справедливое, нежели понятія, которыхъ онъ держался.

Мы не думаемъ принимать сторону Н. А. Полеваго, какъ противника критики и литературы Гоголевскаго періода; напротивъ, онъ былъ совершенно неправъ, его противникъ совершенно правъ,—мы утверждаемъ только, что основнымъ побужденіемъ къ борьбѣ и у Н. А. Полеваго, какъ у его противника, было неподдѣльное, непритворное убѣжденіе.

Борьба была жестока, и, естественнымъ образомъ, влекла за собою безчисленныя оскорбленія самолюбію партизановъ той или другой стороны,—въ особенности стороны отсталой и слабѣйшей, потому что побѣдитель можетъ

прощать обиды ослабѣвающему противнику, но самолюбіе побѣждаемаго бываетъ раздражительно и непримиримо. Потому очень можетъ быть, что желчность различныхъ выходокъ Н. А. Полеваго усиливалась горькимъ чувствомъ сознанія въ томъ, что другіе заняли мѣсто впереди его, лишили его (и его убѣжденія, потому что онъ дорожилъ своими убѣжденіями) первенства, господства въ критикѣ, что литература перестала признавать его своимъ верховнымъ судьею, сознанія, что онъ не побѣждаетъ, какъ прежде, а побѣжденъ,—и болѣзненными криками глубоко уязвляемаго самолюбія; но все это было только второстепеннымъ элементомъ, развившимся въ теченіе борьбы,—а истинными, главными причинами борьбы были убѣжденія, безкорыстныя и чуждыя низкихъ разсчетовъ или мелочнаго тщеславія. Въ свое время, нельзя было не опровергать ошибочныхъ сужденій писателя, имѣвшаго столь сильный авторитетъ; но изъ-за ошибочнаго направленія его дѣятельности нельзя было забывать ни того, что въ сущности онъ всегда оставался человѣкомъ, достойнымъ уваженія по характеру, ни, въ особенности, того, что въ прежнее время онъ оказалъ много услугъ русской литературѣ и просвѣщенію. Это было съ обычною прямотою всегда признаваемо его противникомъ и съ жаромъ высказано въ брошюрѣ «Николай Алексѣевичъ Полевой».

Жестокія нападенія на Гоголя принадлежатъ къ числу важнѣйшихъ ошибокъ Н. А. Полеваго; они были одною изъ главныхъ причинъ нерасположенія, которое питала къ Полевому публика и лучшіе писатели прошедшаго десятилѣтія. Но должно только сообразить, что онъ никогда не могъ выйти изъ круга понятій, разработанныхъ французскими романтиками, распространенныхъ у насъ его первымъ журналомъ, «Московскимъ Телеграфомъ», практически осуществившихся въ его повѣстяхъ и «Аббаддоннѣ»,—и мы убѣдимся, что Полевой не могъ понимать Гоголя, не могъ понимать лучшей стороны его произведеній, важнѣйшаго ихъ значенія для литературы. Не могъ понимать—и слѣдовательно ему долженъ былъ казаться несправедливымъ восторгъ, возбужденный въ позднѣйшей критикѣ этими произведеніями; какъ человѣкъ, привыкшій горячо защищать свои мнѣнія, онъ не могъ не подать громкаго голоса въ дѣлѣ, котораго важность была столь сильно указываема и противникомъ Полеваго и жаркими толками въ публикѣ. Что это мнѣніе, основанное на эклектической философіи и романтической эстетикѣ, было въ высшей степени неблагопріятно Гоголю, нимало не удивительно,—напротивъ, иначе и быть не могло. Въ самомъ дѣлѣ, эклектическая философія всегда останавливалась на серединѣ пути, старалась занять «златую середину», говоря «нѣтъ», прибавлять и «да», признавая принципъ, не допускать его приложеній, отвергая принципъ, допускать его приложенія. «Ревизоръ» и «Мертвыя Души» были рѣшительною противуположностью этому правилу портить впечатлѣніе цѣлаго примѣсью ненужныхъ и несправедливыхъ оговорокъ—они, какъ произведенія художественныя, оставляютъ эффектъ цѣльный, полный, опредѣленный, неослабляемый посторонними и произвольными придѣлками, чуждыми основной идеѣ,—и потому для послѣдователя эклектической философіи они должны были казаться односторонними, утрированными, несправедливыми по содержанію. По формѣ они были совершенною противоположностью любимымъ стремленіямъ французскихъ романтиковъ и ихъ русскаго послѣдователя: «Ревизоръ» и «Мертвыя Души» не

имѣютъ ни одного изъ тѣхъ качествъ, за которыя Н. А. Полевой признавалъ великимъ созданіемъ искусства «Notre Dame de Paris» Виктора Гюго, и которыя старался онъ придать своимъ собственнымъ произведеніямъ: тамъ хитрая завязка, которую можно придумать только при высочайшей раздраженности фантазіи, характеры придуманные, небывалые въ свѣтѣ, положенія исключительныя, неправдоподобныя, и восторженный, горячечный тонъ; тутъ—завязка обиходный случай, извѣстный каждому, характеры—обыденные, встрѣчающіеся на каждомъ шагу, тонъ—также обыденный. Это вяло, пошло, вульгарно, по понятіямъ людей, восхищающихся «Notre Dame de Paris». Н. А. Полевой поступалъ совершенно послѣдовательно, осуждая Гоголя и какъ мыслитель, и какъ эстетикъ. Нѣтъ сомнѣнія, что тонъ осужденія былъ бы не такъ рѣзокъ, если бы другіе не хвалили такъ Гоголя, и еслибъ эти другіе не были противниками Н. А. Полеваго,—но сущность сужденія осталась бы та же; она зависѣла отъ философскихъ и эстетическихъ сужденій критика, а не отъ личныхъ его отношеній. И нельзя ставить ему въ вину рѣзкости этого тона: когда хвалители говорятъ громко, и необходимо и справедливо, чтобы люди, несогласные съ ихъ мнѣніемъ, высказывали свои убѣжденія столь же громко,—на чьей бы сторонѣ ни была правда, она выиграетъ отъ того, что преніе ведется во всеуслышаніе: современники яснѣе будутъ понимать сущность вопроса, да и приверженцы праваго дѣла ревностнѣе будутъ защищать его, когда поставлены въ необходимость вести борьбу съ противниками, оспаривающими каждый шагъ смѣло и по возможности сильно. И когда

Смерть велитъ умолкнуть злобѣ,

исторія скажетъ, что если побѣдители были правы и честны, то и нѣкоторые изъ побѣжденныхъ были честны; она признаетъ даже за этими честными побѣжденными ту заслугу, что ихъ упорное сопротивленіе дало возможность вполнѣ высказаться силѣ и правотѣ дѣла, противъ котораго они боролись. И если исторія будетъ считать достойнымъ памяти время, въ которое жили мы и наши отцы, она скажетъ, что Н. А. Полевой былъ честенъ въ дѣлѣ о Гоголѣ. Взглянемъ же ближе на его мнѣнія объ этомъ писателѣ.

Нѣкоторые люди, съ глазами болѣе свѣжими и проницательными, увидѣли въ «Вечерахъ на хуторѣ», «Миргородѣ» и повѣстяхъ, помѣщенныхъ въ «Арабескахъ», начало новаго періода для русской литературы, въ авторѣ «Тараса Бульбы» и «Ссоры Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ»—преемника Пушкину. Авторъ статьи «О русской повѣсти и повѣстяхъ г. Гоголя», напечатанной въ 1835 г., когда еще не былъ извѣстенъ «Ревизоръ», заключаетъ свой обзоръ слѣдующими словами, которыя могли бы служить однимъ изъ блестящихъ доказательствъ его критической проницательности, еслибъ доказательства ея нужны были людямъ, хотя сколько нибудь слѣдившимъ за русскою литературою:

«Изъ современныхъ писателей никого не можно назвать поэтомъ, съ большей увѣренностью и нимало незадумываясь, какъ г. Гоголя... Отличный характеръ повѣстей г. Гоголя составляютъ: простота вымысла, народность, совершенная истина жизни, оригинальность и комическое одушевленіе, всегда побѣждаемое глубокимъ чувствомъ грусти и уныніа. Причина всѣхъ этихъ качествъ заключается въ одномъ источникѣ: г. Гоголь поэтъ.

поэтъ жизни дѣйствительной. Г. Гоголь еще только началъ свое поприще; слѣдовательно наше дѣло высказать свое мнѣніе о его дебютѣ и о надеждахъ въ будущемъ, которыя подаетъ этотъ дебютъ. Эти надежды велики, ибо г. Гоголь владѣетъ талантомъ необыкновеннымъ, сильнымъ и высокимъ. По крайней мѣрѣ, въ настоящее время онъ является главою литературы, главою поэтовъ.

Другіе тогдашніе критики не воображали этого. «Вечера на хуторѣ» понравились всѣмъ веселостью разсказа; въ авторѣ замѣтили даже нѣкоторую способность довольно живо изображать лица и сцены изъ простонароднаго малороссійскаго быта; болѣе въ нихъ ничего не замѣтили, и были правы. Но неправы были старые критики въ томъ, что на Гоголя они до конца его дѣятельности смотрѣли, какъ на автора «Вечеровъ на хуторѣ», мѣряя всѣ слѣдующія его произведенія аршиномъ, который годенъ былъ только для этихъ первыхъ опытовъ, не понимая въ «Ревизорѣ» и «Мертвыхъ Душахъ» ничего такого, чего еще не было въ «Вечерахъ на хуторѣ», и видя признаки паденія таланта во всемъ, что въ послѣдующихъ сочиненіяхъ Гоголя не было похоже на «Вечера».

Такъ было и съ Н. А. Полевымъ. Только первыя и слабѣйшія произведенія Гоголя остались для него понятны и хороши, потому что въ нихъ еще не преобладало новое начало, превышавшее уровень его понятій. Онъ всегда продолжалъ находить прекрасными «Вечера на хуторѣ», «Носъ», «Коляску»,—справедливо видя въ нихъ признаки большого дарованія, хотя, также справедливо, и не видя въ нихъ произведеній геніальныхъ, колоссальныхъ. Но вотъ явился «Ревизоръ»; люди, понявшіе это великое твореніе, провозгласили Гоголя геніальнымъ писателемъ; Н. А. Полевой, какъ и слѣдовало ожидать, не понялъ и осудилъ «Ревизора» за то, что онъ не похожъ на «исторію о носѣ». Это очень любопытно, и было бы странно, еслибъ мы не видѣли, что философско-эстетическія убѣжденія критика были слишкомъ нерѣшительны и фантастичны для вмѣщенія идеи, выраженной «Ревизоромъ», и пониманія художественныхъ достоинствъ этого великаго произведенія. Вотъ какія мысли возбудилъ «Ревизоръ» въ Н. А. Полевомъ:

«Сочинитель «Ревизора» представилъ намъ собою печальный примѣръ, какое зло могутъ причинить человѣку съ дарованіемъ духъ партій и хвалебныя вопли друзей, корыстныхъ прислужниковъ, и той безсмысленной толпы, которая является окрестъ людей съ дарованіемъ. Благодарить Бога надобно скорѣе за непріязнь, нежели за дружбу того народа, о которомъ говорилъ Пушкинъ:

Ужь эти мнѣ друзья, друзья!

«Никто не сомнѣвается въ дарованіи г. Гоголя, и въ томъ, что у него есть свой безспорный участокъ въ области поэтическихъ созданій. Его участокъ—добродушная шутка, малороссійскій «жанръ»; похожій нѣсколько на дарованіе г. Основьяненки, но отдѣльный и самобытный, хотя также заключающійся въ свойствахъ малороссіянъ. Въ шуткѣ своего рода, въ добродушномъ разсказѣ о Малороссіи, въ хитрой простотѣ взгляда на міръ и людей, г. Гоголь превосходенъ, неподражаемъ. Какая прелесть его описаніе ссоры Ивана Ивановича, его «Старосвѣтскіе помѣщики», его изображеніе запорожскаго казацкаго быта въ Тарасѣ Бульбѣ (исключая тѣ мѣста, гдѣ запорожцы являются героями и смѣшатъ карикатурой на Донъ-Кихота), его исторія о носѣ, о продажѣ коляски!

«Такъ и «Ревизоръ» его—фарсъ, который нравится именно тѣмъ, что въ немъ

нѣтъ ни драмы, ни цѣли, ни завязки, ни развязки, ни опредѣленныхъ характеровъ. Языкъ въ немъ неправильный, лица—уродливые гротески, характеры—китайскія тѣни, происшествіе—несбытное и нелѣпое, но все вмѣстѣ уморительно смѣшно, какъ русская сказка о тяжбѣ ерша съ лещомъ, какъ повѣсть о Дурнѣ, какъ малороссійская пѣсня:

Танцовала рыба съ ракомъ,
А петрушка съ пастернакомъ,
А цыбуля съ чеснокомъ...

«Не подумайте, чтобы такія созданія было легко писать, чтобы всякой могъ писать ихъ. Для нихъ надобно дарованіе особенное, надобно родиться для нихъ, и притомъ еще часто то, что вамъ кажется произведеніемъ досуга, дѣломъ минуты, слѣдствіемъ веселаго расположенія духа, бываетъ трудомъ тяжелымъ, долговременнымъ, слѣдствіемъ грустнаго расположенія души, борьбою рѣзкихъ противоположностей.

«Съ Ревизоромъ» обошлись у насъ весьма несправедливо. Справедливо поступила только публика вообще, которая увлекается впечатлѣніемъ общимъ, безотчетнымъ, и почти никогда въ немъ не ошибается; но несправедливы были всѣ наши судьи и записные критики. Одни вздумали разбирать «Ревизора» по правиламъ драмы, чопорно оскорбились его шутками и языкомъ и сравняли его съ грязью. Другіе, напротивъ, мнимые друзья автора, увидѣли въ «Ревизорѣ» что-то Шекспировское, превознесли его, прославили, и вышла та же исторія, какая была съ Озеровымъ. Досадно вспомнить, какія были притомъ побужденія къ неумѣреннымъ похваламъ. Но если они и были искренны, за то ошибочны; и посмотрите, какое зло онѣ причинили: видя осужденіе однихъ и похвалы другихъ, авторъ почелъ себя неузнаннымъ геніемъ, не понялъ направленія своего дарованія, и вмѣсто того, чтобы не браться за то, что ему не дано, усилить дѣятельность въ томъ направленіи, которое пріобрѣло ему общее уваженіе и славу, вспомнить слова Сумарокова:

Слагай, къ чему тебя влечетъ твоя природа,—
Лишь просвѣщеніе, писатель, дай уму,

началъ писать исторію, разсужденія о теоріи изящнаго, о художествахъ, принялся за фантастическіе, патетическіе предметы, точно такъ, какъ Лафонтенъ нѣкогда доказывалъ, что онъ беретъ образцы у древнихъ классиковъ. Разумѣется, авторъ проигралъ свою тяжбу. Все, что здѣсь сказано, не выдумка наша и сказано не наобумъ: прочтите приложенное при новомъ изданіи «Ревизора» письмо автора, которое можно сохранить, какъ любопытную историческую черту, и какъ матеріалъ для исторіи человѣческаго сердца. Развѣ Шекспиръ только могъ бы такъ писать о себѣ и о своихъ твореніяхъ, и такъ говорить о характерѣ своего Гамлета, какъ г. Гоголь говоритъ о характерѣ Хлестакова. И съ тѣмъ вмѣстѣ письмо это дышитъ такою добродушною, поэтическою грустью.

«Но, скажутъ намъ, слѣдственно, чѣмъ же тутъ виноваты хвалители автора?— Тѣмъ, что не увлеки они самолюбія авторскаго въ ошибку, осужденія могли благодѣтельно подѣйствовать на автора и обратить его на прямой путь. Осужденія не погубятъ никогда, а восхваленія часто и почти всегда губятъ насъ. Таковъ человѣкъ.

«И какъ не имѣть столько уваженія къ самимъ себѣ, что изъ мелкаго разсчета корысти не стыдиться показать себя надувателями мыльныхъ пузырей! Если же хваленія происходятъ отъ безотчетнаго увлеченія, какъ до такой степени не отдавать себѣ отчетовъ въ своихъ понятіяхъ, не научиться изъ опытовъ прошедшаго не повторять въ каждомъ поколѣніи одну и ту же докучную сказку!» [1]).

Возможно ли обвинять человѣка за то, что онъ не можетъ видѣть въ «Ревизорѣ» «ни драмы, ни цѣли, ни завязки, ни развязки, ни *опредѣ-*

[1]) «Русскій Вѣстникъ», 1842 г., № 1.

ленныхъ характеровъ?» Это все равно, что обвинять почитателя «Русской сказки о тяжбѣ ерша съ лещемъ» за то, что онъ не понимаетъ «Гамлета» и не восхищается «Каменнымъ гостемъ» Пушкина. Онъ не понимаетъ этихъ произведеній, и только; чтожь прикажете съ нимъ дѣлать! Такова степень его эстетическаго развитія. Можно и должно сказать, что онъ ошибается, если онъ сказалъ, что «Гамлетъ» пустъ, а «Каменный гость» скученъ; можно прибавить, что онъ не судья этимъ произведеніямъ; но видѣть въ его сужденіяхъ преднамѣренное эстетическое преступленіе, желаніе ввести другихъ въ заблужденіе—невозможно: они слишкомъ наивны, слишкомъ компрометируютъ умъ произносящаго ихъ—ихъ можетъ произносить только тотъ, кто въ самомъ дѣлѣ не видитъ достоинствъ осуждаемыхъ имъ произведеній. Еслибъ онъ понималъ хотя сколько нибудь, еслибъ хотѣлъ преднамѣренно вводить другихъ въ заблужденіе, повѣрьте, онъ не сказалъ бы такъ, повѣрьте, онъ придумалъ бы хитрость нѣсколько лучшую. Рецензія, нами выписанная, рѣзка до грубости,—но нельзя не видѣть, что собственно противъ Гоголя авторъ ея не имѣетъ враждебнаго расположенія. Напротивъ, сквозь тонъ, рѣзкій до оскорбительности, слышно доброжелательное стремленіе возвратить талантливое заблудшее овча на путь истинный. Наставникъ ошибается,—тотъ, кого онъ считаетъ блуднымъ сыномъ, идетъ по прямому пути и не долженъ покидать его,—но вѣдь нельзя же осуждать человѣка, если онъ возвышаетъ голосъ, чтобъ онъ достигъ до слуха погибающаго юноши, оглушеннаго, по мнѣнію совѣтника, коварными льстецами. Что эти люди не льстецы, мы знаемъ; что они не имѣли — къ сожалѣнію — особеннаго вліянія на Гоголя, мы также знаемъ: иначе онъ не писалъ бы такихъ «писемъ къ друзьямъ», и не сжегъ бы втораго тома «Мертвыхъ Душъ». Но вѣдь не называютъ же преступникомъ врача, который отсталъ отъ современнаго движенія науки, прописываетъ замысловатые рецепты, заставляющіе пожимать плечами отъ удивленія,—о немъ просто говорятъ, что онъ пересталъ быть хорошимъ врачемъ, и перестаютъ обращать вниманіе на его совѣты.—Но вотъ вышли «Мертвыя Души»—и возбудили восторгъ, какому не было примѣровъ на Руси, были восхвалены до небесъ, какъ колоссальнѣйшее созданіе русской литературы; — съ точки зрѣнія, къ которой приросъ Н. А. Полевой, это столь превозносимое произведеніе должно было показаться еще хуже «Ревизора», и надобно было еще возвышать голосъ, чтобы онъ слышенъ былъ среди оглушительныхъ хвалебныхъ криковъ. И Полевой выразилъ свое сужденіе о новомъ произведеніи погибающаго талантливаго писателя обстоятельнѣе,—не голословно, какъ другіе, но съ доказательствами подробными, хорошо изложенными, касающимися не внѣшнихъ мелочей, но важныхъ сторонъ дѣла.

«Мы сказали мнѣніе наше о литературныхъ достоинствахъ г. Гоголя, оцѣняя въ немъ, что составляетъ его безспорное достоинство. Повторимъ слова наши *(выписана первая половина рецензіи, приведенной выше)*. Осмѣливаемся думать, что такого мнѣнія не назовутъ мнѣніемъ, которое внушило бы предубѣжденіе, пристрастіе, личность противъ автора. Тѣмъ откровеннѣе скажемъ мы, что «Похожденія Чичикова или Мертвыя Души», подтверждая наше мнѣніе, показываютъ справедливость и того, что мы прибавили къ мнѣнію нашему о дарованіи г. Гоголя *(выписана другая половина рецензіи)*. Похожденія Чичикова также любопытная замѣтка для исторіи литературы и человѣческаго сердца. Здѣсь видимъ, до какой степени можетъ увлечься съ прямой

дороги дарованіе, и какія уродливости создаетъ оно, идя путемъ превратнымъ. Съ чего началъ «Ревизоръ», то кончилъ «Чичиковъ»...

«Изъ всего, что пишетъ и что о самомъ себѣ говоритъ г. Гоголь, можно заключить, что онъ превратно смотритъ на свое дарованіе. Покупая созданія свои тяжкимъ трудомъ, онъ не думаетъ шутить, видитъ въ нихъ какія-то философическо-гуморическія творенія, почитаетъ себя философомъ и дидактикомъ, составляетъ себѣ какую-то ложную теорію искусства, и очень понятно, что, почитая себя геніемъ универсальнымъ, онъ считаетъ самый способъ выраженія, или языкъ свой, оригинальнымъ и самобытнымъ. Можетъ быть, такое мнѣніе о самомъ себѣ необходимо по природѣ его, но мы не перестанемъ однакожь думать, что, при совѣтахъ благоразумныхъ друзей, г. Гоголь могъ бы убѣдиться въ противномъ. Вопросъ: производилъ ли бы онъ тогда, или нѣтъ, свои прекрасныя созданія, можетъ быть рѣшенъ положительно и отрицательно [1]).

«Легко могло бъ быть, что г. Гоголь отвергъ бы тогда все, что вредило ему, и также легко могло бы случиться, что, разочарованный въ высокомъ мнѣніи о самомъ себѣ, онъ съ горестью бросилъ бы перо свое, какъ орудіе недостойной его величія шутки. Человѣкъ—загадка мудреная и сложная: но мы скорѣе склоняемся на первое изъ сихъ мнѣній,—сказать ли?—даже лучше желали бы, чтобъ г. Гоголь вовсе пересталъ писать, нежели, чтобы постепенно болѣе и болѣе онъ падалъ и заблуждался. По нашему мнѣнію, онъ уже и теперь далеко устранился отъ истиннаго пути, если сообразить всѣ сочиненія его, начиная съ «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки» до «Похожденій Чичикова». Все, что составляетъ прелесть его увѣреній, постепенно исчезаетъ у него. Все, что губитъ ихъ, постепенно усиливается».

«Гоголя захвалили,—говоритъ Полевой:—онъ возмечталъ, что призванъ писать высоко-философскія созданія, вообразилъ, что даже прекраснъ языкъ, которымъ онъ пишетъ, когда вдается въ высокопарныя мечтанія, и посмотрите, къ чему это привело его—къ произведеніямъ, подобнымъ отрывку «Римъ», недавно напечатанному. «Римъ»—это «наборъ ложныхъ выводовъ, дѣтскихъ наблюденій, смѣшныхъ и ничтожныхъ замѣтокъ, не проникнутыхъ ни одною свѣтлою или глубокою мыслью, изложенныхъ языкомъ изломаннымъ, дикимъ, нелѣпымъ»—тутъ есть и «смола волосъ», и «сіяющій снѣгъ лица», и «призракъ пустоты, который видится во всемъ», и «женщины, которыя подобно зданіямъ—или дворцы, или лачужки»,—однимъ словомъ, «Римъ»—это «галиматья». Въ этомъ отзывѣ о «Римѣ» есть своя доля правды, и доля значительная. Мы должны будемъ еще обратиться къ «Риму», говоря о постепенномъ развитіи идей Гоголя, и тогда замѣтимъ, что опустилъ изъ виду Полевой, называя безусловною галиматьею «Римъ»—этотъ отрывокъ, дѣйствительно представляющій много дикаго, не лишенъ поэзіи. Не будемъ останавливаться и на замѣчаніяхъ относительно языка,—съ ними прійдется еще намъ имѣть дѣло. «Признаемся»,—продолжаетъ Полевой—«что, прочитавши «*письмо*» при «Ревизорѣ» и «Римъ», мы уже немногаго ожидали отъ «Мертвыхъ Душъ», предвозвѣщенныхъ, какъ нѣчто великое и чудное. Подлинно чудное: «Мертвыя Души» превзошли всѣ наши ожиданія».

«Мы совсѣмъ не думаемъ осуждать г. Гоголя за то, что онъ назвалъ «Мертвыя Души» поэмою. Разумѣется, что такое названіе—шутка. «Для чего запрещать шутку? Наше осужденіе «Мертвыхъ Душъ» коснется болѣе важнаго.

---

[1]) Изъ сравненія съ предъидущими выписками очевидно, что подъ «прекрасными» должно здѣсь понимать преимущественно: «Вечера на хуторѣ» и слабѣйшія, по нынѣшнему мнѣнію публики, изъ слѣдующихъ повѣстей.

«Начнемъ съ содержанія—какая бѣдность! Не помнимъ, читали или слышали мы, что кто то назвалъ «Мертвыя Души» *старой погудкой на новый ладъ*. Дѣйствительно: «Мертвыя Души» сколокъ съ «Ревизора»—опять какой то мошенникъ пріѣзжаетъ въ городъ, населенный плутами и дураками, мошенничаетъ съ ними, обманываетъ ихъ, боясь преслѣдованія, уѣзжаетъ тихонько, и—«конецъ поэмѣ»!—Надобно ли говорить, что шутка, въ другой разъ повторенная, становится скучна, а еще болѣе, если она растянута на 475 страницъ? Но если мы къ тому прибавимъ, что «Мертвыя Души», составляя грубую каррикатуру, держатся на небывалыхъ и несбыточныхъ подробностяхъ; что лица въ нихъ всѣ до одного небывалыя преувеличенія, отвратительные мерзавцы или пошлые дураки,—всѣ до одного, повторяемъ; что подробности разсказа наполнены такими выраженіями, что иногда бросаете книгу невольно; и наконецъ, что языкъ разсказа, какъ языкъ г. Гоголя въ «Римѣ» и «Ревизорѣ», можно назвать собраніемъ ошибокъ противъ логики и грамматики,—спрашиваемъ, что сказать о такомъ созданіи? Не должно ли съ грустнымъ чувствомъ видѣть въ немъ упадокъ дарованія прекраснаго, и пожалѣть еще объ одной изъ утраченныхъ надеждъ нашихъ, пожалѣть тѣмъ болѣе, что паденіе автора умышленно и добровольно?—Каррикатура, конечно, принадлежитъ къ области искусства, но каррикатура, неперешедшая за предѣлъ изящнаго. Русская повѣсть объ Еремушкѣ и повивальной бабушкѣ, какъ русская сказка о дьячкѣ Савушкѣ, романы Диккенса [1]), неистовые романы новѣйшей французской словесности исключаются изъ области изящнаго [2]), если и допустимъ въ низшій отдѣлъ искусства грубые фарсы, итальянскія буффонады, эпическія поэмы на *изнанку* (travesti), поэмы въ родѣ «Елисея» [3]). Можно ли не пожалѣть, что прекрасное дарованіе г. Гоголя тратится на подобныя созданія!

«Искусству нечего дѣлать, не въ чемъ разсчитываться съ «Мертвыми Душами».

Видите ли, Полевой отказывается отъ мелочныхъ придирокъ къ заглавію «Мертвыхъ Душъ»—ужь за это одно онъ заслуживаетъ отличія отъ другихъ рецензентовъ, «остроуміе которыхъ безконечно потѣшалось надъ тѣмъ, что «Похожденія Чичикова» названы поэмою. Бѣдность содержанія въ «Мертвыхъ Душахъ»—опять одно изъ тѣхъ сужденій, искренность которыхъ доказывается ихъ невообразимою наивностью, замѣчаній, которыя возбуждаютъ жалость къ сдѣлавшему ихъ и совершенно обезоруживаютъ несогласнаго съ нимъ читателя. Но замѣтьте, однако же, что Полевой начинаетъ съ существенныхъ сторонъ вопроса и достигаетъ даже нѣкоторой мѣткости упрековъ, замѣчая, что «Мертвыя Души» сколокъ съ «Ревизора» — это не придетъ въ голову никому изъ понимающихъ разницу между существеннымъ содержаніемъ «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ»: пафосъ одного произведенія составляетъ взяточничество, различные безпорядки и т. д., однимъ словомъ, преимущественно официальная сторона жизни, пафосъ другаго — частная жизнь, психологическое изображеніе различныхъ типовъ пустоты или одичалости. Но Полевой, не замѣчая существеннаго различія, смотрѣлъ на сюжеты обоихъ произведеній съ той чисто внѣшней точки зрѣнія, съ которой можно находить, что «Горе отъ ума» есть повтореніе «Гамлета», потому что и здѣсь и тамъ главное лицо—

---

[1]) Романы Диккенса исключаются изъ области изящнаго.

[2]) Здѣсь подразумѣваются преимущественно романы Жоржъ-Санда—они исключаются изъ области изящнаго!

[3]) И такъ романы Диккенса и Жоржъ-Санда ниже самыхъ грубыхъ фарсовъ и буффонадъ, ниже даже поэмы «Елисей или раздраженный Вакхъ», ниже «Онеиды», вывороченной на изнанку П. Осиповымъ и А. Котельницкимъ.—это все еще принадлежитъ хотя «низшему отдѣлу» искусства, а произведенія Диккенса и Жоржъ-Санда совершенно «исключаются изъ области изящнаго».

юноша съ умомъ и прекраснымъ сердцемъ, окруженный дурными людьми, остающійся чистъ среди ихъ, негодующій, говорящій много такого, что кажется нелѣпо его слушателямъ, признаваемый наконецъ человѣкомъ сумасшедшимъ, опаснымъ, и немогущій жениться на дѣвушкѣ, которую любитъ. Сближеніе сюжетовъ «Ревизора» съ «Мертвыми Душами» такъ же нелѣпо, какъ и сближеніе сюжетовъ «Гамлета» и «Горе отъ ума»; но Полевой умѣлъ выставить натянутыя черты мнимаго сходства довольно искуснымъ образомъ. Не придумано ли это сближеніе нарочно? нѣтъ, искренность его опять доказывается его наивностью,—только отъ искренней души можетъ умный человѣкъ, каковъ безъ сомнѣнія былъ Н. А. Полевой, говорить такія странныя вещи. Далѣе начинаются жалобы на утрировку характеровъ и положеній, на неправдоподобность ихъ и проч. Отложимъ разборъ этихъ обвиненій до того времени, когда будемъ разсматривать «Мертвыя Души», а теперь ограничимся замѣчаніемъ, что отношенія романтической эстетики къ новѣйшимъ произведеніямъ искусства, сбросившимъ растрепанную изысканность французскихъ романтиковъ, къ людямъ, выучившимся писать романы съ лицами и положеніями, непохожими на «исполинскіе образы Виктора Гюго» въ его «Notre Dame de Paris», достаточно опредѣляются тѣмъ, что Н. А. Полевой исключаетъ романы Диккенса и Жоржа Санда изъ области искусства, ставитъ ихъ ниже самыхъ пошлыхъ фарсовъ, на одну степень съ «Сказкою о дурнѣ»—неужели противъ Диккенса и Жоржа Санда Н. А. Полевой имѣлъ какія нибудь личности? Неужели и ихъ осуждалъ онъ не по убѣжденію, а изъ какихъ нибудь постороннихъ видовъ? Кстати, о Лермонтовѣ онъ судитъ совершенно такъ же, какъ о Гоголѣ. Вотъ подлинныя его слова:

«Вы говорите, что ошибка прежняго искусства состояла именно въ томъ, что оно румянило природу и становило жизнь на ходули. Пусть такъ; но избирая изъ природы и жизни только темную сторону, выбирая изъ нихъ грязь, навозъ, развратъ и порокъ, не впадаете ли вы въ другую крайность, и изображаете ли вѣрно природу и жизнь? Природа и жизнь, такъ какъ онѣ есть, представляютъ намъ рядомъ жизнь и смерть, добро и зло, свѣтъ и тѣнь, небо и землю. Избирая въ картину свою только смерть, зло, тѣнь, землю, вѣрно ли списываете вы природу и жизнь? Вамъ скучны прежніе герои искусства,—но покажите же намъ человѣка и людей, да, человѣка, а не мерзавца, не чудовище, людей, а не толпу мошенниковъ и негодяевъ. Иначе лучше примемся мы за прежнихъ героевъ, которые иногда скучны, но не возмущаютъ, по крайней мѣрѣ, нашей души, не оскорбляютъ нашего чувства. Изобразить человѣка съ его добромъ и зломъ, мыслью неба и жизнью земли, примирить для насъ видимый раздоръ дѣйствительности изящною идеею искусства, постигшаго тайну жизни,—вотъ цѣль художника; но къ ней ли устроецы *Герои нашего времени* и *Мертвыя Души*? Напрасно будете вы ссылаться на Шекспира, на Виктора Гюго, на Гёте. Кромѣ того, что худое у Шекспира худо, Шекспиръ не тѣмъ великъ, что Офелія поетъ у него неблагопристойную пѣсню, Фальстафъ ругается и нянька Юліи говоритъ двусмысленности,—но похожи ли ваши грязныя карикатуры на созданія высокаго гумора Шекспирова, на исполинскіе образы Виктора Гюго (мы говоримъ объ его Notre Dame de Paris), на многостороннія созданія Гёте?»

Зачѣмъ мы приводимъ буквально столько отрывковъ изъ грубыхъ рецензій Н. А. Полеваго? Затѣмъ, что онѣ имѣютъ одно несомнѣнное достоинство: связность, логичность, послѣдовательность въ образѣ сужденій. Надобно же намъ видѣть, съ какими понятіями объ искусствѣ необходимо связаны

упреки Гоголю въ односторонности направленія, — упреки, которые до сихъ поръ повторяются людьми, непонимающими ихъ значенія, непонимающими, что кто называетъ Гоголя одностороннимъ и сальнымъ, долженъ въ такой же степени одностороннимъ и сальнымъ называть и Лермонтова, находить, что «Герой нашего времени» произведеніе грязное и гадкое, что романы Диккенса и Жоржъ-Санда не только отвратительны, но и слабы въ художественномъ отношеніи, слабѣе послѣдняго нелѣпѣйшаго водевиля, уродливѣе послѣдняго фарса, — при этомъ необходимо ставить Виктора Гюго между Шекспиромъ и Гёте, немного ниже перваго, гораздо выше послѣдняго. Кто такъ думаетъ о Викторѣ Гюго, Лермонтовѣ, Диккенсѣ и Жоржъ-Сандѣ, тотъ долженъ упрекать Гоголя въ односторонности и сальности,—но заслуживаетъ ли опроверженій, заслуживаетъ ли вниманія мнѣніе такого цѣнителя? Важно иногда бываетъ знать происхожденіе мнѣнія и первобытный, подлинный видъ, въ которомъ оно выразилось,—часто этого бываетъ довольно, чтобы вполнѣ оцѣнить годность этого мнѣнія для нашего времени,—часто оказывается, что оно принадлежитъ неразрывно къ системѣ понятій, невозможныхъ въ наше время. Самую жалкую фигуру представляютъ не тѣ люди, которые имѣютъ ошибочный образъ мыслей, а тѣ, которые не имѣютъ никакого опредѣленнаго, послѣдовательнаго образа мыслей, которыхъ мнѣнія — сборъ безсвязныхъ обрывковъ, неклеящихся между собою. Прочитавъ рецензіи Полеваго, мы убѣждаемся, что всѣ упреки, дѣлаемые до сихъ поръ иными людьми Гоголю, заимствованы изъ этихъ рецензій; разница только въ томъ, что у Н. А. Полеваго упреки имѣли смыслъ, будучи логическимъ выводомъ изъ системы убѣжденій, хотя неудовлетворительной для нашего времени, но все-таки бывшей прекрасною и полезною въ свое время; между тѣмъ какъ въ устахъ людей, повторяющихъ нынѣ эти нападенія, они лишены всякаго основанія, всякаго смысла. Представивъ множество примѣровъ «тривіальнаго» и «неправдоподобнаго» въ «Мертвыхъ Душахъ», множество примѣровъ того, что Гоголь пишетъ неправильнымъ и низкимъ языкомъ (тутъ выставлено на видъ и то, что Чичиковъ не можетъ съ перваго раза дѣлать помѣщикамъ предложенія о продажѣ мертвыхъ душъ, и то, что Ноздревъ не можетъ на балѣ сѣсть на полъ и ловить танцующихъ за ноги, и Петрушка съ запахомъ жилой комнаты, и капля, падающая въ супъ Ѳемистоклюса и т. д., и «глупѣйшій разсказъ» о капитанѣ Копейкинѣ, и слова «тюрюкъ», «взбутетенить» и пр.,— однимъ словомъ, все, что только служило пищею для послѣдующихъ остроумныхъ шутокъ и благородныхъ негодованій на Гоголя), Н. А. Полевой оканчиваетъ свою рецензію такъ:

Не будемъ болѣе говорить о слогѣ, объ образѣ выраженія, но скажемъ въ заключеніе: каково понятіе автора объ искусствѣ и цѣли его, если онъ думаетъ, что художникъ можетъ быть уголовнымъ судьей современнаго общества? Да если и положимъ, что такова дѣйствительно обязанность писателя, такъ развѣ выдумками на современное общество, развѣ небывалыми каррикатурами укажетъ онъ на зло и предупредитъ его? Беремъ на себя кажущееся смѣшнымъ автору названіе патріотовъ, даже «такъ называемыхъ патріотовъ», пусть назовутъ насъ Кифами Мокіевичами,—но мы спрашиваемъ его: почему въ самомъ дѣлѣ, современность представляется ему въ такомъ непріязненномъ видѣ, въ какомъ изображаетъ онъ ее въ своихъ «Мертвыхъ Душахъ», въ своемъ «Ревизорѣ»,—и для чего не спросить: почему думаетъ онъ, что каждый русскій человѣкъ носитъ въ глубинѣ души своей зародыши Чичиковыхъ и Хлестаковыхъ?

Предвидимъ негодованіе и оскорбленіе защитниковъ автора: они представятъ насъ поддѣльными патріотами, лицемѣрами, быть можетъ чѣмъ нибудь еще хуже—вѣдь за такими бездѣлками у многихъ дѣло не станетъ!.. Ихъ воля, но мы скажемъ прямо и утвердительно, что, приписывая предубѣжденіе автора доброму намѣренію, нельзя не замѣтить какого то превратнаго взгляда его на многое. Вы скажете, что Чичиковъ и городъ, гдѣ онъ является, не изображенія цѣлой страны, но посмотрите на множество мѣстъ въ «Мертвыхъ Душахъ»: Чичиковъ, выѣхавши отъ Ноздрева, ругаетъ его *нехорошими словами*—«что дѣлать», прибавляетъ авторъ, «русскій человѣкъ, да еще и въ сердцахъ!»—Пьяный кучеръ Чичикова съѣхался съ встрѣчнымъ экипажемъ и начинаетъ ругаться—«русскій человѣкъ», прибавляетъ авторъ, «не любитъ сознаваться передъ другимъ, что онъ виноватъ!..» Изображается городъ; фризовая шинель (необходимая принадлежность города, по мнѣнію автора) плетется по улицѣ, «зная только одну (увы!) слишкомъ протертую русскимъ забубеннымъ народомъ дорогу!»—Какіе то купцы позвали на пирушку другихъ купцовъ—«пирушку на русскую ногу», и «пирушка (прибавляетъ авторъ), какъ водится, кончилась дракой»... Спрашиваемъ, такъ ли изображаютъ, такъ ли говорятъ о томъ, что мило и дорого сердцу? Квасной патріотизмъ!.. Милостивые государи, мы сами не терпимъ его, но позвольте сказать, что квасной патріотизмъ все же лучше космополитизма... какого бы?.. да мы понимаемъ другъ друга!

Не знаемъ, придется ли намъ заняться подробнымъ разсмотрѣніемъ этого упрека, едва ли не самаго существеннаго изъ всего, что было говорено противъ Гоголя. А пока напомнимъ читателю, что самъ Гоголь превосходно разъяснилъ сущность вопроса анекдотомъ о Кифѣ Мокіевичѣ и слѣдующимъ мѣстомъ въ «Разъѣздѣ изъ Театра» послѣ представленія «Ревизора»:

Господинъ П. Помилуй, братецъ, ну что это такое? какже это въ самомъ дѣлѣ?

Господинъ Б. Что?

Господинъ П. Ну да какже выводить это?

Господинъ Б. Почему же нѣтъ?

Господинъ П. Ну да самъ посуди ты; ну какже, право? Все пороки, да пороки; ну какой примѣръ подается черезъ это зрителямъ?

Господинъ Б. Да развѣ пороки хвалятся? Вѣдь они же выведены на осмѣяніе.

Господинъ В. Но позвольте однако же замѣтить, что все это, нѣкоторымъ образомъ, есть уже оскорбленіе, которое болѣе или менѣе распространяется на всѣхъ.

Господинъ П. Именно. Вотъ это я самъ хотѣлъ ему замѣтить. Это именно оскорбленіе, которое распространяется.

Господинъ В. Чѣмъ выставлять дурное, зачѣмъ же не выставлять хорошее, достойное подражанія?

Господинъ Б. Зачѣмъ? Странный вопросъ: «зачѣмъ». Зачѣмъ одинъ отецъ, желая исторгнуть своего сына изъ безпорядочной жизни, не тратилъ словъ и наставленій, а привелъ его въ лазаретъ, гдѣ предстали предъ нимъ во всемъ ужасѣ страшные слѣды безпорядочной жизни? Зачѣмъ онъ это сдѣлалъ?

Господинъ В. Но позвольте вамъ замѣтить: это уже нѣкоторымъ образомъ наши общественныя раны, которыя надобно скрывать, а не показывать.

Господинъ П. Это правда. Я съ этимъ совершенно согласенъ. У насъ дурное надо скрывать, а не показывать. *(Господинъ Б. уходитъ; подходитъ князь N).* Послушай, князь!

Князь N. А что?

Господинъ П. Ну, однакожь скажи: какъ это представлять? На что это похоже?

Князь N. Почему-жь не представлять?

Господинъ П. Ну да посуди самъ, ну да какже это: вдругъ на сценѣ плутъ,—вѣдь это все наши раны.

Князь N. Какія раны?

Господинъ П. Да, это наши раны, наши, такъ сказать, общественныя раны.

Князь N. Возьми ихъ себѣ. Пусть онѣ будутъ твои, а не мои раны! Что ты мнѣ ихъ тычешь?

(*Уходитъ*).

Именно, такъ! именно, это «нѣкоторымъ образомъ наши раны!», именно «дурное у насъ надо скрывать, а не показывать!», именно это «оскорбленіе, которое распространяется!» Правъ, тысячу разъ правъ Господинъ П.! Но отчего же вы сами, гг. недовольные Гоголемъ, находите Господина П. смѣшнымъ и нелѣпымъ? Если онъ нелѣпъ, то и не повторяйте же его словъ. Они имѣютъ смыслъ только на его языкѣ.

Въ рецензіи «Ревизора» нельзя не замѣтить, что Н. А. Полевой еще не отчаивается въ исправленіи Гоголя, приписывая всю вину только его «льстецамъ»; еще не отказывается отъ Гоголя: — послѣ выхода «Мертвыхъ Душъ» онъ уже считаетъ его человѣкомъ, безвозвратно погибшимъ для искусства, неисцѣлимо закоснѣлымъ въ своей сумасбродной гордости — писать такія нелѣпыя вещи, изъ которыхъ первою былъ «Ревизоръ». Вотъ послѣднія строки разбора «Мертвыхъ Душъ»:

«Если бы мы осмѣлились взять на себя отвѣтъ автору отъ имени Руси, мы сказали бы ему: милостивый государь! Вы слишкомъ много о себѣ думаете, ваше самолюбіе даже забавно, но мы сознаемъ, что у васъ есть дарованіе, и только та бѣда, что вы немножко «сбились съ панталыку!» Оставьте въ покоѣ вашу «вьюгу вдохновенія», поучитесь русскому языку, да разсказывайте намъ прежнія ваши сказочки объ Иванѣ Ивановичѣ, о коляскѣ и носѣ, и не пишите, ни такой галиматіи, какъ вашъ «Римъ», ни такой чепухи, какъ ваши «Мертвыя Души»! Впрочемъ, воля ваша!»

Мы кончили наши выписки изъ сужденій Н. А. Полеваго о Гоголѣ. Къ нѣкоторымъ изъ мнѣній, высказанныхъ имъ въ первый разъ, мы еще должны будемъ возвратиться, говоря о мнѣніяхъ, высказываемыхъ иными еще и теперь. Другія можно оставить безъ разбора, потому что крайняя наивность ихъ дѣлаетъ излишнимъ всякое опроверженіе. Но здѣсь намъ остается сдѣлать два замѣчанія, вызываемыя приговорами Н. А. Полеваго.

Въ томъ, что Гоголь возмечталъ о себѣ не какъ о невинномъ шутникѣ, но какъ о великомъ писателѣ съ глубоко философскимъ направленіемъ, Полевой обвиняетъ «льстецовъ» Гоголя. Смѣшно было бы въ наше время думать, что произведенія, подобныя «Ревизору» и «Мертвымъ Душамъ», могутъ быть обязаны своимъ происхожденіемъ чьему бы то ни было постороннему вліянію,—созданія, столь глубоко прочувствованныя, бываютъ плодомъ только собственной глубокой натуры самого автора, а не постороннихъ наущеній. Кромѣ того, мы уже говорили, что люди, которые лучше другихъ понимали значеніе этихъ высокихъ созданій искусства, не имѣли вліянія на Гоголя. Въ слѣдующей статьѣ мы увидимъ, какъ мало понимали «Мертвыя Души» другіе люди, которые, будучи поклонниками Гоголя, были въ то же время и его друзьями—эти мудрые варягоруссы, если и были въ чемъ нибудь виноваты, то развѣ въ «Перепискѣ съ друзьями», притомъ же, они и не были знакомы съ Гоголемъ, и не играли въ литературѣ значительной роли въ 1834 г.,

когда ужь былъ написанъ «Ревизоръ» [1]). Пушкинъ зналъ Гоголя гораздо раньше, имѣлъ нѣкоторое вліяніе на начинавшаго юношу и хвалилъ его произведенія, но невозможно, чтобы его считалъ Полевой «льстецомъ» Гоголя,— напротивъ, каждому извѣстно, что Жуковскій и Пушкинъ были покровителями Гоголя, занимая въ литературѣ и въ обществѣ гораздо почетнѣйшее мѣсто, нежели онъ, безвѣстный юноша. А между тѣмъ, онъ, будучи еще совершенно безвѣстнымъ и ничтожнымъ молодымъ человѣкомъ, уже печаталъ философскія и высокопарныя статейки, въ которыхъ видитъ Полевой уже слѣдствіе лести, вскружившей ему голову. Нѣкоторыя изъ этихъ статеекъ перепечатаны въ «Арабескахъ», нѣкоторыя другія исчислены г. Геннади [2]). Вообще, надобно сказать, что въ развитіи своемъ, Гоголь былъ независимѣе отъ постороннихъ вліяній, нежели какой либо другой изъ нашихъ первоклассныхъ писателей. Всѣмъ, что высказано прекраснаго въ его произведеніяхъ, онъ обязанъ исключительно своей глубокой натурѣ. Это очевидно нынѣ для каждаго, нечуждаго понятій о русской литературѣ. И если гордость Гоголя вовлекала его когда нибудь въ ошибки, то, во всякомъ случаѣ, надобно сказать, что источникомъ этой гордости было его собственное высокое понятіе о себѣ, а не чужія похвалы. Нѣкоторые люди питаютъ такое гордое и высокое понятіе о себѣ, что чужія похвалы не могутъ ужь имѣть на нихъ особеннаго вліянія,— кто знавалъ подобныхъ людей, легко увидитъ изъ писемъ и авторской исповѣди Гоголя, что онъ принадлежалъ къ числу ихъ.

Другое наше замѣчаніе относится къ самому Н. А. Полевому. По двумъ послѣднимъ отрывкамъ изъ его рецензіи на «Мертвыя Души», иные, быть можетъ, заключатъ, что онъ, какъ издатель «Русскаго Вѣстника», сдѣлался невѣренъ собственнымъ мнѣніямъ, которыя были съ такою энергіею выражаемы въ «Московскомъ Телеграфѣ»; это заключеніе было бы несправедливо. Мы не то хотимъ сказать, чтобы рѣшительно о каждомъ отдѣльномъ вопросѣ Н. А. Полевой былъ готовъ повторить въ 1842 году то самое, что сказалъ въ 1825. Мнѣнія человѣка мыслящаго не бываютъ никогда окаменѣлостями,— съ теченіемъ времени онъ можетъ во многихъ предметахъ замѣчать стороны, которыя опускалъ изъ виду прежде, потому что онѣ еще не были довольно раскрыты историческимъ движеніемъ. Но дѣло въ томъ, что человѣкъ съ самостоятельнымъ умомъ, достигнувъ умственной зрѣлости и выработавъ себѣ извѣстныя основныя убѣжденія, обыкновенно остается навсегда проникнутъ ихъ существеннымъ содержаніемъ, и эта основа всѣхъ мнѣній остается у него уже навсегда одинаковою, какъ бы ни мѣнялись окружающіе его факты. И не надобно считать измѣною убѣжденіямъ, если, сообразно измѣненію окружающихъ фактовъ, такой человѣкъ, сначала заботившійся преимущественно о томъ, чтобы выставить на видъ одну ихъ сторону, впослѣдствіи считалъ необходимымъ сильнѣе выставлять другую. Онъ можетъ сдѣлаться человѣкомъ отста-

---

[1]) См. письмо Гоголя къ Максимовичу, отъ 14 августа 1834 г., въ «Опытѣ біографіи Гоголя», г. Николая М., помѣщенномъ въ «Современникѣ» 1854 г.

[2]) См. Списокъ сочиненій Гоголя, составленный г. Геннади, въ «Отеч. Зап.» 1853 г. Изъ этихъ статей большая часть, какъ, напримѣръ, «Скульптура, живопись и поэзія», «объ Архитектурѣ», «Жизнь», принадлежатъ еще 1831 году, и написаны, конечно, прежде, нежели фамилія Гоголя упоминалась печатнымъ образомъ.

лымъ, не переставая быть вѣренъ себѣ. Такъ было и съ Н. А. Полевымъ. Онъ ратовалъ противъ классиковъ,—но потомъ, когда классики были сбиты во всѣхъ пунктахъ, онъ увидѣлъ новыхъ людей, которые, не обращая вниманія на классицизмъ, уже-совершенно обезсилѣвшій, борются противъ романтизма. Ихъ убѣжденія гораздо болѣе разнились отъ убѣжденій Н. А. Полеваго, нежели убѣжденія Н. А. Полеваго отъ убѣжденій классиковъ,—оба послѣдніе оттѣнка принадлежали одной и той же сферѣ понятій, только различнымъ образомъ измѣняемыхъ—новыя литературныя понятія раздѣлялись отъ нихъ цѣлою бездною. И Н. А. Полевой, нисколько не измѣняя своимъ романтическимъ убѣжденіямъ, могъ сказать: «ужь лучше піитика Буало, нежели эстетика Гегеля. Лучше классицизмъ, нежели произведенія новѣйшей литературы». И дѣйствительно. Жанлисъ ближе къ Виктору Гюго, нежели Диккенсъ или Жоржъ Сандъ, «Бѣдная Лиза» имѣетъ съ «Аббаддонною» болѣе родства, нежели «Герой нашего времени» или Мертвыя Души». Жанлисъ и Викторъ Гюго, «Бѣдная Лиза» и «Аббаддонна» сходны хотя въ томъ, что изображаютъ людей вовсе не такими, каковы они на самомъ дѣлѣ. А что у нихъ общаго съ романами новой литературы?

И этимъ то объясняется странный повидимому фактъ, что человѣкъ съ такимъ замѣчательнымъ умомъ, какъ Н. А. Полевой, не могъ понимать произведеній новой—не только русской, но и вообще всей европейской литературы, объясняется странная до невѣроятности смѣсь умныхъ и дѣльныхъ критическихъ пріемовъ съ наивными и рѣшительно несправедливыми выводами въ статьяхъ «Русскаго Вѣстника» и другихъ журналовъ, издававшихся имъ въ послѣднюю половину жизни. Онъ дѣлалъ правильные выводы изъ принциповъ, сдѣлавшихся съ теченіемъ времени неудовлетворительными,—и ни его умъ, ни его добросовѣстность ни мало не теряютъ въ глазахъ справедливаго судьи отъ нелѣпости выводовъ. Напротивъ, сильный умъ обнаруживается въ каждой строкѣ этихъ до чрезвычайности наивныхъ статей,—а что касается ихъ добросовѣстности,—мы въ ней ни мало не сомнѣваемся, и думаемъ, что каждый безпристрастный человѣкъ дойдетъ до того же убѣжденія, если вникнетъ въ сущность дѣла, краткій обзоръ котораго мы представили.

Послѣдняя половина литературной дѣятельности Н. А. Полеваго нуждается въ оправданіи, сказали мы въ началѣ этого обзора; и по нашему мнѣнію, она можетъ быть удовлетворительно оправдана,—пора снять пятно съ памяти человѣка, который, дѣйствуя въ послѣдніе годы ошибочно, могъ быть противникомъ литературнаго развитія, и подвергаться за то въ свое время справедливымъ укоризнамъ,—но теперь миновалась опасность, которую представляло тогда его вліяніе на литературу,—и потому теперь должно признаться: онъ справедливо говорилъ о себѣ, что всегда былъ человѣкомъ честнымъ и желавшимъ добра литературѣ, и что за нимъ остаются неотъемлемо важныя заслуги въ исторіи нашей литературы и развитія,—признаться, что онъ, издавая собраніе своихъ критическихъ статей, имѣлъ право сказать въ предисловіи:

«Кладу руку на сердце, и дерзаю сказать въ слухъ, что никогда не увлекался я ни злобою,—чувствомъ, для меня презрительнымъ, ни завистью—чувствомъ, котораго не понимаю,—никогда то, что говорилъ и писалъ я, не разногласило съ моимъ убѣжде-

ніемъ, и никогда сочувствіе добра не оставляло сердца моего; оно всегда сильно билось для всего великаго, полезнаго и добраго. Смѣю прибавить, что такое постоянное стремленіе доставляло мнѣ минуты прекрасныя, усладительныя, награждавшія меня за горести и страданія жизни моей. Сколько разъ слышалъ я искреннюю благодарность и привѣтъ юношей, говорившихъ, что мнѣ одолжены они нравственнымъ наслажденіемъ и вѣрою въ добро! Не скажетъ обо мнѣ, кто приметъ на себя трудъ познакомиться съ тѣмъ, что было мною писано,—не скажетъ, чтобы я чѣмъ либо обезславилъ званіе, которое всегда высоко цѣню и цѣнилъ—званіе литератора. Мои слова не самохвальство, но искренній голосъ человѣка и литератора, который дорожитъ названіемъ честнаго. Между тѣмъ какъ человѣкъ, я платилъ горькую дань несовершенствамъ и слабостямъ человѣка... Пусть вержетъ за то на меня камень тотъ, кто самъ не испыталъ обмана и разочарованія въ окружающемъ его и—что еще грустнѣе—въ самомъ себѣ! Если ты еще юнъ, собратъ мой,—ты не судья мнѣ: дай пробиться сѣдинѣ на головѣ твоей, дай похолодѣть сердцу твоему, дай утомиться силамъ твоимъ отъ труда и времени, и тогда говори и суди меня!...

«Я не судья самъ себѣ. Но никто не оспоритъ у меня чести, что первый я сдѣлалъ изъ критики постоянную часть журнала русскаго, первый обратилъ критику на всѣ важнѣйшіе современные предметы. Мои опыты были несовершенны, неполны,—скажутъ мнѣ—и послѣдователи мои далеко меня обогнали въ сущности и самомъ образѣ воззрѣнія. Пусть такъ, да и стыдно было бы новому поколѣнію не стать выше насъ, поколѣнія уже преходящаго, потому выше, что оно старше насъ, послѣ насъ явилось, продолжаетъ, что мы начинали, и мы должны быть довольны, если наши труды будутъ имѣть для него цѣну историческую... Самъ чувствую, перечитывая нынѣ, неполноту, несовершенство многаго... Многое обновляетъ для меня въ настоящемъ чувство утѣшительное, но еще больше внушаетъ чувство грустное, сознаніе недостигнутой мечты, невыраженныхъ идеаловъ. Такое чувство, думаю, естественно каждому, кто жилъ сколько нибудь и мыслилъ. Только невѣжество, только глупость получили на сей землѣ (впрочемъ, не знаю, счастливую ли) участь самодовольства. Есть другая награда, болѣе драгоцѣнная, которою благословляетъ насъ Провидѣніе: мысль, что если Богъ далъ намъ что нибудь, сильно горѣвшее въ душѣ нашей, сильно тревожившее насъ въ дни нашей юности, еще безсознательнымъ, теплымъ ощущеніемъ, мы не погубили его потомъ въ суетѣ и бѣдствіяхъ жизни, не зарыли таланта въ землю... Пусть мы не достигли искомыхъ нами идеаловъ,—по крайней мѣрѣ, порадуемся, что не безплодно утраченная протекла жизнь наша...»

Сколько благородства въ этихъ словахъ, и какою правдою вѣетъ отъ нихъ! Кто такъ говоритъ, тотъ не лжетъ, и дѣйствительно, не безплодно протекла жизнь этого человѣка, и не съ осужденіемъ, а съ признательностью должны мы вспоминать его.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Сенковскій (баронъ Брамбеусъ).

Обозрѣвая мнѣнія, высказанныя о Гоголѣ представителями различныхъ направленій, существовавшихъ въ русской критикѣ, мы начали съ сужденій, произнесенныхъ Н. А. Полевымъ. Главною мыслью нашей было показать зависимость этихъ сужденій о частномъ вопросѣ, насъ теперь занимающемъ, отъ общаго характера той системы понятій, замѣчательнѣйшимъ послѣдователемъ которой у насъ былъ Н. А. Полевой. И если приговоры его произведеніямъ Гоголя, дѣйствительно, были только слѣдствіемъ его общихъ убѣжденій, то уже ясно, что не стоитъ заниматься подробнымъ опроверженіемъ этихъ ошибочныхъ нападеній,—довольно было сказать: они—не болѣе и не менѣе, какъ логическій выводъ изъ ученій Виктора Гюго и Кузена. Нынѣ каждому очевидно, что ученія Гюго и Кузена неудовлетворительны; а кто отвергаетъ основанія, тотъ не можетъ согласиться и съ выводами.

Теперь мы должны говорить о мнѣніяхъ критиковъ, которые играли нѣкоторую роль въ литературѣ послѣдующихъ годовъ, до того времени, когда «Отечественныя Записки» пріобрѣли рѣшительное господство. Критиковъ этихъ было два: писатель, называвшій себя иногда Тютюнджи-Оглу, чаще барономъ Брамбеусомъ, а подъ нѣкоторыми статьями подписавшій и свое настоящее имя—О. И. Сенковскій [1]), и г. Шевыревъ. Припоминая ихъ сужденія о Гоголѣ, мы будемъ держаться прежняго правила—стараться показывать отношеніе мнѣній того или другаго критика объ отдѣльномъ вопросѣ къ общему характеру его критической дѣятельности: этимъ чрезвычайно облегчается и уясняется дѣло. Едва ли нужно замѣчать, что въ воспоминаніяхъ о дѣятельности барона Брамбеуса и г. Шевырева въ настоящее время нельзя руководиться ничѣмъ инымъ, кромѣ чисто историческаго интереса. Хотя оба эти писателя не покинули лите-

[1]) О томъ, что баронъ Брамбеусъ и Тютюнджи-Оглу были псевдонимы г. Сенковскаго, есть много указаній. Мы приведемъ одно изъ статьи Гоголя «О движеніи журнальной литературы» («Современникъ» 1836 г., № 1, стр. 197): «Г. Сенковскій является въ своемъ журналѣ «какъ критикъ, какъ повѣствователь, какъ ученый, какъ сатирикъ, какъ глашатай новостей «и проч., и проч., является въ видѣ Брамбеуса, Морозова, Тютюнджи-Оглу, А. Вѣлкина, нако«нецъ въ собственномъ видѣ».

ратурнаго поприща, но ихъ вліяніе на литературу и на публику принадлежитъ времени, уже прошедшему, и литературныя отношенія настоящаго уже не должны имѣть вліянія на сужденія объ этихъ писателяхъ, потому что не имѣютъ никакого соприкосновенія ни съ важными статьями г. Шевырева, которыми иные поучались лѣтъ пятнадцать, ни съ легкими статьями барона Брамбеуса, которыя въ извѣстномъ классѣ публики производили фуроръ лѣтъ двадцать тому назадъ. И самые журналы, бывшіе нѣкогда органами этихъ критиковъ, хотя существуютъ донынѣ, но уже совершенно измѣнили свое направленіе, и, какъ намъ кажется, къ лучшему. «Москвитянинъ» въ послѣдніе годы былъ органомъ г. А. Григорьева, который, по нашему мнѣнію, очень часто, или, чтобы говорить точнѣе, почти постоянно поддается страннымъ обольщеніямъ, но въ самыхъ странныхъ тирадахъ котораго видѣнъ умъ живой, энергическій и искреннее, горячее увлеченіе тѣмъ, что представляется ему истиною. Въ нынѣшнемъ журналѣ «Библіотека для Чтенія» критическія статьи часто содержатъ мысли болѣе основательныя, нежели прежнія сужденія. Такимъ образомъ, то, что мы должны будемъ говорить о писателяхъ, нѣкогда господствовавшихъ въ критическомъ отдѣлѣ «Библіотеки для Чтенія» и «Москвитянина», нимало не относится и не можетъ быть примѣняемо къ характеру этихъ журналовъ въ настоящее время.

Послѣ этихъ оговорокъ, нужныхъ только для немногихъ изъ читателей, потому что почти всѣ и безъ объясненій пишущаго чувствуютъ, какъ далеки литературные интересы настоящаго времени отъ всякаго соотношенія съ старинными статьями прежняго «Москвитянина» и прежней «Библіотеки для Чтенія»,—мы уже можемъ, не стѣсняясь никакими постороннимъ соображеніями, перейти къ характеристикѣ той роли, какую играли нѣкогда баронъ Брамбеусъ и г. Шевыревъ. Начинаемъ съ воспоминаній о баронѣ Брамбеусѣ, потому что блестящая эпоха его критики относится къ болѣе раннимъ годамъ, нежели окончательное развитіе воззрѣній г. Шевырева.

Грустнымъ, но поучительнымъ примѣромъ можетъ служить для русскихъ писателей исторія литературной дѣятельности барона Брамбеуса: имѣть столько дарованій—и растратить ихъ совершенно понапрасну, безъ всякой пользы для литературы, между тѣмъ, какъ даже напменѣе даровитые писатели часто приносили у насъ нѣкоторую пользу, заслужили себѣ право на нѣкоторую признательность,—это грустно; имѣть столько силы—и не оказать рѣшительно никакого вліянія, между тѣмъ, какъ писатели съ самымъ незначительнымъ запасомъ силъ имѣли у насъ свою долю вліянія, утвердили за собою мѣсто въ исторіи литературы,—это грустно, это покажется почти невѣроятно людямъ, которые не будутъ уже, подобно нашему поколѣнію, очевидцами явленія, столь ненатуральнаго.

Баронъ Брамбеусъ имѣлъ почти всѣ качества, нужныя для того, чтобъ играть важную и плодотворную роль въ литературѣ, особенно въ журналистикѣ.

Одна изъ главныхъ задачъ журналиста есть распространеніе положительныхъ знаній между своими читателями, ознакомленіе публики съ фактами науки. Въ нашей литературѣ, гдѣ еще такъ мало дѣльныхъ ученыхъ книгъ, да и тѣ находятся въ рукахъ самой ничтожной по числу части публики, исполнять эту обязанность журналистамъ еще необходимѣе, нежели въ другихъ литературахъ.

Публика наша хочетъ имѣть въ журналѣ не только журналъ, то есть органъ извѣстнаго мнѣнія, но и ученый сборникъ. Писатель, извѣстный подъ именемъ барона Брамбеуса, имѣлъ средства удовлетворять этой потребности публики. Онъ обладалъ обширною начитанностью по всѣмъ отраслямъ знанія, а по многимъ и основательными познаніями. Мы не будемъ, для болѣе поразительнаго контраста между средствами и результатами, говорить о его учености въ преувеличенныхъ выраженіяхъ: намъ всегда казалось забавно мнѣніе нѣкоторыхъ простодушныхъ людей, будто бы свѣтъ никогда не производилъ такого энциклопедиста, какъ баронъ Брамбеусъ. Даже въ кружкѣ нашихъ литераторовъ, всегда столь малочисленномъ, были около того времени, когда явился Брамбеусъ, люди, не уступавшіе ему обширностью познаній, напримѣръ Н. А. Полевой; были даже люди, далеко превосходившіе его, напримѣръ, г. Надеждинъ. Но то справедливо, что, не будучи ни единственнымъ, ни лучшимъ нашимъ энциклопедистомъ, этотъ писатель обладалъ дѣйствительно замѣчательною начитанностью. Во многихъ случаяхъ его знанія оказывались почерпнутыми изъ устарѣлыхъ или плохихъ источниковъ, особенно по философіи, эстетикѣ, политической экономіи, нѣкоторымъ отдѣламъ всеобщей исторіи, наконецъ по индо-европейской филологіи. Но естественныя науки онъ любилъ и зналъ основательно; а что касается Востока, онъ былъ въ свое время однимъ изъ лучшихъ оріенталистовъ въ Европѣ.

Мы указали недостаточность его знаній по многимъ важнѣйшимъ наукамъ: но ему не было бы затруднительно восполнить этотъ недостатокъ: ему стоило только захотѣть, и онъ легко знакомился съ результатами какой угодно науки; мѣсяца ему достаточно на то, для чего человѣку съ обыкновенными способностями нуженъ былъ годъ. Однимъ изъ примѣровъ этой способности былъ переводъ «Эймундовой Саги», въ свое время поразившій многихъ: извѣстно было, что г. Сенковскій употребилъ только полтора или два мѣсяца для изученія исландскаго нарѣчія, которое было ему совершенно неизвѣстно. Изумительнаго въ этомъ фактѣ не было ничего: кто знаетъ по-нѣмецки и по-англійски, тому изучить третье видоизмѣненіе общаго германскаго семейства языковъ—исландское нарѣчіе, такъ же легко, какъ русскому, знающему по-малороссійски, выучиться переводить съ польскаго; для человѣка съ хорошею памятью это дѣло нѣсколькихъ недѣль. Не надобно забывать и того, что г. Сенковскій, изучивъ уже много восточныхъ и европейскихъ языковъ, очень хорошо зналъ удобнѣйшія методы для практическаго изученія языковъ. Надобно прибавить, что латинскій переводъ, приложенный къ исландскому тексту, значительно помогалъ труду. Но, во всякомъ случаѣ, не будучи фактомъ необычайнымъ, переводъ «Эймундовой Саги» послѣ двухмѣсячныхъ занятій свидѣтельствуетъ объ острой памяти и быстрой способности соображенія въ переводчикѣ. Другой подобный примѣръ былъ менѣе замѣченъ тогдашними литераторами, но, безъ сомнѣнія, болѣе замѣчателенъ. Г. Сенковскій выучился очень хорошо писать на русскомъ языкѣ также въ очень непродолжительное время. Правда, литературные враги находили въ его языкѣ много ошибокъ; но эти придирки были почти всѣ несправедливы. Слогъ г. Сенковскаго могъ имѣть свои недостатки—это зависитъ отъ вкуса, а не отъ знаній въ языкѣ—но русскій языкъ г. Сенковскаго былъ съ самыхъ первыхъ его статей очень легокъ и чистъ. Человѣку зрѣлыхъ лѣтъ въ годъ,

въ два года выучиться хорошо владѣть языкомъ, на которомъ не привыкъ онъ говорить съ младенчества,—вещь гораздо болѣе рѣдкая, нежели выучиться въ два мѣсяца понимать писанныя на немъ книги.

Мы упомянули объ этихъ двухъ фактахъ для того, чтобы выставить ихъ въ истинномъ свѣтѣ. Тотъ и другой часто принимаются превратно: изученіе исландскаго нарѣчія въ два мѣсяца считаютъ многіе дѣломъ необычайнымъ, обнаруживая тѣмъ только собственное незнакомство съ дѣломъ, другіе нападаютъ на русскій языкъ г. Сенковскаго, не понимая того, что даровитый человѣкъ можетъ владѣть нѣсколькими языками лучше, нежели бездарный однимъ своимъ собственнымъ, и смѣшивая недостатки слога съ неправильностями языка, которыхъ безпристрастный читатель не найдетъ у г. Сенковскаго. Но мы вовсе не думаемъ, чтобы эти случаи были единственными или лучшими доказательствами быстроты и силы ума, которымъ одаренъ этотъ писатель. Не всѣ его статьи удачны,—многія слабы, какъ у всякаго, кто пишетъ много и печатаетъ все, что пишетъ; но въ самыхъ неудачныхъ постоянно видны очень замѣчательные проблески сильнаго ума, а въ лучшихъ этотъ умъ блеститъ на каждой страницѣ. Мы и здѣсь не хотимъ ничего преувеличивать, чтобы сдѣлать ярче противоположность между дарованіями и ихъ употребленіемъ: въ статьяхъ барона Брамбеуса нѣтъ такой силы ума, какая видна у лучшихъ тогдашнихъ журналистовъ: Марлинскаго, Н. А. Полеваго, г. Надеждина; но, во всякомъ случаѣ, писатель этотъ—человѣкъ замѣчательнаго ума.

Не должно смѣшивать умъ съ остроуміемъ. Объ этомъ послѣднемъ качествѣ, которымъ въ особенности славился баронъ Брамбеусъ, надобно сказать нѣсколько подробнѣе. Во время его славы, лучшіе тогдашніе литераторы, какъ Пушкинъ, Гоголь, кн. Вяземскій, Н. А. Полевой и проч., не были нимало ослѣплены насчетъ его остроумія... Но у нихъ остроуміе употреблялось въ дѣло только кстати, когда требовалъ того предметъ рѣчи, какъ и должно быть, подчиняясь другимъ, высшимъ чертамъ ихъ литературнаго характера. Напротивъ, баронъ Брамбеусъ избралъ остроумничанье своею спеціальностью, старался ни одного слова не сказать безъ украшенія остроуміемъ. Исключительность всегда рѣзче бросается въ глаза, нежели гармоническое равновѣсіе дарованій. Такъ, напримѣръ, втеченіе нѣкотораго времени Языковъ былъ болѣе извѣстенъ, какъ «пѣвецъ вина», а Козловъ какъ «пѣвецъ грусти», нежели Пушкинъ, хотя у Пушкина и эти стороны жизни выразились сильнѣе и полнѣе, нежели у Языкова и Козлова. Такъ въ наше время изображенія купеческаго быта у г. Островскаго многихъ занимаютъ болѣе, нежели сцены въ «Ревизорѣ» и «Женитьбѣ», изъ того же быта, хотя внимательное сравненіе покажетъ, что у г. Островскаго (мы говоримъ, конечно, о достоинствахъ, а не о недостаткахъ его комедій) очень немногое прибавлено къ тому, что уже указано Гоголемъ. Совершенно подобнымъ образомъ для большинства читателей остроуміе у барона Брамбеуса было замѣтнѣе, нежели у Н. А. Полеваго или г. Надеждина, хотя у послѣднихъ его было гораздо больше. У нихъ вниманіе читателя, не останавливаясь на формѣ, остроуміи, обращалось къ сущности, мысли статей; у барона Брамбеуса читатель останавливался исключительно на остроуміи, потому что кромѣ замысловатыхъ фразъ не на чемъ было останавливаться. Эта мысль далеко не новая, какъ и все, что мы говорили до сихъ поръ, и потому едва ли нуждается

въ доказательствахъ; но кому вздумается остановиться на ней, того мы попросимъ сравнить выписки изъ рецензій барона Брамбеуса, которыя мы приведемъ ниже, съ отрывками изъ разборовъ Н. А. Полеваго въ предъидущей нашей статьѣ. Если остроуміе состоитъ въ новости, непринужденности, разнообразіи, неожиданности, мѣткости сближенія, въ живости, ѣдкости фразеологіи, то не можетъ оставаться сомнѣнія въ огромномъ превосходствѣ на сторонѣ Н. А. Полеваго. Не знаемъ, скоро ли намъ представится случай говорить о «Телескопѣ» и г. Надеждинѣ, но каждый, кто помнитъ статьи «эксъ-студента Надоумко», скажетъ, что кромѣ Пушкина не кого изъ тогдашнихъ писателей сравнивать съ нимъ. Не говоримъ уже объ удивительномъ остроуміи самого Пушкина.

Почему же баронъ Брамбеусъ успѣлъ прославиться остроуміумъ, далеко уступая многимъ изъ тогдашнихъ журналистовъ въ этомъ отношеніи? Одну изъ причинъ мы уже видѣли—исключительное стремленіе его къ остроумію, мимо всякихъ другихъ цѣлей. Воейковъ, раздѣлявшій съ нимъ едва ли завидную выгоду заботиться преимущественно объ остроуміи, также легко достигъ въ свое время цѣли и считался едва ли не первымъ острякомъ, по крайней мѣрѣ, въ низшихъ слояхъ литературнаго кружка. Но въ публикѣ онъ далеко не пользовался такою извѣстностью, какъ баронъ Брамбеусъ: это потому, что ни одинъ изъ тогдашнихъ журналовъ не былъ такъ распространенъ, какъ «Библіотека для Чтенія». Въ 1830—1838 годахъ едва ли хотя одинъ журналъ расходился въ тысячѣ экземпляровъ [1]), а «Библіотека для Чтенія» въ первые годы расходилась въ числѣ отъ четырехъ до пяти тысячъ экземпляровъ. Очень естественно, что она была единственною распространительницею извѣстности въ массѣ публики. Баронъ Брамбеусъ былъ главнымъ лицомъ въ этомъ журналѣ, онъ единовластно управлялъ его мнѣніями, всѣ критическія и библіографическія статьи приписывались ему, и справедливо, потому что онъ передѣлывалъ и тѣ немногія, которыя были писаны не имъ; онъ самъ говорилъ о своихъ заслугахъ русской литературѣ, и до большинства публики не достигалъ ничей другой голосъ. Но, быть можетъ, не онъ обязанъ своею популярностью «Библіотекѣ для Чтенія», а самый этотъ журналъ обязанъ ею его управленію? Если такъ, распространеніе круга журнальныхъ читателей—столь важная услуга общественному образованію, что надобно было бы барона Брамбеуса поставить на ряду съ Новиковымъ, Карамзинымъ, Пушкинымъ, Гоголемъ, какъ сильнаго двигателя нашего просвѣщенія. Но онъ самъ нигдѣ не приписываетъ себѣ этой заслуги, хотя не забываетъ часто объяснять читателямъ всѣ свои права на высокое значеніе въ литературѣ; очевидно, ему даже не приходило на мысль, что «Библіотека для Чтенія» расширила кругъ русской публики. Оно и дѣйствительно было такъ. Масса людей, не имѣвшихъ прежде привычки читать, была привлечена къ чтенію произведеніями Пушкина и его сподвижниковъ. Душою русской книжной торговли былъ почтенный А. Ф. Смирдинъ. Довѣріе

---

[1]) Пушкинъ, въ 1832 году, говорилъ даже только о 500. «Одна газета, издаваемая двумя извѣстными литераторами, имѣя около 3,000 подписчиковъ, естественно должна имѣть большое вліяніе на читающую публику. Журналы литературные, вмѣсто 3,000 подписчиковъ, имѣютъ едва ли и 500,—слѣдственно, голосъ ихъ вовсе не дѣйствителенъ». Сочин. Пушк., изд. П. А. Анненкова, томъ 1-й, стр. 358.

къ имени Смирдина было такъ велико, литературныя и коммерческія связи его такъ обширны, что изданіе, имъ предпринимаемое, всегда должно было имѣть несравненно большій успѣхъ, нежели подобное же предпріятіе какого нибудь другаго лица. Писатель, который сдѣлался душою «Библіотеки для Чтенія», понялъ это и очень основательно поступилъ, внушивъ А. Ф. Смирдину мысль быть издателемъ журнала, имъ задуманнаго. Всѣ лучшіе русскіе литераторы были привлечены Смирдинымъ къ участію въ журналѣ. Такимъ образомъ, редакторъ «Библіотеки для Чтенія» умѣлъ воспользоваться обстоятельствами. Но кругъ русскихъ читателей былъ распространенъ Пушкинымъ и его сподвижниками, а не «Библіотекою для Чтенія»; «Библіотека для Чтенія» была обязана своимъ успѣхомъ участію Пушкина и почти всѣхъ другихъ литературныхъ знаменитостей и положенію своего издателя, Смирдина, въ книжной торговлѣ, а не редактору. Напротивъ, дѣйствія редактора были причиною паденія журнала. Все это вещи извѣстныя, и выписки изъ статьи Гоголя «О движеніи журнальной литературы за 1834 и 1835 годы», которыя будутъ намъ нужны для объясненія отношеній Брамбеуса къ Гоголю, представятъ подробности послѣдняго факта.

Но если вліяніе барона Брамбеуса было вредно для журнала, то, ужь конечно, не потому, чтобы редакторъ недостаточно заботился о сообщеніи журналу тѣхъ качествъ, которыя считалъ для него полезными. Трудно найти въ исторіи новой русской журналистики другаго редактора, который такъ неутомимо заботился бы о своемъ изданіи, употреблялъ бы на него столько трудовъ. Не говоримъ уже о томъ, что баронъ Брамбеусъ самъ писалъ чрезвычайно много, такъ что можетъ поспорить своимъ добровольнымъ трудолюбіемъ съ невольною неусыпностью самаго прилежнаго изъ такъ называемыхъ журнальныхъ чернорабочихъ. Но едва ли какой нибудь редакторъ такъ неутомимо и прилежно перерабатывалъ каждую статью своихъ сотрудниковъ: перечитывая первые годы «Библіотеки», вы рѣшительно во всѣхъ неподписанныхъ статьяхъ Критики, Литературной Лѣтописи, Смѣси находите совершенное единство слога, манеры, самыхъ мнѣній,—всѣ онѣ кажутся написаны одною рукою: такъ заботливо исправлены и передѣланы онѣ неутомимымъ редакторомъ. Въ этомъ отношеніи «Библіотека для Чтенія» доведена была до совершенства почти идеальнаго, потому что единство въ характерѣ всѣхъ этихъ чисто журнальныхъ статей, безъ сомнѣнія, должно быть цѣлью каждаго журнала. Если нельзя похвалить «Библіотеку» старыхъ годовъ за ея характеръ, то нельзя не похвалить ее за точную выдержанность характера. На статьяхъ въ отдѣлѣ Иностранной Словесности очень часто замѣтны также слѣды неутомимой передѣлки; то же самое часто, или, лучше сказать, почти постоянно, замѣтно даже въ подписанныхъ именами авторовъ оригинальныхъ русскихъ повѣстяхъ, постоянно въ неподписанныхъ, а иногда и въ подписанныхъ своими авторами статьяхъ по отдѣлу Наукъ. Однимъ словомъ, этотъ человѣкъ нѣсколько лѣтъ писалъ, быть можетъ, по сту печатныхъ листовъ и внимательно переправлялъ до самыхъ мелочныхъ подробностей почти все, что писали другіе для его журнала, часто вставляя по нѣскольку страницъ въ чужія статьи. Невольно думаешь: какъ много полезнаго произвела бы такая неутомимая дѣятельность, если бы направлена была къ какой нибудь важной цѣли!

Нельзя забыть еще двухъ великихъ достоинствъ, которыми отличался баронъ Брамбеусъ: онъ былъ одаренъ способностью писать очень легко и популярно и завиднымъ искусствомъ излагать свои мысли о самыхъ щекотливыхъ предметахъ съ достаточною ясностью.

Способность писать легко и популярно доказываютъ не тѣ его многочисленныя статьи, въ которыхъ онъ пародируетъ истины науки, съ цѣлью быть забавнымъ и занимательнымъ—это искусство легкое, оно по плечу каждому—но тѣ страницы, на которыхъ онъ излагаетъ свои собственныя теоріи съ искреннимъ намѣреніемъ убѣдить читателя. Сюда относятся многія мѣста изъ его статей объ «Иліадѣ» и «Одиссеѣ», о ниневійскихъ памятникахъ, о различныхъ вопросахъ изъ русской исторіи, напримѣръ о Несторовой Лѣтописи, о значеніи Литвы для русской народности, объ имени «славянинъ» и проч., о теоріи образованія словъ въ языкѣ и т. д. Эти мнѣнія до такой степени оригинальны, что многіе принимали ихъ за шутку. Но внимательное чтеніе всего, что написано было ихъ авторомъ, убѣждаетъ въ противномъ: одну и ту же шутку, почти одними и тѣми же словами, нельзя продолжать двадцать лѣтъ. Во-первыхъ, нельзя вѣчно помнить ее; остроумный человѣкъ скоро забываетъ свои остроты, потому что прежнія безпрестанно вытѣсняются изъ его ума новыми; во-вторыхъ, такой умный человѣкъ, какъ ученый, о которомъ мы говоримъ, не сдѣлалъ бы этого, чтобы не наскучить своимъ читателямъ. И дѣйствительно, предметы своихъ шутокъ и пародій онъ безпрестанно измѣняетъ и, говоря объ одномъ, не остерегается противорѣчить мнѣніямъ, которыя высказывалъ полгода или мѣсяцъ назадъ, говоря о другомъ. Но въ этихъ случаяхъ онъ безпрестанно повторяетъ то, что сказалъ однажды, повторяетъ кстати и не кстати, и каждый разъ съ величайшими подробностями. Нѣтъ сомнѣнія, что это его задушевныя, любимыя мысли, которыя онъ хочетъ внушить читателямъ. Нельзя хвалить основательность этихъ мыслей, но нельзя не хвалить той удобопонятности, съ какою изложены онѣ и ихъ доказательства, по большей части заимствованныя изъ самыхъ спеціальныхъ фактовъ науки, совершенно незнакомыхъ читателю: тонкости арабской филологіи, греческихъ діалектовъ излагаются ученымъ журналистомъ съ такою популярностью, что читатель, не затрудняясь, понимаетъ сущность и подробности вопроса, потому съ охотою пробѣгаетъ статью чрезвычайно спеціальную: благодаря искусству изложенія она кажется ему легкою и занимательною. Нѣтъ надобности говорить, какъ важно это достоинство въ журналистѣ,—и за это мы отдаемъ полную честь г. Сенковскому.

Нельзя не отдать справедливости ему и за то, что онъ гордо уклонялся отъ всякой полемики. На него отовсюду сыпались укоризны, часто несправедливыя, часто грубыя до оскорбительности. Онъ, при случаѣ, не щадилъ своихъ противниковъ, но никогда не принималъ вызововъ на перебранку, что было тогда въ большой модѣ. Онъ отзывался о своихъ противникахъ иногда очень жестко, но всегда такъ, что въ словахъ его слышался голосъ журналиста, высказывающаго свои мнѣнія, а не раздраженнаго человѣка. Это прекрасное, и нынѣ рѣдкое, а въ тѣ времена еще болѣе рѣдкое доказательство глубокаго сознанія собственнаго достоинства и силы.

Сколько залоговъ плодотворной дѣятельности! Ученость, проницательный и живой умъ, остроуміе, умѣнье вѣрно понять обстоятельства, подчинить ихъ

себѣ, пріобрѣсть огромныя средства для дѣйствія на публику, трудолюбіе, сознаніе собственнаго достоинства—все въ высокой степени соединялось въ этомъ писателѣ. Мы не думаемъ говорить, чтобы онъ былъ человѣкомъ необыкновеннымъ, далеко превышавшимъ всѣхъ своихъ соперниковъ; напротивъ, не только по употребленію силъ, но и по самымъ силамъ таланта должно нѣкоторыхъ, напримѣръ, Н. А. Полеваго и особенно г. Надеждина, поставить выше барона Брамбеуса. Но, во всякомъ случаѣ, этотъ человѣкъ былъ одаренъ отъ природы замѣчательными качествами и многія изъ нихъ успѣлъ развить до очень значительной силы. И однако же, что онъ сдѣлалъ для нашей литературы, для нашего просвѣщенія, или для науки? Посмотрите: люди съ гораздо меньшими дарованіями имѣли въ свое время нѣкоторое участіе въ развитіи нашей литературы, или просвѣщенія—скоро мы будемъ говорить объ одномъ изъ такихъ людей, именно о г. Шевыревѣ,—а баронъ Брамбеусъ, который былъ гигантъ передъ ними,—не сдѣлалъ ничего, совершенно ничего, и въ той жатвѣ, которая нынѣ зрѣетъ понемногу, нѣтъ ни одного колоса, который бы выросъ изъ сѣмени, брошеннаго его рукою. Почему же такъ? Причина очень простая: онъ пренебрегалъ такимъ простымъ дѣломъ, какъ посѣвъ хлѣба, да пренебрегалъ и самимъ хлѣбомъ, какъ пищею не довольно пряною и не довольно легкою: онъ хотѣлъ собрать вокругъ себя какъ можно больше почитателей; онъ вздумалъ, что дѣтей больше, нежели взрослыхъ людей; что дѣти лучше любятъ лакомства, нежели хлѣбъ, и занялся раздачею лакомствъ, которыя таяли на языкѣ, чѣмъ и кончалось дѣло. Прибавить можно развѣ то, что дѣти не слишкомъ разборчивы на лакомства, потому онъ мало заботился о качествѣ лакомствъ, лишь бы только раздавать ихъ побольше; а дешеваго можно раздать больше, нежели дорогаго, потому лакомства барона Брамбеуса по большей части были самыя дешевыя.

Смѣшно осуждать самолюбіе вообще: оно производитъ очень много хорошаго,—но только тогда, когда, подъ вліяніемъ разсудка и любви, избираетъ себѣ возвышенную цѣль; иначе оно, какъ всякая страсть, заведетъ человѣка на фальшивую дорогу, и онъ растратитъ свои силы безполезно для другихъ, безполезно и для собственной славы. Баронъ Брамбеусъ, до самаго того времени, какъ сдѣлался русскимъ писателемъ, не зналъ ни русской литературы, ни русской публики, будучи уже очень хорошо знакомъ съ богатыми иностранными литературами, зная, какъ высоко развиты понятія и знанія въ публикѣ западной Европы. Совершенно позволительно,—потому что очень естественно и справедливо,—было ему, узнавъ новую сферу, въ которой пришлось ему дѣйствовать, вывесть, по сравненію, не очень высокое заключеніе объ этой сферѣ. Очень естественно было ему, имѣя высокое понятіе о себѣ, почесть себя человѣкомъ, стоящимъ гораздо выше этой сферы,—и за это слишкомъ высокое мнѣніе о себѣ нельзя осудить его: въ собственномъ дѣлѣ трудно быть безпристрастнымъ судьею. Но должно замѣтить, что уже съ этого пункта начинается ошибка: вообще говоря, наша литература была мелка, наша публика мало развита; но между литераторами были люди, достойные всякаго уваженія, а въ публикѣ было стремленіе къ развитію. Но чтожъ оставалось дѣлать человѣку, который думаетъ, что все окружающее ниже его?—Таково было задушевное мнѣніе многихъ нашихъ литераторовъ, между прочимъ, и самого

Гоголя. Гоголь поставилъ цѣлью своего самолюбія помочь окружающимъ его людямъ возвыситься до него,—и это есть истинное самолюбіе, потому что только похвалы равныхъ могутъ быть лестными похвалами. Но помогать, улучшать, развивать—дѣло медленное и трудное; чтобы предаться ему, необходимо быть увѣрену въ томъ, что общество, о которомъ идетъ дѣло, способно и готово къ развитію—разсудительный человѣкъ не станетъ хлопотать понапрасну; надобно любить это общество, потому что никто не захочетъ трудиться на пользу тѣхъ, кого не любитъ.

Но мы думаемъ, что онъ былъ не правъ самъ передъ собою, изъ высокаго мнѣнія о себѣ и невысокаго мнѣнія о насъ сдѣлавъ заключеніе, что ему надобно потѣшаться надъ нами. Геркулесъ могъ поражать пигмеевъ, хотя и въ этомъ ему не было особенной славы; но миѳъ не говоритъ, чтобъ онъ терялъ время въ потѣхахъ надъ ними. Наше мнѣніе довольно ясно было высказано прежде: баронъ Брамбеусъ не былъ Геркулесомъ; и между нами были люди, которые скорѣе его могли имѣть право на это имя; но мы становимся на точку зрѣнія человѣка, о дѣйствіяхъ котораго говоримъ. Скажите, человѣкъ, считающій себя Геркулесомъ, а окружающихъ его пигмеями, не сдѣлался ли бы ничтожнѣе самыхъ пигмеевъ, еслибъ всю дѣятельность свою растратилъ на потѣхи надъ нѣкоторыми изъ пигмеевъ для потѣхи другихъ пигмеевъ? Одно только было сообразно съ его достоинствомъ: отвернуться отъ пигмеевъ и заняться другими подвигами, болѣе приличными силамъ, которыя онъ въ себѣ предполагаетъ. Пусть этотъ человѣкъ занялся бы борьбою съ Гаммеромъ, но не передъ профанами, въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ» Плюшара, съ Кювье и Шампольіономъ, но опять не передъ профанами, въ «Фантастическихъ Путешествіяхъ», а передъ лицомъ ученаго свѣта, хотя бы, напримѣръ, въ «Бюллетеняхъ» С.-Петербургской Академіи Наукъ или въ Journal des Savants. Тогда и мы, пигмеи, посмотрѣли бы, чѣмъ кончится борьба, и присоединили бы наши единодушныя похвалы къ похваламъ великихъ судей ученаго міра.

Но лиллипутскія забавы соблазнили барона Брамбеуса: на нихъ растратилъ онъ всѣ свои силы, забывъ о всякой другой аренѣ. Изъ этого мы должны заключать, что лиллипутская арена была для него совершенно удовлетворительна, и что ошибался онъ, считая себя слишкомъ многимъ выше лиллипутовъ. Замѣняемъ слово «пигмеи» лиллипутами для ясности: то мы говорили съ его точки зрѣнія, теперь уже отъ себя. Въ той сферѣ, гдѣ онъ находился, были люди различнаго роста. Какихъ онъ выбралъ своими товарищами, своими судьями? самыхъ малорослыхъ. Кого онъ хвалилъ? г. Тимоѳеева, котораго ставилъ соперникомъ Пушкину, г. Масальскаго, котораго называлъ талантливымъ и остроумнымъ писателемъ, г. фанъ-Дима, г. Бернетта, г. Очкина, г. В. Зотова, и т. д., и т. д. Вы скажете, что это была шутка? Но какъ бы низко ни думали мы о людяхъ, всегда надобно предполагать, что есть между ними нѣкоторые, не совершенно лишенные хотя небольшой частички здраваго смысла: передъ ними нельзя шутить подобныхъ шутокъ, нельзя, для собственнаго развлеченія, ставить г. Тимоѳеева выше Пушкина. Съ подобными рѣчами можно обращаться не къ публикѣ вообще, а только къ «избранной» публикѣ. Трудно предполагать, чтобы человѣкъ добровольно сдѣлалъ подобный выборъ. Вѣроятнѣе всего,

надобно объяснять загадочную роль Брамбеуса слѣдующимъ образомъ: отъ природы онъ получилъ довольно сильную наклонность блестѣть остроуміемъ и нѣкоторую склонность къ парадоксамъ, что почти нераздѣльно одно съ другимъ,—кромѣ того, большую увѣренность въ собственныхъ силахъ. Увѣренность эта и счастливыя обстоятельства, въ которыя онъ умѣлъ себя поставить, такъ что наконецъ сдѣлался полнымъ распорядителемъ единственнаго сильнаго журнала, внушили ему мысль, что онъ можетъ вертѣть этою литературою и этою публикою, какъ ему вздумается. Онъ вздумалъ, что, такъ какъ наша исторія еще мало разработана, наша литература еще мало развита, съ иностранными литературами мы еще мало знакомы, литературныя мнѣнія еще шатки въ большинствѣ публики, которая мало еще знакома и вообще съ наукою, то онъ можетъ сдѣлаться первымъ нашимъ беллетристомъ,—недостатокъ повѣствовательнаго таланта можно замѣнить заимствованіями у иностранныхъ писателей,—этого не откроютъ читатели, очень мало съ ними знакомые; можетъ передѣлать всю нашу исторію блестящими гипотезами—вѣдь она мало разработана: кто же докажетъ неосновательность этихъ предположеній?—можетъ увѣрять публику во всемъ, что ему вздумается, вѣдь ея литературныя мнѣнія шатки, а знанія слабы. И онъ началъ писать повѣсти, передѣлывая и переводя Бальзака, Жюля Жанена, Марріета, Вольтера, Лесажа, Фильдинга, Рабле, и т. д., и т. д. [1]). Онъ рѣшился доказывать, что языкъ Несторовой Лѣтописи—польскій, что литовцы—коренные русскіе славяне, что «славянинъ» значитъ «человѣкъ», а «славяне»—«человѣки», что китайскій языкъ отличается отъ еврейскаго только интонаціею, что «Иліада» и «Одиссея» писаны на бѣлорусскомъ нарѣчіи, что Киръ и его персы говорили нарѣчіемъ, очень близкимъ къ бѣлорусскому, такъ что персепольскія гвоздеобразныя надписи скорѣе всего можно прочитать на бѣлорусскомъ нарѣчіи, и т. д., и т. д. Но оказалось, что наша публика не такъ легковѣрна, а литераторы и ученые наши не такіе невѣжды, какими надлежало имъ быть для успѣха въ столь смѣлыхъ предпріятіяхъ: заимствованія были открыты, неосновательность гипотезъ обнаружилась, и тогда самолюбіе заставило барона Брамбеуса систематически и преднамѣренно продолжать то, что было начато, быть можетъ, только необдуманно, отчасти по излишней увѣренности въ собственныхъ дарованіяхъ, отчасти по неосновательности знаній въ тѣхъ наукахъ, которыя онъ вздумалъ пересоздавать. Кого не удовлетворяетъ это объясненіе, тотъ можетъ прочитать другое, болѣе простое, въ статьѣ «Менцель» (Отечественныя Записки, томъ VIII, Науки, на страницахъ 27—29).

Мы самымъ краткимъ образомъ говорили о повѣствовательной и ученой дѣятельности барона Брамбеуса, но должны сказать нѣсколько подробнѣе о характерѣ его критическихъ статей и рецензій, съ одной стороны потому, что на нихъ преимущественно опиралось мнѣніе о немъ, какъ объ остроумнѣйшемъ изъ русскихъ писателей, нѣкоторое время господствовавшее въ извѣстномъ классѣ публики, съ другой потому, что критическая его дѣятельность ближай-

---

[1]) Предѣлы статьи заставляютъ насъ ограничиться только указаніемъ на статью «Брамбеусъ и юная словесность», помѣщенную въ «Московскомъ Наблюдателѣ» 1835 г., томъ 2. Тамъ приведены доказательства.

шимъ образомъ относится къ нашему предмету. Признаемся, мы прочитывали эти статьи со скукою, потому что остроуміе ихъ очень однообразно и вложено въ нихъ почти всегда чисто механическимъ способомъ, который по плечу каждому рецензенту, даже наименѣе остроумному. Все искусство состоитъ обыкновенно въ томъ, чтобы ловить неправильныя фразы въ разбираемой книгѣ и потомъ повторять ихъ нѣсколько разъ; если заглавіе книги не совсѣмъ удачно, то посмѣяться и надъ заглавіемъ; если же можно, то прибрать какія нибудь подобнозвучныя или подобнозначащія слова заглавію или фамиліи автора и, повторяя ихъ нѣсколько разъ, перемѣшивать, напримѣръ «Московскаго Наблюдателя» называть то «Московскимъ Надзирателемъ», то «Московскимъ Надирателемъ», то «Московскимъ Соглядатаемъ», то «Московскимъ Подзирателемъ». Разбирая книжку, на которой авторъ, конечно какой нибудь Протопоповъ, выставилъ свою фамилію такъ: Пр. т. п. п. въ (невинная скромность, употребительная въ тѣ блаженныя времена), разъ двадцать повторить: «говоритъ г. П. п. п. п. въ», «говоритъ г. П. р. р. р. р. въ», «говоритъ г. П. п. п. р. р. р. въ», и т. д. Однимъ словомъ, по этому очень незамысловатому рецепту остроумный разборъ «Мертвыхъ Душъ» могъ бы быть написанъ слѣдующимъ образомъ. Выписавъ заглавіе книги: «Похожденія Чичикова или Мертвыя Души», начинать прямо такъ: «Прохлажденія Чхи! чхи! кова—не подумайте, читатель, что я чихнулъ, я только произношу вамъ заглавіе новой поэмы г. Гоголя, который пишетъ такъ, что его можетъ понять только одинъ Гегель... Я отдохнулъ и продолжаю: Чхи... Это грузинецъ: у грузинцевъ ни одна фамилія не обходится безъ Чхи! чхи!.. Итакъ, «Прегражденія Чичикова, или Мертвыя Туши... Не знаемъ, о тушинцахъ ли, сосѣдяхъ грузинъ, говоритъ авторъ, или о Тушинскомъ Ворѣ, или о бурой коровѣ, или о своихъ любимыхъ животныхъ, которыхъ такъ часто описываетъ съ достойнымъ ихъ искусствомъ», и т. д., и т. д. Лѣтъ двадцать тому назадъ находились читатели, которымъ это казалось остроуміемъ. Тогда могли найтись даже читатели, которые поняли бы тонкій каламбуръ, скрытый въ словахъ «прохлажденія... пригвожденія... прегражденія Чхичхикова», и сказали: «ай-да молодецъ! раскритиковалъ! Ужь подлинно, такъ прохладилъ да пригвоздилъ, что преградитъ писаніе такихъ нелѣпостей. Вѣрно не разъ чихнетъ авторъ отъ этой критики!» И читатель былъ доволенъ собою, слѣдовательно восхищенъ ловкимъ критиканомъ, доставившимъ ему случай не только разсмѣяться, но и самому сказать остроту! О, благословенныя времена! Какъ легко было прослыть тогда остроумцемъ въ извѣстномъ кругу читателей, объ одномъ изъ которыхъ упоминаетъ несравненный лейтенантъ Жевакинъ: «У насъ въ эскадрѣ капитана «Волдырева былъ мичманъ Пѣтуховъ, Антонъ Ивановичъ: тоже этакъ былъ «веселаго нрава. Бывало, ему ничего больше, покажешь этакъ одинъ палецъ— «вдругъ засмѣется, ей Богу! и до самаго вечера смѣется. Ну, глядя на него, «и самому сдѣлается смѣшно, и смотришь наконецъ, и самъ, точно, смѣешься» (Сочин. Гоголя, 4 часть, 308 стр. новаго изданія). Мало уже нынѣ Пѣтуховыхъ, Антоновъ Ивановичей! Воля ваша, скажешь Гоголемъ: «скучно на свѣтѣ, господа!», особенно скучно, когда по необходимости перечитываешь то, надъ чѣмъ такъ смѣялись Антоны Ивановичи, лѣтъ за двадцать.

Это объ остроуміи; что же касается содержанія и смысла рецензій и

критикъ барона Брамбеуса, мы находимъ у Гоголя совершенно справедливый отзывъ (О движеніи журнальной литературы, «Современникъ» 1836 г., № 1):

Въ разборахъ и критикахъ г. Сенковскій никогда не говорилъ о внутреннемъ характерѣ разбираемаго сочиненія, не опредѣлялъ вѣрными и точными чертами его достоинства: критика его была или безусловная похвала, въ которой рецензентъ отъ всей души тѣшился собственными фразами, или хула, въ которой отзывалось какое-то странное ожесточеніе. Она состояла въ мелочахъ, ограничивалась выпискою двухъ-трехъ фразъ и насмѣшкою. Ничего не было сказано о томъ, что предполагалъ себѣ цѣлью авторъ разбираемаго сочиненія, какъ оное выполнилъ и, если не выполнилъ, какъ долженъ былъ выполнить. Больше всего г. Сенковскій занимался разборомъ разнаго литературнаго сора, множествомъ всякаго рода пустыхъ книгъ: надъ ними шутилъ, трунилъ и показывалъ то остроуміе, которое такъ нравится нѣкоторымъ читателямъ; наконецъ даже завязалъ цѣлое дѣло о двухъ мѣстоименіяхъ, «сей» и «оный», которыя показались ему, неизвѣстно почему, неумѣстными въ русскомъ языкѣ. Объ этихъ мѣстоименіяхъ писаны были имъ цѣлые трактаты, и статьи его, разсуждавшія о какомъ бы то ни было предметѣ, всегда оканчивались тѣмъ, что мѣстоименія «сей» и «оный» совершенно неприличны. Это напомнило старый процессъ Тредьяковскаго за букву ижицу и десятиричное і: книга, въ которой встрѣчались эти двѣ частицы, была торжественно признаваема написанною дурнымъ слогомъ.

Къ этимъ совершенно справедливымъ словамъ надобно прибавить замѣчаніе о томъ, откуда взятъ былъ тонъ и слогъ этихъ статей,—изъ литературныхъ фельетоновъ Жюля Жанена, который тогда былъ въ цвѣтѣ молодости и на вершинѣ своей славы. И вотъ мы пришли къ необходимости вникнуть въ предполагаемыя нѣкоторыми заслуги барона Брамбеуса передъ русскою литературою. Никто не скажетъ теперь, чтобы его повѣсти были особенно хорошимъ пріобрѣтеніемъ для нашей беллетристики, никто не скажетъ, чтобы отъ его ученыхъ статей хотя сколько нибудь выиграла или наука, или публика; но въ старые годы Антоны Ивановичи Пѣтуховы получили обыкновеніе повторять его слова, что онъ ввелъ въ русскую литературу легкій прозаическій слогъ, первый началъ писать у насъ живымъ и свѣтскимъ языкомъ. Чтобы говорить это, надобно не имѣть понятія о нашихъ журналахъ 1825—1833 годовъ. Полевой и его сотрудники писали, когда то было сообразно съ предметомъ, самымъ легкимъ языкомъ. Не говоримъ уже о томъ, что для присужденія барону Брамбеусу заслугъ относительно языка надобно думать, что онъ былъ учителемъ Пушкина и его сподвижниковъ. «Телеграфъ», «Молва» и почти всѣ другіе журналы показываютъ, что около 1825—1830 года искусство писать легкимъ языкомъ не было даже принадлежностью одной пушкинской школы, а рѣшительно всѣхъ грамотныхъ и небездарныхъ прозаиковъ. Странная ошибка, въ которую впалъ баронъ Брамбеусъ, приписывая себѣ заслугу введенія у насъ легкой прозы, что уже было сдѣлано задолго до него, происходитъ оттого, что ему самому единственнымъ превосходнѣйшимъ прозаическимъ языкомъ казалась жюль-жаненовская манера, которую, дѣйствительно, ввелъ онъ у насъ, какъ нѣкогда иные вводили фонтенелевскую манеру, другіе стерновскую, третьи юнгъ-штиллинговскую или эккартсгаузеновскую манеру. Дѣло просто въ томъ, что каждый подражатель поддѣлывался подъ слогъ своего образца. Баронъ Брамбеусъ смѣшалъ понятія «языкъ», который бываетъ въ данную эпоху почти одинаковъ у всѣхъ грамотныхъ писателей, и «слогъ», то есть особенную манеру

каждаго писателя. Онъ былъ у насъ первымъ подражателемъ Жюля Жанена и, дѣйствительно, первый изъ литераторовъ, игравшихъ замѣтную роль, началъ поддѣлываться подъ его слогъ; считая этотъ слогъ идеаломъ совершенства и не зная различія между языкомъ и слогомъ, онъ, по нашему мнѣнію, совершенно добродушно, пришелъ къ заключенію, что онъ первый у насъ началъ писать превосходнымъ прозаическимъ языкомъ, о чемъ для человѣка, хотя немного понимающаго дѣло и читавшаго хотя нѣсколько страницъ пушкинской прозы, не могло быть и рѣчи въ 1834 или 1833 году. Но можетъ быть рѣчь о томъ, хороша ли манера Жюля Жанена и не должно ли считать заслугою барона Брамбеуса хотя то, что онъ, подражая Жюлю Жанену, писалъ хорошимъ слогомъ, хотя хорошій слогъ тогда уже не былъ новостью. Вотъ до чего мы дошли! Неужели надобно серьезно говорить о такомъ писателѣ, какъ Жюль Жаненъ? Ужели надобно доказывать, что слогъ его растянутъ, вычуренъ, приторенъ, что ни естественности, ни жизни, ничего, чѣмъ отличается слогъ хорошихъ писателей, въ немъ нѣтъ? Одинъ фельетонъ пишетъ онъ, заключая каждую фразу восклицательнымъ знакомъ,—замѣтьте, буквально каждую фразу, не пропуская ни одной; другой—послѣ каждыхъ двухъ-трехъ словъ ставя нѣсколько точекъ; третій—начиная каждую фразу словами oh! que j'aime; четвертый—словомъ hélas! и т. д., и т. д., но повсюду остается онъ вѣренъ двумъ правиламъ: говорить какъ можно меньше о дѣлѣ и какъ можно больше о пустякахъ, и растягивать фразы до безконечности наборомъ десяти, пятнадцати синонимовъ, безконечнаго ряда прилагательныхъ или глаголовъ, такимъ образомъ: «юный, свѣжій, розовый, цвѣтущій, весенній, ароматный румянецъ ея щекъ прельщалъ насъ такъ недавно, и—hélas!—она увяла, поблекла, поблѣднѣла, уснула, покинула насъ... не хочу сказать: умерла—умереть значитъ пережить себя, быть забытымъ, и т. д., и т. д. А такое чудное, дивное, упоительное, восхитительное, очаровательное и т. д. существо можетъ ли быть когда нибудь забыто? Oh, non, ты всегда будешь лучшимъ, прекраснѣйшимъ и т. д. воспоминаніемъ», и т. д., и т. д. на пятнадцать столбцовъ,—и замѣтьте, что это говорится о смерти какой нибудь сорокалѣтней, неуклюжей танцовщицы, и замѣтьте, что она вовсе не думала умирать, а краснорѣчивый плачъ написанъ для того, чтобы завтра публика, увидѣвъ ея имя на афишѣ, толпою бросилась въ театръ рукоплескать воскресшему «юному, дивному, прелестному, очаровательному и т. д. существу». Или перемѣнимъ тему; надобно сказать: «я изумленъ и обрадованъ». Жюльжаненовскимъ слогомъ говорится это такъ: «я пыхчу, я задыхаюсь, я волнуюсь, я потѣю, я холодѣю, я трепещу отъ восторга, отъ удивленія, отъ изумленія, и т. д., и т. д.». Писать самому такимъ слогомъ и рекомендовать его другимъ не составляетъ особенной заслуги.

Повѣсти барона Брамбеуса, его критическія статьи и рецензіи постоянно писаны въ манерѣ Жюля Жанена. О повѣстяхъ мы не будемъ говорить; но въ критическихъ статьяхъ есть значительная разница между этими двумя рецензентами: несмотря на всю реторику, всю натянутость изложенія и постоянныя усилія выдать дурное за хорошее и наоборотъ, у Жюля Жанена очень часто замѣтенъ эстетическій вкусъ,—слишкомъ утонченный, изысканный, но все-таки тонкій; кромѣ того, его фельетоны, несмотря на всю свою пустоту, болѣе или

менѣе проникнуты одною идеею,—тою самой, лучшимъ представителемъ которой служитъ его газета, Journal des Dèbats. Эта идея очень мелка, но все-таки она даетъ нѣкоторый смыслъ, нѣкоторую внутреннюю цѣнность болтовнѣ Жюля Жанена: лучше что нибудь, нежели ничего. У барона Брамбеуса вмѣсто этихъ качествъ замѣтно болѣе учености, нежели у поверхностнаго Жюля Жанена; но вы рѣшительно не видите, чего хотятъ его рецензіи, и доходите до убѣжденія, что рецензентъ лишенъ вкуса. Вы постоянно видите, что для него не замѣтно различія между дурнымъ и хорошимъ въ художественномъ отношеніи. Для него самого незамѣтно—сказали мы—потому что недостаточно объяснять его ошибки преднамѣренностью, желаніемъ посмѣяться, ввести въ заблужденіе читателей или автора: всему есть свои предѣлы; напримѣръ, называть Тимоѳеева Пушкинымъ можно только тогда, когда самъ не замѣчаешь различія между этими двумя писателями. Мы могли бы привесть безчисленное множество подобныхъ примѣровъ, но довольно будетъ и двухъ: одинъ, самый извѣстный, изумившій многихъ въ свое время, есть разборъ драматической фантазіи г. Кукольника, «Торквато Тассо»; этою статьею дебютировала критика «Библіотеки для Чтенія» (1834 г. № 1); другой примѣръ—отзывъ о поэмѣ г. В. Зотова, «Послѣдній Хеакъ».

Разборъ «Торквато Тассо» начинается тѣмъ, что драматическая фантазія г. Кукольника признается явленіемъ столь же высокаго достоинства, какъ «Послѣдній день Помпеи». Поводомъ къ сравненію было то обстоятельство, что оба эти произведенія сдѣлались извѣстными публикѣ въ одинъ и тотъ же годъ.

Но—продолжаетъ критикъ, подписавшійся именемъ Тютюнджи-Оглу—публика наша, къ сожалѣнію, встрѣтила «Торквато Тассо» очень холодно. Впрочемъ, это ничего не доказываетъ: «первыя творенія музы Байрона встрѣтили точно такую же холодность въ англійской публикѣ», лордъ Брумъ, знаменитый въ свое время цѣнитель литературныхъ явленій, «совѣтовалъ даже ему никогда не писать стиховъ», и только Вальтеръ Скоттъ объяснилъ англичанамъ величіе новаго поэтическаго генія. «Я желалъ бы, чтобы Вальтеръ Скоттъ «воскресъ изъ могилы и оказалъ другую подобную услугу намъ, русскимъ: по «скромной недовѣрчивости къ собственнымъ нашимъ силамъ, мы не смѣемъ «подумать, чтобы между нами возникъ необыкновенный поэтическій талантъ— «молодой Кукольникъ». Разсказавъ содержаніе поэмы и выписавъ изъ нея два или три «превосходные отрывка», критикъ доходитъ до видѣнія больнаго Тассо въ домѣ сумасшедшихъ, этой «чудесной, единственной сцены, достойной вели- «чайшаго поэтическаго генія, истинной, высшей поэзіи ужаса». Для тѣхъ, кто позабылъ этотъ удивительный отрывокъ, красоты котораго столь вѣрно воспроизведены во второмъ отрывкѣ, «Доменикино Фети», драматической фантазіи Новаго Поэта, скажемъ, что въ этой сценѣ «Торквато Тассо» безпрестанно сверкаетъ молнія, при блескахъ которой возникаетъ «Черный духъ съ крыльями», Тассо бросается обнимать его, «но упавшая за самымъ окномъ съ «ужаснымъ трескомъ молнія нѣсколько моментовъ ярко освѣщаетъ комнату», духъ исчезаетъ, Тассо «обнимаетъ воздухъ», «невольно падаетъ на колѣни» и начинаетъ изъяснять свое отчаяніе высокопарными словами, потомъ «подъ- «емлетъ голову, но, увидѣвъ надъ собою золотой вѣнецъ въ сіяніи, падаетъ

«нищъ». Представивъ читателямъ это нескладное, напыщенное подражаніе первымъ сценамъ «Фауста», критикъ говоритъ: «Если это не поэзія, не самая «высокая драматическая поэзія, то во мнѣ нѣтъ души. Этой сцены нельзя «читать безъ трепета. Одинъ Тальма былъ бы въ состояніи представлять ее: «въ его рукахъ она произвела бы такой же ужасный и гораздо высшій эф- «фектъ, какъ прославленная сцена лунатизма въ Макбетѣ». Почти также прекрасно драматизирована, на взглядъ критика, смерть Лукреціи, приключившаяся такимъ манеромъ:

«Тассъ подбѣгаетъ и падаетъ у ея кровати на колѣни. Лукреція хватается за сердце.

Лукреція.

Ахъ, сердце, сердце!
(Съ пронзительнымъ крикомъ)
Га! разорвалось! (*Умираетъ*).

Всѣ эти удивительно поэтическія мѣста «приносятъ (по словамъ критика) величайшую честь поэтическимъ дарованіямъ юнаго нашего Гёте», и «я также «громко восклицаю (говоритъ онъ): *великій Кукольникъ*! передъ его видѣ- «ніемъ Тасса и кончиною Лукреціи, какъ восклицаю: *великій Байронъ*! передъ «многими мѣстами твореній Байрона».

Обыкновенно принимали этотъ разборъ за насмѣшку надъ публикою и авторомъ. Смыслъ этой статьи можетъ быть только таковъ: собственно говоря, «Манфредъ» Байрона такъ же плохъ или хорошъ, какъ «Тассо» г. Кукольника, и я рѣшительно не знаю, хорошъ или дуренъ «Манфредъ»—вы, публика, думаете, что онъ хорошъ—такъ вотъ вамъ другое произведеніе, которое не хуже его.—Вотъ отзывъ того же критика о «Послѣднемъ Хеакѣ»:

«Не должно судить о дарованіи г. Зотова по этой поэмѣ: она его первая поэма, а первая поэма бываетъ всегда слаба, хотя бы, напримѣръ, «Хаджи Абрекъ» Лермонтова. «Мы уговаривали даровитаго Лермонтова не печатать «своей первой поэмы», увѣряя его, что онъ будетъ писать хорошо впослѣдствіи времени, а первая поэма его слаба; но «юный поэтъ не отставалъ», и «чтобы удовлетворить эту невинную мечту неопытности», мы «напечатали «Хаджи Абрека»въ сокращеніи, съ выпускомъ главнѣйшихъ длиннотъ и страшнѣйшихъ картинъ».—«Между Абрекомъ и Послѣднимъ Хеакомъ мы видимъ большое сходство. Здѣсь также встрѣчаются очень скучныя длинноты, но, такъ же, какъ и въ «Абрекѣ», есть мѣста, предвѣщающія рѣшительный талантъ». Рецензентъ доказываетъ это длинными отрывками изъ «Хеака»,—отрывками, достоинство которыхъ читатели могутъ вообразить себѣ и безъ нашихъ объясненій. «Послѣ этихъ выписокъ (заключаетъ рецензентъ) намъ остается только пожелать, чтобы невольное сближеніе послѣдняго Хеака съ Абрекомъ принесло счастіе юному поэту, и чтобы г. В. Зотовъ, уже товарищъ Лермонтову по первому поэтическому грѣху, точно также загладилъ свою поэму истинными успѣхами въ искусствѣ и явился современемъ товарищемъ ему по таланту и славѣ».

Здѣсь опять то же самое: вы, публика, говорите, что «Хаджи Абрекъ» въ цѣломъ слабъ, но имѣетъ мѣста, предвѣщающія рѣшительное дарованіе.

Вы говорите, что Лермонтовъ великій поэтъ. Не знаю, такъ ли это; но «Послѣдній Хеакъ», на мой взглядъ, ничѣмъ не отличается отъ «Хаджи Абрека»; потому надобно предрекать, что современемъ вы, публика, будете находить, что г. В. Зотовъ «товарищъ Лермонтову по таланту и славѣ». Можно морочить публику относительно Кювье и Шампольйона, потому что публика не читала и не будетъ читать ихъ; но Лермонтова она прочла, Байрона также знаетъ довольно хорошо, и говорить о нихъ такія странныя вещи можно только проговариваясь.

Невольнымъ сознаніемъ передъ собою въ своей неспособности оцѣнивать достоинства и недостатки литературныхъ произведеній надобно объяснять постоянное правило барона Брамбеуса: съ одной стороны, о замѣчательныхъ явленіяхъ нашей словесности упоминать только вскользь, отдѣлываясь отъ нихъ нѣсколькими общими фразами, одною или двумя страничками, почти всегда повторяя только то, что уже было сказано другими, но, чтобы придать оригинальность заимствованнымъ сужденіямъ, повторяя ихъ въ утрированной формѣ; и, съ другой стороны распространяться о сѣробумажныхъ книжкахъ, въ которыхъ главное дѣло не художественные недостатки—къ эстетикѣ не имѣютъ онѣ никакого отношенія—а просто безсмысленность и безграмотность. Для того, чтобы умѣть осудить ихъ, не впадая въ промахи, довольно быть человѣкомъ грамотнымъ и неглупымъ. Въ началѣ баронъ Брамбеусъ попробовалъ писать большія статьи о романахъ и драмахъ, которыя хотѣлъ расхвалить или побранить: такъ, въ первыхъ нумерахъ «Библіотеки» помѣщены были обширные критическіе разборы «Торквато Тассо» и нѣкоторыхъ другихъ произведеній г. Кукольника, «Мазепы» г. Булгарина, «Черной Женщины» г. Греча. Но скоро онъ пересталъ пускаться въ подобныя предпріятія, вѣроятно, самъ, какъ человѣкъ умный, замѣтивъ, что они не въ характерѣ его способностей. Критическій отдѣлъ «Библіотеки для Чтенія» сталъ наполняться почти исключительно разборами ученыхъ сочиненій, а Литературная Лѣтопись—длинными рецензіями о пустыхъ, не заслуживающихъ вниманія книжкахъ. Вотъ, напримѣръ, заглавія литературныхъ произведеній, которыя удостоены очень длинныхъ рецензій въ послѣднихъ нумерахъ «Библіотеки для Чтенія» 1842 г.

«Сенсаціи и замѣчанія госпожи Курдюковой за границею, данъ л'этранже», «Княжна Хабиба», повѣсть въ стихахъ Александры Фуксъ, «Мечты и звуки поэзіи Іосифа Грузинова», «Завѣтныя думы, Осенніе цвѣты и Вечерніе досуги», стихотворенія М. Демидова, «Послѣдній Хеакъ», поэма В. Зотова, «Мать и дочь», романъ, сочиненіе Михайла Чернявскаго, «Сердце женщины», романъ М. Воскресенскаго», «Etincelles et Cendres, poëssies par mademoiselle E. Oulybychell». Moscou. 1842, «Любовь музыканта», романъ А. Ярославцева, «Повѣсти для добрыхъ москвитянъ», сочиненіе Эммануила Люмина.

О каждой изъ этихъ книгъ говорится преподробно, объ иныхъ на 15, объ иныхъ на 20 страницахъ. Зато въ старыхъ годахъ «Библіотеки», начиная съ 1838 г. (въ 1836 и 1837 гг. разборы для этого журнала доставлялъ П. А. Полевой), напрасно стали бы вы искать хотя такихъ статей, какъ разборы «Торквато Тассо» и «Черной Женщины». А между тѣмъ, журналъ проникнутъ былъ сильною потребностью хвалить романистовъ и поэтовъ, къ

которымъ благоволилъ. Онъ и хвалилъ ихъ безпрестанно, но только общими фразами, чувствуя, что подробные разборы даже посредственныхъ произведеній ему не по силамъ.

Теперь нѣтъ надобности намъ распространяться о томъ, могъ ли баронъ Брамбеусъ сказать о Гоголѣ что нибудь въ самомъ дѣлѣ замѣчательное. Кто не сказалъ ни о комъ ничего, тотъ, конечно, ничего особеннаго не сказалъ и о Гоголѣ. Сначала «Библіотека для Чтенія» вѣрно держалась своего правила: о «Миргородѣ» и «Арабескахъ» она сказала только по нѣскольку словъ, довольно благосклонныхъ, потому что всѣ другіе журналы отозвались объ этихъ книгахъ выгодно. О «Вечерахъ на Хуторѣ близъ Диканьки» было сказано («Библіотека для Чтенія» 1834 г., № 5), что «у автора есть большое дарованіе», и съ обычною мѣткостью эстетическихъ сужденій барона Брамбеуса было прибавлено, что «у него нѣтъ чувства», между тѣмъ, какъ на каждаго читателя, не лишеннаго вкуса, сильнѣйшее впечатлѣніе производятъ «Вечера на Хуторѣ» именно своею задушевностью и теплотою. О «Миргородѣ», въ 3-мъ нумерѣ «Библіотеки» 1836 года, было сказано:

Впродолженіе двухъ томовъ вы только и видите, что малороссійскихъ мужиковъ, казаковъ, дьячковъ, мастеровыхъ. Публика г. Гоголя «утираетъ носъ полою своего балахона» и жестоко пахнетъ дегтемъ, и всѣ его повѣсти, или, правильнѣе, сказки, имѣютъ одинаковую физіономію. Литература эта, конечно, невысока, эта публика еще одной степенью ниже знаменитой публики поль-де-коковой; однакожь, книга читается съ большимъ удовольствіемъ, потому что она писана слогомъ плавнымъ, пріятнымъ, исполненнымъ непринужденной веселости, для которой часто прощаешь автору неправильность языка и грамматическія ошибки. Самое замѣчательное качество манеры г. Гоголя—когда г. Гоголь не вдается въ сужденія объ ученыхъ предметахъ—есть то особенное малороссійское забавничанье, та простодушная украинская насмѣшка, которыми онъ обладаетъ въ высшей степени и которыя столько же различны съ англійскимъ юморомъ, сколько съ французскими тюрлюпинадами, или съ тѣмъ, что во Франціи называютъ goguenardise. Что это отнюдь не esprit, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія; а тѣмъ, которые принимали манеру автора «Вечеровъ на Хуторѣ» за humour, имѣемъ честь доложить, со всѣмъ должнымъ почтеніемъ къ ихъ проницательности, что они, повидимому, не имѣютъ яснаго понятія объ юморѣ. Мы настаиваемъ на эти различія, которыя не каждому дано чувствовать въ равной степени, и хотя, слава Богу, не смѣшиваемъ малороссійской потѣхи съ юморомъ Стерна, Лема или Гогга, желали-бъ, однакожь, двухъ вещей: чтобы г. Гоголь не оставлялъ своей манеры, потому что она оригинальна, забавна и носитъ неподдѣльный отпечатокъ народности ума, и чтобы другіе не подражали его манерѣ, если они не родились въ Малороссіи, потому что она такъ же неподражаема и самобытна, какъ esprit и какъ юморъ. Дѣйствующія лица этихъ сказокъ принадлежатъ къ самымъ низкимъ сословіямъ и говорятъ языкомъ, приличнымъ своему званію: при всемъ томъ языкъ этотъ не поражаетъ читателя ни пошлыми оборотами бесѣды въ присядку, ни грубостью, слишкомъ вѣрною черной природѣ. Какъ не полюбить этихъ молодыхъ казачекъ, съ такими круглыми бровями, съ такимъ свѣжимъ и румянымъ лицомъ? Какъ не находить удовольствія въ картинѣ этихъ нравовъ, добродушныхъ, простыхъ, забавныхъ? Самая милая сказка—«Ночь передъ Рождествомъ»; она очень весела, очень drôle... вѣрнѣе мы не умѣемъ выразить ея свойства. Здѣсь часто попадается и остроуміе, и вообще вы читаете ее съ наслажденіемъ и любопытствомъ съ начала до конца. «Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька» есть единственная въ цѣломъ сочиненіи повѣсть, въ которой нѣтъ мужиковъ и казаковъ, и она именно столько занимательна, сколько нужно, чтобъ пожалѣть о томъ, что она не кончена.

Самый недовѣрчивый читатель согласится, что эта рецензія написана въ

благосклонномъ тонѣ. Но не дальше, какъ черезъ два мѣсяца, въ 5 нумерѣ «Библіотеки» того же года, былъ помѣщенъ разборъ «Ревизора» совершенно въ другомъ родѣ. Мы возвратимся къ нѣкоторымъ мѣстамъ этой рецензіи, а теперь замѣтимъ только, что Н. А. Полевой, не слишкомъ церемонившійся съ Гоголемъ, называетъ ее «бранью» и считаетъ нужнымъ отклонить отъ себя подозрѣніе, что она писана имъ. Послѣ того «Библіотека», втеченіе семнадцати или восемнадцати лѣтъ, постоянно нападала на Гоголя. Было бы слишкомъ долго припоминать всѣ ея выходки противъ этого писателя; да это и не представляетъ особеннаго интереса, потому что онѣ слишкомъ однообразны: три-четыре колкости, показавшіяся рецензенту остроумными, повторяются безконечное число разъ; иная отправляетъ службу безсмѣнно цѣлый годъ, иная и нѣсколько лѣтъ. Особенно долговѣчны были каламбуры съ словомъ «носъ», какъ-то: «лучшее средство достичь до безсмертія есть писать о носѣ», «хорошо описать носъ есть верхъ остроумія», и т. д. Оставляя въ сторонѣ всѣ эти безчисленныя нападенія, статьи и статейки по поводу разныхъ повѣстей Гоголя и особенно «Переписки съ Друзьями», по поводу упоминаній о Гоголѣ въ другихъ журналахъ и проч., мы приведемъ только нѣкоторые факты остроумія, порожденные первымъ изданіемъ «Мертвыхъ Душъ» только въ двухъ нумерахъ «Библіотеки» 1842 года: достаточно будетъ и этихъ примѣровъ, чтобы судить о степени мѣткости и остроты въ нападеніяхъ на Гоголя, составлявшихъ едва ли не единственную живую сторону Литературной Лѣтописи «Библіотеки» до послѣдняго времени.

Литературная лѣтопись того нумера «Библіотеки для Чтенія», въ которомъ помѣщенъ разборъ «Мертвыхъ Душъ», начинается статейкою о трехъ стихотворныхъ брошюркахъ Алипанова, стихи котораго своими качествами соотвѣтствовали прозѣ Ѳедота Кузмичева, А. А. Орлова, Сигова и прочихъ. Выписывая заглавія этихъ книжонокъ, рецензентъ вездѣ прибавляетъ слово «поэма» 1) Теофилъ, «поэма» Е. Алипанова. Спб. 1842. 2) Военныя пѣсни. «Поэмы» Е. Алипанова. Спб. 1842. 3) Досуги для дѣтей. «Поэмы» Е. Алипанова. Спб. 1842. Вдоволь потѣшившись надъ нелѣпыми его виршами, выписавъ изъ нихъ множество отрывковъ такого рода:

Какъ лѣтни настали
Прекрасны деньки,
Въ лѣсу выростали
Младые грибки,

и т. д., рецензентъ говоритъ, что Алипановъ сочиняетъ чудесныя *поэмы*. «Я «не смѣю (продолжаетъ онъ) провозглашать Алипанова величайшимъ изъ совре«менныхъ поэтовъ, потому что въ нашей литературѣ есть уже другой вели«чайшій изъ современныхъ поэтовъ; но, по моему мнѣнію, смѣло можно автору «Досуговъ для дѣтей» и проч. дать первое мѣсто послѣ величайшаго.— «Самая поэтическая поэма», въ «Досугахъ для дѣтей»—посланіе къ шестилѣтнему мальчику о томъ, какъ хорошо сдѣлалъ «крестьянинъ, другъ людей», подавъ милостыню нищему. «Въ нынѣшнемъ положеніи поэтическихъ дѣлъ и «при настоящихъ понятіяхъ о поэзіи нельзя и желать прекраснѣйшей поэмы. «Но вѣкъ нашъ обпленъ чудесами. Я вокругъ себя вижу однѣ только поэмы,

«одна плѣнительнѣе другой. Что значитъ эта поэма (о крестьянинѣ, другѣ «людей) въ сравненіи съ тою, о которой я сейчасъ буду имѣть честь вамъ «представить! Вотъ она «*Похожденія Чичикова*», или «Мертвыя Души». Поэма «Н. Гоголя».

«Вы видите меня въ такомъ восторгѣ, въ какомъ еще никогда не видали. Я пыхчу, трепещу, прыгаю отъ восхищенія: объявляю вамъ о такомъ литературномъ чудѣ, какого еще не бывало ни въ одной словесности. Поэма! Да еще какая поэма! Одиссея, Неистовый Орландъ, Чайльдъ-Гарольдъ, Фаустъ, Онѣгинъ, съ позволенія сказать *дрянь* въ сравненіи съ этой поэмой. Поэтъ! Да еще какой поэтъ! поэтъ, передъ которымъ Гомеръ, Аріосто, Пушкинъ, лордъ Байронъ и Гёте, съ позволенія сказать, то, чѣмъ Ноздревъ называетъ Чичикова [1]). Это, можетъ быть, превосходитъ всѣ силы вашего соображенія, но это дѣйствительно такъ, какъ я вамъ докладываю. Никогда еще геній человѣческій не производилъ подобной поэмы. Никогда смертный родъ Адама не удивлялся такому великому поэту. Книга названа поэмой не въ шутку. Поэтъ провозглашенъ первымъ современнымъ поэтомъ не въ насмѣшку. Все это, увѣряю васъ, серьёзно, и очень серьёзно. Можно съ ума сойти отъ радости, если хоть немножко любишь искусство, русскій языкъ и честь своей литературы».

Потомъ рецензентъ начинаетъ разговоръ съ читателемъ. Читатель спрашиваетъ, возможно ли поэмы писать прозою, а не стихами: рецензентъ отвѣчаетъ, что вещи «необъятныя, какъ грезы тщеславія въ бреду», выше «всякаго понятія, всякой похвалы, всякаго порицанія», что невозможно и разбирать ихъ, а можно только знакомить съ ними читателей посредствомъ выписокъ. Начинаются выписки. Читатель безпрестанно прерываетъ текстъ «Мертвыхъ Душъ», замѣчаніями о неправильности выраженій, жесткости слога, неприличіи многихъ словъ въ литературномъ языкѣ. Замѣчанія большею частію такого достоинства: вѣтеръ и дымъ имѣютъ въ родительномъ падежѣ вѣтру, дыму, а не вѣтра, дыма; сказать «хотя... но», неправильно; надобно говорить: «хотя... однако»; нельзя сказать «совершенно никакого», должно говорить просто «никакого»; «слуги *возились* около экипажа», «слуга разсказывалъ ему *всякій вздоръ*» — выраженія низкія, грязныя. Рецензентъ отвѣчаетъ, что въ этихъ выраженіяхъ именно и заключается истинная поэзія, высочайшее остроуміе; восклицаетъ, что онъ «отъ восторга становится на колѣни передъ первымъ современнымъ поэтомъ». Наконецъ читатель останавливаетъ его и говоритъ, что «Мертвыя Души» то же самое, что̀ романы Поль-де-Кока, съ тою только разницею, что у Гоголя менѣе хорошаго и болѣе грязнаго, нежели у Поль-де-Кока.

Послѣ того всѣ остальныя книги, разбираемыя въ Литературной Лѣтописи, называются «поэмами»: «Холодная вода, какъ всегдашнее лекарство», сочиненіе доктора медицины Вайгерсгейма. «Эта удивительная поэма описываетъ «насморки. Холодной водой докторъ Вайгерсгеймъ вылечиваетъ всѣхъ людей «отъ всѣхъ болѣзней, въ томъ числѣ и посредственныхъ романистовъ отъ «гордости и тщеславія».—«Общая анатомія», сочиненіе доктора медицины «Ивана Быстрова, и «О распознаваніи и леченіи аневризмовъ», сочиненіе «И. Гильдебранда—«двѣ очень любопытныя и полезныя поэмы».—«Практи-«ческія упражненія въ физикѣ, переводъ съ французскаго»—«поэма безполез-

[1]) Далѣе написано, что Ноздревъ называетъ Чичикова свинтусомъ.

«ная и нелюбопытная». «Древняя флора, или описаніе растущихъ въ Россій-«скомъ государствѣ деревъ и кустарниковъ»—«поэма, изданная книгопродавцемъ, «для извѣстной ему цѣли».

Изъ многихъ продолженій этого остроумія по поводу «Мертвыхъ Душъ» выбираемъ только одинъ примѣръ—остроуміе, поводъ къ которому подала брошюра г. К. Аксакова, написанная въ восторженномъ тонѣ. Вотъ рецензія на эту книжку:

Нѣсколько словъ о поэмѣ «Похожденія Чичикова или Мертвыя Души», сочиненіе Константина Аксакова. Москва. 1842. Эта брошюра имѣетъ цѣлью доказать, что авторъ поэмы «Похожденія Чичикова»—Гомеръ, а сама поэма «Похожденія Чичикова»—Иліада; что въ «Иліадѣ является Грецій съ своимъ міромъ», а *въ эпическомъ созерцаніи* автора поэмы «Похожденія Чичикова» является *чортъ знаетъ что*, но тоже съ своимъ міромъ; что это эпическое его созерцаніе и есть чистый древній эпосъ, *совершенно то же, что у Гомера*, что это—«*чудное, чудное* явленіе!» и прочая, и прочая. Это плохо! Когда люди издаютъ, на свои деньги, такія похвальныя брошюры, это очень плохо! Это показываетъ то, что *поэма* нехороша»! (Слова, напечатанныя курсивомъ, такъ напечатаны въ самой «Библіотекѣ для Чтенія»).

И, не давая испариться букету остроумія, рецензентъ тотчасъ же переноситъ его въ отзывъ о романѣ Поль-де-Кока, поставленный въ слѣдъ за отзывомъ о брошюрѣ г. К. Аксакова:

Парижская красавица. Романъ Поль-де-Кока. Спб. 1842. Въ подлинникѣ эта *поэма* называется La jolie fille du faubourg. Всѣ *поэмы* Поль-де-Кока переводятся на русскій языкъ. Это единственный изъ современныхъ писателей, котораго «созданія» (курсивъ и язвительныя «—» сохранены, какъ поставлены въ «Библіотекѣ для Чтенія») удостоиваются у насъ такой чести. Мы не пропускаемъ ни одного его созданія. Можно ли, послѣ этого, сомнѣваться въ нашемъ рѣшительномъ вкусѣ къ *поль-де-кокковскимъ поэмамъ?* «Парижская красавица» довольно скучное «созданіе». Переводъ довольно плохъ. Но это не удержитъ читателей. Мы такъ любимъ Поль-де-Кока, что между его родомъ и Одиссеей уже не дѣлаемъ никакого различія, увѣряемъ, что это—*совершенно одно и то же*, и всякаго, кто творитъ подобные романы, нѣкоторые называютъ *Гомеромъ*, не страшась нисколько, что если Европа услышитъ это, то она подумаетъ, что они—въ бѣлой горячкѣ.

Здѣсь для насъ непонятно только одно: какимъ образомъ можно было сказать, по поводу панегирика, написаннаго г. К. Аксаковымъ: «Когда *люди издаютъ на свои деньги* такія похвальныя брошюры, это очень плохо! Это показываетъ, что *поэма* плоха!» Смыслъ этихъ выраженій ясенъ: Гоголь заказалъ г. К. Аксакову похвальную брошюру и напечаталъ ее на свой счетъ. Можно не соглашаться съ г. К. Аксаковымъ, нѣтъ преступленія и острить надъ нимъ, если угодно; но между русскими писателями едва ли былъ тогда, или есть теперь, хотя одинъ, столь мало знакомый съ общественнымъ положеніемъ и личнымъ характеромъ г. К. Аксакова, чтобы незнаніе давало ему право дѣлать предположенія, будто бы г. К. Аксаковъ можетъ писать панегирики по заказу и печатать ихъ на чужой счетъ. Велика должна была быть досада рецензента, если доводила его до столь несообразныхъ намековъ. Довольно остротъ уже мы выписали. Если Гоголь еще не убитъ ими во мнѣніи читателя, то всѣ остальныя уже не нанесли бы ему новыхъ ранъ, потому что онѣ

только варіаціи на малочисленныя темы, которыя достаточно истощены и выписанными у насъ отрывками. Пора поговорить о томъ, отчего эти убійственныя нападенія были такъ многочисленны.

Помѣщая длинныя статьи о Гоголѣ, баронъ Брамбеусъ нарушалъ свое неизмѣнное во всѣхъ другихъ случаяхъ правило уклоняться отъ подробныхъ разборовъ замѣчательныхъ явленій нашей словесности. Это одно заставляетъ предполагать особенныя причины для объясненія его исключительнаго вниманія къ Гоголю: кто не считалъ нужнымъ говорить съ своими читателями о Пушкинѣ, Лермонтовѣ, Кольцовѣ, не сталъ бы распространяться и о Гоголѣ, еслибъ не имѣлъ на то своихъ частныхъ побужденій. Притомъ же мы замѣтили, что тонъ его отзывовъ слишкомъ рѣшительно измѣнился втеченіе короткаго времени, отдѣлявшаго третій нумеръ «Библіотеки для Чтенія» 1836 года отъ пятой книжки того же года: въ первыхъ числахъ марта онъ говорилъ о Гоголѣ благосклонно, въ первыхъ числахъ мая отзывался о немъ уже такъ, что самому П. А. Полевому разборъ этотъ казался неприличною «бранью». Эта быстрая и рѣзкая перемѣна совершенно объясняется тѣмъ, что въ первыхъ числахъ апрѣля вышелъ первый томъ пушкинскаго «Современника», заключавшій въ себѣ статью «О движеніи журнальной литературы», одну выписку изъ которой привели мы выше. Вотъ другой отрывокъ, объясняющій исторію возникновенія пушкинскаго журнала и отношенія его издателя и сотрудниковъ къ барону Брамбеусу. Сказавъ, что въ 1833 году всѣ прежніе журналы наши «имѣли постный видъ» и тѣсный кругъ читателей, авторъ статьи продолжаетъ:

«Въ это время книгопродавецъ Смирдинъ, давно уже извѣстный своею дѣятельностью и добросовѣстностью, рѣшился издавать журналъ обширный, энциклопедическій, завоевать всѣхъ литераторовъ, сколько ихъ ни есть въ Россіи, и заставить ихъ участвовать въ своемъ предпріятіи. Въ программѣ были выставлены имена почти всѣхъ нашихъ писателей. Профессоръ арабской словесности, г. Сенковскій, взялся быть распорядителемъ журнала. Къ нему былъ присоединенъ редакторъ г. Гречъ. Никто тогда не заботился о весьма важномъ вопросѣ: долженъ ли журналъ имѣть одинъ опредѣленный тонъ, одно уполномоченное мнѣніе, или быть складочнымъ мѣстомъ всѣхъ мнѣній и толковъ? Журналъ на сей счетъ отозвался глухо, обыкновеннымъ объявленіемъ, что критика будетъ самая благонамѣренная и безпристрастная, чуждая всякой личности и неприличности—обѣщаніе, которое даетъ всякій журналистъ. Съ выходомъ первой книжки публика ясно увидѣла, что въ журналѣ господствуютъ тонъ, мнѣнія и мысли одного, что имена писателей, которыхъ блестящая шеренга наполнила полстраницы заглавнаго листка, взяты были только напрокатъ, для привлеченія большаго числа подписчиковъ. Главнымъ дѣятелемъ и движущею пружиною всего журнала былъ г. Сенковскій. Имя г. Греча выставлено было только для формы. Но какая была цѣль редакціи этого журнала, какую задачу предположила она рѣшить? Здѣсь мы поневолѣ должны задуматься, что, безъ сомнѣнія, сдѣлаетъ и читатель. Въ программѣ ничего не сказалъ г. Сенковскій о томъ, какой начерталъ для себя путь, какую выбралъ для себя цѣль; всѣ увидѣли только, что онъ взошелъ незамѣтно въ первый нумеръ, а въ концѣ его развернулся какъ полный хозяинъ. Но на что преимущественно было обращено вниманіе сего хозяина, были ли гдѣ замѣтны тѣ неподвижныя правила, безъ коихъ человѣкъ дѣлается безхарактернымъ, которыя опредѣляютъ его физіономію? Прочитавъ все помѣщенное имъ въ этомъ журналѣ, невольно остановимся въ изумленіи: что это такое? что заставляло писать этого человѣка? Послѣдуемъ за распорядителемъ во всѣхъ родахъ его сочиненій».

Авторъ обзора пересматриваетъ ученыя статьи, критическія статьи и повѣсти этого писателя и отзывается о нихъ справедливо, но вовсе не съ

похвалою, замѣчая, какъ главный недостатокъ, что во всѣхъ этихъ повѣстяхъ и статьяхъ нѣтъ единства мысли, опредѣленныхъ убѣжденій, нѣтъ никакой цѣли. Мы выписали уже сужденіе автора обзора о содержаніи рецензіи барона Брамбеуса. Нѣсколькими строками раньше, еще точнѣе опредѣляется общій характеръ его разборовъ: «Въ критикѣ г. Сенковскій показалъ отсутствіе всякаго мнѣнія; «*въ его рецензіяхъ нѣтъ ни положительнаго, ни отрицательнаго вкуса, «вовсе никакого.* (Подчеркнуто въ подлинникѣ). То, что ему нравится сегодня, «завтра дѣлается предметомъ его насмѣшекъ; у него рецензія не есть дѣло «убѣжденія и чувства, а просто слѣдствіе расположенія духа и обстоятельствъ. «Онъ никогда не заботится о томъ, что говоритъ, и въ слѣдующей статьѣ «уже не помнитъ вовсе написаннаго въ предъидущей». Выборъ статей для отдѣла оригинальной и переводной словесности «показывалъ очень мало вкуса».

«Въ «Библіотекѣ для Чтенія» случилось еще одно дотолѣ неслыханное на Руси явленіе. Распорядитель ея сталъ переправлять и передѣлывать всѣ почти статьи, въ ней печатаемыя. Такой странной опеки до сихъ поръ на Руси еще не бывало. Многіе писатели начали отказываться отъ участія въ изданіи сего журнала. Число сотрудниковъ такъ умалилось, что на другой годъ издатели уже не выставили длиннаго списка именъ и упомянули глухо, что участвуютъ лучшіе литераторы, не означая какіе. Статьи замѣтно начали быть хуже. «Библіотеку» уже менѣе читали въ столицахъ».

Другіе журналы (продолжаетъ авторъ) были слабы по объему и по числу подписчиковъ по сравненію съ «Библіотекою для Чтенія». Что же было дѣлать литераторамъ, которые увидѣли себя въ необходимости отказаться отъ участія въ «Библіотекѣ для Чтенія»? [1]). Нѣкоторые московскіе литераторы рѣшились

---

[1]) Чтобы представить читателямъ хотя одинъ примѣръ того, какимъ образомъ передѣлывались въ «Библіотекѣ для Чтенія» статьи самыхъ извѣстныхъ литераторовъ, приведемъ объясненіе Н. А. Полеваго изъ «предисловія» къ его «Очеркамъ русской литературы». Тутъ мы видимъ замѣчательный примѣръ того, какимъ образомъ всѣ литераторы, отъ участія которыхъ зависѣли достоинство и успѣхъ журнала, были привлечены къ «Библіотекѣ для Чтенія» почтеннымъ А. Ф. Смирдинымъ, и какимъ образомъ распорядитель «Библіотеки» лишилъ этотъ журналъ ихъ полезнаго содѣйствія. Мы еще помнимъ, какъ, перечитывая въ старые годы «Библіотеку», мы были поражены чрезвычайно рѣзкимъ улучшеніемъ ея критической части въ 1836 г.: тонъ статей оставался почти всегда прежній, но онѣ подробно говорили о замѣчательныхъ литературныхъ произведеніяхъ, чего не было прежде; содержаніе разборовъ было несравненно дѣльнѣе, а развитіе мыслей гораздо основательнѣе и остроумнѣе прежняго. Черезъ нѣсколько времени попались намъ въ руки «Очерки литературы», и дѣло объяснилось.

«Не здѣсь мѣсто (говоритъ Н. А. Полевой) излагать мое мнѣніе о ней (Библіотекѣ для Чтенія) или разсказывать о моихъ отношеніяхъ къ ея почтенному редактору. Скажу одно, что съ самаго начала сего журнала я былъ рѣшительно не согласенъ съ его цѣлью, планомъ, воззрѣніемъ и отрекался отъ всякаго постояннаго въ немъ участія, хотя неоднократно былъ убѣдительно приглашаемъ къ тому. Въ 1836 году, когда давно уже прекратился журналъ, мною издававшійся, я пріѣзжалъ въ Петербургъ, и—для чего скрывать? о подобныхъ поступкахъ надобно говорить во всеуслышаніе—добрый, благородный издатель «Библіотеки для Чтенія», А. Ф. Смирдинъ, оказалъ мнѣ тогда безкорыстную и важную услугу въ моихъ тогдашнихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ,—услугу, когда люди, называвшіеся моими друзьями,—люди, которымъ я имѣлъ, быть можетъ, нѣкогда случай быть полезнымъ, отвергли меня, показали мнѣ себя въ самой темной краскѣ безчувственнаго эгоизма... Богъ съ ними, я давно простилъ имъ! тѣмъ съ большею признательностью вспоминаю о немногихъ, тѣмъ благодарнѣе былъ и всегда буду я доброму, благородному А. Ф. Смирдину, который за услугу свою требовалъ участія моего въ «Библіотекѣ для Чтенія». Отказаться я не могъ. Мы сошлись съ редакторомъ ея. Послѣ продолжительнаго съ нимъ переговора, я взялъ на себя отдѣленія критики и библіографіи и началъ доставлять изъ Москвы статьи по обоимъ отдѣленіямъ. Съ перваго шага всѣ условія моего сотрудничества были нарушены редакторомъ. Не мое было дѣло отвѣчать за статьи самого редактора и другихъ сотрудниковъ; но, къ изумленію моему, редакторъ наложилъ право нестерпимаго цензорства на всѣ мои статьи, передѣлывалъ въ нихъ языкъ по своей методѣ, переправлялъ

основать новый журналъ: «онъ былъ нуженъ 1) для тѣхъ, которые желали «имѣть пріютъ для своихъ мнѣній, ибо «Библіотека для Чтенія» не прини-«мала никакихъ критическихъ статей, если не были онѣ по вкусу главнаго «распорядителя; 2) для тѣхъ, которые видѣли съ изумленіемъ, какъ на ихъ «собственныя сочиненія наложена была рука распорядителя, ибо г. Сенковскій «началъ уже переправлять, безо всякаго разбора лицъ, всѣ статьи, отдаваемыя «въ «Библіотеку для Чтенія». Такимъ образомъ явился «Московскій Наблю-датель». Черезъ нѣсколько времени, по тѣмъ же самымъ причинамъ и побужде-ніямъ, основанъ былъ Пушкинымъ «Современникъ».—Опять понятно, съ какими чувствами «Библіотека для Чтенія» и ея «распорядитель» встрѣтили оба эти журнала. О враждѣ противъ «Московскаго Наблюдателя» не будемъ говорить; но вотъ какія слова вырвались у распорядителя «Библіотеки для Чтенія», когда онъ узналъ о намѣреніи Пушкина издавать журналъ и прочиталъ про-грамму этого изданія:

«Африканскій король Ашантіевъ, говорятъ, объявилъ войну Англіи и уже «открылъ кампанію. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, въ исходѣ весны, тоже «вступаетъ на поле брани: онъ хочетъ издавать альманахъ или журналъ «Современникъ». Этотъ журналъ или альманахъ учреждается нарочно противъ «Библіотеки для Чтенія», съ явнымъ и открытымъ намѣреніемъ при помощи «Божіей уничтожить ее въ прахъ!» «О вы, которые читаете разные русскіе «журналы, скажите намъ по милости, который это уже журналъ возникаетъ

ихъ, прибавлялъ къ нимъ, убавлялъ изъ нихъ, и многое являлось въ такомъ извращенномъ видѣ, что, читая «Библіотеку для Чтенія», иногда вовсе я не могъ отличить, что такое хотѣлъ я сказать въ той или другой статьѣ... Возраженія мои были тщетны, и, несмотря на все желаніе мое исполнить желаніе добраго А. Ф. Смирдина, я принужденъ былъ рѣшительно отказаться отъ всякаго участія въ «Библіотекѣ для Чтенія»... До какой степени мысли мои были измѣнены, повѣрить трудно. Приведу три или четыре примѣра. Я послалъ редактору статью о комедіи М. Н. Загоскина «Недовольные», гдѣ говорилъ о комедіи Грибоѣдова, изъявляя безпристрастно мнѣніе мое и отдавая справедливость и прекрасному произведенію М. Н. Загоскина, и превосходному произведенію Грибоѣдова. Редакторъ прибавилъ брань на «Ревизора», комедію г. Гоголя, и придалъ словамъ моимъ о Грибоѣдовѣ такой смыслъ, что ими оскорбилъ всѣхъ почитателей памяти Грибоѣдова и прежде всѣхъ—перваго меня... (Слѣдуютъ примѣры искаженія трехъ другихъ статей). Но всего забавнѣе было приключеніе съ статьею о стихотвореніяхъ г. Соколовскаго, «Мірозданіе» и «Хеверь». Желая показать, что поэтъ совершенно превратно смотритъ на предметъ свой, я написалъ статью, гдѣ подробно изложилъ свои мысли о поэзіи духовной и о сочиненіяхъ г. Соколовскаго. Редакторъ «Библіотеки для Чтенія», какимъ-то непостижимымъ для меня образомъ, умѣлъ вырѣзать изъ статьи нѣкоторыя частицы и помѣстилъ ихъ въ «Библіографіи», а остальному далъ названіе «О духовной поэзіи» и въ видѣ статьи отдѣльной напечаталъ въ отдѣленіи «Прозы», съ моимъ именемъ. Въ этой статьѣ столько нашелъ я прибавокъ, урѣзокъ, измѣненій, что вовсе не понялъ и теперь не понимаю, о чемъ идетъ въ ней рѣчь. Статья начинается, напримѣръ, небывалымъ анекдотомъ, будто Пушкинъ разговаривалъ нѣкогда съ Батюшковымъ о русскихъ стихахъ. Но Батюшкова съ 1817 года не было уже въ Петербургѣ, когда Пушкинъ былъ еще ученикомъ въ Лицеѣ, писалъ дѣтскіе стихи и не могъ разсуждать о поэзіи русской съ однимъ изъ корифеевъ тогдашней русской поэзіи. По крайней мѣрѣ, я ничего подобнаго не слыхивалъ отъ Пушкина и ничего не писалъ о разговорѣ его съ Батюшковымъ. Радуюсь, что теперь, печатая «Очерки», могу освободить себя отъ непринадлежащаго мнѣ и непризнаваемаго мною. Беру изъ «Библіотеки для Чтенія» тѣ только мои статьи, которымъ (не имѣя у себя прежнихъ оригиналовъ) могъ я памятью возвратить, по возможности, настоящій смыслъ ихъ. Отъ всего остальнаго, что писано въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1836 и 1837 годовъ, я рѣшительно отрекаюсь и ничего, тамъ помѣщеннаго, прошу не почитать моимъ: оно ни мое, ни редакторово, а Богъ знаетъ чье, и что оно такое, я первый менѣе всѣхъ понимаю».

Намъ понадобится это объясненіе Н. А. Полеваго, когда мы возвратимся къ разбору «Ревизора», помѣщенному въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1836 года и содержащему такое внезапное объявленіе непримиримой войны Гоголю.

«съ этимъ благимъ намѣреніемъ? Четвертый, кажется? или пятый?» «Библіотека для Чтенія» поставила себѣ правиломъ не вступать въ полемику съ другими журналами; она только позволяетъ себѣ увѣдомить публику о программѣ новаго журнала». «Но съ появленія первой его книжки водворяется глубокое и «краснорѣчивое молчаніе: ни слова объ этомъ журналѣ, особенно, если онъ «плохъ и смѣетъ еще браниться!» Журналъ Пушкина будетъ содержать въ себѣ обозрѣнія русской журналистики. Этого не дѣлаютъ англійскіе Rewiews и французскіе Revues,—слѣдовательно журналъ Пушкина самъ объявляетъ, что будетъ принадлежать къ «журнальной черни», которая одна занимается литературною полемикою. «Какъ горько, какъ прискорбно видѣть, когда геній, «каковъ Александра Сергѣевича Пушкина, рожденный вить безсмертные вѣнки «на вершинѣ зеленаго Геликона, нарвавъ тамъ горсть колючихъ остротъ, «бѣжитъ стремглавъ по скату горы въ объятія собравшейся на равнинѣ толпы «Віоѳянъ, которая обѣщаетъ, за подарокъ, наградить его грубымъ хохотомъ! «Берегитесь, неосторожный геній! Послѣдніе слои горы обрывисты, и у самаго «подножія Геликона лежитъ Михонское болото,—бездонное болото, наполнен- «ное черною грязью! Эта грязь—журнальная полемика, самый низкій и отвра- «тительный родъ прозы, послѣ риѳмованныхъ пасквилей». Быть можетъ, Александръ Сергѣевичъ надѣется придать своему журналу болѣе занимательности войною съ «Библіотекою для Чтенія», «но онъ ошибается въ разсчетѣ: «Библіотека «для Чтенія» никогда не унизится до отвѣта другимъ журналамъ. И зачѣмъ «вамъ отвѣчать, друзья? Не лучшій ли вамъ отвѣтъ—молчаніе? Вообще, не «безполезно знать, что презрѣнія у насъ достанетъ для всѣхъ нападокъ, отъ «кого бы онѣ ни происходили». (Библіотека для Чтенія. 1836 г., апрѣльская книжка).

Въ тонѣ этихъ словъ столько гнѣва и вражды, что они, безъ всякаго сомнѣнія, диктованы чувствомъ оскорбленнаго самолюбія. Того, что Пушкинъ обѣщалъ въ своемъ журналѣ помѣщать обозрѣнія журнальной литературы, было бы недостаточно для столь сильнаго раздраженія рецензента «Библіотеки»; но ему, безъ сомнѣнія, уже за нѣсколько дней до появленія первой книжки пушкинскаго журнала, въ то время, какъ писалъ онъ эту филиппику, было извѣстно, въ какой степени неблагопріятны для барона Брамбеуса будутъ отзывы новаго журнала; да и могло ли это быть неизвѣстно? Двадцать лѣтъ тому назадъ, литературныхъ слуховъ и толковъ въ пишущемъ кружкѣ было гораздо болѣе, нежели теперь; а еще и нынѣ о каждомъ замѣчательномъ литературномъ явленіи каждому нечуждому литературнаго кружка приходится волею или неволею слышать задолго до выхода книги въ свѣтъ. Невозможно сомнѣваться въ томъ, что баронъ Брамбеусъ зналъ впередъ, какова будетъ въ новомъ изданіи первая статья о журналистикѣ, и что рѣзкія выходки «Библіотеки» писаны подъ вліяніемъ этихъ слуховъ. Когда явился первый томъ новаго изданія съ статьею, отрывки изъ которой мы привели, писатель, противъ котораго она была направлена, также не могъ волею или неволею не услышать, кто такой былъ авторомъ этой статьи. Люди чуждые литературному кружку, могли приписывать статью самому Пушкину; но въ литературномъ кружкѣ не могло быть тайною, что писалъ ее Гоголь; и скоро Пушкинъ печатнымъ образомъ объявилъ, что статья «О движеніи журнальной литературы» принадле-

житъ не ему. Для людей, знающихъ нашу литературу, всѣ подобныя объясненія совершенно излишни: они знаютъ, что въ нашей литературѣ тайны невозможны, и теперь у насъ пишущихъ людей такъ мало, что всѣ псевдонимы и анонимы—пустая игрушка, прозрачный флёръ, ничего не прикрывающій. Хотя бы даже вовсе того не желалъ онъ, литератору нѣтъ возможности не знать истиннаго автора каждой анонимной статьи, возбуждающей нѣкоторое вниманіе.

Такимъ образомъ, баронъ Брамбеусъ имѣлъ двѣ основательныя причины измѣнить тонъ своихъ сужденій о Гоголѣ. Во первыхъ, Гоголь явился однимъ изъ главныхъ участниковъ пушкинскаго журнала: въ первой же книжкѣ «Современника» были помѣщены два произведенія, подписанныя его именемъ: «Коляска» и «Утро дѣловаго человѣка»; въ одной изъ слѣдующихъ—«Носъ». Во вторыхъ, что еще важнѣе, Гоголь былъ авторъ неблагопріятной ему статьи «О движеніи журнальной литературы». Самъ баронъ Брамбеусъ обнаружилъ третью причину своего нерасположенія къ автору «Ревизора»: онъ считалъ его, какъ юмористическаго писателя, своимъ соперникомъ. Вотъ предварительныя замѣчанія изъ «брани на Ревизора», вставленной распорядителемъ «Библіотеки для Чтенія» въ статью Н. А. Полеваго о «Горѣ отъ Ума» и «Недовольныхъ» Загоскина, какъ мы видѣли изъ свидѣтельства самого Полеваго. Очевидно, что въ этомъ отрывкѣ остались нѣкоторыя выраженія, написанныя Полевымъ. Но читатель легко отличитъ фразы, которыя могъ написать только баронъ Брамбеусъ:

«Перейдемъ къ «Ревизору». Здѣсь прежде всего надобно привѣтствовать въ его авторѣ новаго комическаго писателя, съ которымъ можно поздравить русскую словесность. Первый опытъ г. Гоголя (*т. е. первый опытъ въ комедіи*) вдругъ обнаружилъ въ немъ необыкновенный даръ комики, и еще такой комики, которая обѣщаетъ поставить его между отличнѣйшими въ этомъ родѣ писателями. Мы съ удовольствіемъ предаемся этой пріятной надеждѣ, хотя одинъ весьма умный человѣкъ сказалъ намъ въ отвѣтъ на подобное предсказаніе: «Ничего не будетъ! его захвалятъ»! Въ самомъ дѣлѣ, опасность, кажется, угрожаетъ автору съ этой стороны, и если у него есть самолюбіе, онъ не можетъ употребить его съ большею пользою для себя и для литературы, какъ поручивъ ему оберегать себя отъ яда необдуманныхъ похвалъ. Кажется, что одна изъ котерій, которая чрезвычайно нуждается въ примѣчательномъ талантѣ, для того, чтобы противопоставить его барону Брамбеусу, избрала его своимъ героемъ и условилась превозносить до небесъ каждое его сочиненіе, скрывая отъ него и отъ публики ихъ несовершенства. Ежели это правда, то нельзя не предостеречь г. Гоголя, что онъ стоитъ на пропасти, прикрытой цвѣтами, и можетъ упасть въ нее со всею своею будущею славой. Что касается до насъ, то мы никогда не были въ состояніи усмотрѣть малѣйшаго сходства между талантомъ г. Гоголя и таинственнаго барона и не понимаемъ, какимъ образомъ литературная досада могла ослѣпить котерію до того, чтобъ она вздумала сдѣлать изъ автора «Вечеровъ на хуторѣ» и «Миргорода» соперника автору «Фантастическихъ путешествій» и «Похожденій одной ревижской души». Если г. Гоголь примѣтитъ это во время, то его личное самолюбіе поможетъ ему воспользоваться замѣчаніями тѣхъ, которые ничего столько не желаютъ, какъ полнаго развитія его таланта, не довѣрять умышленнымъ панегирикамъ и усовершенствовать свое дарованіе».

«Котерія, нуждающаяся въ примѣчательномъ талантѣ, для того, чтобы противопоставить его барону Брамбеусу, избравшая Гоголя своимъ героемъ и условившаяся превозносить до небесъ каждое его сочиненіе, чтобы сдѣлать его

соперникомъ таинственнаго барона», по смыслу словъ и по тогдашнимъ отношеніямъ, могла означать только Пушкина и его сподвижниковъ. Но гдѣ жь баронъ Брамбеусъ нашелъ доказательство этого намѣренія? Въ то время былъ изданъ только одинъ томъ пушкинскаго журнала, а единственнымъ мѣстомъ, относившимся въ этомъ томѣ къ Гоголю, была небольшая рецензія втораго изданія «Вечеровъ на хуторѣ», которую мы вполнѣ приводимъ въ примѣчаніи [1]).

Читатели видятъ, что несовершенства произведеній Гоголя вовсе не скрываются этою рецензіею, и она не заключаетъ ни самаго отдаленнѣйшаго намека на противопоставленіе Гоголя таинственному барону, если не видѣть этого намека въ подчеркнутомъ нами выраженіи «мы, не смѣявшіеся со временъ фонъ-Визина». Надобно принимать одно изъ двухъ: или слова барона написаны по дошедшимъ до него слухамъ, что Пушкинъ въ разговорахъ ставитъ Гоголя выше барона Брамбеуса—и это служило бы новымъ подтвержденіемъ нашему прежнему объясненію рѣзкой выходки противъ Пушкина—или слова барона Брамбеуса вызваны неудовольствіемъ на то, что Гоголь поставленъ прямымъ наслѣдникомъ фонъ-Визина, безъ оговорки, что юмористическія статьи барона Брамбеуса также превосходны,—и это послужило бы новымъ подтвержденіемъ мнѣнія о его щекотливости.

Какъ бы то ни было, но факты, нами сведенные, не оставляютъ сомнѣнія, что въ отзывахъ барона Брамбеуса о Гоголѣ участвовало оскорбленное самолюбіе. И чѣмъ дальше шло время, тѣмъ сильнѣе должно было становиться это побужденіе, потому что удивленіе барону Брамбеусу, какъ «отличнѣйшему юмористу», сначала очень сильное въ извѣстномъ кружкѣ читателей, съ каждымъ годомъ быстро ослабѣвало, а слава Гоголя быстро увеличивалась. Только этимъ личнымъ отношеніемъ—мыслью барона Брамбеуса видѣть въ Гоголѣ своего противника—можно объяснить фактъ, что баронъ въ отзывахъ о Гоголѣ отступалъ отъ постояннаго правила своей критической дѣятельности: какъ можно менѣе говорить о замѣчательныхъ явленіяхъ словесности, чтобы избѣжать промаховъ въ дѣлѣ, для котораго нуженъ вкусъ. Еще разительнѣе его отступленіе отъ постоянной тактики въ томъ, что онъ неизмѣнно продолжалъ говорить о Гоголѣ лѣтъ пятнадцать то же самое, что сказалъ въ 1836 году. Обыкновенно, онъ поступалъ иначе: какъ скоро замѣчалъ онъ, что восхваленный имъ писатель уничтоженъ критикою другихъ журналовъ, онъ тотчасъ же начиналъ повторять мнѣнія, высказанныя критикомъ-побѣдителемъ, не заботясь о проти-

[1]) «Читатели наши, конечно, помнятъ впечатлѣніе, произведенное надъ ними появленіемъ «Вечеровъ на хуторѣ»: всѣ обрадовались этому живому описанію племени поющаго и пляшущаго, этимъ свѣжимъ картинамъ малороссійской природы, этой веселости, простодушной и вмѣстѣ лукавой. Какъ изумились мы русской книгѣ, которая заставила насъ смѣяться,—*мы, не смѣявшіеся со временъ фонъ-Визина!* Мы были такъ благодарны молодому автору, что охотно простили ему *неровность и неправильность его слога, безсвязность и неправдоподобіе нѣкоторыхъ разсказовъ*, предоставя сіи недостатки на поживу критики. Авторъ оправдалъ таковое снисхожденіе. Онъ съ тѣхъ поръ непрестанно развивался и совершенствовался. Онъ издалъ «Арабески», гдѣ находится его «Невскій проспектъ», самое полное изъ его произведеній. Вслѣдъ затѣмъ явился «Миргородъ», гдѣ съ жадностью всѣ прочли и «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ», эту шутливую, трогательную идиллію, которая заставляетъ васъ смѣяться сквозь слезы грусти и умиленія, и «Тараса Бульбу», коего начало достойно Вальтера Скотта. Г. Гоголь идетъ еще впередъ. Желаемъ и надѣемся имѣть часто случай говорить о немъ въ нашемъ журналѣ.—Нынѣ будетъ представлена на здѣшнемъ театрѣ его комедія «Ревизоръ».

ворѣчіи этихъ мнѣній съ его прежними выспренними похвалами; и наоборотъ, когда слава писателя утверждалась, онъ начиналъ также хвалить его, вслѣдъ за другими журналами. Примѣры послѣдняго излишни: всѣ наши талантливые писатели довольно долго сначала не обращали на себя никакого вниманія барона Брамбеуса, какъ люди, не обнаруживающіе дарованій, или даже были имъ осмѣиваемы, не по злому умыслу, а просто по неумѣнью его отличить, дѣйствительно ли они талантливы; а потомъ всѣхъ ихъ онъ хвалилъ, когда другими критиками были объяснены ему ихъ достоинства. Что же касается примѣровъ того, какъ онъ покидалъ своихъ прежнихъ кліентовъ, когда слава ихъ была разрушена другими, разскажемъ одинъ случай. Мы привели отрывки изъ разбора «Торквато Тассо», гдѣ это произведеніе было превознесено до небесъ; черезъ два-три мѣсяца съ автора были сняты чинъ Байрона и санъ «великаго», объявлено было даже, что баронъ Брамбеусъ, хваля его, только забавлялся: критику вздумалось, говорила «Библіотека для Чтенія», сѣсть у окна и бросить вѣнокъ славы на голову первому прохожему, прохожій, т. е. г. Кукольникъ, не въ мѣру возгордился, и надобно снять съ него вѣнокъ, данный по капризу, а не по заслугѣ. Это объясненіе, повидимому столь откровенное, возмутило многихъ и надѣлало въ свое время большаго шума: «какъ! раздавать и снимать вѣнки байроновской славы по одному капризу»! говорили всѣ съ негодованіемъ. Но, разобравъ дѣло ближе, мы увидимъ, что негодовать на барона было почти не за что: онъ, кажется, говорилъ о капризѣ только для оправданія своей перемѣнчивости въ обращеніи съ г. Кукольникомъ, а на самомъ дѣлѣ поступалъ по своему искреннему убѣжденію и крайнему разумѣнію. Исторія возвышенія и низложенія г. Кукольника въ «Библіотекѣ для Чтенія» произошла слѣдующимъ образомъ. Н. А. Полевой помѣстилъ въ «Телеграфѣ» краткій отзывъ о «Торквато Тассо», въ томъ смыслѣ, что «юный авторъ подаетъ надежды и уже выказалъ большое дарованіе».—Изъ этого отзыва и выросла восторженная статья барона Брамбеуса. Потомъ Полевой помѣстилъ въ «Телеграфѣ» подробный разборъ «Торквато Тассо», гдѣ, какъ обыкновенно бываетъ при подробномъ разборѣ, рядомъ съ достоинствами указалъ и недостатки драматической фантазіи г. Кукольника, кстати и мимоходомъ замѣтивъ, что «Библіотека для Чтенія» уже слишкомъ далеко зашла въ похвалахъ этому произведенію, и что странно видѣть въ г. Кукольникѣ Байрона. Вслѣдъ за этимъ и «Библіотека» перестала безусловно восхищаться г. Кукольникомъ, даже почла за нужное унизить его. Видите ли, какъ просто было дѣло! Если капризъ и участвовалъ въ увѣнчаніи и развѣнчаніи русскаго юнаго Байрона, то участвовалъ очень мало; и мы готовы даже хвалить барона Брамбеуса за то, что онъ, взявъ слишкомъ высокую ноту съ чужаго голоса, съ такимъ послушаніемъ понизилъ ее, какъ скоро наставникъ замѣтилъ ему его промахъ. То же самое было съ его сужденіями о Марлинскомъ, Загоскинѣ и проч. Такъ бывало постоянно. Пока никто еще не хвалилъ и не бранилъ писателя, баронъ Брамбеусъ хвалилъ или бранилъ его на удачу. Какъ скоро сильнѣйшіе голоса въ критикѣ произносили свое сужденіе, онъ повторялъ ихъ слова.

Относительно одного Гоголя не могъ онъ, увлеченный личнымъ чувствомъ, пересилить себя и до конца повторялъ свои первые отзывы, сдѣланные съ голоса

Н. А. Полеваго, хотя и видѣлъ, что сильнѣйшіе голоса говорятъ противное. Не будемъ осуждать этой ошибки: надобно же уступать человѣку нѣкоторую свободу въ чувствахъ, не всегда же можно требовать отъ человѣка, чтобъ онъ дѣйствовалъ только по внушенію благоразумнаго разсчета и холоднаго разсудка. Ужели вы изгоняете изъ міра поэзію? вѣдь увлеченіе чувствомъ и есть поэзія.

Такимъ-то образомъ, увлеченный до поэзіи чувствомъ своимъ, баронъ Брамбеусъ семнадцать лѣтъ повторялъ то, что было когда-то сказано о Гоголѣ Н. А. Полевымъ. Дѣйствительно, сличивъ статьи того и другаго критика, мы увидимъ, что всѣ, рѣшительно всѣ сужденія о Гоголѣ заимствованы барономъ Брамбеусомъ у Н. А. Полеваго,—даже знаменитое сравненіе Гоголя съ Польде-Кокомъ, даже замѣчанія относительно разныхъ мелочей. Одно остается у него свое—остроумныя насмѣшки надъ тѣмъ, что «Мертвыя Души», сочиненіе написанное въ прозѣ, названо поэмою. Какого вниманія онѣ заслуживаютъ, предоставляемъ судить читателю. Мы знаемъ только то, что на отзывы барона Брамбеуса о Гоголѣ публика обращала несравненно менѣе вниманія, нежели наши журналы; говоря по всей справедливости, надобно даже сказать, что сужденія барона Брамбеуса о Гоголѣ не произвели на публику ровно никакого вліянія.

И не только ѣдкіе отзывы барона Брамбеуса о Гоголѣ, но и вся его продолжительная, многосторонняя, неутомимая журнальная дѣятельность едва ли произвела хотя малѣйшее дѣйствіе на публику, или имѣла хотя слабое вліяніе на развитіе литературы, въ полезномъ или вредномъ смыслѣ. Потому и исторія литературы, если мало будетъ говорить о его заслугахъ, то мало скажетъ и въ осужденіе ему. Она только пожалѣетъ, какъ жалѣемъ и мы, что этотъ человѣкъ растратилъ свои дарованія отчасти на предпріятія, несвойственныя его таланту и знаніямъ,—напримѣръ, на поверхностныя гипотезы въ наукахъ, чуждыхъ его спеціальности, на усилія пріобрѣсть славу романиста и быть законодателемъ въ области изящной словесности, при недостаткѣ эстетическаго вкуса,—отчасти на мелочи, которыми также надѣялся онъ пріобрѣсти славу. Къ этимъ мелочамъ относимъ мы желаніе отличаться оригинальностью слога, приведшее его къ вычурности; стремленіе выдавать себя за преобразователя русской прозы, которая не нуждалась въ преобразованіяхъ, по крайней мѣрѣ, подобныхъ тѣмъ мелочнымъ нововведеніямъ, какія онъ считалъ нужными и важными; стремленіе прослыть остроумнѣйшимъ изъ русскихъ писателей. Всю эту напрасную растрату силъ надобно будетъ приписать тому, что онъ, вслѣдствіе ли своей натуры, или вслѣдствіе своего фальшиваго положенія въ нашей литературѣ, не имѣлъ въ своей дѣятельности ни одной изъ тѣхъ возвышенныхъ цѣлей, безъ стремленія къ которымъ нельзя писателю достигнуть истинной славы. Но, съ другой стороны, исторія литературы скажетъ, что, не будучи ни геніемъ, ни даже даровитѣйшимъ или ученѣйшимъ изъ современныхъ ему русскихъ журналистовъ, онъ обладалъ замѣчательными силами: и знаніями, и проницательнымъ умомъ, и остроуміемъ, и неутомимою жаждою славы и дѣятельности. Она прибавитъ также, что если самолюбіе вовлекало его въ ошибки, то, по нравственному характеру, его невозможно сравнивать съ людьми, которые достойны «презрѣнія» (чтобы выразиться его терминомъ): у него было много

истинной гордости,—силы, исключительно и неотъемлемо принадлежащей личностямъ благороднымъ по всей натурѣ, каковы бы ни были обстоятельства ихъ дѣятельности. И если мы захотимъ вникнуть въ отношенія и интриги нѣкоторыхъ литературныхъ котерій (чтобы опять употребить его терминъ) того времени, когда онъ успѣлъ прочно занять столь важное для литературы мѣсто распорядителя единственнаго журнала, бывшаго тогда сильнымъ, то мы должны будемъ сказать, что умѣнье его поставить себя на это видное мѣсто было, хотя отрицательнымъ образомъ, очень полезно для русской литературы: не займи онъ этого мѣста, еще Богъ знаетъ, кто захватилъ бы этотъ столь важный постъ, и, по всей вѣроятности, захватилъ бы его тотъ или другой изъ людей, съ которыми, какъ мы выразились, невозможно его смѣшивать. Онъ не хотѣлъ дѣлать ничего дурнаго, не сдѣлалъ ничего вреднаго; нѣкоторые другіе на его мѣстѣ хотѣли бы дурнаго и успѣли бы сдѣлать много вреднаго. И наконецъ, чтобы назвать положительную заслугу его, скажемъ, что, дѣйствительно, ему принадлежитъ честь изгнанія изъ русскаго литературнаго языка, въ самомъ дѣлѣ вредныхъ его легкости, мѣстоименій «сей» и «оный».

Внимательный читатель замѣтитъ, что вся настоящая статья есть только развитіе относящихся къ барону Брамбеусу эпизодовъ изъ статьи Гоголя «О движеніи журнальной литературы», а во многихъ мѣстахъ должна быть названа только парафразомъ словъ Гоголя. И если изъ нашей характеристики слѣдуетъ, что баронъ Брамбеусъ гораздо рѣже, чѣмъ думаютъ многіе, писалъ съ намѣреніемъ подшутить надъ публикою и гораздо чаще, нежели думаютъ, писалъ серьёзно, не дурача никого, а излагая свои настоящія мнѣнія, только въ формѣ нѣсколько манерной, то это опять мысль Гоголя и мысль совершенно справедливая. И если она представляетъ лучшее оправданіе для литературной дѣятельности барона Брамбеуса, то намъ опять пріятно сказать, что именно съ такимъ сознаніемъ и выражается она у Гоголя, который, осуждая многія изъ дѣйствій своего противника, постоянно прибавляетъ, что нравственный характеръ этого писателя выше подозрѣній и что онъ все дѣлалъ не съ другою какою-нибудь цѣлью, но именно съ тою, чтобы сдѣлать, какъ ему казалось, лучше. Это, кажется, совершенно справедливо.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Погодинъ.—Кирѣевскій.—Шевыревъ.—Кн. Вяземскій.—Плетневъ.

Представивъ характеристику критической дѣятельности и отношеній къ Гоголю Н. А. Полеваго и г. Сенковскаго, мы перейдемъ прямо къ журналамъ и журналистамъ, бывшимъ на сторонѣ Гоголя, не упоминая ни однимъ словомъ о нѣкоторыхъ другихъ журналистахъ, бранившихъ автора «Мертвыхъ Душъ». Не считаемъ также, съ другой стороны, нужнымъ безпокоить нѣкоторыхъ невинныхъ журналистовъ припоминаніями о ихъ простодушныхъ сомнѣніяхъ къ Гоголю: добрые люди давно простили имъ грѣхъ невѣдѣнія, въ которомъ они находились, а иные изъ нихъ, быть можетъ, еще и по сю пору находятся, повторяя разныя обвиненія, вычитанныя изъ статей Н. А. Полеваго. Такимъ образомъ, мы можемъ, оставивъ въ сторонѣ различныхъ мелкихъ вопителей, усиливавшихся подвизаться противъ Гоголя, перейти къ изложенію критической дѣятельности и мнѣній о Гоголѣ тѣхъ журналистовъ, которые считали Гоголя великимъ писателемъ.

Еслибъ кто, придерживаясь исключительно строгаго хронологическаго порядка, рѣшился разрывать тѣсно связанные между собою факты, при изложеніи различныхъ мнѣній о Гоголѣ, ему пришлось бы начать свой обзоръ свидѣтельствомъ Пушкина о достоинствахъ «Вечеровъ на хуторѣ», потому что Пушкинъ не только первый похвалилъ Гоголя, но и вообще былъ первымъ изъ всѣхъ, въ какомъ бы то ни было смыслѣ заговорившимъ нашей публикѣ о Гоголѣ. Поставивъ себѣ цѣлью дать не безсвязный хронологическій перечень статей о Гоголѣ, а изложеніе распространенія въ литературномъ мірѣ и въ публикѣ понятій о значеніи Гоголя, мы должны были соединять въ одну цѣльную характеристику все, что было говорено о Гоголѣ съ той или другой точки зрѣнія, соблюдая порядокъ, въ какомъ одно направленіе пріобрѣло первенство надъ другимъ въ литературѣ. Такимъ образомъ, надобно было начать нашъ обзоръ сужденіями журналистовъ, бывшихъ представителями направленій, господствовавшихъ въ нашей критикѣ до того времени, когда пріобрѣли рѣшительное преобладаніе «Отечественныя Записки», которымъ, въ числѣ другихъ заслугъ, принадлежитъ и честь прочнаго утвержденія въ публикѣ справедливыхъ понятій о Гоголѣ. Слѣдуя этому плану, намъ должно, прежде нежели

мы займемся изложеніемъ этихъ нынѣ господствующихъ и совершенно раздѣляемыхъ нами мнѣній, представить обзоръ литературныхъ воззрѣній «Москвитянина», который, впродолженіе первыхъ двухъ или трехъ лѣтъ своего существованія, имѣлъ нѣкоторую долю вліянія на публику и литературу, пока, отчасти по причинамъ, лежавшимъ въ сущности его собственнаго характера, отчасти по неудержимо возрастающему вліянію «Отечественныхъ Записокъ», совершенно ослабѣлъ. Это рѣшительно обозначилось въ 1844, если еще не въ 1843 году. Послѣ того существованіе «Москвитянина» было едва замѣтно въ литературѣ до 1849 или 1850 года, когда «молодая редакція» (терминъ, употребленный самимъ издателемъ) обновила его силы. Мы здѣсь говоримъ о мнѣніяхъ, которыя существовали въ русской литературѣ до пріобрѣтенія «Отечественными Записками» совершеннаго преобладанія; потому исключительно говоримъ о «Москвитянинѣ» первой редакціи,—«Старомъ Москвитянинѣ», если можно такъ выразиться, и (повторяемъ слова, сказанныя въ началѣ предъидущей статьи) выводы наши нимало не относятся къ обновленному, или «новому» «Москвитянину». Но кромѣ этой краткой оговорки необходима другая, требующая болѣе обстоятельнаго развитія.

Старый «Москвитянинъ» иногда называли журналомъ славянофильскимъ. Поводомъ къ этому мнѣнію было то, что изъ всѣхъ существовавшихъ до нынѣшняго года журналовъ онъ по преимуществу, или даже онъ одинъ, высказывалъ относительно нѣкоторыхъ вопросовъ понятія, довольно, повидимому, близкія къ славянофильскимъ. Но только въ «нѣкоторыхъ вопросахъ» и только «повидимому»; въ сущности же старый «Москвитянинъ» былъ органомъ г. Погодина и г. Шевырева, какъ новый «Москвитянинъ»—органомъ г. Погодина и г. А. Григорьева. Иногда помѣщались въ этомъ журналѣ и чисто славянофильскія статьи; однажды (въ 1845 г.) завѣдывалъ имъ одинъ изъ славянофиловъ, но только три или четыре нумера журнала въ этомъ году были замѣчательны, остальные не представляли ничего интереснаго; а отдѣльныя статьи, являвшіяся изрѣдка въ другіе годы, не имѣли вліянія на общій характеръ журнала.

Мы не знаемъ, много или мало соотвѣтствія съ своимъ образомъ мыслей находятъ славянофилы въ мнѣніяхъ г. Погодина; но, во всякомъ случаѣ, это мнѣнія отдѣльнаго человѣка, а не цѣлой школы. Что же касается мнѣній г. Шевырева, не подлежитъ сомнѣнію, что гг. Аксаковы, Кирѣевскіе, Хомяковъ не считаютъ г. Шевырева своимъ. Изъ этихъ словъ очевидно, что мы не находимъ особенной близости въ характерѣ понятій гг. Шевырева и Погодина, а еще менѣе возможнымъ считаемъ присоединять г. Шевырева къ славянофиламъ, и что изъ нашей характеристики образа понятій г. Шевырева не должно выводить никакихъ сужденій ни о г. Погодинѣ, ни тѣмъ болѣе о славянофилахъ.

Но этого отрицательнаго указанія было бы недостаточно. У многихъ понятія о г. Шевыревѣ, о г. Погодинѣ, о славянофильствѣ такъ тѣсно связаны, что для предупрежденія ошибочныхъ заключеній, необходимо точнѣе опредѣлить различіе въ литературномъ характерѣ двухъ редакторовъ стараго «Москвитянина» и высказать опредѣлительное мнѣніе о славянофильствѣ.

Г. Погодинъ не принималъ на себя роли критика художественныхъ произведеній, потому о немъ здѣсь мы можемъ упомянуть только эпизодически: его дѣятельность, какъ журналиста, ограничивавшаяся статьями или чисто ученаго, или публицистическаго содержанія, не входитъ въ границы нашихъ очерковъ; содержаніе его статей не касается нашего предмета. Мы обратимъ вниманіе читателя только на ихъ изложеніе. Слогъ г. Погодина богатъ странностями, которыя подавали даже поводъ къ забавнымъ пародіямъ. Но невозможно не признаться, что точность, мѣткость, оригинальность, непринужденность, сжатость, энергія, совершенная естественность составляютъ неотъемлемыя его качества. Нельзя также не прибавить, что наблюдательность, проницательность, отсутствіе всякаго педантства, строгая логика въ развитіи мыслей и вообще замѣчательная сила здраваго смысла—неизмѣнныя достоинства всего, что было написано господиномъ Погодинымъ. Мы не принадлежимъ къ числу его поклонниковъ,—но справедливость требуетъ назвать его ученымъ основательнымъ; и самые противники его согласятся, что онъ оказалъ своей спеціальной наукѣ—русской исторіи—значительныя услуги. Та же справедливость требуетъ сказать, что въ его любви къ наукѣ нѣтъ ни жеманства, ни притворства, что онъ защитникъ просвѣщенія, и что какъ бы ни казались намъ странны нѣкоторыя его мнѣнія, но никто не можетъ и подумать назвать его обскурантомъ. Этого достаточно, чтобы вынудить у каждаго здравомыслящаго человѣка сочувствіе къ нему во многихъ случаяхъ и во всякомъ случаѣ обезпечить ему право на уваженіе.

Мы никогда не раздѣляли и не чувствуемъ ни малѣйшаго влеченія раздѣлять мнѣнія славянофиловъ [1]), но по всей справедливости должны сказать, что если понятія ихъ и надобно признать ошибочными, то нельзя не сочувствовать имъ, какъ людямъ, проникнутымъ сочувствіемъ къ просвѣщенію. Отчасти въ увлеченіи жаромъ полемики, еще болѣе потому, что смѣшивали истинныхъ славянофиловъ съ людьми, которые пустоту и кичливость своихъ мнѣній прикрываютъ напыщенными родомонтадами на отрывочныя и непонятныя мысли, заимствованныя на прокатъ у славянофиловъ, эту школу обвиняли во враждѣ къ наукѣ, въ обскурантизмѣ, въ стремленіи возвратить Россію «ко днямъ Кошихина» и т. д. Упреки эти дѣлались не по слѣпой ненависти, не по желанію взвести на противниковъ предосудительную небывальщину, а по искреннему убѣжденію въ ихъ справедливости; но они несправедливы,—по крайней мѣрѣ, относительно такихъ людей, какъ гг. Аксаковы, Кошелевъ, Кирѣевскіе, Хомяковъ, рѣшительно несправедливы. Горячая ревность къ основному началу всякаго блага, просвѣщенію, одушевляетъ ихъ. Нѣтъ нужды лично знать ихъ, чтобы быть твердо убѣжденному, что они принадлежатъ къ числу образованнѣйшихъ, благороднѣйшихъ и даровитѣйшихъ людей въ русскомъ обществѣ; а эти качества достаточно ручаются за чистоту и возвышенность

---

[1]) Мы употребляемъ это имя, какъ наиболѣе всѣмъ извѣстное; но намъ кажется, что, будучи придумано въ то время, когда мнѣнія лучшихъ послѣдователей школы были еще мало извѣстны, оно не имѣетъ въ настоящее время никакого внутренняго смысла. Мы готовы съ удовольствіемъ замѣнить его другимъ, какое будетъ намъ указано самыми послѣдователями мнѣній, о которыхъ идетъ рѣчь.

ихъ намѣреній. Считаемъ излишнимъ прибавлять, что личный характеръ каждаго изъ этихъ людей выше всякой укоризны. Кто знакомъ съ славянофилами только по полемикѣ, которую нѣкогда вели петербургскіе журналы противъ стараго «Москвитянина», тотъ ихъ не знаетъ. Мы не возьмемъ на себя смѣлости отъ своего лица излагать передъ читателями полную систему ихъ убѣжденій, какъ мы ихъ понимаемъ: система эта представляется намъ не во всѣхъ пунктахъ достаточно ясною, и мы не хотимъ подвергаться опасности ввести читателей въ заблужденіе; вѣрнѣе будетъ, если мы представимъ извлеченіе изъ статьи г. И. Кирѣевскаго «О характерѣ просвѣщенія Европы и о его отношеніи къ просвѣщенію Россіи» [1]). Она пока остается едва ли не лучшимъ выраженіемъ славянофильства. Мы будемъ совершенно строго держаться собственныхъ словъ автора.

«Еще не очень давно то время, когда вопросъ объ отношеніи русскаго просвѣщенія къ западному былъ почти невозможенъ, или разрѣшался такъ легко, что не стоило труда его предлагать. Тому тридцать лѣтъ, едва ли можно было встрѣтить мыслящаго человѣка, который бы постигалъ возможность другаго просвѣщенія, кромѣ заимствованнаго отъ западной Европы. Общее мнѣніе было таково, что различіе между просвѣщеніемъ Европы и Россіи существуетъ только въ степени, а не въ духѣ или основныхъ началахъ образованности. У насъ (говорили тогда) было прежде только варварство: образованность наша начинается только съ той минуты, какъ мы начали учиться у Европы. Оттого, тамъ учители, мы—ученики».

«Но съ тѣхъ поръ въ просвѣщеніи западномъ и въ просвѣщеніи русскомъ произошла перемѣна. Европейское просвѣщеніе достигло той полноты развитія, гдѣ его особенное начало выразилось съ очевидною ясностью. Результатомъ этой полноты развитія, ясности итоговъ было общее чувство недовольства. Правда, науки процвѣтали, внѣшняя жизнь устраивалась благопріятно. Но жизнь лишена была своего существеннаго смысла, ибо, не проникнутая никакимъ общимъ, сильнымъ убѣжденіемъ, она не могла быть ни украшена высокою надеждою, ни согрѣта глубокимъ сочувствіемъ. Анализъ разрушилъ всѣ основы, на которыхъ стояло европейское просвѣщеніе съ самаго начала своего развитія. И съ тѣмъ вмѣстѣ этотъ анализъ, эта логическая дѣятельность, этотъ отвлеченный разумъ дошелъ до сознанія своей ограниченной односторонности. Онъ убѣдился, что высшія истины ума, его существенныя убѣжденія лежатъ внѣ отвлеченнаго круга его діалектическаго процесса. Этотъ результатъ европейской образованности выраженъ передовыми мыслителями Запада. Теперь западному человѣку остается или ограничиться равнодушіемъ ко всему, что выше чувственныхъ интересовъ,—но это неестественно и унизительно, или возвратиться къ тѣмъ отвергнутымъ убѣжденіямъ, которыя одушевляли Западъ прежде конечнаго развитія отвлеченнаго разума,—но эти убѣжденія уже разрушены. Потому-то почти каждый, чтобъ избѣгнуть этой мучительной пустоты, началъ изобрѣтать въ своей головѣ для всего міра новыя общія начала жизни и истины, мѣшая старое съ новымъ, возможное съ невозможнымъ».

«У насъ большая часть людей, слѣдившихъ за явленіями европейской жизни, убѣдившись послѣ этого въ неудовлетворительности европейской образованности, обратили вниманіе свое на тѣ особенныя начала просвѣщенія, не оцѣненныя европейскимъ умомъ, которыми прежде жила Россія, и которыя теперь еще замѣчаются въ ней помимо европейскаго вліянія.—Эти основныя начала, которыхъ мы не замѣчали прежде, по пристрастію къ западной образованности и безотчетному предубѣжденію противъ своей старины, представлявшейся варварскою, совершенно отличны отъ тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ составилось просвѣщеніе европейскихъ народовъ».

---

[1]) «Московскій Сборникъ» 1852 г., стр. 1—68.

«Основными элементами въ развитіи западной Европы были: римская церковь, древне-римская образованность и государственность (общественное устройство), возникшая посредствомъ завоеванія и изъ борьбы побѣжденныхъ съ побѣдителями. Всѣ эти три элемента были совершенно чужды древней Россіи. Она приняла христіанство изъ Византіи, древне-языческая образованность переходила къ ней уже сквозь ученіе христіанское, русское государство основалось и утвердилось самобытно, не испытавъ завоеванія».

«Развитіе элементовъ западной образованности обнаружило ихъ неудовлетворительность и односторонность. Потому намъ нужно прилѣпиться къ своимъ основнымъ элементамъ образованности, исчисленнымъ выше, гораздо полнѣйшимъ и плодотворнѣйшимъ. Тогда возможна будетъ въ Россіи наука, основанная на самобытныхъ началахъ, отличныхъ отъ тѣхъ, какія намъ предлагаетъ просвѣщеніе европейское. Тогда возможно будетъ въ Россіи искусство, на самородномъ корнѣ разцвѣтающее. Тогда жизнь общественная въ Россіи утвердится въ направленіи, отличномъ отъ того, какое можетъ ей сообщить образованность западная».

«Однако же, говоря: «направленіе», я не излишнимъ почитаю прибавить, что этимъ словомъ я рѣзко ограничиваю весь смыслъ моего желанія. Ибо, если когда-нибудь случилось бы мнѣ увидѣть во снѣ, что какая либо изъ внѣшнихъ особенностей нашей прежней жизни, давно погибшая, вдругъ воскресла посреди насъ и въ прежнемъ видѣ своемъ вмѣшалась въ настоящую жизнь нашу, то это видѣніе не обрадовало бы меня. Напротивъ, оно испугало бы меня. Ибо такое перемѣщеніе прошлаго въ новое, отжившаго въ живущее, было бы то же, что перестановка колеса изъ одной машины въ другую, другаго устройства и размѣра: въ такомъ случаѣ или колесо должно сломаться, или машина. Одного только желаю я... чтобы эти высшія начала, господствуя надъ просвѣщеніемъ европейскимъ и не вытѣсняя его, но, напротивъ, обнимая его своею полнотою, дали ему высшій смыслъ и послѣднее развитіе».

Изъ читателей, которые не принадлежатъ къ числу записныхъ послѣдователей славянофильства, очень немногимъ понравятся эти выписанныя нами мѣста, если только они потрудятся внимательнѣе всмотрѣться въ смыслъ основныхъ мыслей и подумать о выводахъ, до которыхъ могутъ и должны привести эти основанія, будучи логически развиты. А тѣмъ, которые читали самую статью г. И. Кирѣевскаго, она, безъ сомнѣнія, понравилась еще гораздо менѣе, нежели наше извлеченіе: въ ней слишкомъ ярко выставлены на первый планъ иные слишкомъ сомнительные тезисы, которые мы почли удобнѣйшимъ сдѣлать едва замѣтными въ нашемъ изложеніи, потому что у другихъ славянофиловъ они дѣйствительно не играютъ особенно важной роли; мы старались извлечь изъ статьи г. Кирѣевскаго общія всей школѣ положенія, а не принадлежащія лично автору преувеличенія тѣхъ или другихъ мнѣній школы. Другіе, можетъ быть, сообщили бы этимъ тезисамъ развитіе болѣе обольстительное, и самъ г. И. Кирѣевскій въ другихъ случаяхъ говоритъ гораздо завлекательнѣе. Чтобы дать примѣръ этого, укажемъ на его статью «Обозрѣніе современнаго состоянія словесности». Спеціальный смыслъ ея, по нашему мнѣнію, также существенно несправедливъ, и многіе факты также приведены или поняты ошибочно,—да иначе и быть не могло, иначе она была бы помѣщена не въ «Москвитянинѣ» 1845 года, иначе не явился бы и «Московскій Сборникъ» съ статьею И. Кирѣевскаго; но дѣло не въ томъ: мы указываемъ на «Обозрѣніе современнаго состоянія словесности» съ цѣлью выставить на видъ, что въ этой статьѣ очень много есть мыслей вѣрныхъ и прекрасныхъ. Ея введеніе, представляемое нами въ выноскѣ,

достаточно убѣдитъ въ этомъ читателя [1]). А превосходное заключеніе статьи послужитъ для насъ наилучшимъ заключеніемъ эпизода о славянофильствѣ.

Но возвратимся къ статьѣ «Московскаго Сборника» и разсмотримъ главныя положенія, изъ которыхъ развита система воззрѣній, въ ней изложенная. Существеннѣйшимъ основаніемъ всему служитъ въ ней аксіома: западная цивилизація оказалась неудовлетворительною и одностороннею. Анализъ показалъ, что элементы, изъ которыхъ она развивалась, односторонни, и не далъ новыхъ основаній для жизни и убѣжденій. Да откуда же извѣстно все это? Ужь конечно, не изъ твореній тѣхъ «передовыхъ мыслителей», на которыхъ ссылается авторъ. Они говорятъ совершенно противное: анализъ ихъ показалъ новыя основанія для жизни и убѣжденій; они вовсе не находятъ, чтобы западная цивилизація дошла до своего «полнаго развитія»: напротивъ, они утверждаютъ, что нравственныя науки еще только начинаютъ развиваться, общественныя отношенія тоже, приложенія науки къ жизни—тоже, и за что́ ни возьмись—то же самое: всѣ отрасли знанія (исключая чистую математику и астрономію, которыя уже достигли очень высокой степени совершенства), всѣ сферы жизни находятся еще въ первыхъ періодахъ развитія, быстро развиваются и черезъ сто, даже черезъ пятьдесятъ лѣтъ далеко уйдутъ впередъ по пути развитія. Однимъ словомъ, Западъ—не человѣкъ преклонныхъ лѣтъ, который говоритъ: «карьера моя уже сдѣлана, и сдѣлана неудовлетворительно: увы! жизнь моя шла по ложному пути; а начинать новую жизнь мнѣ уже не подъ силу...

---

[1]) Было время, когда, говоря: «словесность», разумѣли обыкновенно изящную литературу: въ наше время изящная литература составляетъ только незначительную часть словесности. Можетъ быть, отъ самой эпохи такъ называемаго возрожденія наукъ въ Европѣ, никогда изящная литература не играла такой жалкой роли, какъ теперь, особенно въ послѣдніе годы нашего времени, хотя, можетъ быть, никогда не писалось такъ много во всѣхъ родахъ и никогда не читалось такъ жадно все, что пишется. Еще XVIII вѣкъ былъ по преимуществу литературный; еще въ первой четверти XIX вѣка чисто литературные интересы были одною изъ пружинъ умственнаго движенія народовъ; великіе поэты возбуждали великія сочувствія; различія литературныхъ мнѣній производили страстныя партіи. Но теперь отношеніе изящной литературы къ обществу измѣнилось; изъ великихъ всеувлекающихъ поэтовъ не осталось ни одного; при множествѣ стиховъ и, скажемъ еще, при множествѣ замѣчательныхъ талантовъ, нѣтъ поэзіи; не замѣтно даже ея потребности; литературныя мнѣнія повторяются безъ участія; изъ первой блистательной роли изящная словесность сошла на роль наперсницы другихъ героинь нашего времени. Мы читаемъ много, читаемъ больше прежняго, читаемъ все, что попало, но все мимоходомъ, безъ участія, какъ чиновникъ прочитываетъ входящія и исходящія бумаги, когда онъ ихъ прочитываетъ. Читая, мы не наслаждаемся, еще менѣе можемъ забыться, но только принимаемъ къ соображенію, ищемъ извлечь примѣненіе, пользу; и тотъ живой безкорыстный интересъ къ явленіямъ чисто-литературнымъ, та отвлеченная любовь къ прекраснымъ формамъ, то наслажденіе стройностію рѣчи, то упоительное самозабвеніе въ гармоніи стиха, какое мы испытали въ нашей молодости, наступающее поколѣніе будетъ знать о немъ развѣ только по преданію.

Въ наше время изящную словесность замѣнила словесность журнальная.—И не надобно думать, чтобы характеръ журнализма принадлежалъ однимъ періодическимъ изданіямъ: онъ распространяется на всѣ формы словесности, съ весьма немногими исключеніями. Въ самомъ дѣлѣ, куда ни оглянемся, вездѣ мысль подчинена текущимъ обстоятельствамъ, чувство приложено къ интересамъ партіи, форма принаровлена къ требованіямъ минуты. Романъ обратился въ статистику нравовъ, поэзія въ стихи на случай; исторія, бывъ отголоскомъ прошедшаго, старается быть вмѣстѣ и зеркаломъ настоящаго или доказательствомъ какого нибудь общественнаго убѣжденія, цитатой въ пользу какого нибудь современнаго воззрѣнія; философія, при самыхъ отвлеченныхъ созерцаніяхъ вѣчныхъ истинъ, постоянно занята ихъ отношеніемъ къ текущей минутѣ; даже произведенія богословскія на Западѣ по большей части порождаются какимъ нибудь постороннимъ обстоятельствомъ внѣшней жизни.

Впрочемъ, это общее стремленіе умовъ къ событіямъ дѣйствительности, къ интересамъ дня, имѣетъ источникомъ своимъ не однѣ личныя выгоды или корыстныя цѣли, какъ думаютъ нѣкоторые. Хотя выгоды частныя и связаны съ дѣлами общественными, но общій интересъ къ по-

увы, увы!» Нѣтъ,—Западъ юноша, и юноша еще очень молодой и свѣжій, который (устами своихъ «передовыхъ мыслителей») говоритъ: «кое-что (и довольно много) я знаю; но очень многому мнѣ еще остается учиться, я еще горю жаждою большаго знанія и учусь довольно успѣшно. Я не совершенно неопытенъ; но мнѣ еще нужно пріобрѣсть гораздо болѣе опытности. Моя карьера только что еще начинается, я едва еще только начинаю отгадывать, что такое жизнь и какъ устроится моя жизнь. Мнѣ еще остается много трудиться, чтобы обезпечить себѣ прочное, безбѣдное существованіе; но трудиться я готовъ: силы у меня довольно, и, пожалуйста, не отчаивайтесь за мою будущность: я уже имѣю нѣкоторые вѣрные залоги того, что моя будущность мало по малу устроится довольно хорошо».—Вотъ что говоритъ Западъ устами своихъ «передовыхъ мыслителей». Возьмите французскаго, нѣмецкаго, англійскаго ученаго, все равно, лишь бы только онъ былъ человѣкъ умный и дѣльный: каждый изъ нихъ скажетъ вамъ то же самое.

Откуда же взялась у насъ (да и у нѣкоторой части западной публики) мысль, или, лучше сказать, не мысль, а мелодраматическая фраза, о томъ, что Западъ дряхлый старецъ, который извлекъ изъ жизни уже все, что могъ извлечь, который истощился жизнью, и т. д.? Да все изъ разныхъ западныхъ же пустенькихъ или тупоумненькихъ книжонокъ и статеекъ, потому что, нечего грѣха таить, и на Западѣ много сочиняется пустыхъ книжекъ и статеекъ, по крайней мѣрѣ, по десяти на одну дѣльную, все равно, какъ и у насъ, на одну умную статью г. И. Кирѣевскаго приходится по крайней мѣрѣ десятокъ

слѣднимъ происходитъ не изъ одного этого разсчета. По большей части это просто интересъ сочувствія. Умъ разбуженъ и направленъ въ эту сторону. Мысль человѣка срослась съ мыслію о человѣчествѣ,—это стремленіе любви, а не выгоды. Онъ хочетъ знать, что дѣлается въ мірѣ, въ судьбѣ ему подобныхъ, часто безъ малѣйшаго отношенія къ себѣ. Онъ хочетъ знать, чтобы только участвовать мыслію въ общей жизни, сочувствовать ей извнутри своего ограниченнаго круга.

Несмотря на то, однако, кажется, не безъ основаній, жалуются многіе на это излишнее уваженіе къ минутѣ, на этотъ всепоглощающій интересъ къ событіямъ дня, къ внѣшней, дѣловой сторонѣ жизни. Такое направленіе, думаютъ они, не обнимаетъ жизни, но касается только ея наружной стороны, ея несущественной поверхности. Скорлупа, конечно, необходима, но только для сохраненія зерна, безъ котораго она свищъ. Можетъ быть, это состояніе умовъ понятно, какъ состояніе переходное; но безсмыслица, какъ состояніе высшаго разряда. Крыльцо къ дому хорошо, какъ крыльцо; но если мы расположимся на немъ жить, какъ будто оно весь домъ, тогда намъ оттого можетъ быть и тѣсно и холодно.

Впрочемъ, замѣтимъ, что вопросы собственно политическіе, правительственные, которые такъ долго волновали умы на Западѣ, теперь уже начинаютъ удаляться на второй планъ умственныхъ движеній, и хотя при поверхностномъ наблюденіи можетъ показаться, будто они еще въ прежней силѣ, потому что по прежнему еще занимаютъ большинство голосовъ, но это большинство уже отсталое; оно уже не составляетъ выраженія вѣка; передовые мыслители рѣшительно переступили въ другую сферу—въ область вопросовъ общественныхъ, гдѣ первое мѣсто занимаетъ уже не внѣшняя форма, но сама внутренняя жизнь общества, въ ея дѣйствительныхъ, существенныхъ отношеніяхъ.

Умственныя движенія на Западѣ совершаются теперь съ меньшимъ шумомъ и блескомъ, но очевидно имѣютъ болѣе глубины и общности. Вмѣсто ограниченной сферы событій дня и внѣшнихъ интересовъ, мысль устремляется къ самому источнику всего внѣшняго—къ человѣку, какъ онъ есть, и къ его жизни, какъ она должна быть. Западные писатели начинаютъ понимать, что подъ громкимъ вращеніемъ общественныхъ колесъ таится неслышное движеніе нравственной пружины, отъ которой зависитъ все, и потому въ мысленной заботѣ своей стараются перейти отъ явленія къ причинѣ, отъ формальныхъ внѣшнихъ вопросовъ хотятъ возвыситься къ тому объему идеи общества, гдѣ и минутныя событія дня, и вѣчныя условія жизни, и политика, и философія, и наука, и ремесло, и промышленность, и сама религія, и вмѣстѣ съ ними словесность народа, сливаются въ одну необозримую задачу: усовершенствованіе человѣка и его жизненныхъ отношеній.—*Москвитянинъ 1855 г. № 1.*

жалкихъ статей, написанныхъ на ту же, повидимому, тему, но написанныхъ педантами или людьми ограниченными. По преимуществу эти унылыя книжки и статейки пишутся на французскомъ діалектѣ; главныя богадѣльни для этихъ беззубыхъ воздыханій — различныя Revue des deux Mondes, Revue Contemporaine, Revue de Paris и газеты съ фельетонами. Пишутся они отчасти французскими Маниловыми, отчасти французскими Чичиковыми, потому что, опять нечего грѣха таить, во Франціи, какъ и повсюду, есть свои Маниловы и Чичиковы, отчасти людьми плутоватыми, отчасти добродушными, но вообще людьми отсталыми. Основаніе для вздоховъ и оховъ о бѣдной европейской цивилизаціи, о погибающей Европѣ—то, что они, по поверхностному простодушію, не могутъ или по разсчету не хотятъ понять строгихъ, но благихъ идей современной науки, выраженныхъ «передовыми мыслителями». Для низшихъ слоевъ публики, упивающихся переводами дюмасовскихъ романовъ, эти книжки и статейки въ огромномъ количествѣ переводятся и на нѣмецкій языкъ. Впрочемъ, и нѣмецкіе Маниловы фабрикуютъ подобныя книжки и статейки въ изрядномъ количествѣ и качествѣ, потому что Германія, довольно скудная Чичиковыми, преизобилуетъ Маниловыми. Переводятся и передѣлываются онѣ также и въ Англіи, но въ меньшемъ количествѣ, потому что англичане мало расположены къ маниловщинѣ, какъ народъ сухой, а Чичиковы тамъ заняты биржевыми и фабричными продѣлками. Читая воздыханія людей, поневолѣ впадешь въ тоску объ участи европейской литературы, науки, цивилизаціи и т. д., все равно, какъ, перечитывая въ старомъ «Москвитянинѣ» статьи г. М. Дмитріева, г. А. Студитскаго, г. Шевырева и т. д., мы впадали въ совершенную тоску объ участи русской науки, литературы и т. д. Но мы извиняемся, по крайней мѣрѣ, необходимостью пересмотрѣть старый «Москвитянинъ» для дѣла, которымъ теперь занимаемся; а кому какая необходимость читать произведенія Сентъ-Бева, Филарета Шаля, Сенъ-Рене-Тальяндье, Луи Ребо, Мишеля Шевалье и т. д. и т. д.? Тутъ ужь совершается чисто произвольный грѣхъ. Зато и наказаніе за этотъ грѣхъ посылается тяжкое: оплакивать скоропостижную дряхлость и безнадежную погибель цѣлой части свѣта! Чтобы составить себѣ справедливое понятіе о современномъ состояніи европейской науки и цивилизаціи, надобно, дѣйствительно, изучать его въ произведеніяхъ «передовыхъ мыслителей» Запада. И кто пойметъ значеніе ихъ трудовъ, тому общій вопросъ о Европѣ и объ отношеніи Россіи къ западной Европѣ представится столь же простымъ, какъ представлялся, по мнѣнію автора, тридцать лѣтъ тому назадъ. А въ частности онъ будетъ думать о старинной Руси точно такъ же, какъ думалъ о ней Петръ Великій, который очень близко, кажется, зналъ ее по собственному опыту. Относительно понятій о различіи основныхъ элементовъ старинной русской жизни отъ элементовъ жизни западной онъ также будетъ судить очень скромно, потому что современная европейская наука хотя и не занималась спеціальною разработкою русской старины, но достаточно уяснила вопросы объ исторической жизни многихъ другихъ народовъ, которые находились или находятся въ положеніи, очень похожемъ на состояніе до-петровской Руси, или имѣли на старинную нашу жизнь вліяніе. Результаты изслѣдованій нашихъ собственныхъ ученыхъ о нашей старинѣ совершенно подтверждаютъ справедливость общихъ понятій современной науки о тѣхъ спеціальныхъ элементахъ,

присутствіе которыхъ въ старинной Руси кажется автору столь важнымъ и оригинальнымъ. Кстати, невозможно сомнѣваться въ томъ, что славянофилы говорятъ объ этихъ элементахъ безъ непосредственнаго знакомства съ объясненіями и взглядами лучшихъ спеціалистовъ нашихъ и европейскихъ. По всему очевидно, что они представляютъ себѣ эти элементы не въ томъ истинномъ видѣ, какъ они излагаются въ спеціальныхъ сочиненіяхъ, а сообразно своимъ личнымъ понятіямъ,—понятіямъ диллетантовъ, не углублявшихся въ тяжелыя спеціальныя сочиненія, а узнавшихъ о содержаніи этихъ сочиненій изъ рецензій, писанныхъ людьми отсталыми.

Кромѣ главной мысли объ односторонности западной цивилизаціи и неспособности ея къ дальнѣйшему развитію—мысли, навѣянной журналами въ родѣ Revue des deux Mondes, есть еще другая основная мысль въ системѣ славянофиловъ—одностороннее пристрастіе къ своему. Чувство любви къ своему хорошо: но оно должно быть повѣряемо анализомъ фактовъ. Мы долго придумывали, какъ бы объяснить это удовлетворительнымъ образомъ, но вспомнили, что очень удовлетворительно объясненъ этотъ вопросъ въ стихотвореніи г. Хомякова («Московскій Сборникъ» 1852 г. стр. 141):

«Мы родъ избранный», говорили
Сіона дѣти въ старину,
«Намъ божьи громы осушили
«Морей волнистыхъ глубину.

«Для насъ Синай одѣлся въ пламя,
«Дрожала горъ кремнистыхъ грудь,
«И дымъ и огнь, какъ Божье знамя,
«Въ пустыняхъ намъ казали путь.

«Намъ камень лилъ воды потоки,
«Дождили манной небеса,
«Для насъ законъ, у насъ пророки,
«Въ насъ Божьей силы чудеса».

Не терпитъ Богъ людской гордыни;
Не съ тѣми онъ, кто говоритъ:
«Мы соль земли, мы столбъ святыни,
«Мы Божій мечъ, мы Божій щитъ»!

Не съ тѣми Онъ, кто звуки слова
Лепечетъ рабскимъ языкомъ
И, мертвенный сосудъ живаго,
Душею мертвъ и спитъ умомъ.

Онъ съ тѣмъ, кто гордости лукавой
Въ слова смиренья не рядилъ... и т. д.

Вообще должно сказать, что славянофильство навѣяно къ намъ съ Запада: нѣтъ ни одной существенной мысли въ немъ (рѣшительно *ни одной*), которая не была бы заимствована изъ нѣкоторыхъ второстепенныхъ французскихъ и нѣмецкихъ писателей, преимущественно изъ писателей, недовольныхъ тѣмъ, что ихъ различныя отсталыя понятія или наивныя ожиданія не подтвер-

ждаются наукою. Но извѣстно, что многое уже ненужное въ одной странѣ еще можетъ приносить нѣкоторую пользу въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ. Многія понятія, сдѣлавшіяся въ своемъ отечествѣ уже совершенно отсталыми, нимало не основательными, въ другихъ странахъ еще могутъ получить достоинство относительной свѣжести и основательности, потому что противопоставляются мыслямъ, еще болѣе отсталымъ, еще менѣе основательнымъ, могутъ имѣть интересъ живости и новости, и въ этомъ качествѣ возбуждать дѣятельность ума, направлять его къ дальнѣйшимъ успѣхамъ,—однимъ словомъ, приносить пользу. Объяснимся примѣромъ. Для Германіи уже устарѣли системы Канта и Шеллинга, когда Кузенъ передѣлалъ ихъ для Франціи; но во Франціи онѣ были еще новостью и, несмотря на то, что искажены были въ передѣлкѣ, принесли довольно значительную пользу. И наоборотъ, многія сочиненія, уже устарѣлыя для Франціи, приносили свою пользу въ Германіи, будучи переводимы или передѣлываемы на нѣмецкій языкъ. Такъ надобно смотрѣть и на наше славянофильство. Оно основано на заимствованіи мыслей, устарѣвшихъ на ихъ родинѣ; но у насъ эти мысли могутъ еще для очень многихъ имѣть новизну, возбуждать дѣятельность ума, приносить пользу. Не говоримъ уже о томъ, что онѣ живительно дѣйствуютъ на развитіе въ нашей литературѣ дѣйствительно современныхъ мыслей, вызывая противодѣйствіе.

Но мало сказать въ оправданіе славянофильства, что оно приноситъ относительную, или отрицательную пользу. Есть въ немъ нѣкоторыя стороны и безусловно хорошія. Посредственные французскіе или нѣмецкіе писатели, которыми оно навѣяно, конечно, сами не могли бы придумать ничего особенно хорошаго; зато они мало и придумали своего: почти все у нихъ взято изъ писателей дѣйствительно хорошихъ. Правда, многія изъ книгъ, откуда они почерпали, слишкомъ заплесневѣли отъ ветхости; но кое-что, и даже довольно многое (преимущественно критика всѣхъ пережитыхъ современною наукою и жизнью ступеней развитія), заимствовано изъ современныхъ геніальныхъ писателей. Правда, они иногда порядочно искажаютъ заимствуемыя геніальныя мысли, но все-таки не все живое стерли съ нихъ. Правда, эти свѣжія мысли вплетены въ систему, сущность которой довольно ветха; но новыя заплаты на ветхомъ платьѣ тѣмъ ярче блещутъ свѣжестью своихъ красокъ,—онѣ безобразятъ самое платье, но сами по себѣ еще больше выигрываютъ отъ его безобразія. Если бы въ посредственную повѣсть какого-нибудь дюжиннаго беллетриста была вставлена глава изъ «Мертвыхъ Душъ», повѣсть въ цѣломъ стала бы вдвое безобразнѣе, но прелесть отрывка изъ «Мертвыхъ Душъ» была бы—хотя бы онъ былъ даже отчасти передѣланъ къ худшему—вдвое поразительнѣе въ этой повѣсти, нежели въ самыхъ «Мертвыхъ Душахъ». И скажите, развѣ было бы безполезно прочитать эту повѣсть человѣку, который еще не имѣлъ (и, быть можетъ, долго не будетъ имѣть) случая прочитать «Мертвыя Души»? И не бойтесь продолжительности его заблужденія: такъ или иначе, но онъ услышитъ, что отрывокъ, ему понравившійся, заимствованъ изъ Гоголя, и тогда никто его не удержитъ отъ чтенія самого Гоголя. Есть люди требовательные, неуступчивые, которые говорятъ: «все или ничего, клочки и обрывки никуда не годятся»; но иногда самый требовательный человѣкъ видитъ себя въ необходимости съ благоразумною уступчивостью говорить: «лучше хлѣбъ съ мякиной, нежели совершенно ничего».

Это о положительномъ содержаніи славянофильства. Что же касается его стремленій, нельзя не отдать ему полной справедливости. Въ извлеченіи статьи г. И. Кирѣевскаго: «О характерѣ просвѣщенія Европы», послѣднія строки, отмѣченныя у насъ вносными знаками, выписаны нами безъ всякихъ перемѣнъ и составляютъ заключеніе въ самомъ подлинникѣ: истязуйте эти строки, какъ хотите, но вы не можете найти въ нихъ вражды къ просвѣщенію; напротивъ, онѣ внушены горячею ревностью къ просвѣщенію и къ улучшенію русской жизни. Можно и должно не соглашаться съ почтеннымъ авторомъ въ средствахъ къ достиженію, но нельзя не признаться: цѣль его—цѣль всѣхъ благомыслящихъ людей.

Можно отыскать и много другихъ хорошихъ сторонъ въ славянофильствѣ: но мы боимся, что уже утомили читателей слишкомъ длиннымъ отступленіемъ. Потому скажемъ только, что для развитія той части русской публики, которая имъ увлекается, эти убѣжденія гораздо болѣе полезны, нежели вредны, служа переходною ступенью отъ умственной дремоты, отъ индифферентизма или даже вражды противъ просвѣщенія къ совершенно современному взгляду на вещи, къ совершенному разрыву съ нашей старинной бездѣйственностью и холодностью въ дѣлѣ общемъ. Потому-то люди, которыхъ въ насмѣшку называли «западниками», и славянофилы, несмотря на жаркіе споры между собою, были сподвижники въ одномъ общемъ стремленіи, которое тѣмъ и другимъ было въ сущности дороже всего остальнаго, что ихъ раздѣляло. Что же касается этихъ пунктовъ несогласія, мы изложили о нихъ мнѣніе, которое кажется намъ справедливо, и можемъ прибавить только, что довольно было бы выставить на видъ основныя мысли, напримѣръ, изъ приведеннаго нами въ выноскѣ начала статьи самого г. И. Кирѣевскаго «Обозрѣніе современнаго состоянія словесности»,— и эти его собственныя понятія обличили бы несправедливость его выводовъ относительно дряхлости западной цивилизаціи. Но къ чему это? лучше будетъ окончить нашъ эпизодъ о славянофилахъ превосходнымъ заключеніемъ, которое далъ г. Кирѣевскій своей статьѣ о современномъ состояніи словесности:

Мы думаемъ, что всѣ споры о превосходствѣ Запада или Россіи, о достоинствѣ исторіи европейской или нашей и тому подобныя разсужденія принадлежатъ къ числу самыхъ безполезныхъ, самыхъ пустыхъ вопросовъ, какіе только можетъ придумать празднолюбіе мыслящаго человѣка. И что, въ самомъ дѣлѣ, за польза намъ отвергать или порочить то, что было или есть добраго въ жизни Запада? Не есть ли она, напротивъ, выраженіе нашего же начала, если наше начало истинное? Вслѣдствіе его господства надъ нами *(то есть господства этого истиннаго начала)* все прекрасное, благородное, по необходимости намъ свое, хотя бы оно было европейское, хотя бы африканское. Голосъ истины не слабѣетъ, но усиливается своимъ созвучіемъ со всѣмъ, что является истиннаго, гдѣ бы то ни было. («Москвитянинъ» 1845, № 2).

Теперь, хотя въ общихъ чертахъ опредѣливъ наше понятіе о славянофилахъ, мы можемъ перейти къ характеристикѣ критической дѣятельности г. Шевырева. Г. Шевыревъ многими былъ считаемъ за славянофила, и онъ самъ отчасти подавалъ къ тому поводъ, очень часто, или, лучше сказать, постоянно, въ каждой статьѣ своей, развивая три или четыре темы, повидимому, сходныя съ мыслями славянофиловъ. Различіе было, повидимому, только въ томъ, что г. Шевыревъ выражалъ эти мнѣнія гораздо краснорѣчивѣе, и такъ

какъ краснорѣчіе состоитъ въ употребленіи различныхъ фигуръ, какъ-то: усугубленія, нарощенія, напряженія и тому подобныхъ, то, по необходимости, мысли эти выражались у него гораздо сильнѣе, нежели у г. Аксакова, г. Кирѣевскаго или г. Хомякова. Мы сказали бы даже: выраженіе этихъ мыслей было у него отчасти доведено до излишней утрировки, если бы могло быть излишество въ столь пріятной вещи, какъ краснорѣчіе. Изъ этихъ трехъ, четырехъ темъ самою любимою было такъ называемое на языкѣ г. Шевырева «гніеніе Запада». Самые ревностные славянофилы не выражались объ этомъ предметѣ и въ десятую долю такъ сильно и картинно, какъ г. Шевыревъ. Приводимъ одинъ только примѣръ:

«Въ нашихъ искреннихъ, дружескихъ, тѣсныхъ сношеніяхъ съ Западомъ, мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ, носящимъ въ себѣ злой, заразительный недугъ, окруженнымъ атмосферою опаснаго дыханія. Мы цѣлуемся съ нимъ, обнимаемся, дѣлимъ трапезу мысли, пьемъ чашу чувства—и не замѣчаемъ скрытаго яда въ безпечномъ общеніи нашемъ, не чуемъ въ потѣхѣ пира будущаго трупа, которымъ онъ уже пахнетъ. Онъ увлекъ насъ роскошью своей образованности; онъ возитъ насъ на своихъ окриленныхъ пароходахъ, катаетъ по желѣзнымъ дорогамъ, угождаетъ безъ нашего труда всѣмъ прихотямъ нашей чувственности, расточаетъ передъ нами остроуміе мысли, наслажденія искусства. Мы рады, что попали на пиръ къ такому богатому хозяину. Мы упоены, намъ весело такъ дешево вкусить то, что такъ дорого стоило. Но мы не замѣчаемъ, что въ этихъ яствахъ таится сокъ, котораго не вынесетъ свѣжая природа наша; мы не предвидимъ, что пресыщенный хозяинъ, обольстивъ насъ всѣми прелестями великолѣпнаго пира, развратитъ умъ и сердце наше; что мы выйдемъ отъ него опьянѣлые не по лѣтамъ, съ тяжкимъ впечатлѣніемъ отъ оргіи, намъ непонятной («Москвитянинъ» 1841. № 1, стр. 247—8. «Взглядъ русскаго на образованіе Европы»).

Ужасная картина! Вообразите только: «мы дѣлимъ трапезу мысли и пьемъ чашу чувства съ трупомъ»! Если мы не ошибаемся, истинные славянофилы назовутъ эти выраженія болѣе поэтическими, нежели точными; вѣроятно, прибавятъ даже, что отъ подобнаго взгляда на западную цивилизацію они столь же далеки, какъ и отъ безусловнаго поклоненія Западу. Впрочемъ, если мы не имѣемъ прямыхъ указаній на то, какъ думаютъ славянофилы о мнѣніяхъ г. Шевырева, зато г. Шевыревъ достаточно опредѣлилъ свои понятія о славянофилахъ,—напримѣръ, хотя бы въ слѣдующихъ строкахъ, заимствованныхъ изъ его статьи объ «Одиссеѣ», переведенной Жуковскимъ. Въ поясненіе этого отрывка предварительно замѣтимъ, что понятіе о преобладаніи «міра», общины надъ отдѣльною личностью въ древней Руси—одно изъ самыхъ дорогихъ убѣжденій для славянофиловъ, и подчиненіе личнаго произвола въ отдѣльномъ человѣкѣ общественной волѣ—едва ли не существеннѣйшая черта ихъ идеала въ будущемъ. Мы не подозрѣваемъ себя въ пристрастіи славянофильскому образу мыслей, но должны сказать, что ученіе объ отношеніи личности къ обществу—здоровая часть ихъ системы и вообще достойно всякаго уваженія по своей справедливости. Г. Шевыревъ выразился объ этомъ предметѣ слѣдующимъ образомъ, разсуждая о циклопахъ:

Главный источникъ ихъ дикости *(т. е. дикости циклоповъ)* — отсутствіе вѣры въ боговъ. Когда Одиссей вздумалъ убѣждать циклопа именемъ Зевса, бога гостелюбца и заступника странниковъ, тотъ отвѣчалъ ему:

Видно, что ты издалека, иль вовсе безуменъ, пришелецъ,
Если могъ вздумать, что я побоюсь иль уважу безсмертныхъ.
Намъ, циклопамъ, нѣтъ нужды ни въ богѣ Зевесѣ, ни въ прочихъ
Вашихъ блаженныхъ богахъ; мы породой ихъ всѣхъ знаменитѣй.
Страхъ громовержца Зевеса разгнѣвать меня не принудитъ
Васъ пощадить; поступлю я, какъ мнѣ самому то угодно.

Такое безвѣріе соединено въ циклопѣ съ отсутствіемъ всякаго понятія о личности человѣческой. Человѣкъ ему ни почемъ. Онъ считаетъ его наравнѣ съ бараномъ. Такое безуміе объясняетъ намъ, почему циклопъ, правда, пьяный, повѣрилъ тому, что человѣкъ можетъ называться *Никто* и не имѣть никакого личнаго имени. Разумная хитрость Одиссея здѣсь вполнѣ торжествуетъ надъ грубою дикостью людоѣда, не признающаго личности человѣческой. При этомъ кстати нельзя не вспомнить, что нѣкоторые мнимые мыслители наши, увлекшись нѣмецкою философіею, вздумали было навязать такія циклопическія понятія объ личности человѣческой народу древней Руси, иные умышленно, съ неуваженіемъ къ ея значенію, другіе же съ добродушнымъ отсутствіемъ всякаго умысла, а принося отъ чистой русской души безсознательную жертву русскою же непонятою ими народностію въ пользу германскаго любомудрія.

(Москвитянинъ 1849. № 3. Критика, стр. 109).

Послѣ этого, конечно, никто не будетъ смѣшивать г. Шевырева съ славянофилами; а внимательное разсмотрѣніе статей ученаго автора приведетъ каждаго къ рѣшительному убѣжденію, что если г. Шевыревъ находитъ нѣкоторыя отдѣльныя ихъ мысли полезными, но слишкомъ недостаточно развитыми и слишкомъ слабо выраженными у самихъ славянофиловъ, и потому старается повторять эти мысли какъ можно чаще, въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ, сообщая имъ самое всеобъемлющее значеніе, прилагая ихъ ко всякому данному предмету,—если, говоримъ мы, онъ дѣлаетъ это, то дѣлаетъ какъ мыслитель своеобразный. Опредѣлить его образъ мыслей было бы очень затруднительно, потому мы и не беремся за это, предоставляя каждому читателю выводить изъ фактовъ, представляемыхъ нами на слѣдующихъ страницахъ этой статьи, такія заключенія, какія ему покажутся естественными. Мы можемъ сказать только одно: г. Шевыревъ мыслитель своеобразный. Считаемъ также не безполезнымъ замѣтить, что писатели, вступавшіе въ учено-литературныя пренія съ г. Шевыревымъ, конечно, напрасно жаловались, будто онъ, въ возраженіяхъ своимъ противникамъ, переступалъ иногда границы чисто ученаго или литературнаго пренія, вовлекая въ сферу спора предметы и понятія, которыхъ у насъ ни въ какой полемикѣ не должно касаться; что несправедливо утверждали также, будто бы иногда онъ увлекался даже въ нѣкоторыя опасенія противъ просвѣщенія. Несправедливость всѣхъ этихъ упрековъ до очевидности изобличается тѣмъ, что, разбирая сочиненіе князя Вяземскаго «Фонъ-Визинъ», ученый критикъ выписываетъ изъ этой книги слѣдующія благородныя и прекрасныя строки:

«Немного такихъ истинъ несомнительныхъ, немного такихъ правилъ непреложныхъ, коихъ святость должна пребыть несомнѣнною и тогда, когда противорѣчатъ имъ послѣдствія частныя, случайныя и независимыя отъ воли людей. Но, посвятивъ себя на служеніе одной изъ сихъ истинъ, должно пребыть ей вѣрнымъ безъ изъятія, примѣняя къ себѣ рыцарское восклицаніе французскихъ роялистовъ: Vive le Roi quand même! Польза просвѣщенія есть одна изъ малаго числа сихъ исключительныхъ истинъ. Почи-

тая его единымъ, прочнымъ основаніемъ благосостоянія общаго и частнаго, совѣстью правительствъ и лицъ, простительно ли, напримѣръ, пугаться малодушно нѣкоторыхъ прискорбныхъ явленій, приписываемыхъ просвѣщенію, или, положимъ, и влекущихся за нимъ по неисповѣдимымъ законамъ Провидѣнія, которое отказало въ совершенствѣ всему, что ни есть на землѣ? Писатель, который, по званію своему, обязанъ быть проповѣдникомъ просвѣщенія, а вмѣсто того бываетъ доносчикомъ на него, подобенъ врачу, который, призванъ будучи къ больному, пугаетъ его невѣрностію своей науки и раскрываетъ передъ нимъ гибельныя ошибки врачеванія. Пусть каждый остается въ духѣ своего званія. Довольно и безъ писателей найдется людей, которые готовы остерегать отъ властолюбивыхъ посяганій разума и даже клеветать на него при удобномъ случаѣ».

И не только выписываетъ г. Шевыревъ эти строки, но и положительно называетъ «прекрасными». (Москвитянинъ, 1848 г. № 7, стр. 18).

Будучи извѣстенъ, какъ одинъ изъ нашихъ почетнѣйшихъ критиковъ, г. Шевыревъ столько же извѣстенъ, какъ поэтъ, и знаменитъ, какъ ученый. Здѣсь насъ занимаетъ исключительно его критическая дѣятельность; поэтическихъ и ученыхъ его произведеній мы должны коснуться только мимоходомъ, на сколько то нужно для дополненія общаго понятія объ ученомъ критикѣ.

«Теорія поэзіи въ историческомъ развитіи у древнихъ и новыхъ народовъ» до сихъ поръ остается изъ ученыхъ сочиненій г. Шевырева лучшимъ въ научномъ отношеніи. Это—полезная компиляція, въ которой своеобразная мыслительность автора еще едва проглядываетъ, но достаточно—и не во вредъ компиляціи—обнаруживается порядочная начитанность. «Исторія поэзіи у всѣхъ народовъ» началась и окончилась первымъ томомъ, «содержащимъ (какъ сказано въ заглавіи) исторію поэзіи индѣйцевъ и евреевъ, съ присовокупленіемъ двухъ вступительныхъ чтеній о характерѣ образованія и поэзіи главныхъ народовъ западной Европы».—Этотъ единственный изъ многихъ предполагавшихся томовъ былъ поводомъ къ полемикѣ, знаменитой въ лѣтописяхъ нашей журналистики. Нѣкоторые эпизоды ея могли бы быть занимательны, но отвлекали бы насъ отъ предмета. Лѣтъ черезъ десять послѣ того явились первыя двѣ части «Исторіи русской словесности, преимущественно древней». Это самое ученое и самое важное сочиненіе г. Шевырева. Хорошую сторону его составляетъ то, что факты, относящіеся къ исторіи литературы, собраны довольно полно: слабая сторона—то, что они переплетены съ гипотезами и мечтами, не выдерживающими самой снисходительной критики. Это было бы еще не очень вредно для книги, если бы авторъ дѣлалъ хотя какое нибудь различіе между положительными фактами и созданіями своего поэтическаго воображенія: почему же и не пофантазировать? Но ученое достоинство сочиненія теряетъ оттого, что всѣ эти гипотезы и фантазіи высказаны догматически, что ничѣмъ не отличены онѣ отъ достовѣрныхъ фактовъ: авторъ совершенно одинаковымъ тономъ говоритъ и о томъ, что Владиміръ Мономахъ написалъ поученіе своимъ дѣтямъ, и о томъ, что гегелева философія возникла изъ мыслей, изложенныхъ въ посланіи Никифора къ Мономаху; и о томъ, что «Слово о Полку Игоревѣ» проникнуто грустью о междоусобицахъ, и о томъ, что Москва возвысилась благодаря не другому кому, какъ именно Даніилу Паломнику. Какая связь между Гегелемъ и Никифоромъ, Даніиломъ Паломникомъ и Москвою, этого ужъ мы не беремся объяснить: надобно было бы выписывать подлинныя слова; а у насъ и безъ

того слишкомъ много выписокъ. О мелкихъ ошибкахъ въ изложеніи фактовъ мы не говоримъ,—не говоримъ и о томъ, справедливо ли воззрѣніе г. Шевырева на исторію русской литературы: невольную ошибку легко извинить; но произвольность фантазій, два примѣра которыхъ мы представили, должна быть очевидна каждому, каковы бы ни были его понятія о старинной русской литературѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти пылкія мечты должно объяснять желаніемъ ученаго автора сообщить своему сочиненію художественныя достоинства: извѣстно, что въ художественномъ созданіи форма, т. е. краснорѣчіе, важна не менѣе содержанія. Авторъ очень успѣшно достигъ этой цѣли. Его сочиненіе отличается вдохновеннымъ краснорѣчіемъ; но, какъ ученымъ пособіемъ, пользоваться имъ затруднительно. «Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь» имѣетъ въ двухъ томахъ двѣ интересныя страницы: одна изъ нихъ представляетъ не лишенную цѣны для науки выписку изъ «Паисіевскаго Сборника» о языческихъ суевѣріяхъ; другая страница содержитъ знаменитое размышленіе о томъ, что «не жаденъ русскій человѣкъ, не завистливъ: летаетъ вокругъ его птица—онъ не бьетъ ея, плаваетъ рыба—онъ не ловитъ ея, и довольствуется скудною и неудобоваримою пищею», зная, что пища и питье—суета, заботясь только о неземныхъ благахъ. Все остальное въ «Поѣздкѣ» не имѣетъ особенной важности.

Переходя къ чисто-поэтическимъ созданіямъ г. Шевырева, мы не будемъ произносить сужденія о ихъ достоинствѣ: достоинства эти очевидны. Немногіе изъ знаменитыхъ критиковъ писали стихи; но если кто изъ нихъ писалъ, то стихи всегда бывали такого рода, что доставляли ему славу лучшаго поэта своей эпохи. Иначе и быть не могло: критикъ долженъ быть одаренъ тонкимъ вкусомъ и плохихъ стиховъ не почтетъ достойными печати, хотя бы они были его собственные. Вспомнимъ Буало, Попе: будучи хорошими критиками, они были и лучшими поэтами своего времени. То же и у насъ—вспомнимъ Карамзина и Мерзлякова: судите, какъ хотите о ихъ поэтическомъ талантѣ, плохихъ стиховъ вы у нихъ не найдете. Изъ всего этого очевидно, что стихи г. Шевырева должны также быть хороши. Это мнѣніе нѣкоторымъ читателямъ можетъ показаться довольно смѣло. Но мы докажемъ его фактами. Жалѣемъ, что недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ украсить этихъ страницъ гармоническими октавами ученаго поэта; ограничимся двумя другими, небольшими отрывками. По случаю начала постройки Московской желѣзной дороги г. Шевыревъ написалъ стихотвореніе, изъ котораго мы приводимъ только одну строфу:

«Что-то будетъ?»—православный
Думу думаетъ народъ:
«Аль Москвѣ перводержавной
Позабыть свои семьсотъ?
Загудѣвъ колоколами
Золотой своей главы,
Двинуть всѣми сороками,
Да итти на брегъ Невы?»

Этотъ энергическій порывъ мысли къ дивнымъ картинамъ не есть въ его

талантѣ черта временная или случайная: до послѣдняго времени она сохранилась во всей живости. Такъ, напримѣръ, одно изъ стихотвореній, писанныхъ г. Шевыревымъ въ 1853 г., начинается слѣдующимъ образомъ:

Пушкинъ! встань, проснись изъ гробу!
Гдѣ твой голосъ и языкъ?
Поражай враговъ и злобу,
Зачинай побѣдный крикъ:
Но ты спишь; умолкъ Жуковскій!
Міръ вашъ нѣмъ, какъ стихшій громъ,
Будто колоколъ кремлевскій
Съ отлетѣвшимъ языкомъ.
Если вѣстники къ вамъ въ гости
Прилетаютъ съ нашихъ странъ,—
О! твои играютъ кости,
Словно радостный органъ!.. и т. д.

Самые завистники поэта согласятся, что въ этихъ смѣлыхъ образахъ выразилась титаническая сила фантазіи.—Мы упоминали о стихахъ г. Шевырева собственно потому, что увѣрены въ ихъ достоинствѣ: хорошій критикъ можетъ писать плохіе стихи, но не будетъ печатать ихъ,—по крайней мѣрѣ, не будетъ печатать ихъ впродолженіе тридцати лѣтъ.

Мы уже отказались отъ слишкомъ трудной задачи положительнымъ образомъ опредѣлить мнѣнія г. Шевырева. Приступая теперь къ изложенію его критической дѣятельности, сообразно своему рѣшенію, мы не будемъ отыскивать принциповъ его критики, вовсе даже не будемъ касаться ихъ. Пусть они будутъ справедливы,—тѣмъ лучше; пусть они будутъ неудовлетворительны,—это не помѣшаетъ намъ отдать полную честь вѣрности его сужденій объ отдѣльныхъ фактахъ, тонкости и проницательности его вкуса. Вѣдь теоретическіе принципы Буало, Лагарпа, Попе, Карамзина, Мерзлякова были неудовлетворительны въ научномъ отношеніи, а между тѣмъ, эти критики, благодаря своему уму и вкусу, объ отдѣльныхъ произведеніяхъ литературы судили очень здраво, хорошими называли дѣйствительно лучшихъ писателей своего времени, восхищались именно тѣмъ, что было у этихъ писателей лучшаго. Возьмемъ примѣры еще ближе: Пушкинъ не былъ отличнымъ теоретикомъ, а его сужденія объ отдѣльныхъ писателяхъ и произведеніяхъ литературы удивительно вѣрны и мѣтки. Гоголь былъ абсолютно плохимъ теоретикомъ, а судилъ о литературныхъ произведеніяхъ тоже съ изумительною вѣрностью и проницательностью. Иначе и быть не могло, потому что у этихъ людей не было недостатка ни въ здравомъ умѣ, ни въ эстетическомъ вкусѣ. Чтобы вѣрно дѣлать общіе выводы, или вѣрно прилагать къ фактамъ общіе принципы, нужны и особенная привычка и спеціальная способность къ тому. Но чтобы отличить г. Бенедиктова отъ Лермонтова, или Гоголя отъ Аріоста, вовсе не требуется быть мыслителемъ.

Г. Шевыревъ пріобрѣлъ извѣстность, какъ критикъ, задолго до основанія «Москвитянина». Не говоря ужь о «Московскомъ Вѣстникѣ» и «Телескопѣ» съ «Молвою», въ которыхъ онъ еще не игралъ первой роли, упомянемъ только, что при основаніи «Московскаго Наблюдателя» онъ явился главнымъ

лицомъ въ этомъ журналѣ, первая книжка котораго начиналась статьею г. Шевырева «Словесность и торговля»,— статьею, которая въ свое время подала поводъ ко многимъ насмѣшкамъ,—потому мы оставимъ ее въ покоѣ; замѣтимъ только, что Гоголь (въ статьѣ о движеніи журнальной литературы) справедливо удивляется тому, какъ автору удалось, заговоривъ объ отношеніяхъ (денежныя отношенія литераторовъ), представляющихъ столь много сторонъ, достойныхъ порицанія, выбрать для своихъ нападеній какъ будто нарочно единственную хорошую сторону этихъ отношеній (именно то, что литературный трудъ началъ у насъ въ Россіи хотя нѣсколько вознаграждаться, какъ и всякій другой трудъ, въ томъ числѣ и ученый). Не будемъ припоминать и другихъ его статей въ «Московскомъ Наблюдателѣ», даже знаменитаго въ свое время разбора стихотвореній г. Бенедиктова, въ которомъ было доказано, что г. Бенедиктовъ есть «поэтъ мысли», и съ нимъ въ первый разъ является въ русской литературѣ мысль,—оставимъ все это въ покоѣ: въ то время г. Шевыревъ только еще начиналъ развивать своеобразность своихъ понятій, и участіе въ «Московскомъ Наблюдателѣ» еще не было блестящею эпохою его дѣятельности. Мы хотимъ ограничиться изученіемъ его критики во времена полнѣйшаго ея развитія: прочную извѣстность г. Шевыревъ, какъ критикъ, пріобрѣлъ только уже тогда, когда «Москвитянинъ» сдѣлался его органомъ. Займемся же изученіемъ этихъ статей.

Общій взглядъ свой на всю русскую словесность г. Шевыревъ выразилъ, или обѣщалъ выразить, въ статьяхъ, подъ заглавіемъ: «Взглядъ на современное направленіе русской литературы». Изъ нихъ первая, «Темная сторона», явилась въ первой книжкѣ «Москвитянина» за 1842 годъ. Она очень замѣчательна, и мы должны дать подробный отчетъ въ ея содержаніи.

Статья начинается размышленіемъ объ огромности пространства, занимаемаго Россіею, и о томъ, что все въ ней имѣетъ громадные размѣры.—Въ разсужденіи объ этомъ авторъ доходитъ до поэтическаго предположенія, которое въ свое время поразило ужасомъ бѣдныхъ итальянцевъ:

«Разгульно текутъ многоводныя наши рѣки; невольно подумаешь, что, если бы Волгу, Днѣпръ да Уралъ скатить въ три потока съ Альповъ на Италію, куда бы дѣлись отъ нихъ итальянцы? развѣ спаслись бы на высотахъ аппенинскихъ».

И не только итальянцы, даже русскіе были смущены этимъ ужаснымъ и новымъ предположеніемъ, этимъ неслыханнымъ бѣдствіемъ, угрожающимъ цѣлой странѣ. До 1842 года только однажды было высказано столь роковое опасеніе [1]). Но, не останавливаясь на участи итальянцевъ, авторъ удивляется особенно тому, что въ Россіи двѣ столицы [2]), и подробно описываетъ одну изъ нихъ, Петербургъ. О вѣрности этого описанія можно судить изъ того, что авторъ хвалитъ чистоту здѣшнихъ каналовъ. «Каналы, какъ чистыя рѣки,

[1]) «Меня чрезвычайно огорчило событіе, имѣющее быть завтра. Завтра въ семь часовъ совершится странное явленіе: земля сядетъ на луну. Объ этомъ и знаменитый англійскій химикъ Велингтонъ пишетъ. Признаюсь, я ощутилъ сердечное безпокойство, когда вообразилъ себѣ необыкновенную нѣжность и непрочность луны...» (Соч. Гоголя, ч. 3, стр. 348).

[2]) Но вѣдь въ Японіи тоже двѣ: Іеддо и Міако; въ Великобританіи съ Ирландіею даже три: Лондонъ, Эдинбургъ, Дублинъ.

голубыми лентами переплели городъ». Эта черта замѣчена была до 1842 года опять только однимъ Гоголемъ, въ описаніи Невскаго проспекта. Рано поутру, говоритъ Гоголь, на Невскомъ видны только рабочіе люди, напримѣръ, «рус-«скіе мужики, спѣшащіе на работу, въ сапогахъ, запачканныхъ известью, «которыхъ и Екатерининскій каналъ, извѣстный своею чистотою, не въ состояніи «былъ бы обмыть». Послѣ того авторъ совѣтуетъ читателю «посмотрѣть на чудо-городъ»—то есть Петербургъ—съ вершины Александровской колонны, вѣроятно, предполагая, что внутри ея существуетъ витая лѣстница, какъ въ траяновой колоннѣ—смѣшеніе неудивительное, потому что г. Шевыревъ очень хорошо знаетъ Италію. Когда вы взберетесь на вершину Александровской колонны и посмотрите внизъ, то отгадайте, что представится вашимъ глазамъ? Вѣроятно, величественныя зданія, окружающія площадь, гдѣ поставлена колонна? Нѣтъ! «необыкновенная, безобразная куча, въ родѣ муравьиной», въ которой «безъименныя насѣкомыя работаютъ надъ ничтожною кучею безполезнаго сора». Эта куча—петербургская журнальная литература. «Какъ могла появиться эта безобразная куча на томъ мѣстѣ, гдѣ недавно работалъ плотникъ и зодчій исторіи государства россійскаго», то есть Карамзинъ? Въ отвѣтъ на это излагается вся исторія нашей литературы, и результатъ обзора—важная истина, что труды Ломоносова, Карамзина и Пушкина пробудили у насъ охоту къ чтенію, и петербургскіе журналы удовлетворяютъ этой пробужденной потребности. Повидимому, тутъ нѣтъ ничего ужаснаго. Но авторъ приходитъ въ негодованіе, которое изливается слѣдующею аллегоріею:

«Весело стоитъ на полѣ и тяжелымъ колосомъ гнется книзу поспѣлая нива: честные земледѣльцы положили въ нее трудъ свой; благосклонное небо ее поливало и грѣло; осталось одно легкое, послѣднее дѣло—снять и потребить ее. Но вотъ—смотрите—что это тамъ за сѣрая туча на небосклонѣ? Какъ будто изъ мелкихъ точекъ вся соткана и летитъ быстро, жадно на чужой плодъ. Это саранча—настоящій потребитель приготовленной жатвы. Нагло предоставляетъ она себѣ послѣднее, легкое дѣло, бросается на ниву и ѣстъ ее».

По прямому смыслу аллегоріи должно бы казаться, что саранчею, потребляющею жатву, г. Шевыревъ называетъ читателей; но онъ объясняетъ самъ, что хочетъ разумѣть не читателей, а тогдашнихъ (1842) журналистовъ. Въ такомъ случаѣ, аллегорія составлена неправильно. Читатели извинятъ насъ, если мы подвергнемъ «мертвящему анализу разсудочной науки» поэтически-живую филиппику ученаго и почтеннаго автора по правиламъ, предписываемымъ для аллегоріи теоріями краснорѣчія и піитики. Ученость необходимо разбирать ученымъ образомъ. Итакъ, первое правило аллегоріи, по ученію піитикъ: каждый избранный символъ долженъ сохранять одно и то же значеніе во все продолженіе аллегоріи. Примѣнимъ это правило къ филиппикѣ ученаго автора. Въ началѣ приведенной нами тирады «спѣлая жатва» означаетъ плоды наукъ, просвѣщеніе; «пожать эту жатву», значитъ посредствомъ чтенія сдѣлаться просвѣщеннымъ человѣкомъ; люди, для которыхъ она зрѣетъ—читатели; сообразно тому—«саранча пожрала жатву», должно значить «неразборчивые читатели или злонамѣренные читатели поглотили, съ жадностью прочли все»; но г. Шевыревъ хочетъ выразить этою фразою: «нынѣшніе (1842) журналисты пользу-

ются тѣмъ, что приготовили Карамзинъ и Пушкинъ, и портятъ вкусъ публики»—воля ваша, аллегорія составлена неправильно. Понять ее въ смыслѣ ученаго автора, значитъ погрѣшить противъ реторики. Но согласимся понимать ее, какъ то угодно г. Шевыреву. Что же слѣдуетъ изъ нея и въ этомъ случаѣ? Въ чемъ обвинялъ г. Шевыревъ петербургскихъ журналистовъ? По смыслу его собственной рѣчи, въ томъ, что въ 1842 году въ петербургскихъ журналахъ не помѣщали своихъ статей ни Ломоносовъ, ни Карамзинъ, ни Пушкинъ,—но что же дѣлать, если эти великіе писатели не дожили до 1842 года? Ни журналисты, ни г. Шевыревъ не виноваты въ этомъ. Второе правило аллегорій: выбирать символы, дѣйствительно соотвѣтствующіе по своему значенію тѣмъ понятіямъ, о которыхъ должны напоминать. Если литература, просвѣщеніе—жатва, то саранча, истребляющая жатву, никакъ не можетъ обозначать какихъ бы то ни было читателей или литераторовъ, хотя бы самыхъ плохихъ: саранча въ этомъ случаѣ можетъ означать только враговъ литературы и просвѣщенія, обскурантовъ. Воля ваша, а аллегорія составлена не по правиламъ піитики и реторики. Впрочемъ, это не мѣшаетъ намъ восхищаться ея высоколирическимъ пареніемъ.

Кстати, замѣтимъ, что правила, предписываемыя реторикой для аллегорій, никогда не соблюдаются ученымъ авторомъ. Такъ, напримѣръ, въ другой своей капитальной статьѣ о положеніи нашей словесности: «Очерки современной русской литературы» («Москвитянинъ», 1848 г. № 1), онъ даетъ слѣдующій—конечно, прекрасный—совѣтъ нашимъ (тогдашнимъ) молодымъ беллетристамъ, особенно гг. Гончарову, Григоровичу и Тургеневу:

«Наши писатели должны бы были помнить миѳъ объ Антеѣ. Когда онъ боролся съ Геркулесомъ, то земля придавала ему силы, лишь только онъ касался ея. Чтобы обезсилить его, Геркулесъ долженъ былъ отвлечь его отъ земли и задушить на воздухѣ. Таковъ и поэтъ и писатель вообще. Большая же часть нашихъ писателей современныхъ, развивающихъ свою личность въ какой-то отвлеченной сферѣ, чуждой основнымъ началамъ народной жизни, похожи на Антея, но въ ту самую минуту, когда онъ поднятъ былъ Геркулесомъ ногами на воздухъ и тамъ въ отвлеченной пустотѣ дрягалъ ими, отчаявшись въ возможности коснуться родной земли, которая даетъ силу» (стр. 42).

Совѣтъ прекрасенъ; но аллегорическая одежда для него сшита не по правиламъ. Припомнимъ, что символы должны соотвѣтствовать предметамъ, символами которыхъ служатъ. Вѣдь Антей былъ гигантъ; а г. Шевыревъ, во все продолженіе своей статьи, доказываетъ, что вышепомененованные молодые писатели, которымъ онъ даетъ совѣтъ, очень мелкій народъ,—какъ же послѣ этого начинать аллегорію объ Антеѣ? И притомъ, каждый символъ долженъ въ аллегоріи имѣть опредѣленное значеніе. Спрашивается теперь, кто же этотъ Геркулесъ, который отрываетъ Антея (то есть ничтожныхъ писателей, каковы гг. Гончаровъ, Григоровичъ, Тургеневъ) отъ матери-земли? Рѣшительно, не придумаемъ; кажется, никто никогда не думалъ совѣтовать имъ писать повѣсти не изъ русскаго быта. И хотя на одной страницѣ какой бы то ни было своей повѣсти отрывался ли хотя одинъ изъ нихъ отъ изображеній роднаго быта? Какимъ же образомъ и когда они «дрягали ногами въ отвлеченной пустотѣ»? Воля ваша, ничего нельзя понять. А не оттого непонятно, чтобы совѣтъ былъ

нехорошъ: нѣтъ! просто оттого, что выраженъ онъ неудачно; да развѣ еще оттого, что нимало не прилагается къ данному случаю: вѣдь согласитесь, что гг. Гончарову, Григоровичу и Тургеневу совершенно излишне читать назиданія о томъ, чтобы они вѣрно изображали русскій бытъ: другаго ничего никогда и не дѣлали они. Насъ очень занимаютъ вопросы о реторическихъ красотахъ ученаго автора потому, что краснорѣчіе есть существеннѣйшее достоинство его ученыхъ и критическихъ произведеній. Но возвратимся къ статьѣ о темной сторонѣ русской литературы.

Послѣ притчи о жатвѣ и саранчѣ, г. Шевыревъ довольно подробными чертами и самыми темными красками рисуетъ портреты петербургскихъ журналистовъ и рецензентовъ, людей, возбуждающихъ его неудовольствіе,—въ этихъ картинахъ опять восхитителенъ піитическій колоритъ; но опять насъ приводитъ въ недоумѣніе невыдержанность характеровъ; смѣшеніе нѣсколькихъ физіономій въ одинъ портретъ, раздробленіе одного лица на нѣсколько портретовъ, такъ что въ цѣломъ галлерея портретовъ представляетъ страшный и смутный хаосъ. Стрѣлы, направленныя противъ одного, напримѣръ, противъ «Русскаго Вѣстника», летятъ въ другаго, кажутся направленными, напримѣръ, противъ «Библіотеки», «Сына Отечества» или «Экономa» и не попадаютъ ни въ кого. Видно, что авторъ руководился болѣе пафосомъ, нежели наблюдательностью. Исключеніе остается за однимъ портретомъ, который обработанъ съ особенною подробностью: это «рыцарь безъ имени, на щитѣ котораго громадными кривыми буквами написано «*убѣжденіе*». Тутъ уже нѣтъ смѣшенія: всѣ собранныя авторомъ черты должны, по нѣкоторымъ внѣшнимъ признакамъ, относиться къ одному человѣку, писавшему въ «Отечественныхъ Запискахъ». Нельзя претендовать на чрезвычайную жесткость выраженій въ этомъ очеркѣ: если въ полемикѣ сохраняется прямота, она всегда жестка, и, во всякомъ случаѣ, прямота лучше косвенныхъ намековъ; дурно только то, когда жесткость формы сопровождается разными намеками. Но странно то, какъ неудачно выбранъ г. Шевыревымъ пунктъ нападеній. Вообразите, какой существенный порокъ изобличаетъ онъ въ «рыцарѣ безъ имени»?—перемѣнчивость и отсутствіе убѣжденій. Это рѣшительно невѣроятно, этого никакъ невозможно было бы ожидать. Но вотъ слова ученаго автора:

«Всякое странное мнѣніе, всякая нелѣпость, сказанная рѣшительно и громко, прикрываются всегда щитомъ и яркимъ его девизомъ, который бросается въ глаза, особенно неопытной молодежи, легко увлекающейся благороднымъ значеніемъ самаго слова. Но если бы это убѣжденіе было постоянно и вѣрно, — будь оно убѣжденіемъ хотя младенца или соннаго человѣка, — еще можно было бы его уважить. А когда видишь, что оно такъ часто мѣняется и падаетъ иногда на предметы, совершенно того недостойные, что рыцарь сегодня скажетъ одно, а завтра другое, и всѣ противорѣчія прикрываетъ однимъ и тѣмъ же щитомъ своимъ, то подъ конецъ еще болѣе отвращаешься отъ такой маски, на которую употреблено чувство совѣсти, чувство внутреннее и священное».

Rem acu tetigisti, какъ разъ попали вы въ цѣль! Только этою ученою фразою и можно выразить удивленіе, возбуждаемое столь удачнымъ выборомъ слабой стороны въ противникѣ. Обвинять его за измѣнчивость и отсутствіе убѣжденій то же самое, что обвинять Пушкина за недостатокъ поэтическаго

элемента въ его стихахъ или г. Шевырева за недостатокъ ученыхъ цитатъ въ его ученыхъ статьяхъ. «Но», восклицаетъ съ негодованіемъ г. Шевыревъ, «мимо этихъ дрязгъ, отъ которыхъ отвращаемъ глаза съ чувствомъ стѣсненнымъ»! Взглянемъ на свѣтлую сторону русской литературы, противоположную характеру петербургской журналистики. Тутъ опять овладѣваетъ авторомъ паѳосъ:

«Но что же сталось съ тѣми писателями, которые не могутъ сочувствовать направленію современному? Гдѣ они? гдѣ наши таланты? Ужели ими оскудѣла Россія? О, нѣтъ! они есть! Но, смотрите, они тамъ, укрылись въ тѣни. Чувствуя свое истинное призваніе и питая уваженіе къ дѣлу литературы, они отошли въ сторону отъ торжища, по невольному движенію благороднаго стыда и приличія. Не сознавая въ себѣ достаточныхъ силъ, чтобы противодѣйствовать толпѣ, которая кричитъ, зажмуря глаза, зная, что наглость дѣятельна, они не выходятъ на сцену. Видъ прежняго ихъ поприща, занятаго теперь рынкомъ, наводитъ даже какое-то оцѣпененіе на ихъ производительность, которая прежде была живѣе. Словно боятся они имени литератора, опасаются, чтобы не смѣшали ихъ съ тѣми, которыхъ не презирать они не могутъ. Взгляните на ихъ почти онѣмѣлыя группы!...

«Между тѣмъ, капиталы русскаго ума, воображенія, сокровища мыслей, знаній, языка находятся въ рукахъ талантовъ по большей части бездѣйственныхъ. Довольствуясь мирными бесѣдами пріятельскими, расточая въ нихъ по мелочи игру живыхъ способностей, болѣе и болѣе отвыкая отъ труда и частыми отказами отучая отъ себя вдохновеніе, они почти не пускаютъ капитала своихъ дарованій въ оборотъ всенародный.

«Грустно, грустно дойти до такого заключенія»...

Въ самомъ дѣлѣ, какъ грустно!

— «Гдѣ наши таланты?

— «Смотрите, они тамъ *(гдѣ же это «тамъ?»)*, укрылись въ тѣни!»

Прискорбный разговоръ! Но если бы фразы г. Шевырева были справедливы, не слишкомъ выгодное заключеніе надобно бы вывести о силѣ дарованій въ ихъ талантливыхъ людяхъ, «которые не чувствуютъ въ себѣ достаточно силъ», чтобы «выйти на сцену прежняго своего поприща», и въ «безсиліи стоятъ (гдѣ-то «*тамъ*») въ тѣни оцѣпенѣлыми, почти онѣмѣлыми группами». Г. Шевыревъ неосторожень въ выборѣ выраженій: онъ болѣе заботится о ихъ силѣ или картинности, нежели о томъ, къ какимъ заключеніямъ подаютъ они поводъ. Но дѣло въ томъ, что изъ его словъ не надобно выводить никакихъ заключеній: цѣль всѣхъ этихъ картинныхъ изображеній—въ нихъ самихъ; они—прекрасныя поэтическія украшенія рѣчи, имѣющія своимъ назначеніемъ не выраженіе фактовъ дѣйствительности, а осуществленіе идеальныхъ воззрѣній творческой фантазіи поэта. Въ самомъ дѣлѣ, ужели около 1841—1842 годовъ тѣ писатели, которыхъ г. Шевыревъ, подобно другимъ журналистамъ, признавалъ лучшими нашими талантами, стояли «вдали отъ торжища литературы онѣмѣлыми группами?» Вовсе нѣтъ: Жуковскій трудился надъ переводомъ «Одиссеи», переводилъ «Рустема и Зораба», Гоголь печаталъ «Римъ», приготовлялъ къ изданію первый томъ «Мертвыхъ Душъ» и четыре части своихъ сочиненій,—все это было извѣстно г. Шевыреву; г. Вельтманъ быстро издавалъ одинъ романъ за другимъ; Загоскинъ тоже, и въ той самой книжкѣ «Москвитянина», гдѣ выражена эта жалоба, помѣщенъ отрывокъ изъ его «Мирошева»; г. Хомяковъ писалъ новыхъ стихотвореній, правда, немного, но не менѣе, нежели

когда нибудь; г-жа Павлова писала болѣе, нежели когда нибудь; г-жа Ростопчина тоже; казакъ Луганскій тоже. А ихъ г. Шевыревъ признавалъ во второй своей статьѣ хорошими писателями. О петербургскихъ молодыхъ писателяхъ, которыхъ не признавалъ г. Шевыревъ, мы не говоримъ. Неутомимо писали и г. М. Дмитріевъ, и дѣвица Зражевская, въ которыхъ ученый критикъ спеціально признавалъ талантъ. Вся патетическая тирада, которою заключается первая его статья, скорѣе принадлежитъ области поэзіи, нежели прозы.

Однимъ словомъ, сожалѣніе о томъ, что въ 1841—1842 годахъ наши лучшіе таланты ничего не писали, и скорбь о печальномъ положеніи нашей литературы не могутъ быть, по своей основательности, сравнены ни съ чѣмъ инымъ, какъ съ слѣдующею элегіею г. М. Дмитріева о грустномъ положеніи русскихъ дѣвицъ въ томъ же 1842 году. Кстати, эта элегія съ эпиграфомъ изъ Кольриджа:

O, my brethren! I have told
Most bitter, truth, but without bitterness [1])

напечатана тотчасъ вслѣдъ за статьею г. Шевырева, какъ бы составляя продолженіе ея. Потому считаемъ необходимостью выписать первые куплеты:

ЖАЛЬ МНѢ ВАСЪ.

Жаль мнѣ васъ, младыя дѣвы,
Что родились вы въ нашъ вѣкъ,
Какъ молчатъ любви напѣвы
И туманенъ человѣкъ!

Ваши матери весною
Дней безоблачныхъ своихъ
Для любви цвѣли красою
И для пѣсенъ золотыхъ.

Вы цвѣтете безъ привѣта;
Въ вашихъ пляскахъ—скуки слѣдъ;
На любовь вамъ нѣтъ отвѣта,
На красу вамъ пѣсенъ нѣтъ! и т. д.

Вотъ удивительное было время! Вообразите себѣ: въ 1842 году по Р. Х. молодые люди не влюблялись въ дѣвицъ, даже не писали имъ сладенькихъ стиховъ («на красу вамъ пѣсенъ нѣтъ»), даже не говорили имъ комплиментовъ («вы цвѣтете безъ привѣта»); а дѣвицы съ своей стороны не пѣли романсовъ («молчатъ любви напѣвы») и скучали танцами, не любили танцовать («въ вашихъ пляскахъ скуки слѣдъ»). Странное было время въ 1842 году, по словамъ Шевырева и М. Дмитріева.

[1]) О, братья мои! горьчайшую правду, но безъ горечи сказалъ я.

Начало второй статьи г. Шевырева («Свѣтлая сторона», «Моск.», 1842 г. № 2) патетичностью тона соотвѣтствуетъ окончанію первой:

«Прочь, прочь, несносная плѣсень, которая подъ обманчивою личиною весенней зелени скрывала отъ насъ ясный потокъ современной русской литературы! Прочь, прочь ея тяжкій наплывъ! Сметемъ, счистимъ его въ нашемъ воображеніи! Удалимъ прежнее непріятное впечатлѣніе и, освѣжившись очами, взглянемъ теперь на свѣтлую, желанную сторону нашего предмета».

Свѣтлую, желанную сторону предмета ученый авторъ предполагалъ обозрѣть съ нѣсколькихъ различныхъ точекъ зрѣнія и описать, сообразно тому, въ нѣсколькихъ статьяхъ: въ первой онъ хотѣлъ «изобразить современное состояніе русскаго языка и слога»; во второй—«дѣятельность нашихъ стихотворцевъ», въ третьей—«картину нашихъ прозаиковъ», въ четвертой—«вліяніе иностранныхъ литературъ на нашу отечественную», въ пятой наконецъ—«общую картину образованія русскаго, развитія науки въ нашемъ отечествѣ и въ особенности познанія Россіи».—Исполненіе этой «трудной задачи, которую онъ задавалъ себѣ», казалось ему «необходимымъ и полезнымъ» дѣломъ, казалось даже «нравственнымъ подвигомъ». Однако же, это «необходимое дѣло» не было совершено, этотъ «нравственный подвигъ» не былъ исполненъ,—потому ли, что охота совершать нравственные подвиги можетъ охлаждаться, или потому, что иногда, поразмысливъ, перестаешь считать полезнымъ то, что́ показалось на первый взглядъ необходимымъ. Почему бы то ни было, но изъ обѣщанныхъ многочисленныхъ «картинъ» была напечатана ученымъ авторомъ только одна, изображающая состояніе языка и слога; ни «дѣятельность нашихъ стихотворцевъ», ни «картина нашихъ прозаиковъ», ни всѣ дальнѣйшіе интересные предметы не были обсуждены ученымъ авторомъ. Какая причина лишила русскую литературу этихъ интересныхъ разсужденій, неизвѣстно намъ, въ чемъ мы ужъ и признались; можно поручиться только за одно: виною остановки не было сомнѣніе почтеннаго автора въ собственныхъ силахъ,—этого сомнѣнія никогда не обнаруживалъ г. Шевыревъ. Впрочемъ, вообще мы должны замѣтить, что ученыя занятія, какъ увѣдомляетъ во многихъ мѣстахъ «Москвитянина» самъ почтенный авторъ, часто отрывали его отъ журнальной работы. Этому скорѣе всего надобно приписать то, что вообще онъ не сдѣлалъ для «Москвитянина» многаго изъ того, что первоначально предполагалъ сдѣлать. Напримѣръ, въ одномъ 2 нумерѣ «Москвитянина» за первый годъ изданія (1841) мы находимъ два подобныя предположенія. Въ своей статьѣ «Вмѣсто введенія», служащей предисловіемъ къ его критикѣ, г. Шевыревъ обѣщалъ «предлагать читателямъ теоретическія статьи по эстетикѣ». Исполненіемъ этого намѣренія можно считать только небольшое разсужденіе «О смѣшномъ», явившееся черезъ двѣнадцать лѣтъ (въ 1853 г.). На страницѣ 538-й той же 2-й книжки онъ говоритъ, что «далъ обѣщаніе г. издателю «Москвитянина» заниматься въ его журналѣ разборомъ замѣчательныхъ произведеній литературы отечественной и иностранной»—ни одного разбора замѣчательныхъ твореній «иностранной литературы» ученый авторъ, кажется, не помѣстилъ въ «Москвитянинѣ».—Отчасти уже и теперь могутъ судить читатели, незнакомые съ старымъ «Москвитяниномъ», а еще точнѣе увидятъ изъ всего продолженія

нашей характеристики, до какой степени оправдалось исполненіемъ предположеніе ученаго критика, выраженное въ слѣдующихъ строкахъ его «Вмѣсто введенія»:

«Мы вмѣнимъ себѣ въ особенную обязанность подмѣчать движеніе общественной жизни въ нашей словесности, мы употребимъ всѣ усилія, необходимыя для разрѣшенія вопроса жизненнаго: въ какой степени словесность наша отражаетъ жизнь нашего общества? Что беретъ она у жизни и что отдаетъ ей? какими вопросами съ нею связана?—Разрѣшеніе всего этого можетъ привести насъ къ нѣкоторому сознанію настоящей минуты нашего отечественнаго быта, можетъ указать намъ на наши недостатки и достоинства, можетъ опредѣлить наше положеніе въ настоящемъ и надежды на будущее». (Стр. 509).

Въ свое время петербургскіе журналы чрезвычайно огорчались тѣмъ, что судьба не даетъ осуществиться въ надлежащемъ размѣрѣ ни одному изъ интересныхъ обѣщаній автора, и каждый изъ его трактатовъ, обѣщавшихъ разъяснить очень важные и, по мнѣнію г. Шевырева, худо понимаемые другими журналами вопросы, всегда останавливается на введеніи, которое содержитъ только нѣкоторыя обличенія петербургскимъ журналамъ да нѣсколько замѣчаній о слогѣ, каррарскомъ мраморѣ и галлереѣ Доріа, съ которыми мы скоро встрѣтимся. Мы упоминаемъ объ этомъ потому, что раздѣляемъ огорченіе тогдашнихъ петербургскихъ журналовъ; но «горемъ дѣлу не поможешь», и мы должны тѣмъ внимательнѣе изучать exordium'ы, которые одни дано намъ читать. Возвратимся же къ продолженію неоконченныхъ статей ученаго автора.

Вмѣсто любопытной характеристики русской литературы по ея духу и художественнымъ достоинствамъ, господинъ Шевыревъ далъ своимъ читателямъ только трактатъ изъ реторики—«О языкѣ и слогѣ». Впрочемъ, разсуждая объ этомъ предметѣ, повидимому, исчерпанномъ и потерявшемъ интересъ послѣ трактата почтеннаго Шишкова «О старомъ и новомъ слогѣ», ученый авторъ высказалъ столько поразительно вѣрныхъ сужденій, что, при самомъ высокомъ понятіи объ оригинальности воображенія и взглядовъ глубокомысленнаго критика, трудно рѣшить, могли ли бы его статьи о содержаніи и художественной формѣ въ нашей литературѣ быть интереснѣе его статьи о языкѣ и слогѣ. Перечисляя писателей, которые отличаются хорошимъ слогомъ, авторъ сначала хвалитъ Карамзина, Жуковскаго, князя Вяземскаго, Пушкина, Лермонтова и нѣкоторыхъ другихъ. Тутъ нѣтъ еще ничего особеннаго; должно только сказать, что онъ поступилъ справедливо, начавъ свой перечень ихъ именами; но въ продолженіи списка лучшихъ литераторовъ встрѣчаются сужденія болѣе интересныя. Такъ, напримѣръ, о г. Ѳ. Глинкѣ ученый авторъ говоритъ, что «слогъ его осыпается яркими искрами», и желаетъ, чтобы онъ больше писалъ «своимъ пылкимъ перомъ»; слогъ г. Греча прежде былъ очень хорошъ, но «испортился» отъ подражанія слогу барона Брамбеуса. Къ числу замѣчательнѣйшихъ явленій нашей литературы, вмѣстѣ съ господиномъ Ѳ. Глинкою, принадлежатъ госпожа Шишкина и дѣвица Зражевская: первая «придала особенную прелесть вкуса простонародному слогу, какой онъ не имѣлъ до нея», а «рѣзвое перо г-жи Зражевской отличается непринужденной разговорчивостью». Къ замѣчательнѣйшимъ писателямъ принадлежатъ, между прочимъ, гг. Масальскій и Каменскій: слогъ перваго «отличается какою-то благородною чистотою», а въ послѣднемъ главная

черта—«пылкая живость».—Это все наши лучшіе писатели; ихъ произведенія составляютъ свѣтлую сторону нашей литературы. Напротивъ того, Полевой, баронъ Брамбеусъ и г. Кукольникъ очень плохо владѣютъ русскимъ языкомъ: они подвергаются подробнымъ выговорамъ за то, что не умѣютъ писать такъ хорошо, какъ г-жа Шишкина и дѣвица Зражевская, какъ гг. Масальскій и Каменскій. Но всѣ эти частности незначительны въ сравненіи съ главною, общею мыслью всей статьи: г. Шевыревъ доказываетъ, что всѣ хорошіе прозаики по 1842 годъ включительно писали «слогомъ Карамзина»; даже Пушкинъ, Лермонтовъ и Гоголь не сообщили своей прозаической рѣчи оригинальнаго характера: всѣ они писали «слогомъ Карамзина». Ученый авторъ, вѣроятно, не признавалъ справедливымъ, что у каждаго хорошаго писателя бываетъ свой собственный слогъ, или, быть можетъ, это какая нибудь аллегорія.

Отъ этихъ своеобразныхъ взглядовъ на темную и свѣтлую стороны нашей литературы перейдемъ къ другой капитальной статьѣ о русской литературѣ вообще, именно къ «Очеркамъ современной русской словесности», помѣщеннымъ въ I книжкѣ «Москвитянина» за 1848 годъ. Существенное содержаніе этихъ «очерковъ»—объясненіе того, что всѣ молодые (т. е. бывшіе тогда молодыми) беллетристы, которыхъ петербургскіе журналы, въ особенности «Отеч. Записки» и «Современникъ», называютъ талантливыми людьми, пишутъ очень плохо. Положимъ на минуту, что это мнѣніе справедливо: вѣдь мы уже сказали, что не будемъ спорить съ г. Шевыревымъ относительно того, что худо, что хорошо, а будемъ только изучать своеобразный способъ развитія его воззрѣній и оригинальную методу его доказывать справедливость своихъ понятій. Положимъ, что всѣ эти беллетристы писали дурно; но какимъ же способомъ доказываетъ это ученый авторъ? Слѣдующимъ: всѣ лучшіе петербургскіе молодые беллетристы составляютъ одну школу, которая тогда была называема натуральною; глава этой школы—г. Никитенко. Докажемъ же, что г. Никитенко ошибается въ своихъ теоріяхъ,—и дѣло будетъ рѣшено. Вслѣдствіе этого, большая половина «очерковъ» посвящена изобличенію ошибочной теоріи г. Никитенко. Что сказать объ этомъ умозаключеніи? Никому не запрещается искать ошибокъ у г. Никитенко, какъ и у всякаго другаго писателя; но какое дѣло г. Никитенко до всей петербургской беллетристики? Когда онъ объявлялъ себя или какой поводъ подавалъ онъ считать себя ея представителемъ? Вѣдь каждому извѣстно, что г. Никитенко всегда стоялъ внѣ всякихъ партій и школъ, въ журнальныя пренія не пускался и никогда не имѣлъ мысли образовать вокругъ себя какую бы то ни было школу. Съ другой стороны, какое дѣло беллетристамъ натуральной школы до справедливости или несправедливости теорій г. Никитенко? Развѣ они объявляли себя, или кто нибудь считалъ ихъ учениками г. Никитенко? Вѣдь каждому, кто имѣлъ въ рукахъ хотя одну книжку «Отеч. Зап.» или «Современника», было въ то время извѣстно, что теорія г. Никитенко и натуральная школа—предметы, нимало другъ отъ друга независимые. Какимъ же образомъ можно было вообразить, что, опровергая теорію г. Никитенко, можно поразить натуральную школу, а для пораженія натуральной школы необходимо нападать на теорію г. Никитенко? «Да, много такого пишется на землѣ, другъ Горацію, чего не понять мудрецамъ», невольно ска-

жешь, примѣняя къ этому непостижимому случаю слова Гамлета. Но вотъ, за длинными опроверженіями теоріи г. Никитенко, слѣдуютъ въ самомъ концѣ статьи краткіе выговоры, уже прямо обращенные къ натуральной школѣ: она уничтожена критикою теоріи г. Никитенко, слѣдовательно много толковать съ нею не для чего.—Дѣло рѣшено: искусство въ Россіи погибаетъ отъ теоріи г. Никитенко. Остается только указать признаки упадка. Признаки эти, отысканные преимущественно у г. Григоровича и г. Тургенева, слѣдующіе:

«Укажемъ на признаки этого паденія искусства въ школѣ, которая всѣхъ дѣятельнѣе участвуетъ въ современной словесности. Первый признакъ—отсутствіе художественной совѣсти въ бо́льшей части ея произведеній. Рѣдко замѣтите вы свободу личнаго чувства, которое совершенно увлекалось бы искусствомъ и служило бы ему по призванію. Рѣдко коснется васъ творчество вдохновенія, рѣдко повѣетъ свѣжестью дара; все бо́льшею частью сочиненія дѣланныя, прошедшія иногда черезъ скуку усилій, которая отзывается даже и въ лучшихъ произведеніяхъ школы.

«Второй признакъ—эфемерность рождающихся талантовъ. Прежде у насъ былъ моръ на дарованія. Какой-то таинственный рокъ ихъ преслѣдовалъ,—и мы оплакивали преждевременную ихъ кончину. Теперь таланты умираютъ заживо. Первая повѣсть пробудитъ въ васъ надежду, вторая ослабитъ ее, третья приведетъ въ отчаяніе, а четвертой вы уже и не читаете.

«Третій признакъ—какое-то совершенное отрицаніе коренныхъ началъ народной жизни, той основной сущности, той живой истины, которая глубоко лежитъ въ народѣ... Всего болѣе нападаютъ на низшіе слои народа и клевещутъ на его дѣйствительность въ дурную сторону. Народъ нашъ, главными свойствами своего большинства, конечно, не заслужилъ такихъ навѣтовъ со стороны литературы отечественной... Какую же цѣль имѣетъ наша литература, возбуждая въ образованномъ обществѣ почти отвращеніе къ народу своими литературными доносами? Иные, читая все это, пожалуй, подумаютъ, что народъ нашъ едва ли достоинъ какого нибудь улучшенія своей участи. Мы рѣшительно не понимаемъ здѣсь цѣли нашихъ писателей».

(«Москвитянинъ» 1848, № 1, стр. 49).

Мы опять говоримъ: насъ занимаетъ не то, хвалитъ или осуждаетъ г. Шевыревъ, а то, какъ и за что хвалитъ или осуждаетъ онъ. Почему не искать недостатковъ и у лучшихъ тогдашнихъ (и нынѣшнихъ) беллетристовъ? Но странно находить, что у нихъ недостаетъ именно того, чѣмъ они особенно богаты. Какъ понять первый признакъ упадка, мы не придумаемъ: кто заставлялъ или что заставляло г. Григоровича и г. Тургенева насиловать дарованіе? Ужели теорія г. Никитенко? По ходу рѣчи, должно быть или онъ, или, скорѣе, тотъ загадочный Геркулесъ, который, какъ мы выше видѣли, подымалъ ихъ въ отвлеченную пустоту, гдѣ они дрягали ногами? Должно быть, онъ, потому что онъ выведенъ на сцену именно въ этой статьѣ. Но кто онъ? Этого не разрѣшили бы ни Конфуцій, ни Лао-дзы. Какъ блистательно оправдывается второй признакъ—эфемерность талантовъ, мы постоянно видимъ, было очень хорошо видно и въ то время. Дѣйствительно, г. Григоровичъ послѣ своей «Деревни», а г. Тургеневъ послѣ перваго изъ «Разсказовъ Охотника»—«Хорь и Калинычъ»—не написали уже ничего сноснаго, и въ настоящее время имена ихъ уже давно забыты публикою. Мы готовы держать пари, что изъ тысячи читателей едва ли одинъ припомнитъ теперь, что существовали когда-то г. Григоровичъ и г. Тургеневъ. Но удачнѣе всего выбранъ третій признакъ. Можно говорить противъ писателей, нами названныхъ, что угодно; но упрекать

ихъ въ недостаткѣ любви къ народу, упрекать въ томъ, что ихъ произведенія возбуждаютъ отвращеніе къ народу,—да вѣдь это все равно, что упрекать огонь въ холодности, Говарда въ эгоизмѣ, Вильберфорса въ жестокости.

Кромѣ всѣхъ исчисленныхъ причинъ, погибель русской литературѣ предстояла въ наискорѣйшемъ времени отъ порчи языка въ петербургскихъ журналахъ неправильными и чудовищными выраженіями. Г. Шевыревъ былъ такъ возмущенъ этой страшной опасностью, что рѣшился для спасенія русскаго языка составлять и печатать въ «Москвитянинѣ» словарь «барбаризмовъ, солецизмовъ и прочихъ измовъ». Необходимость и пользу его онъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: «Съ нѣкоторыхъ поръ русскій языкъ до того началъ страдать отъ нововведеній, что становится и больно и страшно за родное слово всякому, кто его любитъ и уважаетъ». Для противодѣйствія этой погибели роднаго слова, онъ обѣщается «постоянно выдавать словарь всѣхъ чудовищныхъ выраженій, которыми такъ особенно богата наша періодическая словесность». Этотъ словарь принесетъ пользу литературѣ, «производя въ публикѣ тотъ комическій хохотъ, который будетъ весьма спасителенъ для русскаго слова».—Обѣщаніе «выдавать постоянно» столь полезный трудъ, конечно, не состоялось: за первымъ, довольно большимъ, отрывкомъ явился въ слѣдующей книжкѣ «Москвитянина» второй, гораздо меньшій отрывокъ словаря. Тѣмъ дѣло и кончилось. Но интересно познакомить читателя съ нѣкоторыми образцами тѣхъ «чудовищныхъ выраженій», которыя угрожали погибелью родному слову и которыя, по мнѣнію почтеннаго автора, должны были «произвести въ публикѣ комическій хохотъ». Вотъ какого рода эти «чудовищныя выраженія»:

«Изъ-подъ *салфетки, покрывавшей столъ, высовывалась голова* лягавой собаки.—Онъ началъ *подымать взоры*.—Толстый, рослый мужчина, который *послѣ прорѣзыванія зубовъ*, ни разу не былъ *боленъ*.—Миньятюрная старушка, *съ повисшими бровями и тоненькими блѣдными губами*.—Люди *хилые, разбитые параличемъ*», и т. д. и т. д.

«Комическій хохотъ» должны возбуждать преимущественно слова, напечатанныя курсивомъ.

Читатели, быть можетъ, еще помнятъ, что въ этомъ благомъ дѣлѣ ученый составитель словаря имѣлъ столь же искуснаго, но болѣе неутомимаго преемника—г. И. Покровскаго, который, года два или три тому назадъ, постоянно обогащалъ каждую книжку «Москвитянина» своимъ превосходнымъ «Памятнымъ листкомъ ошибокъ противъ русскаго языка». Пріятно намъ замѣтить, что г. Шевыревъ имѣлъ и достойнаго предшественника, именно извѣстнаго нашего журналиста князя Шаликова, который украсилъ одну изъ книжекъ «Москвитянина» за 1841 годъ небольшою, но очень полезною статьею подъ заглавіемъ, столь же остроумнымъ, какъ заглавіе, данное ученымъ авторомъ своему словарю,—именно статьею «О литературномъ размежеваніи». Вотъ небольшой отрывокъ изъ этого прекраснаго труда, послужившаго образцомъ для г. Шевырева:

«Подражать въ прозѣ Карамзину, а въ стихахъ Пушкину значитъ избрать лучшіе образцы. Повиноваться же номоѳетамъ бездарнымъ единственно потому, что размножилось ихъ число—смѣшная и жалкая слабость, которая наконецъ можетъ проникнуть

во всѣ суставы нашей литературы, *нынѣ*, кажется, болѣе нежели когда нибудь похожей на энееву ладію, не управляемую рулемъ усерднаго, ревностнаго Палинура, низвергнутаго коварнымъ *Морфеемъ* въ морскія бездны, и бросаемую во всѣ стороны мятежными волнами, не подчиненными въ *заливахъ* нашей литературы спасительному трезубцу Нептуна, за неимѣніемъ сего божества. — Кто, напримѣръ, оспоритъ насъ, если скажемъ видимую истину, что къ намъ изъ младенчества русской словесности возвратились самые грубые галлицизмы, солецизмы, барбаризмы, изгнанные великимъ ея законодателемъ? И кому же она обязана сею пагубною амнистіею? Тѣмъ *первокласснымъ* (какъ *очевидно* они думаютъ о себѣ) современнымъ писателямъ, которые замѣнили предлогъ *о* предлогомъ *про* и пишутъ про Римъ, про балъ, про родину,— нисколько вмѣсто нимало, разъ вм. однажды, надо вм. надобно, да вмѣсто такъ... О, времена! *Князь Шаликовъ*».

(«Москвитянинъ» 1841 г., № VII, стр. 236—238).

Замѣтимъ, однако, что въ одномъ пунктѣ (только въ одномъ) мнѣнія князя Шаликова и г. Шевырева расходились. Издатель «Дамскаго Журнала» былъ, какъ извѣстно, ревностнымъ послѣдователемъ Карамзина, а г. Шевыревъ блистательнымъ образомъ защищалъ понятія Шишкова. Ученый адмиралъ и ученый профессоръ одинаково утверждали, что славянскія слова чрезвычайно возвышаютъ и украшаютъ русскую рѣчь. Оба они были непреклонны въ борьбѣ противъ людей, думавшихъ, что по русски надобно писать на русскомъ, а не на славянскомъ языкѣ, и приводили въ примѣръ нашимъ поэтамъ выраженіе:

Соблещетъ молнія мечу [1]).

Но г. Шевыревъ шелъ гораздо далѣе Шишкова, который хотѣлъ только, чтобы въ слогѣ подражали Ломоносову, между тѣмъ какъ для г. Шевырева учителемъ русскаго современнаго языка былъ Кириллъ Туровскій, жившій за 600 лѣтъ до Ломоносова и совершенно чистый отъ галлицизмовъ. Г. Шевыревъ совѣтовалъ нашимъ поэтамъ возстановить употребленіе мѣстоименія *иже, яже, еже* и дательнаго самостоятельнаго падежа, именно писать такимъ образомъ: «волнующемуся морю (то есть *при морскомъ волненіи, отъ морскаго волненія*) корабль, иже входилъ въ гавань, подвергался опасности, а лодкѣ, яже была выслана къ нему на встрѣчу, потонувшей (*когда лодка, высланная къ нему на встрѣчу, потонула*), гибель стала неизбѣжна». Желающіе могутъ видѣть примѣры и доказательства красоты такого слога въ «Исторіи русской словесности» г. Шевырева и въ его отвѣтѣ на разборъ этой книги, помѣщенный въ «Сынѣ Отечества». Шишковъ, кажется, не предполагалъ возможности возстановить дательный самостоятельный.

Кстати о слогѣ самого г. Шевырева. Ученый критикъ писалъ, безъ сомнѣнія, очень цвѣтисто и патетично; но, къ сожалѣнію, слогъ его вообще растянутъ и напыщенъ, а языкъ неточенъ и неправиленъ. Никто изъ русскихъ журналистовъ, со времени Свиньина, прославившагося дивнымъ слогомъ своего романа «Якубъ Скупаловъ», не владѣлъ языкомъ такъ дурно, какъ г. Шевыревъ. Мы, конечно, не упомянули бы объ этомъ дѣлѣ, если бы самъ г. Шевыревъ не толковалъ такъ много о языкѣ и слогѣ. Ошибки противъ языка

[1]) Москвитянинъ 1854 г., № 7, статья г. Шевырева о фонъ-Визинѣ.

или логики рѣжутъ глаза почти въ каждой его фразѣ, потому и не нужно приводить примѣровъ: желающій найдетъ ихъ десятки въ каждой нашей выпискѣ изъ статей г. Шевырева. На всякій случай, разберемъ хотя первую фразу въ первомъ изъ помѣщенныхъ у насъ сужденій его о Гоголѣ. Оно принадлежитъ еще 1835 году; впослѣдствіи г. Шевыревъ писалъ гораздо хуже, и мы нарочно указываемъ лучшую по слогу изъ его статей. «Авторъ «Вечеровъ Диканьки» (*то есть Вечеровъ на Диканькѣ, или на хуторѣ близъ Диканьки*) имѣетъ отъ природы чудный даръ схватывать безсмыслицу въ жизни человѣческой и обращать ее (*жизнь или безсмыслицу?*) въ неизъясняемую (*то есть неизъяснимую*) поэзію смѣха». На двухъ строкахъ двѣ ошибки противъ языка и одна неточность. Такъ писалъ г. Шевыревъ въ «Московскомъ Наблюдателѣ». Въ «Москвитянинѣ» онъ писалъ еще неправильнѣе. О напыщенности и натянутости слога мы ужь и не говоримъ.

Читатели, быть можетъ, думаютъ, что достаточно познакомились съ критическими статьями г. Шевырева? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Вѣдь опредѣлительнѣе всего характеризируетъ человѣкъ нравственную или умственную сторону своей личности сужденіями объ отдѣльныхъ фактахъ: общія сужденія, какъ бы ни были ярки, всегда бываютъ безцвѣтны въ сравненіи съ приговорами объ индивидуальныхъ явленіяхъ. Скажемъ, напримѣръ: вообще литература вздоръ, побасенки,—это будетъ мысль удивительная, но если мы въ частности скажемъ: Шекспиръ писалъ вздоръ, блескъ этого сужденія будетъ уже превышать всякую мѣру изумительности. Возьмемъ другой примѣръ: «Гоголь есть Гомеръ»—мысль довольно поразительная; но скажите: «Чичиковъ есть Ахиллесъ»—и мысль сдѣлается еще въ тысячу разъ поразительнѣе. Все это мы говоримъ только къ примѣру, что способность каждаго критика съ наибольшимъ блескомъ выказывается именно въ сужденіяхъ его объ отдѣльныхъ писателяхъ и объ отдѣльныхъ произведеніяхъ литературы.

Перейдемъ же къ статьямъ г. Шевырева объ отдѣльныхъ русскихъ писателяхъ. Посмотримъ, напримѣръ, какія мысли высказаны имъ въ критическомъ разборѣ сочиненій Пушкина («Москвитянинъ» 1841, № IX).

Прежде всего и болѣе всего занимаетъ ученаго критика вопросъ о томъ, не ошибочно ли поступалъ Пушкинъ въ томъ, что одни произведенія написалъ прозою, а другія стихами. Отвѣтъ: онъ поступилъ хорошо. Удовлетворительно разрѣшивъ эту важнѣйшую задачу, онъ уже совершенно исполнилъ все, что въ правѣ ожидать читатель отъ критической оцѣнки Пушкина. Остается только сказать по нѣсколько словъ о разныхъ мелочахъ—отношеніи Пушкина къ предшествовавшимъ ему поэтамъ и о значеніи его произведеній. Первое обстоятельство излагается такъ: до Пушкина были двѣ школы въ нашей поэзіи—пластическая и музыкальная; главою пластической былъ Державинъ,—у него недоставало мелодичности; корифеями музыкальной—Батюшковъ и Жуковскій; у нихъ мало было пластики. Пушкинъ соединилъ оба эти направленія. Какъ же могло случиться, что въ стихѣ Батюшкова оказалось мало пластичности? Вѣдь каждому извѣстно, что онъ въ особенности знаменитъ этимъ качествомъ. Но къ чему наши вопросы? Лучше послушаемъ, что составляетъ существенную черту въ поэзіи Пушкина, что такое вообще произведенія Пушкина. «Главная черта Пушкина—эскизность». Въ «Москвитянинѣ» это опредѣленіе поэзіи

Пушкина указано только краткимъ намекомъ, потому что прежде уже было подробно развито въ «Московскомъ Наблюдателѣ» (часть XII, стр. 316). «Пушкинъ, столько прилежный и рачительный въ исполненіи, почти всегда довольствовался однимъ эскизомъ въ изобрѣтеніи. Эскизъ былъ стихіею неудержнаго Пушкина» и т. п. Примѣромъ этому служитъ «Мѣдный Всадникъ», продолжаетъ статья «Москвитянина». Если взглянуть «мыслящимъ взоромъ внутрь этого произведенія», то мы найдемъ, что сюжетъ «Мѣднаго Всадника»... вы думаете, знаменитое наводненіе, вы думаете, апотеозъ Петра Великаго, какъ творца Петербурга? Нѣтъ, «соотвѣтствіе между хаосомъ природы и между хаосомъ ума, пораженнаго утратою. Здѣсь, по нашему мнѣнію, главная мысль, зерно и единство художественнаго созданія. Жаль только, что этотъ основный мотивъ не довольно развитъ»; но его неразвитостью именно и доказывается, что основная черта поэзіи Пушкина—эскизность. Прекрасно! Теперь мы узнали существенную черту поэзіи Пушкина. Интересно узнать, что такое «произведенія Пушкина, разсматриваемыя въ ихъ совокупности». Этотъ вопросъ предложенъ въ самомъ концѣ статьи, и на него данъ очень удовлетворительный отвѣтъ строками, исполненными высокой картинности:

«Произведенія Пушкина, разсматриваемыя въ ихъ совокупности—чудныя массы, готовыя колонны, или стоящія на мѣстѣ, или ждущія руки воздвигающей, доконченные архитравы, выдѣланныя рѣзцомъ украшенія и при этомъ богатый запасъ готоваго дивнаго матеріала. Да, да, вся поэзія Пушкина представляетъ чудный, богатый эскизъ недовершеннаго зданія, которое русскому народу и многимъ вѣкамъ его жизни предназначено долго, еще долго строить и славно докончить».

Точка. Конецъ. Мы нарочно напечатали эти слова мелкимъ шрифтомъ, чтобы читатели видѣли, что мы не прибавили и не убавили въ нихъ ни одной буквы. Кромѣ этой прекрасной, въ живописномъ отношеніи, тирады, вы ничего не найдете въ статьѣ г. Шевырева о содержаніи поэзіи Пушкина, ея значеніи въ нашей литературѣ, ея отношеніяхъ къ обществу. Зато очень много говорится объ Италіи. Напримѣръ, скажетъ ли г. Шевыревъ, что у Пушкина былъ «русскій глазъ», тотчасъ же прибавитъ: «подъ именемъ русскаго глаза «мы разумѣемъ тотъ вѣрный глазъ, который подмѣчаетъ точно и подробно «всѣ образы внѣшняго міра. Онъ имѣетъ много сходства съ итальянскимъ». Говоритъ ли онъ, что трудно писать такіе прекрасные стихи, какіе писалъ Пушкинъ, тотчасъ же пояснитъ дѣло: «Въ Италіи есть поговорка о Рафаэлѣ, «что онъ унесъ съ собою въ могилу тайну своихъ красокъ. У насъ то же «самое можно сказать о Пушкинѣ, что онъ взялъ съ собою тайну своего стиха». Черезъ нѣсколько страницъ еще больше разъясненъ вопросъ о рѣзцѣ Пушкина: «Это рѣзецъ Кановы или Тенерани, покорившій себѣ до конца всю «звонкую твердость нашего мрамора. Мы желали бы расположить сочиненія «Пушкина по эпохамъ стиля, какъ располагаютъ стиль Рафаэля или Гвидо-Рени». Что такое «нашъ звонкій мраморъ», доскажетъ г. Шевыревъ черезъ нѣсколько страницъ. Вообще «русскій языкъ—каррарскій мраморъ лучшаго сорта», а «русскій стихъ у Пушкина достигъ до прозрачности алебастра восточ-«наго, воздѣланнаго рѣзцомъ фидіевымъ». Какъ «расположенъ стиль Рафаэля», онъ вамъ разъяснитъ въ другомъ мѣстѣ: «въ Перуджіи есть зала, которую

«можно назвать пеленки и колыбель живописца Рафаэля», и т. д. Но объ Италіи довольно. Много другаго интереснаго могли бы мы заимствовать изъ разбора сочиненій Пушкина; но пора перейти къ мнѣніямъ г. Шевырева о Лермонтовѣ: они еще интереснѣе. Замѣтимъ только, что ученый критикъ, справедливо находя, что изданіе Пушкина 1835—1841 годовъ наполнено опечатками, очень удачно поправляетъ ихъ. Между прочимъ, въ одномъ изъ лицейскихъ стихотвореній есть выраженіе:

Бранной забавы
Любить нельзя.

Пушкинъ-лицеистъ не могъ такъ написать, по мнѣнію г. Шевырева. Г. Шевыревъ не знаетъ, какъ именно была написана эта фраза въ автографѣ Пушкина; но онъ «увѣренъ», что ее надлежитъ возстановить слѣдующимъ образомъ:

Бранной забавы
Любитъ не я.

Не подумайте, что у насъ вкралась опечатка. Нѣтъ, именно такъ: «Любитъ не я». «Этой поправки хвалитъ не я», и потому скорѣе «переходитъ мы» къ разбору «Героя Нашего Времени» и «Стихотвореній Лермонтова». Кстати прибавимъ: неудивительно, если критикъ, столь проницательно отгадывающій ошибки и столь вѣрно понимающій условія грамматической правильности, находитъ, что языкъ Лермонтова неправиленъ, и что этотъ поэтъ «вообще не умѣлъ совладѣть съ грамматическимъ смысломъ», хотя каждому извѣстно, что рѣшительно ни одинъ изъ нашихъ поэтовъ до 1841 года включительно (когда была написана эта статья) не писалъ стиховъ такимъ безукоризненнымъ языкомъ, какъ Лермонтовъ; у самого Пушкина неправильныхъ и натянутыхъ оборотовъ болѣе, нежели у Лермонтова. Лермонтовъ вообще не пользовался особенною благосклонностью со стороны г. Шевырева, утверждавшаго, что онъ только подавалъ хорошія надежды, но еще не оправдалъ ихъ. Мы не будемъ останавливаться на этомъ: насъ интересуетъ не сущность мнѣній г. Шевырева, а ихъ развитіе. Итакъ что же говоритъ г. Шевыревъ, напримѣръ, о характерахъ, изображенныхъ въ «Героѣ Нашего Времени»? Во первыхъ, онъ желалъ бы, чтобъ Лермонтовъ сдѣлалъ изъ княжны Мери и Бэлы одно лицо: тогда это была бы хорошая женщина или дѣвица. «Если бы можно было слить Бэлу и Мери въ одно лицо, вотъ былъ бы идеалъ женщины»! Впрочемъ, характеръ княжны Мери заимствованъ у какого-то русскаго повѣствователя,—у какого, мы не можемъ придумать. На всякій случай, вотъ подлинныя слова ученаго критика: «Въ княжнѣ Мери есть черты, взятыя съ другой княжны»—не отгадаетъ ли кто этой загадки? Вѣра, характеръ которой очерченъ Лермонтовымъ съ такою нѣжною любовью,—«Вѣра есть лицо непривлекательное ничѣмъ». Въ характерѣ Печорина есть двѣ важныя ошибки: во-первыхъ, такой человѣкъ не можетъ любить природу. Ученому критику было легко рѣшить это, потому что ему неизвѣстно, что люди, утомленные жизнью, скучающіе съ людьми, съ двойною силою привязываются къ природѣ. Во-вторыхъ, г. Шевыревъ «никакъ не думаетъ, чтобы прошедшее сильно дѣйствовало на Печорина», и потому неправдоподобно, чтобы онъ велъ дневникъ. Да вѣдь онъ скучаетъ:

почему-жь отъ скуки не вести ему дневника? Настоящее наводитъ на него тоску; будущее безотрадно: какже ему не возвращаться мыслью къ прошедшему? И вѣдь эгоизмъ силенъ въ Печоринѣ; а чѣмъ болѣе развитъ эгоизмъ въ человѣкѣ, тѣмъ больше думаетъ онъ о своей личности и о всемъ, что до нея касается. Кажется, это очень просто; да притомъ и самъ Печоринъ объясняетъ это. Но главный недостатокъ въ характерѣ Печорина: «онъ не имѣетъ въ «себѣ ничего существеннаго относительно къ чисто русской жизни, которая «изъ своего прошедшаго не могла извергнуть такого характера»; потому онъ «призракъ». Послѣ этого не нужно говорить, до какой степени понятенъ для г. Шевырева и до какой степени нравится ему «Герой Нашего Времени». Но интересно замѣтить, чѣмъ болѣе всего занимается онъ въ своей статьѣ объ этомъ романѣ—никакъ не угадаете... защитою Москвы. Да гдѣ же Лермонтовъ нападаетъ на Москву въ своемъ романѣ? Кажется, нигдѣ. Какъ нигдѣ? Вы забыли, что княгиня Лиговская, которая любитъ поговорить, какъ и всѣ почти пожилыя женщины въ Россіи и во Франціи, въ Китаѣ и въ Каффраріи, жила нѣсколько лѣтъ въ Москвѣ: вѣдь это кровная, по мнѣнію г. Шевырева, обида Москвѣ. И на нѣсколькихъ страницахъ онъ доказываетъ, что напрасно Лермонтовъ взвелъ такую клевету на Москву. Вотъ это именно и значитъ, по выраженію Гоголя, «какъ разъ смекнуть, въ чемъ дѣло». Замѣтимъ также, что по поводу Кавказа опять является на сценѣ Италія. Еще любопытнѣе разборъ «Стихотвореній» Лермонтова. Знаете ли, какое отличительное свойство въ талантѣ Лермонтова? «Протеизмъ», безхарактерность, отсутствіе опредѣленной физіономіи. Помилуйте! можно было бы назвать стихотворенія Лермонтова монотонными, однообразными; но какже говорить, что они не имѣютъ одного оригинальнаго характера, рѣзко обозначившагося на каждомъ—мало того, стихотворенія—на каждомъ стихѣ? Скорѣе можно было назвать «протеемъ» кого угодно изъ нашихъ поэтовъ, только—воля ваша—никто, кромѣ г. Шевырева, не могъ бы замѣтить у Лермонтова безхарактерности или протеизма. Но вы еще не знаете, что «въ галлереяхъ живописи отгадываютъ безъ каталога, чья картина», а стихотворенія Лермонтова не носятъ на себѣ такихъ характерныхъ примѣтъ; г. Шевыревъ, не видѣвъ подписи имени на пьесѣ, отгадаетъ стихъ Жуковскаго, Батюшкова, Пушкина, кн. Вяземскаго, г. Ѳ. Глинки, а не можетъ сказать этого о стихѣ Лермонтова. Публика, скажете вы, говоритъ, что именно стихъ Лермонтова угадать легче всего; но это она говоритъ только по незнанію важнаго обстоятельства: Лермонтовъ былъ не болѣе, какъ подражатель Пушкина и Жуковскаго, и не только этихъ двухъ великихъ поэтовъ, но также г. Бенедиктова. «Когда вы внимательно прислушиваетесь къ звукамъ «новой лиры, вамъ слышатся поперемѣнно звуки то Жуковскаго, то Пушкина, «то Кирши Данилова, то Бенедиктова, иногда мелькаютъ обороты Баратынскаго, «Дениса Давыдова». Удивительно тонкій слухъ, изумительно зоркій глазъ! Каждому извѣстно, что нѣкоторыя изъ наименѣе зрѣлыхъ стихотвореній Лермонтова по внѣшней формѣ—подражанія пьесамъ Пушкина, но только по формѣ, а не по мысли; потому что идея и въ нихъ чисто-лермонтовская, самобытная, выходящая изъ круга пушкинскихъ идей. Но вѣдь такихъ пьесъ у Лермонтова немного: онъ очень скоро совершенно освободился отъ внѣшняго подчиненія Пушкину и сдѣлался оригинальнѣйшимъ изъ всѣхъ бывшихъ у насъ

до него поэтовъ, не исключая и Пушкина. Вѣдь это извѣстно каждому. Но дѣло не въ томъ, подражатель онъ, или самобытный поэтъ: интересно знать, какъ развиваетъ г. Шевыревъ свою мысль. Въ какихъ пьесахъ, напримѣръ, видно вліяніе Жуковскаго? Вы, быть можетъ, ожидаете, что ученый критикъ укажетъ на единственное изъ всѣхъ стихотвореній Лермонтова, хотя самымъ отдаленнымъ образомъ напоминающее Жуковскаго, укажетъ на пьесу «Вѣтка Палестины», въ которой можно видѣть нѣкоторое сходство съ пьесою Жуковскаго:

Онъ былъ весной своей
Въ землѣ Обѣтованной...

хотя, собственно говоря, и «Вѣтка Палестины» подражаніе не Жуковскому, а Пушкину («Цвѣтокъ засохшій, безуханный»). Нѣтъ, не то, вы недогадливы: Лермонтовъ подражалъ Жуковскому въ «Русалкѣ» (!); «Мцыри» тоже подражаніе Жуковскому (!); «Три Пальмы» тоже, хотя каждому извѣстно, что это чрезвычайно близкое подражаніе стихотворенію Пушкина, «И путникъ усталый на Бога ропталъ», откуда не только размѣръ, но едва ли не половина стиховъ почти цѣликомъ заимствованы Лермонтовымъ. Нужды нѣтъ, пусть будутъ «Три Пальмы» подражаніемъ Жуковскому, у котораго нѣтъ ничего похожаго: вѣдь заимствовалъ же у него Лермонтовъ «Мцыри». Но гдѣ подражанія Бенедиктову? Ужели вы не знаете? — «Молитва» (Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою) и «Тучи» дотого отзываются звуками, оборотами, выраженіемъ лиры Бенедиктова, что могли бы быть перенесены въ собраніе его стихотвореній.— Читая эти стихи, кто не припомнитъ *Полярную Звѣзду* и *Незабвенную* Бенедиктова»? Далѣе уже не такъ интересно. «Бородино»—подражаніе Денису Давыдову (!); «Не вѣрь, не вѣрь себѣ, мечтатель молодой»! и «Печально я гляжу на наше поколѣнье»—подражаніе Баратынскому (!); «Демонъ»—подражаніе Марлинскому; «Казачья Колыбельная Пѣсня»—подражаніе Вальтеру-Скотту. Мы отъ себя можемъ прибавить только, что стихи:

Есть рѣчи, значенье
Темно иль ничтожно...

должны быть подражаніемъ г. Шевыреву: только авторская скромность помѣшала ему это замѣтить. Но довольно о частностяхъ. Бросимъ вмѣстѣ съ г. Шевыревымъ еще разъ общій взглядъ на Лермонтова. Хороши ли грустныя стихотворенія Лермонтова? И какъ вы думаете, былъ ли грустный тонъ этихъ пьесъ (т. е. рѣшительно всѣхъ пьесъ, потому что пьесъ другаго тона нѣтъ у него) существенной чертой поэзіи Лермонтова? Нѣтъ, не былъ, по мнѣнію г. Шевырева: грустныя стихотворенія у Лермонтова «только мгновенные плоды какой-то мрачной хандры, посѣщающей повременамъ поэта», и не просто плохи они: они не заслуживали бы чести быть напечатанными—«лучше было бы таить ихъ про себя и не повѣрять взыскательному свѣту». Правда. Правда. Правда.

Но вѣдь Лермонтовъ, хотя и писалъ очень плохо, все же заслуживалъ нѣкотораго сочувствія, по своей, правда, жалкой страсти къ стихоплетенію.

Г. Шевыревъ совѣтуетъ Лермонтову писать не такъ, какъ онъ писалъ прежде; вотъ заключеніе его статьи:

«Поэты русской лиры! если вы сознаете въ себѣ высокое призваніе, прозрѣвайте же отъ Бога даннымъ вамъ предчувствіемъ въ великое будущее Россіи; передавайте намъ видѣнія ваши и созидайте міръ русской мечты изъ всего того, что есть свѣтлаго и прекраснаго въ небѣ и природѣ, святаго, великаго и благороднаго въ душѣ человѣческой!»

Ну, теперь вздохнемъ свободнѣе: исторія о нѣкоемъ стихокропателѣ Лермонтовѣ, который напрасно печаталъ свои стихотворенія, кончилась. А тяжело намъ было присутствовать при его истязаніи, тяжело было видѣть, какъ одно за другимъ обрываютъ чужія перья съ этой нарядившейся въ павлиньи перья вороны, то есть съ Лермонтова. Видимъ, что строгій критикъ справедливъ; но по человѣчеству жаль, по человѣчеству! Кончилась исторія!.. Какъ бы не такъ! По разсѣянности—проклятая разсѣянность!—мы едва не забыли чрезвычайно тонкаго замѣчанія о характерѣ таланта Лермонтова. «Нѣтъ ли въ немъ—замѣчаетъ ученый критикъ—признаковъ того, что Жанъ-Поль въ своей эстетикѣ такъ прекрасно назвалъ женственнымъ геніемъ»? Это предположеніе, впрочемъ, едва ли принадлежитъ самому г. Шевыреву. Такъ мы думаемъ, основываясь на словахъ Пигасова (въ повѣсти г. Тургенева: «Рудинъ»): «Мужчина можетъ ошибаться. Но, знаете ли, какая разница между ошибкою нашего брата и ошибкою женщины? Не знаете? Вотъ какая: мужчина можетъ, напримѣръ, сказать, что дважды-два не четыре, а пять или три съ половиною, а женщина скажетъ, что дважды-два—стеариновая свѣчка». Поэтому мы думаемъ, что г. Шевыревъ заимствовалъ иногда свои критическія замѣчанія изъ разговоровъ съ дамами.

Много другихъ замѣчательныхъ сужденій о г. Каменскомъ, г. Вельтманѣ, Кольцовѣ (пѣсни котораго далеко хуже русскихъ пѣсенъ Дельвига), Баратынскомъ (котораго губило отсутствіе мысли), г. Павловѣ (который выдвинулъ всѣ ящики въ бюро женскаго сердца и котораго г. Шевыревъ долго предпочиталъ Гоголю), Языковѣ, г. Хомяковѣ, г. Майковѣ и вообще почти о каждомъ изъ русскихъ писателей могли бы мы привести изъ критическихъ статей г. Шевырева; но если, какъ онъ самъ выразился,

Что въ морѣ купаться, что Данта читать,

то хотѣть исчерпать все замѣчательное въ критическихъ статьяхъ ученаго автора—все равно, что хотѣть вычерпать море: трудъ рѣшительно невозможный; потому мы не возьмемся за дѣло, столь необозримо-великое.

Мы затруднялись и теперь затрудняемся высказать наше мнѣніе о г. Шевыревѣ, какъ критикѣ, но не можемъ не сказать, что чтеніе его статей должно доставить высокое наслажденіе каждому, кто способенъ слѣдить за смѣлыми полетами мысли глубокомысленнаго критика. Неожиданность выводовъ и замѣчаній превышаетъ въ нихъ самыя смѣлыя надежды. Впечатлѣніе, которое производятъ онѣ, когда перечитываешь ихъ подъ-рядъ, можно сравнить только съ тѣмъ, какъ если бы смотрѣть картины нѣсколько расшатавшейся въ пружинахъ

народной нашей панорамы, то есть такъ называемаго въ просторѣчіи «райка». Приложишь глазъ къ стеклу—видна широкая рѣка, на берегу стоятъ пирамиды—«видъ итальянскаго города Неаполя», поясняетъ народный нашъ чичероне; повертывается ручка—являются Тюильри, Лувръ, вдали Notre-Dame de Paris—«Морская викторія при Гангутѣ, одержанная Петромъ Великимъ надъ шведами», поясняетъ народный чичероне; опять повертывается ручка—является храмъ св. Петра въ Римѣ—«вотъ это самая и есть Москва златоглавая», поясняетъ чичероне, и т. д., и т. д. Вы недоумѣваете, но не можете оторваться отъ панорамы съ интересными поясненіями чичероне. А онъ стоитъ, серьезно поглаживая бороду, и думаетъ: «погоди, еще не такія штуки покажемъ».

Мы сказали, что отказываемся выражать свое мнѣніе о томъ, ошибочны или справедливы мнѣнія г. Шевырева, но видѣли, что ученый авторъ не долженъ быть причисляемъ къ славянофиламъ. Теперь, познакомивъ читателя съ нѣкоторыми фактами его учено-критической дѣятельности, мы полагаемъ дѣломъ, не подлежащимъ спору, что г. Шевыревъ долженъ быть считаемъ, какъ мыслитель въ высочайшей степени своеобразный, главою особенной школы въ нашей литературѣ. Важнѣйшими изъ второстепенныхъ писателей этой школы надобно считать г. М. Дмитріева, г. А. Стурдзу, г. П. Иванчина-Писарева, г. А. Студитскаго. Первыхъ трехъ читатели, безъ сомнѣнія, знаютъ; но необходимо имъ познакомиться съ г. А. Студитскимъ, котораго они, вѣроятно, не знаютъ и который былъ дѣятельнѣйшимъ сподвижникомъ г. Шевырева въ старомъ «Москвитянинѣ». Его осужденія также отличались диктаторскимъ тономъ; онъ, подобно г. Шевыреву, обо всемъ мыслилъ совершенно своеобразно и, о какомъ бы предметѣ ни заговорилъ, ни въ чемъ не раздѣлялъ мнѣній суемудрствующаго Запада. Онъ показалъ ничтожность санскритскаго языка, опровергъ Боппа и Гримма, не говоря уже о всѣхъ нашихъ филологахъ отъ г. Востокова до г. Буслаева, и положилъ новыя основанія филологіи; онъ опровергъ Кеплера и Ньютона—уступкою съ его стороны должно считать, что онъ принималъ систему Коперника, и то, конечно, только въ уваженіе его славянскаго происхожденія—и положилъ новыя основанія астрономіи (понимайте все это буквально, безъ малѣйшаго преувеличенія); онъ опровергъ всѣхъ философовъ отъ Канта до Гегеля и положилъ новыя основанія психологіи, метафизики и проч.; опровергъ Либиха, Кювье, Гумбольдта и Араго и положилъ новыя основанія физіологіи, геологіи, метеорологіи, химіи,—дѣйствительно, положилъ, потому что это былъ умъ по преимуществу творческій, не ограничивавшійся критикою, но занимавшійся и возсозданіемъ разрушеннаго. Девизъ его былъ, подобно девизу г. Шевырева, «Destruam et aedificabo»—«разорю и созижду». Для убѣжденія читателей въ томъ, что мы ничего не преувеличиваемъ, приводимъ въ выноскѣ небольшой отрывокъ изъ его критики на гипотезу Гумбольдта объ аэролитахъ [1]). Какая смѣлость, оригинальность и твердость мысли! Все это мы

[1]) Главная мысль Гумбольдта состоитъ въ томъ, что аэролиты—обломки малыхъ небесныхъ тѣлъ, блуждающихъ въ пространствѣ и случайно попадающихъ въ предѣлы нашей атмосферы. Съ перваго взгляда на эту мысль, видно, что она обязана своимъ происхожденіемъ не ученому сознанію, а недостатку ученаго сознанія.—«Въ пространствѣ, гдѣ нѣтъ ничего, плаваютъ малыя

говоримъ, желая показать, что у г. Шевырева были достойные сподвижники, и что его надобно считать главою совершенно особенной школы, которая принадлежала исключительно Москвѣ, но мнѣнія которой имѣли большое родство съ ученіями петербургскаго журнала «Маякъ».

Послѣ всѣхъ фактовъ, приведенныхъ выше, естественно родиться недоумѣнію: какимъ же образомъ г. Шевыревъ, столь своеобразно мыслившій и о Лермонтовѣ, и о писателяхъ, бывшихъ учениками Гоголя,—г. Шевыревъ, отвергавшій всякій грустный тонъ въ литературѣ, совѣтовавшій писателямъ заниматься исключительно возведеніемъ къ улыбающемуся идеалу свѣтлыхъ сторонъ жизни, — какимъ образомъ могъ онъ сочувствовать «Мертвымъ Душамъ»? Какимъ образомъ онъ могъ быть поклонникомъ Гоголя, и какъ онъ могъ понимать его,—онъ, столь глубоко понимавшій содержаніе и столь занимавшійся жизненными вопросами въ произведеніяхъ каждаго изъ нашихъ писателей? А вѣдь существуетъ у многихъ воспоминаніе, что г. Шевыревъ былъ поклонникомъ Гоголя и понималъ его. Изученіе статей его о Гоголѣ разрушитъ всѣ недоумѣнія.

Вотъ существенныя мѣста изъ его статьи о «Миргородѣ». Мы оставили въ сторонѣ только колонны, фронтисписы, архитравы, рѣзцы и картинныя галлереи, но не опустили ни одной фразы, относящейся къ дѣлу. Правда, отъ этого изъ довольно большой статьи вышло въ нашей выпискѣ менѣе одной страницы, но, повторяемъ, остальныя страницы разбора наполнены архитравами.

«Авторъ Вечеровъ Диканьки имѣетъ отъ природы чудный даръ схватывать безсмыслицу въ жизни человѣческой и обращать ее въ неизъяснимую поэзію смѣха. Въ этомъ дарѣ его мы видимъ зародышъ истиннаго комическаго таланта. Но желательно бы было, чтобъ онъ обратилъ свой наблюдательный взоръ и мѣткую кисть на общество, насъ окружающее. До сихъ поръ, за этимъ смѣхомъ онъ водилъ насъ или въ Миргородъ, или въ лавку жестяныхъ дѣлъ мастера Шиллера, или въ сумасшедшій домъ. Мы охотно за нимъ слѣдовали всюду, потому что вездѣ и надъ всѣмъ пріятно посмѣяться. Но столица уже довольно смѣялась надъ провинціею и деревенщиной, хотя никто такъ не смѣшилъ ими, какъ авторъ «Миргорода»: высшій и образованный классъ общества всегда смѣется надъ низшимъ: потому и немудрено разсмѣшить и жестяныхъ дѣлъ мастеромъ. Но какъ бы хотѣлось, чтобы авторъ, который, кажется, какимъ-то магнитомъ притягиваетъ къ себѣ все смѣшное, разсмѣшилъ насъ нами же самими, чтобы онъ открылъ эту безсмыслицу въ нашей собственной жизни, въ кругу такъ называемомъ образованномъ, въ нашей гостиной, среди модныхъ фраковъ и галстуховъ, подъ модными головными уборами. Вотъ что ожидаетъ его кисти! Какъ ни рисуйте намъ вѣрно провинцію; все она покажется карикатурой, потому что она не въ нашихъ нравахъ. Я увѣренъ, что Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ суще-

тѣла»—не правда ли, это очень замысловато? — «Эти тѣла, заблудившись, попадаются въ предѣлы земной атмосферы»—еще замысловатѣе.—«Самыя эти тѣла не падаютъ, а падаютъ только ихъ обломки»—еще замысловатѣе.—Вообще говоря, мы не находимъ, чтобы:

1) Были достаточныя причины для построенія такой гипотезы.
2) Было достаточное оправданіе ея въ наблюденіяхъ.
3) Не было возможности объяснить ее иначе и гораздо проще.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что неорганическая химія въ нашемъ столѣтіи сдѣлала огромные успѣхи; но чтобы она рѣшила все, что ей должно рѣшить, въ этомъ мы не повѣримъ ни Дэви, ни Берцеліусу, ни Гумбольдту» и т. д.

(«Москвитянинъ» 1846, № 3, стр. 206).

ствовали. Такъ они живо написаны. Но общество наше не можетъ повѣрить въ ихъ существованіе. Для него это или прошлое столѣтіе, или смѣшная мечта автора. Конечно, авторъ началъ свой дебютъ въ комическомъ съ того, что ярче нарѣзалось въ его памяти—съ своихъ малороссійскихъ преданій; но должно надѣяться, что онъ соберетъ намъ впечатлѣнія и съ той общественной жизни, въ которой живетъ теперь, и разовьетъ блистательно свой комическій талантъ въ томъ высшемъ кругу, который есть средоточіе русской образованности».

(«Московскій Наблюдатель», томъ I).

Кажется въ «Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ», въ «Тарасѣ Бульбѣ», въ «Повѣсти о ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ» есть нѣчто, кромѣ смѣшнаго и веселаго; кажется, что каждая изъ этихъ повѣстей, въ своемъ цѣломъ, производитъ впечатлѣніе нимало не водевильное: «Тарасъ Бульба»—чисто трагическое, остальныя—глубоко-грустное. Ученый критикъ нимало не замѣтилъ этого. Гоголь въ «Миргородѣ»—беззаботный весельчакъ, который для столичныхъ свѣтскихъ людей рисуетъ преуморительныя каррикатуры провинціи, не имѣющей понятія о модныхъ галстухахъ. Очень удовлетворительное понятіе. Еще лучше мнѣніе, что лица, изображенныя Гоголемъ, едва ли существуютъ въ дѣйствительности. Оно хорошо и тѣмъ, что критикъ откровенно высказываетъ, что вовсе не знаетъ провинціальной жизни. Но всего лучше совѣтъ—перестать о провинціи и описывать высшее свѣтское общество: этотъ совѣтъ восхитителенъ. Вотъ, если бы Гоголь послушался—нечего сказать, одолжилъ бы насъ, людей въ модныхъ галстухахъ! Съ тою же мѣткостью, которая помогла критику открыть у Лермонтова заимствованія изъ Марлинскаго и Бенедиктова, онъ замѣчаетъ, что Гоголь—подражатель Тика и Гофмана:

«Нельзя не замѣтить, что въ новыхъ повѣстяхъ, которыя мы читаемъ въ «Арабескахъ», этотъ юморъ малороссійскій не устоялъ противъ западныхъ искушеній и покорился въ своихъ фантастическихъ созданіяхъ вліянію Гофмана и Тика. И мнѣ это досадно. Ужели ничто оригинально русское не можетъ устоять противъ нѣмецкаго? Можетъ быть, это есть вліяніе Петербурга на автора».

Да вѣдь нужно было бы спросить, слыхивалъ ли Гоголь въ 1835 году о Гофманѣ и Тикѣ? о Гофманѣ—безъ сомнѣнія, потому что въ «Невскомъ Проспектѣ» сапожникъ, помогавшій своему пріятелю Шиллеру въ совершеніи неучтиваго поступка надъ поручикомъ Пироговымъ, называется Гофманомъ; и писатель Гофманъ былъ тогда уже нѣсколько извѣстенъ русской публикѣ. Но какимъ бы образомъ Гоголь могъ подчиняться вліянію Тика, котораго едва ли хоть сколько нибудь зналъ? Считаемъ ненужнымъ замѣчать, что съ Гофманомъ у Гоголя нѣтъ ни малѣйшаго сходства: одинъ самъ придумываетъ, самостоятельно изобрѣтаетъ фантастическія похожденія изъ чисто нѣмецкой жизни, другой буквально пересказываетъ малорусскія преданія («Вій») или общеизвѣстные анекдоты («Носъ»): какое же тутъ сходство? Ужь послѣ этого «Пѣсня о Калашниковѣ» не есть ли подражаніе «Гецу фонъ-Берлихингену»? вѣдь у Гете тоже изображено владычество «кулачнаго права», Faustrecht. Съ Тикомъ, этимъ празднымъ фантазеромъ, у Гоголя еще меньше сходства. Но довольно для г. Шевырева заглавія «фантастическая повѣсть»—и дѣло рѣшено, подражаніе открыто. Удивительно!

Замѣтимъ еще, что критикъ и у Гоголя, какъ у Пушкина, главною чертою всѣхъ произведеній нашелъ эскизность. Видите ли, слогъ Гоголя нехорошъ, какъ и слѣдовало ожидать: «Виною этому, кажется, скоропись, которою увлекается повѣствователь. Онъ слишкомъ эскизуетъ свои прекрасныя созданія. Даже самый «Тарасъ Бульба» отзывается скоростью эскиза».—«Миргородъ», какъ мы видѣли, собраніе водевильныхъ повѣстей; но проницательный критикъ замѣтилъ въ немъ одинъ эпизодъ грустный—только одинъ небольшой эпизодъ,—именно въ «Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ» теплое, страстное размышленіе о силѣ привычки (въ новомъ изданіи, стр. 35—36). Этотъ эпизодъ принадлежитъ къ числу самыхъ лучшихъ, самыхъ глубоко-прочувствованныхъ страницъ, когда либо написанныхъ Гоголемъ; г. Шевыревъ ужасно имъ недоволенъ и хочетъ вычеркнуть его, какъ совѣтовалъ Лермонтову «скрывать отъ взыскательнаго свѣта» свои стихотворенія: «Мнѣ не нравится тутъ (въ «Старосв. Помѣщ.») одна только мысль, — убійственная мысль о привычкѣ, которая какъ будто разрушаетъ нравственное впечатлѣніе цѣлой картины. Я бы вымаралъ эти строки». Прекрасно! «Разрушаетъ впечатлѣніе цѣлой картины». А въ этихъ строкахъ и высказанъ существенный мотивъ всего разсказа.

Отъ «Миргорода» перейдемъ прямо къ «Мертвымъ Душамъ», минуя «Ревизора»: мнѣніе г. Шевырева объ этой комедіи увидимъ послѣ. Критическая статья о «Мертвыхъ Душахъ» помѣщена г. Шевыревымъ въ VII и VIII книжкахъ «Москвитянина» за 1842 годъ.

Въ разборѣ «Миргорода» г. Шевыревъ не дѣлаетъ ни малѣйшаго намека на то, что можно считать Гоголя великимъ писателемъ; онъ кажется ему не болѣе какъ хорошимъ беллетристомъ шутливаго характера. Мы видѣли, что за «Миргородъ» и «Арабески» нѣкоторый другой критикъ уже назвалъ Гоголя главою русскихъ писателей, преемникомъ Пушкина. Г. Шевыревъ не только не видитъ, но и не предчувствуетъ этого: для него многіе изъ тогдашнихъ, нынѣ полузабытыхъ, беллетристовъ продолжаютъ стоять выше Гоголя. Въ «Тарасѣ Бульбѣ», «Невскомъ Проспектѣ», «Ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ», какъ мы видѣли, г. Шевыревъ находилъ еще только «зародышъ таланта». Возвысился ли Гоголь въ глазахъ его изданіемъ «Ревизора», увидимъ послѣ; но еще въ «Москвитянинѣ» 1841 года мы могли бы найти доказательства, что г. Шевыревъ продолжалъ ставить Гоголя ниже нѣкоторыхъ изъ второстепенныхъ тогдашнихъ писателей. Но «Мертвыя Души» онъ уже разбираетъ какъ высоко-художественное произведеніе; о значеніи Гоголя въ русской литературѣ онъ говоритъ, правда, очень уклончиво, о значеніи его для развитія общества, о смыслѣ «Мертвыхъ Душъ» не говоритъ ровно ничего, но все-таки осмѣливается отчасти обнаруживать, что ставитъ Гоголя очень высоко, хотя не дерзаетъ рѣшительно поставить на ряду съ Жуковскимъ или Пушкинымъ и вообще смотритъ на него еще свысока, не оставляя его благими поученіями. Все-таки похвально ужь и то, что онъ считаетъ «Мертвыя Души» высокимъ художественнымъ произведеніемъ. Разборъ написанъ съ точки зрѣнія исключительно художественной. Мысль, руководящая критикомъ, та, что въ художественномъ произведеніи все развитіе плана и всѣ подробности необходимо вытекаютъ изъ общей идеи созданія. Правда, какъ ни высоки художественныя достоинства «Мертвыхъ Душъ», но видѣть въ Гоголѣ только худо-

жественныя достоинства значитъ вовсе не понимать Гоголя; но не будемъ подражать «взыскательному свѣту», будемъ рады и тому, что хотя художественная сторона, если не содержаніе «Мертвыхъ Душъ», кажется ученому критику достойною похвалы. И прежде всего намъ очень пріятно замѣтить слѣдующее справедливое объясненіе закона прогрессивности, по которому расположены различныя главы «Мертвыхъ Душъ»:

«Взгляните на разстановку характеровъ: даромъ ли они выведены въ такой перспективѣ? Сначала вы смѣетесь надъ Маниловымъ, смѣетесь надъ Коробочкою, нѣсколько серьезнѣе взглянете на Ноздрева и Собакевича, но увидѣвъ Плюшкина, вы уже вовсе задумаетесь: вамъ будетъ грустно при видѣ этой развалины человѣка.

«А герой поэмы? Много смѣшитъ онъ васъ, отважно двигая впередъ свой странный замыселъ и заводя всю эту кутерьму между помѣщиками и въ городѣ; но когда вы прочли всю исторію его жизни и воспитанія, когда поэтъ разоблачилъ передъ вами всю внутренность человѣка, не правда ли, что вы глубоко задумались?

«Наконецъ представимъ себѣ весь городъ N. Здѣсь, кажется, ужъ донельзя разъигрался комическій юморъ поэта, какъ будто къ концу тома сосредоточивъ всѣ свои силы... Но и тутъ даже, гдѣ смѣшное достигло своихъ крайнихъ предѣловъ, гдѣ авторъ, увлеченный своимъ юморомъ, отрѣшилъ мѣстами фантазію отъ существенной жизни и нарушилъ тѣмъ ея характеръ,—и здѣсь смѣхъ при концѣ смѣняется задумчивостью, когда, среди этой праздной суматохи, внезапно умираетъ прокуроръ и всю тревогу заключаютъ похороны. Невольно припоминаются слова автора о томъ, какъ въ жизни веселое мигомъ обращается въ печальное».

Чтобы выставить на первый планъ все хорошее въ статьѣ г. Шевырева о «Мертвыхъ Душахъ», приведемъ здѣсь и замѣчанія его о томъ, что въ двухъ или трехъ мѣстахъ авторъ едва ли не нарушаетъ строгой объективности своихъ лицъ, заставляя ихъ говорить вещи, которыя удобнѣе могъ бы сказать прямо отъ себя:

«Комическій демонъ шутки иногда увлекаетъ дотого фантазію поэта, что характеры иногда выходятъ изъ границъ своей истины, правда, что это бываетъ очень рѣдко. Такъ, напримѣръ, неестественно намъ кажется, чтобы Собакевичъ, человѣкъ положительный и солидный, сталъ выхваливать свои мертвыя души и пустился въ такую фантазію. Даже самое краснорѣчіе, этотъ даръ слова, который онъ внезапно по какому-то особенному наитію обнаружилъ въ своемъ панегирикѣ каретнику Михееву, плотнику Пробкѣ и другимъ мертвымъ душамъ, кажутся противны его обыкновенному слову, которое кратко и все рубитъ топоромъ, какъ его самого обрубила природа. Авторъ самъ это чувствовалъ и оговорился словами: «откуда взялись рысь и даръ слова въ Собакевичѣ».—То же самое можно замѣтить о Чичиковѣ: прекрасны его думы о мертвыхъ душахъ, имъ купленныхъ, но напрасно приписаны онѣ самому Чичикову, которому, какъ человѣку положительному, едва ли могли бы прійти въ голову такія чудныя поэтическія были о Степанѣ Пробкѣ, о Максимѣ Телятниковѣ — сапожникѣ, и особенно о грамотеѣ Поповѣ безпашпортномъ, да объ Ыировѣ Абакумѣ, гуляющемъ съ бурлаками. Мы не понимаемъ, почему всѣ эти размышленія поэтъ не предложилъ отъ себя. Неестественно также намъ показалось, чтобы Чичиковъ ужъ дотого напился пьянъ, что Селифану велѣлъ сдѣлать всѣмъ мертвымъ душамъ поголовную перекличку. Чичиковъ человѣкъ солидный и едва ли напьется дотого, чтобы впасть въ подобное мечтаніе».

Быть можетъ, этимъ не нарушается объективность характера ни Чичикова, который любилъ пофантазировать въ чувствительномъ родѣ, какъ всѣ

положительные и плутоватые люди, и который, дѣйствительно, во многихъ мѣстахъ поэмы фантазируетъ (напримѣръ, при встрѣчѣ на дорогѣ съ губернаторскою дочкою), ни Собакевича, который не любитъ говорить попусту, а для своихъ выгодъ не поскупится на слова—удивительно, въ самомъ дѣлѣ, какъ самые холодные, дубовые люди оживляются и дѣлаются краснорѣчивы при продажѣ и покупкѣ,—однако же, справедливо или несправедливо замѣчаніе г. Шевырева объ этихъ случаяхъ, все-таки оно не заключаетъ въ себѣ ничего нелѣпаго, скорѣе даже можетъ быть названо остроумнымъ; но, къ сожалѣнію, только и можетъ быть найдено хорошаго въ его статьяхъ. Вообще говоря, критикъ слишкомъ далеко заходитъ, желая рѣшительно о каждой мелочи доказать, что она рѣшительно необходима именно на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ помѣщена Гоголемъ: онъ совершенно упускаетъ изъ виду, что, выражаясь ученымъ образомъ, «необходимость облекается въ искусствѣ формою случайности», то есть, напримѣръ, Чичиковъ могъ бы встрѣтить на дорогѣ къ Манилову не одного, а двухъ или трехъ мужиковъ, деревня Манилова могла бы лежать налѣво, а не направо отъ большой дороги, Собакевичъ могъ бы назвать единственнымъ порядочнымъ человѣкомъ въ городѣ не прокурора, а предсѣдателя гражданской палаты или вице-губернатора, и такъ далѣе, и художественное достоинство «Мертвыхъ Душъ» нимало не потеряло бы и не выиграло бы отъ этого. А г. Шевыреву кажется, что все это рѣшительно такъ же существенно неизмѣняемо, такъ же вытекаетъ изъ идеи «Мертвыхъ Душъ», какъ, напримѣръ, характеръ Чичикова или общая физіономія губернскаго города N, гдѣ происходитъ дѣйствіе поэмы. Ограничимся однимъ примѣромъ: излагая главу о Коробочкѣ, критикъ говоритъ:

«Вся птица, какъ замѣтно, ужь такъ пріучена заботливою хозяйкою, составляетъ съ нею какъ будто одно семейство и близко подходитъ къ окнамъ ея дома: вотъ отчего у Коробочки только могла произойти не совсѣмъ учтивая встрѣча между индѣйскимъ пѣтухомъ и Чичиковымъ... Вы замѣтили, что мужики Коробочки отличаются отъ другихъ помѣщичьихъ муликовъ все какими-то необыкновенными прозвищами: знаете ли, почему это? Коробочка себѣ на умѣ: ужь у ней что ея, то крѣпко ея, и мужики такъ же помѣчены особыми именами, какъ птица помѣчается у аккуратныхъ хозяевъ, чтобы не сбѣжала. Вотъ почему такъ трудно было Чичикову уладить съ нею дѣло: она хоть и любитъ продать и продаетъ всякій продуктъ хозяйственный, но зато и на мертвыя души смотритъ такъ же, какъ на свиное сало, на пеньку или на медъ, полагая, что и онѣ въ хозяйствѣ могутъ спонадобиться».

Ужели Коробочка не продаетъ мертвыхъ душъ по разсчетливости? напротивъ, просто по глупости: тупоумная старуха никакъ не можетъ понять предложеній Чичикова. И почему у нея именно крестьяне имѣютъ длинныя прозвища? Почему не имѣютъ этихъ прозвищъ крестьяне Собакевича, который занимается хозяйствомъ лучше Коробочки? Просто, Гоголю нужно было дать чьимъ нибудь крестьянамъ длинныя прозвища, какія встрѣчаются въ иныхъ околоткахъ; а чьихъ именно крестьянъ окрестить длинными именами, было рѣшительно все равно. И почему индюкъ могъ закудахтать только подъ окномъ у Коробочки, а не у Собакевича или Ноздрева, или не подъ окномъ городской гостинницы? Критикъ думаетъ, что только Коробочка, кормившая птицу изъ своихъ рукъ, могла пріучить птицу бродить подъ окнами; но вѣдь домовитыя хозяйки бро-

саютъ кормъ птицы, не сидя подъ окномъ, а съ крыльца. Изъ окна, чувствительно и романически, могли скорѣе кормить птицу Маниловы. Сору и крошекъ изъ оконъ выбрасывалось въ гостинницѣ больше, нежели у Коробочки, и птица чаще, нежели гдѣ нибудь, бродила подъ окнами гостинницы. Однимъ словомъ, той необходимости, которую видитъ критикъ, нѣтъ въ незначительныхъ мелочахъ «Мертвыхъ Душъ», какъ и вообще не бываетъ въ художественныхъ произведеніяхъ. Объ этомъ подробно и основательно говорится, напримѣръ, въ эстетикѣ Гегеля, (чтобы и намъ блеснуть ученостью). Но критикъ механически, а не по внушенію собственнаго вкуса, развивая заимствованную и не вполнѣ понятую мысль о необходимости выводить подробности художественнаго произведенія изъ его идеи, подробно излагаетъ все содержаніе «Мертвыхъ Душъ», при каждой фразѣ безъ всякаго разбора повторяя «такъ! иначе и не могло быть!» Это изложеніе занимаетъ большую половину его критики. Частью держится онъ въ немъ словъ самого Гоголя и тутъ, конечно, рисуетъ характеры и событія безъ особенныхъ промаховъ; но иногда дополняетъ слова автора собственными соображеніями, и тутъ-то надобно подивиться своеобразности его взгляда! Приведемъ одинъ примѣръ—понятіе критика о главномъ дѣйствующемъ лицѣ, Чичиковѣ:

«Изъ всѣхъ пріобрѣтателей, Чичиковъ отличился необыкновеннымъ поэтическимъ даромъ въ вымыслѣ средства къ пріобрѣтенію. Не правда ли, что въ этомъ замыслѣ (покупать мертвыя души) есть какая-то геніальная бойкость, какая-то удаль плутовства, *фантазія и иронія*, соединенныя вмѣстѣ! Чичиковъ, въ самомъ дѣлѣ, герой между мошенниками, поэтъ своего дѣла: посмотрите, затѣвая свой подвигъ, какою мыслью онъ увлекается: «А главное то хорошо, что предметъ-то покажется всѣмъ невѣроятнымъ—никто не повѣритъ». Онъ веселится своему необычайному изобрѣтенію, радуется будущему изумленію міра, который до него не могъ выдумать такого дѣла, и почти не заботится о послѣдствіяхъ, въ порывѣ своей предпріимчивости. Самопожертвованіе мошенничества доведено въ немъ до крайней степени: онъ закаленъ въ него, какъ Ахиллъ въ свое безсмертіе».

Изумительно! Да вѣдь, кажется, ясно, что Чичиковъ восхищается необыкновенностью задуманнаго плутовства потому, что легко будетъ его исполнить: никто не догадается, не повѣритъ. Онъ восхищенъ тѣмъ, что впередъ увѣренъ въ удачѣ. Чичиковъ—Ахиллъ саможертвованія! изумительно!

Но, конечно, не изумитъ читателей, что въ разборѣ «Мертвыхъ Душъ» Италія не сходитъ со сцены. Говоритъ ли критикъ о Плюшкинѣ, онъ объясняетъ: «Плюшкинъ такъ живо видится намъ, какъ будто бы мы его припоминаемъ на картинѣ Альберта Дюрера въ галлереѣ Доріа»; описываетъ ли Гоголь сѣроватыми красками русскую дорогу—это оттого, видите ли, что «пышная Италія дивами своего искусства и природы затмила все, что и могло бы на однообразной дорогѣ русской сказаться сердцу поэта»; случится ли Гоголю поэтически очерчивать различіе русскаго языка отъ нѣмецкаго, англійскаго, французскаго,—опять-таки «замѣчательно, что поэтъ въ числѣ языковъ не отмѣтилъ рѣзкимъ карандашомъ своимъ итальянскаго слова, хотя, конечно, имѣлъ всѣ данныя передъ собою, чтобы судить о немъ: это не потому ли, что русскій народъ въ мѣткости и живучести слова сходится съ художникомъ-итальянцемъ, такъ, какъ и во многомъ другомъ, несмотря на то, что жаръ и морозъ раздѣлили оба народа?»

Вы скажете: да какимъ же образомъ и зачѣмъ тутъ Италія? а я скажу: да развѣ можно объяснить, почему припоминаешь то или другое? Иногда это бываетъ и совершенно безъ причины. Напримѣръ, осудите ли вы меня, если мнѣ совершенно не кстати припоминаются слова Гоголя о начальникѣ Чичикова: «Начальникъ былъ такого рода человѣкъ, котораго хотя и водили за носъ (впрочемъ, безъ его вѣдома), но зато уже, если въ голову ему западала какая нибудь мысль, то она была тамъ все равно, что желѣзный гвоздь: ничѣмъ нельзя было ее оттуда вытеребить». («Мертвыя Души», 3 изд., стр. 445). Осудите ли вы меня, если мнѣ вздумается даже замѣнить тутъ слова: «котораго водили за носъ», словами: «который подъ носомъ у себя ничего не видѣлъ?» вѣдь это моя фантазія, а въ фантазіяхъ всякій воленъ.

Все это, какъ мы сказали, не покажется читателю удивительно; но удивительно покажется то, что на «Мертвыхъ Душахъ», по мнѣнію критика, ярко отразились итальянскія краски, что талантъ Гоголя воспитанъ не русскою жизнью, а итальянскою природою и картинами Рафаэля, не бесѣдою съ русскими людьми, а обращеніемъ съ итальянскими живописцами. Читайте и убѣждайтесь:

«Только близорукій не замѣтитъ, что небо Италіи, прозрачный ея воздухъ, ясность каждаго оттѣнка и каждаго очерка въ предметѣ, картинныя галлереи, мастерскія художниковъ и частое обращеніе съ ними, наконецъ поэзія Италіи воспитали въ Гоголѣ фантазію тою стороною, которою обращена она ко всему внѣшнему міру, и дали ей такое живописное направленіе, такую полноту и окончепность.—Говоря объ этомъ, нельзя не обратить вниманія на симпатію Гоголя къ Италіи, на душевное влеченіе его къ странѣ изящнаго. Откуда объяснить это? Изъ того только, что онъ истинный художникъ, что искусство—его призваніе. Если такъ, то какая же другая сфера могла удовлетворить ему кромѣ Италіи, и въ самой Италіи какой городъ могъ онъ избрать, если не Римъ, гдѣ минувшее величіе, природа и искусство сочетались въ одно и образовали для всякаго современнаго художника чудный пріютъ, волшебное окруженіе?—Яркій отпечатокъ природы, живописи, поэзіи изящнаго полудня Европы лежитъ на колоритѣ «Мертвыхъ Душъ» и на всемъ, что составляетъ внѣшнюю сторону изображаемаго въ нихъ міра. Содержаніе, разумѣется, дано Россіею, и поэтъ всегда ему вѣренъ; но ясновидѣніе и сила фантазіи, съ какими возсоздаетъ онъ далекій міръ отчизны, воспитаны въ Гоголѣ итальянскимъ окруженіемъ. Въ одномъ мѣстѣ видно даже, что Италія невольно бросила нѣсколько жаркихъ красокъ на самое содержаніе картины, а именно въ описаніи сада Плюшкина, гдѣ зеленыя облака и трепетолистные куполы деревьевъ, лежащихъ на небесномъ горизонтѣ, напоминаютъ ландшафты юга.—Говоря объ этой полуденной стихіи въ поэмѣ Гоголя, какъ забыть чудныя сравненія, встрѣчающіяся нерѣдко въ «Мертвыхъ Душахъ»! Ихъ полную художественную красоту можетъ постигнуть только тотъ, кто изучалъ сравненія Гомера и итальянскихъ эпиковъ, Аріоста и особенно Данта».

Тутъ слѣдуетъ очень подробное поясненіе послѣдней мысли,—именно, что сравненія у Гоголя заимствованы изъ Гомера, Аріоста и Данта. Эта счастливая мысль критика была въ свое время по достоинству превознесена петербургскими журналами, потому оставляемъ ее безъ объясненій; да и вообще объясненія на статьи г. Шевырева писать гораздо труднѣе, нежели комментаріи на самого Данта. Читаемъ далѣе:

«Все, къ чему ни прикасается волшебная кисть Гоголя, все живетъ въ его яркомъ словѣ, и каждый предметъ сквозитъ изъ него и выдается своимъ видомъ и

цвѣтомъ. И это свойство своей фантазіи русскій поэтъ могъ возвести на такую степень искусства только тамъ, гдѣ творилъ Дантъ, гдѣ Аріостъ дружился съ Рафаэлемъ и въ его мастерской, созерцая безсмертную кисть, переносилъ живыя ея краски въ итальянское жаркое слово. Кто не понимаетъ сочувствія Гоголя къ Италіи, тотъ не пойметъ и всей красоты въ пластическомъ внѣшнемъ элементѣ его фантазіи. Мы объяснили внѣшнюю сторону ясновидящей фантазіи поэта, показали ея воспитаніе (т. е. въ Италіи) и отношеніе къ сторонѣ внутренней; перейдемъ теперь къ сей послѣдней. Подъ именемъ ея мы разумѣемъ ясное созерцаніе всего внутренняго человѣка въ различныхъ его видахъ. Въ этомъ отношеніи Гоголь является достойнымъ ученикомъ поэзіи сѣвера, и особенно Шекспира и Вальтера Скотта».

Положимъ, что Гоголь былъ ученикъ Шекспира, хотя въ томъ смыслѣ, въ какомъ и Лермонтовъ, и г. Григоровичъ, и г. Гончаровъ, и г. Тургеневъ, и всѣ хорошіе писатели, настоящіе и будущіе,—ученики этого великаго человѣка: вѣдь особеннаго вліянія Шекспира на Гоголя не замѣтно; положимъ, что онъ ученикъ и Вальтера Скотта, хотя онъ вовсе не былъ ученикомъ его; но что жь изъ того? Какъ что! развѣ вы не предчувствуете:

«Заключимъ же: учители юга и сѣвера, Италія и Шекспиръ, положили печать свою на внѣшней и внутренней сторонѣ фантазіи поэта въ отношеніи къ ясновидѣнію жизни. Такое сочетаніе двухъ элементовъ, замѣтное у насъ и въ другихъ поэтахъ, особенно же въ Пушкинѣ, обѣщаетъ въ будущемъ для русской фантазіи и для русскаго искусства развитіе многостороннее и совершенно полное. О, если бы мы могли совмѣстить въ себѣ внѣшній югъ съ внутреннимъ сѣверомъ, изящную пластику и форму перваго и глубокую идею втораго, мы достигли бы идеала въ искусствѣ. Пріятно мечтать о томъ и еще пріятнѣе видѣть, что наша мечта начала осуществляться».

А! вотъ къ чему шло дѣло! т. е. вотъ къ чему: Дантъ писатель великій, но односторонній: у него мысль подавлена формою; Шекспиръ тоже великій писатель, но опять односторонній: у него мысль подавила форму. Иначе и быть не могло: вѣдь Западъ погрязаетъ въ односторонностяхъ. А вотъ у насъ такъ будутъ, а отчасти ужь и есть писатели получше вашихъ Шекспировъ. Соглашаемся, соглашаемся: вѣдь мы уже увидѣли себя внѣ возможности возражать ученому критику. Но если «Мертвыя Души» внушаютъ вамъ столь высокое ожиданіе и отчасти уже оправдываютъ его, то, по крайней мѣрѣ, хорошая ли вещь эти «Мертвыя Души»? Мы хотимъ слышать о нихъ отъ васъ не комплименты и художественныя фразы,—нѣтъ, намъ нуженъ прямой отвѣтъ: правда или вздорная фантазія «Мертвыя Души», пустая выдумка празднаго воображенія или картина дѣйствительнаго быта? и, во всякомъ случаѣ, хороша ли основная идея этого созданія?—Увы! по мнѣнію г. Шевырева: «нѣтъ!» Онъ говоритъ, что общество, которое изображено въ «Мертвыхъ Душахъ», не существуетъ, не можетъ существовать на самомъ дѣлѣ: создавая городъ N (куда является Чичиковъ), «фантазія поэта разъигралась въ волю «и почти отрѣшилась отъ существенной жизни» (№ VII, стр. 220). Эта фраза повторяется нѣсколько разъ. Но «городъ N придуманъ сообразно характеру героя», стало быть, и Чичиковъ лицо болѣе фантастическое, нежели дѣйствительное.—А каковы характеры другихъ лицъ? И хотя фантастическимъ образомъ, но удовлетворительно ли изображена жизнь общества, которое состоитъ

изъ этихъ лицъ? Нѣтъ, нѣтъ! и характеры изображены неудовлетворительно, и жизнь также: всюду у Гоголя односторонность:

«Великъ талантъ Гоголя въ созданіи характеровъ; но мы искренно выскажемъ и тотъ недостатокъ, который замѣчаемъ въ отношеніи къ полнотѣ ихъ изображенія или произведенія въ дѣйствіе. Комическій юморъ, подъ условіемъ коего поэтъ созерцаетъ всѣ эти лица, и комизмъ самаго событія, куда они замѣшаны, препятствуютъ тому, чтобы они предстали всѣми своими сторонами и раскрыли всю полноту жизни въ своихъ дѣйствіяхъ. Мы догадываемся, что кромѣ свойствъ, въ нихъ теперь видимыхъ, должны быть еще другія добрыя черты, которыя раскрылись бы при иныхъ обстоятельствахъ: такъ, напримѣръ, Маниловъ, при всей своей пустой мечтательности, долженъ быть весьма добрымъ человѣкомъ, милостивымъ и кроткимъ господиномъ съ своими людьми и честнымъ въ житейскомъ отношеніи; Коробочка, съ виду крохоборка, погружена въ одни матеріальные интересы своего хозяйства, но она непремѣнно будетъ набожна и милостива къ нищимъ и т. д.».

«То, что сказали мы о характерахъ, должно повторить и о возсозданіи всей русской жизни въ поэмѣ Гоголя... И здѣсь будетъ та же самая оговорка со стороны нашей, что комическій юморъ автора мѣшаетъ иногда ему обхватывать жизнь во всей ея полнотѣ и широкомъ объемѣ. Это особенно ясно въ тѣхъ яркихъ замѣткахъ о русскомъ бытѣ и русскомъ человѣкѣ, которыми усѣяна поэма. По большей части мы видимъ въ нихъ одну отрицательную, смѣшную сторону, пол-обхвата, а не весь обхватъ русскаго міра».

Итакъ, характеры и жизнь у Гоголя односторонни, невѣрны, фантастичны. Тутъ ужъ не помогутъ художественныя совершенства плана и подробностей: вѣдь форма безъ содержанія ничтожна, форма съ фальшивымъ содержаніемъ фальшива; слѣдовательно, всѣ похвалы ей также обращаются въ ничтожество и фальшь. Сравнимъ эту послѣднюю, и единственную существенную выписку—потому что она одна касается сущности дѣла, всѣ предъидущія толкуютъ еще объ архитравахъ и колоннахъ, о рѣзцахъ и картинныхъ галлереяхъ—сравнимъ ее съ рецензіями Н. А. Полеваго: вѣдь она вся цѣликомъ какъ будто взята изъ нихъ; но Полевой имѣлъ твердость высказать свое мнѣніе и, такъ какъ содержаніе «Мертвыхъ Душъ» ему казалось неправдою, имѣлъ прямоту сказать, что «Мертвыя Души»—произведеніе фальшивое. Почему же г. Шевыревъ, въ сущности думая объ изображеніи характеровъ и жизни въ «Мертвыхъ Душахъ» тоже самое, что Н. А. Полевой, осыпаетъ, однако же, похвалами это произведеніе? Причинъ много; изъ нихъ первую объясняетъ самъ же г. Шевыревъ на первой же страницѣ своей критики: видите ли, лишь только явились «Мертвыя Души», какъ тотчасъ же

«Изъ тѣсныхъ рядовъ толкучаго рынка литературы (*мы знаемъ уже, что это прозвище дано было петербургскимъ журналамъ*) выскочило наглое самохвальство въ видѣ крикливаго пигмея, съ мѣднымъ лбомъ и размашистою рукою (*то есть выскочилъ рыцарь безъ имени, на щитѣ котораго кривыми буквами написанъ былъ девизъ: «убѣжденіе»*); обрадовавшись случаю изъ-за похвалы Гоголю похвалить самого себя, оно, ставши передъ произведеніемъ, пялитъ на немъ свою тощую фигуру, силится прикрыть его собою, и потомъ показать вамъ, и увѣрить васъ, что точно оно вамъ его показало, а безъ того вамъ бы его и не увидѣть».

Вотъ это-то хвастливое невѣжество такъ громко кричало о высокомъ значеніи «Мертвыхъ Душъ», что, подъ опасеніемъ прослыть отсталымъ чело-

вѣкомъ, нельзя было не служить эхомъ хвастливому писателю. Другая причина: Гоголь самъ не задолго передъ изданіемъ «Мертвыхъ Душъ» объяснилъ значеніе своихъ произведеній въ пьесѣ «Разъѣздъ»; третья причина: голосъ публики въ пользу Гоголя сталъ слишкомъ громокъ; четвертая причина— надежды на исправленіе Гоголя, поданныя нѣкоторыми мѣстами перваго тома «Мертвыхъ Душъ», гдѣ авторъ обѣщается представить добродѣтельнаго русскаго человѣка, добродѣтельную русскую дѣвицу, передъ которыми плохи покажутся всѣ добродѣтельные люди всѣхъ другихъ странъ—«наглое невѣжество рыцаря безъ имени» предвидѣло въ этихъ обѣщаніяхъ сильную опасность для таланта Гоголя; а г. Шевыревъ получилъ надежду, что за легкомысленнымъ и пустымъ первымъ томомъ «Мертвыхъ Душъ» послѣдуютъ произведенія болѣе удовлетворительныя и серьёзныя, и рѣшился ради этихъ слѣдующихъ благихъ дѣлъ похвалить и начало ихъ: во второй части Гоголь искупитъ односторонность перваго тома, докажетъ, что талантъ его неодностороненъ:

«Да не подумаютъ читатели, чтобъ мы признавали талантъ Гоголя одностороннимъ, способнымъ созерцать только отрицательную половину человѣческой и русской души. О, конечно, мы такъ не думаемъ. Если въ первомъ томѣ его поэмы мы видимъ русскую жизнь и русскаго человѣка по большей части отрицательною ихъ стороною, то отсюда никакъ не слѣдуетъ, чтобы фантазія Гоголя не могла вознестись до полнаго объема всѣхъ сторонъ русской жизни. Онъ самъ обѣщаетъ намъ далѣе представить «все несмѣтное богатство русскаго духа», и мы увѣрены заранѣе, что онъ славно сдержитъ свое слово. Къ тому же и въ этой части онъ чувствовалъ необходимость восполнить недостатокъ другой половины жизни, и потому въ частыхъ отступленіяхъ, въ яркихъ замѣткахъ, брошенныхъ эпизодически, далъ намъ предчувствовать и другую сторону русской жизни, которую со временемъ раскроетъ во всей полнотѣ ея».

Ради этихъ немногихъ отступленій и преимущественно ради этого благаго обѣщанія, прощаются пустота и легкомысліе перваго тома.—Какъ, развѣ первый томъ «Мертвыхъ Душъ» не только одностороннее и фальшивое, но и пустое, легкомысленное произведеніе?—А вы думали, нѣтъ? Вотъ вамъ доказательство:

«Взгляните на вихорь: въ началѣ бури легко и низко проносится онъ сперва; взметаетъ пыль и всякую дрянь съ земли; перья, листья, лоскутки летятъ вверхъ и вьются,—и скоро весь воздухъ наполняется его своенравнымъ круженіемъ. Легокъ и незначителенъ кажется онъ сначала; но въ этомъ вихрѣ скрываются слезы природы и страшная буря. Таковъ точно и комическій юморъ Гоголя. Но вотъ налетѣли тучи. Сверкнула молнія. Громъ раскатился по небу. Дождь хлынулъ потоками. Земля и небо смѣшались вмѣстѣ. Не такова ли будетъ вторая часть его поэмы, въ которой обѣщаетъ онъ вамъ *лирическое теченіе*, горизонтъ *раздающійся* и величавый громъ другихъ рѣчей?»

Кажется, ясно, что первая часть «Мертвыхъ Душъ», гдѣ нѣтъ «лирическаго теченія»—вихорь, который «легокъ и незначителенъ», который самъ по себѣ ничтоженъ и будетъ заслуживать нѣкотораго вниманія только тогда, когда «раздастся громъ другихъ рѣчей», иначе сказать, пустота прощается первой части «Мертвыхъ Душъ» только съ условіемъ и только въ надеждѣ, что вторая часть не будетъ нимало походить на первую.

«Прощается», сказали мы, первый томъ Гоголю, ради слѣдующихъ... да, именно прощается, потому что онъ былъ дѣйствительно преступленіемъ со стороны Гоголя. Вамъ угодно доказательство? Оно въ статьѣ г. Шевырева, написанной по поводу «Переписки съ Друзьями». Цѣль этой статьи—опровергнуть упреки, со всѣхъ сторонъ раздавшіеся противъ этой книги. Намъ нѣтъ нужды говорить, какъ г. Шевыревъ оправдываетъ Гоголя. Болѣе страннаго оправданія никто никогда не читывалъ: всѣ главнѣйшіе упреки повторяетъ онъ отъ своего лица и думаетъ, что говоритъ похвалы Гоголю. А если вникнуть въ сущность статьи, то оказывается, что дѣло въ ней идетъ вовсе не о Гоголѣ, а собственно о самомъ г. Шевыревѣ. Не обращая никакого вниманія на истинный смыслъ словъ «Переписки», онъ старается только доказать ею справедливость различныхъ своихъ теорій, хотя и этого не достигаетъ, потому что, каковы бы ни были мнѣнія, запутавшія мысль Гоголя въ эпоху «Переписки съ Друзьями», но, во всякомъ случаѣ, они существенно различны отъ мнѣній г. Шевырева. Вѣдь очень сходныя слова имѣютъ различное значеніе, если произносятся по различнымъ побужденіямъ, если произносятся людьми различныхъ натуръ. «Я не доволенъ прежнею своею жизнью», говоритъ Фаустъ. «Я и не доволенъ прежнею твоею жизнью», говоритъ ему Вагнеръ. Согласитесь, что Фаустъ говоритъ вовсе не о томъ, о чемъ говоритъ Вагнеръ. Одинъ недоволенъ собою потому, что не столько пользы принесъ людямъ, сколько хотѣлъ бы; другой не доволенъ потому, что Фаустъ думалъ прежде о такомъ вздорѣ, какъ грубая жизнь глупаго—то есть неученаго—народа. Но какое намъ дѣло до Фауста и Вагнера? Мы хотѣли сказать, что насъ интересуетъ не то, что говорилъ г. Шевыревъ о «Перепискѣ съ Друзьями», а тѣ откровенности насчетъ его мнѣній о прежнихъ сочиненіяхъ Гоголя, на которыя даетъ ему отвагу «Переписка съ Друзьями». Въ разборѣ «Мертвыхъ Душъ» правда засыпана комплиментами; въ статьѣ по поводу «Переписки» она высказана безъ обиняковъ. Тамъ г. Шевыревъ имѣлъ передъ глазами «наглое невѣжество», которому противорѣчить страшно, голосу котораго подчиняются иногда мнѣнія самыхъ ученыхъ людей; здѣсь онъ былъ безопасенъ подъ щитомъ, на которомъ,—кривыми или прямыми буквами — не знаемъ, было написано: «вѣдь самъ Гоголь осуждаетъ свои прежнія сочиненія». Посмотримъ же, какъ онъ говорилъ въ это счастливое для откровенности время. Выписка длинна, но очень интересна и должна имѣть для читателя ту прелесть, что она послѣдняя выписка наша изъ статей г. Шевырева.— Гоголь дурно дѣлалъ, что писалъ сочиненія, подобныя «Ревизору» и «Мертвымъ Душамъ», говоритъ г. Шевыревъ, и нельзя не считать ихъ важными проступками съ его стороны:

«Виноватъ ты, художникъ. Будь увѣренъ, что мы съумѣемъ оправдать тебя сами въ твоемъ комизмѣ и въ твоемъ хохотѣ, на сколько ты достоинъ и заслуживаешь оправданія, на сколько ты самъ остаешься неволенъ въ своемъ смѣхѣ, и на сколько въ немъ виновна жизнь, тебя окружающая. Но сознайся въ томъ, что ты часто находилъ самоуслажденіе въ этомъ хохотѣ, черезъ мѣру заливался своимъ смѣхомъ, въ чемъ мы тебя и прежде попрекали, слишкомъ тѣшился своимъ даромъ смѣшить другихъ и забывалъ иногда о тѣхъ глубокихъ слезахъ, которыя тяготѣли у тебя на душѣ, и забвеніе которыхъ отнимало у твоего смѣха глубину и силу, и отзывался онъ тогда

чѣмъ-то пустымъ и даже приторнымъ. Отчего же, чуя въ себѣ другую, высшую сторону русскаго человѣка, не давалъ ты ей простора въ широкихъ предѣлахъ твоей фантазіи? Отчего измѣнялъ другой, лучшей половинѣ своей мысли? Мы не обвинили бы тебя, если бы ты самъ не обвинилъ себя въ этомъ своими же словами, которыя невольно сорвались съ пера твоего, какъ бы въ собственное твое обличеніе: «мнѣ *хотѣлось попробовать*, говоришь ты, что скажетъ вообще русскій человѣкъ, если его *попотчуешь его же собственною пошлостью*». Въ искусствѣ никогда не должно *хотѣться пробовать:* искусство должно быть свободно отъ всякихъ преднамѣреній личности. Стало, ты не всегда смѣялся свободно и искренно, по призыву вдохновенія? И чѣмъ же захотѣлось тебѣ попотчивать русскаго человѣка?—его же пошлостью! Хорошо подчиванье, хорошо гостепріимство художника! Для того, чтобы лучше это выполнить, ты сталъ свою собственную дрянь, какъ говоришь, наваливать на героевъ своихъ. Для тебя хорошо, если ты такимъ способомъ очистилъ душу свою, но хорошо ли для искусства, которое черезъ твою дрянь могло впасть въ односторонность, особливо лишенное комическаго дара, принадлежащаго лицу твоему?»

«Но продолжать ли намъ свои обвиненія? Художникъ наказанъ двояко за злоупотребленіе своего дара въ одну сторону и за свои увлеченія. Если отъ высокаго до смѣшнаго одинъ шагъ, то, наоборотъ, отъ смѣшнаго до высокаго нѣтъ пути: между ними бездна. Когда вся пошлость дѣйствительной жизни поднята была хохотомъ въ міръ поэзіи, тогда хохотъ одолѣлъ все; и когда поэтъ захотѣлъ обратить глаза на другой міръ, на другую высокую сторону жизни, ему показалось страшно: онъ побоялся уже за своихъ исполиновъ, чтобы они не пали передъ Собакевичами и Ноздревыми,— и пепелъ втораго тома «Мертвыхъ Душъ» былъ первымъ ему же наказаніемъ. Другое наказаніе въ той школѣ, которую онъ произвелъ, самъ, конечно, не воображая, что она родится и выведетъ отъ него свою родословную. Смѣшно быть отцомъ дѣтей, которыхъ не знаешь и которыя навязываются къ тебѣ съ нѣжнымъ наименованіемъ папеньки... Гоголь самъ испугался той школы, которую нехотя произвелъ, и въ этомъ испугѣ объявилъ прежнія созданія свои безполезными». («Москв.» 1848 г. № 1, Критика, стр. 26—29).

Вотъ, что правда, съ тѣмъ нельзя не согласиться. Гоголь напрасно говорилъ, что подъ его смѣхомъ скрываются горькія слезы: смѣхъ его былъ безъ всякой глубины, отзывался чѣмъ-то пустымъ и приторнымъ. Онъ виноватъ не только передъ русскою жизнью, но и передъ искусствомъ, съ которымъ обращался эгоистически, наваливая на него свою дрянь. Зато онъ и наказанъ: ему никогда не создать высокихъ произведеній искусства: «отъ смѣшнаго до высокаго нѣтъ пути».

Вотъ это мы называемъ прямотою, вѣрностью своимъ убѣжденіямъ, непреклонная чистота которыхъ только на время была возмущена восторгомъ неученой толпы и криками «наглаго невѣжества», восторженными криками «рыцаря безъ имени».—«Переписка съ друзьями» дала г. Шевыреву силу высказать то, что онъ давно ужъ думалъ о Гоголѣ; а свидѣтельство о томъ, какъ онъ думалъ о Гоголѣ, сохранено въ «Отечественныхъ Запискахъ». Однажды «Москвитянинъ» намекнулъ о томъ, что «Московскій Наблюдатель», въ которомъ г. Шевыревъ былъ главнымъ критикомъ и вообще главнымъ лицомъ, первый оцѣнилъ Гоголя, и что статья, оцѣнившая Гоголя, была написана г. Шевыревымъ. На это «Отечественныя Записки» отвѣчали:

«Изъ журналовъ первый оцѣнилъ Гоголя «Телескопъ» (*въ статьѣ «О русской повѣсти и повѣстяхъ г. Гоголя»*, какъ мы говорили въ началѣ нашихъ «Очерковъ»), а совсѣмъ не тотъ, другой московскій журналъ, который отказался принять

повѣсть Гоголя «Носъ» по причинѣ ея пошлости и тривіальности, и не тотъ именитый критикъ, который отказался писать о «Ревизорѣ», какъ опять о тривіальномъ и грязномъ произведеніи». («Отечественныя Записки», томъ XXV, Смѣсь, стр. 107).

Мы сдѣлали обзоръ мнѣній тѣхъ журналовъ, которые не хотѣли понимать Гоголя. Теперь переходимъ къ мнѣніямъ людей, которые понимали и цѣнили его.

Отрадно вспомнить, что первый оцѣнилъ Гоголя, первый заговорилъ о немъ печатно тотъ самый человѣкъ, который до Гоголя былъ величайшимъ изъ нашихъ писателей. Радушнымъ привѣтомъ встрѣтилъ, благословеніемъ своимъ напутствовалъ Пушкинъ двадцатилѣтняго одинокаго юношу, который сдѣлался преемникомъ его славы. И не только какъ писатель писателя встрѣтилъ и ободрилъ онъ его, и какъ человѣкъ для человѣка сдѣлалъ онъ для него все, что могъ. Радостно и тепло становится душѣ при подобныхъ воспоминаніяхъ.

Вотъ первая статья изъ всѣхъ явившихся о Гоголѣ въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ. Она прислана была Пушкинымъ въ «Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду», и напечатана въ этой газетѣ въ 79 нумерѣ 1831 года.

«Сейчасъ прочелъ «*Вечера близъ Диканьки*». Они изумили меня. Вотъ настоящая веселость, искренняя, непринужденная, безъ жеманства, безъ чопорности. А мѣстами какая поэзія, какая чувствительность! Все это такъ необыкновенно въ нашей литературѣ, что я доселѣ не образумился. Мнѣ сказывали, что когда издатель вошелъ въ типографію, гдѣ печатались «*Вечера*», то наборщики начали прыскать и фыркать, зажимая ротъ рукою. Факторъ объяснилъ ихъ веселость, признавшись ему, что наборщики помирали со смѣху, набирая его книгу. Мольеръ и Фильдингъ, вѣроятно, были бы рады разсмѣшить своихъ наборщиковъ. Поздравляю публику съ истинно веселою книгою, а автору сердечно желаю дальнѣйшихъ успѣховъ».

«Ради Бога, возьмите его сторону, если журналисты, по своему обыкновенію, нападутъ на неприличіе его выраженій, на дурной тонъ и проч. Пора, пора намъ осмѣять les précieuses ridicules нашей словесности, людей, толкующихъ вѣчно о прекрасныхъ читательницахъ, которыхъ у нихъ не бывало, о высшемъ обществѣ, куда ихъ не просятъ, и все это слогомъ камердинера профессора Тредьяковскаго».

Какою задушевною радостью о новомъ необыкновенномъ талантѣ проникнута эта статья! И какъ въ ней много сказано, несмотря на ея краткость! И какъ вѣрно и мѣтко все въ ней сказанное! Не укрылась отъ Пушкина и та грусть, которая послѣ стала существеннѣйшею чертою гоголевскихъ созданій, но которая такъ немногими замѣчается въ его первыхъ, еще такъ ярко озаренныхъ радостью жизни произведеніяхъ.

Другую статью о Гоголѣ, помѣщенную въ первой книжкѣ пушкинскаго «Современника», мы уже привели въ предъидущей нашей статьѣ.

По смерти Пушкина, друзья его продолжали быть и друзьями Гоголя, какъ человѣка, и почитателями его таланта. Изъ этихъ людей, двое, князь Вяземскій и г. Плетневъ, были журналистами, и оба они очень вѣрно понимали произведенія Гоголя. Все написанное ими о немъ принадлежитъ къ числу лучшаго, что только было написано о Гоголѣ.

Князь Вяземскій занимаетъ нынѣ такое высокое положеніе, что мы отважились бы на характеристику его критической дѣятельности только въ такомъ случаѣ, еслибъ обязанность историка требовала обнаружить въ ней какія нибудь ошибки. Читатели поймутъ чувство, которое заставляетъ насъ уклониться отъ полной характеристики критической дѣятельности этого писателя и ограничиться замѣчаніемъ, что онъ былъ достойный сподвижникъ Пушкина, достойный другъ Жуковскаго, Пушкина и Гоголя.

Потому мы просто безъ всякихъ эпитетовъ представимъ только краткое извлеченіе изъ статьи князя Вяземскаго о «Ревизорѣ». Она помѣщена въ пушкинскомъ «Современникѣ». Да и это мы дѣлаемъ только потому, что статья князя Вяземскаго слишкомъ важный фактъ въ исторіи распространенія справедливыхъ сужденій о Гоголѣ.

Разборъ этотъ начинается замѣчаніями о томъ, что въ нашей литературѣ рѣдки «событія», рѣдки книги, заслуживающія вниманія, возбуждающія интересъ въ публикѣ—«Ревизоръ»—такое событіе; это первая русская комедія, какая появилась со времени «Горя отъ Ума». Блистательный успѣхъ его на сценѣ доказалъ то. Въ чтеніи комедія Гоголя доставляетъ едва ли не болѣе наслажденія, нежели даже на сценѣ, какъ и всегда бываетъ, когда пьеса написана съ умомъ и талантомъ, съ заботою не столько о сценическихъ эффектахъ, сколько объ истинномъ комизмѣ. Но какъ ни блистателенъ успѣхъ «Ревизора», эта комедія подверглась нѣкоторымъ оговоркамъ и осужденіямъ. Они могутъ быть раздѣлены на три разряда: замѣчанія литературныя, нравственныя и общественныя.

«Нѣкоторые говорятъ, что «Ревизоръ» не комедія, а фарсъ. Дѣло не въ названіи: можно написать геніальный фарсъ, и пошлую комедію. Къ тому же, въ «Ревизорѣ» нѣтъ ни одной сцены въ родѣ «Скапиновыхъ обмановъ», «Доктора по Неволѣ», «Пурсоньяка» или расиновыхъ Les Plaideurs; нѣтъ нигдѣ вымышленной каррикатуры, переодѣваній. За исключеніемъ паденія Бобчинскаго, нѣтъ ни одной минуты, сбивающейся на фарсъ. Въ «Ревизорѣ» есть каррикатурная природа,—это дѣло другое. Въ природѣ не все изящно; но въ подражаніи природѣ неизящной можетъ быть изящность въ художественномъ отношеніи. Смотрите на картины Теньера, на корову Поль Потера [1]) и спросите послѣ: какъ могло возвышенное искусство посвятить кисть свою на подобные предметы?.. Говорятъ, что языкъ (комедіи Гоголя) низокъ. Высокое и низкое высоко и низко по сравненію и отношенію: низкое, когда оно на мѣстѣ, не низко,—оно въ пору и въ мѣру... Ваши требованія доказываютъ, что вы придерживаетесь традицій классическаго вѣка... это въ глазахъ нашихъ не бездѣлица, вопреки мнѣнію тѣхъ, которые ставятъ ни во что аристократическія традиціи гостиныхъ вѣка Людовика XIV или Екатерины II. Но именно по сей же самой терпимости, которую мы исповѣдуемъ какъ законъ истинной образованности... мы въ искусствѣ любимъ просторъ. Мы полагаемъ, что гдѣ есть природа и истина, тамъ вездѣ можетъ быть и изящное подражаніе оной. А тамъ уже дѣло вкуса, или, правильнѣе, вкусовъ, избирать любое для подражанія и въ подражаніяхъ. Между тѣмъ, не излишнимъ будетъ замѣтить, что фонъ-Визинъ читалъ своего «Бригадира» и своего «Недоросля» при просвѣщенномъ и великолѣпномъ дворѣ Екатерины II.—«Такъ; но въ этихъ комедіяхъ встрѣчаются Добролюбовы, Стародумы, Милоны, а въ «Ревизорѣ» нѣтъ ни одного Добролюбова,

[1]) Критикъ говоритъ о знаменитой картинѣ Поля Потера «Vache qui pisse», составляющей одно изъ драгоцѣннѣйшихъ украшеній Эрмитажа.

хоть для примѣра».—Согласны, но вотъ маленькая оговорка: когда играли «Недоросля» при Императрицѣ, то немилосердно сокращали благородныя роли Стародума и Милона, потому что онѣ скучны и неумѣстны: сохранялись же въ неотъемлемой цѣлости низкія роли Скотинина, Простаковыхъ, Кутейкина. При однихъ добродѣтельныхъ лицахъ своихъ, фонъ-Визинъ остался бы незамѣченнымъ писателемъ, не читалъ бы своихъ комедій Екатеринѣ Великой и не былъ бы и по нынѣ типомъ русской комической оригинальности. Вывезли его къ безсмертію лица, которыя не выражаютъ ни одного благороднаго чувства, ни одной свѣтлой мысли, ни одного въ человѣческомъ отношеніи отраднаго слова. А не въ отсутствіи ли всего этого обвиняете вы лица, представленныя г. Гоголемъ»?

«Другіе говорятъ... что коренная основа «Ревизора» неправдоподобна, что городничій не могъ такъ легковѣрно вдаваться въ обманъ, а долженъ былъ потребовать подорожную и проч. Конечно, такъ,—но авторъ въ этомъ случаѣ помнилъ болѣе психологическую пословицу, чѣмъ полицейскій порядокъ, и для комика, кажется, не ошибся. Онъ помнилъ, что *у страха глаза велики*. Къ тому же, и минуя пословицу, въ самой сущности дѣла нѣтъ ни малѣйшаго насилія правдоподобію. Извѣстно, что ревизоръ пріѣдетъ инкогнито, слѣдовательно, можетъ пріѣхать подъ чужимъ именемъ. Извѣстіе о пребываніи въ гостинницѣ неизвѣстнаго человѣка падаетъ на городничаго и сотоварищей его въ критическую минуту паническаго страха, по прочтеніи роковаго письма. Далѣе, почему не думать городничему, что у Хлестакова двѣ подорожныя, два *вида*, изъ коихъ настоящій будетъ предъявленъ, когда нужно? Тутъ нѣтъ никакой натяжки, все натурально... Въ одной изъ нашихъ губерній былъ, дѣйствительно, случай, подобный описанному въ «Ревизорѣ»: по сходству фамиліи, приняли одного молодаго пріѣзжаго за извѣстнаго государственнаго чиновника. Все городское начальство засуетилось и пріѣхало къ молодому человѣку *являться*. Не знаемъ, случилась ли ему тогда нужда въ деньгахъ, какъ проигравшемуся Хлестакову, но вѣроятно нашлись бы заимодавцы. Все это въ порядкѣ вещей, не только въ порядкѣ комедіи».

Нѣкоторые критики—продолжаетъ защитникъ Гоголя—не довольны простонародностью языка въ «Ревизорѣ», не понимая, что выведенныя лица не могутъ говорить другимъ языкомъ. Они находятъ у Гоголя слова, по ихъ мнѣнію, неупотребительныя въ высшемъ обществѣ. Это показываетъ только, что подобные жеманные словоловы» стараются показаться людьми хорошаго тона, котораго не знаютъ: хорошій тонъ состоитъ въ непринужденности, натуральности, и лучшее общество доказываетъ, что вовсе не оскорбляется естественностью языка въ Ревизорѣ: лучшее общество сидитъ въ ложахъ и креслахъ, когда его играютъ; брошюрка «Ревизора» лежитъ на модныхъ столикахъ работы Гамбса».

«Говорятъ, что «Ревизоръ» комедія безнравственная, потому что въ ней выведены одни пороки и глупости людскія, что уму и сердцу не на комъ отдохнуть отъ негодованія и отвращенія; нѣтъ свѣтлой стороны человѣчества для примиренія зрителей съ человѣчествомъ, для назиданія ихъ... Мы признаемъ безнравственнымъ сочиненіемъ только то, которое вводитъ въ соблазнъ и въ искушеніе. Безпристрастное изложеніе самаго соблазна не можетъ быть безнравственно. Авторъ, слѣдуя въ этомъ случаѣ Провидѣнію, допускаетъ зло, предоставляя волѣ и совѣсти читателя и зрителя пользоваться представленнымъ урокомъ по своимъ чувствамъ и правиламъ. Не должно забывать, что есть литература взрослыхъ людей и литература малолѣтнихъ: конечно, между людьми взрослыми бываютъ и такіе, которые любятъ до старости быть подъ указкою учителя; говорите имъ внятно: вотъ это дѣлайте! а того не дѣлайте, за это скажутъ вамъ: «най, дитя», погладятъ по головкѣ и дадутъ сахарцу! за другое: «фи, дитя», выдерутъ за ухо и поставятъ въ уголъ. Но какъ же требовать, чтобы каждый художникъ посвятилъ себя на должность школьнаго учителя или дядьки? На что вамъ

честные люди въ комедіи, если они не входили въ планъ комическаго писателя? Живописецъ представилъ вамъ сцену разбойниковъ; вамъ этого недовольно: для нравственной симметріи, вы требуете, чтобы на первомъ же планѣ былъ изображенъ человѣкъ, который отдаетъ полный кошелекъ свой нищему, иначе зрѣлище слишкомъ прискорбно и тяжело дѣйствуетъ на нервы ваши. Вы и въ театрѣ не можете просидѣть двухъ часовъ безъ того, чтобы не явился вамъ хотя одинъ честный человѣкъ, одинъ герой добродѣтели,—именно герой: ибо въ представленіи просто добраго человѣка не было бы никакой цѣли: нѣтъ, нужна сопротивная сила для отпора и сокрушенія порочныхъ,—однимъ словомъ *«барыня требуетъ весь туалетъ!»* Да помилуйте! въ жизни и въ свѣтѣ не два часа просидишь иногда безъ благороднаго, утѣшительнаго сочувствія. Кто изъ зрителей «Ревизора» пожелалъ бы быть Хлестаковымъ, Земляникою или даже и невинными Петрами Ивановичами Добчинскимъ и Бобчинскимъ? Вѣрно, никто! Слѣдовательно, въ дѣйствіи, производимомъ комедіею, нѣтъ ничего безнравственнаго,—можетъ быть впечатлѣніе непріятное, какъ во всякой сатирѣ, изображающей недуги общества, это дѣло другое. Но это непріятное дѣйствіе умѣрено смѣхомъ. Слѣдовательно, условія искусства выдержаны, комикъ правъ.

«Сущность общественныхъ замѣчаній сбивается во многомъ на вышеприведенныя замѣчанія. Говорятъ, что эта комедія поклепъ на русское общество, перебираютъ въ Зябловскомъ и Арсеньевѣ всѣ уѣзды великороссійскихъ, малороссійскихъ, западныхъ и восточныхъ губерній и заключаютъ, что такого города нѣтъ и въ государствѣ. Да есть ли на бѣломъ свѣтѣ люди, похожіе на тѣхъ, которые выведены въ комедіи? Безспорно, есть! Довольно этого».

И возможно ли упрекать Гоголя въ томъ, что онъ употребляетъ слишкомъ черныя краски? Въ «Ябедѣ» Капниста злоупотребленія изображаются гораздо безпощаднѣйшимъ языкомъ.

«Всѣ возможныя сатурналіи и вакханаліи Ѳемиды, во всей наготѣ, во всемъ безчинствѣ своемъ раскрываются тутъ на сценѣ гласно и торжественно. Гражданская палата засѣдаетъ, слушаетъ и судитъ дѣла въ той же комнатѣ, гдѣ за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ бушевала оргія: вчерашнія бутылки валяются подъ присутственнымъ столомъ, прикрытымъ краснымъ сукномъ, которое, по мнѣнію повытчика,

множество привыкло прикрывать
И не такихъ грѣховъ!

«Деньги тутъ даются не въ займы, а въ явный подкупъ. Предсѣдатель гражданской палаты, члены, прокуроръ поютъ хоромъ:

Бери,—большой тутъ нѣтъ науки,—
Бери, что только можно взять!
На что-жь привѣшаны намъ руки,
Какъ не на то, чтобъ брать, брать, брать»?

Конечно (продолжаетъ критикъ) и тогда находились многіе, называвшіе комедію Капниста клеветою на общество, какъ нынѣ говорятъ то же о комедіи Гоголя. Но благородныя чувства поэта были оцѣнены Императоромъ Павломъ Петровичемъ, который разрѣшилъ посвятить пьесу Капниста своему имени. Разборъ заключается прекрасными словами:

«Конечно, чувство патріотической щекотливости благородно: народное достоинство есть святыня, оскорбляющаяся малѣйшимъ прикосновеніемъ. Но при этихъ чувствахъ не должно быть одностороннимъ въ понятіяхъ своихъ. При излишней щекотливости вы стѣсняете талантъ и искусство, стѣсняете самое нравственное дѣйствіе благонамѣренной литературы. Комедія, сатира, романъ нравовъ исключаются изъ нея при

донущеніи подобнаго чувства въ безусловное и непреложное правило. Послѣ того ни одно злоупотребленіе не можетъ подлежать кисти или клейму писателя, ни одинъ писатель не можетъ быть *по мѣрѣ силъ споспѣшникомъ* общаго блага, по выраженію Капниста [1]). Личность, званіе, національность, а наконецъ и человѣчество будутъ ограждать злоупотребителей опасеніемъ нарушить уликою въ злоупотребленіи уваженіе къ тому, что подъ нимъ скрывается достойнаго уваженія и неприкосновеннаго. Но міръ нравственный и міръ гражданскій имѣетъ свои противорѣчія, свои прискорбныя уклоненія отъ законовъ общаго благоустройства. Совершенство—цѣль недостижимая; но совершенствованіе есть, не менѣе того, обязанность и свойство природы человѣческой. Говорятъ, что въ комедіи Гоголя не видно ни одного умнаго человѣка; неправда: уменъ авторъ. Говорятъ, что въ комедіи Гоголя не видно ни одного честнаго и благомыслящаго лица; неправда: честное и благомыслящее лицо есть правительство, которое, силою закона поражая злоупотребленія, позволяетъ и таланту исправлять ихъ оружіемъ насмѣшки. Въ 1783 году оно допустило представленіе «Недоросля», въ 1799—«Ябеды», а въ 1836—«Ревизора».

И, можно прибавить теперь, въ 1842 году—печатаніе первой, а въ 1855 году—второй части «Мертвыхъ Душъ».

Благородна ли эта статья, справедлива ли она, давно уже рѣшено и публикою и признано лучшимъ нашимъ критикомъ, которыи очень часто на нее ссылался.

Мы не будемъ также говорить подробно о критическои дѣятельности г. Плетнева. Опять скажемъ только, что его имя неразрывно связано съ именами Жуковскаго, Пушкина и Гоголя. Припомнимъ еще, что «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки» изданы были по совѣту г. Плетнева, да и самое заглавіе этой книгѣ дано по его же совѣту. (Біографія Пушкина, г. Анненкова, въ I томѣ «Сочиненій А. С. Пушкина», стр. 366). Считая неловкимъ говорить о г. Плетневѣ болѣе, мы ограничимся тѣмъ, что представимъ—также безъ всякихъ эпитетовъ—извлеченіе изъ статьи о «Мертвыхъ Душахъ», которую онъ, подъ псевдонимомъ С. Ш., напечаталъ въ XXVII томѣ издаваемаго тогда имъ «Современника».

Цѣль этого разбора, такъ же, какъ статьи князя Вяземскаго о «Ревизорѣ»—доказать нелѣпость обвиненій и упрековъ противъ Гоголя. Критикъ сначала объясняетъ, почему произведенія Гоголя въ художественномъ смыслѣ неизмѣримо выше всего остальнаго въ тогдашней русской литературѣ: они—созданія живаго, геніальнаго творчества. Сюжетъ «Мертвыхъ Душъ» немногосложенъ и превосходно развитъ. Жизнь и характеры изображены съ поразительною живостью, съ изумительною полнотою, въ высшей степени объективно. Въ самыхъ спокойныхъ сценахъ обнаруживаетъ авторъ геніальную проницательность, знаніе жизни и человѣческаго сердца, обнаруживаетъ безъ всякихъ усилій, самымъ непринужденнымъ и естественнымъ образомъ. Это доказывается примѣрами, между прочимъ разговоромъ Чичикова съ Коробочкою (эта сцена, вовсе неблистательная для поверхностнаго читателя, дѣйствительно, принадле-

[1]) Слова Капниста въ посвященіи «Ябеды» Императору Павлу I:

Подъ Павловымъ щитомъ почію невредимъ,
Но, бывъ по мѣрѣ силъ споспѣшникомъ Твоимъ.
Сей слабый трудъ Тебѣ я посвятить дерзаю,
Да Именемъ Твоимъ успѣхъ его вѣнчаю.

житъ къ числу самыхъ геніальныхъ въ художественномъ отношеніи). Гоголь не только не впадаетъ въ каррикатуру или фарсъ: онъ даже не намѣренъ ни одного слова сказать съ тѣмъ, чтобы разсмѣшить васъ. Онъ заботится только о вѣрности съ жизнью, объ истинѣ; а если эта жизнь кажется вамъ нелѣпа и смѣшна, это уже ея качество, а не его намѣреніе. И ошибочно было бы думать, что сильнѣйшее впечатлѣніе, производимое «Мертвыми Душами»— смѣхъ: напротивъ это книга очень серьезная и грустная. Всѣ лица въ ней живыя, всѣ имѣютъ глубокій смыслъ для того, кто хочетъ постичь нашу жизнь. При этомъ г. Плетневъ, по нашему мнѣнію, очень справедливо и тонко, замѣчаетъ, что типы Манилова и Плюшкина нѣсколько уступаютъ въ значеніи для нашей жизни остальнымъ лицамъ «Мертвыхъ Душъ», хотя и они очень важны. Тѣсная связь съ жизнью, серьезное значеніе для жизни—высочайшее качество художественнаго сознанія. Въ этомъ отношеніи нѣтъ въ нашей литературѣ ничего равнаго «Мертвымъ Душамъ». Однако же, хотя и нѣтъ ничего имъ равнаго, «Мертвыя Души» не совсѣмъ удовлетворяютъ критика въ этомъ существеннѣйшемъ смыслѣ—мысль чрезвычайно замѣчательная: мы просимъ читателей обратить на нее особенное вниманіе и, выписывая вполнѣ все это мѣсто изъ разбора г. Плетнева, не можемъ желать лучшаго, болѣе вѣрнаго и значительнаго заключенія для нашей статьи:

«При всѣхъ достоинствахъ, поэма, конечно, поразитъ каждаго недостаткомъ важнымъ. Въ ней нѣтъ того, чего мы еще не встрѣчаемъ въ нашей жизни—серьезнаго общественнаго интереса. Я не умѣлъ придумать другаго названія тому качеству нашихъ разговоровъ, мыслей и поступковъ, которое, не отнимая у нихъ особенностей національности, придаетъ имъ цѣнность общую и вводитъ ихъ въ сокрикосновеніе съ интересами другихъ народовъ. Самыя поразительныя мѣста, отъ которыхъ приходишь въ восхищеніе, не выносятъ души на тотъ горизонтъ, откуда она обозрѣваетъ подобныя явленія иностранныхъ писателей. Во всемъ чувствуешь мелочность и ограниченность. Для иностранца, который не въ состояніи трепетать отъ художественнаго мастерства автора, вся прелесть исчезаетъ, за недостаткомъ жизни болѣе цѣнной и болѣе общепонятной. Это все нисколько не говоритъ противъ Гоголя, напротивъ, еще оправдываетъ его. Авторъ безъ такта, привыкнувшій обманываться въ своихъ ощущеніяхъ, легко подымающійся на ходули, когда не на чемъ болѣе показаться высокимъ, обыкновенно поддѣлываетъ подъ какой нибудь извѣстный ему тонъ и, такимъ образомъ, все рисуетъ ложно. Гоголь возвратилъ обществу то, что оно могло дать ему само. Какъ прежняя, такъ и нынѣшняя наша общежительность хранитъ въ своей исторіи любопытныя доказательства въ оправданіе того, что и у всѣхъ, самыхъ великихъ писателей русскихъ, степень развитія общественныхъ интересовъ всегда была ниже, нежели у писателей другихъ народовъ. («Соврем.» 1842 г., часть XXVII, стр. 55—56).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Надеждинъ.

Въ критическихъ статьяхъ, или, лучше сказать, замѣчаніяхъ Пушкина (замѣчаніяхъ, говоримъ мы, потому что его рецензіи почти всѣ очень невелики по объему и набросаны, кажется, наскоро, подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія) почти всегда блещетъ тонкій и вѣрный вкусъ нашего великаго поэта. Иначе и быть не могло, какъ ни важно участіе безсознательной творческой силы въ созданіи поэтическихъ произведеній, какъ ни достовѣрна всѣми нынѣ признаваемая истина, что безъ этого элемента непосредственности, составляющей существеннѣйшее качество таланта, невозможно быть не только великимъ, но и порядочнымъ поэтомъ,—но равно достовѣрно и то, что, при самомъ сильномъ дарѣ безсознательнаго творчества, поэтъ не создастъ ничего великаго, если не одаренъ также замѣчательнымъ умомъ, сильнымъ здравымъ смысломъ и тонкимъ вкусомъ. То же самое, что о критическихъ статьяхъ Пушкина, надобно сказать и о журнальной дѣятельности людей, составлявшихъ его литературную партію. Всѣ эти дѣятели нашей критики отличались, подобно своему корифею, тонкимъ вкусомъ, какъ и вообще походили на него многими прекрасными чертами своего литературнаго характера,—напримѣръ, готовностью съ нелицепріятнымъ благородствомъ отдавать каждому должное. Такимъ образомъ, Пушкинъ и его сподвижники обладали многими изъ качествъ, необходимыхъ для того, чтобы оказывать сильное вліяніе на мнѣнія читающей публики,—и, однако же, ихъ мнѣнія имѣли и на публику и на развитіе литературы менѣе вліянія, нежели какъ должно было бы ожидать: и большинство читателей и новое поколѣніе писателей поддавались преимущественно вліянію другихъ литературныхъ мнѣній. Каковы были эти мнѣнія, мы старались показать подробными характеристиками критическихъ направленій, которыя преобладали въ нашей литературѣ до той эпохи, когда пріобрѣла въ ней рѣшительное господство критика «Отеч. Записокъ», или усиливались бороться противъ литературныхъ мнѣній этого журнала. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Пушкинъ и его сподвижники высказывали очень много вѣрнаго и прекраснаго. Почему жъ ихъ мнѣнія не имѣли болѣе значительнаго вліянія на литературу и массу публики? Отвѣтъ готовъ у каждаго читателя: журналъ,

бывшій органомъ пушкинскаго направленія критики, не проникалъ въ массу публики, какъ не проникала въ публику и «Литературная Газета» Дельвига, предшествовавшая этому журналу, «Современнику» 1836—1846 годовъ. Подробное объясненіе этого явленія, принадлежащее исторіи пушкинскаго періода русской литературы, лежитъ внѣ предѣловъ нашей задачи. Потому изъ многихъ причинъ малоизвѣстности кратко укажемъ только одну, спеціально касающуюся формальной стороны пушкинскаго направленія критики: указывать причины, лежащія въ самомъ содержаніи, въ самомъ духѣ этой критики, мы не будемъ, потому что это завлекло бы насъ слишкомъ далеко. Для распространенія въ публикѣ какихъ бы то ни было, хотя бы самыхъ простыхъ и справедливыхъ, мнѣній необходимо высказывать ихъ очень настойчиво, упорно, съ энтузіазмомъ страстнаго увлеченія, не утомляющагося скучными для самого критика, но нужными для массы повтореніями, не пренебрегающаго подробнымъ разборомъ книгъ и сужденій, которыя важны только по своему внѣшнему значенію—по вліянію на публику, а не по внутреннему интересу для искусства, наконецъ не отвращающагося, ради интересовъ публики, даже отъ споровъ съ людьми, вступать въ споръ съ которыми вовсе не пріятно и не почетно. Однимъ словомъ, критическая дѣятельность, подобно всякой другой общественной дѣятельности, имѣетъ много сторонъ, тѣмъ болѣе полезныхъ для публики, чѣмъ непріятнѣе онѣ для самого дѣятеля. Критикъ, который хочетъ говорить только о томъ, о чемъ интересно говорить для него самого, который хочетъ сохранить въ своей дѣятельности столько же гордаго спокойствія и достоинства, сколько сохраняетъ поэтъ или ученый,—такой критикъ пишетъ для немногихъ. Пушкинъ и его литературные друзья знали это; дѣйствуя на поприщѣ критики, они и не хотѣли подчиняться условіямъ, несовмѣстимымъ съ ихъ понятіями о собственномъ достоинствѣ; они знали, что чрезъ это отказываются отъ средствъ достичь господства надъ массою публики,—да они и не стремились къ такому господству: они поставили себѣ цѣлью довольствоваться спокойнымъ сочувствіемъ немногихъ читателей, которыхъ считали избранными, и гордо думали, что качества ихъ слушателей вознаграждаютъ за количество. Это было положительно ими высказываемо много разъ. Ограничиваемся указаніемъ этого принципа ихъ критической дѣятельности, потому что и его было бы достаточно для объясненія незначительности ея вліянія на публику, если бы даже не было другихъ причинъ, еще болѣе важныхъ, разборъ которыхъ завлекъ бы насъ слишкомъ далеко за предѣлы нашей задачи.

Такимъ образомъ, несмотря на многія несомнѣнныя достоинства критики пушкинскаго направленія, она не имѣла обширнаго вліянія,—отчасти, какъ мы сказали, оттого, что и не хотѣла имѣть его. Кто вздумалъ бы писать исторію развитія литературныхъ мнѣній не въ русскомъ обществѣ, а въ кругу диллетантовъ, довольствовавшемся замкнутою для остальной массы публики жизнью, тотъ нашелъ бы много матеріаловъ для свѣтлаго изображенія критической дѣятельности этого тѣснаго избраннаго круга,—нашелъ бы, что многія истины, введеніе которыхъ въ сознаніе большинства совершено (другими людьми) только послѣ жестокой борьбы, всегда признавались школою Пушкина. Насъ теперь занимаетъ другая задача: собрать матеріалы для исторіи распространенія справедливыхъ литературныхъ идей въ массѣ публики. Потому, ограничиваясь

тѣми краткими указаніями на характеръ критики пушкинскаго направленія, которыя нашли себѣ мѣсто въ началѣ этой и въ концѣ предъидущей нашей статьи, мы должны обратить все наше вниманіе на тотъ журналъ, который былъ распространителемъ господствующихъ нынѣ литературныхъ понятій въ огромномъ большинствѣ публики, и на его достойныхъ предшественниковъ.

Читателямъ извѣстно, что эта заслуга принадлежитъ критикѣ, которая, образовавшись въ «Телескопѣ» и явившись совершенно самостоятельною въ Московскомъ Наблюдателѣ» второй редакціи (1838—1839), достигла полнаго своего развитія въ «Отечественныхъ Запискахъ», бывшихъ ея органомъ втеченіе семи лѣтъ (1840—1846 г.), и потомъ около года одушевляла нашъ журналъ. Итакъ, показавъ ея зародыши въ «Телескопѣ», предшественницами котораго были статьи Надоумко (покойнаго Н. П. Надеждина) въ «Вѣстникѣ Европы», вторую эпоху ея развитія въ «Московскомъ Наблюдателѣ», мы должны будемъ говорить преимущественно объ «Отечественныхъ Запискахъ». Читателямъ извѣстно, что отношенія между «Отечественными Записками» и нашимъ журналомъ были не всегда дружелюбны, или вѣрнѣе сказать, почти всегда недружелюбны; они также знаютъ, которому журналу принадлежала постоянно роль наступательная и которому оборонительная. Но читатели, конечно, должны ожидать, что въ томъ отдѣлѣ «Очерковъ», къ которому мы теперь приступаемъ, не найдутъ они ни малѣйшаго отголоска этихъ отношеній. Мы пишемъ исторію не журнальной полемики, а литературныхъ мнѣній; слѣдовательно совершенно неумѣстно обращать здѣсь вниманіе на то, что происходило отъ причинъ чисто внѣшнихъ и случайныхъ. Притомъ же, мы не имѣемъ не только охоты, но и хронологической возможности обращать здѣсь какое бы то ни было вниманіе на эту полемику, относящуюся къ позднѣйшему времени: мы ограничиваемся теперь, какъ сказали, блестящею эпохою «Отечественныхъ Записокъ», когда въ этомъ журналѣ дѣйствовали всѣ тѣ люди, которые отдѣлились отъ него при основаніи нашего журнала. Послѣ 1847 года русская критика вообще замѣтно ослабѣла: она уже не шла впереди общественнаго мнѣнія,—она была счастлива, если успѣвала быть хотя позднимъ и хотя слабымъ отголоскомъ его; иногда и это счастіе не доставалось ей на долю; она не имѣла вліянія, она сама подверглась вліянію: оттого вовсе не имѣетъ той важности для исторіи литературы, какъ предшествовавшая ей критика 1840—1847 годовъ, которая одна доселѣ сохранила свою жизненность. Вообще, въ критикѣ послѣднихъ лѣтъ только то и было здороваго, что сохранилось отъ прежней критики. Всѣ остальныя направленія были тунеядными, пустоцвѣтными растеніями. Потому одна критика 1840—1847 годовъ заслуживаетъ нашего вниманія, она одна достойна того, чтобы называться критикою гоголевскаго періода нашей литературы»: пусть же, за отсутствіемъ собственнаго имени, это названіе будетъ для нея собственнымъ именемъ.

Литературныя стремленія, одушевлявшія критику 1840—1847 годовъ, или, какъ мы согласились называть, критику гоголевскаго періода, кажутся намъ, какъ и всѣмъ здравомыслящимъ людямъ настоящаго времени, вполнѣ справедливыми; мы всѣ привязаны къ ней горячею любовью преданныхъ и благодарныхъ учениковъ. И если у каждаго изъ насъ есть предметы, столь близкіе и дорогіе сердцу, что, говоря о нихъ, онъ старается наложить на себя

холодность и спокойствіе, старается избѣжать выраженій, въ которыхъ бы слышалась его слишкомъ сильная любовь, напередъ увѣренный, что, при соблюденіи всей возможной для него холодности, рѣчь его будетъ очень горяча,— если, говоримъ мы, у каждаго изъ насъ есть такіе дорогіе сердцу предметы, то критика гоголевскаго періода занимаетъ между ними одно изъ первыхъ мѣстъ, наравнѣ съ самимъ Гоголемъ. Каждый любящій свою литературу и слѣдившій за ея развитіемъ признаетъ, что это мы относится и къ нему. Потому-то будемъ говорить о критикѣ гоголевскаго періода какъ можно холоднѣе: въ настоящемъ случаѣ, намъ не нужны и противны громкія фразы: есть такая степень уваженія и сочувствія, когда всякія похвалы отвергаются, какъ нѣчто не выражающее всей полноты чувства.

Много было достоинствъ у критики гоголевскаго періода; но всѣ они пріобрѣтали жизнь, смыслъ и силу отъ одной одушевлявшей ихъ страсти— отъ пламеннаго патріотизма. Какъ всѣ высокія слова, какъ любовь, добродѣтель, слава, истина, слово патріотизмъ иногда употребляется во зло непонимающими его людьми для обозначенія вещей, не имѣющихъ ничего общаго съ истиннымъ патріотизмомъ; потому, употребляя священное слово патріотизмъ, часто бываетъ необходимо опредѣлять, что именно мы хотимъ разумѣть подъ нимъ. Для насъ идеалъ патріота—Петръ Великій; высочайшій патріотизмъ— страстное, безпредѣльное желаніе блага родинѣ, одушевлявшее всю жизнь, направлявшее всю дѣятельность этого великаго человѣка. Понимая патріотизмъ въ этомъ единственномъ истинномъ смыслѣ, мы замѣчаемъ, что судьба Россіи въ отношеніи къ задушевнымъ чувствамъ, руководившимъ дѣятельностью людей, которыми наша родина можетъ гордиться, доселѣ отличалась отъ того, что представляетъ исторія многихъ другихъ странъ. Многіе изъ великихъ людей Германіи, Франціи, Англіи заслуживаютъ свою славу, стремясь къ цѣлямъ, не имѣющимъ прямой связи съ благомъ ихъ родины; напримѣръ (чтобы ограничиться сферою дѣятельности, доступной частнымъ людямъ), многіе изъ величайшихъ ученыхъ, поэтовъ, художниковъ имѣли въ виду служеніе чистой наукѣ или чистому искусству, а не какимъ нибудь исключительнымъ потребностямъ своей родины. Бэконъ, Декартъ, Галилей, Лейбницъ, Ньютонъ, нынѣ Гумбольтъ и Либихъ, Кювье и Фарадей трудились и трудятся, думая о пользахъ науки вообще, а не о томъ, что именно въ данное время нужно для блага извѣстной страны, бывшей ихъ родиною. Мы не знаемъ и не спрашиваемъ себя, любили ли они родину: такъ далеко ихъ слава отъ связи съ патріотическими заслугами. Они, какъ дѣятели умственнаго міра, космополиты. То же надобно сказать о многихъ великихъ поэтахъ западной Европы. Укажемъ въ примѣръ на величайшаго изъ нихъ—Шекспира. Неизмѣримо велики его заслуги для развитія чистаго искусства: по своему художественному совершенству и психологическому глубокомыслію, его произведенія имѣли огромное и благодѣтельное дѣйствіе на судьбу искусства и, чрезъ то, косвеннымъ образомъ, вообще на развитіе человѣчества,—и въ Англіи конечно, какъ въ Германіи, Франціи, Россіи. Но что хотѣлъ онъ сдѣлать спеціально для современной ему Англіи? Въ какомъ отношеніи былъ онъ къ вопросамъ ея тогдашней исторической жизни? Онъ, какъ поэтъ, не думалъ объ этомъ: онъ служилъ искусству, а не родинѣ: не патріотическія стремленія, а только художественно-

психологическіе вопросы были двинуты впередъ Макбетомъ и Лиромъ. Ромео и Отелло. Изъ другихъ великихъ поэтовъ о многихъ надобно сказать то же самое. Назовемъ Аріосто, Корнеля, Гете. О художественныхъ заслугахъ передъ искусствомъ, а не особенныхъ, преимущественныхъ стремленіяхъ дѣйствовать во благо родины, напоминаютъ ихъ имена. У насъ не то: историческое значеніе каждаго русскаго великаго человѣка измѣряется его заслугами родинѣ, его человѣческое достоинство—силою его патріотизма. Ломоносовъ, Державинъ. Карамзинъ, Пушкинъ справедливо считаются великими писателями,—но почему? «Потому что оказали великія услуги просвѣщенію или эстетическому воспитанію своего народа». Ломоносовъ страстно любилъ науку, но думалъ и заботился исключительно о томъ, что нужно было для блага его родины. Онъ хотѣлъ служить не чистой наукѣ, а только отечеству. Державинъ даже считалъ себя имѣющимъ право на уваженіе не столько за поэтическую дѣятельность, сколько за благія свои стремленія въ государственной службѣ. Да и въ своей поэзіи что цѣнилъ онъ? Служеніе на пользу общую. То же думалъ и Пушкинъ. Любопытно въ этомъ отношеніи сравнить, какъ они видоизмѣняютъ существенную мысль гораціевой оды «Памятникъ», выставляя свои права на безсмертіе. Горацій говоритъ: «я считаю себя достойнымъ славы за то, что хорошо писалъ стихи»; Державинъ замѣчаетъ это другимъ: «я считаю себя достойнымъ славы за то, что говорилъ правду и народу и царямъ»; Пушкинъ—«за то, что я благодѣтельно дѣйствовалъ на общество и защищалъ страдальцевъ»:

. . . . . .

Всякъ будетъ помнить то,
Что первый я дерзнулъ...
О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить...
И истину царямъ съ улыбкой говорить. (Д.)

. . . . . .

И долго буду я народу тѣмъ любезенъ.
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ
И милость къ падшимъ призывалъ. (П.)

Но ни въ комъ изъ нашихъ великихъ писателей не выражалось такъ живо и ясно сознаніе своего патріотическаго значенія, какъ въ Гоголѣ. Онъ прямо себя считалъ человѣкомъ, призваннымъ служить не искусству, а отечеству, онъ думалъ о себѣ:

«Я не поэтъ, я гражданинъ».

Невозможно, чтобы наши великіе поэты ошибались въ этой мысли о своемъ призваніи и дѣятельности, которая руководила всѣми ими. Невозможно, чтобъ все отечество ошибалось втеченіе слишкомъ ста лѣтъ, о каждомъ изъ своихъ замѣчательныхъ писателей, ученыхъ и поэтовъ одинаково говоря: «онъ великъ потому, что дѣятельность его была направлена къ общей пользѣ». Дѣйствительно, до сихъ поръ для русскаго человѣка единственная возможная заслуга передъ высокими идеями правды, искусства, науки—содѣйствіе распространенія ихъ въ его родинѣ. Со временемъ будутъ и у насъ, какъ у другихъ

народовъ, мыслители и художники, дѣйствующіе чисто только въ интересахъ науки или искусства; но, пока мы не станемъ по своему образованію наравнѣ съ наиболѣе успѣвшими націями, есть у каждаго изъ насъ другое дѣло, болѣе близкое къ сердцу—содѣйствіе, по мѣрѣ силъ, дальнѣйшему развитію того, что начато Петромъ Великимъ. Это дѣло до сихъ поръ требуетъ и, вѣроятно, еще долго будетъ требовать всѣхъ умственныхъ и нравственныхъ силъ, какими обладаютъ наиболѣе одаренные сыны нашей родины. Русскій, у кого есть здравый умъ и живое сердце, до сихъ поръ не могъ и не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ патріотомъ, въ смыслѣ Петра Великаго,—дѣятелемъ въ великой задачѣ просвѣщенія русской земли. Всѣ остальные интересы его дѣятельности—служеніе чистой наукѣ, если онъ ученый, чистому искусству, если онъ художникъ, даже идеѣ общечеловѣческой правды, если онъ юристъ—подчиняются у русскаго ученаго, художника, юриста великой идеѣ служенія на пользу своего отечества.

Въ этомъ смыслѣ, немного найдется въ нашей литературной исторіи явленій, вызванныхъ такимъ чистымъ патріотизмомъ, какъ критика гоголевскаго періода. Любовь къ благу родины была единственною страстью, которая руководила ею: каждый фактъ искусства цѣнила она по мѣрѣ того, какое значеніе онъ имѣетъ для русской жизни. Эта идея—пафосъ всей ея дѣятельности. Въ этомъ паѳосѣ и тайна ея собственнаго могущества.

Но если дѣятельность человѣка безплодна и ничтожна, когда не одушевлена высокою идеею, то идея получаетъ цѣнность въ дѣйствительности только тогда, когда въ человѣкѣ, посвящающемъ себя служенію высокой идеѣ, есть достаточныя силы для ея удовлетворительнаго осуществленія. Посмотримъ же, какими силами располагала критика гоголевскаго періода.

Человѣка, который былъ органомъ этой критики, невозможно не признать геніальнымъ. Мы не слишкомъ щедры въ употребленіи этого эпитета: геніальныхъ людей очень мало. Въ людяхъ съ самыми, повидимому, блестящими силами ума оказываются большею частью признаки нѣкоторой ограниченности, не въ томъ, такъ въ другомъ отношеніи. Исключеній очень мало, и въ новой русской литературѣ ихъ не болѣе двухъ: кромѣ указаннаго нами человѣка, Гоголь,—и только. Былъ можетъ, Кольцовъ былъ бы третьимъ въ этомъ ряду, если бы прожилъ долѣе или обстоятельства позволили его уму развиться ранѣе. Геніальный человѣкъ производитъ на насъ впечатлѣніе совершенно особеннаго рода, какого не производятъ самые умные, самые даровитые изъ другихъ людей: вы видите въ немъ такой умъ, которому ясны самые трудные вопросы, который даже не понимаетъ, что въ нихъ труднаго; когда онъ говоритъ, и для васъ становится ясно и просто все,—вы дивитесь не тому, что онъ разрѣшилъ вопросъ, а только тому, что вы сами не разрѣшили этого вопроса безъ всякаго труда: вѣдь стоило только взглянуть на дѣло простыми, вовсе не мудрыми глазами. Вѣдь камень летитъ къ землѣ,—ясно, что земля притягиваетъ его къ себѣ. Вѣдь поставить яйцо на остромъ концѣ—самая простая вещь, надъ которой и думать нечего. Вѣдь каждый глупецъ, кажется, могъ бы знать не хуже Наполеона, что рѣшеніе войны зависитъ отъ сосредоточенія всѣхъ силъ въ главномъ пунктѣ. Вѣдь каждый глупецъ могъ бы, кажется, догадаться, что жизнь есть рядъ перемѣнъ, что все въ мірѣ измѣняется и что

одна крайность влечетъ за собою другую; а въ открытіи этихъ истинъ заключается едва ли не главная тайна гегелевской философіи. Необычайная простота, необычайная ясность — удивительнѣйшее качество геніальнаго ума. Но дѣло въ томъ, что онъ берется за существенную сторону вопроса, отъ рѣшенія которой все зависитъ, а изъ всѣхъ вопросовъ опять берется за существеннѣйшій въ дѣлѣ, отъ рѣшенія котораго зависитъ пониманіе остальныхъ вопросовъ, потому-то и ясенъ для него каждый вопросъ, каждое дѣло. Удивительно, подумаешь, какъ и мнѣ и вамъ не случается каждый день дѣлать геніальныхъ открытій: вѣдь, кажется, будь каждый изъ насъ на мѣстѣ Колумба, Ньютона, или Наполеона, у каждаго достало бы ума догадаться о томъ, о чемъ они догадались и за что называютъ ихъ геніальными людьми? Просто, они были люди не безъ здраваго смысла.

И, если хотите, это такъ: геній—просто человѣкъ, который говоритъ и дѣйствуетъ такъ, какъ должно на его мѣстѣ говорить и дѣйствовать человѣку съ здравымъ смысломъ; геній—умъ, развившійся совершенно здоровымъ образомъ, какъ высочайшая красота—форма, развившаяся совершенно здоровымъ образомъ. Если хотите, красотѣ и генію не нужно удивляться; скорѣе надобно было бы дивиться только тому, что совершенная красота и геній такъ рѣдко встрѣчаются между людьми: вѣдь для этого человѣку нужно только развиться, какъ бы ему всегда слѣдовало развиваться. Непонятно и мудрено заблужденіе и тупоуміе, потому что они неестественны, а геній простъ и понятенъ, какъ истина: вѣдь естественно человѣку видѣть вещи въ ихъ истинномъ видѣ.

Такое впечатлѣніе совершенной простоты и ясности производитъ критика гоголевскаго періода. Она провела въ наше литературное сознаніе самыя простыя истины, нынѣ ясныя, какъ свѣтлый день, для каждаго здравомыслящаго человѣка, значеніе которыхъ очень велико. Итакъ, мы дошли до вопроса о системѣ литературныхъ воззрѣній въ критикѣ гоголевскаго періода и постараемся изложить, по возможности, ясно и точно этотъ предметъ, важнѣйшій въ исторіи нашей литературы: только Гоголь равняется своимъ значеніемъ для общества и литературы значенію автора статей о Пушкинѣ.

Фактъ, столь значительный, какъ критика гоголевскаго періода, не могъ возникнуть внезапно, въ одно прекрасное утро: такъ являются только литературные грибы; не могъ возрости изъ ничего: такъ надуваются собственною пустотою только литературные мыльные пузыри, которыхъ мы видывали довольно, и которые лопались въ глазахъ насмѣшливо улыбающейся публики, не смотря на всѣ крики своихъ записныхъ поклонниковъ, которые, впрочемъ, на другой же день забывали о ихъ эфемерномъ существованіи. Критика гоголевскаго періода росла долго, прежде нежели достигла своего полнаго развитія: предшественникомъ «Отечественныхъ Записокъ» былъ «Телескопъ», образователемъ автора статей о Пушкинѣ—покойный Надеждинъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей въ исторіи нашей литературы, человѣкъ замѣчательнаго ума и учености.

До послѣдняго времени, не было у насъ отдаваемо должной справедливости заслугамъ Надеждина въ наукѣ и литературѣ. Вина эта равно падаетъ и на журналы, по преимуществу называемые литературными, и на спеціалистовъ,

Спеціалисты слишкомъ мало обращали вниманія на его труды по различнымъ отраслямъ науки: отчасти, быть можетъ, потому, что они были разсѣяны въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, такъ что трудно было собрать и обозрѣть, какъ одно цѣлое, его статьи, напримѣръ, по русской исторіи или этнографіи, отчасти, потому, что онѣ въ свое время едва ли могли быть поняты и прошли мало замѣченными по тому самому, что были глубокомысленнѣе, нежели того требовалось двадцать лѣтъ назадъ. Только тѣ спеціалисты, которые лично знали Надеждина, всегда думали о немъ, какъ объ ученомъ, у котораго каждый изъ нихъ можетъ учиться, но только думали, а не писали. Въ журналахъ имя Надеждина упоминалось очень рѣдко, да и то развѣ вскользь, и всегда эти бѣглые отзывы были неблагопріятны ему: его считали какимъ-то зоиломъ, бранившимъ дивныя созданія нашей поэзіи, которыхъ не могъ онъ цѣнить по своему безвкусію. Въ прошедшемъ году нашъ журналъ заговорилъ о немъ иначе. Излагая исторію развитія понятій о значеніи Пушкина, мы объясняли основанія, по которымъ Надеждинъ, писавшій въ 1828—1831 годахъ подъ псевдонимомъ эксъ-студента Надоумко, произносилъ строгій приговоръ всей тогдашней нашей литературѣ. Это былъ едва ли не первый голосъ въ защиту энергическаго критика, многими забытаго, всѣми другими осуждаемаго. Тогда мы не нашли себѣ товарищей въ дѣлѣ возстановленія доброй славы этого имени. И когда, назадъ тому всего три мѣсяца, во второй статьѣ нашихъ «Очерковъ», мы упоминали о немъ, нашъ голосъ попрежнему оставался единственнымъ, возвышавшимся въ его защиту. Теперь нѣтъ нужды защищать его: смерть явилась печальной возстановительницей общаго уваженія къ нему въ нашей литературѣ: всѣ соединились въ похвалахъ умершему, котораго не чтили при жизни. Прекрасная статья г. Савельева, напечатанная въ № 5 «Русскаго Вѣстника», встрѣчена общимъ одобреніемъ и сочувствіемъ... Жаль только, что хвалы не проникаютъ въ могилы.

Теперь не нужно защищать Надеждина: но похвалы общими фразами недостаточны: надобно опредѣлить его значеніе въ русской литературѣ, показать мѣру заслугъ его наукѣ и изящной словесности. Если бы здѣсь должно было представить полную оцѣнку всей его ученой дѣятельности, мы отказались бы отъ такой задачи, превышающей силы наши. По многимъ и разнороднѣйшимъ отраслямъ науки, особенно касающимся Россіи, онъ былъ первымъ нашимъ спеціалистомъ: по многимъ другимъ, общимъ намъ съ западною Европою, равнялся съ лучшими нѣмецкими или французскими спеціалистами. Всѣ отрасли нравственно-историческихъ наукъ, отъ философіи до этнографіи, были такъ глубоко изучены имъ, какъ рѣдкому спеціалисту удается изучить одну свою частную науку. Этимъ страшнымъ запасомъ знанія располагалъ умъ необыкновенно сильный, свѣтлый и проницательный, и потому, о чемъ бы онъ ни писалъ, онъ проливалъ новый свѣтъ на предметъ, какой бы науки ни касался, двигалъ ее впередъ. А писалъ онъ обо всемъ, отъ богословія до русской исторіи и этнографіи, отъ философіи до археологіи. Такой многосторонней ученой дѣятельности не можетъ вполнѣ оцѣнить одинъ человѣкъ. Когда исполнится высказанное многими желаніе, чтобы издано было полное собраніе сочиненій Надеждина, почти каждый изъ нашихъ ученыхъ, чѣмъ бы ни занимался онъ, найдетъ, что многіе важные вопросы его спеціальной науки лучше,

нежели кѣмъ нибудь у насъ, объяснены Надеждинымъ, и будетъ изучать его труды: тогда одинъ ученый объяснитъ намъ важность его услугъ богословскимъ наукамъ въ Россіи; другой оцѣнитъ его важные труды по русской исторіи, третій—по археологіи, четвертый—по филологіи, и изъ десяти-двадцати частныхъ характеристикъ составится достойный памятникъ его заслугамъ наукѣ въ Россіи.

Мы должны показать значеніе только одной изъ различныхъ сторонъ его ученой дѣятельности, разсмотрѣть, какое вліяніе имѣлъ онъ, какъ критикъ, на развитіе у насъ здравыхъ литературныхъ понятій.

Едва ли кому изъ критиковъ удавалось начать свою литературную карьеру такимъ блестящимъ образомъ, какъ Надеждину. Первая его критическая статья, помѣщенная въ №№ 21-мъ и 22-мъ Вѣстника Европы» 1828 года, произвела чрезвычайно сильное впечатлѣніе на весь тогдашній литературный міръ. Это были знаменитыя «Литературныя опасенія за будущій годъ». Все въ ней было необычайно, все показалось странно и дико: и греческій эпиграфъ изъ Софокла, и подпись: «Экъ-студентъ Никодимъ Надоумко. Писано между студентства и поступленія на службу. Ноября 22, 1828. На патріаршихъ Прудахъ»,— и діалогическая форма: статья начинается довольно длиннымъ вступленіемъ въ повѣствовательномъ родѣ, разсказомъ, какъ экъ-студентъ Никодимъ Аристарховичъ Надоумко, въ своей одинокой каморкѣ, на Патріаршихъ Прудахъ, размышлялъ о наступающемъ новомъ годѣ, какъ влетѣлъ въ эту каморку его знакомецъ, записной поэтъ Тлѣнскій, осыпавъ его брызгами съ опушеннаго снѣгомъ воротника шубы, и какъ завязался между Тлѣнскимъ и экъ-студентомъ разговоръ о литературѣ. На вопросъ о здоровьѣ, хозяинъ шутливо отвѣчалъ: «Слава Эскулапу!»—Тлѣнскій не зналъ, кто такой Эскулапъ, и, узнавъ, что это «эпидаврскій грекъ», началъ упрекать экъ-студента, что онъ все бредитъ греками, перетряхаетъ старинную труху, не обращая вниманія «на новый міръ дивныхъ чудесъ нашей поэзіи», на что хозяинъ отвѣчаетъ, что эти чудеса ему кажутся просто «озорными чудищами», по выраженію Тредьяковскаго. Необычайна была и вся внѣшность статьи, наполненной латинскими фразами, латинскими, нѣмецкими и англійскими стихами, усѣянной упоминаніями объ извѣстныхъ и малоизвѣстныхъ историческихъ именахъ и фактахъ, проникнутой стремленіемъ къ невѣдомому тогда у насъ юмору. Но нелѣпѣе всего показалось самое направленіе статьи: въ ней доказывалось, что блестящая, повидимому, тогдашняя литература наша въ сущности представляетъ очень мало утѣшительнаго; что лучшіе наши тогдашніе поэты не выдерживаютъ критики, потому что таланты ихъ не развиты ни образованіемъ, ни жизнью, такъ что сами они не знаютъ, какъ, что, зачѣмъ и почему они пишутъ; доказывалось, что ихъ прославленныя поэмы состоятъ изъ безсвязныхъ, сшитыхъ бѣлыми нитками клочковъ; что ихъ содержаніе не прочувствовано, потому фальшиво и пусто; что поэты наши не понимаютъ Байрона, которому подражаютъ, уродуютъ заимствованные изъ него мысли и характеры, и т. д. Все это было высказано чрезвычайно рѣзко, съ безчисленными, самыми ясными и очень дерзкими намеками на поэмы Пушкина и критическіе панегирики имъ въ «Телеграфѣ» Полеваго.

Намъ, привыкшимъ видѣть въ печати самые рѣзкіе отзывы о наиболѣе уважаемыхъ нами писателяхъ, привыкшимъ хотя до нѣкоторой степени къ терпимости относительно мнѣній, несходныхъ съ нашими, трудно себѣ вообразить, какъ великъ былъ скандалъ, надѣланный этою статьею. Критики негодованія раздались противъ нея отвсюду; она была осыпана бранью, еще болѣе рѣзкою, нежели сама статья. Никодимъ Надоумко былъ не такой человѣкъ, котораго легко было запутать или переспорить: на выходки противъ его статьи отвѣчалъ онъ въ томъ же тонѣ и продолжалъ печатать въ «Вѣстникѣ Европы» одну статью за другою: въ первыхъ же книжкахъ 1829 года явились разборы поэмы Баратынскаго «Балъ» и Пушкина «Графъ Нулинъ» и статья «Сонмище Нигилистовъ» (Полевой, Пушкинъ и проч.), потомъ разборъ поэмы Подолинскаго «Борскій», «Полтавы» Пушкина, и рядъ этихъ частныхъ нападеній въ 1829 году завершился общею атакою въ статьѣ «Всѣмъ сестрамъ по серьгамъ». Въ 1830 году продолжалась битва статьями «О настоящемъ злоупотребленіи и искаженіи романтической поэзіи», о русской исторіи Полеваго, о поэмѣ Подолинскаго «Нищій», о VII-й главѣ «Евгенія Онѣгина» [1]). Всѣ онѣ (кромѣ послѣдней, писанной въ защиту Пушкина отъ нелѣпыхъ нападеній со стороны прежнихъ его льстецовъ), и по внѣшней формѣ, и по тону, и по духу, точно таковы же, какъ «Литературныя Опасенія»: Надеждинъ, опираясь на эстетическія начала, ищетъ, есть ли высшія художественныя достоинства въ разбираемыхъ имъ поэмахъ, и находитъ, что въ нихъ нѣтъ ни тѣни художественнаго единства, нѣтъ идеи, нѣтъ лицъ, которыя были бы ясно поняты самимъ авторомъ, нѣтъ выдержанныхъ характеровъ, наконецъ нѣтъ и дѣйствія,—все безсвязно, наполнено промахами противъ природы и условій искусства, все вяло, блѣдно, натянуто и холодно, не смотря на кажущійся блескъ и жаръ: этотъ блескъ и жаръ искусственный, поддѣльный и потому фальшивъ. Чтобы дать читателямъ понятіе объ этихъ замѣчательныхъ статьяхъ, отъ которыхъ, по выраженію Надоумко, сыры боры загорѣлись въ нашей литературѣ, приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ двухъ или трехъ.

Главныя мѣста изъ первой статьи Надоумко «Литературныя Опасенія» были уже приведены въ нашемъ журналѣ («Совр.» 1855 г., № VII, Критика). Смыслъ ихъ мы представили выше; потому перейдемъ къ слѣдующимъ разборамъ знаменитыхъ тогда поэмъ и, не желая безъ крайней необходимости касаться нападеній на Пушкина, уважаемаго нами не менѣе, нежели кѣмъ бы то ни было, взглянемъ на разборы поэмъ Баратынскаго «Балъ» и Подолинскаго «Борскій». Первый начинается такъ:

«Напрасно восклицаютъ ворчливые старики, что міръ старѣется. Они судятъ по себѣ и думаютъ, что когда сами подвигаются впередъ, то и все туда же за ними

[1]) Кромѣ полемическихъ, въ «Вѣстникѣ Европы» есть еще чисто ученыя статьи Надеждина «О Высокомъ» и «Платонъ». Мы называемъ только важнѣйшія и обширнѣйшія статьи изъ помѣщенныхъ Надеждинымъ въ «Вѣстникѣ Европы», не упоминая о многихъ другихъ, отчасти не отмѣченныхъ его подписью. Если бы кому нибудь вздумалось напечатать полный списокъ всего, что помѣщено было Надеждинымъ въ этомъ и другихъ журналахъ до 1831 года, когда начался «Телескопъ», мы могли бы сообщить нѣкоторыя соображенія относительно анонимныхъ статей Надеждина. Что касается статей, писанныхъ имъ для «Телескопа», сомнѣнія, остающіяся у насъ относительно многихъ рецензій, особенно въ первыхъ трехъ годахъ этого изданія, вѣроятно, могли бы быть разрѣшены положительными указаніями лицъ, бывшихъ тогда близкими къ этому журналу или его издателю; изъ нихъ назовемъ М. П. Погодина.

движется. Ничего не бывало! Міръ идетъ совершенно обратною дорогою: чѣмъ долѣе онъ живетъ, тѣмъ болѣе молодится. Оглянитесь хоть на минутку назадъ: что вы тамъ увидите? Сѣдую древность, коей старушечье чело изрыто глубокими браздами суроваго размышленія и строгой отчетливости. Это страшилище, коимъ можно только пугать настоящее цвѣтущее время дѣтской шаловливости! У насъ нынѣ живутъ, дѣйствуютъ, абонируются на славу и безсмертіе, не потѣя, по старинному, въ тяжелыхъ и безполезныхъ трудахъ [1]), а попросту, припѣваючи. Оттого и произведенія настоящаго времени отличаются не стародавнею грубостью, прочностью и полновѣсностью, а эѳирною легкостью и миніатюрностью. Посмотрите на настоящія явленія книжнаго міра: это не книги, а книжечки, или, лучше сказать, книжоночки, въ собственнѣйшемъ смыслѣ слова! Печать, чернила, бумага, обертка—заглядѣнье! Форматъ умѣстится въ самомъ маленькомъ дамскомъ работномъ ящичкѣ; толщина не утомитъ самыхъ нѣженькихъ, бѣленькихъ ручекъ; содержаніе—не затруднитъ ни одною мыслію самой вѣтренной и рѣзвой головки»!

Въ старину—продолжаетъ Надоумко—разборы начинались опредѣленіемъ, къ какому роду относится произведеніе. Это нынѣ было бы совершенно неумѣстнымъ педантизмомъ: наши геніи пустились въ погоню за славой, какъ рьяный конь въ баснѣ Крылова, закусивъ узду,

Не взвидя свѣта, ни дорогъ,

и смѣшно измѣрять циркулемъ бурный бѣгъ ихъ. «Произведенія подобныхъ геніевъ всегда бываютъ изъ ряду вонъ». Также смѣшно было бъ искать въ нихъ «идеи, которая составляла бы ихъ эстетическую душу: это значило бы искать порожняго мѣста. Сотни Пигмаліоновъ самыми жарчайшими лобзаніями не могли бы пробудить малѣйшей жизненной искорки въ этихъ разряженныхъ куколкахъ». Да и къ чему искать въ нашихъ поэмахъ идеи? «Статочное ли налагать на поэта тяжкую обязанность говорить *о чемъ нибудь?*» — у насъ говорятъ *ни о чемъ*. «У насъ главный законъ: пиши, пока пишется, не размышляя о томъ, что́ пишется. Чѣмъ менѣе холоднаго смысла, тѣмъ огненнѣе поэзія». Можно вообразить, каково продолженіе разбора, начинающагося подобнымъ образомъ. Язвительно восхищаясь въ поэмѣ всѣмъ, Надоумко обнаруживаетъ, что все въ ней фальшиво, натянуто и неправдоподобно: и сцѣпленіе событій, и характеры, и разговоры. Вотъ одинъ примѣръ: повѣсть состоитъ въ томъ, что княгиня Нина, женщина страстная до наглости, до совершеннаго презрѣнія къ мнѣнію свѣта, съ улыбкою мѣняющая своихъ любовниковъ, которую поэтъ изображаетъ такъ:

Въ ней жаръ упившейся вакханки,

любитъ Арсенія, который, «нося на челѣ»

Слѣды мучительныхъ страстей,
Слѣды печальныхъ размышленій,

[1]) Т. е. не трудясь надъ собственнымъ образованіемъ и не думая о томъ, что поэтъ долженъ глубоко изучать жизнь и людей.

любитъ, въ свою очередь, Олиньку, которая описывается имъ самимъ такъ:

..... Жеманная дѣвчонка,
Со сладкой глупостью въ глазахъ.

Нина адски ревнуетъ Арсенія и отравляетъ себя ядомъ, когда онъ женится на Олинькѣ. Кто не видитъ, какое широкое поле насмѣшкѣ дается этимъ сцѣпленіемъ неправдоподобныхъ событій и каррикатурныхъ снимковъ съ непонятыхъ героевъ и героинь Байрона?

Вотъ какъ разсказываетъ Надоумко содержаніе «Борскаго». Народныя сказки, созданныя простодушными нашими прадѣдами—говоритъ онъ—отличаются въ разсказѣ событій спокойствіемъ и обыкновенно кончаются поговоркою: «Стали жить да поживать, да добра наживать». Нынѣшнія такъ называемыя романтическія поэмы не таковы:

«Нѣтъ ни одной изъ нихъ, которая бы не гремѣла проклятіями, не корчилась судорожно, не заговаривалась во снѣ и наяву и кончилась бы не смертоубійствомъ. Душегубство есть любимая тема нынѣшней поэзіи, разъигрываемая въ безчисленныхъ варіаціяхъ: рѣзанья, стрѣлянья, утопленничества, давки, замороженья. Самый изобрѣтательнѣйшій инквизиторъ вѣка Филиппа II подивился бы неистощимому разнообразію убійствъ и самоубійствъ, измышляемыхъ настоящими геніями въ услажденіе и назиданіе наше. Сей поэтической кровожадности не чуждъ и «Борскій». Содержаніе его есть слѣдующее: Владиміръ Борскій любитъ Елену, происходящую изъ рода, враждебнаго и ненавистнаго Борскимъ. Отецъ владиміровъ не благословляетъ страсти сей, и несчастный три года скитается по Европѣ съ безнадежно болящей душой. Возвратясь домой, онъ не застаетъ въ живыхъ отца, но получаетъ изъ рукъ священника, присутствовавшаго при его кончинѣ, завѣщаніе, заключающее въ себѣ прощеніе Владиміру, если онъ не будетъ мыслить объ Еленѣ, и—проклятіе, если послѣдняя воля отца не будетъ для него священна. Владиміръ не можетъ противиться искушенію любви, распаленной увѣренностью въ ненарушимой елениной вѣрности. Онъ женится; но въ самый часъ вѣнчанія совѣсть пробуждается въ груди виновнаго. Онъ смущается, трепещетъ, съ мрачнымъ безчувствіемъ отвѣчаетъ на первое лобзаніе юной супруги, и—Елена съ перваго дня брака разочарована. Она преслѣдуетъ своими подозрѣніями Владиміра, и въ омраченномъ сердцѣ его на подозрѣнія откликаются подозрѣнія. Въ одну несчастную ночь, когда сонъ бѣжалъ отъ возмущеннаго ревностью Владиміра, Елена

..... вдругъ встаетъ,
Какъ призракъ въ сумракѣ проходитъ
И тихо стала у окна.
Все видитъ Борскій; онъ не сводитъ
Съ нея дозорливыхъ очей,
Онъ притаился, онъ чуть дышитъ,—
Вотъ слышитъ шопотъ—и яснѣй:
Потомъ Елены голосъ слышитъ:
«Мой другъ! постой! постой! побудь
«Со мной еще одно мгновенье!
«Позволь прижать уста и грудь
«Въ послѣдній разъ!.. Мое моленье
«Ты отвергаешь... ты молчишь!
«Жестокій! стой! куда бѣжишь?
«Я за тобой готова всюду;
«Какая бъ ни была страна,
«Тебя преслѣдовать я буду»!

Владиміръ, изступленный, бросается на свою жертву. По несчастію, мѣсяцъ освѣтилъ висящій надъ нимъ кинжалъ:

«Стой!» грянулъ голосъ.—«Стой! не далѣ!»
И вотъ сверкнуло лезвее,
И кровь Елены на кинжалѣ,
И рана въ сердце у нея!

Убійца вторгается въ хижину священника, прерываетъ его благочестивыя размышленія на мирномъ ложѣ и получаетъ отъ него изъясненіе ужаснѣйшей тайны:

..... Твоя жена
Невинна! знай: она была
Лунатикъ!

Всѣ, конечно, ахнутъ, всѣ воскликнутъ вмѣстѣ съ Борскимъ:

..... Лунатикъ!...

И мы должны будемъ, пожавъ плечами, повторить отвѣтъ священника:

..... Знаемъ,
Ударъ жестокій совершаемъ;
Но мы не лжемъ—свидѣтель Богъ!

Мудрено ли послѣ того, что Владиміра нашли подъ снѣгомъ, замерзшаго у могилы Елены?.. У кого не застынетъ и среди жаркаго лѣта кровь въ жилахъ при столь ужасной катастрофѣ? Зарѣзать добрую жену—ни за что, ни про что!..

Мы потому приводимъ содержаніе этихъ поэмъ, что нынѣ онѣ забыты: немногіе нынѣ перечитываютъ «Эду», «Балъ», «Наложницу», «Черноца», «Наталью Долгорукую», «Борскаго», «Нищаго». Авторъ статей о Пушкинѣ, лѣтъ уже двѣнадцать тому назадъ, утверждалъ, будто бы нѣтъ возможности безъ крайней необходимости перечитать даже «Руслана», «Кавказскаго Плѣнника» и проч. А, между тѣмъ, до сихъ поръ о Надоумкѣ говорили, какъ о скиѳѣ, какъ вандалѣ, безъ вкуса, безъ совѣсти, даже безъ таланта писать умно, и взваливали на него всѣ эти обвиненія за то, что не говорилъ съ благоговѣніемъ о художественныхъ красотахъ «Борскаго», «Нищаго», «Наложницы» и т. д., и т. д. Послѣ приведенныхъ нами выписокъ, большая часть изъ нашихъ читателей, вѣроятно, не будутъ сомнѣваться, что Надоумко зналъ, за что и почему онъ осуждаетъ эти поэмы, зналъ, на какія стороны поэтическаго произведенія надобно обращать вниманіе, чтобы рѣшить, выдерживаетъ ли оно эстетическую критику, понималъ, въ чемъ состоитъ художественная красота. На всякій случай, помѣщаемъ въ приложеніи существенныя мѣста изъ статей о «Борскомъ». Намъ пора хладнокровно судить о дѣлахъ, отъ которыхъ мы отдѣлены двадцатью-семью годами, и о столкновеніяхъ между людьми, мнѣнія которыхъ давно примирены, споры давно кончены. Величіе Пушкина не въ томъ, что онъ былъ равенъ Байрону или похожъ на этого мизантропа, страдающаго отъ любви къ людямъ; мы знаемъ теперь, что Байронъ былъ бы у насъ тогда невозможенъ и безполезенъ, потому что не былъ бы понятъ ни публикою, ни даже даровитѣйшими литераторами. У Пушкина есть другія качества, другія великія заслуги. И, кажется, давно пора намъ прекратить свое

негодованіе на Надеждина за то, что онъ замѣтилъ рѣшительное несходство между этими великими поэтами, въ самомъ дѣлѣ нимало не похожими другъ на друга. Пора намъ перестать негодовать на Надеждина и за то, что онъ разоблачилъ бѣдность нашей тогдашней литературы: во-первыхъ, теперь литература у насъ достигла бо́льшаго развитія, отчасти благодаря его справедливымъ указаніямъ на лживость того, чѣмъ такъ обольщались,—слѣдовательно, намъ нечего обижаться его словами, которыя теперь уже не прилагаются къ намъ вполнѣ, какъ прилагались тогда; во-вторыхъ, и это всего важнѣе, въ сущности высказывалъ онъ правду. Говоря просто и коротко, Надеждинъ сдѣлалъ относительно пушкинскаго періода нашей литературы то же, что́ критики романтическаго направленія, изъ которыхъ послѣднимъ и важнѣйшимъ былъ Полевой, сдѣлали относительно предъидущаго періода: подвергъ его строгой критикѣ и тѣмъ приготовилъ возможность дальнѣйшаго литературнаго развитія для нашей публики. То и другое дѣло были одинаково законны и необходимы: то и другое равно даютъ право на нашу признательность тѣмъ людямъ, силами которыхъ были они совершены. То и другое одинаково возбудило волны негодованія со стороны людей, которые не могли возвыситься до пониманія новыхъ идей.

Но зачѣмъ Надоумко говорилъ такимъ жесткимъ тономъ? Развѣ не могъ онъ высказать то же самое въ мягкихъ формахъ? Удивительное дѣло— наши литературныя да и всякія другія понятія. Вѣчно предлагаются вопросы: почему земледѣлецъ пашетъ поле грубымъ желѣзнымъ плугомъ или сошникомъ! Да чѣмъ же иначе можно вспахать плодородную, но тяжелую на подъемъ почву? Ужели можно не понимать, что безъ войны не рѣшается ни одинъ важный вопросъ, а война ведется огнемъ и мечемъ, а не дипломатическими фразами, которыя умѣстны только тогда, когда цѣль борьбы, веденной оружіемъ, достигнута? Беззаконно нападать только на безоружнаго и беззащитнаго, на старцевъ и калѣкъ; а поэты и литераторы, противъ которыхъ выступилъ Надеждинъ, были не таковы: они были люди сильные и умѣвшіе владѣть оружіемъ. За нападенія ему заплатили нападеніями, по крайней мѣрѣ, не менѣе жесткими.

Полемика, возбужденная статьями Надоумко, составляетъ едва ли не важнѣйшій эпизодъ этого рода въ исторіи всего пушкинскаго періода. Всѣ журналы, кромѣ «Атенея», не посѣщаемаго никѣмъ, почти всѣ альманахи единодушно ополчились противъ «Вѣстника Европы». Всѣ затронутые Надеждинымъ литераторы соединились противъ его статей. «Московскій Телеграфъ» и «Сѣверные Цвѣты» были главными дѣйствователями въ этой борьбѣ за собственную честь и жизнь. Пушкинъ и Полевой были предводителями нападающихъ. Оставляя безъ вниманія многихъ бойцовъ, не достойныхъ памяти, сосредоточимъ вниманіе на подвигахъ, совершенныхъ этими главными и ихъ сподвижниками.

Первымъ, какъ и слѣдовало ожидать, вышелъ на дерзкій вызовъ Полевой. На него Надоумко нападалъ съ перваго раза еще прямѣе и жесточе, нежели на Пушкина. Всѣ насмѣшки надъ тѣмъ, что у насъ не понимаютъ пустоты и бѣдности нашей литературы, напротивъ, называютъ нашихъ поэтовъ Байронами, относились прямо къ нему, главѣ тогдашней журналистики. Онъ

не замедлилъ отвѣтомъ: въ первомъ же нумерѣ «Телеграфа», вышедшемъ послѣ той книжки «Вѣстника Европы», гдѣ находилось начало первой статьи Надеждина («Литературныя Опасенія за будущій годъ»), онъ помѣстилъ очень хорошо и ѣдко написанную тираду, въ которой, впрочемъ, говорилось болѣе о редакторѣ «Вѣстника Европы», Каченовскомъ, нежели о статьѣ Надоумко или ея авторѣ. Надеждинъ отвѣчалъ на его возраженія также ѣдко. Онъ могъ отвѣчать, потому что сознавалъ свою силу. Но Каченовскій вздумалъ для своей защиты прибѣгнуть не къ обыкновенному литературному оружію, а къ странному и вовсе непохвальному средству и объявилъ объ этомъ въ примѣчаніи къ возраженіямъ Надоумки на статейку «Телеграфа». Разумѣется, дѣло кончилось къ его собственному стыду, рѣшительною неудачею. Тогда-то градомъ посыпались на него, и справедливо, насмѣшки и упреки со всѣхъ сторонъ. Полевой напечаталъ длинную статью «Литературныя Опасенія за кое-что», въ которой была подробно просмотрѣна вся его литературная и ученая дѣятельность, и доказано, что его произведенія, до той поры (1829) напечатанныя, ни числомъ своимъ, ни тѣмъ болѣе качествами, вовсе не оправдываютъ громкой извѣстности, которою онъ пользуется. Самъ Пушкинъ помѣстилъ въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» превосходно написанную статью, въ которой изложилъ приключеніе Каченовскаго въ самомъ смѣшномъ видѣ. Такъ какъ эта статья не вошла ни въ изданіе Пушкина, сдѣланное г. Анненковымъ, ни въ прежнее изданіе, то мы въ приложеніи II сообщаемъ ее читателямъ, окруживъ, для большей ясности, другими отрывками, касающимися этого случая. Эпиграммы, ѣдкія статьи и статейки сыпались на «Вѣстникъ Европы» со всѣхъ сторонъ, сначала преимущественно падая на редактора, но вскорѣ еще въ гораздо бо́льшемъ количествѣ и на автора статей, когда всѣ увидѣли, что Надоумко не просто прислужникъ Каченовскаго, а самостоятельное лицо, которому нельзя зажать ротъ, нападая на Каченовскаго. Всѣ знаменитѣйшія эпиграммы Пушкина написаны по этому случаю. Изъ нихъ большая часть еще направлены на Каченовскаго и вообще на его журналъ, прямо не касаясь эксъ-студента, потому что, когда другіе обратили на него главное вниманіе, Пушкинъ уже пересталъ писать эпиграммы по поводу статей Надоумки, увидѣвъ своего сильнѣйшаго защитника въ томъ, кого считалъ злѣйшимъ врагомъ.—По случаю статей Надоумки явилось и «Собраніе Насѣкомыхъ», въ которомъ стихъ:

Вотъ **** злой паукъ

надобно читать:

Вотъ Каченовскій, злой паукъ.

и «Литературное Извѣстіе» (въ самомъ заглавіи показано отношеніе къ «Литературнымъ Опасеніямъ»).

Въ Элизіи Василій Тредьяковскій
(Преострый мужъ, достойный много хвалъ)
Съ усердіемъ принялся за журналъ.
Въ сотрудники самъ вызвался Поповскій,
Свои статьи Елагинъ обѣщалъ;

Кургановъ самъ надъ критикой хлопочетъ:
Блеснуть умомъ «Письмовникъ» снова хочетъ,
И, говорятъ, на дняхъ они начнутъ,
Благословясь, сей преполезный трудъ,—
И только ждетъ Василій Тредьяковскій,
Чтобъ подоспѣлъ Михайло **** *(Каченовскій).*

Къ нему относится также эпиграмма, написанная по поводу того, что въ одной изъ статей «Русскаго Вѣстника» было упомянуто о предъидущихъ эпиграммахъ, какъ о «камешкахъ, которыми Пушкинъ бросаетъ въ людей, говорящихъ ему правду».

Какъ сатирой безъимянной
Ликъ Зоила я пятналъ,
Признаюсь, на вызовъ бранный
Возраженій я не ждалъ.
Справедливы ль эти слухи?
Отвѣчалъ онъ? Точно ль такъ?
Въ полученьи оплеухи
Расписался мой дуракъ?

Кромѣ того, еще одна приведена нами въ приложеніи II. Къ этимъ четыремъ, вошедшимъ въ «Полное Собраніе Сочиненій Пушкина», прибавимъ пятую, не вошедшую въ него и уже приведенную нами въ № VII «Современника» прошедшаго года:

Тамъ, гдѣ древній Кочерговскій
Подъ Ролленомъ опочилъ,
Дней новѣйшихъ Тредьяковскій
Колдовалъ и ворожилъ:
Дурень, къ солнцу ставъ спиною,
Подъ холодный «Вѣстникъ» свой
Прыскалъ мертвою водою,
Прыскалъ ужицу живой.

Читателю извѣстно, что Каченовскій вздумалъ попробовать, нельзя ли русскую орѳографію пріучить къ соблюденію въ греческихъ словахъ буквъ греческой орѳографіи, какъ соблюдается она въ западныхъ языкахъ: потому онъ писалъ въ «Вѣстникѣ Европы»: енѳусіасмъ, Еѵгеній, політіка и проч. Противъ самого Надоумки написана «Притча»:

Картину разъ высматривалъ сапожникъ и т. д.,

имѣющая въ рукописи, по замѣчанію г. Анненкова, эпиграфъ: «По всему видно, что онъ семинаристъ» (не приводимъ ея вполнѣ, потому что напечатана была она ужь много лѣтъ спустя послѣ того, какъ написана), и другая:

Мальчишка Фебу гимнъ поднесъ.
«Охота есть, да мало мозгу.
А сколько лѣтъ ему?» вопросъ.
— Пятьнадцать. «Только-то? Эй, розгу!»
За симъ принесъ семинаристъ
Тетрадь лакейскихъ диссертацій,

И Фебу вслухъ прочелъ Горацій,
Кусая губы, первый листъ.
Отяжелѣвъ, какъ отъ дурмана,
Сердито Фебъ его прервалъ
И тотчасъ взрослаго болвана
Поставить въ палки приказалъ.

Горацій, а не кто другой, читаетъ «лакейскія диссертаціи болвана-семинариста» не для одной риѳмы, а потому, что Надоумко очень часто цитовалъ Горація. А самая эпиграмма возникла изъ извѣстной эпиграммы Василья Львовича, дяди Пушкина:

Какой-то стихотворъ (довольно ихъ у насъ), и проч.

по тому случаю, что въ первой статьѣ Надоумки о «Полтавѣ» есть слѣдующее мѣсто: Флюгеровскій (романтикъ) говоритъ, что Пушкинъ—геній. Незнакомецъ-старикъ, въ словахъ котораго излагаются собственныя мысли автора, говоритъ, что признаетъ Пушкина геніемъ тогда, когда онъ создастъ что нибудь истинно великое, а теперь въ немъ видѣнъ только огромный талантъ. Надоумко спрашиваетъ его: неужели же ошибается «Сынъ Отечества»:

...Тамъ напечатано, помнится, такъ: «Сомнѣваюсь, чтобы между явными противниками Пушкина были такіе, которые бы не сознались, что онъ геній. Пушкинъ началъ писать въ такихъ лѣтахъ, когда невозможно дѣлать усилій, чтобъ быть стихотворцемъ». Что вы на это скажете?

Незнакомецъ. То, что сей наборъ словъ едва ли понятенъ самому тому, съ чьего пера онъ стекъ. Начать писать слишкомъ рано — еще не признакъ генія. Въ противномъ случаѣ, пятьнадцатилѣтній юноша, котораго исторію разсказалъ такъ забавно почтеннѣйшій дядюшка обсуживаемаго нами теперь поэта *(въ примѣчаніи прибавлено:* Незнакомецъ, вѣроятно, разумѣлъ прекрасную басню В. Л. Пушкина, въ коей Аполлонъ вершитъ судъ свой надъ однимъ пятьнадцатилѣтнимъ поэтомъ), былъ бы, по всѣмъ признакамъ — геній.

Это самая грубая изъ всѣхъ выходокъ Надоумки, относящихся къ Пушкину, и мы вовсе не хотимъ доказывать, что она деликатна. Мы хотимъ только дать читателю сравнить, въ чьихъ словахъ больше жесткости—въ словахъ ли критика, или въ словахъ поэта. Но другой такой выходки на Пушкина мы не найдемъ у Надоумки, и едва ли можно сказать, чтобы въ полемикѣ своей противъ Пушкина онъ, кромѣ этого случая, переступалъ границы, возлагаемыя—не говоримъ: тогдашними, но и нынѣшними понятіями о литературныхъ приличіяхъ.

Всѣ были душевно возмущены статьями Надоумки, какъ мы сказали, и даже «почтеннѣйшій дядюшка» Василій Львовичъ почелъ своею обязанностью написать, по случаю, о которомъ мы упоминали, стихотвореніе, въ оправданіе себя отъ возведеннаго на него соумышленничества съ Надоумкою и въ защиту обижаемаго племянника.

Посмотримъ теперь, какъ возставалъ противъ Надеждина другой, сильнѣйшій тогда послѣ Пушкина человѣкъ, Н. А. Полевой, журналъ котораго былъ единственнымъ, имѣвшимъ серьезное вліяніе на публику.

Въ приложеніи II у насъ вполнѣ приведены изъ статьи «Телеграфа» по поводу «Литературныхъ Опасеній» всѣ замѣчанія, прямо относящіяся къ Надоумкѣ. Онъ опровергъ ихъ совершенно, наговоривъ новыхъ колкостей и разоблачивъ нѣсколько промаховъ «Телеграфа». «Телеграфъ» обѣщалъ дать о «Литературныхъ Опасеніяхъ за будущій годъ» особенную подробную статью: но она не являлась. Только во второй, подробнѣйшей статьѣ «Телеграфа» противъ Каченовскаго, которой, въ насмѣшку надъ статьею Надоумки, дано было заглавіе «Литературныя Опасенія за кое-что» (то-есть за ученую славу редактора «Вѣстника Европы»), выведенъ былъ «Желтякъ» (житель желтаго дома, сумасшедшій), который усиливался защищать ученые труды Каченовскаго и говорилъ фразами Надоумки, но принужденъ былъ соглашаться, что Каченовскій—самый плохой ученый. Греческій эпиграфъ къ этой статьѣ былъ также насмѣшкою надъ Надоумкой. Но тѣмъ и ограничились опроверженія, которыми ему грозили. Долго послѣ того, несмотря на множество жестокихъ нападеній отъ него на Полеваго, полемикѣ противъ него не было посвящено и нѣсколькихъ строкъ съ ряду. Всѣ возраженія ему ограничивались тѣмъ, что довольно часто имя Надоумки презрительно упоминалось кстати, когда дѣло шло о какихъ нибудь бездарныхъ писакахъ или оскорбителяхъ, которые не достойны отвѣта. Чему приписать такую скромность? Во-первыхъ, скажемъ къ великой чести Н. А. Полеваго, тому, что онъ не любилъ полемики: онъ прибѣгалъ къ ней только въ рѣдкихъ случаяхъ и только по необходимости. Другою причиною было дѣйствительное презрѣніе къ такому безсильному врагу, какъ «Вѣстникъ Европы»: этотъ журналъ имѣлъ самую жалкую репутацію въ публикѣ и едва ли имѣлъ читателей на бѣломъ свѣтѣ. Мы сдѣлаемъ читателю вопросъ, можно ли предполагать еще третью причину того, что Полевой такъ долго не возражалъ Надеждину, когда увидимъ характеръ возраженій, сдѣланныхъ ему «Телеграфомъ» впослѣдствіи времени. Болѣе полугода прошло такимъ образомъ безъ отвѣта Надоумкѣ. Наконецъ явилось замѣчаніе о стихахъ, помѣщенныхъ Надеждинымъ въ «Русскомъ Зрителѣ» [1]) съ полной подписью его имени. Кто такой этотъ Н. И. Надеждинъ?—спрашивала рецензія. Никому не извѣстно, чтобы существовалъ такой писатель. Мы спрашивали о немъ—никто не могъ отвѣчать. «Одинъ литераторъ утверждалъ, что имя Н. И. Надеждинъ должно быть псевдонимическое, и стихи, вѣроятно, заимствованы изъ ненапечатанныхъ до нынѣ бумагъ покойнаго профессора элоквенціи В. К. Тредьяковскаго, а не сочинены въ наше время. Кто когда либо кромѣ Тредьяковскаго писалъ такіе стихи? Кто, особенно въ наше время, станетъ писать такіе стихи?» Потомъ опять встрѣчаются только бѣглыя упоминанія о жалкомъ зоилѣ Надоумкѣ. Еще черезъ полгода былъ помѣщенъ довольно большой разборъ отрывка изъ его готовившейся къ изданію диссертаціи о романтической поэзіи. Разборъ носилъ заглавіе «Литературные Пріиски» и объявлялъ, что всѣ основныя мысли диссертаціи похищены у Аста и Штуцмана, что было подтверждаемо обширною выпискою изъ послѣдняго философа.

[1]) Въ первые два или три года своей литературной дѣятельности Надеждинъ печаталъ довольно много стиховъ. Направленіе въ нихъ было шиллеровское: художественная сторона, дѣйствительно, слаба.

Наконецъ явилась самая диссертація (на латинскомъ языкѣ), и Н. А. Полевой написалъ ея разборъ, памятный въ исторіи нашей полемики по остроумію и чрезвычайной рѣзкости. Латинская диссертація Надеждина разбирается вмѣстѣ съ полуграмотною книжкою: «О трагедіи грековъ, французовъ и романтиковъ. Сочиненіе белебѣевскаго уѣзднаго землемѣра Виктора-Ѳомы Товарницкаго», и начинается благодарностью Товарницкому «за его шутку, весьма милую и острую»,—Полевой называетъ книжку Товарницкаго пародіею на сочиненіе Надеждина, котораго считаетъ защитникомъ классицизма; но, говоритъ Полевой, въ пародіи остроумнаго белебѣевскаго землемѣра упущена изъ виду отличительная черта русскихъ классиковъ: она состоитъ въ томъ, что «все прильнуло къ нимъ снаружи, что ихъ мнѣнія, будучи не слѣдствіемъ внутренняго убѣжденія, не собственной (хотя неправильно развитой) мысли, представляютъ нелѣпую смѣсь, разнородную, странную сложность противорѣчій, лишенную всякой формы и всякихъ приличій».

«Русскій классикъ долженъ, во-первыхъ, украсть что нибудь у нѣмцевъ, французовъ, англичанъ, переврать это и потомъ утверждать что нибудь самое нелѣпое, самое пошлое, передъ чѣмъ лагарповы, батіевы, бауръ-лорміановы сужденія казались бы солнцемъ свѣтозарнымъ; во-вторыхъ, онъ долженъ цитоваться, особенно латынью (если же можно, по гречески: это еще лучше), и засыпать свои доказательства фразами, нахватанными изъ Горація, Лукана, Буало, Блера и проч.; третье—и самое важнѣйшее—онъ долженъ громко вопіять о развратѣ, о погибели вкуса, долженъ искусно соединять съ этимъ мысль, что романтизмъ есть то же, что атеизмъ, шеллингизмъ, либерализмъ, терроризмъ, чадо безвѣрія и революціи: долженъ сильно вопить о славѣ Державина, Ломоносова, Хераскова, Поповскаго, Кострова, Петрова, Майкова. Къ этому надобно съ горестью прибавить, что нынѣ пишутъ разбойничьи поэмы, а не гремятъ торжественными одами. Тутъ должно исчислить наши побѣды, въ которыхъ, разумѣется, классикъ столько же участвовалъ душою и тѣломъ, сколько онъ понимаетъ, что говоритъ. Въ заключеніе, четвертое, надобно какъ можно надутѣе заговорить о славѣ Россіи вообще, о возвышеніи нашемъ надъ всѣми народами, о величіи предковъ, о просвѣщеніи Россіи при Ярославѣ и Мономахѣ, о Баянѣ, о Петрѣ Могилѣ, «Словѣ о Полку Игоревомъ», Сильвестрѣ Кулябкѣ, яко доводахъ нашей славы».

«Если бы г. уѣздный белебѣевскій землемѣръ написалъ свою пародію по этой программѣ (продолжаетъ Полевой), она еще ближе подходила бы къ нашимъ классическимъ диссертаціямъ. И пусть не думаютъ читатели, что на классиковъ взводится небывальщина: диссертація Надеждина—свѣжее доказательство, что разсужденія ихъ дѣйствительно таковы, какъ предписываетъ эта программа. Опровергать Надеждина не стоитъ: что смѣшно, то неопасно».

«Вотъ основаніе этой диссертаціи, годной въ кунсткамеру литературныхъ рѣдкостей: г. Надеждинъ начиталъ гдѣ-то, что донынѣ поэзія бывала первобытная, классическая и романтическая; начиталъ онъ еще, что классическая поэзія кончилась съ греками: узналъ въ добавокъ, что поэзія, начавшаяся въ новомъ мірѣ, среднихъ временъ, названа романтическою. Тутъ началъ г. Надеждинъ мыслить—и что же вымыслилъ? что и романтическая поэзія рѣшительно кончилась. Что же такое творенія Гете, Байроновъ, Муровъ, Пушкиныхъ? Положимъ, что вы правы: но чего же вы хотите? Признаемся, мы ничего не поняли. Кажется, что г. Надеждинъ хочетъ какого-то соединенія романтизма съ классицизмомъ: но какъ, для чего—пусть это разсказываютъ другіе. Видимъ, что мысль въ основаніи нелѣпа: но, за всѣмъ тѣмъ, лучше

сознаться, что мы худо ее понимаемъ. Гдѣ нѣтъ ни логическаго, ни грамматическаго смысла, тамъ не стыдно сознаться въ незнаніи. Одно только весьма ясно замѣтно у г. Надеждина: слѣды школьной ферулы, и подъ эту ферулу хочется ему подвести всѣхъ. Неудачный опытъ ея надъ г. Надеждинымъ едва ли можетъ быть доказательствомъ справедливости его словъ.

«Изученіе древности добывается *не безъ кроваваго пота*». Ясно, что кровавый потъ намекаетъ на ферулу и скамейку, вразумляющія бурсаковъ. Но кто еще сомнѣвается, пусть читаетъ далѣе:

«Сей флейтщикъ, пѣснями плѣняющій собранье,
«Учился и терпѣлъ *старѣйшихъ наказанье*.

Итакъ, прежде нежели приниматься за письмо, должно учиться, учиться, непремѣнно учиться». Очень рады и совѣтуемъ; только надобно доучиться, а иначе будемъ походить на какого нибудь недоумку, который, что слово скажетъ, то и видно, что онъ въ бурсѣ и не досѣченъ и не доученъ!»

Стоитъ ли такое разсужденіе опроверженій? продолжаетъ Полевой.—Нѣтъ! пародія г. Товарницкаго «померкаетъ передъ этимъ оригиналомъ», который вполнѣ осуществляетъ «представленный нами выше сего планъ для русской классической диссертаціи, ибо:

«1) Основныя мысли въ ней чужія, взятыя у Штуцмана и Аста (*ссылка на Литературные Прiиски, о которыхъ говорили мы выше*). 2) Сіи мысли не поняты г. Надеждинымъ, и выводъ изъ нихъ есть этому доказательство. 3) Ненужныхъ разноязычныхъ цитатъ въ диссертаціи конца нѣтъ. 4) Романтизмъ представляется нечадіемъ безбожія и революціи. 5) Говорено вкривь и вкось о всѣхъ европейцахъ, всѣ обруганы, и указано на Россію, на упадокъ патріотизма въ Россіи, на Баяна, Петрова, Кострова, Ломоносова, Румянцова. Этотъ приторный патріотизмъ есть вѣнецъ теоріи г. Надеждина. И такое созданіе осмѣлился онъ представить на судъ почтенныхъ профессоровъ Московскаго Университета! Изъ этого созданія помѣстили отрывки два почтенные профессора въ издаваемыхъ ими журналахъ!.. Стыдимся за почтенныхъ издателей «Вѣстника Европы» и «Атенея», и предоставляемъ диссертацію г. Надеждина ученикамъ латинскаго класса въ уѣздныхъ училищахъ».

Разборъ этотъ былъ написанъ съ большимъ умомъ, не только съ чрезвычайною ѣдкостью. Онъ убилъ диссертацію во мнѣніи публики. И, однако же, на какихъ основаніяхъ идеи Надеждина были объявлены нелѣпыми? Полевой самъ объяснилъ это: когда впослѣдствіи между «Телеграфомъ» и «Телескопомъ» велась жаркая полемика, Полевой напомнилъ публикѣ о «нелѣпой диссертаціи Надеждина слѣдующимъ объявленіемъ:

Въ книжной лавкѣ Амоса Курносова принимается подписка на новую книгу, подъ названіемъ: «Сорванная маска съ философа-самозванца, или Кузенъ передъ судомъ Аристарха Николаевича Надоумки, филологико-критико-историческо-ирритабильно-сатирическое изслѣдованіе, сочиненное Иваномъ Бѣлоомутовымъ, съ эпиграфомъ изъ повѣсти М. П. Погодина: «Гдѣ я? въ вертепѣ нищихъ, воровъ, площадныхъ мошенниковъ! И вотъ какія происшествія, другъ мой, не производятъ во мнѣ никакого болѣзненнаго ощущенія! Удивительное явленіе»! («Телескопъ» 1872 г., № 7, стр. 362). Въ семъ новомъ, достойномъ особеннаго вниманія твореніи г. Бѣлоомутова доказывается явно, что Кузенъ есть шарлатанъ и обманщикъ, что онъ обокралъ нѣмецкихъ философовъ, не понялъ ихъ, переврялъ и только гнуснымъ краснорѣчіемъ своимъ заставилъ Европу думать, будто и онъ не послѣдняя спица въ колесницѣ современнаго

мышленія. Ясно также доказывается и подтверждается тутъ, что каждый русскій «студентъ смыслитъ философію больше Кузена» [1]).

Итакъ, вотъ почему мысли Надеждина показались нелѣпы Полевому: онѣ были несогласны съ философіею Кузена; а основная ошибка Надеждина, какъ видимъ, состояла по мнѣнію Полеваго, въ томъ, что онъ предпочиталъ нѣмецкихъ философовъ Кузену, философію котораго осмѣливался признавать не заслуживающею вниманія.

Послѣ этого «Телеграфъ» чаще прежняго упоминаетъ о Надоумкѣ и Надеждинѣ, но по прежнему всегда только въ нѣсколькихъ словахъ. Когда Надеждинъ сталъ издавать «Телескопъ», Полевой мало по малу вовлеченъ былъ въ болѣе обширную полемику съ нимъ и иногда по нѣсколько мѣсяцевъ не выпускалъ ни одной книжки «Телеграфа» безъ статей и статеекъ противъ Надеждина. Надобно признаться, что онъ былъ вынуждаемъ къ тому безпрестанными нападеніями. Но, между тѣмъ, какъ нападенія «Телескопа» очень часто касались предметовъ серьезныхъ, изобличали важные промахи въ «Телеграфѣ», чѣмъ отвѣчалъ на это «Телеграфъ»? Онъ нападалъ на слогъ, на непонятность различныхъ философскихъ терминовъ. Однажды, когда въ «Телескопѣ» была напечатана статья Гульянова, переведенная съ французскаго, съ приложеніемъ къ русскому переводу и французскаго текста, «Телеграфъ» началъ доказывать, что въ переводѣ есть грубыя ошибки, что, слѣдовательно, Надеждинъ не знаетъ по французски. Улики въ незнаніи были такого рода: вмѣсто «овальныя рамки соприкасаются» надобно было перевести «продолговатые ободочки соединяются между собою», и т. п. Но и въ этомъ потерпѣлъ «Телеграфъ» неудачу: оказалось, что русскій переводъ статьи Гульянова былъ сдѣланъ самимъ же Гульяновымъ. Потомъ, когда Надеждинъ, въ 1832 году, сталъ печатать обертку своего журнала безъ знаковъ препинанія въ строкахъ крупнаго шрифта (какъ это и вошло теперь въ обычай), «Телеграфъ» сталъ смѣяться надъ «1832-рымъ Телескопомъ», доказывая, что «Телескопъ» не знаетъ правилъ объ употребленіи точки: видите ли, грамматика требуетъ, чтобы было напечатано такъ:

1832.
ТЕЛЕСКОПЪ.

а не просто (безъ точки):

1832
ТЕЛЕСКОПЪ

Когда «Телескопъ» шутливо отвѣчалъ на это, что несчастная точка въ заглавіи есть пунктъ, на которомъ запнулся «Телеграфъ», журналъ Полеваго,

[1]) Бѣлоомутовъ—потому, что подъ нѣкоторыми статьями Надоумки выставлено, для обозначенія мѣста, откуда онѣ присланы. «Бѣлый Омутъ» (имя села, въ которомъ родился Надеждинъ). Эпиграфъ взятъ изъ повѣсти г. Погодина, вѣроятно, потому, что однимъ изъ первыхъ поводовъ къ полемикѣ была статья г. Погодина «о Московской Выставкѣ». Филологико-критико и т. д.—пародія многосложнаго заглавія диссертаціи Надеждина: Dissertatio historico-critico-elenctica (историко-критико-полемическая); но дѣло въ томъ, что, по обычаю новыхъ латинистовъ, подобная многосложность требуется для изящности латинскаго слога. Не нужно прибавлять, что «обокралъ, перевралъ» и проч.—буквальное повтореніе выраженій, употребленныхъ Полевымъ въ разборѣ диссертаціи Надеждина.

не понимая, что противникъ въ этомъ случаѣ играетъ словами, серьёзно началъ доказывать, что «Телескопъ» не знаетъ, что «точка» и «пунктъ»—одно и то же слово, и не понимаетъ смысла слова «пунктъ». Въ третій разъ, по случаю того, что Надеждинъ, въ насмѣшку надъ романами одного тогдашняго писателя, сталъ иронически увѣрять, что произведенія Александра Анфимовича Орлова лучше этихъ романовъ, и Пушкинъ, вздумавъ продолжить эту шутку, напечаталъ въ «Телескопѣ» свои знаменитыя статейки, подписанныя псевдонимомъ Ѳеофилакта Косичкина, «Телеграфъ» серьезно началъ увѣрять, что Надеждинъ хвалитъ А. А. Орлова, и доказывать тѣмъ безвкусіе Надеждина. Не будемъ продолжать этого исчисленія: намъ ни мало не пріятно говорить о неудачахъ «Телеграфа», которому такъ много обязана русская литература. Мы не стали бы приводить и этихъ примѣровъ, если бы увѣрены были, что безъ всякихъ доказательствъ читатели повѣрятъ основательности нашего мнѣнія. Оно состоитъ въ томъ, что Н. А. Полевой могъ играть только жалкую роль въ спорахъ съ своимъ противникомъ. Впрочемъ, ошибся бы тотъ, кто вздумалъ бы выводить изъ этого слѣдствія, неблагопріятныя именно для Н. А. Полеваго: не онъ одинъ, а рѣшительно никто въ тогдашней нашей литературѣ не могъ быть достойнымъ противникомъ Надеждину. Въ этомъ согласится каждый, кто знаетъ нашу тогдашнюю литературу. Мы избавляемъ читателя отъ подробнѣйшихъ доказательствъ, предполагая, что они нужны развѣ для немногихъ. Мы боимся, что утомили читателя выписками, да и статья наша приняла уже объемъ болѣе обширный, нежели мы того хотѣли бы.

Мы останавливались такъ долго на полемикѣ, возбужденной статьями Надоумки, и сдѣланномъ Полевымъ разборѣ диссертаціи Надеждина потому, что эти факты имѣли рѣшительное вліяніе на мнѣніе огромнаго большинства публики и литераторовъ о Надеждинѣ, какъ критикѣ. Тогда всѣ ахнули и возопили: «зоилъ, педантъ, шарлатанъ! и до послѣдняго времени, не вникая въ сущность дѣла, повторяли: Надеждинъ былъ хулителемъ Пушкина—о, варваръ безъ вкуса и стыда! Надеждинъ выдавалъ мысли, взятыя изъ Аста и Штудмана, за свои собственныя—о, шарлатанъ! Надеждинъ говорилъ школьною латынью, пшиговалъ свои статьи греческими цитатами—о, педантъ!».

На самомъ дѣлѣ такъ много горячиться намъ не изъ чего. Если Надеждинъ былъ чѣмъ неправъ, то развѣ тѣмъ, что съ жаромъ увлеченія заговорилъ о предметахъ, которые не стоили того, чтобы серьезно ими заниматься. Онъ и самъ очень хорошо понималъ это: оттого у него часто среди горькихъ или пламенныхъ тирадъ вырывается невольная улыбка.—вдругъ онъ вспомнитъ: да надъ чѣмъ я хлопочу? да стоитъ ли горячиться? Да не смѣшонъ ли я, говоря съ любовью и гнѣвомъ?» —и все-таки онъ не могъ удержаться: привязанность къ своему родному брала верхъ надъ иногомъ разсудка: «не стоитъ объ этомъ говорить!»—и онъ опять бился съ жаромъ, достойнымъ болѣе крупнаго предмета страсти, нежели наша тогдашняя литература. Простимъ ему увлеченіе: вѣдь онъ тогда былъ молодъ: притомъ же, и всѣ другіе, увлекавшіеся потомъ подобно ему, ошибались подобно ему: игра не стоила свѣчъ. Ну, что они выиграли? То, что мы съ вами, читатель, вспоминаемъ о нихъ съ признательностью? Да стоило ли убиваться для пріобрѣтенія признательности той маленькой горсти людей, которая составляетъ у насъ такъ-

называемую публику? Ну, какую пользу принесли они? Ту, что мы отъ нихъ научились чему нибудь доброму? Да многому ли мы научились? Многому, очень многому, нечего сказать! Стоило портить свою грудь, пренебрегать другими, лучшими карьерами, для того, чтобы образовать умъ и сердце пяти съ половиной человѣкъ, которые, къ довершенію счастія, забыли почти все, о чемъ толковали имъ съ такою горячностью! Нѣтъ, здравый разсудокъ говоритъ, что лучше было бы покачать головой и не поднимать гласа вопіющаго въ пустынѣ.

Однакожъ, такъ какъ они уже сдѣлали ту ошибку, что любили насъ съ вами, читатель, и хотѣли намъ добра, то постараемся же припомнить хотя часть того, чему они желали научить насъ. Теперь рѣчь зашла у насъ о Надеждинѣ: посмотримъ же, чего хотѣлъ онъ, какъ критикъ.

Въ то время, какъ онъ готовился выступить на литературное поприще, литература наша страдала чрезвычайною поверхностностью. Литератору нѣтъ необходимости быть особенно ученымъ: но онъ не долженъ быть человѣкомъ легкомысленнымъ и поверхностнымъ. А тогда почти всѣ лучшіе люди были таковы. Самъ П. А. Полевой, серьезнѣйшій изъ нихъ, такъ пылко желалъ осуществленія того, чего желалъ для русской литературы, что воображаемое принималъ уже за осуществленное и раздѣлялъ общее упоеніе нашими дивными подвигами въ области литературы. Къ чему вело это самообольщеніе? ровно ни къ чему хорошему. Никто не понималъ того, чѣмъ онъ восхищался: никто не понималъ, что радоваться, собственно говоря, было еще нечему. А всѣ радовались и восхищались. Сами не могли въ прозѣ написать ни о чемъ порядочной статейки, въ двадцать страничекъ, не говоримъ: книги,—въ поэзіи имѣли только нѣсколько лирическихъ пьесъ истинно прекрасныхъ, а больше ничего выдерживающаго критику,—не имѣли ни одной сносной прозаической повѣсти, не говоримъ ужъ: романа,—ни одной поэмы въ стихахъ, которая была бы прочувствована, а не пропѣта съ чужого голоса.—а ужъ воображали, что постигли всю мудрость земную, что имѣютъ довольно хорошую литературу: то были невинныя,

Златыя игры первыхъ дней!

Юныя мечты, сладкія мечты, какъ наивно прекрасны вы были!

Есть законная пора самообольщеній. Но всякое самообольщеніе должно имѣть свой срокъ, или оно станетъ вреднымъ. Срокъ этотъ приближался. Новое поколѣніе подростало, съ новыми требованіями, съ болѣе глубокими стремленіями. Веневитиновъ былъ раннимъ провозвѣстникомъ этого поколѣнія: но онъ умеръ, едва сказавъ первое свое слово, еще ничего не успѣвъ совершить...

Все продолжалось, повидимому, прежнимъ порядкомъ. И онять явился человѣкъ, все еще нѣсколькими годами опередивъ поколѣніе, которое должно было понять его. Онъ не погибъ такъ рано, какъ Веневитиновъ, не успѣвъ подать руку новому поколѣнію; но когда онъ явился, никто еще не могъ ему сочувствовать, и долго онъ былъ предметомъ общаго изумленія. И самъ онъ не могъ еще указать ни на кого, кто былъ бы человѣкомъ, какихъ

желалъ онъ. Все, что видѣлъ онъ вокругъ себя, было достойно только разрушенія и отрицанія. И онъ явился какимъ-то злымъ духомъ отрицанія и разрушенія. Таково было положеніе Надоумки въ нашей литературѣ.

Онъ одинъ тогда понималъ вещи въ ихъ истинномъ видѣ. Его не понялъ никто: и потому, что онъ высказывалъ истину очень горькую для тѣхъ, кому говорилъ ее, и потому, что высказывалъ ее горько, и, болѣе всего, потому, что основанія, на которыхъ опирались его приговоры, были незнакомы никому. Нѣмецкая философія, питомцемъ которой онъ былъ, неизвѣстна была никому. Всѣ видѣли только, что онъ противорѣчитъ французскимъ книжкамъ, изъ которыхъ была почерпнута вся наша тогдашняя мудрость — и его объявили безумцемъ. Чего онъ хочетъ, не понималъ никто, потому что у насъ не было ничего подобнаго тому, чего хотѣлъ онъ,—и всѣмъ показалось, что онъ только хочетъ бранить и унижать нашу литературу.

И, однако же, чѣмъ онъ былъ недоволенъ въ литературѣ? Тѣми поэмами, надъ сочиненіемъ которыхъ тратились всѣ наши силы, восхищеніе которыми отнимало всякую мысль о возможности чего нибудь лучшаго. Нынѣ кто не называетъ этихъ поэмъ дѣтскими произведеніями? Онъ возставалъ противъ Пушкина; но извѣстны ли были тогда созданія Пушкина, передъ которыми мы теперь преклоняемся? «Бориса Годунова», «Каменнаго Гостя», «Мѣднаго Всадника», повѣстей въ прозѣ,—ничего этого еще не было. Были только поэмы въ байроновскомъ родѣ, надъ которыми потомъ смѣялся самъ Пушкинъ,—поэмы не прочувствованныя, странныя подражанія байроновской формѣ безъ всякаго пониманія байроновскаго духа. И развѣ потому возставалъ онъ противъ этихъ поэмъ, что хотѣлъ унизить талантъ Пушкина? Напротивъ, никто такъ рѣзко не замѣчалъ безграничной разницы между Пушкинымъ и другими тогдашними знаменитостями; а вѣдь тогда никто, кромѣ его, не замѣчалъ этой разницы. И развѣ онъ унижалъ въ поэмахъ Пушкина то, что въ нихъ есть хорошаго? Напротивъ, онъ безусловно хвалилъ въ нихъ отдѣльныя картины природы и граціозныя сцены изъ современнаго быта, — единственное, что мы теперь находимъ въ нихъ прекраснымъ. Онъ такъ хорошо понималъ это, что «Графа Нулина» ставилъ выше «Бахчисарайскаго Фонтана». Но онъ все-таки осуждалъ Пушкина? Однако, за что же? за то, что предполагалъ, будто Пушкинъ удовлетворяется своими прежними произведеніями и не думаетъ о томъ, что еще не создалъ произведеній, вполнѣ достойныхъ своего великаго таланта. Вѣдь это недовольство, котораго источникъ—очень высокое мнѣніе о талантѣ Пушкина. А когда Пушкинъ издалъ «Бориса Годунова», онъ одинъ оцѣнилъ это произведеніе, въ послѣдней статьѣ, подписанной именемъ Надоумки. И, наконецъ, развѣ онъ возставалъ именно противъ Пушкина? Онъ доказывалъ только, что вся наша тогдашняя литература вовсе не такъ богата, какъ тогда всѣ были увѣрены. И если мы вникнемъ въ сущность его статей, мы увидимъ, что если никто не судилъ о нашей литературѣ такъ строго, какъ онъ, то и никто не превозносилъ такъ Пушкина, какъ онъ. Онъ первый высказалъ о характерѣ и силахъ его таланта тѣ понятія, которыя господствуютъ до сихъ поръ. Кажется, этого довольно, чтобы не считать его зоиломъ.

Статьи Надоумки были печальны—онъ ли виноватъ въ томъ? Но онѣ содѣйствовали приготовленію лучшей будущности. Развѣ онъ отчаявался въ лучшей будущности, развѣ не призывалъ ея? Прочтите хотя окончаніе его мрачной, жолчной статьи: «Сонмище Нигилистовъ». На Васильевъ вечеръ, наканунѣ того дня, когда солнце поворачиваетъ на лѣто, въ тотъ вечеръ, когда на Руси гадаютъ о будущемъ, выходитъ Надоумко изъ безпорядочнаго сонмища, гдѣ всѣ кричатъ, подъ хлопанье пробокъ, о талантахъ другъ друга, всѣ упоены чадомъ взаимныхъ похвалъ своимъ дивнымъ произведеніямъ, всѣ толкуютъ о пустякахъ, всѣ кричатъ о томъ, чего не понимаютъ: онъ идетъ домой, грустно думая объ общемъ ничтожествѣ всей этой превозносимой литературы. Нѣтъ ей выхода изъ безсильнаго и шумнаго хаоса... «Какъ нѣтъ? вдругъ спрашиваетъ онъ себя: ужели, въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ»?

«Неужели для бѣдной нашей литературы не будетъ возврата съ зимы на лѣто? неужели ей вѣчно мыкаться въ мрачной преисподней губительнаго нигилизма?—Нѣтъ, подумалъ я: нѣтъ, это невозможно:

..... Какъ бы ночь
Ни длилася и неба ни темнила,
А все разсвѣта намъ не миновать!

Будетъ время, когда слово, наилучшее произведеніе наилучшаго созданія Божія, проливаться будетъ отъ избытка сердца чистаго, раствореннаго святою любовью ко всему доброму, истинному и прекрасному!

Еще лежитъ на небѣ тѣнь,
Еще далеко свѣтлый день!
Но живъ Господь! Онъ знаетъ срокъ!
Онъ вышлетъ утро на востокъ!

«Это будетъ, это будетъ, непремѣнно»!—повторялъ я самъ въ себѣ, взбираясь домои по высокой лѣстницѣ.—«Но—прибавилъ я съ горестнымъ вздохомъ, отворяя двери передней—

..... Но когда жъ тому случиться»?

Тутъ раздались изъ сосѣдней комнаты звонкіе голоса дѣвушекъ, пѣвшихъ подолюдныя пѣсни:

Кому вынется, тому сбудется,
Тому сбудется, не минуется!

Дай Богъ, чтобы сбылось поскорѣе! вскричалъ я, довершая остальное путешествіе до своей коморки.—Между тѣмъ, дремать нечего! Можетъ быть, если я разъ-другой подамъ голосъ,—

И пѣтухи начнутъ мнѣ откликаться,
И воздухъ утренній начнетъ въ лицо мнѣ дуть»!

Безпристрастный читатель, вѣроятно, согласится съ нами, что Надоумку нельзя считать зоиломъ, бросавшимъ грязью въ знаменитыхъ людей, изъ одного тщеславнаго желанія надѣлать шуму. Остается сказать нѣсколько словъ о его диссертаціи.

Къ сожалѣнію, она у насъ очень мало извѣстна, потому что написана на латинскомъ языкѣ. Его называли за то педантомъ; но латинской диссертаціи требовали правила докторскаго экзамена,—слѣдовательно, Надеждинъ не

виноватъ въ томъ, что написалъ свое разсужденіе не по русски. Зная, что латынь не найдетъ у насъ много читателей, онъ перевелъ любопытнѣйшіе отрывки своего изслѣдованія на русскій языкъ и помѣстилъ въ журналахъ: чего же требовать больше? Только эти отрывки и были прочитаны людьми, которые такъ рѣшительно судили о его диссертаціи. Это бѣда была, впрочемъ, не главная: хуже всего было то, что ни Н. А. Полевой, ни другіе противники Надеждина не знали и не могли понять нѣмецкой философіи. А если бы знали, не пришло бы имъ въ голову говорить, что онъ выдалъ чужія мысли за свои и исказилъ ихъ. Основная идея у Надеждина, конечно, та же, что и во всей нѣмецкой философіи, отъ Фихте до нашего времени. И то правда, что ближайшимъ образомъ онъ былъ послѣдователемъ Шеллинга. Но дѣло въ томъ, что онъ пошелъ далѣе Шеллинга и приблизился, силою самостоятельнаго мышленія, къ Гегелю, котораго, какъ по всему видно, не изучалъ. Развивать эту мысль было бы здѣсь неумѣстно. Но кто сличитъ диссертацію Надеждина съ «Эстетикою» Гегеля (изданною черезъ пять лѣтъ послѣ диссертаціи Надеждина), тотъ увидитъ, какъ близко къ нему подошелъ Надеждинъ. Это фактъ. Узнавъ его, нечего говорить объ Астахъ и Штуцманахъ [1]). Надеждинъ, тогда двадцати-пятилѣтній юноша, стоялъ уже выше этихъ людей, не очень значительныхъ въ исторіи философіи. Это былъ умъ глубокій — вотъ все, что́ мы можемъ сказать по его первому философскому сочиненію, оставшемуся единственнымъ. И Полевой, думая сказать насмѣшку, сказалъ чистую правду: этотъ «русскій студентъ смыслилъ въ философіи больше Кузена», и не только Кузена, а многихъ мыслителей, которые и въ Германіи успѣли пріобрѣсть себѣ извѣстность, какъ самостоятельные ученики того или другаго великаго философа.

И вотъ этотъ человѣкъ, не только хорошо знакомый съ нѣмецкою эстетикою, но имѣвшій силу двигать эту науку впередъ, занялся критикою: могъ ли онъ не произвесть рѣшительно новой эпохи въ нашей критикѣ, которая до него знала только поверхностные французскіе пріемы? И дѣйствительно, онъ заговорилъ о такихъ вещахъ, о которыхъ до него и не слыхивали: объ идеѣ, какъ душѣ художественнаго созданія, о художественности, какъ сообразности формы съ идеею, и т. д., и т. д. Мудрость неслыханная тогдашними нашими писателями и непостижимая для нихъ. О, наивныя времена, когда все это было новостью! Всѣ слушали, соображали, изумлялись, оскорблялись, махнули наконецъ рукою и рѣшили, что все это нелѣпость, порожденная педантизмомъ. Это было истинное «Горе отъ Ума».

Статьями Надоумки была рѣшена судьба Надеждина въ литературномъ мірѣ. Онъ возсталъ противъ всей литературы,—вся литература возстала противъ него. Онъ явился слишкомъ рано и оставался одинокъ, пока не выступило на сцену новое поколѣніе, предшественникомъ котораго былъ онъ. Когда

[1]) Впрочемъ, Астъ и Штуцманъ сдѣланы въ «Телеграфѣ» учителями Надеждина явно по незнанію. Это очевидно каждому имѣющему понятіе объ исторіи новой философіи. Доказывать это и не стоитъ. Отъ уликъ въ похищеніяхъ Надеждина изъ Аста Полевой самъ скоро отказался; а книги Штуцмана Надеждинъ и не видывалъ, потому что не считалъ его заслуживающимъ вниманія, въ чемъ и не ошибался.

онъ сталъ издавать «Телескопъ», публика знала его только по презрительнымъ отзывамъ «Телеграфа», «Сына Отечества», «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» и всѣхъ остальныхъ журналовъ, газетъ и альманаховъ. Очень естественно, что «Телескопъ», лишенный всякой помощи со стороны литераторовъ, имѣлъ только ограниченный успѣхъ. Критика его, продолжавшая развивать идеи, выраженныя Надеждинымъ прежде, долгое время не могла достичь до публики. Но вотъ начало выступать на сцену молодое поколѣніе: Надеждинъ въ немъ нашелъ себѣ помощниковъ. «Телескопу» предстояла, по всей вѣроятности, блистательная будущность. Но онъ пересталъ существовать.

Едва ли теперь надобно объяснять, почему критика Надеждина не имѣла, въ свое время, особеннаго вліянія на публику. Она явилась слишкомъ рано. Публика еще не была настолько развита, чтобы сочувствовать ей. И, притомъ, «Вѣстникъ Европы», въ которомъ Надеждинъ помѣстилъ значительныхъ статей гораздо болѣе, нежели потомъ въ собственномъ журналѣ, былъ почти совершенно неизвѣстенъ публикѣ. Онъ и заслуживалъ этой судьбы, потому что былъ очень плохъ. А если кому и попадалась въ руки книжка этого журнала, едва ли изъ десяти читателей одинъ могъ безъ смѣха читать ея страницы, изукрашенныя, по замысловатой орѳографіи Каченовскаго, опятами и нижицами. Мы упоминали объ эпиграммѣ, написанной на Каченовскаго Баратынскимъ, по случаю статей Надоумки. Вотъ она, съ сохраненіемъ того правописанія, которое придавало ей соль въ «Телеграфѣ»:

ИСТОРІЧЕСКАЯ ЕПІГРАММА.

Хвала, мастутый нашъ Зоілъ!
Когда-то Дмітріевъ бѣсілъ
Тебя счастлівымі струнамі;
Бѣсілъ Жуковскій въ слѣдъ за німъ;
Вотъ бѣситъ Пушкінъ: какъ любімъ
Ты дальновіднымі Судьбами!
Трі поколѣнія пѣвцовъ
Тебя, красой своіхъ вѣнцовъ,
Въ негодованье пріводілі:
Пекісь о здравіі своемъ,
Чтобы, подобно первымъ тремъ,
Другіе трі тебя бѣсілі.

Многіе ли могли безъ смѣха взять въ руки журналъ, самая орѳографія котораго подаетъ поводъ къ подобнымъ пародіямъ?

Но вредъ Надеждину оттого, что онъ первое и самое дѣятельное время своей критики отдалъ «Вѣстнику Европы», состоялъ не только въ томъ, что статьи его остались почти никѣмъ не прочитаны или возбуждали своею нелѣпою внѣшностью улыбку въ тѣхъ немногихъ, которымъ попадались на глаза: былъ нанесенъ ему участіемъ въ «Вѣстникѣ Европы» и другой вредъ, еще болѣе важный. Этотъ журналъ считался защитникомъ всего устарѣлаго и бездарнаго въ литературѣ, врагомъ всего современнаго и даровитаго. Статьи Надеждина, существенный смыслъ которыхъ такъ трудно было угадать неприготовленной публикѣ, получали самый невыгодный смыслъ ужъ отъ одного того, что являлись въ

такомъ журналѣ. Да и самъ Надеждинъ подавалъ еще новый поводъ къ недоразумѣніямъ: чтобы кольнуть тогдашнихъ писателей, онъ иногда иронически превозносилъ старыхъ писателей. Для насъ иронія очень понятна,—въ то время она многими не была понята.

Но все это только внѣшнія причины неуспѣха. Были и внутреннія. Одну изъ нихъ мы уже видѣли: Надеждинъ явился слишкомъ рано для публики и литературы. Теперь прибавимъ другую: онъ явился слишкомъ рано и для себя. Образъ мыслей его не совершенно еще установился въ то время, когда онъ началъ свою литературную дѣятельность. Основныя воззрѣнія его были тверды и справедливы; но много осталось еще въ немъ слѣдовъ прежняго образованія, и почти вся его послѣдующая журнальная дѣятельность представляется, какъ исторія постепеннаго его освобожденія отъ различныхъ остатковъ той «старой трухи» (по его выраженію), которая такъ связываетъ движенія мысли. Въ началѣ, онъ часто, самъ того не замѣчая, выражалъ понятія, несообразныя съ его истиннымъ образомъ мыслей, съ его основными идеями.

Это придавало еще больше двусмысленности многимъ страницамъ его статей, и безъ того уже бывшимъ слишкомъ трудными для разумѣнія тѣхъ наивныхъ людей, съ которыми онъ говорилъ. Но если это было вредно для его первыхъ статей, то мы видимъ новое доказательство силы его въ быстромъ и неудержимомъ стремленіи впередъ. Немногимъ, и только самымъ сильнымъ изъ насъ, возможно совершенно перевоспитать себя. Надеждину было дано это. Силою мысли и знанія достигъ онъ того, что, бывъ въ двадцать лѣтъ человѣкомъ XVII вѣка, въ двадцать-пять лѣтъ, при началѣ своей литературной дѣятельности, бывъ человѣкомъ XIX вѣка въ одеждѣ XVII вѣка, въ тридцать лѣтъ сталъ вполнѣ человѣкомъ XIX вѣка. Кто знаетъ, какъ трудно это перерожденіе, тотъ пойметъ, сколько душевной силы нужно, чтобы пройти этотъ путь и стать у цѣли свѣжимъ и бодрымъ, безъ подчиненія прошедшему, съ однимъ нераздѣльнымъ стремленіемъ къ будущему.

Чтобы указать опредѣленнѣе на характеръ этого перевоспитанія, обратимъ вниманіе хотя на внѣшность. Нельзя не согласиться, что мысли Надеждина, по сущности своей чуждыя схоластики, выражались иногда въ первыхъ его статьяхъ подъ формою схоластическою. Въ послѣднихъ его статьяхъ вы не найдете никакихъ слѣдовъ схоластики; а какъ трудно достичь этого! Скажите, много ли найдется въ исторіи литературы людей, которые успѣвали бы совершенно сбросить съ себя иго схоластики, если когда нибудь носили его?

Въ своемъ журналѣ Надеждинъ помѣщалъ значительныя статьи гораздо рѣже, нежели прежде, въ «Вѣстникѣ Европы». Конечно, тому мѣшали мелочные труды по редактированію журнала, занятія по званію профессора и, вѣроятно, различныя случайныя обстоятельства. Но вообще онъ писалъ для журнала много, и, какъ видно по всему, энергія его не ослабѣла,—напротивъ, въ послѣднее время, онъ и значительныхъ статей началъ печатать болѣе, нежели когда нибудь. Видно, что участіе молодаго поколѣнія придало новыя силы этому замѣчательному человѣку, который, впрочемъ, и самъ только еще вступалъ въ періодъ полнѣйшаго развитія силъ: въ тридцать два года, для большей части

людей, только еще начинается истинная дѣятельность, для Надеждина — время литературной дѣятельности кончилось.

«Телескопъ» не пользовался особеннымъ успѣхомъ, хотя и не былъ журналомъ совершенно безъ читателей; онъ пользовался нѣкоторымъ, но не очень значительнымъ, вліяніемъ на публику. Но вліяніе Надеждина на литературный нашъ кругъ было очень значительно. Всѣ возставали противъ него — и, однако же, противъ воли, подчинялись его мнѣнію, на сколько могли понимать его. Чтобы не обременять статьи нашей множествомъ примѣровъ, укажемъ только на «Телеграфъ», который, до самаго конца своего существованія, пользовался предпочтительною любовью публики: черезъ годъ или полтора послѣ того, какъ Надеждинъ началъ писать свои статьи, въ журналѣ Полеваго стала ощутительна значительная перемѣна. Прежде почти не бывало критическихъ статей большаго объема; о самыхъ значительныхъ писателяхъ, по случаю изданія собранія ихъ сочиненій, высказывалось лишь нѣсколько краткихъ замѣчаній; теперь чаще и чаще начали являться большія статьи о томъ или другомъ писателѣ, и разборы значительныхъ книгъ не ограничивались, какъ прежде, двумя-тремя страницами. Развитіе критики «Телеграфа» не ограничивалось расширеніемъ объема: самые пріемы ея сдѣлались основательнѣе. Самое направленіе ея измѣнилось: Полевой видимо учился многому у своего противника. Такъ, напримѣръ, «Телеграфъ» началъ говорить, что мы не романтики и не классики, что въ наше время романтизмъ и классицизмъ должны соединиться, изъ ихъ сліянія должна возникнуть новая литература, и т. д. Все это чисто мысли Надеждина. Исчезло и прежнее самообольщеніе въ богатствѣ нашей литературы: начались толки о томъ, что она скудна. «Телеграфъ», прежде восхищавшійся «гигантскими шагами, которые дѣлаютъ нашъ вѣкъ и наша литература», началъ подсмѣиваться надъ медленнымъ и часто попятнымъ ходомъ этого развитія, быстротою котораго еще недавно восхищался; началъ отдавать справедливость тому, что было хорошаго въ старой литературѣ; началъ говорить, что литературѣ нашей всего нужнѣе солидное образованіе и привычка къ серьезному образу мыслей въ писателяхъ, что нынѣшніе писатели не удовлетворяютъ этимъ условіямъ, потому, несмотря на свои таланты, не могутъ произвесть ничего великаго, и т. д., и т. д. — всего нельзя и перечесть — и всѣ эти понятія были навѣяны Надеждинымъ. Едва ли можно найти хотя одну мысль его, которая не была бы повторена въ «Телеграфѣ». Какъ любопытный примѣръ, приводимъ въ приложеніи III извлеченіе изъ той статьи, которая служитъ заключеніемъ «Новаго Живописца Общества и Литературы». Полевой, конечно, хотѣлъ завершить эти очерки изложеніемъ своихъ общихъ выводовъ, своихъ существенныхъ понятій о литературѣ, — и что же? онъ буквально повторилъ то, что̀ за три или четыре года говорилъ Надоумко. Но, конечно, всѣ эти навѣянныя мысли остались въ «Телеграфѣ» только навѣянными мыслями. Сущность свою онъ измѣнить уже не могъ, и подъ новою одеждою онъ остался старымъ.

Вполнѣ привились основныя идеи критики Надеждина только къ дѣятелямъ новаго поколѣнія, важнѣйшіе изъ которыхъ образовался подъ его непосредственнымъ руководствомъ и чрезъ «Отечественныя Записки» влилъ новую жизнь въ нашу литературу и въ нашу публику.

Если за Н. А. Полевымъ неоспоримо остается та заслуга, что онъ первый сдѣлалъ критику существенною и важною частью нашей журналистики, то Надеждину принадлежитъ заслуга, еще болѣе важная: онъ первый далъ прочныя основанія нашей критикѣ. До него повторялись у насъ непрочувствованныя, непрожитыя мысли, и повторялись съ голоса учителей очень поверхностныхъ, которые сами не понимали хорошенько и себя, не только другихъ. Эти учители были французскіе романтики. Надеждинъ первый прочно ввелъ въ нашу мыслительность глубокій философскій взглядъ. Онъ далъ нашей критикѣ глубокіе, всеобъемлющіе принципы, открытые для эстетики нѣмецкою наукою. Онъ первый объяснилъ нашей критикѣ, что такое поэзія, что такое художественное произведеніе. Отъ него узнали у насъ, что поэзія есть воплощеніе идеи, что идея есть зерно, изъ котораго выростаетъ художественное произведеніе, есть душа, его оживляющая; что красота формы состоитъ въ соотвѣтствіи ея съ идеею. Онъ первый началъ строго и вѣрно разсматривать, понята ли и прочувствована ли идея, выраженная въ произведеніи, есть ли въ немъ художественное единство, выдержаны ли и вѣрны ли человѣческой природѣ, условіямъ времени и народности характеры дѣйствующихъ лицъ, истекаютъ ли подробности произведенія изъ его идеи, естественно ли, по закону поэтической необходимости, развивается весь ходъ событій, воплощающихъ идею автора, изъ данныхъ характеровъ и положеній,—словомъ, онъ первый далъ русской критикѣ всѣ эстетическія основанія, на которыхъ должна была она развиться, и показалъ примѣры, какъ прилагать эти принципы къ сужденію о поэтическомъ произведеніи. Это первая, общая заслуга его критики. Вторая, частная, состоитъ въ томъ, что онъ подвергъ этой критикѣ, которой научилъ насъ, всю нашу литературу тридцатыхъ годовъ, высказалъ свои выводы громко и, объяснивъ, чѣмъ была наша литература до появленія Гоголя и другихъ великихъ талантовъ, ознаменовавшихъ своимъ появленіемъ начало гоголевскаго періода, приготовилъ послѣдующую критику къ справедливой оцѣнкѣ того развитія, которое дано нашей литературѣ этими новыми писателями.

Но онъ дѣйствовалъ въ самое неблагопріятное для нашей поэзіи время—во время перехода отъ прежняго направленія къ новому. Ему дано было только призывать новое время, но не быть его дѣйствователемъ. Его критическая дѣятельность прекратилась въ то самое время, когда геній Гоголя началъ выражаться произведеніями, составившими эпоху въ нашей литературѣ, въ то самое время, когда начиналась дѣятельность Кольцова и Лермонтова. Потому его критика произносила почти исключительно приговоры только отрицательные. Она доказала, что прежнее наше богатство ложно; она не могла еще воодушевить нашу публику указаніемъ и объясненіемъ новыхъ пріобрѣтеній. Онъ явился слишкомъ рано и потому не могъ имѣть непосредственнаго вліянія на мнѣнія публики, еще не приготовленной къ тому, чтобы сочувствовать ему. Онъ кончилъ тогда, когда только еще начиналась истинная пора для критики того направленія, которое ввелъ онъ въ нее. Потому существенное значеніе его критической дѣятельности состоитъ только въ томъ, что она была приготовительницею послѣдующей критики,—и главнѣйшая заслуга Надеждина-критика въ нашей литературѣ состоитъ въ томъ, что онъ былъ образователемъ автора статей о Пушкинѣ. Выражаясь любимымъ его языкомъ

классической поэзіи, онъ незабвененъ для насъ, какъ Хронъ, воспитатель Ахиллеса.

Критика была только одна изъ многихъ сторонъ его разнообразной литературной дѣятельности. Она принесла уже свой плодъ. Другіе, быть можетъ, еще значительнѣйшіе труды его по другимъ отраслямъ науки до сихъ поръ остаются еще неоцѣненными. Прійдетъ время, будутъ оцѣнены и они.

Приложенія.

I.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ СТАТЬИ ЭКСЪ-СТУДЕНТА НИКОДИМА НАДОУМКИ.

Къ стр. 179.

Борскій, *сочиненіе* А. Подолинскаго. *Спб. 1829.*

(Статья 2. «Вѣстникъ Европы» 1829 г., № 7. Стр. 200—220).

Прежде всего замѣтимъ, что Подолинскій возбуждалъ въ то время самыя блестящія ожиданія. Многіе думали, что въ немъ является достойный соперникъ Пушкина. Потому-то Надоумко и обращаетъ вниманіе на его поэму, которую превозносили до небесъ.

Эпиграфъ разбора, взятый изъ гораціевой «Науки Стихотворства»:

Nunc satis est dixisse: ego mira poëmata pango,—

по обыкновенію опять заключаетъ въ себѣ двусмысленную колкость. Проще всего его надобно перевести: «Теперь довольствуются словами: я пишу удивительныя поэмы»: но, по смыслу статей Надоумко, должно перевесть его такъ: «Просто скажу: объ удивительныхъ поэмахъ пишу я»,—т. е. Надоумко. Это еще болѣе язвительно, потому что относится уже не къ одному Подолинскому, а ко всѣмъ тогдашнимъ знаменитымъ поэтамъ.

Первая статья начинается общими размышленіями о тогдашней нашей поэзіи и оканчивается, какъ мы видѣли, разсказомъ содержанія поэмы Подолинскаго, послѣ чего Надоумко начинаетъ вторую статью такъ.

«Спрашивается: что за удовольствіе представлять подобныя кровавыя зрѣлища?.. Ужасныя картины кровопролитія и убійствъ весьма рѣдки въ вещественной нашей жизни: какъ же могутъ онѣ обратиться во всеобщую прихоть вкуса? Справедливѣе бы, кажется, можно было упрекнуть насъ въ недостаткѣ вкуса, чѣмъ въ подобномъ развращеніи онаго. У насъ доселѣ, несмотря на неослабно распространяющіеся успѣхи просвѣщенія, господствуетъ еще какая-то мудреная апатія къ истинно изящнымъ наслажденіямъ. Наши театры полны бываютъ только при представленіяхъ Кіарини (фокусника), и изъ нашихъ періодическихъ изданій больше всѣхъ расходятся—«Московскія Вѣдомости». Не эта ли слишкомъ замѣтная скудость чувствительности вынуждаетъ нашихъ поэтовъ прибѣгать къ насильственнымъ средствамъ для пробужденія въ нашихъ непросыпныхъ душахъ привѣтнаго отклика?.. Но отчего бы нашимъ поэтамъ не попытаться прибѣгнуть къ другому, менѣе шумному, но болѣе надежному средству возбуждать эстетическое участіе?.. Отчего бы не допустить имъ въ поэтическій механизмъ свой, кромѣ кинжала и яда, другихъ пружинъ, меньше смертоносныхъ, но не меньше дѣйствительныхъ?.. Не могло ли бы съ избыткомъ замѣнить всю эту *романтическую* стукотню и рѣзню—существенное достоинство и величіе изображаемыхъ предметовъ.

наставительная знаменательность драпировки, не ослѣпительная для умственнаго взора свѣтлость мыслей, не удушительная теплота ощущеній?.. А этого-то, по несчастію, и недостаетъ въ нашихъ новыхъ поэтическихъ произведеніяхъ!—Они обращаются около предметовъ совершенно ничтожныхъ: одѣваются въ маскарадные костюмы, представляющіе уродливое смѣшеніе этнографическихъ и хронологическихъ противорѣчій; блестятъ пошлыми двуличневыми остротами; дышатъ чадными и нерѣдко смрадными чувствами. Отъ двухъ первыхъ обвинительныхъ пунктовъ не оправдится и *Борскій*. Что за предметъ для поэмы?.. Ревнивый мужъ убиваетъ жену-лунатика и замерзаетъ самъ на ея могилѣ... Что тутъ интереснаго?.. И въ психологическомъ отношеніи—это не великое дѣло, и въ эстетическомъ—не весьма занимательное зрѣлище! Будь это событіе историческое или по крайней мѣрѣ основанное на народномъ преданіи,—тогда бъ оно могло имѣть для насъ важность истины или прелесть наслѣдственной собственности—прелесть роднаго... Но—*сочинять* нарочно такія *исторіи* значитъ изнурять воображеніе надъ пустяками!—Недостатокъ сей можно было бы, однако же, искупить счастливымъ выборомъ, живописною полнотою, изящною отдѣлкой поэтическаго *костюма*. Мы разумѣемъ здѣсь подъ *костюмомъ* всѣ тѣ многочисленныя, многоразличныя черты и картины, кои сообщаютъ поэтическую *индивидуальность* повѣствованію, опредѣляя *мѣсто* и *время*, къ коимъ оно относится. Происшествіе, само по себѣ ничтожное, можетъ служить генію канвою для поэтическаго изображенія цѣлой эпохи, цѣлой страны, цѣлаго народа: и тогда ничтожность его совершенно теряется изъ виду. Такъ ли поступлено въ *Борскомъ*?.. *Владиміръ Борскій* и весь причтъ *лицъ*, составляющихъ историческое бытіе сей поэмы, суть, какъ видно по именамъ и прозваніямъ, люди *русскіе*. Перемѣните сіи имена и прозванія—кто узнаетъ въ нихъ русскихъ?.. Ни одной малѣйшей черты народнаго характера русскаго! Переименуйте *Владиміра* въ *Адольфа*—это будетъ французъ во всѣхъ статьяхъ! О прекрасной *Еленѣ* и говорить нечего: она отлита въ обыкновенной формѣ *красавицъ*, заказываемыхъ для историческихъ романовъ à la Madame Genlis. А добрый деревенскій *священникъ*!.. Его дружеское отношеніе къ *Владиміру* у насъ, на святой Руси, есть совершенный анахронизмъ, взятый изъ будущаго, можетъ быть, XX вѣка!—Но пусть *историческая* живопись *Борскаго* слаба, неопредѣленна, безцвѣтна: не замѣняетъ ли онъ ее живописью *ландшафтной*?.. Кажись бы, такъ и слѣдовало! Дѣйствіе совершается на цвѣтущихъ берегахъ широкаго Днѣпра, подъ благословеннымъ малороссійскимъ небомъ. Какая богатая сцена! какая неистощимая жатва для генія!.. Сколько поэтическихъ красотъ могло бы представить живописное изображеніе величественнаго Днѣпра, носившаго на зыблющемся хребтѣ своемъ младенчествующую Русь въ колыбели! Сіи маститые холмы, на которыхъ возлегаетъ древняя матерь градовъ русскихъ: сіи сыпучіе пески, разстилающіеся перловою бахромою вскрай водъ днѣпровскихъ, не освящены ли на каждомъ шагу воспоминаніями, драгоцѣннѣйшими для каждаго русскаго сердца?.. И что же?... Величественнаго Днѣпра какъ будто-бъ и не было. А мирная, *идиллическая* жизнь добрыхъ нашихъ малороссіянъ, о ней и вовсе ни слуху, ни духу!—Такъ ли надобно поступать поэтамъ, провозглашающимъ себя поборниками *романтизма*? *Романтизмъ*, въ чистѣйшемъ своемъ знаменованіи, тѣмъ преимущественно и отличается отъ *классицизма*, что исчерпываетъ мощное лоно природы *всеобъемлющимъ* окомъ, со всѣхъ точекъ, во всѣхъ направленіяхъ. Посмотрите на творенія чуднаго Байрона!.. Его «Чайльдъ-Гарольдъ» есть богатѣйшая ткань идеализированной исторіи человѣчества, убранная драгоцѣннѣйшими воспоминаніями, собранными изъ всѣхъ вѣковъ, подъ всѣми земными поясами. Его «Джауръ» дышетъ палящимъ зноемъ Востока; въ его «Мазепѣ» кипитъ буйная кровь сарматская; его «Каинъ» предстоитъ во всей суровой наготѣ первобытнаго міра. Отчего бы и *Борскому* не окостюмироваться равно полнымъ, равно вѣрнымъ, равно занимательнымъ образомъ?.. Это, право, сообщило бы ему больше *романтической* прелести и произвело бы живѣйшій и прочнѣйшій эффектъ, чѣмъ подобныя эвменидистическія сцены:

. . . . . Изступленный
Онъ далѣ въ бѣшенствѣ бѣжитъ;

То здѣсь, то тамъ кинжалъ блеститъ
Въ рукѣ, луною озаренный—
Нѣтъ жертвы болѣ!

. . . . . .
. . . . . Онъ стоитъ,
Недвиженъ взоръ, ужасенъ видъ—
Въ его рукѣ окровавленной
Рука *Елены*, но она
Уже недвижна и хладна
И костенѣетъ постепенно...

Отчего бы... Но увы!—это легко сказать, но легко ли сдѣлать?.. Чтобы дать полную, опредѣленную, выразительную физіономію поэтической картинѣ, не довольно одного юнаго, свѣжаго и мощнаго таланта: нужно еще—*ученіе*... проклятое *ученіе*!.. Безъ него не обогнать ни на шагъ сильнаго, могучаго богатыря «Илью Муромца»!..

Искусство мыслить—ключъ къ искусству сочинять.

Такъ учивалъ въ старину Горацій! А у насъ теперь?

Не знавшій грамотѣ стихи кропаетъ смѣло!..
«И для чего не такъ?.. Я вольностью дышу!
Я знатенъ, я богатъ, я баринъ и... пишу»!

Повторимъ снова приведенный нами эпиграфъ:

Nunc satis est dixisse: «ego mira poëmata pango!...»
Мудрецъ нашъ мыслитъ такъ: «предъ смѣлымъ награжденье!
Погибни всякій трудъ: могу и безъ него
Казаться знатокомъ, не зная ничего»!

«Но, говорятъ, поэтическій инстинктъ можетъ замѣнить для генія всю школьную пыль учености!—Природа-де познается не изъ книгъ и не за скамьями: сердце свое можно изучать самому, безъ указки профессорской; посему живописцемъ природы, исторіографомъ сердца легко сдѣлаться, не прошедши ни физики Страхова, ни исторіи Шрекка. Вѣдь *Гомеръ* и *Шекспиръ* не учились въ университетахъ»!—Просимъ извиненія, мм. гг.! *Гомеръ* учился всю жизнь свою: его «Иліада» и «Одиссея» написаны не по однимъ слухамъ, а съ собственныхъ долговременныхъ наблюденій надъ обычаями различныхъ странъ и народовъ. Что до *Шекспира*, то пора бы также перестать ссылаться на него, какъ на образецъ генія-неуча. *Шекспиру* не совсѣмъ была чужда классическая древность, составлявшая издавна родовое наслѣдіе всѣхъ европейскихъ націй, и едва ли кому изъ нашихъ автодидактическихъ всезнаекъ удалось смести столько пыли со старинныхъ отечественныхъ лѣтописей, какъ творцу *Генриха IV* и двухъ *Ричардовъ*. *Гомеръ* и *Шекспиръ* знали, слѣдовательно, природу и сердце не по одному только инстинкту. Оттого-то ихъ творенія дышатъ поэтической истиною и составляютъ наслѣдственное богатство всего человѣчества. А наши молодые поэты? Они знаютъ природу и сердце лишь по наслышкѣ: вотъ почему и творенія ихъ представляютъ не исторію природы и сердца, а различныя исторіи о природѣ и о сердцѣ. Неестественность и нелѣпость составляютъ ихъ отличительное качество. Возьмемся за *Борскаго*: какъ неудачно состеганы кусочки, изъ которыхъ сшита сія поэмка: рука художника не умѣла даже прикрыть швовъ, которые вездѣ въ глаза мечутся. *Владиміръ* есть единственный герой, или лучше единственное живое *лицо* поэмы: ибо всѣ прочія суть *восковыя фигуры*. Его характеръ долженъ, слѣдовательно, быть средо-

точіемъ. изъ котораго должна развиваться вся поэма. Спрашивается: что это за характеръ?.. Господь одинъ знаетъ. Въ *первой* главѣ *первой* части *Владиміръ* представляется состарѣвшимся юношею: по крайней мѣрѣ онъ такъ говоритъ самъ о себѣ:

Едва довѣрчивую младость
До половины отжилъ я,
Ужъ знаю тягость бытія,
И сердцу чуждо слово: радость!

Непонятно, отчего онъ такъ скоро состарѣлся. Его любовь не была любовь обманутая, разочарованная, безнадежная. Правда, онъ преслѣдуемъ былъ гнѣвомъ раздраженнаго отца; но сей гнѣвъ не разражался еще надъ нимъ въ убійственномъ проклятіи. Это доказываютъ собственныя чувства его при вскрытіи роковаго письма, заключающаго послѣднюю волю отца его:

. . . . . долго онъ,
Въ волненьи страха перемѣнномъ,
Не смѣетъ робкою рукой
Раскрыть бумаги роковой.
Отца таинственныя строки
Его тревожатъ и страшатъ:
Черты завѣтныя хранятъ,
Быть можетъ, горькіе *упреки!*

Упреки!—слышите ли! не болѣе?.. Это все, что только могъ онъ представить себѣ ужаснѣйшаго при видѣ таинственнаго завѣщанія. До того—онъ и о нихъ мало думалъ. Его тревожили только одни любовническія сомнѣнія о вѣрности Елены.

Не разъ, сомнѣньямъ предана,
Моя душа изнемогала:
Теперь... опять... но нѣтъ, не знала
Притворства хитраго *она!*..

«Статочное ли дѣло, чтобы подобныя сомнѣнія, которыя, по свидѣтельству опытныхъ знатоковъ любви, не разрушаютъ, а питаютъ блаженство любящихъ сердецъ, могли «разоблачить до *ужасной наготы* всю *жизнь*» для *Владиміра?*.. И если бы это было правда, если, по собственному сознанію *Владиміра*, *въ крови* его уже не было

..... Жара первыхъ впечатлѣній,

то какъ бы онъ, угрожаемый проклятіемъ скончавшагося отца, могъ сказать въ ту же пору:

Но если долго такъ она (*Елена*)
Обѣту пребыла вѣрна,
Ее отвергнуть я не смѣю!
Я на *преступную* главу
Проклятій новыхъ не сзову!

Нѣтъ! это не исторія сердца! Какъ бы, однако, то ни было, при окончаніи *первой* части поэмы *Владиміръ* женится.—Замѣтимъ, что сія первая, *седьмиглавая*, часть есть не болѣе, какъ длинные сѣни съ переходами ко второй, *пятиглавой*, части,

составляющей главный корпусъ всего поэтическаго зданія *Борскаго*. И что же сія *вторая* часть? Тѣ же противорѣчія, та же невѣроятность, та же невозможность!.. Бракъ для *Елены* есть источникъ несчастія: она не можетъ изгнать изъ своей памяти того страшнаго мгновенія, когда

..... озаренъ свѣчей вѣнчальной,
Ея супругъ, у алтаря,
Стоялъ недвижный, думы полный,
И принялъ, блѣдный и безмолвный,
Лобзанья жаркія ея.

Растерзанное сердце ея предается подозрѣніямъ ревности. Это очень естественно. Не невозможно также было и *Владиміру*, коего несчастная *подозрительность* уже извѣстна, отозваться подобнымъ чувствомъ на непзъяснимую тоску *Елены*. Но естественно ли, вѣроятно ли, возможно ли по законамъ самаго необузданнаго поэтическаго своеволія, чтобы послѣ дышащаго истиннымъ огнемъ страсти разговора *Елены* съ *Владиміромъ*, составляющаго содержаніе *второй главы* второй части *Борскаго*, сей послѣдній могъ предаться столь страшному, столь несправедливому, столь неблагоразумному гнѣву:

. . . . . «Въ чемъ еще сомнѣнье?
Я ей наскучилъ—мало ей
И дружбы и любви моей!
Быть можетъ, страстію позорной
Давно душа ея горитъ,
Но мыслитъ: мужа усыпить
Она любовію притворной...
Да, это вѣрно! мнѣ она
Не даромъ Римъ напоминала!
Она мечтала—та страна
Меня давно очаровала
И увлечетъ опять меня...
Ошиблась!—Здѣсь останусь я!
Я вижу замыселъ коварной—
Еще *открытіе* одно—
И пусть я гибну—все равно,—
Я не щажу неблагодарной!..

И это *открытіе*?.. Это *открытіе*, отъ котораго зависѣла жизнь или смерть—сколь ничтожно!.. Бредъ *лунатика*... бредъ безсвязный, безмысленный, безжизненный—и...

И вотъ сверкнуло лезвее,
И кровь *Елены* на кинжалѣ—
И рана въ сердцѣ у нея!

Не всякъ ли видитъ, что поэту хотѣлось только довести *Владиміра* до убійства и до самоубійства, во что бы то ни стало!.. Онъ и успѣлъ въ томъ! Но какимъ новымъ фактомъ, какимъ новымъ открытіемъ можетъ все это обогатить *исторію сердца*?.. Какъ вамъ угодно, гг. *романтики*, а намъ, слѣпымъ людямъ, кажется, что ежели инстинктуальное знаніе *природы* и *сердца* разрождается подобными слѣдствіями, то оно—никуда не годится!

II.

Къ стр. 42.

ПЕРВЫЯ ПОСЛѢДСТВІЯ ПЕРВОЙ СТАТЬИ ЭКСЪ-СТУДЕНТА НАДОУМКО.

№ 21 «Вѣстника Европы» 1828 г., въ которомъ было помѣщено начало статьи «Литературныя опасенія», вышелъ 14 ноября; первымъ вышедшимъ послѣ того нумеромъ «Телеграфа» былъ 20-й, явившійся 28 ноября, въ одинъ день съ № 22 «Вѣстника Европы», въ которомъ было окончаніе статьи Надоумко. Полевой спѣшилъ съ перваго же разу оборвать выскочку, рѣшившагося заговорить такъ дерзко, и хотѣлъ внушить ему надлежащій страхъ, не ожидая, какъ видимъ, окончанія его «Опасеній».

Тирада «Телеграфа» составляла эпизодъ въ общемъ обозрѣніи журналовъ. Полевой не считалъ нужнымъ входить въ подробныя объясненія съ писателемъ, еще не имѣющимъ извѣстности, и, упомянувъ о немъ кратко и презрительно, главныя свои нападенія обратилъ на Каченовскаго, котораго, какъ видно, считалъ и главнымъ виновникомъ «Литературныхъ Опасеній». Каченовскій, какъ извѣстно, былъ главнымъ врагомъ романтиковъ, и Полевому естественно былъ предполагать, что онъ подучилъ или заставилъ Надоумко написать дерзкую статью. Вотъ тирада «Телеграфа», очень интересная по своей ѣдкости:

(«Телеграфъ» 1828 г. № 20. Стр. 490—493).

Извѣстно, что съ давняго времени «Вѣстникъ Европы» упадалъ, валился, и нынѣшній годъ, въ куньихъ мордкахъ и ученическихъ изслѣдованіяхъ объ исторіи русской, всѣ думали слышать послѣдній вздохъ «Вѣстника Европы»... Но духъ перемѣнъ грянулъ и надъ нимъ, и 16 доля № 18 занята объявленіемъ: «Желаю еще потрудиться, беру на свою отвѣтственность составленіе и печатаніе»... Все это возбуждаетъ какое-то умилительное чувство при мысли, что *такъ* говоритъ издатель журнала, 26 лѣтъ издающагося и—падающаго. Издатель увѣряетъ, что въ неизмѣримой области исторіи едва проложены тропы; «съ другой стороны видимъ безпомощное состояніе литературы, усилія партій водрузить свои знамена на землѣ, которая не была воздѣлываема ихъ трудами. Законы словесности молчатъ при звукахъ журнальной полемики. Надобно, чтобы голосъ ихъ доходилъ до слуха любознательнаго, который не услаждается звуками кимвала бряцающаго и мѣди звенящей». Слѣдуютъ обѣщанія, какія всегда даетъ и не исполняетъ издатель «Вѣстника Европы». Но до обѣщаній его дѣло читателямъ, а не намъ. Мы напоминаемъ только «Вѣстнику Европы», что не такъ должно ему браться за законы словесности. Если бы онъ, старецъ по лѣтамъ, признался въ незнаніи своемъ, принялся за дѣло скромно, поучился, бросилъ свои смѣшные предразсудки, заговорилъ голосомъ безпристрастія, мы всѣ охотно уважили бы его сознаніе въ слабости, желаніе учиться и познавать истину, всѣ охотно стали бы слушать его.

Но что сдѣлалъ до сихъ поръ издатель «Вѣстника Европы»? гдѣ *его* права и на какой воздѣланной его трудами землѣ онъ водрузитъ свои знамена? гдѣ, за какимъ океаномъ эта обѣтованная земля? Юноши, обогнавшіе издателя «Вѣстника Европы», не виноваты, что они шли впередъ, когда издатель «Вѣстника Европы» засѣлъ на одномъ мѣстѣ и неподвижно просидѣлъ болѣе 20 лѣтъ. Дивиться ли, что теперь «Вѣстнику Европы» видятся чудныя расщи, грезятся кимвалы бряцающіе и мѣдь звенящая?

Съ 1805 года нынѣшній издатель «Вѣстника Европы» началъ свое дѣло и — теперь только вздумалъ, что уже время трудиться самому. Оспаривая у другихъ право литературнаго суда, онъ даетъ поводъ у него потребовать доказательствъ на *его* права: гдѣ они?

Журнальныя статейки, выходки на Карамзиныхъ, Жуковскихъ. Буле, Калайдовичей, полдюжины диссертацій изъ чужихъ матеріаловъ, передѣлка статей Баузе, переводъ вздорнаго романа («Тереза и Фальдони»), перекроеніе съ польскаго «Хрестоматіи» Якобса, смѣшные споры, коими пестрился иногда «Вѣстникъ Европы» — вотъ все, чѣмъ устилалъ себѣ издатель «Вѣстника Европы» дорогу въ храмъ литературнаго безсмертія, втеченіе 25 лѣтъ! Ни одной книги, достойной вниманія, ни одной самобытной замѣчательной статьи въ 25 лѣтъ—и г. издатель говоритъ о кимвалахъ бряцающихъ и мѣди звенящей!

Впрочемъ, посмотримъ: можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ «Вѣстникъ Европы» вдругъ оживится, возстанетъ... Но нѣтъ! кажется, это уже невозможно. Въ № 21 сего года едва ли не начато преобразованіе, и—безъ смѣха нельзя читать испещренной греческими, латинскими, французскими, нѣмецкими цитатами, статьи о литературѣ русской. Въ греческомъ эпиграфѣ въ трехъ строкахъ пять ошибокъ (самъ издатель «Вѣстника Европы» знаетъ по гречески очень плохо: на это есть вѣрныя доказательства: а г. Надоумко, сочинитель статьи, какъ студентъ, разумѣется, небольшой знатокъ греческихъ трагиковъ), и самое лучшее въ статьѣ есть то, что говоритъ сочинителю разговаривающее съ нимъ лицо: «не стыдно ли тебѣ такъ далеко отстать отъ своего вѣка и перетряхивать на бездѣльѣ старинную труху»! Впрочемъ, эта драгоцѣнная статья стоитъ особливаго разбора.

Статья «Телеграфа» подписана была псевдонимомъ «Бенигна». Каченовскій имѣлъ слабость отвѣчать на нее слѣдующимъ курьезнымъ примѣчаніемъ къ статьѣ Надоумко «Откликъ съ Патріаршихъ Прудовъ».

Здѣсь приличнымъ почитаю объявить, что препираться съ Бенигною я не имѣю охоты, отказавшись навсегда отъ безплодной полемики: а теперь не имѣю на то и права, предпринявъ другія мѣры къ охраненію своей личности отъ игриваго произвола сего Бенигны и всѣхъ прочихъ. Я даже не читалъ бы статьи Телеграфической, еслибъ не былъ увлеченъ слѣдствіями неблагонамѣренности, прикосновенными къ чести службы и къ достоинству мѣста, при которомъ имѣю счастіе продолжать оную.

Рдръ.

Черезъ нѣсколько времени послѣ того, какъ жалкая попытка Каченовскаго оградиться тѣмъ, чѣмъ не слѣдуетъ и невозможно ограждаться въ спорахъ чисто литературныхъ, получила рѣшеніе, какого заслуживала: Пушкинъ напечаталъ въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» 1830 года свою превосходно написанную статью, которую приводимъ здѣсь вполнѣ, съ нѣкоторыми поясненіями. Вотъ первая половина ея:

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ЛѢТОПИСЕЙ.

Распря между двумя извѣстными журналистами надѣлала шуму. Постараемся изложить исторически все дѣло, sine ira et studio.

Въ концѣ минувшаго года, *редакторъ* «Вѣстника Европы», желая въ слѣдующемъ 1829 году потрудиться еще и въ качествѣ *издателя*, объявилъ о томъ публикѣ, все еще худо понимающей различіе между сими двумя учеными званіями. Убѣдившись единогласнымъ мнѣніемъ критиковъ въ односторонности и скудости «Вѣстника Европы», сверхъ того, «движимый глубокимъ чувствомъ состраданія, при видѣ безпо-

мощнаго состоянія литературы», онъ обѣщалъ «употребить наконецъ свои старанія, чтобы сдѣлать журналъ сей обширнѣе и разнообразнѣе». Онъ надѣялся «отнынѣ далѣе видѣть, свободнѣе соображать и рѣшительнѣе дѣйствовать». Онъ собирался «пуститься въ неизмѣримую область бытописанія», по которой Карамзинъ, какъ всѣмъ извѣстно, «проложилъ тропинку, теряющуюся въ тундрахъ безплодныхъ».—«Предполагаю рабо«тать самъ—говорилъ почтенный редакторъ—не отказывая, однакожь, и другимъ ли«тераторамъ участвовать въ трудахъ моихъ». Сіи позднія, но тѣмъ не менѣе благія намѣренія, сія великодушная снисходительность къ сотрудникамъ тронули и обрадовали насъ чрезвычайно. Пріятно было бы намъ привѣтствовать первые успѣхи знаменитаго редактора «Вѣстника Европы». Его глубокія познанія (думали мы), столь извѣстныя намъ по слуху, дадутъ плодъ во время свое (въ нынѣшнемъ 1829 году). Свѣтильникъ исторической его критики озаритъ вышеупомянутыя тундры области бытописаній, а законы словесности, «умолкшіе при звукахъ журнальной полемики», заговорятъ устами ученаго редактора. Онъ не ограничитъ своихъ глубокомысленныхъ изслѣдованій замѣчаніями о заглавномъ листѣ «Исторіи Государства Россійскаго» или даже разсужденіями о куньихъ мордкахъ, но вѣрнымъ взоромъ обниметъ наконецъ твореніе Карамзина, оцѣнитъ истину его разысканій, укажетъ источники новыхъ соображеній, дополнитъ недосказанное. Въ критикахъ собственно литературныхъ мы не будемъ слышать то брюзгливаго ворчанья какого нибудь стараго педанта, то непристойныхъ криковъ пьянаго семинариста. Критики г. Каченовскаго должны будутъ имѣть рѣшительное вліяніе на словесность. Молодые писатели не будутъ ими забавляться, какъ пошлыми шуточками журнальнаго гаера. Писатели извѣстные не будутъ ихъ презирать, ибо услышатъ окончательный судъ своимъ произведеніямъ, оцѣненнымъ ученостью вкусомъ и хладнокровіемъ.

Можемъ смѣло сказать, что мы ни единой минуты не усомнились въ исполненіи плановъ г. Каченовскаго, изложенныхъ поэтическимъ слогомъ въ газетномъ объявленіи о подпискѣ на «Вѣстникъ Европы». Но г. Полевой, долгое время наблюдавшій литературное поведеніе своихъ товарищей-журналистовъ, худо повѣрилъ новымъ обѣщаніямъ «Вѣстника». Не ограничиваясь безмолвными сомнѣніями, онъ напечаталъ въ 2-й книжкѣ «Московскаго Телеграфа» прошедшаго года статью, въ которой сильно напалъ на почтеннаго редактора «Вѣстника Европы». Давъ замѣтить неприличіе нѣкоторыхъ выраженій, употребленныхъ, вѣроятно, неумышленно г. Каченовскимъ, онъ говоритъ:

«Если бы онъ («Вѣстникъ Европы»), старецъ по лѣтамъ, признался въ незнаніи «своемъ, принялся за дѣло скромно, поучился, бросилъ свои смѣшные предразсудки, «заговорилъ голосомъ безпристрастія, мы всѣ охотно уважили бы его сознаніе въ сла«бости, желаніе учиться и познавать истину, всѣ охотно стали бы слушать его».

Странныя требованія! Въ лѣтахъ «Вѣстника Европы» уже не учатся и не бросаютъ предразсудковъ закоренѣлыхъ. Скромность, украшеніе сѣдинъ, не есть необходимость литературная: а если сознанія, требуемыя г. Полевымъ, и заслуживаютъ какого нибудь уваженія, то можно ли намъ оныя слушать изъ устъ почтеннаго старца безъ болѣзненнаго чувства стыда и состраданія?

«Но *что* сдѣлалъ до сихъ поръ издатель «Вѣстника Европы»?—продолжаетъ г. Полевой.—Гдѣ *его* права и на какой воздѣланной *его трудами* землѣ онъ водрузитъ свои знамена? гдѣ, за какимъ океаномъ эта обѣтованная земля? Юноши, «обогнавшіе издателя «Вѣстника Европы», не виноваты, что они шли впередъ, когда «издатель «Вѣстника Европы» засѣлъ на одномъ мѣстѣ и неподвижно просидѣлъ болѣе «20 лѣтъ. Дивиться ли, что теперь «Вѣстнику Европы» видятся чудныя распри, гре«зятся кимвалы бряцающіе и мѣдь звенящая»?

На сіе отвѣтствуемъ:

Если г. Каченовскій, не написавъ ни одной книги, достойной нѣкотораго вниманія, не напечатавъ, втеченіе 26 лѣтъ, ни одной замѣчательной статьи, снискалъ, однакожь, себѣ безсмертную славу, то чего же должно намъ ожидать отъ него, когда наконецъ онъ приметъ за дѣло не на шутку? Г. Каченовскій просидѣлъ 26 лѣтъ на

одномъ мѣстѣ,—согласенъ; но какъ могли юноши обогнать его, если онъ ни зачѣмъ и не гнался? Г. Каченовскій ошибочно судилъ о музыкѣ Верстовскаго, но развѣ онъ виноватъ? Г. Каченовскій перевелъ «Терезу и Фальдони»—что за бѣда?

Доселѣ казалось намъ, что г. Полевой неправъ, ибо обнаруживаетъ какое-то пристрастіе въ замѣчаніяхъ, которыя съ перваго взгляда являются довольно основательными. Мы ожидали отъ г. Каченовскаго возраженій неоспоримыхъ или благороднаго молчанія, каковымъ нѣкоторые извѣстные писатели всегда отвѣтствовали на неприличныя и пристрастныя выходки нѣкоторыхъ журналистовъ. Но сколь изумились мы, прочитавъ въ № 24-мъ «Вѣстника Европы» слѣдующее примѣчаніе редактора къ статьѣ своего почтеннаго сотрудника, г. Надоумки (одного изъ великихъ писателей, приносящихъ истинную честь и своему вѣку и журналу, въ коемъ они участвуютъ):

(*Выписано примѣчаніе Каченовскаго къ отвѣту Надеждина на статью Бенигны, приведенное нами выше, на стр. 153*).

Сіе загадочное примѣчаніе привело насъ въ большое безпокойство. Какія «мѣры къ охраненію своей личности отъ игриваго произвола г. Бенигны» предпринялъ почтенный редакторъ? Что значитъ, «игривый произволъ г. Бенигны?» что такое: «былъ увлеченъ слѣдствіями неблагонамѣренности, прикосновенными къ чести службы и достоинству мѣста?» (Впрочемъ, смыслъ послѣдней фразы донынѣ остается теменъ, какъ въ логическомъ, такъ и въ грамматическомъ отношеніи).

Многочисленные почитатели «Вѣстника Европы» затрепетали, прочитавъ сіи мрачныя, грозныя, безпощадныя строки. Не смѣли вообразить, на что могло рѣшиться рыцарское негодованіе Міхаила Трофімовича. Къ счастію, скоро все объяснилось...

Какимъ образомъ объяснилось дѣло, и въ чемъ оно состояло, статья Пушкина не говоритъ. Полевой (въ разборѣ «Сѣверныхъ Цвѣтовъ») намекаетъ, что въ этомъ мѣстѣ статьи есть довольно значительный пропускъ. Въ чемъ состояла сущность дѣла, изложено было статейкою одной петербургской газеты о ссорѣ нѣкоего китайскаго журналиста-мандарина съ другимъ журналистомъ, который не былъ мандариномъ. Статейку эту перепечаталъ въ свое время «Телеграфъ». (1829 г. № 5). Ея содержаніе таково: китайскій журналистъ Гай-Чанъ жаловался на другаго китайскаго же журналиста Чуна за то, что Чунъ доказалъ въ своемъ журналѣ, что онъ, Гай-Чанъ, «ничего не знаетъ и ничего хорошаго не сочинилъ»; въ доказательство своихъ знаній, Гай-Чанъ представилъ Хань-Линю, ученому собранію южной столицы Небесной имперіи, членомъ котораго онъ служитъ, «золотой шарикъ своей мандаринской шляпы, четыре жалованныя ему павлиньи пера и двѣнадцать большихъ пуговицъ съ изображеніемъ дракона»; ученое собраніе Хань-Линь убѣдилось этими доказательствами учености, рѣшило, что Чунъ своей критикою «обидѣлъ личную честь мандарина-журналиста Гай-Чана и достоинство его золотыхъ шариковъ, павлиньихъ перьевъ и большихъ позолоченныхъ пуговицъ, и тѣмъ нарушилъ правила пяти добродѣтелей, шести обязанностей и семи приличій», потому ученое сословіе Хань-Линь за оскорбленіе своего сочлена Гай-Чана жаловалось палатѣ стиховъ и прозы южной столицы; но въ палатѣ стиховъ и прозы мнѣнія объ этомъ дѣлѣ были разногласны: потому палата стиховъ и прозы южной столицы представила затруднительный вопросъ на разрѣшеніе палаты церемоній сѣверной столицы; палата церемоній нашла справедливымъ сужденіе тѣхъ членовъ палаты стиховъ и прозы, которые полагали, что мнѣніе ученаго сословія Хань-Линя неосновательно, и что «можно быть набитымъ невѣждою, нося золотые шарики не только на верхушкѣ шляпы, но и на концѣ носа и на оконечностяхъ всѣхъ двадцати пальцевъ, и имѣя сверхъ того все тѣло покрытое павлиньими перьями», и что журналистъ Чунъ, говорившій исключительно о литературныхъ занятіяхъ журналиста-мандарина Гай-Чана, нимало не оскорбилъ ни личной его чести, ни его шариковъ, перьевъ и пуговицъ, а потому и не подлежитъ осужденію.—Короче и еще яснѣе дѣло изло-

жено въ знаменитой эпиграммѣ Пушкина, которая помѣщена была въ «Телеграфѣ» 1829 года:

Обиженный журналами жестоко,
Зоилъ Пахомъ печалился глубоко;
Вотъ подалъ онъ на цензора доносъ;
Но цензоръ правъ. Намъ смѣхъ; Зоилу носъ.
Иная брань, конечно, неприличность.
Нельзя писать: *такой-то де старикъ*
Козелъ въ очкахъ, плюгавый клеветникъ,
И золъ, и подлъ—все это будетъ личность;
Но можете печатать, напримѣръ,
Что «*господинъ парнасскій старовѣръ*
(Въ своихъ статьяхъ) безсмыслицы ораторъ,
Отмѣнно вялъ, отмѣнно скучноватъ,
Тяжеловатъ и даже глуповатъ»:
Тутъ не лицо, а просто литераторъ.

Зоиломъ назывался Каченовскій собственно потому, что осмѣлился говорить, будто бы «Исторія Государства Россійскаго» Карамзина не есть твореніе идеальнаго совершенства, а имѣетъ въ ученомъ отношеніи нѣкоторые недостатки. Долго лежала за то на Каченовскомъ ученая опала, какъ до сихъ поръ лежитъ за то же на Полевомъ, который черезъ нѣсколько лѣтъ рѣшился сказать то самое, за что прежде укорялъ Каченовскаго. Съ Каченовскаго теперь опала та снята, благодаря прекрасному заступничеству послѣдователей новаго воззрѣнія на русскую исторію, развитаго гг. Соловьевымъ, Кавелинымъ и другими. Заслуги Каченовскаго въ русской исторіи признаны. Не пора ли сказать, что и въ «Исторіи Русскаго Народа» Полеваго есть свои хорошія, и даже очень хорошія, стороны? Этого требовала бы справедливость. Здѣсь, впрочемъ, должны мы о Каченовскомъ замѣтить, что его важнѣйшіе труды явились послѣ того, какъ написана статья о немъ въ «Телеграфѣ», и потому, признавая важность ихъ, мы находимъ статью Полеваго въ сущности справедливою. Сдѣлавъ эти замѣчанія, казавшіяся намъ нужными, помѣщаемъ вторую половину статьи Пушкина.

Успокоившись насчетъ ужаснаго смысла вышепомянутаго примѣчанія, мы сожалѣли о безполезномъ дѣйствіи почтеннаго редактора. Всѣ предвидѣли послѣдствія онаго. Въ статьѣ г. Полеваго личная честь г. Каченовскаго не была оскорблена. Говоря съ неуваженіемъ о его занятіяхъ литературныхъ, издатель «Московскаго Телеграфа» не упомянулъ ни о его службѣ, ни о тайнахъ домашней жизни, ни о качествахъ его души.

Между тѣмъ ожесточенный издатель «Московскаго Телеграфа» напечаталъ другую статью, въ коей дерзновенно подтвердилъ и оправдалъ первыя свои показанія. Вся литературная жизнь г. Каченовскаго была разобрана по годамъ, всѣ занятія оцѣнены, всѣ простодушныя обмолвки выведены на позоръ. Г. Полевой доказалъ, что почтенный редакторъ пользуется славою ученаго мужа, такъ сказать, на честное слово, а донынѣ, кромѣ переводовъ съ переводовъ и кой-какихъ заимствованныхъ кое-гдѣ статеекъ, ничего не произвелъ. Скудость, болѣе достойная сожалѣнія, нежели укоризны! Но что всего важнѣе, г. Полевой доказалъ, что Михаилъ Трофимовичъ нѣсколько разъ дозволялъ себѣ личности въ своихъ критическихъ статейкахъ, что онъ упрекалъ издателя «Московскаго Телеграфа» виннымъ его заводомъ (пятномъ ужаснымъ, какъ извѣстно всему нашему дворянству!), что онъ неоднократно съ упрекомъ повторялъ г. Полевому, что сей послѣдній—купецъ (другое, столь же ужасное обвиненіе!), и все сіе въ непристой-

ныхъ, оскорбительныхъ выраженіяхъ. Тутъ уже мы приняли совершенно сторону г. Полеваго. Никто, болѣе нашего, не уважаетъ истиннаго, родоваго дворянства, коего существованіе столь важно въ смыслѣ государственномъ; но въ мирной республикѣ наукъ какое намъ дѣло до гербовъ и пыльныхъ грамотъ? Потомокъ Трувора или Гостомысла, трудолюбивый профессоръ, честный аудиторъ и странствующій купецъ равны передъ законами критики. Князь Вяземскій уже далъ однажды замѣтить неприличность сихъ аристократическихъ выходокъ; но не худо повторять полезныя истины.

Однакожъ, таково дѣйствіе долговременнаго уваженія! И тутъ мы укоряли г. Полеваго въ запальчивости и неумѣренности. Мы съ умиленіемъ взирали на почтеннаго старца, разстроеннаго до такой степени, что для поддержанія ученой своей славы принужденъ онъ былъ обратиться къ русскому букварю и преобразовать оный удивительнымъ образомъ. Утѣшительно для насъ, по крайней мѣрѣ, то, что свѣдѣнія Михаила Трофимовича въ греческой азбукѣ не подлежатъ уже никакому сомнѣнію.

Съ нетерпѣніемъ ожидали мы развязки дѣла. Наконецъ водворилось спокойствіе въ области словесности и прекратилась междоусобная война миромъ, равно выгоднымъ для побѣдителей и побѣжденныхъ...

III.

Къ стр. 60.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ «НОВАГО ЖИВОПИСЦА ОБЩЕСТВА И ЛИТЕРАТУРЫ» (ПРИ «ТЕЛЕГРАФѢ»).

(«Телеграфъ» 1832 г. «Нов. Живописецъ», № 24).

Заключительная статья «Новаго Живописца» состоитъ изъ трехъ отдѣленій: «Бесѣда у стараго литератора». «Бесѣда у молодаго литератора». «Разговоръ послѣ бесѣдъ съ литераторами». («Новый Живописецъ», №№ 17. 21 и 24). Самая форма — совершенное подражаніе статьямъ Надоумки. Два друга, Леонидъ и Филовей, отправляются сначала на литературный вечеръ къ Родосову, у котораго собираются старые литераторы. Тамъ читаютъ оды, посланія, мадригалы, говорятъ о лагарповыхъ правилахъ и проч.,—все это скучно, но совершенно прилично и чинно, совершенно безвредно и отчасти даже хорошо по своей усыпительности. Оттуда друзья идутъ къ одному изъ своихъ пріятелей, молодому литератору Сплетнину. Они предполагали застать его дома одного; но у него также собралось общество. Это повергаетъ въ ужасъ разсудительнаго Филовея.

«Уйдемъ отсюда назадъ!» говоритъ онъ, когда, едва вошедши въ залъ, услышалъ шумъ гостей, собравшихся въ другой комнатѣ.—Какой вздоръ! возражаетъ добродушный Леонидъ:—«ты слышишь по голосамъ, что здѣсь собрался сокъ лучшей молодежи. Вѣдь здѣсь общество не хуже Родосова».—«Хуже, отвѣчаетъ Филовей:—тамъ только скучно, а здѣсь несносно: тамъ только смѣешься, а здѣсь невольно разсердишься». Но выходитъ Сплетнинъ и начинаетъ разсказывать литературные слухи; выходятъ гости, Талантинъ и другіе, кричатъ, что Пушкинъ выше Байрона, что философія, эстетика и вообще наука вздоръ, лишняя тягость для поэта, что поэтъ не подчиненъ въ своемъ творчествѣ никакимъ законамъ, кромѣ собственной необузданной фантазіи, называютъ Талантина геніемъ, и т. д.,—однимъ словомъ, повторяютъ почти то же самое, что у Надоумки говорили Тлѣнскій, Флюгеровскій, Чадскій; толкуютъ, что люди прежнихъ поколѣній ничто предъ ними, людьми новаго поколѣнія, что Державинъ писалъ дрянь, что литература наша громадными шагами бѣжитъ къ высочайшему совершенству. Всѣ эти шумные толки происходятъ подъ звонъ стакановъ, подъ хлопанье пробокъ шампанскаго. Вся эта бесѣда точнѣйшій сколокъ съ «Сонмища Нигилистовъ» Надоумки. Разстроенные дикою безтолковостью, буйною пустотою молодыхъ литераторовъ, друзья возвращаются домой. Леонидъ въ отчаяніи отъ жалкаго положенія нашей бѣдной ли-

тературы. «Да, это грустно, это нестерпимо»! съ горестью восклицаетъ онъ.—Филоней улыбается и насмѣшливо говоритъ:

«*Ф.* Послушай, Леонидъ, не спросить ли у тебя:

Скажи, что сдѣлалось съ тобой?

Л. Право, твои шутки совсѣмъ не кстати, и вотъ, позволь мнѣ сказать, одна изъ главныхъ причинъ жалкаго положенія литературы русской: съ нею всегда и всѣ *шутятъ*.

Ф. Я готовъ доказывать противное. Мнѣ кажется, главная бѣда въ томъ, что на нее *слишкомъ важно смотрятъ*.

Л. Но какъ же иначе? Литература—это важная часть общественной жизни, это голосъ общества,—и ты хочешь, чтобы мы не уважали литературы?

Ф. Пусть же это уваженіе походитъ на сознаніе собственныхъ достоинствъ, какое всегда должно таиться въ душѣ человѣка умнаго и образованнаго. Но что такое литература и литераторы въ русской землѣ? Наши литераторы, какъ дѣти, ѣздятъ на палочкахъ верхомъ и высоко задираютъ головы, думая, что они рыцари и великіе паладины.

Л. Мнѣ досадно слышать отъ тебя такую холодную насмѣшку насчетъ предмета собственныхъ нашихъ занятій. Можемъ ли мы надѣяться создать что нибудь хорошее, если не будемъ уважать предмета трудовъ своихъ? И можно ли съ такимъ убійственнымъ хладнокровіемъ говорить о томъ поприщѣ, на которомъ являлися Державины, Ломоносовы, фонъ-Визины, Крыловы, Грибоѣдовы?

Ф. Продолжай, не забудь еще кого нибудь изъ этихъ залетныхъ лебедей, по которымъ ты думаешь, что лѣто литературы нашей настало... Эти случайности, эти преждевременныя искры волкана, изрѣдка вылетавшія изъ могучей души русскаго народа и предвѣщающія намъ, что будетъ нѣкогда литература русская, почитаемъ мы уже страшнымъ изверженіемъ... Какая тутъ литература? Всѣ эти люди были-ль слѣдствія общаго образованія и стремленія? Нѣтъ, это мимолетныя явленія людей,—геніальныхъ, если угодно, но они не образуютъ собою литературы, а потому...

Л. Не хочешь ли ты сказать, что литературы русской нѣтъ?

Ф. Этого я не хочу сказать. Въ самомъ младенчествѣ народовъ, даже когда они не знаютъ грамотѣ, начала литературъ у нихъ уже существуютъ.

Л. Слѣдственно, и у насъ *есть литература!*

Ф. Нѣтъ, есть *начало литературы*, опыты, а не полныя явленія.

Л. Чѣмъ ты докажешь это?

Ф. И обществомъ нашимъ, и самими литераторами, и такъ называемою русскою литературою... Тогда только назову я литературу голосомъ общества, когда литература будетъ необходимою потребностью общества. Нашему обществу... право, мало дѣла до литературы. Донынѣ книга для русскаго человѣка такая же вещь, какъ игрушки дѣтскія, или такое же занятіе, какъ гулянье подъ Новинскимъ. Такъ же хотятъ почитать, какъ покупаютъ дѣтямъ коньковъ и куколокъ, и ѣздятъ смотрѣть паяцовъ.

Л. Ну, пусть такъ. Обратимся къ литераторамъ.

Ф. Да гдѣ они? Я не вижу, не знаю литераторовъ. Я вижу ученыхъ по званію, то есть учителей, въ высшемъ или низшемъ значеніи этого слова; свѣтскихъ людей, которые мимоходомъ пишутъ въ альбомы и альманахи, какъ играютъ въ вистъ; людей, добывающихъ писаньемъ деньгу, и которые охотно примутся за карты, за ножницы, если только это будетъ имъ прибыльнѣе пера; чиновниковъ военныхъ и гражданскихъ, которые отъ скуки, для забавы, для денегъ, кое-что пописываютъ. Послѣ этого, ты позволишь мнѣ смѣяться надъ литературною нашею спѣсью и надъ твоею литературною іереміадою... Все идетъ своимъ чередомъ. Литературѣ у насъ время еще не пришло.

Л. Время, время! Да время и никогда не прійдетъ...

Ф. Какая нелѣпица! Придетъ оно, милый другъ, и его ничто не остановитъ... И оно идетъ, движется незамѣтно, безпрерывно, движетъ и насъ съ собою. Посмотри на то, что сдѣлано въ литературѣ съ 1732 по 1832 годъ... Все это мало, недо-

статочно; но начало сдѣлано, и *Дмитрій Донской* стоитъ въ такомъ же великомъ разстояніи отъ *Семиры*, въ какомъ отъ него находится *Борисъ Годуновъ*: Грибоѣдовъ съ своимъ *Горе отъ Ума* такъ же выше фонъ-Визина съ его *Недоросля*, какъ фонъ-Визинъ былъ выше Сумарокова съ его *Чудовищами*.

Мы уже не доживемъ, милый другъ, до того времени, когда въ Россіи литература займетъ важную степень между общественными отношеніями, когда общество поставитъ литературу въ число необходимостей жизни... Теперь намъ еще некогда и думать объ этомъ. У насъ столько другихъ дѣлъ и занятій. Не смѣшно ли требовать литературы, когда мы едва грамотѣ знаемъ? или созданій великихъ, когда образованіе и просвѣщеніе не даютъ къ тому средствъ?

... Взгляни на общество, опредѣли степень нашего образованія и просвѣщенія, ожидай въ будущемъ, дѣлай самъ, что можешь, въ надеждѣ: *не мнѣ, такъ внукамъ* пригодится, а между тѣмъ не требуй, чтобы дитя въ пеленкахъ плясало менуэтъ. Я нимало не дивлюсь, замѣчая у насъ мелкость литературную и находя повсюду безцвѣтность, холодность, подражательность. Отъ этихъ ли пестрыхъ куколъ, отъ этихъ ли человѣчковъ на восковыхъ ножкахъ ждать высокихъ, сильныхъ порывовъ души, глубокаго восторга, самобытныхъ созданій! У нихъ всѣ дѣтскіе пороки! Самохвальство, горделивость, подражательность, все это найдешь ты въ литературѣ нашей, и ни одной добродѣтели, даже ни одного порока взрослаго человѣка... Да что я заговорилъ такимъ языкомъ? Съ литературою русскою надо шутить и смѣяться, потому что на дѣтей сердиться смѣшно и грѣшно. Пусть критика ставитъ иногда русскихъ литераторовъ въ уголъ, за шалости; пусть публика иногда даритъ вниманіемъ ихъ *стишки* и *твореньица*, какъ дарятъ дѣтей обновками къ празднику,—и только»!

— Все это буквальное повтореніе того, что говорилось въ статьяхъ Надоумко.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

НАДЕЖДИНЪ. — БѢЛИНСКІЙ.

Критикою «Телескопа» было положено основаніе критикѣ гоголевскаго періода. Это внутреннее родство мысли выразилось и внѣшнимъ образомъ въ первоначальныхъ отношеніяхъ людей, изъ которыхъ одному досталось на долю начать, а другому—совершить дѣло водворенія у насъ справедливыхъ литературныхъ понятій. Но какъ впослѣдствіи времени эти люди стали чужды другъ другу, такъ и мысль, черезъ нихъ выражавшаяся, достигнувъ полнаго развитія въ словѣ бывшаго ученика, раскрыла въ себѣ содержаніе, существенно различное отъ того, что обнаруживала въ первыхъ, еще несовершенныхъ своихъ проявленіяхъ у бывшаго учителя. Коренныя черты родства между этими двумя ея фазисами указать очень легко: стоитъ только припомнить общую точку зрѣнія критики Надеждина. Существеннымъ основаніемъ всѣхъ его воззрѣній служили идеи, выработывавшіяся германскою философіею. Сообразно духу этой философіи, онъ разсматривалъ литературу, какъ одно изъ частныхъ проявленій общей народной жизни, въ связи съ другими сторонами жизни; требовалъ, чтобъ она сознала свое назначеніе—быть не праздною игрою личной фантазіи поэта, а выразительницею народнаго самосознанія и одною изъ могущественнѣйшихъ силъ, движущихъ народъ по пути историческаго развитія. Вслѣдствіе такихъ высокихъ понятій о назначеніи литературы, нѣмецкая философія поставляла необходимостію, чтобы въ ея произведеніяхъ значительность идеи, безъ которой форма пуста, соединялась съ художественностію формы, осуществляющей идею. Отъ этихъ эстетическихъ аксіомъ критика гоголевскаго періода никогда не отступала. Напротивъ, чѣмъ болѣе она развивалась, тѣмъ глубже, полнѣе и сильнѣе понимала и выражала эти идеи. Сходство, какъ видимъ, заключалось въ одинаковости общаго начала. Оно очень значительно; его можно назвать настоящимъ кровнымъ родствомъ. Различіе было еще гораздо болѣе важно. Оно зависѣло отъ степени развитія этого общаго начала; оно состояло въ глубинѣ и цѣлости воззрѣнія, въ послѣдовательности его приложеній и въ важности выводовъ, какіе давало его примѣненіе къ фактамъ, представляемымъ литературою. Чтобы видѣть, какое огромное разстояніе, уже по необходимости, лежавшей въ духѣ времени, не говоря о причинахъ различія, зависѣвшихъ отъ

личнаго характера критиковъ, отдѣляло критику гоголевскаго періода отъ критики «Телескопа», надобно сообразить, какому измѣненію подверглись въ своемъ прогрессивномъ движеніи тѣ элементы нашей умственной жизни, изъ взаимнаго проникновенія которыхъ слагается критика, съ той поры, когда кончилась журнальная дѣятельность Надеждина (1834—1836), до той эпохи, когда критика гоголевскаго періода достигла (1844—1847) крайнихъ предѣловъ развитія, положенныхъ ей не столько границами силъ и слишкомъ кратковременной жизни человѣка, бывшаго главнымъ ея представителемъ (силы эти были огромны и раскрывались передъ нами далеко не во всей полнотѣ), сколько границами потребностей и требованій нашей публики. Надобно припомнить ходъ постепеннаго развитія у насъ научныхъ понятій и литературы въ этотъ періодъ времени, очень непродолжительный, обнимающій всего какихъ нибудь двѣнадцать лѣтъ, но ознаменованный въ нашей умственной жизни многими очень важными фактами.

Надеждинъ ввелъ въ наше литературное сознаніе идеи, выработанныя нѣмецкою философіею [1]). Это заслуга очень важная. Но Надеждинъ былъ послѣдователемъ Шеллинга, и если принадлежалъ, какъ мы говорили, къ тѣмъ изъ учениковъ этого философа, которые развивали его понятія сообразно духу времени, то все, однако же, въ сущности оставался ученикомъ Шеллинга. Но система этого мыслителя сама по себѣ неудовлетворительна, и главное значеніе ея состоитъ только въ томъ, что она была зародышемъ, изъ котораго развилась система Гегеля. Этого философа Надеждинъ, какъ по всему видно, никогда не признавалъ своимъ руководителемъ, считая его не болѣе, какъ даровитымъ послѣдователемъ Шеллинга. Понять Гегеля, который далъ истинный смыслъ и настоящую цѣну неопредѣленнымъ и отрывочнымъ мыслямъ Шеллинга, было предоставлено уже слѣдующему поколѣнію, обратившемуся къ изученію нѣмецкой философіи отчасти по самостоятельному стремленію, отчасти, конечно, благодаря дѣятельности Надеждина и Павлова. Нѣсколько времени эти юноши абсолютною истиною считали ученіе Гегеля въ такомъ видѣ, какъ излагалъ

[1]) Задолго до Надеждина, нѣмецкая философія имѣла послѣдователей между русскими учеными. Особеннаго вниманія заслуживаетъ то, что ею съ любовью занимались въ нашихъ духовныхъ академіяхъ. По случаю изданія «Логики» Бахмана въ русскомъ переводѣ Надеждинъ говоритъ («Молва» 1832, № 20), что въ одной изъ духовныхъ академій давно ужъ переведены сочиненія Канта, Шеллинга, Фихте, Якоби. Позднѣе, въ Кіевской Духовной Академіи, исторія философіи отъ Канта до Гегеля преподавалась по извѣстному сочиненію Мишелета (берлинскаго). Имена высокопреосвященнаго Филарета, митрополита московскаго, и преосвященнаго Иннокентія одесскаго должны занимать въ исторіи философіи у насъ такое же мѣсто, какъ и въ исторіи богословія. Протоіерей Г. П. Павскій, оказавшій незабвенныя услуги богословскимъ наукамъ въ Россіи, заслуживаетъ величайшаго нашего уваженія и какъ мыслитель: въ послѣднее время, очень много было говорено о его трудахъ по русской филологіи, чрезвычайную важность которыхъ всѣ признаютъ. Но филологія послужила ему только развлеченіемъ отъ занятій богословіемъ и философіею, дающихъ ему еще гораздо болѣе правъ на славу между нашими учеными. Всѣмъ извѣстны заслуги протоіерея О. А. Голубинскаго, знаменитаго профессора философіи въ Московской Духовной Академіи. Наконецъ назовемъ Ѳ. А. Сидонскаго. Изъ свѣтскихъ ученыхъ, до Надеждина, нельзя не вспомнить о Фесслерѣ, Велланскомъ и въ особенности И. Я. Кронебергѣ и М. Г. Павловѣ. Послѣдній имѣлъ даже значительное вліяніе на молодое поколѣніе, воспитывавшееся въ Московскомъ Университетѣ, и ему, быть можетъ, даже болѣе, нежели Надеждину, принадлежитъ слава распространенія любви къ философіи между молодыми литераторами, о которыхъ мы будемъ говорить. Тѣмъ не менѣе, когда выступилъ Надеждинъ, нѣмецкая философія не только для большинства публики, но и для большей части образованнѣйшихъ писателей нашихъ оставалась еще предметомъ неслыханнымъ и непостижимымъ.

его этотъ мыслитель. Но скоро познакомились они съ сочиненіями учениковъ Гегеля, которые, съ строгою послѣдовательностію развивая существенныя идеи учителя, отвергли все, что въ его системѣ противорѣчило этимъ основнымъ принципамъ, и наконецъ преобразовали его систему такъ, какъ прежде онъ преобразовалъ систему Шеллинга. Безъ всякаго преувеличенія, надобно сказать, что такъ называемою школою Гегеля образовано было совершенно новое философское ученіе, которому система самого Гегеля служила не болѣе, какъ предшественницею, только въ этомъ ученіи получившею свой смыслъ и оправданіе. Тѣмъ завершилось развитіе нѣмецкой философіи, которая, теперь въ первый разъ достигнувъ положительныхъ рѣшеній, сбросила свою прежнюю схоластическую форму метафизической трансцендентальности и, признавъ тожество своихъ результатовъ съ ученіемъ естественныхъ наукъ, слилась съ общею теоріею естествовѣдѣнія и антропологіею.

Тогда и увлеченіе системою Гегеля, которому на время совершенно подчинялись молодые русскіе приверженцы нѣмецкой философіи, уступило мѣсто новымъ воззрѣніямъ, высказаннымъ его учениками. Предметъ этотъ имѣетъ высокую важность для исторіи нашей литературы, потому что изъ тѣснаго дружескаго кружка, о которомъ мы говоримъ и душою котораго былъ Н. В. Станкевичъ, скончавшійся въ первой порѣ молодости, вышли или впослѣдствіи примкнули къ нему почти всѣ тѣ замѣчательные люди, которыхъ имена составляютъ честь нашей новой словесности, отъ Кольцова до г. Тургенева. Безъ сомнѣнія, когда нибудь, этотъ благороднѣйшій и чистѣйшій эпизодъ исторіи русской литературы будетъ разсказанъ публикѣ достойнымъ образомъ. Въ настоящую минуту еще не пришла пора для того.

Такимъ образомъ, втеченіе семи или восьми лѣтъ, научныя понятія, на которыхъ должна основываться критика, прошли два великіе фазиса развитія и достигли той окончательной ясности, полноты и послѣдовательности, которой недоставало имъ въ системѣ самого Гегеля, не только въ системѣ Шеллинга. И если Шеллингъ въ настоящее время имѣетъ значеніе только какъ непосредственный учитель Гегеля, то и самъ Гегель, въ свою очередь, имѣетъ значеніе только какъ предшественникъ стройнаго и полнаго ученія, выработаннаго его школою изъ тѣхъ принциповъ, которые въ его системѣ высказывались не болѣе, какъ въ видѣ темныхъ предчувствій, оставались безъ приложеній и даже были подавляемы противорѣчащими ихъ существенному смыслу трансцендентальными понятіями, наслѣдіемъ односторонняго идеализма. Только трудами новѣйшихъ нѣмецкихъ мыслителей философія получила содержаніе, соотвѣтствующее требованіямъ точныхъ наукъ, и основалась, подобно естествовѣдѣнію, на строгомъ анализѣ фактовъ.

Но нѣмецкая философія занималась по преимуществу только самыми общими и отвлеченными научными вопросами. Принципы общей системы воззрѣній на міръ были наконецъ найдены ею и приложены къ разъясненію нравственныхъ и отчасти историческихъ вопросовъ; зато другія части науки, не менѣе важныя, оставляемы были въ Германіи безъ особеннаго вниманія,— преимущественно должно сказать это о практическихъ вопросахъ, порождаемыхъ матеріальною стороною человѣческой жизни. Французскихъ мыслителей занимали всегда эти предметы болѣе, нежели нѣмецкихъ, но очень долго не постигались

ими во всей глубинѣ и разрѣшались или поверхностнымъ, или фантастическимъ образомъ. Наконецъ, когда результаты нѣмецкой философіи проникли во Францію, а наблюденія, собранныя французами, въ Германію, пришло время искать положительныхъ и точныхъ рѣшеній. Тогда односторонность науки исчезла: ея содержаніе было уяснено относительно всѣхъ ея существенныхъ задачъ. Матеріальныя и нравственныя условія человѣческой жизни и экономическіе законы, управляющіе общественнымъ бытомъ, были изслѣдованы съ цѣлью опредѣлить степень ихъ соотвѣтственности съ требованіями человѣческой природы и найти выходъ изъ житейскихъ противорѣчій, встрѣчаемыхъ на каждомъ шагу, и получены довольно точныя рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ жизни. Этотъ новый элементъ также вошелъ въ наше умственное развитіе; критика воспользовалась имъ, и ея основныя воззрѣнія во многихъ случаяхъ получили бо́льшую опредѣленность и жизненность.

Таковъ былъ ходъ науки вообще. Мы, на сколько то было возможно, слѣдовали развитію общечеловѣческихъ понятій, которыя подъ конецъ періода, здѣсь обозрѣваемаго, ни мало уже не походили на то, что было намъ извѣстно въ его началѣ. Тѣ отрасли науки, которыя, имѣя предметомъ русскій міръ, должны быть обработываемы силами русскихъ ученыхъ, также сдѣлали въ этотъ промежутокъ времени очень значительные успѣхи, преимущественно русская исторія, отъ истинныхъ понятій о которой такъ много зависитъ и справедливое пониманіе историческаго хода нашей литературы. Около 1835 года, мы, подлѣ безусловнаго поклоненія Карамзину, встрѣчаемъ, съ одной стороны, скептическую школу, заслуживающую великаго уваженія за то, что первая стала хлопотать о разрѣшеніи вопросовъ внутренняго быта, но разрѣшавшую ихъ безъ надлежащей основательности; съ другой—«высшіе взгляды» Полеваго на русскую исторію,—черезъ десять лѣтъ, ни о высшихъ взглядахъ, ни о скептицизмѣ нѣтъ уже и рѣчи: вмѣсто этихъ слабыхъ и поверхностныхъ попытокъ, мы встрѣчаемъ строго ученый взглядъ новой исторической школы, главными представителями которой были гг. Соловьевъ и Кавелинъ: тутъ въ первый разъ намъ объясняется смыслъ событій и развитіе нашей государственной жизни. Около того же времени, или нѣсколько раньше, подвергается основательному изслѣдованію вопросъ о значеніи важнѣйшаго явленія нашей исторіи—реформы Петра Великаго, о которой до того времени повторялись только наивныя сужденія Голикова или Карамзина. Нѣтъ надобности объяснять, какъ тѣсно связана съ этимъ дѣломъ участь общаго взгляда на нашу литературу. Изданія Археографической Коммиссіи дали каждому возможность изучать русскую исторію по источникамъ. Самые упорные противники всего новаго соглашаются, что изученіе русской исторіи сдѣлало значительные успѣхи втеченіе десяти или двѣнадцати лѣтъ, о которыхъ мы говоримъ.

Но ближайшій предметъ критики, русская литература, измѣнилась еще значительнѣе. Пушкинъ явился въ совершенно новомъ свѣтѣ, когда по смерти его обнародованы были произведенія, въ художественномъ отношеніи превышающія все, что было имъ напечатано при жизни. Гоголь напечаталъ «Ревизора». Явились Кольцовъ и Лермонтовъ. Всѣ прежнія знаменитости померкли передъ этими новыми. Явилась новая школа писателей, образовавшихся подъ вліяніемъ Гоголя. Гоголь издалъ «Мертвыя души». Почти въ одно время

явились «Кто виноватъ?», «Бѣдные люди», «Записки охотника», «Обыкновенная исторія», первыя повѣсти г. Григоровича. Переворотъ былъ совершенный. Литература наша въ 1847 году была такъ же мало похожа на литературу 1835 года, какъ эпоха Пушкина на эпоху Карамзина.

Въ литературахъ западной Европы также совершались великія перемѣны. Виктора Гюго, Ламартина и Шатобріана, которыхъ прежде считали величайшими поэтами нашего вѣка, стали находить слишкомъ фальшивыми, приторными или натянутыми, ихъ не только перестали превозносить, перестали даже бранить. Вмѣсто ихъ, первою славою французской литературы явилась Жоржъ Сандъ, съ которой началась совершенно новая эпоха. Въ англійской литературѣ, вмѣсто историческихъ романовъ Вальтера Скотта, этнографическихъ романовъ Купера и фешенэбльныхъ издѣлій Бульвера, общее вниманіе привлекли романы Диккенса. Въ нѣмецкой литературѣ не нашлось преемниковъ не только Гете, но даже и Гофману. Въ тридцатыхъ годахъ славу нѣмецкой поэзіи отчасти поддерживалъ Гейне; но скоро и онъ оказался человѣкомъ отсталымъ отъ своего времени; о нѣмецкой беллетристикѣ въ сороковыхъ годахъ не было и слуховъ за границами нѣмецкой земли. Эти факты должны были оказать сильное вліяніе на понятія объ искусствѣ: кто прочиталъ и умѣлъ оцѣнить Диккенса и Жоржа Санда, тотъ не такъ будетъ понимать литературу, какъ поклонникъ Вальтера Скотта и Купера, не говоря уже о Ламартинѣ и Викторѣ Гюго.

Словомъ, все кругомъ совершенно перемѣнилось, и болѣе всего перемѣнились именно тѣ элементы нашей умственной жизни, отъ которыхъ непосредственно зависятъ характеръ и содержаніе критики: научныя понятія, служащія ей основаніемъ, и отечественная литература.

Условія, въ которыхъ дѣйствовала критика гоголевскаго періода, были, какъ видимъ, столь новы, что, по необходимости, возлагаемой самою сущностью дѣла, она должна была раскрывать собою для нашего литературнаго сознанія совершенно новое содержаніе. Понятія, на которыхъ она должна была опираться, факты, о которыхъ должна была судить, до такой степени превышали своею глубиною и значительностью все, о чемъ прежде могла говорить русская критика, что всѣ предшествовавшіе ей періоды нашей критики должны были померкнуть въ нашихъ глазахъ, какъ маловажные въ сравненіи съ нею.

Главнымъ дѣятелемъ критики гоголевскаго періода былъ Бѣлинскій. Читатели, быть можетъ, извинятъ насъ, что въ настоящей статьѣ мы не даемъ ни біографическихъ свѣдѣній объ этомъ писателѣ, ни даже его характеристики, потому что сообщеніе біографическихъ подробностей не входитъ въ планъ нашихъ «Очерковъ», ограничивающихся только разсмотрѣніемъ произведеній и не вдающихся въ изслѣдованія о частной жизни и личномъ характерѣ писателей. Мы сами первые чувствуемъ неполноту и, такъ сказать, отвлеченность этого плана и утѣшаемся только тѣмъ, что и неполный и сухой разборъ все-таки имѣетъ нѣкоторое, хотя временное, значеніе, пока не являются труды болѣе живые и полные.— Впрочемъ, при изложеніи развитія и смысла критики гоголевскаго періода, быть можетъ, менѣе, нежели въ какомъ бы то ни было другомъ случаѣ, чувствуется потребность въ біографическихъ соображеніяхъ: въ дѣлахъ, имѣющихъ истинно важное значеніе, сущность не зави-

ситъ отъ воли, или характера, или житейскихъ обстоятельствъ дѣйствующаго лица; ихъ исполненіе не обусловливается даже ничьей личностью. Личность тутъ является только служительницею времени и исторической необходимости.

Кто вникнетъ въ обстоятельства, среди которыхъ должна была дѣйствовать критика гоголевскаго періода, ясно поймётъ, что характеръ ея совершенно зависѣлъ отъ историческаго нашего положенія; и если представителемъ критики въ это время былъ Бѣлинскій, то потому только, что его личность была именно такова, какой требовала историческая необходимость. Будь онъ не таковъ, эта непреклонная историческая необходимость нашла бы себѣ другаго служителя, съ другою фамиліею, съ другими чертами лица, но не съ другимъ характеромъ: историческая потребность вызываетъ къ дѣятельности людей и даетъ силу ихъ дѣятельности, а сама не подчиняется никому, не измѣняется никому въ угоду. «Время требуетъ слуги своего», по глубокому изреченію одного изъ такихъ слугъ.

Итакъ, оставимъ въ сторонѣ личность Бѣлинскаго: онъ былъ только слугою исторической потребности, и съ нашей отвлеченной точки зрѣнія насъ интересуетъ только развитіе содержанія русской критики, во всемъ существенно важномъ съ необходимостью опредѣлявшееся обстоятельствами, созданными исторіею. И если мы будемъ иногда упоминать имя Бѣлинскаго, говоря о той или другой идеѣ, то вовсе не потому, чтобы собственно отъ его личности зависѣло выраженіе этой идеи: напротивъ, въ томъ, что есть существеннаго въ его критикѣ, лично ему, какъ отдѣльному человѣку, принадлежатъ только тѣ или другія слова, употребленіе того или другого оборота рѣчи, но вовсе не самая мысль: мысль всецѣло принадлежитъ его времени; отъ его личности зависѣло только то, удачно-ли, сильно-ли высказывалась мысль.

Бѣлинскій явился на литературное поприще сотрудникомъ Надеждина, какъ его ученикъ и продолжатель. Началъ онъ съ того самаго, на чемъ остановился Надеждинъ—съ чрезвычайно рѣзкаго и горькаго отрицанія всей нашей литературы, до самого Гоголя, который и самъ тогда еще не доказалъ, что его дѣятельность положитъ конецъ этому отрицанію. Первая значительная статья новаго критика—«Литературныя мечтанія. Элегія въ прозѣ»—помѣщенная въ «Молвѣ» 1834 года, имѣетъ самый мрачный и безпощадный тонъ. Уже заглавіе указываетъ на ея прямое происхожденіе отъ «Литературныхъ опасеній» Надеждина, намекаетъ, что наша такъ называемая литература не болѣе, какъ мечта, и говоритъ, что думать о ней значитъ наводить на себя тоску. Еще рѣзче высказываютъ общее направленіе статьи эпиграфы, выставленные надъ нею. Ихъ два:

Я правду о тебѣ поразскажу такую,
Что хуже всякой лжи.

Грибоѣдовъ. «Горе отъ ума».

«Есть-ли у васъ хорошія книги?»—Нѣтъ; но у насъ есть великіе писатели.— Такъ, по крайней мѣрѣ, у васъ есть словесность?—Нѣтъ, у насъ есть только книжная торговля». *Баронъ Брамбеусъ».*

Статья, объявляющая о своемъ содержаніи такимъ заглавіемъ и такими эпиграфами, заключаетъ обзоръ всей исторіи нашей литературы отъ ея начала до 1834 года. Нужно-ли говорить, что она совершенно уничтожаетъ ее? Вообще, только четыре писателя, по мнѣнію автора, имѣютъ право называться русскими писателями: Державинъ, Пушкинъ, Крыловъ и Грибоѣдовъ. Да и тѣ—что такое успѣли сдѣлать? Державина спасло отъ совершенной пустоты только его невѣжество,—а невѣжество можетъ-ли создать что-нибудь хорошее? Пушкинъ показалъ, что у него есть великій талантъ, но не произвелъ ничего, достойнаго своихъ силъ, а теперь (1832—1834) не печатаетъ ничего хорошаго: «теперь онъ умеръ или, быть можетъ, только обмеръ на время,—судя по «Анджело» и сказкамъ, умеръ». Крыловъ хорошъ въ басняхъ—важное богатство для литературы! Грибоѣдовъ написалъ одну комедію, въ которой главное достоинство—ѣдкость, а не художественность. Итакъ, у насъ еще нѣтъ литературы. Могутъ-ли четыре человѣка составлять литературу, особенно если явились, какъ то было у насъ, случайно, безъ предшественниковъ и продолжателей? Литература явится у насъ тогда, когда просвѣщеніе укоренится на нашей почвѣ; а теперь намъ рано и думать о такой роскоши. «Теперь намъ нужно ученіе! ученіе! ученіе! а не литература». Тѣмъ же духомъ проникнуто и другое обозрѣніе, явившееся въ «Телескопѣ» черезъ полтора года (1836). Существенная мысль его достаточно выражается самымъ заглавіемъ: «Ничто о ничемъ, или отчетъ г. издателю «Телескопа» за послѣднее полугодіе (1835) русской литературы». Но Гоголь и Кольцовъ («Миргородъ». «Арабески» и «Стихотворенія Кольцова» явились въ 1835 году) уже вынуждаютъ у автора нѣкоторыя уступки въ пользу надежды на близость лучшей будущности. Обоихъ онъ привѣтствовалъ съ восторгомъ, и съ самаго начала, когда самые проницательные изъ другихъ цѣнителей еще не замѣчали Кольцова и отзывались о Гоголѣ съ благосклонною снисходительностью, какъ о человѣкѣ, который пишетъ очень порядочно, онъ уже оцѣнилъ ихъ вполнѣ, увидѣлъ въ ихъ первыхъ произведеніяхъ начало новой эпохи для русской литературы и предсказалъ, какое высокое мѣсто они займутъ въ ней. А, между тѣмъ, Кольцовъ тогда напечаталъ только маленькую тетрадку съ восемнадцатью пьесами, изъ числа которыхъ развѣ шесть или семь были удачны, а Гоголь издалъ только «Миргородъ» и «Арабески», ни «Ревизора», ни большей половины его повѣстей, ни драматическихъ сценъ еще не было,—и, однако же, молодой критикъ не усомнился и тогда назвать его «главою нашей литературы». Эта проницательность, впрочемъ, покажется намъ совершенно естественною, если мы захотимъ сообразить, что молодому сотруднику Надеждина были даны природою силы сдѣлаться главою нашей критики въ начинавшемся тогда новомъ періодѣ: само собою разумѣется, что онъ только потому и исполнилъ свое назначеніе, что былъ готовъ къ нему, что носилъ въ своей душѣ идеалъ будущаго, истолкователемъ котораго былъ, когда оно осуществилось: трудно-ли человѣку, наполненному предчувствіемъ, узнать и оцѣнить съ перваго же взгляда то, чего онъ ждалъ, о чемъ мечталъ? Вообще, человѣкъ очень легко понимаетъ все сродное съ его собственною натурою [1]).

[1]) Вотъ существенныя мѣста изъ замѣчательной статьи «О русской повѣсти и повѣстяхъ г. Гоголя»: «Арабески и Миргородъ». («Телескопъ», томъ XXVII).

Въ этомъ открываются уже рѣшительные признаки самостоятельности Бѣлинскаго, при самомъ началѣ его дѣятельности, когда онъ, повидимому, еще совершенно слѣдовалъ вліянію своего учителя. На Кольцова Надеждинъ не обратилъ вниманія; а что касается первыхъ повѣстей Гоголя, онъ понималъ, что «Вечера на Хуторѣ» и «Миргородъ»—произведенія прекрасныя, но всей важности этихъ явленій не замѣчалъ: находилъ ихъ автора замѣчательнымъ писателемъ, отъ котораго надобно ожидать много прекраснаго, но и не предполагалъ въ немъ корифея совершенно новой будущности. Эта разница объясняется тѣмъ, что одинъ въ душѣ совершенно былъ человѣкомъ новаго періода, въ умѣ другаго стремленіе къ будущему боролось съ привычками прошедшаго и если побѣждало ихъ, то послѣ борьбы, помощью умозаключеній и соображеній, а не мгновеннымъ инстинктивнымъ влеченіемъ родственной натуры.

Сотрудничество съ Надеждинымъ оставило навсегда довольно рѣзкій отпечатокъ на нѣкоторыхъ привычкахъ критики гоголевскаго періода. Самою существенною изъ этихъ принятыхъ по наслѣдству особенностей была безпощадная и непрерывная полемика противъ романтизма. У Надеждина она была едва ли не самою главною задачею всей критики и, очевидно, проистекала изъ самаго положенія нашей литературы. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что черезъ десять лѣтъ въ этихъ непрерывныхъ филиппикахъ уже не было настоящей надобности. Романтизмъ, повидимому, уже пересталъ быть опаснымъ, его пора было бы оставить въ покоѣ, и несправедливо было бить лежачаго врага. Но это заключеніе окажется ошибочно, если мы пристальнѣе вникнемъ

«Романъ и повѣсть суть единственные роды, которые появились въ нашей литературѣ не столько по духу подражательности, сколько вслѣдствіе потребности... Романъ все поглотилъ, а повѣсть, пришедшая вмѣстѣ съ нимъ, изгладила даже и слѣды всего этого, и самъ романъ съ почтеніемъ посторонился и далъ ей дорогу впереди себя. Въ русской литературѣ повѣсть еще гостья, но гостья, которая вытѣсняетъ давнишнихъ хозяевъ изъ ихъ жилища...

«У насъ еще нѣтъ повѣсти, въ собственномъ смыслѣ этого слова... Первенство поэта-повѣствователя остается за г. Полевымъ. Но въ его повѣстяхъ есть одинъ важный недостатокъ: въ нихъ замѣтно большое участіе ума, для котораго самая фантазія есть какъ бы средство (*т. е. они сочинены, а не созданы, въ нихъ нѣтъ поэтическаго творчества*). Посмотримъ, нѣтъ-ли между нашими писателями такого, который былъ бы поэтъ по призванію... Мнѣ кажется, что изъ современныхъ писателей—я не включаю въ это число Пушкина, который уже свершилъ кругъ своей художнической дѣятельности (*такъ тогда думали, потому что послѣ «Бориса Годунова» Пушкинъ втеченіе пяти или четырехъ лѣтъ печаталъ мало замѣчательнаго*)—никого не можно назвать поэтомъ съ большею увѣренностью и ни мало не задумываясь, какъ г. Гоголя...

«Способность творчества есть великій даръ природы. Творчество безцѣльно съ цѣлью, безсознательно съ сознаніемъ, свободно съ зависимостью. Вотъ его основные законы. (*Излагается эстетическая теорія нѣмецкой философіи, введенная къ намъ Надеждинымъ*).

«Очень нетрудно къ этому приложить сочиненія г. Гоголя, какъ факты къ теоріи. Скажите, какое впечатлѣніе прежде всего производитъ на васъ повѣсть г. Гоголя? Не заставляетъ-ли она васъ говорить: «Какъ все это просто, обыкновенно, естественно и вѣрно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ оригинально и ново!» Не удивляетесь-ли вы и тому, что вамъ самимъ не пришла въ голову та же самая идея, почему вы сами не могли выдумать этихъ же самыхъ лицъ, такъ обыкновенныхъ, такъ знакомыхъ вамъ, и окружить ихъ этими самыми обстоятельствами, такъ повседневными? Вотъ первый признакъ истинно художественнаго произведенія. Потомъ не знакомитесь-ли вы съ каждымъ персонажемъ его повѣсти такъ коротко, какъ будто вы давно знали его, долго жили съ нимъ вмѣстѣ? Не вѣрите-ли вы на слово, не готовы-ли вы побожиться, что все разсказанное авторомъ есть чистая правда, безъ всякой примѣси вымысла? Какая этому причина? Та, что эти созданія ознаменованы печатью истиннаго таланта. Эта простота вымысла, эта нагота дѣйствія—вѣрные признаки творчества. Эта поэзія реальная, поэзія жизни дѣйствительной... И возьмите почти всѣ повѣсти г. Гоголя: какой отличительный характеръ ихъ?

въ сущность дѣла. Во-первыхъ, романтизмъ сдѣлалъ только наружныя уступки: отказался отъ своего имени, не болѣе, но вовсе не исчезъ и очень долго старался оспаривать побѣду у новаго направленія; онъ имѣлъ еще многихъ послѣдователей въ литературѣ и многихъ приверженцевъ въ публикѣ. Чтобы указать на фактъ, относящійся уже къ самому послѣднему времени критики гоголевскаго періода, припомнимъ, какою ожесточенною и всеобщею враждою встрѣчена была отъ всѣхъ журналовъ (кромѣ «Отечественныхъ Записокъ» и потомъ «Современника») натуральная школа, которая на самомъ дѣлѣ, а не только на словахъ, отказалась отъ романтическихъ прикрасъ: всѣ возмущались тѣмъ, что она описываетъ дѣйствительную жизнь въ ея истинномъ видѣ, а не повѣствуетъ о небывалыхъ въ мірѣ злодѣяхъ и герояхъ и невиданныхъ красотахъ природы, -всѣ эти нападенія проистекали изъ привязанности къ преданіямъ романтизма. Да и до сихъ поръ романтизмъ еще живетъ во всѣхъ тѣхъ, которые, по добродушной робости или по любви къ мишурѣ, не любятъ правды, высказываемой безъ прикрасъ, и находятъ, что какъ поле красно рожью, такъ рѣчь—ложью, что отрицаніе безплодно, что, впрочемъ, оно уже сдѣлало свое дѣло, что пора намъ обратиться къ болѣе благосклонному взгляду на жизнь, и т. д.,—т. е. тоскуютъ по блаженной порѣ Гременыхъ и Лириныхъ, съ прочими аркадскими принадлежностями. Если вы хотите испытать, на самомъ ли дѣлѣ много еще осталось у насъ романтиковъ, есть для того средство очень легкое: пробный камень для романтизма—критика гоголевскаго періода; кто не доволенъ ея мнимою излишнею суровостью (разумѣется, не по

Что почти каждая изъ его повѣстей? Смѣшная комедія, которая начинается глупостями, продолжается глупостями и оканчивается слезами, и которая, наконецъ, называется *жизнью*. И таковы всѣ его повѣсти: сначала смѣшно, потомъ грустно. И такова жизнь наша: сначала смѣшно, потомъ грустно! Сколько тутъ поэзіи, сколько философіи, сколько истины!

«Въ художественныхъ произведеніяхъ должно различать характеръ творчества, общій всѣмъ изящнымъ произведеніямъ, и характеръ колорита, сообщенный индивидуальностью автора. Я уже сказалъ, что отличительныя черты характера произведеній г. Гоголя суть простота вымысла, совершенная истина жизни, народность, оригинальность,—все это черты общія; потомъ комическое одушевленіе, побѣждаемое глубокимъ чувствомъ грусти и унынія—черта индивидуальная.

«Комизмъ, или юморъ, г. Гоголя имѣетъ свой особенный характеръ: это юморъ чисто русскій, спокойный, простодушный, спокойный въ самомъ своемъ негодованіи, добродушный въ самомъ своемъ лукавствѣ...

«Портретъ» есть неудачная попытка г. Гоголя въ фантастическомъ родѣ. Здѣсь его талантъ падаетъ; но онъ и въ самомъ паденіи остается талантомъ. Вообще надобно сказать, что фантастическое какъ-то не совсѣмъ дается г. Гоголю.

«Какой же общій результатъ выведу я изъ всего сказаннаго мною? Если я сказалъ, что г. Гоголь поэтъ, я уже все сказалъ, я уже лишилъ себя права дѣлать ему судейскіе приговоры. У насъ много писателей, нѣкоторые даже съ дарованіемъ, но нѣтъ поэтовъ (*Пушкина автора исключилъ, какъ мы видѣли, изъ числа дѣйствовавшихъ тогда писателей*). Поэтъ—высокое и святое слово: въ немъ заключается неумирающая слава!.. Задача критики: опредѣлить степень, занимаемую художникомъ въ кругу своихъ собратій. Но г. Гоголь только еще началъ свое поприще: слѣдовательно, наше дѣло высказать свое мнѣніе о его дебютѣ и о надеждахъ въ будущемъ, которыя подаетъ этотъ дебютъ. Эти надежды велики, ибо г. Гоголь владѣетъ талантомъ необыкновеннымъ и высокимъ. По крайней мѣрѣ, въ настоящее время, онъ является главою литературы, главою поэтовъ; онъ становится на мѣсто, оставленное Пушкинымъ...

«Поэты бываютъ двухъ родовъ: одни только доступны поэзіи, у другихъ даръ поэзіи есть нѣчто составляющее нераздѣльную часть ихъ бытія. Первые иногда одинъ разъ въ цѣлую жизнь выскажутъ какую-нибудь прекрасную поэтическую грезу и ослабѣваютъ въ послѣдующихъ своихъ произведеніяхъ. Другіе съ каждымъ новымъ произведеніемъ возвышаются и крѣпнутъ. Г. Гоголь принадлежитъ къ числу этихъ послѣднихъ поэтовъ: этого довольно».

какимъ нибудь личнымъ разсчетамъ или лицемѣрію—о подобныхъ людяхъ нечего и говорить—а по искреннему убѣжденію), въ томъ не умеръ романтизмъ. А такихъ людей еще набирается довольно много. Нынѣ можно не обращать на нихъ вниманія: для большинства публики ихъ мнѣнія забавны и только, а никакъ неопасны. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ было не то: мнѣнія, которыя нынѣ составляютъ лишь забаву, утѣшающую отдѣльныхъ людей, не имѣющихъ вліянія на публику, были очень сильны въ литературѣ. Стоитъ припомнить, какъ одинъ изъ тогдашнихъ критиковъ не хотѣлъ печатать повѣстей Гоголя въ журналѣ, которому давалъ направленіе, и не хотѣлъ даже писать разбора его комедіи, считая эту пьесу низкимъ фарсомъ. Основаніемъ его наивныхъ понятій были, конечно, романтическія требованія возвышенныхъ страстей и идеальныхъ личностей въ искусствѣ. А этотъ критикъ въ то время считался представителемъ современной науки. Каковы же были понятія другихъ литературныхъ судей, даже и не подозрѣвавшихъ въ искусствѣ ничего, кромѣ французскихъ мелодраматическихъ издѣлій? «Отечественныя Записки» однѣ боролись противъ всѣхъ журналовъ въ этомъ случаѣ, продолжая дѣло Телескопа.

Но борьба съ романтизмомъ, которая въ критикѣ гоголевскаго періода болѣе всего остальнаго могла бы казаться простымъ продолженіемъ мысли Надеждина, сохранила только наружное сходство съ его филиппиками, получивъ мало-по-малу совершенно новое содержаніе. Надеждинъ возставалъ противъ романтизма съ учено-литературной точки зрѣнія, доказывая только, что французскій новѣйшій романтизмъ такъ же мало похожъ на романтизмъ среднихъ вѣковъ, какъ псевдо-классическая литература на греческую, и потому, подобно ей, присвоиваетъ себѣ ложное имя, а собственно долженъ считаться не болѣе, какъ псевдо-романтизмомъ, жалкой поддѣлкой подъ истинный романтизмъ, невозможный въ наше время, и потому прославленныя превдо-романтическія произведенія нелѣпы въ эстетическомъ отношеніи. Этою отвлеченною точкою зрѣнія ограничивалась его полемика. Критика гоголевскаго періода смотрѣла на вопросъ шире: она возставала на романтизмъ какъ на выраженіе натянутыхъ, экзальтированныхъ, лживыхъ понятій о жизни, какъ на извращеніе умственныхъ и нравственныхъ силъ человѣка, ведущее къ фантазерству и пошлости, самообольщеніямъ и кичливости. Надеждинъ и не предчувствовалъ, что сущность псевдо-романтизма заключается не въ нарушеніи эстетическихъ условій, а въ искаженномъ понятіи объ условіяхъ человѣческой жизни; онъ самъ не былъ свободенъ въ этомъ отношеніи отъ заблужденій, которыя ничѣмъ не отличались отъ основной ошибки романтиковъ, считавшихъ только колоссальныя страсти и эффектныя явленія достойными вниманія поэта. Хорошо понимая мелочность того, что романтики воображали себѣ титаническимъ, Надеждинъ слишкомъ наклоненъ былъ искать поэзію въ одномъ только возвышенномъ, далеко превышающемъ явленія обыкновенной дѣйствительности. Не нужно говорить о томъ, какъ мало могли подходить подъ этотъ идеалъ писатели, подобные Диккенсу или Гоголю, изображающіе повседневную жизнь,—да и не было такихъ поэтовъ во времена Надеждина. Всѣ были тогда экзальтированы или старались прикинуться экзальтированными,—разочарованность была только особеннымъ и едва ли не самымъ натянутымъ родомъ экзальтаціи.—никто не догадывался о лживости экзальтированнаго взгляда на жизнь. Потому-то и недо-

вольство романтизмомъ возбуждалось болѣе формальными недостатками его произведеній, нежели фальшивостью основнаго его взгляда на жизнь. Только слѣдующему поколѣнію, воспитанному болѣе положительною философіею и наслаждавшемуся болѣе здоровыми созданіями искусства, предоставлено было возстать противъ романтическихъ фантазій не съ одной литературной, но и съ житейской точки зрѣнія. Словомъ, Надеждинъ имѣлъ дѣло съ романтизмомъ, какъ противу-эстетическимъ явленіемъ въ литературѣ; критика гоголевскаго періода, раздѣляя этотъ взглядъ, обращала главное свое вниманіе на романтиковъ, какъ людей, губящихъ жалкимъ образомъ свои сили, какъ на людей, по заблужденію дѣлающихся вредными для самихъ себя и смѣшными. Она заклеймила осмѣяннымъ именемъ романтизма всякую аффектацію, натянутость, болѣзненную апатію, величающую себя гордымъ разочарованіемъ, всякую пошлость, прикрывающую себя пышными фразами, всякую реторику въ словахъ и дѣлахъ, въ чувствахъ и поступкахъ. Борьба съ этимъ романтизмомъ должна быть вмѣнена въ заслугу исключительно ей. Въ этомъ дѣлѣ критика гоголевскаго періода не имѣла предшественниковъ и своими ѣдкими насмѣшками оказала несомнѣнную услугу не только литературѣ, но и самой жизни: въ немъ доселѣ имѣетъ она и долго будетъ имѣть ревностнымъ своимъ послѣдователемъ каждаго здравомыслящаго писателя, потому что борьба противъ болѣзненнаго романтическаго направленія въ жизни доселѣ необходима и будетъ еще необходима и тогда, когда совершенно забудется имя литературнаго романтизма. Борьба эта продолжится до той поры, когда люди совершенно отвыкнутъ обольщаться аффектаціею въ жизни, когда они привыкнутъ смѣяться надъ всѣмъ неестественнымъ, какъ пошлымъ, какими бы выгоднымъ фразами и формами ни прикрывалась его внутренняя пошлость.

Малосвѣдущіе или увлеченные горячностью споровъ противники съ дикимъ негодованіемъ вопіяли, что критика гоголевскаго періода святотатственно посягаетъ на славу знаменитыхъ людей нашей литературы, что она разрушаетъ пьедесталы, на которыхъ стоятъ ихъ величественныя статуи, топчетъ въ грязь все, чѣмъ должна гордиться наша прошедшая литература, и т. д., и т. д. Если-бъ эти крики были справедливы, мы имѣли бы другую точку очень близкаго сходства между дѣятельностью Надеждина и его бывшаго ученика. Къ сожалѣнію, они основаны только на незнаніи или безпамятности. Дѣло уничтоженія литературныхъ авторитетовъ вовсе нельзя причислять къ новымъ и существенно-важнымъ цѣлямъ, достигнуть которыхъ хотѣла критика гоголевскаго періода, и если она когда дѣлала что нибудь въ этомъ родѣ, то развѣ относительно авторитетовъ, далеко не первостепенныхъ и нимало не освященныхъ древностью лѣтъ,—напр., относительно Марлинскаго и Полеваго. Конечно, для иныхъ и это непріятно, но ужъ рѣшительно никому не можетъ казаться важнымъ преступленіемъ, по незначительности самаго предмета. Что же касается до святотатственнаго, по мнѣнію нѣкоторыхъ, посягательства на Ломоносова, Державина и другихъ дѣйствительно первоклассныхъ писателей, критика гоголевскаго періода совершенно лишена была возможности придумать что нибудь въ уменьшеніе ихъ славы, по очень простой причинѣ: все, что можно было сказать въ этомъ смыслѣ, давно ужъ было высказано или Полевымъ, или Надеждинымъ. Обвинять въ этомъ критику гоголевскаго періода

значитъ приписывать ей заслугу, вовсе не ей принадлежащую [1]). Ей предстояло дѣло совершенно другаго рода: не увлекаясь ни старымъ отрицаніемъ, ни еще болѣе старыми панегириками, показать историческое значеніе различныхъ періодовъ нашей литературы и замѣчательнѣйшихъ ея дѣятелей, дать намъ исторію нашей литературы, чего еще не было сдѣлано никѣмъ изъ предшествовавшихъ критиковъ. Взгядъ на литературу, предшествовавшую Пушкину, у критики гоголевскаго періода былъ умѣреннѣе и снисходительнѣе, нежели у критики романтическаго періода: а что касается Пушкина и его сподвижниковъ, критика гоголевскаго періода почти постоянно должна была противорѣчить рѣзкимъ приговорамъ Надеждина. Словомъ, она не разрушала, а напротивъ, возсоздала все, что въ прошедшемъ заслуживало уваженія. Иначе и быть не могло: нападать на Ломоносова и Державина, на Карамзина и Пушкина уже было не нужно и неумѣстно; если когда-то ихъ и превозносили безотчетными панегириками, то это слѣпое поклоненіе въ образованной части публики давно уже было уничтожено «Телеграфомъ» и «Телескопомъ», и когда явился Гоголь, наступило время говорить о прошедшемъ съ уваженіемъ, потому что развившееся изъ него настоящее стало заслуживать уваженія. Такъ съ уваженіемъ начинаютъ говорить объ отцахъ, когда потомки ихъ заслужатъ славу.

Откуда же взялось мнѣніе, что однимъ изъ дѣлъ критики гоголевскаго періода было уничтоженіе прежнихъ авторитетовъ? Не будемъ говорить о побужденіяхъ, проистекавшихъ изъ самолюбія многихъ раздраженныхъ ею тогдашнихъ писателей, которые находили удобнымъ кричать: «вы не вѣрьте, читатели, тому, что говоритъ этотъ человѣкъ о моихъ сочиненіяхъ; онъ браниТъ не только меня, онъ браниТъ и Державина и Ломоносова, онъ всѣхъ великихъ писателей (въ томъ числѣ и меня) хочетъ унизить»; не будемъ также указывать другихъ подобныхъ разсчетовъ, какіе внушаемы были завистью или враждою: всѣ эти жалкіе факты не заслуживаютъ того, чтобы вспоминать о нихъ. Обратимъ вниманіе только на законныя, такъ-сказать, причины, отъ которыхъ происходило ошибочное мнѣніе, будто уничтоженіе прежнихъ литературныхъ авторитетовъ было однимъ изъ существенныхъ дѣлъ критики гоголевскаго періода. «Отечествен-

---

[1]) Вообще надобно замѣтить, что отрицаніе, выражающееся печатнымъ образомъ, принимаетъ формы, гораздо менѣе жосткія, нежели тѣ, которыми облекается оно въ разговорахъ и частной перепискѣ. Литература и въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, прокладаетъ путь къ примиренію, какъ скоро даетъ просторъ выраженію чувства, которое, оставаясь безвыходнымъ, не знало бы границъ своей враждебности. Напрасно было бы воображать, что, напримѣръ, Полевой, разрушитель устарѣвшихъ литературныхъ авторитетовъ, цѣнилъ писателей, предшествовавшихъ Пушкину, менѣе, нежели всякій другой изъ его современниковъ, имѣвшихъ хотя нѣкоторое литературное образованіе и не лишенныхъ вкуса. Напротивъ, надобно признаться, что каждый изъ нихъ втихомолку выражался гораздо рѣзче, нежели говорилъ Полевой. Вотъ какъ, напримѣръ, думалъ о Державинѣ еще въ 1825 году самъ Пушкинъ, великій поклонникъ старины:

«По твоемъ отъѣздѣ перечелъ я Державина всего. Вотъ мое окончательное мнѣніе: этотъ чудакъ не зналъ ни русской грамоты, ни духа русскаго языка. У Державина должно будетъ сохранить одъ восемь да нѣсколько отрывковъ, а прочее сжечь. Жаль, что нашъ поэтъ слишкомъ часто кричалъ нѣтухомъ». (*Отрывокъ изъ письма къ Дельвигу, изд. 1855 г. часть 1. стр. 56*).

Кажется, рѣзче этого трудно придумать что нибудь, и, навѣрное, въ «Телеграфѣ» не найдется ни одного выраженія, которое бы хотя сколько нибудь подходило къ словамъ Пушкина своею жосткостью. А кто знаетъ «Телеграфъ» и «Телескопъ», тотъ знаетъ, что критика гоголевскаго періода вообще отзывалась о прежнихъ нашихъ писателяхъ съ гораздо большею умѣренностью, нежели Полевой и Надеждинъ.

ныя Записки» имѣли гораздо болѣе обширный кругъ читателей, нежели «Телескопъ» или «Телеграфъ»; потому даже изъ старыхъ читателей многіе, не знавшіе прежнихъ журналовъ, изъ «Отечественныхъ Записокъ» въ первый разъ вычитали сужденія о нашей старой литературѣ, непохожія на безотчетныя и нелѣпыя похвалы, какія долго повторялись въ разныхъ книжкахъ, называвшихъ себя исторіями русской словесности, піитиками и т. п. Сюда надобно причислить и большую часть молодаго поколѣнія, не просматривавшаго старыхъ журналовъ и видѣвшаго, что изъ новыхъ только «Отечественныя Записки» говорятъ о Ломоносовѣ и т. д. безпристрастно, между тѣмъ, какъ всѣ остальные нападаютъ за то на этотъ журналъ. Молодое поколѣніе, конечно, не ставило этого въ вину «Отечественнымъ Запискамъ»,—напротивъ; зато иные сердечно негодовали на молодое поколѣніе, восхищающееся «Отечественными Записками», и на «Отечественныя Записки», поселяющія въ молодыхъ людяхъ непочтительность къ Ломоносову и т. д. Эти добряки должны были бы помнить, что во время ихъ молодости «Телеграфъ» говорилъ о старой литературѣ безъ подобострастія, котораго они требовали, впрочемъ, сами не зная, чего требуютъ; они должны были бы помнить, что уничтоженіе авторитетовъ, существовавшихъ до Пушкина, было дѣломъ «Телеграфа», а существовавшихъ при Пушкинѣ—дѣломъ Надеждина. Что однажды исполнено, того не было уже надобности, да и не могло быть охоты дѣлать во второй разъ. Когда явились Гоголь, Лермонтовъ и писатели такъ называемой натуральной школы, возвышать или унижать предшествовавшихъ писателей было уже поздно: надобно было только показать ходъ постепеннаго развитія русской литературы, въ существованіи которой до того времени сомнѣвались, и опредѣлить отношенія между различными ея періодами—вотъ что, дѣйствительно, было дѣломъ новымъ и необходимымъ. И она было исполнено Бѣлинскимъ. До него существовала критика, но исторіи литературы у насъ еще не было. Ему обязаны мы тѣмъ, что имѣемъ о ней вѣрныя и точныя понятія.

Но русская литература до Гоголя находилась еще въ первыхъ періодахъ своего развитія, изъ которыхъ каждый предъидущій имѣетъ значеніе не столько по безусловному совершенству ознаменовавшихъ его явленій, сколько потому, что служилъ приготовленіемъ къ слѣдующему, болѣе высокому развитію [1]). Сущность понятій критики гоголевскаго періода объ исторіи русской литературы состояла въ проведеніи этого основнаго взгляда чрезъ всѣ факты. Это послужило для людей, не знавшихъ рѣзкаго тона предъидущей критики, новою причиною предполагать, будто бы критика гоголевскаго періода уничтожаетъ прежніе авторитеты: она, видите ли, доказывала, что Державинъ имѣетъ огромное историческое значеніе, какъ представитель екатерининскаго вѣка въ литературѣ

[1]) Чтобы не подать повода къ недоразумѣнію, будто мы безъ мѣры превозносимъ новое насчетъ стараго, скажемъ здѣсь кстати, что и настоящій періодъ русской литературы, несмотря на всѣ свои неотъемлемыя достоинства, имѣетъ существенное значеніе болѣе всего только потому, что служитъ приготовленіемъ къ дальнѣйшему будущему развитію нашей словесности. Мы на столько вѣримъ въ будущее лучшее, что даже о Гоголѣ не сомнѣваясь говоримъ: будутъ у насъ писатели, которые станутъ на столько же выше его, на сколько выше своихъ предшественниковъ сталъ онъ. Вопросъ только въ томъ, скоро ли прійдетъ это время. Хорошо было бы, еслибъ нашему поколѣнію суждено было дождаться этого лучшаго будущаго. Если мы будемъ говорить о школѣ Гоголя, то постараемся объяснить причины такого мнѣнія подробнѣе.

и какъ одинъ изъ предшественниковъ и учителей Пушкина, а не говорила—какое преступленіе!—что Державинъ имѣетъ болѣе эстетическихъ достоинствъ, нежели Пушкинъ. Добрые люди, находившіе такія слова дерзкими и унижающими Державина, не догадывались, что этимъ сужденіемъ возвращалось Державину право на славу, которую прежняя критика совершенно отнимала у него, потому что, отрицая эстетическія достоинства его произведеній, не замѣчала и исторической ихъ цѣны. Эти добрые люди не знали того, какъ судили о Державинѣ писатели пушкинскаго періода. Тогда безъ дальнихъ разсужденій рѣшали, что Державинъ «кричалъ пѣтухомъ», и потому его сочиненія «должно сжечь». Послѣ такихъ рѣшеній, критика, доказывавшая, что Державинъ имѣетъ большое историческое значеніе, уничтожала или возстановляла его славу? Когда утверждали, что она стремилась уничтожить прежніе авторитеты, ей приписывали чужую заслугу,—заслугу, говоримъ мы, потому что уничтоженіе слѣпаго поклоненія кумирамъ (кумирами называемъ старые литературные авторитеты не мы: это опять выраженіе Пушкина о Державинѣ) всегда бываетъ великою заслугою для умственной жизни общества. Но у критики гоголевскаго періода такъ много своихъ собственныхъ правъ на высокое мѣсто въ исторіи литературы, что она не нуждается въ присвоеніи чужихъ. Кромѣ безпамятности или незнакомства съ прежнею критикою, была, впрочемъ, еще причина считать Бѣлинскаго первымъ человѣкомъ, заговорившимъ у насъ, что періодъ Пушкина безконечно выше всей предшествовавшей нашей литературы: онъ излагалъ свои взглядъ на исторію русской литературы ясно, опредѣлительно и подкрѣплялъ его доказательствами, а романтическая критика ни о чемъ не могла говорить безъ громкихъ фразъ и доказательствъ не представляла, а вмѣсто того скрашивала свои жестокіе приговоры разсужденіями о брильянтахъ и изумрудахъ, о потомкахъ Багрима и яркихъ искрахъ, вылетающихъ изъ могущественной груди русскаго волкана.

Есть также мнѣніе, будто бы критика гоголевскаго періода простерла свои отрицанія до того, что подвергла сомнѣнію существованіе русской литературы до Гоголя. Это опять было вовсе не ея дѣло. Извѣстно, что романтическіе критики прямо утверждали, что русская литература не существуетъ. Это говорилъ, еще до появленія «Телеграфа», Марлинскій. Позднѣе то же самое еще сильнѣе высказывалъ Надеждинъ. Словомъ, это была общая тема всей нашей критики до самаго того времени, когда русская литература получила новое направленіе, благодаря дѣятельности Гоголя. Бѣлинскій сначала раздѣлялъ это мнѣніе, потому что въ немъ было, для тридцатыхъ годовъ, очень много справедливаго. Но заслуга-ли, или преступленіе изобрѣсть мысль: «русская литература досель не существуетъ», ни мало не принадлежитъ это изобрѣтеніе Бѣлинскому. Напротивъ, ему принадлежитъ та заслуга, что, когда черезъ нѣсколько лѣтъ положеніе русской литературы измѣнилось, онъ первый понялъ важность этого измѣненія и сказалъ: до сихъ поръ надобно было сомнѣваться въ существованіи русской литературы: теперь должно положительно сказать, что она существуетъ. Ему, а не кому-нибудь другому досталось на долю высказать это отрадное убѣжденіе потому, что ему, изъ нашихъ замѣчательныхъ критиковъ, первому судьба назначила дѣйствовать въ такое время, когда безусловное отрицаніе всего въ нашей литературѣ сдѣлалось уже несправед-

ливо. Вмѣсто обыкновенной фразы, что онъ былъ въ нашей критикѣ органомъ отрицанія, надобно сказать, напротивъ, что онъ первый, сообразно измѣнившемуся положенію нашей литературы, положилъ границы отрицанію, которое у Надеждина не имѣло границъ.

Когда литература наша втеченіе гоголевскаго періода начала становиться тѣмъ, чѣмъ должна быть—выраженіемъ народнаго самосознанія, и, такимъ образомъ, достигла, хотя до нѣкоторой степени, цѣли, къ которой стремилась, тогда и предъидущее развитіе ея получило смыслъ, котораго нельзя было замѣтить въ немъ прежде; только тогда можно было замѣтить, что одни явленія смѣнялись въ ней другими не напрасно и не случайно, что она имѣетъ свою исторію. Критика гоголевскаго періода замѣтила и высказала это. Она первая начала утверждать, что наша литература постоянно развивалась, что ея періоды имѣютъ между собою связь, что Державинъ и Пушкинъ явились не случайно, какъ то казалось прежде, и, какъ мы замѣтили, Бѣлинскій былъ первымъ историкомъ нашей литературы [1]). Недаромъ его первая значительная статья, отрицая существованіе русской литературы, содержаніемъ своимъ имѣла подробный обзоръ ея фактовъ отъ Ломоносова до Пушкина.

Но если мы говоримъ о томъ, что критика гоголевскаго періода положила границы отрицанію и дала намъ въ первый разъ исторію русской литературы, считавшейся до того времени не болѣе, какъ случайнымъ, безжизненнымъ и почти всегда безсмысленнымъ отраженіемъ различныхъ явленій иноземныхъ литературъ, то мы говоримъ это о позднѣйшей порѣ развитія критики гоголевскаго періода, когда она достигла уже полной самостоятельности и когда положеніе русской литературы существенно измѣнилось вліяніемъ Гоголя, дѣятельностью Лермонтова и многочисленныхъ писателей новаго поко-

[1]) Интересно прослѣдить, по статьямъ Бѣлинскаго, какъ измѣняющееся положеніе нашей литературы постепенно приводило критику отъ надеждинскаго отрицанія, справедливаго въ свое время (1834), къ убѣжденію, сдѣлавшемуся столь же справедливымъ черезъ десять лѣтъ: «есть у насъ, наконецъ, нѣчто достойное называться литературою: она получила, наконецъ, значеніе, какого не имѣла прежде, и мы теперь можемъ видѣть, къ какому результату вели, какой смыслъ имѣли тѣ литературныя явленія, которыя прежде казались безплодными и случайными». Вотъ нѣкоторыя выписки, приблизительно обозначающія эпохи этого движенія:

1834. (*До Гоголя*). «У насъ нѣтъ литературы». *Литературныя мечтанія. «Молва» 1834 г. № 39, стр. 190.*

1840. (*Гоголь издалъ свои повѣсти и «Ревизора», но еще не имѣетъ рѣшительнаго вліянія на литературу*). У насъ нѣтъ литературы въ точномъ значеніи этого слова, какъ выраженія духа и жизни народной, но у насъ есть уже начало литературы». *Русская литература въ 1840 г. «Отечественныя Записки» 1841 г., томъ XIV, стр. 33*).

1843. (*Изданы «Мертвыя Души»; школа Гоголя начинаетъ занимать видное мѣсто*). Несмотря на бѣдность нашей литературы, въ ней есть жизненное движеніе и органическое развитіе; слѣдственно, у нея есть исторія. Мы желаемъ хоть намекнуть на это развитіе и проложить другимъ дорогу тамъ, гдѣ еще не протоптано и тропинки. *Первая статья о Пушкинѣ. «Отечественныя Записки» 1843 г., томъ XXVIII, стр. 24.*

1847. (*Вліяніе Гоголя рѣшительно торжествуетъ*). Было время, когда вопросъ: есть-ли у насъ литература? не казался парадоксомъ и многими разрѣшенъ былъ въ отрицательномъ смыслѣ... Одинъ изъ величайшихъ умственныхъ успѣховъ нашего времени въ томъ и состоитъ, что мы открыли, что у Россіи была своя исторія. То же и въ отношеніи къ исторіи русской литературы... Литература наша дошла до такого положенія, что успѣхи ея въ будущемъ, ея движеніе впередъ зависятъ больше отъ объема и количества предметовъ, доступныхъ ея завѣдыванію, нежели отъ нея самой. Чѣмъ шире будутъ границы ея содержанія, чѣмъ больше будетъ пищи для ея дѣятельности, тѣмъ быстрѣе и плодовитѣе будетъ ея развитіе. Какъ бы то ни было, но если она еще не достигла своей зрѣлости, то уже нашла, нащупала, такъ сказать, прямую дорогу къ ней; а это великій успѣхъ съ ея стороны». *Взглядъ на русскую литературу. «Современникъ» 1847 г., № 1, Критика, стр. 4 и 28.*

лѣнія, воспитанныхъ отчасти Пушкинымъ и Лермонтовымъ, а болѣе всего твореніями Гоголя и критикою Бѣлинскаго. Но въ 1834—1836 г. это будущее едва можно было неопредѣленнымъ образомъ только предвидѣть, и почти все оставалось въ настоящемъ неподвижно. Не было еще достаточныхъ причинъ существеннымъ образомъ измѣнять мнѣнія, представителемъ которыхъ былъ Надеждинъ, и авторъ статей о Пушкинѣ началъ, какъ мы замѣтили, почти тѣмъ же самымъ, что говорилъ Надеждинъ. Какъ то всегда бываетъ, если человѣкъ молодаго поколѣнія принимаетъ мысль, выраженную его учителемъ, онъ придалъ этой мысли еще больше опредѣлительности, нежели она имѣла у самого Надеждина.

Однако, по исторической необходимости, это скоро должно было измѣниться: новый періодъ для русской литературы уже начинался. Мы видѣли, какъ быстро и вѣрно предугадывалъ ученикъ Надеждина, по «Миргороду» и «Арабескамъ», какого писателя мы будемъ имѣть въ Гоголѣ; скоро «Ревизоръ» долженъ былъ оправдать это предчувствіе. Кольцовъ уже явился, Лермонтовъ скоро долженъ былъ явиться. Мы видѣли, какое существенное развитіе между учителемъ и ученикомъ выказалось во взглядѣ на значеніе Гоголя и достоинства первыхъ стихотвореній Кольцова: одинъ еще не замѣчалъ фактовъ, на которыхъ другой уже основывалъ свои понятія о русской литературѣ.

Но коренное различіе между понятіями ученика и учителя о русской литературѣ заключалось тогда (1835—1836) не только въ томъ, что одинъ замѣчалъ необыкновенную важность новыхъ фактовъ, на которые другой медлилъ обратить надлежащее вниманіе: и тѣ коренныя воззрѣнія, на основаніи которыхъ произносится сужденіе о фактахъ, были уже не одинаковы. Сотрудникъ «Телескопа» сдѣлался приверженцемъ Гегеля, между тѣмъ, какъ издатель, не будучи враждебенъ этому новому фазису развитія нѣмецкой науки, оставался, однакожъ, въ сущности ученикомъ Шеллинга.

Біографическія монографіи, необходимость которыхъ въ настоящее время чувствуется живѣе, нежели когда-нибудь, должны объяснить намъ, когда и какъ начались тѣсныя дружескія отношенія между Н. В. Станкевичемъ и Бѣлинскимъ. Мы теперь можемъ положительно сказать только, что они начались очень рано; что первымъ распространителемъ энтузіама къ Гегелю между молодымъ поколѣніемъ въ Москвѣ былъ Станкевичъ: что онъ былъ другомъ Кольцова; что когда Надеждинъ, въ 1835 году, уѣхалъ заграницу и завѣдываніе «Телескопомъ» поручилъ Бѣлинскому, тотчасъ появились въ этомъ журналѣ стихотворенія Кольцова, передъ тѣмъ самымъ временемъ отысканнаго Станкевичемъ въ Воронежѣ, и чаще прежняго стали являться упоминанія о Гегелѣ, а скоро было напечатано и обширное изложеніе системъ этого мыслителя. Наконецъ, самое содержаніе статей, писанныхъ въ 1835—1836 годахъ молодымъ сотрудникомъ Надеждина, обнаруживаетъ, что онъ тогда уже находился подъ сильнымъ вліяніемъ этой новой у насъ философіи. Вообще, нельзя не видѣть, что, въ это время, если сохранялись еще въ образѣ воззрѣній Бѣлинскаго многія черты непосредственнаго родства съ понятіями, собственно принадлежащими Надеждину, то еще гораздо болѣе находилось тождественнаго съ тѣми идеями, которыя потомъ съ такою пылкостью излагались людьми моло-

даго поколѣнія въ «Московскомъ Наблюдателѣ», и, во многихъ частностяхъ продолжая быть ученикомъ Надеждина, его сотрудникъ совершенно принадлежалъ всѣми стремленіями своими новымъ идеямъ, тогда проникавшимъ въ молодое поколѣніе.

Различіе въ характерѣ книжекъ «Телескопа», изданныхъ въ отсутствіе Надеждина его сотрудникомъ, отъ предъидущихъ нумеровъ бросается въ глаза. Оно такъ рѣзко, что если бы издатель былъ человѣкъ неподвижный въ умственной жизни, то, по возвращеніи, остался бы рѣшительно недоволенъ направленіемъ, приданнымъ его журналу. Но, сколько то видно изъ фактовъ, представляемыхъ самимъ журналомъ, этого не было. Напротивъ, оправдывая передъ публикою неисправность выхода журнала въ свое отсутствіе непредвидѣнными обстоятельствами, Надеждинъ указывалъ на достоинство содержанія изданныхъ безъ него нумеровъ, какъ на доказательство того, что передъ отъѣздомъ имъ были приняты всѣ мѣры, чтобы читатели ничего не потеряли отъ его поѣздки за границу. Сотрудникъ, издавшій эти нумера, сохранилъ свое положеніе въ журналѣ, даже пріобрѣлъ на его направленіе болѣе вліянія, нежели имѣлъ до поѣздки Надеждина. Критика, относящаяся къ произведеніямъ изящной словесности и литературнымъ журналамъ, перешла совершенно въ руки Бѣлинскаго и получила большее развитіе. Себѣ Надеждинъ оставилъ только критическіе разборы ученыхъ сочиненій. Все, что начато было Бѣлинскимъ въ отсутствіе редактора, продолжалось и при редакторѣ, до конца «Телескопа». Молодые сотрудники, введенные въ журналъ Бѣлинскимъ, продолжали помѣщать свои статьи въ немъ и увлекали журналъ впередъ; Надеждинъ отдался молодому поколѣнію. Разногласія отъ литературныхъ причинъ не было и, сколько можно судить по самому журналу, не предвидѣлось [1]).

«Что было бы, если бы не случилось того, что случилось?» Что было бы, если бы «Телескопъ» не прекратился? Вопросы подобнаго рода не пользуются репутаціею особеннаго глубокомыслія, и отвѣты на нихъ не принимаются въ особенное уваженіе, хотя очень часто такіе вопросы сами собою навязываются воображенію, и отвѣты на нихъ иногда очень легко подсказываются здравымъ смысломъ. Признаемся, намъ хотѣлось бы, подобно Кнфѣ Мокіевичу, «обратиться къ умозрительной сторонѣ» и поразмыслить о «философическомъ», по его выраженію, вопросѣ, который намъ представился. Но мы вспомнили одно изъ основныхъ положеній гегелевой философіи, къ которой приводитъ насъ «Московскій Наблюдатель»: все дѣйствительное разумно и все разумное дѣйстви-

[1]) Эти выводы основываются на матеріалахъ, представляемыхъ содержаніемъ «Телескопа» и «Молвы». Мы очень хорошо понимаемъ, что одинъ этотъ источникъ недостаточенъ и долженъ быть дополненъ воспоминаніями лицъ, бывшихъ тогда близкими къ «Телескопу»; и мы были бы очень рады, если бы такія воспоминанія явились въ печати, хотя бы и обнаружилось ими, что въ томъ или другомъ случаѣ мы ошиблись. Впрочемъ, каковы бы ни были отношенія редактора «Телескопа» съ его главнымъ сотрудникомъ и молодыми друзьями послѣдняго, литературная сторона этихъ отношеній, которая здѣсь исключительно важна для насъ, съ удовлетворительною точностью характеризуется данными, находимыми въ самомъ журналѣ, и выводы, представленные выше, едва-ли могутъ быть существенно измѣнены біографическими воспоминаніями.

тельно», и заключили, что продолженіе существованія Телескопа было бы неразумно. Потому, оставляя умозрѣнія, будемъ продолжать исторію «разумной» дѣйствительности, въ «Московскомъ Наблюдателѣ» рѣдкій случай!— являвшейся на самомъ дѣлѣ разумною.

Въ «Телескопѣ» молодое поколѣніе пользовалось очень значительнымъ вліяніемъ, получило наконецъ рѣшительный перевѣсъ, но все еще не было и не могло быть полнымъ хозяиномъ. По прекращеніи этого журнала, оно нѣсколько времени не имѣло органа въ литературѣ, но въ 1838 году получило въ полное свое распоряженіе «Московскій Наблюдатель». Матеріальныя средства этого журнала были въ то время совершенно истощены жалкимъ трехлѣтнимъ существованіемъ. Молодое поколѣніе располагало богатымъ запасомъ энтузіазма и дарованій, но не капиталами; потому «Московскій Наблюдатель» скоро прекратился. Но его кратковременная жизнь при второй редакціи была блистательна. Онъ былъ прекраснымъ выраженіемъ стремленій молодежи, пылкой и благородной. Главными сотрудниками Бѣлинскаго были въ этомъ журналѣ: г. К. Аксаковъ, г. Боткинъ, г. Катковъ, Ключниковъ (— о —), Красовъ и г. Кудрявцевъ. Невозможно отказать въ уваженіи и сочувствіи кружку, состоявшему изъ такихъ людей. А мы еще пропустили нѣкоторыя имена, еще болѣе выразительныя [1]). Душею ихъ круга былъ Станкевичъ. Завѣдываніе журналомъ принадлежало Бѣлинскому. Всѣ эти люди были тогда еще юношами. Всѣ были исполнены вѣры въ свои благородныя стремленія, надеждъ на близость прекраснаго будущаго. Мудрость устами Гегеля, все разгадавшаго, какъ имъ казалось, все примирившаго Гегеля, раскрыла передъ ними тайны, дотолѣ непостижимыя людямъ. Поэзіею упоены были ихъ сердца; слава готовила имъ вѣнцы за благую вѣсть, провозглашаемую отъ нихъ людямъ, и, увлекаемые силою энтузіазма, стремились они впередъ:

Какъ смѣло, съ бодрою охотой,
Мечты надѣясь досягнуть,
Еще не связанный заботой,
Пускался юноша въ свой путь!
Какъ онъ легко впередъ стремился!
Что для счастливца тяжело?
Какой воздушный рой тѣснился
Вкругъ свѣтлаго пути его!
Любовь съ улыбкой благосклонной
И счастье съ золотымъ вѣнцомъ,
И слава съ звѣздною короной
И въ свѣтѣ истина живомъ... [2]).

[1]) Напримѣръ, Кольцова.

[2]) «Идеалы» Шиллера, переводъ К. Аксакова. «Московскій Наблюдатель», томъ XVI, стр. 513

. . . . . .

Могучая сила
Въ душѣ ихъ кипитъ;
На блѣдныхъ ланитахъ
Румянецъ горитъ;
Ихъ очи, какъ звѣзды
По небу, блестятъ;
Ихъ думы—какъ тучи;
Ихъ рѣчи горятъ.
И съ неба, и съ время
Покровы сняты...
Шумна ихъ бесѣда
Разумно идетъ;
Роскошная младость
Здоровьемъ цвѣтетъ... [1]).

И кто хочетъ перенестись на нѣсколько минутъ въ ихъ благородное общество, пусть перечитаетъ въ «Рудинѣ» разсказъ Лежнева о временахъ его молодости и удивительный эпилогъ повѣсти г. Тургенева.

[1]) Изъ стихотворенія Кольцова въ память Станкевича.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Бѣлинскій.

«Московскій Наблюдатель» былъ переданъ въ распоряженіе друзей Станкевича уже тогда, когда матеріальныя средства къ продолженію изданія были совершенно истощены, и только безкорыстная энергія новыхъ сотрудниковъ могла продлить еще на годъ существованіе журнала, доведеннаго до гибели прежнею редакціею. Но этотъ послѣдній, слишкомъ краткій, періодъ жизни «Московскаго Наблюдателя» былъ таковъ, что никогда еще ничего подобнаго, за исключеніемъ развѣ послѣднихъ книжекъ «Телескопа», не бывало въ русской журналистикѣ. Даже «Телеграфъ» въ свое лучшее время не былъ такъ проникнутъ единствомъ задушевной мысли, не былъ одушевленъ такимъ пламеннымъ стремленіемъ служить истинѣ и искусству; и если бывали у насъ до того времени альманахи и журналы, имѣвшіе гораздо большее число сотрудниковъ, уже пользовавшихся громкою знаменитостью, какъ напримѣръ, «Библіотека для Чтенія» въ 1834, пушкинскій «Современникъ» въ 1836 году, то никогда еще не соединялось въ русскомъ журналѣ столько истинно замѣчательныхъ дарованій, столько истиннаго знанія и неподдѣльной поэзіи, какъ въ «Московскомъ Наблюдателѣ» второй редакціи (томы XVI, XVII и XVIII прежней нумераціи и томы I и II новой). Въ 1838—1839 годахъ новые сотрудники «Наблюдателя» были юношами, еще почти совершенно безвѣстными; но почти всѣ они оказались людьми сильными и даровитыми, почти каждому изъ нихъ суждено было составить себѣ прочную, благородную, безукоризненную извѣстность въ нашей литературѣ, а нѣкоторымъ и пріобрѣсти блестящую славу; будущность принадлежала имъ, какъ и теперь настоящее принадлежитъ имъ и тѣмъ людямъ, которые впослѣдствіи примкнули къ нимъ.

«Московскій Наблюдатель» менѣе извѣстенъ, нежели «Телеграфъ» и «Телескопъ»; потому не излишне будетъ, прежде нежели говорить подробно объ его учено-критическихъ воззрѣніяхъ, сказать два-три слова объ общей физіономіи послѣднихъ томовъ журнала, изданныхъ людьми новаго поколѣнія, дѣятельность которыхъ теперь занимаетъ насъ.

До того времени, когда рѣшительное вліяніе Гоголя на молодые таланты обратило большинство даровитыхъ писателей къ предпочтенію прозаическо-

формы разсказа, стихотворенія были блестящею стороною нашей изящной литературы. «Московскій Наблюдатель» не имѣлъ между своими сотрудниками Пушкина, какъ альманахи 1823—1833 годовъ или первые годы «Библіотеки» и (пушкинскаго) «Современника». Но если взять поэтическій отдѣлъ «Наблюдателя» весь вмѣстѣ и сравнить его съ тѣмъ, что представляла наша поэзія въ прежнихъ столь знаменитыхъ ею альманахахъ и въ самомъ пушкинскомъ «Современникѣ» (не говоря уже о «Библіотекѣ», далеко уступавшей въ этомъ отношеніи «Современнику», «Сѣвернымъ Цвѣтамъ» и проч.), то нельзя не признать, что по отдѣлу поэзіи «Московскій Наблюдатель» былъ гораздо выше всѣхъ прежнихъ нашихъ журналовъ и альманаховъ, гдѣ, кромѣ произведеній Пушкина и переводовъ Жуковскаго, только немногія стихотворенія возвышаются надъ уровнемъ безцвѣтной и пустой посредственности, между тѣмъ, какъ въ «Московскомъ Наблюдателѣ» мы почти не найдемъ стихотвореній, которыхъ нельзя было бы съ удовольствіемъ прочитать и нынѣ, а напротивъ, кромѣ дивныхъ созданій Кольцова, многія другія пьесы остаются до сихъ поръ замѣчательны и прекрасны [1]).

Мало того, что изъ многочисленныхъ стихотвореній, помѣщенныхъ въ въ «Московскомъ Наблюдателѣ» второй редакціи, только развѣ немногія могутъ быть названы слабыми,—достоинство, которымъ не могъ похвалиться до того времени ни одинъ изъ нашихъ журналовъ,—есть въ этой массѣ пьесъ другое качество, еще болѣе новое для того времени: пустыхъ стихотвореній въ нем не найдется рѣшительно ни одного, каждая лирическая пьеса дѣйствительно проникнута чувствомъ и мыслью, такъ что стихотворный отдѣлъ «Московскаго Наблюдателя» не можетъ быть и сравниваемъ съ тѣмъ, что встрѣчаемъ въ другихъ тогдашнихъ журналахъ.

Беллетристикою журналы не могли тогда похвалиться: хорошихъ повѣстей писалось очень мало, потому что всего три-четыре человѣка умѣли тогда писать прозою такъ, что ихъ произведенія можно теперь перечитывать безъ

---

[1]) Кромѣ стихотвореній Кольцова, въ «Московскомъ Наблюдателѣ» помѣщались:

Переводы изъ Гете и Шиллера, г. К. А. Аксакова, котораго надобно назвать однимъ изъ лучшихъ нашихъ поэтовъ-переводчиковъ. Мнѣніе, иногда высказываемое нынѣ, будто стихъ этихъ переводовъ былъ тяжелъ, не совершенно основательно; намъ кажется, напротивъ, что мало найдется такихъ прекрасныхъ и поэтическихъ переводовъ, какъ, напримѣръ, слѣдующая пьеса изъ Гете («М. Н.» XVI, 92):

НА ОЗЕРѢ.

Какъ освѣжается душа
И кровь течетъ быстрѣй!
О, какъ природа хороша!
Я на груди у ней!

Качаетъ нашъ челнокъ волна,
Въ ладъ съ нею весла бьютъ,
И горы въ мистыхъ пеленахъ
Навстрѣчу намъ встаютъ.

Что же, мой взоръ, опускаешься ты?
Вы ли опять, золотыя мечты?
О, прочь, мечтанье, хоть сладко оно!
Здѣсь все такъ любовью и жизнью полно!

улыбки. Но и по отдѣлу бедлетристики «Московскій Наблюдатель» былъ едва ли не выше всѣхъ остальныхъ своихъ собратій, печатая повѣсти Нестроева (г. Кудрявцева), за которыми должно остаться одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ въ исторіи возникновенія нашей изящной прозаической литературы. Въ настоящей статьѣ не мѣсто оцѣнивать талантъ Нестроева: это мы надѣемся сдѣлать впослѣдствіи; но въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что повѣсти его по своему художественному достоинству должны были занять въ исторіи русской прозы почетное мѣсто. Нестроевъ—писатель съ дарованіемъ самостоятельнымъ и сильнымъ, какихъ тогда было очень немного, или, лучше сказать, почти вовсе не было, кромѣ такихъ колоссальныхъ талантовъ, какъ Пушкинъ, Гоголь и Лермонтовъ.

Такимъ образомъ, изящная словесность въ «Московскомъ Наблюдателѣ» замѣчательна по художественному достоинству; но еще гораздо интереснѣе она въ томъ отношеніи, что служитъ вообще вѣрнымъ и полнымъ отраженіемъ принциповъ, одушевлявшихъ общество молодыхъ людей, которые собрались вокругъ Станкевича. До того времени только очень немногіе изъ нашихъ поэтовъ и нувеллистовъ умѣли приводить смыслъ своихъ произведеній въ гармонію съ идеями, которыя казались имъ справедливы: обыкновенно, повѣсти или стихотворенія имѣли очень мало отношенія съ такъ называемымъ «міросозерцаніемъ» автора, если только авторъ имѣлъ какое-нибудь «міросозерцаніе». Въ примѣръ, укажемъ на повѣсти Марлинскаго, въ которыхъ самый внимательный розыскъ не откроетъ ни малѣйшихъ слѣдовъ принциповъ, которые, безъ сомнѣнія, были дороги ихъ автору, какъ человѣку. Обыкновенно жизнь и возбуждаемыя ею убѣжденія были сами по себѣ, а поэзія сама по себѣ: связь между писателемъ и человѣкомъ была очень слаба, и самые живые люди, когда принимались за перо въ качествѣ литераторовъ, часто заботились только о теоріяхъ изящнаго, а вовсе не о смыслѣ своихъ произведеній, не о томъ, чтобы «провести живую идею» въ художественномъ созданіи (какъ любила

Свѣтлою толпою
Звѣзды въ волнахъ глядятся.
Туманы грядою
На дальнихъ высяхъ ложатся;

Вѣтеръ утра качаетъ
Деревья надъ зеркаломъ водъ;
Тихо отражаетъ
Озеро спѣющій плодъ.

Приводя это стихотвореніе, мы имѣемъ цѣлью не только представить доказательство, что не напрасно причисляемъ переводы г. К. Аксакова въ «М. Н.» къ произведеніямъ, имѣющимъ положительное достоинство: для насъ «На озерѣ» послужитъ поэтическимъ выраженіемъ самой характеристической особенности того міросозерцанія, которое господствовало въ «Московскомъ Наблюдателѣ».

Переводы г. Каткова изъ Гейне и отрывки изъ его прекраснаго перевода «Ромео и Джульетта» Шекспира;

Стихотворенія Ключникова (—Ѳ—) и нѣсколькихъ другихъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ талантовъ;

Стихотворенія Красова, который былъ едва ли не лучшимъ изъ нашихъ второстепенныхъ поэтовъ въ эпоху дѣятельности Кольцова и Лермонтова. Его пьесы давно надобно было собрать и издать: онѣ очень заслуживаютъ того, и напрасно мы забываемъ объ этомъ замѣчательномъ поэтѣ.

выражаться критика гоголевскаго періода). Этимъ недостаткомъ—отсутствіемъ связи между жизненными убѣжденіями автора и его произведеніями—страдала вся наша литература до того времени, когда вліяніе Гоголя и Бѣлинскаго преобразовало ее. Литературный отдѣлъ «Московскаго Наблюдателя» является едва ли не первымъ зародышемъ постоянной гармоніи убѣжденій человѣка со смысломъ его художественныхъ произведеній,—той гармоніи, которая нынѣ владычествуетъ въ нашей литературѣ и придаетъ ей силу и жизнь. Молодые поэты и беллетристы, участвовавшіе въ этомъ журналѣ, писали именно о томъ, что ихъ занимало, а не о какихъ нибудь сюжетахъ, навѣянныхъ другими поэтами, смыслъ которыхъ оставался, бывало, совершенно непонятенъ для подражателей, очень усердно копировавшихъ внѣшнюю сторону иностранныхъ произведеній: они понимали то, что писали—качество, которое очень рѣдко замѣчается у прежнихъ нашихъ литераторовъ. Изъ этого общаго правила писать произведенія, или не имѣющіе живаго смысла, или произведенія, смыслъ которыхъ остается непостижимою тайною для самого автора, исключеній бывало очень мало, и «Московскій Наблюдатель»—первый журналъ, въ которомъ мысль и поэзія гармонируютъ между собою, и въ литературномъ отдѣлѣ котораго постоянно отражаются сознательныя стремленія. Это первый въ ряду такихъ журналовъ, какіе имѣемъ мы теперь, въ которыхъ поэзія, беллетристика и критика согласно идутъ къ одной цѣли, поддерживая другъ друга. Глубокая потребность истины и добра съ одной стороны, съ другой—свѣжая и здоровая готовность любить все, что дѣйствительная жизнь представляетъ удовлетворительнаго,—предпочтеніе дѣйствительной жизни отвлеченному фантазированію съ одной стороны, съ другой—чрезвычайное сочувствіе тому, что въ стремленіяхъ фантазіи является здоровымъ отраженіемъ истинной потребности полнаго наслажденія дѣйствительною жизнью,—эти основныя черты критической мысли «Московскаго Наблюдателя» составляютъ существенный характеръ и литературнаго отдѣла въ этомъ журналѣ. Стремленія, одушевляющія его поэзію и беллетристику, видимо проникнуты философскою мыслью, которая владычествуетъ надъ всѣмъ.

Дѣйствительно, философское міросозерцаніе нераздѣльно владычествовало надъ умами въ томъ дружескомъ кружкѣ, органомъ котораго были послѣдніе томы «Московскаго Наблюдателя». Эти люди рѣшительно жили только философіею, день и ночь толковали о ней, когда сходились вмѣстѣ, на все смотрѣли, все рѣшали съ философской точки зрѣнія. То была первая пора знакомства нашего съ Гегелемъ, и энтузіазмъ, возбужденный новыми для насъ, глубокими истинами, съ изумительною силою діалектики развитыми въ системѣ этого мыслителя, на нѣкоторое время натурально долженъ былъ взять верхъ надъ всѣми остальными стремленіями людей молодаго поколѣнія, сознавшихъ на себѣ обязанность быть провозвѣстниками невѣдомой у насъ истины, все озаряющей, какъ имъ казалось въ пылу перваго увлеченія, все примиряющей, дающей человѣку и невозмутимый внутренній миръ и бодрую силу для внѣшней дѣятельности. Главное значеніе «Московскаго Наблюдателя» состоитъ въ томъ, что онъ былъ органомъ гегелевой философіи.

Философскія стремленія теперь почти забыты нашею литературою и критикою. Мы не хотимъ рѣшать, на сколько литература и критика выиг-

рали отъ этой забывчивости,—кажется, не выиграли ровно ничего, потерявъ очень много; но какъ бы ни рѣшалъ кто вопросъ о значеніи философскаго міросозерцанія для настоящаго времени, каждый согласится, что господство философіи надъ всею умственною нашею дѣятельностью въ началѣ настоящаго періода нашей литературы есть замѣчательный историческій фактъ, заслуживающій внимательнаго изученія. «Московскій Наблюдатель» представляетъ первую эпоху этого владычества философіи, когда непогрѣшительнымъ истолкователемъ ея представлялся Гегель, когда каждое слово Гегеля являлось несомнѣнною истиною и каждое изреченіе великаго учителя принималось его новыми учениками въ буквальномъ смыслѣ, когда не было еще ни заботы о повѣркѣ этихъ истинъ, ни предчувствія, что Гегель былъ непослѣдователенъ, противорѣчилъ самъ себѣ на каждомъ шагу, что, принимая его принципы, послѣдовательному мыслителю надобно придти къ выводамъ, совершенно различнымъ отъ выставленныхъ имъ выводовъ. Позднѣе, когда это было замѣчено, фальшивые выводы были отвергнуты лучшими изъ бывшихъ послѣдователей Гегеля у насъ, и нѣмецкая философія явилась совершенно въ другомъ свѣтѣ. Но то была уже другая эпоха—эпоха «Отечественныхъ Записокъ», и мы будемъ говорить о ней въ слѣдующей статьѣ, а теперь посмотримъ, какого была гегелева система, пламеннымъ проповѣдникомъ которой былъ «Московскій Наблюдатель».

Программою журнала была первая статья его—предисловіе къ переводу «Гимназическихъ рѣчей Гегеля» (М. Н.», XVI, стр. 5—20). Мы приводимъ въ выноскѣ существенныя мѣста изъ этого предисловія, присоединяя къ нимъ объясненіе техническихъ терминовъ гегелевскаго языка, которые могли бы затруднить тѣхъ читателей, которые не привыкли къ этой терминологіи: они, надѣемся, увидятъ, что дѣло было очень просто и понятно, и что различные толки о мнимой темнотѣ гегелевой философіи—чистый предразсудокъ: нужно только знать смыслъ нѣсколькихъ техническихъ словъ, и трансцендентальная философія становится для людей нашего времени ясна и проста [1]).

[1]) Умъ—только одна изъ способностей человѣка; знаніе—только одно изъ его стремленій: потому одно умствованіе объ отвлеченныхъ вопросахъ не удовлетворяетъ человѣка: онъ хочетъ также любить и жить, не только знать, но и наслаждаться, не только мыслить, но и дѣйствовать. Нынѣ это понятно каждому—таковъ духъ вѣка, такова сила времени, все объясняющаго. Но въ XVII вѣкѣ наука была дѣломъ кабинетныхъ тружениковъ, которые знали только книги, думали только объ ученыхъ вопросахъ, чуждаясь жизни и не понимая житейскихъ дѣлъ. Когда жизнь, въ XVIII вѣкѣ, предъявила свои права съ такою силою, что пробудила даже нѣмецкихъ ученыхъ, они увидѣли недостаточность прежней философской методы, основывавшей все на умозаключеніяхъ, принимавшей мѣрою всему отвлеченныя понятія. Но не могли они однимъ шагомъ перейти изъ пыльнаго кабинета на форумъ жизни; они были еще слишкомъ далеки отъ мысли, что *всѣ* естественныя способности и стремленія человѣка должны дѣйствовать, должны помогать другъ другу въ разрѣшеніи вопросовъ науки и жизни. Имъ показалось, что довольно будетъ измѣнить методу умозаключеній, оставляя по прежнему и сердце и тѣло человѣка безъ вниманія. Они думали, что умъ не обнимаетъ живую истину во всей ея полнотѣ не потому, что одной головы, безъ груди и рукъ, безъ сердца и осязанія недостаточно человѣку: они вздумали попробовать, не удастся ли головѣ обойтись безъ помощи остальныхъ членовъ живаго организма, если только голова возьмется за дѣла, которыя принадлежатъ сердцу, желудку и рукамъ,—и голова, дѣйствительно, придумала «спекулативное мышленіе». Сущность этой попытки состояла въ томъ, что умъ старался, отвергая отвлеченныя понятія, мыслить по такъ-называемымъ «конкретнымъ» понятіямъ,—напримѣръ, думая о человѣкѣ, основывать свои заключенія не на прежней фразѣ: «человѣкъ есть существо, одаренное разумомъ», но на понятіи о дѣйствительномъ человѣкѣ, съ руками и ногами, съ сердцемъ и желудкомъ. Это былъ большой шагъ впередъ. Гегель является послѣднимъ и важнѣйшимъ

Содержаніе гегелевой философіи, въ томъ видѣ, какъ изложена она у самого Гегеля, и какъ до мельчайшихъ подробностей принималась за безспорную истину друзьями Станкевича въ 1838—1839 годахъ, кажется совершенною противоположностью тому образу мыслей, который съ такимъ жаромъ и успѣхомъ излагался потомъ критикою гоголевскаго періода въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1840—1846) и нашемъ журналѣ (1847—1848); оттого и статьи «Московскаго Наблюдателя», написанныя Бѣлинскимъ и его товарищами по убѣжденіямъ подъ исключительнымъ вліяніемъ сочиненій Гегеля, представляются на первый взглядъ совершенно противорѣчащими статьямъ, которыя тотъ же самый Бѣлинскій писалъ черезъ нѣсколько лѣтъ. Это разнорѣчіе зависитъ, какъ мы сказали, отъ двойственности самой системы Гегеля, отъ разнорѣчія между ея принципами и ея выводами, духомъ и содержаніемъ. Принципы Гегеля были чрезвычайно мощны и широки, выводы—узки и ничтожны: несмотря на всю колоссальность его генія, у великаго мыслителя достало силы только на то, чтобы высказать общія идеи, но недостало уже силы неуклонно держаться этихъ основаній и логически развить изъ нихъ всѣ необходимыя слѣдствія. Онъ провидѣлъ истину, но только въ самыхъ общихъ, отвлеченныхъ, вовсе неопредѣлительныхъ очертаніяхъ: увидѣть ее лицомъ къ лицу досталось на долю только уже слѣдующему поколѣнію. И не только выводовъ изъ своихъ принциповъ не могъ онъ сдѣлать—самые принципы представлялись ему еще не во всей своей ясности, были для него туманны. Слѣдующее поколѣніе мыслителей сдѣлало еще шагъ впередъ, и принципы, нео-

---

изъ мыслителей, остановившихся на этомъ первомъ фазисѣ превращенія кабинетнаго ученаго въ живаго человѣка. Конечно, система, основанная на этомъ способѣ замѣненія прежнихъ отвлеченныхъ понятій болѣе живыми воззрѣніями, была гораздо свѣжѣе и полнѣе прежнихъ, совершенно отвлеченныхъ системъ, занимавшихся не людьми, каковы люди въ дѣйствительности, а призраками, которые созданы прежнею методою мышленія, отвергавшею въ человѣкѣ всякія способности и стремленія, кромѣ ума, и изъ всѣхъ органовъ человѣческаго существа признававшею достойнымъ своего вниманія только мозгъ. Потому «трансцендентальное», или «спекулативное» мышленіе (стремящееся основывать свои умозаключенія на понятіи о дѣйствительныхъ предметахъ) справедливо гордилось тѣмъ, что оно гораздо живѣе прежней схоластической методы, и старинный методъ основывать все на отвлеченныхъ понятіяхъ былъ заклейменъ прозваніемъ «призрачнаго мышленія», принадлежащаго «отвлеченному уму, или разсудку» (Verstand). Всѣ понятія и выводы, составленные на основаніи этого «отвлеченнаго призрачнаго мышленія», были опозорены именемъ «призрачныхъ понятій», «призрачныхъ выводовъ», и ученики Гегеля съ презрѣніемъ говорили о всѣхъ тѣхъ философахъ, которые строили свои системы не на основаніи «спекулативнаго мышленія»: эти люди, по мнѣнію Гегеля и его послѣдователей, не заслуживаютъ даже имени философовъ, а ихъ системы—«призрачныя построенія», въ которыхъ вмѣсто живой истины даются «отвлеченные призраки». Особенному негодованію подвергалась французская философія, которая, совершивъ свое дѣло, перестала занимать сильные умы, стала занятіемъ фантазеровъ и болтуновъ и, дѣйствительно, жалкимъ образомъ измельчала и опошлилась при Наполеонѣ и во время Реставраціи. Тогда во Франціи, дѣйствительно, каждый могъ философію понимать всякій вздоръ, какой только приходилъ въ голову, и, по произволу перемѣшивая этотъ вздоръ съ торопливо набранными чужими мыслями, провозглашалъ себя геніемъ и творцомъ новой философской системы. Противъ этихъ-то фантазій, чуждыхъ научнаго достоинства, преимущественно и направлено предисловіе къ рѣчамъ Гегеля, служащее программою «Московскому Наблюдателю». Вотъ существенныя мѣста изъ этой программы:

«Кто не воображаетъ себя нынче философомъ, кто не говоритъ теперь съ утвердительностью о томъ, что такое истина и въ чемъ заключается истина? Всякій хочетъ имѣть свою собственную, партикулярную систему; кто не думаетъ по своему, по своему личному произволу, тотъ не имѣетъ самостоятельнаго духа, тотъ безцвѣтный человѣкъ: кто не выдумалъ своей собственной идейки, тотъ не геній, въ томъ нѣтъ глубокомыслія, а нынче, куда вы ни оберетесь, вездѣ встрѣчаете геніевъ. И что же выдумали эти геніи-самозванцы, какой плодъ ихъ глубокомысленныхъ идеекъ и взглядовъ, что двинули они впередъ, что сдѣлали они дѣйствительнаго?

предѣленно, односторонне и отвлеченно высказанные Гегелемъ, явились во всей своей полнотѣ и ясности: тогда колебаніямъ не осталось мѣста, двойственность исчезла, фальшивые выводы, внесенные въ науку непослѣдовательностью Гегеля въ развитіи основныхъ положеній, были отстранены, и содержаніе приведено въ гармонію съ основными истинами. Таковъ былъ ходъ дѣла въ Германіи, таковъ же былъ онъ и у насъ. Развитіе послѣдовательныхъ воззрѣній изъ двусмысленныхъ и лишенныхъ всякаго примѣненія намековъ Гегеля совершилось у насъ отчасти вліяніемъ нѣмецкихъ мыслителей, явившихся послѣ Гегеля, отчасти—мы съ гордостью можемъ сказать это—собственными силами. Тутъ въ первый разъ русскій умъ показалъ свою способность быть участникомъ въ развитіи общечеловѣческой науки.

Пересмотримъ же теперь тѣ принципы гегелевой философіи, которые могуществомъ и истинностью своею увлекли людей «Московскаго Наблюдателя» до такой степени, что, въ пылу энтузіазма, возбужденнаго этими высокими стремленіями, были забыты на время всѣ остальныя требованія разума и жизни, было принято все содержаніе системы, хвалившейся тѣмъ, что она основана на этихъ глубокихъ истинахъ.

Мы столь же мало послѣдователи Гегеля, какъ и Декарта или Аристотеля. Гегель нынѣ уже принадлежитъ исторіи, настоящее время имѣетъ другую философію и хорошо видитъ недостатки гегелевой системы; но должно согласиться, что принципы, выставленные Гегелемъ, дѣйствительно, были очень близки къ истинѣ, и нѣкоторыя стороны истины были выставлены на видъ

«Шумимъ, братецъ, шумимъ»,—отвѣчаетъ за нихъ Ренетиловъ, въ комедіи Грибоѣдова. Да, шумъ, пустая болтовня—вотъ единственный результатъ этой ужасной, безсмысленной анархіи умовъ, которая составляетъ главную болѣзнь нашего новаго поколѣнія, отвлеченнаго, призрачнаго, чуждаго всякой дѣйствительности; и весь этотъ шумъ, вся эта болтовня происходитъ во имя философіи. И мудрено-ли, что умный, дѣйствительный русскій народъ не позволитъ ослѣплять себя этимъ фейерверочнымъ отнемъ словъ безъ содержанія и мыслей безъ смысла? мудрено-ли, что онъ не довѣряетъ философіи, представленной ему съ такой невыгодной, призрачной стороны? До сихъ поръ философія и отвлеченность, призрачность и отсутствіе всякой дѣйствительности были тождественны: кто занимается философіею, тотъ необходимо простился съ дѣйствительностью и бродитъ въ этомъ болѣзненномъ отчужденіи отъ всякой естественной и духовной дѣйствительности, въ какихъ-то фантастическихъ, произвольныхъ, небывалыхъ мірахъ, или вооружается противъ дѣйствительнаго міра и мнитъ, что своими призрачными силами онъ можетъ разрушить его мощное существованіе, мнитъ, что въ осуществленіи конечныхъ *(ограниченныхъ, односторонникъ)* положеній *(сужденій)* его конечнаго *(ограниченнаго, односторонняго, отвлеченнаго)* разсудка и конечныхъ цѣлей его конечнаго произвола заключается все благо человѣчества, и не знаетъ, бѣдный, что дѣйствительный міръ выше его жалкой и безсильной индивидуальности (*личности*)... Жизнь его есть рядъ безпрестанныхъ мученій, безпрестанныхъ разочарованій, борьба безъ выхода и конца,—и это внутреннее распаденіе, эта внутренняя разорванность есть необходимое слѣдствіе отвлеченности и призрачности конечнаго разсудка, для котораго нѣтъ ничего конкретнаго и который превращаетъ всякую жизнь въ смерть. И еще разъ повторяю: общая недовѣрчивость къ философіи весьма основательна, потому что то, что намъ выдавали до сихъ поръ за философію, разрушаетъ человѣка, вмѣсто того, чтобы оживлять его, вмѣсто того, чтобы образовать изъ него полезнаго и дѣйствительнаго члена общества.

«Начало этого зла скрывается въ реформаціи. Когда назначеніе папизма — замѣнить недостатокъ внутренняго центра внѣшнимъ центромъ — кончилось... реформація потрясла его авторитетъ... пробужденный умъ, освободившись отъ человѣческаго авторитета, отдѣлившись отъ дѣйствительнаго міра и погрузившись въ самого себя, захотѣлъ вывести все изъ самого себя, найти начало и основу знанія въ самомъ себѣ... Но умъ человѣческій, только что пробудившійся отъ долгаго сна, не могъ вдругъ познать истину; дѣйствительный міръ истины былъ не по силамъ ему, онъ еще не дорось до него и долженъ былъ необходимо пройти чрезъ долгій путь испытаній, борьбы и страданій, прежде чѣмъ достигъ своей возмужалости: истина не дается даромъ: нѣтъ! она есть плодъ тяжкихъ страданій, долгаго мучительнаго стремленія... Результатомъ

этимъ мыслителемъ съ истинно поразительною силою. Изъ этихъ истинъ, открытіе иныхъ составляетъ личную заслугу Гегеля; другія, хотя и принадлежатъ не исключительно его системѣ, а всей нѣмецкой философіи со временъ Канта и Фихте, но никѣмъ до Гегеля не были формулированы такъ ясно и высказываемы такъ сильно, какъ въ его системѣ.

Прежде всего укажемъ на плодотворнѣйшее начало всякаго прогресса, которымъ столь рѣзко и блистательно отличается нѣмецкая философія вообще, и въ особенности гегелева система, отъ тѣхъ лицемѣрныхъ и трусливыхъ воззрѣній, какія господствовали въ тѣ времена (начало XIX вѣка) у французовъ и англичанъ: «истина—верховная цѣль мышленія; ищите истины, потому что въ истинѣ благо; какова бы ни была истина, она лучше всего, что неистинно; первый долгъ мыслителя: не отступать ни передъ какими результатами; онъ долженъ быть готовъ жертвовать истинѣ самыми любимыми своими мнѣніями. Заблужденіе—источникъ всякой пагубы; истина—верховное благо и источникъ всѣхъ другихъ благъ». Чтобы оцѣнить чрезвычайную важность этого требованія, общаго всей нѣмецкой философіи со времени Канта, но особенно энергически высказаннаго Гегелемъ, надобно вспомнить, какими стран-

философіи разсудка было (въ Германіи. у Фихте) разрушеніе всякой объективности, всякой дѣйствительности и погруженіе отвлеченнаго пустаго Я въ самолюбивое эгоистическое самосозерцаніе, разрушеніе всякой любви, а слѣдовательно и всякой жизни и всякой возможности блаженства... Но германскій народъ слишкомъ силенъ, слишкомъ дѣйствителенъ для того, чтобы сдѣлаться жертвою призрака... Система Гегеля вѣнчала долгое стремленіе ума къ дѣйствительности:

Что дѣйствительно, то разумно; *и*
Что разумно, то дѣйствительно,—

вотъ основа философіи Гегеля.

«Обратимся теперь къ Франціи и посмотримъ, какимъ образомъ проявилось въ ней это разъединеніе Я съ дѣйствительностью... Разсудокъ человѣка, неспособный проникнуть въ глубокое и святое таинство жизни, отвергнулъ все, что было ему недоступно; а ему недоступно все истинное и все дѣйствительное. Вся жизнь Франціи есть ничто иное, какъ сознаніе своей пустоты и мучительное стремленіе наполнить ее чѣмъ бы то ни было, и всѣ средства, употребляемыя ею для наполненія себя, призрачны и безплодны... Французы (*когда принимаются философствовать*) превращаютъ всякую истину въ пустыя, безсмысленныя фразы, въ произвольность и анархію мышленія и въ стряпаніе новыхъ идеекъ...

Эта болѣзнь распространилась, къ несчастію, и у насъ... Пустота нашего воспитанія есть главная причина призрачности нашего новаго поколѣнія. Вмѣсто того, чтобы разжигать въ молодомъ человѣкѣ искру Божію... вмѣсто того, чтобы образовать въ немъ глубокое эстетическое чувство, которое спасаетъ человѣка отъ всѣхъ грязныхъ сторонъ жизни,—вмѣсто всего этого, его наполняютъ пустыми, безсмысленными французскими фразами... Вмѣсто того, чтобы пріучать молодой умъ къ дѣйствительному труду, вмѣсто того, чтобы разжигать въ немъ любовь къ знанію... его пріучаютъ къ пренебреженію трудомъ... Вотъ источникъ нашей общей болѣзни, нашей призрачности! Разверните какое вамъ угодно собраніе русскихъ стихотвореній и посмотрите, что составляетъ пищу для ежедневнаго вдохновенія нашихъ самозванцевъ-поэтовъ... Одинъ объявляетъ, что онъ не вѣритъ въ жизнь, что онъ разочарованъ; другой, что онъ не вѣритъ дружбѣ; третій, что онъ не вѣритъ любви...

Счастіе не въ призракѣ, не въ отвлеченномъ снѣ, а въ живой дѣйствительности; возставать противъ дѣйствительности и убивать въ себѣ всякій источникъ жизни—одно и тоже; примиреніе съ дѣйствительностью во всѣхъ отношеніяхъ и во всѣхъ сферахъ жизни есть главная задача нашего времени, и Гегель и Гете—главы этого примиренія, этого возвращенія изъ смерти въ жизнь. Будемъ надѣяться, что наше новое поколѣніе также выйдетъ изъ призрачности, что оно оставитъ пустую и безсмысленную болтовню, что оно сознаетъ, что истинное знаніе и анархія умовъ и произвольность въ мнѣніяхъ совершенно противоположны; что въ знаніи царствуетъ строгая дисциплина, и что безъ этой дисциплины нѣтъ знанія. Будемъ надѣяться, что новое поколѣніе сроднится наконецъ съ нашею прекрасною русскою дѣйствительностью, и что, оставивъ свѣ пустыя претензіи на геніальность, оно ощутитъ, наконецъ, въ себѣ законную потребность быть дѣйствительными русскими людьми.

ными и узкими условіями ограничивали истину мыслители другихъ тогдашнихъ школъ: они принимались философствовать не иначе, какъ за тѣмъ, чтобы «оправдать дорогія для нихъ убѣжденія», т. е. искали не истины, а поддержки своимъ предубѣжденіямъ; каждый бралъ изъ истины только то, что ему нравилось, а всякую непріятную для него истину отвергалъ, безъ церемоніи признаваясь, что пріятное заблужденіе кажется ему гораздо лучше безпристрастной правды. Эту манеру заботиться не объ истинѣ, а о подтвержденіи пріятныхъ предубѣжденій, нѣмецкіе философы (особенно Гегель) прозвали «субъективнымъ мышленіемъ», философствованьемъ для личнаго удовольствія, а не ради живой потребности истины. Гегель жестоко изобличалъ эту пустую и вредную забаву. Какъ необходимое предохранительное средство противъ поползновеній уклониться отъ истины въ угожденіе личнымъ желаніямъ и предразсудкамъ, былъ выставленъ Гегелемъ знаменитый «діалектическій методъ мышленія». Сущность его состоитъ въ томъ, что мыслитель не долженъ успокоиваться ни на какомъ положительномъ выводѣ, а долженъ искать, нѣтъ-ли въ предметѣ, о которомъ онъ мыслитъ, качествъ и силъ, противоположныхъ тому, что представляется этимъ предметомъ на первый взглядъ: такимъ образомъ, мыслитель былъ принужденъ обозрѣвать предметъ со всѣхъ сторонъ, и истина являлась ему не иначе, какъ слѣдствіемъ борьбы всевозможныхъ противоположныхъ мнѣній. Этимъ способомъ, вмѣсто прежнихъ односторонніхъ понятій о предметѣ, мало-по-малу являлось полное, всестороннее изслѣдованіе и составлялось живое понятіе о всѣхъ дѣйствительныхъ качествахъ предмета. Объяснить дѣйствительность стало существенною обязанностью философскаго мышленія. Отсюда явилось чрезвычайное вниманіе къ дѣйствительности, надъ которою прежде не задумывались, безъ всякой церемоніи искажая ее въ угодность собственнымъ односторонніимъ предубѣжденіямъ. Такимъ образомъ, добросовѣстное, неутомимое изысканіе истины стало на мѣстѣ прежнихъ произвольныхъ толкованій. Но, въ дѣйствительности, все зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ условій мѣста и времени,—и потому Гегель призналъ, что прежнія общія фразы, которыми судили о добрѣ и злѣ, не разсматривая обстоятельствъ и причинъ, по которымъ возникало данное явленіе,—что эти общія, отвлеченныя изрѣченія не удовлетворительны: каждый предметъ, каждое явленіе имѣетъ свое собственное значеніе, и судить о немъ должно по соображенію той обстановки, среди которой оно существуетъ: это правило выражалось формулою: «отвлеченной истины нѣтъ; истина конкретна», т. е. опредѣлительное сужденіе можно произносить только объ опредѣленномъ фактѣ, разсмотрѣвъ всѣ обстоятельства, отъ которыхъ онъ зависитъ [1]).

[1]) Напримѣръ: «благо или зло дождь?»—это вопросъ отвлеченный; опредѣлительно отвѣчать на него нельзя: иногда дождь приноситъ пользу, иногда, хотя рѣже, приноситъ вредъ: надобно спрашивать опредѣлительно: «послѣ того, какъ посѣянъ хлѣба окончанъ, впродолженіе пяти часовъ шелъ сильный дождь,—полезенъ-ли былъ онъ для хлѣба?»—только тутъ отвѣтъ ясенъ и имѣетъ смыслъ: «этотъ дождь былъ очень полезенъ».—«Но въ то же лѣто, когда настала пора уборки хлѣба, цѣлую недѣлю шелъ проливной дождь,—хорошо ли было это для хлѣба?» Отвѣтъ также ясенъ и также справедливъ: «нѣтъ, этотъ дождь былъ вреденъ». Точно также [illegible] къ гегелевой философіи всѣ вопросы. «Пагубна или благотворна война?» Вообще, нельзя отвѣчать на это рѣшительнымъ образомъ: надобно знать, о какой войнѣ идетъ дѣло, все зависитъ отъ обстоятельствъ, времени и мѣста. Для дикихъ народовъ вредъ войны менѣе чувстви-

Само собою разумѣется, что это бѣглое исчисленіе нѣкоторыхъ принциповъ гегелевой философіи не можетъ дать понятія о поразительномъ впечатлѣніи, которое производятъ творенія великаго философа, который въ свое время увлекалъ самыхъ недовѣрчивыхъ учениковъ необыкновенною силою и возвышенностью мысли, покоряющей своему владычеству всѣ области бытія, открывающей въ каждой сферѣ жизни тождество законовъ природы и исторіи съ своимъ собственнымъ закономъ діалектическаго развитія, обнимающей всѣ факты религіи, искусства, точныхъ наукъ, государственнаго и частнаго права, исторіи и психологіи свѣтью систематическаго единства, такъ что все является объясненнымъ и примиреннымъ. Время той философіи, послѣднимъ и величайшимъ представителемъ которой былъ Гегель, прошло для Германіи. При помощи результатовъ, выбранныхъ ею, наука сдѣлала, какъ мы сказали, шагъ впередъ; но новая наука эта явилась только какъ дальнѣйшее развитіе гегелевой системы, которая навсегда сохраняетъ историческое значеніе, какъ переходъ отъ отвлеченной науки къ наукѣ жизни.

Таково была значеніе гегелевой философіи у насъ: она послужила переходомъ отъ безплодныхъ схоластическихъ умствованій, граничившихъ съ апатіею, къ простому и свѣтлому взгляду на литературу и жизнь, потому что въ ея принципахъ заключались, какъ мы старались показать, зародыши этого взгляда. Пылкіе и рѣшительные умы, какъ Бѣлинскій и нѣкоторые другіе, не могли долго удовлетворяться тѣми узкими выводами, которыми ограничивалось приложеніе этихъ принциповъ въ системѣ самого Гегеля; скоро замѣтили они недостаточность и самыхъ принциповъ этого мыслителя. Тогда, отказавшись отъ прежней безусловной вѣры въ его систему, они пошли впередъ, не останавливаясь, какъ остановился Гегель, на половинѣ дороги. Но навсегда сохранили они уваженіе къ его философіи, которой, въ самомъ дѣлѣ, были обязаны очень многимъ.

Но мы уже говорили, что содержаніе системы Гегеля совершенно не соотвѣтствуетъ тѣмъ принципамъ, которые провозглашались ею, и которые мы указали. Въ пылу перваго увлеченія, Бѣлинскій и его друзья не замѣтили этого внутренняго противорѣчія, и ненатурально было бы, еслибы оно было замѣчено ими съ перваго же раза: оно чрезвычайно хорошо прикрыто необычайною силою гегелевой діалектики, такъ что въ самой Германіи только самые зрѣлые и сильные умы и только послѣ долгаго изученія замѣтили это внутреннее несогласіе основныхъ идей Гегеля съ его выводами. Величайшіе изъ современныхъ нѣмецкихъ мыслителей, не уступающіе самому Гегелю геніальностью, долго были безусловными приверженцами всѣхъ его мнѣній, и много времени прошло, пока они успѣли возвратить себѣ самостоятельность и, от-

тѣснить, польза ощутительнѣе: для образованныхъ народовъ война приноситъ обыкновенно менѣе пользы и болѣе вреда. Но, напримѣръ, война 1812 года была спасительна для русскаго народа; марафонская битва была благодѣтельнѣйшимъ событіемъ въ исторіи человѣчества. Таковъ смыслъ аксіомы: «отвлеченной истины нѣтъ; истина конкретна» — конкретно понятіе о предметѣ тогда, когда онъ представляется со всѣми качествами и особенностями и въ той обстановкѣ, среди которой существуетъ, а не въ отвлеченіи отъ этой обстановки и живыхъ своихъ особенностей (какъ представляетъ его отвлеченное мышленіе, сужденія котораго поэтому не имѣютъ смысла для дѣйствительной жизни).

крывъ ошибки Гегеля, положить основаніе новому направленію въ наукѣ. Такъ всегда бываетъ: самъ Гегель долго былъ безусловнымъ поклонникомъ Шеллинга, Шеллингъ—поклонникомъ Фихте, Фихте—Канта: Спиноза, далеко превосходившій геніальностью Декарта, очень долго считалъ себя его вѣрнѣйшимъ ученикомъ.

Мы все это говоримъ къ тому, чтобы показать естественность и необходимость безусловной приверженности къ Гегелю, на нѣкоторое время овладѣвшей Бѣлинскимъ и его друзьями. Они въ этомъ случаѣ раздѣляли общую участь величайшихъ мыслителей нашего времени. И если потомъ Бѣлинскій негодовалъ на себя за прежнее безусловное увлеченіе Гегелемъ, то и въ этомъ случаѣ имѣетъ онъ товарищей, не уступающихъ силою ума ни ему, ни Гегелю [1]).

Всѣ нѣмецкіе философы, отъ Канта до Гегеля, страдаютъ тѣмъ же самымъ недостаткомъ, какой мы указали въ системѣ Гегеля: выводы, дѣлаемые ими изъ полагаемыхъ ими принциповъ, совершенно не соотвѣтствуютъ принципамъ. Общія идеи у нихъ глубоки, плодотворны, величественны, выводы мелки и отчасти даже пошловаты. Но ни у кого изъ нихъ эта противоположность не доходитъ до такого колоссальнаго противорѣчія, какъ у Гегеля, который, превосходя всѣхъ своихъ предшественниковъ возвышенностью началъ, оказывается едва-ли не слабѣе всѣхъ въ своихъ выводахъ. И въ Германіи, и у насъ, люди ограниченные и апатичные успокоились на выводахъ, забывая о принципахъ; но и у насъ, какъ въ Германіи, эти ученики, слишкомъ вѣрные буквѣ и потому невѣрные духу, нашлись только между людьми второстепенными, лишенными силъ на историческую дѣятельность и не могшими имѣть никакого вліянія. Напротивъ, и у насъ, какъ въ Германіи, всѣ истинно даровитые и сильные люди, когда прошло первое увлеченіе, отбросили фальшивые выводы, радостно жертвуя ошибками учителя требованіямъ науки, и бодро пошли впередъ. Потому ошибки Гегеля, подобно ошибкамъ Канта, не имѣли важныхъ послѣдствій, между тѣмъ, какъ здоровая часть его ученія дѣйствовала очень плодотворно.

Мы нарушили бы законъ исторической перспективы, если бы стали говорить о предметѣ, не имѣвшемъ исторической важности, каковы ошибки Ге-

[1]) Одинъ изъ современныхъ мыслителей говоритъ о своихъ прежнихъ сочиненіяхъ, написанныхъ въ духѣ Гегеля: «этой путаницы теперь не могу я никакъ распутать; остается одно: или совершенно зачеркнуть ее, или оставить въ прежнемъ видѣ—предпочитаю послѣднее: многіе до сихъ поръ еще считаютъ мудростью то, что и мнѣ казалось мудростью, когда я писалъ эти сочиненія.—пусть же они, перечитывая ихъ, видятъ путь, которымъ я дошелъ до своихъ настоящихъ убѣжденій—по моимъ слѣдамъ, этимъ людямъ легче будетъ дойти до истины». Точно также и мы должны думать о статьяхъ, писанныхъ Бѣлинскимъ въ 1838—1839 годахъ: кто не въ состояніи раздѣлять зрѣлыхъ и самостоятельныхъ убѣжденій Бѣлинскаго, какія выражалъ онъ въ послѣднее время, тому принесетъ пользу чтеніе его статей въ хронологическомъ порядкѣ, начиная съ тѣхъ, которыми самъ Бѣлинскій впослѣдствіи былъ недоволенъ: кто стоитъ еще слишкомъ низко, тому необходимы лѣстницы, чтобы стать въ уровень съ своимъ вѣкомъ.

Кстати замѣтимъ, что въ настоящей статьѣ мы пользовались воспоминаніями, которыя сообщилъ намъ одинъ изъ ближайшихъ друзей Бѣлинскаго, г. А., и потому ручаемся за совершенную точность фактовъ, о которыхъ упоминаемъ. Мы надѣемся, что интересныя воспоминанія г. А—а со временемъ сдѣлаются извѣстны нашей публикѣ, и спѣшимъ предупредить читателей, что тогда наши слова окажутся не болѣе, какъ развитіемъ его мыслей. За ту помощь, какую оказали намъ его воспоминанія при составленіи настоящей статьи, мы обязаны принести здѣсь искреннѣйшую благодарность глубокоуважаемому нами г. А—у

геля, съ такою же подробностью, какъ о тѣхъ его идеяхъ, которыя оказали сильное вліяніе на ходъ умственнаго развитія. Но такъ какъ эти ошибки все-таки историческій фактъ, хотя и маловажный, то мы не можемъ совершенно умолчать о нихъ. Ниже читатели увидятъ, въ одной изъ приводимыхъ нами выпискъ, въ чемъ состояла сущность этихъ ошибокъ. Здѣсь мы должны только повторить, что друзья Станкевича раздѣляли заблужденіе со всѣми замѣчательнѣйшими нѣмецкими мыслителями современнаго имъ поколѣнія: на нѣкоторое время, геніальная діалектика Гегеля ослѣпила всѣхъ, такъ что выводы, противорѣчившіе принципамъ, всѣми принимались ради этихъ принциповъ, будто необходимое ихъ слѣдствіе.

Нельзя не признаться, что и въ Германіи и у насъ люди, принимавшіе все содержаніе гегелевой системы за чистую истину, вовлекались этимъ авторитетомъ во многія и очень важныя заблужденія. Нимало не защищая того, что дѣйствительно было дурнаго въ этихъ ошибкахъ, надобно, однакожъ, замѣтить, что двадцать лѣтъ назадъ не все то было дѣйствительно вреднымъ заблужденіемъ, что нынѣ было бы непростительнымъ ослѣпленіемъ: для многихъ мнѣній, которыя въ наше время были бы рѣшительно несправедливыми предубѣжденіями, тогда еще существовали дѣльныя основанія,—быть можетъ, односторонніе, быть можетъ, нѣсколько устарѣвшіе, но все-таки заключавшіе въ себѣ много справедливаго. Укажемъ одинъ примѣръ. Строгіе приверженцы нѣмецкой философіи со временъ Канта, особенно строгіе гегеліанцы, презирали и отчасти даже ненавидѣли все французское. Друзья Станкевича раздѣляли это отвращеніе, и «Московскій Наблюдатель» весь проникнутъ «французоѣдствомъ» (Franzosenfresserei), какъ выражались нѣмцы. Французоѣдству посвящены многія страницы предисловія къ гегелевымъ рѣчамъ, служащаго, какъ мы видѣли, программою журнала. Въ примѣчаніи мы приводимъ одну изъ такихъ страницъ [1]). И нельзя не сказать, что «Московскій Наблюдатель», ревностно выполняя всѣ другіе пункты своей программы, не менѣе ревностно выполнялъ и этотъ пунктъ. Онъ пользовался каждымъ случаемъ, каждымъ предлогомъ, чтобы произнесть грозную филиппику или вставить презрительную выходку противъ французовъ. Говоритъ ли онъ, напримѣръ, въ разборѣ «Современника» о статьѣ Пушкина «Мильтонъ»,—главное вниманіе онъ обра-

[1]) «Французы никогда не выходили изъ области произвольныхъ разсужденій, и все святое, великое и благородное въ жизни упало подъ ударами слѣпаго мертваго разсудка. Результатомъ французскаго философизма былъ матеріализмъ, торжество неодухотворенной плоти. Въ французскомъ народѣ исчезла послѣдняя искра откровенія. Христіанство, это вѣчное и непроходящее доказательство любви Творца къ творенію, сдѣлалось предметомъ общихъ насмѣшекъ, общаго презрѣнія, и бѣдный разсудокъ человѣка, неспособный проникнуть въ глубокое и святое таинство жизни, отвергнулъ все, что только было ему недоступно, а ему недоступно все истинное и все дѣйствительное. Онъ требовалъ ясности,—но какой ясности!—не той, которая лежитъ въ глубинѣ предмета: нѣтъ,—а на поверхности его; онъ вздумалъ объяснить религію—и религія, недоступная для конечныхъ усилій его, исчезла и унесла съ собою счастіе и спокойствіе Франціи; онъ вздумалъ превратить святилище науки въ общенародное знаніе—и таинственный смыслъ истиннаго знанія скрылся, и остались одни пошлыя, безплодныя, призрачныя разсужденія.—и Жанъ-Жакъ Руссо объявилъ, что просвѣщенный человѣкъ есть развращенное животное, и революція была необходимымъ послѣдствіемъ этого духовнаго развращенія. Гдѣ нѣтъ религіи, тамъ не можетъ быть государства, и революція была отрицаніемъ всякаго государства, всякаго законнаго порядка, и гильотина провела кровавый уровень свой и казнила все, что только хоть нѣсколько возвышалось надъ безсмысленною толпою».

ицаетъ на тѣ эпизоды, въ которыхъ Пушкинъ подсмѣивается надъ французами,—тотчасъ же выписываются насмѣшки надъ Альфредомъ де-Виньи и Викторомъ Гюго, замѣчанія о недостаткахъ мольеровыхъ комедій, и т. д.,—за то прибавляетъ «Московскій Наблюдатель», что у Пушкина «былъ вѣрный взглядъ на искусство и безконечное эстетическое чувство». Разбирается ли другой томъ «Современника», въ которомъ есть отрывокъ изъ «Хроники русскаго въ Парижѣ»,—почти вся рецензія состоитъ изъ выписокъ тѣхъ страницъ Хроники, которыя особенно неблагопріятны для французовъ. Разбирается ли романъ г. Вельтмана «Виргинія»—оказывается, что этотъ романъ можно похвалить только за одно: «многіе черты французскаго верхоглядства схвачены въ немъ превѣрно»; говорится ли о «Сборникѣ на 1838 годъ»—въ этомъ сборникѣ очень много стиховъ, и отчасти даже хорошихъ стиховъ, но интереснѣе всего въ немъ переводъ эпиграммы Шиллера, въ которой французы называются вандалами. Выписавъ это стихотвореніе и похваливъ за него Шиллера, критикъ торжественно восклицаетъ, обращаясь къ читателямъ:

«Французы вандалы!!!—слышите ли?»

Для бо́льшей знаменательности, это восклицаніе напечатано даже отдѣльною строкою, что и соблюли мы. Говорится ли о возвращеніи молодыхъ профессоровъ нашихъ изъ-за границы—пріятнѣе всего «Московскому Наблюдателю» то, что они слушали лекціи въ Берлинѣ, а не въ Парижѣ. Нечего и говорить, пользуется ли «Московскій Наблюдатель» случаемъ изобличить французское фразерство и легкомысліе, когда является переводъ «Исторіи Франціи» Мишле... тутъ филиппика достигаетъ страшной безпощадности: едва нѣкоторые спеціальные ученые получаютъ за свои спеціальные труды прощеніе въ томъ, что они французы,—но французскіе литераторы, поэты, мыслители, всѣ казнятся безъ всякой милости, отъ дѣвицы Скюдери до Мишле, отъ Ронсара до Лермонтова. Общаго приговора избѣгаетъ только Беранже, «гулякапраздный»: праздная гульба—французское дѣло, объ этомъ они умѣютъ складывать веселенькія пѣсенки—лучшаго у нихъ не нужно и искать. Однимъ словомъ, о чемъ бы рѣчь ни шла, «Московскій Наблюдатель» таки найдетъ предлогъ поразить или кольнуть французовъ, и общимъ выводомъ изъ всей этой неутомимой полемики выставляется заключеніе, что, между тѣмъ, какъ «вліяніе

Въ «Послѣднемъ Новосельѣ» Лермонтовъ буквально переложилъ эти слова въ стихи:

Негодованію и чувству дать свободу
. . . . . .
Мнѣ хочется сказать великому народу:
«Ты жалкій и пустой народъ!

Ты жалокъ потому, что вѣра, слава, геній,
Все, все великое, священное земли,
Съ насмѣшкой глупою ребяческихъ сомнѣній
Тобой растоптано въ пыли.

Изъ славы сдѣлалъ ты игрушку лицемѣрья.
Изъ вольности—орудье палача.
И всѣ завѣтныя отцовскія повѣрья
Ты имъ рубилъ, рубилъ съ плеча...

нѣмцевъ на насъ благодѣтельно во многихъ отношеніяхъ, и со стороны науки, и со стороны искусства, и со стороны духовно-нравственной. съ французами мы находимся въ обратномъ отношеніи: мы враждебно противоположны съ ними по сущности нашего національнаго духа» («Моск. Набл.» томъ XVIII, стр. 200).

Нынѣ, когда лучшіе изъ французовъ отказываются отъ заносчивыхъ претензій. отъ презрѣнія къ другимъ народамъ, когда вся нація оставляетъ свое прежнее легкомысліе, оставляетъ даже фразёрство, которымъ такъ долго жила, когда національная жизнь обратилась къ разрѣшенію истинно-глубокихъ вопросовъ, подобная вражда противъ французовъ была бы совершенно неосновательна. Но тогда настроеніе умовъ во Франціи было совершенно не таково. Тѣ направленія мысли, которыя нынѣ пріобрѣтаютъ Франціи сочувствіе серьезныхъ людей, едва только начинали еще обнаруживаться. и, притомъ, въ странныхъ, еще не опредѣлившихся формахъ, не оказывали еще никакого вліянія на жизнь націи, напротивъ, были осмѣиваемы литературою, презираемы государственною жизнью. Все, чѣмъ блистала Франція временъ первой Имперіи и Реставраціи, было фальшиво и поверхностно или противорѣчило истиннымъ потребностямъ нравственной и общественной жизни: все основывалось на недоразумѣніи съ одной стороны, на обманѣ или насиліи съ другой. Въ литературѣ, напримѣръ, господствовали двѣ школы, равно фальшивыя: одна,— въ духѣ Шатобріана и Ламартина, накидывала на себя маску искусственныхъ восторговъ ученіями, которыхъ не понимала и о которыхъ въ сущности очень мало заботилась; другая накидывала на себя маску утонченной развращенности и мелкаго сатанинства (école satanique). Тѣ, которые не были лицемѣрами идеализма или цинизма, болтали о пустякахъ. Только Беранже составлялъ исключеніе, но Беранже не понимали, считая его не болѣе, какъ пѣвцомъ гризетокъ. Въ наукѣ понятія страшно измельчали,—ученыя знаменитости тогдашняго времени были шарлатаны и фразёры, хлопотавшіе о примиреніи непримиримаго, объ оправданіи наукою предразсудковъ, о сочетаніи научной истины съ произвольными фантазіями. Время теперь обнаружило, что за люди были и чего хотѣли Кузенъ, Гизо, Тьеръ: а они были еще самыми лучшими изъ тогдашнихъ знаменитостей.

Кстати припомнимъ, что такое былъ знаменитый тогда либерализмъ, за который особенно прославлялись эти знаменитости. Событія обнаружили пустоту и рѣшительную безполезность этого либерализма, хлопотавшаго только объ отвлеченныхъ правахъ, а не о благѣ народа, самое понятіе о которомъ оставалось ему чуждо. У лучшихъ проповѣдниковъ его это было легкомысленное заблужденіе относительно истинныхъ потребностей націи: другіе пользовались этимъ такъ называемымъ либерализмомъ, какъ приманкою для привлеченія націи на свою удочку,—а для чего нужно было имъ привлечь націю, оказалось потомъ, когда они успѣли захватить власть: они искали власти для того, чтобы набить себѣ карманы.

Таково было положеніе Франціи и во время Реставраціи и въ первые годы орлеанской династіи. Повсюду гремѣли фразы, лишенныя смысла, во всемъ владычествовали легкомысліе и обманъ. Но болѣе всего должны были возмущаться люди съ горячими убѣжденіями и высокими принципами тѣмъ,

что у тогдашнихъ французскихъ знаменитостей не было ни рѣшительныхъ принциповъ, ни строгой послѣдовательности въ образѣ мыслей: всему, чему они вѣрили, вѣрили они только на половину, робко и церемонно, все, что отрицали, отрицали также только на половину, все это были люди въ родѣ тѣхъ, которыхъ изображалъ у насъ Пушкинъ въ своихъ герояхъ,—въ родѣ тѣхъ, которыхъ Лермонтовъ заставляетъ говорить:

Богаты мы, едва изъ колыбели
Ошибками отцовъ и позднимъ ихъ умомъ...
Къ добру и злу постыдно равнодушны,
Въ началѣ поприща мы вянемъ безъ борьбы...
Тая завистливо отъ ближнихъ и друзей
Надежды лучшія и голосъ благородный
Невѣріемъ осмѣянныхъ страстей.
Едва касались мы до чаши наслажденья,
Но юныхъ силъ мы тѣмъ не сберегли;
Изъ каждой радости, бояся пресыщенья,
Мы лучшій сокъ на вѣки извлекли...
И ненавидимъ мы и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный...

Отъ этихъ безсильныхъ въ своемъ узкомъ и пресыщенномъ эгоизмѣ людей, конечно, нельзя было надѣяться ничего хорошаго; отъ этихъ выродковъ, оставшихся послѣ великой внутренней борьбы, которая поглотила всѣ благороднѣйшія силы французскаго народа, конечно, нельзя было ожидать, чтобъ они влили новую жизнь въ свой народъ: они не должны были служить идеалами для насъ, чувствовавшихъ въ себѣ избытокъ свѣжихъ, еще нетронутыхъ силъ. Къ такимъ людямъ, конечно, не могло лежать сердце пламенныхъ юношей, готовыхъ и любить до самоотверженія и ненавидѣть смертельно, жаждавшихъ дѣятельности и блага. Вражда усиливалась особенно тѣмъ, что эти разочарованные, блазированные, проѣденные эгоизмомъ люди считались у насъ оракулами: всѣ у насъ кричали о французахъ, всѣ восхищались французами,—а ни для себя, ни тѣмъ болѣе для насъ французы такого разбора не были ровно ни на что годны. Намъ нуженъ былъ энтузіазмъ, передъ нами было широкое поле дѣятельности: какже не возненавидѣть было этихъ людей, которые могли передать намъ только свое безсиліе, разочарованіе и бездѣйствіе?

Нелюбовь, заслуженная французами временъ первой Имперіи и Реставраціи, незаслуженнымъ образомъ распространялась и на ихъ предковъ, и столь же незаслуженнымъ образомъ подвергались общему осужденію свѣжія направленія мысли, возникавшія въ молодомъ поколѣніи мыслителей, не имѣвшихъ ничего общаго съ прежними знаменитостями, людей съ твердыми и возвышенными убѣжденіями, со свѣжими силами. Виною этой несправедливости былъ отчасти недостатокъ знакомства съ возникавшими во французской литературѣ новыми стремленіями, отчасти также и предубѣжденіе, составившееся противъ всѣхъ вообще французовъ,—а болѣе всего—безусловное поклоненіе гегелевой

системѣ, какъ верховной и единственной истинѣ, внѣ которой ничто не заслуживаетъ вниманія.

Поклоненіе Гегелю въ кругу друзей Станкевича доходило, какъ мы сказали, до крайности, въ которой люди талантливые, одаренные самостоятельнымъ умомъ и стремившіеся впередъ, не могли долго оставаться. Признаки безсознательнаго недовольства системою, которою продолжали восхищаться, обнаружились въ даровитѣйшихъ членахъ дружескаго круга тѣмъ, что они говорили въ гегелевскомъ смыслѣ рѣшительнѣе и безпощаднѣе, нежели самъ Гегель, сдѣлались, какъ говорится, ревностнѣйшими гегеліанцами, нежели самъ Гегель. Особенно отличался этимъ Бѣлинскій, который вообще былъ не таковъ, чтобы отказываться отъ логическихъ выводовъ изъ боязни уклониться отъ точныхъ словъ какого бы то ни было авторитета. Это свидѣтельство людей, знавшихъ его лично, подтверждается многими его страницами, написанными совершенно въ духѣ Гегеля, но съ такою рѣшительностью, которой не одобрилъ бы самъ Гегель. Да и вообще Гегель, говорящій обо всемъ съ безпристрастіемъ посѣдѣвшаго мудреца, смотрящій на все исключительно глазами кабинетнаго ученаго, чуждаго волненіямъ жизни, не могъ долго удержать въ безусловной покорности такого пламеннаго, проникнутаго жизненными стремленіями двадцатипятилѣтняго человѣка, какъ Бѣлинскій. Натуры учителя и ученика, потребности двухъ различныхъ обществъ, среди которыхъ они дѣйствовали, были слишкомъ несогласны. Бѣлинскій скоро отбросилъ все, что въ ученіи Гегеля могло стѣснять его мысль, и вскорѣ послѣ переѣзда въ Петербургъ является уже дѣйствователемъ совершенно самостоятельнымъ.

Два обстоятельства помогли этому переходу, необходимому по натурѣ самого Бѣлинскаго, совершиться быстрѣе, нежели совершился бы онъ безъ этихъ обстоятельствъ: сближеніе друзей Станкевича съ г. Огаревымъ и его друзьями и переѣздъ Бѣлинскаго изъ Москвы въ Петербургъ.

Первоначальныя вліянія, подъ которыми совершалось развитіе г. Огарева и его друзей, были совершенно различны отъ вліяній, которымъ подчинялся кружокъ Станкевича. Нѣмецкая философія мало ихъ занимала, какъ предметъ слишкомъ отвлеченный. Ихъ вниманіе было устремлено на тѣ науки, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ жизни націй. Въ то время во Франціи возникали, какъ противорѣчіе бездушному и убійственному ученію экономистовъ, новыя теоріи національнаго благосостоянія. Идеи, одушевлявшія новую науку, высказывались еще въ фантастическихъ формахъ, и предубѣжденнымъ или руководившимся своекорыстными побужденіями противникамъ легко было, оставляя безъ вниманія здравыя и высокія основныя идеи новыхъ теоретиковъ и выставляя въ утрированномъ видѣ мечтательныя увлеченія, которыхъ въ началѣ не избѣгаетъ ни одна новая наука, осмѣивать системы, имъ ненавистныя. Но подъ видимыми странностями и подъ фантастическими увлеченіями скрывались въ этихъ системахъ истины и глубокія и благодѣтельныя. Огромное большинство и ученыхъ людей и европейской публики, повѣривъ пристрастнымъ и поверхностнымъ отзывамъ экономистовъ, не хотѣли понять смысла новой науки, всѣ смѣялись надъ несбыточными утопіями, и почти никто не считалъ нужнымъ основательно и безпристрастно изучать ихъ. Г. Огаревъ и его друзья занялись этими вопросами, понимая чрезвычайную ихъ важность для жизни.

Съ тѣмъ вмѣстѣ вниманіе г. Огарева и его друзей было занято исторіею, особенно новѣйшею, то-есть именно важнѣйшею для жизни частью ея: и такъ какъ въ послѣднее время главнымъ театромъ историческаго развитія была Франція, то они интересовались преимущественно ея исторіею. Въ литературѣ они также не отдавали безусловнаго предпочтенія нѣмцамъ, зная и цѣня французскихъ новыхъ писателей, которые тогда еще не господствовали въ литературѣ, но уже доказали, что будутъ господствовать надъ нею. Подъ вліяніемъ этихъ занятій составились у нихъ твердыя и послѣдовательныя учено-литературныя убѣжденія.

Такимъ образомъ, дѣятели молодаго поколѣнія въ Москвѣ были раздѣлены на два кружка, съ двумя различными направленіями: въ одномъ господствовала гегелева философія, въ другомъ—занятія современными вопросами исторической жизни. Много было пунктовъ, въ которыхъ два эти направленія могли сталкиваться враждебно; но подъ видимою противоположностью таилось существенное тождество стремленій, несогласныхъ между собою только въ томъ, что было у каждаго изъ нихъ односторонностью, недостаткомъ, но одинаково ставившихъ себѣ цѣлью дѣятельность, плодотворную для развитія русскаго общества, одинаково считавшихъ единственнымъ средствомъ для достиженія этой цѣли оживленіе нашей литературы и возбужденіе нашей мыслительной дѣятельности, одинаково имѣвшихъ свой идеалъ въ будущемъ, а не въ прошедшемъ, относившихся между собою, какъ теорія и практика, которыя должны служить взаимнымъ дополненіемъ. Важный вопросъ: побѣдитъ-ли чувство существеннаго единства, или противорѣчіе во второстепенныхъ, но, однакожъ, очень важныхъ вопросахъ, долженъ былъ разрѣшиться такъ или иначе, смотря потому, дѣйствительно-ли люди, служившіе представителями этихъ различныхъ направленій, достойны были сдѣлаться замѣчательными дѣятелями въ исторіи развитія русскаго общества, и дѣйствительно-ли принципы, ихъ воодушевляющіе, были плодотворны. Исторія говоритъ намъ, что обыкновенное явленіе при паденіи принципа—непримиримая вражда между его приверженцами изъ-за второстепенныхъ вопросовъ, а при развитіи принципа—дружное дѣйствованіе людей, согласныхъ въ главномъ, какъ бы ни были важны второстепенные вопросы, ихъ раздѣляющіе. Отверженіе узкаго самолюбія, готовность признать правду, которой не замѣчалъ прежде, и сдѣлать эту указанную другимъ правду своимъ задушевнымъ дѣломъ—таково существенное качество истинно замѣчательныхъ историческихъ дѣятелей.

Люди, о которыхъ мы говорили, были призваны играть дѣйствительно важную роль въ развитіи нашего общества; принципы, ихъ одушевлявшіе, дѣйствительно были живы и плодотворны, — потому эти принципы необходимо должны были слиться, эти люди соединиться. И дѣйствительно, люди соединились съ такою благородною искренностью и самоотреченіемъ отъ своихъ односторонностей, принципы слились въ одно общее направленіе съ такою совершенною гармоніею, что фактъ этотъ принадлежитъ къ числу самыхъ рѣдкихъ и возвышающихъ душу примѣровъ совершеннаго торжества общей правды надъ частными недоразумѣніями, общаго стремленія служить истинѣ надъ личными столкновеніями.

Первыя чувства были, натурально, недружелюбны: обоюдная исключительность мнѣній возбуждала взаимную непріязнь. Тѣ и другіе были недовольны другъ другомъ и долго удерживались отъ сношеній между собою. Друзья Станкевича осуждали г. Огарева и его друзей за то, что они не предаются изученію нѣмецкой философіи и не признаютъ, что вся истина заключена въ системѣ Гегеля. Друзья г. Огарева осуждали кругъ Станкевича за то, что въ немъ всѣ мысли направлены исключительно къ слишкомъ отвлеченнымъ вопросамъ, и вопросы жизни или оставляются безъ всякаго вниманія, или рѣшаются въ томъ апатическомъ смыслѣ, какъ велитъ рѣшать ихъ Гегель. Одни говорили про другихъ: «они пренебрегаютъ истинными принципами»; эти говорили про первыхъ: «они проповѣдуютъ апатію въ жизни и примиряются со всѣми недостатками дѣйствительности, восхищаясь тѣмъ, что ихъ система оправдываетъ все на свѣтѣ». Различныя внѣшнія обстоятельства содѣйствовали тому, что личныхъ сношеній—которыхъ не желала сначала ни та, ни другая партія—очень долго не существовало между людьми того и другаго направленія.

Станкевича уже не было въ Москвѣ, когда г. Огаревъ вошелъ въ кругъ, душою котораго прежде былъ Станкевичъ, и ввелъ за собою своихъ друзей. Если бы Станкевичъ, кроткій и любящій, былъ еще между своихъ друзей, вѣроятно, сближеніе произошло бы тогда же. Теперь посредникомъ и примирителемъ былъ только г. Огаревъ. Онъ одинъ, не имѣя ни въ комъ помощниковъ, не успѣлъ пересилить противниковъ, каждое свиданіе которыхъ было жаркимъ споромъ. Вслѣдствіе одного изъ такихъ споровъ, когда Бѣлинскій, на всѣ вопросы, имѣвшіе цѣлью вынудить у него признаніе, что не все въ дѣйствительности можетъ быть оправдано разумомъ, отвѣчалъ, съ обычною своею неумолимою послѣдовательностью, признаніемъ разумности всѣхъ гѣхъ явленій, на которыя ему было указано,—вслѣдствіе этого спора, доказавшаго невозможность поколебать его убѣжденія, попытки примиренія кончились—на время, какъ увидимъ, и на очень короткое время.

Между тѣмъ, попытки эти не остались безплодны, хотя повидимому привели къ полному разрыву. Люди, спорившіе съ Бѣлинскимъ и его друзьями, были изумлены тою непоколебимостью, съ какою встрѣчаются послѣдователями Гегеля самыя, повидимому, неопровержимыя возраженія противъ системы Гегеля,—тою легкостью, съ какою послѣдователи Гегеля находятъ вполнѣ удовлетворительный для себя отвѣтъ на все, что, повидимому, должно бы смутить и затруднять ихъ. Противники результатовъ, до которыхъ доходитъ гегелева система, увидѣли, что Гегеля можно побѣдить только его собственнымъ оружіемъ, и принялись за глубокое изученіе этого мыслителя. Они приступили къ нему съ силами ума, совершенно зрѣлаго, съ проницательностью, изощренною привычкою къ самостоятельному мышленію и богатымъ опытомъ жизни, наполненной всевозможными столкновеніями,—съ запасомъ твердыхъ убѣжденій, данныхъ жизнью и строгою наукою. И, какъ ни трудно устоять противъ діалектики исполина нѣмецкой философіи,—этой изумительно сильной діалектики, облекающей всю его систему бронею неразрушимаго, повидимому, единства,—эти люди открыли пробѣлы и непослѣдовательности системы Гегеля, увидѣли погрѣшности въ ея выводахъ, несогласіе принциповъ ея съ результатами, основныхъ идей съ примѣненіями, постигли и односторонность принциповъ,—и могли

наконецъ сказать: «теперь мы постигаемъ все, что постигалъ Гегель, но постигаемъ яснѣе и полнѣе, нежели онъ». Такимъ образомъ, была, по выраженію нѣмецкой философіи, превзойдена (überwunden), очищена отъ односторонности по смыслу собственныхъ своихъ основныхъ началъ, подвергнута критикѣ и возведена къ высшей истинѣ философія Гегеля сильнѣйшими послѣдователями одного изъ направленій, между которыми до того времени преградою была система Гегеля. Но глубина и стройность нѣмецкихъ философскихъ системъ произвела сильное впечатлѣніе на умы тѣхъ, которые взялись за изученіе философіи не столько по расположенію къ ней, сколько по необходимости открыть слабыя ея стороны; сильнѣйшіе изъ друзей г. Огарева сами получили философское направленіе; не покидая своихъ прежнихъ стремленій, напротивъ, еще болѣе утвердившись въ нихъ, они возвели свои убѣжденія къ общимъ философскимъ принципамъ и, увидѣвъ, какъ много выигрываютъ оттого ихъ идеи и въ прочности и въ стройности, сдѣлались ревностными приверженцами нѣмецкой философіи,—конечно, уже не системы Гегеля, на которой не могли они остановиться, а новой философіи, послѣднимъ переходомъ къ которой была система Гегеля.

Съ другой стороны, подобное расширеніе умственнаго горизонта совершилось около того же времени и въ сильнѣйшихъ изъ друзей Станкевича. До сихъ поръ они, какъ мы говорили, были связаны между собою совершенною одинаковостью понятій и стремленій, такъ что особенности отдѣльныхъ личностей исчезали въ единствѣ общаго настроенія. Характеризуя «Московскій Наблюдатель», дѣятельнѣйшимъ участникомъ и распорядителемъ котораго былъ Бѣлинскій, мы большую часть нашихъ выписокъ заимствовали изъ предисловія къ рѣчамъ Гегеля, писаннаго не Бѣлинскимъ, а однимъ изъ тогдашнихъ его друзей, потому что тогда всѣ эти люди писали совершенно въ одномъ и томъ же духѣ: разница была только въ томъ, что одни умѣли писать лучше другихъ, но все, что говорилъ Бѣлинскій, говорили всѣ друзья Станкевича, и, наоборотъ, Бѣлинскій высказывалъ только то, въ чемъ одинаково были убѣждены всѣ. Такъ продолжалось до пріѣзда Бѣлинскаго въ Петербургъ. Тутъ вскорѣ онъ сдѣлался совершенно самобытенъ, и теперь мы должны говорить уже не объ общей дѣятельности прежняго кружка, котораго Бѣлинскій былъ только представителемъ, а о личной дѣятельности Бѣлинскаго, ставшаго во главѣ нашего литературнаго движенія и управлявшаго этимъ движеніемъ, въ союзѣ съ новыми сподвижниками, присоединившимися къ нему не по духу какого-нибудь кружка, а по самобытному стремленію къ одинаковымъ цѣлямъ, съ сохраненіемъ личныхъ особенностей натуры каждаго изъ союзниковъ.

Въ Москвѣ Бѣлинскій, подобно своимъ друзьямъ, былъ совершенно погруженъ въ теоретическія умствованія и обращалъ очень мало вниманія на то, что дѣлается въ дѣйствительной жизни. Онъ твердилъ, что дѣйствительность значительнѣе всѣхъ мечтаній, но, подобно своимъ друзьямъ, смотрѣлъ на дѣйствительность глазами идеалиста, не столько изучалъ ее, сколько переносилъ въ нее свой идеалъ, и вѣрилъ, что идеалъ этотъ имѣетъ себѣ соотвѣтствіе въ нашей дѣйствительности, что, по крайней мѣрѣ, важнѣйшіе элементы дѣйствительности сходны съ тѣми идеалами, какіе найдены для нихъ въ системѣ Гегеля. Петербургъ, какъ извѣстно всѣмъ пережившимъ идеалистическій пе-

ріодъ воззрѣній, нимало не удобенъ для сохраненія такихъ мечтаній. Въ Петербургѣ дѣйствительная жизнь настолько шумна, безпокойна и неотвязна, что трудно обманываться относительно ея сущности, трудно не разубѣдиться въ томъ, что она движется вовсе не по идеальному плану гегелевской системы, трудно остаться идеалистомъ. Петербургъ, съ обычною своею готовностью услужить новому жителю всѣми возможными разочарованіями, не замедлилъ доставить Бѣлинскому обильные матеріалы для повѣрки благосклонныхъ къ дѣйствительности выводовъ гегелевской системы и внушить ему, что филистерскіе нѣмецкіе идеалы не имѣютъ ровно никакого сходства съ русскою жизнью. Пришлось отказаться отъ увѣренности, что гегелевы построенія—вѣрныя изображенія дѣйствительной жизни, пришлось критически посмотрѣть и на дѣйствительность и на гегелеву систему [1]). Результатомъ этой повѣрки было, для теоретическихъ убѣжденій—очищеніе принциповъ Гегеля отъ ихъ односторонности, отверженіе фальшиваго содержанія, прилѣпленнаго къ нимъ, и выводъ новыхъ слѣдствій, въ духѣ строгой современной науки; для жизненныхъ стремленій—отверженіе прежняго квіэтизма, разрушаемаго дѣйствительностью, сохраненіе высокаго убѣжденія, что разумъ и правда должны и будутъ владычествовать въ жизни, хотя мы далеки еще отъ этого времени. Бѣлинскій убѣдился, что дѣйствительность заключаетъ въ себѣ очень много ложныхъ и вредныхъ элементовъ, и, посвятивъ всю свою дѣятельность водворенію въ жизни владычества ума и правды, началъ неутомимую, безпощадную борьбу со всѣмъ, что препятствовало достиженію этой цѣли. Для такой живой натуры, какъ Бѣлинскій, переходъ отъ абстрактной идеальности, доводившей до квіетизма и апатіи, къ живому понятію о дѣйствительности былъ естественъ и легокъ. Система Гегеля на нѣкоторое время увлекла его своимъ величіемъ, и мы старались показать, что увлеченіе оправдывалось новостью и глубиною истинъ, заключавшихся въ ея основныхъ идеяхъ; но никогда не удовлетворяла она его своимъ положительнымъ содержаніемъ, онъ всегда рвался впередъ, негодуя на стѣснительное безстрастіе Гегеля, всегда вносилъ въ это холодное созерцаніе патетическій жаръ своей живой натуры. Таково же было отношеніе къ Гегелю и другихъ сильныхъ людей между друзьями Станкевича. Изъ выписокъ, нами приведенныхъ, можно видѣть, чѣмъ особенно увлекались они въ системѣ Гегеля, почему особенно дорожили ею. Въ каждомъ теоретическомъ ученіи соединяются двѣ стороны: отвлеченное понятіе объ истинѣ и отношеніе этого знанія къ живой дѣятельности. Гегель ставитъ знаніе первою, почти исключи-

[1]) «Москвичъ очень скоро свыкается съ Петербургомъ, если переѣдетъ въ него жить. Куда дѣваются высокопарныя мечты, идеалы, теоріи, фантазіи! Петербургъ, въ этомъ отношеніи, пробный камень человѣка: кто, живя въ немъ, не увлекся водоворотомъ призрачной жизни, умѣлъ сберечь и душу и сердце не на счетъ здраваго смысла, сохранить свое человѣческое достоинство, не предаваясь донкихотству,—тому смѣло вы можете протянуть руку, какъ человѣку. Петербургъ имѣетъ на нѣкоторыя натуры отрезвляющее свойство: сначала кажется вамъ, что отъ его атмосферы, словно листья съ дерева, спадаютъ съ васъ самыя дорогія убѣжденія; но скоро замѣчаете вы, что то не убѣжденія, а мечты, порожденныя праздною жизнію и рѣшительнымъ незнаніемъ дѣйствительности,—и вы остаетесь, можетъ быть, съ тяжелою грустью, но въ этой грусти такъ много святаго, человѣческаго... Что мечты! самыя обольстительныя изъ нихъ не стоятъ въ глазахъ *дѣльнаго* (въ разумномъ значеніи этого слова) человѣка самой горькой истины, потому что счастіе глупца—есть ложь, тогда какъ страданіе дѣльнаго человѣка—есть истина, и притомъ плодотворная въ будущемъ... (*Статья Бѣлинскаго «Москва и Петербургъ» въ «Физіологіи Петербурга»*).

тельною цѣлью своей системы; слѣдствія этого знанія для жизни стоятъ у него на второмъ планѣ. Этотъ порядокъ, съ самаго же начала былъ измѣненъ сильнѣйшими изъ друзей Станкевича; они съ самаго начала говорили: «философія Гегеля благотворна для жизни, потому надобно изучать истины, ею открываемыя»—ясно, что дѣйствительная жизнь стоитъ для нихъ на первомъ планѣ, отвлеченное знаніе имѣетъ уже только второстепенную важность. Люди съ такими натурами не могли долго удовлетворяться системою Гегеля: тѣмъ или другимъ путемъ, они должны были выйти изъ зависимости отъ нея,—и, дѣйствительно, вышли, кто тѣмъ, кто другимъ путемъ. Насъ здѣсь занимаетъ Бѣлинскій, и мы видѣли, что его вывело изъ безусловнаго поклоненія Гегелю ближайшее знакомство съ дѣйствительностью, быть двигателемъ которой всегда стремился и былъ назначенъ онъ.

Прежніе споры въ Москвѣ съ друзьями г. Огарева также имѣли свою долю участія въ расширеніи взглядовъ Бѣлинскаго. Правда, во время самыхъ споровъ никакія возраженія не могли ни мало поколебать его вѣры въ безусловную справедливость выводовъ, представляемыхъ системою Гегеля: напротивъ, какъ то всегда бываетъ съ людьми сильными и безстрашными въ своей послѣдовательности, споры только утвердили его въ прежнемъ образѣ мнѣній, заставили его быть еще послѣдовательнѣе и строже въ своихъ понятіяхъ, внушили ему сильнѣйшее желаніе настаивать на нихъ и доказывать несостоятельность всѣхъ сомнѣній въ томъ, что казалось ему истиною. Нѣкоторыя изъ статей, напечатанныхъ Бѣлинскимъ тотчасъ по переѣздѣ въ Петербургъ, написаны подъ вліяніемъ этого полемическаго одушевленія, и мнѣнія, принадлежавшія всѣмъ сотрудникамъ «Московскаго Наблюдателя», доведены въ этихъ статьяхъ, которыя помѣщены были въ «Отечественныхъ Запискахъ», до крайности, возбудившей изумленіе и объясняемой только ихъ полемическимъ происхожденіемъ. Но важно было уже то, что возраженія, предложенныя Бѣлинскому его московскими противниками, сильно занимали его, не были имъ забыты. Когда первые порывы полемики миновались, когда сближеніе съ дѣйствительною жизнью начало изобличать односторонность прежняго отвлеченнаго идеализма, Бѣлинскій долженъ былъ безпристрастнѣе взглянуть на мнѣнія своихъ бывшихъ противниковъ, еще такъ недавно отвергнутыя имъ съ высоты идеалистическихъ воззрѣній. Онъ увидѣлъ, что эти понятія, казавшіяся безусловному послѣдователю системы Гегеля узкими и поверхностными, гораздо лучше выдерживаютъ повѣрку фактами, нежели выводы, предлагаемые гегелевою философіею, и что мыслящій человѣкъ ничего иного, кромѣ этихъ понятій, не можетъ вывести изъ жизни. Дѣятели умственнаго міра раздѣляются на два класса: однимъ истина непріятна, если она прежде ихъ высказана кѣмъ-нибудь другимъ,—они готовы брать привилегію на свои мысли, вѣроятно, по сознанію того, что производительность ихъ въ этомъ отношеніи слаба,—другіе заботятся только объ истинѣ, не считая нужнымъ заботиться о привилегіяхъ. вѣроятно, потому, что чужды опасенія оскудѣть умомъ и обѣднѣть мыслями: одни не любятъ отказываться отъ своихъ ошибокъ,—вѣроятно, по сознанію того, что всѣ ихъ претензіи—самолюбивая ошибка; другіе чужды этой щекотливости, потому что истина всегда лежала въ основаніи ихъ стремленій. Бѣлинскій принадлежалъ ко вторымъ. Онъ при первомъ же случаѣ, съ обычною

своею прямотою признался, что Петербургъ научилъ его цѣнить воззрѣнія на дѣйствительность, о которыхъ прежде онъ не хотѣлъ знать, и что въ тѣхъ вопросахъ, о которыхъ шли нѣкогда споры, правда была на сторонѣ людей, отвергавшихъ выводы гегелевой системы, какъ несообразные съ фактами дѣйствительной жизни.

Такимъ образомъ, исчезли причины раздѣленія, еще незадолго до того времени бывшія препятствіемъ дружному дѣйствованію лучшихъ людей молодаго поколѣнія. Одни, прежде не обращавшіе вниманія на нѣмецкую философію, сдѣлались теперь ревностными послѣдователями ея, найдя въ ея принципахъ твердое основаніе для убѣжденій, которыя были пріобрѣтены изученіемъ новой исторіи и современнаго быта. Представитель другаго направленія въ литературномъ движеніи, Бѣлинскій, былъ приведенъ наблюденіемъ дѣйствительности къ различенію справедливыхъ началъ гегелевой философіи отъ ея односторонних выводовъ, увидѣлъ чрезвычайную важность тѣхъ вопросовъ, на которые въ кругу Станкевича обращали слишкомъ мало вниманія, и удержалъ изъ гегелевой системы только тѣ убѣжденія, которыя выдержали повѣрку живыми явленіями дѣйствительности. Всѣ даровитѣйшіе изъ бывшаго круга Станкевича послѣдовали за нимъ, если не вышли на ту же дорогу самостоятельно [1]). Односторонность обоихъ направленій совершенно сгладилась.

При такомъ единствѣ понятій и стремленій, должны были сблизиться и люди. Около этого времени возвратился изъ-за границы Грановскій. Чѣмъ Станкевичъ былъ для своего круга, тѣмъ онъ сталъ равно для друзей Станкевича и г. Огарева. Грановскаго невозможно было не полюбить всею душою каждому благородному человѣку. Все, что было въ Москвѣ благороднѣйшаго между людьми молодаго поколѣнія, соединилось вокругъ него. Гдѣ былъ Грановскій, тамъ могло быть только одно чувство—чувство братства. Помощникомъ его въ этомъ дѣлѣ былъ г. Огаревъ. Скоро ихъ вліянію подчинились и тѣ, которые жили въ Петербургѣ и провинціяхъ.

Вліяніемъ Грановскаго, Бѣлинскаго и другихъ, присоединились къ ихъ литературному кругу почти всѣ даровитые люди молодаго поколѣнія, уже дѣйствовавшіе въ литературѣ или выступавшіе на этотъ путь.

Такимъ образомъ, изъ прежнихъ дружескихъ круговъ Станкевича и г. Огарева, съ присоединеніемъ новыхъ дѣятелей, составилось одно большое литературное общество, главнымъ органомъ котораго въ литературѣ, до начала нашего журнала, были «Отечественныя Записки» (съ 1840, особенно 1841 до 1846 года); главнымъ дѣйствователемъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» того времени былъ Бѣлинскій. Съ нимъ достойнымъ образомъ раздѣляли съ самаго начала честь быть распространителями новыхъ и здравыхъ идей въ русской публикѣ нѣкоторые другіе люди, о которыхъ мы отчасти уже упомянули, отчасти надѣемся сказать,—именно, кромѣ Грановскаго, г. Галаховъ,

[1]) Читатель понимаетъ, что, говоря здѣсь исключительно о литературномъ движеніи, мы не имѣемъ права упоминать о людяхъ иначе, какъ по отношеніямъ ихъ къ литературѣ. Безъ сомнѣнія, въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ на различныхъ поприщахъ дѣятельности было много людей, замѣчательныхъ не менѣе Бѣлинскаго; положимъ, что были такіе люди и въ кругу Станкевича. Но читатель согласится, что мы можемъ называть представителемъ этого круга только Бѣлинскаго. Мы вовсе не имѣемъ охоты возвышать Бѣлинскаго насчетъ кого бы то ни было—онъ въ томъ вовсе не нуждается—а только излагаемъ его литературную дѣятельность.

г. Катковъ, г. Кетчеръ, г. Коршъ, г. Кудрявцевъ, г. Огаревъ и другіе. Станкевичъ умеръ еще до начала этого сліянія, Ключниковъ и Кольцовъ пережили Станкевича лишь немногими годами, какъ и Лермонтовъ, которыя самостоятельными симпатіями своими принадлежалъ новому направленію, и только потому, что послѣднее время своей жизни провелъ на Кавказѣ, не могъ раздѣлять дружескихъ бесѣдъ Бѣлинскаго и его друзей. Потери эти были вознаграждены присоединеніемъ новыхъ людей, которые или примкнули къ Бѣлинскому, Грановскому, г. Огареву, или были воспитаны ихъ вліяніемъ. Изъ нихъ надобно назвать, между прочимъ, г. Анненкова, г. Григоровича, г. Кавелина, покойныхъ Кронеберга и В. Милютина, г. Некрасова, г. Панаева и г. Тургенева. Болѣе или менѣе примыкали къ тому же кругу или воспитывались вліяніемъ Бѣлинскаго или Грановскаго почти всѣ безъ исключенія даровитые люди новаго поколѣнія. Г. Краевскій, какъ редакторъ журнала, служившаго органомъ дѣятельности Бѣлинскаго, Грановскаго, г. Огарева и ихъ друзей, занялъ очень почетное мѣсто въ русской литературѣ, которая, мы съ удовольствіемъ можемъ сказать это, многимъ обязана ему была въ это время, за то, что онъ предоставилъ Бѣлинскому въ своемъ журналѣ положеніе сообразное, въ литературномъ отношеніи, съ преобладающею важностью этого лица для журнала.

Около того же самаго времени, когда произошло у насъ соединеніе односторонихъ направленій въ одну общую, всеобъемлющую систему воззрѣній, подобное явленіе происходило и въ Европѣ. Нѣмецкіе ученые начали сознавать, что жизнь имѣетъ свои права не только надъ дѣятельностью, но и надъ наукою; французскіе ученые и литераторы стали понимать необходимость глубоко изслѣдовать общія понятія, о которыхъ до того времени мало заботились. Въ той и другой странѣ прежнія односторонніе ученія стали уступать мѣсто новымъ идеямъ, которыя уже не принадлежали исключительно тому или другому народу, а равно были собственностью каждаго истинно-современнаго человѣка, въ какой бы странѣ онъ ни родился, на какомъ бы языкѣ ни писалъ. Такое направленіе умовъ во всѣхъ странахъ образованнаго міра къ одинаковымъ воззрѣніямъ на всѣ существенные вопросы служило сильною поддержкою единства стремленій у всѣхъ истинно-современныхъ людей въ каждой странѣ. Такъ и у насъ, изученіемъ новыхъ явленій, возникавшихъ въ умственной жизни главныхъ народовъ западной Европы и, при всемъ различіи своего происхожденія и формы, проникнутыхъ совершенно однимъ и тѣмъ же духомъ, укрѣплялось единство понятій, которыми связывались люди съ современнымъ образомъ мыслей.

Но единство понятій и людей у насъ только укрѣплялось, а не рождено было внѣшними вліяніями. Дѣятели, стоявшіе тогда во главѣ нашего умственнаго движенія, конечно, ободрялись тѣмъ, что согласіе съ ними всѣхъ современныхъ мыслителей Европы подтверждало справедливость ихъ понятій; но эти люди уже не зависѣли ни отъ какихъ постороннихъ авторитетовъ въ своихъ понятіяхъ. Мы уже говорили, что тотъ прогрессъ въ понятіяхъ, который сгладилъ прежнюю разрозненность, совершился у насъ самостоятельнымъ образомъ. Тутъ въ первый разъ умственная жизнь нашего отечества произвела людей, которые или на ряду съ мыслителями Европы, а не въ свитѣ ихъ

учениковъ, какъ бывало прежде. Прежде каждый у насъ имѣлъ между европейскими писателями оракула или оракуловъ; одни находили ихъ во французской, другіе—въ нѣмецкой литературѣ. Съ того времени, какъ представители нашего умственнаго движенія самостоятельно подвергли критикѣ гегелеву систему, оно уже не подчинялось никакому чужому авторитету.

Бѣлинскій и главнѣйшіе изъ его сподвижниковъ стали людьми вполнѣ самостоятельными въ умственномъ отношеніи.

Этотъ фактъ — самостоятельность, которой достигла русская мысль въ Бѣлинскомъ и главныхъ его сподвижникахъ, интересенъ не потому только, что пріятенъ для нашей народной гордости: онъ важенъ въ исторіи нашихъ литературныхъ мнѣній потому, что имъ объясняются нѣкоторыя отличительныя качества трудовъ Бѣлинскаго и его союзниковъ,—качества, которыхъ прежде не имѣла наша критика; имъ отчасти объясняется и быстрое распространеніе литературныхъ мнѣній Бѣлинскаго въ нашей публикѣ.

Человѣкъ, мысль котораго достигла самостоятельности, опредѣлительностью своихъ понятій и вѣрностью ихъ приложенія всегда превосходитъ тѣхъ людей, которые слѣдуютъ чужимъ понятіямъ, не будучи въ состояніи подвергнуть критикѣ принципы, которыхъ держатся. До Бѣлинскаго наша критика была отраженіемъ то французскихъ, то нѣмецкихъ теорій, потому вовсе не имѣла ясности и опредѣлительности въ своихъ основныхъ воззрѣніяхъ. а при оцѣнкѣ существеннаго смысла и достоинства литературныхъ явленій, если высказывала много вѣрнаго, то почти всегда или оставляла многое недосказаннымъ, или примѣшивала къ вѣрнымъ замѣчаніямъ странныя недоразумѣнія. Вообще, мнѣнія лучшихъ критиковъ, предшествовавшихъ Бѣлинскому, очень скоро, втеченіе какихъ нибудь пяти-шести лѣтъ, оказывались устарѣвшими, неосновательными или односторонними. Такъ, «Телеграфъ» былъ основанъ въ 1825 году, а въ 1829 году человѣкъ, читавшій статьи Надеждина въ «Вѣстникѣ Европы», уже не могъ безъ улыбки думать о «высшихъ взглядахъ» Полеваго, не могъ не убѣдиться, что Полевой слишкомъ неудовлетворительно понималъ значеніе важнѣйшихъ явленій въ современной ему русской литературѣ. Сужденія самого Надеждина представляютъ странный хаосъ, ужасную смѣсь чрезвычайно вѣрныхъ и умныхъ замѣчаній съ мнѣніями, которыхъ невозможно защищать, такъ что часто одна половина статьи разрушается другою половиною. Напротивъ, сужденія Бѣлинскаго до сихъ поръ сохраняютъ всю свою цѣну, и вѣрность ихъ вообще такова, что люди, возставшіе противъ него, почти всегда правы были только въ томъ, что заимствовали у него же самого. Въ послѣдніе годы, у насъ много говорили о неудовлетворительности понятій Бѣлинскаго; въ числѣ этихъ эпигоновъ, воображавшихъ, что пошли далѣе Бѣлинскаго, были люди умные и даровитые; но нужно только сличить ихъ статьи съ статьями Бѣлинскаго, и каждый убѣдится, что всѣ эти люди живутъ только тѣмъ, чего наслушались отъ Бѣлинскаго: они толкуютъ вѣчно только о томъ же самомъ, что говорилъ Бѣлинскій, и если толкуютъ иначе, такъ это потому, что вдаются или въ односторонность, или въ очевидное пристрастіе. Со времени Бѣлинскаго матеріалы для исторіи литературы дѣятельно разрабатываются; но вообще каждое новое изслѣдованіе ведетъ только къ новому подтвержденію сужденій, высказанныхъ имъ.

Самостоятельность его мысли была также одною изъ главныхъ причинъ сочувствія, съ которымъ принимались его мнѣнія. Слабая сторона людей, повторяющихъ чужія мысли, состоитъ въ томъ, что большею частію они толкуютъ о предметахъ, не возбуждающихъ интереса въ публикѣ. Правда всегда правда, но не всякая правда вездѣ и всегда равно важна и равно способна возбудить вниманіе: у каждаго вѣка, у каждаго народа есть свои потребности: то, что интересно нѣмцу, часто бываетъ вовсе не интересно французу или русскому, потому что не имѣетъ прямаго отношенія къ потребностямъ его жизни. Надобно говорить о томъ, что нужно нашей публикѣ въ наше время. Прежде, наша литература слишкомъ часто говорила о предметахъ, имѣющихъ для насъ слишкомъ мало интереса, служа не столько выразительницею нашихъ собственныхъ мыслей, не столько разрѣшительницею нашихъ собственныхъ недоумѣній, сколько отголоскомъ чужихъ сужденій о чуждыхъ намъ дѣлахъ. Бѣлинскій всегда говорилъ о томъ, что слышать нужно и интересно было именно той публикѣ, которой онъ говорилъ.

Въ слѣдующей статьѣ намъ должно будетъ излагать его дѣятельность въ порѣ зрѣлаго развитія. Характеризуя литературныя воззрѣнія Бѣлинскаго, мы будемъ обращать главное наше вниманіе на его позднѣйшія статьи, потому что до самой смерти своей этотъ человѣкъ шелъ впередъ, и чѣмъ далѣе, тѣмъ полнѣе и точнѣе выражались его мысли; и, конечно, мы должны будемъ принимать въ основаніе своихъ соображеній самое зрѣлое ихъ выраженіе. Но прежде намъ остается обозначить путь, которымъ шло развитіе его воззрѣній съ того времени, какъ начали появляться его статьи въ «Отечественныхъ Запискахъ», до той высоты, на которой застигнутъ онъ былъ смертью. Въ нѣсколькихъ словахъ, существеннѣйшая черта развитія критики Бѣлинскаго съ 1840 года можетъ быть опредѣлена такъ:

Критика Бѣлинскаго все болѣе и болѣе проникалась живыми интересами нашей жизни, все лучше и лучше постигала явленія этой жизни, все рѣшительнѣе и рѣшительнѣе стремилась къ тому, чтобы объяснить публикѣ значеніе литературы для жизни, а литературѣ тѣ отношенія, въ которыхъ она должна стоять въ жизни, какъ одна изъ главныхъ силъ, управляющихъ ея развитіемъ.

Съ каждымъ годомъ въ статьяхъ Бѣлинскаго мы находимъ все менѣе и менѣе разсужденій объ отвлеченныхъ предметахъ или хотя о живыхъ предметахъ, но съ отвлеченной точки зрѣнія; все рѣшительнѣе и рѣшительнѣе становится преобладаніе элементовъ, данныхъ жизнью.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

БѢЛИНСКІЙ.

Путь развитія, которымъ шла критика Бѣлинскаго въ «Отечественныхъ Запискахъ» и «Современникѣ», опредѣляется тою существенною чертою, что она все болѣе и болѣе проникалась живыми интересами нашей дѣйствительности и вслѣдствіе того становилась все болѣе и болѣе положительною. Въ примѣчаніи мы приводимъ нѣсколько мѣстъ изъ послѣднихъ статей Бѣлинскаго, выражающихъ самыя зрѣлыя и точныя понятія его о томъ, какую преобладающую важность должна имѣть дѣйствительность въ умственной и нравственной жизни, главнымъ органомъ которой до послѣдняго времени была (и до сихъ поръ остается) у насъ литература, а здѣсь скажемъ нѣсколько о томъ, какъ надобно понимать «дѣйствительность» и «положительность», которымъ, по современнымъ понятіямъ, должно принадлежать такое важное значеніе во всѣхъ отрасляхъ и умственной и нравственной дѣятельности [1]).

[1]) «Если бы насъ спросили, въ чемъ состоитъ отличительный характеръ современной русской литературы, мы отвѣчали бы: въ болѣе и въ болѣе тѣсномъ сближеніи съ жизнью, съ дѣйствительностью, въ большей и большей близости къ зрѣлости и возмужалости». («Взглядъ на русскую литературу въ 1846 г.». «Современникъ» 1847 г., № 1, Критика, стр. 1).—Итакъ, зрѣлость измѣряется степенью близости къ дѣйствительности.

«Все движеніе русской литературы (до Пушкина) заключалось въ стремленіи сблизиться съ жизнью, съ дѣйствительностью». (Тамъ же, стр. 4).—Итакъ, цѣль литературнаго движенія есть дѣйствительность.

«Въ отношеніи къ искусству, поэзіи, творчеству литература наша всего ближе къ той зрѣлости и возмужалости, рѣчью о которыхъ начали мы эту статью. Такъ называемую натуральную школу нельзя упрекнуть въ реторикѣ, разумѣя подъ этимъ словомъ вольное или невольное искаженіе дѣйствительности, фальшивое идеализированіе жизни... Не въ талантахъ, не въ числѣ ихъ мы видимъ собственно прогрессъ литературы, а въ ихъ направленіи, ихъ манерѣ писать. Таланты были всегда, но прежде они украшали природу, идеализировали дѣйствительность, т. е. изображали несуществующее, разсказывали о небываломъ; а теперь они воспроизводятъ жизнь и дѣйствительность въ ихъ истинѣ. Отъ этого литература получила важное значеніе въ глазахъ общества». (Тамъ же, стр. 10).—Итакъ, положительности противно фальшивое идеализированіе; искусство достигаетъ зрѣлости тогда, когда воспроизводитъ жизнь и дѣйствительность въ ихъ истинѣ.

«Вмѣсто того, чтобы думать о невозможномъ, гораздо лучше, признавъ неотразимую и неизмѣнную (*т. е. не подчиняющуюся фантазіямъ*) дѣйствительность существующаго, дѣйствовать на его основаніи, руководясь разумомъ и здравымъ смысломъ, а не маниловскими фантазіями». (Тамъ же, стр. 14).

«Понятіе о дѣйствительности совершенно новое», — говоритъ Бѣлинскій («Современникъ» 1847 г., № 1. Критика, стр. 18),—и, въ самомъ дѣлѣ, оно опредѣлилось и вошло въ науку очень недавно, именно съ того времени, какъ объяснены были современными намъ мыслителями темные намеки трансцендентальной философіи, признававшей истину только въ конкретномъ осуществленіи. Какъ и всѣ верховныя истины современной науки, этотъ взглядъ на дѣйствительность очень простъ, но чрезвычайно плодотворенъ.

Были времена, когда мечты фантазіи ставились гораздо выше того, что представляетъ жизнь, и когда сила фантазіи считалась безпредѣльную. Но современные мыслители внимательнѣе прежняго разсмотрѣли этотъ вопросъ и дошли до результатовъ, совершенно противоположныхъ прежнимъ мнѣніямъ, которыя оказались рѣшительно не выдерживающими критики. Сила нашей фантазіи чрезвычайно ограниченна, и созданія ея очень блѣдны и слабы въ сравненіи съ тѣмъ, что представляетъ дѣйствительность. Самое пылкое воображеніе подавляется представленіемъ о милліонахъ миль, отдѣляющихъ землю отъ солнца, о чрезвычайной быстротѣ свѣта и электрическаго тока: самыя идеальныя фигуры Рафаэля оказались портретами съ живыхъ людей; самыя уродливыя созданія миѳологіи и народныхъ суевѣрій оказались далеко не столь непохожими на окружающихъ насъ животныхъ, какъ чудовища, открытыя естествоиспытателями; исторіею и внимательнымъ наблюденіемъ современнаго быта доказано было, что живые люди, даже вовсе не принадлежащіе къ числу отъявленныхъ изверговъ или героевъ добродѣтели, совершаютъ преступленія, гораздо ужаснѣйшія, и подвиги, гораздо болѣе возвышенные, нежели все, что было выдумано поэтами. Фантазія должна была смириться передъ дѣйствительностію: мало того: принуждена была сознаться, что мнимыя созданія ея только копіи съ того, что представляется явленіями дѣйствительности.

Но явленія дѣйствительности чрезвычайно разнородны и разнообразны. Она представляетъ много такого, что сообразно съ желаніями и потребностями человѣка, и много такого, что рѣшительно противорѣчитъ имъ. Прежде, когда пренебрегали дѣйствительностью, слишкомъ гордясь фантастическими богатствами,

«Важность теоретическихъ вопросовъ зависитъ отъ ихъ отношеній къ дѣйствительности... У себя, въ себѣ, вокругъ себя—вотъ гдѣ мы должны искать и вопросовъ, и ихъ рѣшенія. Это направленіе будетъ плодотворно». (Тамъ же, стр. 28).

«Жаль, что источникъ вдохновенія этого таланта (*одного изъ поэтовъ, котораго стихотворенія были изданы въ 1846 г.*) не жизнь, а мечта, и что поэтому онъ не имѣетъ никакого отношенія къ жизни и бѣденъ поэзіею... На высотѣ, куда ему такъ хочется, и пусто, и холодно, и нѣтъ воздуха для дыханія. То ли дѣло земля! на ней намъ и свѣтло и тепло, на ней все наше и понятно намъ, на ней наша жизнь и наша поэзія. Зато кто отворачивается отъ нея, не умѣя понимать ее, тотъ не можетъ быть поэтомъ и можетъ ловить въ холодной пустотѣ однѣ холодныя и пустыя фразы». (Тамъ же, стр. 31).

«Литература наша... постоянно стремилась изъ реторической сдѣлаться естественною, натуральною. Это стремленіе, ознаменованное замѣтными и постоянными успѣхами, и составляетъ смыслъ и душу исторіи нашей литературы. И мы, не обинуясь, скажемъ, что ни въ одномъ русскомъ писателѣ это стремленіе не достигло такого успѣха, какъ въ Гоголѣ. Это могло совершиться только черезъ исключительное обращеніе искусства къ дѣйствительности, помимо всякихъ идеаловъ. Это великая заслуга со стороны Гоголя, этимъ онъ совершенно измѣнилъ взглядъ на самое искусство. Къ сочиненіямъ каждаго изъ (прежнихъ) русскихъ поэтовъ можно, хотя и съ натяжкою, приложить старое и ветхое опредѣленіе поэзіи, какъ «украшенной природы»: но въ отношеніи къ сочиненіямъ Гоголя этого уже невозможно сдѣлать. Къ нимъ идетъ другое опредѣленіе искусства—какъ воспроизведеніе дѣйствительности во всей ея истинѣ». («Взглядъ на русскую литературу 1847 г.».—«Современникъ» 1848 г., № 1. Критика, стр. 17).

полагали, что передѣлать дѣйствительность по фантастическимъ мечтамъ очень легко. Но, когда фантастическая гордость смирилась, ученые и поэты должны были убѣдиться въ томъ, что всегда было ясно въ практической жизни для людей, одаренныхъ здравымъ смысломъ. Самъ по себѣ, человѣкъ очень слабъ; всю свою силу заимствуетъ онъ только отъ знанія дѣйствительной жизни и умѣнья пользоваться силами неразумной природы и врожденными, независимыми отъ человѣка качествами человѣческой натуры. Дѣйствуя сообразно съ законами природы и души и при помощи ихъ, человѣкъ можетъ постепенно видоизмѣнять тѣ явленія дѣйствительности, которыя несообразны съ его стремленіями, и, такимъ образомъ, постепенно достигать очень значительныхъ успѣховъ въ дѣлѣ улучшенія своей жизни и исполненія своихъ желаній.

Но не всякія желанія находятъ себѣ пособіе въ дѣйствительности. Многія противорѣчатъ законамъ природы и человѣческой натуры; ни философскаго камня, который бы обращалъ всѣ металлы въ золото, ни жизненнаго элексира, который бы на вѣки сохранялъ намъ юность, невозможно добыть изъ природы: напрасны и всѣ наши требованія, чтобы люди отказались отъ эгоизма, отъ страстей: человѣческая натура не подчиняется такимъ, повидимому, превосходнымъ требованіямъ.

Это обстоятельство, полагающее очевидную разницу между нашими желаніями, заставило пристальнѣе всмотрѣться въ тѣ изъ нихъ, достиженію которыхъ отказываются служить природа и люди съ здравымъ смысломъ — въ самомъ ли дѣлѣ необходимо для человѣка исполненіе такихъ желаній? Очевидно, нѣтъ, потому что онъ, какъ мы видимъ, и живетъ и даже, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, бываетъ очень счастливъ, не обладая ни философскимъ камнемъ, ни жизненнымъ элексиромъ, ни тѣми очаровательными благами и качествами, какими манитъ его волшебство фантазіи, заносящейся за облака. А если человѣкъ можетъ обходиться, какъ показываетъ жизнь, безъ этихъ благъ, которыя выставляются фантазіею, будто необходимыя для него,— если обнаружилось уже, что она обманула человѣка въ отношеніи необходимости, то нельзя было не заподозрить ея и съ другой стороны: дѣйствительно-ли пріятно было бы человѣку исполненіе тѣхъ мечтаній, которыя противорѣчатъ законамъ внѣшней природы и его собственной натуры? И при внимательномъ наблюденіи оказалось, что исполненіе такихъ желаній не вело бы ни къ чему, кромѣ недовольства или мученій; оказалось, что все ненатуральное вредно и тяжело для человѣка, и что нравственно здоровый человѣкъ, инстинктивно чувствуя это, вовсе не желаетъ въ дѣйствительности осуществленія тѣхъ мечтаній, которыми забавляется праздная фантазія.

Какъ найдено было, что мечты фантазіи не имѣютъ цѣнности для жизни, точно также найдено было, что не имѣютъ значенія для жизни многія надежды, внушаемыя фантазіею.

Прочное наслажденіе дается человѣку только дѣйствительностью; серьезное значеніе имѣютъ только тѣ желанія, которыя основаніемъ своимъ имѣютъ дѣйствительность; успѣха можно ожидать только въ тѣхъ надеждахъ, которыя возбуждаются дѣйствительностью, и только въ тѣхъ дѣлахъ, которыя совершаются при помощи силъ и обстоятельствъ, представляемыхъ ею.

Достичь до такого убѣжденія и дѣйствовать сообразно съ нимъ значитъ сдѣлаться человѣкомъ положительнымъ.

Но часто тѣ самые, которые воображаютъ себя людьми положительными, заблуждаются въ этомъ высокомъ мнѣніи о себѣ самымъ жестокимъ и постыднымъ образомъ, впадая въ особеннаго рода фантазёрство именно по узкости своихъ понятій о дѣйствительности.

Напримѣръ, несправедливо было бы считать положительнымъ человѣкомъ холоднаго эгоиста. Любовь и доброжелательство (способность радоваться счастію окружающихъ насъ людей и огорчаться ихъ страданіями) такъ же врождены человѣку, какъ и эгоизмъ. Кто дѣйствуетъ исключительно по разсчетамъ эгоизма, тотъ дѣйствуетъ наперекоръ человѣческой природѣ, подавляетъ въ себѣ врожденныя и неискоренимыя потребности. Онъ въ своемъ родѣ такой же фантазеръ, какъ и тотъ, кто мечтаетъ о заоблачныхъ самоотверженіяхъ; разница только въ томъ, что одинъ—злой фантазеръ, другой—притворный фантазеръ, но оба они сходны въ томъ, что счастіе для нихъ недостижимо, что они вредны и для себя и для другихъ. Голодный человѣкъ, конечно, не можетъ чувствовать себя хорошо; но и сытый человѣкъ не чувствуетъ себя хорошо, когда вокругъ него раздаются несносные для человѣческаго сердца стоны голодныхъ. Искать счастія въ эгоизмѣ—ненатурально, и участь эгоиста нимало не завидна: онъ уродъ, а быть уродомъ неудобно и непріятно.

Точно также вовсе нельзя назвать положительнымъ и того человѣка, который, понявъ, что силы придаются человѣку только дѣйствительностью и прочныя наслажденія доставляются только ею, вздумалъ бы объявлять, что нѣтъ въ дѣйствительности такихъ явленій, которыя нужно и возможно человѣку измѣнить, что въ дѣйствительности все пріятно и хорошо для человѣка, и что онъ совершенно безсиленъ передъ каждымъ фактомъ: это опять своего рода фантазерство, столь же нелѣпое, какъ и мечты о воздушныхъ замкахъ. Равно ошибается человѣкъ, который хлопочетъ о замѣненіи обыкновенной здоровой пищи амвросіею и нектаромъ, и тотъ, который утверждаетъ, что всякая пища вкусна и здорова для человѣка, что въ природѣ нѣтъ ядовитыхъ растеній, что пустыя щи съ лебедою хороши, что невозможно очищать полей отъ камней и бурьяна, чтобы засѣвать пшеницею, что не должно и невозможно очищать пшеницу отъ плевелъ.

Всѣ эти люди—одинаковые фантазеры, потому что одинаково увлекаются односторонею крайностью, одинаково отвергаютъ очевидные факты, одинаково хотятъ нарушать законы природы и человѣческой жизни. Неронъ, Калигула, Тиверій были такъ же близки къ сумасшествію, какъ рыцарь Тоггенбургъ и индѣйскій факиръ Вителлій, который объѣдался до того, что каждый день долженъ былъ прибѣгать къ помощи рвотнаго, терпѣлъ отъ желудка не меньше мученій, нежели терпитъ человѣкъ, не имѣющій сытнаго обѣда. Развратникъ точно такъ же лишенъ лучшихъ наслажденій жизни, какъ и кастратъ. Положительнаго въ жизни всѣхъ этихъ людей очень мало. Положителенъ только тотъ, кто хочетъ быть вполнѣ человѣкомъ: заботясь о собственномъ благосостояніи, любитъ и другихъ людей (потому что одинокаго счастья нѣтъ); отказываясь отъ мечтаній, несообразныхъ съ законами природы, не отказывается отъ полезной дѣятельности; находя многое въ дѣйствительности прекраснымъ,

не отрицаетъ также, что многое въ ней дурно, и стремится, при помощи благопріятныхъ человѣку силъ и обстоятельствъ, бороться противъ того, что неблагопріятно человѣческому счастью. Положительнымъ человѣкомъ въ истинномъ смыслѣ слова можетъ быть только человѣкъ любящій и благородный. Въ комъ отъ природы нѣтъ любви и благородства, тотъ жалкій уродъ, шекспировъ Калибанъ, недостойный имени человѣческаго,—но такихъ людей очень мало, можетъ быть, вовсе нѣтъ; въ комъ обстоятельства убиваютъ любовь и благородство, тотъ человѣкъ жалкій, несчастный, нравственно больной; кто преднамѣренно подавляетъ въ себѣ эти чувства, тотъ фантазеръ, чуждый положительности и противорѣчащій законамъ дѣйствительной жизни.

По отверженіи фантазерства, требованія и надежды человѣка дѣлаются очень умѣренными; онъ становится снисходителенъ и отличается терпимостью, потому что излишняя взыскательность и фанатизмъ—порожденія болѣзненной фантазіи. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы положительность ослабляла силу чувства и энергію требованій,—напротивъ, тѣ чувства и требованія, которыя вызываются и поддерживаются дѣйствительностью, гораздо сильнѣе всѣхъ фантастическихъ стремленій и надеждъ: человѣкъ, мечтающій о воздушныхъ замкахъ, и въ сотую долю не такъ сильно занятъ своими слишкомъ радужными мечтами, какъ человѣкъ, заботящійся о постройкѣ для себя скромнаго (лишь бы только уютнаго) домика, занятъ мыслью объ этомъ домикѣ. О томъ ужъ нечего и говорить, что мечтатель обыкновенно проводитъ время лежа на боку; а человѣкъ, одушевленный разсудительнымъ желаніемъ, трудится безъ отдыха для его осуществленія. Чѣмъ дѣйствительнѣе и положительнѣе стремленія человѣка, тѣмъ энергичнѣе борется онъ съ обстоятельствами, препятствующими ихъ осуществленію. И любовь и ненависть даются и возбуждаются въ высшей степени тѣми предметами, которые принадлежатъ къ области дѣйствительной жизни. Фантастическая Елена, при всей своей невообразимой красотѣ, не возбуждаетъ въ здоровомъ человѣкѣ и слабой тѣни того чувства, которое возбуждается дѣйствительною женщиною, даже не принадлежащею къ числу блистательныхъ красавицъ. Съ другой стороны, звѣрства каннибаловъ, о которыхъ мы, къ счастію, знаемъ только по слухамъ, далеко не въ такой степени волнуютъ насъ, какъ довольно невинные въ сравненіи съ ними подвиги Сквозниковъ-Дмухановскихъ и Чичиковыхъ, совершаемые въ нашихъ глазахъ.

Бѣлинскій былъ человѣкъ сильный и рѣшительный: онъ говорилъ очень энергически, съ чрезвычайнымъ одушевленіемъ, но нелѣпою ошибкою было бы называть его, какъ то дѣлали, бывало, иные, человѣкомъ неумѣреннымъ въ требованіяхъ или надеждахъ. Тѣ и другія имѣли у него основаніе въ потребностяхъ и обстоятельствахъ нашей дѣятельности, потому, при всей своей силѣ, были очень умѣренны. Насъ здѣсь занимаетъ русская литература, потому будемъ говорить о ней. Бѣлинскій восхищался «Ревизоромъ» и «Мертвыми Душами». Подумаемъ хорошенько, могъ ли бы восхищаться этими произведеніями человѣкъ неумѣренный въ своихъ желаніяхъ? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, сарказмъ Гоголя не знаетъ никакихъ границъ? Напротивъ, стоитъ вспомнить хотя о Диккенсѣ, не говоря уже о французскихъ писателяхъ прошлаго вѣка, и мы должны будемъ признаться, что сарказмъ Гоголя очень скроменъ и ог-

раниченъ. Бѣлинскій желалъ развитія нашей литературѣ,—но какими предѣлами ограничивались его требованія и надежды? Требовалъ ли онъ, чтобъ наша литература при нашихъ глазахъ стала такъ же глубока и богата, какъ, напримѣръ, современная французская или англійская (хотя и та и другая далеки отъ совершенства)? Вовсе нѣтъ: онъ прямо говорилъ, что въ настоящее время нечего объ этомъ думать, какъ о вещи невозможной; очень хорошо, по его мнѣнію, было ужь и то, что наша литература становится сколько нибудь похожа въ самомъ дѣлѣ на литературу; успѣхи, ею совершаемые, были, по его мнѣнію, очень быстры и похвальны; онъ постоянно радовался этой быстротѣ нашего развитія, а вѣдь, по правдѣ говоря, быстрота эта была таки довольно медленная: и въ 1846 и 1856 году мы еще далеки отъ этой «зрѣлости», къ которой стремимся. Да, Бѣлинскій былъ человѣкъ очень терпѣливый и умѣренный. Примѣровъ тому можно найти множество: они на каждой страницѣ его статей.—Напрасно также было бы воображать его критикомъ слишкомъ строгимъ; напротивъ, онъ былъ очень снисходителенъ. Правда, онъ былъ одаренъ чрезвычайно вѣрнымъ и тонкимъ вкусомъ, не могъ не замѣчать недостатковъ и высказывалъ о нихъ свое мнѣніе безъ всякихъ пустыхъ прикрасъ; но если хотя какое нибудь положительное достоинство находилось въ разбираемомъ произведеніи, онъ готовъ былъ за это достоинство извинять ему всѣ недостатки, для которыхъ существуетъ хотя какое нибудь извиненіе. Едва ли у кого изъ русскихъ критиковъ было и столько терпимости къ чужимъ мнѣніямъ, какъ у него: лишь бы только убѣжденія не были совершенно нелѣпы, онъ всегда говорилъ о нихъ съ уваженіемъ, какъ бы ни разнились они отъ его собственныхъ убѣжденій. Примѣровъ тому множество. Укажемъ на одинъ, о которомъ придется намъ говорить—на полемику его съ славянофилами, въ которой со стороны Бѣлинскаго постоянно было гораздо больше доброжелательства, нежели со стороны его противниковъ. Онъ даже видѣлъ утѣшительное явленіе въ томъ, что число приверженцевъ этой школы увеличивается. (Бѣлинскій, впрочемъ, ошибся въ этомъ случаѣ: нынѣ оказалось, что славянофильство лишено способности привлекать послѣдователей). Точно также онъ съ полною готовностью признавалъ всѣ достоинства произведеній словесности, которыя были написаны не въ томъ духѣ, какой казался ему сообразнѣйшимъ съ потребностью нашей литературы, лишь бы только эти произведенія имѣли положительное достоинство. Для примѣра, напомнимъ его отзывъ о романѣ г. Гончарова «Обыкновенная Исторія». Въ приложеніи къ настоящей статьѣ, мы помѣстили отрывокъ изъ послѣдняго обзора русской литературы, написаннаго Бѣлинскимъ. Онъ припомнитъ читателямъ, что Бѣлинскій не признавалъ «чистаго искуства» и поставлялъ обязанностью искуства служеніе интересамъ жизни. А, между тѣмъ, онъ въ томъ же самомъ разборѣ съ равнымъ благорасположеніемъ говоритъ о романѣ г. Гончарова, въ которомъ видитъ исключительное стремленіе къ такъ называемому чистому искусству, и о другомъ романѣ, явившемся около того времени, написанномъ въ духѣ, который наиболѣе нравился Бѣлинскому; онъ даже болѣе снисходителенъ къ «Обыкновенной Исторіи». Можно также припомнить, съ какимъ чрезвычайнымъ сочувствіемъ говорилъ всегда Бѣлинскій о Пушкинѣ, хотя совершенно не раздѣлялъ его понятій. Но безполезно увеличивать число этихъ

примѣровъ, которыхъ множество представляется каждому, сохранившему отчетливое воспоминаніе о статьяхъ Бѣлинскаго.

Мнѣніе, будто бы Бѣлинскій не былъ очень умѣренъ въ своихъ понятіяхъ или сурово преслѣдовалъ всякій образъ мыслей, несогласный съ его собственнымъ, рѣшительно несправедливо. Въ этомъ каждому легко убѣдиться, просмотрѣвъ нѣсколько его статей. Фанатиковъ у насъ въ литературѣ было довольно много; но Бѣлинскій не только не имѣлъ никакого сходства съ ними, а, напротивъ, постоянно велъ съ ними самую упорную борьбу, какого бы цвѣта ни былъ ихъ фанатизмъ, къ какой бы партіи ни принадлежали они,— даже фанатиковъ такъ называемой «тенденціи» онъ осуждалъ такъ же строго, какъ и фанатиковъ противоположнаго направленія [1]).

Отчего же могло возникнуть мнѣніе, будто Бѣлинскій не былъ человѣкомъ очень умѣренныхъ мыслей о нашей литературѣ и связанныхъ съ нею вопросахъ, между тѣмъ, какъ чтеніе его статей неопровержимо убѣдитъ каждаго, что онъ понималъ вещи не иначе, какъ ихъ вообще понимаютъ почти всѣ здравомыслящіе люди въ наше время? Тутъ надобно многое приписать неосновательнымъ обвиненіямъ, какія взводились на него личными его противниками, которыхъ самолюбіе было оскорблено его критикою: его называли они человѣкомъ неумѣреннымъ по тѣмъ же самымъ побужденіямъ и точно съ такою же основательностью, какъ и твердили о немъ, будто бы онъ нападалъ на старыхъ нашихъ писателей, тогда какъ, напротивъ, онъ возстановлялъ ихъ славу. Но этими личными и мелочными разсчетами нельзя ограничить поводовъ, по которымъ возникло мнѣніе, признаваемое нами несправедливымъ.

Требованія Бѣлинскаго были очень умѣренны, но тверды и послѣдовательны, высказывались съ одушевленіемъ, энергически. Нѣтъ надобности говорить, что самыя рѣзкія сужденія могутъ быть прикрываемы цвѣтистыми фразами. Бѣлинскій, человѣкъ прямаго и рѣшительнаго характера, пренебрегалъ этою хитростью. Онъ писалъ такъ, какъ думалъ, заботясь только о правдѣ и употребляя именно тѣ слова, которыя точнѣе выражали его мысль. Дурное онъ прямо называлъ дурнымъ, не прикрывая своего сужденія дипломатическими оговорками и двусмысленными намеками. Потому людямъ, которымъ всякое правдивое слово кажется жосткимъ, какъ бы ни было оно умѣренно, мнѣнія Бѣлинскаго казались рѣзкими: что дѣлать, многіе прямоту считаютъ всегда рѣзкостью. Но тѣ, которые понимаютъ смыслъ читаемаго, очень хорошо всегда понимали, что желанія и надежды Бѣлинскаго были очень скромны. Вообще, онъ не требовалъ ничего такого, что не казалось бы совершенною необходимостью для каждаго человѣка съ развитымъ умомъ. Этимъ и объясняется сильное сочувствіе ему въ публикѣ, которая у насъ вообще очень скромна въ своихъ желаніяхъ.

Въ спорахъ съ противниками Бѣлинскій не имѣлъ привычки уступать, и въ полемикѣ, которую онъ велъ, не было ни одного случая, когда споръ не кончался бы совершеннымъ пораженіемъ противника во всѣхъ пунктахъ;

[1]) Мы говоримъ объ умѣренности Бѣлинскаго не для того, чтобы хвалить или осуждать его, а просто потому, что умѣренность эта фактъ, очень важный и неоспоримый, а между тѣмъ, слишкомъ часто опускаемый изъ виду при сужденіяхъ о Бѣлинскомъ.

ни одинъ литературный споръ не оканчивался безъ того, чтобы противникъ Бѣлинскаго не терялъ совершенно уваженія лучшей части публики. Но должно только припомнить, съ какими мнѣніями велъ онъ борьбу, и надобно будетъ признаться, что иначе споръ не могъ кончаться. Бѣлинскій спорилъ только противъ мнѣній, положительно вредныхъ и рѣшительно ошибочныхъ: нельзя указать ни одного случая, когда бы онъ считалъ нужнымъ возставать противъ убѣжденій, которыя были безвредны или не нелѣпы. Стало быть, вовсе не онъ, а его противники были виноваты въ томъ, если полемика (обыкновенно начинаемая не Бѣлинскимъ) кончалась совершеннымъ ихъ пораженіемъ: зачѣмъ они защищали мнѣнія, которыхъ невозможно защищать и не должно защищать? Зачѣмъ они возставали противъ очевидныхъ истинъ? зачѣмъ они литературные вопросы такъ часто старались переносить въ область юридическихъ обвиненій? Всѣ случаи, когда Бѣлинскій велъ упорную полемику, подводятся подъ одно опредѣленіе: Бѣлинскій говоритъ, что $2\times2=4$; его за это обвиняютъ въ невѣжествѣ, безвкусіи и неблагонамѣренности, намекая, что изъ провозглашаемаго имъ парадокса—парадоксъ состоитъ въ томъ, что $2\times2=4$—напримѣръ, въ томъ, что произведенія Пушкина по художественному достоинству выше произведеній Державина, а «Герой Нашего Времени» выше «Брынскаго Лѣса» или «Симеона Кирдяпы», что изъ этого страннаго парадокса произойдутъ самыя пагубныя послѣдствія для русскаго языка, для отечественной литературы, и что—чего добраго!—всему міру грозитъ смертельная опасность отъ такой неосновательной и злонамѣренной выдумки. При защитѣ отъ такихъ нападеній, конечно, невозможно было признавать, что на сторонѣ нападающихъ есть хотя какая нибудь частица справедливости. Если бы предметомъ ихъ негодованія выбиралось что нибудь сомнительное, если бы замѣчались Бѣлинскому какіе нибудь односторонности или недосмотры, дѣло могло бы быть ведено иначе: Бѣлинскій, соглашаясь или не соглашаясь на замѣчанія противниковъ, охотно признавался бы, что ихъ слова не совершенно лишены здраваго смысла, что мнѣнія ихъ заслуживаютъ уваженія: когда онъ замѣчалъ свои ошибки, онъ не колебался самъ первый обнаруживать ихъ. Но что оставалось ему дѣлать, когда, напримѣръ, одинъ изъ его противниковъ возмущался отсутствіемъ всякихъ убѣжденій въ статьяхъ Бѣлинскаго, когда тотъ же самый противникъ утверждалъ, что Бѣлинскій пишетъ самъ, не понимая смысла своихъ словъ,—потомъ твердилъ, что Бѣлинскій заимствуетъ у него свои понятія (когда дѣло было совершенно наоборотъ, что очевидно каждому при сличеніи стараго «Москвитянина» съ «Отечественными Записками»),—когда другіе возставали на Бѣлинскаго за мнимое неуваженіе къ Державину и Карамзину (которыхъ онъ первый оцѣнилъ), и т. д.,—тутъ, при всей готовности быть уступчивымъ, невозможно было увидѣть въ замѣчаніяхъ противниковъ ни искры правды, и невозможно было не сказать, что они совершенно ошибочны. Таково же бывало положеніе дѣла, когда Бѣлинскій, въ свою очередь, начиналъ полемику: могъ ли онъ не говорить, что мнѣнія, противъ которыхъ онъ возстаетъ, совершенно лишены всякаго основанія, когда эти мнѣнія были такого рода: Гоголь писатель безъ всякаго таланта,—лучшее лицо въ «Мертвыхъ Душахъ» кучеръ Чичикова Селифанъ,—гегелева философія заимствована изъ «Завѣщанія» Владиміра Моно-

маха,—писатели, подобные г. Тургеневу и г. Григоровичу, достойны сожалѣнія потому, что берутъ содержаніе своихъ произведеній не изъ русскаго быта,—Лермонтовъ былъ подражателемъ г. Бенедиктова и плохо владѣлъ стихомъ,—романы Диккенса произведенія уродливой бездарности,—Пушкинъ былъ плохой писатель,—величайшіе поэты нашего вѣка Викторъ Гюго и г. Хомяковъ,—г. Соловьевъ не имѣетъ понятія о русской исторіи,—нѣмцы должны быть истреблены,—VII глава «Евгенія Онѣгина» есть рабское подражаніе одной изъ главъ «Ивана Выжигина»,—лучшее произведеніе Гоголя его «Вечера на Хуторѣ» (по мнѣнію однихъ) или «Переписка съ друзьями» (по мнѣнію другихъ), остальныя же гораздо слабѣе,— Англія погибла около 1827 года, такъ что не осталось и слѣдовъ ея существованія, какъ не осталось слѣдовъ платоновой Атлантиды,—Англіяе единственное живое государство въ западной Европѣ (мнѣніе того же писателя, который открылъ, что она погибла),—лукавый западъ гніетъ, и мы должны поскорѣе обновить его мудростью Сковороды,—Византія должна быть нашимъ идеаломъ,—просвѣщеніе приноситъ вредъ» и т. д., и т. д. — Можно ли найти хотя какую нибудь частицу правды въ такихъ сужденіяхъ? Можно ли дѣлать имъ уступки? Возставать противъ нихъ значитъ ли обнаруживать духъ нетерпимости? Когда одному изъ людей, воображающихъ себя учеными, и пользовавшемуся сильнымъ вліяніемъ въ журналѣ, который имѣлъ своею спеціальностью борьбу противъ Бѣлинскаго и «Отечественныхъ Записокъ», вздумалось утверждать, что Галилей и Ньютонъ поставили астрономію на ложный путь, неужели можно было бы вести съ нимъ споръ такимъ образомъ: «Въ вашихъ словахъ есть много справедливаго: мы должны сознаться, что въ прежнихъ нашихъ понятіяхъ объ астрономическихъ законахъ были ошибки: но, соглашаясь съ вами въ главномъ, мы должны сказать, что нѣкоторыя подробности въ вашихъ замѣчаніяхъ кажутся намъ не совсѣмъ ясны»; говорить такимъ образомъ значило бы измѣнять очевидной истинѣ и дѣлать себя предметомъ общей насмѣшки. Возможно ли было говорить такимъ тономъ и о тѣхъ сужденіяхъ, образцы которыхъ представили мы выше, и которыя въ своемъ родѣ ничуть не хуже опроверженія ньютоновой теоріи? Нѣтъ, тутъ невозможно соединять отрицаніе съ уступчивостью, потому что нѣтъ ни малѣйшей возможности открыть въ словахъ противника что нибудь похожее на правду. Относительно такихъ мнѣній нѣтъ средины: или надобно молчать о нихъ, или прямо, безъ малѣйшихъ уступокъ высказывать, что они лишены всякаго основанія. Разумѣется, нападенія на Галилея и Ньютона можно было оставить безъ вниманія: не было опасности, чтобы кто нибудь введенъ былъ ими въ заблужденіе. Но другія сужденія не были такъ невинны—обнаружить ихъ несостоятельность было необходимо. Изъ того, что Бѣлинскій не видѣлъ возможности согласиться, что Гоголь бездарный писатель, и пьянаго Селифана должно считать представителемъ русской народности, слѣдуетъ ли заключать, что онъ не имѣлъ терпимости?

Люди, которые возставали противъ Бѣлинскаго, нападали на истины слишкомъ очевидныя и важныя; самъ онъ возставалъ только противъ того, что было рѣшительно нелѣпо и вредно; будучи человѣкомъ твердыхъ убѣжденій и прямаго характера, онъ высказывалъ свои мнѣнія сильно.

Но кто смѣшиваетъ эти качества съ неумѣренностью мнѣній, тотъ со-

вершенно ошибается. Напротивъ, мнѣнія Бѣлинскаго высказывались съ особенною силою именно потому, что въ сущности были очень умѣренны.

Сдѣлавъ это необходимое замѣчаніе о характерѣ общихъ воззрѣній Бѣлинскаго, мы должны были бы теперь заняться вопросомъ о томъ, какъ онъ смотрѣлъ на отношенія литературы къ обществу и занимающимъ его интересамъ. Но въ одной изъ послѣднихъ статей своихъ самъ Бѣлинскій высказалъ свои мнѣнія объ этомъ предметѣ съ такою полнотою и точностью, что лучше всего будетъ представить въ приложеніи къ нашей статьѣ его собственныя слова. А здѣсь остается намъ сдѣлать только нѣсколько замѣчаній, которыя послужатъ объясненіемъ къ предлагаемому отрывку изъ статьи Бѣлинскаго.

Мнѣнія, которыя такъ сильно и убѣдительно выражены Бѣлинскимъ въ этомъ отрывкѣ, совершенно противоположны идеямъ трансцендентальной философіи, въ особенности системы Гегеля, основывавшей все свое эстетическое ученіе на томъ принципѣ, что искусство имѣетъ исключительнымъ предметомъ своимъ осуществленіе идеи прекраснаго: искусство, по этимъ идеалистическимъ понятіямъ, должно было сохранять совершенную независимость отъ всѣхъ другихъ стремленій человѣка, кромѣ стремленія къ прекрасному. Такое искусство называлось чистымъ искусствомъ.

И въ этомъ случаѣ, какъ почти во всѣхъ другихъ, гегелева система останавливалась на половинѣ пути и, отказываясь отъ строгаго вывода послѣдствій изъ своихъ коренныхъ положеній, допускала въ себя устарѣвшія мысли, противорѣчившія этимъ положеніямъ. Такъ, она говорила, что истина существуетъ только въ конкретныхъ явленіяхъ, а, между тѣмъ, въ эстетикѣ своей ставила верховною истиною идею прекраснаго, какъ будто идея эта существуетъ сама по себѣ, а не въ живомъ дѣйствительномъ человѣкѣ. Это внутреннее противорѣчіе, повторявшееся почти во всѣхъ другихъ частяхъ гегелевой системы, и послужило причиною ея неудовлетворительности. Дѣйствительно, существуетъ человѣкъ, а идея прекраснаго есть только отвлеченное понятіе объ одномъ изъ его стремленій. А такъ какъ въ человѣкѣ, живомъ органическомъ существѣ, всѣ части и стремленія неразрывно связаны другъ съ другомъ, то изъ этого и слѣдуетъ, что основывать теорію искусства на одной исключительной идеѣ прекраснаго, значитъ впадать въ односторонность и строить теорію, несообразную съ дѣйствительностью. Въ каждомъ человѣческомъ дѣйствіи принимаютъ участіе всѣ стремленія человѣческой натуры, хотя бы одно изъ нихъ и являлось преимущественно заинтересованнымъ въ этомъ дѣлѣ. Потому и искусство производится не отвлеченнымъ стремленіемъ къ прекрасному (идеею прекраснаго), а совокупнымъ дѣйствіемъ всѣхъ силъ и способностей живаго человѣка. А такъ какъ, въ человѣческой жизни, потребности, напримѣръ, правды, любви и улучшенія быта гораздо сильнѣе, нежели стремленіе къ изящному, то искусство не только всегда служитъ до нѣкоторой степени выраженіемъ этихъ потребностей (а не одной идеи прекраснаго), но почти всегда произведенія его (произведенія человѣческой жизни, этого нельзя забывать) создаются подъ преобладающими вліяніями потребностей правды (теоретической или практической), любви и улучшенія быта, такъ что стремленіе къ прекрасному, по натуральному закону человѣческаго дѣйствованія, является служителемъ этихъ и другихъ сильныхъ потребностей человѣческой натуры. Такъ

всегда производились всѣ созданія искусства, замѣчательныя по своему достоинству. Стремленія, отвлеченныя отъ дѣйствительной жизни, безсильны; потому, если когда стремленіе къ прекрасному и усиливалось дѣйствовать отвлеченнымъ образомъ (разрывая свою связь съ другими стремленіями человѣческой природы), то не могло произвесть ничего замѣчательнаго даже и въ художественномъ отношеніи. Исторія не знаетъ произведеній искусства, которыя были бы созданы исключительно идеею прекраснаго: если и бываютъ или бывали такія произведенія, то не обращаютъ на себя никакого вниманія современниковъ и забываются исторіею, какъ слишкомъ слабыя,—слабыя даже и въ художественномъ отношеніи.

Таковъ взглядъ положительной науки, почерпающей свои понятія изъ дѣйствительности. Отрывокъ, представляемый нами въ приложеніи, доказываетъ, что окончательный взглядъ Бѣлинскаго на искусство и литературу былъ совершенно таковъ. Онъ былъ уже совершенно чистъ отъ всякой фантастичности и отвлеченности.

Но мы видѣли, что сначала Бѣлинскій былъ страстнымъ послѣдователемъ гегелевой системы, сильную сторону которой составляетъ стремленіе къ дѣйствительности и положительности (чѣмъ преимущественно и очаровывала она Бѣлинскаго, какъ и всѣхъ сильныхъ людей тогдашняго молодаго поколѣнія въ Германіи и отчасти у насъ), а слабую сторону то, что это стремленіе остается неосуществленнымъ, такъ что почти все содержаніе системы отвлеченно и недѣйствительно. Вскорѣ послѣ переѣзда своего въ Петербургъ Бѣлинскій освободился отъ безусловнаго поклоненія Гегелю: но мысль и исполненіе, принципъ и выводъ слѣдствій—два различные фазиса, всегда отдѣленные другъ отъ друга долгимъ періодомъ развитія. Сказать: «я понимаю, что дѣйствительность должна быть источникомъ и мѣриломъ нашихъ понятій», и пересоздать всѣ свои понятія на основаніи дѣйствительности—двѣ вещи, совершенно различныя. Вторая задача, быть можетъ, еще важнѣе первой и достигается только посредствомъ продолжительнаго труда.

Въ петербургскихъ журналахъ Бѣлинскій дѣйствовалъ около восьми лѣтъ. Слѣдить за всѣми постепенностями и подробностями развитія его въ это время значило бы анализировать всѣ его статьи,—по крайней мѣрѣ, сто или полтораста важнѣйшихъ. Но и того еще недостаточно: нужно было бы прибѣгать къ помощи соображеній, которыя могутъ быть доставлены только подробною біографіею. А наши статьи приняли уже и безъ того объемъ, гораздо обширнѣйшій, нежели мы предполагали, начиная ихъ: собраніемъ біографическихъ свѣдѣній замедлилось бы ихъ окончаніе на неопредѣленное время: разсмотрѣніе всего написаннаго Бѣлинскимъ потребовало бы сотни и сотни страницъ. Потому мы только въ общихъ чертахъ обозначимъ главные два періода петербургской дѣятельности Бѣлинскаго: въ первой половинѣ, отвлеченный элементъ въ его статьяхъ еще довольно силенъ: во второй половинѣ онъ почти совершенно и подъ конецъ этой половины совершенно исчезаетъ, и система положительныхъ воззрѣній становится совершенно послѣдовательною. Матеріалы для характеристики перваго періода будутъ намъ доставлены обозрѣніемъ содержанія нѣсколькихъ статей Бѣлинскаго, написанныхъ въ первое время по пріѣздѣ въ Петербургъ; подробное разсмотрѣніе послѣднихъ его статей послужитъ сред-

ствомъ сдѣлать, по возможности, полный очеркъ окончательныхъ его понятій о русской литературѣ; годичные обзоры русской литературы, являвшіеся постоянно съ 1841 года, и статьи о Пушкинѣ, которыя писались впродолженіе трехъ лѣтъ (1843—1846), будутъ соединительными звеньями между первымъ и вторымъ очеркомъ. Такимъ образомъ, мы, не опустивъ изъ виду важнѣйшихъ точекъ зрѣнія, окончимъ первую часть нашихъ «Очерковъ» до конца нынѣшняго года.

Для первой книжки «Отечественныхъ Записокъ» 1840 года Бѣлинскій написалъ разборъ комедіи Грибоѣдова, около того времени вышедшей вторымъ изданіемъ. Статья эта принадлежитъ къ числу самыхъ удачныхъ и блестящихъ. Она начинается изложеніемъ теоріи искусства, написаннымъ исключительно съ отвлеченной, ученой точки зрѣнія, хотя весь онъ проникнутъ стремленіемъ къ дѣйствительности и сильными нападеніями на фантазерство, презирающее дѣйствительность. Вотъ для примѣра отрывокъ, слѣдующій за объясненіемъ (совершенно еще въ духѣ Гегеля), что «произведенія поэзіи суть высочайшая дѣйствительность»:

«Есть люди, которые отъ всей души убѣждены, что поэзія есть мечта, а не дѣйствительность, и что въ нашъ вѣкъ, какъ *положительный* и *индустріальный*, поэзія невозможна. Образцовое невѣжество! нелѣпость первой величины! Что такое мечта? Призракъ, форма безъ содержанія, порожденіе разстроеннаго воображенія, праздной головы, колобродствующаго сердца! И *такая* мечтательность нашла поэтовъ въ Ламартинахъ и свои поэтическія произведенія въ идеально-чувствительныхъ романахъ, въ родѣ «Аббаддонны»; но развѣ Ламартинъ поэтъ, а не мечта,—и развѣ «Аббаддонна» поэтическое произведеніе, а не мечта?.. И что за жалкая, что за устарѣлая мысль о *положительности* и *индустріальности* нашего вѣка, будто бы враждебныхъ искусству? Развѣ не въ нашемъ вѣкѣ явились Байронъ, Вальтеръ Скоттъ, Куперъ, Томасъ Муръ, Уордсвортъ, Пушкинъ, Гоголь, Мицкевичъ, Гейне, Беранже, Элленшлегеръ, Тегнеръ и другіе? Развѣ не въ нашемъ вѣкѣ дѣйствовали Шиллеръ и Гёте? Развѣ не нашъ вѣкъ оцѣнилъ и понялъ созданія классическаго искусства и Шекспира? Неужели это еще не факты? Индустріальность есть только одна сторона многосторонняго XIX вѣка, и она не помѣшала ни дойти поэзіи до своего высочайшаго развитія въ лицѣ поименованныхъ нами поэтовъ, ни музыкѣ въ лицѣ ея Шекспира-Бетховена, ни философіи въ лицѣ Фихте, Шеллинга и Гегеля. Правда, нашъ вѣкъ врагъ мечты и мечтательности, но потому-то онъ и великій вѣкъ! Мечтательность въ XIX вѣкѣ такъ же смѣшна, пошла и приторна, какъ и сантиментальность. *Дѣйствительность*—вотъ паролъ и лозунгъ нашего вѣка, дѣйствительность во всемъ—и въ вѣрованіяхъ, и въ наукѣ, и въ искусствѣ, и въ жизни. Могучій, мужественный вѣкъ, онъ не терпитъ ничего ложнаго, поддѣльнаго, слабаго, расплывающагося, но любитъ одно мощное, крѣпкое, существенное. Онъ смѣло и безтрепетно выслушалъ безотрадныя пѣсни Байрона и, вмѣстѣ съ ихъ мрачнымъ пѣвцомъ, лучше рѣшился отречься отъ всякой радости и всякой надежды, нежели удовольствоваться нищенскими радостями и надеждами прошлаго вѣка. Онъ выдержалъ разсудочный критицизмъ Канта, разсудочное положеніе Фихте; онъ перестрадалъ съ Шиллеромъ всѣ болѣзни внутренняго, субъективнаго духа, порывающагося къ дѣйствительности путемъ отрицанія. И зато въ Шеллингѣ онъ увидѣлъ зарю безконечной дѣйствительности, которая въ ученіи Гегеля осіяла міръ роскошнымъ и великолѣпнымъ днемъ и которая, еще прежде обоихъ великихъ мыслителей, непонятая, явилась непосредственно въ созданіяхъ Гёте»... («Отечественныя Записки», томъ VIII. Критика, стр. 11—12).

Хотя и говорится въ этой статьѣ постоянно, что поэзія нашего времени есть «поэзія дѣйствительности, поэзія жизни»; но главною задачею новѣйшаго

искусства поставляется, однако же, задача, совершенно отвлеченная отъ жизни: «примиреніе романтическаго съ классическимъ», потому что и вообще нашъ вѣкъ есть «вѣкъ примиренія» во всѣхъ сферахъ. Самая дѣйствительность понимается еще односторонним образомъ: она обнимаетъ собою только духовную жизнь человѣка, между тѣмъ, какъ вся матеріальная сторона жизни признается «призрачною»: «человѣкъ ѣстъ, пьетъ, одѣвается—это міръ призраковъ, потому что въ этомъ нисколько не участвуетъ духъ его»: человѣкъ «чувствуетъ, мыслитъ, сознаетъ себя органомъ, сосудомъ духа, конечною частностью общаго и безконечнаго—это міръ дѣйствительности»,—все это чистый гегелизмъ. Но въ объясненіи теоріи надобно дать примѣненіе ея къ произведеніямъ искусства. Бѣлинскій выбираетъ образцами истинно поэтическаго эпоса повѣсти Гоголя и потомъ подробно разбираетъ «Ревизора», какъ лучшій образецъ художественнаго произведенія въ драматической формѣ. Этотъ разборъ занимаетъ бо́льшую половину статьи—около 30 страницъ. Видно, что Бѣлинскому нетерпѣливо хотѣлось поговорить о Гоголѣ, и это одно уже служитъ достаточнымъ свидѣтельствомъ за направленіе, еще тогда преобладавшее въ немъ. Разборъ этотъ написанъ превосходно, и трудно найти что-нибудь лучше его въ своемъ родѣ. Но комедія Гоголя, которая такъ непреодолимо вызываетъ живыя мысли, разсматривается исключительно въ художественномъ отношеніи. Бѣлинскій объясняетъ, какъ одна сцена вытекаетъ изъ другой, почему каждая изъ нихъ необходима на своемъ мѣстѣ, показываетъ, что характеры дѣйствующихъ лицъ выдержаны, вѣрны самимъ себѣ, вполнѣ обрисованы самимъ дѣйствіемъ безъ всякихъ натяжекъ со стороны Гоголя, что комедія полна живаго драматизма, и т. д. Объяснивъ примѣромъ «Ревизора» качества художественнаго произведенія, Бѣлинскій уже очень легко доказываетъ, что «Горе отъ ума» не можетъ быть названо художественнымъ созданіемъ, онъ обнаруживаетъ, что сцены этой комедіи часто не связаны одна съ другою, положенія и характеры дѣйствующихъ лицъ не выдержаны, и т. д.,—словомъ, критика опять ограничивается исключительно художественною точкою зрѣнія. На то, какое значеніе для жизни имѣетъ «Ревизоръ» и имѣло «Горе отъ ума», не обращено почти никакого вниманія.

Во второй книгѣ «Отечественныхъ Записокъ» того же года помѣщенъ разборъ сочиненій Марлинскаго, надѣлавшій въ свое время чрезвычайно много шуму. Онъ написанъ также исключительно съ художественной точки зрѣнія.

Точно также почти исключительно съ художественной точки зрѣнія разсматривается и «Герой нашего времени» Лермонтова (въ книжкахъ 7 и 8-й 1840 года). Бѣлинскій замѣчаетъ, что Печоринъ порожденъ отношеніями, въ которыхъ совершается развитіе его характера, что онъ дитя нашего общества; но этимъ сказаннымъ вскользь замѣчаніемъ и ограничивается онъ, не вдаваясь въ объясненіе вопроса о томъ, почему именно такой, а не другой типъ людей производится нашею дѣйствительностью. Онъ говоритъ только съ общей исторической точки зрѣнія, равно прилагающейся ко всякому европейскому обществу, о томъ, что Печорины принадлежатъ періоду рефлексіи, періоду внутренняго раздвоенія человѣка, когда гармонія, влагаемая въ человѣка природою, уже разрушена сознаніемъ, но сознаніе не достигло еще полной власти надъ

жизнью, чтобы дать ей новое, разумное единство, новую, высшую гармонію. Бѣлинскій прекрасно понимаетъ характеръ Печорина, но только съ отвлеченной точки зрѣнія, какъ характеръ европейца вообще, дошедшаго до извѣстной поры духовнаго развитія, и не отыскиваетъ въ немъ особенностей, принадлежащихъ ему, какъ члену нашего русскаго общества. Вотъ важнѣйшее изъ того, что говоритъ онъ о Печоринѣ,—выписавъ то мѣсто изъ дневника Печорина, въ которомъ онъ размышляетъ о прелести обладанія молодою душою, о томъ, какое развлеченіе для его скуки и какую отраду для его гордости доставляютъ отношенія къ княжнѣ Мери, о томъ, что нужно же имѣть занятіе для силъ, требующихъ дѣятельности, Бѣлинскій восклицаетъ:

«Какой странный человѣкъ этотъ Печоринъ! Потому что его безпокойный духъ требуетъ движенія, дѣятельность ищетъ пищи, сердце жаждетъ интересовъ жизни, потому должна страдать бѣдная дѣвушка! «Эгоистъ, злодѣй, извергъ, безнравственный человѣкъ»!..—хоромъ закричатъ, можетъ быть, строгіе моралисты. Ваша правда, господа; но вы-то изъ чего хлопочете? за что сердитесь? Право, намъ кажется, вы пришли не въ свое мѣсто, сѣли за столъ, за которымъ вамъ не поставлено прибора... Не подходите слишкомъ близко къ этому человѣку, не нападайте на него съ такою запальчивою храбростью: онъ на васъ взглянетъ, улыбнется, и вы будете осуждены, и на смущенныхъ лицахъ вашихъ всѣ прочтутъ судъ вашъ. Вы предаете его анаѳемѣ не за пороки—въ васъ ихъ больше, и въ васъ они черпѣе и позорнѣе—но за ту смѣлую свободу, за ту желчную откровенность, съ которою онъ говоритъ о нихъ. Вы позволяете человѣку дѣлать все, что ему угодно, быть всѣмъ, чѣмъ онъ хочетъ, вы охотно прощаете ему и безуміе, и низость, и развратъ, но, какъ пошлину за право торговли, требуете отъ него *моральныхъ сентенцій* о томъ, какъ долженъ человѣкъ думать и дѣйствовать, и какъ онъ въ самомъ дѣлѣ и не думаетъ и не дѣйствуетъ... И зато ваше инквизиторское ауто-да-фе готово для всякаго, кто имѣетъ благородную привычку смотрѣть дѣйствительности прямо въ глаза, не опуская своихъ глазъ, называть вещи настоящими ихъ именами и показывать другимъ себя не въ бальномъ костюмѣ, не въ мундирѣ, а въ халатѣ, въ своей комнатѣ, въ уединенной бесѣдѣ съ самимъ собою, въ домашнемъ разсчетѣ съ своею совѣстью. И вы правы: покажитесь передъ людьми хоть разъ въ своемъ позорномъ неглиже, въ своихъ засаленныхъ ночныхъ колпакахъ, въ своихъ оборванныхъ халатахъ, люди съ отвращеніемъ отвернутся отъ васъ, и общество извергнетъ васъ изъ себя. Но этому человѣку нечего бояться: въ немъ есть тайное сознаніе, что онъ не то, чѣмъ самому себѣ кажется, и что онъ есть только въ настоящую минуту. Да, въ этомъ человѣкѣ есть сила духа и могущество воли, которыхъ въ васъ нѣтъ; въ самыхъ порокахъ его проблескиваетъ что-то великое, какъ молнія въ черныхъ тучахъ, и онъ прекраснѣ, полонъ поэзіи даже и въ тѣ минуты, когда человѣческое чувство возстаетъ на него. Ему другое назначеніе, другой путь, чѣмъ вамъ. Его страсти – бури, очищающія сферу духа: его заблужденія, какъ ни страшны они, острыя болѣзни въ молодомъ тѣлѣ, укрѣпляющія его на долгую и здоровую жизнь. Это лихорадки и горячки, а не подагра, не ревматизмъ и геморрой, которыми вы, бѣдные, такъ безплодно страдаете. Пусть онъ клевещетъ на вѣчные законы разума, поставляя высшее счастье въ насыщенной гордости: пусть онъ клевещетъ на человѣческую природу, видя въ ней одинъ эгоизмъ: пусть клевещетъ на самого себя, принимая моменты своего духа за его полное развитіе и смѣшивая юность съ возмужалостію,—пусть!.. Настанетъ торжественная минута, и противорѣчіе разрѣшится, борьба кончится, и разрозненные звуки души сольются въ одинъ гармоническій аккордъ». («Отеч. Зап.», томъ XI, Критика, стр. 9—10).

Досказавъ содержаніе романа, онъ прибавляетъ:

«Большая часть читателей, навѣрное, воскликнетъ: «Хорошъ же герой»! —А чѣмъ же онъ дуренъ?—смѣемъ васъ спросить.

Зачѣмъ же такъ неблагосклонно
Вы отзываетесь о немъ?
За то-ль, что мы неугомонно
Хлопочемъ, судимъ обо всемъ,
Что пылкихъ думъ неосторожность
Себялюбивую ничтожность
Иль оскорбляетъ, иль смѣшитъ,
Что умъ, любя просторъ, тѣснитъ,
Что слишкомъ часто разговоры
Принять мы рады за дѣла,
Что глупость вѣтрена и зла,
Что важнымъ людямъ важны вздоры,
И что посредственность одна
Намъ по плечу и не странна?

«Вы говорите противъ него, что въ немъ нѣтъ вѣры. Прекрасно! но вѣдь это то же самое, что обвинять нищаго за то, что у него нѣтъ золота: онъ бы и радъ имѣть его, да не дается оно ему. И, притомъ, развѣ Печоринъ радъ своему безвѣрію? развѣ онъ гордится имъ? развѣ онъ не страдалъ отъ него? развѣ онъ не готовъ цѣною жизни и счастія купить эту вѣру, для которой еще не насталъ часъ его?.. Вы говорите, что онъ эгоистъ?—Но развѣ онъ не презираетъ и не ненавидитъ себя за это? развѣ сердце его не жаждетъ любви чистой и безкорыстной? Нѣтъ, это не эгоизмъ: эгоизмъ не страдаетъ, не обвиняетъ себя, но доволенъ собою, радъ себѣ. Эгоизмъ не знаетъ мученія: страданіе есть удѣлъ одной любви. Душа Печорина не каменистая почва, но засохшая отъ зноя пламенной жизни земля: пусть взрыхлитъ ее страданіе и ороситъ благодатный дождь,—и она произроститъ изъ себя пышные, роскошные цвѣты небесной любви... Этому человѣку стало больно и грустно, что его всѣ не любятъ,—и кто же эти «всѣ»?—пустые, ничтожные люди, которые не могутъ простить ему его превосходства надъ ними. А его готовность задушать въ себѣ ложный стыдъ, голосъ свѣтской чести и оскорбленнаго самолюбія, когда онъ за признаніе въ клеветѣ готовъ былъ простить Грушницкому, человѣку, сейчасъ только выстрѣлившему въ него пулею и безстыдно ожидающему отъ него холостаго выстрѣла? А его слезы и рыданія въ пустынной степи, у тѣла издохшаго коня?—нѣтъ, все это не эгоизмъ! Но его—скажете вы—холодная разсчетливость, систематическая разсчитанность, съ которою онъ обольщаетъ бѣдную дѣвушку, не любя ея, и только для того, чтобы посмѣяться надъ нею и чѣмъ-нибудь занять свою праздность?—Такъ: но мы и не думаемъ оправдывать его въ такихъ поступкахъ, ни выставлять его образцомъ и высокимъ идеаломъ чистѣйшей нравственности: мы только хотимъ сказать, что въ человѣкѣ должно видѣть человѣка, и что идеалы нравственности существуютъ въ однихъ классическихъ трагедіяхъ и морально-сантиментальныхъ романахъ прошлаго вѣка. Судя о человѣкѣ, должно брать въ разсмотрѣніе обстоятельства его развитія и сферу жизни, въ которую онъ поставленъ судьбою. Въ идеяхъ Печорина много ложнаго, въ ощущеніяхъ его есть искаженіе: но все это выкупается его богатою натурою. Его, во многихъ отношеніяхъ, дурное настоящее обѣщаетъ прекрасное будущее. Вы восхищаетесь быстрымъ движеніемъ парохода, видите въ немъ великое торжество духа надъ природою?—и хотите потомъ отрицать въ немъ всякое достоинство, когда онъ сокрушаетъ, какъ зерно жерновъ, неосторожныхъ, попавшихъ подъ его колеса: не значитъ-ли это противорѣчить самимъ себѣ? опасность отъ парохода есть результатъ его чрезмѣрной быстроты; слѣдовательно, порокъ его выходитъ изъ его достоинства». («Отечественныя Записки», томъ XI, Критика, стр. 33—34).

Точка зрѣнія все еще слишкомъ отвлеченна: она вполнѣ прилагается къ русской жизни, но только ровно на столько же, насколько не болѣе, какъ и къ англійской, французской и т. д. жизни. Но уже одни эти мѣста могли бы

служитъ достаточнымъ ручательствомъ, что Бѣлинскій никогда не любилъ останавливаться на половинѣ пути, изъ боязни, что съ развитіемъ соединены всѣ опасности, какъ соединены онѣ со всѣми вещами на свѣтѣ: все-таки эти опасности, по его мнѣнію, вовсе не такъ страшны, какъ та нравственная порча, которая бываетъ необходимымъ слѣдствіемъ неподвижности; притомъ же, онѣ съ неизмѣримымъ избыткомъ вознаграждаются положительными благами, какія даетъ развитіе.

Точка зрѣнія, съ которой Бѣлинскій разсматривалъ въ 1840 году произведенія нашей поэзіи, должна, какъ видимъ, назваться отвлеченною. Но мы ошиблись бы, если бы вывели изъ этого заключеніе, что заботы объ отношеніяхъ литературы къ обществу не преобладали уже и тогда въ Бѣлинскомъ. Въ третьей книгѣ «Отечественныхъ Записокъ» того же года онъ посвящаетъ большую критическую статью разбору двухъ дѣтскихъ книгъ: съ жаромъ онъ объясняетъ, каково должно быть истинное воспитаніе, обличаетъ результаты неразумнаго воспитанія, какое обыкновенно дается дѣтямъ, и показываетъ, какъ велики обязанности родителей въ отношеніи къ дѣтямъ. Не надобно говорить, что все это проникнуто самыми гуманными и плодотворными для нашей жизни понятіями. Вотъ отрывокъ, по которому можно судить о тонѣ и содержаніи статьи:

«Воспитаніе! Оно вездѣ, куда ни посмотри, и его нѣтъ нигдѣ, куда ни посмотрите. Конечно, вы его можете увидѣть даже во всѣхъ слояхъ общества, отъ самаго высшаго до самаго низшаго, но какъ рѣдкость, какъ исключеніе изъ общаго правила. Отчего же это? Да оттого, что на свѣтѣ бездна родителей, множество papas et mamans, но мало отцовъ и матерей. «Вотъ прекрасно!»—восклицаете вы: «какая же разница между родителями и отцомъ и матерью»?—Какъ какая?—взгляните лѣтомъ на мухъ: какая бездна родителей, но гдѣ же отцы и матери? Грибоѣдовъ давно уже сказалъ:

Чтобъ имѣть дѣтей,
Кому ума недоставало!

«Право рожденія—священное право на священное имя отца и матери—противъ этого никто и не споритъ: но не этимъ еще все оканчивается: тутъ человѣкъ еще не выше животнаго; есть высшее право—родительской любви. «Да какой же отецъ или какая мать не любитъ своихъ дѣтей»!—говорите вы. Такъ; но позвольте васъ спросить, что вы называете любовью? какъ вы понимаете любовь?—Вѣдь и овца любитъ своего ягненка: она кормитъ его своимъ молокомъ и облизываетъ языкомъ; но какъ скоро онъ мѣняетъ ея молоко на злакъ полей—ихъ родственныя отношенія оканчиваются. Вѣдь и г-жа Простакова любила своего Митрофанушку: она нещадно била по щекамъ старую Еремѣевну и за то, что дитя много кушало, и за то, что дитя мало кушало; она любила его такъ, что если бы онъ вздумалъ ее бить по щекамъ, она стала бы горько плакать, что милое, ненаглядное дѣтище только обколотитъ объ нее свои ручонки. Итакъ, развѣ чувство овцы, которая кормитъ своимъ молокомъ ягненка, чувство г-жи Простаковой, которая, бывъ и овцою и коровою, готова еще сдѣлаться и лошадкой, чтобы возить въ колясочкѣ свое двадцатилѣтнее дитя.—развѣ все это не любовь?—Да, любовь, но какая?—любовь чувственная, животная, которая въ овцѣ, какъ въ животномъ, отличающемся и животною фигурою, имѣетъ свою истинную, разумную, прекрасную и восхищающую сторону, но которая въ г-жѣ Простаковой, какъ въ животномъ, отличающемся человѣческою фигурою, вмѣсто овечьей.—безсмысленна, безобразна и отвратительна. Далѣе: вѣдь и Павелъ Аоанасьевичъ Фамусовъ любилъ свою дочь, Софью Павловну: посмотрите, какъ онъ хлопочетъ, чтобы повыгоднѣе сбыть ее съ рукъ, подороже продать... Продать?—какое ужасное слово!.. отецъ продаетъ свою

дочь, торгуетъ ею, конечно, не по мелочи, но одинъ разъ навсегда, и не больше, какъ для одного человѣка, который будетъ называться ея мужемъ!.. Но вѣдь это онъ дѣлаетъ не для себя, а для ея же счастія?—скажутъ многіе. Прекрасно! Но послѣ этого и разбойникъ, который для приданаго дочери зарѣжетъ передъ ея свадьбою нѣсколькихъ человѣкъ, будетъ правъ, потому что сдѣлаетъ это изъ любви къ дочери? Послѣ этого и иная матушка, которая, не желая видѣть въ нищетѣ свою нѣжно любимую дочь, научитъ или принудитъ ее сдѣлать выгодный промыселъ изъ своей красоты,—тоже будетъ права, потому что поступитъ такъ изъ любви къ дочери?.. И развѣ этого не бываетъ въ самомъ дѣлѣ? Развѣ старый подьячій, закоренѣвшій въ лихоимствѣ и казнокрадствѣ, не поставилъ первымъ и священнымъ долгомъ своего родительскаго званія передать свое подлое ремесло нѣжно любимому сынку? Мы опять соглашаемся, что источникъ всего этого любовь, но *какая*—вотъ вопросъ». («Отечественныя Записки», томъ IX, Критика, стр. 4—5).

Вся статья о дѣтскихъ книгахъ имѣетъ самое живое отношеніе къ нашей дѣйствительности. И такихъ статей найдется у Бѣлинскаго очень много уже и въ то время.

Нѣтъ надобности говорить, что и взглядъ Бѣлинскаго въ 1840 году на произведенія беллетристики и поэзіи мы называемъ отвлеченнымъ только по сравненію съ тѣмъ, что дано было намъ его послѣдующимъ развитіемъ. Если же сравнимъ его тогдашнія статьи съ предшествовавшею ему критикою, то найдемъ, что до того времени никто еще не проникался элементами нашей дѣйствительности такъ глубоко и живо, какъ и въ то время была уже проникнута имъ критика Бѣлинскаго. Если онъ еще не останавливался исключительно на фактахъ, свойственныхъ именно нашему, а не какому нибудь другому быту, то постоянно онъ касался ихъ и на каждой страницѣ затрогивалъ частные вопросы нашей жизни. Доказательства тому постоянно встрѣчаются даже въ сдѣланныхъ нами выпискахъ, которыя приводятся у насъ въ примѣръ отвлеченности. Укажемъ, для примѣра, и на то, что, желая показать подробнымъ разборомъ качества художественнаго произведенія, Бѣлинскій выбираетъ не драму Шекспира, какъ сдѣлалъ бы всякій другой на его мѣстѣ, а комедію русскаго писателя. Изъ этого одного уже ясно было бы, что явленія нашей жизни занимаютъ его болѣе, нежели что бы то ни было другое. Но—и это главное—не будемъ сами судить отвлеченнымъ образомъ, а сообразимъ положеніе нашей литературы и публики въ то время, когда Бѣлинскій началъ писать въ Отечественныхъ Запискахъ: мы должны будемъ признаться, что вопросы, которые для настоящаго времени представляются отвлеченными, тогда были дѣйствительными и живыми, какъ и теперь для русской публики самый живой и важный интересъ имѣютъ еще вопросы, которые въ другихъ странахъ давно уже считаются или отвлеченными, или мелкими, напримѣръ, хотя бы литературные вопросы, за которыми всѣ мы слѣдимъ съ такимъ живымъ интересомъ, и которые у другихъ народовъ не имѣютъ силы возбуждать такого напряженнаго участія. Въ каждой странѣ, у каждаго времени свои интересы. Мы, напримѣръ, радуемся, и справедливо радуемся, тому, что наши молодые люди, избирающіе ученое поприще, снова начинаютъ посѣщать Европу для довершенія своего образованія—явленіе, напоминающее времена Петра Великаго; а французамъ, англичанамъ ровно нѣтъ никакого дѣла до того, ѣздятъ ли за границу ихъ молодые ученые, или не ѣздятъ. Правда, у нихъ число

такихъ путешественниковъ во сто разъ больше, нежели у насъ,—и, однако же, это нисколько не обращаетъ на себя ихъ вниманія. Мы, напримѣръ, восхищаемся и поучаемся «Горемъ отъ ума», «Ревизоромъ», «Мертвыми Душами», какъ произведеніями, въ которыхъ очень полно и вѣрно отразилась наша жизнь; а французы, англичане, нѣмцы о произведеніяхъ своей литературы, въ которыхъ жизнь общества была бы воспроизведена въ тѣхъ границахъ, какъ въ «Ревизорѣ» и «Мертвыхъ Душахъ», сказали бы, что они отражаютъ жизнь очень неполно и отрывочно,—они сказали бы даже, что это произведенія очень отвлеченныя отъ жизни: вѣдь находятъ же нѣмцы, что «Коварство и Любовь» Шиллера произведеніе довольно отвлеченное, а въ немъ нѣмецкая жизнь изображена полнѣе, нежели русская у Гоголя и Грибоѣдова [1]). О французахъ и англичанахъ мы уже не говоримъ. Для нихъ поэтическія произведенія имѣютъ нынѣ вообще меньше живаго значенія, нежели для нѣмцевъ.

Потребность стать по своимъ понятіямъ въ уровень съ образованною Европою и теперь у насъ составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ жизни. Тѣмъ живѣе была она пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Нынѣ романъ Диккенса или Теккерея далеко не возбуждаетъ того интереса у насъ, какой бы возбуждалъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Нынѣ, вѣроятно, никто не въ состояніи былъ бы осилить «Витторію Аккоромбону» Тика,—а пятнадцать лѣтъ тому назадъ и этотъ романъ казался живымъ и интереснымъ чтеніемъ. Переворотъ этотъ произведенъ Гоголемъ, Бѣлинскимъ и писателями, образовавшимися подъ ихъ вліяніемъ. Но само собою разумѣется, что начало не бываетъ подобно концу, и Бѣлинскій долженъ былъ необходимо начать съ того, чтобы знакомить нашу публику и литературу съ современными понятіями объ искусствѣ: долженъ былъ начать съ того, чтобы толковать, что такое «художественное произведеніе», въ чемъ состоятъ истинныя достоинства романа, драмы, и т. д., и т. д.,—вѣдь въ то время, какъ онъ началъ писать въ «Отечественныхъ Запискахъ», публика еще и не слыхивала объ этихъ вещахъ. «Телескопъ» читался мало; и, притомъ, въ немъ все еще было спутано въ самомъ поэтическомъ безпорядкѣ: современныя понятія съ отсталыми, восторженныя похвалы Гоголю со статьями г. А. Хиджеу о малороссійскомъ философѣ Сковородѣ. «Московскаго Наблюдателя» не читалъ почти никто, по словамъ самого Бѣлинскаго. Для исторіи литературы эти журналы являются предшественниками «Отечественныхъ Записокъ»; но для публики «Отечественныя Записки» были первымъ журналомъ, заговорившимъ о вещахъ, до того времени неслыханныхъ: о прекрасномъ, объ идеѣ, о различіи разумнаго и непосредственнаго существованія, о дѣйствительности въ поэзіи, и т. д., и т. д.

Бѣлинскій по необходимости долженъ былъ начать дѣло съ самаго начала—съ потопа и раздѣленія языкъ, съ объясненія того, что называется литературою, что такое называется поэтомъ, съ подробныхъ разсужденій о томъ, чѣмъ литературное произведеніе отличается отъ нелѣпой сказки или вздорнаго пусто-

---

[1]) Читатели видятъ, конечно, что мы говоримъ единственно о полнотѣ, а не о художественныхъ совершенствахъ воспроизведенія жизни. Быть можетъ, по формѣ «Ревизоръ» живѣе, нежели «Коварство и Любовь»: объ этомъ каждый можетъ думать, какъ ему угодно.

словія: все это намъ нужно еще было узнать, все это возбуждало сомнѣнія и недоумѣнія, все приводило однихъ читателей въ восторгъ, другихъ въ гнѣвъ; эти разсужденія, кажущіяся нынѣ отвлеченными, были въ то время самою живою, насущною потребностью публики. Но да не возгордимся мы своими успѣхами: гордость пагубный грѣхъ; подумаемъ лучше о томъ, какими вопросами до сихъ поръ мы сами интересуемся, будто важнѣйшими и живѣйшими: вѣдь книжка журнала составляетъ для самыхъ живыхъ изъ насъ самое живое явленіе—да и то хорошо, потому что для многихъ изъ насъ чуть ли не интереснѣйшая въ газетахъ статья—номенклатура новыхъ коллежскихъ и надворныхъ совѣтниковъ—да и то хорошо: все-таки привыкаютъ къ печатной грамотѣ, все таки убѣждаются, что типографскій станокъ хотя для чего нибудь нуженъ.

Бѣлинскій долженъ былъ начать свое дѣло съ самаго начала, какъ началъ свое дѣло Ломоносовъ—съ разсужденія о томъ, что называется стихотворнымъ размѣромъ и каковъ долженъ быть стихотворный размѣръ; онъ долженъ былъ прежде всего объяснить намъ, что такое литература, что такое критика, что такое журналъ, что такое поэзія и т. д.—Спору нѣтъ, что азбука—вещь отвлеченная: живаго смысла еще нѣтъ въ ея буквахъ; но для того, кто еще не знаетъ ихъ, настоятельнѣйшая потребность состоитъ въ ихъ изученіи, и оно составляетъ самый живой и дѣйствительный вопросъ его жизни. Такъ, для нашей публики было чрезвычайно хорошо то, что Бѣлинскій началъ свои критическіе разборы въ «Отечественныхъ Запискахъ» не прямо съ полнаго погруженія въ нашу дѣйствительность, а съ общихъ разсужденій, которыя по сравненію съ характеромъ его послѣдующихъ статей могутъ назваться отвлеченными, но могутъ назваться такимъ именемъ также только по отвлеченному понятію о качествахъ критики вообще, а не по соображенію дѣйствительныхъ обстоятельствъ, которыя, напротивъ, придавали имъ самое живое значеніе. Стоитъ только припомнить, какое сильное и живое дѣйствіе производили они на публику и литературу, и мы убѣдимся, что именно то было нужно, что дѣлалъ онъ.

Да и для самой критики Бѣлинскаго нужно было, чтобы она довольно долго сосредоточивала свое вниманіе на теоретическихъ вопросахъ: именно тѣмъ, что непоколебимо утвердилось въ общечеловѣческихъ понятіяхъ, она пріобрѣла силу проницательно и вѣрно смотрѣть на явленія нашей дѣйствительности. Въ одной изъ послѣднихъ своихъ статей Бѣлинскій отвѣчаетъ на вопросъ, возбужденный исключительными поклонниками нашей народной поэзіи: не лучше ли было бы для нашей литературы, еслибъ она началась прямо въ духѣ народности, а не была сначала простымъ отраженіемъ западной европейской поэзіи? Не лучше ли было бы, еслибъ Ломоносовъ, вмѣсто того, чтобъ изучать оды Рюнтера, изучалъ наши народныя пѣсни? Изъ этого не произошло бы ровно никакихъ послѣдствій, не только полезныхъ, но и ровно никакихъ. Въ томъ именно и состоитъ заслуга Ломоносова, что онъ познакомилъ насъ съ литературою; а еслибъ онъ вздумалъ писать въ духѣ народныхъ пѣсенъ (кромѣ того, что это было для него чистою невозможностью), онъ не далъ бы намъ ровно ничего новаго и интереснаго, и его произведенія остались бы такъ же чужды историческому развитію нашей литературы, какъ пѣсни сибирскихъ

казаковъ о битвахъ съ силами богдойскими (богдыханскими), сочиненныя въ духѣ пѣсенъ о Владимірѣ: онѣ ровно ничего къ нимъ не прибавили и ни на шагъ не подвинули нашего развитія. Только потому и могъ впослѣдствіи Лермонтовъ написать пѣсню о купцѣ Калашниковѣ, что Ломоносовъ писалъ оды въ родѣ Гюнтера, Карамзинъ повѣсти въ родѣ Мармонтеля, Пушкинъ поэмы въ родѣ Байрона. Конецъ именно потому и конецъ, что онъ не похожъ на начало,—стало быть, начало должно же отличаться отъ конца, -иначе не было бы ни цѣлей, ни стремленій, ни исторіи [1]).

Въ критикѣ Бѣлинскаго какъ бы повторилась вся исторія русской литературы. Полевой, Надеждинъ были представителями каждый только одного фазиса развитія. Критика Бѣлинскаго прошла, какъ мы видимъ, нѣсколько

---

[1]) Но какимъ же чудомъ—спросятъ насъ—внѣшнее, абстрактное заимствованіе чужаго и искусственное перенесеніе его на родную почву,—какимъ чудомъ могло породить оно живой, органическій плодъ?—Въ отвѣтъ на это скажемъ: рѣшеніе этого вопроса, безъ сомнѣнія, интересно; но намъ нѣтъ дѣла до него: для насъ довольно сказать, что такъ, именно такъ было, что это историческій фактъ, достовѣрность котораго не можетъ и подумать опровергать тотъ, у кого есть глаза, чтобы видѣть, и уши, чтобъ слышать. Писатели, въ которыхъ выразилось прогрессивное движеніе черезъ освобожденіе литературы русской отъ ломоносовскаго вліянія, нисколько не думали объ этомъ; это дѣлалось у нихъ безсознательно; за нихъ работалъ духъ времени, котораго они были органами. Они высоко уважали Ломоносова, какъ поэта, благоговѣли передъ его геніемъ, старались подражать ему - и все-таки больше и больше отходили отъ него. Разительный примѣръ этого—Державинъ. Но въ томъ-то и состоитъ жизненность европейскаго начала, привитаго къ нашей народности Петромъ Великимъ, что оно не коснѣетъ въ мертвой стоячести, но движется, идетъ впередъ, развивается. Если бы Ломоносовъ не вздумалъ писать оды по образцу современныхъ ему нѣмецкихъ поэтовъ и французскаго лирика Жанъ-Батиста Руссо, не вздумалъ писать своей «Петріады» по образцу виргиліевой «Энеиды», гдѣ, вмѣстѣ съ Петромъ Великимъ, героемъ своей поэмы, сдѣлалъ дѣйствующимъ лицомъ и Нептуна, засадивъ его съ тритонами и наядами на дно прохладнаго Бѣлаго моря; если бы, говоримъ мы, вмѣсто всѣхъ этихъ книжныхъ, школярныхъ несообразностей, онъ обратился бы къ источникамъ нашей народной поэзіи—къ «Слову о Полку Игоревомъ», къ русскимъ сказскамъ (извѣстнымъ теперь по сборнику Кирши Данилова), къ народнымъ пѣснямъ, и, вдохновленный, проникнутый ими, на ихъ чисто народномъ основаніи, рѣшился бы построить зданіе новой русской литературы: чтобы тогда вышло?—Вопросъ, повидимому, важный, но въ сущности препустой, похожій на вопросы въ родѣ слѣдующихъ: что было бы, если бы Петръ Великій родился во Франціи, а Наполеонъ—въ Россіи, или что было бы, если бы за зимою слѣдовала не весна, а прямо лѣто? и т. п. Мы можемъ знать, что было и что есть, но какъ намъ знать, чего не было, или чего нѣтъ? Разумѣется, и въ сферѣ исторіи все мелкое, ничтожное, случайное могло бъ быть и не такъ, какъ было: но ея великія событія, имѣющія вліяніе на будущность народовъ, не могутъ быть иначе, какъ именно такъ, какъ они бываютъ, разумѣется, въ отношеніи къ главному ихъ смыслу, а не къ подробностямъ проявленія. Петръ Великій могъ построить Петербургъ, пожалуй, тамъ, гдѣ теперь Шлиссельбургъ, или, по крайней мѣрѣ, хоть немного выше, т. е. дальше отъ моря, чѣмъ теперь; могъ сдѣлать новою столицею Ревель или Ригу: во всемъ этомъ играла большую роль случайность, разныя обстоятельства: но сущность дѣла была не въ томъ, а въ необходимости новой столицы на берегу моря, которая дала бы намъ средство легко и удобно сноситься съ Европою. Въ этой мысли уже не было ничего случайнаго, ничего такого, что могло бы равно и быть и не быть, или быть иначе, нежели какъ было. Но для тѣхъ, для кого не существуетъ разумной необходимости великихъ историческихъ событій, мы, пожалуй, готовы признать важность вопроса: что было бы, еслибъ Ломоносовъ основалъ новую русскую литературу на народномъ началѣ?—и отвѣтимъ имъ, что изъ этого ровно ничего не вышло бы. Однообразныя формы нашей народной поэзіи были достаточны для выраженія ограниченнаго содержанія племенной, естественной, непосредственной, полупатріархальной жизни старой Руси: но новое содержаніе не шло къ нимъ, не улегалось въ нихъ; для него необходимы были и новыя формы. Тогда спасеніе наше зависѣло не отъ народности, а отъ европеизма; ради нашего спасенія, тогда необходимо было не задушить, не истребить (дѣло или невозможное, или гибельное, если возможное) нашу народность, а, такъ сказать, задержать на время ея ходъ и развитіе, чтобы привить къ ея почвѣ новые элементы. Пока эти элементы относились къ нашимъ роднымъ, какъ масло къ водѣ, у насъ, естественно, все было реторикою: и нравы и —ихъ выраженіе—литература. Но тутъ было живое начало органическаго сращенія, черезъ процессъ усвоиванія, и потому литература отъ абстрактнаго начала мертвой подражательности двигалась все къ живому началу самобытности». — «Соврем.» 1847 г., № 1, стр. 7—9).

фазисовъ, и, начавъ съ отвлеченныхъ понятій, доведенныхъ до крайности вслѣдствіе споровъ съ друзьями г. Огарева, она достигла совершенной положительности. Если сравнить статью объ «Очеркахъ Бородинскаго сраженія», напечатанную Бѣлинскимъ въ послѣдней книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» 1839 года, съ статьею о «Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями», напечатанною во 2-ой книжкѣ «Современника» за 1847 годъ, насъ удивитъ безмѣрное разстояніе, отдѣляющее первую отъ послѣдней; мы не найдемъ между ними ничего общаго, кромѣ того, что обѣ написаны съ жаромъ задушевнаго убѣжденія, и написаны человѣкомъ очень даровитымъ; но духъ и все содержаніе одной совершенно противоположны духу другой, какъ «Пѣсня о Калашниковѣ» составляетъ совершенную противоположность «Одѣ на взятіе Хотина»: но какъ между Ломоносовымъ и Лермонтовымъ найдется связь, если мы будемъ изучать писателей, бывшихъ имъ посредниками: нѣтъ нигдѣ перерыва или пробѣла, всякій новый шагъ впередъ основывается на предъидущемъ, такъ и критика Бѣлинскаго развивалась совершенно послѣдовательно и постепенно: статья объ «Очеркахъ Бородинскаго сраженія» противоположна статьѣ о «Выбранныхъ мѣстахъ», потому что онѣ составляютъ двѣ крайнія точки пути, пройденнаго критикою Бѣлинскаго; но если мы будемъ перечитывать его статьи въ хронологическомъ порядкѣ, мы нигдѣ не замѣтимъ крутаго перелома или перерыва: каждая послѣдующая статья очень тѣсно примыкаетъ къ предъидущей, и прогрессъ совершается, при всей своей огромности, постепенно и совершенно логически [1]).

Годичные обзоры русской литературы, которые постоянно дѣлалъ Бѣлинскій, могутъ служить для насъ соединительными звеньями между первыми статьями и статьями, выразившими зрѣлыя и окончательныя его убѣжденія.

Обозрѣніе за 1840 годъ («Отеч. Зап.» 1841 г., № 1) начинается размышленіемъ о чрезвычайной бѣдности нашей литературы — мысль, которою внушена была первая изъ большихъ статей Бѣлинскаго — «Литературныя Мечтанія», напечатанная въ «Молвѣ». Но сознаніе этой бѣдности уже не вселяетъ въ Бѣлинскаго безнадежности: сознаніе недостатка есть уже залогъ его исправленія. Бѣлинскій вспоминаетъ о томъ, какъ «лѣтъ шесть тому назадъ» было высказано сомнѣніе въ существованіи русской литературы, и, кратко

[1]) «Чужое, извнѣ взятое содержаніе никогда не можетъ замѣнить, ни въ литературѣ, ни въ жизни, отсутствія своего собственнаго, національнаго содержанія; но оно можетъ переродиться въ него современемъ, какъ пища, извнѣ принимаемая человѣкомъ, перерождается въ его кровь и плоть и поддерживаетъ въ немъ силу, здоровье и жизнь. Не будемъ распространяться, какимъ образомъ это сдѣлалось съ Россіею, созданною Петромъ, и русскою литературою, созданною Ломоносовымъ: но что это дѣйствительно сдѣлалось и дѣлается съ ними — это историческій фактъ, истина фактически-очевидная. Сравните басни Крылова, комедію Грибоѣдова, произведенія Пушкина, Лермонтова и, въ особенности, Гоголя, — сравните ихъ съ произведеніями Ломоносова и писателей его школы, и вы не увидите между ними ничего общаго, никакой связи. Между писателями, которыхъ мы поименовали выше, и между Ломоносовымъ и его школою, дѣйствительно, нѣтъ ничего общаго, никакой связи, если сравнить ихъ, какъ двѣ крайности: но между ними сейчасъ же явится передъ вами живая кровная связь, какъ скоро вы будете изучать, въ хронологическомъ порядкѣ, всѣхъ русскихъ писателей отъ Ломоносова до Гоголя. Тогда вы увидите, что до Пушкина все движеніе русской литературы заключалось въ стремленіи, хотя и безсознательномъ, освободиться отъ вліянія Ломоносова и сблизиться съ жизнію, съ дѣйствительностію, слѣдовательно, сдѣлаться самобытною, національною, русскою».—(«Соврем.» 1847, № 1, крит., стр. 3—4).

пересказавъ содержаніе своихъ «Литературныхъ Мечтаній» (что и было нужно, потому что статья оставалась мало извѣстна, а въ исторіи развитія понятій о литературѣ была очень важнымъ фактомъ), останавливается на объясненіи того, что называется литературою, и доходитъ до заключенія, что у насъ есть только начало литературы. Для существованія литературы необходима публика. Онъ опять объясняетъ, что такое публика: это масса людей развитыхъ, сильно сочувствующихъ литературѣ, которая выражаетъ ихъ твердыя убѣжденія. У насъ нѣтъ еще и такой публики, но есть уже начало ея въ немногочисленныхъ образованныхъ людяхъ, которые разсѣяны по Россіи; теперь они еще заслоняются массою людей неразвитыхъ, но скоро ихъ голосъ пріобрѣтетъ уваженіе въ толпѣ, число ихъ увеличится. Далѣе онъ объясняетъ, что такое критика и почему критика «Отеч. Записокъ» возбуждаетъ недоумѣніе другихъ журналовъ, которые, впрочемъ, мало похожи на журналы. Развитіе этихъ элементарныхъ понятій занимаетъ почти всю статью; въ концѣ ея, не болѣе пяти страницъ удѣлены перечисленію замѣчательныхъ произведеній прошедшаго года.

Въ слѣдующемъ годичномъ обзорѣ (1841 года. «Отеч. Зап.» за 1842 г., № 1) двѣ трети страницъ посвящены обширному очерку исторіи русской литературы отъ Кантемира до Гоголя. Очеркъ этотъ имѣетъ форму разговора г. А. и г. Б.; г. А., выражающій мнѣнія автора, говоритъ много новаго сравнительно съ «Литературными Мечтаніями». Бѣлинскій уже видитъ внутреннюю историческую послѣдовательность въ явленіяхъ нашей литературы; но все-таки содержаніе очерка имѣетъ очень тѣсное родство съ «Литературными Мечтаніями», и общая тема выражается эпиграфомъ, взятымъ изъ Пушкина:

Сокровища роднаго слова,
(Замѣтятъ важные умы)
Для лепетанія чужаго,
Пренебрегли безумно мы,
Мы любимъ музъ чужихъ игрушки,
Чужихъ нарѣчій погремушки,
А не читаемъ книгъ своихъ.
— *Да гдѣ жь онѣ? Давайте ихъ!*

Съ обзоромъ предъидущаго года очеркъ этотъ имѣетъ еще болѣе близости, такъ что можетъ назваться подробнымъ развитіемъ нѣкоторыхъ страницъ его, которыя кратко исчисляли прежнихъ нашихъ писателей, и заключеніе очерка совершенно могло бы быть заключеніемъ и прошлогодней статьи:

«Вы говорите, что я нашелъ въ нашей литературѣ даже внутреннюю историческую послѣдовательность: правда, но все это еще не составляетъ литературы въ полномъ смыслѣ слова. Литература есть народное сознаніе, выраженіе внутреннихъ, духовныхъ интересовъ общества, которыми мы пока еще очень небогаты. Нѣсколько человѣкъ еще не составляетъ общества, а нѣсколько идей, пріобрѣтенныхъ знакомствомъ съ Европою, еще менѣе можетъ назваться національнымъ сознаніемъ. Наша публика безъ литературы: потому что въ годъ пять-шесть хорошихъ сочиненій на нѣсколько сотенъ дурныхъ—еще не литература: наша литература безъ публики, потому что наша публика что-то загадочное: одинъ читалъ Пушкина, другой въ восторгѣ отъ г. Бенедиктова, а третій былъ безъ ума отъ мистерій г. Тимофеева; одинъ понимаетъ Гоголя, другой еще въ полномъ удовольствіи отъ Марлинскаго, а третіи не знаетъ ничего лучше романовъ гг. Зотова и Воскресенскаго... Театральные судьи равно хлопаютъ и

«Гамлету», и водевилямъ г. Коровкина, и «Парашѣ» г. Полеваго... И не думайте, чтобъ это были люди разныхъ сферъ и классовъ общества,—нѣтъ, они всѣ перемѣшаны и перетасованы, какъ колода картъ... Историческій ходъ свой наша литература совершила въ самой же себѣ: ея настоящею публикою былъ самъ пишущій классъ, и только самыя великія явленія въ литературѣ находили болѣе или менѣе разумный отзывъ во всей массѣ грамотнаго общества... Но будемъ смотрѣть на литературу просто, какъ на постоянный предметъ занятія публики, слѣдовательно, какъ на безпрерывный рядъ литературныхъ новостей: что жь это за литература! Да занимайте вы десять должностей, утопайте въ практической дѣятельности, а на чтеніе посвятите время между обѣдомъ и кофе,—и тогда не на одинъ день останетесь вы безъ чтенія. Въ журналахъ все—переводы, а оригинальнаго развѣ три-четыре порядочныя повѣсти въ годъ, да нѣсколько стихотвореній, да книгъ съ полдюжины, включая сюда и ученыя—вотъ и все. Тогда, читая въ журналахъ статьи о процвѣтаніи русской литературы, по неволѣ восклицаете, протяжно зѣвая: «Да гдѣ жь онѣ? —давайте ихъ!» («Отеч. Зап.» 1842 г. № 1. Крит., стр. 37—38).

Но надежды на будущее высказываются рѣшительнѣе, нежели въ прошедшемъ году:

«Въ нашей грустной эпохѣ много утѣшительнаго. Пора дѣтскихъ очарованій теперь миновалась безъ возврата, и если теперь огромные авторитеты составляются иногда въ одинъ день, зато они часто и пропадаютъ безъ вѣсти на слѣдующій же день... Теперь очень трудно стало прослыть за человѣка съ дарованіемъ: такъ много писано во всѣхъ родахъ, столько было опытовъ и попытокъ, удачныхъ и неудачныхъ, во всѣхъ родахъ, что, дѣйствительно, надо что нибудь получить отъ природы, чтобъ обратить на себя общее вниманіе... Пушкинъ и Гоголь дали намъ такіе критеріумы для сужденія объ изящномъ, съ которыми трудно отъ чего нибудь разъѣхаться... Хорошую сторону современной литературы составляетъ и обращеніе ея къ жизни, къ дѣйствительности: теперь уже всякое, даже посредственное, дарованіе силится изображать и описывать не то, что приснится ему во снѣ, а то, что есть или бываетъ въ обществѣ, въ дѣйствительности. Такое направленіе много обѣщаетъ въ будущемъ. Но современная литература теряетъ оттого, что у ней нѣтъ головы: даже яркіе таланты поставлены въ какое то неловкое положеніе: ни одинъ изъ нихъ не можетъ стать первымъ и по необходимости теряется въ числѣ, каково бы оно ни было. Гоголь давно ничего не печатаетъ; Лермонтова уже нѣтъ».

Произведеніямъ минувшаго года посвящено въ три или четыре раза болѣе мѣста, нежели въ прошлый разъ. Журналы оцѣниваются подробно, тонъ, которымъ говорится о нихъ, гораздо живѣе, нежели прежде; тогда Бѣлинскій въ общихъ чертахъ излагалъ свои понятія о недостаткахъ русской журналистики вообще, теперь касается частныхъ достоинствъ и недостатковъ каждаго журнала. О многихъ изъ вышедшихъ въ прошломъ году сочиненіяхъ говорится уже довольно подробно.

Изложивъ въ первыхъ двухъ отчетахъ свой общій взглядъ на русскую литературу, въ третьемъ (за 1842 годъ, «Отечественныя Записки» 1843 г., № 1) Бѣлинскій подробно говоритъ о русской критикѣ и почти исключительно занимается послѣднимъ (стало быть, имѣющимъ наиболѣе живаго интереса) періодомъ ея—романтическою критикою. До какой степени понятія его близки къ тѣмъ, которыя выражалъ онъ въ предъидущемъ году, можно убѣдиться, сличивъ съ послѣднею изъ приведенныхъ нами выписокъ слѣдующее мѣсто изъ третьяго отчета, заключающее въ себѣ характеристику новой литературы сравнительно съ литературою романтической эпохи:

«Послѣдній періодъ русской литературы, періодъ прозаическій, рѣзко отличается отъ романтическаго какою-то мужественною зрѣлостію. Если хотите, онъ не богатъ числомъ произведеній, но зато все, что явилось въ немъ посредственнаго и обыкновеннаго, все это или не пользовалось никакимъ успѣхомъ, или имѣло только успѣхъ мгновенный; а все то немногое, что выходило изъ ряда обыкновеннаго, ознаменовано печатью зрѣлой и мужественной силы, осталось навсегда и въ своемъ торжественномъ, побѣдоносномъ ходѣ, постепенно пріобрѣтая вліяніе, прорѣзывало на почвѣ литературы и общества глубокіе слѣды. Сближеніе съ жизнію, съ дѣйствительностію есть прямая причина мужественной зрѣлости послѣдняго періода нашей литературы. Слово «идеалъ» только теперь получило свое истинное значеніе. Прежде подъ этимъ словомъ разумѣли что-то въ родѣ *не любо не слушай, лгать не мѣшай*—какое-то соединеніе въ одномъ предметѣ всевозможныхъ добродѣтелей или всевозможныхъ пороковъ. Если герой романа, такъ ужь и собой-то красавецъ, и на гитарѣ играетъ чудесно, и поетъ отлично, и стихи сочиняетъ, и дерется на всякомъ оружіи, и силу имѣетъ необыкновенную:

Когда жь о честности высокой говоритъ,
Какимъ-то демономъ внушаемъ—
Глаза въ крови, лицо горитъ,
Самъ плачетъ, а мы всѣ рыдаемъ!

Если же злодѣй, то не подходите близко: съѣстъ, непремѣнно съѣстъ васъ живаго, извергъ такой, какого не увидишь и на сценѣ Александринскаго театра, въ драмахъ нашихъ доморощенныхъ трагиковъ... Теперь подъ «идеаломъ» разумѣютъ не преувеличеніе, не ложь, не ребяческую фантазію, а фактъ дѣйствительности, такой, какъ она есть; но фактъ, не списанный съ дѣйствительности, а проведенный черезъ фантазію поэта, озаренный свѣтомъ общаго (а не исключительнаго, частнаго и случайнаго) значенія, *возведенный въ перлъ созданія*, и потому болѣе похожій на самого себя, болѣе вѣрный самому себѣ, нежели самая рабская копія съ дѣйствительности вѣрна своему оригиналу. Такъ, на портретѣ, сдѣланномъ великимъ живописцемъ, человѣкъ болѣе похожъ на самого себя, чѣмъ даже на свое отраженіе въ дагерротипѣ, ибо великій живописецъ рѣзкими чертами вывелъ наружу все, что таится внутри того человѣка и что, можетъ быть, составляетъ тайну для самого этого человѣка. Теперь дѣйствительность относится къ искусству и литературѣ, какъ почва къ растеніямъ, которыя она возращаетъ на своемъ лонѣ».

Литературнымъ явленіямъ минувшаго года посвящена уже половина статьи. О «Мертвыхъ Душахъ» Бѣлинскій не хочетъ говорить подробно, готовясь писать о нихъ отдѣльную статью; но то, что говоритъ онъ о нихъ, написано съ точки зрѣнія, очень сильно напоминающей разборъ «Ревизора», сдѣланный за три года:

«Какъ мнѣніе публики, такъ и мнѣніе журналовъ о «Мертвыхъ Душахъ» раздѣлились на три стороны: одни видятъ въ этомъ твореніи произведеніе, котораго хуже еще не писывалось ни на одномъ языкѣ человѣческомъ; другіе, наоборотъ, думаютъ, что только Гомеръ да Шекспиръ являются, въ своихъ произведеніяхъ, столь великими, какимъ явился Гоголь въ «Мертвыхъ Душахъ»: третьи (самъ Бѣлинскій) думаютъ, что это произведеніе дѣйствительно великое явленіе въ русской литературѣ, хотя и не идущее, по своему содержанію, ни въ какое сравненіе съ вѣковыми всемірно-историческими твореніями древнихъ и новыхъ литературъ Западной Европы. Кто эти—одни, другіе и третьи, публика знаетъ, и потому мы не имѣемъ нужды никого называть по имени. Всѣ три мнѣнія равно заслуживаютъ большаго вниманія и равно должны подвергаться разсмотрѣнію, ибо каждое изъ нихъ явилось не случайно, а по необходимымъ причинамъ. Какъ въ числѣ поступленныхъ хвалителей «Мертвыхъ Душъ» есть люди, и не подозрѣвающіе въ простотѣ своего дѣтскаго энтузіазма истиннаго значенія, слѣдовательно, и истиннаго величія этого произведенія, такъ и въ числѣ ожесточен-

ныхъ хулителей «Мертвыхъ Душъ» есть люди, которые очень и очень хорошо смекаютъ всю огромность поэтическаго достоинства этого творенія. Но отсюда-то и выходитъ ихъ ожесточеніе. Нѣкоторые сами когда-то тянулись въ храмъ поэтическаго безсмертія: за новостію и дѣтствомъ нашей литературы, они имѣли свою долю успѣха, даже могли радоваться и хвалиться, что имѣютъ поклонниковъ,—и вдругъ является, неожиданно, непредвидѣнно, совершенно новая сфера творчества, особенный характеръ искусства, вслѣдствіе чего идеальныя и чувствительныя произведенія нашихъ поэтовъ вдругъ оказываются ребяческою болтовнею, дѣтскими невинными фантазіями... Согласитесь, что такое паденіе, безъ натиска критики, безъ недоброжелательства журналовъ, очень и очень горько?.. Другіе подвизались на сатирическомъ поприщѣ, если не съ славою, то не безъ выгодъ иного рода; сатиру они считали своей монополіей, смѣхъ—исключительно имъ принадлежащимъ орудіемъ,—и вдругъ остроты ихъ не смѣшны, картины ни на что не похожи, у ихъ сатиры какъ будто повыпали зубы, охрипъ голосъ. ихъ уже не читаютъ, на нихъ не сердятся, они уже стали употребляться вмѣсто какого-то аршина для измѣренія бездарности... Что тутъ дѣлать? перечинить перья, начать писать на новый ладъ?—но вѣдь для этого нуженъ талантъ, а его не купишь, какъ пучекъ перьевъ... Какъ хотите, а осталось одно: не признавать талантомъ виновника этого крутаго поворота въ ходѣ литературы и во вкусѣ публики, увѣрять публику, что все написанное имъ—вздоръ, нелѣпость, пошлость... Но это не помогаетъ; время уже рѣшило страшный вопросъ—новый талантъ торжествуетъ, молча, не отвѣчая на брани, не благодаря за хвалы.

«Твореніе, которое возбудило столько толковъ и споровъ, раздѣлило на котеріи и литераторовъ и публику, пріобрѣло себѣ и жаркихъ поклонниковъ и ожесточенныхъ враговъ, на долгое время сдѣлалось предметомъ сужденій и споровъ общества,—твореніе, которое прочтено и перечтено не только тѣми людьми, которые читаютъ всякую новую книгу или всякое новое произведеніе, сколько нибудь возбудившее общее вниманіе, но и такими лицами, у которыхъ нѣтъ ни времени, ни охоты читать стишки и сказочки, гдѣ несчастные любовники соединяются законными узами брака, по претерпѣніи разныхъ бѣдствій, и въ довольствѣ, почетѣ и счастіи проводятъ остальное время жизни,—твореніе, которое, въ числѣ почти 3,000 экземпляровъ, все разошлось въ какіе нибудь полгода;—такое твореніе не можетъ не быть неизмѣримо выше всего, что въ состояніи представить современная литература, не можетъ не произвести важнаго вліянія на литературу». («Отеч. Зап.» 1843 г., № 1. Крит., стр. 13—15).

Бѣлинскаго, какъ видимъ, еще занимаетъ болѣе всего эстетическій вопросъ: дѣйствительно ли Гоголь выше всѣхъ нашихъ писателей, и каковы отношенія его къ искусству. Главными причинами вражды отсталыхъ писателей противъ Гоголя онъ находитъ литературные разсчеты и очевидно еще полагаетъ, что отношенія Гоголя къ нашей жизни не такъ сильно возбуждаютъ ненависть отсталыхъ критиковъ, какъ эти разсчеты. Однако же, онъ уже замѣчаетъ, что по поводу «Мертвыхъ Душъ» не только писатели, но публика раздѣлилась на враждебныя партіи, говоритъ, что «Мертвыя Души» вовсе не то, что «сказочки, въ которыхъ несчастные любовники соединяются законными узами брака».

Отвлеченный элементъ кажется все еще силенъ; но прямо за мнѣніемъ о «Мертвыхъ Душахъ» слѣдуетъ (стр. 15) отзывъ о собраніи стихотвореній одного изъ нашихъ поэтовъ, который прежними опытами показалъ способность писать прекрасныя антологическія стихотворенія. Бѣлинскій въ этомъ отзывѣ уже прямо говоритъ, что безъ «живаго, кровнаго сочувствія къ современному міру» нельзя быть въ наше время замѣчательнымъ поэтомъ.

Очерки исторіи русской литературы, представленные Бѣлинскимъ въ пер-

выхъ двухъ его годичныхъ обозрѣніяхъ, останавливались на полтахъ эпохи Пушкина. Въ четвертомъ обозрѣніи («Русская литература за 1843 годъ».—«Отечественныя Записки» 1844 г., № 1) онъ даетъ очеркъ дѣятельности нашихъ прозаиковъ, явившихся въ послѣднюю половину пушкинскаго періода. потому четвертый отчетъ его является какъ бы продолженіемъ втораго. Сравнивая ихъ, можно найти много параллельныхъ мѣстъ; отъ третьяго отчета четвертый отличается еще меньше, по своему духу. Мы не будемъ представлять примѣровъ тожества въ направленіи того и другаго, довольно того. что мы уже дѣлали это два раза, и каждый желающій легко можетъ къ выпискамъ. приведеннымъ у насъ въ доказательство близости каждаго слѣдующаго отчета съ предъидущимъ, отъискать десятки подобныхъ мѣстъ. Но Гоголь занимаетъ въ четвертомъ обзорѣ болѣе мѣста, нежели все общее обозрѣніе прошедшаго періода прозаической литературы. Мнѣніе, высказанное о немъ Бѣлинскимъ въ предъидущемъ году, сохраняется совершенно; но особенное развитіе получаютъ прежнія краткія замѣчанія о томъ, что «Мертвыя Души» должны имѣть рѣшительное вліяніе на литературу и публику; слово «должны имѣть», конечно, уже замѣняется словомъ «имѣютъ», и къ прежнимъ объясненіямъ негодованія, во многихъ возбужденнаго Гоголемъ, присоединяется новое, на которое въ прошедшемъ году былъ сдѣланъ только легкій намекъ,—теперь же оно является на первомъ планѣ. Эта причина—живость и мѣткость гоголевскаго комизма:

«Прежде сатира смѣло разгуливала между народомъ середи бѣлаго дня и даже не заботились объ инкогнито, но прямо и открыто называлась своимъ собственнымъ именемъ, т. е. *сатирою*,—и никто не сердился на нее, никто даже не замѣчалъ ея гримасъ и кривляній. Отчего это?—оттого, что никто не узнавалъ себя въ ней; оттого, что она нападала на пороки общіе, которыхъ всякій имѣетъ полное право не принять на свой счетъ; оттого, что она была книгою, печатною бумагою, невиннымъ школьнымъ упражненіемъ по классу реторики... И давно-ли правоописательные, нравственно-сатирическіе романы, юмористическія статьи и статейки являлись стаями, какъ вороны на крышахъ домовъ, каркая на проходящихъ во все воронье горло?—и на нихъ никто не сердился, даже какъ сердятся лѣтомъ на докучныхъ мухъ. Сочинитель гордо называлъ себя сатирикомъ, гонителемъ людскихъ пороковъ,—и гонимые люди безъ боязни подходили къ своему гонителю, къ дряхлому, беззубому бульдогу, гладили его по толстой и лоснящейся шеѣ и охотно кормили его избыткомъ своей трапезы. Отчего это?—оттого, что пороки, которые гналъ сатирикъ, были совсѣмъ не пороки, а развѣ отвлеченныя идеи о порокахъ, реторическія тропы и фигуры. Это были своего рода бараны и мельницы, съ которыми храбро и отважно сражался сатирическій донъ-Кихотъ.—такъ же, какъ добродѣтель, за которую онъ ратовалъ, была для него воображаемою Дульцинеею, а для другихъ—толстою, безобразною коровницею. Теперь нѣтъ сатиры, и только развѣ какой-нибудь старый сочинитель рѣшится величаться вышедшимъ изъ моды именемъ «сатирика»: теперь пишутся романы и повѣсти, безъ всякихъ сатирическихъ намѣреній и цѣлей,—а, между тѣмъ, всѣ на нихъ сердятся. Отчего же это?—оттого, что теперь и великіе и малые таланты, и посредственность и бездарность—всѣ стремятся изображать дѣйствительныхъ, не воображаемыхъ людей; но такъ какъ дѣйствительные люди обитаютъ на землѣ и въ обществѣ, а не на воздухѣ, не въ облакахъ, гдѣ живутъ призраки, то, естественно, писатели нашего времени, вмѣстѣ съ людьми изображаютъ и общество. Общество также—нѣчто дѣйствительное, а не воображаемое, и потому его сущность составляютъ не одни костюмы и прически, но и нравы, обычаи, понятія, отношенія и т. д. Человѣкъ, живущій въ обществѣ, зависитъ отъ него и въ образѣ мыслей и въ образѣ его дѣйствованія. Писатели нашего времени не могутъ не понимать этой простой, очевидной истины, и потому, изображая чело-

вѣка, они стараются вникать въ причины, отчего онъ таковъ или не таковъ, и т. д. Вслѣдствіе этого, естественно, они изображаютъ не частныя достоинства или недостатки, свойственные тому или другому лицу, отдѣльно взятому, но явленія общія. Большинство же публики именно тамъ-то и видитъ личности, гдѣ ихъ нѣтъ и быть не можетъ. Прежніе такъ называемые сатирики именно списывали съ извѣстныхъ имъ лицъ и казались въ глазахъ всѣхъ не подлежащими упреку въ личностяхъ. И это очень понятно: сами оригиналы не узнавали себя въ снятыхъ съ нихъ копіяхъ, потому что сатирики не могли печатно касаться обстоятельствъ того или другого лица и ограничивались общими чертами пороковъ, слабостей и странностей, которыя, будучи *отвлечены* отъ живой личности, превращались въ образы безъ лицъ. Притомъ же, эти *сатирики* смотрѣли на пороки и слабости людей, какъ на что-то принадлежащее тому или другому индивидуальному лицу, какъ на что-то произвольное, что это лицо могло имѣть и не имѣть по своей волѣ и что пріобрѣсти или отчего избавиться оно легко могло по прочтеніи убѣдительной сатиры, гдѣ ясно, по пальцамъ, доказана выгода и сладость добродѣтели и опасныя, пагубныя слѣдствія порока. Вотъ почему эти добрые сатирики брали человѣка, не обращая вниманія на его воспитаніе, на его отношенія къ обществу, и тормошили на досугѣ это созданное ихъ воображеніемъ чучело. Въ основаніе своего сатирическаго донъ-кихотства они положили общественную нравственность, добродушно не подозрѣвая того, что ихъ сатиры, опирающіяся на общественность, ужасно противорѣчили этой нравственности. Такъ, напримѣръ, въ числѣ первыхъ добродѣтелей они полагали безусловное повиновеніе родительской власти и въ то же время толковали юношеству, что бракъ по разсчету—дѣло безнравственное, что низкопоклонство, лесть изъ выгодъ, взяточничество и казнокрадство—тоже дѣла безнравственныя. Очень хорошо: но что же иному юношѣ дѣлать, если онъ съ малолѣтства, почти съ материнскимъ молокомъ, всосалъ въ себя мистическое благоговѣніе къ доходнымъ должностямъ, теплымъ мѣстамъ, къ значительности въ обществѣ, къ богатству, къ хорошей партіи, блестящей карьерѣ; если его младенческій слухъ былъ оглушенъ не словами любви, чести, самоотверженія, истины, а словами: *взялъ*, *получилъ*, *пріобрѣлъ*, *нажилъ* и т. п.? Положимъ, что *такому* юношѣ природа не отказала въ человѣческихъ чувствахъ и стремленіяхъ: положимъ, что въ немъ пробудилась любовь къ достойной, но бѣдной, простаго званія дѣвушкѣ,—любовь, запрещающая ему соединиться съ противною ему богатою дурою, на которой, по разсчетамъ, приказываютъ ему жениться: положимъ, что въ юношѣ пробудилось человѣческое достоинство, запрещающее ему кланяться богатому плуту или чиновному негодяю; положимъ, что въ немъ пробудилась совѣсть, запрещающая употреблять во зло ввѣренные ему высшею властію вѣсы правосудія и расхищать ввѣренныя его безкорыстію общественныя суммы: что ему тутъ дѣлать? Сатирикъ не затруднится отъ такого вопроса и, не задумавшись, отвѣтитъ: «жениться на предметѣ любви своей, служить честно и вѣрно отечеству»... Прекрасно: но гдѣ же повиновеніе родительской власти, гдѣ уваженіе къ родительскому благословенію, на вѣки нерушимому, гдѣ страхъ тяжкаго отцовскаго проклятія?.. И потомъ, гдѣ уваженіе къ общественному мнѣнію, къ общественной нравственности? Вѣдь общество не спрашиваетъ васъ, по любви или не по любви женились вы, а спрашиваетъ, сколько вы взяли за женою, и приличная-ли она вамъ партія, общество не спрашиваетъ васъ, какимъ образомъ сдѣлались вы богачемъ, когда ему извѣстно, что вашъ батюшка не оставилъ вамъ ни копѣйки, а за супругою вы взяли не Богъ знаетъ что, или и вовсе ничего не взяли: общество знаетъ только, что вы богачъ, и *потому* считаетъ васъ очень хорошимъ—«благонамѣреннымъ» человѣкомъ... Послушайся нашъ юноша сатирика, что бы вышло?—отецъ его бросилъ бы, жалуясь на неповиновеніе и презрѣніе къ его власти, потомъ онъ прошелъ бы, съ женою и дѣтьми, черезъ всѣ мытарства, черезъ всѣ униженія голодной, неопрятной, оборванной бѣдности; видѣлъ бы къ себѣ презрѣніе общества, а за свою правоту, за свое безкорыстіе былъ бы заклейменъ отъ всѣхъ страшными названіями безпокойнаго, опаснаго и «неблагонамѣреннаго» человѣка, вольнодумца, и проч., и проч. И неужели вы, «благонамѣренные» сатирики, бросите въ него камень осужденія, если, истощась и обезсилѣвъ въ тяжелой и безплодной борьбѣ, онъ дойдетъ до страшнаго убѣжденія, что его бѣдность, его несчастія—необходимыя слѣд-

ствія отцовскаго гнѣва, заслуженная кара за презрѣніе общественнаго мнѣнія и общественной нравственности?.. Но, къ счастію или къ несчастію,—не знаемъ, право—такіе случаи весьма рѣдки, какъ исключенія изъ общаго правила. По большей части бываетъ такъ: юноша не долго колеблется между любовью и выгодною женитьбою, между «завиральными идеями» о безкорыстіи и правотѣ и уваженіемъ общества: онъ женится на комъ прикажутъ дрожайшіе родители, живетъ съ женою, какъ всѣ, т. е. прилично содержитъ ее, воспитываетъ дѣтей своихъ, какъ всѣ, т. е. прилично кормитъ и одѣваетъ ихъ, учитъ по французски и танцовать, а послѣ этого перваго и важнѣйшаго періода воспитанія отдаетъ въ учебное заведеніе, потомъ выгодно пристраиваетъ въ службу, выгодно женитъ (или выдаетъ замужъ) и, умирая, отказываетъ имъ «благопріобрѣтенное» по службѣ имѣніе. И что же? Въ началѣ его поприща всѣ превозносятъ его, какъ почтительнаго сына, въ концѣ поприща—какъ нѣжнаго супруга, примѣрнаго отца, «благонамѣреннаго» чиновника, и заключаютъ такъ: «вотъ что значитъ уваженіе къ общественной нравственности! вотъ что значитъ родительское благословеніе, навѣки нерушимое»! Итакъ, нашъ «благонамѣренный» сатирикъ, бичъ пороковъ, самымъ нелѣпымъ образомъ противорѣчилъ самому себѣ: поставивъ выше всѣхъ добродѣтелей повиновеніе не Богу, не истинѣ, а эгоистическимъ разсчетамъ, онъ въ то же время училъ юношу слѣдовать свободному выбору сердца, какъ знаменію благословенія Божія, и запрещалъ ему торговать священнѣйшими склонностями своей души: поставивъ выше всякой награды любовь и уваженіе общества, онъ въ то же время училъ юношу оскорблять основныя правила этого самаго общества... Впрочемъ, онъ это дѣлалъ, самъ не зная, что дѣлаетъ, и потому его сатиры не производили никакихъ слѣдствій».

Надобно обратить вниманіе особенно на послѣднюю половину этого отрывка: она написана въ духѣ совершенной положительности.

Общая часть пятаго обозрѣнія («Отечественныя Записки» 1845 г., № 1) представляетъ сводъ того, что было говорено во второмъ и четвертомъ. Она можетъ казаться чистымъ повтореніемъ сказаннаго Бѣлинскимъ въ первыхъ трехъ обозрѣніяхъ; но кто внимательнѣе всмотрится въ эти очень сходныя мысли, замѣтитъ значительную разницу между понятіями, какія имѣлъ Бѣлинскій въ 1842, и какія имѣлъ онъ въ 1845. Труднѣе замѣтить различіе между 1844 и 1845 годами; но и тутъ есть движеніе впередъ. Чтобы показать его въ примѣрѣ, взятомъ на удачу, приводимъ самое начало пятаго обозрѣнія:

«Вотъ уже пятое обозрѣніе годоваго бюджета русской литературы представляемъ мы нашимъ читателямъ. Обязавшись передъ публикою быть вѣрнымъ зеркаломъ русской литературы, постоянно отдавая отчетъ во всякой вновь выходящей въ Россіи книгѣ, во всякомъ литературномъ явленіи, «Отечественныя Записки» не вполнѣ выполнили бы свое назначеніе—быть полною и подробною лѣтописью движенія русскаго слова, если-бы не вмѣнили себѣ въ обязанность этихъ годичныхъ обозрѣній, въ которыхъ обо всемъ, о чемъ впродолженіе нѣлаго года говорилось, какъ о настоящемъ, говорится какъ о прошедшемъ, и въ которыхъ всѣ отдѣльныя и разнообразныя явленія нѣлаго года подводятся подъ одну точку зрѣнія. Не ставимъ себѣ этого въ особенную заслугу, потому что видимъ въ этомъ только должное выполненіе добровольно принятой на себя обязанности: но не можемъ не замѣтить, что подобная обязанность довольно тяжела. Читатели наши знаютъ, что большая часть этихъ годичныхъ обозрѣній постоянно наполнялась разсужденіями вообще о русской литературѣ и, слѣдовательно, о всѣхъ русскихъ писателяхъ, отъ Кантемира и Ломоносова до настоящей минуты: а взглядъ на прошлогоднюю литературу—главный предметъ статьи, всегда занималъ ея меньшую часть. Подобныя отступленія отъ главнаго предмета необходимы по двумъ причинамъ: во первыхъ, потому, что настоящее объясняется только прошедшимъ, и потому, что

по поводу цѣлой русской литературы еще можно написать не одну, а даже и нѣсколько статей, болѣе или менѣе интересныхъ; но о русской литературѣ за тотъ или другой годъ, право, не о чемъ слишкомъ много или слишкомъ интересно разговориться. И это-то составляетъ особенную трудность подобныхъ статей. Легко пересчитывать богатства истинныя или мнимыя, много можно говорить о нихъ; но что сказать о бѣдности, близкой къ нищетѣ? Да, о совершенной нищетѣ, потому что теперь нѣтъ уже и мнимыхъ, воображаемыхъ богатствъ. А, между тѣмъ, о чемъ же говорить журналу, если ему уже нечего говорить о литературѣ? Вѣдь у насъ литература составляетъ единственный интересъ, доступный публикѣ, если не упоминать о проферансѣ, говоря о немногихъ, исключительныхъ и какъ бы случайныхъ ея интересахъ. Итакъ, будемъ же говорить о литературѣ, —и если, читатели, этотъ предметъ уже кажется вамъ нѣсколько истощеннымъ и слишкомъ часто истощаемымъ, если толки о немъ уже доставляютъ вамъ только то магнитическое удовольствіе, которое такъ близко къ усыпленію, — поздравляемъ васъ съ прогрессомъ и пользуемся случаемъ увѣрить васъ, что мы, въ свою очередь, совсѣмъ не чужды этого прогресса, и что, въ этомъ отношеніи, вы не правы, если вздумаете упрекнуть насъ въ отсталости отъ духа времени и въ наивной запоздалости касательно его интересовъ... Еще разъ: будемъ разсуждать о русской литературѣ—предметъ и новый и любопытный»... («Отечественныя Записки» 1845 г., № 1, стр. 1—2).

Эта пронія, съ которою говоритъ Бѣлинскій о своихъ обозрѣніяхъ, о своей обязанности критика,—чувство, совершенно различное отъ сарказма, съ которымъ онъ говорилъ въ 1841 году о русской литературѣ, самъ будучи совершенно доволенъ тѣмъ, что изобличаетъ эту бѣдность. Теперь онъ груститъ уже не о бѣдности русской литературы: ему грустно, что надобно разсуждать объ этой литературѣ; онъ чувствуетъ, что границы литературныхъ вопросовъ тѣсны, онъ тоскуетъ въ своемъ кабинетѣ, подобно Фаусту: ему тѣсно въ этихъ стѣнахъ, уставленныхъ книгами,—все равно, хорошими или дурными; ему нужна жизнь, а не толки о достоинствахъ поэмъ Пушкина или недостаткахъ повѣстей Марлинскаго и Полеваго.

И дѣйствительно: главный предметъ его статьи—стихотворенія Языкова и г. Хомякова, которыя привлекли его вниманіе вовсе не по эстетическимъ соображеніямъ: нельзя же было, въ самомъ дѣлѣ, опасаться, что наши поэты станутъ образцы художественности видѣть не въ произведеніяхъ Пушкина и Лермонтова, а въ стихотвореніяхъ Языкова и г. Хомякова, и начнутъ подражать ихъ манерѣ; этой опасности вовсе не предвидѣлось, но важно было отношеніе стихотвореній Языкова и г. Хомякова къ нашей жизни.

Неудовлетворительность литературныхъ вопросовъ для Бѣлинскаго отразилась въ слѣдующемъ году и на самомъ объемѣ его обзора: шестой отчетъ его («Отечественныя Записки» 1846 г., № 1) очень коротокъ въ сравненіи съ предъидущими. Въ главныхъ частяхъ своихъ, онъ представляетъ развитіе нѣкоторыхъ страницъ предъидущаго обозрѣнія, говорившихъ, что только та мысль можетъ назваться мыслью, которая имѣетъ тѣсное родство съ жизнью. Вотъ, напримѣръ, отрывокъ, тѣсную связь котораго съ предъидущимъ обозрѣніемъ легко замѣтитъ каждый читатель.

«Въ наше время,—говоритъ Бѣлинскій,—особенно много людей, мечтающихъ и разсуждающихъ, о которыхъ, впрочемъ, не всегда можно сказать, чтобы они были въ то же время и мыслящими людьми. Не жить, но мечтать и разсуждать о жизни—вотъ въ чемъ заключается ихъ жизнь.—

«Между этими «романтиками» бываютъ люди умные, даже очень, хотя и безплодно умные. Они толкуютъ не о чувствахъ и не о себѣ только: они разсуждаютъ вообще о жизни. Стремленіе весьма похвальное, когда оно имѣетъ прочную основу, практическій характеръ! Но романтики вообще враги всего практическаго, которое они съ презрѣніемъ отдали на долю «толпы», не понимая въ своемъ ослѣпленіи, что всякій геній, всякій великій дѣятель есть человѣкъ практическій, хотя бы онъ дѣйствовалъ даже въ сферѣ отвлеченнаго мышленія. Разладъ съ дѣйствительностію—болѣзнь этихъ людей. Въ дни кипучей, полной силами юности, когда надо жить, надо спѣшить жить, они, вмѣсто этого, только разсуждаютъ о жизни. Нѣкоторые изъ нихъ спохватываются, но поздно: именно въ то время, когда человѣкъ не годится уже ни на что лучшее, какъ только на то, чтобъ разсуждать о жизни, которой онъ никогда не зналъ, никогда не извѣдалъ. Толпа живетъ, не мысля, и оттого живетъ пошло: но мыслить, не живя— развѣ это лучше? развѣ это не такая же или даже еще не большая уродливость?..

«Но теперь всѣ заговорили о дѣйствительности. У всѣхъ на языкѣ одна и та же фраза: «надо дѣлать»! И, между тѣмъ, все-таки никто ничего не дѣлаетъ! Это показываетъ, что во что бы ни нарядился романтикъ, онъ все останется романтикомъ. Не понимая этого, романтики обѣими руками начали хвататься за маски и костюмы,— и вышелъ пестрый маскарадъ, гдѣ на одинъ вечеръ такъ легко быть чѣмъ угодно—и туркомъ, и жидомъ, и рыцаремъ. Нѣкоторые, говорятъ, не шутя надѣли на себя терликъ, охабень и шапку мурмолку: болѣе благоразумные довольствуются только тѣмъ, что ходятъ дома въ татарской ермолкѣ, татарскомъ халатѣ и желтыхъ сафьянныхъ сапожкахъ—все же историческій костюмъ! Назвались они «партіями» и думаютъ, что дѣлать значитъ—разсуждать на пріятельскихъ вечерахъ о томъ, что только они —удивительные люди, и что кто думаетъ не по ихъ, тотъ бродитъ во тьмѣ.

«Во всемъ этомъ видно одно: стремленіе жить мимо жизни, глубокій внутренній разладъ съ дѣйствительностью». («Отечественныя Записки» 1846 г., № 1. Критика, стр. 3—4).

«Взглядъ на русскую литературу 1846 года» былъ помѣщенъ уже не въ «Отечественныхъ Запискахъ», какъ первые шесть годичныхъ обзоровъ, а въ «Современникѣ». На этомъ внѣшнемъ раздѣлѣ дѣятельности Бѣлинскаго мы и остановимся теперь, потому что въ развитіи его съ 1841 года нельзя найти внутреннихъ крутыхъ поворотовъ, по которымъ можно было бы точно опредѣлить границы между двумя періодами его самостоятельной дѣятельности, указанными въ началѣ нашей статьи.

Приложеніе.

Отрывки изъ послѣдней статьи Бѣлинскаго: «Взглядъ на русскую литературу 1847 года». («Современникъ» 1848 г., №№ 1 и 3).

«Остается упомянуть еще о нападкахъ на современную литературу и на натурализмъ вообще съ эстетической точки зрѣнія, во имя чистаго искусства, которое само себѣ цѣль и внѣ себя не признаетъ никакихъ цѣлей. Въ этой мысли есть основаніе; но ея преувеличенность замѣтна съ перваго взгляда. Мысль эта чисто нѣмецкаго происхожденія; она могла родиться только у народа созерцательнаго, мыслящаго и мечтающаго, и никакъ не могла бы явиться у народа практическаго, общественность котораго для всѣхъ и каждаго представляетъ широкое поле для живой дѣятельности. Что такое чистое искусство, этого хорошо не знаютъ сами поборники его, и оттого оно является у нихъ какимъ-то идеаломъ, а не существуетъ фактически. Оно въ сущности есть дурная крайность другой дурной крайности, т. е. искусства дидактическаго, поучительнаго, холоднаго, сухаго, мертваго, котораго произведенія не иное что, какъ реторическія упражненія на заданныя темы. Безъ всякаго сомнѣнія, искусство прежде всего должно быть искусствомъ, а потомъ уже оно можетъ быть выраженіемъ духа и направленія общества въ извѣстную эпоху. Какими бы прекрасными мыслями ни было наполнено стихотвореніе, какъ бы ни сильно отзывалось оно современными вопросами, но если въ немъ нѣтъ поэзіи, въ немъ не можетъ быть ни прекрасныхъ мыслей и никакихъ вопросовъ, и все, что можно замѣтить въ немъ, это развѣ прекрасное намѣреніе, дурно выполненное. Когда въ романѣ или повѣсти нѣтъ образовъ и лицъ, нѣтъ характеровъ, нѣтъ ничего *типическаго*,—какъ бы вѣрно и тщательно ни было списано съ натуры все, что въ немъ разсказывается, читатель не найдетъ тутъ никакой натуральности, не замѣтитъ ничего вѣрно подмѣченнаго, ловко схваченнаго. Лица будутъ перемѣшиваться между собою въ его глазахъ: въ разсказѣ онъ увидитъ путаницу непонятныхъ происшествій. Невозможно безнаказанно нарушать законы искусства. Чтобы списывать вѣрно съ натуры, мало умѣть писать, т. е. владѣть искусствомъ писца или писаря; надобно умѣть явленія дѣйствительности провести черезъ свою фантазію, дать имъ новую жизнь. Хорошо и вѣрно изложенное слѣдственное дѣло, имѣющее романическій интересъ, не есть романъ, и можетъ служить развѣ только матеріаломъ для романа, т. е. подать поэту поводъ написать романъ. Но для этого онъ долженъ проникнуть мыслію во внутреннюю сущность дѣла, отгадать тайныя душевныя побужденія, заставившія эти лица дѣйствовать такъ, схватить ту точку этого дѣла, которая составляетъ центръ круга этихъ событій, даетъ имъ смыслъ чего-то единаго, полнаго, цѣлаго, замкнутаго въ самомъ себѣ. А это можетъ сдѣлать только поэтъ. Кажется, чего бы легче было вѣрно писать портретъ человѣка? И иной цѣлый вѣкъ упражняется въ этомъ родѣ живописи, а все не можетъ списать знакомаго ему лица такъ, чтобы и другіе узнали, чей это портретъ. Умѣть списать вѣрно портретъ есть уже своего рода талантъ; но этимъ не оканчивается все. Обыкновенный живописецъ сдѣлалъ очень сходно портретъ вашего знакомаго; сходство не подвергается ни малѣйшему сомнѣнію въ томъ смыслѣ, что вы не можете не узнать сразу, чей это портретъ, а все какъ-то недовольны имъ, вамъ кажется, будто онъ и похожъ на свой оригиналъ и не похожъ на него. Но пусть съ него же сниметъ портретъ Тырановъ или Брюловъ—и вамъ покажется, что зеркало далеко не такъ вѣрно повторяетъ образъ вашего знакомаго, какъ этотъ портретъ, потому что это будетъ уже не только портретъ, но и художественное произведеніе, въ которомъ схвачено не одно внѣшнее сходство, но вся душа оригинала. Итакъ, вѣрно списывать съ дѣйствительности мо-

жетъ только талантъ, и какъ бы ни ничтожно было произведеніе въ другихъ отношеніяхъ, но чѣмъ болѣе оно поражаетъ вѣрностію натурѣ, тѣмъ несомнѣннѣе талантъ его автора. Что не все должно оканчиваться вѣрностію натурѣ, особенно въ поэзіи,— это другой вопросъ. Въ живописи, по свойству и сущности этого искусства, одно умѣнье вѣрно писать съ натуры можетъ служить часто признакомъ необыкновеннаго таланта. Въ поэзіи это не совсѣмъ такъ: не умѣя вѣрно писать съ натуры, нельзя быть поэтомъ, но и одного этого умѣнья тоже мало, чтобъ быть поэтомъ, по крайней мѣрѣ, замѣчательнымъ.

«Но, вполнѣ признавая, что искусство прежде всего должно быть искусствомъ, мы тѣмъ не менѣе думаемъ, что мысль о какомъ-то чистомъ, отрѣшенномъ искусствѣ, живущемъ въ своей собственной сферѣ, не имѣющей ничего общаго съ другими сторонами жизни, есть мысль отвлеченная, мечтательная. Такого искусства никогда и нигдѣ не бывало. Безъ всякаго сомнѣнія, жизнь раздѣляется и подраздѣляется на множество сторонъ, имѣющихъ свою самостоятельность: но эти стороны сливаются одна съ другою живымъ образомъ, и нѣтъ между ними рѣзкой раздѣляющей ихъ черты. Какъ ни дробите жизнь, она всегда едина и цѣльна. Говорятъ: для науки нуженъ умъ и разсудокъ, для творчества—фантазія, и думаютъ, что этимъ порѣшили дѣло начисто, такъ что хоть сдавай его въ архивъ. А для искусства ненужно ума и разсудка? А ученый можетъ обойтись безъ фантазіи? Неправда! Истина въ томъ, что въ искусствѣ фантазія играетъ самую дѣятельную и первенствующую роль; а въ наукѣ—умъ и разсудокъ. Бываютъ, конечно, произведенія поэзіи, въ которыхъ ничего не видно, кромѣ сильной блестящей фантазіи; но это вовсе не общее правило для художественныхъ произведеній. Въ твореніяхъ Шекспира не знаешь, чему больше дивиться—богатству ли творческой фантазіи, или богатству всеобъемлющаго ума. Есть роды учености, которые не только не требуютъ фантазіи, въ которыхъ эта способность могла бы только вредить; но никакъ этого нельзя сказать объ учености вообще. Искусство есть воспроизведеніе дѣйствительности, повторенный, какъ бы вновь созданный міръ; можетъ ли же оно быть какою то одинокою, изолированною отъ всѣхъ чуждыхъ ему явленій дѣятельностію? Можетъ ли поэтъ не отразиться въ своемъ произведеніи, какъ человѣкъ, какъ характеръ, какъ натура,— словомъ, какъ личность? Разумѣется, нѣтъ, потому что и самая способность изображать явленія дѣйствительности безъ всякаго отношенія къ самому себѣ—есть опять-таки выраженіе натуры поэта. Но и эта способность имѣетъ свои границы. Личность Шекспира просвѣчиваетъ сквозь его творенія, хотя и кажется, что онъ также равнодушенъ къ изображенному имъ міру, какъ и судьба, спасающая или губящая его героевъ. Въ романахъ Вальтера Скотта невозможно не увидѣть въ авторѣ человѣка болѣе замѣчательнаго талантомъ, нежели сознательно-широкимъ пониманіемъ жизни, торіи, консерватора и аристократа по убѣжденію и привычкамъ. Личность поэта не есть что нибудь безусловное, особо стоящее, внѣ всякихъ явленій извнѣ. Поэтъ прежде всего—человѣкъ, потомъ гражданинъ своей земли, сынъ своего времени. Духъ народа и времени на него не могутъ дѣйствовать менѣе, чѣмъ на другихъ. Шекспиръ былъ поэтомъ *старой и веселой* Англіи, которая, впродолженіе немногихъ лѣтъ, вдругъ сдѣлалась суровою, строгою, фанатическою. Пуританское движеніе имѣло сильное вліяніе на его послѣднія произведенія, наложивъ на нихъ отпечатокъ мрачной грусти. Изъ этого видно, что родись онъ десятилѣтіями двумя позже, геній его остался бы тотъ же, но характеръ его произведеній былъ бы другой. Поэзія Мильтона явно произведеніе его эпохи: самъ того не подозрѣвая, онъ въ лицѣ своего гордаго и мрачнаго сатаны написалъ апоѳеозу возстанія противъ авторитета, хотя и думалъ сдѣлать совершенно другое. Такъ сильно дѣйствуетъ на поэзію историческое движеніе обществъ.

«Въ наше время, искусство и литература больше, чѣмъ когда либо прежде сдѣлались выраженіемъ общественныхъ вопросовъ, потому что въ наше время эти вопросы стали общѣе, доступнѣе всѣмъ, ясенѣе, сдѣлались для всѣхъ интересомъ первой степени, стали во главѣ всѣхъ другихъ вопросовъ. Это, разумѣется, не могло не измѣнить общаго направленія искусства во вредъ ему. Такъ самые геніальные поэты, увлекаясь рѣшеніемъ общественныхъ вопросовъ, удивляютъ иногда теперь публику со-

чиненіями, которыхъ художественное достоинство нисколько не соотвѣтствуетъ ихъ таланту или, по крайней мѣрѣ, обнаруживается только въ частностяхъ, а цѣлое произведеніе слабо, растянуто, вяло, скучно. Вспомните романы Жоржа Санда: *Le Meunier d'Angibault, Le Péché de Monsieur Antoine, Isidore*. Но и здѣсь бѣда произошла собственно не отъ вліянія современныхъ общественныхъ вопросовъ, а оттого, что авторъ существующую дѣйствительность хотѣлъ замѣнить утопіею, и вслѣдствіе этого заставилъ искусство изображать міръ, существующій только въ его воображеніи. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ характерами возможными, съ лицами, всѣмъ знакомыми онъ вывелъ характеры фантастическіе, лица небывалыя, и романъ у него смѣшался со сказкою, натуральное заслонилось неестественнымъ, поэзія смѣшалась съ реторикою. Но изъ этого еще нѣтъ причины вопить о паденіи искусства: тотъ же Жоржъ Сандъ послѣ *Le Meunier d'Angibault* написалъ *Теверино*, а послѣ *Изидоры* и *Le Péché de Monsieur Antoine* — *Лукрецію Флоріани*. Порча искусства вслѣдствіе вліянія современныхъ общественныхъ вопросовъ могла бы скорѣе обнаружиться на талантахъ низшей степени; но и тутъ она обнаруживается только въ неумѣніи отличать существующее отъ небывалаго, возможное отъ невозможнаго, и еще болѣе—въ страсти къ мелодрамѣ, къ натянутымъ эффектамъ. Что особенно хорошо въ романахъ Евгенія Сю? — вѣрныя картины современнаго общества, въ которыхъ больше всего видно вліяніе современныхъ вопросовъ. А что составляетъ ихъ слабую сторону, портитъ ихъ до того, что отбиваетъ всякую охоту читать ихъ? — Преувеличенія, мелодрама, эффекты, небывалые характеры въ родѣ принца Родольфа,—словомъ, все ложное, неестественное, ненатуральное,—а все это выходитъ отнюдь не изъ вліянія современныхъ вопросовъ, а изъ недостатка таланта, котораго хватаетъ только на частности, и никогда на цѣлое произведеніе. Съ другой стороны, мы можемъ указать на романы Диккенса, которые такъ глубоко проникнуты задушевными симпатіями нашего времени, и которымъ это нисколько не мѣшаетъ быть превосходными художественными произведеніями.

«Мы сказали, что чистаго, отрѣшеннаго, безусловно, или, какъ говорятъ философы, *абсолютнаго* искусства никогда и нигдѣ не бывало. Если нѣчто подобное можно допустить, такъ это развѣ художественныя произведенія тѣхъ эпохъ, въ которыя искусство было главнымъ интересомъ, исключительно занимавшимъ образованнѣйшую часть общества. Таковы, напримѣръ, произведенія живописи итальянскихъ школъ въ XVI столѣтіи. Ихъ содержаніе, повидимому, преимущественно религіозное; но это большею частію миражъ, и на самомъ дѣлѣ предметъ этой живописи—красота какъ красота, больше въ пластическомъ или классическомъ, нежели въ романтическомъ смыслѣ этого слова. Возьмемъ, напримѣръ, мадонну Рафаэля, этотъ *chef d'oeuvre* итальянской жизни XVI вѣка. Кто не помнитъ статьи Жуковскаго объ этомъ дивномъ произведеніи, кто съ молодыхъ лѣтъ не составилъ себѣ о немъ понятія по этой статьѣ? Кто, стало быть, не былъ увѣренъ, какъ въ несомнѣнной истинѣ, что это произведеніе по превосходству романтическое, что лицо мадонны — высочайшій идеалъ той неземной красоты, которой таинство открывается только внутреннему созерцанію, и то въ рѣдкія мгновенія чистаго восторженнаго вдохновенія?... Авторъ предлагаемой статьи недавно видѣлъ эту картину. Не будучи знатокомъ живописи, онъ не позволилъ бы себѣ говорить объ этой удивительной картинѣ съ цѣлью опредѣлить ея значеніе и степень ея достоинства; но какъ дѣло идетъ только о его личномъ впечатлѣніи и о романтическомъ или не о романтическомъ характерѣ картины, то онъ думаетъ, что можетъ позволить себѣ на этотъ счетъ нѣсколько словъ. Статьи Жуковскаго онъ не читалъ уже давно, можетъ быть больше десяти лѣтъ, но какъ до того времени онъ читалъ и перечитывалъ ее со всѣмъ страстнымъ увлеченіемъ, со всею вѣрою молодости, и зналъ ее почти наизусть, то и подошелъ къ знаменитой картинѣ съ ожиданіемъ уже извѣстнаго впечатлѣнія. Долго смотрѣлъ онъ на нее, оставлялъ, обращался къ другимъ картинамъ и снова подходилъ къ ней. Какъ ни мало знаетъ онъ толку въ живописи, но первое впечатлѣніе его было рѣшительно и опредѣленно въ одномъ отношеніи: онъ тотчасъ же почувствовалъ, что послѣ этой картины трудно понять достоинства другихъ и заинтересоваться ими. Два раза былъ онъ въ Дрезденской галлереѣ и въ

оба видѣлъ только эту картину, даже когда смотрѣлъ на другія и когда ни на что не смотрѣлъ. И теперь, когда ни вспомнитъ онъ о ней, она словно стоитъ передъ его глазами, и память почти замѣняетъ дѣйствительность. Но чѣмъ дольше и пристальнѣе всматривался онъ въ эту картину, чѣмъ больше думалъ тогда и послѣ, тѣмъ больше убѣждался, что мадонна Рафаэля и мадонна, описанная Жуковскимъ подъ именемъ рафаэлевой,—двѣ совершенно различныя картины, не имѣющія между собою ничего общаго, ничего сходнаго. Мадонна Рафаэля — фигура строго классическая и нисколько не романтическая. Лицо ея выражаетъ ту красоту, которая существуетъ самостоятельно, не заимствуя своего очарованія отъ какого нибудь нравственнаго выраженія въ лицѣ. На этомъ лицѣ, напротивъ, ничего нельзя прочесть. Лицо мадонны, равно и вся ея фигура, исполнены невыразимаго благородства и достоинства. Это дочь царя, проникнутая сознаніемъ и своего высокаго сана и своего личнаго достоинства. Въ ея взорѣ есть что-то строгое, сдержанное, нѣтъ благости и милости, но нѣтъ гордости, презрѣнія, а вмѣсто всего этого какое-то незабывающее своего величія снисхожденіе. Это какъ бы сказать— *idéal sublime du comme il faut*. Но ни тѣни неуловимаго, таинственнаго, туманнаго, мерцающаго,—словомъ, романтическаго; напротивъ, во всемъ такая отчетливая, ясная опредѣленность, окончепность, такая строгая правильность и вѣрность очертаній и вмѣстѣ съ этимъ такое благородство, изящество кисти! Религіозное созерцаніе выразилось въ этой картинѣ только въ лицѣ божественнаго младенца, но созерцаніе, исключительно свойственное только католицизму того времени. Въ положеніи младенца, въ протянутыхъ къ предстоящимъ (разумѣю зрителей картины) рукахъ, въ расширенныхъ зрачкахъ глазъ его видны гнѣвъ и угроза, а въ приподнятой нижней губѣ горделивое презрѣніе. Это не Богъ прощенія и милости, не искупительный агнецъ за грѣхи міра,—это Богъ судящій и карающій... Изъ этого видно, что и въ фигурѣ младенца нѣтъ ничего романтическаго; напротивъ, его выраженіе такъ просто и опредѣленно, такъ уловимо, что сразу понимаешь отчетливо, что видишь. Развѣ только въ лицахъ ангеловъ, отличающихся необыкновеннымъ выраженіемъ разумности и задумчиво созерцающихъ явленіе Божества, можно найти что нибудь романтическое.

«Всего естественнѣе искать такъ называемаго чистаго искусства у грековъ. Дѣйствительно, красота, составляющая существенный элементъ искусства, была едва-ли не преобладающимъ элементомъ жизни этого народа. Оттого искусство его ближе всякаго другаго къ идеалу такъ называемаго чистаго искусства. Но, тѣмъ не менѣе, красота въ немъ была больше существенною формою всякаго содержанія, нежели самимъ содержаніемъ. Содержаніе же ему давали и религія и гражданская жизнь, но только всегда подъ очевиднымъ преобладаніемъ красоты. Стало быть, и самое греческое искусство только ближе другихъ къ идеалу абсолютнаго искусства, но нельзя назвать его абсолютнымъ, т. е. независимымъ отъ другихъ сторонъ національной жизни. Обыкновенно ссылаются на Шекспира и особенно на Гёте, какъ на представителей свободнаго, чистаго искусства; но это одно изъ самыхъ неудачныхъ указаній. Что Шекспиръ величайшій творческій геній, поэтъ по преимуществу, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; но тѣ плохо понимаютъ его, кто изъ-за его поэзіи не видитъ богатаго содержанія, неистощимаго рудника уроковъ и фактовъ для психолога, философа, историка, государственнаго человѣка и т. д. Шекспиръ все передаетъ черезъ поэзію, но передаваемое далеко оттого, чтобы принадлежать одной поэзіи. Вообще характеръ новаго искусства— перевѣсъ важности содержанія надъ важностью формы, тогда какъ характеръ древняго искусства—равновѣсіе содержанія и формы. Ссылка на Гёте еще неудачнѣе, нежели ссылка на Шекспира. Мы докажемъ это двумя примѣрами. Въ «Современникѣ» прошлаго года напечатанъ былъ переводъ гетевскаго романа «Wahlverwandschaften», о которомъ и на Руси было иногда толковано печатно: въ Германіи же онъ пользуется страшнымъ почетомъ, о немъ написаны тамъ горы статей и цѣлыя книги. Не знаемъ, до какой степени понравился онъ русской публикѣ, и даже понравился-ли онъ ей: наше дѣло было познакомить ее съ замѣчательнымъ произведеніемъ великаго поэта. Мы даже думаемъ, что романъ этотъ больше удивилъ нашу публику, нежели понравился ей. Въ самомъ дѣлѣ, тутъ многому можно удивиться! Дѣвушка переписываетъ

отчеты по управленію имѣніемъ; герой романа замѣчаетъ, что въ ея конiи, чѣмъ дальше, тѣмъ больше почеркъ ея становится похожъ на его почеркъ. «Ты любишь меня!» восклицаетъ онъ, бросаясь ей на шею. Повторяемъ: такая черта не одной нашей, но и всякой другой публикѣ не можетъ не показаться странною. Но для нѣмцевъ она нисколько не странна, потому что это черта нѣмецкой жизни, вѣрно схваченная. Такихъ чертъ въ этомъ романѣ найдется довольно; многіе сочтутъ, пожалуй, и весь романъ не за что иное, какъ за такую черту... Не значитъ ли это, что романъ Гёте написанъ до того подъ вліяніемъ нѣмецкой общественности, что внѣ Германіи онъ кажется чѣмъ-то странно-необыкновеннымъ? Но *Фаустъ* Гёте, конечно, вездѣ—великое созданіе. На него въ особенности любятъ указывать какъ на образецъ чистаго искусства, не подчиняющагося ничему, кромѣ собственныхъ, одному ему свойственныхъ законовъ. И, однакожъ—не въ осудъ будь сказано почтѣннымъ рыцарямъ чистаго искусства—*Фаустъ* есть полное отраженіе всей жизни современнаго ему нѣмецкаго общества. Въ немъ выразилось все философское движеніе Германіи въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго столѣтія. Не даромъ послѣдователи школы Гегеля цитовали безпрестанно, въ своихъ лекціяхъ и философскихъ трактатахъ, стихи изъ *Фауста*. Не даромъ также, во второй части *Фауста*, Гете безпрестанно впадалъ въ аллегорію, часто темную и непонятную по отвлеченности идей. Гдѣ жь тутъ чистое искусство?

«Мы видѣли, что и греческое искусство только ближе всякаго другого къ идеалу такъ называемаго чистаго искусства, но не осуществляетъ его вполнѣ, что же касается до новѣйшаго искусства, оно всегда было далеко отъ этого идеала, а въ настоящее время еще больше отдалилось отъ него; но это-то и составляетъ его силу. Собственно художественный интересъ не могъ не уступить мѣста другимъ важнѣйшимъ для человѣчества интересамъ, и искусство благородно взялось служить имъ, въ качествѣ ихъ органа. Но отъ этого оно нисколько не перестало быть искусствомъ, а только получило новый характеръ. Отнимать у искусства право служить общественнымъ интересамъ, значитъ не возвышать, а унижать его, потому что это значитъ лишать его самой живой силы, т. е. мысли, дѣлать его предметомъ какого-то сибаритскаго наслажденія, игрушкою праздныхъ лѣнивцевъ. Это значитъ даже убивать его, чему доказательствомъ можетъ служить жалкое положеніе живописи нашего времени. Какъ будто не замѣчая кипящей вокругъ него жизни, съ закрытыми глазами на все живое, современное, дѣйствительное, это искусство ищетъ вдохновенія въ отжившемъ прошедшемъ, беретъ оттуда готовые идеалы, къ которымъ люди давно уже охладѣли, которые никого уже не интересуютъ, не грѣютъ, ни въ комъ не пробуждаютъ живаго сочувствія.

«Платонъ считалъ униженіемъ, профанаціею науки приложеніе геометріи къ ремесламъ. Это понятно въ такомъ восторженномъ идеалистѣ и романтикѣ, гражданинѣ маленькой республики, гдѣ общественная жизнь была такъ проста и немногосложна; но въ наше время она не имѣетъ даже оригинальности милой нелѣпости. Говорятъ, Диккенсъ своими романами сильно способствовалъ въ Англіи улучшенію учебныхъ заведеній, въ которыхъ все основано было на безпощадномъ дранѣ розгами и варварскомъ обращеніи съ дѣтьми. Что жь тутъ дурнаго, спросимъ мы, если Диккенсъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ какъ поэтъ? Развѣ отъ этого романы его хуже въ эстетическомъ отношеніи? Здѣсь явное недоразумѣніе: видятъ, что искусство и наука не одно и то же, а не видятъ, что ихъ различіе вовсе не въ содержаніи, а только въ способѣ обрабатывать данное содержаніе. Философъ говоритъ силлогизмами, поэтъ—образами и картинами, а говорятъ оба они одно и то же. Политико-экономъ, вооружась статистическими числами, *доказываетъ*, дѣйствуя на умъ своихъ читателей или слушателей, что положеніе такого-то класса въ обществѣ много улучшилось или много ухудшилось, вслѣдствіе такихъ-то и такихъ-то причинъ. Поэтъ, вооружась живымъ и яркимъ изображеніемъ дѣйствительности, *показываетъ*, въ вѣрной картинѣ, дѣйствуя на фантазію своихъ читателей, что положеніе такого-то класса въ обществѣ, дѣйствительно, много улучшилось или ухудшилось, отъ такихъ-то и такихъ-то причинъ. Одинъ *доказываетъ*, другой *показываетъ*, оба *убѣждаютъ*, только одинъ логическими доводами, другой—картинами. Но перваго слушаютъ и понимаютъ немногіе, другаго—

всѣ. Высочайшій и священнѣйшій интересъ общества есть его собственное благосостояніе, равно простертое на каждаго изъ его членовъ. Путь къ этому благосостоянію—сознаніе, а сознанію искусство можетъ способствовать не меньше науки. Тутъ и наука и искусство равно необходимы, и ни наука не можетъ замѣнить искусства, ни искусство науки.

«Дурное, ошибочное пониманіе истины не уничтожаетъ самой истины. Если мы видимъ иногда людей, даже умныхъ и благонамѣренныхъ, которые берутся за изложеніе общественныхъ вопросовъ въ поэтической формѣ, не имѣя отъ природы ни искры поэтическаго дарованія, изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что такіе вопросы чужды искусству и губятъ его. Если бы эти люди вздумали служить чистому искусству, ихъ паденіе было бы еще разительнѣе. Плохъ, напримѣръ, былъ забытый теперь романъ *Панъ Подстоличъ*, вышедшій назадъ тому больше десяти лѣтъ и написанный съ похвальною цѣлію—представить картину состоянія бѣлорусскихъ крестьянъ; но все же онъ былъ не совсѣмъ безполезенъ, и хоть съ страшною скукою, но прочли же иные. Конечно, авторъ лучше достигъ бы своей благородной цѣли, если бы содержаніе своего романа изложилъ въ формѣ записокъ или замѣтокъ наблюдателя, не спускаясь въ поэзію; но если бы онъ взялся написать романъ чисто-поэтическій, онъ еще меньше достигъ бы своей цѣли».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

БѢЛИНСКІЙ.

Бываютъ писатели, пользующіеся незавиднымъ счастіемъ ни въ комъ не возбуждать неудовольствія своими сочиненіями, не вызывать никого на противорѣчіе себѣ, не имѣть противниковъ. Незавидно это счастіе, потому что оно достается только людямъ пустымъ, занимающимся единственно реторическими распространеніями банальныхъ фразъ. Истина только потому и называется истиною, что противоположна заблужденію, лжи; а если существуетъ заблужденіе, то люди, его раздѣляющіе, станутъ, конечно, возражать противъ истины: если есть ложь, то люди, ее поддерживающіе, станутъ вооружаться противъ человѣка, ее разрушающаго. Не только въ искусствѣ, не только въ нравственныхъ, философскихъ, общественныхъ вопросахъ ни одна дѣльная мысль не можетъ быть высказана, не подавая повода къ возраженіямъ, даже въ математическихъ наукахъ, столь точныхъ и доказательныхъ, истина никогда не принималась безъ противорѣчія со стороны многихъ. Ньютоновъ законъ тяготѣнія долго казался нелѣпостью большинству астрономовъ. «Небесная Механика» Лапласа до сихъ поръ возбуждаетъ споры. Только учебники ариѳметики не находятъ противорѣчія, потому что все ихъ содержаніе ограничивается осязательными истинами. Только писатели безъ убѣжденій, безъ образа мыслей, безъ содержанія и смысла умѣютъ говорить такъ, что ни въ комъ не пробуждаютъ желанія спорить противъ ихъ пустословія.

Бѣлинскій, человѣкъ съ твердыми убѣжденіями,—человѣкъ, высказавшій много важныхъ и новыхъ въ нашей литературѣ истинъ, не могъ не имѣть многихъ противниковъ. Онъ касался живыхъ вопросовъ: потому во многихъ людяхъ, интересы которыхъ основывались на господствующихъ заблужденіяхъ, вражда противъ него доходила до непримиримаго ожесточенія. Не широки размѣры русской литературы, но горы бумаги были исписаны возраженіями и обвиненіями противъ Бѣлинскаго.

Каждый человѣкъ имѣетъ свои недостатки, каждый можетъ ошибаться; у всякаго писателя есть свои слабыя стороны. Надобно было бы предполагать, что въ сотняхъ обвиненій, въ тысячахъ возраженій противъ Бѣлинскаго найдутся нѣкоторыя справедливыя указанія на его недостатки и ошибки: вѣдь

натурально, не былъ же онъ изъятъ отъ общей человѣческой участи не быть непогрѣшительнымъ. Между противниками Бѣлинскаго были люди очень умные, напр., Н. А. Полевой, были люди, считавшіеся учеными (которыхъ не исчисляемъ, потому что людямъ, считающимся учеными, нѣтъ числа: ихъ у насъ едва ли не больше, нежели людей грамотныхъ). Много лѣтъ, со всевозможною старательностію, они искали у Бѣлинскаго ошибокъ, чтобъ имѣть случай побранить его. Какъ бы, казалось, не найти? И находили. Но удивительны были эти находки. О нѣкоторыхъ обвиненіяхъ мы уже говорили: это чистыя выдумки,—напримѣръ, фраза, будто бы онъ возстаетъ противъ славныхъ нашихъ писателей, когда, напротивъ, онъ упрочилъ за ними въ исторіи литературы почетное, быть можетъ, даже слишкомъ почетное мѣсто; другая фраза, будто бы его требованія были слишкомъ велики, когда, напротивъ, они были чрезвычайно умѣренны [1])—странно и вспомнить о такихъ несообразныхъ съ фактами обвиненіяхъ. А это были едва ли еще не самыя лучшія; другія еще гораздо болѣе странны. Неудачность всѣхъ нападеній на Бѣлинскаго объясняется, впрочемъ, очень просто: во первыхъ, во всемъ существенномъ правда была на его сторонѣ, какъ то всегда бываетъ въ дѣятельности, служащей дѣйствительному прогрессу; а мелочныхъ недостатковъ не могли его противники открыть у него, потому что были люди отсталые или непроницательные и вообще не понимали дѣйствительнаго положенія ученыхъ вопросовъ, о которыхъ шла рѣчь, а жизненные вопросы понимали превратнымъ или пристрастнымъ образомъ. Оттого-то обвиненія, которыя высказывались ими, были направлены совершенно неудачно. Два-три примѣра мы уже видѣли. Не менѣе забавно то обвиненіе, которое относилось къ предмету, изложенному нами во второй половинѣ предъидущей статьи.

Каждый, кто перечитываетъ статьи Бѣлинскаго въ хронологическомъ порядкѣ, видитъ, что онѣ тѣсно связаны между собою, что въ развитіи его мнѣній нѣтъ ни перерыва, ни внезапныхъ поворотовъ, что это развитіе совершалось правильно и совершенно постепенно, почти неуловимымъ образомъ; а, между тѣмъ, находились люди, съ удивительною мѣткостію обвинявшіе Бѣлинскаго въ томъ, что «нынѣ онъ самъ противорѣчитъ тому, что говорилъ за мѣсяцъ». Какъ могло возникнуть мнѣніе, столь очевидно противорѣчившее всѣмъ извѣстной твердости и послѣдовательности убѣжденій Бѣлинскаго? Дѣло въ томъ, что люди, не одаренные излишнею проницательностію, вѣчно останавливаются на отдѣльныхъ фразахъ, не вникая въ связь и смыслъ рѣчи, и потому имъ постоянно грезятся противорѣчія. Въ одной статьѣ Бѣлинскаго говорилось, напримѣръ, что, по сравненію съ англійскою, французскою, нѣмецкою литературами, русская все еще *очень бѣдна*; въ другой статьѣ говорилось, что нынѣ стала она *богаче* содержаніемъ, нежели была прежде. Вотъ и найдено противорѣчіе: Бѣлинскій иногда говоритъ, что наша литература

[1]) Нѣтъ сомнѣнія, что если теперь желанія образованнѣйшей части публики таковы, что могутъ быть удовлетворены очень легко (доказательства тому были даны публикою въ послѣдее время очень осязательнымъ образомъ), за это надо много благодарить Бѣлинскаго, всѣми силами старавшагося пріучить насъ предпочитать дѣйствительное, хотя бъ и скромнее удовлетвореніе фантазерскимъ желаніямъ, и положительно указавшаго намъ мѣру разумныхъ требованій.

бѣдна, иногда, что она богата. Таковы-то всегда были противорѣчія, въ которыхъ упрекали Бѣлинскаго. Иногда онъ и самъ наводилъ своихъ обвинителей на подобныя открытія: замѣтивъ какую нибудь ошибку въ той или другой изъ прежнихъ своихъ статей, онъ безъ всякой ложной робости самъ указывалъ эту ошибку. Особенную радость доставилъ его противникамъ слѣдующій случай. Когда вышелъ «Тарантасъ» гр. Соллогуба, Бѣлинскому сначала показалось, что авторъ вѣритъ въ разумность тѣхъ преобразованій въ нравахъ, предположенія о которыхъ излагаются въ его книгѣ, и въ краткомъ извѣщеніи о выходѣ «Тарантаса» мнѣніе о книгѣ произносится съ этой точки зрѣнія. Когда Бѣлинскій внимательнѣе вдумался въ идею «Тарантаса», ему показалось, что во многихъ странныхъ мнѣніяхъ можно оправдать автора, предположивъ, что онъ высказываетъ ихъ иронически; потому въ большой критической статьѣ о «Тарантасѣ» (которая помѣщена въ слѣдующей книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ») было сказано: «беремъ назадъ свои слова» — какой превосходный случай кричать о шаткости убѣжденій Бѣлинскаго! А, между тѣмъ, стоитъ только сличить рецензію, которая отвергалась критическою статьею, съ соотвѣтствующими мѣстами этой послѣдней, и мы увидимъ, что различіе между ними ничтожно: если бы самъ Бѣлинскій не высказалъ, что взглядъ его измѣнился, никто бы того и не могъ замѣтить [1]).

---

[1]) Въ краткой рецензіи («Отечественныя Записки» 1845 г., № 4) говорилось:

«Тарантасъ» графа Соллогуба—сочиненіе оригинальное и интересное. Это пестрый калейдоскопъ парадоксовъ, иногда оригинальныхъ, иногда странныхъ, замѣтокъ самыхъ вѣрныхъ, наблюденій самыхъ тонкихъ, съ выводами, иногда поражающими своею истинностью, мыслей необыкновенно умныхъ, картинъ яркихъ, художественно набросанныхъ, разсужденій дѣльныхъ, чувствъ горячихъ и благородныхъ, иногда доводящихъ автора до крайности и односторонности въ убѣжденіяхъ. Это книга живая, пестрая, одушевленная, разнообразная, — книга, которая возбуждаетъ въ душѣ читателя вопросы, тревожитъ его убѣжденія, вызываетъ его на споры и заставляетъ его съ уваженіемъ смотрѣть даже и на тѣ мысли автора, съ которыми онъ не соглашается. Это не романъ, не повѣсть, не путешествіе, не философскій трактатъ, не журнальная статья, но и то, и другое, и третье вмѣстѣ. Авторъ является въ своей книгѣ и литераторомъ, и художникомъ, и публицистомъ, и мыслителемъ».

А въ критической статьѣ, появившейся черезъ мѣсяцъ («Отечественныя Записки» 1845 г., № 5), было сказано:

«Многіе видятъ въ «Тарантасѣ» какое-то двойственное произведеніе, въ которомъ сторона непосредственнаго, художественнаго представленія дѣйствительности превосходна, а сторона воззрѣній автора на эту дѣйствительность, его мыслей о ней, будто бы исполнена парадоксовъ, оскорбляющихъ въ читателѣ чувство истины. Подобное мнѣніе несправедливо. Тѣ, кому оно принадлежитъ, не довольно глубоко вникли въ идею автора, и *объективную* вѣрность, съ какою изобразилъ онъ характеръ одного изъ героевъ «Тарантаса»—*Ивана Васильевича*—приняли за выраженіе его личныхъ убѣжденій, тогда какъ на самомъ дѣлѣ авторъ «Тарантаса» столько можетъ отвѣчать за мнѣнія героя своего *юмористическаго* разсказа, сколько, напримѣръ, Гоголь можетъ отвѣчать за чувства, понятія и поступки дѣйствующихъ лицъ въ его *Ревизорѣ* или *Мертвыхъ Душахъ*. Между тѣмъ, ошибочный взглядъ лучшей части читателей на «Тарантасъ» очень понятенъ: при первомъ чтеніи, можетъ показаться, будто бы авторъ не чуждъ желанія, хотя и не прямо, а предположительно, высказать, черезъ Ивана Васильевича, нѣкоторыя изъ своихъ воззрѣній на русское общество, — и тѣмъ легче увлечься подобнымъ ошибочнымъ мнѣніемъ, что необыкновенный талантъ автора и его мастерство живописать дѣйствительность лишаютъ читателя способности спокойно смотрѣть на картины, которыя такъ быстро и живо проходятъ передъ его глазами. Мы сами на первый разъ увлеклись рѣзкимъ противорѣчіемъ, которое находится между этими безпрестанно смѣняющимися и безпрестанно поражающими новымъ удивленіемъ картинами и между странными—чтобъ не сказать: нелѣпыми—мнѣніями Ивана Васильевича. Это заставило насъ забыть, что мы читаемъ не легкіе очерки, не силуэты, а произведеніе, въ которомъ характеры дѣйствующихъ лицъ выдержаны художественно, и въ которомъ нѣтъ ничего произвольнаго, но все необходимо проистекаетъ изъ глубокой идеи, лежащей въ основаніи произведенія. Такимъ образомъ, беремъ назадъ свое выраженіе въ рецензіи о «Тарантасѣ» (въ 4-й книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ»), что въ немъ

Обстоятельство это само по себѣ вовсе не важно, и только такой строгій къ себѣ человѣкъ, какъ Бѣлинскій, могъ почесть нужнымъ указывать ошибку, и незначительную и незамѣтную. А если-бъ вздумалось ему совершенно прикрыть ее, это было бы очень легко: стоило только употребить въ критической статьѣ оборотъ такого рода: «въ предъидущей книжкѣ мы сказали, что «Тарантасъ» наполненъ парадоксами», и, перефразировавъ прежнее сужденіе, продолжать: «да, авторъ часто вдается въ крайности, въ односторонность.— это тѣмъ страннѣе, что самъ онъ очень часто и удачно подсмѣивается надъ

вмѣстѣ съ дѣльными мыслями, много и парадоксовъ. Только въ XV и XVI главахъ авторъ «Тарантаса» говоритъ съ читателемъ отъ своего лица; и вотъ—кстати замѣтить—эти-то главы больше всего сбиваютъ читателя съ толку, раздвоя въ его умѣ произведеніе графа Соллогуба и ужасая его множествомъ страшныхъ парадоксовъ. Но мы не скажемъ, чтобъ это были парадоксы: это скорѣе мнѣнія, съ которыми нельзя согласиться безусловно и которыя вызываютъ на споръ. Послѣднее обстоятельство даетъ имъ полное право на книжное существованіе: съ чѣмъ можно спорить и что стоитъ спора, то имѣетъ право быть написаннымъ и напечатаннымъ. Есть книги, имѣющія удивительную способность смертельно наскучать читателю, даже говоря все истину и правду, съ которою читатель вполнѣ соглашается; и, наоборотъ, есть книги, которыя имѣютъ еще болѣе удивительную способность заинтересовать и завлечь читателя именно противоположностью ихъ направленія съ его убѣжденіями; онѣ служатъ для читателя повѣркою его собственныхъ вѣрованій, потому что, прочитавъ такую книгу, онъ или вовсе отказывается отъ своего убѣжденія, или умѣряетъ его, или, наконецъ, еще болѣе въ немъ утверждается. Такой книгѣ охотно можно простить даже и парадоксы, тѣмъ болѣе, если они искренны и авторъ ихъ далекъ отъ того, чтобъ подозрѣвать въ нихъ парадоксы. Вотъ другое дѣло—парадоксы умышленные, порожденные эгоистическимъ желаніемъ поддержать вопіющую ложь въ пользу касты или лица: такіе парадоксы не стоятъ опроверженія и спора; презрительная насмѣшка—единственное достойное ихъ наказаніе»...

Разница, какъ видимъ, состоитъ единственно въ томъ, что прежде Бѣлинскому многія изъ мыслей, излагаемыхъ Иваномъ Васильевымъ, казались мнѣніями самого автора: потомъ ему вздумалось, что можно предполагать въ изложеніи этихъ мнѣній тонкую иронію со стороны графа Соллогуба, и что только въ двухъ главахъ (разсказывающихъ воспитаніе Василія Ивановича и Ивана Васильевича) графъ Соллогубъ прямо излагаетъ свои собственныя понятія,— только изъ этихъ главъ можно заключать объ истинныхъ мнѣніяхъ автора: въ другихъ случаяхъ кажущіеся парадоксы, быть можетъ, скрываютъ подъ собою иронію. Но отъ этого новаго предположенія измѣнится только сужденіе о соображеніяхъ, руководившихъ авторомъ «Тарантаса», и только. Взглядъ самого Бѣлинскаго на вещи нимало не измѣняется отъ того, будетъ ли онъ спорить противъ одного Ивана Васильевича, или будетъ думать, что мысли, высказываемыя Иваномъ Васильевичемъ, отчасти раздѣляетъ и авторъ «Тарантаса». И, дѣйствительно, критическая статья о «Тарантасѣ» безпощадно опровергаетъ парадоксы, все равно, отъ лица ли Ивана Васильевича, или отъ лица автора они высказываются. Вотъ, напримѣръ, начало разбора XV главы, разсказывающей біографію Василія Ивановича: иронія критика нимало не смягчается тѣмъ, что мнѣнія, имъ опровергаемыя, излагаются прямо отъ лица автора:

Изобразивъ съ такою поразительною вѣрностью «воспитаніе» *Василія Ивановича* и сказавъ, что даже и оно не испортило его доброй натуры, авторъ удивляется тому, что всѣ наши дѣды и прадѣды воспитывались такъ же, какъ и *Василій Ивановичъ*, а, между тѣмъ, не въ примѣръ намъ, были отличнѣйшіе люди, съ твердыми правилами, что особенно доказывается тѣмъ, что они «крѣпко хранили, не по логическому убѣжденію, а по *какому-то странному* (?) внушенію (?!), любовь ко всѣмъ нашимъ отечественнымъ постановленіямъ» (*стр.* 179). Здѣсь авторъ что-то темновато разсуждаетъ; но сколько можемъ мы понять, подъ отечественными постановленіями онъ разумѣетъ старые обычаи, которыхъ наши дѣды и прадѣды, дѣйствительно, крѣпко держались. Кому не извѣстно, чего стоило Петру Великому сбрить бороду только съ малѣйшей части своихъ подданныхъ? Впрочемъ, добродѣтель, которая возбуждаетъ такой энтузіазмъ въ авторѣ «Тарантаса», и которая заключается въ крѣпкомъ храненіи старыхъ обычаевъ, именно изъ того и вытекала, что наши дѣды и прадѣды, какъ говоритъ графъ Соллогубъ, были точно «люди не грамотные» (*стр.* 179). Мы не можемъ прійти въ себя отъ удивленія, не понимая, чему же авторъ тутъ удивляется... Эта добродѣтель и теперь еще сохранилась на Руси, именно между старообрядцами разныхъ толковъ, которые, какъ извѣстно, въ грамотѣ очень не сильны. Китайцы тоже отличаются этою добродѣтелью, именно потому, что они, при своей грамотности, ужасные невѣжды и обскуранты. Но еще больше китайцевъ отличаются этою добродѣтелью безчисленныя породы безсловесныхъ, которыя совсѣмъ не способны знать грамотѣ, и которыя до сихъ поръ живутъ точь-въ-точь, какъ жили ихъ предки съ перваго дня созданія... Вотъ, если бы авторъ «Тарантаса» нашелъ гдѣ-нибудь людей просвѣщенныхъ и образованныхъ, но которые крѣпко держатся старыхъ обычаевъ, и удивился бы этому, тогда бы мы нисколько не удивились его удивленію и вполнѣ раздѣлили бы его...

этою односторонностью, выставляя съ тонкою ироніею нелѣпость понятій своего героя, Ивана Васильевича». Читатель согласится, что посредствомъ этого оборота легко было бы выразить все, что выражено въ выписанномъ нами отрывкѣ критической статьи, и съ тѣмъ сохранить совершенное внѣшнее согласіе этой статьи съ прежнимъ отзывомъ. Такъ постоянно и дѣлаютъ почти всѣ писатели. Только немногіе, слишкомъ твердые въ своихъ основныхъ убѣжденіяхъ, слишкомъ ясно понимающіе, что они идутъ во всемъ существенномъ по прямой дорогѣ, не боятся сами выставлять на видъ всѣ свои ошибки [1]).

Исторія съ «Тарантасомъ», нами разсказанная, была самымъ важнымъ изъ тѣхъ случаевъ, на которые ссылались противники Бѣлинскаго въ доказательство шаткости его мнѣній; другіе доводы ихъ были еще забавнѣе; но было бы слишкомъ долго припоминать эти другіе случаи. Наша литература вообще имѣетъ еще слишкомъ мало опытности, и только этимъ объясняется возможность до чрезвычайности странныхъ недоразумѣній и невѣроятныхъ промаховъ, примѣры которыхъ такъ часты въ ней. Въ самомъ дѣлѣ, правдопо-

Мы не будемъ говорить, какъ *Василій Ивановичъ* служилъ въ Казани, плясалъ на одномъ балу *казачка* и влюбился въ свою даму; но мы не можемъ пропустить *рацеи* его «дражайшаго родителя», въ отвѣтъ на «покорнѣйшую» просьбу «послушнѣйшаго» сына о благословленіи на бракъ: «Вишь, щенокъ, что затѣялъ; еще на губахъ молоко не обсохло, а ужь о бабѣ думаетъ». Отъ матери онъ услышалъ то же самое. Воля мужа была ей закономъ. «Даромъ, что пьяница», думала она, «а все-таки мужъ». При этомъ, авторъ не могъ удержаться отъ восклицанія: «такъ думали въ старину»! Хорошо думали въ старину! прибавимъ мы отъ себя. Когда милый «тятенька» Василія Ивановича умеръ отъ сивухи, добрые его крестьяне горько о немъ плакали: картина была умилительная... Авторъ очень остроумно замѣчаетъ, что «любовь мужика къ барину есть любовь врожденная и *почти неизъяснимая*»: мы въ этомъ столько же увѣрены, какъ и онъ... Наконецъ, *Василій Ивановичъ* женился и поѣхалъ въ Мордасы; на границѣ помѣстья, всѣ мужики, *стоя на кольняхъ*, ожидали молодыхъ съ хлѣбомъ и солью. «Русскіе крестьяне—говоритъ авторъ—не кричатъ виватовъ, не выходятъ изъ себя отъ восторга, но *тихо* и *трогательно* выражаютъ свою преданность, и *жалокъ тотъ, кто* видитъ въ нихъ только лукавыхъ, безсловесныхъ рабовъ и не вѣруетъ въ ихъ искренность» (*стр.* 187). Объ этомъ предметѣ мы опять думаемъ точно такъ же, какъ самъ авторъ. Еслибъ *Василій Ивановичъ* спросилъ у своего старосты, отчего крестьяне такъ радуются, староста, навѣрное, отвѣтилъ бы:

. . . . они
На радости, тебя увидя, пляшутъ.

[1]) Говоря строго, надобно признаться, что ошибки въ настоящемъ случаѣ не было вовсе, и что Бѣлинскій не имѣлъ основательной причины брать назадъ прежнія слова. Авторъ «Тарантаса» очевидно подсмѣивается во многихъ случаяхъ надъ Иваномъ Васильичемъ; но столь же очевидно, что во многихъ случаяхъ онъ выставляетъ его сужденія, какъ основательныя и справедливыя. Потому обѣ фразы: «въ парадоксахъ «Тарантаса» скрывается иронія» и «парадоксы эти высказываются какъ положительная истина»,—обѣ эти фразы равно могутъ быть употреблены, равно близки къ правдѣ: на однѣхъ страницахъ «Тарантаса» выставляется нелѣпымъ то самое, что на другихъ представляется глубокою мудростью. Противорѣчіе въ книгѣ, а не въ критикѣ.

Мы изложили дѣло въ томъ видѣ, какъ оно было понято большинствомъ тогдашней публики и литераторовъ, принявшихъ оговорку Бѣлинскаго въ серьезномъ смыслѣ. На самомъ же дѣлѣ ближе къ правдѣ было бы другое понятіе о ея смыслѣ. Критическая статья о «Тарантасѣ» написана очень ѣдко; нелѣпость мнѣній Ивана Васильича обнаруживается въ ней самымъ колкимъ образомъ. Потому слова: «эти мнѣнія не должны быть приписываемы автору, онъ самъ вмѣстѣ съ нами смѣется надъ ними и написалъ книгу свою именно съ тою цѣлію, чтобъ обнаружить ихъ нелѣпости»,—слова эти, по всей вѣроятности, внушены только желаніемъ оказать возможную пощаду писателю, эти слова внушены деликатностію,—другаго смысла не слѣдовало бы и искать въ нихъ. Такимъ образомъ, всѣ громкія выходки противъ Бѣлинскаго, будто бы въ самомъ дѣлѣ отказывавшагося отъ мнѣнія, высказаннаго за мѣсяцъ.—всѣ эти выходки были, по настоящему, основаны на недогадливости о смыслѣ его оговорки. Примѣрами такой недогадливости богата бѣдная исторія нашей литературы.

добное ли дѣло, чтобы писателя, подобнаго Бѣлинскому, могли обвинять въ шаткости мнѣній, когда скорѣе можно было говорить о чрезвычайномъ упорствѣ его? Ни въ одной изъ западно-европейскихъ литературъ, болѣе опытныхъ, такое странное недоразумѣніе невозможно.

Мы не безъ намѣренія останавливаемся на обвиненіяхъ противъ Бѣлинскаго, хотя они по своей совершенной пустотѣ не заслуживаютъ ни малѣйшаго вниманія: для характеристики положенія нашей литературы они имѣютъ свою цѣну. Важность историческаго явленія опредѣляется не только его безотносительнымъ содержаніемъ, но и сравненіемъ его съ другими окружающими явленіями. Отсталость, мелочность или пустота направленій, которыя существовали въ русской литературѣ внѣ критики Бѣлинскаго, заставляютъ насъ вдвойнѣ дорожить этою критикою [1]).

Чѣмъ внимательнѣе будемъ мы сравнивать въ хронологическомъ порядкѣ всѣ статьи, написанныя Бѣлинскимъ, тѣмъ очевиднѣе будетъ обнаруживаться, что развитіе его понятій совершалось совершенно логически, постепеннымъ, почти неуловимымъ образомъ. И представленное въ предъидущей статьѣ сравненіе шести годичныхъ отчетовъ его о русской литературѣ, въ «Отеч. Запискахъ», служитъ уже достаточнымъ доказательствомъ тому. Продолжать это сравненіе и на два послѣдніе отчета, помѣщенные въ «Современникѣ», было бы излишне, потому что никто не утверждалъ, чтобы въ послѣднее время мнѣнія Бѣлинскаго измѣнялись; напротивъ того, подъ конецъ его жизни многіе стали говорить, что Бѣлинскій началъ повторяться, что его новыя статьи не болѣе, какъ перифразы прежнихъ—мнѣніе, столь же основательное, какъ и всѣ упреки, разсмотрѣнные нами прежде. Повторимъ: наша литература такъ молода и неопытна, что безпрестанно встрѣчаются въ ней самыя наивныя недоразумѣнія, для разъясненія которыхъ надобно бываетъ серьезно и подробно разсуждать о самыхъ элементарныхъ понятіяхъ.

Бѣлинскій писалъ критическія статьи о русской литературѣ впродолженіе четырнадцати лѣтъ. Онѣ разсѣяны по нѣсколькимъ журналамъ. Читатели журналовъ постоянно смѣняются одни другими. Изъ пятидесяти человѣкъ, читавшихъ «Отечественныя Записки» 1845 года, едва ли одинъ былъ знакомъ съ «Телескопомъ» 1835 года и едва ли пять человѣкъ слѣдили за «Отеч. Записками» съ 1840 года; изъ десяти человѣкъ, читавшихъ «Современникъ» 1847 года, едва ли одинъ читалъ «Отеч. Записки» за всѣ предъидущіе годы. Возможно ли было бы въ статьѣ «Отеч. Зап.» 1845 г. уклониться отъ необходимаго объясненія того или другаго понятія на томъ основаніи, что оно ужъ объяснено въ «Телескопѣ» 1835 г., когда изъ людей, для которыхъ писана статья 1845 г., только очень немногіе были знакомы съ этимъ прежъ-

[1]) Нѣтъ надобности повторять, что Бѣлинскаго должно считать только дальнѣйшимъ представителемъ направленія, считавшаго между своими послѣдователями почти всѣхъ даровитыхъ и образованныхъ русскихъ писателей, и что, говоря: «внѣ критики Бѣлинскаго были только пустота и отсталость», мы говоримъ только: «внѣ направленія, представителемъ котораго въ критикѣ былъ Бѣлинскій, нѣтъ ничего замѣчательнаго или плодотворнаго», а вовсе не имѣемъ желанія уменьшать заслуги другихъ полезныхъ дѣятелей того времени, раздѣлявшихъ съ Бѣлинскимъ честь быть выразителями живыхъ мыслей. Бѣлинскій былъ, какъ мы уже говорили, только одинъ, первый или дѣятельнѣйшій изъ многихъ.

нимъ объясненіемъ? Критическая статья пишется для публики, она должна имѣть въ виду, что различные годы даже одного и того же журнала имѣютъ постоянно измѣняющійся кругъ читателей. Оттого повторенія въ критическихъ статьяхъ неизбѣжны. Такъ всегда и бываетъ у всѣхъ писателей, занимающихся критикою. Конечно, если соединить въ одинъ переплетъ всѣ статьи Бѣлинскаго, многія страницы этого сборника будутъ заключать повторенія, — но должно помнить, что эти статьи были разсѣяны по сотнямъ книгъ. Избѣгать повтореній было бы въ критическомъ писателѣ страннымъ педантствомъ—безъ повтореній ни одна изъ его статей не была бы понятна и для десятой доли своихъ читателей. Возьмите любой сборникъ критическихъ статей автора, писавшаго впродолженіе многихъ лѣтъ, и вы увидите, что половина его страницъ заключаетъ повтореніе сказаннаго въ другой половинѣ. У насъ теперь въ модѣ критическія статьи Маколея—укажемъ хотя на нихъ: просматривая этотъ сборникъ, вы въ двадцати мѣстахъ найдете одни и тѣ же разсужденія о временахъ Елисаветы, о реформаціи въ Англіи, о вліяніи на ходъ англійской исторіи островитянскаго положенія Англіи, о вліяніи того обстоятельства, что въ Англіи долго не было постоянной арміи, и т. д., и т. д. Но въ Англіи никому не можетъ придти въ голову упрекать за то Маколея, говорить, что онъ повторяется, что онъ исписался; а у насъ говорилось это о Бѣлинскомъ, и говорившіе не подозрѣвали, что говорятъ несообразно съ здравымъ смысломъ.

Впрочемъ, мало сказать, что повторенія для Бѣлинскаго были столь же необходимы, какъ, напримѣръ, для Маколея: они были для русскаго критика гораздо необходимѣе, нежели для англійскаго. Это зависитъ отъ различнаго положенія и литературы нашей и публики.

Мнѣнія, которыя излагаетъ Маколей, излагаются сотнями другихъ англійскихъ писателей; они занесены въ книги, которыя находятся въ библіотекѣ каждаго имѣющаго библіотеку хотя изъ сотни книгъ (а число такихъ людей въ Англіи въ тысячу разъ больше, нежели у насъ),—и однако же, Маколею было необходимо двадцать разъ повторять одну и ту же мысль. У насъ не то. Мнѣній, которыя излагались Бѣлинскимъ, вы не могли найти ни въ одной русской книгѣ, ни въ одномъ журналѣ, кромѣ того, въ которомъ писалъ онъ.

Европейская публика привыкла къ дѣятельной умственной жизни. Она приготовлена ко всякой новой мысли, готова съ перваго раза замѣтить и оцѣнить ее. У насъ—мы хотѣли бы сказать: у насъ то же самое, но факты говорятъ совершенно не то. У насъ даже старыя мысли, если только въ нихъ есть что нибудь живое, возбуждаютъ недоумѣніе, будто неслыханная новость—вотъ и свидѣтельство о томъ, съ какимъ успѣхомъ бывали замѣчены и оцѣнены эти старыя мысли, когда являлись въ нашей литературѣ новыми. Намъ нужно твердить, твердить и твердить, чтобы въ нашемъ вниманіи, въ нашей памяти утвердилось наконецъ то, о чемъ мы читаемъ.

Не споримъ, есть у насъ люди, составляющіе исключеніе изъ этого правила—слишкомъ грустно было бы, если бы и того не было—но журнальныя статьи пишутся не для людей, составляющихъ исключеніе. А если кто вздумалъ бы сомнѣваться въ справедливости сказаннаго нами, то очень легко привести доказательства, не покидая рѣчи о Бѣлинскомъ: сколько въ послѣдніе годы было случаевъ, что однихъ писателей хвалили, другихъ осуждали за но-

выя, будто бы, мысли, а, между тѣмъ, эти мысли были заимствованы изъ статей Бѣлинскаго, да, въ довершеніе эффектности доказательства въ нашу пользу, обыкновенно принадлежали къ числу мыслей, которыя чаще всего повторялъ онъ. Примѣровъ легко набрать десятки. Укажемъ только одинъ, истинно восхитительный: когда была мода на библіографію, прославившіеся въ то время библіографы были превозносимы особенно за то, что чрезъ нихъ критическая исторія нашей литературы воздвигается на основаніи совершенно новомъ—на основаніи разработки фактовъ, о необходимости которой (будто бы) прежде у насъ и не думали, считая (будто бы) подробное изслѣдованіе фактовъ безполезнымъ. Къ этимъ похваламъ присоединялись упреки Бѣлинскому за то, что онъ, самъ (будто бы) пренебрегая разработкою фактовъ, доказывалъ (будто бы) безполезность ея. Говорить это можно было только, забывъ или вовсе никогда не имѣвъ понятія, что, при всякомъ удобномъ случаѣ, Бѣлинскій твердилъ о необходимости разработки фактовъ, возбуждалъ къ нея неутомимо, ободрялъ каждый сколько нибудь сносный опытъ въ этомъ родѣ. Надобно прибавить, что онъ самъ неутомимо занимался этою разработкою и собралъ для исторіи нашей литературы во сто разъ больше фактовъ, нежели кто нибудь изъ современныхъ ему или позднѣйшихъ писателей по части исторіи литературы. Такихъ восхитительныхъ примѣровъ можно было бы найти очень много въ журналахъ нашихъ за пятидесятые годы. Эти ошибки, кажется, слишкомъ ясно доказываютъ, что память у насъ довольно коротка, и что слишкомъ упорно нужно твердить намъ одну и ту же мысль, чтобы она сколько нибудь вошла въ наше сознаніе.

По необходимому условію критической дѣятельности, у Бѣлинскаго часто встрѣчаются повторенія основныхъ мыслей, и тѣ, которые видѣли въ этомъ неизбѣжномъ качествѣ всякой критики особенный недостатокъ Бѣлинскаго, обнаруживали только свое незнакомство съ понятіями объ условіяхъ, сообразно съ которыми долженъ дѣйствовать критикъ. Но тѣ, которые выводили изъ этихъ повтореній заключеніе, что въ послѣдніе годы Бѣлинскій только повторялъ сказанное имъ прежде, не прибавляя ничего новаго, что онъ исписался,—эти строгіе судьи обнаруживали, что они не въ состояніи даже понимать смысла читаемыхъ статей и въ своихъ сужденіяхъ руководятся только отыскиваніемъ сходныхъ словъ. Въ 1842 году Бѣлинскій говорилъ о значеніи Ломоносова, и въ 1847 также—этого было для нихъ довольно: они рѣшали, что въ 1847 году онъ не сказалъ о Ломоносовѣ ничего больше, какъ то, что говорилъ за пять лѣтъ. А, между тѣмъ, стоило бы только сравнить соотвѣтствующія страницы въ двухъ обзорахъ, и они увидѣли бы, что въ 1847 году Бѣлинскій, кратко упоминая о тѣхъ вопросахъ по поводу Ломоносова, которые объяснилъ прежде, главное вниманіе обращаетъ на вопросы, которыхъ прежде не касался. Общаго между двумя этими эпизодами только то, что они говорятъ объ одномъ писателѣ и написаны по одному и тому же общему понятію о характерѣ его сочиненій,—они согласны между собою въ общемъ взглядѣ на Ломоносова; но ихъ содержаніе, частныя мысли, въ нихъ развиваемыя, совершенно различны. Въ 1842 году Бѣлинскій доказывалъ, что оды Ломоносова внушены не жизнью, а подражаніемъ иноземной реторической поэзіи. Почему такъ было и могло ли быть иначе, при тогдаш-

немъ положеніи русской умственной жизни, объ этомъ онъ не говорилъ въ 1842 году. Въ 1847 году, кратко упомянувъ, что поэзія Ломоносова есть поэзія подражательная, Бѣлинскій не останавливается на этомъ фактѣ, а объясняетъ его необходимость, доказываетъ, что именно по своей подражательности оды Ломоносова удовлетворяли потребностямъ того времени, что подражаніе явленіямъ цивилизованной жизни было тогда для насъ необходимѣйшимъ и плодотворнѣйшимъ дѣломъ—спрашивается: неужели содержаніе этого эпизода не совершенно ново въ сравненіи съ содержаніемъ прежняго эпизода? Чудно устроенъ свѣтъ, и хорошо, что не нашимъ противникамъ Бѣлинскаго пришлось рѣшать вопросъ объ отношеніи, напримѣръ, Нибура къ Титу Ливію или Адама Смита къ Ксенофонту: они тотчасъ бы открыли, что англійскій экономистъ не болѣе, какъ повторилъ греческаго, а нѣмецкій историкъ—латинскаго. Въ самомъ дѣлѣ, предметы одни и тѣ же у нихъ: Нибуръ и Титъ Ливій, оба говорятъ о Ромулѣ и Нумѣ, о Цинциннатѣ и Камиллѣ; Адамъ Смитъ и Ксенофонтъ, оба говорятъ о государственныхъ доходахъ и расходахъ, о земледѣліи и ремеслахъ. Какое намъ дѣло до того, что въ сочиненіи одного разсматриваются одни вопросы, въ сочиненіи другаго—совершенно другіе? Обѣ книги имѣютъ одинъ общій предметъ, одинаковое заглавіе—чего же больше? Не ясно ли, что позднѣйшая изъ двухъ книгъ должна быть повтореніемъ болѣе старой? зачѣмъ вникать въ смыслъ?—это дѣло не безопасное, да и не всякому оно по силамъ.

Кто вникаетъ въ смыслъ, не ограничивая своего разумѣнія исключительно именами и словами, тому, конечно, всегда казался чистою нелѣпостію упрекъ Бѣлинскому за повтореніе стараго или даже и за неподвижность. Трудно даже повѣрить, чтобы кому нибудь могло придти на мысль выбрать такую тему для своихъ филиппикъ; а, между тѣмъ, Бѣлинскаго, дѣйствительно, постоянно упрекали въ томъ, что онъ вѣчно повторяетъ одно и то же, хотя для всякаго читавшаго его статьи поразительнѣйшею чертою въ дѣятельности этого писателя должно было бы представляться постоянное стремленіе его впередъ. Вообще, говоря объ упрекахъ, какіе дѣлались Бѣлинскому, чувствуешь себя совершенно неловко, какъ бы разсуждалъ о томъ, справедливо ли упрекать Волгу за то, что вода стоитъ въ ней неподвижно. Что дѣлать съ такимъ мнѣніемъ о неподвижности воды Волги? Объяснять его неумѣстность кажется оскорбительнымъ для глазъ и здраваго смысла; а, между тѣмъ, попробуйте не отвѣчать, если кто нибудь выскажетъ его,—и человѣкъ, высказавшій этотъ остроумный упрекъ, будетъ воображать, что онъ остается правъ. А если такихъ остроумныхъ людей много, то на совѣсти вашей будетъ лежать тяжелый грѣхъ, когда вы оставите ихъ въ заблужденіи.

Мы приведемъ еще только одинъ примѣръ въ опроверженіе страннаго заблужденія, о которомъ упомянули сейчасъ.

Рядъ статей Бѣлинскаго о Пушкинѣ, безъ всякаго сомнѣнія, представляетъ одно стройное цѣлое; всѣ эти статьи написаны подъ вліяніемъ одной мысли, по одному общему плану, и, кажется, до сихъ поръ никому еще не приходило въ голову утверждать, чтобы статьи эти въ чемъ нибудь противорѣчили одна другой или чтобы общій планъ не былъ въ нихъ строго соблюденъ. Однако же, перечитывая статьи о Пушкинѣ, изъ которыхъ первая по-

мѣщена въ шестой книгѣ «Отеч. Зап.» 1843 года, а послѣдняя въ одиннадцатой книгѣ 1846 года, невозможно не замѣтить, что взглядъ Бѣлинскаго постепенно становится все шире и глубже, а содержаніе статей все рѣшительнѣе проникается интересами національной жизни. Такъ, напримѣръ, въ началѣ первой статьи значеніе Пушкина объясняется преимущественно съ художественной точки зрѣнія, а въ заключеніи послѣдней статьи сильнѣе, нежели чисто художественное достоинство произведеній Пушкина, выставляется на видъ значеніе его дѣятельности для нашего общества, въ которомъ его поэзіею пробуждалась гуманность [1]). Четвертая статья, разсматривающая лицейскія стихотворенія Пушкина, занимается преимущественно формальнымъ объясненіемъ той связи, въ какой манера Пушкина находится съ манерами предшествовавшихъ ему поэтовъ. Шестая, говорящая о «Русланѣ и Людмилѣ», «Кавказскомъ Плѣнникѣ», «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ», «Братьяхъ Разбойникахъ», ограничивается чисто литературными сужденіями объ этихъ произведеніяхъ; но въ седьмой статьѣ («Цыганы», «Полтава») понятія Алеко о любви уже служатъ поводомъ къ эпизоду о нравственныхъ понятіяхъ, а въ осьмой и девятой статьяхъ, заключающихъ разборъ «Онѣгина», эпизоды подобнаго рода занимаютъ уже наибольшее число страницъ. Такъ, перечитывая статьи, составляющія, повидимому, совершенно однородное цѣлое, строго выполненныя по заранѣе обдуманному плану, мы можемъ видѣть, какъ расширяется кругъ предметовъ, говорить о которыхъ Бѣлинскій считаетъ своею главною обязанностью, и какъ чисто литературный взглядъ его все болѣе и болѣе оживляется, соединяясь съ заботою о другихъ потребностяхъ общества, какъ самая литература все яснѣе и яснѣе является Бѣлинскому служительницею интересовъ не столько искусства, сколько общества.

Заговоривъ о тѣхъ упрекахъ, какіе дѣлались Бѣлинскому, мы хотимъ покончить съ этимъ предметомъ, и для того должны сказать нѣсколько словъ относительно обвиненія, столь же неосновательнаго въ сущности, какъ и всѣ предъидущія, но имѣвшаго, по крайней мѣрѣ, тѣнь внѣшняго правдоподобія для людей, которые судятъ объ умѣ и другихъ дарованіяхъ писателя не по его сочиненіямъ, а по формальнымъ обстоятельствамъ его жизни.

Лавуазье былъ генеральный откупщикъ, одинъ изъ самыхъ дѣльныхъ и дѣятельныхъ по финансовой части директоровъ огромнаго коммерческаго предпріятія; но онъ создалъ новѣйшую химію, и никто въ Европѣ не вздумалъ отвергать его заслуги наукѣ на томъ основаніи, что-де онъ былъ промышленникъ: некогда ему было основательно заниматься химіею. Вильгельмъ Гум-

[1]) Вотъ окончаніе послѣдней изъ статей о Пушкинѣ:

«Заключаемъ. Пушкинъ былъ по преимуществу поэтъ, художникъ и больше ничѣмъ не могъ быть по своей натурѣ. Онъ далъ намъ поэзію, какъ искусство, какъ художество. Потому онъ навсегда останется великимъ, образцовымъ мастеромъ поэзіи, учителемъ искусства. Къ особеннымъ свойствамъ его поэзіи принадлежитъ ея способность развивать въ людяхъ чувство изящнаго и чувство гуманности, разумѣя подъ этимъ словомъ безконечное уваженіе къ достоинству человѣка, какъ человѣка. Несмотря на генеалогическіе свои предразсудки, Пушкинъ по самой натурѣ своей былъ существомъ любящимъ, симпатичнымъ, готовымъ отъ полноты сердца протянуть руку каждому, кто казался ему «человѣкомъ». Несмотря на его пылкость, способную доходить до крайности, при характерѣ сильномъ и мощномъ, въ немъ было много дѣтски кроткаго, мягкаго и нѣжнаго, и все это отразилось въ его изящныхъ созданіяхъ».

больдтъ былъ дипломатъ, былъ министръ; но онъ написалъ геніальныя сочиненія по филологіи,—и никто въ Европѣ не думалъ отвергать достоинство этихъ сочиненій на томъ основаніи, что-де некогда было Гумбольдту основательно заниматься филологіею: онъ писалъ депеши, велъ переговоры и писалъ резолюціи на дѣловыхъ бумагахъ. Анкетиль Дюперронъ былъ матросомъ, потомъ слугою въ Остъ-Индіи,—но онъ первый изучилъ зендскій языкъ и познакомилъ Европу съ огнепоклонническою цивилизаціею,—и опять никто не вздумалъ спорить противъ него на томъ основаніи, что-де некогда матросу и лакею заниматься науками. Яковъ Бемъ, получивъ такое воспитаніе, которое едва научило его читать и писать, занялся для своего пропитанія сапожнымъ мастерствомъ и до конца жизни шилъ очень хорошіе сапоги, но, кромѣ того, написалъ геніальныя философскія творенія,—и опять-таки никто въ Европѣ не думаетъ говорить, что должны быть они плохи, потому-де, что куда же сапожнику быть хорошимъ философомъ: его дѣло тачать сапоги и сучить дратву.

Это происходитъ отъ недогадливости умныхъ и образованныхъ людей въ Европѣ. Они, бѣдняжки, не подумали о самомъ легкомъ и вѣрномъ средствѣ судить, хороши ли ученыя сочиненія такого-то автора. А вѣрнѣйшее средство это состоитъ въ томъ, чтобы спросить у автора: «покажи-ка намъ свои дипломы, скажи-ка, гдѣ ты кончилъ курсъ, какія ученыя общества приняли тебя въ число своихъ членовъ, какую должность ты занимаешь»? Есть дипломы у автора, занимаетъ онъ ученую должность,—значитъ и ученыя его сочиненія прекрасны.

Это правило съ успѣхомъ было у насъ примѣняемо къ Н. А. Полевому, но еще съ бо́льшимъ успѣхомъ къ Бѣлинскому. «Человѣкъ-де былъ не получившій никакихъ дипломовъ,—ну, и значитъ, не могъ основательно писать объ ученыхъ предметахъ».

Бѣлинскій не былъ ни сапожникомъ или матросомъ, ни дипломатомъ или банкиромъ, никакое житейское ремесло не отвлекало его отъ книгъ, но у него не было дипломовъ; какая же тутъ можетъ быть ученость, посудите сами.

Да посмотрите, догадливые судьи, на самыя сочиненія и рѣшайте вопросъ объ учености писателя по его твореніямъ.

Этого способа повѣрки своихъ знаній Бѣлинскій не можетъ бояться. Будущіе біографы Бѣлинскаго разскажутъ намъ, когда и чѣмъ именно онъ занимался и какъ пользовался доступными ему средствами для пріобрѣтенія знаній,—мы пишемъ не біографію, насъ занимаютъ здѣсь не люди, а только ихъ сочиненія,—и потому для насъ довольно знать, что изученіе сочиненій Бѣлинскаго самымъ неоспоримымъ образомъ опровергаетъ всякія сомнѣнія въ основательности его знаній. У насъ мало было писателей, которыхъ можно было бы сравнить съ нимъ въ этомъ отношеніи. Кажется, нельзя сказать, чтобы кругъ вопросовъ, обнимаемыхъ его сочиненіями, былъ тѣсенъ, а, между тѣмъ, положительно видишь, перечитывая его статьи, что обо всѣхъ вопросахъ, какихъ ни касался онъ, онъ имѣлъ понятія очень основательныя, которымъ могли бы позавидовать многіе ученые писатели.

Что же касается его спеціальной науки—исторіи русской литературы, онъ былъ и до сихъ поръ остается первымъ знатокомъ ея. Въ этомъ отно-

шеніи никто изъ нашихъ ученыхъ не могъ до сихъ поръ сравниться съ нимъ. Вообще, надобно признаться, Бѣлинскій, будучи значительнѣйшимъ изъ всѣхъ нашихъ критиковъ, былъ и однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ ученыхъ. Это фактъ, неоспоримо доказываемый его сочиненіями. Сомнѣваться въ томъ значитъ обнаруживать или недостатокъ научнаго образованія въ себѣ, или свое незнакомство съ сочиненіями Бѣлинскаго.

Для иныхъ (впрочемъ, можно быть увѣреннымъ, очень немногихъ) можетъ показаться излишнею суровостью съ нашей стороны то, что мы не дѣлали ни малѣйшихъ уступокъ въ пользу людей, осыпавшихъ Бѣлинскаго упреками и обвиненіями,—неужели, въ самомъ дѣлѣ, эти люди были совершенно неправы?—Совершенно неправы,—и тутъ нѣтъ ничего особеннаго или страннаго для людей, имѣющихъ понятіе объ исторіи, которая очень часто говоритъ о случаяхъ совершенно подобныхъ, часто показываетъ намъ, что одна изъ боровшихся партій была совершенно права, и всѣ обвиненія, взводившіяся на нее противниками, были совершенно ложны, происходя единственно отъ недальновидности, невѣжества, неблагонамѣренности и тому подобныхъ отрицательныхъ качествъ. «Но неужели, могутъ спросить насъ далѣе, вы хотите доказать, что критическая дѣятельность Бѣлинскаго—полное осуществленіе абсолютнаго идеала критики»?—Дѣло вовсе не въ томъ. Каждый писатель сынъ своего вѣка, и когда развитіе мысли съ теченіемъ времени становится выше той степени, которая была свойственна его эпохѣ, когда являются воззрѣнія болѣе полныя и глубокія, нежели каковы были его воззрѣнія, тогда, конечно, его произведенія перестаютъ быть совершенно удовлетворительными. Мы нимало не сомнѣваемся въ томъ, что будущее развитіе человѣческой мысли далеко превзойдетъ своею полнотою и глубиною все, что произвела мысль нашего вѣка; мы увѣрены и въ томъ, что русской литературѣ предстоитъ великое развитіе, и что для того времени, когда настанетъ эта эпоха высшаго развитія, будетъ казаться неудовлетворительнымъ все существовавшее или существующее нынѣ въ русской литературѣ, въ томъ числѣ и критика Бѣлинскаго. Соображая аналогическій ходъ развитія другихъ литературъ, мы можемъ даже предусматривать, какія именно стороны нашей нынѣшней литературы будутъ казаться слабыми для того времени, можемъ предвидѣть и то, чѣмъ критика, соотвѣтствующая духу того времени, будетъ отличаться отъ критики Бѣлинскаго: она будетъ гораздо требовательнѣе, и, сравнительно съ нею, критика Бѣлинскаго будетъ казаться слишкомъ умѣренною въ своихъ требованіяхъ, слишкомъ уклончивою или даже слишкомъ слабою по выраженію этихъ требованій; предметы, о которыхъ тогда будетъ вести рѣчь русская литература, будутъ важнѣе, нежели были до сихъ поръ,—потому и критика будетъ находить недостойнымъ своего вниманія многое, что кажется въ нынѣшней литературѣ дѣломъ великой важности. Но эта эпоха еще впереди, и скоро ли настанетъ она, трудно рѣшить: что будетъ, можно предвидѣть, скоро ли и какимъ образомъ будетъ, нельзя сказать.

Предварительныя объясненія наши кончены, и мы теперь можемъ приступить къ подробному изложенію литературныхъ мнѣній Бѣлинскаго. Въ этомъ дѣлѣ мы постоянно будемъ приводить его собственныя слова, и трудъ нашъ ограничивается только выборомъ важнѣйшихъ мѣстъ изъ его послѣднихъ статей. Для большей точности, мы не будемъ даже отступать ни отъ того порядка, въ которомъ писаны были онѣ, ни отъ того порядка, въ которомъ излагаются эти мысли въ каждой статьѣ: мы просто представимъ извлеченіе изъ послѣднихъ статей Бѣлинскаго, зная, что это будетъ пріятнѣе всего для читателей, полезнѣе всего для литературы.

Начинаемъ наши извлеченія анализомъ статьи Бѣлинскаго, помѣщенной въ «Петербургскомъ Сборникѣ» — «Мысли и замѣтки о русской литературѣ».

Безотносительное достоинство нашей литературы, по мнѣнію Бѣлинскаго, еще не очень велико. Это понятіе важно, потому что мы, радуясь своимъ успѣхамъ, слишкомъ наклонны воображать, что уже недалеко осталось намъ до того, чтобы стоять на ряду съ образованнѣйшими народами и отдыхать на воображаемыхъ лаврахъ. Необходимо напоминать намъ, что эта высокая мечта не болѣе, какъ мечта. Если мы чѣмъ можемъ по справедливости гордиться, то, безъ сомнѣнія, литературою: она составляетъ лучшую сторону нашей жизни; а между тѣмъ, и литература наша до сихъ поръ находится въ состояніи, близкомъ къ младенчеству. Но, несмотря на свою слабость, для насъ она имѣетъ чрезвычайную важность:

«Какова бы ни была наша литература, во всякомъ случаѣ, ея значеніе для насъ гораздо важнѣе, нежели какъ можетъ оно казаться: въ ней, въ одной ей, вся наша умственная жизнь и вся поэзія нашей жизни. Только въ ея сферѣ перестаемъ мы быть Иванами и Петрами, а становимся просто людьми, обращаемся къ людямъ и съ людьми.

«Въ нашемъ обществѣ преобладаетъ духъ разъединенія: у каждаго нашего сословія все свое, особенное—и платье, и манеры, и образъ жизни, и обычаи, и даже языкъ. Духъ разъединенія враждебенъ обществу: общество соединяетъ людей, каста разъединяетъ ихъ. Этотъ духъ особности такъ силенъ у насъ, что даже и новыя сословія, возникшія изъ новаго порядка дѣлъ, основаннаго Петромъ Великимъ, не замедлили принять на себя особенные оттѣнки. Чему удивляться, что дворянинъ на купца, а купецъ на дворянина вовсе не походятъ, если иногда почти то же различіе существуетъ и между ученымъ и художникомъ?.. У насъ еще не перевелись ученые, которые всю жизнь остаются вѣрными благородной рѣшимости не понимать, что такое искусство и зачѣмъ оно; у насъ еще много художниковъ, которые и не подозрѣваютъ живой связи ихъ искусства съ наукою, съ литературою, съ жизнію. И потому сведите *такого* ученаго съ *такимъ* художникомъ, и вы увидите, что они будутъ или молчать, или перекидываться общими фразами... Несомнѣнно то, что у насъ есть сильная потребность общества и стремленіе къ обществу; а это уже важно. Реформа Петра Великаго не уничтожила, не разрушила стѣнъ, отдѣлявшихъ въ старомъ обществѣ одинъ классъ отъ другаго: но она подкопалась подъ основаніе этихъ стѣнъ и если не повалила, то наклонила ихъ на бокъ,—и теперь со дня на день онѣ все болѣе и болѣе клонятся, обсыпаются и засыпаются собственными своими обломками, собственнымъ своимъ щебнемъ и мусоромъ, такъ что починять ихъ значило бы придавать имъ тяжесть, которая, по причинѣ подрытаго ихъ основанія, только ускорила бы ихъ, и безъ того неизбѣжное, паденіе. И если теперь раздѣленныя этими стѣнами сословія не могутъ переходить черезъ нихъ, какъ черезъ ровную мостовую, зато легко могутъ перескакивать черезъ нихъ тамъ, гдѣ онѣ особенно пообвалились или пострадали отъ проломовъ. Все это прежде дѣлалось медленно и незамѣтно, теперь дѣлается и быстрѣе

и замѣтнѣе,—и близко время, когда все это очень скоро и начисто сдѣлается. Желѣзныя дороги пройдутъ и подъ стѣнами и черезъ стѣны, туннелями и мостами: усиленіемъ промышленности и торговли онѣ переплетутъ интересы людей всѣхъ сословій и классовъ и заставятъ ихъ вступить между собою въ тѣ живыя и тѣсныя отношенія, которыя невольно сглаживаютъ всѣ рѣзкія и ненужныя различія.

«Но начало этого сближенія сословій между собою, которое есть начало образующагося общества, отнюдь не принадлежитъ исключительно нашему времени: оно сливается съ началомъ нашей литературы. Общественное просвѣщеніе потекло у насъ въ началѣ ручейкомъ мелкимъ и едва замѣтнымъ, но зато изъ высшаго и благороднѣйшаго источника—изъ самой науки и литературы. Наука у насъ и теперь только укореняется, но еще не укоренилась, тогда какъ образованіе только еще не разрослось, но уже укоренилось. Листъ его мелокъ и рѣдокъ, стволъ не высокъ и не толстъ, но корень уже такъ глубокъ, что его не вырвать никакой бурѣ, никакому потоку, никакой силѣ: вырубите этотъ лѣсокъ въ одномъ мѣстѣ, но корень дастъ отпрыски въ другомъ, и вы скорѣе устанете вырубать, нежели устанетъ онъ давать новые отпрыски и разрастаться...

«Говоря объ успѣхахъ образованія нашего общества, мы говоримъ объ успѣхахъ нашей литературы, потому что наше образованіе есть непосредственное дѣйствіе нашей литературы на понятія и нравы общества. Литература наша создала нравы нашего общества, воспитала уже нѣсколько поколѣній, рѣзко отличающихся одно отъ другаго, положила начало внутреннему сближенію сословій, образовала родъ общественнаго мнѣнія и произвела нѣчто въ родѣ особеннаго класса въ обществѣ, который отъ обыкновеннаго *средняго сословія* отличается тѣмъ, что состоитъ не изъ купечества и мѣщанства только, но изъ людей всѣхъ сословій, сблизившихся между собою черезъ образованіе, которое у насъ исключительно сосредоточивается на любви къ литературѣ.

«Различіе литературнаго образованія общества перешло въ жизнь и раздѣлило людей на различно дѣйствующія, мыслящія и убѣжденныя поколѣнія, которыхъ живые споры и полемическія отношенія, выходя изъ принциповъ, а не изъ матеріальныхъ интересовъ, являютъ собою признаки возникающей и развивающейся въ обществѣ духовной жизни. И это великое дѣло есть дѣло нашей литературы!..

«Литература была для нашего общества живымъ источникомъ даже практическихъ нравственныхъ идей. Она началась сатирою и въ лицѣ Кантемира объявила нещадную войну невѣжеству, предразсудкамъ, сутяжничеству, ябедѣ, крючкотворству, лихоимству и казнокрадству, которыя она застала въ старомъ обществѣ не какъ пороки, но какъ правила жизни, какъ моральныя убѣжденія. Каковъ бы ни былъ талантъ Сумарокова, но его сатирическія нападки на «крапивное сѣмя» всегда будутъ заслуживать почетнаго упоминовенія отъ историка русской литературы. Комедіи фонъ-Визина были еще болѣе заслугою передъ обществомъ, нежели передъ литературою. Отчасти тоже можно сказать и объ «Ябедѣ» Капниста. Басня потому такъ хорошо и принялась у насъ, что она принадлежитъ къ сатирическому роду поэзіи. Самъ Державинъ, поэтъ по преимуществу лирическій, былъ въ то же время и сатирическимъ поэтомъ, какъ, напримѣръ, въ «Фелицѣ», «Вельможѣ» и другихъ пьесахъ. Наконецъ пришло время, когда въ нашей литературѣ сатира перешла въ юморъ, который высказывается въ художественномъ воспроизведеніи житейской дѣйствительности. Конечно, смѣшно было бы предполагать, чтобъ сатира, комедія, повѣсть или романъ могли исправить порочнаго человѣка: но нѣтъ сомнѣнія, что они, открывая глаза общества на самого же его, способствуя пробужденію его самосознанія, покрываютъ порочнаго презрѣніемъ и позоромъ. Не даромъ же многіе у насъ не могутъ безъ ненависти слушать имени Гоголя и его «Ревизора» называютъ «безнравственнымъ» сочиненіемъ, которое слѣдовало бы запретить. Равнымъ образомъ, теперь уже никто не будетъ такъ простодушенъ, чтобы думать, что комедія или повѣсть можетъ взяточника сдѣлать честнымъ человѣкомъ: нѣтъ! кривое дерево, когда оно уже выросло и потолстѣло, не сдѣлаешь прямымъ; но вѣдь у взяточниковъ такъ же бываютъ дѣти, какъ и у невзяточниковъ: тѣ и другія, еще не имѣя причинъ считать безнравственными яркія изображенія взяточничества, восхищаются ими и незамѣтно для самихъ себя обогащаются

такими впечатлѣніями, которыя не всегда оказываются безплодными въ ихъ послѣдующей жизни, когда они дѣлаются дѣйствительными членами общества. Впечатлѣнія юности сильны, и юность то и принимаетъ за несомнѣнную истину, что прежде всего поразило ея чувство, воображеніе и умъ. И вотъ какимъ образомъ дѣйствуетъ литература уже не на одно образованіе, но и на нравственное улучшеніе общества. Какъ бы то ни было, но это фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію, что только въ послѣднее время у насъ начало дѣлаться замѣтнымъ число людей, которые нравственныя убѣжденія стараются осуществлять на дѣлѣ, въ ущербъ своимъ личнымъ выгодамъ и во вредъ своему общественному положенію...

«Но менѣе этого неоспоримъ и тотъ фактъ, что литература служитъ у насъ точкою соединенія людей, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ *внутренно* разъединенныхъ. Мѣщанинъ Ломоносовъ, за свой талантъ и свою ученость, достигаетъ важныхъ чиновъ, и вельможи допускаютъ его въ свой кругъ. Бѣдный дворянинъ Державинъ, за свой талантъ, самъ дѣлается вельможею,—и между людьми, съ которыми сблизила его литература, онъ нашелъ не однихъ меценатовъ, но и друзей. Казанскій купецъ Каменевъ, написавшій балладу «Громвалъ», пріѣхавъ въ Москву по дѣламъ, пошелъ познакомиться съ Карамзинымъ, а черезъ него перезнакомился со всѣмъ московскимъ литературнымъ кругомъ. Это было назадъ тому *сорокъ лѣтъ*, когда купцы хаживали только въ переднія дворянскихъ домовъ, и то по дѣламъ, съ товарами или за должкомъ, объ уплатѣ котораго смиренно докучали. Первые журналы русскіе, которыхъ и самыя имена теперь забыты, издавались кружками молодыхъ людей, сблизившихся между собою чрезъ общую имъ всѣмъ страсть къ литературѣ. Образованность равняетъ людей. И въ наше время уже нисколько не рѣдкость встрѣтить дружескій кружокъ, въ которомъ найдется и знатный баринъ, и разночинецъ, и купецъ, и мѣщанинъ,—кружокъ, члены котораго совершенно забыли раздѣляющія ихъ внѣшнія различія и взаимно уважаютъ другъ въ другѣ просто людей. Вотъ истинное начало образованной общественности, созданное у насъ литературою. Кто изъ имѣющихъ право на имя человѣка не пожелаетъ отъ всей души, чтобъ эта общественность росла и увеличивалась не по днямъ, а по часамъ, какъ росли наши сказочные богатыри! Какъ все живое, общество должно быть органическимъ, то есть множествомъ людей, связанныхъ между собою *внутренно*. Денежные интересы, торговля, акціи, балы, собранія, танцы—тоже связь, но только внѣшняя, слѣдовательно, не живая, не органическая, хотя и необходимая и полезная. Внутренно связываютъ людей общіе нравственные интересы, сходство въ понятіяхъ, равенство въ образованіи и, при этомъ, взаимное уваженіе къ своему человѣческому достоинству. Но всѣ наши нравственные интересы, вся духовная жизнь наша сосредоточивалась до сихъ поръ и еще долго будетъ сосредоточиваться исключительно въ литературѣ: она живой источникъ, изъ котораго просачиваются въ общество всѣ человѣческія чувства и понятія...

«Любовь къ крайностямъ въ сужденіяхъ—одно изъ свойствъ еще не установившейся натуры русской: русскій человѣкъ любитъ или не въ мѣру хвастаться, или не въ мѣру скромничать.

«Пристаньте къ одной изъ этихъ партій, она сейчасъ же произведетъ васъ въ великіе люди, въ геніи, тогда какъ другая возненавидитъ и объявитъ бездарнымъ человѣкомъ. Но, во всякомъ случаѣ, имѣя враговъ, вы будете имѣть и друзей. Держась же безпристрастнаго, *трезваго* мнѣнія объ этомъ предметѣ, вы возстановите противъ себя обѣ стороны. Одна изъ нихъ обременитъ васъ своимъ моднымъ, попугайнымъ презрѣніемъ: другая, пожалуй, объявитъ васъ человѣкомъ безпокойнымъ, опаснымъ, подозрительнымъ, ренегатомъ и будетъ писать на васъ литературныя доносенія—разумѣется, публикѣ... Самое непріятное тутъ то, что вы не будете поняты, и въ вашихъ словахъ будутъ находить то неумѣренныя похвалы, то неумѣренную брань, но не будутъ видѣть въ нихъ вѣрной характеристики факта дѣйствительности, какъ онъ есть, со всѣмъ его добромъ и зломъ, достоинствами и недостатками, со всѣми противорѣчіями, которыя онъ носитъ въ самомъ себѣ. Это особенно прилагается къ нашей литературѣ, которая представляетъ собою столько крайностей и противорѣчій, что, сказавъ о ней что нибудь утвердительное, тотчасъ же должно сдѣлать оговорку, которая

большинству публики, больше любящему читать, нежели разсуждать, легко можетъ показаться отрицаніемъ или противорѣчіемъ. Такъ, напримѣръ, сказавъ о сильномъ и благотворномъ вліяніи нашей литературы на общество и, слѣдовательно, о ея великой для насъ важности, мы должны оговориться, чтобы этому вліянію и этой важности не приписали бо́льшихъ размѣровъ, нежели какіе мы разумѣли, и, такимъ образомъ, не вывели бы изъ нашихъ словъ такого заключенія, что мы не только имѣемъ литературу, но еще и богатую литературу, которая смѣло можетъ стать наравнѣ съ любою европейскою литературою. Подобное заключеніе было бы всячески ложно. У насъ есть литература, и литература, богатая талантами и произведеніями, если брать въ соображеніе ея средства и молодость,—но наша литература существуетъ только для насъ: для иностранцевъ же она еще вовсе не литература, и они имѣютъ полное право не признавать ея существованія, потому что они не могутъ черезъ нее изучать и узнавать насъ, какъ народъ, какъ общество. Литература наша слишкомъ молода, неопредѣленна и безцвѣтна для того, чтобы иностранцы могли видѣть въ ней фактъ нашей умственной жизни...

«Для иностранцевъ интереснѣе другихъ были бы въ хорошихъ переводахъ тѣ созданія Пушкина и Лермонтова, которыхъ содержаніе взято изъ русской жизни. Такимъ образомъ, *Евгеній Онѣгинъ* былъ бы для иностранцевъ интереснѣе *Моцарта и Сальери*, *Скупаго Рыцаря* и *Каменнаго Гостя*. И вотъ почему самый интересный для иностранцевъ русскій поэтъ есть Гоголь. Этотъ успѣхъ понятенъ: кромѣ огромности своего художническаго таланта, Гоголь строго держится въ своихъ сочиненіяхъ сферы русской *житейской* дѣйствительности. А это-то всего и интереснѣе для иностранцевъ: они хотятъ черезъ поэта знакомиться съ страною, которая произвела его. Въ этомъ отношеніи Гоголь—самый національный изъ русскихъ поэтовъ, и ему нельзя бояться перевода, хотя, по причинѣ самой національности его сочиненій, и въ лучшемъ переводѣ не можетъ не ослабиться ихъ колоритъ.

«Но и этимъ успѣхомъ не должно слишкомъ заноситься. Для поэта, который хочетъ, чтобъ геній его былъ признанъ вездѣ и всѣми, а не одними только его соотечественниками, національность есть первое, но не единственное условіе: необходимо еще, чтобъ, будучи *національнымъ*, онъ въ то же время былъ и *всемірнымъ*, то есть, чтобы національность его твореній была формою, тѣломъ, плотью, физіономіею, личностію духовнаго и безплотнаго міра общечеловѣческихъ идей. Другими словами: необходимо, чтобъ національный поэтъ имѣлъ великое *историческое* значеніе не для одного только своего отечества, но чтобы его явленіе имѣло *всемірно-историческое* значеніе. Такіе поэты могутъ являться только у народовъ, призванныхъ играть въ судьбахъ человѣчества всемірно-историческую роль, то есть своею національною жизнію имѣть вліяніе на ходъ и развитіе всего человѣчества. И потому, если, съ одной стороны, безъ великаго генія отъ природы, нельзя быть всемірно-историческимъ поэтомъ, то, съ другой стороны, и съ великимъ геніемъ иногда можно быть не всемірно-историческимъ поэтомъ, то есть имѣть важность только для одного своего народа. Здѣсь значеніе поэта зависитъ уже не отъ него самого, не отъ его дѣятельности, направленія, генія, но отъ значенія страны, которая произвела его. Съ этой точки зрѣнія, у насъ нѣтъ ни одного поэта, котораго мы имѣли бы право поставить наравнѣ съ первыми поэтами Европы».

Таланты есть повсюду и всегда; но не одни только таланты нужны для того, чтобы литература имѣла положительное достоинство, только содержаніе придаетъ истинную цѣну ея произведеніямъ.

«Почти каждый образованный французъ считаетъ необходимымъ имѣть въ своей библіотекѣ всѣхъ своихъ писателей, которыхъ общественное мнѣніе признало классическими. И онъ читаетъ и перечитываетъ ихъ всю жизнь свою. У насъ—что грѣха таить?—не всякій записной литераторъ считаетъ за нужное имѣть старыхъ писателей. И вообще у насъ всѣ охотнѣе покупаютъ новую книгу, нежели старую: старыхъ писателей у насъ почти никто не читаетъ, особенно тѣ, которые всѣхъ громче кричатъ о

ихъ геніи и славѣ. Это отчасти происходитъ оттого, что наше образованіе еще не установилось и образованныя потребности еще не обратились у насъ въ привычку. Но тутъ есть и другая, можетъ быть, еще болѣе существенная причина, которая не только объясняетъ, но частію и оправдываетъ это нравственное явленіе. Французы до сихъ поръ читаютъ, напримѣръ, Рабле, или Паскаля, писателей XVI и XVII вѣка; тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, потому что этихъ писателей и теперь читаютъ и изучаютъ не одни французы, но и нѣмцы, и англичане,—словомъ, люди всѣхъ образованныхъ націй. Языкъ этихъ писателей, и особенно Рабле, устарѣлъ: но *содержаніе* ихъ сочиненій всегда будетъ имѣть свой живой интересъ, потому что оно тѣсно связано со смысломъ и значеніемъ цѣлой исторической эпохи. Это доказываетъ ту истину, что только *содержаніе* можетъ спасти отъ забвенія писателя».

Источникъ, изъ котораго возникаетъ богатая литература,—богатство и сила умственной жизни въ обществѣ. У насъ этого еще нѣтъ:

«Вообще, вмѣстѣ съ удивительными и быстрыми успѣхами въ умственномъ и литературномъ образованіи, проглядываютъ у насъ какая-то незрѣлость, какая-то шаткость и неопредѣленность. Истины, въ другихъ литературахъ давно сдѣлавшіяся аксіомами, давно уже не возбуждающія споровъ и не требующія доказательствъ, у насъ все еще не подвергались сужденію, еще не всѣмъ извѣстны.

«Вспомните только, что произведеніе, вѣрно схватывающее какія нибудь черты общества, считается у насъ часто пасквилемъ, то на общество, то на сословіе, то на лица. Отъ нашей литературы требуютъ, чтобы она видѣла въ дѣйствительности только героевъ добродѣтели да мелодраматическихъ злодѣевъ, и чтобы она и не подозрѣвала, что въ обществѣ можетъ быть много смѣшныхъ, странныхъ и уродливыхъ явленій. Каждый, чтобъ ему было широко и просторно жить, готовъ, еслибъ могъ, запретить другимъ жить. Явился у насъ писатель, юмористическій талантъ котораго имѣлъ до того сильное вліяніе на всю литературу, что далъ ей совершенно новое направленіе. Его стали порочить. Хотѣли увѣрить публику, что онъ—Поль-де-Кокъ, живописецъ грязной, неумытой и непричесанной природы. Онъ не отвѣчалъ никому и шелъ себѣ впередъ. Публика, въ отношеніи къ нему, раздѣлилась на двѣ стороны, изъ которыхъ самая многочисленная была рѣшительно противъ него, что, впрочемъ, нисколько не мѣшало ей раскупить, читать и перечитывать его сочиненія. Наконецъ и большинство публики стало за него: что дѣлать порицателямъ? они начали признавать въ немъ талантъ, даже большой, хотя, по ихъ словамъ, идущій и не по настоящему пути, но, вмѣстѣ съ этимъ, стали давать знать и намекали прямо, что онъ, будто бы, унижаетъ все русское, оскорбляетъ почтенное сословіе чиновниковъ, и т. п. Всѣ мнѣнія находятъ у насъ мѣсто, просторъ, вниманіе и даже послѣдователей. Что же это, если не незрѣлость и не шаткость общественнаго мнѣнія? Но, со всѣмъ этимъ, истина и здравый вкусъ все-таки идутъ твердыми шагами и овладѣваютъ полемъ этой безпорядочной битвы мнѣній. Все это доказываетъ, что и литература и общество наше еще слишкомъ молоды и незрѣлы, но что въ нихъ кроется много здоровой жизненной силы, обѣщающей богатое развитіе въ будущемъ».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

БѢЛИНСКІЙ.

Продолжаемъ наши извлеченія изъ статей Бѣлинскаго. Намъ остается анализировать два послѣднія его годичныя обозрѣнія русской литературы—за 1846 и 1847 годы («Совр.» 1847 года, № 1. и 1848 года, №№ 1 и 3). Эти два обозрѣнія, вмѣстѣ съ статьею «Петербургскаго Сборника», отрывки изъ которой привели мы въ предъидущей главѣ, представляютъ довольно полное выраженіе общихъ литературныхъ воззрѣній Бѣлинскаго. Для перваго раза, эти извлеченія съ достаточною ясностью возобновляютъ въ памяти читателей личность геніальнаго нашего критика. Придетъ время, кто нибудь скажетъ намъ что нибудь новое, что нибудь лучшее. Въ нашемъ обществѣ, въ нашей литературѣ есть свѣжія силы, есть стремленіе впередъ, есть залоги для развитія болѣе живаго и широкаго, нежели все предъидущее. Пусть воспоминанія о Бѣлинскомъ утратятъ большую часть нынѣшняго живаго своего интереса для современности. Чѣмъ скорѣе это будетъ, тѣмъ лучше. А пока,—пока онъ все еще остается незамѣнимъ для нашей литературы.

«Взглядъ на русскую литературу 1846 года» начинается замѣчаніями о томъ, что характеръ современной русской литературы состоитъ въ болѣе и болѣе тѣсномъ сближеніи съ жизнью и дѣйствительностью, и что подобная характеристика можетъ быть умѣстна только относительно литературы очень молодой, мало еще развившейся, и начавшейся въ подражаніе иностраннымъ литературамъ, а не изъ самостоятельной національной жизни, что отрѣшеніе отъ подражательности, постепенное достиженіе самобытности есть главная черта въ исторіи нашей литературы, что и доказывается фактами. Выписки изъ этой части обзора были нами приводимы въ предъидущихъ главахъ. Наконецъ, говоритъ Бѣлинскій, въ произведеніяхъ Гоголя и писателей, имъ воспитанныхъ, наша литература явилась самобытною, стала вѣрнымъ изображеніемъ русской дѣйствительности и оттого получила въ глазахъ общества важное значеніе, какого прежде, по отсутствію живаго содержанія, она не имѣла. Въ беллетристикѣ старое реторическое направленіе совершенно безсильно; но въ беллетристики оно проявляется такъ называемымъ славянофильствомъ.

«Извѣстно, что въ глазахъ Карамзина Іоаннъ III было выше Петра Великаго, а до-петровская Русь лучше Россіи новой. Вотъ источникъ такъ называемаго славянофильства, которое мы, впрочемъ, во многихъ отношеніяхъ считаемъ весьма важнымъ явленіемъ, доказывающимъ, въ свою очередь, что время зрѣлости и возмужалости нашей литературы близко. Во времена дѣтства литературы всѣхъ занимаютъ вопросы, если даже и важные сами по себѣ, то не имѣющіе никакого дѣльнаго примѣненія къ жизни. Такъ называемое славянофильство, безъ всякаго сомнѣнія, касается самыхъ жизненныхъ, самыхъ важныхъ вопросовъ нашей общественности. Какъ оно ихъ касается и какъ оно къ нимъ относится — это другое дѣло. Но прежде всего славянофильство есть убѣжденіе, которое, какъ всякое убѣжденіе, заслуживаетъ полнаго уваженія, даже и въ такомъ случаѣ, если съ нимъ вовсе несогласны. Много можно сказать въ пользу славянофильства, говоря о причинахъ, вызвавшихъ его явленіе; но разсмотрѣвъ его ближе, нельзя не увидѣть, что существованіе и важность этой литературной котеріи чисто-отрицательныя, что она вызвана и живетъ не для себя, а для оправданія и утвержденія именно той идеи, на борьбу съ которою обрекла себя. Поэтому нѣтъ никакого интереса говорить съ славянофилами о томъ, чего они хотятъ, да и сами они неохотно говорятъ и пишутъ объ этомъ, хотя и не дѣлаютъ изъ этого никакой тайны. Дѣло въ томъ, что положительная сторона ихъ доктрины заключается въ какихъ-то предчувствіяхъ побѣды Востока надъ Западомъ. Но отрицательная сторона ихъ ученія гораздо болѣе заслуживаетъ вниманія, не въ томъ, что они говорятъ противъ гніющаго будто бы Запада, но въ томъ, что они говорятъ противъ русскаго европеизма, а объ этомъ они говорятъ много дѣльнаго, съ чѣмъ нельзя не согласиться хотя на половину, какъ, напримѣръ, что въ русской жизни есть какая-то двойственность, слѣдовательно, отсутствіе нравственнаго единства; что это лишаетъ насъ рѣзко выразившагося національнаго характера, какимъ отличаются почти всѣ европейскіе народы; что это дѣлаетъ насъ какими-то междоумками, которые хорошо умѣютъ мыслить по французски, по нѣмецки и по англійски, но никакъ не умѣютъ мыслить по-русски, и что причина всего этого въ реформѣ Петра Великаго. Все это справедливо до извѣстной степени. Но нельзя остановиться на признаніи справедливости какого бы то ни было факта, а должно изслѣдовать его причины, въ надеждѣ въ самомъ злѣ найти и средства къ выходу изъ него. Этого славянофилы не дѣлали и не сдѣлали; но зато они заставили, если не сдѣлать, то дѣлать это своихъ противниковъ. И вотъ гдѣ ихъ истинная заслуга. Заснуть въ самолюбивыхъ мечтахъ, о чемъ бы онѣ ни были — о нашей ли народной славѣ, или о нашемъ европеизмѣ, равно безплодно и вредно, потому что сонъ есть не жизнь, а только грезы о жизни: и нельзя не сказать спасибо тому, кто прерветъ такой сонъ. Въ самомъ дѣлѣ, никогда изученіе русской исторіи не имѣло такого серьезнаго характера, какой приняло оно въ послѣднее время. Мы вопрошаемъ и допрашиваемъ прошедшее, чтобы оно объяснило намъ наше настоящее и намекнуло о нашемъ будущемъ. Мы какъ будто испугались за нашу жизнь, за наше значеніе, за наше прошедшее и будущее, и скорѣе хотимъ рѣшить великій вопросъ: *Быть или не быть?* Тутъ уже дѣло идетъ не о томъ, откуда пришли варяги, съ запада или съ юга, изъ-за Балтійскаго, или изъ-за Чернаго моря, а о томъ, проходитъ ли черезъ нашу исторію какая нибудь живая органическая мысль, и если проходитъ, какая именно; какія наши отношенія къ нашему прошедшему, отъ котораго мы какъ будто оторваны, и къ Западу, съ которымъ мы какъ будто связаны. И результатомъ этихъ хлопотливыхъ и тревожныхъ изслѣдованій начинаетъ оказываться, что, во первыхъ, мы не такъ рѣзко оторваны отъ нашего прошедшаго, какъ думали, и не такъ тѣсно связаны съ Западомъ, какъ воображали. Съ другой стороны, обращаясь къ своему настоящему положенію, смотря на него глазами сомнѣнія и изслѣдованія, мы не можемъ не видѣть, какъ, во многихъ отношеніяхъ, смѣшно и жалко успокоилъ насъ нашъ русскій европеизмъ насчетъ нашихъ русскихъ недостатковъ, забѣливъ и зарумянивъ, но вовсе не изгладивъ ихъ. И въ этомъ отношеніи поѣздки за границу чрезвычайно полезны намъ: многіе изъ русскихъ отправляются туда рѣшительными европейцами, а возвращаются оттуда, сами не зная кѣмъ, и потому самому съ искреннимъ желаніемъ сдѣлаться русскими. Что же

все это означаетъ?—Неужели славянофилы правы, и реформа Петра Великаго только лишила насъ народности и сдѣлала междоумками? И неужели они правы, говоря, что намъ надо воротиться къ общественному устройству и нравамъ временъ не то баснословнаго Гостомысла, не то царя Алексѣя Михайловича (насчетъ этого сами господа славянофилы еще не условились между собою)?..

«Нѣтъ, это означаетъ совсѣмъ другое, а именно то, что Россія вполнѣ исчерпала, изжила эпоху преобразованія, что реформа совершила въ ней свое дѣло, сдѣлала для нея все, что могла и должна была сдѣлать, и что настало для Россіи время развиваться самобытно, изъ самой себя. Но миновать, перескочить, перепрыгнуть, такъ сказать, эпоху реформы и воротиться къ предшествовавшимъ ей временамъ—неужели это значитъ развиваться самобытно? Смѣшно было бы такъ думать уже по одному тому, что это такая же невозможность, какъ и перемѣнить порядокъ годовыхъ временъ, заставивъ за весною слѣдовать зиму, а за осенью—лѣто. Это значило бы еще признать явленіе Петра Великаго, его реформу и послѣдующія событія въ Россіи (можетъ быть, до самаго 1812 года—эпохи, съ которой началась новая жизнь для Россіи), признать ихъ случайными, какимъ-то тяжелымъ сномъ, который тотчасъ исчезаетъ и уничтожается, какъ скоро проснувшійся человѣкъ открываетъ глаза. Но такъ думать сродно только господамъ Маниловымъ. Подобныя событія въ жизни народа слишкомъ велики, чтобъ быть случайными, и жизнь народа не есть утлая лодочка, которой каждый можетъ давать произвольное направленіе легкимъ движеніемъ весла. Вмѣсто того, чтобъ думать о невозможномъ и смѣшить всѣхъ на свой счетъ самолюбивымъ вмѣшательствомъ въ историческія судьбы, гораздо лучше, признавъ неотразимую и неизмѣнимую дѣйствительность существующаго, дѣйствовать на его основаніи, руководясь разумомъ и здравымъ смысломъ, а не маниловскими фантазіями. Не объ измѣненіи того, что совершилось безъ нашего вѣдома и что смѣется надъ нашею волею, должны мы думать, а объ измѣненіи самихъ себя на основаніи уже указаннаго намъ пути высшею насъ волею. Дѣло въ томъ, что пора намъ перестать *казаться*, а начать *быть*, пора оставить, какъ дурную привычку, довольствоваться словами и европейскія формы и внѣшность принимать за европеизмъ. Скажемъ болѣе: пора намъ перестать восхищаться европейскимъ потому только, что оно не азіатское, но любить, уважать его, стремиться къ нему потому только, что оно *человѣческое*, и, на этомъ основаніи, все европейское, въ чемъ нѣтъ человѣческаго, отвергать съ такою же энергіею, какъ и все азіатское, въ чемъ нѣтъ человѣческаго.

«Повторяемъ: славянофилы правы во многихъ отношеніяхъ; но тѣмъ не менѣе ихъ роль чисто-отрицательная, хотя и полезная на время. Главная причина ихъ странныхъ выводовъ заключается въ томъ, что они произвольно упреждаютъ время, процессъ развитія принимаютъ за его результатъ, хотятъ видѣть плодъ прежде цвѣта и, находя листья безвкусными, объявляютъ плодъ гнилымъ и предлагаютъ огромный лѣсъ, разросшійся на необозримомъ пространствѣ, пересадить на другое мѣсто и приложить къ нему другаго рода уходъ. По ихъ мнѣнію, это не легко, но возможно! Они забыли, что новая петровская Россія такъ же молода, какъ и Сѣверная Америка, что въ будущемъ ей представляется гораздо больше, чѣмъ въ прошедшемъ. Они забыли, что въ разгарѣ процесса часто особенно бросаются въ глаза именно тѣ явленія, которыя, по окончаніи процесса, должны исчезнуть, и часто не видно именно того, что впослѣдствіи должно явиться результатомъ процесса. Въ этомъ отношеніи Россію нечего сравнивать со старыми государствами Европы, которыхъ исторія шла діаметрально противоположно нашей и давно уже дала и цвѣтъ и плодъ. Безъ всякаго сомнѣнія, русскому легче усвоить себѣ взглядъ француза, англичанина или нѣмца, нежели мыслить самостоятельно, но русски, потому что то готовый взглядъ, съ которымъ равно легко знакомитъ его и наука и современная дѣятельность, тогда какъ онъ, въ отношеніи къ самому себѣ, еще загадка, потому что еще загадка для него значеніе и судьба его отечества, гдѣ все зародыши, зачатки и ничего опредѣленнаго, развившагося, сформировавшагося. Разумѣется, въ этомъ есть нѣчто грустное, но зато какъ много и утѣшительнаго въ этомъ же самомъ! Дубъ ростетъ медленно, зато живетъ вѣка. Человѣку сродно желать скораго совершенія своихъ желаній; но скороспѣлость геніальна:

намъ болѣе, чѣмъ кому другому, должно убѣдиться въ этой истинѣ. Извѣстно, что французы, англичане, нѣмцы такъ національны каждый по своему, что не въ состояніи понимать другъ друга,—тогда какъ русскому равно доступны и соціальность француза, и практическая дѣятельность англичанина, и туманная философія нѣмца. Одни видятъ въ этомъ наше превосходство передъ всѣми другими народами, другіе выводятъ изъ этого весьма печальныя заключенія о безхарактерности, которую воспитала въ насъ реформа Петра: потому что, говорятъ они, у кого нѣтъ своей жизни, тому легко поддѣлываться подъ чужую, у кого нѣтъ своихъ интересовъ, тому легко принимать чужіе; но поддѣлываться подъ чужую жизнь не значитъ жить, понять чужіе интересы не значитъ усвоить ихъ себѣ. Въ послѣднемъ мнѣніи много правды, но не совсѣмъ лишено истины и первое мнѣніе, какъ ни заносчиво оно. Прежде всего мы скажемъ, что рѣшительно не вѣримъ въ возможность крѣпкаго политическаго и государственнаго существованія народовъ, лишенныхъ національности, слѣдовательно, живущихъ чисто-внѣшнею жизнію. Въ Европѣ есть одно такое искусственное государство, склеенное изъ многихъ національностей; но кому же не извѣстно, что его крѣпость и сила—до поры до времени?.. Намъ, русскимъ, нечего сомнѣваться въ нашемъ политическомъ и государственномъ значеніи: изъ всѣхъ славянскихъ племенъ только мы сложились въ крѣпкое и могучее государство и какъ до Петра Великаго, такъ и послѣ него, до настоящей минуты, выдержали съ честью не одно суровое испытаніе судьбы, не разъ были на краю гибели и всегда успѣвали спасаться отъ нея и потомъ являться въ новой и большей силѣ и крѣпости. Въ народѣ, чуждомъ внутренняго развитія, не можетъ быть этой крѣпости, этой силы. Да, въ насъ есть національная жизнь; мы призваны сказать міру свое слово, свою мысль; но каково это слово, какова мысль,—объ этомъ пока еще рано намъ хлопотать. Наши внуки или правнуки узнаютъ это безъ всякихъ усилій напряженнаго разгадыванія, потому что это слово, эта мысль будетъ сказана ими...

«Что же касается до многосторонности, съ какою русскій человѣкъ понимаетъ чуждыя ему національности,—въ этомъ заключаются равно и его слабая и его сильныя стороны. Слабая потому, что этой многосторонности, дѣйствительно, много помогаетъ его настоящая независимость отъ односторонности собственныхъ національныхъ интересовъ. Но можно сказать съ достовѣрностью, что эта независимость только *помогаетъ* этой многосторонности: а едва ли можно сказать съ какою нибудь достовѣрностью, чтобы она *производила* ее. По крайней мѣрѣ, намъ кажется, что было бы слишкомъ смѣло приписывать положенію то, что всего болѣе должно приписывать природной даровитости. Не любя гаданій и мечтаній и пуще всего боясь произвольныхъ, личныхъ выводовъ, мы не утверждаемъ за непреложное, что русскому народу предназначено выразить въ своей національности наиболѣе богатое и многостороннее содержаніе, и что въ этомъ заключается причина его удивительной способности воспринимать и усвоивать себѣ все чуждое ему; но смѣемъ думать, что подобная мысль, какъ предположеніе, высказываемое безъ самохвальства и фанатизма, не лишена основанія»..

«...На свѣтѣ нѣтъ ничего безусловно важнаго или неважнаго. Противъ этой истины могутъ спорить только тѣ исключительно теоретическія натуры, которыя до тѣхъ поръ и умны, пока носятся въ общихъ отвлеченностяхъ, а какъ скоро спустятся въ сферу приложеній общаго къ частному, словомъ, въ міръ дѣйствительности, тотчасъ оказываются сомнительными на счетъ нормальнаго состоянія ихъ мозга. Итакъ, все на свѣтѣ только относительно важно или не важно, велико или мало, старо или ново. «Какъ —скажутъ намъ—и истина, и добродѣтель—понятія относительныя»? Нѣтъ, какъ *понятіе*, какъ *мысль*, онѣ безусловны и вѣчны; но какъ *осуществленіе*, какъ *фактъ*, онѣ относительны. Идеи истины и добра признавались всѣми народами, во всѣ вѣка; но что непреложная истина, что добро для одного народа или вѣка, то часто бываетъ ложью и зломъ для другаго народа, въ другой вѣкъ. Поэтому безусловный или абсолютный способъ сужденія есть самый легкій, но зато и самый ненадежный; теперь онъ называется абстрактнымъ или отвлеченнымъ. Ничего нѣтъ легче, какъ опредѣлить, чѣмъ долженъ быть человѣкъ въ нравственномъ отношеніи; но ни-

чего нѣтъ труднѣе, какъ показать, почему вотъ этотъ человѣкъ сдѣлался тѣмъ, что онъ есть, а не сдѣлался тѣмъ, чѣмъ бы ему, по теоріи нравственной философіи, слѣдовало быть.

«Вотъ точка зрѣнія, съ которой мы находимъ признаки зрѣлости современной русской литературы въ явленіяхъ, повидимому, самыхъ обыкновенныхъ. Присмотритесь, прислушайтесь: о чемъ больше всего толкуютъ наши журналы? — о народности, о дѣйствительности. На что больше всего нападаютъ они?—на романтизмъ, мечтательность, отвлеченность. О нѣкоторыхъ изъ этихъ предметовъ много было толковъ и прежде, да не тотъ они имѣли смыслъ, не то значеніе. Понятіе о дѣйствительности совершенно новое; на романтизмъ прежде смотрѣли, какъ на альфу и омегу человѣческой мудрости, и въ немъ одномъ искали рѣшенія всѣхъ вопросовъ; понятіе о народности имѣло прежде исключительно литературное значеніе, безъ всякаго приложенія къ жизни. Оно, если хотите, и теперь обращается преимущественно въ сферѣ литературы, но разница въ томъ, что литература-то теперь сдѣлалась эхомъ жизни. Какъ судятъ теперь объ этихъ предметахъ — вопросъ другой. По обыкновенію, одни лучше, другіе хуже, но почти всѣ одинаково въ томъ отношеніи, что въ рѣшеніи этихъ вопросовъ видятъ какъ будто собственное спасеніе. Въ особенности, вопросъ о народности сдѣлался всеобщимъ вопросомъ и проявился въ двухъ крайностяхъ. Одни смѣшали съ народностью старинные обычаи, сохранившіеся теперь только въ простонародіи, и не любятъ, чтобы при нихъ говорили съ неуваженіемъ о курной и грязной избѣ, о рѣдькѣ и квасѣ, даже о сивухѣ; другіе, сознавая потребность высшаго національнаго начала и не находя его въ дѣйствительности, хлопочутъ выдумать свое, и неясно, намеками указываютъ намъ на *смиреніе*, какъ на выраженіе русской національности. Съ первыми смѣшно спорить; но вторымъ можно замѣтить, что смиреніе есть, въ извѣстныхъ случаяхъ, весьма похвальная добродѣтель для человѣка всякой страны; для француза какъ и для русскаго, для англичанина какъ и для турка; но что она едва-ли можетъ одна составить то, что называется «народностью». Притомъ же этотъ взглядъ, можетъ быть, превосходный въ теоретическомъ отношеніи, не совсѣмъ уживается съ историческими фактами. Удѣльный періодъ нашъ отличается скорѣе гордынею и драчливостью, нежели смиреніемъ; татарамъ поддались мы совсѣмъ не отъ смиренія (что было бы для насъ не честью, а безчестьемъ, какъ и для всякаго другаго народа), а по безсилію, вслѣдствіе раздѣленія нашихъ силъ родовымъ, кровнымъ началомъ, положеннымъ въ основаніе правительственной системы того времени. Іоаннъ Калита былъ хитеръ, а не смиренъ; Симеонъ даже прозванъ былъ «гордымъ»: а эти князья были первоначальниками силы Московскаго царства. Димитрій Донской мечемъ, а не смиреніемъ предсказалъ татарамъ конецъ ихъ владычества надъ Русью. Іоанны III и IV, оба прозванные «грозными», не отличались смиреніемъ. Только слабый Ѳеодоръ составляетъ исключеніе изъ правила. И вообще, какъ то странно видѣть въ смиреніи причину, по которой ничтожное Московское княжество сдѣлалось сперва Московскимъ царствомъ, а потомъ Россійскою имперіею, пріосѣнивъ крыльями двуглаваго орла, какъ свое достояніе, Сибирь, Малороссію, Бѣлоруссію, Новороссію, Крымъ, Бессарабію, Лифляндію, Эстляндію, Курляндію, Финляндію, Кавказъ. Конечно, въ русской исторіи можно найти поразительныя черты смиренія, какъ и другихъ добродѣтелей, со стороны правительственныхъ и частныхъ лицъ; но въ исторіи какого же народа нельзя найти ихъ, и чѣмъ какой нибудь Людовикъ IX уступаетъ въ смиреніи Ѳеодору Іоанновичу?.. Толкуютъ еще о *любви*, какъ о національномъ началѣ, исключительно присущемъ однимъ славянскимъ племенамъ, въ ущербъ галльскимъ, тевтонскимъ и инымъ западнымъ. Эта мысль у нѣкоторыхъ обратилась въ истинную мономанію, такъ что кто-то изъ этихъ «нѣкоторыхъ» рѣшился даже печатно сказать, что русская земля смочена слезами, а отнюдь не кровью, и что слезами, а не кровью, отдѣлались мы не только отъ татаръ, но и отъ нашествія Наполеона. Мы, напротивъ, думаемъ, что любовь есть свойство человѣческой натуры вообще и такъ же не можетъ быть исключительно принадлежностью одного народа или племени, какъ и дыханіе, зрѣніе, голодъ, жажда, умъ, слово. Ошибка тутъ въ томъ, что относительное принято за безусловное. Завоевательная система, положившая основаніе европейскимъ государствамъ, тотчасъ же породила тамъ

чисто юридическій бытъ, въ которомъ само насиліе и угнетеніе приняло видъ не произвола, а закона. У славянъ же, напротивъ, господствовалъ обычай, вышедшій изъ «кроткихъ и любовныхъ» патріархальныхъ отношеній. Но долго-ли продолжался этотъ патріархальный бытъ, и что мы знаемъ о немъ достовѣрнаго? еще до удѣльнаго періода встрѣчаемъ мы въ русской исторіи черты вовсе не любовныя—хитраго воителя Олега, суроваго воителя Святослава, потомъ Святополка (убійцу Бориса и Глѣба), дѣтей Владиміра, возставшихъ на своего отца, и т. п. Это, скажутъ, занесли къ намъ варяги и—прибавимъ мы отъ себя—положили этимъ начало искаженію любовнаго патріархальнаго быта. Изъ чего же въ такомъ случаѣ хлопотать. Удѣльный періодъ такъ же мало періодъ любви, какъ и смиренія; это скорѣе періодъ рѣзни, обратившейся въ обычай. О татарскомъ періодѣ нечего и говорить: тогда лицемѣрное и предательское смиреніе было нужнѣе и любви и настоящаго смиренія. Пытки, казни періода Московскаго царства и послѣдующихъ временъ, до половины XVIII столѣтія, опять посылаютъ насъ искать любви въ до-историческія времена славянъ. Гдѣ жь тутъ любовь, какъ національное начало? Національнымъ началомъ она никогда и не была, но была человѣческимъ началомъ, поддерживавшимся въ племени его историческимъ, или, лучше сказать, его неисторическимъ положеніемъ. Положеніе измѣнилось, измѣнились и патріархальные нравы, а съ ними исчезла и любовь, какъ бытовая сторона жизни. Ужь не возвратиться-ли намъ къ этимъ временамъ? Почему жь бы и не такъ, если это такъ же легко, какъ старику сдѣлаться юношей, а юношѣ—младенцемъ?...

«Что составляетъ въ человѣкѣ его высшую, его благороднѣйшую дѣйствительность?—Конечно, то, что мы называемъ его духовностью, то есть чувство, разумъ, воля, въ которыхъ выражается его вѣчная, непреходящая, необходимая сущность. А что считается въ человѣкѣ низшимъ, случайнымъ, относительнымъ, преходящимъ? — Конечно, его тѣло. Извѣстно, что наше тѣло мы съ іздѣтства привыкли презирать, можетъ быть, потому именно, что, вѣчно живя въ логическихъ фантазіяхъ, мы мало его знаемъ. Врачи, напротивъ, больше другихъ уважаютъ тѣло, потому что больше другихъ знаютъ его. Вотъ почему отъ болѣзней чисто нравственныхъ они лечатъ иногда средствами чисто матеріальными, и наоборотъ. Въ этомъ отношеніи они похожи на умнаго агронома, который съ уваженіемъ смотритъ не только на богатство получаемыхъ имъ отъ земли зеренъ, но и на самую землю, которая ихъ произрастала, и даже на грязный, нечистый и вонючій навозъ, который усилилъ плодотворность этой земли. — Вы, конечно, очень цѣните въ человѣкѣ чувство? — Прекрасно! такъ цѣните же и этотъ кусокъ мяса, который трепещетъ въ его груди, который вы называете сердцемъ, и котораго замедленное или ускоренное біеніе вѣрно соотвѣтствуетъ каждому движенію вашей души. — Вы, конечно, очень уважаете въ человѣкѣ умъ?— Прекрасно! — такъ останавливайтесь же въ благоговѣйномъ изумленіи и передъ этою массою мозга, гдѣ происходятъ всѣ умственныя отправленія, откуда по всему организму распространяются, чрезъ позвоночный хребетъ, нити нервъ, которыя суть органы ощущенія и чувствъ. Иначе, вы будете въ человѣкѣ удивляться слѣдствію мимо причины, или, что еще хуже — сочините свои, небывалыя въ природѣ причины и удовлетворитесь ими. Психологія, не опирающаяся на физіологію, также несостоятельна, какъ и физіологія, не знающая о существованіи анатоміи. Современная наука не удовольствовалась и этимъ химическимъ анализомъ; хочетъ она проникнуть въ таинственную лабораторію природы, а наблюденіемъ надъ эмбріономъ (зародышемъ) прослѣдить таинственный процессъ развитія организма. Но это внутренній міръ физіологической жизни человѣка; всѣ его сокровенныя отъ насъ дѣйствія, какъ результатъ, выказываются наружѣ въ лицѣ, взглядѣ, голосѣ, даже манерахъ человѣка. А между тѣмъ, что такое лицо, глаза, голосъ, манеры? Вѣдь это все—тѣло, внѣшность, слѣдовательно, все преходящее, случайное, ничтожное, потому что вѣдь все это — не чувство, не умъ, не воля?—такъ! но вѣдь во всемъ этомъ мы *видимъ* и *слышимъ* и чувство, и умъ, и волю. Умъ безъ плоти, безъ физіономіи, умъ, не дѣйствующій на кровь и не принимающій на себя ея дѣйствія, есть логическая мечта, мертвый абстрактъ. Умъ — это человѣкъ въ тѣлѣ, или лучше сказать, человѣкъ черезъ тѣло, словомъ, *личность*. Посмотрите: сколько нравственныхъ оттѣнковъ въ человѣческой

натурѣ: у одного умъ едва замѣтенъ изъ-за сердца, у другаго сердце какъ будто помѣстилось въ мозгу; этотъ страшно уменъ и способенъ на дѣло, да ничего сдѣлать не можетъ, потому что нѣтъ у него воли; а у того страшная воля, да слабая голова, и изъ его дѣятельности выходитъ или вздоръ, или зло. Перечесть этихъ оттѣнковъ такъ же невозможно, какъ перечесть различія физіономій: сколько людей, столько и лицъ, и двухъ совершенно схожихъ людей найти еще менѣе возможно, нежели найти два древесные листка, совершенно схожіе между собою. Когда вы влюблены въ женщину, не говорите, что вы обольщены прекрасными качествами ея ума и сердца: иначе, когда вамъ укажутъ на другую, которой нравственныя качества выше, вы обязаны будете перевлюбиться и оставить первый предметъ своей любви для новаго, какъ оставляютъ хорошую книгу для лучшей. Нельзя отрицать вліянія нравственныхъ качествъ на чувство любви, но когда любятъ человѣка, любятъ его всего, не какъ идею, а какъ живую личность; любятъ въ немъ особенно то, чего не умѣютъ ни опредѣлить, ни назвать. Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы опредѣлили и назвали вы, напримѣръ, то неуловимое выраженіе, ту таинственную игру его физіономіи, его голоса, словомъ, все то, что составляетъ его особность, что дѣлаетъ его не похожимъ на другихъ, и за что именно вы больше всего и любите его? Иначе, зачѣмъ бы вамъ было рыдать въ отчаяніи надъ трупомъ любимаго вами существа?—Вѣдь съ нимъ не умерло то, что было въ немъ лучшаго, благороднѣйшаго, что называли вы въ немъ духовнымъ и нравственнымъ, — а умерло только грубо матеріальное, случайное? Но объ этомъ-то случайномъ и рыдаете вы горько, потому что воспоминанія о прекрасныхъ качествахъ человѣка не замѣнятъ вамъ человѣка, какъ умирающаго отъ голода не насытитъ воспоминаніе о роскошномъ столѣ, которымъ онъ недавно наслаждался. Я охотно соглашусь съ спиритуалистами, что мое сравненіе грубо, но зато оно вѣрно, а это для меня главное. Державинъ сказалъ:

Такъ! весь я не умру; но часть моя большая,
Отъ тѣла убѣжавъ, по смерти станетъ жить.

«Противъ дѣйствительности такого безсмертія нечего сказать, хотя оно и не утѣшитъ людей, близкихъ поэту; но что передаетъ поэтъ потомству въ своихъ созданіяхъ, если не свою личность? Не будь онъ личность больше, чѣмъ что нибудь, личность по преимуществу, его созданія были бы безцвѣтны и блѣдны. Отъ этого творенія каждаго великаго поэта представляютъ собой совершенно особенный, оригинальный міръ, и между Гомеромъ, Шекспиромъ, Байрономъ, Сервантесомъ, Вальтеръ-Скоттомъ, Гете и Жоржъ-Сандомъ общаго только то, что всѣ они—великіе поэты...

«Но что же это за личность, которая даетъ реальность и чувству, и уму, и волѣ, и генію и безъ которой все или фантастическая мечта или логическая отвлеченность»? Я много могъ бы наговорить вамъ объ этомъ, читатели: но предпочитаю лучше откровенно сознаться вамъ, что чѣмъ живѣе созерцаю внутри себя сущность личности, тѣмъ менѣе умѣю опредѣлить ее словами. Это такая же тайна, какъ и жизнь: всѣ ее видятъ, всѣ ощущаютъ себя въ ея нѣдрахъ, и никто не скажетъ вамъ, что она такое. Такъ точно, ученые, хорошо зная дѣйствіе и силы дѣятелей природы, каковы электричество, гальванизмъ, магнитизмъ, и потому нисколько не сомнѣваясь въ ихъ существованіи, всетаки не умѣютъ сказать, что они такое. Страннѣе всего, что все, что мы можемъ сказать о личности, ограничивается тѣмъ, что она ничтожна передъ чувствомъ, волею, добродѣтелью, красотою и тому подобными вѣчными и непреходящими идеями; но что безъ нея, преходящаго и случайнаго явленія, не было бы ни чувства, ни ума, ни воли, ни добродѣтели, ни красоты, такъ же, какъ не было бы ни безчувственности, ни глупости, ни безхарактерности, ни порока, ни безобразія...

«Что *личность* въ отношеніи къ *идеѣ* человѣка, то *народность* въ отношеніи къ идеѣ *человѣчества*. Другими словами: народности суть личности человѣчества. Безъ національностей человѣчество было бы мертвымъ логическимъ абстрактомъ, словомъ безъ содержанія, звукомъ безъ значенія. Въ отношеніи къ этому вопросу, я

скорѣе готовъ перейти на сторону славянофиловъ, нежели оставаться на сторонѣ гуманическихъ космополитовъ, потому что если первые и ошибаются, то какъ люди, какъ живыя существа, а вторые и истину-то говорятъ, какъ такое-то изданіе такой-то логики... Но къ счастію, я надѣюсь остаться на своемъ мѣстѣ, не переходя ни къ кому.

«Человѣческое присуще человѣку потому, что онъ — человѣкъ; но оно проявляется въ немъ не иначе, какъ, во-первыхъ, на основаніи его собственной личности и въ той мѣрѣ, въ какой она его можетъ вмѣстить въ себя, а, во-вторыхъ, на основаніи его національности. Личность человѣка есть исключеніе другихъ личностей и, потому самому, есть ограниченіе человѣческой сущности: ни одинъ человѣкъ, какъ бы ни велика была его геніальность, никогда не исчерпаетъ самимъ собою не только всѣхъ сферъ жизни, но даже и одной какой нибудь ея стороны. Ни одинъ человѣкъ не только не можетъ замѣнить самимъ собою всѣхъ людей (т. е. сдѣлать ихъ существованіе ненужнымъ), но даже и одного человѣка, какъ бы онъ ни былъ ниже его въ нравственномъ или умственномъ отношеніи: но всѣ и каждый необходимы всѣмъ и каждому. На этомъ и основано единство и братство человѣческаго рода. Человѣкъ силенъ и обезпеченъ только въ обществѣ; но чтобы и общество, въ свою очередь, было сильно и обезпечено, ему необходима внутренняя, непосредственная, органическая связь—*національность*. Она есть самобытный результатъ соединенія людей, но не есть ихъ произведеніе: ни одинъ народъ не создалъ своей національности, какъ не создалъ самого себя. Это указываетъ на кровное, родовое происхожденіе всѣхъ національностей. Чѣмъ ближе человѣкъ или народъ къ своему началу, тѣмъ ближе онъ къ природѣ, тѣмъ болѣе онъ ея рабъ; тогда онъ не человѣкъ, а ребенокъ, не народъ, а племя. Въ томъ и другомъ человѣческое развивается по мѣрѣ ихъ освобожденія отъ естественной непосредственности. Этому освобожденію часто способствуютъ разныя внѣшнія причины; но человѣческое тѣмъ не менѣе приходитъ къ народу не извнѣ, а изъ него же самого, и всегда проявляется въ немъ національно.

«Собственно говоря, борьба человѣческаго съ національнымъ, есть не болѣе, какъ реторическая фигура; но въ дѣйствительности ея нѣтъ. Даже и тогда, когда прогрессъ одного народа совершается чрезъ заимствованіе у другаго, онъ тѣмъ не менѣе совершается національно. Иначе, нѣтъ прогресса. Въ наше время народныя вражды и антипатіи погасли совершенно. Французъ уже не питаетъ ненависти къ англичанину только за то, что онъ англичанинъ, и наоборотъ. Напротивъ, со дня на день болѣе и болѣе обнаруживается въ наше время сочувствіе и любовь народа къ народу. Это утѣшительное, гуманное явленіе есть результатъ просвѣщенія. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы просвѣщеніе сглаживало народности и дѣлало всѣ народы похожими одинъ на другой, какъ двѣ капли воды. Напротивъ, наше время есть, по преимуществу, время сильнаго развитія національностей. Французъ хочетъ быть французомъ, и требуетъ отъ нѣмца, чтобы тотъ былъ нѣмцемъ, и только на этомъ основаніи и интересуется имъ. Въ такихъ точно отношеніяхъ находятся теперь другъ къ другу всѣ европейскіе народы. А, между тѣмъ, они нещадно заимствуютъ другъ у друга, нисколько не боясь повредить своей національности. Исторія говоритъ, что подобныя опасенія могутъ быть дѣйствительны только для народовъ нравственно-безсильныхъ и ничтожныхъ. Древняя Эллада была наслѣдницею всего предшествовавшаго ей древняго міра. Въ ея составъ вошли элементы египетскіе и финикійскіе, кромѣ основнаго пеласгическаго. Римляне приняли въ себя, такъ сказать, весь древній міръ, и все-таки остались римлянами, и если пали, то не отъ внѣшнихъ заимствованій, а отъ того, что были послѣдними представителями исчерпавшаго всю жизнь своего древняго міра, долженствовавшаго обновиться чрезъ христіанство и тевтонскихъ варваровъ. Французская литература рабски подражала греческой и латинской, наивно грабила ихъ заимствованіями, — и все-таки осталась національно-французскою. Все отрицательное движеніе французской литературы XVIII вѣка вышло изъ Англіи, но французы дотого умѣли его усвоить себѣ, наложивъ на него печать своей національности, что никто и не думаетъ оспаривать у ихъ литературы чести самобытнаго развитія. Нѣмецкая философія пошла отъ француза Декарта, нисколько не сдѣлавшись отъ этого французскою.»

Таково отношеніе Бѣлинскаго къ вопросу о народности. Онъ думаетъ, что въ сущности о ней нечего и заботиться народу, имѣющему нравственныя силы. Она такъ же неотъемлема и несокрушима, какъ физіологическія особенности народа, потому что и сама, подобно имъ, врождена отъ природы. Мнимая борьба человѣческаго съ національнымъ—продолжаетъ онъ—въ сущности есть только борьба новаго съ старымъ, современнаго съ отжившимъ.

Итакъ, толковать о народности едва-ли не значитъ попусту терять слова; но въ стремленіи, изъ котораго возникли эти толки, есть смыслъ: онъ заключается въ томъ, что каждый народъ долженъ заниматься изученіемъ и улучшеніемъ своей дѣйствительной жизни. Начатки этого направленія видитъ Бѣлинскій теперь въ нашей литературѣ, а въ этихъ начаткахъ — близость ея къ зрѣлости и возмужалости. Наша литература, съ появленіемъ Гоголя, занялась дѣломъ. «Въ этомъ отношеніи дошла она до такого положенія, что успѣхи ея въ будущемъ, ея движеніе впередъ зависятъ больше отъ объема и количества предметовъ, доступныхъ ея завѣдыванію, нежели отъ нея самой. Чѣмъ шире будутъ границы ея содержанія, чѣмъ больше будетъ пищи для ея дѣятельности, тѣмъ быстрѣе и плодовитѣе будетъ ея развитіе».

Этимъ оканчивается общая часть предпослѣдняго годичнаго обзора русской литературы. Слѣдующій, послѣдній обзоръ («Совр.» 1848, №№ 1 и 3) является въ своей общей части, какъ бы продолженіемъ предъидущаго. Читатели помнятъ, что направленіе, которое теперь владычествуетъ въ нашей литературѣ, получило, при своемъ появленіи, названіе натуральной школы, и что десять лѣтъ тому назадъ натуральная школа была предметомъ ожесточенныхъ нападеній со стороны всѣхъ отсталыхъ писателей. Теперь мы видимъ, что поднялись противъ такъ называемаго отрицательнаго направленія толки, совершенно подобные тѣмъ, какіе прежде поднимались противъ натуральной школы. Вся разница только въ замѣненіи термина «натуральная школа» другимъ, а предметъ неудовольствія отсталыхъ критиковъ остается одинъ и тотъ же. Бѣлинскій отвѣчаетъ на всѣ упреки противъ натуральной школы съ полнотою, которая не оставляетъ мѣста никакимъ сомнѣніямъ: онъ исторіею доказываетъ неизбѣжность нынѣшняго направленія литературы, эстетикою совершенную законность его, нравственными потребностями нашего общества необходимость его:

«Натуральная школа стоитъ теперь на первомъ планѣ русской литературы; нисколько не преувеличивая дѣла по какимъ нибудь пристрастнымъ увлеченіямъ, мы можемъ сказать, что публика, т. е. большинство читателей за нее: это фактъ, а не предположеніе. Теперь вся литературная дѣятельность сосредоточилась въ журналахъ: а какіе журналы пользуются большею извѣстностью, имѣютъ болѣе обширный кругъ читателей и большее вліяніе на мнѣніе публики, какъ не тѣ, въ которыхъ помѣщаются произведенія натуральной школы? Какіе романы и повѣсти читаются публикою съ особеннымъ интересомъ, какъ не тѣ, которыя принадлежатъ натуральной школѣ или, лучше сказать, читаются ли публикою романы и повѣсти, не принадлежащіе къ натуральной школѣ? Съ другой стороны, о комъ безпрестанно говорятъ, спорятъ: на кого безпрестанно нападаютъ съ ожесточеніемъ, какъ не на натуральную школу?

«Все это нисколько не ново въ нашей литературѣ, но было не разъ и всегда будетъ. Карамзинъ первый произвелъ раздѣленіе въ едва возникавшей тогда русской литературѣ. До него всѣ были согласны во всѣхъ литературныхъ вопросахъ, и если бывали разногласія и споры, они выходили не изъ мнѣній и убѣжденій, а изъ мелкихъ и безпокойныхъ самолюбій Сумарокова и Тредьяковскаго. Но это согласіе доказывало

только безжизненность тогдашней такъ называемой литературы. Карамзинъ первый оживилъ ее, потому что перевелъ ее изъ книги въ жизнь, изъ школы въ общество. Тогда, естественно явились и партіи, началась война на перьяхъ, раздались вопли, что Карамзинъ и его школа губятъ русскій языкъ и вредятъ добрымъ русскимъ нравамъ. Въ лицѣ его противниковъ, казалось, вновь возстала русская упорная старина, которая съ такимъ судорожнымъ, и тѣмъ болѣе безплоднымъ напряженіемъ, отстаивала себя отъ реформы Петра Великаго. Но большинство было на сторонѣ права, т. е. таланта и современныхъ нравственныхъ потребностей, вопли противниковъ заглушались хвалебными гимнами поклонниковъ Карамзина. Все группировалось около него, и отъ него все получало свое значеніе, свою значительность, все — даже противники. Онъ былъ героемъ, Ахилломъ того времени. Но что вся эта тревога въ сравненіи съ бурею, которая поднялась съ появленіемъ Пушкина на литературномъ поприщѣ? Она такъ памятна всѣмъ, что нѣтъ нужды и распространяться о ней. Скажемъ только, что противники Пушкина видѣли въ его сочиненіяхъ искаженіе русскаго языка, русской поэзіи, несомнѣнный вредъ не только для эстетическаго вкуса публики, но и—повѣрятъ ли теперь этому?—для общественной нравственности!.. Что же за причина, что противники всякаго движенія впередъ во всѣ эпохи нашей литературы говорили одно и тоже и почти одними и тѣми же словами?

«Причина этого скрывается тамъ же, гдѣ надобно искать и происхожденія натуральной школы—въ исторіи нашей литературы. Въ лицѣ Кантемира, русская поэзія обнаружила стремленіе къ дѣйствительности, къ жизни, какъ она есть, основала свою силу на вѣрности натурѣ. Въ Державинѣ (его оды «Къ Фелицѣ», «Вельможѣ», «На счастіе» едва ли не лучшія его произведенія, по крайней мѣрѣ, безъ всякаго сомнѣнія, въ нихъ больше оригинальнаго, русскаго, нежели въ его торжественныхъ одахъ), въ басняхъ Хемницера и въ комедіяхъ фонъ-Визина, отозвалось направленіе, представителемъ котораго, по времени, былъ Кантемиръ. Сатира у нихъ уже рѣже переходитъ въ преувеличеніе и каррикатуру, становится болѣе натуральною, по мѣрѣ того, какъ становится болѣе поэтическою. Въ басняхъ Крылова сатира дѣлается вполнѣ художественною; натурализмъ становится отличительною характеристическою чертою его поэзіи. Зато онъ первый и подвергся упрекамъ за изображенія «низкой природы». Наконецъ явился Пушкинъ, поэзія котораго относится къ поэзіи всѣхъ предшествовавшихъ ему поэтовъ, какъ достиженіе относится къ стремленію. Несмотря на преимущественно идеальный и лирическій характеръ первыхъ поэмъ Пушкина, въ нихъ уже вошли элементы жизни дѣйствительной. Цыганскій таборъ съ оборванными шатрами между колесами телѣгъ, съ пляшущимъ медвѣдемъ и нагими дѣтьми въ перекидныхъ корзинкахъ на ослахъ, былъ тоже неслыханною дотолѣ сценою для кроваваго трагическаго событія. Но въ «Евгеніи Онѣгинѣ» идеалы еще болѣе уступили мѣсто дѣйствительности, тутъ уже натуральность является не какъ сатира, не какъ комизмъ, а какъ вѣрное воспроизведеніе дѣйствительности, со всѣмъ ея добромъ и зломъ, со всѣми ея житейскими дрязгами: около двухъ-трехъ лицъ, опоэтизированныхъ или нѣсколько идеализированныхъ, выведены люди обыкновенные, но не на посмѣшище, какъ уроды, какъ исключеніе изъ общаго правила, а какъ лица, составляющія большинство общества. И все это въ романѣ, писанномъ стихами! Что же въ это время дѣлалъ романъ въ прозѣ?

«Онъ всѣми силами стремился къ сближенію съ дѣйствительностью, къ натуральности. Между этими попытками были очень замѣчательныя; но тѣмъ не менѣе всѣ онѣ отзывались переходною эпохою, стремились къ новому, не оставляя старой колеи. Весь успѣхъ заключался въ томъ, что, несмотря на вопли старовѣровъ, въ романѣ стали появляться лица всѣхъ сословій, и авторы старались поддѣлываться подъ языкъ каждаго. Это называлось тогда *народностью*. Но эта народность слишкомъ отзывалась тогда маскарадностью: русскія лица низшихъ сословій походили на переряженыхъ баръ, а бары только именами отличались отъ иностранцевъ. Нуженъ былъ геніальный талантъ, чтобы навсегда освободить русскую поэзію, изображающую русскіе нравы, русскій бытъ, изъ-подъ чуждыхъ ей вліяній. Пушкинъ много сдѣлалъ для этого; но докончить, довершить дѣло предоставлено было другому таланту. Съ появленіемъ «Миргорода» и «Арабесокъ» (въ 1835 году) и «Ревизора» (въ 1836) начинается полная

извѣстность Гоголя и его сильное вліяніе на русскую литературу. Вліяніе теорій и школъ было одною изъ главныхъ причинъ, почему многіе сначала спокойно, безъ всякой враждебности, искренно и добросовѣстно видѣли въ Гоголѣ не болѣе, какъ писателя забавнаго, но тривіальнаго и незначительнаго, и вышли изъ себя уже вслѣдствіе восторженныхъ похвалъ, расточавшихся ему другою стороною, и важнаго значенія, которое онъ быстро пріобрѣталъ въ общественномъ мнѣніи. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни ново было въ свое время направленіе Карамзина, оно оправдывалось образцами французской литературы. Какъ ни странно поразили всѣхъ баллады Жуковскаго, съ ихъ мрачнымъ колоритомъ, съ ихъ кладбищами и мертвецами, но за ними были имена корифеевъ нѣмецкой литературы. Самъ Пушкинъ, съ одной стороны, былъ подготовленъ предшествовавшими ему поэтами, и первые опыты его носили на себѣ легкіе слѣды ихъ вліянія; а съ другой стороны, его нововведенія оправдывались общимъ движеніемъ во всѣхъ литературахъ Европы и вліяніемъ Байрона—авторитета огромнаго. Но Гоголю не было образца, не было предшественниковъ ни въ русской, ни въ иностранныхъ литературахъ. Всѣ теоріи, всѣ преданія литературныя были противъ него, потому что онъ былъ противъ нихъ. Чтобы понять его, надо было вовсе ихъ выкинуть изъ головы, забыть о ихъ существованіи; а это для многихъ значило бы переродиться, умереть и вновь воскреснуть. Чтобы яснѣе сдѣлать нашу мысль, посмотримъ, въ какихъ отношеніяхъ Гоголь находится къ другимъ русскимъ поэтамъ. Конечно, и въ тѣхъ сочиненіяхъ Пушкина, которыя представляютъ чуждыя русскому міру картины, безъ всякаго сомнѣнія, есть элементы русскіе: но кто укажетъ ихъ? Какъ доказать, что, напримѣръ, поэмы: «Моцартъ и Сальери», «Каменный Гость», «Скупой Рыцарь», «Галубъ», могли быть написаны только русскимъ поэтомъ, и что ихъ не могъ бы написать поэтъ другой націи? То же можно сказать о Лермонтовѣ. Всѣ сочиненія Гоголя посвящены исключительно изображенію міра русской жизни, и у него нѣтъ соперниковъ въ искусствѣ воспроизводить ее во всей ея истинности. Онъ ничего не смягчаетъ, не украшаетъ вслѣдствіе любви къ идеаламъ, или какихъ нибудь заранѣе принятыхъ идей, или привычныхъ пристрастій, какъ, напримѣръ, Пушкинъ въ «Онѣгинѣ» идеализировалъ помѣщичій бытъ. Конечно, преобладающій характеръ его сочиненій—отрицаніе; всякое отрицаніе, чтобъ быть живымъ и поэтическимъ, должно дѣлаться во имя идеала, и этотъ идеалъ у Гоголя такъ же не свой, т. е. не туземный, какъ и у всѣхъ другихъ русскихъ поэтовъ, потому что наша общественная жизнь еще не сложилась и не установилась, чтобы могла дать литературѣ этотъ идеалъ. Но нельзя же не согласиться съ тѣмъ, что по поводу сочиненій Гоголя уже никакъ не возможно предположить вопроса: какъ доказать, что они могли быть написаны только русскимъ поэтомъ, и что ихъ не могъ бы написать поэтъ другой націи? Изображать русскую дѣйствительность, и съ такою поразительною вѣрностію и истиною, разумѣется, можетъ только русскій поэтъ. И вотъ пока въ этомъ-то болѣе всего и состоитъ народность нашей литературы.

«Литература наша началась подражательностію. Но она не остановилась на этомъ, а постоянно стремилась къ самобытности, народности, изъ реторической стремилась сдѣлаться естественною, *натуральною*. Это стремленіе, ознаменованное замѣтными и постоянными успѣхами, и составляетъ смыслъ и душу исторіи нашей литературы. И мы, не обинуясь, скажемъ, что ни въ одномъ русскомъ писателѣ это стремленіе не достигло такого успѣха, какъ въ Гоголѣ. Это могло совершиться только чрезъ исключительное обращеніе искусства къ дѣйствительности, помимо всякихъ идеаловъ. Для этого нужно было обратить все вниманіе на толпу, на массу, изображать людей обыкновенныхъ, а не пріятныя только исключенія изъ общаго правила, которыя всегда соблазняютъ поэтовъ на идеализированіе и носятъ на себѣ чужой отпечатокъ. Это великая заслуга со стороны Гоголя: но это-то люди стараго образованія и вмѣняютъ ему въ великое преступленіе передъ законами искусства. Этимъ онъ совершенно измѣнилъ взглядъ на самое искусство. Къ сочиненіямъ каждаго изъ поэтовъ русскихъ можно, хотя и съ натяжкою, приложить старое и ветхое опредѣленіе поэзіи, какъ «украшенной природы»; но въ отношеніи къ сочиненіямъ Гоголя этого уже невозможно сдѣлать. Къ нимъ идетъ другое опредѣленіе искусства, какъ воспроизведеніе дѣйстви-

тельности во всей ея истинѣ. Тутъ все дѣло въ *типахъ*, а *идеалъ* тутъ понимается не какъ украшеніе (слѣдовательно, ложь), а какъ отношенія, въ которыя становитъ другъ къ другу авторъ созданные имъ типы, сообразно съ мыслію, которую онъ хочетъ развить своимъ произведеніемъ.

«Вліяніе Гоголя на русскую литературу было огромно. Не только всѣ молодые таланты бросились на указанный имъ путь, но и нѣкоторые писатели, уже пріобрѣтшіе извѣстность, пошли по этому же пути, оставивъ свой прежній. Отсюда появленіе школы, которую противники ея думали унизить названіемъ натуральной. Послѣ «Мертвыхъ Душъ» Гоголь ничего не написалъ. На сценѣ литературы теперь только его школа. Всѣ упреки и обвиненія, которыя прежде устремлялись на него, теперь обращены на натуральную школу, и если еще дѣлаются выходки противъ него, то по поводу этой школы. Въ чемъ же обвиняютъ ее? Обвиненій немного, и они всегда одни и тѣ же. Сперва нападали на нее за ея будто бы постоянныя нападки на чиновниковъ. Въ ея изображеніяхъ быта этого сословія, одни искренно, другіе умышленно, видѣли злонамѣренныя каррикатуры. Съ нѣкотораго времени эти обвиненія замолкли. Теперь обвиняютъ писателей натуральной школы за то, что они любятъ изображать людей низкаго званія, дѣлаютъ героями своихъ повѣстей мужиковъ, извощиковъ, дворниковъ, описываютъ *углы*, убѣжища голодной нищеты и часто всяческой безнравственности. Чтобы устыдить новыхъ писателей, обвинители съ торжествомъ указываютъ на прекрасныя времена русской литературы, ссылаются на имена Карамзина и Дмитріева, избиравшихъ для своихъ сочиненій предметы высокіе и благородные. Мы же напомнимъ имъ, что первая замѣчательная русская повѣсть была написана Карамзинымъ, и ея героиня была обольщенная петиметромъ крестьянка—*бѣдная Лиза*... Но тамъ, скажутъ они, все опрятно и чисто, и подмосковная крестьянка не уступитъ самой благовоспитанной *барышнѣ*. Вотъ мы и дошли до причины спора: тутъ виновата, какъ видите, старая піитика. Она позволяетъ изображать, пожалуй, и мужиковъ, но не иначе, какъ одѣтыхъ въ театральные костюмы, обнаруживающихъ чувства и понятія, чуждыя ихъ быту, положенію и образованію, и объясняющихся такимъ языкомъ, которымъ никто не говоритъ, а тѣмъ менѣе крестьяне. Старая піитика позволяетъ изображать все, что вамъ угодно, но только предписываетъ при этомъ изображаемый предметъ такъ украсить, чтобы не было никакой возможности узнать, что вы хотѣли изобразить. Слѣдуя строго ея урокамъ, поэтъ можетъ пойти дальше прославленнаго Дмитріевымъ маляра Ефрема, который Архипа писалъ Сидоромъ, а Луку Кузьмою: онъ можетъ снять съ Архипа такой портретъ, который не будетъ походить не только на Сидора, но и ни на что на свѣтѣ, даже на комокъ земли. Натуральная школа слѣдуетъ совершенно противному правилу: возможно близкое сходство изображаемыхъ ею лицъ съ ихъ образцами въ дѣйствительности не составляетъ въ ней всего, но есть первое ея требованіе, безъ выполненія котораго уже не можетъ быть въ сочиненіи ничего хорошаго. Требованіе тяжелое, выполнимое только для таланта! Какъ же, послѣ этого, не любить и не чтить старой піитики тѣмъ писателямъ, которые когда-то умѣли и безъ таланта съ успѣхомъ подвизаться на поприщѣ поэзіи? Какъ не считать имъ натуральной школы самымъ ужаснымъ врагомъ своимъ, когда она ввела такую манеру писать, которая имъ недоступна? Это, конечно, относится только къ людямъ, у которыхъ въ въ этотъ вопросъ вмѣшалось самолюбіе; но найдется много и такихъ, которые по искреннему убѣжденію не любятъ естественности въ искусствѣ, вслѣдствіе вліянія на нихъ старой піитики. Эти люди съ особенною горечью жалуются еще на то, что теперь искусство забыло свое прежнее назначеніе. «Бывало—говорятъ они—поэзія научала, забавляя, заставляла читателя забывать о тягостяхъ и страданіяхъ жизни, представляла ему только картины пріятныя и смѣющіяся. Прежніе поэты представляли и картины бѣдности, но бѣдности опрятной, умытой, выражающейся скромно и благородно; притомъ же, къ концу повѣсти всегда являлась чувствительная молодая дама или дѣвица, дочь богатыхъ и благородныхъ родителей, а не то благодѣтельный-молодой человѣкъ, и во имя милаго или милой сердца водворяли довольство и счастіе тамъ, гдѣ были бѣдность и нужда, и благородныя слезы орошали благодѣтельную руку—и читатель невольно подносилъ свой батистовый платокъ къ глазамъ и чувствовалъ, что

онъ становится добрѣе и чувствительнѣе... А теперь! посмотрите, что теперь пишутъ! мужики въ лаптяхъ и армякахъ, часто отъ нихъ несетъ сивухою, баба—родъ центавра, по одеждѣ не вдругъ узнаешь, какого это пола существо; *углы* — убѣжище нищеты, отчаянія и разврата, до которыхъ надо доходить по двору грязному по колѣни; какой нибудь пьянюшка подъячій или учитель изъ семинаристовъ, выгнанный изъ службы,— все это списывается съ натуры, въ наготѣ страшной истины, такъ что если прочтешь— жди ночью тяжелыхъ сновъ»... Такъ или почти такъ говорятъ маститые питомцы старой питики. Въ сущности ихъ жалобы состоятъ въ томъ, зачѣмъ поэзія перестала безстыдно лгать, изъ дѣтской сказки превратилась въ быль, не всегда пріятную, зачѣмъ отказалась она быть гремушкою, подъ которую дѣтямъ пріятно и прыгать и засыпать... Странные люди, счастливые люди! имъ удалось на всю жизнь остаться дѣтьми и даже въ старости быть несовершеннолѣтними, недорослями.—и вотъ они требуютъ, чтобы и всѣ походили на нихъ. Да читайте свои старыя сказки—никто вамъ не мѣшаетъ; а другимъ оставьте занятія, свойственныя совершеннолѣтію. Вамъ ложь—намъ истина: раздѣлимся безъ спору, благо вамъ не нужно нашего пая, а мы даромъ не возьмемъ вашего... Но этому полюбовному раздѣлу мѣшаетъ другая причина—эгоизмъ, который считаетъ себя добродѣтелью. Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ человѣка обезпеченнаго, можетъ быть, богатаго: онъ сейчасъ пообѣдалъ сладко, со вкусомъ (поваръ у него прекрасный), усѣлся спокойно въ вольтеровскихъ креслахъ съ чашкою кофе, передъ пылающимъ каминомъ, тепло и хорошо ему, чувство благосостоянія дѣлаетъ его веселымъ,—и вотъ беретъ онъ книгу, лѣниво переворачиваетъ ея листы,—и брови его надвигаются на глаза, улыбка исчезаетъ съ румяныхъ губъ, онъ взволнованъ, встревоженъ, раздосадованъ... И есть отъ чего! книга говоритъ ему, что не всѣ на свѣтѣ такъ хорошо живутъ, какъ онъ, что есть *углы*, гдѣ подъ лохмотьями отъ холоду дрожитъ цѣлое семейство, можетъ быть, недавно еще знавшее довольство,—что есть на свѣтѣ люди, рожденіемъ, судьбою обреченные на нищету, что послѣдняя копѣйка идетъ на зелено вино не всегда отъ праздности и лѣни, но и отъ отчаянія... И нашему счастливцу неловко, какъ будто совѣстно своего комфорта... А все виновата скверная книга: онъ взялъ ее для удовольствія, а вычиталъ тоску и скуку... Прочь ее! «Книга должна пріятно развлекать; я и безъ того знаю, что въ жизни много тяжелаго и мрачнаго, и если читаю, такъ для того, чтобы забыть это!» восклицаетъ онъ.—Такъ, милый, добрый сибаритъ, для твоего спокойствія и книги должны лгать, и бѣдный забываетъ свое горе, голодный свой голодъ, стоны страданія должнымъ долетать до тебя музыкальными звуками, чтобы не испортился твой аппетитъ, не нарушился твой сонъ... Представьте теперь въ такомъ же положеніи другаго любителя пріятнаго чтенія. Ему надо было дать балъ, срокъ приближался, а денегъ не было: управляющій его, Никита Ѳедорычъ, что-то замѣшкался высылкою. Но сегодня деньги получены, балъ можно дать; съ сигарой въ зубахъ, веселый и довольный, лежитъ онъ на диванѣ, и отъ нечего дѣлать руки его лѣниво протягиваются къ книгѣ. Опять та же исторія! Проклятая книга разсказываетъ ему подвиги его Никиты Ѳедорыча, подлаго холопа, съ дѣтства привыкшаго подобострастно слукить чужимъ страстямъ и прихотямъ, женатаго на отставной любовницѣ родителя своего барина. И ему-то поручено править имѣніемъ... Скорѣе прочь ее, скверную книгу!.. Представьте теперь себѣ еще въ такомъ комфортномъ состояніи человѣка, который въ дѣтствѣ бѣгалъ босикомъ, бывалъ на посылкахъ, а лѣтъ подъ пятьдесятъ какъ-то очутился въ чинахъ, имѣетъ «малую толику». Всѣ читаютъ—надо и ему читать: но что находитъ онъ въ книгѣ? —свою біографію, да еще какъ вѣрно разсказанную, хотя, кромѣ его самого, темныя похожденія его жизни—тайна для всѣхъ, и ни одному *сочинителю* неоткуда было узнать ихъ... И вотъ онъ уже не взволнованъ, а просто взбѣшенъ, и съ чувствомъ достоинства облегчаетъ свою досаду такимъ разсужденіемъ: «Вотъ какъ пишутъ нынѣ! вотъ до чего дошло вольнодумство! такъ-ли писали прежде? Штиль ровный, гладкій, все о предметахъ нѣжныхъ или возвышенныхъ, читать сладко и обидѣться нечѣмъ!»

Есть особый родъ читателей, который не любитъ встрѣчаться даже въ книгахъ съ людьми низшихъ классовъ, обыкновенно незнающими приличія и хорошаго тона, не любитъ грязи и нищенства, по ихъ противоположности съ роскошными будуарами

и кабинетами. Эти отзываются о натуральной школѣ не иначе, какъ съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ, ироническою улыбкою... Кто они такіе, эти феодальные бароны, гнушающіеся «подлою чернью»? Не спѣшите справляться о нихъ въ геральдическихъ книгахъ или при дворахъ европейскихъ: вы не найдете ихъ гербовъ, они если видали большой свѣтъ, то не иначе, какъ съ улицы, сквозь ярко освѣщенныя окна, на сколько позволяли сторы и занавѣски...

«Что за охота наводнять литературу мужиками?» восклицаютъ они. Въ ихъ глазахъ писатель—ремесленникъ, которому какъ что закажутъ, такъ онъ и дѣлаетъ. Имъ въ голову не входитъ, что, въ отношеніи къ выбору предметовъ сочиненія, писатель не можетъ руководствоваться ни чуждою ему волею, ни даже собственнымъ произволомъ, ибо искусство имѣетъ свои законы, безъ уваженія которыхъ нельзя хорошо писать. Оно прежде всего требуетъ, чтобы писатель былъ вѣренъ собственной натурѣ, своему таланту, своей фантазіи. А чѣмъ объяснить, что одинъ любитъ изображать предметы веселые, другой —мрачные, если не натурою, характеромъ и талантомъ поэта? Кто что любитъ, чѣмъ интересуется, то и знаетъ лучше, а что лучше знаетъ, то лучше и изображаетъ. Вотъ самое законное оправданіе поэта, котораго упрекаютъ за выборъ предметовъ: оно неудовлетворительно только для людей, которые ничего не смыслятъ въ искусствѣ и грубо смѣшиваютъ его съ ремесломъ. Природа—вѣчный образецъ искусства, а величайшій и благороднѣйшій предметъ въ природѣ—человѣкъ... Божественное слово любви и братства не втунѣ огласило міръ. То, что прежде было обязанностію только призванныхъ лицъ или добродѣтелью немногихъ избранныхъ натуръ,—это самое дѣлается теперь обязанностію обществъ, служитъ признакомъ уже не одной добродѣтели, но и образованности частныхъ лицъ. Посмотрите, какъ въ нашъ вѣкъ, вездѣ заняты всѣ участію низшихъ классовъ, какъ частная благотворительность всюду переходитъ въ общественную, какъ вездѣ основываются хорошо организованныя, богатыя вѣрными средствами общества для распространенія просвѣщенія въ низшихъ классахъ, для пособія нуждающимся и страждущимъ, для отвращенія и предупрежденія нищеты и ея неизбѣжнаго слѣдствія—безнравственности и разврата. Это общее движеніе, столь благородное, столь человѣческое, столь христіанское, встрѣтило своихъ порицателей въ лицѣ поклонниковъ тупой и косной патріархальности. Они говорятъ, что тутъ дѣйствуютъ мода, увлеченіе, тщеславіе, а не человѣколюбіе. Пусть такъ, да когда же и гдѣ же въ лучшихъ человѣческихъ дѣйствіяхъ не участвовали подобныя мелкія побужденія? Но какъ же сказать, что только такія побужденія могутъ быть причиною такихъ явленій? Какъ думать, что главные виновники такихъ явленій, увлекающіе своимъ примѣромъ толпу, не одушевлены болѣе высокими и благородными побужденіями? Разумѣется, нечего удивляться добродѣтели людей, которые бросаются въ благотворительность не по чувству любви къ ближнему, а изъ моды, изъ подражательности, изъ тщеславія; но это добродѣтель въ отношеніи къ обществу, которое исполнено такого духа, что и дѣятельность суетныхъ людей умѣетъ направлять къ добру! Это-ли не отрадное въ высшей степени явленіе новѣйшей цивилизаціи, успѣховъ ума, просвѣщенія и образованности?

«Могло-ли не отразиться въ литературѣ это новое общественное движеніе,—въ литературѣ, которая всегда бываетъ выраженіемъ общества? Въ этомъ отношеніи литература сдѣлала едва-ли не больше: она скорѣе способствовала возбужденію въ обществѣ такого направленія, нежели только отразила его въ себѣ, скорѣе учредила его, нежели только не отстала отъ него. Нечего говорить, достойна-ли и благородна-ли такая роль; но за все-то и нападаютъ на литературу иные. Мы думаемъ, что довольно показали, изъ какихъ источниковъ выходятъ эти нападки и чего они стоятъ... («Совр.» 1848 года, т. VII «Русская Литер.», стр. 10—26).

Послѣ того, Бѣлинскій оправдываетъ натуральную школу съ эстетической точки зрѣнія, развивая истинныя понятія о сущности и значеніи искусства. Этотъ эпизодъ былъ уже представленъ нами въ приложеніи къ седьмой главѣ «Очерковъ».

Мы привели въ извлеченіи всѣ важнѣйшія страницы общей части обоихъ послѣднихъ годичныхъ обозрѣній Бѣлинскаго. Во второй половинѣ того и другаго обозрѣнія, гдѣ дается оцѣнка замѣчательнѣйшихъ литературныхъ явленій предшествовавшаго года, особеннаго вниманія заслуживаетъ одна общая черта: ученые труды, преимущественно по русской исторіи, разсматриваются съ такою же подробностью, какъ и беллетрическія произведенія. Этого прежде не было: объ ученыхъ книгахъ представлялись только краткія сужденія. Въ самомъ дѣлѣ, въ послѣднее время дѣятельности Бѣлинскаго одна отрасль нашей ученой литературы, именно разработка русской исторіи, благодаря трудамъ новой исторической школы (гг. Соловьевъ, Кавелинъ и другіе), получила для общества важность, какой не имѣла прежде. Съ того времени это общее сочувствіе къ ученымъ вопросамъ постепенно возрастаетъ, и мало по малу наше общество начинаетъ расширять кругъ своихъ умственныхъ интересовъ. Въ послѣднее время, мы даже видѣли, что журналъ, вызывающій къ себѣ вниманіе публики преимущественно статьями ученаго содержанія, пользуется въ публикѣ вниманіемъ не меньшимъ того, какое обращено на журналы, успѣхъ которыхъ основанъ преимущественно на беллетристикѣ и беллетристической критикѣ. Пятнадцать, даже десять лѣтъ тому назадъ едва ли было бы возможно такое явленіе. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ новый прогрессъ въ умственной жизни нашей публики благотворнымъ образомъ отразится и на развитіи всей нашей литературы. Бѣлинскій предугадывалъ это, и вотъ причина того, что въ послѣднее время онъ почелъ необходимымъ расширить горизонтъ своихъ годичныхъ обозрѣній, обративъ на труды по русской исторіи столько же вниманія, какъ и на произведенія изящной словесности. Если бы въ настоящее время мы имѣли критиковъ, подобныхъ ему, конечно, они увидѣли бы возможность и необходимость еще болѣе расширить кругъ нашей критики.

Выписки наши изъ статей Бѣлинскаго были многочисленны и обширны. Легко было бы замѣнить ихъ изложеніемъ ихъ содержанія; но читатель, вѣроятно, одобряетъ тотъ методъ, которому мы слѣдовали. Наши статьи имѣли цѣлью не только историческое изложеніе различныхъ направленій русской критики: мы хотѣли также указать на основанія, отъ которыхъ не должна уклоняться современная критика, если не хочетъ впадать въ безсиліе, мелочность, пустоту. Справедливыя понятія объ этомъ были высказываемы у насъ Бѣлинскимъ, и на его критику до сихъ поръ надобно смотрѣть не только какъ на замѣчательное историческое явленіе, но также и какъ на руководительный примѣръ. Наши собственныя слова не имѣли бы того авторитета, какой имѣютъ его слова. Кромѣ того, если бы мы не приводили его мнѣній его собственными словами, вамъ, быть можетъ, вздумалось бы говорить, что мы приписываемъ Бѣлинскому мнѣнія, которыхъ онъ не имѣлъ: мы уже говорили, что память у многихъ изъ насъ очень коротка. Выписки изъ Бѣлинскаго предупреждаютъ возможность такого сомнѣнія, и придаютъ мыслямъ, которыя должны быть считаемы справедливыми, авторитетъ, который немногіе рѣшатся отвергать.

Два важные принципа особенно должны быть хранимы въ нашей памяти, когда дѣло идетъ о литературныхъ сужденіяхъ: понятіе объ отношеніяхъ литературы къ обществу и занимающимъ его вопросамъ; понятіе о современномъ

положеніи нашей литературы и условіяхъ, отъ которыхъ зависитъ ея развитіе. Оба эти принципа были выставляемы Бѣлинскимъ, какъ важнѣйшія основанія нашей критики, разъясняемы со всею силою его діалектики и постоянно примѣняемы имъ къ дѣлу, успѣхъ котораго и зависѣлъ въ значительной степени отъ ихъ соблюденія. Съ тэго времени, какъ писалъ Бѣлинскій, развитіе наше не сдѣлало столь значительныхъ успѣховъ, чтобы его мысли потеряли прямое отношеніе къ нашему настоящему, и кто заботится объ истинѣ, по необходимости до сихъ поръ держится литературныхъ воззрѣній, представителемъ которыхъ былъ онъ въ нашей критикѣ.

Во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности только тѣ направленія достигаютъ блестящаго развитія, которыя находятся въ живой связи съ потребностями общества. То, что не имѣетъ корней въ почвѣ жизни, остается вяло и блѣдно, не только не пріобрѣтаетъ историческаго значенія, но и само по себѣ, безъ отношенія къ дѣйствію на общество, бываетъ ничтожно. Когда дѣло идетъ о стремленіяхъ и фактахъ, принадлежащихъ къ сферамъ матеріальной, научной и общественной жизни, эта истина признается безспорно всѣми. Когда дѣло идетъ о живописи, скульптурѣ, архитектурѣ, также ни одинъ сколько нибудь свѣдущій человѣкъ не будетъ спорить противъ мысли, что каждое изъ этихъ искусствъ достигало блестящаго развитія только тогда, когда это развитіе условливалось общими требованіями эпохи. Скульптура процвѣтала у грековъ только потому, что была выраженіемъ господствующей черты въ ихъ жизни,—выраженіемъ страстнаго поклоненія красотѣ формъ человѣческаго тѣла. Готическая архитектура создала дивные памятники только потому, что была служительницею и выразительницею средневѣковыхъ стремленій. Итальянская школа живописи произвела дивныя картины только потому, что была выразительницею стремленій общества въ томъ вѣкѣ и въ той странѣ, служила духу вѣка, состоявшему въ сліяніи классическаго поклоненія красотѣ человѣческаго тѣла съ заоблачными стремленіями среднихъ вѣковъ.

Страннымъ исключеніемъ изъ общаго закона была бы литература, если бы могла производить что нибудь замѣчательное, отрѣшаясь отъ жизни. Но мы уже говорили въ одной изъ прежнихъ статей, что такихъ случаевъ никогда и не бывало. Какимъ же образомъ можетъ находить себѣ защитниковъ такъ называемая теорія «чистаго искусства» (искусства небывалаго и невозможнаго), требующая отъ литературы, чтобъ она исключительно заботилась только о формѣ? Тутъ все основано на томъ, что приверженцы такъ называемаго чистаго искусства сами не замѣчаютъ истиннаго смысла своихъ желаній или хотятъ вводить другихъ въ заблужденіе, говоря о чистомъ искусствѣ, котораго никто не знаетъ и никто, ни сами они, не желаетъ. Не остановливаясь на общей фразѣ, которою завѣдомо или безъ вѣдома для самихъ себя прикрываютъ они свои истинныя желанія, надобно ближе всмотрѣться въ факты, свидѣтельствующіе о ихъ стремленіяхъ, надобно посмотрѣть, въ какомъ духѣ сами они пишутъ и въ какомъ духѣ написаны произведенія, одобряемыя ими, и мы увидимъ, что они заботятся вовсе не о чистомъ искусствѣ, независимомъ отъ жизни, а, напротивъ, хотятъ подчинить литературу исключительно служенію одной тенденціи, имѣющей чисто житейское значеніе. Дѣло въ томъ, что есть люди, для которыхъ общественные интересы не существуютъ, кото-

рымъ извѣстны только личныя наслажденія и огорченія, независимыя отъ историческихъ вопросовъ, движущихъ обществомъ. Для этихъ изящныхъ эпикурейцевъ жизнь ограничивается тѣмъ горизонтомъ, который обнимается поэзіею Анакреона и Горація: веселая бесѣда за умѣреннымъ, но изысканнымъ столомъ, комфортъ и женщины,—больше не нужно для нихъ ничего. Само собою разумѣется, что для такихъ темпераментовъ равно скучны всѣ предметы, выходящіе изъ круга эпикурейскихъ идей; они хотѣли бы, чтобъ и литература ограничивалась содержаніемъ, которымъ ограничивается ихъ собственная жизнь. Но прямо выразить такое желаніе значило бы обнаружить крайнюю нетерпимость и односторонность, и для прикрытія служатъ имъ фразы о чистомъ искусствѣ, независимомъ, будто бы, отъ интересовъ жизни. Но скажите, развѣ хорошій столъ, женщины и пріятная бесѣда о женщинахъ не принадлежатъ къ житейскимъ фактамъ, наравнѣ съ пищетою и порокомъ, злоупотребленіями и благородными стремленіями? развѣ поэзія, если бы рѣшилась ограничиться застольными пѣснями и эротическими бесѣдами, не была бы все-таки выразительницею извѣстнаго направленія въ жизни, служительницею извѣстныхъ идей? Она говорила бы намъ: «пойте и любите, наслаждайтесь и забавляйтесь, не думая ни о чемъ больше»; она была бы проповѣдницею эпикуреизма, а эпикуреизмъ точно такъ же философская система, какъ стоицизмъ и платонизмъ, какъ идеализмъ и матеріализмъ, и проповѣдывать эпикуреизмъ значитъ просто на просто быть проповѣдникомъ эпикуреизма, а не служителемъ чистаго искусства.

Итакъ, вотъ къ чему сводится вопросъ о такъ называемомъ чистомъ искусствѣ: не къ тому, должна или не должна литература быть служительницею жизни, распространительницею идей,—она не можетъ ни въ какомъ случаѣ отказаться отъ этой роли, лежащей въ самомъ существѣ ея,—нѣтъ, вопросъ сводится просто къ тому: должна ли литература ограничиваться эпикурейскою тенденціею, забывая обо всемъ, кромѣ хорошаго стола, женщинъ и бесѣды на аттическій манеръ съ миртовыми вѣнками на головахъ собесѣдниковъ и собесѣдницъ? [1]) Отвѣтъ, кажется, не можетъ быть затруднителенъ. Ограничивать литературу изящнымъ эпикуреизмомъ значитъ до нелѣпости стѣснять ея границы, впадать въ самую узкую односторонность и нетерпимость. Нѣтъ нужды на односторонность отвѣчать другою односторонностью; за остракизмъ, которому защитники такъ называемаго чистаго искусства хотѣли бы подвергнуть всѣ другія идеи и направленія литературы, кромѣ эпикурейскаго, нѣтъ нужды платить остракизмомъ, обращеннымъ противъ эпикурейской тенденціи, хотя она скорѣе всякой другой тенденціи заслуживала бы осужденія, какъ нѣчто праздное и пошловатое. Нѣтъ, избѣгая всякихъ односторонностей, скажемъ, что эпикурейское настроеніе духа, существуя въ жизни, имѣетъ право выражаться и въ литературѣ, которая должна обнимать собою всю жизнь. Но справедливость требуетъ сказать, что вообще эпикуреизмъ можетъ играть важную роль въ жизни только немногихъ людей, расположенныхъ къ нему по

[1]) Само собою разумѣется, мы здѣсь говоримъ только о томъ, какой смыслъ имѣетъ теорія чистаго искусства въ наше время. Здѣсь насъ занимаетъ настоящее, а не давно минувшее.

натурѣ и обстановленныхъ въ жизни исключительно благопріятными обстоятельствами; потому и въ литературѣ эпикурейское направленіе можетъ приходиться по вкусу только немногимъ счастливымъ празднолюбцамъ, а для огромнаго большинства людей такая тенденція всегда казалась и будетъ казаться безвкусна или даже рѣшительно противна. Если же рѣчь переходитъ къ настоящему времени, то надобно замѣтить, что оно рѣшительно неблагопріятно для эпикуреизма, какъ время разумнаго движенія, а не празднаго застоя, и такъ какъ эпикуреизмъ въ жизни для нашего времени есть занятіе холодно-эгоистическое, слѣдовательно, вовсе не поэтическое, то и въ литературѣ эпикурейское направленіе нашего времени, по необходимости, запечатлѣвается холодною мертвенностью. Поэзія есть жизнь, дѣйствіе, страсть; эпикуреизмъ въ наше время возможенъ только для людей бездѣйственныхъ, чуждыхъ исторической жизни, потому въ эпикуреизмѣ нашего времени очень мало поэзіи. И если справедливо, что живая связь съ разумными требованіями эпохи даетъ энергію и успѣхъ всякой дѣятельности человѣка, то эпикуреизмъ нашего времени не можетъ создать въ поэзіи ровно ничего сколько нибудь замѣчательнаго. Дѣйствительно, всѣ произведенія, написанныя нашими современниками въ этой тенденціи, совершенно ничтожны въ художественномъ отношеніи: они холодны, натянуты, безцвѣтны и реторичны.

Литература не можетъ не быть служительницей того или другаго направленія идей: это назначеніе, лежащее въ ея натурѣ,—назначеніе, отъ котораго она не въ силахъ отказаться, если бы и хотѣла отказаться. Послѣдователи теоріи чистаго искусства, выдаваемаго намъ за нѣчто долженствующее быть чуждымъ житейскихъ дѣлъ, обманываются или притворяются: слова «искусство должно быть независимо отъ жизни» всегда служили только прикрытіемъ для борьбы противъ неправившихся этимъ людямъ направленій литературы, съ цѣлью сдѣлать ее служительницею другаго направленія, которое болѣе приходилось этимъ людямъ по вкусу. Мы видѣли, чего хотятъ защитники теоріи чистаго искусства въ наше время, и едва ли можно думать, чтобы ихъ слова могли имѣть какое нибудь вліяніе на литературу, какъ скоро смыслъ этихъ словъ открытъ. Нашему времени нѣтъ никакой охоты для эпикуреизма забыть обо всемъ остальномъ, и литература никакъ не можетъ подчиниться этому узкому и мелкому направленію, чуждому здоровымъ стремленіямъ вѣка.

Нельзя насильно дать себѣ одушевленія тѣмъ, что не возбуждаетъ одушевленія въ нашей натурѣ. Или врожденныя качества темперамента, или опытъ жизни, размышленіе и наука, а не произвольное напряженіе фантазіи приводятъ человѣка къ живому сочувствію всякой доброй, здоровой и благородной идеѣ. Есть люди, неспособные искренно одушевляться участіемъ къ тому, что совершается силою историческаго движенія вокругъ нихъ: для такихъ писателей безполезно было бы накладывать на себя маску патетическаго одушевленія современными вопросами,—пусть они продолжаютъ быть, чѣмъ хотятъ: великаго ничего не произведутъ они ни въ какомъ случаѣ. Но тѣ писатели, въ которыхъ природа или жизнь соединила съ талантомъ живое сердце,—тѣ писатели должны дорожить въ себѣ этимъ прекраснымъ сочетаніемъ таланта съ мыслью, дающею силу и смыслъ таланту, дающею жизнь и красоту ея произведеніямъ. Они должны сознавать, что ихъ благородное сердце, ихъ про-

свѣщенный умъ ведутъ ихъ по прямой, по единственной дорогѣ къ славѣ, внушая имъ потребность дѣйствовать на пользу историческаго развитія, быть служителями идей гуманности и улучшенія человѣческой жизни.

Это равно относится къ литературѣ каждой страны, отъ Испаніи до Россіи, Швеціи и Италіи. Но кромѣ общихъ условій, зависящихъ отъ самой натуры предмета, для литературной дѣятельности каждаго народа есть свои частныя условія, зависящія отъ особенныхъ обстоятельствъ народной жизни.

Въ Германіи, Англіи, Франціи, гдѣ умственная жизнь развилась уже на множество отдѣльныхъ самостоятельныхъ отраслей, дальнѣйшіе успѣхи каждой умственной дѣятельности зависятъ преимущественно отъ появленія геніальныхъ людей. Въ Германіи, напримѣръ, нынѣ нѣтъ беллетристовъ, подобныхъ Диккенсу и Теккерею, и въ этомъ состоитъ единственная причина жалкаго состоянія нѣмецкой беллетристики, которое и продлится до той поры, пока явятся геніальные писатели. Условія, отъ которыхъ зависитъ дальнѣйшее развитіе русской литературы, совершенно не таковы. Они лежатъ въ публикѣ. Литература можетъ вызывать публику къ умственной дѣятельности, но не можетъ ни замѣнить собою публику, ни существовать безъ поддержки со стороны публики. Мы говоримъ не о матеріальной поддержкѣ (хотя и въ этомъ отношеніи русская литература находится въ положеніи вовсе неудовлетворительномъ: въ пятнадцать лѣтъ вышли только два изданія Пушкина, и оба изданія вмѣстѣ не составляютъ и 10,000 экземпляровъ), но о нравственной поддержкѣ, которая гораздо важнѣе и, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще очень слаба, чтобы не сказать: совершенно ничтожна. Помѣщались стихи въ журналахъ— публика читала стихи, находила, что книжка журнала безъ стиховъ какъ-то не полна; вдругъ журналы стали являться безъ стиховъ—публика ничего не сказала противъ этого; потомъ опять появились въ журналахъ стихи—публика нашла, что, дѣйствительно, журналъ выигрываетъ, помѣщая стихотворенія.— Теперь пишутся романы изъ простонароднаго быта—публика находитъ это направленіе полезнымъ. Прекрасно. Но пусть перестанутъ писаться романы изъ простонароднаго быта, что скажетъ публика?—Теперь публика болѣе всего интересуется русскими повѣстями. Превосходный романъ Теккерея не читается съ такою жадностью, какъ посредственная русская повѣсть; а когда является повѣсть дѣйствительно хорошая, восторгъ публики безпредѣленъ. Но если бы вдругъ перестали писаться русскія повѣсти, какъ вы думаете, что сказала бы русская публика?

Нельзя упрекать нашу публику въ отсутствіи сочувствія къ литературѣ: нельзя упрекать ее и въ неразвитости вкуса. Напротивъ, отъ особеннаго положенія нашей литературы, составляющей самую живую сторону нашей духовной дѣятельности, и отъ состава нашей публики, къ которой принадлежатъ всѣ наиболѣе развитые люди, въ другихъ странахъ мало интересующіеся беллетристикою и поэзіею, отъ этихъ особенностей происходитъ то, что ни одна въ мірѣ литература не возбуждаетъ въ образованной части своего народа такой горячей симпатіи къ себѣ, какъ русская литература въ русской публикѣ, и едва ли какая нибудь публика такъ здраво и вѣрно судитъ о достоинствѣ литературныхъ произведеній, какъ русская. Самъ Байронъ не былъ для англичанина предметомъ такой гордости, такой любви, какъ для насъ Пушкинъ.

Изданіе сочиненій Байрона не было для англичанина національное дѣло, какимъ недавно были для насъ изданія Пушкина и Гоголя. Вотъ вамъ факты относительно сочувствія публики; а за развитость ея вкуса ручаются тысячи случаевъ. Не говоримъ объ оцѣнкѣ публикою нашихъ собственныхъ писателей, которая вообще очень справедлива. Но какую замѣчательную здравость вкуса обнаруживаетъ постоянно наша публика и въ оцѣнкѣ иностранныхъ писателей! Французы восхищаются до сихъ поръ Викторомъ Гюго и Ламартиномъ—кто у насъ раздѣляетъ эту ошибку? Англичане до сихъ поръ ставятъ Бульвера наравнѣ съ Диккенсомъ и Теккереемъ—у насъ кто не видитъ разницы между этими писателями? Нечего намъ гордиться такимъ превосходствомъ: оно происходитъ единственно оттого, что у насъ занимается чисто литературными вопросами та часть общества, которая въ Англіи и Франціи уже не хочетъ удостоивать своимъ вниманіемъ этихъ, какъ тамъ кажется, мелочей. Но какъ бы то ни было, отчего бы то ни происходило, не подлежитъ сомнѣнію, что наша публика обладаетъ, въ нынѣшнемъ своемъ составѣ, двумя драгоцѣннѣйшими для развитія литературы качествами: горячимъ сочувствіемъ къ литературѣ и замѣчательно вѣрнымъ взглядомъ на нее. Недостаетъ нашей публикѣ только одного: сознанія своего вліянія на литературу. Потому литература зависитъ отъ каприза случайностей.

Девять лѣтъ, прошедшія послѣ смерти Бѣлинскаго, были безплодны для исторіи критики, и мы останавливаемся на обозрѣніи дѣятельности Бѣлинскаго, потому что нечего больше сказать о русской критикѣ, лучшимъ и современнымъ выраженіемъ которой остаются до сихъ поръ его статьи. Но словесность наша не совершенно бездѣйствовала въ это время. Напротивъ, поэты и беллетристы, образовавшіеся въ школѣ Бѣлинскаго или дѣйствующіе въ духѣ, представительницею котораго была его критика, достигли первенства въ нашей литературѣ только уже въ послѣдніе годы его жизни или послѣ его смерти. Въ критикѣ не нашлось людей, способныхъ продолжать начатое имъ; но словесность, какъ могла, продолжала развиваться въ направленіи, на которое указывалъ онъ. Въ тѣ годы, писатели новаго направленія еще только завоевывали себѣ прочное положеніе въ литературѣ; теперь они рѣшительно господствуютъ въ ней. Если обстоятельства позволятъ намъ исполнить во всемъ размѣрѣ планъ, по которому начаты наши «Очерки», и первая часть котораго—обозрѣніе критики нами кончена, то мы должны будемъ обозрѣвать во второй части нашего труда дѣятельность русскихъ поэтовъ и беллетристовъ, начиная съ Гоголя до настоящаго времени. Отдѣльныя изданія произведеній нѣкоторыхъ изъ этихъ писателей доставляютъ намъ случай опредѣлить ихъ значеніе для литературы въ отдѣльныхъ статьяхъ, которыя, однакожь, будутъ имѣть непосредственное отношеніе къ общей системѣ нашихъ «Очерковъ».

БИБЛІОГРАФІЯ.

Основьяненко. *Сочиненіе* Григорія Данилевскаго. *Съ портретомъ Квитки, снимкомъ его почерка и домикомъ Основы. Спб. 1856.*

Задумавъ написать біографію Основьяненка, г. Данилевскій обратился къ лицамъ, знавшимъ покойника, съ просьбою сообщить ему, г. Данилевскому, какія нибудь извѣстія о харьковскомъ писателѣ. Нѣкоторые изъ этихъ почтенныхъ людей были такъ добры, что отвѣчали г. Данилевскому письменно; другіе сообщили ему нѣсколько писемъ, полученныхъ или писанныхъ Квиткою. Г. Данилевскій напечаталъ въ своей статьѣ эти письма, которая, такимъ образомъ, украсилась нѣсколькими хорошо написанными страничками, содержащими не лишенныя интереса и достовѣрныя извѣстія. Другіе, изъ бывшихъ знакомыхъ Квитки, разсказали г. Данилевскому (по словамъ г. Данилевскаго) нѣсколько анекдотовъ, въ томъ числѣ два-три любопытные. Г. Данилевскій пересказываетъ эти анекдоты. До какой степени соблюдена въ его пересказываніи точность, мы не знаемъ. Мы помнимъ только, что когда-то г. Данилевскій помѣстилъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» подробное описаніе Яновщицы, хутора Гоголя, и что потомъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» было доказано, что въ этомъ разсказѣ единственнымъ достовѣрнымъ извѣстіемъ должно считать увѣреніе г. Данилевскаго, что какой-то чумакъ, встрѣтившійся ему на дорогѣ, пѣлъ пѣсню:

Ой, у кума пчелы булы...

а все остальное—сплетеніе недосмотровъ, обмолвокъ и анахронизмовъ. Послѣ этого намъ кажется, что и новымъ разсказамъ г. Данилевскаго можетъ вѣрить только желающій. Впрочемъ, если и отбросимъ ихъ, біографія Квитки не потеряетъ многаго, потому что анекдоты эти неважны, да и во всей статьѣ интересны только пять-шесть недлинныхъ писемъ Квитки, его супруги, Загоскина, С. Т. Аксакова, г. Плетнева и г. Костомарова. Затѣмъ остаются собственныя изысканія г. Данилевскаго; они, повидимому, стоили ему нѣкотораго труда. Если такъ, охотно похвалимъ давно уже пишущаго юношу за трудолюбіе; жаль только, что нельзя похвалить его за основательность. Каждая

фраза его показываетъ, что онъ не позаботился порядочно ознакомиться хотя съ самыми главными фактами исторіи нашей литературы, о которой пишетъ. Вотъ, напримѣръ, какъ онъ излагаетъ исторію малороссійской литературы до XVIII вѣка:

«Древнѣйшими памятниками *степнаго наръчія* (?) были, съ XI вѣка, *отрывки* въ *сказаніяхъ Нестора*, *Кирилла Туровскаго*, *Слова о Полку Игоря*, *Ефрема Сирина* (что за наборъ именъ!), въ грамотахъ князей владимірскихъ и галицкихъ и въ поученіи Владиміра Мономаха (*что за хронологія!*). Организованнымъ является оно въ Литовскомъ Статутѣ и въ Словарѣ Памвы Берынды, въ гетманскихъ универсалахъ и въ полныхъ лѣтописяхъ, какова извѣстная лѣтопись Величко. Сюда же относятся: старинные акты Южной Руси, письма Мазепы къ дочери Кочубея и два любопытные памятника: Кроника изъ лѣтописцевъ стародавнихъ, Феодосія Сафоновича, 1672—1681 года, и *Изборникъ Святослава*. (!)

Кому хотя сколько нибудь знакомы эти имена, тотъ можетъ подивиться безотчетности въ ихъ подборѣ у г. Данилевскаго и забавнымъ анахронизмамъ, которыми наполненъ его перечень. Укажемъ лишь одинъ промахъ: «Изборникъ Святослава», памятникъ XI вѣка, отнесенъ къ памятникамъ XVII вѣка. Отысканіемъ другихъ промаховъ предоставляемъ заняться самому г. Данилевскому. Это занятіе дастъ ему случай хотя сколько нибудь ознакомиться съ главными фактами и съ хронологіею русской литературы. Предупреждаемъ его только, что на каждой строкѣ своего отрывка, онъ найдетъ, по крайней мѣрѣ, пять промаховъ. Когда г. Данилевскій приступитъ къ изданію «Полнаго собранія своихъ сочиненій», въ чемъ мы не сомнѣваемся, то мы рекомендуемъ ему, перепечатывая статью объ Основьяненкѣ, исключить изъ нея и этотъ отрывокъ, и все остальное, кромѣ писемъ Квитки, его супруги, Загоскина и гг. С. Т. Аксакова, Плетнева и Костомарова, какъ совѣтуемъ ему исключить изъ этого будущаго «Полнаго собранія своихъ сочиненій» и все остальное, что было имъ написано и напечатано до сихъ поръ. Рекомендуемъ ему также, прежде, нежели онъ приступитъ къ составленію обѣщаемой имъ біографіи Карамзина, годъ или два употребить на то, чтобы основательно изучить «Руководство къ исторіи русской литературы», изданное Департаментомъ Народнаго Просвѣщенія: для начинающихъ эта книга очень хороша.

Когда г. Данилевскій познакомится съ этимъ полезнымъ руководствомъ, онъ, безъ сомнѣнія, оставитъ намѣреніе писать обширную статью «о малороссійскомъ философѣ» Сковородѣ, потому что онъ убѣдится въ совершенной незначительности этого «философа». А если бы г. Данилевскій заглянулъ въ Исторію русской литературы», нами ему рекомендуемую, прежде, нежели принялся за составленіе своей статьи объ Основьяненкѣ, то мы были бы лишены удовольствія читать письма объ Основьяненкѣ г. С. Т. Аксакова и другихъ и забавы читать разсужденія самого г. Данилевскаго объ этомъ предметѣ. Онъ узналъ бы, заглянувъ въ «Руководство», что Основьяненко вовсе не принадлежитъ къ числу тѣхъ дѣятелей литературы, которые заслуживаютъ подробныхъ монографій. Объяснимся подробнѣе, для пользы г. Данилевскаго, потому что, по мѣткому выраженію одного изъ нашихъ критиковъ, посредственные и слабые писатели раздѣляются на нуждающихся въ порицаніи и на нуждающихся въ назиданіи: г. Данилевскій принадлежитъ къ числу послѣднихъ, и

мы не можемъ отказать въ полезномъ поученіи юношѣ, котораго г. Сент-Жюльенъ—отъ кого слышалъ онъ это?—нѣкогда называлъ ученикомъ и преемникомъ Гоголя.

Основьяненко былъ человѣкъ добрый и почтенный по своей благонамѣренности. Но, къ сожалѣнію, онъ былъ человѣкъ довольно ограниченный и вовсе не талантливый. Есть люди, которые, не имѣя ни особеннаго ума, ни таланта, пишутъ романы довольно сносные для своего времени, потому что имѣютъ или образованіе, или наблюдательность. Въ примѣръ укажемъ на автора «Семейства Холмскихъ», автора романа «Дочь купца Жолобова». Если г. Данилевскому извѣстны эти произведенія, онъ согласится, что и по своему внутреннему достоинству они выше и произвели въ свое время на публику гораздо болѣе впечатлѣнія, нежели «Панъ Халявскій» и «Похожденія Столбикова». Слѣдовательно, ихъ авторы скорѣе Основьяненка имѣли бы право удостоиться подробныхъ монографій. А между тѣмъ—не правда ли?—смѣшно и подумать, что можетъ быть написано 128 страницъ о Бѣгичевѣ или Калашниковѣ. Слѣдовательно, объ Основьяненкѣ писать статью во 128 страницъ еще страннѣе. Для человѣка, знакомаго съ этими именами, тутъ не можетъ быть сомнѣнія. По всей вѣроятности, г. Данилевскому неизвѣстны имена Бѣгичева и Калашникова, и, если хотите, онъ очень мало теряетъ отъ того, какъ мало потерялъ бы и тотъ, кому было бы неизвѣстно имя Основьяненка. Но дѣло въ томъ, что наше назиданіе, вѣроятно, еще не совсѣмъ убѣдительно для него. по неизвѣстности ему Бѣгичева и Калашникова, онъ не можетъ быть увѣренъ, что эти безвѣстные писатели болѣе заслуживали бы прославленія, нежели Основьяненко. Нечего дѣлать, надобно изложить сущность дѣла, безъ всякихъ ссылокъ на факты, неизвѣстные автору изслѣдованія, и убѣдить его разборомъ фактовъ, ему извѣстныхъ.

Читалъ ли, напримѣръ, г. Данилевскій «Пана Халявскаго», значительнѣйшее изъ произведеній Основьяненка?—Читалъ.—Прекрасно! Что же поражаетъ васъ въ этомъ романѣ съ первыхъ же строкъ самымъ непріятнымъ образомъ? Натянутое и нимало не острое остроуміе, такого рода: нынѣ просвѣщенія стало больше—вотъ, напримѣръ, мой сосѣдъ прорубилъ въ залѣ своей два новыхъ окна, чтобы просвѣщенія было больше; обхожденія нынѣ нѣтъ, потому что, напримѣръ, нашъ засѣдатель, когда у него обѣдаютъ гости, не обходитъ вокругъ стола съ просьбами кушать и пить, какъ обходили въ старину. И замѣтьте, что каждый изъ этихъ каламбуровъ растянутъ на цѣлую страницу журнальнаго формата. Можете вообразить, каково впечатлѣніе этихъ семимильныхъ остротъ на читателя. Растянутость у Основьяненка изумительная. Описавъ, какъ распространилось просвѣщеніе и вывелось обхожденіе, онъ говоритъ, что и воспитаніе дѣтямъ нынѣ даютъ не такое, какъ прежде—разумѣется, это опять острота—то есть нынѣ дѣтей не набиваютъ съ утра до ночи ватрушками и памушками, какъ въ старину. Эта острота тянется на четыре страницы журнальнаго формата. Такъ написанъ весь романъ, такъ написаны всѣ произведенія Основьяненка. А какое правдоподобіе! Начать хотя съ того, что разсказчикомъ романа выведенъ старикъ, который, по пословицѣ, въ лѣсу выросъ, а безпрестанно этотъ дикій степнякъ сбивается на тонъ, какимъ могъ говорить только человѣкъ нынѣшняго вѣка и порядочнаго образо-

ванія; гдѣ на свѣтѣ виданы глупцы, которые бы велѣли прививать дѣтямъ натуральную оспу? Гдѣ на свѣтѣ виданы фельдшеры, которые бы послушались такого приказанія? Гдѣ на свѣтѣ виданы дьячки-учители, которые доказывали бы зажиточнымъ панычамъ пользу грамоты тѣмъ, что «вотъ какъ выучишься, панычъ, грамотѣ, будешь писать поминальныя записочки о покойникахъ и будешь получать за то хорошій доходъ?» Вѣдь какъ бы ни былъ глупъ учитель, все же онъ знаетъ, что паныча этимъ не прельстишь. Какой малоруссъ—вѣдь они получше другихъ народовъ знаютъ толкъ въ пѣніи—станетъ хвалить пѣвца «за скрыпучій голосъ, отъ котораго морозомъ по кожѣ подираетъ?» Однимъ словомъ, на каждой строкѣ у Основьяненка—несообразности, и, кромѣ несообразностей, нѣтъ ничего: все вяло, приторно, переслено, жеманно, натянуто и растянуто. Но, быть можетъ, г. Данилевскому извѣстно, что нѣкоторые хвалятъ «Сердечную Оксану?» Не совѣтуемъ ему слушать этихъ людей: «Оксана» во сто разъ приторнѣе и натянутѣе «Пана Халявскаго». И нигдѣ нѣтъ у Основьяненка ни тѣни самостоятельности: бо́льшая часть страницъ его пропитана самымъ неловкимъ подражаніемъ Гоголю: на другихъ страницахъ онъ подражаетъ то Карамзину (въ «Бѣдной Лизѣ»), то г. Далю, то Загоскину, то какому нибудь второстепенному, нынѣ забытому романисту. Въ этой книжкѣ мы высказали свое мнѣніе о баронѣ Брамбеусѣ, какъ цѣнителѣ литературныхъ произведеній, и сказали, что, если онъ дѣлалъ промахи, говоря о произведеніяхъ, имѣющихъ художественное достоинство, то надъ произведеніями рѣшительно слабыми онъ умѣлъ подсмѣиваться. И слова его объ Основьяненкѣ, которыми такъ возмущается г. Данилевскій, совершенно справедливы:

Есть разнаго рода остроумія болѣе или менѣе несносныя: но самое несносное изъ всѣхъ—это провинціальное остроуміе. Эти глубокомысленныя наблюденія надъ человѣческимъ сердцемъ, дѣлаемыя изъ-за плетня; эти черты нравовъ, подмѣченныя между маслобойнею и скотнымъ дворомъ: эти взгляды на жизнь, обнимающіе на земномъ шарѣ великое пространство, пять верстъ въ радіусѣ; этотъ свѣтъ, составленный изъ шести сосѣдей; эти колкіе сарказмы надъ борьбою изящества и моды съ дегтемъ и саломъ; эти насмѣшки надъ новымъ и новѣйшимъ, которыхъ даже и не видно оттуда, гдѣ позволяютъ себѣ подшучивать надъ ними,—весь этотъ дрянный, выдохлый губернскій ядъ, котораго не боятся даже и мухи; и эти остроты, точенныя на приходскомъ оселкѣ; и эти стрѣлы, пущенныя со свистомъ и валящіяся наземь, въ пяти шагахъ отъ носа стрѣлка: и эти смѣлые удары, съ трескомъ падающіе, вмѣсто общества, на лужу грязи, которая отъ нихъ только распрыскивается на читателей; раны и язвы, наносимыя пороку съ той стороны, которой порокъ никогда не видитъ у себя, если стоитъ прямо передъ зеркаломъ. Все это можетъ казаться очень замысловатымъ какой нибудь ярмаркѣ, какому нибудь уѣзду, даже цѣлой губерніи, но не должно переходить за границы этого горизонта, подъ опасеніемъ быть принятымъ за пошлость и безвкусіе...

Напрасно г. Данилевскій не принялъ въ уваженіе этой вѣрной характеристики: съ рецензіями барона Брамбеуса о посредственныхъ или плохихъ книгахъ не худо справляться; о дурныхъ книгахъ онъ говорилъ почти всегда хорошо,—по крайней мѣрѣ, лучше и нельзя говорить о нихъ.

Но вѣдь Основьяненко пользовался уваженіемъ въ своемъ кружкѣ? Ну, да, и вполнѣ заслуживалъ этого уваженія, какъ человѣкъ добрый, пріятный собесѣдникъ, радушный хозяинъ, какъ человѣкъ, занимавшій, и не безъ пользы для общества занимавшій довольно почетное мѣсто въ губернскомъ кругу, на-

конецъ, какъ человѣкъ, искренно любившій свою родину и желавшій успѣховъ ея литературѣ.

Но вѣдь онъ считался однимъ изъ лучшихъ писателей на малороссійскомъ языкѣ? Вѣдь его малорусскія повѣсти до сихъ поръ имѣютъ въ Малороссіи почитателей? Да можно ли полагаться на сужденія ихъ? Вѣдь это или такіе люди, которые ничего лучше «Халявскаго» и «Оксаны» не читывали, или люди, готовые прощать всѣ возможные недостатки книгѣ, написанной на миломъ для нихъ нарѣчіи. А что касается до значенія Основьяненка въ ряду авторовъ, писавшихъ на малороссійскомъ нарѣчіи, мы сказали бы, что не заслуживаетъ вниманія малорусская литература, если Основьяненко можетъ въ ней считаться, сравнительно съ другими, хорошимъ писателемъ. Но, къ счастію, это вовсе не такъ: малорусская литература имѣла писателей, дѣйствительно замѣчательныхъ, людей, которые занимаютъ высокое мѣсто въ русской литературѣ, и занимали-бъ его и тогда, если бы писали и на обыкновенномъ литературномъ языкѣ; и когда кто нибудь—только уже не г. Данилевскій, напѣвемся—разскажетъ намъ объ этой малорусской отрасли русской литературы,—отрасли, достойной всякаго сочувствія, то упомянетъ кстати, что въ числѣ хорошихъ знакомыхъ того или другаго замѣчательнаго малорусскаго писателя былъ Г. Ѳ. Квитка, добрый и почтенный человѣкъ, любившій литературу и писавшій посредственныя произведенія подъ именемъ Основьяненка.

Лейтенантъ и Поручикъ, быль временъ Петра Великаго, *сочиненіе* Константина Масальскаго. *Двѣ части. Спб. 1855.*

Если вы старикъ, читатель, вы не обратите вниманія на «быль изъ временъ Петра Великаго», сочиненную г. К. Масальскимъ: имя этого писателя не соединено съ вашими воспоминаніями: если вы молоды, читатель, вы также не захотите читать «Лейтенанта и Поручика», зная, по бѣглымъ упоминаніямъ въ журналахъ о г. Масальскомъ, только то, что онъ когда-то считался однимъ изъ самыхъ посредственныхъ нашихъ романистовъ: но если вы ни стары, ни молоды, вы—хотя тоже не будете читать «Лейтенанта и Поручика»—посмотрите на обертку этой «были» не безъ нѣкотораго умиленія: вы вспомните о томъ времени, когда вы, не только выучившись читать очень бѣгло, но и выучивъ четыре правила ариѳметики, двѣ-три главы грамматики до глаголовъ или нарѣчій, басни «Лисица и Ворона», «Стрекоза и Муравей», начали чувствовать, что въ маленькомъ вашемъ сердцѣ, въ рѣзвой вашей головкѣ поселилась, послѣ прежнихъ потребностей въ пряникахъ и конфектахъ, въ дѣтскихъ играхъ, послѣ неугомонной шаловливости, неутомимой бѣготни, новая страсть—читать, читать... не грамматику и не басни Крылова, не «Русскую Исторію» г-жи Ишимовой—все это скучно, потому что писано для дѣтей—нѣтъ, читать книги, писанныя «для большихъ». Съ какою жадностью бросались вы, десятилѣтній мальчикъ, на романы, и какое наслажденіе доставляли вамъ эти увлекательные маленькіе томики! это высокое наслажденіе доставляли вамъ не тѣ романы, которыми восхищались ваши тетушки и старшіе, «большіе братья»: Марлинскій, Пушкинъ, Лажечниковъ, Зенеида Р-ва, Гоголь, Павловъ, князь Одоевскій, Вельтманъ,—все это было скучно для васъ: но какъ зани-

мательны были для васъ «Леонидъ, или нѣкоторыя черты изъ жизни Наполеона», «Юрій Милославскій», «Рославлевъ, или Русскіе въ 1812 году», «Таинственный Монахъ, или нѣкоторыя черты изъ жизни Петра I», «Паята, дочь Ледзейки, или литовцы въ XIV столѣтіи», и проч., и проч.! Ахъ, какъ интересны были эти книжечки! Нынѣ уже не пишутъ такихъ книгъ, скажете вы съ истинною грустью о нынѣшнихъ десятилѣтнихъ, двѣнадцатилѣтнихъ мальчикахъ и дѣвочкахъ. Нѣтъ уже этой немудрой, но грамотной литературы: люди, не имѣющіе особеннаго таланта, но довольно начитанные и не лишенные нѣкотораго умѣнья сочинять складно, не пишутъ нынѣ въ простотѣ души, какъ писалось въ старину: нѣтъ! они пишутъ свысока, гонятся за художественностью, за психологическими тонкостями, за анализомъ, за юморомъ, какъ будто все это ихъ дѣло, какъ будто все это имъ по плечу,—и пишутъ вещи, безтолковыя и скучныя для взрослыхъ, непонятныя и скучныя для дѣтей.

Не такъ писали въ старину: тогда, безъ всякихъ хитростей, половину страницъ романа выписывали изъ какой нибудь хорошей исторической книги— особенно богатый матеріалъ доставляла «Исторія» Карамзина —а другая половина наполнялась незамысловатыми, но очень трогательными или до умори тельности смѣшными приключеніями какихъ нибудь Владиміровъ, Анастасій и Киршей. «Исторія» Карамзина написана прекрасно, стало быть, нѣтъ и спора въ томъ, что одна половина романа была хороша; а другая половина была еще лучше! Припомните только удивительно забавную сцену, какъ, обиженный Копычинскимъ, Юрій Милославскій, чуть ли не съ револьверомъ Кольта въ рукахъ и съ папироской въ зубахъ, въ наказаніе, заставляетъ хвастливаго пана Копычинскаго съѣсть, не переводя духа, огромнаго жаренаго гуся до послѣдней косточки; панъ Копычинскій давится, задыхается отъ объѣденія, но ѣстъ, ѣстъ, ѣстъ, а Юрій торопитъ его, наведя свой кольтовскій револьверъ прямо на лобъ наглаго труса... ахъ, какъ это смѣшно! А какъ трогательна судьба Леонида, который борется съ своимъ личнымъ противникомъ Наполеономъ и побѣждаетъ его! Вѣдь Леонидъ и Наполеонъ были влюблены въ одну и ту же дѣвушку, и Наполеонъ шелъ въ Москву не съ другою цѣлью, какъ только отбить у Леонида невѣсту и жениться — злодѣй! отъ живой жены, Маріи-Луизы, — на Полинѣ или Надинѣ, — не помнимъ ея имени, но помнимъ, что дѣло въ 1812 году шло собственно о томъ, кому «обладать Надиною» или Полиною—Леониду или Наполеону! Помните ли, какимъ жалкимъ человѣкомъ казался этотъ волокита Наполеонъ въ сравненіи съ своимъ соперникомъ, великодушнымъ и храбрымъ Леонидомъ? Зато вѣдь Леонидъ и побѣдилъ Наполеона, потому что, если вы помните, Наполеонъ былъ побѣжденъ никѣмъ другимъ, какъ именно Леонидомъ! Какія замѣчательныя приключенія! Прибавьте къ этому чистый языкъ, чистую нравственность, и вы со вздохомъ скажете: «да, для нынѣшней малолѣтней публики уже нѣтъ такихъ прекрасныхъ книжекъ, какими услаждали насъ въ дѣтствѣ добрый Загоскинъ — геній этой литературы— и другіе столь же добродушные и радушные дѣятели ея: г. Воскресенскій, г. Р. Зотовъ, г. Масальскій.

Да, вы не забудете г. Масальскаго, потому что и онъ доставилъ вашему дѣтству столько же сладкихъ часовъ, какъ г. Р. Зотовъ. Какъ занимательны были его «Стрѣльцы», «Регентство Бирона». Мы не можемъ теперь въ точ-

ности припомнить содержанія этихъ романовъ, знаемъ только, что они были хороши; но лучшимъ его произведеніемъ былъ, по нашимъ воспоминаніямъ, «Черный Ящикъ». Ужъ одно начало чего стоитъ! Какой-то молодой провинціалъ, Карпъ Силычъ, цѣлый вѣкъ ходившій въ чуйкѣ, пріѣхалъ въ Петербургъ и начинаетъ одѣваться по модѣ, установленной Петромъ Великимъ (романъ взятъ изъ эпохи Петра Великаго). Ему принесли кафтанъ, брюки, жилетъ, галстухъ. Онъ не знаетъ, какъ приладить эти нѣмецкія штуки на свое туловище; особенно затрудняетъ его жилетъ. Ужъ подлинно, будетъ жалѣть, кто станетъ надѣвать эту жалетъ! восклицаетъ онъ, наконецъ рѣшаетъ, что жилетъ долженъ застегиваться на спинѣ. Послѣ этого надобно, чтобы сюртукъ и брюки также застегивались на спинѣ, и онъ надѣваетъ всѣ принадлежности костюма задомъ напередъ... Ахъ, какъ это смѣшно! Мы всѣ — и братцы, и сестрицы, и десятокъ нашихъ маленькихъ пріятелей—цѣлую недѣлю не могли безъ хохота вспомнить о томъ, какъ Карпъ Силычъ шелъ по улицѣ въ платьѣ, надѣтомъ задомъ напередъ, какъ высокій воротникъ сюртука поднималъ ему бороду, какъ мальчишки бѣжали за нимъ съ хохотомъ и насмѣшками, какъ онъ пришелъ къ своему нареченному тестю — потому что Карпъ Силычъ пріѣхалъ въ Петербургъ жениться — и какъ на вопросъ хозяина: отчего все платье на немъ надѣто задомъ напередъ? отвѣчалъ: «вѣтромъ перевернуло на улицѣ!»... Ахъ, какъ это смѣшно! А какъ страшно, когда — не помнимъ уже кто, Карпъ Силычъ или прекрасный юноша-офицеръ, влюбленный въ красавицу, на которой хочетъ жениться Карпъ Силычъ—ночью, при блескѣ молніи, отправляется на пустынный островъ или въ дремучій лѣсъ, — однимъ словомъ, въ какое-то мѣсто очень страшное, выкопать изъ-подъ земли таинственный «черный ящикъ», въ которомъ хранятся груды золота, съ участью котораго соединена судьба красавицы-невѣсты! Превосходно! Никогда не бывало и не будетъ лучшаго, занимательнѣйшаго романа для такихъ читателей, какими въ то время были мы, нынѣшніе люди среднихъ лѣтъ.

И замѣтьте, что этотъ романъ написанъ правильнымъ, грамотнымъ языкомъ. Какая разница съ Совѣстдраломъ большимъ носомъ», съ «Георгомъ, милордомъ аглицкимъ», съ «Францускомъ Венеціаномъ», которыми въ дѣтствѣ воспитывался вкусъ нашихъ дядей и дѣдовъ! О, мы были дѣтьми въ счастливое для дѣтей время! Вѣчную признательность должны мы хранить къ гг. Р. Зотову, М. Воскресенскому, К. Масальскому!

Теперь уже не тѣ времена! Что пишутъ и какъ пишутъ люди, наслѣдовавшіе талантъ этихъ почтенныхъ авторовъ? Они хотятъ раскрывать намъ сокровеннѣйшіе изгибы человѣческой души, пишутъ психологическія разсужденія въ лицахъ, толкуютъ о развитіи, о борьбѣ страстей; они хотятъ блестѣть остроумною ироніею, хотятъ прославиться знаніемъ жизни и людей, хотятъ даже— о, ужасъ!—удивлять насъ художественными совершенствами своихъ твореній; они хотятъ быть Гоголями, Гончаровыми, Тургеневыми, Жоржъ-Сандами, Теккереями, Диккенсами! Господа, будьте тѣмъ, чѣмъ создала васъ природа: будьте преемниками г. Р. Зотова, г. К. Масальскаго, и вы принесете свою долю пользы, и вы будете имѣть множество читателей, которые будутъ хвалить васъ. А теперь кто читаетъ и кто хвалитъ ваши психологическія и художественныя произведенія?

Подумайте объ этомъ совѣтѣ: его исполненіе принесетъ столько пользы вамъ, столько удовольствія тѣмъ читателямъ, которые еще не доросли до повѣстей съ различными ухищреніями въ психологическомъ и художественномъ родѣ. А какъ легко исполнить этотъ совѣтъ: подражать г. Р. Зотову и г. К. Масальскому гораздо легче, нежели подражать Гоголю, Теккерею или Жоржъ-Санду! И, если хотите, мы еще болѣе облегчимъ для васъ это дѣло, разсказавъ содержаніе и объяснивъ манеру романовъ, приносившихъ такую пользу въ старину. Кстати же, передъ нами лежитъ одинъ изъ этихъ романовъ.

Въ 1710 году, въ Петербургѣ, въ бревенчатой избѣ сидѣли Александръ (по фамиліи Вѣтринъ, по чину лейтенантъ) и Клавдій (по фамиліи Лановъ, по чину поручикъ). «Тому и другому собесѣднику было около двадцати-семи лѣтъ; оба считались рѣдкими красавцами. Всѣ дѣвушки влюблялись въ нихъ съ перваго раза». Они пьютъ венгерское и повѣряютъ другъ другу свои тайны. Клавдій говоритъ, что назначенъ походъ къ Выборгу; Александръ, восхищенный этимъ, объясняетъ, что тамъ найдетъ онъ свою невѣсту, шведку, которую узналъ, когда она съ отцомъ жила въ плѣну въ Петербургѣ, — теперь плѣнные отпущены на родину и живутъ въ окрестностяхъ Выборга. Друзья клянутся въ вѣчной дружбѣ, сливаютъ назадъ въ бутылку остатки венгерскаго, которое уже было разлито въ серебряныя чаши, запечатываютъ бутылку и обѣщаются не разрывать дружбы, пока не будетъ ими выпита эта бутылка. Потомъ описывается очень подробно осада Выборга. Клавдій, фуражируя въ окрестностяхъ города, влюбляется въ Элеонору, у отца которой покупаетъ хлѣбъ. Она влюбляется въ Клавдія. Онъ везетъ къ ней своего друга: оказывается, что Элеонора та самая плѣнная шведка, о которой говорилъ Александръ. Такимъ образомъ оба друга влюблены въ одну дѣвушку, которая также равно любитъ ихъ обоихъ, не зная, кому отдать преимущество. Друзья часто готовы поссориться, но вспоминаютъ о запечатанной бутылкѣ и мирятся, наконецъ, оба вмѣстѣ, дѣлаютъ предложеніе отцу Элеоноры: «пусть она избираетъ изъ насъ того, кого болѣе любитъ». Элеонора говоритъ, что равно любитъ обоихъ. Друзья уѣзжаютъ домой и рѣшаются бросить жребій: по жеребью достается Александру уѣхать, Клавдію — жениться на Элеонорѣ. Александръ уѣзжаетъ и, возвратясь черезъ два года, встрѣчаетъ милаго малютку — это сынъ Клавдія: сердечныя раны Александра раскрываются. Но вотъ бѣжитъ навстрѣчу другу Клавдій, ведетъ его насильно въ свой домъ, представляетъ его своей женѣ. Александръ поднимаетъ глаза — о, диво! о восторгъ! это не Элеонора, а Лиза, о которой не было и помину во все продолженіе романа. Элеонора плакала, когда Александръ уѣхалъ, и Клавдій женился на Лизѣ, а Элеонору сберегъ для друга. Вотъ ужь подлинно другъ! Да, кстати, гдѣ же запечатанная бутылка? Она брошена въ Иматру, и, слѣдовательно, дружба Александра и Клавдія уже ненарушима.

Какая трогательная наивность въ изобрѣтеніи романа! Столько же милой наивности и въ изложеніи: идея и форма совершенно гармонируютъ между собою. Вотъ, напримѣръ, сцена между друзьями, когда они, въ пріятномъ вечернемъ разговорѣ и въ халатахъ, объяснились, на сонъ грядущій, относительно страсти, наводящей грусть на обоихъ. (Начинаетъ рѣчь Клавдій.)

— Саша, случай, что я тебѣ скажу: я люблю тебя, это ты знаешь! Люблю и Элеонору! Я перемогу себя, чего бы мнѣ это ни стоило, помня нашу давнюю, священную для меня дружбу! Я испытаю себя! Я увѣренъ, что уступлю тебѣ Элеонору. Конечно, я буду много и долго страдать; да что за бѣда!

— Нѣтъ, Клавдій, мой благородный Клавдій! я не хочу, чтобъ ты изъ-за меня страдалъ! Ты первый полюбилъ Элеонору, ты на нее болѣе меня имѣешь права. Пусть буду я страдать, а ты будь счастливъ. Ты достоинъ этого!

— А если я самъ хочу страдать, если мнѣ это нравится? Не обижайся, Саша, если я тебѣ скажу, что я тверже тебя, что мнѣ легче будетъ перенести страданіе. Да что тутъ долго толковать! Я тебѣ уступаю Элеонору.

Вѣтринъ засвисталъ какой-то маршъ и съ мужественнымъ, спокойнымъ лицомъ началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Ты мнѣ уступаешь Элеонору.... мрачно проговорилъ Лановъ.—Нѣтъ, это невозможно! Этого я не хочу! Развѣ я не такой же другъ тебѣ, какъ ты мнѣ? Я не долженъ уступать тебѣ въ благородствѣ, Клавдій! Иначе ты перестанешь уважать меня, а тогда не можешь остаться мнѣ другомъ! Пусть страдаетъ, пусть разрывается мое сердце. Я забуду Элеонору! Будь счастливъ съ нею, мой великодушный, благородный другъ!

Друзья заплакали и сжали другъ друга въ объятіяхъ. Отъ сильныхъ чувствъ, которыя ихъ волновали, ни тотъ, ни другой не могъ вымолвить болѣе ни слова. Вѣтринъ снялъ халатъ и сапоги и легъ въ постель. Лановъ сдѣлалъ тоже.

Какая умилительная борьба великодушія! Истинно, этотъ отрывокъ напоминаетъ заключеніе басни, которую у казака Луганскаго нѣмецъ-гувернеръ написалъ для своихъ воспитанниковъ: «Сія басня научиваетъ, что другой былъ великодушнѣе одного, а послѣдній великодушнѣе перваго.» И какъ восхитительно заключается эта патетическая сцена дивнымъ замѣчаніемъ: «Вѣтринъ снялъ халатъ и сапоги и легъ въ постель. Лановъ сдѣлалъ тоже.» О, не сравненное, геніальное простодушіе!

Что лучше этой повѣсти можетъ быть придумано для читателей того интереснаго возраста, когда отъ ариѳметики переходятъ къ романамъ, отъ романовъ къ игрѣ въ лапту или въ мячъ? Она показалась бы чрезвычайно занимательна этимъ читателямъ; но—увы!—она не дойдетъ до рукъ ихъ, потому что дѣти не пріобрѣтаютъ книгъ по своему выбору: они только берутъ книги, какія находятъ въ библіотекахъ своихъ взрослыхъ родныхъ и знакомыхъ; а кто изъ этихъ родныхъ и знакомыхъ почтетъ нынѣ нужнымъ украсить свою библіотеку «Лейтенантомъ и Поручикомъ»?—И что нынѣ бѣдные читатели, равно любящіе мячъ и романы, найдутъ въ этихъ библіотекахъ, за исключеніемъ повѣстей гг. Гончарова, Григоровича, Л. Н. Т., Тургенева и немногихъ другихъ? что найдутъ они, кромѣ этихъ повѣстей, которыя слишкомъ не подъ силу дѣтскому уму и дѣтскому вкусу? Бѣдныя дѣти нынѣшняго времени! Пожалѣйте ихъ, господа подражатели Григоровича и Тургенева! Перестаньте тянуться вслѣдъ за этими писателями: это слишкомъ трудно. Оставьте, подражайте лучше г. Р. Зотову и К. Масальскому: они были равны вамъ по таланту, но писали занимательно, хотя для нѣкотораго класса публики, потому что не имѣли вашихъ претензій; подражайте же имъ, и если люди, перешедшіе эпоху простодушія, по прежнему не будутъ читать васъ, то никто не будетъ и осуждать васъ; напротивъ, многіе будутъ читать васъ съ удовольствіемъ.

Но нѣтъ, это невозможно! Въ мірѣ не осталось уже нынѣ романистовъ и повѣствователей наивныхъ, которые, по выраженію реторики Кошанскаго, спи-

сали, какъ умѣли, наудачу»: каждый нынѣ имѣетъ претензіи на глубокомысліе, на наблюдательность, на художественность, не думая о томъ, что лучше написать «Лейтенанта и Поручика», нежели... однако, къ чему приводить примѣры? Каждый читатель припомнитъ десятки ихъ, а писатели, въ примѣръ которымъ ставимъ мы г. Р. Зотова и г. К. Масальскаго, вѣроятно, сами твердо помнятъ названія своихъ произведеній.

Мѣсяцословъ на 1856, высокосный годъ. *Съ портретомъ Его Величества Государя Императора. Спб.*

Составъ Академическаго Календаря на 1856 годъ почти тотъ же самый, какой имѣли календари предъидущихъ лѣтъ. Измѣненія, сравнительно съ «Мѣсяцословомъ» предъидущаго года, незначительны. Они состоятъ въ томъ, что, вмѣсто статьи прошлогодняго календаря о лѣтосчисленіи и таблицъ народонаселенія Россійской имперіи, великаго княжества Финляндскаго и царства Польскаго по уѣздамъ, помѣщены два новые списка: 1) дни, въ которые совершаются крестные ходы въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и окрестностяхъ С.-Петербурга; 2) алфавитная роспись святыхъ, находящихся въ полномъ мѣсяцословѣ, съ показаніемъ времени, когда память ихъ празднуется православною церковію. Послѣдняя роспись особенно полезна для справокъ: Полный Мѣсяцословъ» нынѣ сталъ довольно рѣдкою книгою, и, дѣйствительно, было необходимо перепечатать въ «Академическомъ Мѣсяцословѣ» эту статью, придававшую главное достоинство «Полному Мѣсяцослову».

Около восьмисотъ мужскихъ и двухсотъ женскихъ именъ внесены въ этотъ алфавитный списокъ. Изъ нихъ многія, особенно мужскія имена, встрѣчаются въ календарѣ по нѣскольку, многія даже по десяти и болѣе разъ втеченіе года. Такъ, по 11 разъ встрѣчаются Антоній, Аѳанасій, Зинонъ, Маркъ, Симеонъ, Ѳеофилъ; по 12-ти разъ: Андрей, Кириллъ и Михаилъ; 13 разъ—Діонисій; 14—Георгій; 15—Василій, Іуліанъ и Максимъ; по 17 разъ: Григорій, Іаковъ и Стефанъ; 19—Павелъ; наконецъ Александръ—21 разъ, Ѳеодоръ—27, Петръ—30, а Іоаннъ даже 61 разъ. Изъ женскихъ именъ только Ѳеодора встрѣчается 8 разъ, Анна—9 и Марія—10 разъ.

Крестныхъ ходовъ совершается въ Петербургѣ, ежегодно, 8, въ окрестностяхъ Петербурга—11, въ Москвѣ—13.

Изъ двухъ лунныхъ затмѣній 1856 года въ Европейской Россіи будетъ видимо только частное лунное затмѣніе 1—2 октября (по петербургскому среднему времени, начало его будетъ въ 11 часовъ 22 мин. вечера, а конецъ въ 2 ч. 28 м. утра). Изъ двухъ солнечныхъ затмѣній (полное, 24 марта, и кольцеобразное, 17 сентября) ни то, ни другое въ Европейской Россіи не будутъ видимы.

Списокъ малыхъ планетъ, обращающихся между Марсомъ и Юпитеромъ, втеченіе 1855 года увеличился четырьмя новооткрытыми астероидами, именно: Шакорнакъ (въ Парижѣ) 6 апрѣля открылъ Цирцею, Лутеръ (въ Билкѣ) Левкотею, и, въ одинъ и тотъ же день, 5 октября, Лутеръ открылъ Фидесу, а Гольсмитъ (въ Парижѣ) Аталанту. Такимъ образомъ, къ началу 1856 было извѣстно уже 37 астероидовъ.

Изъ таблицы о числѣ родившихся, сочетавшихся бракомъ и умершихъ лицъ православнаго исповѣданія въ Россійской имперіи за 1853 годъ видимъ, сравнительно съ 1852 годомъ, значительное увеличеніе по всѣмъ итогамъ: такъ,

	1852	1853	
родилось	2,491,400	2,672,154	человѣка
сочеталось бракомъ.	508,770	523,593	пары
умерло	1,739,105	2,094,677	человѣкъ.

Общаго итога по всѣмъ вѣроисповѣданіямъ за 1853 годъ еще нельзя составить, по недостатку свѣдѣній о лицахъ реформатскаго исповѣданія.

Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ движеніе населенія въ 1854 г. представляло слѣдующія цифры:

	въ С.-Петербургѣ	въ Москвѣ	
родилось	16,701	10,147	человѣкъ
бракомъ сочеталось . . .	3,068	1,619	паръ
умерло	22,473	15,239	человѣкъ.

Сравнивая таблицы, показывающія возрастъ умершихъ, мы видимъ, что, хотя населеніе Петербурга (532,241) почти вполтора раза больше, нежели населеніе Москвы (373,800), но число лицъ, доживающихъ до преклонной старости, въ Москвѣ значительнѣе, нежели въ Петербургѣ. Такъ было въ 1854 г.

		Въ С.-Петербургѣ.	Въ Москвѣ
умершихъ въ возрастѣ	70—75 лѣтъ . .	286	318
»	» 75—80 » . .	186	271
»	» 80—85 » . .	91	131
»	» 89—90 » . .	46	63
»	болѣе 90 лѣтъ . . .	19	34.

Приводя главные итоги изъ вѣдомостей о числѣ учащихся за 1854 г., сравнимъ ихъ съ итогами за 1853 годъ, которые были сообщены прошлогоднимъ календаремъ.

Учащихся по Министерству Народнаго Просвѣщенія:

	1853 г.	1854 г.
1) въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ учрежденіяхъ	4.110	4.130
2) всего по Министерству Народнаго Просвѣщенія	121.193	122.553
въ царствѣ Польскомъ	83,114	82,999
по вѣдомству Министерства Государственныхъ Имуществъ	153.275	170.573.

Сравнимъ также вѣдомости о количествѣ металловъ, добытыхъ въ 1853 и 1854 г.

	1853 г.	1854 г.
золота	1,398 п. 21 ф. 93 з.	1,581 п. 24 ф. 74 зол.
серебра	983 » 11 » 19 »	1,036 » 25 » 73 »
платины . . .	61 » 11 » 14 »	27 » 3 »
мѣди	394,549 п.	390,818 п.
свинца	40,003 »	110,916 »
чугуна	14,517,524 »	14,148,651 »
стали	53,974 »	67,522 »
желѣза	12,092,088 »	11,598,805 »
разныхъ металлич. издѣлій . .	2,268,723 »	2,177,038 »

Думы современной Россіи. Александры Ступиной. *Спб. 1855.*

Изъ двѣнадцати стихотвореній, изданныхъ нынѣ г-жею А. Ступиною, едва ли не лучше другихъ слѣдующее:

Счастливъ, кто безъ урагана
Океанъ переплывалъ,
Чей на высяхъ горъ Ливана
Взоръ усталый отдыхалъ!
Да, кто зрѣлъ васъ, исполины,
Чей привѣтствовалъ васъ стихъ,
Тотъ божественной картины
Обрученный былъ женихъ

(выраженіе, довольно темное).

Кто жь съ молитвой головою
Къ вашимъ кланялся пятамъ,
Кто потомъ гулялъ пятою
По заоблачнымъ главамъ

(эти четыре стиха содержатъ замысловатую игру словами),

Тотъ любимый другъ природы,
Тотъ земли и неба другъ

(почему же это? Развѣ друзья, которые ходятъ по Ливану и кланяются: друзья неба и земли? Напротивъ, это самый буйный народъ.... Виноваты: мы также начали довольно замысловато играть словами).

Онъ подъ пѣсни непогоды
Съ ней вѣнчался, какъ супругъ....

(какимъ же это образомъ? и съ кѣмъ «съ нею?» съ непогодою, или съ землею, или съ небомъ?)

Остальныя одиннадцать пьесъ только немногимъ уступаютъ этому, свидѣтельствующему объ умѣньи г-жи А. Ступиной писать звучные стихи. Но дѣло не въ достоинствѣ стиховъ, а въ томъ, что воспоминанія г-жи А. Ступиной

о томъ, какъ она жила въ Бейрутѣ, ходила по заоблачнымъ главамъ Ливана, и проч., едва ли могутъ назваться, въ строгомъ смыслѣ слова, «Думами современной Россіи»: скорѣе, это думы одной изъ русскихъ дамъ о случаяхъ и предметахъ, лично до нея касающихся.

Правила составленія употребительнѣйшихъ въ строительномъ искусствѣ мастикъ и проч., *сочиненіе* И. Лейхса. *Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1856.*

Книжка Лейхса написана, сколько можемъ судить, съ знаніемъ дѣла. Переведена она грамотнымъ языкомъ. Жаль только, что ей дано широковѣщательное заглавіе, занимающее въ полномъ своемъ составѣ не менѣе шести строкъ; жаль также, что выставленная на оберткѣ цѣна—75 коп. сер.—своею несоразмѣрностью съ объемомъ книжки слишкомъ ясно разоблачаетъ цѣль многознаменательнаго заглавія.

Гражданскіе законы Псковской Судной грамоты. *Сочиненіе* И. Энгельмана. *Спб. 1855.*

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, мы говорили объ изслѣдованіи Псковской судной грамоты, изданномъ г. О. Устряловымъ, сыномъ извѣстнаго историка; это сочиненіе было написано на тему, предложенную студентамъ С.-Петербургскаго Университета отъ Юридическаго факультета этого университета. Теперь является другое сочиненіе, удостоенное медали на этомъ конкурсѣ. То и другое разсужденія неоспоримо показываютъ авторовъ своихъ людьми, которые уже привыкли трудиться усердно и добросовѣстно.

Г. Энгельманъ, ограничивая свое изслѣдованіе тѣми предѣлами, которые опредѣлены темою, предложенною отъ факультета, говоритъ исключительно о тѣхъ статьяхъ Псковской Судной грамоты, которыя имѣютъ предметомъ гражданскіе законы; другихъ ея статей онъ касается только въ случаѣ неразрывной ихъ связи съ постановленіями относительно гражданскихъ законовъ. Объясненія его большею частью основательны и многія изъ догадокъ удачны.

Указатель для обозрѣнія Московской Патріаршей (нынѣ Синодальной) **Ризницы и Библіотеки.** *Составленъ синодальнымъ ризничимъ, магистромъ, архимандритомъ* Саввою. *Москва. 1855.*

Патріаршая, или Московская Синодальная Библіотека есть одна изъ важнѣйшихъ въ Россіи, по количеству и древности своихъ рукописей: соединенная съ нею Патріаршая Ризница также богата утварями и вещами, въ высшей степени замѣчательными. Потому архимандритъ Савва, издавъ краткое описаніе важнѣйшихъ вещей и духовныхъ рукописей, хранящихся въ этомъ драгоцѣнномъ собраніи, оказалъ довольно значительную услугу русскимъ археологамъ и людямъ, занимающимся исторіею литературы. Рукописей, по каталогу библіотеки 1824 года, значится: греческихъ 467, русскихъ 956; въ числѣ послѣднихъ находится 96 пергаментныхъ и 20 бомбицинныхъ, писан-

ныхъ на хлопчатой бумагѣ. Кромѣ того, жалованныхъ грамотъ и проч. 208. Послѣ 1824 года въ библіотеку передано еще нѣсколько рукописей и, между прочимъ, знаменитый «Изборникъ Святослава» (1073 г.), одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ кирилловской письменности. Мы будемъ еще имѣть случай подробнѣе говорить о рукописяхъ Московской Синодальной Библіотеки, потому что нынѣ уже получена въ Петербургѣ первая часть описанія славянскихъ ея рукописей, составляемаго профессорами А. В. Горскимъ и К. И. Невоструевымъ.

О плѣнныхъ по древнему русскому праву. А. Лохвицкаго. *Москва. 1855.*

Г. Лохвицкій основательно обработалъ спеціальный вопросъ, имъ выбранный, внимательно воспользовавшись всѣми данными, какія представляются «Полнымъ Собраніемъ Законовъ», и различными изданіями Археографической Коммиссіи. Сводъ извѣстій о состояніи плѣнниковъ по законамъ до-петровской Руси точенъ и полонъ; авторъ удерживается отъ всякихъ общихъ выводовъ и не имѣетъ, повидимому, никакихъ другихъ претензій, кромѣ скромнаго желанія ясно и въ систематическомъ порядкѣ изложить факты. Подобные труды всегда бываютъ полезны и заслуживаютъ уваженія.

Историческія свѣдѣнія о примѣчательнѣйшихъ мѣстахъ въ Бѣлоруссіи, съ присовокупленіемъ и другихъ свѣдѣній, къ ней же относящихся. *Составлены генералъ-маіоромъ* М. О. Безъ-Корниловичемъ. *Спб. 1855.*

Просмотрѣвъ довольно толстую книгу, изданную г. Безъ-Корниловичемъ, мы убѣдились въ вѣрности предположенія, которое будетъ внушено каждому читателю самымъ заглавіемъ «историческихъ свѣдѣній» и т. д. Г. Безъ-Корниловичъ не имѣлъ въ виду изслѣдовать еще недостаточно объясненные вопросы въ исторіи Бѣлой Руси, писалъ не для ученыхъ: нѣтъ, онъ просто собралъ изъ исторіи Карамзина, исторіи «Отечественной Войны 1812 года» Михайловскаго-Данилевскаго и нѣкоторыхъ другихъ сочиненій извѣстія, касающіяся того или другаго города, того или другаго села въ Бѣлоруссіи, расположилъ эти извѣстія по порядку временъ, и, такимъ образомъ, у него составились историческія статейки о Витебскѣ, Динабургѣ, Могилевѣ и проч.— статейки, изъ соединенія которыхъ вышла, какъ мы сказали, довольно толстая книга, по всей вѣроятности, не безполезная для тѣхъ, у кого подъ руками нѣтъ хорошаго собранія книгъ по русской исторіи.

Мельница близъ села Ворошилова, *простонародный разсказъ дяди* Аоанасія. Спб. 1856.

О томъ, до какой степени удалось автору выдержать простонародный и простодушный тонъ разсказа, читатель можетъ судить изъ слѣдующаго отрывка:

«Недалеко отъ большаго села, перейдя на широкое поле, въ березовой рощѣ надъ узкой, но глубокой рѣчкой стояла водяная мельница. Тутъ же рядомъ построена

была просторная, свѣтлая изба съ узорчатыми окнами: а сверху, между двумя рѣзными столбиками, помѣщалась хорошенькая свѣтелка. Изба и мельница стояли на краю большаго лѣса, который тянулся вправо и влѣво на нѣсколько десятковъ верстъ, почитай до самой губерніи. Мимо этой мельницы пролегала проѣзжая дорога изъ села, перебѣгала черезъ плотину и въ лѣсу уже расходилась въ разныя стороны.

«На мельницѣ жилъ старикъ, не старикъ, а уже и не молодой человѣкъ, крестьянинъ Иванъ Терентьевъ Вырезубовъ, съ хозяйкой Матвѣевной и красавицей дочкой Малашей. Опричь семьи, держалъ Терентьичъ двухъ работниковъ и работницу. Надо вамъ сказать, что Вырезубовъ былъ оченно богатъ, къ тому отличный мельникъ, такъ что всегда у него было человѣкъ пять пріѣзжихъ изъ далекихъ деревень для помолу; но главное—онъ въ ротъ не бралъ хмѣльнаго и не любилъ, чтобы и въ дѣлѣ была эта поведенція».

Содержаніе разсказа довольно просто. Красавица Малаша полюбила ямщика Андрея Голыша; но отецъ прозвалъ ее за богатаго мѣщанина, который съ отцомъ своимъ льстился на приданое, а не на дѣвушку. Передъ свадьбою случился пожаръ на мельницѣ, и Терентьичъ, вздумавъ испытать будущихъ родственниковъ, сказалъ, что всѣ деньги его сгорѣли, и попросилъ въ займы на постройку новой мельницы. Богатые мѣщане отказали въ помощи и отказались отъ невѣсты-безприданницы; но скрипачъ Яковъ безродный, отецъ Андрея, бывшій тутъ, предложилъ Терентьичу свои послѣдніе двѣнадцать цѣлковыхъ. Раздосадованный мѣщанами, тронутый добротою бѣдняка, Терентьичъ согласился отдать дочь за Андрея и, ударивъ по рукамъ съ нареченными своякомъ и зятемъ, объявилъ, что пожаръ вовсе не разворилъ его, деньги остались цѣлы, мельницу онъ построитъ лучше прежняго и принимаетъ къ себѣ полными участниками своего довольства и Андрея и Якова, которые на дѣлѣ доказали ему свое расположеніе.

Разсказъ этотъ написанъ для народа, съ бытомъ котораго дядя Аоанасій хорошо знакомъ.

Православныя и другія христіанскія церкви въ Турціи. И. Березина. *Спб. 1855.*

Дѣльно составленная и довольно интересная брошюра. Авторъ разсматриваетъ причины прискорбнаго положенія христіанъ въ Турціи, излагаетъ исторію законовъ, которыми опредѣлялись въ различныя времена ихъ обязанности къ турецкому правительству, и обнаруживаетъ отношенія, существующія между послѣдователями различныхъ христіанскихъ исповѣданій. Мнѣнія свои о первоначальной причинѣ настоящаго бѣдственнаго положенія гяуровъ онъ излагаетъ такъ:

«Заставъ Византійскую имперію во времена почти общаго упадка нравственности, кочевая орда завоевателей, по преданію отъ первыхъ воителей ислама, не могла возымѣть особеннаго почтенія къ истинной религіи, представители которой передъ глазами мусульманъ были такъ слабодушны и развращенны: очень естественно, что свѣжее, здоровое племя воителей повѣрило своему мусульманскому превосходству и только въ исламѣ видѣло спасеніе.» (Стр. 2.) «Безъ всякаго сомнѣнія, въ настоящемъ положеніи восточныхъ христіанъ виновата болѣе всѣхъ сама Порта, потомъ римскіе католики, а наконецъ сами греки (*своею взаимною враждою*): менѣе всѣхъ виновны туземные христіане (*то есть славяне, румуны и прочіе*), и, между тѣмъ, на

нихъ-то тяжелѣе всего обрушиваются печальныя слѣдствія раздора. Пламеннѣе другихъ пылаютъ другъ къ другу ненавистью римскіе католики и греки, армяне также враждуютъ преимущественно съ греками.» (Стр. 24.)—Понятно, что каждое исповѣданіе считаетъ себя и хочетъ быть первымъ всюду, что каждая одновѣрная съ нимъ нація поддерживаетъ его всѣми силами; но не можемъ не оплакивать и не осуждать той безумной вражды, въ которую столь часто, къ великому соблазну цѣлаго міра, впадаютъ соперники, и тѣхъ неблагородныхъ и пагубныхъ средствъ, къ которымъ иногда прибѣгаютъ они.» (Стр. 38.)

Довольно подробная исторія турецкихъ законовъ относительно подданныхъ Оттоманской имперіи и борьбы между христіанами различныхъ вѣроисповѣданій подтверждаетъ эти справедливыя мысли.

Описаніе хронологической машины А. Головацкаго, *составленное академикомъ* Вишневскимъ. *Спб. 1855.*

Каждому занимавшемуся хронологическими изысканіями извѣстно, какъ много времени отнимаетъ повѣрка лѣтописныхъ показаній, основанныхъ на пасхаліи. Машина г. Головацкаго, удостоенная Демидовской преміи, имѣетъ цѣлью облегчить пріисканіе всѣхъ данныхъ, зависящихъ отъ времени празднованія Пасхи, для каждаго даннаго года. По отзыву академика Вишневскаго, «практическое употребленіе машины очень просто»: стоитъ только навести стрѣлки циферблата на цифру даннаго года, и на таблицахъ машины отмѣчены будутъ дни празднованія Святой Пасхи, Вознесенія, начало Великаго поста, цифра, опредѣляющая воскресные дни года, и проч. Охотно вѣримъ, что машина дѣйствуетъ быстро и вѣрно,—и, если такъ, г. Головацкій разрѣшилъ довольно трудную задачу практической механики, построивъ свою «хронологическую машину». Но цѣна и массивность этого числительнаго снаряда всегда будутъ значительнымъ препятствіемъ его распространенію между учеными, занимающимися хронологіею. Потому, несмотря на свои достоинства, хронологическая машина г. Головацкаго не уничтожаетъ настоятельной потребности въ пасхальныхъ таблицахъ, приспособленныхъ къ практическому употребленію для повѣрки хронологическихъ показаній. Громадныя и сбивчивыя таблицы г. Хавскаго—трудъ почтенный, но не достигающій своей цѣли. Между тѣмъ, составленіе пасхальныхъ таблицъ, какія нужны для нашихъ историковъ, не представляетъ ни малѣйшихъ затрудненій. Праздникъ Пасхи, отъ котораго зависятъ всѣ данныя года, переходитъ по 35 днямъ года: въ каждомъ изъ этихъ случаевъ годъ можетъ быть простой или высокосный. Такимъ образомъ нужно только составить для каждаго изъ этихъ 70 случаевъ полный списокъ всѣхъ 365—366 дней года, съ обозначеніемъ воскресныхъ дней и праздниковъ, какъ это дѣлается въ стѣнныхъ календаряхъ: каждая изъ 70 таблицъ, напечатанная компактнымъ шрифтомъ, помѣстится на одной страницѣ. Къ этимъ 70 страницамъ таблицъ нужно прибавить списокъ годовъ отъ Р. Х. до 1800 или 1900 года, съ обозначеніемъ, подъ какую изъ 70 таблицъ подходитъ годъ въ пасхальномъ отношеніи, и всѣ справки о каждомъ данномъ годѣ становятся столь же удобными и легкими, какъ справки о 1856 годѣ въ «Мѣсяцословѣ» на 1856 годъ: стоитъ взглянуть въ списокъ годовъ, какая таблица представляетъ пасхальныя цифры дан-

наго года, потомъ раскрыть эту таблицу—и передъ нами будетъ готовый полный мѣсяцословъ этого года. Проще и легче ничего не можетъ быть, и, чтобы составить эти таблицы, довольно двухъ-трехъ дней времени. Хорошо было бы, еслибъ кто нибудь составилъ и издалъ такую тетрадку, которая, имѣя не болѣе 80 страничекъ, съ пользою замѣнитъ всѣ пасхальныя машины и всѣ фоліанты, массивность которыхъ ведетъ только къ затрудненіямъ и ошибкамъ.

Ложь и правда о войнѣ на Востокѣ. *Сочиненіе* Виктора Жоли, *редактора журнала Санхо.* Переведъ съ французскаго Е. Серчевскій. *Спб. 1855.*

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ мы говорили о переводѣ сочиненія, изданнаго по случаю восточной войны Викторомъ Жоли, и вотъ, черезъ мѣсяцъ, является другой переводъ той же брошюрки. Не явится ли къ слѣдующему мѣсяцу третій?

Оба перевода сдѣланы грамотно; мы замѣтили только, что правописаніе иностранныхъ именъ болѣе пострадало подъ перомъ г. Серчевскаго: онъ пишетъ «Санхо, Кантю, Хатти-Шеривъ», вмѣсто Санчо, Канту, Хатти-шерифъ. Изъ этого, однако, мы не выводимъ никакихъ заключеній въ ущербъ его переводу, вообще, кажется, довольно правильному.

Правила конюшеннаго хозяйства или обязанности кучера. *Сочиненіе магистра* О. С. Пашкевича. *Спб. 1855.*

Вотъ, говорите, что русская литература есть оранжерейное растеніе, что она не пустила еще глубокихъ корней въ народную жизнь, что наши книги пишутся для горсти читателей, не имѣющихъ почти ничего общаго съ массою народа, и проч., и проч. Всѣ эти метафоры, заимствованныя изъ царства растеній и относящіяся, въ прямомъ смыслѣ, только къ міру прозябаемому, оказываются пустыми фразами, рожденными ипохондріею. Надняхъ вышла книжка «Наставленіе дворникамъ». Мы, признаемся въ проступкѣ, не сочли нужнымъ давать отчетъ о ней въ нашей лѣтописи. Нынѣ является наставленіе конюхамъ, черезъ недѣлю надобно ждать наставленія швейцарамъ, еще черезъ недѣлю—наставленія трактирнымъ служителямъ, и т. д. Я васъ спрашиваю, г. скептикъ: для кого же написаны и будутъ написаны эти книжки, если не для народа? Я васъ спрашиваю: не служатъ ли онѣ несомнѣннымъ доказательствомъ того, что литература у насъ есть дѣло народной жизни, глубоко пустила свои корни въ народную жизнь? Отвѣчайте же, г. скептикъ!

Я, кажется, вошелъ въ пафосъ! Не знаю, до чего бы я увлекся этимъ одушевленіемъ въ защиту нашей литературы отъ скептиковъ; но, къ счастію, моя горячность охлаждается тѣмъ, что «Правила конюшеннаго хозяйства»—наборъ общихъ мѣстъ и пустыхъ фразъ, давно извѣстныхъ не только людямъ, имѣющимъ «конюшенное хозяйство», но и людямъ, отъ роду не умѣвшимъ отличить рысака отъ иноходца.

Веселый карандашъ или свѣтъ и тѣни современности *въ рисункахъ. Спб. 1856.*

Болѣе жалкой спекуляціи на пятаки полуграмотныхъ людей мы уже давно не видывали. Не говоримъ уже о необыкновенно грубомъ исполненіи рисунковъ, которые, повидимому, нацарапаны тупымъ долотомъ на лубкѣ, самое содержаніе ихъ—верхъ коварства. Полуграмотному продадутъ ихъ за каррикатуры, относящіяся къ современной войнѣ; а прочитавъ по складамъ подписи рисунковъ, онъ пойметъ, что они представляютъ мальчика, промотавшаго деньги на парижской всемірной выставкѣ. Какъ это случилось, отгадывайте сами.

Очеркъ исторіи православной церкви на Волыни. *Сочиненіе* Платона Карашевича. *Спб. 1855.*

Авторъ, безъ всякаго сомнѣнія, употребилъ довольно времени и труда на составленіе этого очерка; онъ, какъ по всему видно, обработывалъ его прилежно и добросовѣстно, и не его вина, если «Исторія православной церкви на Волыни» не представляетъ множества интереснѣйшихъ фактовъ: чего не можетъ дать предметъ, того не вложитъ въ книгу трудолюбіе автора. Исторія православной церкви на Волыни—не болѣе, какъ часть исторіи православія въ Малороссіи: что происходило въ Кіевѣ, то повторялось на Волыни, и только; особеннаго ничего мы не въ состояніи сказать о волынскихъ епархіяхъ, какъ не можемъ сказать ничего особеннаго объ исторіи православныхъ епархій калужской или тульской, тамбовской или орловской. Очень важна и интересна исторія православной церкви въ Великоруссіи; но еслибъ мы вздумали писать исторію православной церкви въ Тульской епархіи, намъ поневолѣ пришлось бы дѣлать общія и, по своей общеизвѣстности, нимало не интересныя для науки извлеченія изъ сочиненій по исторіи русской церкви вообще, и потомъ прибавлять «то же самое было, конечно, и въ Тульской епархіи;» или: «это измѣненіе, безъ сомнѣнія, коснулось и Тульской епархіи;» или, въ самомъ счастливомъ случаѣ, прибавлять: «мы знаемъ, что такъ было и въ Тульской епархіи; это видно изъ слѣдующей грамоты», и приводить грамоту Никона къ тульскому епископу о введеніи исправленныхъ книгъ или грамоту тульскаго епископа, свидѣтельствующую, что въ Тулѣ были около XV вѣка каменныя церкви. Точно таково все содержаніе книги г. Карашевича. Заимствуя общіе обзоры о состояніи малорусской церкви изъ сочиненій преосвященнаго Филарета, преосвященнаго Макарія, изъ Бантыша-Каменскаго и т. д., онъ прибавляетъ на каждой страницѣ: «Это должно относиться и къ Волыни», а въ нѣкоторыхъ случаяхъ приводитъ какую нибудь выписку изъ Актовъ Археографической Коммиссіи, и т. п.,—выписку, не говорящую намъ ровно ничего новаго и не содержащую ничего важнаго. Еслибъ г. Карашевичъ избралъ предметомъ своего разсужденія какой нибудь вопросъ, могущій быть предметомъ отдѣльнаго изслѣдованія, трудъ его, конечно, не остался бы безплоденъ для исторіи, какъ въ настоящемъ случаѣ.

Обзоръ главнѣйшихъ путешествій и географическихъ открытій въ пятилѣтіе съ 1848 по 1853 годъ. *составленъ* К. О. Свенске. *Томъ первый. Спб. 1855.*

Рядъ статей, которыя подъ этимъ заглавіемъ помѣщалъ г. Свенске въ «Вѣстникѣ Географическаго Общества,» давно уже оцѣненъ по достоинству и читателями и журналистами. Ни по одной изъ наукъ мы еще не имѣли такого полнаго и дѣльнаго обзора новѣйшихъ открытій, какой былъ составляемъ ученымъ авторомъ по географіи. Статьи эти теперь собраны въ одну книгу, и намъ нѣтъ надобности рекомендовать ее публикѣ, которая уже отдала ей справедливость. Мы только пользуемся появленіемъ прекраснаго труда г. Свенске въ видѣ отдѣльнаго сборника, чтобы представить читателямъ бѣглый очеркъ успѣховъ географіи въ послѣднее время.

Обзоръ г. Свенске начинается ближайшими къ намъ странами. Чрезвычайно важныхъ предпріятій по составленію и исправленію картъ европейскихъ земель въ послѣдніе годы было множество. Изъ нихъ назовемъ, въ Россіи: приведеніе къ концу русско-шведскаго измѣренія громадной дуги меридіана между Фугленесомъ въ Норвегіи и Измаиломъ, на пространствѣ 25°20′; опредѣленіе долготы Главной Пулковской Обсерваторіи отъ Гринича; изданіе «Межеваго Атласа Россійской Имперіи», начатое съ Тверской губерніи; Этнографическая Карта Европейской Россіи», г. Кеппена; Хозяйственно-Статистическій Атласъ Европейской Россіи», г. Веселовскаго; «Гидрографическое описаніе сѣвернаго берега Россіи», г. Рейнеке: въ другихъ европейскихъ странахъ: большія топографическія карты Германіи на 359 и Сѣверной Германіи, Реймана и Эсфельда, на 200 листахъ; военная карта Франціи на 258 листахъ; большой атласъ Великобританіи и Ирландіи, въ масштабѣ 1 англійской мили 1 дюймъ; подробнѣйшіе топографическіе атласы главныхъ городовъ Англіи (атласъ Лондона будетъ состоять изъ 900 листовъ); большая топографическая карта Швеціи на 260 листахъ; подобныя же карты Голландіи, Бельгіи, Испаніи, Швейцаріи.

Изъ ученыхъ путешествій по Европѣ особенно важны— въ Россіи: Уральская экспедиція; путешествіе по сѣверной Россіи г. Шренка и покойнаго Кастрена; по Землѣ Донскихъ Казаковъ, г. Кеппена; по прибалтійскимъ провинціямъ, г. Бера; по берегамъ Чернаго моря, графа А. Уварова. Изъ описаній другихъ малоизвѣстныхъ европейскихъ странъ назовемъ: путешествія по Далмаціи и Черногоріи, Гарднера, Вилькинсона, Коля, Патона; по Сербіи, также Патона; по Норвегіи, Виттиха, Форестера; по Исландіи, Шлейснера; по Венгріи, Квицмана, по Трансильваніи, де-Жерандо; по Испаніи, Уркарта, Дондасъ-Морри, Госкинса, Минутоли, Флейшера, Вилькома; по Сардиніи, Тинделя; по Греціи и Турціи, Росса, Курціуса, Обри-де-Вера, Пиглера, Мэкферлена.

Переходя къ Азіи, замѣтимъ путешествія по Сибири покойнаго Кастрена, г. Миддендорфа, Эрмана; по Арменіи—Морица Вагнера; по Малой Азіи—г. Чихачева, Росса: по Сиріи и Палестинѣ—Линча, Робинсона; по Аравіи—Лоттена де-Лаваля, по Месопотаміи—Лейарда, Флетчера, Чесни; по Персіи—Вагнера, Фландена; по Бухарѣ—Леманна, по Тибету и вообще по ки-

тайской половинѣ материка—Гюцлафа, Гюка и Габе; по странамъ между Остъ-Индіею и Китаемъ—Стрэчи, Томпсона, Гукера; по Синду—Викери, по Заганскому полуострову—Гюцлафа; списокъ путешествій по Остъ-Индіи и въ Китай былъ бы слишкомъ длиненъ.

Точно также не будемъ перечислять путешествій по Алжиру, а изъ путешествій по Египту и Нубіи упомянемъ только о сочиненіяхъ русскихъ ученыхъ: г. Ковалевскаго и г. Рафаловича. Абиссинію изслѣдовали братья Аббади, Шимпер же; центральную Африку—Ребманъ, Крапфъ, Ливингстонъ, Гальтонъ, Кольбъ, Коммингъ, Ричардсонъ, Овервегъ, Бартъ, Праксъ, Кноблехеръ, шейхъ Мухаммедъ эль-Тунзи; португальскія владѣнія въ Африкѣ—Тамсъ, Бокарде; прибрежья Гвинеи и проч.—Галлеръ, Буэ-Вильоме, Форбзъ. Геккаръ, Смитъ, Иръ-Пуль.

Авторъ дѣлаетъ подробныя и часто чрезвычайно интересныя извлеченія изъ сочиненій этихъ и многихъ другихъ путешественниковъ, трудами которыхъ столь значительно распространены наши географическія и этнографическія свѣдѣнія.

Стихотворенія графини Ростопчиной. *Томъ первый. Спб. 1856.*

Самое непріятное и самое безполезное дѣло на свѣтѣ—возставать противъ общепринятыхъ, укоренившихся мнѣній. Непріятно оно потому, что человѣкъ, отваживающійся противорѣчить всѣмъ, пріобрѣтаетъ себѣ множество противниковъ. «Какъ? ты хочешь быть проницательнѣе всѣхъ? Такъ, по твоему, мы всѣ ошибались? Да ты говоришь парадоксы, да ты говоришь явныя нелѣпости!» И, если прежде считали этого человѣка неглупымъ, онъ компрометируетъ репутацію своего ума, даже своего здраваго смысла. Легко бы ему перенести эту непріятность, если бы его отважное противорѣчіе общему убѣжденію принесло хотя малѣйшую пользу тому дѣлу, которое онъ рѣшился защищать, еслибъ онъ убѣдилъ хотя немногихъ въ истинѣ того оригинальнаго мнѣнія, которое онъ считаетъ справедливымъ. Но нѣтъ, никого не убѣдитъ онъ: всѣ до одного читатели согласно рѣшатъ, что онъ странно, непростительно ошибается, и если произведетъ его смѣлое возстаніе противъ общепринятыхъ сужденій какое нибудь дѣйствіе, то развѣ только утвердитъ публику еще болѣе прежняго въ старыхъ мнѣніяхъ.

Эти слова достаточно убѣдятъ каждаго читателя, что мы очень хорошо чувствуемъ трудность и опасность борьбы съ закоснѣлыми предразсудками. Но иногда эти предразсудки бываютъ столь очевидно неосновательны, столь несообразны съ несомнѣнными фактами, что самый осторожный и робкій человѣкъ увлекается мыслью: «эти призраки мнѣній держатся только потому, что ничья рука до нихъ не дотрогивалась; самое легкое прикосновеніе здраваго смысла низвергнетъ, разсыплетъ въ пыль и прахъ эти лживые фантомы!» Бываютъ, говоримъ мы, случаи, когда нелѣпость прежняго мнѣнія, правота новаго столь очевидны, что борьба противъ самообольщенія публики представляется очень легкою и обѣщаетъ быть успѣшною. Къ небольшому числу такихъ случаевъ, безспорно, принадлежитъ вопросъ о существенномъ характерѣ, внутреннемъ смыслѣ, задушевной идеѣ,—однимъ словомъ о паѳосѣ стихотвореній нашей

извѣстной писательницы графини Ростопчиной, которая всегда справедливо почиталась однимъ изъ украшеній русскаго Геликона. Обыкновенно думали и донынѣ продолжаютъ думать, что эта замѣчательная поэтесса изливала въ своихъ стихотвореніяхъ чувства и мысли, которыя казались ей высокими, правдивыми, глубокими; что ея паѳосъ—паѳосъ увлеченія идеями и ощущеніями, которыя составляютъ содержаніе ея стихотвореній; всѣ единодушно признавали, что ея поэзія—положительное отраженіе той жизни, которая казалась и кажется для самого поэта идеаломъ жизни.

Это мнѣніе положительно ложно. Надобно только перечитать со вниманіемъ прекрасныя стихотворенія графини Ростопчиной, и очевидна будетъ его ошибочность.

Критикъ, съ сужденіями котораго мы не любимъ расходиться, на авторитетъ котораго мы любимъ ссылаться, потому что лучшаго авторитета нѣтъ у насъ, болѣе справедливыхъ сужденій мы не найдемъ ни у кого, — этотъ критикъ замѣтилъ, что существеннѣйшее содержаніе стихотвореній графини Ростопчиной—балъ.

«Отличительныя черты музы графини Ростопчиной—наклонность къ разсужденіямъ и свѣтскость. Исключительное служеніе «богу салоновъ» не совсѣмъ выгодно. Наши салоны—слишкомъ сухая и безплодная почва для поэзіи. Правда, они даже и зимою дышатъ ароматомъ, или, какъ говоритъ муза графини Ростопчиной, *сыплютъ ароматъ*; но этотъ ароматъ искусственный, возросшій на почвѣ оранжерейной, а не на раздольѣ плодотворной земли, улыбающейся ясному небу. *Балъ*, составляющій источникъ вдохновеній нашего автора, конечно, образуетъ собою обаятельный міръ даже и у насъ,—не только тамъ, гдѣ царитъ образецъ, съ котораго онъ довольно точно скопированъ; но балъ у насъ—заморское растеніе, много пострадавшее при перевозкѣ, помятое, вялое, блѣдное. Поэзія—женщина: она не любитъ показываться каждый день въ одномъ уборѣ; напротивъ, ей нравится каждый часъ являться новою, всегда быть разнообразною—это жизнь ея. А всѣ балы наши такъ похожи одинъ на другой, что поэзія не пошлетъ туда и своей ассистентки, не только сама не пойдетъ. Между тѣмъ, поэзія графини Ростопчиной прикована къ балу: даже встрѣча и знакомство съ Пушкинымъ, какъ совершившіяся на балѣ, суть собственно описаніе бала [1]). Талантъ графини Ростопчиной могъ бы найти болѣе обширную и болѣе достойную

Приводимъ здѣсь это поэтическое воспоминаніе:

На балѣ блестящемъ, въ кипящемъ собраньѣ,
Гордясь кавалеромъ и объ руку съ *нимъ* [2]),
Вмѣшалась я въ танцы, и счастьемъ моимъ
Въ тотъ вечеръ прекрасный весь міръ ослащался.
Онъ съ нѣжнымъ привѣтомъ ко мнѣ обращался;
Онъ дружбой безъ лести меня ободрялъ;
Онъ думъ моихъ тайну развѣдать желалъ...
Онъ выманить скоро довѣрье умѣлъ...
Подъ говоръ музыки, украдкой, дрожа,
Стихи безъ искусства *ему* я шептала...
Онъ пышностью прежней тогда оживлялся,
Онъ къ юности знойной своей возвращался,
Со мной молодѣя, онъ снова мечталъ...

(Изд. 1856 г. Стр. 256).

[1]) Александромъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ. *Примѣч. автора*

себѣ сферу, и стихи, подобные слѣдующимъ, выражаютъ только мнѣніе, кажется, несправедливое въ отношеніи къ высокому назначенію женщины вообще:

А я, я женщина во всемъ значеньи слова,
Всѣмъ женскимъ склонностямъ покорна я вполнѣ;
Я только женщина... гордиться тѣмъ готова...
Я балъ люблю... отдайте балы мнѣ!

(«Отечественныя Записки» 1841 г., томъ XVIII, Библіографическая Хроника, стр. 6).

Въ словахъ объ отношеніи баловъ къ поэзіи есть своя справедливость; но—какъ ни прискорбно намъ опровергать сужденія критика, который былъ истиннымъ учителемъ всего нынѣшняго молодаго поколѣнія—мы должны откровенно сказать, что онъ совершенно ошибался, примѣняя эти общія соображенія къ стихотвореніямъ графини Ростопчиной. Онъ, по нашему непоколебимому убѣжденію, слишкомъ поверхностно взглянулъ на ихъ «салонное содержаніе», замѣтилъ только общую черту—присутствіе бальныхъ мыслей въ каждомъ стихотвореніи, и ограничился этимъ. Но этого мало. Надобно было глубже вникнуть въ это «салонное содержаніе», и тогда характеристика вышла бы точнѣе, основательнѣе, тогда и заключенія его о талантѣ графини Ростопчиной были бы совершенно другія. Мы постараемся это сдѣлать и доставить посильный матеріалъ для исторіи нашей литературы, въ которой г-жа Ростопчина, по общему мнѣнію и по заключеніямъ критика, должна занимать довольно или даже очень значительное мѣсто [1]).

Съ этимъ полезнымъ стремленіемъ мы приступаемъ къ анализу стихотвореній графини Ростопчиной. Чтобы изобличить невѣрность мнѣній, приведенныхъ нами, надобно только собрать черты для составленія новой характеристики того женскаго лица, которое, въ большей части стихотвореній нашей поэтессы, является описывающимъ свои ощущенія и мечты. Но прежде всего напомнимъ читателю, что вообще не слѣдуетъ предполагать, будто каждое «я», излагающее въ лирической пьесѣ свои ощущенія, по необходимости есть «я» самого автора, которымъ написана пьеса. Такъ, у г. Фета есть прелестное стихотвореніе:

Еще ребенкомъ я была,
Всѣ любовались мной:
Мнѣ шли и кудри по плечамъ
И фартучекъ цвѣтной...

Есть у него другая прекрасная пьеса:

Зеркало въ зеркало, съ трепетнымъ лепетомъ,
Я при свѣчахъ навела...

[1]) Заключенія критика, котораго мы цитировали, выражены въ слѣдующихъ словахъ:

«Съ 1835 года, почти во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ начали появляться стихотворенія, отмѣчаемыя таинственною подписью: *Гр-ня Е. Р-на*. Но поэтическое инкогнито недолго оставалось тайною. *Истинный талантъ* какъ-то не уживается съ инкогнито. Къ тому же люди—странныя созданія. Иногда они потому именно и не знаютъ вашего имени, что вы поторопились сказать его, и добиваются знать и узнаютъ потому только, что вы его скрываете или дѣлаете видъ, что скрываете. Повторяемъ, главная причина того, что литературное инкогнито графини Ростопчиной скоро было разгадано, заключалось въ *поэтической прелести и высокомъ талантѣ*, которымъ запечатлѣны ея *прекрасныя* стихотворенія».

У Кольцова также есть много подобныхъ пьесъ, напримѣръ:

Я любила его
Жарче дня и огня...

Или:

Безъ ума, безъ разума
Меня замужъ выдали,
Золотой вѣкъ дѣвичій
Силой укорòтали...

Есть такія пьесы и у Пушкина:

Подруга милая, я знаю, отчего
Ты съ нынѣшней весной отъ нашихъ игръ отстала.
Я тайну сердца твоего
Давно, повѣрь мнѣ, угадала...

Конечно, никто не скажетъ, чтобы г. Фетъ, Кольцовъ, Пушкинъ о себѣ говорили здѣсь: «Я навела», «я была», «я любила», «меня замужъ выдали», «я угадала». Есть подобныя «я», несомнѣнно различныя отъ личности самого лирика, въ лирическихъ пьесахъ Гёте и Шиллера, Беранже и Гейне,—однимъ словомъ, почти каждаго великаго поэта.

Мы нарочно выбирали примѣры самые неоспоримые, гдѣ уже самая грамматика различіемъ родовъ въ глаголѣ, относящимся къ «я», съ исторически несомнѣннымъ поломъ автора, показываетъ справедливость нашего положенія. Но и тамъ, гдѣ грамматика оставляетъ насъ въ сомнѣніи, по одинаковости пола автора пьесы и пола выводимаго имъ «я», здравый смыслъ и несомнѣнные біографическіе факты часто убѣждаютъ, что «я» пьесы не есть я автора, и поступки, положенія или ощущенія, усвояемыя первому, нимало не могутъ быть приписываемы послѣднему, то есть автору. Такъ, напримѣръ, въ одномъ стихотвореніи у Лермонтова читаемъ:

Молча сижу подъ окошкомъ темницы...
Помню я только старинныя битвы,
Мечъ мой тяжелый да панцырь желѣзный.

Но положительно извѣстно, что въ 1841 году, когда написана эта пьеса, Лермонтовъ не сидѣлъ въ темницѣ или тюрьмѣ, а сражался за отечество на Кавказѣ, и никогда не было у него ни меча, ни желѣзнаго панцыря, а носилъ онъ всегда форменную саблю или шашку и мундиръ, какъ слѣдуетъ по положенію. Въ извѣстномъ романсѣ Пушкина «Черная Шаль» читаемъ, что «я убилъ какого-то армянина и какую-то дѣвушку-гречанку» и потомъ

Мой рабъ, какъ настала вечерняя мгла,
Въ дунайскія волны ихъ бросилъ тѣла.

Но положительно извѣстно, что Пушкинъ во всю свою жизнь никого не убивалъ, что рабовъ у него не было, а были дворовые люди, и что на Дунаѣ Пушкинъ никогда не жилъ, слѣдовательно не могъ съ лакеемъ своимъ бросать тѣлъ въ дунайскія волны. Мы готовы привесть милліонъ подобныхъ примѣровъ изъ всѣхъ безъ исключенія лирическихъ поэтовъ.

Изъ этого несомнѣнно слѣдуетъ: 1) что «я» лирическаго стихотворенія не всегда есть «я» автора, написавшаго это стихотвореніе; 2) что въ приписываніи самому поэту поступковъ, положеній и ощущеній являющагося въ лирическомъ стихотвореніи «я» надобно поступать съ крайнею осмотрительностью и не иначе, какъ сообразивъ ощущенія и поступки лирическаго «я» съ положительными историко-литературными фактами.

Да не упрекнетъ насъ читатель въ педантизмѣ за длинное доказательство столь очевидныхъ положеній: мы хотѣли поставить ихъ внѣ всякаго спора, внѣ всякаго сомнѣнія, придать имъ достовѣрность математической истины, потому что на этихъ положеніяхъ основано наше мнѣніе о поэзіи графини Ростопчиной.

Соберемъ же теперь черты для характеристики того лирическаго «я», которое является въ стихотвореніяхъ графини Ростопчиной; докажемъ, что подобное «я» не можетъ быть идеаломъ... не говоримъ: графини Ростопчиной,— но вообще какого бы то ни было поэта, укажемъ источникъ заблужденія, господствующаго въ критикѣ и публикѣ; наконецъ обнаружимъ истинныя— прекрасныя—отношенія графини Ростопчиной къ этому «я»; и тогда читатели согласятся, что политическое значеніе произведеній графини Ростопчиной доселѣ не было еще оцѣнено по достоинству; что они должны считаться... не говоримъ: прекраснымъ, въ этомъ никто не сомнѣвался до сихъ поръ, — но въ высшей степени замѣчательнымъ явленіемъ въ исторіи нашей литературы,— явленіемъ не менѣе замѣчательнымъ, нежели стихотворенія Лермонтова.

«Я», говорящее о себѣ въ пьесахъ нашей поэтессы, до страсти любитъ балы. Эта черта, какъ мы видѣли, замѣчена критикою какъ черта непривлекательная, но замѣчена безъ глубокаго анализа, только вообще. Если молодая дѣвушка, только что начавшая выѣзжать въ свѣтъ, увлекается два-три года балами, это еще ничего не значитъ: увлеченіе молодости, прелесть новизны оправдываютъ ее. Нѣтъ бѣды, если она двѣ-три зимы потанцуетъ съ удовольствіемъ; нѣтъ особеннаго преступленія, если она въ первые выѣзды заслушается комплиментовъ: какая свѣтская дѣвушка не мечтала о первомъ балѣ, не мечтала послѣ перваго бала? Не бойтесь за нее: вѣдь это все очень скоро проходитъ: какъ только балы перестанутъ быть для нея новизною, она будетъ очень часто скучать на балѣ, будетъ находить большую часть кавалеровъ скучными, и вѣрить никакому комплименту рѣшительно не будетъ. Изъ десяти свѣтскихъ дѣвушекъ такъ бываетъ съ девятью. Вѣдь, если смотрѣть на вещи безпристрастно, надобно сказать, что далеко не всѣ свѣтскія дѣвушки и молодыя дамы кокетки въ строгомъ смыслѣ слова: вѣдь и женщины такіе же люди, какъ мужчины, вѣдь и свѣтскія женщины тоже люди. Согласитесь же, если вы не мизантропъ, что между людьми рѣдки рѣшительно дурные характеры и совершенно пустыя головы; а кокеткою, говоря вообще, можетъ быть только женщина съ сухимъ, дурнымъ сердцемъ и съ пустою головою. И ужь если могла стать женщина кокеткою, останется она кокеткою до конца жизни: такова ея натура. Теперь судите, къ обыкновеннымъ ли свѣтскимъ женщинамъ принадлежитъ лицо, которому графиня Ростопчина даетъ первое мѣсто, уступаетъ первое лицо глагола и мѣстоимѣніе «я» въ своихъ стихотвореніяхъ. Но вѣдь намъ приходится говорить объ этомъ «я», пока еще загадочномъ,

въ третьемъ лицѣ, и пока будемъ называть это лицо неопредѣленнымъ мѣстоимѣніемъ «она». «Она» все счастье свое находитъ только на балѣ не впродолженіе какихъ нибудь двухъ или трехъ, а впродолженіе цѣлыхъ двѣнадцати лѣтъ; съ самаго начала стихотвореній, расположенныхъ по хронологическому порядку, до самаго конца перваго тома, съ 1829 до 1841, — тоже будетъ и втеченіе всѣхъ остальныхъ лѣтъ до настоящей минуты: въ разсѣянныхъ по журналамъ стихотвореніяхъ всѣхъ слѣдующихъ лѣтъ, гдѣ только является «она», «она» проникнута мечтами о балѣ. Вотъ, напримѣръ, «она» въ деревнѣ, какъ видно, замужемъ; у «нея» уже двое дѣтей, — бьетъ двѣнадцатый часъ; «она» восклицаетъ:

Бывало, только ты пробьешь,
Я въ полномъ упоеньѣ,
И ты мнѣ радостно несешь
Всѣ свѣта обольщенья.
Теперь находишь ты меня
За книгой, за работой...
Двухъ люлекъ шорохъ слышу я
Съ улыбкой и заботой.

И мнѣ представилось: теперь танцуютъ тамъ,
На дальней родинѣ, навѣкъ избранной мною...
Рисуются въ толпѣ наряды нашихъ дамъ,
Ихъ ткани легкія съ отдѣлкой щегольскою;
Ярчѣй наслѣдственныхъ алмазовъ тамъ блестятъ
Глаза безсчетные, весельемъ разгорѣвшись...
Опередивъ весну, до время разгорѣвшись,
Тамъ свѣжіе цвѣты свой сыплютъ ароматъ...
Красавицы летятъ, красавицы порхаютъ,
Ихъ вальсы Ланнера и Штрауса увлекаютъ
Неодолимою игривостью своей...
И все шумнѣе балъ, и танцы все живѣй!

И мнѣ все чудится! Но, ахъ! въ одномъ мечтаньѣ!
Меня *тамъ* нѣтъ! меня *тамъ* нѣтъ!
И, можетъ быть, мое существованье
Давно забылъ безпамятный сей свѣтъ!

И что же привлекательнаго для «нея» на балѣ? Не поэтическая сторона его, если онъ имѣетъ въ себѣ хотя капли поэзіи, не пылкая страсть, не таинственная интрига, — нѣтъ, не бойтесь за «нее», — просто наряды, комплименты и вальсъ; для натуръ пламенныхъ, которымъ прощается многое, даже любовь къ баламъ въ зрѣлыя лѣта, балъ — мѣсто страстныхъ, таинственныхъ разговоровъ съ *однимъ*, балъ — рай или адъ; для «нея» балъ — просто развлеченье, очень пріятное потому, что тамъ много кавалеровъ, говорящихъ очень лестные комплименты:

Когда ровесницамъ моимъ въ удѣлъ даны
Всѣ общества и свѣта развлеченья,
И царствуютъ онѣ, всегда окружены
Толпой друзей, къ намъ полныхъ снисхожденья,
Когда ихъ женскій слухъ ласкаетъ шумъ похвалъ,
Ихъ занятъ умъ, ихъ сердце бьется шибко, —
Меня враждебный духъ къ деревнѣ приковалъ,
И жизнь моя лишь горькая ошибка!

Такъ вотъ почему она восклицаетъ: «Я балъ люблю! отдайте балы мнѣ!» — «Она» съ самаго начала до самаго конца любуется собою, своею красотою,—этимъ чувствомъ проникнуто каждое изліяніе «ея» сердца; «она» описываетъ свою наружность и наряды: «она» даже говоритъ при случаѣ:

Что мнѣ до прелести румянца молодаго?

красота не въ румянцѣ; очаровательна та женщина, которая имѣетъ

Въ движеньяхъ, въ поступи небрежную сноровку (стр. 192).

Наконецъ «она» просто признается, что любила балы не по страстному увлеченію, а просто по тщеславію, что «она жила тщеславіемъ»:

Потомъ была пора, и свѣта блескъ лукавый
Своею мишурой мой взоръ околдовалъ:
Балъ, искуситель нашъ, чарующей отравой
Прельстилъ меня, завлекъ, весь умъ мой обаялъ...
Пиры и праздники, алмазы и наряды,
Головокружный вальсъ вполнѣ владѣли мной.
Я упивалася роскошной суетой,
Я вдохновенья лучъ тушила безъ пощады
Для свѣта бальныхъ свѣчъ... я женщиной была!
Тщеславьемъ женскимъ я жила! (Стр. 158.)

А теперь—говоритъ «она»—настала пора другая, мечты прошли, «существенность» стала интереснѣе, нежели «игра воображенія»: прежде, говоритъ «она»:

Я съ дѣтскимъ жаромъ увлекалась
Воображенія игрой...

Но теперь ужъ не то:

Я въ горній міръ не увлекаюсь,
Я пѣсней сердца не пою,
Но къ хладу жизни пріучаюсь
И ужъ существенность люблю! (Стр. 82—83.)

Но о «существенности» послѣ: намъ нужно еще послушать, что «она» говоритъ на балѣ. Надобно кстати замѣтить, что «она» постоянно жалуется на то, что свѣтскіе мужчины не умѣютъ оцѣнить сердца, жаждущаго любви: они боятся «молвы», и «она» убѣждаетъ ихъ не бояться пустыхъ лживыхъ толковъ свѣта. Зато, какъ сострадательно она готова утѣшать мужчину, который груститъ о подобной же неудачѣ! Вотъ одинъ примѣръ:

Зачѣмъ, страдалецъ молодой,
Зачѣмъ со мною лицемѣрить?
Нѣтъ! хитростью своей пустой
Тебѣ меня не разувѣрить!
Ты любишь! Это говорятъ
Твоя задумчивость нѣмая,
Безжизненный, унылый взглядъ,
Болѣзнь и блѣдность гробовая!

Такъ, твоя любовь несчастна, и ты никому не хочешь говорить этого, ты не хочешь нарушать тайну своей любви!

Ты правъ! молчи! но знай, что мною
Твоя оплакана судьба! (Стр. 29.)

Вотъ другой примѣръ:

Скажите, отчего вашъ взоръ
Всегда горитъ тоской сердечной?
Зачѣмъ напитанъ грустью вѣчной
Вашъ непритворный разговоръ?
Зачѣмъ таинственныя думы
Легли на томное чело,
И скорбь оттѣнокъ свой угрюмый
На васъ вперила, какъ клеймо?
. . . . . .
Въ васъ что-то тайное, родное
Краснорѣчиво говоритъ,
И состраданіе святое
Меня невольно къ вамъ стремитъ!
О, еслибъ этимъ состраданьемъ
Могла купить я вамъ покой!
Но я богата лишь желаньемъ,
А не ходатай предъ судьбой.
Примите жъ все, что въ приношенье
Вамъ дать въ порывѣ умиленья
Я, безталанная, могу:
Души свободной уваженье
И состраданія слезу! (Стр. 103—104.)

Будь твердъ, не унывай, возьми примѣръ съ меня:
Смотри: тверда, сильна, невозмутима я!
Предъ бѣдной женщиной, созданіемъ ничтожнымъ,
Легко волнуемымъ, и страстнымъ и тревожнымъ,
Себя мужчиною обязанъ ты явить,
Великодушнѣй ты, смѣлѣе долженъ быть!
Не слушай толкъ людской и вражьи пересуды:
Пусть люди противъ насъ—самъ Богъ за насъ покуда! (Стр. 366.)

Но что дѣлать, если мужчина разрываетъ союзъ сердецъ? Обыкновенной свѣтской женщинѣ остается одно—страдать и тосковать; «она» дѣлаетъ не такъ: она, если ей вздумается взгрустнуть о такомъ обстоятельствѣ, тотчасъ же умѣетъ переломить себя, превозмочь горе; «она» говоритъ себѣ:

Опомнись! призови на помощь силу воли,
Оковы тяжкія героемъ съ плечъ стряхни!
Сердечныхъ тайныхъ язвъ скрой ноющія боли
И свѣту прежнюю себя припомяни!

Гдѣ ленты и цвѣты, гдѣ легкіе наряды?
Блестящей бабочкой одѣнься, уберись,
И поѣзжай на балъ, спѣши на маскарады,
Разсмѣйся, торжествуй, понравься, веселись!

Придутъ къ твоимъ ногамъ поклонники другіе,—
Межь нихъ забудешь ты цѣпей своихъ позоръ,
И *онъ*, онъ будетъ знать! Затѣи молодыя
Встревожатъ и его внимательный надзоръ!

Онъ въ очередь свою узнаетъ страхъ и муку,
Онъ будетъ ревновать, онъ будетъ тосковать.
Ты выместишь на немъ страданья, горе, скуку,
Потомъ простишь его и призовешь опять. (Стр. 393.)

А если и это не удастся—что тогда? Тогда «она» говоритъ ему слѣдующее:

Свободенъ ты! и я свободна тоже!
Безъ ссоры мы съ тобою разошлись.
Найдется ли другой, душой моложе,
И сердцемъ понѣжнѣе,—не сердись!
Ты такъ хотѣлъ! (Стр. 400 и послѣдняя.)

А когда найдется другой, душой моложе, какъ сдѣлать его соучастникомъ своимъ въ отмщеніи невѣрному? «Она» будетъ говорить съ нимъ о поэзіи, о своемъ одиночествѣ, о томъ, что міръ не понимаетъ высокихъ стремленій и чувствъ. Но какъ вы думаете, что такое для «нея» поэзія, «чистыя думы» и т. д.?—Отдыхъ послѣ утомительнаго бала и средство приподняться послѣ различныхъ житейскихъ невзгодъ:

Когда въ шумѣ свѣта, въ его треволненьѣ.
Гонясь за весельемъ, прося наслажденій,
Умается сердце, душа упадетъ,—
Тогда въ думѣ чистой пріюта ищу я,
Тогда я мечтаю, и, душу врачуя,
Поэзія крылья и мощь ей дастъ. (Стр. 164.)

Вообще, по «ея» мнѣнію, поэзія и мечты — только промежутокъ межъ выѣздовъ и баловъ:

Для женщины....
Есть часъ спокойствія, мечтанья, думъ святыхъ,—
То промежутокъ ей межь выѣздовъ, веселій.

Не бойтесь же, «она» не увлечется поэзіею или другими высокими стремленіями: она только будетъ толковать о нихъ съ кавалерами, которые «молоды душой и одарены нѣжнымъ сердцемъ». Иной изъ этихъ неопытныхъ юношей разчувствуется и изъявитъ ей въ приличныхъ выраженіяхъ свое сочувствіе, свою любовь. «Она» будетъ отвѣчать ему такъ:

Но я не такова! Но съ ними вмѣстѣ въ рядъ вы
Не ставьте и меня! Я не шучу собой.
Я сердцемъ дорожу; восторженной душой
Я слишкомъ высоко цѣню любовь прямую,
Любовь безмолвную, святую,
Какой вамъ не найти здѣсь въ обществѣ своемъ!
Иной я не хочу! Другъ друга не поймемъ
Мы съ вами никогда! Такъ лучше намъ разстаться,
Лишь рѣдко, издали, безъ лишнихъ словъ встрѣчаться!

Хоть я и говорю: «*никто* и *никогда*!»—
Я такъ неопытна, пылка и молода,
Что, право, за себя едва ли поручусь я!
Мнѣ страшно слышать васъ; смотрѣть на васъ боюсь я! (Стр. 199.)

Теперь намъ остается только выписать, безъ всякихъ замѣчаній, два стихотворенія, очень замѣчательныя.

НАДѢВАЯ АЛБАНСКІЙ КОСТЮМЪ.

Нарядъ чужой, нарядъ восточный,
Хоть ты бы счастье мнѣ принесъ,
Меня отъ стужи полуночной
Подъ солнце юга перенесъ!

Подъ красной фескою албанки,
Когда бъ могла забыть я вдругъ
Балъ, свѣтскій шумъ, плѣнъ горожанки,
Молву и тѣсный жизни кругъ!

Когда бъ хоть на день птичкой вольной,
Свободной дочерью лѣсовъ,
Могла бы я дышать раздольно
У іонійскихъ береговъ!

Разбивши цѣпь приличій скучныхъ,
Поправъ у ногъ уставъ людей,
Итти часовъ благополучныхъ
Искать у гордыхъ дикарей!

Какъ знать? Далеко за горами
Нашла бъ я въ хижинѣ простой
Друзей съ горячими сердцами,
Привѣтъ радушный и родной!

Нашла бы счастія прямаго
Удѣлъ, незнаемый въ дворцахъ;
И Паликара молодаго
Со страстью пламенной въ очахъ! (Стр. 137—138).

ЦЫГАНСКІЙ ТАБОРЪ.

Когда веселіемъ, восторгомъ вдохновенный,
Вдругъ удалую пѣснь весь таборъ запоетъ,
И громкій плескъ похвалъ, повсюду пробужденный,
Безпечные умы цыгановъ увлечетъ,
На смуглыхъ лицахъ ихъ вдругъ радость заиграетъ,
Въ глазахъ полуденныхъ веселье загоритъ,
И все въ нихъ пламенно и ясно выражаетъ,
Что чувство сильное ихъ души шевелитъ:
Нельзя, нельзя тогда внимать безъ восхищенья
Напѣву чудному взволнованныхъ страстей!
Нельзя не чувствовать музыки упоенья,
Не откликаться ей всей силою своей!
Поютъ.... и имъ душа внушаетъ эти звуки.

То страшно бѣшены, то жалобны они;
Въ нихъ все: и рѣзвый смѣхъ, и голосъ томной муки,
И ревность грозная, и ворожба любви,
И брани смѣлый вопль, и буйное раздолье
. . . . . .
Но вотъ гремящій хоръ внезапно умолкаетъ,
И Таня томная одна теперь слышна:
Ея пѣснь грустная до сердца проникаетъ,
И страстную тоску въ немъ шевелитъ она.
. . . . . .
О, какъ она мила! Какъ чуднымъ выраженьемъ
Волнуетъ, трогаетъ и нравится она!
Душа внимаетъ ей съ тревожнымъ наслажденьемъ,
Какъ бы предчувствіемъ мучительнымъ полна!
Но если жъ пѣснь ея, съ восторгомъ южной страсти,
Поетъ вамъ о любви, о незнакомомъ счастьи,
О, сердцу женскому напѣвы тѣ бѣда!
Не избѣжитъ оно заразы ихъ и власти,
Не смоетъ слезами ихъ жгучаго слѣда! (Стр. 65—66.)

Мы никакъ не вѣрили, чтобы апотеозъ хора московскихъ цыганъ и цыганокъ принадлежалъ «ей»; но сомнѣваться невозможно: стихотвореніе написано отъ имени женщины. «Она» не только сама увлекается пѣснями цыганъ, но думаетъ, что каждая женщина увлекается ими. Удивительная женщина!

Мы не думаемъ, что личность, какою изображаетъ намъ себя «она», могла быть привлекательною. Тѣмъ менѣе мы допускаемъ, чтобы въ ней было что нибудь поэтическое. Разсчетъ и поэзія, холодное стремленіе къ цѣлямъ существенности и поэзія — вещи несовмѣстимыя. Мы рѣшительно отвергаемъ, чтобы какой бы то ни было поэтъ могъ сочувствовать подобной женщинѣ. Кто же можетъ сочувствовать ей, въ томъ нѣтъ ни капли поэзіи. Но графиня Ростопчина сама указываетъ намъ истинную точку зрѣнія на духъ своихъ стихотвореній, въ превосходномъ «Предисловіи», которымъ украшено новое изданіе ихъ:

Я не горжуся тѣмъ, что свѣтлымъ вдохновеньемъ
Съ рожденья Богъ меня благословилъ;
Что душу выражать онъ далъ мнѣ пѣснопѣньемъ
И міръ фантазіи мечтамъ моимъ открылъ.
. . . . . .
Я не горжусь, что съ лестью и хвалою
Мнѣ свѣтъ внималъ, рукоплескалъ порой,
Что жены русскія съ улыбкой и слезою
Твердятъ, сочувствуя, стихъ задушевный мой!

Я не горжусь, что зависть и *жеманство*
Нещадной клеветой преслѣдуютъ меня,
Что *бабью суетность, тщеславій мелкихъ чванство*
Презрѣньемъ искреннимъ своимъ задѣла я.
. . . . . .
Горжусь я тѣмъ, что въ *чистыхъ* сихъ страницахъ
Нѣтъ *слова грѣшнаго, виновной думы* нѣтъ;
Что въ пѣсняхъ ли своихъ, въ разсказахъ, въ *небылицахъ*
Я тихой *скромности* не презрѣла завѣтъ!
. . . . . .

Горжусь я тѣмъ, что въ этой книгѣ новой
Намека вреднаго никто не подчеркнетъ,
Что даже злѣйшій врагъ, всегда винить готовый,
Двусмысленной въ ней точки не найдетъ!

Горжусь я тѣмъ, что *дочери невинной*
Ее безъ страха дастъ заботливая мать,
Что *дѣвушкѣ* съ душою голубиной
Надъ ней позволится и плакать и мечтать.

10 сентября 1850 года.

Теперь, надѣемся, каждый читатель отгадалъ нашу задушевную мысль, въ доказательство которой написанъ весь этотъ разборъ, и согласился съ нею. Такъ, вы правы, читатель: графиня Ростопчина—писательница байроновскаго, лермонтовскаго, гоголевскаго направленія: она выставляетъ на позоръ тѣ уклоненія отъ идеала, которыя глубоко возмущаютъ ея благородную, поэтическую, чистую мысль; она клеймитъ горькою, холодною сатирою безъ усмѣшки, безъ улыбки,—клеймитъ сатирою, для поверхностнаго читателя чуждою всякой сатиры, пустоту головы и сухость сердца.

Предметъ ея безпощадной иронiи—тѣ дамы, которыя, къ сожалѣнiю, существуютъ въ такъ называемомъ свѣтскомъ обществѣ, хотя, къ счастiю, составляютъ въ немъ малочисленное меньшинство, являются только какъ рѣдкiя исключенiя,—къ счастiю, говоримъ мы, потому что если бы ихъ было много, не могло бы существовать общество. Этихъ кокетокъ, которыя не похожи на кокетокъ другихъ странъ, которыя хвалятся соблюденiемъ жеманныхъ приличiй, графиня Ростопчина превосходно заставила излагать свои понятiя и ощущенiя, свои поступки и стремленiя, олицетворивъ ихъ, по неизмѣннымъ законамъ поэтическаго творчества, въ этой вымышленной женщинѣ, говорящей намъ о своемъ «я». И какъ справедливы становятся слова графини Ростопчивой о своихъ стихотвореniяхъ, какъ скоро мы поймемъ это! Да, дѣйствительно, она горькой, не смѣющейся прониею глубоко, смертельно оскорбила «*жеманство, суету, тщеславiй мелкихъ чванство*» въ этихъ женщинахъ, выставивъ ихъ свѣту безъ всякихъ вуалей, въ истинномъ ихъ видѣ; да, она глубоко поразила ихъ своимъ *презрѣнiемъ!* И если такъ, а иначе быть не можетъ, то, дѣйствительно, *чисты* ея страницы, потому что проникнуты спасительною мыслью, благороднымъ презрѣнiемъ къ фразѣ и ничтожеству! Нѣтъ въ нихъ *слова грѣшнаго*, нѣтъ *виновной думы*,—о, нѣтъ, и не нарушила она, а защитила она *скромность*, показавъ ей въ этихъ *небылицахъ*, то есть созданныхъ творческимъ воображенiемъ поэта поступкахъ вымышленнаго лица, до чего доводятъ сухость сердца и пустота! Нѣтъ въ этихъ страницахъ *намека*, который бы могъ ввести въ сомнѣнiе, сдѣлаться *вреднымъ* своею *двусмысленностью*: все выражено съ такою ясностью, что нѣтъ мѣста сомнѣнiю, хороши ли, или презрѣнны эти вымышленныя ощущенiя, стремленiя, поступки воображаемаго лица; и если дѣвушка, съ *невинною*, неопытною, *голубиною* душою, слишкомъ живо увлечется вихремъ наслажденiй и развлеченiй, столь невинныхъ, повидимому, въ началѣ, но приводящихъ къ столь жалкой существенности, какъ посѣщенiе цыганскихъ оргiй,—если, говоримъ, неопытная дѣвушка увлечется этими опасными развлеченiями, *заботливая мать безъ*

страха дастъ ей книгу графини Ростопчиной,—*безъ страха*, потому что сильно, но спасительно противоядіе и несомнѣнно его дѣйствіе: ужаснется, содрогнется *голубиная* душа дѣвушки, и *заплачетъ* она, съ голубиною любовью зарыдаетъ о погибшихъ своихъ сестрахъ, съ ужасомъ о той страшной опасности, которой сама подвергалась,— и очистится эта голубиная душа пламеннымъ очищеніемъ ужаса отъ всѣхъ зародышей порока, какіе успѣли зарониться въ нее среди соблазновъ неизвѣданной ею, обольстительной, повидимому, жизни, и навѣки будетъ она чиста отъ *суеты*, *тщеславія*, ведущихъ къ соблазну, и недоступна навѣки будетъ она льстивымъ искушеніямъ соблазна!

Высокъ подвигъ поэта, рѣшающагося избрать пафосомъ своихъ стихотвореній изобличеніе ничтожества и порока, на благое предостереженіе людямъ; высокъ его талантъ, если онъ достойнымъ образомъ совершитъ свой благородный, но тяжелый подвигъ!

Этимъ, безъ сомнѣнія, надобно объяснять то уваженіе, которымъ почтили талантъ и произведенія графини Ростопчиной три величайшіе поэта трехъ поколѣній: Жуковскій, Пушкинъ и Лермонтовъ. Мы уже видѣли, съ какою благосклонностью Пушкинъ слушалъ ея стихи. Жуковскій послалъ ей книгу, которую Пушкинъ приготовилъ для записыванія своихъ стихотвореній, и которая найдена была еще бѣлою, дѣвственною послѣ его смерти. Видно, патріархъ нашихъ поэтовъ думалъ, что графиня Ростопчина достойна быть преемницею Пушкина въ нашей поэзіи. Любопытное письмо Жуковскаго объ этомъ напечатано на 231—232 страницахъ новаго изданія стихотвореній нашей поэтессы. Наконецъ, кому изъ насъ не памятно дивное стихотвореніе Лермонтова: «Графинѣ Ростопчиной»:

Я вѣрю: подъ одной звѣздою
Мы съ вами были рождены;
Мы шли дорогою одною,
Насъ обманули тѣ же сны....

Во всемъ мы можемъ обманываться, но не обманетъ насъ одно: имя графини Ростопчиной будетъ увѣковѣчено этимъ прекраснымъ стихотвореніемъ.

Какъ же объяснить, что журнальная критика и масса публики до сихъ поръ не понимали истиннаго смысла стихотвореній графини Ростопчиной?—Очень просто, и вовсе не въ выгодѣ критики и публики, мы должны прибавить, несмотря на все уваженіе наше къ этимъ органамъ рѣдко погрѣшающаго здраваго смысла и общественнаго мнѣнія.

Сатиры графини Ростопчиной написаны для предостереженія свѣтскихъ женщинъ и по необходимости написаны салоннымъ языкомъ: вѣдь другаго языка онѣ не захотѣли бы слушать, даже не поняли бы; вѣдь съ каждымъ классомъ общества надобно говорить на его собственномъ языкѣ. А извѣстно, какъ тонка, почти неосязаема иронія салоновъ. Подумайте сами, могла ли понять журнальная критика, привыкшая къ грубому, топорному, смѣемъ выразиться, тону нашей мѣщанской литературы, нашихъ Гоголей и Кольцовыхъ и имъ подобныхъ людей,—вѣдь и самъ Пушкинъ, самъ Лермонтовъ принуждены были говорить очень неделикатно, чтобы сдѣлать свою иронію понятной для нашей публики,—

могла ли эта критика, сама говорившая столь рѣзко и привыкшая рубить съ плеча,—могла ли она понять, уловить тонкую, уловимую только для свѣтскихъ людей иронію графини Ростопчиной? Да и кто были критики? Мы очень уважаемъ ихъ умъ и нравственныя качества, но должны сознаться, что они воспитались не въ салонахъ: одинъ былъ сынъ купца, другой—семинаристъ или сынъ уѣзднаго лекаря, третій—мелкопомѣстный, чуть ли не однодушный уѣздный дворянинъ. Чего хотите вы требовать отъ этихъ людей, когда дѣло касается свѣтскаго языка? Теперь, конечно, и вамъ, и мнѣ, и каждому легко понять смыслъ стихотвореній графини Ростопчиной, когда она сама прекрасно объяснила его въ предисловіи къ новому изданію, когда мы имѣемъ свидѣтельства Жуковскаго, Пушкина и Лермонтова.

А прежде? признайтесь и вы, читатель, вѣдь вы не понимали его? Да и гдѣ жо вамъ понять! Мы знаемъ, кто вы такой, какого тона вы человѣкъ! Вѣдь вы любите Диккенса и Теккерея, этихъ грубыхъ, хотя и даровитыхъ людей, которые съ такою мужицкою прямотою называютъ каждую вещь прямо по имени, не имѣя понятія о приличіяхъ въ образѣ выраженія.

Но не будемъ слишкомъ много обвинять себя за прежнее свое заблужденіе: мы всѣ искупали его тѣмъ, что признавали,—чисто на вѣру, безъ ясныхъ для насъ проявленій этого таланта,—высокій талантъ графини Ростопчиной. Мы загладимъ прежнее наше заблужденіе тѣмъ, что будемъ теперь очень ясно понимать все значеніе этого таланта.

Кто хочетъ составить себѣ точное понятіе о степени таланта графини Ростопчиной, долженъ, конечно, обратить вниманіе не столько на содержаніе, сколько на художественную форму ея произведеній, анализировать, въ какой мѣрѣ форма соотвѣтствуетъ идеѣ, и совершенно ли полно и ясно выражается идея въ формѣ.

Понимая эту идею, какъ она разъяснена самою поэтессою въ предисловіи, и какъ эта идея является въ нашемъ анализѣ, непогрѣшительная точность котораго едва ли оставляетъ мѣсто сомнѣнію, каждый долженъ будетъ сказать, что форма вполнѣ соотвѣтствуетъ идеѣ, и потому безукоризненно художественна, въ самомъ строгомъ смыслѣ слова. Вымышленная личность, излагающая намъ свои ощущенія въ стихотвореніяхъ, холодна и искусственна въ своемъ выраженіи, какъ въ своей жизни. Она старается показать, что любитъ и понимаетъ поэзію и природу,—но на самомъ дѣлѣ не можетъ любить ихъ; однако же, какъ личность, хотя искусственно и фальшиво, но довольно развитая и образованная, она умѣетъ иногда употребить красивое или громкое выраженіе. Само собою разумѣется, что, несмотря ни на какую искусственность, природа всегда беретъ верхъ надъ разсчетомъ и преднамѣренностью; потому стихи, имѣющіе поэтическую внѣшность, перемѣшаны съ гораздо бо́льшимъ количествомъ стиховъ сухихъ, нимало не поэтическихъ. Прежде находили это недостаткомъ; теперь мы, съ своей точки зрѣнія, должны признать достоинствомъ, какъ соотвѣтственнѣйшее выраженіе природы излагаемыхъ ощущеній и мыслей. Да и тѣ стихи, которые на первый взглядъ кажутся поэтическими по блестящей фразеологіи, для внимательнаго читателя оказываются фальшиво-украшенными, а не прекрасными. Наконецъ, хотя вымышленная личность очень много говоритъ о пылкости своей натуры, о зноѣ страстей, о ки-

пѣніи чувствъ, о пламенной любви, но такъ какъ она, какова бы ни была ея натура, пресыщена развлеченіями и наслажденіями, то вмѣсто пылкости вездѣ видна вялость, неразлучная спутница пресыщенія; зноя страстей мы въ ней не видимъ, а только видимъ женщину, утомленную удовольствіями, но все еще мечтающую объ удовольствіяхъ,—чувства и сердце ея уже утомлены, работаетъ одно экзальтированное воображеніе. Потому-то общій колоритъ стихотвореній чрезвычайно удовлетворяетъ художественнымъ условіямъ соотвѣтствія формы идеѣ: онъ сухъ, эгоистиченъ, экзальтированъ и холоденъ.

Даже самый языкъ соотвѣтствуетъ требованію идеи: онъ не всегда правиленъ, изобилуетъ ошибками въ употребленіи и сочетаніи словъ и въ удареніяхъ. Дѣйствительно, по свидѣтельству Пушкина, въ его время въ салонахъ не умѣли правильно говорить и не могли правильно писать по русски. Нынѣ, быть можетъ, не то; но вѣдь лицо, съ которымъ знакомитъ насъ графиня Ростопчина, принадлежитъ еще, по своему воспитанію, тридцатымъ годамъ, и истинный художникъ не могъ вложить въ уста этой женщины иного языка, какъ тотъ, о которомъ много разъ упоминаетъ Пушкинъ, говоря о дамахъ и дѣвицахъ своего времени.

По художественному достоинству, состоящему въ этомъ полномъ соотвѣтствіи формы съ идеею, въ графинѣ Ростопчиной долженъ быть признанъ талантъ необыкновенный.

Само собою разумѣется, что такое заключеніе основано на выводахъ нашихъ объ истинномъ смыслѣ ея произведеній: кто не принимаетъ этихъ выводовъ о содержаніи, тому и художественныя качества формы должны представляться въ другомъ свѣтѣ.

Вѣстникъ Естественныхъ Наукъ. *Москва. 1856. № 1.*

Мы съ удовольствіемъ прочитали первый нумеръ «Вѣстника Естественныхъ Наукъ» и еще болѣе убѣдились, что это изданіе, уже два года выходящее въ Москвѣ,—положительно полезно и прекрасно. Рекомендуемъ его всѣмъ любителямъ, которые хотятъ вынесть что нибудь изъ чтенія, обогатить себя свѣдѣніями. Да и какъ оно дешево стоитъ—всего шесть рублей!

Первый нумеръ на 1856 г. заключаетъ въ себѣ, кромѣ другихъ статей, въ высшей степени поэтическую и интересную статью знаменитаго Александра Гумбольдта: «Жизненная сила, или родосскій геній». Какая простота, благородство и возвышенность стиля и, притомъ, какъ все ясно, тепло, прямо льется въ душу! Глубокое и симпатическое сердце набросала эти коротенькія строки... Мы также любовались приложеннымъ къ 1-му № портретомъ Гумбольдта, этого восьмидесяти-шестилѣтняго служителя науки, болѣе полувѣка служащаго корифеемъ и представителемъ всѣхъ изумительныхъ движеній естествовѣдѣнія. Счастливое лицо, рѣдкое лицо, которое заставляетъ передъ собой склониться всякаго мыслящаго человѣка! Всмотритесь въ эту улыбку, въ этотъ возвышенный лобъ, который, кажется, такъ и говоритъ: «здѣсь жизненная сила входитъ во всѣ свои права». Гумбольдтъ, по справедливости, нравственное мѣрило всего мышленія XIX столѣтія, высшая грань, до которой достигнулъ нынѣшній человѣкъ. Г. Рулье, редакторъ «Вѣстника», очень можетъ гор-

диться тѣмъ, что такой человѣкъ прислалъ ему свой портретъ съ собственноручной надписью и тѣмъ одобреніемъ, которое Гумбольдтъ высказалъ объ его изданіи. Послѣ одобренія Гумбольдта, намъ остается только напомнить о «Вѣстникѣ» тѣмъ русскимъ читателямъ, которые еще не запаслись журналомъ г. Рулье. Смѣло ручаемся, что они не будутъ жалѣть, пріобрѣтя «Вѣстникъ».

Журналъ Садоводства, *издаваемый Россійскимъ Обществомъ Любителей Садоводства. Книжка 1 (январь). Москва. 1856 г.*

Красота цвѣтка, сада всегда дѣйствовала и будетъ дѣйствовать на человѣка, потому что живопись неотразимо дѣйствуетъ на душу человѣка. Это одно изъ эстетическихъ удовольствій, такъ же, какъ литература и музыка. Мы, жители страны березъ, можжевельника и елокъ, не слышавшіе никогда, какъ шумятъ лавры, пальмы и густолиственные дубы, цѣлымъ шатромъ раскинувшіеся въ воздухѣ, не слышавшіе даже запаховъ роскошнѣйшаго растительнаго царства,—мы, у которыхъ тянутся утомительные кустарники, плетни да метелки, вмѣсто деревъ, болѣе всего должны стараться пополнить скудость и непривѣтливость сѣверной природы. Балокъ, стропилъ да плетней у насъ много; но какое невыносимое повтореніе, какое невеселое однообразіе окраски, подернувшей все одинаковымъ колеромъ! Поэтому акклиматизированіе деревьевъ и цвѣтовъ для насъ необходимо, необходимы люди, которые бы, силою науки и опыта, обогащали нашу національную флору, хотя бы съ помощью оранжерей, теплицъ и искусственныхъ садовъ. Путешествія ботаниковъ и ученыхъ въ отдаленныя страны уже обогатили Старый Свѣтъ растеніями тропическихъ странъ. Сколько мы уже видѣли чуждыхъ нашему климату растеній, которыя заслуживаютъ вниманія по своей красотѣ и изяществу, живутъ внѣ отечественной почвы... Стебель тропическаго растенія, тонкій, благовонный, яркоцвѣтный, карабкается себѣ по стѣнкамъ нашихъ оранжерей и теплицъ, ласкаетъ взглядъ и радуетъ за успѣхи науки.

Вотъ причина того хорошаго впечатлѣнія, которое произвелъ на насъ первый нумеръ *возобновленнаго* «Журнала Садоводства». Это у насъ единственный въ Россіи садовый журналъ, который издается русскими любителями въ Москвѣ, при просвѣщенномъ содѣйствіи уже прославившихся на этомъ поприщѣ гг. ванъ-Гутта, Вершаффельта, Линдена, Тапфа и Вагнера. За журналъ этотъ многіе скажутъ спасибо, потому что цѣль его—знакомить русскую публику съ растеніями воздушными и тепличными, съ растеніями, вновь открываемыми, излагать способы устройства оранжерей, теплицъ, парниковъ, разбивки садовъ, обращать вниманіе на плодоводство и огородничество, какъ на отрасли, весьма важныя въ нашемъ отечествѣ. Кромѣ того, въ составъ программы журнала, вообще богатой и обѣщающей много, входятъ также путешествія ботаниковъ въ разныя страны свѣта. Въ краткомъ предисловіи, написанномъ редакторомъ этого журнала, г. Пикулинымъ, высказана вся цѣль этого прекраснаго изданія, и мы отсылаемъ читателя къ этому предисловію.

«Журналъ Садоводства», судя по первой книжкѣ, несмотря на всю свою спеціальность, можетъ быть доступенъ всѣмъ и каждому; даже дамы узнаютъ такъ много о цвѣтахъ, получатъ нечувствительно столько знаній объ ихъ классѣ,

отечествѣ, о томъ, отчего извѣстный цвѣтокъ называется тѣмъ или другимъ именемъ, и т. д. Вѣдь немножко стыдно любить цвѣты и не имѣть хотя маленькаго научнаго о нихъ понятія, обо всемъ спрашивать своего садоваго нѣмца и его безграмотнаго помощника, который только посредствомъ русской сметки понялъ то, о чемъ толкуетъ хитрый нѣмецъ... Кромѣ удовольствія вынести пользу изъ чтенія этого журнала, читатели найдутъ при нумерахъ журнала удивительные рисунки растеній, которыя выписываетъ редакція отъ извѣстныхъ иностранныхъ садоводовъ.| При № 1 приложены два иллюминованные рисунка, а именно: изящнѣйшій цвѣтокъ рододендронъ, съ темно-розовыми и пурпуровыми крапинами и карминными полосками по краямъ лепестка, и другой великолѣпнѣйшій рисунокъ растенія, интересующаго въ настоящее время всѣхъ ботаниковъ Европы—*Сарраценія Друммонда*. Красивый и оригинальный видъ этого заморскаго растенія, нынѣ распространеннаго по Европѣ, невольно поражаетъ глазъ своей мраморной окраской листьевъ, верхняя оконечность которыхъ покрыта бѣлыми и пурпуровыми пятнами, края обведены красно-лиловымъ ободкомъ; стебель этого растенія поддерживаетъ одинокій пятилепестный темно-красный цвѣтокъ. Преоригинальное, прекрасивое растеніе, съ такой удивительной окраской листьевъ! Честь и слава редакціи, которая не поскупилась на приложеніе такихъ богатыхъ иллюминованныхъ рисунковъ, да еще присовокупила къ нимъ интересныя статьи... Мы не видывали еще такихъ отчетливыхъ и изящныхъ рисунковъ при русскихъ изданіяхъ.

Но кромѣ рисунковъ и политипажей, первая книжка «Журнала Садоводства» представила двѣ интересныя статьи: «Картины растительнаго царства» г. Мина и «Московскіе сады въ XVIII столѣтіи» г. Забѣлина. Намъ въ особенности понравилась статья г. Мина, и мы порадовались за редакцію, которая поняла, что подобныя статьи, хотя не заключаютъ въ себѣ ничего новаго, необходимы для русской публики, которую можно пріучить къ интересамъ спеціальнымъ только посредствомъ общихъ, популярныхъ статей. Совѣтуемъ г. Пикулину не упускать этого изъ виду, не забывать, что для массы читателей, не посвященныхъ въ спеціальность естествовѣдѣнія, необходимы общіе очерки, предварительные взгляды и описанія, изложенные языкомъ живымъ и общедоступнымъ для каждаго. Г-нъ Минъ съ успѣхомъ достигнулъ этой цѣли и, популярнымъ языкомъ, слегка, но мастерски характеризовалъ всю красоту, богатство и важность растительнаго царства.

Статья «Московскіе сады въ XVIII столѣтіи» также читается съ большимъ интересомъ.

Въ заключеніе скажемъ, что первый нумеръ «Журнала Садоводства» составленъ прекрасно. Желаемъ отъ души успѣха этому изданію, на который оно, безспорно, имѣетъ право разсчитывать. Видно, что люди съ любовью и съ знаніемъ дѣла принялись за изданіе, съ тактомъ критической оцѣнки при разборѣ новыхъ растеній, которыя со дня на день наводняютъ Европу и—бываетъ это!—часто подъ пышнымъ именемъ растенія, привезеннаго изъ отдаленной точки земнаго шара, встрѣчаемъ старый и давно извѣстный видъ растенія....

Очерки Сибиряка. *I. Дѣвичій сонъ на Новый годъ. Быль изъ временъ давно-прошедшихъ. Спб. 1856.*

Прочитавъ на заглавномъ листкѣ: «Очерки Сибиряка» и зная давнишнюю скромность русскихъ сочинителей, которые нерѣдко цѣлые трактаты называютъ: очерками, абрисами, этюдами и т. д., мы, признаемся, заранѣе ожидали извлечь изъ «Очерковъ» множество любопытныхъ замѣтокъ о Сибири. Что-то намъ разскажетъ почтенный сибирякъ объ этой странѣ, гдѣ все такъ ново, оригинально, гдѣ (не говоря ужь объ этнографическихъ особенностяхъ) и толстый золотопромышленникъ, и поручикъ сибирской гарнизонной стражи, и станціонный смотритель,—все имѣетъ свою особенную физіономію, говоритъ другимъ языкомъ и съ увлеченьемъ толкуетъ о звѣриныхъ шкурахъ,—что-то намъ разскажетъ нашъ почтенный сибирякъ?

Такъ думали мы, прочитавъ заманчивое заглавіе: «Очерки Сибиряка». Каково же было наше изумленіе, когда, перебросивъ заглавный листъ, на другомъ листѣ мы прочитали другое заглавіе: «Дѣвичій сонъ на Новый годъ, въ стихахъ». Не можетъ быть! Вѣроятно, дѣвическіе сны сибирскихъ барышень представляютъ что нибудь особенное, вѣроятно, имъ снится не то, что другимъ барышнямъ, и ужь недаромъ авторъ прибавилъ: *быль изъ временъ давно-прошедшихъ*. Видно, онъ выкопалъ какую нибудь сибирскую легенду!

Прочитавъ всю книжку, писанную дешевенькими стихами, въ родѣ тѣхъ, какими обыкновенно пишутъ благовоспитанныя дѣти, въ день именинъ своихъ мамашъ и крестныхъ батюшекъ, съ наивной откровенностью пролепетавъ: *для васъ—взошелъ я на Парнасъ*,—мы не нашли подобной откровенности въ неизвѣстномъ сибирякѣ. Г. сибирякъ описываетъ вмѣсто Сибири княжну, описываетъ львицу моднаго свѣта (вотъ тебѣ и быль изъ давно-прошедшихъ временъ!), раскладывающую наканунѣ Новаго года мостикъ изъ прутиковъ. Эти прутики—эмблема мирныхъ женскихъ добродѣтелей; мостикъ—лѣстница, ведущая княжну въ объятія милаго человѣка, въ блестящей каскѣ и въ большихъ замшевыхъ перчаткахъ. А княжна-то, еслибъ вы знали, красавица какая! Господи, какъ она хороша! настоящій рафинадъ, какъ говоритъ гоголевская сваха. Посудите сами:

Груди лебедя, бѣлѣй
Бѣлой пѣны океана!
Гордо въ зеркало глядясь,
Красотѣ своей дивясь,
Ждетъ княжна любимца-друга;
Скоро ль онъ за ней придетъ,
Ручку бѣлую возметъ,
Скажетъ: «ты моя супруга!»

Таковъ портретъ княжны. Сердце у ней необыкновенно мягкое. Какъ она перетрусилась, когда ей приснилось, что какое-то чудовище съ гусарской саблей кинулось на ея любимца-друга, какъ пронзительно вскрикнула бѣдная княжна:

«Няньки, мамки, защищайте,
Жениха скорѣй спасайте...
Онъ изрубитъ!» (Стр. 12).

Какъ? изрубитъ! любимца-друга, ротмистра Юлія изрубитъ! Какой вздоръ, княжна! развѣ можно изрубить, изгнать ротмистра Юлія изъ вашего сердца и изъ русской литературы! Успокойтесь! еще прійдется вамъ не разъ слышать и читать подобные разговоры:

«Ротмистръ Юлій!..»—Ахъ, вы живы! —
И *огнемъ краснорѣчивымъ*
Мигомъ вспыхнула княжна.
«Какъ! вы знаете? такъ скоро!
Кто сказалъ вамъ?...» — Я!... мнѣ!... нѣтъ!...
Робкій былъ ея отвѣтъ.
Охвативъ горящимъ взоромъ,
Юлій сѣлъ поближе къ ней.
«Что же значатъ восклицанья?...»
— Такъ, оставьте безъ вниманья...
Разскажите поскорѣй,
Что случилось?—*И мгновенно,*
Точно жемчугъ драгоцѣнный,
Слезы пали изъ очей.
«Боже! слезы!...»—Говорите! —
«Вы блѣдны такъ!!...»—Не томите!...

Каковъ ротмистръ Юлій? Ну, не злодѣй ли онъ, посудите сами! И за что этакъ морочить бѣдныхъ русскихъ барышень, которыя, въ простотѣ своей, ничего возвышеннѣе не знаютъ ихъ возвышеннаго русскаго слога. О, милый марлинизмъ, давно отжившій, но еще не окончательно похороненный въ нашей литературѣ заднихъ рядовъ! о, великолѣпная шумиха словъ, фонтаномъ бьющая изъ краснорѣчивыхъ устъ ротмистра Юлія! Одинъ только онъ, ротмистръ Юлій, рѣшится произнести подобныя гремучія, хвастливыя фразы, объясняясь въ любви этой добренькой княжнѣ, отъ восторга даже развѣсившей уши:

Не заботясь о здоровьѣ (это говоритъ Юлій),
О могилѣ (?), но, *храня*
Свѣта моднаго условье,
Поскакалъ съ визитомъ я...
Я счастливецъ! вы бальзамъ
Мнѣ на раны сердца льете,
Вы блаженство мнѣ даете.
Вы несете къ небесамъ!
Вашимъ я дышу дыханьемъ,
Жизнь мила мнѣ только въ васъ,
Съ вами жизнь и вѣчность — часъ!
Но сказать, но васъ увѣрить,
Какъ любовь моя сильна,
И огонь ея измѣрить —
Нѣтъ и мѣры, нѣтъ и словъ!

А княжна-то?

Долго вслѣдъ она глядѣла,
Грудь *плескалась*, грудь горѣла,
Чей-то голосъ говорилъ:
«Какъ хорошъ онъ, какъ онъ милъ!

Любишь друга?»
— Обожаю!
Голосъ молвилъ изъ груди.

Да и какъ, въ самомъ дѣлѣ, не обожать ротмистра, который, покрутивъ усъ, такъ выразился насчетъ ея взгляда:

Не сжигая — жжете имъ!

И даже что еще выдумалъ:

Звукамъ рѣчи задушевной,
То отрадной, то смятенной,
Потрясаете въ груди
Струны лучшія мои!

Очень интересно знать, какія тамъ лучшія струны въ груди этого ротмистра Юлія, и точно ли есть тамъ подобныя струны... Сомнительно! не вѣрьте, княжна! Хотите знать, что за человѣкъ вашъ ротмистръ Юлій? Пустой малый, благонамѣренный трупъ старыхъ романовъ, лицо, нынѣ не существующее, ротмистръ съ мѣднымъ лбомъ, ни одной дѣльной книжки не прочитавшій на своемъ вѣку, не имѣвшій даже времени разсмотрѣть хорошенько хоть одинъ планъ знаменитаго сраженія, считающій военную науку вздоромъ, ничего не слышавшій о маршалѣ Конде, о Тюренѣ, о принцѣ Евгеніи, по наслышкѣ знающій великаго Суворова, и т. д., и т. д., прямой наслѣдникъ героевъ повѣстей Марлинскаго, перепрыгивающій, отъ салонныхъ огорченій, кавказскія горы и машущій, отъ нечего дѣлать, шашкой подъ самымъ небомъ...

Итакъ, читатель, если вамъ случится прочитать въ газетныхъ объявленіяхъ: «Очерки Сибиряка», то знайте напередъ, что это деликатная выходка неизвѣстнаго автора, написавшаго подъ этимъ заглавіемъ сказочку о чувствительной барышнѣ и гремучемъ ротмистрѣ. Вмѣсто того, чтобъ ознакомиться съ Сибирью, васъ схватитъ въ объятія милашка-ротмистръ и, принявъ васъ за поджидаемую княжну, станетъ тискать васъ къ своей воинственной груди...

Силуэты, *сцены въ стихахъ* В. Н. Попова. *Спб. 1656.*

Стихи г. Попова совершенно другаго рода, чѣмъ стихи автора «Очерковъ Сибиряка». Г. Поповъ, по крайней мѣрѣ, не увѣряетъ, что онъ описываетъ быль изъ давно-прошедшихъ временъ, напротивъ, онъ описываетъ сцены изъ современнаго быта и, притомъ, въ *новѣйшемъ* вкусѣ. Сатира, злая сатира разлита въ поэзіи г. Попова! Боже, какъ онъ хлещетъ наше современное ничтожество, какъ озлобленный герой его, Калитичъ, глубокомысленно разсуждаетъ о томъ, что ему стукнуло тридцать лѣтъ! Тридцать лѣтъ — и человѣкъ ничего не сдѣлалъ, тридцать лѣтъ—и все сердится, тридцать лѣтъ—и все повторяетъ одно и то же, тридцать лѣтъ—и все говоритъ съ чужаго голоса! Положеніе истинно-драматическое, и, признаться, Калитинъ такъ искренно жалѣетъ о себѣ, съ такимъ презрѣніемъ отзывается о *мишурномъ* свѣтѣ, объ окружающей его пустотѣ, что мы даже порадовались за него. «Ну, въ добрый часъ — подумали мы — вѣроятно, онъ тотчасъ сядетъ къ письменному

столу, попроситъ, чтобъ отъискали чернильницу, займетъ у пріятеля-чиновника перо и напишетъ прошеніе о ревностномъ своемъ желаніи поступить на службу, или же, что тоже хорошо, займется другимъ какимъ нибудь серьезнымъ дѣломъ. Немудрено: человѣкъ огорченъ, человѣкъ въ раздраженіи, что проболтался тридцать лѣтъ на своемъ вѣку; онъ хочетъ, вѣроятно, чѣмъ нибудь заняться, загладить прошлое, и ужь недаромъ онъ съ такой энергіей и жолчью заговорилъ, въ первомъ своемъ монологѣ, о нашемъ воспитаніи, — вѣдь какъ заговорилъ-то! ни дать, ни взять—грибоѣдовскій Чацкій:

Кого я видѣлъ предъ собою?
Французскихъ куколъ длинный рядъ.
Онѣ — не съ русскою душою
И не по русски говорятъ.

Потомъ — все тамъ же, въ первомъ монологѣ — Калитинъ такъ расходился, что сталъ посреди комнаты и обратился съ рѣчью къ цѣлой Россіи:

. . . . . Боже мой!
Проснись, Россіи дивный геній, —
Проснись, и мощною рукой
Направь ты наше воспитанье,
Дай чистой правды свѣтъ познать
И, бросивъ иго подражанья,
Заставь себѣ насъ подражать.

Эге-ге! человѣкъ недюжинный: какихъ матерій касается... видно, Чацкій на александринской сценѣ очень ему понравился. Что жь! это еще не бѣда; у Калитина впечатлительная натура, у него хорошая память, онъ сидѣлъ въ первыхъ рядахъ креселъ и глоталъ каждое слово благороднаго Чацкаго... Такъ, Калитинъ бранитъ общество, говоритъ о нашемъ жалкомъ воспитаніи... Очень интересно знать, что будетъ онъ дѣлать еще.

Ну, что, если, сохрани Богъ, онъ станетъ все отпускать ядовитыя остроты да изливать жолчь на очень ограниченнаго человѣка, своего пріятеля Клиновскаго, котораго онъ, потому что послѣднему вздумалось искренно влюбиться, считаетъ круглымъ дурачкомъ? Такъ и есть: опять эта скверная жолчь, беззубыя остроты, старыя нападки на суетность женщинъ, громкія фразы... Досадно: Калитинъ повторяется, Калитинъ, надувается нестерпимо, Калитинъ распустилъ хвостъ, Калитинъ, во что бы то ни стало, хочетъ удивить знаніемъ свѣта своего ограниченнаго пріятеля. Онъ смотритъ на него свысока, онъ считаетъ себя Александровской колонной въ сравненіи съ бѣднымъ Клиновскимъ; онъ въ душѣ даже презираетъ Клиновскаго, который съ такимъ добродушіемъ прибѣгаетъ (на третьей страницѣ) на выручку зарапортовавшагося философа и съ кротостью говоритъ: Bonjour, mon cher! (Стр. 3).

Клиновскій признается своему жолчному другу, что онъ влюбился въ хорошенькую вдову, т. е. Кринецкую, и хочетъ на ней жениться. Съ какимъ презрѣніемъ отозвался Калитинъ о женщинахъ, какъ отхлесталъ Кринецкую, эту французскую куколку, которая хоть и блистаетъ,

Зато и куритъ, и стрѣляетъ,
И ѣздитъ цѣлый день верхомъ.

По уходѣ Клиновскаго, философъ, покачавъ головой, съ презрѣніемъ произнесъ:

Смѣшонъ Клиновскій мнѣ! Чудакъ, въ кого влюбился!
Въ кокетку страшную!.. А что виной тому?
Все воспитаніе!

Далось ему это словечко: съ языка не сходитъ! Что станете дѣлать съ бѣднымъ Калитинымъ: если человѣкъ, напримѣръ, шляпу себѣ на голову надѣлъ, онъ, навѣрное, съ усмѣшкой скажетъ: все воспитаніе! увидитъ у кого нибудь красивый кисетъ—все воспитаніе! сапогъ, положимъ, у васъ жметъ — виноватъ будетъ, конечно, не сапожникъ, а воспитаніе; влюбились вы — виновато не сердце, а воспитаніе. Намъ почему-то кажется, что, еслибъ, напримѣръ, кто нибудь отъ горячки умеръ, то Калитинъ, посмотрѣвъ на него мрачно, съ негодованіемъ произнесъ бы:

А что виной тому?
Все воспитаніе! Какъ жалокъ свѣтъ! вездѣ мученья,
Вездѣ и всѣмъ грозитъ бѣда!...

Да что онъ за господинъ такой? Не разумѣетъ ли онъ — какъ это ни странно кажется съ перваго взгляда—подъ словомъ *воспитаніе* другаго слова: *женщина*, и ужь не не навидитъ ли онъ этихъ женщинъ? Онъ не можетъ не бранить ихъ очень шибко, и все этакъ съ высока.

Образованья блескъ снаружи,
И пустота, межь тѣмъ, въ сердцахъ!
А въ пансіонахъ часто хуже:
Дѣвицъ тамъ учатъ танцовать,
Болтать немного по французски,
Неправильно писать по русски,
Кой-что изъ бисера вязать!...
Къ чему такое воспитанье
Несчастныхъ дѣвушекъ ведетъ?

Ну, такъ и есть: Калитину, по всей вѣроятности, насолила какая нибудь пансіонерка, которая кой-что изъ бисера вязала; онъ и напустился на воспитаніе. Милосердый Боже! какъ легко можно огорчить человѣка! Погибъ Калитинъ, *достойный лучшей доли*, погибъ ни за копейку, потерянъ навсегда для дамскаго общества! Какъ бы не такъ! Послушайте, чѣмъ разрѣшились всѣ его ядовитые монологи, чѣмъ кончилъ карьеру этотъ глупѣйшій изъ фразеровъ, пышный на слова, убогій на дѣло.

Пріятель его Клиновскій, который смотритъ на Калитина чуть ли какъ не на геніальнаго человѣка, знакомитъ его съ г-жою Кринецкою, въ которую онъ, Клиновскій, влюбленъ. Вдовушка оказывается премилой особой: очень недурно стрѣляетъ изъ пистолета, верхомъ ѣздитъ порядочно, куритъ отлично и, съ болтливостью свѣтскаго ребенка, сама признается Калитину:

А еслибъ знали вы, какъ я
Изъ пистолета въ цѣль стрѣляю,
Иль на конькахъ катаюся, *я знаю*,
Вы ужаснули бы меня!

Что жъ, вы думаете, Калитинъ осыпалъ упреками эту, по его выраженію, *французскую куклу*. Нѣтъ, онъ оробѣлъ совершенно и едва слышно произнесъ:

Напротивъ, долженъ я признаться,
Что сожалѣю объ одномъ:
Что не могу быть ѣздокомъ,
Чтобъ съ вами смѣло состязаться;
Что не могу, какъ вы, стрѣлять,
Коньковъ боюся больше смерти;
Хотя и грустно мнѣ, повѣрьте,
Но. долженъ я отъ васъ отстать.

Хотя онъ и скривилъ ротъ на манеръ сатирической улыбки, но, вмѣсто жолчи, упрековъ и негодованія на воспитаніе, онъ запѣлъ тихо, слабо, какъ малиновка. Вдругъ, точно кто нибудь толкнулъ его подъ бокъ, Калитинъ опомнился, взъерошилъ волосы и, чтобъ не ударить въ грязь лицомъ, началъ... о чемъ бы вы думали? о томъ, какія идеи русскія матери развиваютъ у своихъ взрослыхъ дочерей,—словомъ, напалъ на свой конекъ, на воспитанье... и какъ грозно — послушайте:

Какія въ ней,
Гордясь любовію своей,
Она идеи развиваетъ?
Она старается убить
У ней возвышенныя чувства,
Она хлопочетъ въ ней развить
Необходимое искусство —
Богатыхъ жениховъ ловить!
И дочь, понявши наставленья,
Для нихъ готова расточать
Свои улыбки, взоры, пѣнье,
Готова цѣлый день бренчать,
Для полноты обвороженья!
Вотъ воспитаніе въ домахъ!

Вѣроятно, пріятель Клиновскій, который сидѣлъ тутъ же (передъ нимъ-то болѣе всего и хотѣлъ щегольнуть Калитинъ), подумалъ: «фу, ты! голова-то, голова у моего друга Калитина! золотая головка... вотъ отхваталъ, такъ отхваталъ!»

И когда при прощаніи г-жа Кринецкая, какъ вѣжливая хозяйка, сказала неугомонному фразеру:

Надѣюсь, не въ послѣдній разъ
Вы у меня, хоть въ наказанье
За ваши колкости...,

то нашъ Калитинъ, довольный собою, сухо отвѣчалъ:

О, я готовъ у васъ
Всегда наказанъ быть... Прощайте.

Во второмъ дѣйствіи «Силуэтовъ», г-жа Кринецкая сидитъ одна, въ неглиже, и жалуется на то, что она очень устала. Еще бы не устать: тан-

цуетъ до упаду, папироски куритъ самымъ свирѣпымъ образомъ, да еще, подобно знаменитой тетушкѣ несравненнаго Ивана Ѳедоровича Шпоньки, въ стрѣльбѣ упражняется. Вдругъ входитъ Калитинъ. Кринецкая въ восторгѣ, забыла о своемъ неглиже и говоритъ ему нараспѣвъ, подкативъ глазки:

Скажите,
Что васъ давно такъ не видать?

КАЛИТИНЪ.

Деревню въ томъ вините,
Что я не могъ у васъ бывать.

КРИНЕЦКАЯ.

Ну, какъ же вы тамъ поживали?
Я думаю, что не скучали?

КАЛИТИНЪ.

Я полагалъ, зеленый лугъ,
Картины мирныя природы
Мой усмирятъ *мятежный* (?) духъ
И возвратятъ былые годы.
Но что жь? Журчаніе ручья,
Игра пастушеской свирѣли,
Шумъ листьевъ, пѣнье соловья
Мнѣ черезъ мѣсяцъ надоѣли.

Кринецкая замѣчаетъ ему, отчего же онъ, философъ, не полюбилъ деревенской поэзіи, которая стоитъ того, чтобъ ее полюбить? отчего онъ живетъ трутнемъ, болтается между небомъ и землей? отчего онъ, наконецъ, не исполнитъ хоть долга гражданина, какъ выражается Чичиковъ, т. е. хоть бы женился онъ, по крайней мѣрѣ? Боже, какъ разсердился нашъ Калитинъ, какъ заревѣлъ онъ звѣрски на вдову! онъ просто пришелъ въ бѣшенство и крикнулъ на беззащитную женщину:

Вы деревенскою женою
Меня хотите надѣлить?
Нѣтъ! лучше заживо зарыть
Себя, чѣмъ жертвовать собою,
Чѣмъ вѣкъ безвыходно страдать
И, не дѣлясь ни съ кѣмъ душою,
Средь огородовъ прозябать!

Позвольте, г-нъ Калитинъ, позвольте, ну перестаньте же махать руками и раздувать ноздри, перестаньте: вѣдь вамъ тридцать-первая весна пошла. Вы изволите говорить, что не желаете прозябать среди огородовъ; да дѣло въ томъ, что въ столицѣ вы браните мишурный свѣтъ, въ деревнѣ—шумъ листьевъ и пѣнье соловья: чего же вы хотите, скажите на милость? Повѣрьте, съ вашимъ дрянным фразерствомъ, школьнымъ озлобленіемъ вы вездѣ будете прозябать—и въ деревнѣ, и въ столицахъ. Въ деревнѣ вы на волосъ ничего не сдѣлаете добраго, а въ столицѣ и подавно: десять лѣтъ проживете въ Петербургѣ и ни разу не заглянете въ Императорскую Публичную Библіотеку,

не выслушаете ни одного публичнаго курса хоть одной науки, не заглянете даже изъ любопытства въ университетъ, а все будете толковать о просвѣщеніи до о воспитаніи и, по прежнему, *на диво черни простодушной* (напр., Клиновскаго), станете обращаться къ Россіи, со слезами на глазахъ:

Проснись, и мощною рукой
Направь ты наше воспитанье!

Эхъ, почтеннѣйшій! что вы кривляетесь, надуваете себя и другихъ! Лучше проснитесь прежде сами и поплачьте о себѣ, а потомъ ужь о Россіи. Вѣдь вы, сами того не знаете—гнилушка общества,—гнилушка, которая хочетъ стать на ходули. А вмѣсто этого, какъ было бъ почтенно и благородно съ вашей стороны (вѣдь вы же пылаете духомъ усовершенствованія!), еслибъ вы скромно, безъ шуму занялись чѣмъ нибудь да пріохотили бъ къ занятіямъ и къ серьезнымъ разговорамъ Клиновскихъ, да не фразерствовали, не подымали носъ кверху: тогда бъ на дѣлѣ вы доказали ваши слова:

Я твердо вѣрю, что любовь
На этомъ свѣтѣ существуетъ.

Вотъ изъ вашей школы и вышли бъ тогда хоть два-три порядочныхъ человѣка, да вы четвертый. Общество, разумѣется, васъ не замѣтило бъ; а все-таки стало бъ меньше четырьмя фразерами: и то слава Богу. Конечно, авторъ вашъ, г. Поповъ, считаетъ васъ какъ будто порядочнымъ человѣкомъ; да отъ этого вамъ не легче: при такомъ фальшивомъ взглядѣ, при необдуманномъ желаніи повторять избитыя фразы вездѣ, вы будете прозябать, вездѣ останетесь трутнемъ и лишнимъ человѣкомъ въ Божьемъ мірѣ.

Какъ вы думаете, читатель, чего собственно хочетъ Калитинъ? Вы не вѣрьте его фразамъ о семъ, о другомъ, о третьемъ: онъ желаетъ только одного—отъискать себѣ супругу:

Которая бы поняла
Свое высокое значенье
И исключеніемъ была
Изъ нынѣшняго поколѣнья! (Стр. 20.)

Вѣдь малаго желастъ добрый Калитинъ! женщина, которая по сердцу, по душѣ, была бы исключеніемъ изъ нынѣшняго поколѣнія! И вообразите себѣ, онъ отъискалъ такую женщину: вдовушка Кринецкая, лихо разъѣзжающая на конькахъ, осчастливила философа и вышла за него замужъ. И тотъ человѣкъ, который бранилъ модныхъ львицъ, презиралъ балы, театры, маскарадъ, съ жолчью отзывался о барышняхъ, кой-что вяжущихъ изъ бисера, нападалъ на распущенность нравовъ, женился на Кринецкой, стрѣляющей изъ пистолета! Вотъ ужь подлинно: по Сенькѣ шапка.

Мы представляемъ себѣ слѣдующую семейную картину: слуга за завтракомъ опоздалъ, положимъ, во-время подать слѣдующее блюдо, и Калитинъ бросается на него съ яростью:

А что виной тому!
Все воспитаніе! Какъ жалокъ свѣтъ! вездѣ мученья,
Вездѣ и всѣмъ грозитъ бѣда!

А вдовушка, прикинувшаяся подъ конецъ пьесы исключеніемъ изъ женщинъ нынѣшняго поколѣнія, отъ скуки зарядитъ себѣ пистолетъ, да и бацъ, бацъ, бацъ! ну! хоть въ дагеротипъ своего муженька, который, вѣроятно, виситъ въ ея будуарѣ. Веселенькій бракъ, нечего сказать....

Напрасно г. Поповъ не придалъ своей пьесѣ комическаго оттѣнка и вообразилъ, что Калитинъ достоинъ серьезнаго изображенія. Напрасно; сюжетъ очень недуренъ, и еслибъ все это представить въ юмористическомъ видѣ, то вышло бъ больше оживленія и правды.

Теперь вопросъ: отчего г. Поповъ назвалъ свои сцены «Силуэтами»? Заглавіе совершенно нейдетъ къ дѣлу. Не лучше ли было бъ, если бы г. Поповъ назвалъ свою пьесу: *Все воспитаніе! и вдова съ пистолетомъ!!* По крайней мѣрѣ это отвѣчало бъ основной идеѣ и было бы подъ стать изящнымъ заглавіямъ, которыя мы привыкли встрѣчать на афишахъ Александринскаго Театра.

Разведеніе свекловицы и добываніе свекловичнаго сахара *по совершенно новымъ методамъ. Сочиненіе* М. Веллера. *Москва. 1856.*

Фабрикація стеариновыхъ, маргариновыхъ, прозрачныхъ, солнечныхъ, сальныхъ и вообще всякаго рода свѣчей. Мельнейера. *Москва. 1855.*

Практика золоченія и серебренія всѣхъ вообще металловъ *по новѣйшимъ открытіямъ. Составлено* Шрейберомъ. *Москва. 1855.*

По поводу всѣхъ этихъ и множества подобныхъ переводныхъ книжекъ приходитъ намъ непреодолимое желаніе повторить еще разъ давнишнее замѣчаніе: что за охота издателямъ ихъ компрометировать свои изданія широковѣщательными заглавіями, когда издаваемыя книжки сами по себѣ недурны, какъ тѣ, заглавія которыхъ мы выписали? Соглашаемся, что къ пустой и нелѣпой книжонкѣ шарлатанское заглавіе очень идетъ, даже необходимо ей, потому что она и издается только для заглавія, которое имѣетъ цѣлью обманывать неопытныхъ покупателей. Но зачѣмъ шарлатанствомъ портить вещь, быть можетъ, недурную, быть можетъ, даже хорошую? Вѣдь кажется, что это можетъ только повредить ей. Укажемъ въ примѣръ хоть на первое изъ названныхъ нами руководствъ. Написано оно съ толкомъ; переведено, положимъ, очень непзящно, но кому дѣлу до изящества языка, когда рѣчь идетъ о разведеніи свеклы и добываніи сахара? Лишь бы только можно было понять смыслъ,—и довольно: а смыслъ въ переводѣ соблюденъ. Кажется, въ сущности дѣла дурнаго ничего нѣтъ: зачѣмъ же придавать ему подозрительную наружность, безобразя книжку такимъ заглавіемъ:

«Разведеніе свекловицы и добываніе свекловичнаго сахара по совершенно новымъ методамъ, помощію которыхъ свекловично-сахарное производство доставляетъ большую выгоду и каждому землеводу-домохозяину даетъ возможность, съ простыми снарядами, приготовлять для себя потребное количество сахара.»

Не явная ли нелѣпость это обѣщаніе дать каждому помѣщику возмож-

ность дѣлать въ годъ 15—20 пудовъ сахару для домашняго обихода? и какія могутъ быть указаны въ книжкѣ совершенно новыя методы?—въ книжкѣ такихъ нелѣпостей не содержиться. Ужели составители подобныхъ заглавій не думаютъ, что нелѣпое хвастовство отобьетъ у каждаго мало-мальски неглупаго человѣка охоту загляцуть въ брошюру съ такимъ шарлатанскимъ заглавіемъ? Кто повѣритъ, что она можетъ быть недурна? Беремъ другую, опять-таки недурную книжку:

«Фабрикація стеариновыхъ, маргариновыхъ, прозрачныхъ, солнечныхъ, сальныхъ и вообще всякаго рода свѣчей. Практическое, на новѣйшихъ опытахъ основанное руководство приготовлять свѣчи, сообщать имъ необыкновенную бѣлизну и яркость свѣта посредствомъ вновь изобрѣтенныхъ свѣтиленъ, очищать сало до наивозможной степени чистоты и устраивать свѣчные заводы по выгоднѣйшимъ планамъ».

У какого разсудительнаго хозяина будетъ охота заглянуть въ книжку съ такимъ подозрительнымъ заглавіемъ?

По нашего мнѣнію, эти шарлатанства должны вредить успѣху. Или издатели думаютъ, что издавать книги у насъ можно только для простаковъ, которыхъ надобно и можно обманывать? Они ошибаются, и напрасно, вредя самимъ себѣ, вредятъ и вообще развитію у насъ книжной торговли. Совѣтуемъ имъ серьезнѣе подумать о томъ, что добросовѣстность есть не только хорошее качество въ нравственномъ отношеніи, но и первое, необходимое основаніе всякаго прочнаго успѣха.

Первое чтеніе и первые уроки для маленькихъ дѣтей. *Сочиненіе* А. Ишимовой. *Часть I. Спб. 1855.*

Имя г-жи Ишимовой, какъ составительницы дѣтскихъ книгъ, давно уже пріобрѣло у насъ такую извѣстность, что педагогическій курсъ, ею теперь издаваемый, не нуждается въ нашихъ похвалахъ. Мы ограничимся только извѣщеніемъ о содержаніи первой части «Уроковъ для маленькихъ дѣтей». «Многія матери семействъ» —такъ объясняетъ въ предисловіи г-жа Ишимова цѣль свою новаго сочиненія—«занимающіяся сами воспитаніемъ дѣтей своихъ, давно говорятъ съ величайшею похвалою о сочиненіи французской писательницы г-жи Тастю «L'education maternelle» и, сожалѣя, что у насъ нѣтъ подобной книги, изъявляли не разъ желаніе имѣть, по крайней мѣрѣ, переводъ ея». Достоинство курса г-жи Тастю несомнѣнно (продолжаетъ г-жа Ишимова): но переводъ его принесъ бы мало пользы нашимъ дѣтямъ, потому что составительница обращаетъ главное вниманіе на то, что нужно и интересно для французскихъ дѣтей, а не для русскихъ. Потому г-жа Ишимова рѣшилась изъ своей книги «Чтеніе для дѣтей перваго возраста» составить такое руководство, которое, будучи примѣненно къ потребностямъ русскаго воспитанія, съ выгодою замѣнило бы для нашихъ матерей-воспитательницъ книгу г-жи Тастю.

Въ первой части, нынѣ изданной, заключаются уроки чтенія, каллиграфіи, нумераціи и краткая священная исторія. Все это изложено въ видѣ разговоровъ между матерью и дѣтьми или въ формѣ маленькихъ повѣстей, чтеніе

которыхъ, по мнѣнію г-жи Ишимовой, будетъ завлекательно для дѣтей. Разговоры и повѣсти даютъ случай сообщить маленькимъ читателямъ первоначальныя понятія изъ естественныхъ наукъ и пр. Всѣ они проникнуты чистѣйшею нравственностью.

Изданіе книги, украшенной большимъ числомъ прекрасныхъ виньетокъ, очень изящно.

Новороссійскій Календарь на 1856 годъ, *издаваемый отъ Ришельевскаго лицея. Одесса. 1856.*

Составъ «Новороссійскаго Календаря на 1856 годъ» въ главныхъ чертахъ тотъ же, какой имѣло это изданіе за предъидущіе годы. Въ первомъ отдѣленіи помѣщены мѣсяцословы: православный, армянскій, католическій и реформатскій, календари еврейскій и мухамеданскій и нѣкоторыя другія календарныя и астрономическія таблицы; во второмъ «Россійскій Императорскій Домъ», хронологическій списокъ событій Новороссійскаго края и указатель замѣчательныхъ предметовъ въ городахъ этого края, статистическія таблицы, новороссійскій дорожникъ, росписаніе почтъ и проч.; въ третьемъ—новороссійскій адресъ-календарь.

По еврейскому счисленію, наступившій (съ 6 января) годъ есть 5616-й отъ сотворенія міра; по мухаммеданскому—до 20 августа продолжается 1272, а съ 20 августа начинается 1273 годъ гиджры.

Въ числѣ замѣчательныхъ событій Новороссійскаго края за послѣдніе два года (кромѣ военныхъ дѣйствій, хорошо извѣстныхъ каждому) показаны:

1854 годъ. Права одесскаго порто-франко продолжены на три года (т. е. по 15 августа 1857 г.).—Учрежденъ въ Одессѣ Комитетъ для призрѣнія неимущихъ жителей города.

1855. Построены на счетъ пожертвованій города Одессы телеграфическія башни отъ Одессы до Очакова. Учреждена линія электрическаго телеграфа изъ одессы до Москвы и Петербурга.—Закрытъ при Ришельевскомъ Лицеѣ Институтъ Восточныхъ Языковъ, по случаю учрежденія восточнаго факультета при С.-Петербургскомъ Университетѣ.

Изъ «Новороссійскаго дорожника» заимствуемъ нѣкоторыя цифры, интересныя для соображенія пространствъ, по которымъ совершались въ теченіе войны движенія нашихъ войскъ:

Отъ Одессы до Балаклавы 514 верстъ; до Бахчисарая 460; Евпаторіи 492; Еникале—641; Керчи—630; Кишинева—165; Николаева—121; Очакова—120; Перекопа—327; Севастополя—502; Симферополя—430; Таганрога—745; Херсона—183; Ѳеодосіи—535 верстъ.

Отъ Херсона до Николаева 62 версты; Очакова—115; Перекопа—103; Севастаполя—319; Симферополя—246 верстъ.

Отъ Симферополя до Балаклавы—83 версты; Бахчисарая—30; Евпаторіи—62; Еникале—211; Керчи—201; Кишинева—595; Николаева—308; Перекопа 133; Севастаполя—72; Таганрога—625; Ѳеодосіи—104 версты.

Одесса отстоитъ отъ Каменецъ-Подольска на 455 верстъ; Кіева—557; Полтавы—463; Тифлиса—1,694; Харькова—660 верстъ.

Симферополь отстоитъ отъ Каменецъ-Подольска на 884 версты; Кіева—789; Полтавы—626; Тифлиса—1,500; Харькова—649 верстъ.

Изъ таблицъ, показывающихъ цѣну иностранныхъ монетъ, приводимъ слѣдующія монеты, не показываемыя въ «Академическомъ Мѣсяцословѣ»:

Англійскія монеты: гинея 6 р. 47½ коп., соверенъ—6 р. 26½ к., крона—1 р. 50½ к., шиллингъ—30½ коп. сер.

Неаполитанскій скуди 1 р. 24 коп., Папской Области скуди—1 р. 31 к. сер., сардинскій скуди—1 р. 22 к., сардинская лира 24⅓ к., тосканская лира 20 к. сер., Сѣверо-американскій доллеръ 1 р. 31½ коп. сер.

Записки Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. *Книжка III, изданная подъ редакціею* Е. Вердеревскаго. *Тифлисъ 1855.*

Изъ трехъ статей, напечатанныхъ въ III книжкѣ «Записокъ Кавказскаго Отдѣла Географическаго Общества», именно: «О Талышинцахъ» г. Росса,» о Тушино-Пшаво-Хевсурскомъ Округѣ» кн. Эристова и «Поѣздка въ Вольную Сванетію» г. Бартоломея, каждая имѣетъ капитальное достоинство, представляя много новыхъ и важныхъ матеріаловъ для этнографіи Кавказскаго края. «Поѣздка въ Вольную Сванетію» г. Бартоломея дошла до насъ также въ видѣ брошюры, отдѣльно перепечатанной изъ «Записокъ», и составляетъ предметъ особой рецензіи въ этомъ же нумерѣ «Современника». Изслѣдованіе о талышинцахъ г. Росса представляетъ, кромѣ краткаго введенія, краткую грамматику и сборникъ словъ талышинскаго нарѣчія—данныя, интересныя для науки, но не для большинства читателей: потому скажемъ о ней лишь нѣсколько словъ, обращая главное наше вниманіе на статью кн. Эристова, содержащую общеинтересное описаніе быта двухъ изъ числа племенъ, населяющихъ Тушино-Пшаво-Хевсурскій округъ, именно о пшавцахъ и хевсурахъ.

Округъ, занимаемый этими малоизвѣстными народами, граничитъ на сѣверъ съ землями чеченцевъ, на востокъ съ Дагестаномъ, на югъ съ Тифлисскимъ уѣздомъ. Пшавцы и хевсуры говорятъ почти однимъ и тѣмъ же нарѣчіемъ грузинскаго языка, сохранивъ его старинныя формы и слова, которыя уцѣлѣли въ книгахъ, но давно исчезли изъ разговорнаго языка нынѣшнихъ грузинъ, которые потому едва могутъ или вовсе не могутъ понимать своихъ соотечественниковъ. Языкъ пшавцевъ и хевсуровъ неоспоримо доказываетъ, что они вышли въ горы, которыя теперь занимаютъ, съ юга, изъ Грузіи, по всей вѣроятности для того, чтобы уйти отъ турецкихъ и персидскихъ нашествій. Небольшой округъ, нынѣ ими занимаемый (около 80 кв. миль), представляетъ всѣ степени перехода отъ мертваго царства снѣговъ на хребтахъ до знойнаго климата въ лощинахъ, гдѣ растутъ миндальныя и миртовыя деревья.

Сохраняя смутныя воспоминанія о вѣрѣ, которую вынесли изъ Грузіи, хевсуры и пшавцы считаютъ себя христіанами и принимаютъ, какъ смертельную обиду, если кто назоветъ ихъ нехристями; но догматы христіанства уже совершенно затемнены у нихъ грубымъ суевѣріемъ и многобожіемъ. Они почитаютъ Крестъ, апостоловъ Петра и Павла, Михаила Архангела, но поклоняются своимъ языческимъ богамъ: богу востока, богу запада, богу душъ,

съ тѣмъ вмѣстѣ признаютъ и Христа Бога. Кромѣ того, есть у нихъ духъ земли, духи дубовъ, духи горъ и т. д.; есть и богиня или покровительница людей Тамара (знаменитая грузинская царица). Многія молитвы ихъ—христіанскія, только искаженныя невѣжествомъ. Подобно армянамъ, они не ѣдятъ заячьяго мяса и, подобно мусульманамъ, свинины; какъ евреи, празднуютъ субботу, кромѣ того, уважаютъ пятницу, какъ мусульмане, воскресенье, какъ христіана. Въ нѣкоторыхъ капищахъ есть кресты; но еще болѣе народъ уважаетъ оправленную въ серебро палку, обмотанную платкомъ и украшенную серебрянымъ шаромъ и желѣзною пикою: это «дроша», родъ знамени. Дроша есть въ каждомъ капищѣ. Кромѣ того, каждое капище имѣетъ мѣдные котлы, въ которыхъ на праздники варятъ пиво; часто бываютъ и серебряные сосуды, иногда очень большой цѣны. Есть капища, имѣющія серебра тысячъ на двадцать рублей. Капище недоступно для народа: туда могутъ входить только жрецы. Кромѣ жрецовъ, есть у нихъ колдуны, колдуньи и т. д. Одичавшіе потомки грузинъ сохраняютъ воспоминанія о времени Великаго поста, о праздникѣ Пасхи, но забыли смыслъ этихъ установленій. Они вѣрятъ, что грозу посылаетъ Эліа (пророкъ Илія), который ѣздитъ по небу на огненной колесницѣ, и просятъ его о ниспосланіи дождя: но есть у нихъ для прекращенія засухи и другое средство: «пахать дождь»—обрядъ, состоящій въ томъ, что дѣвушки запрягаются въ плугъ, стаскиваютъ его въ рѣку и волокутъ вдоль берега, идучи сами по поясъ въ водѣ. На Масляницу они перерядаются и ходятъ по улицамъ въ вывороченныхъ шубахъ, прикрывъ лицо войлокомъ, въ видѣ маски. Кромѣ заговоровъ и колдовства, есть доступныя каждому средства предохранить себя отъ той или другой болѣзни на цѣлый годъ. Дѣло состоитъ только въ томъ, чтобы *побудить* ту или другую изъ перелетныхъ птицъ, то есть увидѣть ихъ въ первый разъ послѣ весенняго прилета въ требуемомъ положеніи,—напримѣръ, если въ первый разъ увидишь удода, имѣя голову причесанную, то будешь цѣлый годъ безопасенъ отъ головной боли. Когда услышишь первый весенній громъ, надобно поскорѣе схватить камень и бить имъ себя по спинѣ, приговаривая: «крѣпись, спина!» Послѣ того цѣлый годъ не будешь чувствовать боли въ поясницѣ. Если увидишь первую весеннюю молнію, держа въ зубахъ кусочекъ желѣза: не будутъ болѣть зубы.

Праздники начинаются жертвоприношеніями и молитвами; потомъ народъ и жрецы принимаются пировать. Скотъ для мясныхъ блюдъ пригоняется мірянами, другіе съѣстные припасы доставляются на пиръ ими же; пиво отчасти также приносится ими, отчасти варится въ самомъ капищѣ, назначеннымъ къ тому человѣкомъ—дастури. Обязанность дастури отправляется поочередно мірянами. Дастури цѣлый годъ живетъ въ капищѣ не можетъ, втеченіе этого времени, ни разу навѣстить своего дома или видѣться съ женой, не смѣетъ даже говорить ни съ кѣмъ, кромѣ жрецовъ, чтобы не оскверниться. Пища его—только черствый хлѣбъ съ водою. Разъ въ недѣлю онъ долженъ, несмотря ни на какое время года, купаться въ рѣчкѣ, къ которой ходитъ особою тропою: по этой тропѣ никто, кромѣ его, не смѣетъ ходить.

У хевсуръ невѣста обручается жениху еще въ дѣтствѣ, иногда въ младенчествѣ. Бракъ совершается, когда ей исполнится двадцать лѣтъ: тогда по-

сылаются отъ жениха сваты, которые пробираются къ дому невѣсты тайкомъ. Родители ея сначала отказываютъ сватамъ, потомъ дѣлаютъ пиръ, и невѣста отправляется въ домъ жениха, который остается пока спрятанъ гдѣ нибудь у сосѣда. За невѣстой приходятъ, поодиночкѣ, ея родные. Потомъ приводятъ жениха, сажаютъ его съ невѣстой у огня, разведеннаго по срединѣ комнаты, наблюдая, чтобы дымъ вѣялъ прямо въ лицо обрученной четѣ. Жрецъ читаетъ молитвы, ставитъ передъ женихомъ и невѣстой кушанья и пиво, даетъ имъ по восковой свѣчѣ. Они встаютъ. Жрецъ иголкою прокалываетъ имъ концы одежды, потомъ опять читаетъ молитвы. По окончаніи обряда, молодые, втеченіе двухъ недѣль, чуждаются другъ друга, даже не говорятъ между собою. Потомъ молодая отправляется на двѣ недѣли въ домъ родителей. Только по возвращеніи ея оттуда къ мужу, молодые начинаютъ жить, какъ мужъ и жена. За стыдъ считается, если молодая родитъ до истеченія трехъ лѣтъ со времени брака. Стыдомъ также считается мужу спать вмѣстѣ съ женою, кромѣ первыхъ трехъ дней брачной жизни. У пшавцевъ брачные обряды менѣе многосложны.

У того и другаго племени мужъ можетъ прогнать отъ себя жену, когда ему вздумается. Ни ему, ни ей это не приноситъ безчестья. Онъ тотчасъ же пріискиваетъ себѣ другую жену, а она—новаго мужа. При чрезвычайной грубости нравовъ, жена—не болѣе, какъ рабыня, хотя часто браки заключаются по любви. Обходиться съ женою ласково или кротко—стыдъ для мужа. Но дѣтей родители любятъ и балуютъ.

Беременная женщина старается, пока только можетъ, скрывать беременность. Не только ей, но и мужу ея не позволяется бывать на праздникахъ: оба они осквернены. Когда приближаются роды, она уходитъ, или, лучше сказать, ее выгоняютъ изъ дому, въ шалашъ, построенный на версту отъ деревни, и покидаютъ совершенно одну, безъ всякаго пособія. Если роды трудны, что узнается только по слишкомъ сильнымъ и продолжительнымъ крикамъ родильницы, мужчины подкрадываются къ шалашу и даютъ залпъ изъ ружей, чтобъ испугать родильницу: испугомъ, по ихъ мнѣнію, роды облегчаются. На другой день послѣ родовъ, приносятъ хлѣбъ къ ея шалашу, но въ шалашъ не входятъ. Въ этомъ одиночествѣ она проводитъ сорокъ дней, потомъ возвращается въ деревню, но не домой: она и ребенокъ еще считаются нечистыми; они должны, для очищенія, прожить двѣ недѣли въ особенномъ зданіи.

Когда замѣчаютъ, что больной умираетъ, его немедленно вытаскиваютъ изъ сакли на дворъ, чтобы мертвое тѣло не осквернило сакли. Для завыванія и причитыванія надъ мертвыми, существуютъ особенныя плакальщицы, которыя неутомимо трудятся вмѣстѣ съ родственницами, производя въ домѣ невыносимый гвалтъ и крикъ. На похоронахъ совершается тризна, съ воинственными играми, скачкою и стрѣльбою въ цѣль. Послѣ всѣхъ обрядовъ, присутствующіе выкуриваютъ по трубкѣ махорки, за упокой души похороненнаго. Черезъ пять недѣль и черезъ годъ совершаются поминки, тѣмъ же порядкомъ.

Хевсуры чрезвычайно грубы, надменны и считаютъ себя храбрѣйшимъ народомъ въ мірѣ. Дѣйствительно, сосѣдніе непокорные чеченцы ихъ боятся, и часто они совершаютъ дѣла изумительной храбрости. Однажды, жители двухъ деревень, въ числѣ 50 человѣкъ, отбились отъ нападенія десяти-тысячнаго

полчища. Въ другой разъ, 60 человѣкъ хевсуровъ три дня защищались отъ 5,000 нападающихъ—и отбились. Вѣрить ли этому? Но хотя бы то были только преувеличенные слухи, они выражаютъ общее понятіе о хевсурахъ. Пшавцы также славятся храбростью.

Дома горныхъ хевсуръ и пшавцевъ построены изъ плитняка, безъ цемента, въ два и три этажа. У другихъ, живущихъ въ долинахъ, хижины выстроены изъ бревенъ. Тѣ и другія одинаково закопчены, загрязнены, наполнены чадомъ и насквозь пропитаны зловоніями всевозможнаго рода, отъ людей и домашняго скота, живущаго вмѣстѣ съ людьми, такъ что поражаютъ своею отвратительностью даже человѣка, привыкшаго видѣть образъ жизни другихъ закавказскихъ туземцевъ.

Пища ихъ столь же непривлекательна. Довольно сказать, что вонючее мясо предпочитаютъ они свѣжему; что, зарѣзавъ скотину, они собираютъ кровь, даютъ ей свернуться и прокиснуть, потомъ варятъ и кушаютъ.

Земледѣліе этихъ племенъ въ самомъ жалкомъ состояніи, отчасти потому, что во многихъ мѣстахъ только небольшіе клочки земли, между голыхъ утесовъ и ущелій, удобны для хлѣбопашества; отчасти потому, что эти дикари очень лѣнивы. Мужчины только пашутъ. Всѣ остальныя работы должны исполнять женщины. Сѣнокосы вообще очень хороши; скотоводство довольно велико, особенно у пшавцевъ, между которыми встрѣчаются зажиточные люди. Деньги они зарываютъ въ землю и ни въ какіе обороты не пускаютъ.

Какъ бы ни былъ бѣденъ хевсуръ или пшавецъ, никогда онъ не попроситъ милостыни. Гостепріимство у нихъ въ полнѣйшемъ развитіи. Гостю не только подаютъ все, что есть въ домѣ лучшаго,—хозяинъ стоитъ передъ нимъ на колѣняхъ, подчуя его, играя ему на пандурѣ, распѣвая пѣсни для его развлеченія. Гость, напившись и наѣвшись досыта, встаетъ, сажаетъ хозяина и самъ начинаетъ угощать его, прислуживать ему въ свою очередь.

У того и другаго племени существуетъ обычай побратимства. Братающіеся скоблятъ въ вино серебряную монету, оба три раза отпиваютъ по одному глотку и послѣ того готовы съ радостію умереть другъ за друга. Кромѣ побратимства, есть обычай мѣняться пулями съ человѣкомъ вражескаго племени,—и хевсуръ или пшавецъ скорѣе умретъ, нежели согласится выстрѣлить въ того, съ кѣмъ помѣнялся пулями.

Кровомщеніе господствуетъ между ними во всей силѣ.

Судьи—выборные общиною люди, по большей части старики. При судопроизводствѣ всегда бываютъ посторонніе люди. Тяжущіеся излагаютъ дѣло, становясь на колѣни. Рѣшеніе судей ненарушимо. Затруднительныя тяжбы рѣшаются тѣмъ, что одному изъ тяжущихся велятъ присягнуть въ истинѣ своего показанія. Наказанія состоятъ въ штрафахъ, величина которыхъ точно опредѣлена обычаемъ.

Христіанство начинаетъ проникать къ этимъ дикарямъ; правительствомъ нашимъ построено уже нѣсколько церквей въ ихъ странѣ. Основано даже въ одномъ изъ ихъ селъ училище для 50 мальчиковъ.

Это краткое извлеченіе изъ статьи кн. Эристова можетъ показать читателямъ, что она представляетъ довольно полный очеркъ быта и нравовъ хевсуро-пшавскаго племени.

Статья г. Росса о талышинцахъ имѣетъ, какъ мы сказали, характеръ совершенной спеціальности. Грамматика и словарь ихъ нарѣчія, которое до сихъ поръ было совершенно неизвѣстно ученымъ, будутъ очень интересны для людей, изучающихъ діалекты персидскаго языка, и даже дадутъ нѣсколько любопытныхъ фактовъ для филологовъ, занимающихся сравнительною грамматикою индо-европейскихъ языковъ. Талышинцы, живущіе отчасти въ южной части Ленкоранскаго уѣзда, отчасти въ прилежащемъ краю Персіи, говорятъ діалектомъ персидскаго языка, сохранившимъ, сколько можно судить по представленнымъ нынѣ образцамъ, довольно много старыхъ формъ и словъ, уже исчезнувшихъ изъ собственно такъ называемаго персидскаго языка.

Изъ протоколовъ засѣданій Кавказскаго Отдѣла узнаемъ, между прочимъ, что Отдѣломъ приняты дѣятельныя мѣры къ составленію по одному общему плану краткихъ грамматическихъ очерковъ и сборниковъ словъ по всѣмъ доступнымъ для русскихъ изслѣдователей нарѣчіямъ Кавказскаго края (редакція этихъ трудовъ возложена на г. Берже) — дѣло, которое, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ имѣть большую цѣну для науки, если исполненіе его хотя отчасти будетъ удовлетворительно. Кавказскія нарѣчія имѣютъ очень большую важность не только для этнографіи того края, но и вообще для науки языкознанія.

Къ 1-му іюля 1855 года Кавказскій Отдѣлъ Географическаго Общества имѣлъ въ своемъ составѣ 143 дѣйствительныхъ членовъ и 11 членовъ-сотрудниковъ, а всего, съ почетными членами и находящимися на Кавказѣ членами Географическаго (Петербургскаго) Общества, 167 членовъ.

По отчету, отъ 1 января по первое іюля 1855 года, поступило въ распоряженіе Отдѣла 8,312 руб. 20 коп. сер., изъ того числа израсходовано 7,365 руб. 75 коп.; затѣмъ, къ 1 іюля 1855 г. въ кассѣ, съ остаточными отъ прежнихъ лѣтъ суммами, находилось 2,074 руб. 8 коп.

Въ Приложеніи напечатаны вѣдомости о движеніи заграничной торговли Кавказскаго края за 1852, 1853 и 1854 годы. Къ статьямъ ученаго отдѣла приложены подробныя карты Ленкоранскаго уѣзда, Тушино-Пшаво-Хевсурскаго округа и Сванетіи.

Поѣздка въ Вольную Сванетію полковника Бартоломея въ 1853 году. *Тифлисъ. 1855.*

Вольная Сванетія — небольшой участокъ земли, лежащій на склонѣ Эльбруса — страна, до послѣдняго времени совершенно бывшая неизвѣстною не только ученымъ, но и жителямъ окружающихъ областей. Первый изъ русскихъ былъ въ ней кутаисскій вице-губернаторъ г. Колюбякинъ, въ 1847 году. Онъ склонилъ нѣкоторыя общины вольныхъ сванетовъ принять русское подданство, и послѣ того былъ назначенъ туда приставъ отъ русскаго правительства. Когда князь Микеладзе отправлялся на эту должность въ іюлѣ 1853, г. Бартоломей, давно интересовавшійся невѣдомою страною, получилъ разрѣшеніе ѣхать вмѣстѣ съ нимъ, чтобы осмотрѣть Вольную Сванетію. Благодаря времени года, они счастливо переѣхали черезъ Латпарскій перевалъ, служащій границею Вольной Сванетіи, по безопасному лѣтнему пути. Но этотъ путь доступенъ бываетъ только впродолженіе двухъ лѣтнихъ мѣсяцовъ: въ осталь-

ное время года, трещины, его перерѣзывающія, наполняются хрупкимъ, сыпучимъ снѣгомъ, сравнивающимъ пропасти съ дорогою, и тогда проѣздъ становится невозможнымъ: на каждомъ шагу путникъ можетъ погибнуть въ пропасти. Когда устанавливается зима, открывается возможность переходить черезъ хребетъ по другому пути; но этотъ зимній путь ведетъ черезъ самый гребень горы, гдѣ почти постоянно свирѣпствуетъ вѣтеръ, столь порывистый, что опрокидываетъ самыхъ сильныхъ людей и бросаетъ ихъ назадъ по крутому спуску обнаженной скалы. Этотъ путь такъ страшенъ, что только самые отважные туземцы, да и то изрѣдка, рѣшаются проходить здѣсь. Такимъ образомъ, втеченіе десяти мѣсяцевъ года, Вольная Сванетія отрѣзана отъ остальнаго міра. Этого уже достаточно, чтобы понять, какъ мало сообщенія имѣетъ она съ прилежащими землями.

Г. Бартоломей, при обзорѣ Вольной Сванетіи, имѣлъ въ виду преимущественно археологическія розысканія: повсюду онъ осматривалъ старинныя зданія, бывшія нѣкогда православными церквами, снималъ рисунки съ каждой замѣчательной утвари, сохранившейся отъ временъ христіанства, и проч.; но съ тѣмъ вмѣстѣ онъ подробно описываетъ мѣстности, имъ видѣнныя, снимаетъ профили горныхъ очертаній, обращаетъ большое вниманіе и на нравы туземцевъ, еще столь мало извѣстные.

Вольные сваны, подобно хевсурамъ и пшавцамъ—одичалые переселенцы изъ Грузіи; они также были нѣкогда христіанами и сохранили о прежней вѣрѣ гораздо болѣе точныя воспоминанія, нежели хевсуры. У сванетовъ еще не только уцѣлѣли зданія церквей, но образа, церковная утварь и богослужебныя книги, какъ сокровища, хранятся въ этихъ обветшавшихъ, но чрезвычайно уважаемыхъ зданіяхъ. Но у нихъ ужъ давно нѣтъ духовенства. Конечно, первою причиною этого надобно считать трудность сообщенія, а второю—постепенно возрастающую грубость нравовъ. Безъ назиданій духовенства, безъ совѣтовъ людей грамотныхъ, они забыли и догматы и обряды церкви, даже впали въ безчеловѣчныя заблужденія: напримѣръ, они убивали всѣхъ новорожденныхъ своихъ дочерей; жены у нихъ всѣ украдены, куплены или взяты въ плѣнъ у сосѣднихъ племенъ. Теперь русскіе растолковали несчастнымъ дикарямъ, что обычай убивать дочерей богопротивенъ, и сваны оставили его. Вообще, эти дикари, столь грубые, должны имѣть отъ природы расположеніе къ чему-то лучшему, какъ скоро представляется имъ возможность къ тому: нѣкоторые изъ нихъ сами приходили въ сосѣдніе города креститься; двѣ общины, самыя значительныя въ Вольной Сванетіи, изъ боязни не допускавшія къ себѣ русскихъ, согласились принять г. Бартоломея, когда имъ было объяснено, что онъ не имѣетъ противъ нихъ злаго умысла, встрѣтили его очень радушно, сблизились съ нимъ, очень разсудительно выслушали его совѣтъ принять, по примѣру другихъ общинъ, русское подданство—и, такимъ образомъ, мирный ученый пріобрѣлъ своему отечеству 2,500 новыхъ подданныхъ.

Къ описанію путешествія г. Бартоломея приложено много рисунковъ: видовъ церквей и селъ, снимковъ съ замѣчательныхъ вещей и надписей, найденныхъ имъ въ церквахъ, и т. д.; кромѣ того, нѣсколько чертежей горныхъ хребтовъ и наконецъ подробная карта Сванетіи. Ученый путешественникъ сообщаетъ также сборникъ словъ, примѣры склоненій и спряженій и молитву

«Отче нашъ» на сванетскомъ нарѣчіи, которое до сихъ поръ было почти совершенно неизвѣстно.

Нѣтъ надобности объяснять, что подробное описаніе ученаго обозрѣнія столь малоизвѣстной страны, какъ Сванетія, должно имѣть большой интересъ для науки.

Нѣкоторыя замѣчанія, почерпнутыя преимущественно изъ иностранныхъ источниковъ, о дѣйствительныхъ причинахъ гибели наполеоновыхъ полчищъ *въ 1812 году.* И. П. Липранди. *Спб. 1855.*

Мы выписали не то заглавіе, которое выставлено на оберткѣ брошюры и повторяется на второмъ изъ заглавныхъ листовъ ея, а только то, которое помѣщено на первомъ заглавномъ листѣ и не выставлено на оберткѣ; дѣйствительное же заглавіе, напечатанное на оберткѣ и второмъ листѣ, такъ многосложно, что займетъ еще вдвое больше строкъ. Вотъ оно:

«I. Не голодъ и не морозъ были причиною гибели наполеоновыхъ полчищъ. II. Русскіе или французы зажгли Москву? III. Замѣчаніе на нѣкоторыя выраженія, встрѣчающіяся въ «Описаніи Отечественной Войны 1812 года». съ присовокупленіемъ списка сочиненій, вошедшихъ въ составъ излагаемаго предмета».

Изъ этого читатель можетъ заключить, что г. Липранди не хочетъ слѣдовать обыкновеннымъ техническимъ пріемамъ, употребляющимся въ книжномъ дѣлѣ: оглавленіе своей книги онъ печатаетъ на оберткѣ, заглавіе прячетъ подъ обертку. И, дѣйствительно, слогъ его «замѣчаній», которыя должны собственно быть обширнымъ критическимъ разборомъ нѣкоторыхъ сторонъ исторіи 1812 года Михайловскаго-Данилевскаго, соотвѣтствуетъ этому ожиданію; онъ носятъ болѣе слѣдовъ заботы о содержаніи, нежели о литературной формѣ. Но какое намъ дѣло до слога ученаго сочиненія, если содержаніе по большей части дѣльно? а таково оно въ книгѣ Липранди г.

Бо́льшая половина ея занята первою статьею, посвященною доказательствамъ той справедливой мысли, что холодъ и недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ были только второстепенными причинами погибели великой арміи наполеоновой; главнѣйшими же причинами нашего торжества въ 1812 году должны быть признаваемы твердая рѣшимость Императора Александра Благословеннаго, патріотизмъ народа, мужество нашихъ армій и искусство полководцевъ. Никто изъ русскихъ не сомнѣвается въ томъ; и если Михайловскій-Данилевскій, въ своемъ «Описаніи Отечественной Войны 1812 года», иногда, по неосмотрительности, выражается объ этомъ предметѣ безъ достаточной точности, то, сколько мы знаемъ, никто изъ читателей его исторіи не былъ введенъ въ заблужденіе этими неточными выраженіями. Потому не дѣлаемъ извлеченій изъ первой статьи г. Липранди, тѣмъ болѣе, что убѣдительность ей придается многочисленными, удачно выбранными и сличенными свидѣтельствами изъ всѣхъ важнѣйшихъ иностранныхъ историковъ 1812 года, и, при обширности статьи, обзоръ ея на двухъ-трехъ страницахъ былъ бы сухъ и недостаточенъ.

Гораздо запутаннѣйшимъ и темнѣйшимъ представляется для русской публики вопросъ о томъ, русскіе или французы зажгли Москву. На русскомъ языкѣ не являлось еще изслѣдованія о немъ столь полнаго, проницательнаго

и безпристрастнаго, какъ изслѣдованіе г. Липранди, и мы, вездѣ строго придерживаясь выраженій г. Липранди, представляемъ полное изложеніе этой его статьи, болѣе интересной для нашихъ читателей, безъ сомнѣнія, не нуждающихся въ доказательствахъ того, что русскій Царь, русскій народъ и русскія войска, а не исключительно только морозъ и голодъ побѣдили французовъ въ 1812 году, но, быть можетъ, не имѣвшихъ случая познакомиться съ данными, служащими къ рѣшенію вопроса о причинахъ московскаго пожара. Г. Липранди справедливо находитъ, что въ этомъ случаѣ изложеніе Михайловскаго-Данилевскаго очень неудовлетворительно, выводы его шатки и неосновательны. Этотъ историкъ «попеременно приписываетъ сожженіе Москвы то французамъ, то патріотизму москвичей, стараясь при всякомъ случаѣ впушить то главное, что тутъ не было никакого участія со стороны нашего правительства, и какъ бы оправдаться передъ иностранцами, приписавшими истребленіе Москвы распоряженіямъ графа Ростопчина. Доводы автора въ этомъ случаѣ не только слабы, но и противорѣчатъ одни другимъ».

«Сжечь столичный городъ Имперіи (говоритъ Михайловскій-Данилевскій) надлежало имѣть главнокомандующему Москвы Высочайшее повелѣніе. Таковаго повелѣнія дано не было». Но,—замѣчаетъ г. Липранди— не было дано Высочайшаго повелѣнія и отдать Москву французамъ, а ее отдали. Подобныхъ повелѣній не даютъ. Графъ Ростопчинъ пользовался полнымъ довѣріемъ Императора; иначе онъ не дерзнулъ бы написать Государю въ одномъ донесеніи: «Я въ отчаяніи, что Кутузовъ скрывалъ отъ меня свое намѣреніе (отдать Москву безъ боя), потому что я, не бывъ въ состояніи удерживать городъ, зажегъ бы его»; а въ другомъ: «До 30 августа князь Кутузовъ писалъ мнѣ, что онъ будетъ сражаться. 1-го октября, когда я съ нимъ видѣлся, онъ то же самое мнѣ говорилъ, повторяя: и на улицахъ буду драться. Я оставилъ его въ часъ по полудни. Въ восемь часовъ онъ прислалъ мнѣ письмо, требуя полицейскихъ офицеровъ для препровожденія арміи изъ города, оставляемаго имъ, какъ онъ говорилъ, съ крайнимъ прискорбіемъ. Если бы онъ сказалъ мнѣ это за два дня прежде, то я зажегъ бы городъ, отправилъ изъ него жителей».—Ростопчинъ не рѣшился бы говорить въ донесеніяхъ Государю: я зажегъ бы (продолжаетъ г. Липранди), если бы не былъ удостовѣренъ, что изъявляемая имъ патріотическая рѣшимость не будетъ непріятною и неожиданною для Государя. И Высочайшій манифестъ, изданный по случаю занятія французами Москвы, заключаетъ многія выраженія, дающія понимать, что сожженіе Москвы вовсе не казалось чѣмъ то особеннымъ или чрезвычайнымъ. При исчисленіи бѣдствій, постигшихъ Россію отъ нашествія французовъ и занятія ими Москвы, ихъ грабежей и буйствъ, въ манифестѣ ни слова не упоминается о томъ, что они сожгли Москву, чего, конечно, не было бы упущено, если бы это было такъ дѣйствительно, а напротивъ, дѣлаются намеки, что событіе это было предусмотрѣно и подготовлено. Вотъ подлинныя слова манифеста: «Москва вмѣщаетъ въ себѣ враговъ Отечества своего, но непріятель не найдетъ въ столицѣ не только способовъ господствовать, ни же способовъ существовать». Эти доказательства очень убѣдительны. И слова Ростопчина и выраженія Манифеста доказываютъ рѣшимость правительства. Ясно, что Ростопчинъ жалѣетъ только о томъ, что скрытность Кутузова отняла у

него время для систематическихъ, всеобъемлющихъ приготовленій къ зажженію города вдругъ на всемъ пространствѣ и въ тотъ же мигъ, какъ войска наши его покинули. Кутузовъ зналъ объ этомъ намѣреніи, потому что, по словамъ самого Михайловскаго-Данилевскаго, одною изъ причинъ, удержавшихъ его отъ битвы на Поклонной горѣ, передъ Москвою, было опасеніе, что, «въ случаѣ неудачи, зажженная въ тылу нашемъ Москва будетъ гибельна для отступающихъ войскъ»; итакъ, онъ зналъ, что, въ случаѣ, если Москву надобно будетъ уступить непріятелю, она будетъ зажжена. Итакъ, твердое намѣреніе сжечь Москву существовало, и Ростопчинъ оправдывается передъ Государемъ только въ томъ, что ему оставлено было слишкомъ мало времени для приготовленій къ этому. Какія же распоряженія успѣлъ онъ сдѣлать? Самъ Михайловскій-Данилевскій говоритъ: «Извѣстясь, въ восемь часовъ вечера, отъ князя Кутузова о намѣреніи отступить отъ Москвы безъ сраженія, графъ Ростопчинъ велѣлъ разбивать бочки съ виномъ, что дѣлаемо было во всю ночь и на слѣдующее утро. Снимались караулы, уходили воинскія, городскія команды и полиція, и надъ Москвою носилось зарево бивачныхъ огней». Спрашиваю (говоритъ г. Липранди), что должно заключать изъ этого разсказа? Снимаются караулы, уходитъ полиція (еще до выступленія арміи), и Ростопчинъ приказываетъ разбивать бочки съ виномъ. Для чего это послѣднее? Конечно, для того, чтобы разгорячить простой народъ и подготовить къ тому наставленію и примѣру, который подалъ Ростопчинъ, «приказавъ (по словамъ самого Михайловскаго-Данилевскаго), 2 сентября, въ пять часовъ утра, одному слѣдственному приставу отправиться на винный и мытный дворы, въ коммиссаріатъ и на успѣвшія къ выходу казенныя и партикулярныя барки и, въ случаѣ вступленія непріятеля, истреблять все огнемъ». Что разбитіе бочекъ произвело ожидаемое дѣйствіе на чернь, г. Липранди самъ видѣлъ и слышалъ, проѣзжая, въ колоннѣ Дохтурова, мимо нѣсколькихъ кабаковъ. «Таковы были причины первыхъ пожаровъ», заключаетъ самъ Михайловскій-Данилевскій. Какое же послѣ этого остается сомнѣніе въ томъ, кто былъ первоначальнымъ виновникомъ сожженія Москвы? Но черезъ нѣсколько страницъ, забывая о собственныхъ словахъ, Михайловскій-Данилевскій ставитъ сожженіе Москвы въ вину французамъ и самому Наполеону, говоря: «Стараясь отклонить отъ себя нареканіе въ пожарѣ, Наполеонъ учредилъ коммиссію для сужденія двадцати-шести русскихъ, коихъ французы называли зажигателями». Учрежденіе коммиссіи для прекращенія поджоговъ г. Липранди находитъ очень естественнымъ, потому что французы пришли искать въ Москвѣ пріюта и продовольствія, а не дыму и пепла», о дѣйствіяхъ же ея, признаваемыхъ Михайловскимъ-Данилевскимъ несправедливыми, говоритъ: «Въ опредѣленіи этой коммиссіи (о наказаніи найденныхъ поджигателей), основанномъ на законахъ, съ соблюденіемъ всѣхъ формъ, исчислены улики, представлено поличное, заключавшееся во множествѣ найденныхъ горючихъ предметовъ, наконецъ собственное сознаніе пойманныхъ на подкогахъ и показаніе, что имъ велѣно зажигать. Авторъ неизвѣстно на чемъ основываетъ увѣреніе свое, что это сознаніе подсудимыхъ выдумано французами. Изъ двадцати-шести человѣкъ подсудимыхъ было десять полицейскихъ солдатъ. Эта послѣдняя цифра едва ли не должна имѣть особенное значеніе при изслѣдованіи о причинахъ сожженія Москвы».

Бутурлинъ, издавшій свою «Исторію 1812 г.» при Императорѣ Александрѣ I (переводъ этой книги былъ даже посвященъ Императору Николаю Павловичу), прямо говоритъ, что Москва была сожжена по распоряженію правительства: «Во многихъ домахъ приготовлены были сгараемыя вещества, и по городу была разсѣяна толпа наемныхъ поджигателей, подъ управленіемъ нѣсколькихъ офицеровъ бывшей полиціи московской, оставшихся тамъ переодѣтыми. Толь великое, толь неслыханное пожертвованіе, каково было сожженіе столицы, довольно показывало твердость россійскаго правительства. А какъ Москва загорѣлась уже по входѣ въ нее французовъ, то и нетрудно было увѣрить народъ, что непріятель зажегъ ее». Бутурлинъ былъ очевидецъ.

Если же Ростопчинъ, въ изданной имъ французской брошюрѣ, отказывался отъ участія въ московскомъ пожарѣ, то «онъ могъ говорить это по требованію обстоятельствъ».

«Ростопчинъ, совершивъ свой подвигъ (говоритъ г. Липранди), какъ человѣкъ умный и истинный патріотъ, могъ по окончаніи войны, по многимъ отношеніямъ, а быть можетъ и весьма уважительнымъ причинамъ, стараться скрыть свое участіе въ зажженіи Москвы. Жители ея, возвратясь на пепелища домовъ своихъ, въ первое время по миновании опасности могли питать негодованіе къ виновнику ихъ раззоренія и бѣдствій, хотя бѣдствія эти потомъ съ избыткомъ вознаградились щедротами Государя и послѣдовавшими успѣхами нашего оружія. Эту послѣднюю причину отрекательства Ростопчина отъ своего подвига подтверждаютъ его письма, напечатанныя въ собраніи его сочиненій».

Почему же Михайловскій-Данилевскій старался доказать, что правительство не имѣло участія въ сожженіи Москвы?— трудно найти удовлетворительную причину этому, говоритъ г. Липранди:

«Не думалъ ли онъ этимъ возвысить еще болѣе народный русскій патріотизмъ? Но тутъ-то онъ и ошибся. Мысль зажечь свой домъ при оставленіи его могутъ внушить страсти, вовсе чуждыя патріотизму; но сжечь его, повинуясь общему распоряженію властей, есть подвигъ истиннаго патріотизма. Послушное, самоотверженное исполненіе распоряженій народомъ несравненно выше дѣйствій, къ которымъ народъ увлекается самъ собою».

Третья статья г. Липранди заключаетъ замѣчанія относительно того, что Михайловскій-Данилевскій напрасно употребляетъ въ столь серьезномъ трудѣ, какъ «Исторія 1812 года», неумѣренныя выраженія, говоря, напримѣръ, о Наполеонѣ, что онъ «обремененъ проклятіемъ вѣковъ», «присутствіемъ своимъ осквернилъ Москву, запятналъ имя свое посрамленіемъ», говоря: «мошенничество Наполеона» и пр., называя его маршаловъ его клевретами, корсиканскими выходцами и пр., называя его войска свирѣпствующими злодѣями, извергами, осатанѣлыми и т. д. По справедливому мнѣнію г. Липранди, надобно быть умѣреннымъ даже, говоря и о врагѣ.

Образцы и формы дѣловыхъ актовъ и бумагъ, *или практическое наставленіе къ составленію и написанію безъ помощи стряпчаго векселей, и т. д. Двѣ части. Москва. 1855.*

Не отваживаемся выписывать вполнѣ заглавіе книги, которое заняло бы чуть не цѣлую страницу. Читатели, которымъ есть надобность до подобныхъ

«наставленій», безъ сомнѣнія, встрѣтится не разъ съ этимъ монтоглаголивымъ заглавіемъ въ книгопродавческихъ объявленіяхъ. Увѣдомимъ ихъ только о томъ, чего, безъ сомнѣнія, не будетъ досказано въ объявленіяхъ: двѣ части составляютъ одну разгонисто напечатанную книгу, которая кажется довольно пухлою только благодаря толстотѣ бумаги, и вмѣсто цѣны, означенной на оберткѣ—2 р. сер., могла бы, безъ убытка для издателя, продаваться и по 50 коп. сер.

Карманная почтовая книжка, *или сборникъ почтовыхъ постановленій, до всеобщаго свѣдѣнія относящихся. Изданіе Почтоваго Департамента. Спб. 1855.*

Новое изданіе «Карманной почтовой книжки», напечатанной въ 1849 году, исправленое и дополненное сообразно измѣненіямъ, пропешедшимъ съ того времени въ почтовыхъ постановленіяхъ. Здѣсь помѣщены правила о пріемѣ и выдачѣ корреспонденціи простой, денежной, страховой и посылочной, объ эстафетахъ, о городской почтѣ, объ иностранной корреспонденціи, а въ приложеніяхъ—таксы вѣсоваго и страховаго сбора, росписаніе городовъ, между которыми ходятъ почтовые экипажи, съ мѣстами для пассажировъ, и правила, сюда относящіяся, также правила для проѣзжающихъ на почтовыхъ лошадяхъ, различные списки почтовыхъ конторъ и почтовыхъ отдѣленій, и проч.

Къ книжкѣ приложены двѣ почтовыя карты: 1) Европейской и 2) Азіатской Россіи.

Послѣдніе слѣды сера Джона Франклина, *съ картою новѣйшихъ открытій на сѣверѣ. Спб. 1855.*

О судьбѣ Франклина и объ открытіяхъ, сдѣланныхъ экспедиціями, отправленными на помощь ему, такъ много было писано въ нашихъ журналахъ, что мы должны ограничиться указаніемъ на заглавіе этой брошюры, составленной, какъ видно человѣкомъ, знающимъ дѣло.

Элементарный способъ рѣшенія вопросовъ относительно сопротивленія матеріаловъ и устойчивости сооруженій, *съ практическими примѣрами, чертежами и таблицами. Инженеръ-подполковника* Безпалова. *Спб. 1855.*

Книжка г. Безпалова предназначена быть пособіемъ не для архитекторовъ или подрядчиковъ, не привыкшихъ къ употребленію довольно сложныхъ аналитическихъ формулъ, а для инженеровъ, которые хорошо знакомы съ математикою. Въ предисловіи, авторъ объясняетъ пользу своей памятной книжкѣ такъ:

«Сущность предлагаемаго мною способа состоитъ въ томъ, что силы «можно выразить пропорціональными имъ объемами геометрическихъ тѣлъ, и «тогда, въ смыслѣ статическомъ, моменты силъ замѣнятся моментами объемовъ, «а въ смыслѣ динамическомъ,—произведеніями изъ объемовъ на пути, прохо«димые центрами тяжести послѣднихъ».

При употребленіи этого способа, бо́льшая часть вопросовъ, встрѣчаю-

щихся въ строительной практикѣ, рѣшаются посредствомъ элементарныхъ математическихъ дѣйствій, безъ помощи высшаго анализа; и. дѣйствительно, г. Безпаловъ употребляетъ такія формулы, для пониманія которыхъ нужно только знаніе элементарной геометріи и тригонометріи.

Похожденія Чичикова или Мертвыя Души, *поэма* **Н. Гоголя.** *Томъ первый. Изданіе третье. Москва. 1855.*

Новое изданіе перваго тома «Мертвыхъ Душъ» ни въ чемъ не разнится съ изданіями, сдѣланными при жизни Гоголя.

Замѣтки о журналахъ.

ФЕВРАЛЬ 1856 ГОДА.

Москвитянинъ.—Письма Гоголя.

«Москвитянинъ», долго медлившій объявленіемъ о томъ, что будетъ продолжаться въ слѣдующемъ году, порадовалъ насъ, извѣстивъ своихъ читателей, что не намѣренъ прекращать своего существованія, бывшаго и остающагося не безполезнымъ для русской литературы. Вмѣстѣ съ объявленіемъ о предполагаемомъ продолженіи своего журнала въ наступившемъ году, г. Погодинъ выдалъ 19 и 20 нумера (въ одной книжкѣ) его за прошедшій годъ. Кромѣ «Крымскихъ Писемъ» г. Берга и двухъ сценъ изъ «Мессинской Невѣсты» Шиллера, переведенныхъ г. О. Миллеромъ, замѣтимъ въ этой (октябрьской) книжкѣ «Москвитянина» интересную статью г. Н. Костомарова: «Иванъ Свирговскій, украинскій гетманъ XVI вѣка». Впрочемъ, мы заговорили объ октябрьскомъ двойномъ нумерѣ «Москвитянина» не ради этихъ статей, а потому, что г. Погодинъ обогатилъ его истинною драгоцѣнностью для каждаго интересующагося русскою литературою: письмами, полученными имъ отъ Гоголя съ 1832 по 1840 годъ. Изъ корреспонденціи Гоголя, вообще интересной, не было еще обнародовано ничего столь важнаго, какъ эти письма. Они чрезвычайно во многомъ поясняютъ намъ и обстоятельства жизни, и самый характеръ Гоголя, и по справедливости должны быть причислены къ самымъ капитальнымъ матеріаламъ для его біографіи, даже для составленія вѣрнаго взгляда на нѣкоторыя мѣста его сочиненій, до сихъ поръ остающіяся загадочными. Здѣсь не мѣсто вдаваться въ отрывочныя замѣчанія и мелочныя изслѣдованія. Скажемъ только два-три слова о впечатлѣніи, которое производятъ эти письма, и поспѣшимъ подѣлиться съ читателемъ любопытнѣйшими отрывками. Мы всегда были того мнѣнія, что Гоголь, казавшійся большинству людей, видѣвшихъ его въ обществѣ, человѣкомъ сухимъ и т. п., былъ надѣленъ натурою кипучею, пламенною. Только изъ такой натуры могли родиться его творенія. Въ письмахъ, нынѣ напечатанныхъ, все дышетъ движеніемъ, порывомъ, все горитъ огнемъ. Этого убѣжденія довольно, чтобы понять если не всѣ, то почти всѣ странности въ его поступкахъ, поражавшія многихъ до

того, что иные хотѣли приписывать ихъ болѣзни, другіе—какому-то эгоистическому разсчету. Послѣднее предположеніе, признаемся, всегда возмущало насъ, какъ несообразное ни съ понятіемъ о впечатлительности характера, безъ которой невозможно жизненное направленіе, ни съ высокимъ благородствомъ души, безъ котораго также невозможно было бы создать «Ревизора» и «Мертвыя Души». Кто неспособенъ понимать, что такое страстная натура, тотъ никогда не пойметъ Гоголя. Впрочемъ, для него это и не будетъ горемъ, потому что и творенія Гоголя для такого человѣка—книга съ семью печатями, а имя автора этой книги—пустой звукъ. При страстной натурѣ неизбѣжны увлеченія и ошибки; но и въ самыхъ увлеченіяхъ отчасти она чиста и въ самыхъ ошибкахъ возвышенна и симпатична. Раннею мечтою Гоголя была жажда славы, и жажда, не утолявшаяся не только достиженіемъ посредственнаго успѣха,—нѣтъ, не удовлетворявшаяся никакимъ успѣхомъ. Люди съ мелочнымъ самолюбіемъ не поймутъ этого, но безъ неутолимости, ненасытности жажды нѣтъ истинной жажды славы. Такое славолюбіе дается самою натурою; его не сообщатъ ни похвалы, ни успѣхи, если оно не пожирало душу раньше всякихъ похвалъ и успѣховъ. Гоголь былъ одаренъ этимъ орлинымъ стремленіемъ къ непзмѣримой высотѣ: ему все казалось мало и низко, чего достигалъ онъ или что создавалъ онъ. Кого изъ мелкихъ людей, кого даже изъ очень даровитыхъ юношей не удовлетворилъ бы громадный успѣхъ перваго произведенія, какой имѣли «Вечера на Хуторѣ»? Кто не порадовался бы на свое первое произведеніе, удостоившееся столь громкихъ похвалъ отъ «великаго» Пушкина? Гоголь двадцати-трехлѣтній юноша писалъ въ 1833 году:

«Вы спрашиваете объ Вечерахъ Диканьскихъ. Чортъ съ ними! я не издаю ихъ. И хотя денежныя пріобрѣтенія были бы не лишнія для меня,—но писать для этого, прибавлять сказки не могу. Никакъ не имѣю таланта заняться спекулятивными оборотами. Я даже позабылъ, что я творецъ этихъ вечеровъ, и вы только напомнили мнѣ объ этомъ. Впрочемъ Смирдинъ отпечаталъ полтораста экземпляровъ 1-й части, потому что второй у него не покупали безъ первой. Я и радъ, что не больше. Да обрекутся они неизвѣстности, покамѣсть что нибудь увѣсистое, великое, художническое не изыдетъ изъ меня.

«Но я стою въ бездѣйствіи, въ неподвижности. Мелкаго не хочется, великое не выдумывается. Пожалѣйте обо мнѣ и пожелайте мнѣ!

«Обнимая и цѣлуя васъ, остаюсь вашъ Гоголь».

Февраля 20-го.

«Я не знаю, отъ чего на меня нашла тоска. Корректурный листокъ выпалъ изъ рукъ моихъ, и я остановилъ печатаніе. Какъ-то не такъ теперь работается! Не съ тѣмъ вдохновенно полнымъ наслажденіемъ царапаетъ перо бумагу. Едва начинаю и что нибудь совершу изъ Исторіи, уже вижу собственные недостатки. То жалѣю, что не взялъ шире, огромнѣй объему. То вдругъ зиждется совершенно новая система и рушитъ старую. Напрасно я увѣряю себя, что это только начало, эскизъ, что оно не нанесетъ пятна мнѣ, что судья у меня одинъ только будетъ и тотъ одинъ другъ. Но не могу, не въ силахъ. Чортъ побери пока трудъ мой, набросанный на бумагѣ, до другаго спокойнѣйшаго времени. Я не знаю, отчего я теперь такъ жажду современной славы. Вся глубина души такъ и рвется наружу. Но я до сихъ поръ не написалъ ровно ничего. Я не писалъ тебѣ: я помѣшался на комедіи. Она, когда я былъ въ Москвѣ, въ дорогѣ, и когда я пріѣхалъ сюда, не выходила изъ головы моей, но до сихъ поръ я ничего не написалъ. Уже и сюжетъ было на дняхъ началъ составляться, уже и заглавіе написалось на бѣлой толстой тетради; и сколько зло-

сти, смѣху, соли!... Но вдругъ остановился... А что изъ того, когда пьеса не будетъ играться. Драма живетъ только на сценѣ. Безъ нея она какъ душа безъ тѣла. Какой же мастеръ понесетъ на показъ народу не конченное произведеніе?—Мнѣ больше ничего не остается, какъ выдумать сюжетъ самый невинный... Но что комедія безъ правды и злости! И такъ за комедію не могу приняться. Примусь за Исторію—передо мною движется сцена, шумитъ аплодисментъ; рожи высовываются изъ ложъ, изъ райка, изъ креселъ и оскаливаютъ зубы, и—Исторія къ чорту.—И вотъ почему я сижу при лѣни мыслей».

Укажите мнѣ человѣка съ такою жаждою совершенства, и я вамъ скажу: онъ или не создастъ ничего, или создастъ нѣчто великое,—онъ или Танталъ, или Прометей. Черезъ пять лѣтъ, онъ, уже творецъ «Ревизора», говорилъ:

1838 г. Августъ 20. Неаполь.

«У меня забилось сердце, когда я прочиталъ твою записку, гдѣ ты говоришь, что будущею весною будешь въ Италіи. И такъ мы увидимся. Обнимемся можетъ быть еще разъ. Благодарю тебя за это. О себѣ ничего не могу (сказать) слишкомъ утѣшительнаго. Увы! здоровье мое плохо! И гордые мои замыслы... О другъ! если бы мнѣ на четыре, пять лѣтъ еще здоровья! И неужели не суждено осуществиться тому... Много думалъ я совершить... Еще донынѣ голова моя полна, а силы, силы—но Богъ милостивъ. Онъ вѣрно продлитъ дни мои. Сижу надъ трудомъ, о которомъ ты уже знаешь, я писалъ къ тебѣ о немъ, но работа моя вяла, нѣтъ той живости. Недугъ, для котораго я уѣхалъ, и который было казалось облегчился, теперь усилился вновь. Моя гемороидальная болѣзнь вся обратилась на желудокъ. Эта несносная болѣзнь. Она меня сушитъ. Она говоритъ мнѣ о себѣ каждую минуту и мѣшаетъ мнѣ заниматься. Но я веду свою работу, и она будетъ кончена, но другія, другія... О другъ! какіе существуютъ великіе сюжеты. Пожалѣй о мнѣ!—Но я съ тобою увижусь. Я

къ тебѣ теперь обращу одну очень холодную и прозаическую просьбу. Ты былъ такъ добръ, что предлагалъ мнѣ сдѣлать заемъ, если я нуждаюсь.—Мнѣ не хотѣлось пользоваться твоею добротою. Теперь я доведенъ до того. Если ты богатъ, пришли вексель на 2.000. Я тебѣ черезъ годъ, много черезъ полтора, ихъ возвращу. Сочиненіе мое велико, у насъ же товаръ продается по величинѣ, и потому я думаю за него получить столько, что въ состояніи буду заплатить этотъ (долгъ) въ концѣ будущаго года. Мои обстоятельства денежныя плохи, и всѣ мои родные терпятъ то же, но чортъ побери деньги, если бы здоровье только; годъ какъ нибудь смогу, съ помощью твоей... какъ нибудь проплетется.

«Если будешь посылать вексель, пожалуйста вели банкиру своему послать прямо къ римскому банкиру Валентини на него имя, еще лучше кредитивнымъ письмомъ, и письма ко мнѣ адресуй тоже банкиру Валентини въ Римъ».

1838 г. Декабрь 1. Римъ.

«Я получилъ твое письмо, милый мой, писанное тобою отъ Сентября на имя Валентини вмѣстѣ съ секундами векселей».

«Благодарю тебя, добрый мой, вѣрный мой! Много, много благодарю тебя. Далеко, до самой глубины души тронуло меня ваше безпокойство о мнѣ! Сколько любви! сколько заботъ! За что это меня такъ любитъ Богъ? Но грустно вмѣстѣ съ этимъ мнѣ было видѣть, но тяжело, невыносимо тяжело для сердца чувствовать...

«Боже! я не достоинъ такой прекрасной любви. Ничего не сдѣлалъ я! Какъ бѣденъ мой талантъ! Зачѣмъ мнѣ не дано здоровье? Громоздилось кое-что въ этой головѣ и душѣ, и неужели мнѣ не доведется обнаружить и высказать хотя половину его? Признаюсь: я плохо надѣюсь на свое здоровье. Но въ сторону объ этомъ. Мнѣ было очень грустно узнать изъ письма твоего, что ты живешь не безъ непріятностей и огорченій... Литературныя разныя пакости и особливо теперь, когда нѣтъ тѣхъ, на

коихъ почіетъ надежда, въ состояніи навести большую грусть, даже можетъ быть отравить торжественныя и вдохновенныя минуты души. Ничего не могу сказать тебѣ въ утѣшеніе. Битву, какъ ты самъ знаешь, нельзя вести тому, кто благородно вооруженъ одною только шпагой, защитницей чести, противъ тѣхъ, которые вооружены дубинами и дрекольями. Поле должно остаться въ рукахъ буяновъ. Но мы можемъ, какъ первые христіане въ катакомбахъ и затворахъ, совершать наши творенія».

Удивительно ли, если подобный человѣкъ, всегда считавшій созданное имъ ничтожнымъ сравнительно съ тѣмъ, что думалъ еще создать въ будущемъ, назвалъ, въ минуту скорби, всю свою дѣятельность чѣмъ-то ничтожнымъ и неудачнымъ? Кто не носилъ въ своей груди смертельной тоски совершенства, тотъ не совершитъ ничего колоссальнаго, по крайней мѣрѣ на поэтическомъ поприщѣ. И какою грустною, какою страшною обстановкою окружены у Гоголя эти высокіе помыслы: изнурительная, не дающая даже мысли покоя и силы болѣзнь, и нищета... вѣчная нищета, и, быть можетъ, убійственнѣе всего, вражда отъ тѣхъ, кого любилъ, для избавленія которыхъ отъ пошлости и низости страдалъ онъ душою, и необходимость бѣжать отъ этой вражды, и страстная дума на чужбинѣ о милой родинѣ.

Мая 10-го 1836 г. Спб.

«Послѣ разныхъ волненій, досадъ и прочаго, мысли тои такъ разсѣяны, что я не въ силахъ собрать ихъ въ стройность и порядокъ. Я хотѣлъ было ѣхать непремѣнно въ Москву и съ тобой наговориться вдоволь. Но не такъ сдѣлалось. Чувствую, что теперь не доставитъ мнѣ Москва спокойствія, а я не хочу пріѣхать въ такомъ тревожномъ состояніи, въ какомъ нахожусь нынѣ. Ѣду за границу, тамъ размыкаю ту тоску, которую наносятъ мнѣ ежедневно мои соотечественники. Писатель современный, писатель комическій, писатель нравовъ, долженъ подальше быть отъ своей родины. Пророку нѣтъ славы въ отчизнѣ. Что противъ меня уже рѣшительно возстали теперь всѣ сословія, я не смущаюсь этимъ, но какъ-то тягостно, грустно, когда видишь противъ себя несправедливо возстановленныхъ своихъ же соотечественниковъ, которыхъ отъ души любишь. Когда видишь, какъ ложно, въ какомъ невѣрномъ видѣ ими все принимается. Частное принимать за общее, случай за правило. Что сказано вѣрно и живо, то уже кажется пасквилемъ. Выведи на сцену двухъ-трехъ плутовъ, тысяча честныхъ людей сердится, говоритъ: мы не плуты. Но Богъ съ ними. Я не отъ того ѣду за границу, чтобъ не умѣлъ перенести этихъ неудовольствій. Мнѣ хочется поправиться въ своемъ здоровьѣ, разсѣяться, развлечься и потомъ, избравши нѣсколько постояннѣе пребываніе, обдумать хорошенько труды будущіе. Пора уже мнѣ творить съ бо́льшимъ размышленіемъ».

Мая 15. Спб.

«Я получилъ письмо твое. Приглашеніе твое убѣдительно. Но никакимъ образомъ не могу. Нужно захватить время пользованія на водахъ. Лучше пусть пріѣду къ вамъ въ Москву обновленный и освѣженный. Пріѣхавши, я проживу съ тобою долго, потому что не имѣю никакихъ должностныхъ узъ, и не намѣренъ жить постоянно въ Петербургѣ. Я не сержусь на толки, какъ ты пишешь, не сержусь, что сердятся и отворачиваются тѣ, которые отыскиваютъ въ моихъ оригиналахъ свои собственныя черты и бранятъ меня. Не сержусь, что бранятъ меня непріятели литературные, продажные таланты, но грустно мнѣ это вообще невѣжество, грустно, когда видишь, что глупѣйшее мнѣніе ими же опозореннаго и оплеваннаго писателя дѣйствуетъ на нихъ же самихъ, и ихъ же водитъ за носъ. Грустно, когда видишь, въ какомъ еще жалкомъ состояніи находится у насъ писатель. Всѣ противъ него, и нѣтъ никакой сколько нибудь равносильной стороны за него. «Онъ зажигатель, онъ бунтовщикъ!» и кто же это говоритъ? Это говорятъ люди опытные, люди, которые должны бы имѣть на

сколько нибудь ума, чтобъ понять дѣло въ настоящемъ видѣ, люди, которые считаются образованными, и которыхъ свѣтъ, по крайней мѣрѣ русскій свѣтъ, называетъ образованными. Выведены на сцену плуты, и всѣ въ ожесточеніи, зачѣмъ выводить на сцену плутовъ. Пусть сердятся плуты, но сердятся тѣ, которыхъ я не зналъ вовсе за плутовъ. Прискорбна мнѣ эта невѣжественная раздражительность, признакъ глубокаго, упорнаго невѣжества. Столица щекотливо оскорбляется тѣмъ, что выведены нравы шести чиновниковъ провинціальныхъ, что же бы сказала столица, если бы выведены были хотя слегка ея собственныя нравы. Я огорченъ не нынѣшнимъ ожесточеніемъ противъ моей піесы: меня заботитъ моя печальная будущность. Провинція уже слабо рисуется въ моей памяти, черты ея уже блѣдны. Но жизнь Петербургская ярка передъ моими глазами, краски ея живы и рѣзки въ моей памяти. Малѣйшая черта ея — и какъ тогда заговорятъ мои соотечественники? И то, что бы приняли люди просвящѣнные съ громкимъ смѣхомъ и участіемъ, то самое возмущаетъ желчь невѣжества. Сказать о плутѣ, что онъ плутъ, считается у нихъ подрывомъ государственной машины; сказать какую нибудь только живую и вѣрную черту—значитъ въ переводѣ опозорить все сословіе и вооружить противъ него другихъ или его подчиненныхъ. Разсмотри положеніе бѣднаго автора, любящаго между тѣмъ сильно свое отечество и своихъ же соотечественниковъ, и скажи ему, что есть небольшой кругъ, понимающій его, глядящій на него другими глазами, утѣшитъ ли это его? Москва больше расположена ко мнѣ, но отъ чего? Не отъ того ли, что я живу въ отдаленіи отъ ней, что портретъ ея еще не былъ видѣнъ нигдѣ у меня, что наконецъ... но не хочу на этотъ разъ выводить всѣ случаи. Сердце мое въ эту минуту наполнено благодарностью къ ней за ея вниманіе ко мнѣ. Прощай. Ѣду разгулять свою тоску, глубоко обдумать свои обязанности авторскія, свои будущія творенія, и возвращусь къ тебѣ вѣрно освѣженный и обновленный. Все что ни дѣлалось со мною, все было спасительно для меня. Всѣ оскорбленія, всѣ непріятности посылались мнѣ высокимъ Провидѣніемъ на мое воспитаніе. И нынѣ я чувствую, что не земная воля направляетъ путь мой. Онъ вѣрно необходимъ для меня. Цѣлую тебя несчетно. Пиши ко мнѣ, еще успѣешь.»

Женева. Сентября 22/10.

«Здравствуй, мой добрый другъ! Какъ живешь? что дѣлаешь? Скучаешь ли, веселишься ли? или работаешь, или лежишь на боку да лѣнишься? Богъ въ помощь тебѣ, если занятъ дѣломъ. Пусть весело горитъ передъ тобою свѣча твоя!... Мнѣ жаль, слишкомъ жаль, что я не видался съ тобою предъ отъѣздомъ. Много я отнялъ у себя пріятныхъ минутъ... Но на Руси есть такая изрядная коллекція гадкихъ рожъ, что не въ терпежъ мнѣ пришлось глядѣть на нихъ. Даже теперь плевать хочется, когда объ нихъ вспомню.»

1840 г. Генваря 25 (въ Москвѣ).

«О, выгони меня ради Бога и всего святаго вонъ въ Римъ, да отдохнетъ душа моя! Скорѣе, скорѣе. Я погибну. Еще можетъ быть возможно для меня освѣженіе! Не можетъ быть, чтобы я совсѣмъ умеръ, чтобы все возвышенное застыло въ груди моей безъ вывоза. Спаси меня и выгони вонъ скорѣе, хотя бы даже я самъ просилъ тебя повременить и обождать.»

Римъ. Октября 17. 1840.

«Со страхомъ я гляжу самъ на себя. Я ѣхалъ бодрый и свѣжій на трудъ, на работу. Теперь... Боже! Столько пожертвованій сдѣлано для меня моими друзьями—когда я ихъ выплачу! А я думалъ, что въ этомъ году уже будетъ готова у меня вещь, которая за однимъ разомъ меня выкупитъ, сниметъ тяжести, которыя лежатъ на моей безсовѣстной совѣсти. Что предо мною впереди? Боже! я не боюсь малаго срока жизни, но я былъ увѣренъ по такому свѣжему, доброму началу, что мнѣ два года будетъ дано плодотворной жизни. И теперь отъ меня скрылась эта сладкая увѣренность. Безъ надежды, безъ средствъ возстановить здоровье. Никакихъ

извѣстій изъ Петербурга: надѣяться ли мнѣ на мѣсто при Кривцовѣ? По намѣреніямъ Кривцова, о которыхъ я узналъ здѣсь, мнѣ нечего надѣяться, потому что Кривцовъ искалъ на это мѣсто европейской знаменитости по части художествъ. Онъ хотѣлъ имѣть нѣмца Шадова, директора Дюссельдорфской Академіи Художествъ, которому тоже хотѣлось, а потомъ даже хотѣлъ предложить Овербеку... Но Богъ съ нимъ, со всѣмъ этимъ. Я равнодушенъ теперь къ этому. Къ чему мнѣ это послужитъ. На квартиру, да на лекарство развѣ? на двѣ вещи, равныя ничтожностью и безполезностью. Если къ нимъ не присоединится наконецъ третья, вѣнчающая все, что влачится на свѣтѣ.

«Часто въ теперешнемъ моемъ положеніи мнѣ приходитъ вопросъ: зачѣмъ я ѣздилъ въ Россію? по крайней мѣрѣ меньше лежало бы на моей совѣсти. Но какъ только я вспомню о моихъ сестрахъ,—нѣтъ, мой пріѣздъ не безполезенъ былъ. Клянусь, я сдѣлалъ много для моихъ сестеръ. Онѣ послѣ увидятъ это. Безумный, я думалъ, ѣхавши въ Россію: ну хорошо, что я ѣду въ Россію, у меня уже начинаетъ простывать маленькая злость, такъ необходимая автору, противъ того-сего всякаго рода родныхъ плевелъ, теперь я обновленъ, и все это живѣе предстанетъ моимъ глазамъ, и вмѣсто этого что я вывезъ? Все дурное изгладилось въ моей памяти, даже прежнее, и вмѣсто этого одно только прекрасное и чистое со мною, все, что удалось мнѣ еще болѣе узнать въ друзьяхъ моихъ, и я въ моемъ болѣзненномъ состояніи поминутно дѣлаю упрекъ себѣ: зачѣмъ я ѣздилъ въ Россію. Теперь не могу глядѣть я ни на Колизей, ни на безсмертный куполъ, ни на воздухъ, ни на все, глядѣть всѣми глазами. Глаза мои видятъ другое, мысль моя развлечена. Она съ вами. Боже! какъ тяжело мнѣ писать эти строки. Я не въ силахъ болѣе. Прощай. Боже благослови тебя во всѣхъ предпріятіяхъ, и предоставь наконецъ тебѣ поле широкое, великое, безъ препятствій. Ты рожденъ и опредѣленъ на большое плаванье. Я хотѣлъ было наскоро переписать куски изъ Ревизора, исключенные прежде, и другіе передѣланные, чтобы поскорѣй хотя его издать, и заплатить великодушному какъ. и ты, Сергѣю Тимофеевичу, и этого не могъ сдѣлать. Впрочемъ я соберу всѣ силы и можетъ быть на той же недѣлѣ управлюсь съ этимъ. Я не имѣю никакихъ извѣстій изъ Петербурга. Напиши. Правда ли, что будто бы Жуковскій женится? Я не могу никакъ этому вѣрить. Прощай. Цѣлую тебя милліонъ разъ! Другъ!

«Обними Шевырева за меня нѣсколько разъ. Я бы писалъ къ нему, но не въ силахъ. Къ Сергѣю Тимоѳ. я бы тоже хотѣлъ писать... но что мнѣ писать теперь? Я не въ силахъ... Мнѣ бы хотѣлось скрыть отъ моихъ друзей мое положеніе. — Письмо мое издери въ куски: я храбрюсь всѣми силами.»

Говорятъ иные, будто у Гоголя было эгоистическое, неспособное привязываться сердце: скажите, такое ли убѣжденіе внушаютъ вамъ эти письма? Но вотъ еще письмо послѣ полученія вѣсти о смерти Пушкина:

1837. Мартъ 30. Римъ.

«Я получилъ письмо твое въ Римѣ. Оно наполнено тѣмъ же, чѣмъ наполнены теперь всѣ наши мысли. Ничего не говорю о великости этой утраты. Моя утрата всѣхъ больше. Ты скорбишь какъ русскій, какъ писатель, я... я и сотой доли не могу выразить своей скорби. Моя жизнь, мое высшее наслажденіе умерло съ нимъ. Мои свѣтлыя минуты моей жизни были минуты, въ которыя я творилъ. Когда я творилъ, я видѣлъ передъ собою только Пушкина. Ничто мнѣ были всѣ толки, я плевалъ на презрѣнную чернь; мнѣ дорого было его вѣчное и непреложное слово. Ничего не предпринималъ, ничего не писалъ я безъ его совѣта. Все, что есть у меня хорошаго, всѣмъ этимъ я обязанъ ему. И теперешній трудъ мой есть его созданіе. Онъ взялъ съ меня клятву, чтобы я писалъ, и ни одна строка его не писалась безъ того, чтобы онъ не являлся въ то время очамъ моимъ. Я тѣшилъ себя мыслью, какъ будетъ доволенъ онъ, угадывалъ, что будетъ нравиться ему. И это было мою высшею и первою наградою. Теперь этой награды нѣтъ впереди! Что трудъ мой? Что

теперь жизнь моя?... Ты приглашаешь меня ѣхать къ вамъ. Для чего? Не для того ли, чтобы повторить вѣчную участь поэтовъ на родинѣ? Или ты нарочно сдѣлалъ такое заключеніе послѣ сильнаго тобой приведеннаго примѣра, чтобы сдѣлать еще разительнѣе самый примѣръ. Для чего я пріѣду? Не, видалъ я развѣ дорогого сборища нашихъ просвѣщенныхъ невѣждъ? Ты пишешь, что всѣ люди даже холодные, были тронуты этою потерею. А что эти люди готовы были дѣлать ему при жизни? Развѣ я не былъ свидѣтелемъ горькихъ, горькихъ минутъ, которыя приходилось чувствовать Пушкину, не смотря на то, что Самъ Монархъ, (буди за то благословенно имя Его) почтилъ талантъ. О! когда я вспомню нашихъ судій, меценатовъ, ученыхъ, умниковъ... сердце мое содрагается при одной мысли. Должны быть сильныя причины, когда они меня заставили рѣшиться на то, на что я бы не хотѣлъ рѣшиться. Или, ты думаешь, мнѣ ничего, что мои друзья, что вы, отдѣлены отъ меня горами? Или я не люблю нашей неизмѣримой, нашей родной Русской земли! Я живу около года въ чужой землѣ, виду прекрасныя небеса, міръ богатый искусствами и человѣкомъ. Но развѣ перо мое принялось описывать предметы, могущіе поразить всякаго? Ни одной строки не могъ посвятить я чуждому. Непреодолимою цѣпью прикованъ я къ своему. И нашъ бѣдный, не яркій міръ нашъ, наши курныя избы, обнаженныя пространства, предпочелъ я небесамъ лучшимъ, привѣтливѣе глядѣвшимъ на меня. И я ли послѣ этого могу не любить своей отчизны? Но ѣхать, выносить надменную гордость... людей, которые будутъ передо мною дуться и даже мнѣ пакостить—нѣтъ, слуга покорный. Въ чужой землѣ я готовъ все перенести, готовъ нищенски протянуть руку, если дойдетъ до этого дѣло. Но въ своей — никогда! Мои страданія тебѣ не могутъ вполнѣ (быть) понятны: ты въ пристани, ты какъ мудрецъ можешь перенесть и посмѣяться. Я бездомный, меня бьютъ и качаютъ волны, и упираться мнѣ только на якорь гордости, которую вселили въ грудь мою высшія силы, сложить мнѣ голову свою на родинѣ. Если ты имѣешь желаніе ѣхать освѣжиться и возобновить свои силы, увидѣть меня — пріѣзжай въ Римъ. Здѣсь мое всегдашнее пребываніе. На Іюнь и Іюль ѣду въ Германію на воды. и, возвратившись, провожу здѣсь осень, зиму и весну. Небо чудное. Пью его воздухъ и забываю весь міръ. Напиши мнѣ что нибудь про ваши московскія гадости. Ты видишь, какъ сильна моя любовь: даже гадости я готовъ слышать изъ родины».

Ужели все это поддѣльныя чувства? Попробуйте поддѣлаться такъ, и мы увидимъ, успѣете ли вы обмануть насъ хотя на одинъ день; но если вы наложите на себя роль на всю жизнь,—неужели это возможно? Нѣтъ, натура ежеминутно будетъ вырываться наружу изъ-подъ личины.

И характеръ, и самая судьба Гоголя представляютъ чрезвычайно много общаго съ характеромъ и судьбою Руссо, этого нищаго, оклеветаннаго, бѣжавшаго отъ родины и нѣжно, тоскливо любящаго родину, подозрительнаго, неизмѣримо и справедливо гордаго, чрезвычайно скрытнаго и не умѣющаго ничего скрыть, пренебрегающаго всѣмъ и всѣми, нуждающагося во всѣхъ, впадавшаго во многое непростительное и пагубное для другихъ менѣе высокихъ по природѣ своей натуръ и все-таки оставшагося чистымъ въ душѣ, невиннымъ и наивнымъ, и, при всей своей наивности, и хитреца, и глубочайшаго сердцевѣдца, загадочнаго для современниковъ, очень понятнаго для потомства, геніальнаго и благороднаго мизантропа, полнаго нѣжной любви къ людямъ. Оба они, если хотите, были странные люди; но,—говоритъ Гоголь,—оба они имѣли право быть такими, какими были, потому что были необыкновенными людьми, и по уму, и по душѣ.

1840. Декабря 28. Римъ.

«Утѣшься! Чудно милостивъ и великъ Богъ: я здоровъ. Чувствую даже свѣжесть, занимаюсь переправками, выправками и даже продолженіемъ Мертвыхъ Душъ.

Вижу, что предметъ становится глубже и глубже. Многое совершилось во мнѣ въ немногое время; но я не въ силахъ теперь писать о томъ, не знаю почему, можетъ быть потому самому, почему не въ силахъ былъ въ Москвѣ сказать тебѣ ничего такого, что бы оправдало меня передъ тобою во многомъ. Когда нибудь въ обоюдной встрѣчѣ, можетъ быть на меня найдетъ такое расположеніе, что слова мои потекутъ, и я съ чистой откровенностью ребенка повѣдаю состояніе души моей, причинившей многое вольное и невольное. О! ты долженъ знать, что тотъ, кто созданъ сколько нибудь творить въ глубинѣ души, жить и дышать своими твореньями, тотъ долженъ быть страненъ во многомъ. Боже! другому человѣку, чтобы оправдать себя, достаточно двухъ словъ, а ему нужны цѣлыя страницы. Какъ это тягостно иногда! Но, довольно. Цѣлую тебя! Письмо твое утѣшительно. Благодарю тебя за него! растроганно, душевно благодарю. Я покоенъ. Свѣжій воздухъ и пріятный холодъ здѣшней зимы дѣйствуетъ на меня животворительно. Я такъ покоенъ, что даже не думаю вовсе о томъ, что у меня ни копѣйки денегъ. Живу кое-какъ въ долгъ. Мнѣ теперь все трынъ трава.

Мы не боимся наскучить читателю выписками, потому соберемъ еще отрывки, касающіеся такого эпизода въ служебной дѣятельности Гоголя, обыкновенные слухи о которомъ всегда казались намъ странны. Сличивъ отзывы самого Гоголя съ нѣкоторыми мѣстами въ «Авторской Исповѣди», припомнивъ нѣкоторыя общія истины о легкости удовлетворить многимъ требованіямъ, если только захотѣть удовлетворять имъ, о томъ, какъ легко овладѣваютъ апатія и отвращеніе человѣкомъ съ пылкою натурою, когда онъ встрѣчаетъ равнодушіе и т. д., мы будемъ снисходительнѣе судить объ этомъ эпизодѣ въ жизни Гоголя.

«Ты не гляди на мои историческіе отрывки: они молоды, они давно писаны, не гляди также на статью о среднихъ вѣкахъ въ Д. журналѣ. Она сказана только такъ, чтобы сказать что нибудь, и только раззадорить нѣсколько въ слушателяхъ потребность узнать то, о чемъ еще нужно разсказать, что оно такое. Я съ каждымъ мѣсяцемъ и съ каждымъ днемъ вижу новое, и вижу свои ошибки. Не думай также, чтобъ я старался только возбудить чувства и воображеніе. Клянусь! у меня цѣль высшая. Я можетъ быть еще мало опытенъ, я молодъ въ мысляхъ, но я буду когда нибудь старъ. Отчего же я черезъ недѣлю уже вижу свою ошибку! Отчего же передо мною раздвигается природа и человѣкъ! Знаешь ли ты, что значитъ не встрѣтить сочувствія; что значитъ не встрѣтить отзыва! Я читаю одинъ, рѣшительно одинъ въ здѣшнемъ университетѣ. Никто меня не слушаетъ, ни на одномъ ни разу не встрѣтилъ я, чтобы поразила его яркая истина. И отъ того я рѣшительно бросаю теперь всякую художническую отдѣлку, а тѣмъ болѣе желаніе будить сонныхъ слушателей. Я выражаюсь отрывками, и только смотрю въ даль, я вижу его въ той системѣ, въ какой оно явится у меня вылитою (sic) черезъ годъ. Хоть бы одно студенческое существо понимало меня. Это народъ безцвѣтный... Но въ сторону все это.

«Я рас...лся съ Университетомъ, и я черезъ мѣсяцъ опять беззаботный казакъ. Неузнанный я взошелъ на каѳедру и неузнанный схожу съ нея. Но въ эти полтора года, годы моего безславія, потому что общее мнѣніе говоритъ, что я не за свое дѣло взялся, въ эти полтора года я много вынесъ оттуда, и прибавилъ въ сокровищницу души. Уже не дѣтскія мысли, не ограниченный прежній кругъ монхъ свѣдѣній, но высокія исполненныя истины и ужасающаго величія мысли волновали меня. Миръ вамъ, мои небесные гости, наводившіе на меня божественныя минуты въ моей тѣсной квартирѣ, близкой къ чердаку! Васъ никто не знаетъ, васъ вновь опускаю на дно души до новаго пробужденія, когда вы исторгнетесь съ большей силою, и не посмѣетъ устоять безстыдная дерзость ученаго невѣжи, ученая, а неученая чернь, всегда соглашающаяся публика... и пр. и проч. Я тебѣ одному говорю это, другому не скажу я: меня назовутъ хвастуномъ, и больше ничего. Мимо, мимо все это! Теперь вышелъ я на свѣжій воздухъ. Это освѣженіе нужно въ жизни, какъ цвѣтамъ дождь, какъ засн-

дѣвшемуся въ кабинетѣ прогулка. Смѣяться, смѣяться давай теперь побольше. Да здравствуетъ комедія! Одну, наконецъ, рѣшаюсь давать на театрѣ».

Примѣры удивительной мѣткости, проницательности взгляда и чрезвычайной вѣрности пониманія людей и житейскихъ дѣлъ разсѣяны на каждой страницѣ писемъ. Приведемъ только оно сужденіе, высказанное по поводу намѣренія г. Погодина написать драматическія пьесы изъ эпохъ Бориса Годунова и Петра Великаго:

«Если вы хотите непремѣнно вынудить изъ меня примѣчаніе, то у меня только одно имѣется. Ради Бога прибавьте боярамъ нѣсколько глупой физіогноміи. Это необходимо такъ даже, чтобы они непремѣнно были смѣшны... Черезъ это небольшой умъ между ними уже будетъ рѣзокъ. Объ немъ идутъ рѣчи, какъ объ разъученой головѣ. Такъ бываетъ въ государствѣ...

«Какая смѣшная смѣсь во время Петра... одинъ самъ подставлялъ свою бороду, другому насильно брили. Вообразите, что одинъ бранитъ Антихристову новизну, а между тѣмъ самъ хочетъ дѣлать новомодный поклонъ, и бьется изъ силъ сковеркать ужимку французокафтанника»...

Какая проницательность историческаго взгляда!

Искренно благодаримъ г. Погодина за напечатаніе драгоцѣнныхъ писемъ Гоголя и надѣемся увидѣть продолженіе этой чрезвычайно любопытной корреспонденціи въ слѣдующей книжкѣ «Москвитянина».

Замѣтки о журналахъ.

ДЕКАБРЬ 1855 И ЯНВАРЬ 1856 ГОДА. *)

О «РУССКОМЪ ВѢСТНИКѢ».

Читатели, безъ сомнѣнія, ожидаютъ отъ насъ мнѣнія о новомъ журналѣ, основаніе котораго возбудило въ публикѣ надежду, что русская литература будетъ имѣть однимъ хорошимъ періодическимъ изданіемъ больше, нежели имѣла въ предъидущіе годы; и мы, конечно, замедлили бы исполненіемъ своей обязанности передъ читателями, если бы не поспѣшили отдать имъ отчетъ о впечатлѣніи, которое произвели на публику первыя книжки «Русскаго Вѣстника». Составлять рѣшительное мнѣніе о характерѣ новаго изданія по двумъ первымъ его нумерамъ было бы преждевременно. Этого еще не сдѣлала публика, не будемъ дѣлать и мы. Надобно дать журналу срокъ, болѣе продолжительный, нежели одинъ мѣсяцъ, чтобы совершенно установиться, вполнѣ опредѣлительнымъ образомъ выразить свое направленіе, показать, какими силами онъ обладаетъ въ своихъ постоянныхъ сотрудникахъ, чѣмъ хочетъ и чѣмъ можетъ быть. Эта отсрочка, всегда справедливая, тѣмъ необходимѣе въ настоящемъ случаѣ, что первыя книжки «Русскаго Вѣстника» не содержатъ статей, которыя могли бы назваться прокламаціями принциповъ и надеждъ журнала.

Начнемъ съ внѣшности. Форматъ журнала, близкій къ формату «Отечественныхъ Записокъ» и «Современника», красивъ; бумага хороша; шрифтъ такъ называемый «тонкій». Вообще, наружность журнала недурна.

Программу «Русскаго Вѣстника» читатели знаютъ по объявленіямъ, и намъ нѣтъ нужды повторять ее здѣсь. Журналъ считаетъ у себя два отдѣла: въ первомъ, не имѣющемъ особеннаго названія, совмѣщаются беллетристика, большія статьи ученаго и критическаго содержанія. Второй отдѣлъ, подъ именемъ «Современной Лѣтописи», содержитъ «политическое» и «учено-литературное» обозрѣніе и «театральныя замѣтки». Третьимъ отдѣломъ можно считать «Приложеніе», опредѣленное для перевода иностранныхъ романовъ.

Первая книжка, очень выгоднымъ для журнала образомъ, открывается неизданнымъ отрывкомъ изъ IX главы перваго тома «Мертвыхъ Душъ». Это

---

*) *Примѣчаніе издателя.* Предыдущій листъ былъ уже отпечатанъ, когда въ рукописяхъ нашлось указаніе на принадлежность этой статьи моему отцу. Пришлось, поэтому, помѣстить ее не на томъ мѣстѣ, гдѣ бы слѣдовало.

первопачальная редакція разсказа о разспросахъ со стороны чиновниковъ города N у Коробочки и Собакевича относительно загадочной личности и намѣреній Чичикова. Сами по себѣ, страницы этого отрывка своимъ достоинствомъ не совершенно соотвѣтствуютъ другимъ страницамъ поэмы, и Гоголь, съ своимъ тонкимъ вкусомъ, вѣроятно, замѣтилъ, что довольно подробныя сцены, первоначально имъ написанныя, содержатъ какъ бы повтореніе тѣхъ положеній и описаній, которыя уже даны читателю въ предъидущихъ главахъ, и потому значительно сократилъ этотъ эпизодъ въ окончательной редакціи (стр. 372—374 новаго изданія), отбросивъ всѣ черты, уже достаточно раскрытыя въ другихъ сценахъ. Сравненіе отброшеннаго авторомъ и напечатаннаго нынѣ отрывка съ соотвѣтствующими мѣстами «Мертвыхъ Душъ» интересно для того, кто хочетъ удостовѣриться, какъ строгъ сдѣлался Гоголь къ себѣ послѣ изданія «Ревизора».

Замѣчательна также именемъ своего автора статья, которою открывается вторая книжка: это—«Объ Океаніи и ея жителяхъ», покойнаго Т. Н. Грановскаго,—лекція, записанная съ его словъ въ 1852 году и поправленная авторомъ. Послѣ прекрасныхъ и въ высокой степени справедливыхъ воспоминаній о Грановскомъ, написанныхъ многими изъ ближайшихъ друзей его, намъ нѣтъ нужды говорить о томъ, какое сильное и благодѣтельное вліяніе имѣлъ Грановскій на нашу литературу, на утвержденіе любви ко всему доброму и прекрасному во всѣхъ, кто зналъ его; а большая часть тѣхъ молодыхъ ученыхъ и литераторовъ, имена которыхъ мы всѣ произносимъ съ уваженіемъ, принадлежала къ этому числу. Нѣтъ надобности говорить, какъ много содѣйствовали его лекціи развитію нѣсколькихъ поколѣній воспитанниковъ Московскаго Университета, славою и гордостію котораго былъ онъ въ послѣднее время, хотя желалъ быть только полезнымъ, отказавшись отъ славы. Онъ зналъ, что ученая слава у насъ, еще такъ мало привыкшихъ отличать ученость отъ гелертерства, скорѣе всего достигается выказываніемъ мелочныхъ свѣдѣній и сухаго пристрастія къ мелочнымъ вопросамъ. Но онъ слишкомъ горячо любилъ науку и литературу, слишкомъ ревностно стремился быть истинно полезнымъ нашему просвѣщенію и обществу, чтобы заботиться лично о себѣ. Онъ слишкомъ живо сознавалъ, что у насъ нужнѣе двигатели просвѣщенія, любви къ благу и истинѣ, посредники между наукою и нами, нежели люди, обращающіе свои силы преимущественно на разработку второстепенныхъ вопросовъ науки, и не хотѣлъ своей личной ученой славѣ принесть того, къ чему чувствовалъ призваніе, въ чемъ находилъ истинную пользу для науки у насъ въ настоящее время. Но добрая слава пришла къ нему и дала ему, скромному, самоотверженному подвижнику добра, одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторіи русскаго просвѣщенія во второй четверти XIX-го вѣка.

Съ этой точки зрѣнія, объясняющей всю дѣятельность Грановскаго, надобно смотрѣть и на немногочисленныя сочиненія, имъ изданныя. Они — отрывки изъ его лекцій или разговоръ съ друзьями, и сохраняютъ характеръ, который имѣли его лекціи, то есть характеръ истинной, высокой учености, безъ тѣхъ внѣшнихъ, формалистическихъ прикрасъ гелертерства, которыя, будучи вредными для публики по своей утомительности, смѣшны и жалки для истинно ученыхъ цѣнителей по своей научной малоцѣнности или плоскости, но

кажутся важны и ослѣпительны для полу-ученыхъ диллетантовъ и бездарныхъ гелертеровъ. Но публика оцѣнила по достоинству свѣжесть мысли и увлекательность изложенія въ статьяхъ Грановскаго, и истинно ученые люди видѣли въ нихъ высокую самостоятельность и вѣрность основныхъ воззрѣній, полную соотвѣтственность обширнаго и глубокаго знанія съ самыми строгими требованіями истинно ученой критики, которымъ могутъ удовлетворять знаніями своими лишь немногіе люди, стоящіе во главѣ науки. Они знаютъ, что если бы Грановскій былъ французомъ или англичаниномъ, то могъ бы стоять на ряду съ первыми современными историками. Но онъ былъ русскій и сознательно дѣйствовалъ въ духѣ своего положенія, сообразно потребностямъ своей родины. Во Франціи Грановскій былъ бы Огюстеномъ Тьерри; на каѳедрѣ русскаго университета Огюстенъ Тьерри былъ бы Грановскимъ.

«Русскій Вѣстникъ», основаніе котораго тѣсно связано съ воспоминаніями о Грановскомъ, исполняетъ свою прямую обязанность, обѣщаясь сообщать публикѣ «выдержки изъ его лекцій, записанныхъ его слушателями», и чѣмъ полнѣй сдержитъ онъ это обѣщаніе, тѣмъ болѣе заслужитъ признательности отъ публики. Желаемъ видѣть въ немъ десятки тѣхъ лекцій, первою изъ которыхъ является «Чтеніе объ Океаніи и ея жителяхъ». Это сжатое, быстрое, чрезвычайно популярное по изложенію, но глубокое по научному достоинству обозрѣніе результатовъ научныхъ изслѣдованій о происхожденіи, исторіи быта океанійскихъ островитянъ до прибытія европейцевъ, ихъ положеніи въ то время, вліяніи, которое имѣетъ на нихъ соприкосновеніе съ европейцами. Тутъ нѣтъ щегольства ученостью; но, читая каждую страницу, вы чувствуете, что она плодъ глубокаго изученія, что авторомъ прочитаны сотни книгъ по этому предмету, соображены и приведены къ истинному значенію тысячи фактовъ, десятки мнѣній, и все подчинено мысли проницательной и самостоятельной. И слѣдствіе всего это сообщеніе читателю взгляда на предметъ столь же простаго, какъ и глубокомысленнаго, столь же новаго, какъ и справедливаго, и возведеніе частнаго вопроса о судьбѣ Океаніи къ общему вопросу о цивилизаціи. Если бы подобныхъ статей являлось у насъ больше, быстро подвигалась бы впередъ наша образованность.

Кромѣ комедіи г. Островскаго, о которой мы будемъ подробнѣе говорить впослѣдствіи, помѣщена въ «Русскомъ Вѣстникѣ» довольно большая повѣсть г-жи Евгеніи Туръ: «Старушка». Она можетъ имѣть свои недостатки, но не принадлежитъ къ числу слабѣйшихъ произведеній этой писательницы, хотя не идетъ въ разрядъ съ первыми и лучшими. Въ приложеніи переводится англійскій романъ «Невѣстка». Упомянемъ въ нѣсколькихъ словахъ и объ ученыхъ статьяхъ «Русскаго Вѣстника» «Древняя Русь» г. Соловьева излагаетъ общій взглядъ ученаго изслѣдователя на весь историческій ходъ развитія общественной и умственной жизни русскаго народа. Это хорошее извлеченіе существенныхъ мыслей изъ многочисленныхъ его сочиненій. Первая статья г. Кудрявцева о «Карлѣ V» читается съ пользою и удовольствіемъ. Г. Кудрявцевъ имѣетъ предметомъ объяснить русскимъ читателямъ странную рѣшимость Карла V оставить престолъ, и разсказать послѣдніе годы его жизни, проведенные въ монастырѣ,—факты, поразительные своею загадочною оригинальностью и удовлетворительно объясненные только въ послѣднее время

изданіемъ новыхъ актовъ и, по поводу ихъ нѣсколькихъ хорошихъ монографій. Мы увѣрены, что и слѣдующія статьи будутъ также хороши, какъ первая. Двѣ статьи г. Каткова «О Пушкинѣ», повидимому, составляютъ введеніе къ очень полному разбору твореній Пушкина. Надобно ожидать дальнѣйшаго развитія мнѣній автора, чтобы точнымъ образомъ характеризовать духъ этихъ статей.—Съ большимъ удовольствіемъ увидѣли мы во второй книжкѣ переводъ статьи Маколея о войнѣ за наслѣдство испанскаго престола. Говорить о достоинствахъ Маколея, одного изъ первыхъ между современными историками, значило бы говорить то, въ чемъ убѣжденъ каждый читатель.

Изъ четырехъ, помѣщенныхъ въ № 2, стихотвореній, намъ понравились пьесы г. Н. Огарева «Первая Любовь» и «Кокеткѣ». Публикѣ, вѣроятно, пріятно встрѣтиться съ поэтомъ, который такъ мало печаталъ въ послѣдніе годы. Изъ остальныхъ стихотвореній одно принадлежитъ г. К. Аксакову, другое г. М. Дмитріеву.

«Политическое Обозрѣніе», безъ сомнѣнія, будетъ имѣть интересъ для многихъ читателей «Русскаго Вѣстника».

«Учено-Литературное Обозрѣніе» будетъ, повидимому, вмѣстѣ съ извѣстіями о различныхъ новыхъ открытіяхъ, постоянно содержать отчеты о замѣчательныхъ русскихъ книгахъ и по нѣкоторымъ отраслямъ знанія будетъ имѣть сотрудниками извѣстныхъ спеціалистовъ. Такъ, въ первой книжкѣ находимъ довольно большой и связный обзоръ новѣйшихъ трудовъ по части прежней археологіи, написанный г. Леонтьевымъ; по русской археологіи и въ той и въ другой книжкахъ подобные же обзоры, написанные г. Буслаевымъ. Если съ несомнѣнною основательностью такихъ статей будетъ постоянно соединяться осторожность говорить только о предметахъ общеинтересныхъ, избѣгая мелочей, занимающихъ только немногихъ читателей, этотъ отдѣлъ, конечно, будетъ увеличивать достоинство журнала.

Простимся на время съ новымъ нашимъ сотоварищемъ по литературѣ, повторяя высказанное уже нами при первомъ извѣстіи о немъ желаніе ему успѣха и съ удовольствіемъ прибавляя, что, по всей вѣроятности, успѣхъ его будетъ и оправданъ и упроченъ его благороднымъ направленіемъ и литературными достоинствами.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Стихотворенія Ивана Никитина. *Издалъ графъ Д. Н. Толстой. Воронежъ и Спб. 1856—7364.*

Когда-то у насъ литературныя репутаціи создавались и уничтожались журналами; когда-то были очень многочислены люди того типа, который двумя-тремя словами очерченъ въ «Театральномъ Разъѣздѣ»:

— Ну, что ты скажешь о комедіи, которую мы сейчасъ видѣли? спрашиваетъ одинъ.

— Погоди; теперь еще нельзя говорить: посмотримъ, что журналы скажутъ: тогда и узнаемъ, хороша ли комедія.

Нынѣ ужь не та стала наша публика. Она судитъ и рядитъ, не дожидаясь мнѣнія журналовъ, и часто подсмѣивается надъ ними. Такая перемѣна невыгодна для критика, который изъ учителя публики сдѣлался нынѣ только ея отголоскомъ и часто можетъ выиграть, если сдѣлается ея ученикомъ. А мы все-таки очень рады этой перемѣнѣ. Слава Богу, что публика наша научилась быть самостоятельна въ литературныхъ вопросахъ. Положимъ, если хотите, дѣла эти не имѣютъ колоссальной важности, но все-таки хорошо быть самостоятельнымъ и въ этихъ дѣлахъ. Да и для критика нынѣшнее скромное положеніе если не блистательно, зато безопасно: публика рѣдко ошибается, и если будешь прислушиваться къ ея мнѣнію, не останешься въ накладѣ.

Эта мысль пришла намъ въ голову вовсе не по поводу «Стихотвореній» г. Никитина: по поводу ихъ ничего особенно хорошаго не можетъ прійти въ голову (хотя издатель, графъ Д. Н. Толстой, и написалъ къ нимъ прекрасное предисловіе). Но можно приложить и къ «Стихотвореніямъ» г. Никитина слова, которыми начинается наша статейка. И не только можно, даже должно: вѣдь надобно же сказать что нибудь объ этой книжкѣ, о которой безъ того ровно нечего будетъ сказать.

Да, рѣдко ошибается (если когда нибудь ошибается) публика, и хорошо, когда она судитъ самостоятельно. Многіе журналы рекомендовали ея особенному вниманію стихи г. Никитина, вообразивъ, что открыли въ немъ поэта-простолюдина съ самобытнымъ и необыкновеннымъ талантомъ. Публика прочла пьесы, о достоинствѣ которыхъ съ такимъ восторгомъ ей возвѣщали, и очень равнодушно сказала: «У г. Никитина есть искусство подбирать прекрасныя рѣомы и

составлять звучные стихи; по поэтическаго таланта въ немъ не замѣтно. Не замѣтно также, по его стихотвореніямъ, простолюдинъ онъ или дворянинъ, купецъ или помѣщикъ, но видно, что онъ начитался нашихъ поэтовъ, стихи которыхъ и передѣлываетъ въ своихъ пьесахъ». Это общее мнѣніе публики раздѣляли мы, и когда-то его выразили, и—признаться ли?—пожалѣли потомъ, что, не смягчивъ нашихъ словъ какими нибудь общими, ничего не говорящими похвалами, не оставили возможности понимать наше сужденіе такъ или иначе, какъ кому угодно. «Почему знать, что можетъ случиться? думали мы.—Вѣдь по десяти, пятнадцати слабымъ пьесамъ довольно трудно рѣшить, что у человѣка, ихъ написавшаго, нѣтъ таланта, и что онъ вдругъ,—не нынѣ, завтра,—не удивитъ насъ какими нибудь превосходными созданіями. А тогда и прійдется намъ сознаваться, что мы ошиблись.» Но вотъ прошло годъ или два. Г. Никитинъ издалъ, или, вѣрнѣе сказать, графъ Д. Н. Толстой издалъ цѣлую книгу его стихотвореній. Значитъ г. Никитинъ считаетъ свои пьесы не какими нибудь неудачными опытами, а произведеніями хорошими, достойными своего таланта,—думаетъ, что, написавъ ихъ, уже совершилъ нѣчто такое, на чемъ можетъ основать свою извѣстность, или, точнѣе сказать, такъ думаетъ графъ Д. Н. Толстой, издавшій его стихотворенія, а г. Никитинъ соглашается съ мнѣніемъ гр. Д. Н. Толстаго, потому что иначе бы не далъ ему разрѣшенія издавать эту книгу. Прочли мы эту книгу—и улыбнулись надъ своими сомнѣніями въ основательности и полной точности нашего прежняго сужденія, и еще однимъ новымъ фактомъ увеличился длинный рядъ случаевъ, убѣждающихъ, что публика—очень тонкая и вѣрная цѣнительница всякихъ, поэтическихъ и не поэтическихъ, дѣлъ.

Дѣйствительно, въ цѣлой книгѣ г. Никитина нѣтъ ни одной пьесы, которая обнаруживала бы въ авторѣ талантъ или, по крайней мѣрѣ, поэтическое чувство. У него есть только умѣнье писать стихи. Графъ Д. Н. Толстой сознается, что г. Никитинъ—подражатель. Это еще не заставило бы насъ отказать ему въ талантѣ: человѣкъ съ поэтическимъ дарованіемъ можетъ находиться подъ вліяніемъ другаго поэта, съ болѣе значительнымъ или болѣе развитымъ талантомъ. Но мало сказать, что г. Никитинъ подражаетъ тому или другому нашему поэту: онъ просто передѣлываетъ различныя пьесы различныхъ авторовъ,—и какъ передѣлываетъ? такъ, что въ его стихахъ не замѣтно ни малѣйшаго поэтическаго инстинкта: нѣтъ ни мысли, ни чувства, ни даже соотношенія между различными строфами одной и той же пьесы. И какія пьесы выбираетъ онъ для передѣлки? Не тѣ, смыслъ которыхъ былъ бы ему близокъ, затрогивалъ бы если не талантъ его (котораго мы не имѣемъ основаній предполагать), то, по крайней мѣрѣ, его чувство или мысль. Нѣтъ, ему мало нужды до того, каково содержаніе пьесы: были бы въ ней только звучные стихи,—онъ тотчасъ же напишетъ нѣсколько куплетовъ, своею формою и словами похожихъ на эту пьесу, и думаетъ, что эти куплеты, безъ всякаго чувства, безъ всякой мысли или связи, составляютъ лирическое стихотвореніе. Понравится ему звучность стиховъ въ пьесѣ Лермонтова «Три Пальмы», онъ тотчасъ пишетъ:

Въ глубокомъ ущельи, межь каменныхъ плитъ
Серебряный ключъ одиноко звучитъ, и т. д.

Понравится звучность стиховъ въ другой пьесѣ Лермонтова: «Когда волнуется желтѣющая нива», онъ опять пишетъ:

Когда закатъ прощальными лучами
Спокойныхъ водъ позолотитъ стекло, и т. д.

Тоже дѣлаетъ онъ съ различными пьесами Пушкина и г. Тютчева, г. Щербины и Кольцова, г. Некрасова и г. Фета, г. Полонскаго и г. Огарева и вообще всякаго поэта, лишь бы только звучность стиховъ какой нибудь пьесы какого нибудь поэта показалась ему завидна. Вотъ, напримѣръ, стихи, передѣланные изъ г. Майкова:

Буря утихла. Грядой облака потянулись къ востоку:
Грома глухіе раскаты вдали замирать начинаютъ....

а вотъ изъ г. Тютчева:

Тихо ночь ложится
На вершины горъ
И луна глядится
Въ зеркала озеръ, и проч.

Вотъ опять г. Майковъ:

Одѣлось мракомъ поле. На темной лазури сверкаетъ
Гряда облаковъ разноцвѣтныхъ. Блѣднѣя заря потухаетъ и т. д.

А эти стихи взяты изъ г. Щербины:

Вотъ здѣсь узнаю человѣка
Въ лицѣ побѣдителя волнъ,
И какъ-то отрадно мнѣ думать,
Что я человѣкомъ рожденъ.

Опытъ подражанія Пушкину («Я помню чудное мгновенье»)

Бываютъ свѣтлыя мгновенья, и т. д.

О передѣлкахъ изъ Кольцова мы и не говоримъ: ихъ цѣлые десятки.

Пьесы, которая не была бы заимствована, въ которой было бы хотя что нибудь похожее на самостоятельность, нѣтъ ни одной во всѣхъ стихотвореніяхъ г. Никитина. Самъ онъ не замѣчаетъ въ природѣ или жизни ничего, не чувствуетъ ничего; но кто нибудь напишетъ пьесу изъ русской жизни, и г. Никитинъ повторитъ ее; другой нарисуетъ картину степи или горъ—г. Никитинъ составитъ описаніе степи или горъ; третій вдохновится произведеніями греческой скульптуры—и г. Никитинъ напишетъ о художникѣ, какъ

Взлянулъ онъ на мраморъ—и яркимъ огнемъ
Блеснули его вдохновенныя очи,
И взялъ онъ его, и безсонныя ночи
Надъ нимъ проводилъ онъ въ своей мастерской.
И камень подъ творческой ожилъ рукой.
Съ тѣхъ поръ въ изумленьи, съ восторгомъ нѣмымъ
Толпа (*воронежскихъ жителей?*) преклоняетъ колѣни предъ нимъ.

Иной напишетъ картину бури на морѣ—и г. Никитинъ, живучи въ Воронежѣ, тотчасъ же вдохновится тѣмъ, что

На западѣ солнце пылаетъ,
Багряное море горитъ,
Корабль одинокій, какъ птица,
По влагѣ холодной скользитъ.

Сверкаетъ струя за кормою,
Какъ крылья шумятъ паруса,
Кругомъ неоглядное море,
И съ моремъ слились небеса.

Безпечно веселую пѣсню,
Задумавшись, кормчій поетъ,
А черная туча на югѣ,
Какъ дымъ отъ пожара, встаетъ, и т. д.

Вотъ еще стихотвореніе, столь же глубоко прочувствованное:

ХУДОЖНИКУ.

Я знаю часъ невыразимой муки,
Когда одинъ, въ сомнѣніи нѣмомъ
Сложивъ крестомъ ослабнувшія руки,
Ты думаешь надъ мертвымъ полотномъ;
Когда ты кисть упрямую бросаешь
И, голову свою склонивъ на грудь,
Твоихъ идей невыразимый трудъ
И жалкое искусство проклинаешь.
Проходитъ гнѣвъ, и творческою силой
Твоя душа опять оживлена,
И, все забывъ, съ любовью терпѣливой
Ты день и ночь сидишь близъ полотна.
Оконченъ трудъ. Толпа тебя вѣнчаетъ,
И похвала вокругъ его шумитъ,
И клевета, въ смущеніи, молчитъ,
И все вокругъ колѣни преклоняетъ.
А ты — бѣднякъ! — поникнувши челомъ,
Стоишь одинъ съ тоскою подавленной,
Не находя въ созданіи своемъ
Ни красоты, ни мысли воплощенной.

Это взято, конечно, прямо изъ южно-русской жизни, потому что, какъ насъ увѣряетъ графъ Д. Н. Толстой въ предисловіи, очень хорошо написанномъ, «учителемъ Никитина была та широкая, степная природа, которая окружала колыбель его, и тѣ общественныя условія, которыми сопровождалось его дѣтство». Признаемся, мы не знали до сихъ поръ, что для воронежскихъ жителей «условіями, сопровождающими дѣтство», бываютъ корабли, колеблющіеся въ гавани, морскія бури, дружба съ великими живописцами и созерцаніе дивныхъ созданій ваянія. Итакъ, Воронежъ есть Римъ и вмѣстѣ Неаполь.

Авторъ предисловія увѣряетъ насъ также, что «немного книгъ случалось читать» г. Никитину. Это, конечно, надобно понимать только сравнительно съ числомъ книгъ, прочтенныхъ, напримѣръ, Шиллеромъ или Гете; а говоря безъ

сравненій, мы видимъ изъ стихотвореній г. Никитина, что онъ человѣкъ довольно начитанный: не только Пушкинъ и Лермонтовъ очень хорошо знакомы ему, но и всѣ другіе наши поэты изучены имъ. А такъ какъ есть у него заимствованія изъ пьесъ, которыя были напечатаны только въ журналахъ и не собраны еще авторами въ отдѣльныя книги, то нѣтъ сомнѣнія, что г. Никитинъ читаетъ журналы и слѣдитъ за нашею литературою вообще. Это прекрасно, и скрывать отъ публики такую похвальную черту не для чего. Жаль только, что начитанность не замѣняетъ природнаго поэтическаго дарованія, котораго до сихъ поръ не обнаружилъ г. Никитинъ, показавъ только, что умѣетъ составлять изъ чужихъ стихотвореній звучные стихи. Правда, издатель увѣренъ, что г. Никитинъ имѣетъ «описательное дарованіе»; но это потому, что издатель, быть можетъ, не такъ твердо, какъ г. Никитинъ, изучилъ гг. Тютчева, Фета, Щербину, Майкова, Огарева и другихъ нашихъ поэтовъ, а также и Кольцова, потому и не могъ принять въ соображеніе, что не только каждая картина, но и каждая черта картины у г. Никитина въ точности заимствована у того или другаго изъ этихъ поэтовъ. Это уже даръ образованности, а не природы. Издатель хвалитъ г. Никитина за то, что у него картины русской натуры и жизни «списаны съ натуры съ удивительною вѣрностью»: въ той же самой степени отличаются вѣрностью итальянской природѣ и жизни его пьесы итальянскаго содержанія, выписанныя нами выше. Это мозаики, составленныя по книгамъ, а не съ натуры.

Если у г. Никитина есть зародышъ таланта—чему мы были бы очень рады, но чего не рѣшаемся предполагать, видя, что онъ пишетъ стихи уже лѣтъ семь или восемь (подъ нѣкоторыми его пьесами выставленъ 1849 годъ) и все еще не выказалъ его ни однимъ стихотвореніемъ, вылившимся изъ души, а не пропѣтымъ безъ всякой мысли или чувства, въ подражаніе различнымъ чужимъ стихамъ—еслибъ у него, дѣйствительно, былъ зародышъ таланта, мы совѣтовали бы г. Никитину, оставивъ навремя сочиненіе стиховъ, ждать, пока жизнь разбудитъ въ немъ мысль и чувство, не вычитанное изъ книгъ и не заученное, а свое собственное, живое, отъ котораго бьется сердце, а не только скрипитъ гусиное или стальное перо. Тогда и онъ, по мѣрѣ своего таланта, будетъ поэтомъ, чего, впрочемъ, не отваживаемся надѣяться: на всемъ, что написалъ онъ, лежитъ такая рѣзкая печать совершеннаго отсутствія впечатлительности къ чему нибудь, кромѣ печатныхъ риѳмованныхъ строкъ, что мы опасаемся, не принадлежитъ ли онъ по своей натурѣ къ числу людей совершенно холодныхъ и неспособныхъ къ поэзіи.

Если опасеніе наше справедливо, то онъ не повредитъ таланту, котораго не имѣетъ, продолжая передѣлывать чужія стихотворенія. Но это будетъ, какъ до сихъ поръ было, дѣломъ совершенно безплоднымъ. Кому охота изъ пьесъ г. Никитина знакомиться съ отрывками стихотвореній Кольцова или г. Фета и другихъ поэтовъ, давно знакомыхъ каждому? Напротивъ, никому не можетъ быть пріятно читать, напримѣръ, слѣдующую «пѣсню»:

Зашумѣла, разгулялась
Въ полѣ непогода;
Принакрылась бѣлымъ снѣгомъ
Гладкая дорога

Бѣлымъ снѣгомъ принакрылась —
Не осталось слѣду;
Поднялася пыль и вьюга —
Не видать и свѣту.

Да удалому дѣтинѣ
Буря не забота:
Онъ проложитъ путь-дорогу,
Лишь была бъ охота.

Не страшна глухая полночь,
Дальній путь и вьюга,
Если молодца въ свой теремъ
Ждетъ краса-подруга.

Ужь какъ встрѣтитъ она гостя
Утренней зарею,
Обоймета его стыдливо
Бѣлою рукою,

Опустивши ясны очи,
Друга приголубитъ...
Вспыхнетъ онъ и холодъ ночи
И весь свѣтъ забудетъ.

Или слѣдующую пьесу:

Въ зеркало влаги холодной
Мѣсяцъ спокойно глядитъ
И надъ землею безмолвной
Тихо плыветъ и горитъ.

Легкою дымкой тумана
Ясный одѣтъ небосклонъ;
Свѣтлая грудь океана
Дышитъ, какъ будто сквозь сонъ.

Мелленно, ровно качаясь,
Въ гавани спятъ корабли;
Берегъ, въ водѣ отражаясь,
Смутно мелкаетъ вдали.

Смолкла дневная тревога...
Полный торжественныхъ думъ,
Видитъ присутствіе Бога
Въ этомъ молчаніи умъ.

Вѣдь эта пьеса — пародія на г. Тютчева, а предъидущая — на Кольцова. Какая же надобность въ подобныхъ пародіяхъ? А пьесъ иного рода г. Никитинъ доселѣ не печаталъ еще ни одной. Гр. Д. Н. Толстой полагаетъ, что, кто пишетъ такъ, какъ г. Никитинъ, долженъ быть признанъ замѣчательнымъ поэтомъ: для насъ очень прискорбно, что едва ли кто будетъ раздѣлять его мнѣніе, тѣмъ болѣе жалѣемъ объ этомъ, что мы сами желали бы раздѣлять его: такъ оно прекрасно и умѣренно высказано и такими благородными чувствами внушено.

Графиня Полина. *Повѣсть* Авдотьи Глинки. *Спб. 1856.*

Г-жа А. Глинка была извѣстна въ нашей литературѣ, какъ переводчица довольно многихъ пьесъ Шиллера, въ томъ числѣ «Пѣсни о колоколѣ». Долго намъ не случалось слышать о ея новыхъ литературныхъ трудахъ. Мы думали, что почтенная писательница покинула перо—и вдругъ.... мы видимъ прекрасную «Графиню Полину», очаровательницу аристократическихъ салоновъ, обязанную своимъ граціознымъ существованіемъ г-жѣ А. Глинкѣ. Встрѣча столь же пріятная, какъ и неожиданная. Сколько психологической мудрости, сколько прелестныхъ свѣтскихъ выраженій или, по выраженію почтенной повѣствовательницы, перлъ слога, разсыпано въ этомъ простомъ и наставительномъ разсказѣ! Мы не помнимъ, чтобы съ тѣхъ отдаленныхъ временъ, когда мы наслаждались повѣстями почтеннаго С. Н. Глинки, намъ удавалось читать что нибудь столь отрадное и успокоительное для души. Но и въ повѣстяхъ самого Сергѣя Николаевича не находили мы такого тонкаго знанія обычаевъ и языка высшаго общества! Истинно, мы, люди стараго добраго времени, надъ которыми подсмѣиваетесь вы, господа молодые люди, имѣли превосходныхъ писателей, и благодарность, глубокая благодарность наша почтенной г-жѣ А. Глинкѣ, которая осталась вѣрна литературнымъ преданіямъ нашего вѣка, сохранила палитру своего почтеннаго однофамильца и родственника и рѣшилась показать вамъ, людямъ испорченнаго вкуса, какъ писали въ златой вѣкъ нашей литературы,—читайте и учитесь, молодые писатели! Какъ все просто и невинно, какъ все живо и вѣрно въ ея повѣсти! Тутъ нѣтъ ухищренностей, которыми увлекаетесь вы, но зато и какая прелесть, какая примирительная грація!

«Легко и свободно впорхнула въ Англійскій магазинъ молодая, блестящая графиня Полина»—такъ начинается повѣсть г-жи А. Глинки. Въ нарядѣ этой графини «обнаруживалась артистическая утонченность: на ней было платье самаго нѣжнаго цвѣта гри-де-ленъ, сверху донизу украшенное пуговицами изъ перлъ.» Избалованная всѣми родными и прикащиками англійскаго магазина, блестящая графиня Полина была нетерпѣлива и капризна. Недовольная тѣмъ, что еще не готовъ ея браслетъ, она «закричала съ визгливымъ порывомъ гнѣва: Mon Dieu! quelle déception! При этомъ визгѣ, приподнялъ на графиню глаза «высокаго роста молодой человѣкъ, серьёзное лицо котораго выражало умъ и какую-то суровость. Онъ вдругъ выпрямился и очень зорко и сурово окинулъ пышную красавицу съ ногъ до головы иронически-холоднымъ взглядомъ», и ушелъ изъ магазина. Вы понимаете, что Полина влюбилась въ незнакомца, что онъ сначала будетъ пренебрегать ею, какъ дѣвушкою пустою и капризною, что нераздѣленная любовь доведетъ Полину до дверей гроба, смиритъ и исправитъ ее, что незнакомецъ окажется княземъ, что, узнавъ о критическомъ положеніи Полины, лежащей одною ногою въ гробу, о глубокой страсти ея, объ исправленіи ея отъ всѣхъ возможныхъ недостатковъ, онъ вознаградитъ ее за раскаяніе и любовь предложеніемъ своей руки съ огромными помѣстьями: все это вы уже впередъ знаете, даже знаете, что у князя есть соперникъ, комическій злодѣй, камергеръ въ парикѣ, интригующій, чтобы отстранить возможность объясненія между Полиною и княземъ, а у Полины есть наперсница, Лиза, которая объясняетъ князю достоинства и стра-

данія Полины, а Полинѣ даетъ наставленія и подаетъ надежды,—все это вы знаете впередъ, даже предчувствуете, какъ будутъ описаны чувства Полины, ожидающей жениха.... нѣтъ! вы не угадали немного: отправляющейся съ отцомъ въ деревню къ жениху, потому что не женихъ пріѣзжаетъ сватать ее, а пишетъ ея отцу «пріѣзжайте ко мнѣ въ деревню; я готовъ жениться на вашей дочери.» Этого обстоятельства никто не могъ бы предусмотрѣть; но все равно: ошибка читателя касается только второстепеннаго пункта, а главное онъ отгадалъ,—именно то, что чувства графини Полины, отправляющейся въ деревню къ жениху, описываются слѣдующимъ образомъ:

«Мы не послѣдуемъ за графиней. Всѣ возможныя описанія счастья не могутъ подойти подъ настоящее. Для того, что душа перечувствуетъ въ эти счастливыя минуты, нѣтъ у человѣка словъ. И одно ожиданіе встрѣчи было для Полины, конечно, выше всѣхъ мелочныхъ удовольствій свѣта: это—развитіе полной жизни. И мы оставляемъ нашимъ читателямъ дополнить воображеніемъ недосказанное нами.»

Такимъ образомъ, содержаніе повѣсти напередъ извѣстно читателю, едва онъ успѣлъ выслушать отъ насъ, о чемъ разсказывается въ ней на первыхъ двухъ-трехъ страницахъ. Но что жъ изъ того? Развѣ повѣсть теряетъ свой интересъ? Нимало: вѣдь вся важность состоитъ въ томъ, какъ развивается авторомъ это содержаніе, какимъ прекраснымъ слогомъ написана повѣсть, какими красками рисуются лица, какъ ведутся разговоры, какія хитрости придумываютъ Лиза и старый камергеръ,—одна, чтобъ устроить, другой—разстроить свадьбу. Вотъ что интересно для читателя. Мы удовлетворимъ его любопытству.

Послѣ встрѣчи съ незнакомцемъ, «Полинѣ, безъ особенной причины, худо спалось. На другой день, черты лица ея повытянулись, около глазъ были синеватые круги», ей скучно, она ѣдетъ въ «Издѣлья»—что это такое?—«Издѣлья»?—такъ называютъ Полина и камергеръ на своемъ элегантномъ языкѣ Магазинъ Русскихъ Издѣлій—коварный камергеръ, чтобъ задушить въ зародышѣ страсть Полины, сказалъ ей, что незнакомецъ, ее плѣнившій—«сидѣлецъ въ Издѣльяхъ»—Полина дѣлаетъ смотръ сидѣльцамъ: незнакомца нѣтъ межъ ними. Она съ облегченною душою ѣдетъ въ Англійскій магазинъ. Незнакомецъ ужъ тамъ: онъ покупаетъ табакерку. Ему предлагаютъ на выборъ два табакерки. Онъ пристально посмотрѣлъ ихъ и—

«Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, обратился къ купцу и самымъ чистымъ французскимъ языкомъ спросилъ у него:

— Какъ вы находите, которая изъ двухъ табакерокъ лучше?

— Милостивый государь, это дѣло вкуса и моды; цѣна имъ равная.

— Дѣло не въ цѣнѣ теперь, прибавилъ незнакомецъ:—а я желалъ бы, чтобъ въ подаркахъ руководствовало чувство. Пріятно было бы соединить и то и другое.

— Безъ сомнѣнія, м. г. Если табакерка для пожилой особы, мнѣ кажется эта казистѣе.

Незнакомецъ беретъ предпочитаемую купцомъ табакерку и уходитъ; а вы узнаете, во первыхъ, что надобно предоставлять выборъ купцу, если хочешь руководствоваться чувствомъ, а во вторыхъ, что на французскомъ языкѣ вмѣсто «красивѣе» говорится «казистѣе». Полина не узнала ничего о незна-

комцѣ и отправилась къ Лизѣ, своей подругѣ, богатой и одинокой сиротѣ, жившей «съ англичанкой, для которой англійскій матросъ былъ гораздо интереснѣй русской княгини». Изъ этого вы опять узнаете неожиданную новость, что если дѣвушка хорошаго общества остается сиротою, то она живетъ одна, а не въ семействѣ родственника, опекуна или одного изъ друзей ея покойнаго отца; узнаете также изъ словъ объ англичанкѣ, что неумѣнье правильно выражаться можетъ вести къ странной двусмысленности... Это, впрочемъ, вы ужь знали изъ выраженія, что на другое утро послѣ встрѣчи съ незнакомцемъ «черты лица Полины повытянулись, а около глазъ были синеватые круги». Вообще, въ выборѣ выраженій писателю надобно быть такъ же осмотрительнымъ, какъ былъ осмотрителенъ незнакомецъ въ выборѣ табакерки: иначе, пожалуй, скажешь, вовсе того не желая, что нибудь очень казистое. Однако, оставимъ замѣчанія и посмотримъ, что́ дѣлается съ графинею. Она сидитъ у Лизы; подруги курятъ, «даютъ просторъ языкамъ» (опять обмолвка: это не значитъ, конечно, «сплетничаютъ»). Полина везетъ Лизу къ себѣ. Камергеръ ужь сидитъ у графа, за обѣдомъ. «Полину подмывало отмстить Мирскому» (такъ зовутъ камергера) за то, что онъ оклеветалъ незнакомца, и она отмстила, сказавъ «съ напряженіемъ»: «Вообразите, папа, Мирскій выдумалъ, что я влюбилась въ сидѣльца изъ Русскаго Издѣлья»,—на что Мирскій отвѣчалъ: «Когда жь я вамъ говорилъ такія глупости, графиня! Вы меня слишкомъ обижаете!» Тутъ опять надобно замѣтить, что сидѣльцы не только «Русскаго Издѣлья», но и мелочныхъ лавочекъ не говорятъ такъ неправильно, какъ Полина, и такъ неучтиво, какъ Мирскій. Впрочемъ, въ большомъ свѣтѣ все дѣлается не такъ, какъ водится въ обыкновенномъ обществѣ: напримѣръ, дѣвицы, входя въ залъ, дѣлаютъ хозяйкѣ дома книксены, кажется, даже цалуютъ послѣ чаю ручку у хозяйки, прибавляя: «покорно благодарю-съ» и вообще любятъ частичку «съ»: «да-съ», «вы такъ сказали-съ», «вы, княгиня, авантажны-съ»; да, надобно еще замѣтить, что дѣвицы на языкѣ высшаго общества называются «барышнями», а дамы—«барынями». Молодые люди на балахъ высшаго общества занимаютъ барышень разговорами о политическихъ событіяхъ во Франціи и нравственной философіи (см. стр. 58 – 65). Одинъ изъ нихъ, окруженный толпою барышень, спрашивающихъ, какъ онъ думаетъ о маскарадахъ, даже говоритъ: «въ маскарадахъ вкрадывается многое, о чемъ неприлично мнѣ здѣсь говорить», и прибавляетъ, осматриваясь кругомъ: «здѣсь очень многіе подурнѣли, оттого, что оказался избытокъ въ нарядахъ». Это говоритъ князь. Полинѣ очень понравились его слова. Она также окинула взоромъ лица окружающихъ (стр. 64). Утѣшительно слышать, что свобода обращенія въ высшемъ обществѣ простирается до такого наивнаго простодушія. Однако, если мы будемъ такъ продолжать, то никогда не кончимъ. Оставимъ же всякія замѣчанія и пропустимъ всѣ превосходныя разсужденія князя о томъ, что дѣвицамъ не слѣдуетъ читать романовъ, а надобно какъ можно болѣе читать стиховъ, не слѣдуетъ носить на головѣ шу и употреблять слово шикъ, и о томъ, что барышни (дочери князей и графовъ) существа пустыя, и т. д., и т. д. Эти разсужденія наполняютъ половину книжки. Пропустимъ даже описаніе удивительнаго литературнаго вечера у Лизы—всѣ барышни и дамы пріѣзжаютъ на этотъ вечеръ съ піяльцами и

сидятъ, вышивая по канвѣ, а авторъ стоитъ вдалекѣ отъ нихъ—пропуская все это, посмотримъ на Полину, которая примѣряетъ турецкій костюмъ, по совѣту Лизы. Она хочетъ ѣхать въ маскарадъ, чтобы плѣнить князя.

Съ помощью Лизы и горничной, Полина стала одѣваться. Лиза мигнула Полинѣ, которая велѣла подать горничной всѣ свои драгоцѣнности. Онѣ вынули богатый изумрудный уборъ съ брильянтами, серьги, брошь. На голову надѣли родъ маленькаго тюрбана изъ пунцоваго бархата, перевитаго нитками крупныхъ брильянтовъ; съ одной стороны укрѣпили бѣлое перо съ солитеромъ. Руки, шея унизались ожерельями и браслетами.

И вотъ черезъ нѣсколько минутъ очутилась передъ Лизой ужь не графиня Полина, а драгоцѣнная перла, во всей пышности красоты восточной. Любуясь сю, сказала она: «Вечеромъ ты будешь еще лучше». Едва выговорила она эти слова и только что Полина, чтобъ лучше себя увидѣть и показаться, прошлась по комнатѣ, послышался за дверью какой-то свистящій шопотъ:

— Можно ли видѣть графиню?... Батюшка прислалъ меня за нею.

— Да кто тутъ и что надобно? спросила Лиза.

— Какъ же вы меня, княжна, не узнали? Я Мирскій. Допустите, если можно.

— Впустить! отвѣчала Полина небрежно. — Мирскій вошелъ на цыпочкахъ и остановился въ дверяхъ, съ разинутымъ ртомъ и распростертыми руками. Онъ не опомнился, почти зодохся, увидѣвъ это блестящее существо, гурію изъ магометова рая. Разглядѣвъ ближе, онъ сталъ на колѣни и восторженно закричалъ, сложивъ руки на груди и кланяясь по турецки:

— Звѣзда Востока!... Забылся!... Пощадите, графиня!... Непозволительно быть до такой степени прекрасной, очаровательной!! На что вамъ столько жертвъ?

Полина улыбнулась, а Лиза подумала: «того-то намъ и надо!»

— Батюшка прислалъ меня къ вамъ. Ему нужно о чемъ-то поговорить съ вами.

— Какъ же я пойду, Лиза, въ костюмѣ? Это смѣшно!

— Почему жь и не такъ, графиня? сказалъ, вздыхая, Мирскій. И батюшка полюбуется вами, и мы воспользуемся: подолѣ поглядимъ на васъ. Осчастливьте меня хоть теперь, ваше сіятельство!

Мирскій надѣлъ перчатки. Полина молча подала ему руку, и они отправились черезъ длинную анфиладу комнатъ къ графу. Лиза смотрѣла ей вслѣдъ съ восторгомъ. Полина въ этомъ костюмѣ казалась выше; голова ея граціозно наклонялась то на ту, то на другую сторону, когда они проходили мимо зеркалъ.

Какой удивительный тонъ! какой прелестный слогъ! Можно вообразить, каково описанъ самый маскарадъ, если приготовленія къ нему разсказаны такъ хорошо. Но повѣсть принимаетъ патетическій оборотъ: турецкій нарядъ и граціозно наклоняющаяся то въ ту, то въ другую сторону голова не подѣйствовали на князя: онъ былъ холоденъ, и у Полины, тутъ же, въ маскарадѣ, начался припадокъ горячки... Наши нервы, разстроенные необычайнымъ ароматомъ аристократическихъ салоновъ съ блестящими барышнями, не могутъ выносить этихъ трагическихъ впечатлѣній, и мы закрываемъ повѣсть г-жи А. Глинки. Пусть любознательный читатель самъ пріобрѣтетъ очаровательную «Графиню Полину»: она принесетъ много милыхъ минутъ его душѣ. Мы можемъ только воскликнуть вмѣстѣ съ почтенною повѣствовательницею:

Вотъ это мирить! Какъ облагораживаетъ, возвышаетъ женщину истинный талантъ! Вотъ ея дѣйствительное призваніе — дѣйствовать на душу и тѣмъ примирять насъ со всѣмъ пошлымъ, со всѣмъ оскорбляющимъ, къ несчастію, встрѣчаемымъ такъ часто въ обществѣ. Пойте мнѣ чаще! Благодарю васъ отъ души за послѣднее впечатлѣніе! (Стр. 94).

Вспомогательная книга для помѣщиковъ и сельскихъ хозяевъ. *Соч.* Крейсига. *Переведъ и пополнилъ примѣчаніями* С. М. Усовъ. *Изданіе третіе, вновь пересмотрѣнное и дополненное. Спб. 1856.*

Сочиненіе Крейсига написано преимущественно для сѣверо-восточной Германіи, которая, по своему климату, болѣе, нежели какая нибудь другая страна западной Европы, похожа на среднюю и обширнѣйшую полосу Европейской Россіи. Потому г. Усовъ считалъ его болѣе полезнымъ для нашихъ хозяевъ, чѣмъ подобныя сочиненія, писанныя для странъ, климатическія условія которыхъ очень различны отъ нашихъ. Успѣхъ перевода оправдалъ его ожиданія: вскорѣ послѣ перваго изданія, вышедшаго въ 1836 году, понадобилось второе. Теперь г. Усовъ полагаетъ нужнымъ сдѣлать третье.

Главное достоинство крейсиговой книги то, что написана она очень просто и практично. Многіе совѣты и наблюденія Крейсига вполнѣ прилагаются къ нашему быту. Но очень много есть у него и такихъ вещей, которыя невозможны или излишни въ нашемъ хозяйствѣ. Примѣчанія г. Усова касаются нѣкоторыхъ — впрочемъ, немногихъ — изъ числа послѣднихъ случаевъ и не могутъ быть названы достаточными для того, чтобы сдѣлать «Вспомогательную книгу» вѣрною совѣтницею нашимъ сельскимъ хозяевамъ. Кромѣ того, намъ кажется, что, издавая книгу, составленную слишкомъ за двадцать лѣтъ (1832), надобно было бы прибавить къ прежнему тексту замѣчанія о тѣхъ успѣхахъ, какіе сдѣланы (втеченіе этого времени практическимъ сельскимъ хозяйствомъ.

Бесѣды о сельскомъ хозяйствѣ, *профессора Императорскаго Московскаго Университета* Ярослава Линовскаго. *Скотоводство и шелководство. Москва. 1855.*

Книга эта служитъ продолженіемъ прекрасныхъ «Бесѣдъ» Линовскаго о сельскомъ хозяйствѣ, которыя были изданы въ 1845 году, и, въ двухъ частяхъ, содержали ученіе о земледѣліи.

Линовскій, умершій такъ рано, былъ замѣчательнымъ ученымъ, и едва ли кто замѣнилъ его до сихъ поръ. Онъ превосходно изучилъ на мѣстѣ всѣ отрасли сельскаго хозяйства въ тѣхъ странахъ западной Европы, гдѣ оно достигло наибольшаго развитія. Также хорошо изучилъ онъ и наше русское хозяйство; будучи одаренъ умомъ обширнымъ и практическимъ, превосходно понималъ, какія улучшенія у насъ возможны и нужны, по условіямъ нашего быта, нашихъ почвъ и климатовъ. «Бесѣды» его, изданныя прежде, оцѣнены всѣми, какъ превосходная книга, по богатству свѣдѣній, вѣрности понятій и прекрасному изложенію. Такова же напечатанная теперь новая часть ихъ. Мы желали бы, для пользы нашего сельскаго хозяйства, чтобы скорѣе изданы были и другія сочиненія Линовскаго, если послѣ него осталось еще что нибудь, кромѣ напечатаннаго нынѣ трактата о скотоводствѣ и земледѣліи, которыи смѣло рекомендуемъ вниманію всѣхъ занимающихся этими отраслями сельскаго хозяйства.

О производительныхъ силахъ Россіи, *сочиненіе тайнаго совѣтника, члена Государственнаго Совѣта* Л. В. Тенгоборскаго. *Части 2-й выпускъ 1-й. Переводъ* И. В. Вернадскаго. *Москва. 1855.*

Когда вышла первая часть извѣстной книги г. Тенгоборскаго въ русскомъ переводѣ, «Современникъ» говорилъ о ней подробно, и мы теперь не имѣемъ нужды повторять того, что уже сказано было въ нашемъ журналѣ. Замѣтимъ только, что, по своему содержанію, вторая часть представляетъ еще болѣе интереса, нежели первая, излагавшая матеріальныя средства, которыми располагаетъ дѣятельность русскаго народа: во второй части дѣло идетъ о томъ, каковы условія быта, при которыхъ населеніе нашего отечества пользуется этими данными ему природою страны средствами, и на какой степени развитія стоятъ различныя отрасли народной промышленности.

Россійская родословная книга, *издаваемая княземъ* Петромъ Долгоруковымъ. *Часть третья. Спб. 1856.*

Говоря о первыхъ двухъ частяхъ прекраснаго труда кн. Долгорукова, мы подробно излагали его цѣль, планъ и пользу, какую получитъ отъ него наша исторія. Третья часть, вышедшая теперь въ свѣтъ, содержитъ «четвертую главу третьей книги» — одну изъ самыхъ обширныхъ въ цѣломъ сборникѣ, заключающую родословныя «фамилій, имѣющихъ иностранныя почетныя титла», — именно родословныя грузинскихъ, татарскихъ, польскихъ и проч. князей и польскихъ, остзейскихъ и западно-европейскихъ маркизовъ, графовъ и барономъ. Всѣхъ иностранныхъ княжескихъ родовъ кн. Долгоруковъ исчисляетъ 49, маркизскій родъ—1 (де-Траверсе), графскихъ—86, баронскихъ—84. кромѣ того 82 отрасли различныхъ титулованныхъ родовъ, имѣющія только дворянское достоинство, но не получившихъ или утратившихъ титулъ, которымъ пользуются ихъ однофамильцы.

Кабинетъ магика или шестьдесятъ опытовъ натуральной магіи, и пр., *составили* М. Ж. *Спб. 1855*

Составительница книжки «посвятила ее удовольствію юношества», то есть дѣтей 7 – 10 лѣтъ. Посмотримъ же, чему научатся дѣти изъ миніатюрной книжки г-жи М. Ж. Вотъ, для примѣра, 60-ый и послѣдній фокусъ:

«Приносите въ общество стеклянную трубочку, дополна налитую красноватою жидкостью, составъ коей мы объяснимъ далѣе. Затѣмъ просите дѣвицу взять трубочку за нижнюю часть ея лѣвой рукой, которая гораздо ближе къ сердцу, чѣмъ правая. А сами держите ее за верхъ. Потомъ просите всѣхъ мужчинъ по очереди подходить и касаться до трубочки, говоря, что прикосновеніе человѣка, къ которому дѣвица равнодушна, не произведетъ ничего; но лишь только дотронется до трубочки человѣкъ, не совсѣмъ лишній для нея, жидкость, заключающаяся въ трубочкѣ, начнетъ шипѣть и пѣною выходить наружу.

«Вотъ составъ жидкости: въ новый глиняный горшокъ положи и пере-

мѣшай: 2 лота фернамбуковыхъ опилокъ, 2 лота квасцовъ. На нихъ налей четверть бутылки виннаго уксуса, потомъ вскипяти это на маломъ огнѣ.

«Способъ, чтобъ жидкость зашипѣла, есть слѣдующій: въ рукѣ вашей вы держите щепотку поташу; какъ скоро дотронется до трубки человѣкъ, котораго хотите вы компрометировать вмѣстѣ съ дѣвицей, вы опускаете щепотку въ верхнее отверстіе трубочки, отчего жидкость запѣнится».

Доброму дѣлу, какъ видите, учитъ дѣтей г-жа М. Ж. — «компрометировать мужчинъ вмѣстѣ съ дѣвицами». Очень хорошо.

Очерки Сибиряка. *Спб. 1856.*

О первомъ выпускѣ «Очерковъ Сибиряка» мы довольно подробно говорили въ прошлой книжкѣ «Современника». На этотъ разъ распространяться не будемъ. Скажемъ только одно: второй выпускъ написанъ уже не стихами, а прозою. Неизвѣстный сочинитель разсказываетъ теперь какія-то *богатырскія поэмы*, которыя также мало характеризуютъ Сибирь, какъ и его *Дѣвичій сонъ подъ новый годъ*. Но для того, чтобы что нибудь напоминало болѣе о Сибири, авторъ нарядилъ своего богатыря Бѣлаго Уклада въ теплую шубу.

Врачебно-комнатная гимнастика. *Соч. доктора* Шребера. *Съ сорока-пятью ксилографическими изображеніями.* Москва. *1856.*

Если слѣдовать совѣту почтеннаго доктора, издавшаго свою книжечку въ Лейпцигѣ и нынѣ переведеннаго на русскій языкъ, то придется съ ранняго утра по поздней ночи поднимать руки въ сторону, кружить ногами, поворачивать туловище, присѣдать, махать руками и, кромѣ этого, ничего больше не дѣлать. Если у васъ будетъ другое какое нибудь занятіе, кромѣ присѣданія, то вы должны немедленно его бросить, чтобъ хватило времени въ точности исполнить все предписанное. Этого мало: вамъ даже недостанетъ времени, когда пообѣдать, и вы должны то спину гнуть кругообразно, то бедерные мускулы напрягать, то присѣдать, какъ совѣтуетъ авторъ, 24 раза вверхъ и назадъ, то махать, стоя на одной ногѣ, не менѣе 300 разъ руками туда и сюда. Трудновато! и все это для того, чтобъ *пополнить нѣкоторую сумму общаго движенія и вступить въ кругъ дѣятельности*».

Относительно женскаго пола авторъ снисходительнѣе и строго воспрещаетъ имъ двигать пилою 30 разъ, также не дозволяетъ имъ поднимать колѣни впередъ и переступать черезъ палку; но переминаться на одномъ мѣстѣ онѣ могутъ 100, 150 и 200 разъ. Авторъ большой любезникъ съ дамами, и совѣтуетъ имъ, въ видѣ поправленія здоровья, поднимать плечики и толкать руками впередъ, но тутъ же дѣлаетъ NB: поднимать ноги въ сторону 6, 10 и 16 разъ—*женщинами не исполняется*».

Вообще довольно забавно видѣть, до какой степени иногда человѣкъ можетъ увлечься какой-нибудь idée fixe. Такъ, напримѣръ, почтенный докторъ Шреберъ говоритъ, что нужно съ четырехлѣтняго возраста заниматься гимнастикой и мальчикамъ и дѣвочкамъ, и что отецъ, мать, учитель и гувернеръ

(желая удостовѣриться, что дѣти правильно исполняютъ эти движенія) должны сами дѣлать движенія для примѣра: «иначе — говоритъ авторъ — дѣти этимъ дѣломъ пренебрегаютъ, и оно скоро запускается или теряется въ безполезныхъ старыхъ обыкновеніяхъ» (Стр. 104). Наконецъ ученый авторъ до того увлекается своей наукой, что даже не щадитъ и сѣдовласой старости. «И старость — говоритъ онъ — имѣетъ нужду въ движеніяхъ. Только тотъ сохраняетъ свои двигательныя силы (слѣдовательно, важнѣйшаго дѣятеля всего жизненнаго процесса), кто прилично ими пользуется». Затѣмъ авторъ нападаетъ и на бѣдныхъ старухъ свыше шестидесятилѣтняго возраста (кажется, ихъ можно было бы пощадить) и совѣтуетъ имъ переминаться на одномъ мѣстѣ 150 разъ, вертѣть ногами 20, наклонять туловище впередъ и назадъ 15, а присѣдать всего 16 разъ. Слава Богу, что онъ хоть не предписываетъ имъ ударять топоромъ и поднимать колѣни впередъ, какъ это совѣтуетъ другимъ особамъ до шестидесятилѣтняго возраста включительно.

Авторъ до того возводитъ свою науку въ перлъ созданія, что о другихъ тѣлесныхъ движеніяхъ отзывается съ горечью: о верховой ѣздѣ, фехтованіи, о работахъ въ саду и другихъ сильныхъ упражненіяхъ. Съ его стороны очень большая уступка, что онъ позволяетъ ходить людямъ, хотя онъ тутъ же ядовито замѣчаетъ, что «это средство слишкомъ односторонно и недостаточно».

Судоходство по Шельдѣ. *Историко-юридическое изслѣдованіе* А. Наумова. *Москва, 1856.*

Объ основныхъ началахъ, которыя должны руководить законами, относящимися къ судоходству по рѣкамъ, протекающимъ чрезъ владѣнія нѣсколькихъ державъ, г. Наумовъ имѣетъ понятія справедливыя: это видимъ изъ прочитаннаго нами введенія. Изложеніе его хорошо, сколько можемъ судить по этимъ и немногимъ другимъ прочитаннымъ нами страницамъ. Этимъ и должно ограничиться наше сужденіе о его книгѣ. Мы знаемъ, что такое сужденіе недостаточно: оно не касается главнаго пункта — каково ученое достоинство изслѣдованія г. Наумова; но зачѣмъ и касаться намъ этого пункта, если содержаніе книги нимало насъ не касается? Пусть судятъ о немъ бельгійцы и голландцы; а намъ какое дѣло до исторіи трактатовъ о томъ, имѣютъ ли право голландцы блокировать устья бельгійской рѣки Шельды? Если изслѣдованіе объ этомъ написано г. Наумовымъ хорошо, русская ученая литература ничего не выигрываетъ отъ его книги. Во всей области народнаго права трудно было бы найти предметъ, изслѣдованіе котораго представляло бы такъ мало интереса для русскаго ученаго, какъ вопросъ о томъ, свободны ли, или заперты были, суть и будутъ устья Шельды. Не знаемъ, отъ автора ли зависѣлъ выборъ предмета; но выборъ этотъ очень страненъ.

Замѣтки о журналахъ.

АПРѢЛЬ 1856.

Обзоръ историческаго развитія сельской общины въ Россіи. Чичерина.

Отъ «Русскаго Вѣстника» публика ожидала хорошихъ ученыхъ статей и не ошиблась въ этомъ предположеніи: въ двухъ первыхъ томахъ, онъ далъ читателямъ много хорошихъ ученыхъ трудовъ, изъ которыхъ иные справедливо заслужили общее вниманіе. Не будемъ перечислять всѣхъ статей по различнымъ отраслямъ науки, назовемъ только важнѣйшія, или по интересу содержанія, или по именамъ авторовъ, или по тому и другому вмѣстѣ. Главнѣйшимъ образомъ, «Русскій Вѣстникъ», подобно всѣмъ нашимъ журналамъ, интересуется разработкою исторіи русской литературы и русской исторіи: такъ и должно быть, потому что публика нынѣ по преимуществу интересуется этими предметами.

Характеръ общаго воззрѣнія, которымъ «Русскій Вѣстникъ» намѣренъ руководиться при разсмотрѣніи вопросовъ, касающихся исторіи нашей литературы, опредѣлился, кажется, съ болѣе или менѣе достаточною для его читателей ясностью направленіемъ статьи г. Каткова, «Пушкинъ». Авторъ занятъ изслѣдованіемъ художественной стороны въ произведеніяхъ нашего великаго поэта, опредѣленіемъ и уясненіемъ законовъ творчества, которые съ особенною точностью могутъ быть подмѣчены въ его талантѣ. При этой высокой точкѣ зрѣнія, конечно, историческая связь художника съ его вѣкомъ, біографическія мелочи и общественное значеніе его созданій имѣютъ только второстепенное значеніе, и все клонится къ разрѣшенію чисто эстетическихъ задачъ. Большая часть рецензій, помѣщенныхъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», подтверждаютъ своимъ характеромъ увѣренность, возбуждаемую этой капитальной статьей журнала: онъ хочетъ быть органомъ художественной критики. Конечно, литература наша можетъ отъ этого только выиграть, и каждое опредѣленное, твердое, вѣрное себѣ направленіе имѣетъ цѣну уже потому, что въ основаніи его лежитъ убѣжденіе. Статья г. Анненкова «О значеніи художественныхъ произведеній для общества» очень вѣрно соотвѣтствуетъ направленію, выражаемому эстетическимъ изслѣдованіемъ г. Каткова. По исторіи

литературы, «Русскій Вѣстникъ» представилъ прекрасную статью г. Савельева, извѣстнаго нашего оріенталиста: «Н. И. Надеждинъ». Г. Савельевъ въ послѣднее время былъ въ близкихъ отношеніяхъ къ покойному редактору «Телескопа», и воспользовался оставшимся послѣ него отрывкомъ автобіографіи, чтобы высказать нѣсколько вѣрныхъ и теплыхъ замѣчаній о литературной дѣятельности и личныхъ качествахъ этого замѣчательнаго писателя. Превосходно написанъ и чрезвычайно интересенъ отрывокъ изъ воспоминаній нашего знаменитаго романиста И. И. Лажечникова: «Знакомство мое съ Пушкинымъ.»

По русской исторіи замѣтимъ статьи г. Соловьева «Древняя Русь» и «Августъ-Людвигъ Шлецеръ», г. Д. Милютина «Суворовъ», г. П. К. Щ—аго «Правленіе царевны Софіи», и г. Чичерина «Обзоръ историческаго развитія сельской общины въ Россіи». О каждой изъ нихъ мы должны сказать по нѣсколько словъ, а изслѣдованіе г. Чичерина, касающееся вопроса очень важнаго и въ высшей степени интереснаго и представляющее выводы, совершенно различные отъ общепринятаго доселѣ взгляда, заслуживаетъ подробнаго разсмотрѣнія, и мы готовы были бы посвятить ему не нѣсколько словъ, а нѣсколько десятковъ страницъ.

«Древняя Русь» г. Соловьева — общій взглядъ на историческія отношенія Россіи къ западной Европѣ; главная мысль автора, что нашъ народъ всегда стремился быть однимъ изъ европейскихъ народовъ, хорошо извѣстна была публикѣ, какъ одно изъ основныхъ понятій г. Соловьева. «Августъ-Людвигъ Шлецеръ»—не изслѣдованіе о значеніи трудовъ этого ученаго по русской исторіи, а біографическое введеніе къ этому изслѣдованію, безъ сомнѣнія, приготовляемому авторомъ. Г. Соловьевъ разсказываетъ жизнь Шлецера до отъѣзда изъ Россіи, въ 1767 году. Статья эта принадлежитъ къ числу лучшихъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ.» Д. А. Милютинъ далъ журналу не менѣе, если еще не болѣе занимательную главу изъ первой части своей «Исторіи итальянскихъ войнъ.» Личность Суворова очень вѣрно понята и ясно очерчена въ этомъ обзорѣ его жизни до назначенія главнокомандующимъ русской арміи, посланной въ Италію. «Правленіе царевны Софіи», г. Щ—аго, возбудило общее вниманіе догадками о томъ, кто этотъ г. Щ—ій, загадочная подпись котораго въ первый разъ является въ нашей литературѣ, подъ статьею, отличающеюся если не глубокимъ изученіемъ источниковъ, то хорошимъ разсказомъ, если не новымъ взглядомъ на людей и событія, то, во всякомъ случаѣ, удачнымъ выборомъ эпохи, очень важной и мало разработанной нашими историками. Когда любопытство, возбужденное именемъ автора, остыло, многіе отъ одной крайности перешли къ другой и стали отнимать у разсказа всѣ достоинства. Это несправедливо: статья г. Щ—аго, конечно, не есть капитальное произведеніе великаго историческаго таланта или глубокой учености, но она написана живо и хорошо.

Важнѣйшая въ научномъ отношеніи статья, изъ всѣхъ доселѣ помѣщенныхъ «Русскимъ Вѣстникомъ»—«Обзоръ историческаго развитія сельской общины въ Россіи», принадлежитъ молодому ученому, также, если не ошибаемся, въ первый разъ выступающему на литературное поприще. Намъ кажется, что трудъ г. Чичерина имѣетъ существенные недостатки, но, тѣмъ не менѣе, надобно ожидать отъ дѣятельности автора прекрасныхъ результатовъ для науки,

лишь бы только онъ продолжалъ трудиться, какъ началъ, продолжалъ сочувствовать не мелочнымъ, хотя блестящимъ, подробностямъ внѣшней исторіи, а великимъ вопросамъ нашего историческаго быта: для первыхъ всегда найдется довольно компиляторовъ и разсказчиковъ, вторые нуждаются въ даровитыхъ изслѣдователяхъ. Первая статья г. Чичерина встрѣчена живымъ сочувствіемъ каждаго просвѣщеннаго читателя, одобреніемъ всѣхъ замѣчательныхъ спеціалистовъ. Желать надобно, чтобы это побудило его идти по дорогѣ, на которую вступилъ онъ рѣшительно и удачно, а другихъ молодыхъ ученыхъ—слѣдовать его примѣру. Достоинства изслѣдованія г. Чичерина такъ несомнѣнны, что мы не боимся высказать откровенное мнѣніе о тѣхъ сторонахъ его труда, которыя вызываютъ критику.

Г. Чичеринъ былъ возбужденъ къ своему изслѣдованію, какъ видно, мнѣніемъ о патріархальномъ происхожденіи нашей сельской общины, высказаннымъ въ извѣстной книгѣ барона Гакстгаузена. У него родилось желаніе провѣрить изученіемъ фактовъ это понятіе, показавшееся ему несправедливымъ. Онъ сталъ искать въ исторіи подтвержденія или опроверженія доказательствъ, приводимыхъ Гакстгаузеномъ,—нашелъ, что ихъ можно опровергнуть, опровергъ и удовлетворился этимъ, полагая, что опровергнуть слова Гакстгаузена значитъ доказать несостоятельность мнѣнія, раздѣляемаго знаменитымъ путешественникомъ. Онъ остановился на Гакстгаузенѣ—это была, намъ кажется, первая ошибка съ его стороны. Авторъ «Путешествія по Россіи» авторитетъ въ сельскомъ хозяйствѣ, политической экономіи, если угодно, въ этнографіи и многомъ другомъ, касающемся современнаго быта, но не въ исторіи. Онъ излагаетъ вопросъ, обратившій на себя вниманіе г. Чичерина, только мимоходомъ, не развивая въ надлежащей полнотѣ и точности доказательствъ, на которыхъ основывается мнѣніе, кажущееся ему справедливымъ. Эта неполнота и неточность опровергаемаго писателя послужили причиною неполноты и неточности и въ опроверженіи. Если бы г. Чичеринъ, начавъ съ Гакстгаузена, не остановился на немъ, а перешелъ къ нашимъ историкамъ, онъ нашелъ бы истинныхъ своихъ противниковъ, отъ побѣды надъ которыми и зависитъ успѣхъ его дѣла, потому что у нихъ мнѣніе о патріархальномъ происхожденіи русской общины подкрѣпляется гораздо сильнѣйшими доказательствами, нежели у нѣмецкаго экономиста. Онъ нашелъ бы тогда необходимость сообщить болѣе строгости и самымъ пріемамъ, употребляемымъ у него при рѣшеніи вопроса. Теперь же многіе существенно важные для рѣшенія вопроса факты, выставленные нашими историками въ такомъ видѣ, которымъ подтверждается патріархальное происхожденіе нашей общины, онъ оставляетъ безъ вниманія, о нѣкоторыхъ другихъ высказываетъ понятія едва ли согласныя съ нынѣшнимъ состояніемъ русской исторіи, и вообще полагаетъ доказаннымъ многое вовсе недоказанное, и, наоборотъ, лишеннымъ доказательствъ многое кажущееся нынѣ положительно доказаннымъ. Оттого и результаты его изслѣдованія, въ которыхъ несомнѣнно есть доля правды, являются не вполнѣ доказанными, а часто и рѣшительно преувеличенными. Не считаемъ научнымъ доводомъ той мысли, которою, будто твердѣйшимъ аргументомъ, заключается его статья: «сравнивать наши общины съ патріархальными общинами другихъ народовъ значитъ отрицать въ насъ историческое развитіе» —это вовсе не аргументъ:

во-первыхъ, наука должна стремиться не къ тому, чтобы доказать ту или другую пріятную или непріятную для насъ мысль, вносимую въ науку извнѣ, а просто къ открытію истины, какова бы она ни была; во-вторыхъ, неподвижность сельскихъ общинъ вовсе не есть доказательство неподвижности всего нашего историческаго существованія: извѣстно, что общій ходъ историческаго движенія состоитъ въ расширеніи его круга; начинается оно съ передовыхъ классовъ общества и достигаетъ низшихъ слоевъ народа, что совершается очень медленно. И въ Англіи и во Франціи народъ еще недавно и очень мало вовлеченъ въ историческое движеніе; тѣмъ естественнѣе полагать, что у насъ оно еще и не касалось сельскаго быта, и факты доказываютъ, что историческими дѣятелями у насъ доселѣ были только высшія сословія и, отчасти, города: о народѣ исторія упоминаетъ рѣдко, развѣ въ исключительныхъ случаяхъ, какъ въ 1612 году, да и то для того только, чтобы тотчасъ же опять забыть о немъ. Удивительно ли послѣ того, что историческое движеніе очень мало касалось внутренняго быта сельскихъ общинъ? Такъ и думаютъ обыкновенно, полагая, что онѣ составляютъ остатокъ патріархальнаго быта. Г. Чичеринъ приходитъ къ совершенно другимъ выводамъ, которые выражены имъ въ слѣдующихъ положеніяхъ:

«Изъ историческаго обзора сельскихъ учрежденій мы можемъ вывести слѣдующее:

1. Что наша сельская община вовсе не патріархальная, не родовая, а государственная. Она не образовалась сама собою изъ естественнаго союза людей, а устроена правительствомъ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ государственныхъ началъ.

2. Что она вовсе не похожа на общины другихъ славянскихъ племенъ, сохранившихъ свой характеръ посреди историческаго движенія. Она имѣетъ свои особенности, но онѣ вытекаютъ собственно изъ русской исторіи, не имѣющей никакого сходства съ исторіею западныхъ славянскихъ племенъ.

3. Что наша сельская община имѣла свою исторію и развивалась по тѣмъ же началамъ, по какимъ развивался и весь общественный и государственный бытъ Россіи. Изъ родовой общины она сдѣлалась владѣльческою, а изъ владѣльческой государственною. Средневѣковыя общинныя учрежденія не имѣли ничего сходнаго съ нынѣшними: тогда не было ни общаго владѣнія землею, ни ограниченія права наслѣдства отдѣльныхъ членовъ, ни передѣла земель, ни ограниченія права перехода на другія мѣста, ни соединенія земледѣльцевъ въ большія села, ни внутренняго суда и расправы, ни общинной полиціи, ни общинныхъ хозяйственныхъ учрежденій. Все ограничивалось сборомъ податей и отправленіемъ повинностей въ пользу землевладѣльца, и значеніе сельской общины было чисто владѣльческое и финансовое.

4. Настоящее устройство сельскихъ общинъ вытекло изъ сословныхъ обязанностей, наложенныхъ на земледѣльцевъ съ конца XVI вѣка, и преимущественно изъ укрѣпленія ихъ къ мѣстамъ жительства и изъ разложенія податей на души».

Если бы эти положенія были подтверждены рѣшительными доказательствами, всѣ наши понятія о внутренней исторіи русскаго быта совершенно измѣнились бы, чему, сказать кстати, нельзя было бы не радоваться, потому что новыя, вводимыя мнѣніемъ о недавнемъ происхожденіи нынѣшней сельской общины, представляли бы гораздо болѣе пріятнаго личнымъ желаніямъ почти каждаго изъ насъ. Но дѣло въ томъ, что г. Чичеринъ, исключительно занимаясь Гакстгаузеномъ, недостаточно, какъ намъ кажется, опровергъ мнѣніе о патріархальномъ происхожденіи нашей сельской общины, только раздѣляемое нѣмецкимъ путешественникомъ, но вовсе не имъ основанное и опирающееся на

многочисленныхъ фактахъ, не приводимыхъ, конечно, у Гакстгаузена и не разсмотрѣнныхъ въ статьѣ нашего изслѣдователя. Кромѣ того, какъ намъ кажется, г. Чичеринъ допустилъ въ основныхъ своихъ понятіяхъ нѣкоторую неясность, чему причиною опять изложеніе Гакстгаузена, который, какъ мы сказали, не имѣлъ намѣренія углубляться въ историческій вопросъ, чуждый его спеціальности. Г. Чичеринъ скромно говоритъ, что «не имѣлъ претензіи написать полную исторію сельской общины, а хотѣлъ только выставить на видъ нѣкоторыя историческія данныя, могущія служить къ уясненію этого важнаго вопроса». Мы, ограниченные тѣснымъ пространствомъ трехъ-четырехъ страницъ въ бѣгломъ журнальномъ обозрѣніи, еще менѣе можемъ предъявлять претензію на полный разборъ его прекрасной статьи, обильной и новыми фактами и новыми взглядами: мы хотимъ также только высказать нѣкоторыя замѣчанія относительно ея существенныхъ положеній. «Наша община не родовая, она не образовалась сама собою изъ естественнаго союза людей», потому что въ нее вторглись чуждые элементы, именно она подпала подъ власть чуждаго ей князя и его дружины. Но авторъ не изслѣдовалъ, въ какомъ отношеніи эти владѣльцы стали къ внутреннему быту общины. Касались ли они ея внутренняго устройства, или довольствовались тѣмъ, что собирали подать, брали ратниковъ на время похода и присвоили себѣ право судить, по старымъ обычаямъ? Все доказываетъ, что они ограничивались этою заботою о собственныхъ правахъ и выгодахъ, этими чисто внѣшними отношеніями, и, если община исполняла свои обязанности къ владѣльцу, она вѣдала свои домашнія дѣла какъ хотѣла. «Земля стала собственностью князя и другихъ владѣльцевъ, а не общины.» Что жъ тутъ важнаго для общиннаго начала? и нынѣ земля составляетъ собственность государства или помѣщика, а не общины; за крестьянами, ее населяющими, признается только право пользованія ею, а не собственности,—но дѣлить ее между собою по старому общинному началу никто имъ не мѣшаетъ,—ни государственная администрація, ни помѣщикъ. Такъ и всегда было. Въ какія бы руки ни переходила высшая власть надъ землею, которую населяютъ и непосредственно обработываютъ поселяне, они все-таки обработывали и дѣлили ее между собою по старому обычаю. Владѣлецъ въ это не вмѣшивался, потому что это не касалось его интересовъ. Правда, прямая выгода побуждала его, какъ побуждаетъ и нынѣ, часть земли, находящейся въ его владѣніи, брать въ собственное пользованіе и обработывать ее посредствомъ натуральной повинности, возлагаемой имъ на поселянъ, или отдавать въ наемъ. Г. Чичеринъ, находя въ древнихъ памятникахъ факты, указывающіе на обычай отдавать землю въ наемъ, видитъ въ нихъ доказательство, что въ XIV—XVI или въ XII—XV вѣкахъ (наугадъ опредѣляемъ эпоху, къ которой надобно относить по его теоріи паденіе общины, потому что онъ самъ не опредѣляетъ его точнымъ образомъ) община совершенно исчезла. Это несправедливо. Никто не думаетъ, чтобы когда нибудь все пространство русской земли дѣлилось между членами общины: напротивъ, за выдѣленіемъ каждому участка для обработки, всегда оставалось множество земли: она принадлежала племени, или общинѣ; потомъ, когда явились владѣльцы, принадлежала владѣльцу, какъ ему принадлежала и земля, предоставленная въ обработку общинѣ, живущей подъ его властью; и если эта часть земли, не

принадлежащая къ участку, обработываемому общиною, отдавалась въ наемъ, это нисколько не мѣшало внутреннему порядку общины, которая оставленныя ей земли все-таки дѣлила между своими членами. Право найма существовало и въ патріархальной общинѣ,—этого никто не думалъ отрицать. Продажа и покупка разныхъ участковъ земли отдѣльными лицами также не мѣшаетъ признавать, что общинное владѣніе продолжалось. Никто не думалъ отрицать, что подлѣ общинныхъ земель издавна возникли частныя владѣнія. Напротивъ, историки наши говорятъ объ этомъ положительно и находятъ, что количество земли, состоящей въ частной собственности, постепенно увеличивалось; но все-таки бо́льшая половина обработываемой земли оставалась въ общинномъ владѣніи (если община была независима отъ частнаго владѣльца) или, по крайней мѣрѣ, въ обработкѣ у общины съ прежнимъ обычаемъ дѣлежа (если община находилась подъ властью частнаго лица). Третью причину утверждать, что родовая община въ XIII—XVI вѣкахъ исчезла у насъ, авторъ находитъ въ переселеніяхъ крестьянъ, которые тогда не были крѣпки землѣ: родственники могли расходиться, чуждые другъ другу люди сходиться. Это опять ничего не доказываетъ. Никто не думалъ утверждать, чтобы общинность владѣнія земли въ какомъ нибудь селѣ Ивановѣ или Петровѣ въ XVI или XV вѣкѣ зависѣла отъ того, что все поселяне, живущіе въ немъ, считаютъ себя потомками одного и того же лица, Ивана, жившаго въ XII вѣкѣ, или Петра, жившаго въ IX вѣкѣ. Они могли быть совершенно посторонніе другъ другу люди и знать, что не находятся въ родствѣ — и все-таки они по старому обычаю дѣлили землю. Ученые, думающіе, что община наша имѣетъ патріархальное происхожденіе, не то полагаютъ, чтобы до XVII вѣка не существовало на Руси никакихъ отношеній, кромѣ родовыхъ: напротивъ, они показываютъ, какъ мало-по-малу развивались отношенія, чуждыя родовому быту, и говорятъ только, что по старому обычаю, при отсутствіи причинъ поступать иначе, на эти новыя отношенія переносились формы и учрежденія родоваго быта. Такъ было и съ общиннымъ началомъ. Принимая въ общину посторонняго человѣка, ему давали въ XV вѣкѣ участокъ земли, какъ то дѣлается и нынѣ. Притомъ, авторъ, повидимому, представляетъ себѣ, что до укрѣпленія поселянъ за землею переселенія отдѣльныхъ лицъ съ одного жительства на другое происходили въ такомъ обширномъ размѣрѣ, какого они навѣрное не имѣли. Нельзя предполагать, чтобы до конца XVI вѣка поселяне наши «предавались», какъ онъ выражается, «кочевой жизни», и чтобы на Юрьевъ день дороги покрывались безчисленными обозами переселенцевъ. Безъ особенныхъ, чрезвычайно сильныхъ причинъ, безъ крайней необходимости земледѣлецъ не рѣшится на переселеніе: оно очень трудно для него. И чѣмъ внимательнѣе вникнемъ въ данныя, сохраненныя для насъ актами, лѣтописями, пѣснями, записками иностранцевъ, тѣмъ тверже убѣдимся, что распоряженія объ укрѣпленіи поселянъ за землею были вызваны не столько желаніемъ прекратить бродяжничество, сколько другими соображеніями, о которыхъ упоминаетъ и г. Чичеринъ. Самое приведеніе въ исполненіе этой мѣры доказываетъ, что число дѣйствительно пользовавшихся прежнимъ обычаемъ было не слишкомъ значительно, и что масса населенія въ началѣ приняла новую мѣру довольно равнодушно, болѣе какъ формальность, нежели какъ существенное измѣненіе въ матеріальномъ положеніи.

Слѣдствія обнаружились уже черезъ нѣсколько лѣтъ, какъ то указано, между прочимъ, и г. Соловьевымъ въ «Обзорѣ событій конца XVI и начала XVII столѣтій.» А когда поселяне рѣшались переселяться, это чаще всего дѣлалось не отдѣльными людьми, а цѣлыми волостями или селами. Причины были общія для всѣхъ жителей села или волости — недостатокъ земли, или обременительность условій, или слухъ о лучшихъ условіяхъ. Да и нынѣ подобные факты совершаются большею частью сообща всѣми поселянами, а не отдѣльными искателями приключеній. Словомъ, ближайшее соображеніе фактовъ убѣждаетъ, что число новыхъ пришельцевъ въ общинѣ никогда не могло быть такъ значительно, чтобы разстроивать ее: община сидѣла на мѣстѣ, а когда двигалась — что случалось рѣдко, и не съ многими общинами — то двигалась вся вмѣстѣ, и черезъ переселеніе измѣнялись только ея мѣстожительство и внѣшнее отношеніе къ владѣльческой власти, а не внутреннія отношенія между поселянами, ее составлявшими. Такимъ образомъ, доказательства, на которыхъ основывается заключеніе г. Чичерина о совершенномъ упадкѣ общинныхъ отношеній между членами самой общины въ XIII—XV вѣкахъ, не представляются убѣдительными. Община не разрушалась: она только потеряла значеніе въ общей государственной жизни, не имѣла вліянія на историческія событія,—это безспорно; но эти событія не коснулись ея внутренняго устройства, потому что никому не было охоты обращать на него вниманіе. Г. Чичеринъ, кажется, смѣшалъ эти существенно различные факты, внѣшнее безсиліе и бездѣйствіе принялъ за смерть. Но если бы община умерла въ XVI вѣкѣ, какимъ образомъ и когда могла бы она воскреснуть, и, притомъ, воскреснуть въ совершенно прежнемъ видѣ? Г. Чичеринъ считаетъ ея возстановленіе слѣдствіемъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ съ финансовою цѣлью: подати вѣрнѣе уплачиваются цѣлою волостью, нежели отдѣльными лицами. Но, во-первыхъ, эти причины существовали и прежде; во-вторыхъ, гдѣ доказательства того, что общинное владѣніе землею возстановлено административными мѣрами? Такихъ указовъ нѣтъ; напротивъ, общинное владѣніе постоянно упоминается въ узаконеніяхъ, какъ старинный обычай. Да и когда обычное право (les coutumes), если оно умерло въ жизни, возстановлялось письменнымъ законоположеніемъ? Этому нѣтъ ни одного примѣра не только въ русской, но и ни въ какой другой исторіи. Характеръ письменнаго всегда нововведеніе, и что касается вопросовъ владѣнія — всегда до сихъ поръ во всѣхъ странахъ—все болѣе и болѣе строгое развитіе правъ личной собственности. И наконецъ, какимъ образомъ созданная мѣрами правительства съ финансовою цѣлью въ XVII—XVIII вѣкахъ русская община могла бы походить своимъ внутреннимъ устройствомъ на патріархальную общину другихъ славянскихъ племенъ? Г. Чичеринъ просто отрицаетъ это сходство, не представляя доказательствъ своему отрицанію. Онъ имѣлъ бы основаніе отрицать только тогда, если бы сравнилъ внутреннее устройство русской, сербской и пр. общинъ; а этого-то именно онъ и не сдѣлалъ. Словомъ, если онъ хочетъ, чтобы наука приняла его мнѣніе объ исчезновеніи у насъ сельской общины въ XIII—XV вѣкахъ и возрожденіи ея административными мѣрами въ XVII—XVIII столѣтіяхъ, онъ долженъ представить новыя доказательства, которыя опровергали бы понятія нашихъ историковъ и факты, ими выстав-

ленные на первый планъ въ исторіи нашего внутренняго быта. Если сдѣлаетъ это, наши спеціалисты, конечно, первые порадуются тому, что ихъ ошибка будетъ открыта, потому что истина для ученаго, преданнаго своей наукѣ, дороже всего. Но мы должны сказать, что опровергнуть понятіе о нашей общинѣ, какъ остаткѣ глубокой древности, а не созданіи XVII — XVIII столѣтій—дѣло очень трудное и едва ли возможное.

Мы прямо высказали наше мнѣніе о положеніяхъ, которыя старается доказать г. Чичеринъ, потому что никакія противорѣчія не отнимутъ у его статьи важнаго достоинства: она — первое подробное изслѣдованіе о вопросѣ, чрезвычайно важномъ, и если рѣшеніе, предлагаемое авторомъ, не будетъ принято наукою, то безъ сомнѣнія, спеціалисты отдадутъ справедливость тому, что трудъ его представляетъ много матеріаловъ для исторіи русской общины, особенно внѣшнихъ ея отношеній къ владѣльцамъ; существенное же значеніе для русской исторіи несомнѣнно пріобрѣтетъ она тѣмъ, что послужитъ исходною точкою для новыхъ изысканій,—и, судя по качествамъ, какія обнаружилъ авторъ въ своемъ первомъ трудѣ, надобно желать, чтобы онъ принялъ участіе въ этихъ дальнѣйшихъ изысканіяхъ.

По всеобщей исторіи читателями «Русскаго Вѣстника» была замѣчена статья г. Кудрявцева «Карлъ V». О лекціи покойнаго Грановскаго «Океанія и ея жители» мы уже имѣли случай говорить.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Искусство продлить человѣческую жизнь (Макробіотика). *Сочиненіе* Х. В. Гуфеланда. *Перевелъ и дополнилъ* П. Заблоцкій. *Изданіе третье. Спб. 1856.*

Классическое твореніе Гуфеланда имѣетъ у насъ успѣхъ, котораго достойно. Въ четыре года три изданія! Едва ли это не единственный примѣръ въ новѣйшей нашей литературѣ. Дай Богъ только, чтобы примѣръ г. П. Заблоцкаго внушилъ и другимъ нашимъ ученымъ желаніе испытать, можетъ ли у насъ вознаграждаться трудъ, употребленный на переводъ классическихъ произведеній европейской науки и по другимъ отраслямъ, кромѣ медицины и естественныхъ наукъ. Медицинская наша литература, сравнительно съ литературою всеобщей исторіи, нравственныхъ и государственныхъ наукъ, довольно богата. Если публика, имѣя книгу доктора Чаруковскаго и многія другія хорошія популярныя сочиненія о медицинѣ и гигіенѣ, требуетъ третьяго и, конечно, потребуетъ четвертаго изданія книги Гуфеланда, то ужели она оставила бы въ подвалахъ книжныхъ магазиновъ творенія великихъ европейскихъ историковъ, юристовъ, политико-экономовъ, и проч., и проч, эти знаменитыя сочиненія, которыхъ содержаніе имѣетъ еще гораздо болѣе интереса, нежели могутъ имѣть медицинскія книги? Ужели наша публика оставила бы безъ вниманія, напримѣръ, классическія сочиненія по всеобщей исторіи, написанныя увлекательно и говорящія о предметахъ, о которыхъ на русскомъ языкѣ теперь рѣшительно нечего прочитать.

Г. П. Заблоцкій, дѣлая третье изданіе «Макробіотики», вновь пересмотрѣлъ переводъ и къ прежнимъ своимъ дополнительнымъ замѣчаніямъ прибавилъ еще статью о кумысѣ.

Жизнь адмирала Θ. Θ. Ушакова. Р. Скаловскаго. *Часть I. Спб. 1856.*

Адмиралъ Ушаковъ прославилъ свое имя при Императрицѣ Екатеринѣ II побѣдами надъ турецкимъ флотомъ въ Черномъ морѣ, при Императорѣ Павлѣ Петровичѣ успѣшными дѣйствіями противъ Французовъ на Средиземномъ морѣ и въ Архипелагѣ. Жизнь и подвиги этого замѣчательнаго человѣка г. Скаловскій разсказываетъ очень подробно, главнымъ образомъ на основаніи оффиціальныхъ документовъ, хранящихся въ Главномъ Морскомъ Архивѣ, и многочисленныхъ бумагъ, сохранившихся у наслѣдниковъ адмирала. Въ первомъ томѣ біографія доведена до завоеванія острова Корфу, въ 1799 году.

Ѳ. Ѳ. Ушаковъ родился въ 1745 году. Отецъ его, небогатый тамбовскій помѣщикъ, отдалъ сына въ Морской Кадетскій Шляхетный Корпусъ. По окончаніи курса, Ѳ. Ушаковъ два года прослужилъ въ балтійскомъ флотѣ, а въ 1768 году переведенъ въ черноморскій, тогда еще только возникавшій. По окончаніи первой турецкой войны, въ 1775 году, возвратился онъ на службу опять въ балтійскій флотъ; въ 1783, уже въ чинѣ капитана, былъ посланъ въ Херсонъ и назначенъ командиромъ корабля. Потемкинъ, замѣтивъ его храбрость и распорядительность, поручилъ ему, во вторую турецкую войну, начальство надъ флотомъ. Ушаковъ оправдалъ довѣріе князя побѣдами у Керченскаго пролива (18 іюля), у Хаджибея (28 и 29 августа 1790) и у мыса Каліакріи (31 іюля 1791). Это были первыя побѣды, одержанныя недавно созданнымъ черноморскимъ флотомъ. Совершенное разбитіе турецкаго флота въ послѣдней битвѣ и близкая опасность, угрожавшая Константинополю, такъ устрашили султана, что немедленно послано было приказаніе верховному визирю возобновить переговоры о мирѣ, которые за нѣсколько дней велѣно было ему прервать. Долго памятенъ былъ туркамъ паша Ушакъ. Когда Турція, оскорбленная экспедиціею генерала Бонапарте въ Египтѣ, объявила, въ союзѣ съ Россіею и Англіею, войну Французской республикѣ, Ушакову было приказано итти черезъ Дарданеллы въ Архипелагъ и Іонійское море, для изгнанія оттуда французовъ. Острова Черигo, Занте, Кефалонія и другіе были быстро очищены отъ непріятельскихъ гарнизоновъ; но сильнѣйшимъ пунктомъ, въ которомъ, подъ защитою грозной крѣпости, сосредоточивались главныя силы французовъ, былъ островъ Корфу. Портъ Корфу тогда былъ укрѣпленъ пятью фортами, и главная цитадель считалась столько же неприступной, какъ Мальта и Гибралтаръ. До 650 орудій защищали стѣны, построенныя на высокихъ скалахъ. Французскій гарнизонъ состоялъ изъ 3,000 человѣкъ, имѣлъ полугодовой запасъ провіанта и въ изобиліи снабженъ былъ боевыми снарядами. Ушаковъ почелъ удобнѣйшимъ начать нападеніе съ острова Видо, прикрывающаго мысъ, на которомъ выстроена крѣпость. 18 февраля 1798 г. сдѣлана была атака на этотъ сильный фортъ. Корабли наши подошли къ его стѣнамъ рано поутру. Къ 9 часамъ утра канонада достигла разрушительной силы, къ 11 часамъ непріятельскія батареи были большею частью сбиты. Тогда высадили на берегъ до 1,500 человѣкъ русскаго десанта. Французы защищались храбро, но были побѣждены быстрымъ натискомъ нашихъ солдатъ и матросовъ. Фортъ былъ взятъ. Болѣе 400 плѣнныхъ достались въ руки побѣдителей; немногіе успѣли спастись на лодкахъ въ крѣпость Корфу. То же самое утро назначено было и для нападенія на форты, соединенные на островѣ Корфу съ главною крѣпостью. Оно увѣнчалось также полнымъ успѣхомъ. Укрѣпленія св. Сальвадора и св. Авраама были взяты штурмомъ. Французскій генералъ, командовавшій крѣпостью, увидѣлъ невозможность дальнѣйшаго сопротивленія и немедленно объявилъ русскому адмиралу, что сдается на капитуляцію. Такимъ образомъ, крѣпость, считавшаяся непобѣдимою, была покорена русскимъ оружіемъ. 2,931 человѣкъ военно-плѣнныхъ, въ томъ числѣ 4 генерала, 510 пушекъ, 105 мортиръ, 21 гаубица, 5,495 ружей, нѣсколько военныхъ судовъ, сотни тысячъ ядеръ и патроновъ были нашими трофеями. Побѣдитель былъ награжденъ за славный подвигъ чиномъ адмирала, и самъ Нельсонъ поздравлялъ его съ побѣдою.

Блокада крѣпости Костромы, или Русскіе въ 1608 году. *Историческія сцены въ трехъ отдѣленіяхъ и трехъ картинахъ. Сочиненіе* А. П. С—на. *Спб. 1856.*

Счастливъ тотъ, кого природа создала плохимъ ученымъ, несчастливъ, кого создала она плохимъ романистомъ или драматургомъ! Напримѣръ, чье остроуміе не будетъ изощряться надъ новымъ произведеніемъ г. А. П. С—на? И сколько уже разъ жестоко смѣялись надъ нимъ! А чѣмъ лучше его «Историческихъ сценъ» многія книги и книжки съ учеными заглавіями? Ровно ничѣмъ. То же пустословіе, та же гладкость языка, та же витіеватость слога, та же реторика въ мысляхъ, которыя навязаны одна за другую безъ всякой надобности. А, между тѣмъ, кто рѣшается безъ подобающаго уваженія къ «познаніямъ» и т. д. ученыхъ авторовъ говорить объ этихъ книжкахъ? Да откуда вы узнали, что у авторовъ ученыхъ книжекъ бываетъ всегда больше знаній, нежели у г. А. П. С — на? Одному извѣстно, что Дантъ написалъ суровую эпопею, которую можно назвать апоѳеозою среднихъ вѣковъ; другому извѣстно что въ 1608 году поляки осаждали Кострому; одинъ съ восторгомъ открываетъ вамъ, будто важную новость, что статуи Фидіаса были идеально прекрасны; другому извѣстно, что Григорій Отрепьевъ назвалъ себя Лжедимитріемъ и Самозванцемъ, женился на Маринѣ; одному знакомы имена Кантемира и Ломоносова, другому—Пожарскаго и Минина. Спрашиваемъ, на чьей сторонѣ перевѣсъ по обширности знаній? Вы говорите: однако же, замѣтно, что одному равно доступны всѣ вѣка и народы, а другой ограничивается тѣснымъ кругомъ отечественныхъ воспоминаній. Нимало. Г. А. П. С — нъ не упоминаетъ въ «Блокадѣ Костромы» о Данте и Фидіасѣ только потому, что понимаетъ, какъ опытный авторъ, неумѣстность подобныхъ разсужденій въ его «Историческихъ сценахъ». а если бы захотѣлъ, могъ бы говорить о нихъ не хуже. нежели кто другой: развѣ онъ не доказалъ этого своею книгою «Жизнь Вильяма Шекспира, англійскаго поэта и актера, съ мыслями и сужденіями объ этомъ человѣкѣ русскихъ писателей: Н. А. Полеваго, П. А. Плетнева и Л. А. Якубовича, и иностранныхъ: Гете, Шлегеля, Гизо и Вильмена»? Знаете ли вы эту книгу? Въ ней о Шекспирѣ говорится съ такимъ же краснорѣчіемъ, какое встрѣчаемъ мы въ иныхъ книжкахъ при разсужденіи о Кантемирѣ: «Поэтъ въ душѣ, человѣкъ, въ которомъ отъ начала рожденія закованъ былъ Везувій; вѣковой представитель прекраснаго и наслажденій, проявленіе цѣлой высокой мысли, брошенной на землю на удивленіе вѣкамъ, міръ всеобъемлемости,—Шекспиръ утопалъ въ океанѣ пылкаго воображенія». Какъ вамъ нравится эта возвышенность слога, чреватаго глубокими мыслями?

И, однако же, г. А. П. С—на, несмотря на его несомнѣнныя познанія, несмотря на возвышенность его слога, безъ церемоніи каждый называетъ плохимъ писателемъ, — потому, видите ли, что вѣдь онъ не считается ученымъ человѣкомъ,—и этотъ же самый судья, столь строгій въ отношеніи г. А. П. С — на, дѣлается снисходителенъ, остороженъ, почти подобострастенъ, когда приходится ему оцѣнивать какое нибудь разсужденіе о Херасковѣ или Сумароковѣ, о Кантемирѣ или Пушкинѣ, которое въ ученомъ отношеніи ничѣмъ не отличается отъ книги г. А. П. С—на «Жизнь Вильяма Шекспира». О,

верхъ несправедливости! «Но то писалъ человѣкъ ученый». Да кто бы ни писалъ книгу, не все ли равно, если книга не имѣетъ никакого достоинства? И чѣмъ доказана его ученость? Быть можетъ, она и есть у него, да мы какое основаніе имѣемъ предполагать въ авторѣ то, чего не заблагоразсудилъ онъ обнаружить въ своихъ сочиненіяхъ? Быть можетъ, и г. А. П. С—нъ обладаетъ гигантскою ученостью, только не находитъ нужнымъ обнаруживать ее, полагая, что краснорѣчіе замѣняетъ собою все — и трудъ, и занятіе, и мысль?

Нѣтъ, мы не способны—по крайней мѣрѣ въ настоящее время—смѣяться надъ г. А. П. С—нымъ и его «Блокадою крѣпости Костромы», мы уклоняемся отъ всякихъ сужденій о немъ; пусть читатель судитъ самъ о неученыхъ и ученыхъ авторахъ, одаренныхъ краснорѣчіемъ А. П. С—на. Мы только выпишемъ заглавія трехъ отдѣленій и картинъ, на которыя раздѣлилъ онъ свои «историческія сцены».

Отдѣленіе 1. Картина 1. Все за вѣру и родину!

Отдѣленіе 2. Картина 2. Геройство русской боярыни.

Отдѣленіе 3. Картина 3. Огненная могила.

Содержаніе и художественныя достоинства пьесы видны изъ послѣдней сцены. Поляки пляшутъ краковякъ въ домѣ боярыни Образцовой-Хабаровой. Въ подвальномъ этажѣ дома устроенъ пороховой погребъ.

«Въ половинѣ краковяка, боярыня Образцова-Хабарова тихо входитъ слѣва, блѣдная, съ распущенными волосами; въ рукахъ у ней горящій факелъ. Ляхи не замѣчаютъ ея, краковякъ продолжается.

Образцова—Хабарова. Пируйте, пируйте, друзья! Дешевъ пиръ нашли вы по вину, да по снадобьямъ,—дорогъ онъ по душамъ христіанскимъ! Весело вамъ теперь бѣсноваться! какъ-то запляшете вы подъ мою музыку! (Врывается въ средину поляковъ. Краковякъ останавливается, всѣ въ изумленіи.) Злодѣи! слушайте! Не опозорить вамъ нашей родины! Не насмѣяться вамъ надъ честью русской боярыни! Все готово! Дѣло сдѣлано! Пора! (Бросаетъ факелъ въ окно; спустя минуту слѣдуетъ страшный взрывъ,—стоны, вопль, молчаніе).

Краснорѣчиво, какъ видите, и даже грамотно; чего же больше требовать отъ бѣдной пьески безъ всякихъ претензій, когда и въ сочиненіяхъ, предъявляющихъ огромныя притязанія на ученое значеніе, не бываетъ иногда другихъ достоинствъ?

Значеніе Пушкина въ исторіи русской литературы (введеніе въ изученіе его сочиненій). *Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго Казанскаго Университета экстраординарнымъ профессоромъ русской словесности* Николаемъ Буличемъ, *9 октября 1855 года. Казань.*

Мы никогда не могли побѣдить въ себѣ нѣкотораго предубѣжденія противъ молодыхъ ученыхъ, занявшихся въ послѣдніе годы разработкою исторіи русской литературы. Не то, чтобъ мы не цѣнили пользы, какую приносятъ ихъ труды: напротивъ, только тотъ, кому судьба дала жребій писать рецензіи, вполнѣ понимаетъ, какъ эти труды полезны, потому что они ему-то именно и должны служить пособіемъ; и не то, чтобы мы не умѣли уважать прекрас-

ныхъ дарованій и обширныхъ знаній, которыми обладаютъ эти люди: напротивъ, никто не уважаетъ ихъ такъ глубоко, какъ рецензентъ, которому обыкновенно приходится скорбѣть о томъ, что далеко не всѣ писатели обладаютъ этими качествами: послѣ десятка пустыхъ книжекъ и статей, одиннадцатая, если она хороша, кажется ему превосходною, и онъ готовъ бываетъ за эту отраду благодарить ея автора съ восторгомъ, непонятнымъ и смѣшнымъ для человѣка, который читаетъ книги по собственному выбору, стало быть, читаетъ постоянно книги, которыя не наводятъ на него скуки и тоски. Не потому чувствовали мы всегда какое-то предубѣжденіе къ спеціалистамъ, занимающимся исторіею нашей литературы, что не уважали ихъ, а потому, что знаніе дѣлаетъ этихъ людей слишкомъ требовательными: отъ каждаго, кто хочетъ писать объ исторіи литературы, требуютъ они, чтобъ онъ изучалъ свой предметъ серьезно, не отдѣлывался пустыми фразами, общими мѣстами. Къ чему такая суровость? она вовсе не гуманна; уступчивость, по нашему мнѣнію, важная добродѣтель. Пусть каждый пишетъ какъ и что ему угодно, хотя бы даже пустыя фразы: значитъ, лучшаго онъ не умѣетъ написать, и осуждать бѣдняка не за что. Есть и другая причина недовѣрія нашего къ этимъ спеціалистамъ: они увлекаются любовью къ своему предмету до того, что приходятъ въ восторгъ отъ каждаго, кто говоритъ съ ними о библіографіи, вѣрятъ ему наслово, что онъ занимается исторіею литературы, готовы хвалить самую пустую книгу, если только авторъ наговоритъ имъ, что онъ библіографъ. Это даже недостатокъ: библіографія прекрасное тѣло, но только тогда, когда ею занимаются серьезно, и ученыя замашки не должны служить защитою, если книга съ такими замашками пуста. Справедливость должна быть выше самой любви къ библіографіи.

Это все мы говоримъ къ тому, что теперь представился случай, вполнѣ оправдывающій наши отчасти мрачныя чувства къ молодымъ спеціалистамъ. Впередъ знаемъ, что новое сочиненіе г. Булича не понравится имъ, пожалуй, вызоветъ даже улыбку на ихъ суровыхъ устахъ. Не найдя въ немъ ни малѣйшихъ слѣдовъ разработки фактовъ, столь упорно ими требуемой отъ каждаго, будто бы во имя науки (да развѣ наука нуждается въ каждомъ встрѣчномъ?), они рѣшительно осудятъ эту маленькую книжку, забудутъ даже—о, какъ люди злы!—что сами хвалили первое сочиненіе г. Булича: «Сумароковъ и современная ему критика», въ которомъ видѣли библіографическія стремленія; объявятъ это несчастное новое произведеніе того же самаго ученаго, конечно, въ два года не успѣвшаго утратить своихъ знаній,—объявятъ, говоримъ, это новое сочиненіе не выдерживающимъ самой снисходительной критики, наборомъ общихъ мѣстъ, никому не нужныхъ, и громкихъ фразъ, ничего не говорящихъ,—и мало ли чего могутъ они насказать въ своемъ негодованіи за то, что новое произведеніе г. Булича покажется имъ не похоже на первое.

Но мы имъ скажемъ: милостивые государи, библіографы молодаго поколѣнія! вы беретесь рѣшительно не за свое дѣло. Послушайте насъ, которые, быть можетъ, не занимались разработкою исторіи русской литературы, но зато твердо помнимъ изученныя когда-то нами правила реторики. Судить о новой книгѣ г. Булича наше дѣло.

Рѣчь, произносимая въ торжественныхъ собраніяхъ, гдѣ находятся люди всякаго возраста и образованія, должна быть приспособлена къ разумѣнію каждаго. Вы знаете, что Карамзинъ былъ хорошій русскій писатель, а иной не знаетъ: ему надобно разсказать объ этомъ. Вы знаете, что Пушкинъ написалъ «Евгенія Онѣгина», а для иного будетъ великою новостью, если сказать ему это. Вы знаете, что русскіе—народъ храбрый, а иной и этого не зна.... виноваты, мы заговорились: конечно, каждый знаетъ, что русскіе—народъ храбрый, но и объ этомъ поговорить не мѣшаетъ; хорошо также припомнить и Данта, и Гомера, и Александра Македонскаго, и Фидіаса, и всѣхъ прочихъ, кого знаешь: иному слушателю ихъ имена тоже могутъ быть новостью. Такимъ образомъ, составивъ рѣчь, вы принесете почти каждому слушателю какую нибудь пользу, а кому не принесете пользы, тому доставите удовольствіе. Но не забудьте, что вы пишете торжественную рѣчь: торжественная рѣчь пишется высокимъ слогомъ,—иначе не бывало отъ плиніева панегирика Траяну до нашихъ дней. Такъ и поступилъ г. Буличъ. Начинаетъ онъ слѣдующимъ образомъ:

«Въ наше время, въ годину великой борьбы, когда отечество наше на кровавыхъ поляхъ битвъ, передъ цѣлымъ свѣтомъ, отстаиваетъ независимость началъ своихъ и вѣковую честь историческаго существованія, когда возвышеннымъ порывомъ звучитъ грудь каждаго русскаго человѣка, отрадно русскому сердцу обратиться къ одному изъ тѣхъ великихъ людей своей родины, которые въ области мысли, въ области прекрасной художественной дѣятельности составляютъ честь русскаго народа, гордость и славу его, и т. д.».

Потомъ онъ поговорилъ о Пушкинѣ, все тѣмъ же высокимъ слогомъ, потомъ объ искусствѣ вообще, потомъ изложилъ всю исторію русской литературы отъ Ломоносова до Пушкина, потомъ опять поговорилъ о Пушкинѣ и заключилъ все такимъ образомъ:

«Лавры поэзіи сплетались у насъ всегда съ лаврами брани. [1]) Ломоносовъ, Державинъ, Жуковскій и Пушкинъ пѣли военные громы и славу русскаго оружія. И мы вызываемъ теперь всѣми силами души изъ плодотворнаго лона нашей Россіи будущаго пѣвца, мы громко зовемъ его, участника будущей славы, поэта грядущихъ надеждъ и стремленій народныхъ, поэта грядущаго величія, за которое говоритъ намъ само сердце наше».

Отъ начала и конца переѣдемъ къ срединѣ. Авторъ излагаетъ теорію искусства, а потомъ исторію русской литературы. Теорію искусства мы пропустимъ: даже при изложеніи обыкновеннымъ нынѣшнимъ слогомъ, этотъ предметъ у многихъ писателей дастъ поводъ къ превосходнымъ тирадамъ, а когда писатель придерживается высокаго слога, то и подавно. Мы лучше прямо возьмемся за исторію русской литературы и послушаемъ, что такое говорится о Кантемирѣ. Говорится о немъ немного, но и немало, почти на трехъ страницахъ:

[1]) Брань въ высокомъ слогѣ всегда значитъ война, и потому двусмыслія тутъ нѣтъ. Фраза означаетъ, очевидно: «всѣ наши поэты писали оды на побѣды», а вовсе не то, чтобы поэты у насъ всегда подвергались разнымъ непріятностямъ, какъ-то: выговорамъ и проч. Этотъ смыслъ имѣла бы фраза только въ низкомъ слогѣ

«Въ дикихъ, но благородныхъ звукахъ Кантемира слышится великое время, вызвавшее его сатиру. Эта пестрая смѣсь словъ и понятій, занесенныхъ изъ разныхъ мѣстъ, порожденныхъ новыми потребностями общественными, этотъ неустановившійся складъ рѣчи и чуждый русскому уху размѣръ стиха, вполнѣ выражаютъ то время работы, когда изъ разобранныхъ кирпичей стараго зданія складывалось новое, которому исполинская мысль и воля зодчаго прочили такую великую и прекрасную будущность. Тотчасъ же въ слѣдъ за этою первою работою раздались звуки русской поэзіи. Естественно, что въ этихъ первыхъ слабыхъ порывахъ ея трудно искать и невозможно найти художественнаго выраженія мысли—прекрасной формы. Вполнѣ изящная форма выработывается трудною работою, до нея достигаютъ цѣлой исторіей развитія искусства, и она является только тогда, когда найдется для нея достаточное содержаніе въ жизни, окружающей художника. Только тогда содержаніе празднуетъ свой гармоническій союзъ съ формою, и созданіе является передъ очами человѣка стройное и блестящее, полное жизни и красоты. Не готовыми и съ разу изящными явились въ скульптурѣ прекрасные типы древнихъ боговъ и богинь Греціи. Содержаніе, которое дало имъ такую роскошную форму, миѳологія должна была сама выдержать цѣлый процессъ въ сознаніи древняго язычника, пока вылилась въ свойственную ей и вполнѣ совершенную форму. Эгинскіе мраморы, выражая собою колебанье идей миѳологическихъ, очень далеки еще отъ идеальныхъ созданій Фидіаса... и т. д.»

И т. д., еще около двухъ страницъ. Посмотримъ, что говоритъ авторъ о Жуковскомъ:

«Трудно мужу, искусившемуся жизнію, начать снова мечтательную жизнь юноши, увлекаться вновь давно разлетѣвшимися идеалами, плакать по прежнему горячими слезами молодости. Его положеніе будетъ и ложно и смѣшно. Какъ человѣкъ не возвращается на обратный путь жизни, такъ и народъ не въ состояніи воротить своего минувшаго, отжившихъ и вымершихъ началъ. Средніе вѣка были юношескою порою европейскаго человѣчества; они необходимы были для его воспитанія. Здѣсь, какъ въ юности человѣка, все было нестройно, все было неопредѣленно. Благородный порывъ рыцарскаго уваженія къ женщинѣ, забытой и презрѣнной древнимъ міромъ, смѣнялся грубыми увлеченіями феодальной силы; поэзія трубадуровъ и миннезингеровъ, вся проникнутая стремленіями сердца, раздавалась въ замкахъ бароновъ, передъ которыми дрожали толпы жалкихъ вассаловъ Самое чувство въ среднихъ вѣкахъ не имѣло опредѣленныхъ и точныхъ границъ: оно было порываніемъ къ чему-то незнаемому и неясно сознанному. Личности человѣка открывался широкій произволъ, и вотъ почему почва среднихъ вѣковъ была плодородна для поэзіи. Средніе вѣка имѣли свою собственную могучую поэзію въ гигантской эпопеѣ Данта, которая можетъ быть названа апоѳеозою среднихъ вѣковъ. Суровый флорентинецъ заключилъ въ широкихъ рамахъ своей поэмы все, что составляло сущность этой исторической эпохи. Въ ней и борьба свѣтской и духовной власти, составлявшая большею частію всю исторію среднихъ вѣковъ: въ ней и энергическія личности Гвельфовъ и Гибеллиновъ, уносившихъ даже въ могилу свои земныя страсти и политическія убѣжденія; въ ней и нѣжная, мечтательная, безъ всякаго вожделѣнія и раздѣла, любовь къ Беатриче; въ ней и наука среднихъ вѣковъ, въ которой... и т. д.»

И т. д., пока будетъ написано 74 страницы, если хотите, дѣйствительно, наполненныя одними общими мѣстами и реторическими фразами, но написанныя очень краснорѣчиво и возвышеннымъ слогомъ. Вы удивляетесь, откуда берется столько громкихъ словъ, при такомъ скудномъ запасѣ мыслей и фактовъ? Какъ откуда? «Источники изобрѣтенія» указываются правилами науки краснорѣчія. Что такое источники изобрѣтенія? Вотъ что: мнѣ нужно поговорить о Пушкинѣ. Я ничего особеннаго не помню, а трудиться, собрать факты и обдумать предметъ мнѣ нѣтъ времени или охоты. Я поступаю слѣдующимъ образомъ:

Пушкинъ имѣлъ предшественниковъ,—поговоримъ о нихъ, изложимъ все, что помнится намъ, объ исторіи русской литературы; поговоримъ и о литературѣ вообще, поговоримъ и о грекахъ—вѣдь у нихъ тоже была литература—поговоримъ и о среднихъ вѣкахъ—вѣдь у нихъ тоже была своя поэзія, и т. д. и т. д., поговоримъ обо всемъ, что приходитъ на умъ—и будетъ хорошо. Я нынѣ пишу рѣчь о значеніи Грибоѣдова въ русской литературѣ и непремѣнно вставлю въ нее слѣдующее прекрасное описаніе, когда буду говорить о современномъ русскомъ краснорѣчіи. Оратора я сравню съ павлиномъ.

О ПАВЛИНѢ.

Расширивъ хвостъ свой разностію цвѣтовъ, гордится, когда они безпрестанно перемѣняются и пріобрѣтаютъ тѣмъ новую пріятность. Сіе особливо бываетъ въ прекрасныхъ и радугѣ подобныхъ кружкахъ, которые онъ на концѣ каждаго пера показываетъ. Ибо гдѣ прежде сверкали рубины, уже тутъ по маломъ наклоненіи золото блистаетъ, съ одной стороны лазорью, съ другой багряностью; на солнцѣ жемчугомъ, въ тѣни изумрудами взоръ увеселяютъ.

Мысли очень хороши. Языкъ нѣсколько устарѣлъ, это правда, но его можно будетъ подновить.

Статистическое обозрѣніе промышленности Московской губерніи, *составленное* Ст. Тарасовымъ. *Москва. 1856.*

Книга г. Тарасова составлена по оффиціальнымъ даннымъ: потому цифры, ею представляемыя, должны служить основаніемъ всѣхъ статистическихъ соображеній о настоящемъ состояніи промышленности Московской губерніи. Конечно, для читателей будетъ интересно познакомиться съ этими важными данными: Москва съ своею губерніею—центръ всей русской мануфактурной дѣятельности. Общему статистическому обозрѣнію у г. Тарасова предшествуетъ историческій очеркъ развитія московскихъ мануфактуръ, и точно такое же правило соблюдается авторомъ при обозрѣніи каждой отдѣльной отрасли промышленности.

Москва сдѣлалась средоточіемъ нашей индустріи послѣ паденія Новгорода. Въ XVI—XVII столѣтіяхъ она, ведя торговлю съ Западною Европою черезъ Архангельскъ, имѣла уже обширныя сношенія съ Азіею черезъ Казань, Макарьевъ и Нижній Новгородъ. Мануфактуры наши, какъ извѣстно, основаны Петромъ Великимъ. Въ 1773 году, Московская губернія имѣла 90 фабрикъ. Но особенно развилась въ Москвѣ промышленность послѣ изданія охранительнаго тарифа 1822 года.

Въ 1853 году, къ которому относятся свѣдѣнія, собранныя г. Тарасовымъ, въ Московской губерніи считалось 1,485 фабрикъ; ткацкихъ и набивныхъ становъ 63,673; фабричныхъ рабочихъ 117,677 человѣкъ; товаровъ произведено на сумму 55,975,694 р. 28 коп. Цифры эти распредѣлялись между столицею съ ея уѣздомъ и 12 другими уѣздами губерніи такимъ образомъ:

Фабрикъ и заводовъ.		Становъ. Работниковъ.		Сумма произведеній.	
Москва и ея уѣздъ	939	29,651	58,324	36,813,818	р. к.
Уѣзды: Дмитровскій	40	1,016	5,955	2,340,915	»
Клинскій	45	442	1,531	484,607	»
Волоколамскій	21	572	741	36,366	»
Можайскій	17	139	960	284,210	»
Рузскій	13	352	2,105	543,065	»
Верейскій	12	90	1,827	842,737	»
Звенигородскій	48	1,069	3,883	1,332,095	»
Подольскій	13	393	1,539	590,818	»
Серпуховскій	66	11,939	12,059	3,243,852	»
Коломенскій	48	5,918	6,344	1,299,828	»
Бронницкій	59	2,285	4,887	1,297,370	»
Богородскій	154	9,810	17,522	6,886,009	»

Изъ этого видимъ, что въ юго-западныхъ уѣздахъ промышленность развита несравненно сильнѣе, нежели въ сѣверо-восточныхъ. Видимъ также, что Москва съ своимъ уѣздомъ производитъ, по цѣнности, почти двѣ-трети всѣхъ товаровъ: Богородскому уѣзду принадлежитъ почти одна восьмая, Серпуховскому—одна пятьнадцатая, Дмитровскому—одна двадцать-пятая часть всѣхъ производимыхъ фабричныхъ цѣнностей.

По различнымъ отраслямъ промышленности общая сумма производимыхъ цѣнностей распредѣляется такъ:

Фабрики и заведенія:	Цѣнность производства.	
Ваточныя, бумагокрасильныя, бумаготкацкія и набивныя	13,247,997	р.
Шерстяныя	10,424,940	»
Бумаго-прядильныя	7,568,953	»
Шелковыя и полушелковыя	5,865,192	»
Шерсто-бумажныя	4,237,468	»
Металлическія, какъ-то: золотопрядильныя, мѣдныя, бронзовыя, колокольныя, желѣзныя, проволочныя, игольныя, чугунно-литейныя и проч.	3,388,313	»
Кожевенныя	1,754,958	»
Табачныя	1,578,409	»
Химическія	1,149,984	»

Изъ другихъ отраслей промышленности болѣе, нежели въ 500,000 р. оцѣнивается производство стеариновыхъ заводовъ и экипажныхъ заведеній; отъ 250,000 до 500,000—фабрикъ писчей бумаги, механическихъ и оптическихъ заведеній, мыловаренныхъ, салотопенныхъ, пивоваренныхъ и водочныхъ заводовъ, воскобойныхъ и парфюмёрскихъ заведеній, фарфоровыхъ и кирпичныхъ заводовъ.

Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, *составленныя изъ воспоминаній его друзей и знакомыхъ и изъ его собственныхъ писемъ. Съ портретомъ Н. В. Гоголя. Спб. 1856.*

Два года тому назадъ, въ нашемъ журналѣ былъ напечатанъ «Опытъ біографіи Н. В. Гоголя», заключавшій въ себѣ множество драгоцѣнныхъ матеріаловъ для изученія жизни и характера нашего великаго писателя. Съ того времени, авторъ, посвятившій себя этому прекрасному дѣлу, неутомимо и, какъ видимъ, счастливо работалъ, собирая новые матеріалы. Онъ ѣздилъ въ Малороссію, былъ въ родовой деревнѣ Гоголя, видѣлся съ почтенною матерью автора «Мертвыхъ Душъ», Марьею Ивановною Гоголь, услышалъ отъ нея много воспоминаній о сынѣ, получилъ позволеніе пользоваться письмами Гоголя къ ней и сестрамъ. Племянникъ Гоголя и издатель его сочиненій, Н. П. Трушковскій, также познакомилъ его съ своею огромною коллекціею писемъ Гоголя. С. Т. Аксаковъ, который лучше всѣхъ другихъ друзей Гоголя зналъ его, не только сообщилъ автору «Опыта біографіи» письма Гоголя, но и составилъ для него извлеченіе изъ «Исторіи своего знакомства съ Гоголемъ», которая пока еще должна оставаться въ рукописи. А. С. Данилевскій, князь В. Ѳ. Одоевскій, М. П. Погодинъ, г-жа А. С. См—ва, М. С. Щепкинъ и многіе другіе изъ близкихъ знакомыхъ Гоголя предоставили въ его распоряженіе корреспонденцію свою съ Гоголемъ и воспоминанія о немъ. Ѳ. В. Чижовъ написалъ записку о своихъ встрѣчахъ съ Гоголемъ. Благодаря этимъ богатымъ матеріаламъ, біографія въ новой редакціи пріобрѣла объемъ втрое большій того, какой имѣла прежде, и теперь явилась въ двухъ довольно толстыхъ томахъ. Дополненія къ прежней редакціи далеко превосходятъ ее своею массою. Конечно, не всѣ изъ нихъ имѣютъ одинаковую цѣну; но нѣтъ ни одного, которое не было бы интересно въ томъ или другомъ отношеніи, а многія рѣшительно неоцѣнимы по своей важности, особенно матеріалы, полученные отъ г-жи М. И. Гоголь, отъ С. Т. Аксакова, А. С. Данилевскаго, А. С. См—вой и М. С. Щепкина. Почти всѣ хронологическіе пробѣлы, оставленные въ біографіи Гоголя письмами Гоголя къ М. А. Максимовичу и П. А. Плетневу, служившими главнымъ пособіемъ при составленіи «Опыта біографіи», восполнены теперь обильными извлеченіями изъ новыхъ матеріаловъ, и авторъ имѣлъ полное право считать новую редакцію своего труда совершенно новымъ трудомъ. Онъ выразилъ этотъ взглядъ тѣмъ, что въ настоящемъ изданіи далъ своему сочиненію новое заглавіе. Въ первомъ томѣ «Записокъ о жизни Н. В. Гоголя» новыхъ матеріаловъ не менѣе, нежели сколько перешло въ него прежнихъ, изъ «Опыта біографіи», а второй томъ, обнимающій время съ 1842—1844 годовъ до кончины Гоголя, почти весь составился изъ новыхъ матеріаловъ: въ «Опытѣ біографіи» этотъ періодъ занималъ не болѣе 50 страницъ.

Конечно, матеріалы, столь богатые, еще далеко не полны. Самъ авторъ чувствуетъ это живѣе, нежели кто нибудь; потому-то и выпустилъ онъ изъ заглавія своей книги слово «біографія», говоря тѣмъ, что время для полной біографіи Гоголя еще не пришло. Но если и въ прежней редакціи трудъ его представлялъ довольно данныхъ для поясненія нѣкоторыхъ важныхъ вопросовъ

о судьбѣ и характерѣ человѣка, послѣ «Мертвыхъ душъ» напечатавшаго «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями», то въ настоящемъ своемъ видѣ «Записки о жизни Н. В. Гоголя» еще положительнѣе объясняютъ и эти вопросы и многіе другіе факты, которыхъ не касался «Опытъ біографіи». Полноты и совершенной удовлетворительности въ нашемъ знаніи Гоголя, какъ человѣка, нѣтъ еще и теперь; но многое въ его жизни мы знаемъ теперь несравненно точнѣе, нежели прежде. Новое изданіе—или новая книга—тѣмъ вѣрнѣе достигаетъ своей цѣли, что отъ своего лица авторъ не прибавилъ ничего. Онъ понялъ, что дѣло собирателя фактовъ важнѣе и выше всякихъ размышленій на готовыя темы, и, перепечатавъ «Опытъ біографіи», обогатилъ его единственно фактами, а не фразами. Онъ понялъ свою роль. Желаемъ, чтобы черезъ два года потребовалось новое изданіе его книги, и чтобы въ эти два года счастіе благопріятствовало ему, какъ собирателю матеріаловъ, не менѣе, нежели благопріятствовало въ предъидущіе два года.

Пока не будетъ издана вполнѣ вся обширная корреспонденція Гоголя, «Записки о его жизни» останутся богатѣйшимъ источникомъ для изученія судьбы и личности автора «Мертвыхъ Душъ» и «Ревизора». Да и тогда, когда полное изданіе корреспонденціи отниметъ ученую цѣну у «Записокъ», какъ сборника писемъ, достоинство многочисленныхъ эпизодовъ, записанныхъ авторомъ со словъ матери и друзей Гоголя, останется неприкосновеннымъ. Нужно посвятить довольно долгое время изученію такой книги, чтобы дать полный разборъ ея; теперь мы ограничимся немногими замѣчаніями относительно нѣкоторыхъ отдѣльныхъ фактовъ, изъ числа объясняемыхъ новыми прибавленіями, и нѣсколькими извлеченіями изъ этихъ прибавленій.

У С. Т. Аксакова хранятся шесть черновыхъ тетрадей, въ которыхъ заключаются подлинники многихъ произведеній Гоголя, писанныхъ до 1836 или 1837 года. Они показываютъ, по словамъ автора «Записокъ», что въ то время «Гоголь долго обдумывалъ то, что желалъ написать, обдумывалъ до тѣхъ поръ, пока его вымыселъ обращался какъ бы въ сложившуюся пѣсню. Онъ вписывалъ свое сочиненіе въ книгу почти безъ помарокъ, и рѣдко можно найти въ его печатныхъ повѣстяхъ какія нибудь дополненія или поправки противъ черновой рукописи. Часто его сочиненія прерываются, чтобы дать мѣсто другой повѣсти или журнальной статьѣ; потомъ, безъ всякаго обозначенія или пробѣла, продолжается прерванный разсказъ и перемѣшивается съ посторонними замѣтками или выписками изъ книгъ». Тогда, какъ видимъ, Гоголь творилъ легко и беззаботно, не мучась ни сомнѣніями о достоинствѣ написаннаго, ни желаніемъ довести обработку произведенія до того, чтобы на каждомъ словѣ лежала печать геніальности, чтобы произведеніе вышло непремѣнно «колоссальное», и чтобы каждая черта въ немъ была достойна колоссальности цѣлаго. Тоскливая дума объ обязанностяхъ, налагаемыхъ на него саномъ «генія», не томила его — онъ и не думалъ о томъ, геній онъ или нѣтъ. «Вы, говоря о моихъ сочиненіяхъ (пишетъ онъ матери въ 1835 году), называете меня геніемъ. Какъ бы то ни было, но это очень странно для меня: добраго, простаго человѣка, можетъ быть, не совсѣмъ глупаго, имѣющаго здравый смыслъ—и называть геніемъ! Нѣтъ, маменька, этихъ качествъ мало, чтобы составить его: иначе, у насъ столько геніевъ, что и не протолпиться».

Тогда онъ еще не поклонялся самому себѣ. Не то было впослѣдствіи. Отъ этого послѣдующаго самообожанія и происходитъ главнымъ образомъ то, что онъ такъ долго не издавалъ втораго тома «Мертвыхъ Душъ»: онъ боялся, какъ бы не уронить себя, ему все казалось нужнымъ передѣлывать и поправлять, чтобы произведеніе вышло какъ можно «колоссальнѣе». Это не болѣзнь: это просто эгоистическая слабость, которой подвергаются иногда геніальные люди, когда увидятъ, что стали въ общественномъ мнѣніи на неизмѣримую высоту. Этому чувству подвергся и Гете, который поступалъ съ «Фаустомъ» совершенно такъ же, какъ Гоголь съ «Мертвыми Душами». Слабость эта, конечно, вредна для самого человѣка и нимало не похвальна, но вовсе еще не доказательство болѣзни или упадка въ его талантѣ: Гете до конца жизни умственно и физически былъ здоровъ какъ нельзя лучше. Въ малыхъ размѣрахъ она замѣтна на всѣхъ людяхъ, считающихъ себя оракулами своего муравейника: куда ни обернемся, вездѣ увидимъ такихъ людей. Даже между нашими нынѣшними писателями найдутся такіе олимпійцы, и они, однако же, очень здоровы тѣломъ и не утратили нимало своего таланта, на сколько имѣли его.

Въ этихъ черновыхъ тетрадяхъ есть нѣсколько отрывковъ изъ неоконченныхъ произведеній и, между прочимъ, довольно значительный по объему отрывокъ (первое дѣйствіе вполнѣ, за исключеніемъ небольшаго пробѣла, и начало втораго дѣйствія) трагедіи изъ англійской исторіи. Авторъ «Записокъ» напечаталъ его въ числѣ приложеній къ своей книгѣ, помѣстивъ другіе отрывки, меньшаго объема, въ текстъ книги. Заглавіе драмы остается неизвѣстнымъ, потому что въ черновыхъ тетрадяхъ Гоголь не надписывалъ заглавій. Дѣйствіе происходитъ въ эпоху нападеній датскихъ морскихъ удальцовъ на Англію, во времена Альфреда, который и есть главное лицо пьесы. Идея драмы была, какъ видно, изображеніе борьбы между невѣжествомъ и своеволіемъ вельможъ, угнетающихъ народъ, среди своихъ мелкихъ интригъ и раздоровъ забывающихъ о защитѣ отечества, и Альфредомъ, распространителемъ просвѣщенія и устроителемъ государственнаго порядка, смиряющимъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Все содержаніе отрывка наводитъ на мысль, что выборъ сюжета былъ внушенъ Гоголю возможностью найти аналогію между Петромъ Великимъ и Альфредомъ, который у него невольно напоминаетъ читателю о просвѣтителѣ земли русской, положившемъ основаніе перевѣсу ея надъ сосѣдями, прежде безнаказанно ее терзавшими. Его Альфредъ несомнѣнно былъ бы символическимъ апотеозомъ Петра. Если Гоголь самъ не захотѣлъ докончить или напечатать эту драму, то, конечно, придавалъ ей менѣе значенія, нежели своимъ другимъ произведеніямъ. Но ошибся бы тотъ, кто, основываясь на нелѣпыхъ повѣріяхъ о невѣжествѣ и т. д. Гоголя, вздумалъ бы предположить, что онъ не сладилъ съ предметомъ, ему мало извѣстнымъ, и что написанный имъ отрывокъ есть что нибудь уродливое въ историческомъ или художественномъ отношеніи. Напротивъ, въ немъ видно положительное достоинство, и, сколько можно судить по началу, въ этой драмѣ мы имѣли бы нѣчто подобное прекраснымъ «Сценамъ изъ рыцарскихъ временъ» Пушкина. Простота языка и мастерство въ безъискусственномъ веденіи сценъ, умѣнье живо выставлять характеры и черты быта не измѣнили Гоголю и въ этомъ случаѣ. Историче-

ская вѣрность строго выдержана. Въ той же тетради находятся рецензіи, изъ которыхъ составилось библіографическое отдѣленіе въ первой книжкѣ пушкинскаго «Современника» (1836). Нѣкоторыя изъ этихъ рецензій доселѣ приписывались Пушкину. Въ основаніи журнала Гоголь принималъ очень дѣятельное участіе, какъ видимъ изъ письма его къ г. Плетневу въ 1846 г. Вотъ начало:

«Современникъ» даже и при Пушкинѣ не былъ тѣмъ, чѣмъ долженъ быть журналъ... Впрочемъ, сильнаго желанія издавать этотъ журналъ въ немъ не было, и онъ самъ не ожидалъ отъ него большой пользы. Получивъ разрѣшеніе на изданіе его, онъ уже хотѣлъ было отказаться. Грѣхъ лежитъ на моей душѣ: я умолилъ его. Я обѣщалъ быть вѣрнымъ сотрудникомъ... Моя настойчивая рѣчь и обѣщаніе дѣйствовать его убѣдили».

Напечатавъ «Ревизора», Гоголь уѣхалъ изъ Россіи, и только въ послѣдніе годы своей жизни рѣшился снова поселиться въ отечествѣ. Кромѣ мысли поправить здоровье, за границею удерживалъ его разсчетъ, что это лучше для его литературной дѣятельности. Изъ «прекраснаго далека», по его выраженію, онъ лучше понималъ и живѣе представлялъ себѣ русскую жизнь. Туманность фразъ, въ которыхъ онъ выражалъ это побужденіе, заставляла многихъ обманываться относительно истиннаго ихъ смысла. Изъ сравненія фактовъ, обнародованныхъ нынѣ біографомъ Гоголя, смыслъ этотъ становится очевиденъ. Вотъ, напримѣръ, что писалъ онъ М. С. Щепкину весною 1836 г. когда г. Щепкинъ хлопоталъ о постановкѣ на московскую сцену «Ревизора», который только что явился на петербургской:

«Мочи нѣтъ. Дѣлайте что хотите съ моею пьесою, но я не стану хлопотать о ней. Мнѣ она сама такъ же надоѣла, какъ хлопоты о ней. Дѣйствіе, произведенное ею, было большое и шумное. Всѣ противъ меня. Чиновники пожилые и почтенные кричатъ, что для меня нѣтъ ничего святаго, когда я такъ дерзнулъ говорить о служащихъ людяхъ; полицейскіе противъ меня; купцы противъ меня; литераторы противъ меня. Если бы не высокое заступничество Государя, пьеса моя не была бы ни за что на сценѣ, и уже находились люди, хлопотавшіе о запрещеніи ея. Теперь я вижу, что значитъ быть комическимъ писателемъ. Малѣйшій призракъ истины — и противъ тебя возстаютъ, и не одинъ человѣкъ, а цѣлыя сословія. Досадно видѣть противъ себя людей тому, кто ихъ любитъ, между тѣмъ, братскою любовью.

(*Письмо отъ 29 апрѣля 1836 г.*).

...Еще разъ повторяю: тоска! тоска! Я усталъ душою и тѣломъ. Клянусь, никто не знаетъ и не слышитъ моихъ страданій! Богъ съ ними со всѣми! мнѣ опротивѣла моя пьеса. Я хотѣлъ бы бѣжать теперь Богъ знаетъ куда, и предстоящее мнѣ путешествіе, пароходъ, море и другія далекія небеса могутъ одни только освѣжить меня. Я жажду ихъ, какъ Богъ знаетъ чего.

(*Письмо отъ 25 мая*).

Надобно прибавить къ этому отчасти уже данныя прежнею редакціею, отчасти новыя письма Гоголя о непріятностяхъ, которыя предшествовали изданію «Мертвыхъ Душъ», надобно прибавить многіе другіе факты того же рода,— напримѣръ, то, что въ 1839 году ѣхалъ онъ въ Петербургъ совершенно здоровый и веселый, а по пріѣздѣ туда, вслѣдствіе различныхъ столкновеній и непріятностей, тотчасъ же лишился хорошаго расположенія духа,—и тогда мы

согласимся съ очень простымъ замѣчаніемъ автора «Записокъ», что «Гоголь жилъ за границею для собственнаго спокойствія»: этимъ словомъ объясняется все, даже и смѣшная для многихъ фраза его, что покинулъ онъ Россію затѣмъ, чтобы вѣрнѣе и лучше описывать ее. Художнику нужна нѣкоторая степень душевнаго спокойствія: иначе, ему очень трудно писать, и еще труднѣе писать безпристрастно.

Тѣ стороны гоголева характера и образа мыслей, слѣдствіемъ которыхъ были «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями», сдѣлались разительно замѣтны для его близкихъ знакомыхъ еще съ 1840—1841 годовъ; развитію ихъ содѣйствовалъ какой-то особенный случай, до сихъ поръ остающійся необъясненнымъ, вѣроятно, находившійся въ связи съ жестокою болѣзнью, которую онъ вынесъ въ это время, какъ писалъ (если только подъ «болѣзнью» надобно понимать не одни душевныя страданія). Первое письмо, полученное отъ него послѣ этого загадочнаго перелома С. Т. Аксаковымъ, странно отличалось отъ прежнихъ тономъ и содержаніемъ, въ духѣ «Выбранныхъ мѣстъ». Послѣ того это настроеніе духа постоянно господствовало въ Гоголѣ, — и, однако же, оно не помѣшало ему докончить и напечатать I томъ «Мертвыхъ Душъ». Авторъ «Выбранныхъ мѣстъ», какъ видимъ, вовсе не убилъ въ Гоголѣ прежняго великаго писателя, не заставлялъ его въ художнической дѣятельности измѣнять прежнему автору «Ревизора». Каждый помнитъ, что публика и литераторы обвиняли Гоголя въ двуличности, притворствѣ, ханжествѣ, когда въ 1847 году явились «Выбранныя мѣста». Въ томъ же самомъ винили его въ 1841 году (передъ изданіемъ «Мертвыхъ Душъ») ближайшіе и лучшіе его друзья, семейство гг. Аксаковыхъ, когда онъ началъ присылать имъ странныя письма въ духѣ этой книги. Они откровенно высказывали ему свое грустное подозрѣніе и упрекали его, какъ видно, за все то, что позднѣе осуждала публика.

Вотъ какъ оправдывается передъ ними Гоголь:

Скажу вамъ вообще, что моя природа совсѣмъ не мистическая. Внутренно я не измѣнялся никогда въ главныхъ моихъ положеніяхъ. Съ 12-ти лѣтняго, можетъ быть, возраста, я иду тою же дорогою, какъ и нынѣ, не шатаясь и не колеблясь въ мнѣніяхъ главныхъ. И теперь могу я сказать, что въ существѣ своемъ все тотъ же.

(Письмо къ С. Т. Аксакову, отъ 16 мая 1844 г.).

Въ письмѣ къ другой особѣ, упомянувъ съ прискорбіемъ, что лучшіе друзья стали его чуждаться, онъ продолжаетъ:

Это до сихъ поръ неразрѣшимая загадка, какъ для нихъ, такъ и для меня. Но настоящаго свѣдѣнія объ этихъ дѣлахъ не дала мнѣ до сихъ поръ ни одна живая душа. Вотъ уже два года я получаю такіе странные и неудовлетворительные намеки, и такъ противорѣчащіе другъ другу, что у меня просто голова идетъ кругомъ. Всѣ точно боятся меня. Никто не имѣетъ духу сказать, что я сдѣлалъ подлое дѣло, и въ чемъ состоитъ именно его подлость. А между тѣмъ мнѣ все, что ни есть худшаго, было бы легче понести этой страшной неизвѣстности.

(Письмо къ А. О. См—ой, отъ 24 октября 1844 г.).

И однако же, понимая, что его осуждаютъ, онъ не покидалъ своей новой роли, и несмотря ни на что, напечаталъ «Выбранныя мѣста», хотя друзья умоляли его не дѣлать этого. Справедливы ли были его оправданія? Дѣйстви-

тельно ли образъ понятій, выразившійся «Выбранными мѣстами», былъ искреннимъ его убѣжденіемъ, а не маскою, надѣтою по разсчету? И дѣйствительно ли этотъ образъ мыслей не былъ въ немъ новостью, а съ дѣтства постоянно жилъ въ немъ, и только сильнѣе прежняго овладѣлъ его душою вслѣдствіе различныхъ душевныхъ страданій? Надобно думать, что это было дѣйствительно такъ. Все въ томъ убѣждаетъ: многочисленные проблески подобнаго настроенія въ прежнихъ сочиненіяхъ и прежнихъ письмахъ, и природная наклонность, которая очень обыкновенна между Малороссами, и твердость, съ какою онъ его держался, самая смерть его и многіе другіе факты.

Путешествіе въ Іерусалимъ было рѣшено въ его умѣ еще въ 1842 году, если не раньше.

Ханжество возможно только для людей съ сухимъ сердцемъ, которые разсчитываютъ каждый шагъ свой для достиженія пользы, и не пренебрегаютъ никакими выгодами, особенно денежными. Хладнокровіе къ деньгамъ можетъ служить лучшимъ доказательствомъ, что человѣкъ не ханжа. Въ Гоголѣ было это качество. При всей своей нищетѣ, онъ очень легко прощалъ своимъ знакомымъ ошибки, имѣвшія слѣдствіемъ потерю денегъ, проходившихъ черезъ ихъ руки. Онъ, не имѣвшій никакого обезпеченія для жизни, безпрестанно больной и при болѣзни нуждающійся въ деньгахъ, уступилъ сестрамъ свою часть наслѣдства; нищему и больному отказаться отъ порядочнаго имѣнія, въ обезпеченіе участи сестеръ — это черта не дурная. Ханжа не могъ бы тутъ поступить иначе, какъ выбрать на свою долю всѣ лучшіе участки, обсчитать и обобрать дѣвушекъ, не знающихъ толку въ денежныхъ дѣлахъ. Часть своихъ доходовъ, почти постоянно скудныхъ, онъ употреблялъ на то, чтобы помогать нуждающимся. Что же касается его понятій о необходимости или излишествѣ просвѣщенія, они хорошо доказываются фактомъ, который до сихъ поръ былъ очень мало извѣстенъ. Въ концѣ 1844 года онъ вздумалъ, что часть суммы, выручаемой отъ продажи его сочиненій, надобно обратить на помощь «молодымъ талантливымъ людямъ, воспитывающимся въ Петербургскомъ Университетѣ». Сумма эта должна была проходить черезъ руки посредника, одного изъ друзей Гоголя, и этотъ посредникъ долженъ былъ, конечно, хранить въ глубокой тайнѣ имя жертвователя. Тотъ, который избранъ былъ служить посредникомъ въ раздачѣ денегъ, почелъ такую мысль безразсудствомъ со стороны человѣка, во всемъ нуждающагося, и просилъ совѣта у одной изъ уважаемыхъ Гоголемъ особъ, А. О. См—ой; вмѣстѣ они старались отклонить Гоголя отъ его намѣренія, говоря, что имъ кажется это не только безразсуднымъ дѣломъ, но и внушеніемъ дурнаго, самолюбиваго чувства. Дѣло осталось неисполненнымъ, потому что посредникъ не соглашался принять деньги, передаваемыя ему для раздачи. Относительно Московскаго Университета результатъ былъ удовлетворительнѣе для жертвователя, хотя С. Т. Аксаковъ, котораго Гоголь просилъ быть посредникомъ, также сначала старался доказать ему, что лучше бросить эту мысль. Въ Москвѣ до сихъ поръ хранятся у одного изъ друзей Гоголя банковые билеты на 2,500 р. сер., положенныхъ въ приращеніе процентами «для помощи бѣднымъ талантливымъ студентамъ Московскаго Университета». Въ то самое время, когда шло дѣло о печатаніи «Выбранныхъ мѣстъ», онъ хотѣлъ издать въ пользу бѣдныхъ «Ревизора» съ прибавленіемъ

новой пьесы «Развязка Ревизора». Друзья отклоняли его отъ этого намѣренія, потому что находили «Развязку» еще болѣе неумѣстною въ печати, нежели «Выбранныя мѣста». Дѣло затянулось, и паденіе «Выбранныхъ мѣстъ» заставило Гоголя отказаться отъ «Развязки», а вмѣстѣ и отъ новаго изданія «Ревизора». Друзья Гоголя были чрезвычайно огорчены намѣреніемъ Гоголя издать «Выбранныя мѣста» изъ тѣхъ странныхъ писемъ, которыя присылалъ онъ имъ съ 1841 года. Приводимъ относящійся къ этому дѣлу отрывокъ изъ мемуара, составленнаго С. Т. Аксаковымъ для «Записокъ о жизни Гоголя».

«Въ концѣ 1846 года, во время жестокой моей болѣзни, дошли до меня слухи, что въ Петербургѣ печатается «Переписка съ Друзьями»: мнѣ даже сообщили по нѣсколько строкъ изъ разныхъ ея мѣстъ. Я пришелъ въ ужасъ и немедленно написалъ къ Гоголю большое письмо, въ которомъ просилъ его отложить выходъ книги хоть на нѣсколько времени. На это письмо я получилъ отъ Гоголя отвѣтъ уже въ 1847 году. Вотъ онъ:

«Неаполь, 1847, января 20, нов. ст.

«Я получилъ ваше письмо, добрый другъ мой Сергѣй Тимофѣевичъ. Благодарю васъ за него. Все, что нужно взять изъ него къ соображенію, взято. Симъ бы слѣдовало и ограничиться, но, такъ какъ въ письмѣ вашемъ замѣтно большое безпокойство обо мнѣ, то я считаю нужнымъ сказать вамъ нѣсколько словъ. Вновь повторяю вамъ еще разъ, что вы въ заблужденіи, подозрѣвая во мнѣ какое-то новое направленіе. Отъ ранней юности моей у меня была одна дорога, по которой иду. Я былъ только скрытенъ, потому что былъ неглупъ—вотъ и все. Причиной нынѣшнихъ вашихъ выводовъ и заключеній обо мнѣ (сдѣланныхъ, какъ вами, такъ и другими) было то, что я, понадѣявшись на свои силы и на (будто бы) совершившуюся зрѣлость свою, отважился заговорить о томъ, о чемъ бы слѣдовало до времени еще немножко помолчать, покуда слова мои не придутъ въ такую ясность, что и ребенку стали бы понятны. Вотъ вамъ вся исторія моего мистицизма. Мнѣ слѣдовало еще нѣсколько времени поработать въ тишинѣ, еще жечь то, что слѣдуетъ жечь, никому не говорить ни слова о внутреннемъ себѣ и не откликаться ни на что, особенно не давать никакого отвѣта моимъ друзьямъ на счетъ сочиненій моихъ. Отчасти неблагоразумныя подталкиванья со стороны ихъ, отчасти невозможность видѣть самому, на какой степени собственнаго своего воспитанья нахожусь, были причиной появленія статей, такъ возмутившихъ духъ вашъ. Съ другой стороны, совершилось все это не безъ воли Божіей. Появленіе книги моей, содержащей переписку со многими замѣчательными людьми въ Россіи (съ которыми я бы, можетъ быть, никогда не встрѣтился, если бы жилъ самъ въ Россіи и оставался въ Москвѣ), нужно будетъ многимъ, не смотря на всѣ непонятныя мѣста, во многихъ истинно существенныхъ отношеніяхъ. А еще болѣе будетъ нужно для меня самого. На книгу мою нападутъ со всѣхъ угловъ, со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ. Эти нападенія мнѣ теперь слишкомъ нужны: они покажутъ мнѣ болѣе *меня самого* и покажутъ мнѣ въ то же время *васъ*, то есть *моихъ читателей*. Не увидѣвши яснѣе, что такое въ настоящую минуту я самъ и что такое мои читатели, я былъ бы въ рѣшительной невозможности сдѣлать дѣльно свое дѣло. Но это вамъ покуда не будетъ понятно; возьмите лучше это просто на вѣру: вы чрезъ то останетесь въ барышахъ. А чувствъ вашихъ отъ меня не скрывайте никакихъ. По прочтеніи книги, тотъ же часъ, покуда еще ничто непростыло, изливайте все наголо, какъ есть, на бумагу. Никакъ не смущайтесь тѣмъ, если у васъ будутъ вырываться жесткія слова: это совершенно ничего· я даже ихъ очень люблю. Чѣмъ вы будете со мной откровеннѣе и искреннѣе, тѣмъ въ большихъ останетесь барышахъ. Руку для того употребляйте первую, какая вамъ подвернется. Кто почетче и побойчѣе пишетъ, тому и диктуйте. Секретовъ у меня въ этомъ отношеніи нѣтъ никакихъ— — —

«Другъ мой, вы не взвѣсили какъ слѣдуетъ вещи, и слова ваши вздумали

подкрѣплять словами самого Христа. Это можетъ безошибочно дѣлать одинъ только тотъ, кто уже весь живетъ во Христѣ, внесъ Его во все дѣла свои, помышленія и начинанія, имъ осмыслилъ всю жизнь свою и весь исполнился духа Христова. А иначе—во всякомъ словѣ Христа вы будете видѣть свой смыслъ, а не тотъ, въ которомъ оно сказано.

«Но довольно съ васъ. Не позабудьте же: откровенность во всемъ, что ни относится въ мысляхъ вашихъ до меня.»

«Изъ этого отвѣта видно (говоритъ С. Т. Аксаковъ), что, если мое письмо и поколебало Гоголя, то онъ не хотѣлъ въ этомъ сознаться; а что онъ поколебался, это доказывается отмѣненіемъ нѣкоторыхъ распоряженій его, связанныхъ съ изданіемъ «Ревизора съ Рязвязкой». На нихъ я нападалъ всего болѣе, но объ этомъ говорить еще рано. Между тѣмъ мнѣ прочли кое-какъ два раза его книгу (я былъ еще боленъ и ужасно страдалъ). Я пришелъ въ восторженное состояніе отъ негодованія и продиктовалъ къ Гоголю другое, небольшое, но жесткое письмо. Въ это время N*N*, въ письмѣ ко мнѣ, сдѣлалъ нѣсколько очень справедливыхъ замѣчаній. Я послалъ и его письмо вмѣстѣ съ своимъ къ Гоголю. Вотъ его отвѣтъ на оба письма:

«1847 г., 6 марта. Неаполь.

«Благодарю васъ, мой добрый и благородный другъ, за ваши упреки; отъ нихъ хоть и чихнулось, но чихнулось во здравіе. Поблагодарите также добраго N*N* и скажите ему, что я всегда дорожу замѣчаньями умнаго человѣка, высказанными откровенно. Онъ правъ, что обратился къ вамъ, а не ко мнѣ. Въ письмѣ его есть точно нѣкоторая жестокость, которая была бы неприлична въ объясненіяхъ съ человѣкомъ, не очень коротко знакомымъ. Но этимъ самымъ письмомъ *къ вамъ* онъ открылъ себѣ теперь дорогу высказывать съ подобной отровенностью мнѣ самому все то, что высказывалъ вамъ. Поблагодарите также и милую супругу его за ея письмецо. Скажите имъ, что многое изъ ихъ словъ взято въ соображеніе и заставило меня лишній разъ построже взглянуть на самого себя. Мы уже такъ странно устроены, что до тѣхъ поръ не увидимъ ничего въ себѣ, покуда другіе не наведутъ насъ на это. Замѣчу только, что одно обстоятельство не принято ими въ соображеніе, которое, можетъ быть, иное показало бы имъ въ другомъ видѣ; а именно: что человѣкъ, который съ такой жадностью ищетъ слышать все о себѣ, такъ ловитъ всѣ сужденія и такъ умѣетъ дорожить замѣчаніями умныхъ людей даже тогда, когда они жестки и суровы, такой человѣкъ не можетъ находиться въ *полномъ и совершенномъ* самоослѣпленіи. А вамъ, другъ мой, сдѣлаю я маленькій упрекъ. Не сердитесь: уговоръ былъ принимать не сердясь взаимно другъ отъ друга упреки. Не слишкомъ ли вы уже положились на вашъ умъ и непогрѣшительность его выводовъ? Дѣлать *замѣчанія*—это другое дѣло; это имѣетъ право дѣлать всякій умный человѣкъ и даже просто всякій человѣкъ. Но выводить изъ своихъ замѣчаній *заключеніе* обо всемъ человѣкѣ,—это есть уже нѣкотораго рода *самоувѣренность*.»

Черезъ нѣсколько времени послѣ своего отца, послалъ Гоголю строгій разборъ его книги К. С. Аксаковъ. Гоголь защищался слѣдующимъ образомъ:

«Іюля 3 (1848). Васильевка.

«Откровенность прежде всего, Константинъ Сергѣевичъ. Такъ какъ вы были откровенны и сказали въ вашемъ письмѣ все, что было на душѣ, то и я долженъ сказать о тѣхъ ощущеніяхъ, которыя были во мнѣ при чтеніи письма вашего. Во первыхъ, меня нѣсколько удивило, что вы, намѣсто извѣстій о себѣ, распространились о книгѣ моей, о которой я уже не полагалъ услышать что-либо по возвратѣ моемъ на родину. Я думалъ, что о ней уже всѣ толки кончились и она предана забвенію. Я, однако же, прочелъ со вниманіемъ три большія ваши страницы.

«Вотъ мысль, которая пришла мнѣ въ голову въ то время, когда я прочелъ слова письма вашего: «Главный недостатокъ книги есть тотъ, что она—ложь». Вотъ что я подумалъ. Да кто же изъ насъ можетъ такъ рѣшительно выразиться, кромѣ развѣ того, который увѣренъ, что онъ стоитъ на верху истины? Какъ можетъ кто-либо (кромѣ говорящаго развѣ Святымъ Духомъ) отличить, что ложь и что истина? Какъ можетъ человѣкъ, подобный другому, страстный, на всякомъ шагу заблуждающійся, изречь справедливый судъ другому въ такомъ смыслѣ? Какъ можетъ онъ, неопытный сердцезнатель, назвать ложью сплошь, съ начала до конца, какую бы то ни было душевную исповѣдь, онъ, который и самъ есть ложь, по слову Апостола Павла? Неужели вы думаете, что въ вашихъ сужденіяхъ о моей книгѣ не можетъ также закрасться ложь? Въ то время, когда я издавалъ мою книгу, мнѣ казалось, что я ради одной истины издаю ее; а когда прошло нѣсколько времени послѣ изданія, мнѣ стало стыдно за многое, многое, и у меня не стало духа взглянуть на нее. Развѣ не можетъ случиться того же и съ вами? Развѣ и вы не человѣкъ? Какъ вы можете сказать, что вашъ нынѣшній взглядъ непогрѣшителенъ и вѣренъ, или что вы не измѣните его никогда?»

Мы видимъ, Гоголь уже сознается, что многаго въ своей книгѣ стыдится. Никакія оправданія и извиненія не помогли: надобно было согласиться, что книга, съ равнымъ негодованіемъ принятая всѣми образованными людьми, дѣйствительно принесла своему автору позоръ. Тогда онъ писалъ къ бѣдному уѣздному священнику отцу Матвѣю, бывшему ему посредникомъ при вспоможеніяхъ бѣднымъ—отецъ Матвѣй также осудилъ «Выбранныя мѣста»—слѣдующія слова:

«Всѣ слова ваши—святая истина... Скажу вамъ нелицемѣрно и откровенно, что виной множества недостатковъ моей книги не столько гордость и самоослѣпленіе, сколько незрѣлость моя. Я началъ поздно свое воспитаніе,—въ такіе годы, когда другой человѣкъ уже думаетъ, что онъ воспитанъ. Обрадовавшись тому, что удалось въ себѣ побѣдить многое, я вообразилъ, что могу учить и другихъ, издалъ книгу,—и на ней увидѣлъ ясно, что я—ученикъ. Желаніе и жажда добра, а не гордость, подтолкнули меня издать мою книгу; а какъ вышла моя книга, я увидѣлъ на ней тоже, что есть во мнѣ и гордость, и самоослѣпленіе, и много того, чего бы я не увидалъ, если бы не была издана моя книга... вы сами, вѣрно, знаете, что отъ людей близкихъ не услышишь осужденія.

«Но когда раздадутся со всѣхъ сторонъ крики по поводу какого-нибудь публичнаго нашего дѣйствія и разберутъ по ниткѣ всякую рѣчь нашу и всякое слово, и когда, руководимые и личными пересположеніями, и недоразумѣніями, станутъ открывать въ насъ даже и то, чего нѣтъ, тогда и самъ станешь искать въ себѣ того, чего прежде и не думалъ бы искать. Есть люди, которымъ нужна публичная, въ виду всѣхъ данная оплеуха. Это я сказалъ гдѣ-то въ письмѣ, хотя и не зналъ еще тогда, что получу самъ эту публичную оплеуху. Моя книга есть точная мнѣ оплеуха. Я не имѣлъ духу заглянуть въ нее, когда получилъ ее отпечатанную; я краснѣлъ отъ стыда и закрывалъ лицо себѣ руками, при одной мысли о томъ, какъ неприлично и какъ дерзко выразился я о многомъ.

«Что же до вліянія на другихъ, то мнѣ какъ-то не вѣрится, чтобы отъ книги моей распространился вредъ на нихъ. За что Богу такъ ужасно меня наказывать? Нѣтъ, Онъ отклонитъ отъ меня такую страшную участь, если не ради моихъ безсильныхъ молитвъ, то ради молитвъ тѣхъ, которые Ему молятся обо мнѣ и умѣютъ угождать Ему,—ради молитвъ моей матери, которая изъ-за меня вся превратилась въ молитву»...

Фраза изъ «Выбранныхъ мѣстъ», примѣняемая здѣсь къ себѣ Гоголемъ, была публично брошена въ глаза ему однимъ изъ нашихъ критиковъ, болѣе

всѣхъ остальныхъ содѣйствовавшимъ утвержденію колоссальной славы Гоголя, какъ автора «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ». Въ его полной негодованія статьѣ о «Выбранныхъ мѣстахъ» было сказано, послѣ всѣхъ жаркихъ опроверженій:

«Теперь вопросъ: зачѣмъ написана эта книга?

«Это также трудно рѣшить, какъ и то, зачѣмъ написаны авторомъ эти строки: «О, какъ намъ бываетъ нужна публичная, данная въ виду всѣхъ оплеуха».

(«Современникъ», 1847 г. № 2, библіографія, стр. 124).

Эта критика чрезвычайно сильно подѣйствовала на Гоголя, вѣроятно сильнѣе всего, что когда либо онъ слышалъ въ осужденіе себѣ. Она послужила причиною, что Гоголь написалъ въ оправданіе себѣ «Авторскую Исповѣдь». Но «Авторская Исповѣдь» есть уже вторая, позднѣйшая редакція оправданія; прежде, Гоголь хотѣлъ дать ему форму обширнаго письма,—письмо это было имъ изорвано, но издатель «Записокъ» нашелъ разорванные лоскутки, сложилъ ихъ, и такимъ образомъ возстановилъ очень важный фактъ для исторіи нашей литературы.

Публика давно рѣшила споръ, признавъ «Выбранныя мѣста» пятномъ на имени Гоголя, какъ писателя. Приговоръ такъ единодушенъ и положителенъ, опирается на такихъ безспорныхъ фактахъ, и внушенъ такими справедливыми понятіями объ обязанностяхъ писателя, что нѣтъ возможности противорѣчить ему. Но публика не знаетъ еще—не знаемъ и мы—Гоголя, какъ человѣка, на столько, чтобы съ достаточною точностью рѣшить, должно ли это пятно клеймить его какъ человѣка, по внѣшнимъ соображеніямъ или обстоятельствамъ рѣшившагося играть роль, жалкія стороны которой онъ понималъ, но надѣялся прикрыть блескомъ своей славы; или его книга свидѣтельствуетъ только о слабости характера, не выдержавшаго обольщеній славы, но искренняго въ своемъ заблужденіи, думавшаго переучить всѣхъ, заставить всѣхъ силою своего таланта и славы признать справедливымъ то, что прежде казалось имъ несправедливымъ; или наконецъ онъ предвидѣлъ насмѣшки, которымъ подвергнется, но совершалъ высокій, какъ ему казалось, подвигъ, подвергая себя нападеніямъ, лишь бы только исполнить долгъ, возлагаемый на него совѣстью. Поступалъ ли онъ въ этомъ дѣлѣ какъ Чичиковъ, или гордецъ, или энтузіастъ? Кажется, и то, и другое, и третье вмѣстѣ, но съ рѣшительнымъ перевѣсомъ на сторонѣ двухъ послѣднихъ элементовъ—гордаго самообольщенія и особенно энтузіазма. Энтузіазмъ его несомнѣненъ. Какъ велико было участіе разсчета? И было ли оно? Объ этомъ пока ничего еще нельзя сказать рѣшительнаго, кромѣ только того, что искренность его убѣжденій едва ли подлежитъ сомнѣнію; и что если въ немъ, какъ во всякомъ человѣкѣ, къ чистымъ побужденіямъ примѣшивались разсчеты, то все-таки въ основаніи лежало безкорыстное (хотя ошибочное и по своимъ слѣдствіямъ вредное) убѣжденіе, а не разсчетъ; что, совершая поступокъ, повредившій его литературной славѣ и могшій имѣть вредное вліяніе на литературу, онъ въ сущности дѣйствовалъ какъ честный (хотя и заблуждающійся) энтузіастъ. Должно жалѣть о немъ, но едва ли возможно, не смотря на слабости, развитыя въ немъ различными отношеніями,

не уважать его, потому что натура его была, какъ то по всему видно, чрезвычайно благородна и въ самомъ паденіи сохраняла свою высоту. Кого изъ пылкихъ людей жизнь не увлекала часто въ поступки, недостойные ихъ характера? И, каковы бы ни были нѣкоторые поступки Гоголя и даже нѣкоторыя стороны его характера, все-таки нельзя не видѣть въ немъ одного изъ благороднѣйшихъ людей нашего вѣка. Лейпцигъ и Ватерлоо не мѣшаютъ намъ признавать въ Наполеонѣ величайшаго полководца своего времени. Съ жизнью не всегда сладитъ самый сильный человѣкъ, — а Гоголь, при чрезвычайно пылкой натурѣ, былъ одаренъ, какъ по всему видно, довольно слабымъ характеромъ. На столько мы уже знаемъ этого человѣка, чтобы извинять ему все, въ чемъ еще не можемъ оправдать его; и всѣ вѣроятности убѣждаютъ насъ, что многаго мы не можемъ еще оправдывать только потому, что многаго еще не знаемъ. Гоголь принадлежитъ къ числу людей, которые тѣмъ болѣе выигрываютъ, чѣмъ ближе узнаешь ихъ.

Возвращаясь къ его обширному оправдательному письму, должны мы замѣтить, что въ сущности защита его противъ критика, изобличавшаго «Выбранныя мѣста», ограничивается тѣмъ же аргументомъ, который противопоставлялъ онъ г. К. Аксакову: «не ваше дѣло судить объ этомъ; человѣку не дано силы безошибочно различать истину отъ неправды; вы обижаете меня вашими подозрѣніями; вы не знаете моихъ побужденій; вы не поняли моей книги; вы не имѣете столько знаній, чтобы судить о подобныхъ вещахъ; я въ васъ не признаю авторитета» и т. п.—доводы, къ сожалѣнію, очень слабые. Болѣе сильныхъ Гоголь и не могъ представить, пока дѣло шло о томъ, что напечатано въ книгѣ; книгу его нельзя оправдать: она лжива. Можно только понять изъ его жизни, какимъ образомъ дошелъ онъ, вовсе не по своей волѣ, до странныхъ заблужденій, которыя казались ему истиной—и теперь это уже довольно ясно.

Мы не воспользовались еще и десятою частью тѣхъ новыхъ матеріаловъ, которые хотѣли указать читателю, какъ особенно важные въ «Запискахъ о жизни Гоголя». Но чрезвычайная важность ихъ уже видна изъ немногихъ примѣровъ, нами приведенныхъ.

Повторяемъ: «Записки о жизни Н. В. Гоголя», по высокому интересу содержанія, заслуживаютъ самаго внимательнаго изученія со стороны каждаго, хотя сколько нибудь интересующагося исторіею нашей литературы.

Для легкаго чтенія. *Повѣсти, разсказы, комедіи, путешествія и стихотворенія современныхъ русскихъ писателей. Томъ I. Спб. 1856.*

Книжный магазинъ Давыдова и Комп. предпринялъ опытъ дешеваго компактнаго изданія современныхъ русскихъ беллетристовъ, и нынѣ представляетъ публикѣ начало своего предпріятія. Покуда мы успѣемъ сказать только о наружности изданія и перечислить его содержаніе. Наружность довольно красивая, объемъ значительный (362 стр. въ 12 д.), цѣна 1 р. сер. Содержаніе 1-го тома:

Полинька Саксъ, повѣсть *А. Дружинина.*
Дурочка Дуня, *А. Майкова.*
Необдуманный шагъ, разсказъ *Н. Станицкаго.*
Изъ Байрона (два стихотворенія), *Л*.*

Прохожій, разсказъ *Д. Григоровича.*
Три стихотворенія *Н. Некрасова.*
Дневникъ лишняго человѣка, повѣсть *И. Тургенева.*
Переписка двухъ барышень, *Н. Станкевича.*

По заглавіямъ статей читатель видитъ, что «Легкое Чтеніе» предлагаетъ ему вещи, уже бывшія однажды въ печати. Дѣйствительно, такова цѣль издателей: они желаютъ соединить въ своемъ изданіи повѣсти и разсказы русскихъ писателей, разбросанные въ журналахъ и заслуживающіе перепечатки. Вопросъ, стало быть, въ томъ: удовлетворителенъ ли выборъ издателей, или, яснѣе, доступны ли имъ произведенія тѣхъ русскихъ писателей, которыми интересуется публика? Отвѣтъ на это въ вышеприведенномъ содержаніи перваго тома и въ нижеслѣдующемъ оглавленіи втораго, который изготовляется къ выходу. Содержаніе 2-го тома:

Иванъ Савичъ Поджабринъ, повѣсть *И. А. Гончарова.*
Дантъ въ Венеціи, стихотвореніе *Л.*
Не въ свои сани не садись, комедія *А. Н. Островскаго.*
На Черномъ морѣ (1855), стих. *Я. П. Полонскаго.*
Капризная женщина, повѣсть *Н. Н. Станицкаго.*
Срубленный лѣсъ (отрывокъ), стихотв. *Н. А. Некрасова.*
Сосѣдка, повѣсть *Д. В. Григоровича.*
Вечерніе визиты, разсказъ *А. В. С***.*
Записки маркера, разсказъ *гр. Л. Н. Толстаго.*

Мы убѣждены, что изданіе Давыдова и Комп. пріобрѣтетъ себѣ огромную массу читателей, если составъ его будетъ всегда такъ блистателенъ, какъ въ двухъ первыхъ томахъ. Обращаемъ вниманіе читателей на дешевизну изданія, такъ какъ эта попытка у насъ совершенно новая, принадлежащая магазину, недавно начавшему свою дѣятельность, — попытка, которую весьма пріятно было бы видѣть поддержанною со стороны публики: за 400 компактныхъ страницъ текста, написаннаго извѣстными писателями, издатели назначили 1 р. сер. Это, дѣйствительно, дешево.

—

Сочиненія Н. В. Гоголя. *Томы V и VI. Москва. 1856.*

Перепечатывая вторымъ изданіемъ прежніе четыре тома «Сочиненій Гоголя», г. Трушковскій объявилъ, что надѣется современемъ присоединить къ нимъ пятый томъ, въ которомъ будутъ собраны не вошедшія въ прежнее изданіе статьи Гоголя, помѣщенныя въ «Арабескахъ» и разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Вмѣсто одного тома, г. Трушковскій даетъ теперь два, присоединивъ къ этимъ статьямъ «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями» и нѣсколько неизданныхъ произведеній и отрывковъ, найденныхъ въ бумагахъ Гоголя. «Такимъ образомъ—говоритъ г. Трушковскій—эти шесть томовъ, вмѣстѣ съ «Мертвыми Душами», составятъ почти полное собраніе сочиненій Гоголя». Дѣйствительно, только «почти», но еще не совершенно полное. Изъ напечатанныхъ произведеній Гоголя пропущены издателемъ двѣ статьи, указанныя г. Геннади («Списокъ сочиненій Гоголя», «Отечественныя Записки»

1853 г., № 9): 1) Разборъ «Утренней Зари» въ «Москвитянинѣ» 1843 г., и 2) «Письмо къ М. С. Щепкину изъ Венеціи, о постановкѣ пьесы: «Дядька въ затруднительномъ положеніи». Кромѣ того, г. Кулешъ указалъ, что Гоголю принадлежатъ многія изъ рецензій, помѣщенныхъ въ пушкинскомъ «Современникѣ»; безъ сомнѣнія, нѣкоторыя другія статьи могли бы быть указаны друзьями Гоголя и библіографами, напримѣръ, г. Тихонравовымъ, которому обязаны мы открытіемъ «Ганца Кюхельгартена». Изъ ненапечатанныхъ отрывковъ, въ изданіе г. Трушковскаго не вошли отрывки, отысканные и напечатанные г. Кулешемъ, въ «Запискахъ о жизни Н. В. Гоголя». Нѣтъ сомнѣнія, что, при внимательномъ разборѣ бумагъ, сохранившихся у родственниковъ и друзей Гоголя, найдется еще многое. Содѣйствіе библіографовъ,—особенно г. Тихонравова, могло бы, какъ видимъ, быть полезно для г. Трушковскаго. Современемъ, конечно, опущенія, теперь сдѣланныя, будутъ пополнены; но для публики и самой литературы было бы лучше, если бы за одинъ разъ дали намъ все, что̀ отчасти уже найдено, отчасти могло бы быть найдено.

Пересмотримъ пока то, что вошло въ изданные два тома. Пятый томъ раздѣленъ на три отдѣла: 1) статьи изъ «Арабесковъ», 2) двѣ статьи изъ «Современника» 1836—1837 годовъ: «О движеніи журнальной литературы» и «Петербургскія Замѣтки», 3) неизданныя сочиненія: «Отрывокъ неизвѣстной повѣсти», «Развязка Ревизора», «Отрывокъ изъ Мертвыхъ Душъ». Въ шестомъ томѣ перепечатаны «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями», и къ этимъ письмамъ, подъ именемъ «Юношескихъ опытовъ», присоединены: поэма «Ганцъ Кюхельгартенъ», стихотвореніе «Италія», два отрывка изъ повѣсти «Страшный Кабанъ» и отрывокъ «Женщина».

Современемъ, о каждомъ изъ этихъ произведеній и отрывковъ мы будемъ говорить подробно, когда будемъ разсматривать всю литературную дѣятельность Гоголя. Теперь же, ограничиваясь извѣщеніемъ о содержаніи вновь изданныхъ томовъ, взглянемъ только на статьи, которыя являются въ печати въ первый разъ.

«Отрывокъ изъ неизвѣстной повѣсти» принадлежитъ, по замѣчанію издателя, къ самымъ раннимъ произведеніямъ Гоголя и написанъ имъ, быть можетъ, еще до «Вечеровъ на Хуторѣ». Сюжетъ повѣсти заимствованъ изъ малороссійской исторіи, изъ временъ казацкихъ войнъ съ поляками. Главное дѣйствующее лицо знаменитый предводитель казаковъ Остраница. Въ художественномъ отношеніи, отрывокъ слабѣе «Вечеровъ на Хуторѣ», но тѣмъ не менѣе многія страницы его таковы, что могли быть написаны только авторомъ «Тараса Бульбы». Приводимъ двѣ небольшія сцены изъ первой главы.

Всѣ православные собрались къ обѣднѣ на Свѣтлый праздникъ. Между народомъ особенно замѣтенъ высокій казакъ съ смѣлымъ, одушевленнымъ, но покойнымъ лицомъ. Съ церковной паперти слышится крикъ. Народъ бросается узнать, въ чемъ дѣло,—дѣло въ томъ, что жиды, которымъ отданы на откупъ русскія церкви, обижаютъ старика, принесшаго къ церкви пасху, для освященія.

«Три жида отбирали у дряхлаго, посѣдѣвшаго, какъ лунь, козака пасху, яйца и барана, утверждая, что онъ не вносилъ за нихъ денегъ. За старика вступилось двое, стоявшихъ около него; къ нимъ пристали еще, и наконецъ цѣлая толпа готови-

лась задавить жидовъ, если бы тотъ же самый широкоплечій, высокаго росту, чья физіономія такъ поразила находившихся въ церкви, не остановилъ однимъ своимъ мощнымъ взглядомъ. «Чего вы, хлопцы, съ дуру бѣснуетесь? У васъ, видно, нѣтъ ни на волосъ Божьяго страха. Люди стоятъ въ церкви и молятся, а вы тутъ чортъ знаетъ что дѣлаете. Гайда по мѣстамъ!» Послушно всѣ какъ овцы разбрелись по своимъ мѣстамъ, разсуждая, что это за чудо такое, откудова оно взялось и съ какой стати ввязывается онъ, когда его не просятъ, и отъ чего онъ хочетъ, чтобы слушались. Но это каждый только подумалъ, а не сказалъ въ слухъ. Взглядъ и голосъ незнакомца какъ будто имѣли волшебство: такъ были повелительны. Одинъ жидъ стоялъ только, не отходя, и какъ скоро оправился отъ перваго страха, незванною помощью, началъ было снова приступать, какъ тотъ же самый и схватилъ его могучею рукою за воротъ такъ, что бѣдный потомокъ Израилевъ съежился и присѣлъ на колѣни.— «Ты чего хочешь, свиное ухо? Такъ тебѣ еще мало, что душа осталась въ галанцяхъ? Ступай же, тебѣ говорю, поганая жидовина, пока не оборвалъ тебѣ пейсики.» Послѣ того толкнулъ онъ его, и жидъ растлался на землѣ, какъ лягушка. Приподнявшись же немного, пустился бѣжать; спустя нѣсколько времени, возвратился съ начальникомъ польскихъ уланъ. Это былъ довольно рослый полякъ, съ глупо дерзкою физіономіею, которая всегда почти отличаетъ полицейскихъ служителей. «Что это? Какъ это?... Гунство, теремтете? Зачѣмъ драка, холопство проклятое? Лысый бѣсъ въ кашу съ смальцемъ! Развѣ? Что вы?... Что тутъ драка? Порвала бы васъ собака!...» Блюститель порядка не зналъ бы, куда обратиться и на кого излить потокъ своихъ наставленій, приправляемыхъ бранью, если бы жидъ не подвелъ его къ старому козаку, котораго волосы, вздуваемые вѣтромъ, какъ снѣжный иней серебрились. «Что ты, глупый холопъ, вздумалъ? Что, ты драку началъ, драку? Пасе мазепято, гунство! Знаешь ты, что жидъ? Гунство проклятое!... Знаешь, что борода поповская не стоитъ подошвы?... Чортъ бы тебя схватилъ въ банѣ за пупъ!... У него оломецъ краше, чѣмъ ваша *холопска вяра*...» Тутъ онъ схватилъ за волосы старца и выдернулъ клокъ серебряныхъ волосъ его....

Глухое стенаніе испустилъ старый козакъ.

— «Бей еще! Самъ я виноватъ, что дожилъ до такихъ лѣтъ, что и счетъ имъ потерялъ. Сто лѣтъ, а можетъ и больше тому назадъ, меня драли за чубъ, когда я былъ хлопцемъ у батька. Теперь опять бьютъ. Видно, снова воротились лѣта мои. Только нѣтъ, не то, не въ силахъ теперь и руки поднять. Бей же меня!...» При сихъ словахъ сто-двадцатилѣтній старецъ наклонилъ свою бѣлую голову на руки, сложенныя крестомъ на палкѣ, и, подпершись ею, долго стоялъ въ живописномъ положеніи. Въ словахъ старца было невѣроятно трогательное. Замѣтно было, что многіе хватились рукою за сабли и пистолеты, но видъ столькихъ усатыхъ улановъ на лошадяхъ, и нѣсколько словъ, сказанныхъ незнакомцемъ, заставили всѣхъ принять положеніе молельщиковъ и креститься.

— «Что ты врешь, глупый мужикъ, теремтете! Чтобы я на тебѣ руки поганилъ, гунство проклятое! Лысый бѣсъ рогатый тебѣ въ кашу! Гершко! возьми отъ него пасху! Пусть его однимъ овсянымъ сухаремъ разговѣется. Вишь, гунство проклятое!» говорилъ блюститель правосудія, подвигаясь къ ряду дѣвичьему и ущипнувъ одну изъ нихъ за руку. «Что за драка? Охъ, славная дѣвка. Вишь драку!... Ай да Параска! Ай да Пидорка! Вишь глупый мужикъ.... порвала бы его собака!... Ай, ай, ай! Сколько тутъ жиру!...» Блюститель порядка вѣрно себѣ позволилъ нескромность, потому что одна изъ дѣвушекъ вскрикнула во все горло. Въ это время пасхи были освящены и обѣдня кончилась и многіе уже стали расходиться. Нѣсколько только народу обступило козака, такъ заинтересовавшаго толпу, который между тѣмъ подходилъ къ исправлявшему званіе алгвіазила.

— «Славный у тебя усъ, панъ!» проговорилъ онъ, подступивъ къ нему близко.

— «Хорошій! У тебя, холопа, не будетъ такого, произнесъ онъ, расправляя его рукою.—«Славный! Только не туда ты, панъ, крутишь его. Вотъ куда нужно крутить!» Мощный козакъ дернулъ сильною рукою такъ, что половина уса осталась у него. Старый волокита захрапѣлъ и заревѣлъ отъ боли. Лицо его сдѣлалось цвѣта

вареной сквеклы. «Рубите его, рубите лайдака!» кричалъ онъ, но почувствовалъ себя въ рукахъ высокаго козака, и увидя насмѣшливыя лица всѣхъ, сталъ искать глазами своихъ воиновъ. Малеванный шутъ струсилъ ...

— Какъ же тебѣ, панъ, не совѣстно бить такого старика! А если бы твоего стараго отца кто нибудь сталъ безчестить такъ поносно при всѣхъ, какъ ты обезчестилъ старѣйшаго изъ всѣхъ насъ? Что тогда? Весело тебѣ было бы терпѣть это? Ступай, панъ! Если бы ты не у Короля въ службѣ былъ, я бы тебя не выпустилъ живаго.»—Выпущенный плѣнникъ побѣжалъ, отряхиваясь. За нимъ слѣдомъ повалилъ народъ. Между тѣмъ козакъ, отвязавши коня, привязаннаго къ церковной оградѣ, готовился сѣсть, какъ былъ остановленъ средняго роста воиномъ, посѣдѣвшимъ человѣкомъ, который долго не отводилъ отъ него вниманія и заглядывалъ ему въ глаза съ такимъ любопытствомъ, какъ иногда собака, когда видитъ ѣдущаго хлѣбъ. «Добродію! Вѣдь я васъ знаю. Можетъ быть и правда? Ей Богу знаю. Не скажу, таки точно знаю. Ей Богу знаю! Чи вы Остраница, чи вы Омельченко. Можетъ и онъ. Ну такъ! Я стою въ церкви и говорю: вотъ то, что стоитъ возлѣ его, то Остраница. Ей, ей, Остраница. Да можетъ быть и нѣтъ, можетъ быть и не Остраница. Нѣтъ, Остраница. Ей, тебѣ такъ показалось. Ну какъ нѣтъ? Остраница да и Остраница. Какъ только послушалъ голосъ, ну тогда и рукою махнулъ. Вотъ, такъ точнехонько, покойный батюшка. Пусть ему легко икнется на томъ свѣтѣ! Такъ же разумно бывало каждое слово отвѣтитъ.»

Остраница узнаетъ въ старикѣ удалаго козака Пудька. Они вмѣстѣ ѣдутъ на хуторъ Остраницы. Проѣзжая мимо площади, Пудько замѣчаетъ, что народъ весь столпился въ кучу. «Вѣрно, что нибудь произошло между народомъ», говоритъ онъ своему спутнику.

«Въ самомъ дѣлѣ, на открывшейся въ это время изъ за хатъ площади, народъ сросся въ одну кучу. Качели, стрѣльба и игры были оставлены. Остраница, взглянувши, тотчасъ увидѣлъ причину: на шестѣ былъ повѣшенъ, вверхъ ногами, жидъ, тотъ самый, котораго онъ освободилъ изъ рукъ разгнѣваннаго народа. На ту же самую висѣлицу тащили храбреца съ оборваннымъ усомъ. Остраница ужаснулся, увидѣвъ это. «Нужно поспѣшить»,—говорилъ онъ, пришпоривъ коня. «Народъ не знаетъ самъ, что дѣлаетъ. Дурни! Это на ихъ же головы рушится.—Стойте, козаки, рыцарство и посполитый народъ! Развѣ этакъ по козацки дѣлается?» произнесъ онъ, возвыся голосъ.—«Что смотрѣть его!»—послышался говоръ между молодежью. «Въ другой разъ хочетъ у насъ вытащить изъ рукъ.»—«Послушайте, у кого есть свой разумъ.» — «Онъ правду говоритъ,» — говорило нѣсколько умѣренныхъ. «Молоды вы еще, я вамъ разскажу, какъ дѣлаютъ по козацки. Когда одинъ да выйдетъ противъ трехъ, то бравый козакъ, противъ десяти—еще лучше! Одинъ противъ одного не штука. Когда жь три на одного нападутъ, то всѣ не козаки. Бабы они тогда, то, что... плюнуть хочется, для святаго праздника не скажу страмнаго слова. Какъ же хочете теперь, братцы, напасть гурьбою на беззащитнаго, какъ будто на какую крѣпость страшную? Спрашиваю васъ, братцы,» продолжалъ Остраница, замѣтивъ вниманіе,—«какъ назвать тѣхъ?..»—«А чѣмъ назвать его.»—заговорили многіе въ полголоса. «Чтожь есть хуже бабы, или того, что онъ постыдился сказать, мы не знаемъ?»—«Э», не къ тому рѣчь, паноче, своротилъ,» произнесло въ голосъ нѣсколько парубковъ. «Чтожь? Развѣ мы должны позволить, чтобъ всякая падаль топтала насъ ногами?»—«Глупы вы еще, не великъ усъ у васъ,» продолжалъ Остраница. При этомъ многіе ухватились за усы и стали покручивать ихъ, какъ бы въ опроверженіе сказаннаго имъ. «Слушайте, я разскажу вамъ одну присказку. Одинъ школяръ учился у одного дьяка. Тому школяру не далось слово Божье. Вѣрно онъ былъ придурковатъ, а можетъ быть и лѣнь тому мѣшала. Дьякъ его поколотилъ дубинкою разъ, а послѣ въ другой, а тамъ и въ третій. «Крѣпко бьется проклятая дубина», сказалъ школяръ, принесъ сѣкиру и изрубилъ ее въ куски. «Постой же ты», сказалъ дьякъ, да и вырубилъ дубину, толщиною въ оглоблю, и такъ погладилъ ему бока, что и теперь еще

болятъ. Ктожь тутъ виноватъ, дубина развѣ?» — «Нѣтъ, нѣтъ,» кричала толпа.— «Тутъ виноватъ король!...»

«Радуясь, что наконецъ удалось успокоить народъ и спасти шляхтича, Остраница выѣхалъ изъ мѣстечка и пришпорилъ коня сильнѣе, и услышалъ, что его нагоняетъ Пудько. Какъ-то тягостно ему было видѣть возлѣ себя другаго. Множество скопившихся чувствъ нудило его къ раздумью. Свѣжій, тихій весенній воздухъ и притомъ нѣжно одѣвающіяся деревья какъ-то расположили въ такое состояніе, когда всякій товарищъ бываетъ скученъ въ глазахъ вѣчно упоительной природы. И потому Остраница выдумалъ предлогъ отослать впередъ Пудька въ хуторъ и ожидать его тамъ; а самъ, сказавъ, что ему еще нужно заѣхать къ одному пану, поворотилъ съ дороги.

Этимъ распоряженіемъ Пудько, кажется, не былъ недоволенъ, или можетъ, только принялъ на себя такой видъ, потому что чрезъ это ни мало не измѣнялъ любимой привычкѣ своей говорить. Вся разница, что вмѣсто Остраницы, онъ все это пересказывалъ своему гнѣдко... «О, это разумная голова! Ты еще не знаешь его, гнѣдко! Онъ тогда еще, когда было поднялось все наше рыцарство на Ляховъ, онъ славную имъ далъ перепойку. Дали бъ и они ему перцу, когда бы не улизнулъ на Запорожье. А правда не важно жидъ болтается на висѣлицѣ. А пана напрасно было затянули веревкою за шею. Правда, у него недостаетъ одной клепки въ головѣ, ну да чтожь дѣлать? Онъ отъ короля поставленъ. Можетъ, ты еще спросишь, за чтожь жида повѣсили, вѣдь и онъ отъ короля поставленъ? Гм! вѣдь ты дуракъ, гнѣдко. Онъ за то врагъ Христовъ, нашего Бога святаго.» Тутъ онъ ударилъ хлыстомъ своего скромнаго слушателя, который, убаюкиваемый его росказнями, развѣсилъ уши и началъ ступать уже шагомъ. «Оно не такъ далеко и хуторъ, а все лучше раньше поспѣть. Уже давно пора, хочется разговѣться святою пасхою. Говори, молъ, мнѣ не пасхи, мнѣ овса подавай. Потерпи немножко: у пана славный овесъ, и пшеницы дамъ въ волю, и сивухою попотчиваютъ. Я давно хотѣлъ у тебя спросить, гнѣдко, что лучше для тебя, пшеница или овесъ? Молчишь? Ну и будешь же вѣкъ молчать, потому что Богъ повелѣлъ только человѣку, да еще одной маленькой пташкѣ...»

«При этомъ онъ опять хлестнулъ гнѣдка, замѣтивъ, что онъ заслушался и сталъ выступать по прежнему...»

Очевидно, повѣсть оставлена недоконченною потому, что Гоголь нашелъ въ «Тарасѣ Бульбѣ» сюжетъ, болѣе удобный для осуществленія его идеи— представить запорожье и казачество въ полномъ разгарѣ борьбы за вѣру и народность. Нѣкоторые эпизоды «Тараса Бульбы» сохранили слѣды близкаго родства съ найденнымъ теперь отрывкомъ.

«Развязка Ревизора», написанная въ 1847, представляетъ мало новыхъ мыслей, послѣ «Театральнаго разъѣзда» и «Выбранныхъ мѣстъ». Гоголь выводитъ на сцену артистовъ, игравшихъ въ пьесѣ, и трехъ любителей театра, отдавая главную роль—«главнаго комическаго актера»—г. Щепкину, которому актеры подносятъ вѣнокъ за игру его въ роли городничаго. Любители театра высказываютъ о «Ревизорѣ» мнѣнія, сходныя съ тѣми, какія уже были подмѣчены Гоголемъ въ «Разъѣздѣ»; главный комическій актеръ разрѣшаетъ ихъ недоумѣнія размышленіями въ духѣ «Переписки съ друзьями». Гоголь заходитъ такъ далеко, что хочетъ даже выставить «Ревизора» не комедіею изъ общественныхъ нравовъ, а аллегоріею. Одинъ изъ любителей театра говоритъ, что авторъ оскорбляетъ зрителей, изобличая своею комедіею ихъ недостатки, заставляя зрителей видѣть въ самихъ себѣ нравственныхъ уродовъ. «Нѣтъ, возражаетъ ему главный комическій актеръ, авторъ имѣлъ вовсе не ту цѣль:

«Нѣтъ, Семенъ Семенычъ, не о красотѣ нашей должна быть рѣчь, но о томъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ наша жизнь, которую привыкли мы почитать за комедію, да

не окончилась бы такой трагедіей, какою кончилась эта комедія, которую только что сыграли мы. Что ни говори, но страшенъ тотъ ревизоръ, который ждетъ насъ у дверей гроба. Будто не знаете, кто этотъ ревизоръ? Что прикидываться! Ревизоръ этотъ наша проснувшаяся совѣсть, которая заставитъ насъ вдругъ и разомъ взглянуть во всѣ глаза на самихъ себя. Передъ этимъ ревизоромъ ничто не укроется, потому что по именному высшему повелѣнью онъ посланъ и возвѣстится о немъ тогда, когда уже и шагу нельзя будетъ сдѣлать назадъ. Вдругъ откроется передъ тобою, въ тебѣ же откроется такое страшилище, что отъ ужаса подымется волосъ. Лучше жъ сдѣлать ревизовку всему, что ни есть въ насъ, въ началѣ жизни, а не въ концѣ ея. На мѣсто пустыхъ разглагольствованій о себѣ и похвальбы собой да побывать теперь же въ безобразномъ душевномъ нашемъ городѣ, который въ нѣсколько разъ хуже всякаго другаго города, въ которомъ безчинствуютъ наши страсти, какъ безобразные чиновники, воруя казну собственной души нашей! Въ началѣ жизни взять ревизора, и съ нимъ объ руку переглядѣть все, что ни есть въ насъ, настоящаго ревизора, не подложнаго! не Хлестакова! Хлестаковъ—щелкопёръ, Хлестаковъ вѣтренная свѣтская совѣсть, продажная обманчивая совѣсть, Хлестакова подкупятъ какъ разъ наши же, обитающія въ душѣ нашей, страсти. Съ Хлестаковымъ подъ руку ничего не увидишь въ душевномъ городѣ нашемъ. Смотрите, какъ всякій чиновникъ съ нимъ въ разговорѣ вывернулся ловко и оправдался. Вышелъ чуть не святой. Думаете, не хитрѣй всякаго плута-чиновника каждая страсть наша, и не только страсть, даже пустая пошлая какая нибудь привычка? Такъ ловко передъ нами вывернется и оправдается, что еще почтешь ее за добродѣтель, и даже похвастаешься передъ своимъ братомъ, и скажешь ему: «Смотри, какой у меня чудесный городъ, какъ въ немъ все прибрано и чисто!» Лицемѣры наши страсти, говорю вамъ, лицемѣры, потому, что самъ имѣлъ съ ними дѣло. Нѣтъ, съ вѣтренной свѣтской совѣстью ничего не разглядишь въ себѣ, и ее самую онѣ надуютъ, и она надуетъ ихъ, какъ Хлестаковъ чиновниковъ, и потомъ пропадетъ сама, такъ что и слѣда ея не найдешь. Останешься какъ дуракъ-городничій, который занесся уже было ни вѣсть куда, и въ генералы полѣзъ, и навѣрняка сталъ возвѣщать, что сдѣлается первымъ въ столицѣ, и другимъ сталъ обѣщать мѣста, и потомъ вдругъ увидѣлъ, что былъ кругомъ обманутъ и одураченъ мальчишкою верхоглядомъ, вертопрахомъ, въ которомъ и подобья не было съ настоящимъ ревизоромъ. Нѣтъ, Петръ Петровичъ, нѣтъ, Семенъ Семенычъ, нѣтъ, господа, всѣ, кто ни держитесь такого же мнѣнья, бросьте вашу свѣтскую совѣсть. Не съ Хлестаковымъ, но съ настоящимъ ревизоромъ оглянемъ себя! Клянусь, душевный городъ нашъ стоитъ того, чтобы подумать о немъ».

Это натянутое объясненіе, конечно, нимало нейдетъ къ дѣлу и замѣчательно только своею странностью. Вообще, «Развязка Ревизора» есть слѣдствіе того же настроенія духа, которое побуждало Гоголя напечатать «Завѣщаніе» и «Выбранныя мѣста»; пьеса эта такъ же слаба, какъ худшія страницы въ «Выбранныхъ мѣстахъ».

Отрывокъ изъ «Мертвыхъ Душъ» былъ напечатанъ въ 1-й книжкѣ «Русскаго Вѣстника». Произведенія, собранныя издателемъ подъ названіемъ «Юношескихъ Опытовъ», всѣ напечатаны Гоголемъ до изданія «Вечеровъ на Хуторѣ», но могутъ считаться почти совершенно неизвѣстными публикѣ, кромѣ стихотворенія «Италія», которое недавно было приведено г. Тихонравовымъ въ одной изъ его статей. О томъ, что «Ганцъ Кюхельгартенъ» поэма очень слабая, даже и для тогдашняго времени (1829 г.), не можетъ быть ни малѣйшаго спора; но она интересна въ томъ отношеніи, что по сюжету не походитъ на тогдашнія кровавыя поэмы съ небывалыми злодѣйствами и трескучими катастрофами: Ганцъ, увлеченный идеальными стремленіями, начинаетъ тосковать въ скромной и тихой долѣ, которую даетъ ему судьба; онъ поки-

даетъ любящую его кроткую невѣсту, чтобы предаться наукѣ, искусству, утолить жажду кипучей юношеской дѣятельности, — но, утомленный безплодною погонею за мечтами, возвращается въ свой мирный и прозаическій городокъ, къ своей милой Луизѣ, и поэма кончается веселою свадьбою; и насколько поэма Гоголя въ художественномъ отношеніи ниже другихъ тогдашнихъ поэмъ, на столько же сильнѣе ихъ она тѣмъ, что есть въ ней нѣкоторые проблески чего-то похожаго на сочувствіе къ дѣйствительной жизни, а не къ однѣмъ только вычитаннымъ изъ непонятаго Байрона мелодраматическимъ грёзамъ.

Отрывки изъ разсказа «Страшный Кабанъ», напечатанные въ «Литературной Газетѣ», должны быть поставлены выше отрывка изъ исторической повѣсти, о которомъ говорили мы выше,—если бы «Страшный Кабанъ» былъ доконченъ, онъ былъ бы развѣ немногимъ слабѣе «Сорочинской Ярмарки» или «Ночи передъ Рождествомъ».

Исторія Балтійскихъ Славянъ. А. Гильфердинга. *Томъ I. Москва. 1855.*

Людямъ, занимающимся славянскою филологіею, имя г. Гильфердинга извѣстно по двумъ сочиненіямъ, которыя отличались болѣе странностью тенденціи, нежели основательностью изъисканія. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что славянскій языкъ имѣетъ ближайшее сродство съ другими европейскими языками индо-европейскаго семейства: литовскимъ, нѣмецкимъ, латинскимъ, греческимъ; всѣ они вмѣстѣ составляютъ западную вѣтвь индо-европейскаго семейства; другіе языки того же племени—санскритскій, зендскій и персидскій, принадлежатъ къ восточной его вѣтви; съ ними европейскіе языки находятся уже не въ такомъ близкомъ родствѣ, какъ между собою. Это истина, такая же очевидная для каждаго филолога, какъ для каждаго изъ насъ то, что Москва есть европейскій городъ, а Бенаресъ—азіятскій. Но г. Гильфердингу вздумалось, что ближайшее родство съ индѣйцами есть почетнѣйшій титулъ, какимъ только можетъ украшаться какой бы то ни было народъ, и онъ рѣшился доставить намъ эту честь, — намѣреніе доброе, но противорѣчащее положительнымъ выводамъ науки. Г. Гильфердингъ отвергъ всѣ правила, которыя въ дѣлѣ филологическихъ изслѣдованій необходимы, чтобъ не сбиться съ прямаго пути, и написалъ двѣ книги въ доказательство того, что славянскій языкъ не европейскій, а азіятскій языкъ; чтобы Европа, лишаясь одного изъ лучшихъ своихъ языковъ, не осталась въ убыткѣ, онъ доказывалъ въ то же время, что она должна отнять у Азіи персидскій языкъ. Не знаемъ, считаетъ ли теперь онъ свою цѣль уже достигнутою, или убѣдился въ безполезности желанія и въ невозможности достигнуть ея, только за двумя книгами, сочиненными имъ въ доказательство азіятства славянъ, не являются слѣдующія пять или шесть книгъ, которыя онъ хотѣлъ написать въ дальнѣйшее подтвержденіе вышеобъясненнаго добраго намѣренія. Вмѣсто того, онъ занялся, какъ теперь видимъ, «Исторіею Балтійскихъ Славянъ».

Это дѣло гораздо полезнѣе для русской публики, да и для науки, нежели противныя научной очевидности разсужденія о ближайшемъ родствѣ славянъ съ браминами. Но и тутъ г. Гильфердингъ имѣлъ отчасти умыселъ, котораго нельзя похвалить: онъ хочетъ запугать насъ нѣмцами, хочетъ научить

насъ, что отъ нѣмцевъ слѣдуетъ намъ держать себя подальше, а то — долго ли до бѣды?—какъ разъ они погубятъ нашу славянскую народность, онѣмечатъ насъ. Онъ представляетъ тому поразительный примѣръ въ судьбѣ балтійскихъ славянъ. Сколько ихъ было!—лютичи, бодричи, стодоряне, поморяне,—и всѣ говорили по славянски; и какой народъ былъ!—воинственный и храбрый, сносливый и упорный, честный, въ семейномъ союзѣ крѣпкій, добродушный, гостепріимный, человѣколюбивый; и какіе города у нихъ были!—Рана, Колобрегъ, Гданскъ, Аркона, Щетинъ, Радигощъ, — и какіе у нихъ идолы были! — Триглавъ, Бѣлбогъ, Чернобогъ, Радигость, Яровитъ, Святовитъ, да еще не просто Святовитъ, а Сварожичъ; и какіе пироги пекли они Святовиту!—изъ сладкаго тѣста, круглые, вышиною почти въ человѣческій ростъ... и что же теперь? нѣтъ ни Триглава, ни Святовита Сварожича,—пироги изъ сладкаго тѣста правда есть, но уже не въ человѣческій ростъ вышиною,—и Щетинъ называется Штеттиномъ, и Гданскъ Данцигомъ, и не умѣютъ потомки поморянъ и стодорянъ говорить по славянски, и будто истые нѣмцы пьютъ пиво вмѣсто славянскаго меда.

А отчего погибли балтійскіе славяне? Не оттого только, что были побѣждаемы нѣмцами, но еще больше оттого, что полюбили нѣмецкіе нравы и сами исказили свою народность. «Предметъ близокъ намъ—говоритъ г. Гильфердингъ въ предисловіи — есть много поучительнаго въ судьбѣ балтійскихъ славянъ, ибо не одна только внѣшняя сила погубила ихъ: сильнѣе оружія германцевъ дѣйствовало внутреннее зло, искаженіе коренныхъ началъ славянской жизни». Предметъ вовсе не близокъ намъ—думаемъ мы—если близость его полагать въ сходствѣ нашего положенія съ положеніемъ балтійскихъ славянъ въ IX—XII вѣкахъ, и никакого поученія не можемъ мы извлечь изъ ихъ судьбы, а могли бы извлекать его для себя развѣ нѣмецкіе колонисты въ Саратовской губерніи, Новороссійскомъ краѣ и т. д.: не русскимъ грозитъ опасность онѣмечиться—она отъ насъ такъ же далека, какъ опасность отуречиться или омордвиниться; во всемъ русскомъ царствѣ нѣтъ ни одного русскаго человѣка, дѣти или внуки котораго могли бы сдѣлаться нѣмцами; напротивъ, люди нѣмецкаго происхожденія мало по малу принимаютъ нашу народность; напримѣръ, г. Гильфердингъ, какъ по всему видно, чисто русскій человѣкъ, никакъ не менѣе всѣхъ нашихъ Ивановыхъ, Андреяновыхъ, Поповыхъ или Калашниковыхъ, а, между тѣмъ, фамилія г. Гильфердинга доказываетъ, что его предки были нѣмецкаго происхожденія. Какое же тутъ сходство съ балтійскими славянами? Тѣ сами онѣмечивались; а живучи между насъ, русѣютъ иноплеменники, къ обоюдному удовольствію коренныхъ русскихъ и самихъ русѣющихъ иноплеменниковъ.

Вотъ совершенно другое дѣло вторая причина «близости къ намъ предмета», также указываемая намъ г. Гильфердингомъ: «балтійскіе славяне были братья русскаго народа», — это указаніе основательно. Мы рады выслушать подробный разсказъ о судьбѣ своихъ братьевъ. Но не мѣшаетъ при этомъ замѣтить, что онѣмечившіеся потомки балтійскихъ славянъ, населяющіе восточную часть Пруссіи, Мекленбургъ и пр., совершенно довольны своею участью, забыли о всякой враждѣ съ нѣмцами и даже считаютъ себя нѣмцами съ

такою же основательностью, какъ мы, согласно съ самимъ г. Гильфердингомъ, считаемъ г. Гильфердинга вполнѣ русскимъ. А если сами потомки балтійскихъ славянъ не имѣютъ нынѣ охоты сердиться на нѣмцевъ, то мы съ г. Гильфердингомъ ужь и подавно не имѣемъ основанія сердиться на нѣмцевъ за то, что они онѣмечили поморянъ, черезпѣнянъ, доленчанъ и глинянъ. Пора говорить хладнокровно о томъ, что было за тысячу или за восемьсотъ лѣтъ. Можно, кажется, не оскорбляя никого, сознаться, что если нѣмцы, во время войны съ балтійскими славянами, дѣлали имъ много вреда, то и балтійскіе славяне не оставались у нѣмцевъ въ долгу. Мы совѣтуемъ г. Гильфердингу оставить вражду къ нѣмцамъ: иначе—чего добраго—явится по его примѣру какой нибудь историкъ, который будетъ враждовать противъ русскихъ, и въ томъ числѣ противъ г. Гильфердинга за то, что нынѣ муромцы говорятъ по русски—вѣдь они потомки муромы, которая, въ то самое время, когда балтійскіе славяне говорили по славянски, говорила не по славянски, а по муромски.

Но хорошо, по крайней мѣрѣ, то, что г. Гильфердингъ отъ фантастическихъ изысканій перешелъ къ занятію предметомъ серьезнымъ; еще лучше то, что въ новой его книгѣ гораздо менѣе произвольныхъ толкованій, нежели въ первыхъ сочиненіяхъ,—нынѣ онъ соблюдаетъ правила науки, которымъ не подчинялся прежде. Желаемъ, чтобы этотъ шагъ впередъ не былъ послѣднимъ, и чтобы г. Гильфердингъ вполнѣ убѣдился, что безпристрастная истина лучшее поученіе и русскому, и нѣмецкому, и всякому другому народу.

Новое сочиненіе показываетъ въ г. Гильфердингѣ человѣка трудолюбиваго и умѣвшаго пріобрѣсть довольно обширныя знанія по своей спеціальности. Важныхъ ученыхъ открытій въ исторіи балтійскихъ славянъ до IX вѣка, которымъ кончается первый томъ, мы не замѣтили въ его книгѣ; но нѣкоторыя частныя догадки его справедливы. Надобно надѣяться, что мы будемъ имѣть въ немъ хорошаго и дѣятельнаго славяниста.

КРИТИКА.

СОЧИНЕНІЯ Т. Н. ГРАНОВСКАГО. *Томъ первый.*

Москва. 1856.

Когда, по смерти замѣчательнаго ученаго или поэта, даются его друзьями и почитателями обѣщанія издать полное собраніе его сочиненій, публика не обольщается надеждою, что слова эти непремѣнно будутъ исполнены; а тому, чтобы обѣщанія исполнились скоро и удовлетворительно, она рѣшительно не вѣритъ. И нельзя не сказать, что такая недовѣрчивость основательна: публика была слишкомъ часто обманываема подобными обѣщаніями. Лѣтъ пять заставили ее ждать дополнительныхъ томовъ къ первому посмертному изданію твореній Пушкина (1841 года), и—Боже!—каково было это изданіе! Любители курьезныхъ книгъ должны дорожить имъ, какъ дивомъ небрежности и неряшества внѣшняго и внутренняго, какъ рѣдкостью, достойною занимать мѣсто на ряду съ тѣмъ знаменитымъ изданіемъ Виргилія, въ которомъ списокъ типографскихъ и другихъ погрѣшностей наполнилъ въ полтора раза болѣе страницъ, нежели самый текстъ. Относительно русской поэзіи довольно этого примѣра. Наука наша еще несчастнѣе на посмертныя изданія. Укажемъ одинъ случай: Прейсъ, одинъ изъ первыхъ славянистовъ Европы, оставилъ много сочиненій; но почти всѣ они хранились еще въ рукописи, когда постигла его слишкомъ ранняя смерть. Напечатаны имъ при жизни были только немногія и небольшія по объему статьи, удивляющія ученостью и глубокомыслiемъ. Важность оставшихся въ рукописи трудовъ его была несомнѣнна. Нѣсколько лѣтъ мы постоянно слышали, что рукописи Прейса приготовляются къ изданію... вотъ прошло десять лѣтъ, а еще ни одна строка изъ нихъ не явилась въ печати, да и самые слухи объ изданіи совершенно замолкли: довольно, должно быть, того, что поговорили о немъ. Такихъ фактовъ можно было бы припомнить десятки. Не удивительно послѣ того, что публика мало надѣется на посмертныя изданія.

Тѣмъ болѣе чести друзьямъ покойнаго Грановскаго, которые принятую ими на себя священную обязанность исполняютъ, какъ видимъ, ревностно и честно. Первый томъ обѣщаннаго изданія уже въ рукахъ публики; второй явится черезъ два или три мѣсяца, и, такимъ образомъ, еще до истеченія года со времени тяжелой потери, нанесенной не только нашей наукѣ, но и обществу русскому смертью автора, друзья его исполнятъ ту часть своего долга, совершеніе которой зависитъ исключительно отъ ихъ усердія: два тома эти соединяютъ въ себѣ все, что было напечатано Грановскимъ при жизни. Остается другая, еще болѣе важная половина дѣла: напечатать по рукописи Грановскаго составленную имъ часть учебника всеобщей исторіи, и, по запискамъ его слушателей, знаменитые его университетскіе курсы. Ревность, уже доказанная издателями, ручается за то, что и тутъ они сдѣлаютъ все, зависящее отъ нихъ, для удовлетворенія ожиданіямъ публики. Надобно надѣяться, что имъ удастся дать намъ полные курсы Грановскаго.

Внѣшній видъ изданія совершенно удовлетворителенъ. Цѣна назначена очень умѣренная—три рубля за два большіе тома: очевидно, издатели заботятся о томъ, чтобы дешевизна книги позволяла большинству небогатыхъ читателей пріобрѣтать изданіе. Прекрасный примѣръ, котораго не должны были бы дожидаться другіе издатели, возбуждающіе противъ себя справедливый ропотъ за то, что слишкомъ высокою цѣною препятствуютъ должному распространенію въ массѣ публики книгъ наиболѣе любимыхъ, и необходимыхъ каждому образованному человѣку. Г. Кудрявцевъ, на которомъ лежатъ главные труды по изданію, какъ видно изъ предисловія, и г. Соловьевъ, раздѣлявшій съ нимъ заботы по редакціи, пріобрѣтаютъ этимъ прекраснымъ дѣломъ новое право на признательность публики.

Характеръ предисловія, приложеннаго къ первому тому, заставляетъ насъ сдѣлать догадку, въ справедливости которой нельзя сомнѣваться, принимая во вниманіе энергію, съ какою друзья Грановскаго заботятся о его памяти. «Извѣстіе о литературныхъ трудахъ Грановскаго», написанное г. Кудрявцевымъ, занимается исключительно характеристикою литературныхъ пріемовъ и привычекъ покойнаго историка, нисколько не касаясь его біографіи. Это заставляетъ думать, что жизнеописаніе его составляетъ предметъ отдѣльнаго и обширнаго труда. Въ планѣ изданія, объясняемомъ г. Кудрявцевымъ, не упомянается о выборѣ изъ корреспонденціи Грановскаго, безъ сомнѣнія, очень важной для его біографіи, да и вообще для исторіи нашей литературы: это служитъ новымъ подтвержденіемъ выраженной выше догадки. Итакъ, есть основанія думать, что жизнь Грановскаго будетъ намъ разсказана со всею возможною въ настоящее время полнотою. Съ живѣйшимъ интересомъ будемъ ожидать этой біографіи, а пока воспользуемся тѣми свѣдѣніями, какія сообщаетъ предисловіе, для характеристики привычекъ Грановскаго, какъ литератора.

Грановскій писалъ гораздо менѣе, нежели должно было желать. Чѣмъ объяснить это? Ужели только нелюбовью къ механическому труду, соединенному съ изложеніемъ мыслей на бумагѣ? Такъ думали иные. Г. Кудрявцевъ находитъ это слишкомъ поверхностное объясненіе неудовлетворительнымъ и приводитъ другія, гораздо вѣрнѣйшія.

«Въ Грановскомъ (говоритъ онъ) соединялись два качества, которыя не часто встрѣчаются вмѣстѣ: умъ его былъ столько же ясный и живой, сколько и основательный. Его не удовлетворяло поверхностное знаніе предмета, первое знакомство съ нимъ. Его не пугали самыя трудныя задачи науки: онъ любилъ брать ихъ «съ боя» (какъ самъ же онъ выразился въ одной своей статьѣ), но не довольствовался своею первою побѣдою. Не останавливаясь на первомъ полученномъ успѣхѣ, онъ находилъ въ немъ лишь новыя побужденія къ тому, чтобы усилить занятія предметомъ. Чѣмъ больше знакомился онъ съ вопросомъ, тѣмъ больше любилъ углубляться въ него. Однажды выработанная мысль не принимала въ немъ навсегда неподвижную форму, закрытую для всякаго дальнѣйшаго развитія. Каждое новое изслѣдованіе, соприкасающееся съ предметомъ его занятій, наводило его на новыя соображенія. Оттого нерѣдко случалось, что Грановскій, уже обдумавши свой собственный планъ, или отказывался отъ него, или отлагалъ на неопредѣленное время его исполненіе, находя, что онъ еще не довольно соотвѣтствовалъ современнымъ требованіямъ науки. Время, между тѣмъ, наводило нашего ученаго на другіе вопросы, и возбужденная ими любознательность вызывала его на новыя занятія. Такимъ образомъ, нѣсколько обширныхъ плановъ, задуманныхъ имъ еще во время пребыванія за границею, остались неисполненными, хотя для нихъ уже заготовлено было много матеріала..... Съ необыкновенною живостью переходя отъ одного вопроса науки къ другому, Грановскій никогда, впрочемъ, не терялъ изъ виду прежнихъ задачъ: напротивъ, онъ часто возвращался къ нимъ съ новымъ воодушевленіемъ,—но за то и съ большею взыскательностью къ самому себѣ. Не довольно было, чтобы мысль много занимала его: онъ не прежде приступалъ къ литературной обработкѣ ея, какъ давши ей созрѣть въ себѣ, и достигнувъ яснаго пониманія ея въ самыхъ подробностяхъ..... Грановскій былъ вовсе чуждъ того литературнаго легкомыслія, которое спѣшитъ всякую случайно навернувшуюся мысль тотчасъ передать публикѣ.... Говоря о Грановскомъ, какъ о писателѣ, не надобно также забывать его въ высокой степени симпатическую природу, постоянно обращенную ко всѣмъ живымъ явленіямъ въ современности. Можно сказать, что ни одно замѣчательное явленіе въ умственномъ мірѣ и въ общественномъ быту не ускользало отъ его вниманія. Мысль его устремлялась всюду, гдѣ только находила слѣдъ человѣческой дѣятельности.... Нѣкоторые читатели были очень изумлены, увидѣвъ напечатанное въ одномъ журналѣ, съ именемъ Грановскаго, чтеніе «Объ Океаніи и ея жителяхъ»: съ какой стати было ему говорить объ Океаніи? Какимъ образомъ мысль историка могла быть завлечена въ такую неисторическую страну? Дѣло, однако, объясняется очень просто. Гдѣ только находилось какое нибудь людское общество, тамъ непремѣнно хотѣла присутствовать и неутомимая мысль нашего ученаго... До насъ дошло лишь одно такое чтеніе; но читатель можетъ судить по немъ, какое обширное изученіе предмета авторъ обыкновенно полагалъ въ основаніе своихъ выводовъ.—Если дальній и малоизвѣстный свѣтъ такъ много занималъ нашего ученаго, то можно себѣ представить, съ какимъ живымъ интересомъ слѣдилъ онъ за всѣмъ тѣмъ, что дѣлалось и происходило вокругъ него. Современныя общественныя явленія не имѣли между нами болѣе воспріимчиваго органа для себя. Все, что было въ нихъ отраднаго, такъ и горькаго.—все это находило самый искренній и горячій отзывъ въ его душѣ... Понятно, что, при такой чувствительности къ современному, вопросы, предлагаемые наукою о прошлой жизни, нерѣдко уходили на задній планъ. Это не значитъ, конечно, чтобы Грановскій терялъ ихъ изъ виду; но передъ лицомъ великихъ современныхъ событій они нерѣдко теряли тотъ животрепещущій интересъ, который тотчасъ ищетъ себѣ выхода въ литературу.... Къ тому же, сообщительный отъ природы, любя болѣе всего живое, свободное слово, онъ часто довольствовался этимъ средствомъ сообщенія своихъ мыслей... Оттого-то, между прочимъ, Грановскій предпочиталъ столько любимую имъ форму публичныхъ чтеній всякому другому способу изложенія своихъ мыслей».

Прибавимъ къ этому другія обстоятельства, на которыя намекаетъ г. Кудрявцевъ,—между прочимъ, что литературная форма у насъ очень узка, если можно такъ выразиться; что Грановскій былъ доволенъ своимъ сочине-

ніемъ только тогда, когда успѣвалъ сообщить мысли совершенно художественную форму, подъ которою, конечно, надобно понимать не только внѣшнюю обработку слога, но также полноту и ясность развитія мысли,—и намъ не будетъ казаться страннымъ, что Грановскій писалъ мало. Это было слѣдствіемъ того, что онъ вѣрно понималъ свое положеніе и обязанности. У насъ въ дѣлѣ науки почти совершенно нѣтъ раздѣленія работъ, потому что мало людей, приготовленныхъ къ ученому труду. Ученый, одаренный способностями, которыя ставятъ его выше толпы, до сихъ поръ еще находится въ положеніи, отчасти сходномъ съ положеніемъ Ломоносова: не одно дѣло, а десять, двадцать дѣлъ долженъ брать онъ въ свои руки, если хочетъ быть истинно полезенъ. Въ Германіи, въ Англіи историкъ можетъ спокойно обработывать избранный предметъ, не развлекаясь ничѣмъ—онъ служитель науки, и только; весь долгъ его ограничивается тѣмъ, чтобы быть трудолюбивымъ спеціалистомъ—остальнымъ потребностямъ общества удовлетворяютъ другіе люди. У насъ положеніе истиннаго ученаго, какимъ былъ Грановскій, еще не таково. До сихъ поръ онъ служитель не столько своей частной науки, сколько просвѣщенія вообще—задача, несравненно болѣе обширная. Извѣстно, что западные ученые почти всегда избираютъ предпочтительнымъ предметомъ своихъ занятій одну какую нибудь часть исторіи: иной трудится почти исключительно надъ разработкою греческой исторіи, другой римской, третій—исторіи Италіи или Германіи, да и то не во всемъ ея объемѣ, а преимущественно или въ средніе вѣка, или въ эпоху возрожденія, или въ новое время. Кромѣ этого небольшаго участка, всѣ остальные народы и времена уже не развлекаютъ его силъ и вниманія: то особенные участки, о которыхъ нечего заботиться, потому что они обработываются другими дѣятелями. У насъ не то: дѣятелей такъ мало, что они еще не могутъ ограничиваться разработкою отдѣльныхъ частей науки—иначе бо́льшая часть ея останется еще совершенно чуждою, невѣдомою нашему обществу; они даже не могутъ сосредоточить своего вниманія на избранной ими спеціальной наукѣ,—потому что другія, сродныя съ нею, необходимыя для ея успѣховъ, отрасли знанія не находятъ еще себѣ воздѣлывателей; ученый, понимающій свое отношеніе къ потребностямъ публики, все еще чувствуетъ у насъ слишкомъ сильную потребность быть не столько спеціалистомъ, сколько энциклопедистомъ. Не трудное и почетное въ ученомъ смыслѣ дѣло—заняться разработкою эпохи феодализма или реформаціи, греческой или нѣмецкой исторіи—тутъ можно создать творенія капитальныя, которыми данный вопросъ двинется впередъ для науки, и ученая слава наградитъ труженика. Но то ли у насъ нужно? Прежде, нежели заботиться о движеніи впередъ науки, надобно позаботиться о томъ, чтобы усвоить ее нашему обществу—подвигъ вовсе не блестящій, въ научномъ смыслѣ, подвигъ не спеціалиста, увѣнчиваемаго музою Кліо, а просвѣтителя своей націи, за отреченіе отъ обольщеній личной славы вознаграждаемаго только сознаніемъ, что онъ дѣлаетъ полезное для общества дѣло. Есть люди, которые думаютъ, будто наше общество уже достаточно ознакомилось съ наукою въ современномъ ея состояніи, которые даже удивляются богатству и основательности знаній въ нашемъ обществѣ. «Познанія у насъ, русскихъ, такъ разнообразны и обширны (восклицаютъ эти люди, слишкомъ довѣрчивые къ своему), умственныя

способности такъ развиты, ясность и быстрота понятій доведены до такой высокой степени, что изумишься поневолѣ!» («Моск. Сборн.» 1846 г., статья г. Хомякова: «Мнѣніе русскихъ объ иностранцахъ» стр. 151). Но въ этомъ изумленіи отъ нашихъ чрезвычайныхъ умственныхъ богатствъ гораздо больше субъективныхъ, нежели объективныхъ основаній, или, пожалуй, больше доброй воли, нежели основательности. На самомъ дѣлѣ, у насъ очень мало людей, которые слѣдили бы за наукою,—тѣмъ больше, разумѣется, чести немногимъ, дѣйствительно слѣдящимъ за нею. Но обязанность ихъ совершенно не та у насъ, какъ на Западѣ, потому что они должны дѣйствовать въ обществѣ, находящемся не на той степени умственнаго развитія, какъ западное общество. Тамъ прогрессъ состоитъ въ дальнѣйшей разработкѣ самой науки, у насъ до сихъ поръ еще въ томъ, чтобы полнѣе усвоивать результаты, которыхъ уже достигла наука; тамъ на первомъ планѣ стоятъ потребности науки, у насъ—потребности просвѣщенія.

Грановскій понималъ это и служилъ не личной своей ученой славѣ, а обществу. Этимъ объясняется весь характеръ его дѣятельности. Спеціальная наука его была исторія. Чего недостаетъ намъ въ настоящее время по этой важной отрасли знанія? Чѣмъ мучится наше общество? Тѣмъ ли, что многіе очень важные вопросы въ этой наукѣ еще не разрѣшены? Нимало; оно даже не предчувствуетъ существованія этихъ неразрѣшенныхъ вопросовъ, и если слышитъ, что въ наукѣ еще не все сдѣлано, то наивно предполагаетъ нерѣшенными именно тѣ вопросы, которые уже давно объяснены [1]).

---

[1]) До какой степени простирается эта ошибка, можно видѣть, напримѣръ, изъ статьи «Московскаго Сборника», о которой упомянули мы выше. Авторъ, безспорно принадлежащій къ числу просвѣщеннѣйшихъ людей у насъ, говоритъ, между прочимъ, что наши ученые должны рѣшить тѣ важнѣйшіе вопросы въ исторіи, которые не рѣшены западною наукою, и сѣтуетъ на нашихъ историковъ за то, что не двинули этихъ вопросовъ впередъ, не сказали о нихъ ничего новаго. Каковы же задачи, неразъясненныя, по мнѣнію автора, наукою? Вотъ онѣ: «Догадались ли мы, что каждый народъ представляетъ такое же живое лицо, какъ и каждый человѣкъ, и что внутренняя его жизнь есть ничто иное, какъ развитіе какого нибудь нравственнаго или умственнаго начала, осуществляемаго обществомъ?» (Объ этомъ давно всѣ твердятъ съ голоса Гегеля; трудно найти историческую книгу за послѣднія двадцать лѣтъ, въ которой бы дѣло это излагалось неудовлетворительно; въ настоящее время скучно уже и говорить о подобныхъ вещахъ). «Самыя важныя явленія въ жизни человѣчества остались незамѣченными. Такъ, напримѣръ, критика историческая не замѣтила, что многое утратилось и обмелѣло въ мысляхъ и познаніяхъ человѣческихъ, при переходѣ изъ Эллады въ Римъ и отъ Рима къ романизированнымъ племенамъ Запада». (Съ того времени, какъ принялись за изученіе греческихъ классиковъ, каждому извѣстно, что греки въ наукѣ и поэзіи были выше римлянъ, что Гомеръ выше Виргилія, передъ Платономъ и Аристотелемъ ничтоженъ Цицеронъ, какъ философъ, и т. д.; а то, что латинскіе классики неизмѣримо выше средневѣковыхъ писателей, было всѣмъ извѣстно даже въ средніе вѣка). «Такъ раздѣленіе Имперіи на двѣ половины послѣ Діоклетіана и Константина является постоянно дѣломъ грубой случайности, между тѣмъ, какъ очевидно оно происходило отъ разницы между просвѣщеніемъ эллинскимъ и римскимъ». (Да у какого же историка представляется оно дѣломъ грубой случайности? И какой историкъ не понимаетъ и не объясняетъ, что дѣленіе произошло отъ разности между цивилизаціей греческаго и римскаго міра, Восточной и Западной имперіи? и т. д., смотр. «Московскій Сборникъ» 1846 г., статья г. Хомякова, стр. 157—160). Въ исторіи очень много неразрѣшенныхъ вопросовъ; но къ нимъ нимало не принадлежатъ задачи, на которыя указываетъ русскому историку авторъ: о предметахъ, имъ исчисляемыхъ, ни русскій, ни нѣмецкій, ни французскій историкъ не можетъ сказать ничего существенно новаго, потому что они объяснены очень удовлетворительно. Говоря о нихъ что нибудь различное отъ настоящихъ рѣшеній, давно данныхъ наукою, можно развѣ только повторять контраверсистовъ и схоластиковъ,—напримѣръ, въ вопросахъ о Византіи Адама Черникава (Zernikaw—Зерниковъ? Жернаковъ?)—тутъ будетъ еще меньше новаго и самостоятельнаго, нежели въ согласіи съ основательными рѣшеніями современной науки.

Возможность подобныхъ недоразумѣній ясно указываетъ на то, въ чемъ состоитъ истинная потребность нашего общества: въ настоящее время, ему нужно заботиться о томъ, чтобы короче познакомиться съ наукою въ ея современномъ положеніи. Оно и само требуетъ отъ своихъ ученыхъ именно этой, а не какой нибудь другой услуги; они должны быть посредниками между наукою и обществомъ. Таковъ и былъ Грановскій. Но если мы до сихъ поръ еще слишкомъ мало усвоили себѣ науку, то главною виною этому въ настоящее время должны считаться не какія нибудь внѣшнія препятствія, какъ то было до Петра Великаго, а равнодушіе самого общества ко всѣмъ высшимъ интересамъ общественной, умственной и нравственной жизни, ко всему, что выходитъ изъ круга личныхъ житейскихъ заботъ и личныхъ развлеченій. Это наслѣдство котошихинскихъ временъ, временъ страшной апатіи. Привычки не скоро и не легко отбрасываются и отдѣльнымъ лицомъ; тѣмъ медленнѣе покидаются онѣ цѣлымъ обществомъ. Мы еще очень мало знаемъ не потому, чтобъ у насъ не было дарованій – въ нихъ никто не сомнѣвается,—не потому, чтобъ у насъ было мало средствъ—великій народъ имѣетъ силу дать себѣ все, чего серьезно захочетъ,—но потому, что мы до сихъ поръ все еще дремлемъ, отъ слишкомъ долгаго навыка къ сну. Оттого-то существеннѣйшая польза, какую можетъ принести у насъ обществу отдѣльный подвижникъ просвѣщенія, посредствомъ своей публичной дѣятельности, состоитъ не только въ томъ, что онъ непосредственно сообщаетъ знаніе · такой даровитый народъ, какъ нашъ, легко пріобрѣтаетъ знаніе, лишь бы захотѣлъ—но еще болѣе въ томъ, что онъ пробуждаетъ любознательность, которая у насъ еще не достаточно распространена. Въ этомъ смыслѣ, лозунгомъ у насъ должны быть слова поэта:

Ты вставай, во мракѣ спящій братъ!

Наконецъ, на людяхъ, щедро надѣленныхъ природою и высоко развитыхъ наукою, есть у насъ еще обязанность, мало развлекающая силы западныхъ ученыхъ. Общество даетъ у насъ мало опоры научнымъ и человѣчнымъ стремленіямъ: воспитаніе наше обыкновенно бываетъ неудовлетворительно: оно не полагаетъ твердыхъ основаній нашей будущей дѣятельности, не влагаетъ въ насъ никакого сильнаго стремленія, никакого опредѣленнаго взгляда на самые простые житейскіе и умственные вопросы. Потому, даже въ людяхъ наиболѣе даровитыхъ и развитыхъ, по уму, знанію и положенію имѣющихъ призваніе быть дѣятелями просвѣщенія, по большей части не бываетъ никакихъ бодрыхъ и рѣшительныхъ стремленій; мысли ихъ колеблются, перепутываются, дѣятельность не имѣетъ никакой опредѣленной цѣли; они часто готовы бываютъ блуждать сами въ смутномъ хаосѣ недоумѣній, по волѣ случая направляясь то туда, то сюда, не приходя и сами ни къ чему достойному вниманія, не только не проводя за собою другихъ къ какой нибудь возвышенной цѣли. Для нихъ бываетъ нуженъ человѣкъ, который постоянно возбуждалъ бы въ нихъ желаніе искать истинный путь, постоянно указывалъ бы направленіе ихъ дѣятельности, рѣшалъ бы ихъ недоумѣнія, который былъ бы для нихъ авторитетомъ и оракуломъ. Вообще, часто бываетъ нужно возставать противъ слѣпаго увлеченія авторитетами; быть можетъ, настанетъ время, когда люди най-

дутъ, что могутъ обходиться и безъ авторитетовъ: тогда люди будутъ гораздо счастливѣе, нежели были до сихъ поръ. Но пока — и это «пока» продолжится еще цѣлые вѣка—сила привычки и апатіи такъ еще сильна, что большинство чувствуетъ себя спокойнымъ и увѣреннымъ только тогда, когда встрѣчаетъ объясненіе стремленіямъ вѣка и ободреніе своимъ мыслямъ въ какомъ нибудь авторитетѣ. Особенно должно сказать это о нашемъ молодомъ обществѣ. Оно не можетъ, кажется, шагу ступить безъ поддержки какой нибудь сильной отдѣльной личности. Явленіе, если говорить правду, само по себѣ прискорбное; но что жь дѣлать, когда иначе не бываетъ въ извѣстныхъ періодахъ развитія? Поневолѣ надобно признать, что люди, которые были авторитетами добра и истины, заслуживаютъ глубокой благодарности за пользу, которую принесли, за успѣхи, совершенные подъ ихъ вліяніемъ и пока невозможные безъ нихъ.

Такова была доля Грановскаго въ дѣлѣ нашего развитія. Онъ былъ однимъ изъ сильнѣйшихъ посредниковъ между наукою и нашимъ обществомъ; очень немногія лица въ нашей исторіи имѣли такое могущественное вліяніе на пробужденіе у насъ сочувствія къ высшимъ человѣческимъ интересамъ; наконецъ, для очень многихъ людей, которые, отчасти благодаря его вліянію, пріобрѣли право на признательность общества, онъ былъ авторитетомъ добра и истины. Все это, какъ видимъ, не принадлежитъ къ числу тѣхъ спеціальныхъ заслугъ, на которыхъ зиждется слава ученаго. А, между тѣмъ, въ нихъ-то именно и должно состоять истинное значеніе ученаго въ нашемъ обществѣ. То, что стало уже второстепеннымъ дѣломъ на Западѣ, у насъ еще составляетъ существеннѣйшій вопросъ жизни; то, чего требуетъ отъ своихъ людей Западъ, еще не требуется нашимъ обществомъ. Люди, которые скорбятъ о томъ, что наше общество, наше просвѣщеніе и т. д. какъ двѣ капли воды походятъ на западное общество, западное просвѣщеніе и т. д., оскорбляются фактами, рѣшительно созданными ихъ воображеніемъ. Еслибъ мы раздѣляли ихъ понятія, мы, напротивъ, повсюду видѣли бы поводъ къ радости: сходства между нами и Западомъ пока еще не замѣтно ни въ чемъ, если хорошенько вникнемъ въ сущность дѣла.

Такъ, напримѣръ, и Грановскій былъ возможенъ только у насъ. Человѣкъ, по природѣ и образованію призванный быть великимъ ученымъ и шедшій во всю жизнь неуклонно и неутомимо по ученой дорогѣ, не оставилъ, однако, по себѣ сочиненій, которыми наука двигалась бы впередъ (единственное средство къ пріобрѣтенію имени великаго ученаго на Западѣ,—и, между тѣмъ, каждый изъ насъ говоритъ, что онъ несомнѣнно былъ великимъ ученымъ и исполнилъ все, къ чему призывалъ его долгъ ученаго. Кажется, такого сужденія нельзя обвинять въ подражательности западнымъ примѣрамъ; мы не знаемъ даже, можно ли его сдѣлать вразумительнымъ для нѣмца или англичанина, не обрусѣвшаго въ значительной степени. Такъ и во всемъ: наше общество все мѣритъ своимъ аршиномъ, а вовсе не французскимъ метромъ (хотя онъ гораздо удобнѣе) и не англійскимъ футомъ (хотя онъ и введенъ у насъ, на словахъ). За оригинальность нашу нечего опасаться: сильнѣе обстоятельствъ времени не будетъ никто, подчиняется имъ всякій.

Однако, почему же Грановскій писалъ мало и не оставилъ сочиненій,

двигающихъ науку впередъ? Потому, что онъ былъ истинный сынъ своей родины, служившій потребностямъ ея, а не себѣ. Не знаемъ, сознавалъ ли онъ, на какую высоту становится, какую блестящую славу снискиваетъ, отказываясь отъ своей личной ученой славы. По всей вѣроятности, онъ и не думалъ объ этомъ: онъ былъ человѣкъ простой и скромный, не мечтавшій о себѣ, не знавшій самолюбія; надобно даже предполагать, что онъ и не приносилъ тяжкой для гордости жертвы, отказываясь отъ легко исполнимаго при его силахъ стремленія занять почетное мѣсто въ наукѣ капитальными трудами. Онъ просто исполнялъ свой долгъ, употребляя свои силы сообразно требованіямъ занимаемаго имъ положенія въ русскомъ обществѣ. Положеніе было таково, что всѣ лежавшія на немъ требованія общества и науки существенно исполнялись живымъ словомъ,— и литературная дѣятельность была для него только повтореніемъ, только дѣломъ досуга и личной, случайной охоты повторить на бумагѣ то, что уже достигло своей цѣли посредствомъ живаго слова. Какъ профессоръ Московскаго Университета, безъ всякихъ сравненій значительнѣйшаго изъ ученыхъ учрежденій Россіи по вліянію на жизнь общества и развитіе нашего просвѣщенія, Грановскій имѣлъ кругъ дѣятельности, едва ли менѣе обширный, нежели кругъ дѣйствія литературы. Непринужденность изложенія, полнота выраженія мысли, какая давалась ему живымъ словомъ, не существуетъ въ литературѣ. Какое же побужденіе могъ онъ имѣть для повторенія въ искаженномъ видѣ того, что уже было сообщено публикѣ? Онъ не нуждался въ литературѣ, какъ посредницѣ между нимъ и публикою. Но, однакожь, онъ долженъ былъ чувствовать важность литературы, долженъ былъ и на нее простирать свое вліяніе? И для этого точно также не имѣлъ онъ надобности писать. Его высокій умъ, обширныя и глубокія познанія, удивительная привлекательность характера сдѣлали его центромъ и душою нашего литературнаго кружка. Всѣ замѣчательные ученые и писатели нашего времени были или друзьями, или послѣдователями его. Вліяніе Грановскаго на литературу въ этомъ отношеніи было огромно. Конечно, возможность такого дѣйствія чрезъ бесѣду, чрезъ личныя отношенія, связывающія людей въ одинъ кружокъ, обусловливается малочисленностью нашего литературнаго сословія. Вѣдь если разобрать хорошенько, у насъ въ этомъ отношеніи и до сихъ поръ существуетъ порядокъ вещей, мало чѣмъ отличный отъ того, что было во времена «Бесѣды любителей Русскаго Слова» и «Арзамаса»: всѣ наши литераторы и ученые наперечетъ, каждый изъ нихъ лично знакомъ со всѣми остальными; это совершенно не то, что въ Германіи, Франціи, Англіи, гдѣ они считаются сотнями и тысячами, гдѣ всеобщее знакомство—вещь невозможная. У насъ, если хотите, и вообще наука и литература отчасти семейное дѣло, и, по патріархальному обычаю, въ ней устными разговорами и тому подобными дотуттенберговскими средствами ведется многое, что въ какой нибудь Германіи можетъ существовать и обнаружить дѣйствіе только при помощи типографскихъ чернилъ.

Такимъ образомъ, Грановскій удовлетворялъ всѣмъ условіямъ своего положенія, обнаруживалъ все свое вліяніе, не нуждаясь въ посредствѣ литературныхъ трудовъ, которые были для него дѣломъ второстепеннымъ. Тѣмъ не менѣе, литературная его дѣятельность вовсе не такъ незначительна по

объему, какъ полагали нѣкоторые, не думавшіе, чтобъ изъ напечатаннаго Грановскимъ при жизни составились два большіе тома. Что касается важности его сочиненій и особенно духа, проникающаго всѣ ихъ, тутъ едва ли можетъ быть мѣсто спору. Конечно, какъ и о всемъ на свѣтѣ, объ ученомъ достоинствѣ сочиненій Грановскаго существуютъ мнѣнія, не совершенно согласныя. Одни, изъ благоговѣнія къ автору, благородная личность и чрезвычайно плодотворная дѣятельность котораго дѣйствительно заслуживаютъ всевозможнаго уваженія, готовы поставить его произведенія во всѣхъ отношеніяхъ слишкомъ высоко; другіе, не принимая въ уваженіе особенныхъ требованій русскаго общества отъ науки, находятъ, что сочиненія Грановскаго не имѣютъ качествъ, необходимо требуемыхъ отъ капитальнаго ученаго труда въ Германіи или Франціи. Но дѣло въ томъ, что разнорѣчіе этихъ, повидимому, противоположныхъ сужденій существуетъ преимущественно только въ тонѣ, а не въ самой мысли. Одни, по личнымъ чувствамъ своимъ къ автору, говорятъ о его сочиненіяхъ голосомъ любви, другіе, также по своимъ чувствамъ къ личности автора, голосомъ недовольства. Но и самые жаркіе поклонники Грановскаго хорошо понимаютъ, что собственно въ европейской наукѣ его сочиненія не могутъ произвести эпохи, потому что не таково въ настоящее время призваніе русскихъ ученыхъ; и самые смѣлые изъ возставшихъ противъ Грановскаго признавали въ его сочиненіяхъ, кромѣ мастерскаго изложенія и другихъ литературныхъ достоинствъ, чрезвычайно замѣчательную ученость и глубокомысліе [1]).

Дѣйствительно, сочиненія Грановскаго, напечатанныя при его жизни (сужденіе о его университетскихъ курсахъ мы должны отложить до того времени, когда они будутъ обнародованы), не будучи таковы, чтобъ ими производился переворотъ въ наукѣ, какъ производился онъ трудами Гизо, Шлоссера или Нибура, показываютъ, однако же, въ авторѣ такія качества ума и такое обширное знаніе, что нельзя не признать его однимъ изъ первыхъ историковъ нашего вѣка, ученымъ, который былъ не ниже знаменитѣйшихъ европейскихъ историковъ; что въ Россіи не имѣлъ онъ соперниковъ, это всегда было очевидно для каждаго. Внимательное и строгое разсмотрѣніе собранныхъ нынѣ его статей убѣждаетъ въ томъ. Панегириковъ Грановскому не нужно, и потому разборъ нашъ будетъ совершенно чуждъ хвалебнаго элемента; но чѣмъ онъ безпристрастнѣе, тѣмъ несомнѣннѣе общій выводъ, теперь высказанный.

Издатели распредѣлили сочиненія Грановскаго на три отдѣла: 1) сочиненія общаго историческаго содержанія: «О современномъ состояніи и значеніи всеобщей исторіи»; «О физіологическихъ признакахъ человѣческихъ породъ»; «О родовомъ бытѣ у древнихъ германцевъ». 2) Частныя изслѣдованія: «Судьбы еврейскаго народа»; «Волинъ, Іомсбургъ и Винета»; «Аббатъ Сугерій»; «Четыре историческія характеристики: Тимуръ, Александръ Великій, Людовикъ IX и Бэконъ», «Пѣсни Эдды о Нифлунгахъ» (оба эти отдѣла вошли въ составъ перваго тома). 3) Критическія статьи, изъ которыхъ составится второй томъ. Мы не находимъ причинъ отступать отъ этого порядка въ своемъ обозрѣніи.

Рѣчь «О современномъ состояніи и значеніи всеобщей исторіи» была

[1]) Мы говоримъ, конечно, о мнѣніи людей знающихъ въ той и другой партіи, не обращая вниманія на выходки нѣкоторыхъ несвѣдущихъ людей, невѣжество которыхъ было тогда же и изобличаемо.

произнесена въ торжественномъ собраніи Московскаго Университета, въ 1852 году. Издатели справедливо почли нужнымъ дать ей первое мѣсто въ первомъ отдѣлѣ, «потому, что въ ней изложены самыя зрѣлыя понятія автора о наукѣ, которая составляла главный предметъ его занятій».

Исторія принадлежитъ къ числу тѣхъ наукъ, быстрымъ усовершенствованіемъ которыхъ гордятся новѣйшія времена. Надобно даже сказать, что исторія, какъ мы нынѣ понимаемъ ее, какъ «изображеніе постепеннаго развитія жизни рода человѣческаго», возникла только въ послѣднія времена. Ни классическій міръ, ни средніе вѣка не знали ея въ этомъ смыслѣ. Тѣ ученые, которые назначаютъ самый древній срокъ возникновенію настоящаго понятія объ исторіи, называютъ отцомъ ея великаго Вико (въ началѣ прошедшаго вѣка), потому что книга Боссюэта (въ коніѣ XVII столѣтія), «Трактатъ о всеобщей исторіи», не имѣетъ значенія, которое хотѣли придать ей нѣкоторые французскіе историки. Другіе, съ большею основательностью, относятъ начало всеобщей исторіи къ заслугамъ Монтескьё и Гердера. Еще справедливѣе судятъ тѣ, которые говорятъ, что истинное понятіе о всеобщей исторіи развито преимущественно Кантомъ, его учениками и послѣдователями; но едва ли не ближе всѣхъ къ истинѣ то мнѣніе, что только нашему вѣку удалось ясно постичь идею всеобщей исторіи, потому, что только съ Гегеля, Гизо, Нибура, Шлоссера начинается дѣятельная разработка этой идеи; только въ твореніяхъ этихъ великихъ ученыхъ и ихъ послѣдователей мы находимъ первые значительные опыты дать человѣчеству полный и точный разсказъ о его жизни. Но и эти труды, какъ ни колоссальны по своему значенію, все еще далеко не удовлетворительны. Недостатки ихъ заключаются не въ однихъ частныхъ несовершенствахъ исполненія, но еще болѣе въ недостаточности общаго плана, односторонности и неполнотѣ воззрѣнія на жизнь человѣчества. Жизнь рода человѣческаго, какъ и жизнь отдѣльнаго человѣка, слагается изъ взаимнаго проникновенія очень многихъ элементовъ: кромѣ внѣшнихъ эффектныхъ событій, кромѣ общественныхъ отношеній, кромѣ науки и искусства, не менѣе важны нравы, обычаи, семейныя отношенія, наконецъ матеріальный бытъ: жилище, пища, средства добыванія всѣхъ тѣхъ вещей и условій, которыми поддерживается существованіе, которыми доставляются житейскія радости или скорби. Изъ этихъ элементовъ только немногіе до сихъ поръ введены въ составъ разсказа о жизни человѣчества. Такъ называемая политическая исторія, то есть разсказъ о войнахъ и другихъ громкихъ событіяхъ, до сихъ поръ преобладаетъ въ разсказѣ историковъ, между тѣмъ, какъ на дѣлѣ она имѣетъ для жизни рода человѣческаго только второстепенную важность. Исторія умственной жизни, да и то только въ тѣсномъ кругу немногозначительныхъ классовъ, принимающихъ дѣятельное участіе въ развитіи наукъ и литературы, одна только раздѣляетъ съ политическою исторіею право на вниманіе автора, —да и только въ немногихъ сочиненіяхъ, до сихъ поръ остающихся рѣдкими исключеніями въ массѣ историческихъ книгъ: да и тутъ она играетъ второстепенную роль. Исторія нравовъ обращаетъ на себя еще гораздо менѣе вниманія. О матеріальныхъ условіяхъ быта, играющихъ едва ли не первую роль въ жизни, составляющихъ коренную причину почти всѣхъ явленій, и въ другихъ высшихъ сферахъ жизни, едва упоминается, да и то самымъ слабымъ и неудовлетво-

рительнымъ образомъ, такъ что лучше было бы, еслибъ вовсе не упоминалось. Не говоримъ уже о томъ, что въ сущности вся исторія продолжаетъ быть по преимуществу сборникомъ отдѣльныхъ біографій, а не разсказомъ о судьбѣ цѣлаго населенія, то есть скорѣе похожа на сборникъ анекдотовъ, прикрываемыхъ научною формою, нежели на науку въ истинномъ смыслѣ слова [1]).

Чѣмъ ближе вникаемъ мы въ труды, совершенные понынѣ для исторіи, тѣмъ болѣе убѣждаемся, что нынѣ мы имѣемъ только идею о томъ, чѣмъ должна быть эта наука, но едва еще видимъ первые, односторонніе опыты осуществить эту идею. Не будемъ разсматривать причинъ, по которымъ практика такъ отстала въ этомъ случаѣ отъ теоріи: это завлекло бы насъ слишкомъ далеко; скажемъ только, что, съ одной стороны, затрудненіемъ служатъ скудость и необработанность матеріаловъ для исторіи тѣхъ элементовъ жизни, которые до сихъ поръ упускались изъ виду. Съ другой стороны, едвали не важнѣйшимъ еще препятствіемъ надобно считать узкость и отвлеченность обыкновеннаго взгляда на человѣческую жизнь. Антропологія только еще начинаетъ утверждать свое господство надъ отвлеченною моралью и одностороннею психологіею.

Какъ всѣ еще не установившіяся науки, исторія часто испытываетъ измѣненія, состоящія въ томъ, что вниманіе изслѣдователей постепенно обращается то на одинъ, то на другой изъ элементовъ науки, которые прежде были забываемы. Рѣчь Грановскаго имѣетъ своимъ главнымъ предметомъ одно изъ значительнѣйшихъ пріобрѣтеній, доставленныхъ исторіи союзомъ съ естественными науками, которыхъ прежде не хотѣла она знать. При той чрезвычайной важности, какую играетъ въ жизни и должна пріобрѣсть въ исторіи натуральная сторона человѣческаго быта, понятно, что вліяніе естественныхъ наукъ на исторію должно современемъ сдѣлаться неизмѣримо сильнымъ. Въ настоящее время еще очень немногіе историки предчувствуютъ это. Грановскій принадлежалъ къ числу ихъ. Въ очеркѣ, который могъ быть только плодомъ глубокаго изученія, соединеннаго съ рѣдкою проницательностью, изобразивъ развитіе идеи всеобщей исторіи до великаго Нибура, давшаго въ первый разъ прочныя основанія исторической критикѣ, Грановскій сосредоточиваетъ мысль на новой эрѣ, возникающей для науки отъ приложенія къ ней великихъ результатовъ, достигаемыхъ естествознаніемъ. Поводомъ къ этому эпизоду по-

---

[1]) Чтобы указать примѣръ того, какъ тѣсенъ еще горизонтъ всеобщей исторіи въ лучшихъ сочиненіяхъ, приводимъ планъ сочиненія Гизо, который понялъ науку шире, нежели кто нибудь изъ другихъ великихъ историковъ. Заключая первый годъ своихъ чтеній объ «Исторіи цивилизаціи», онъ дѣлаетъ общій обзоръ содержанія своихъ лекцій, и говоритъ, что предметомъ ихъ была «политическая и церковная исторія, исторія законодательства, философіи и литературы». Очевидно, что этою программою, кромѣ политической исторіи, занимающей первое мѣсто, обнимается только часть умственной жизни народа, многія сферы которой остались непронутыми. О матеріальной сторонѣ жизни программа и не упоминаетъ. Вообще, Гизо часто повторяетъ, что излагаетъ исторію «внутренней жизни человѣка и его отношеній къ другимъ людямъ»: объ исторіи отношеній человѣка къ природѣ и не упоминается, а между тѣмъ, въ природѣ источники человѣческой жизни, и вся жизнь кореннымъ образомъ опредѣляется отношеніями къ природѣ. Само собою разумѣется, что мы указываемъ на Гизо не за тѣмъ, чтобы укорять его за односторонность, а, напротивъ, потому, что онъ въ смыслѣ, занимающемъ теперь насъ, стоитъ выше другихъ историковъ нашего времени. Программа Шлоссера, другаго замѣчательнѣйшаго историка по обширности взгляда на содержаніе своей науки, немногимъ отличается отъ программы Гизо.

служилъ ему вопросъ о значеніи человѣческихъ породъ, который раньше другихъ разрѣшенъ теперь съ нѣкоторою степенью удовлетворительности.

«Заслуга Нибура—говоритъ Грановскій—не ограничилась введеніемъ новыхъ и точныхъ пріемовъ критики. Еще будучи юношею, въ частной перепискѣ своей, онъ высказалъ нѣсколько смѣлыхъ и плодотворныхъ мыслей о необходимости дать исторіи новыя, заимствованныя изъ естествознанія основы. Историческое значеніе человѣческихъ породъ не ускользнуло отъ его вниманія; но ему не привелось развить вполнѣ и приложить къ дѣлу свои предположенія объ этомъ столь важномъ предметѣ... Около того же времени, вопросъ о породахъ началъ занимать пытливые умы внѣ Германіи. Фориель, братья Тьерри и другіе ученые старались объяснить отношенія различныхъ народностей, преемственно господствовавшихъ на почвѣ Франціи и Англіи. Они озарили яркимъ свѣтомъ начало средневѣковыхъ народовъ и обществъ, но не рѣшились переступить чрезъ обычныя грани историческихъ изслѣдованій и оставили въ сторонѣ физіологическіе признаки тѣхъ породъ, которыхъ историческія особенности были ими тщательно опредѣлены. Надобно было, чтобы натуралистъ подалъ наконецъ голосъ противъ такого стѣсненія нашей науки и указалъ на связь ея съ физіологіею. Въ 1829 году Эдвардсъ издалъ письмо свое къ Амедею Тьерри о физіологическихъ признакахъ человѣческихъ породъ и отношеній ихъ къ исторіи. Высказанныя имъ по этому поводу мысли были приняты съ общимъ одобреніемъ, но до сихъ поръ еще не принесли желаемой пользы... Уступки, сдѣланныя историками новымъ требованіямъ, были большею частью внѣшнія. Дальнѣйшее упрямство, впрочемъ, невозможно, и исторія, по необходимости, должна выступить изъ круга наукъ филолого-юридическихъ, въ которомъ она такъ долго была заключена, на обширное поприще естественныхъ наукъ... Дѣйствуя за одно съ антропологіею, она должна обозначить границы, до которыхъ достигали въ развитіи своемъ великія породы человѣчества, и показать намъ ихъ отличительныя, данныя природою и проявленныя въ движеніи событій, свойства... Но не одною этою только стороною граничитъ исторія съ естествознаніемъ. Еще древніе замѣтили рѣшительное вліяніе географическихъ условій, климата и природныхъ опредѣленій вообще на судьбу народовъ. Монтескьё довелъ эту мысль до такой крайности, что принесъ ей въ жертву самостоятельную дѣятельность человѣческаго духа. Несмотря на то, отношеніе человѣка къ занимаемой имъ почвѣ и ихъ взаимное дѣйствіе другъ на друга еще никогда не были удовлетворительнымъ образомъ объяснены. Великое твореніе Карла Риттера, принимающаго землю за «храмину, устроенную Провидѣніемъ для воспитанія рода человѣческаго», проложило, конечно, новые пути историкамъ нашего времени; но многіе ли воспользовались этими трудными путями и предпочли ихъ прежнимъ, пробитымъ безчисленными предшественниками тропинкамъ? Вошедшій теперь въ употребленіе обычай снабжать историческія сочиненія географическими введеніями, заключающими въ себѣ характеристику театра событій, показываетъ только, что значеніе и успѣхи сравнительнаго землевѣдѣнія обратили на себя вниманіе историковъ и заставили ихъ измѣнить нѣсколько форму своихъ произведеній. Самое содержаніе немного выиграло отъ этого нововведенія. Географическіе обзоры, о которыхъ мы упомянули, рѣдко соединены органически съ дальнѣйшимъ изложеніемъ. Предпославъ труду своему бѣглый очеркъ описываемой страны и ея произведеній, историкъ съ спокойною совѣстью переходитъ къ другимъ, болѣе знакомымъ ему предметамъ и думаетъ, что вполнѣ удовлетворилъ современнымъ требованіямъ науки. Какъ будто дѣйствіе природы на человѣка не есть постоянное, какъ будто оно не видоизмѣняется съ каждымъ великимъ шагомъ его на пути образованности? Намъ еще далеко не извѣстны всѣ таинственныя нити, привязывающія народъ къ землѣ, на которой онъ выросъ и изъ которой заимствуетъ не только средства физическаго существованія, но значительную часть своихъ нравственныхъ свойствъ. Распредѣленіе произведеній природы на поверхности земнаго шара находится въ тѣснѣйшей связи съ судьбою гражданскихъ обществъ. Одно растеніе условливаетъ иногда цѣлый бытъ народа. Исторія Ирландіи была бы, безспорно, иная, если бы картофель не составлялъ главнаго пропитанія для ея жителей...»

Вслѣдъ затѣмъ Грановскій указываетъ на важнѣйшія мѣста статьи г. Бэра, одного изъ тѣхъ ученыхъ, которыми можемъ мы гордиться, «О вліяніи внѣшней природы на соціальныя отношенія отдѣльныхъ народовъ и исторію человѣчества». Это сочиненіе не обратило у насъ на себя того вниманія, какого заслуживаетъ. Грановскій и въ этомъ случаѣ, какъ въ очень многихъ другихъ, показалъ себя человѣкомъ, который далеко превышаетъ другихъ знаніемъ всего, что совершается въ наукѣ, и способностью оцѣнивать по достоинству фазисы ея современнаго развитія. Вообще, даже большая часть людей, стоящихъ у насъ во главѣ умственнаго движенія, живутъ, по мѣткому житейскому выраженію, еще «заднимъ числомъ» и считаютъ новѣйшимъ то, что въ движеніи науки было новымъ десять или двадцать лѣтъ тому назадъ. Слова Пушкина о русскихъ книгахъ, что въ нихъ «русскій умъ зады твердитъ», остаются справедливыми до сихъ поръ, и сочиненія Грановскаго принадлежатъ къ небольшому числу исключеній изъ этого правила: изъ его словъ дѣйствительно можно «узнавать судьбу земли» [1]).

Переходя отъ фактовъ, долженствующихъ служить содержаніемъ исторіи, къ основаніямъ общаго воззрѣнія на эти факты или методу науки, Грановскій опять показываетъ, что въ новѣйшее время понятія объ этомъ вопросѣ также уяснились. Попытки спекулативнаго построенія исторіи, фаталистическое воззрѣніе и, съ другой стороны, стремленіе ограничиться простымъ переложеніемъ лѣтописныхъ сказаній на современный языкъ обнаружили свою неудовлетворительность. Какой же методъ должна принять исторія? Союзъ съ точными науками долженъ помочь ей и въ этомъ дѣлѣ, говоритъ Грановскій:

«Ни одно изъ исчисленныхъ нами воззрѣній на исторію не могло привести къ точному методу, недостатокъ котораго въ ней такъ очевиденъ. Усовершенствованный, или лучше сказать, созданный Нибуромъ способъ критики приноситъ величайшую пользу при разработкѣ источниковъ извѣстнаго рода, но отнюдь не удовлетворяетъ потребности въ приложимомъ къ полному составу науки методѣ. Въ этомъ случаѣ, исторія опять должна обратиться къ естествовѣдѣнію и заимствовать у него свойственный ему способъ изслѣдованія. Начало уже сдѣлано въ открытыхъ законахъ исторической аналогіи. Остается идти далѣе на этомъ пути, раздвигая, по возможности, тѣсные предѣлы, въ которыхъ до настоящаго времени заключена была наша наука. У исторіи двѣ стороны: въ одной является намъ свободное творчество духа человѣческаго,

[1]) Сокровища роднаго слова
(Замѣтятъ важные умы)
Для лепетанія чужаго
Пренебрегли безумно мы.
Мы любимъ музъ чужихъ игрушки,
Чужихъ нарѣчій погремушки,
А не читаемъ книгъ своихъ.
Да гдѣ жь онѣ? Давайте ихъ!
. . . . . .
И гдѣ жь мы первыя познанья
И мысли первыя нашли?
Гдѣ повѣряемъ испытанья.
Гдѣ узнаемъ судьбу земли?
Не въ переводахъ одичалыхъ,
Не въ сочиненьяхъ запоздалыхъ.
Гдѣ русскій умъ и русскій духъ
Зады твердитъ и лжетъ за двухъ.
(Отрывки изъ альбома Онѣгина).

въ другой — независимостъ отъ него. Новый методъ долженъ возникнуть изъ внимательнаго изученія фактовъ міра духовнаго и природы въ ихъ взаимодѣйствіи. Только такимъ образомъ можно достигнуть до прочныхъ основныхъ началъ, т. е. до яснаго знанія законовъ, опредѣляющихъ движеніе историческихъ событій. Можетъ быть, мы найдемъ тогда въ этомъ движеніи правильность, которая теперь ускользаетъ отъ нашего вниманія. Въ разсматриваемомъ нами вопросѣ статистика опередила исторію. «Въ противоположность принятымъ мнѣніямъ — говоритъ Кетле — факты общественные, опредѣляемые свободнымъ произволомъ человѣка, совершаются съ большею правильностью, нежели факты, подверженные простому дѣйствію физическихъ причинъ. Исходя изъ этого основнаго начала, можно сказать, что нравственная статистика должна отнынѣ занять мѣсто въ ряду опытныхъ наукъ». Мы не въ правѣ сказать того же объ исторіи. Пока она не усвоитъ себѣ надлежащаго метода, ее нельзя будетъ назвать опытною наукою».

Но къ чему же должна вести человѣка исторія? Конечно, наука не можетъ быть подчиняема внѣшнимъ требованіямъ, ея истины не должны быть искажаемы въ угодность частнымъ и временнымъ интересамъ. Въ этомъ заключается справедливость аксіомы — «цѣль науки есть сама наука». Но каждое знаніе обращается во благо человѣку, и рвеніе, съ которымъ разработывается та или другая отрасль науки, зависитъ отъ того, въ какой мѣрѣ удовлетворяетъ она той или другой, нравственной или житейской, умственной или матеріальной потребности человѣка. Каждое знаніе оказываетъ вліяніе на жизнь, и исторія, наука о жизни человѣчества, не должна остаться безъ вліянія на его жизнь; и кто захочетъ нынѣ трудиться надъ безполезнымъ для человѣка?

«Современный намъ историкъ не можетъ отказаться отъ законной потребности нравственнаго вліянія на своихъ читателей. Вопросъ о томъ, какого рода должно быть это вліяніе, тѣсно связанъ съ вопросомъ о пользѣ исторіи вообще... Очевидно, что практическое значеніе исторіи у древнихъ, основанное на возможности непосредственнаго примѣненія ея уроковъ къ жизни, не можетъ имѣть мѣста при сложномъ организмѣ новыхъ обществъ. Къ тому же, однообразная игра страстей и заблужденій, искажающихъ судьбу народовъ, привела многихъ къ заключенію, что историческіе опыты проходятъ безплодно, не оставляя поучительнаго слѣда въ памяти человѣческой... Тѣмъ не менѣе, нельзя отрицать въ массахъ извѣстнаго историческаго смысла, болѣе или менѣе развитаго на основаніи сохранившихся преданій о прошедшемъ... Приведенныя нами выше слова Кетле о статистикѣ со временемъ получатъ приложеніе и къ нашей наукѣ. Ей предстоитъ совершить для міра нравственныхъ явленій тотъ же подвигъ, какой совершенъ естествовѣдѣніемъ въ принадлежащей ему области. Открытія натуралистовъ разсѣяли вѣковые и вредные предразсудки, затмѣвавшіе взглядъ человѣка на природу: знакомый съ ея дѣйствительными силами, онъ пересталъ приписывать ей несуществующія свойства и не требуетъ отъ нея невозможныхъ уступокъ. Уясненіе историческихъ законовъ приведетъ къ результатамъ такого же рода. Оно положитъ конецъ несбыточнымъ теоріямъ и стремленіямъ, нарушающимъ правильный ходъ общественной жизни, ибо обличитъ ихъ противорѣчіе съ вѣчными цѣлями, поставленными человѣку Провидѣніемъ. Исторія сдѣлается, въ высшемъ и обширнѣйшемъ смыслѣ, чѣмъ у древнихъ, наставницею народовъ и отдѣльныхъ лицъ и явится намъ, не какъ отрѣзанное отъ насъ прошедшее, но какъ цѣльный организмъ жизни, въ которомъ прошедшее, настоящее и будущее находятся въ постоянномъ между собою взаимодѣйствіи: «Исторія — говоритъ американецъ Эмерсонъ — не долго будетъ безплодною книгою. Она воплотится въ каждомъ разумномъ и правдивомъ человѣкѣ. Вы не станете болѣе исчислять заглавія и каталоги прочитанныхъ вами книгъ, а дадите мнѣ почувствовать, какіе періоды пережиты вами. Каждый изъ насъ долженъ обратиться въ полный храмъ славы. Онъ долженъ носить въ себѣ допотопный міръ, золотой вѣкъ, яблоко знанія, походъ Аргонавтовъ, призваніе Авраама, построеніе храма, начало христіанства, средній вѣкъ,

возрожденіе наукъ, Реформацію, открытіе новыхъ земель, возникновеніе новыхъ знаній и новыхъ народовъ. Надобно, однимъ словомъ, чтобы исторія слилась съ біографіею самого читателя, превратилась въ личное «его воспоминаніе...»

И за этимъ воззрѣніемъ, постигаемымъ еще немногими, но равно принадлежащимъ всякому истинно современному историку, Грановскій тотчасъ же выражаетъ самъ себя,—быть можетъ, вовсе не сознавая, что говоритъ уже о себѣ, характеризуетъ оттѣнокъ воззрѣнія, возводимый до просвѣтленія грустной науки его кроткою и любящею личностью:

«Даже въ настоящемъ, далеко не совершенномъ видѣ своемъ, всеобщая исторія, болѣе чѣмъ всякая другая наука, развиваетъ въ насъ вѣрное чувство дѣйствительности и ту благородную терпимость, безъ которой нѣтъ истинной оцѣнки людей. Она показываетъ различіе, существующее между вѣчными, безусловными началами нравственности и ограниченнымъ пониманіемъ этихъ началъ въ данный періодъ времени. Только такою мѣрою должны мы мѣрять дѣла отжившихъ поколѣній. Шиллеръ сказалъ, что смерть есть великій примиритель. Эти слова могутъ быть отнесены къ нашей наукѣ. При каждомъ историческомъ проступкѣ, она приводитъ обстоятельства, смягчающія вину преступника, кто бы ни былъ онъ—цѣлый народъ или отдѣльное лицо. Да будетъ намъ позволено сказать, что тотъ не историкъ, кто не способенъ перенести въ прошедшее живаго чувства любви къ ближнему и узнать брата въ отдѣленномъ отъ него вѣками иноплеменникѣ. Тотъ не историкъ, кто не съумѣлъ прочесть въ изучаемыхъ имъ лѣтописяхъ и грамотахъ начертанныя въ нихъ яркими буквами истины: въ самыхъ позорныхъ періодахъ жизни человѣчества есть искупительныя, видимыя намъ на разстояніи столѣтій стороны, и на днѣ самаго грѣшнаго предъ судомъ современниковъ сердца таится одно какое нибудь лучшее и чистое чувство...»

Мы такъ долго останавливались на этой рѣчи, приводили изъ нея столько отрывковъ не потому только, что она дѣйствительно принадлежитъ къ числу произведеній, какихъ немного въ цѣлой нашей литературѣ: мы считали также нужнымъ, чтобы читатель имѣлъ передъ глазами примѣръ, на которомъ могъ бы провѣрять справедливость сужденія, которое необходимо высказать прямымъ образомъ о собственно ученой сторонѣ сочиненій Грановскаго. Мы упоминали, что нѣкоторые смотрѣли на нее съ недовѣрчивостью и если не рѣшались, по инстинктивному сознанію своей слабости въ научномъ дѣлѣ и своей неправоты, высказывать сомнѣній открыто, то не упускали случаевъ ввернуть какой нибудь таинственный намекъ объ этомъ предметѣ. Мы помнимъ даже, что одинъ полубездарный компиляторъ, открывшій,

Разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ,

что Англія обширнѣе Россіи, и тѣмъ заставившій иныхъ возъимѣть выгодное мнѣніе о его занятіяхъ,—помнимъ, что онъ въ какой-то географической или статистической статейкѣ дерзнулъ вставить замѣчаніе, что Тамерланъ былъ ничтожный человѣкъ, котораго могутъ считать достойнымъ вниманія исторіи только тупоумные и безнравственные люди. Вы, можетъ быть, и не догадались, что это былъ смертный приговоръ Грановскому, избравшему Тимура предметомъ одной изъ своихъ публичныхъ лекцій, читанныхъ въ 1851 году. Возражать подобнымъ приговорщикамъ, конечно, не стоитъ; но нравственное уродство доходитъ иногда до такой нелѣпости, что интересно бываетъ разсмотрѣть причины его образованія. Цѣнители литературныхъ произведеній раздѣляются на

два класса: одни имѣютъ настолько ума и знанія, что могутъ судить о предметѣ по его внутреннимъ качествамъ, понимать сущность дѣла, другіе неспособны къ этому, по недостаточному знакомству съ дѣломъ или по непроницательности взгляда. Что-жь остается дѣлать послѣднимъ, когда они одарены такимъ самолюбіемъ, что непремѣнно хотятъ дѣлать приговоры о вещахъ, сущность которыхъ не доступна ихъ пониманію? Они хватаются за внѣшніе признаки и, напримѣръ, если дѣло идетъ о поэтическомъ произведеніи, руководятся именемъ автора: прочтите имъ «Бориса Годунова», сказавъ, что эту драму написалъ бездарный человѣкъ, они рѣшатъ, что драма плоха; прочтите «Таньку, разбойницу Ростокинскую», сказавъ, что романъ этотъ написалъ г. Лажечниковъ, и они скажутъ, что романъ хорошъ. Это люди простые и невзыскательные. Когда рѣчь пойдетъ объ ученыхъ предметахъ, иные судьи руководствуются болѣе замысловатыми основаніями: вѣдь ученость дѣло мудреное. За то примѣты, по которымъ она узнается непонимающими ея людьми, очень ясны, такъ что ошибка невозможна: непонятный языкъ, тяжелое изложеніе, множество безполезныхъ ссылокъ, заносчивость автора, присвояющаго себѣ все, что сдѣлано другими. Особенно послѣднее качество полезно: есть люди, которые повѣрятъ вамъ на слово, если вы скажете, что вы первый открыли, что Александръ Македонскій побѣдилъ персовъ, и жестоко будете изобличать вашихъ предшественниковъ, которые всѣ ошибались и не понимали, что Александръ Македонскій былъ герой. Вы можете иныхъ увѣрить даже въ томъ, что не Колумбъ, а вы открыли Америку: вѣдь увѣрилъ же въ этомъ очень многихъ Америкъ Веспуціи. Но горе вамъ во мнѣніи этихъ знатоковъ, если вы не хотите окружать себя ореоломъ педантизма, если вы съ уваженіемъ отзываетесь о другихъ ученыхъ, занимавшихся однимъ съ вами предметомъ, говорите, что истина, ими открытая, дѣйствительно есть истина, если вы не выставляете заботливо различія между тѣмъ, что въ вашемъ сочиненіи принадлежитъ къ прежнимъ пріобрѣтеніямъ науки и что принадлежитъ собственно вамъ,—тогда знатоки, о которыхъ мы говоримъ, съ перваго же разу поймутъ, въ чемъ дѣло, и догадаются, что вы человѣкъ неученый, поверхностный, что вы только переписываете чужіе труды, что у васъ нѣтъ самостоятельнаго взгляда, и т. д., и т. д. Очень жаль, что такимъ знатокамъ не вздумалось оцѣнить творенія Гизо, Августина Тьерри, Маколея: мы узнали бы, что всѣ эти писатели были люди малосвѣдущіе, поверхностные компиляторы. Да и Шлоссеръ не ушелъ бы отъ этого строгаго, но справедливаго приговора: вѣдь у него на каждой страницѣ встрѣчается фраза «въ этомъ случаѣ я совершенно согласенъ съ мнѣніемъ такого-то и лучшаго ничего не умѣю сказать, какъ повторить его слова», послѣ чего слѣдуетъ длинная выписка.

Грановскій не напечаталъ при жизни такихъ обширныхъ и капитальныхъ сочиненій, которыя могли бы, по своему значенію для науки, быть сравниваемы съ твореніями великихъ писателей, нами названныхъ. Надобно думать, что изданіе его университетскихъ курсовъ значительно измѣнитъ это отношеніе. Но нѣтъ надобности ждать, пока его лекціи будутъ напечатаны, чтобы имѣть полное право признать въ немъ не только ученаго, имѣвшаго огромное значеніе для Московскаго Университета, русской литературы, русскаго просвѣщенія вообще, признать въ немъ не только перваго изъ немногочисленнаго круга

ученыхъ, занимающихся у насъ всеобщею исторіею, но и одного изъ замѣчательнѣйшихъ между современными европейскими учеными по обширности и современности знанія, по широтѣ и вѣрности взгляда и по самобытности воззрѣнія. Та небольшая статья, обзоръ которой такъ долго занималъ насъ, одна можетъ доставить достаточныя доказательства тому. Мы нарочно выбрали не другое какое нибудь сочиненіе, имѣющее болѣе серьезную внѣшность, а именно эту рѣчь, написанную очень легко и популярно, безъ всякихъ внѣшнихъ признаковъ учености и глубокомыслія, чтобы примѣръ былъ тѣмъ убѣдительнѣе. Если въ форму академической рѣчи, которая почти всегда остается наборомъ незначительныхъ общихъ фразъ, Грановскій внесъ глубокое и новое содержаніе и самостоятельную идею, то тѣмъ скорѣе можно убѣдиться, что въ его трудахъ болѣе спеціальныхъ эти достоинства были всегда неотъемлемыми качествами. Взглянемъ же на ученое достоинство рѣчи, съ содержаніемъ которой тотъ, кто не имѣлъ случая прочесть ее прежде, могъ ознакомиться чрезъ наши извлеченія.

Читателю, знакомому съ современною историческою литературою, хорошо извѣстно, какъ немногіе изъ нынѣшнихъ историковъ успѣли понять необходимость того широкаго взгляда, который внесенъ въ науку Шлоссеромъ и Гизо. Творенія Ранке, Прескотта, Маколея отличаются великими достоинствами; быть можетъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, эти писатели должны быть поставлены выше Гизо и самого Шлоссера. Но по той тѣсной программѣ, которою они считаютъ возможнымъ ограничивать науку, они принадлежатъ прежнему направленію, обращавшему вниманіе почти исключительно на политическую исторію. Самъ Гегель, этотъ столь широкій умъ, въ сущности еще не выходилъ изъ ея тѣсныхъ границъ. Послѣ такихъ примѣровъ, надобно ли говорить о второстепенныхъ ученыхъ? Почти всѣ они продолжаютъ держаться рутины. Слабые признаки того, что программа Гизо и Шлоссера сдѣлается общею программою историческихъ трудовъ, видимъ въ томъ, что уже довольно часто одинъ и тотъ же человѣкъ пишетъ равно основательныя сочиненія по политической исторіи и по исторіи литературы: въ примѣръ, укажемъ на Маколея и Гервинуса. Но эти двѣ отрасли одной науки продолжаютъ оставаться для него различными науками, изъ которыхъ одной такъ же мало дѣла до другой, какъ лѣтъ тридцать тому назадъ физіологіи мало было дѣла до химіи. И замѣтимъ, что такая раздѣленность, такъ стѣсняющая горизонтъ исторіи, не есть только недостатокъ выполненія, допускаемый этими историками по трудности въ одно время обнять своими изслѣдованіями съ равною полнотою ту и другую отрасль историческихъ матеріаловъ: нѣтъ, она допускается не слабостью исполнительныхъ силъ автора, а преднамѣренно принимается его мыслью, какъ граница, полагаемая идеею самой науки: историкъ не то, чтобы не могъ—онъ просто не находитъ побужденія, не хочетъ дать своимъ изслѣдованіямъ болѣе широкій объемъ. Рутина еще очень сильна. Грановскій, напротивъ того, видитъ, что даже и та болѣе широкая программа науки, которая у Шлоссера и Гизо до сихъ поръ остается смѣлымъ нововведеніемъ, должна быть еще расширена присоединеніемъ къ политическому и умственному элементамъ народной жизни натурнаго элемента; мало того, что онъ требуетъ расширенія границъ науки, нынѣшняя односторонность которой чувствуется очень немногими, онъ видитъ,

что она должна стать на новомъ, прочномъ основаніи строгаго метода, котораго ей до сихъ поръ недостаетъ. Надобно ли говорить, что этимъ предсказаніемъ обозначается начало совершенно новой эпохи въ наукѣ?

Не должно обманываться тѣмъ, что Грановскій ссылается въ этихъ случаяхъ на г. Бэра, Кетле, Эмерсона: надобно только присмотрѣться къ его рѣчи, чтобы увидѣть тутъ нѣчто совершенно другое, нежели простое заимствованіе мыслей у того или другаго ученаго. Видно, что мысль крѣпко принадлежитъ самому Грановскому, и цитаты имѣютъ цѣлью только доказать, что не онъ одинъ такъ думаетъ, что мысль, имъ высказанная, не его личная выдумка, а выводъ изъ нынѣшняго положенія науки, дѣлаемый каждымъ проницательнымъ человѣкомъ. Только у людей, которымъ инстинктъ говоритъ, что, во всякомъ случаѣ, несмотря на всѣ видимыя уступки своей собственности другимъ, они останутся довольно богаты, бываетъ это стремленіе указывать на людей, высказывавшихъ ту же самую мысль, которая кажется имъ справедливою. И, дѣйствительно, кто вникнетъ въ понятія Грановскаго, тотъ увидитъ, что они глубоко самостоятельны и прочувствованы имъ часто гораздо полнѣе и глубже, нежели тѣми людьми, на которыхъ онъ ссылается. Примѣръ у насъ передъ глазами: для Эмерсона мысль о значеніи исторіи далеко не имѣетъ той важности, какую придаетъ ей Грановскій. Надобно еще замѣтить, что существенныя пріобрѣтенія наукою дѣлаются не другимъ какимъ либо способомъ, какъ тѣмъ, что къ данной наукѣ прилагаются истины, выработанныя другою наукою. Такъ, химія обязана своими успѣхами введенію количественнаго метода, заимствованнаго изъ математики; нравственныя науки нынѣ подчиняются историческому методу и, безъ сомнѣнія, много отъ него выиграютъ. Это до такой степени справедливо, что новая эпоха въ наукѣ создается чаще всего не спеціалистомъ, который слишкомъ привыкъ къ рутинѣ и обыкновенно отличается отъ своихъ сотоварищей только бо́льшимъ или меньшимъ объемомъ, но не существеннымъ различіемъ въ содержаніи знанія, — преобразователями науки бываютъ обыкновенно люди, первоначально занимавшіеся другою отраслью знанія; такъ, напримѣръ, Декартъ, Лейбницъ, Кантъ были математики, Адамъ Смитъ профессоръ словесности и логики, и т. д. Причина тому очень проста: человѣкъ, приступающій къ глубокому изслѣдованію съ запасомъ знаній, чуждыхъ другимъ ученымъ, легче замѣчаетъ въ новомъ предметѣ стороны, ускользающія отъ ихъ вниманія. Свобода отъ рутины также много значитъ.

Изъ спеціалистовъ обыкновенно только немногіе обладаютъ этими качествами, необходимыми для того, чтобы пролагать въ наукѣ новые пути: солидными знаніями въ наукахъ, которыя не поставлены обычаемъ въ число такъ называемыхъ вспомогательныхъ наукъ, и отсутствіемъ рутины. Грановскій принадлежалъ къ этимъ немногимъ избранникамъ, и кто внимательно всмотрится въ его сочиненія, которыя, по свидѣтельству всѣхъ знавшихъ его, далеко не могутъ еще назваться полнымъ отраженіемъ его богато одаренной личности,—тотъ убѣдится, что и эти немногіе и небольшіе трактаты даютъ уже несомнѣнное доказательство того, что Грановскій, если бы цѣлью его дѣятельности была личная слава, могъ бы стать на ряду съ такими людьми, какъ Нибуръ, Гизо, Шлоссеръ. Но у него была другая цѣль болѣе близкая къ потребностямъ его родины: служеніе отечественному просвѣщенію.—и бла-

гословенна память его, какъ одного изъ могущественнѣйшихъ и благороднѣйшихъ дѣятелей на этомъ священномъ поприщѣ.

Мы не будемъ теперь подробно разбирать остальныхъ сочиненій Грановскаго, помѣщенныхъ въ первомъ томѣ: каждое изъ нихъ было въ свое время основательно разсмотрѣно нашею ученою критикою, и развѣ немногія замѣчанія должно было бы прибавить относительно того или другаго въ отдѣльности къ сказанному уже въ нашихъ журналахъ. Конечно, теперь, когда эти сочиненія возможно обозрѣвать въ ихъ связи, яснѣе прежняго становятся идеи, одушевлявшія Грановскаго, какъ ученаго писателя; но для того, чтобы характеристика ихъ духовнаго единства была полна и всесторонна, надобно дождаться появленія втораго тома, или, что будетъ еще лучше, изданія его университетскихъ курсовъ. Мы такъ и сдѣлаемъ: если, давая намъ второй томъ, издатели выскажутъ, какъ мы ожидаемъ, надежду, что печатаніе университетскихъ курсовъ не замедлится, мы будемъ ждать этихъ курсовъ; если же не выскажется эта увѣренность, что за вторымъ томомъ скоро явятся третій и слѣдующіе, мы должны будемъ ограничиться разсмотрѣніемъ двухъ изданныхъ томовъ, какъ отдѣльнаго цѣлаго. Тогда всетаки нашъ обзоръ будетъ полнѣе, нежели могъ бы быть въ настоящее время. Итакъ, теперь мы должны сказать только по нѣскольку словъ объ отдѣльныхъ статьяхъ, вошедшихъ въ составъ изданнаго тома.

За «Рѣчью о значеніи исторіи» слѣдуетъ переводъ письма извѣстнаго натуралиста Эдвардса къ Августину Тьерри «О физіологическихъ признакахъ человѣческихъ породъ и ихъ отношенія къ исторіи», съ довольно обширными примѣчаніями и предисловіемъ самого Грановскаго. Въ настоящемъ изданіи, эта статья представляется какъ бы приложеніемъ къ «Рѣчи объ исторіи», говорящей, между прочимъ, объ ученомъ значеніи письма Эдвардса. Прекрасный разборъ этого труда и вмѣстѣ «Рѣчи» Грановскаго былъ помѣщенъ г. Кудрявцевымъ въ «Отечественныхъ запискахъ» (1853 г., томъ LXXXVII).

Статью «О родовомъ бытѣ у древнихъ германцевъ» мы недавно имѣли случай разсматривать, говоря о III-мъ томѣ «Историко-юридическаго Архива», въ которомъ она была помѣщена. Здѣсь прибавимъ только, что она дѣйствительно составила эпоху въ преніяхъ о родовомъ и общинномъ бытѣ. Изслѣдователи наши увидѣли необходимость придать болѣе точности своимъ понятіямъ объ этомъ важномъ вопросѣ нашей исторіи и заняться ближайшимъ сравненіемъ формъ нашей общины съ подобными явленіями у другихъ славянскихъ племенъ и другихъ европейскихъ народовъ: тогда только рѣшится, до какой степени надобно считать явленія такъ называемаго родоваго быта свойственными исключительно нашей исторіи, и на сколько въ нихъ общаго съ тѣмъ, что представляетъ исторія другихъ народовъ; рѣшится также, которое изъ двухъ различныхъ воззрѣній на эти явленія ближе къ истинѣ: то ли, которое существованіе родоваго быта признаетъ продолжающимся до Владиміра и Ярослава и даже далѣе, или то, которое утверждаетъ, что во времена, съ которыхъ начинаются наши историческія преданія, родовой бытъ уже распался, выдѣливъ изъ себя семью и превратясь въ союзъ отдѣльныхъ семей, общину. Факты, указанные Грановскимъ, пролили много свѣта на это дѣло и полагаютъ конецъ многимъ ошибочнымъ мнѣніямъ о совершенномъ, будто бы, раз-

личіи славянской общины отъ общинъ, какія застаетъ исторія у германскихъ и кельтскихъ племенъ.

До опредѣленія своего профессоромъ исторіи при Московскомъ Университетѣ, покойный Грановскій, тогда еще ничѣмъ неизвѣстный молодой человѣкъ, написалъ нѣсколько статей для «Библіотеки для Чтенія». Каждый знаетъ, какимъ передѣлкамъ редакція этого журнала подвергала печатаемыя въ немъ сочиненія, и издатели поступили очень благоразумно, рѣшившись не вносить въ собраніе сочиненій Грановскаго его статей, помѣщенныхъ въ «Библіотекѣ для Чтенія», «не будучи въ состояніи отдѣлить отъ нихъ чужаго нароста и отличить тѣ измѣненія, которыя сдѣланы въ нихъ самою редакціею журнала». Они перепечатали только первую изъ нихъ: «Судьбы еврейскаго народа», чтобы дать примѣръ начальныхъ трудовъ Грановскаго по наукѣ, лучшимъ представителемъ которой былъ онъ у насъ впослѣдствіи времени.

Два изслѣдованія: «Волинъ, Іомсбургъ и Винета» и «Аббатъ Сугерій», написанныя для полученія ученыхъ степеней, имѣютъ много общаго: оба они, въ угодность обычаю, облечены формою спеціализма, которой не любилъ Грановскій, и могутъ совершенно удовлетворить строгихъ цѣнителей внѣшнихъ признаковъ учености. Оба одинаково имѣютъ предметомъ спеціальные вопросы всеобщей исторіи, обработку которыхъ Грановскій вообще не считалъ дѣломъ, долженствующимъ лежать на русскомъ ученомъ, занимающемся всеобщею исторіею. Онъ выражался объ этомъ такъ: «Одно изъ главныхъ препятствій, мѣшающихъ благотворному дѣйствію исторіи, заключается въ пренебреженіи, какое историки оказываютъ обыкновенно къ большинству читателей. Они, повидимому, пишутъ только для ученыхъ, какъ будто исторія можетъ допустить такое ограниченіе, какъ будто она по самому существу своему не есть самая популярная изъ всѣхъ наукъ, призывающая къ себѣ всѣхъ и каждаго. Къ счастію, узкія понятія о мнимомъ достоинствѣ науки, унижающей себя исканіемъ изящной формы и общедоступнаго изложенія, возникшія въ удушливой атмосферѣ нѣмецкихъ ученыхъ кабинетовъ, несвойственны русскому уму, любящему свѣтъ и просторъ. Цеховая, гордая своею исключительностью наука не вправѣ разсчитывать на его сочувствіе». Оффиціальная цѣль, съ которою написаны оба изслѣдованія, поставила Грановскаго въ необходимость сдѣлать уступку обычнымъ требованіямъ, и, сохранивъ общедоступность и интересность въ изложеніи, давъ своимъ частнымъ темамъ такое значеніе, что онѣ получили непосредственное отношеніе къ историческимъ вопросамъ дѣйствительной важности, онъ снабдилъ ихъ аппаратомъ спеціальной учености въ разныхъ эпизодическихъ отступленіяхъ и многочисленныхъ примѣчаніяхъ. Рутинисты не могли указать никакого недостатка въ этомъ отношеніи, хотя и старались найти его, зная мнѣніе Грановскаго о рутинѣ. Они были побѣждены собственнымъ оружіемъ, и когда одинъ изъ ихъ аколитовъ отважился было — вѣроятно, безъ совѣта старѣйшинъ — выступить гверильясомъ противъ «Аббата Сугерія», воображая, что разбирать ученыя сочиненія такъ же легко, какъ переписывать чужія лекціи, г. Бабстъ обнаружилъ крайнюю несостоятельность внушеній, которымъ поддался этотъ отважный ученый.

«Четыре историческія характеристики», публичныя лекціи, читанныя въ 1851 году, были приняты публикою съ обычнымъ восторгомъ. Въ самомъ

дѣлѣ, онѣ соединяютъ вѣрность ученаго пониманія съ увлекательнымъ изложеніемъ; особенно лекція объ Александрѣ Македонскомъ возвышается до истинной поэзіи: едва ли кто нибудь изобразилъ личность геніальнаго юноши съ такою вѣрностью и такимъ блескомъ, какъ Грановскій.

Лекціямъ о Тимурѣ, Александрѣ Македонскомъ, Людовикѣ IX и Бэконѣ не уступаетъ достоинствомъ статья, заключающая первый томъ: «Пѣсни Эдды о Нифлунгахъ». Г. Кудрявцевъ справедливо называетъ этотъ очеркъ «мастерскимъ» и указываетъ на него, какъ на «образчикъ того, съ какою любовью и съ какимъ знаніемъ дѣла занимался профессоръ изученіемъ литературныхъ памятниковъ въ связи съ исторіею».

Замѣтки о журналахъ.

МАЙ 1856.

Русская Бесѣда и ея направленіе.

— Радушно привѣтствовали мы «Русскую Бесѣду» и радовались основанію этого журнала, будто пріобрѣтаемъ въ немъ союзника по убѣжденіямъ, сподвижника въ общемъ дѣлѣ. А между тѣмъ, извѣстно было, что убѣжденія, раздѣляемыя «Современникомъ» со всѣми другими журналами, пользующимися большимъ или меньшимъ сочувствіемъ въ огромномъ большинствѣ просвѣщенныхъ людей нашей земли, отвергаются «Русскою Бесѣдою», какъ ошибочныя; извѣстно было, что «Русская Бесѣда» и основывается именно съ тою цѣлью, чтобы противодѣйствовать вліянію нашихъ мнѣній, если возможно—уничтожить его. Какъ же радоваться появленію противника? Или мы надѣялись, что «Русская Бесѣда» будетъ не такова, какъ того всѣ ожидали, судя по программѣ, что она смягчитъ предполагаемую рѣзкость своего протеста, будетъ удаляться борьбы? Нѣтъ, этого нельзя было надѣяться. Программа и имена многихъ сотрудниковъ слишкомъ ясно убѣждали, что «Русская Бесѣда» начнетъ открытую и сильную борьбу. Ея воинственность обнаружилась еще до появленія первой книги журнала, споромъ его редакціи съ «Московскими Вѣдомостями» о народномъ воззрѣніи въ наукѣ. «Русскій Вѣстникъ», которому ближе петербургскихъ журналовъ могли быть извѣстны намѣренія новаго журнала, также объявлялъ, что предвидитъ неизбѣжность жаркихъ преній съ «Русскою Бесѣдою». Первая книга ея не замедлила оправдать эти предвѣстія. Всѣ статьи, сколько нибудь выражающія духъ журнала, таковы, что ни одна изъ нихъ не могла бы быть напечатана ни въ «Русскомъ Вѣстникѣ», ни въ «Отечественныхъ Запискахъ», ни въ «Современникѣ». «Русскій Вѣстникъ», по своему мѣстному положенію, чувствующій на себѣ ближайшую обязанность обращать особенное вниманіе на «Русскую Бесѣду», уже началъ съ нею серьезное преніе: первый же нумеръ его, вышедшій послѣ появленія «Русской Бесѣды», содержитъ уже сильное возраженіе на важнѣйшую статью «Русской Бесѣды», и мы должны сказать, что въ этомъ случаѣ мнѣнія, выраженныя «Русскимъ

Вѣстникомъ», кажутся намъ совершенно справедливыми. Нѣтъ сомнѣнія, что «Русская Бесѣда» будетъ защищаться и нападать, что названные нами выше петербургскіе журналы должны принять участіе въ жаркихъ преніяхъ и, конечно, по характеру своихъ убѣжденій, станутъ не на сторонѣ «Русской Бесѣды».

И, однако же, мы отъ искренняго сердца повторяемъ свое привѣтствіе «Русской Бесѣдѣ», желаемъ ей долгаго, полнаго силы существованія. Это потому, что мы считаемъ существованіе «Русской Бесѣды» въ высокой степени полезнымъ для нашей литературы вообще и въ частности для тѣхъ началъ, противъ которыхъ возстаетъ она, которыя для насъ дороже всего, которыя мы защищали и всегда будемъ защищать. Будемъ говорить откровенно: искренность—лучшее правило въ жизни; «Русская Бесѣда» сама обѣщаетъ искренность и, конечно, готова принять ее отъ другихъ.

Разногласіе между убѣжденіями славянофиловъ [1]), органомъ которыхъ хочетъ быть «Русская Бесѣда», и убѣжденіями людей, противъ которыхъ они возстаютъ, касается многихъ очень важныхъ вопросовъ. Но въ другихъ, еще болѣе существенныхъ стремленіяхъ противники совершенно сходятся, мы въ томъ убѣждены. Мы хотимъ свѣта и правды,—«Русская Бесѣда» также; мы, по мѣрѣ силъ, возстаемъ противъ пошлаго, низкаго и грязнаго,—«Русская Бесѣда» также; мы считаемъ кореннымъ врагомъ нашимъ въ настоящее время невѣжественную апатію, мертвенное пустодушіе, лживую мишуру,—«Русская Бесѣда» также. И, каковы бы ни были разногласія, мы увѣрены, что «Русская Бесѣда» въ сущности точно также понимаетъ всѣ эти слова, какъ и мы. Согласіе въ сущности стремленій такъ сильно, что споръ возможенъ только объ отвлеченныхъ и потому туманныхъ вопросахъ. Какъ скоро рѣчь переносится на твердую почву дѣйствительности, касается чего нибудь практическаго въ наукѣ или жизни, коренному разногласію нѣтъ мѣста; возможны только случайныя ошибки съ той или другой стороны, отъ которыхъ и та и другая сторона съ радостью откажется, какъ скоро кѣмъ нибудь изъ чьихъ бы то ни было рядовъ будетъ высказано болѣе здравое рѣшеніе, потому что тутъ нѣтъ разъединенія между образованными русскими людьми: всѣ хотятъ одного и того же.

Въ самомъ дѣлѣ, чего хотимъ мы всѣ? увеличенія числа учащихся и выучивающихся; усиленія научной и литературной дѣятельности; проложенія желѣзныхъ дорогъ; разумнаго распредѣленія экономическихъ силъ, и т. д.— Мы увѣрены, что какихъ бы началъ ни держался человѣкъ въ сферѣ отвлеченныхъ вопросовъ, онъ также будетъ отвергнутъ и «Русскою Бесѣдою», какъ и нами, если не хочетъ всего этого. Возьмемъ вопросы болѣе частные. Чего, напримѣръ, требуетъ «Русская Бесѣда» въ сферѣ научной дѣятельности?

---

[1]) Употребляемъ это названіе потому, что сами сотрудники «Русской Бесѣды» принимаютъ его, но остаемся при мнѣніи, которое выразили недавно, что прозваніе это кажется намъ произвольнымъ и не довольно точнымъ. Во первыхъ, симпатія къ славянскимъ племенамъ не есть существенное начало въ убѣжденіяхъ цѣлой школы, называемой этимъ именемъ. Во вторыхъ, кто же изъ образованныхъ людей не раздѣляетъ нынѣ съ нею этой симпатіи? Въ третьихъ, имя «славянофиловъ» уже изношено и отчасти измельчало: мы не хотѣли бы для гг. Аксаковыхъ, Кирѣевскихъ, Кошелева, Самарина, Хомякова, кн. Черкасскаго имени, напоминающаго о Шишковѣ.

Полнѣйшаго и основательнѣйшаго знакомства съ европейскою наукою [1]); усиленной разработки всѣхъ отраслей науки, касающихся русскаго міра, преимущественно русскаго быта и исторіи. Прекрасно. Мы всѣ хотимъ того же самаго, и «Русская Бесѣда», конечно, не оскорбитъ никого изъ грамотныхъ людей русскихъ подозрѣніемъ, что онъ не раздѣляетъ этихъ желаній. Въ чемъ же несогласіе между нами и славянофилами? Въ вопросахъ, которые могутъ быть очень важны для Германіи или для Франціи, но которымъ у насъ не пришло еще время—служить достаточнымъ основаніемъ для разъединенія здравомыслящихъ людей. Это вопросы теоретическіе, пока еще вовсе не имѣющіе у насъ приложенія къ жизни,—вопросы, ведя споръ о которыхъ (на сколько возможенъ у насъ споръ о нихъ), можно и должно у насъ не разрывать рукъ, соединяемыхъ въ дружеское пожатіе согласіемъ относительно вопросовъ, существенно важныхъ въ настоящее время для нашей родины.

Такъ мы думаемъ и такъ всегда будемъ думать, пока «Русская Бесѣда» не измѣнитъ дѣлу просвѣщенія и житейской правды, за которое теперь, несмотря на всѣ неумѣренныя (и, по нашему мнѣнію, рѣшительно преждевременныя) инвективы противъ людей, думающихъ объ отвлеченныхъ вопросахъ иначе, нежели она,—стоитъ она почти во всемъ существенно важномъ.

Будетъ ли она продолжать стоять за просвѣщеніе? Надѣемся, основываясь на томъ, что издатель журнала—г. Кошелевъ, къ числу главныхъ сотрудниковъ принадлежатъ гг. Аксаковы, Самаринъ, Хомяковъ, кн. Черкасскій. Но постоянно ли будетъ оправдываться наша надежда, зависитъ оттого, ихъ ли мнѣнія будутъ преобладать въ журналѣ. Это необходимо для того, чтобы журналъ пріобрѣлъ симпатію въ публикѣ и литературѣ, и, искренно желая того, откровенно выскажемъ, что «Русской Бесѣдѣ» предстоитъ внутренняя борьба для сохраненія въ литературѣ мѣста, которое назначается ей ожиданіями публики. Въ первой книгѣ, вмѣстѣ съ статьями, заслуживающими одобренія и отъ тѣхъ, которые противорѣчатъ имъ, нашла себѣ мѣсто статья, которая кажется прилично не «Русской Бесѣдѣ», а развѣ покойному «Маяку». Этого мы не хотѣли ожидать, и хотѣли бы думать, что это случайная ошибка. Если бы г. N только хвалилъ какъ ему угодно комедіи г. Островскаго, тутъ не было бы бѣды; но зачѣмъ примѣшивать странные толки о посторонникъ дѣлу предметахъ, которыхъ онъ совершенно не хочетъ понимать? Его разсужденія слишкомъ противорѣчатъ общему духу самой «Русской Бесѣды». Правда, «Русская Бесѣда», въ предисловіи, которое сообщено нами читателю въ предъидущей книгѣ журнала, предупреждаетъ, что въ ней мы встрѣтимъ людей, «которые болѣе или менѣе разногласятъ между собою въ мнѣніяхъ касательно важныхъ и отчасти жизненныхъ вопросовъ», но кружокъ которыхъ все-таки связанъ «единствомъ коренныхъ, неизмѣнныхъ убѣжденій». Намъ кажется, что

[1]) Обращаемъ вниманіе читателей на то, что въ статьяхъ лучшихъ участниковъ «Русской Бесѣды» это требованіе выражено съ отсутствіемъ всякой двусмысленности. Этого для насъ довольно. Нужна намъ европейская наука? вотъ въ чемъ вопросъ, а не въ томъ, изъята ли она въ своемъ нынѣшнемъ видѣ отъ всякихъ недостатковъ и во всемъ ли уже достигла совершенства,—этого никто не думаетъ и въ западной Европѣ, никто изъ умныхъ людей не думаетъ и у насъ.

единство между г. N и, напримѣръ, г. Самаринымъ или гг. Аксаковыми едва ли можетъ существовать въ чемъ нибудь существенно важномъ.

Союзъ ихъ съ нимъ ненатуралень. Дѣло другое, еслибъ онъ захотѣлъ сдѣлаться ихъ ученикомъ,—это было бы и естественно и хорошо; тогда только мы успокоились бы за «Русскую Бесѣду». Полагая, что это такъ и случится, не будемъ говорить о статьѣ г. N, называющей грѣхомъ все, что происходитъ въ мірѣ не по правилу, предлагаемому стихомъ изъ одной русской пѣсни:

Потерпи, сестрица, потерпи родная!

Мы думаемъ, что о дѣлахъ земныхъ, каковы наука и литература, разсуждать съ г. N совершенно безполезно; считаемъ обязанностью замѣтить только, что и онъ не долженъ бы говорить о нихъ: вѣдь это суетныя и тлѣнныя земныя занятія, несовмѣстныя съ его точкою зрѣнія. Надѣясь, что онъ пойметъ всю справедливость этой истины и не будетъ говорить ничего, или заговоритъ другимъ, болѣе приличнымъ русской литературѣ тономъ, въ слѣдующихъ книгахъ журнала, мы не будемъ принимать его статью въ соображеніе при нашемъ мнѣніи о «Русской Бесѣдѣ»; но крайность, въ которую неосторожно вовлекъ онъ «Русскую Бесѣду», служитъ доказательствомъ, что новый журналъ долженъ точнѣе и строже опредѣлить границы своего направленія.

Съ цѣлью содѣйствовать ему въ этомъ, мы обратимъ вниманіе его участниковъ на тѣ обстоятельства и вопросы, отъ точнаго взгляда на которые много зависитъ успѣхъ общаго намъ съ ними дѣла—содѣйствія развитію роднаго просвѣщенія, и плодотворность самыхъ споровъ «Русской Бесѣды» съ ея противниками, если должны быть постоянные споры.

Съ того времени, какъ славянофилы, нѣкогда смѣшиваемые и, можетъ быть, смѣшивавшіе сами себя съ различными сотрудниками «Москвитянина» и тому подобныхъ журналовъ, выступили сомкнутою партіею въ «Московскихъ Сборникахъ» 1846 и 1847 годовъ, прошло около десяти лѣтъ. Многими важными событіями и перемѣнами ознаменованы эти годы и вообще въ европейской, а тѣмъ болѣе въ русской жизни. Всякій, каковы бы ни были его убѣжденія, получилъ много уроковъ, увидѣлъ исполненіе многихъ своихъ надеждъ, испыталъ много разочарованій. Многое, что было—съ какой бы то ни было точки зрѣнія—своевременно и умѣстно въ 1846 году, съ той же самой точки зрѣнія должно представляться несвоевременнымъ въ 1856 году. Кто хочетъ, чтобы его требованія имѣли основаніе въ дѣйствительности, кто не хочетъ сражаться съ химерами, скорбѣть о недостаткахъ, уже давно исправленныхъ, долженъ принять во вниманіе положеніе вещей въ настоящемъ, а не то, какъ ему представлялось положеніе вещей въ 1846 или 1847 гг. Намъ кажется, напримѣръ, что въ настоящее время твердить о необходимости народности въ изящной литературѣ — дѣло совершенно излишнее: русская изящная литература стала народна на столько, на сколько позволяютъ ей обстоятельства, и если въ ней есть недостатки, то уже, конечно, не отъ подражанія западу, а отъ вліянія совершенно другихъ обстоятельствъ, чуждыхъ намѣренію и желанію писателей. Въ этомъ случаѣ славянофилы, кажется, со-

гласны съ нами. По крайней мѣрѣ, такъ думаетъ г. Самаринъ,—надѣемся, и другіе участники «Русской Бесѣды» раздѣляютъ его довольство нашею изящною литературою въ этомъ отношеніи. «Но въ нашей наукѣ недостаетъ народности, нѣтъ русскаго воззрѣнія въ нашей наукѣ»,—говоритъ г. Самаринъ, котораго въ этомъ случаѣ надобно считать представителемъ мнѣнія «Русской Бесѣды» вообще. Надобно,—говоритъ онъ,—чтобы русская наука приняла въ себя столько же народности, какъ въ изящной литературѣ. Итакъ, мѣрою народности въ наукѣ хотятъ принимать степень вліянія народности на нашу изящную литературу,—кажется, такъ; мы не имѣемъ нужды измѣнять въ какомъ бы то ни было смыслѣ мнѣнія славянофиловъ, потому приводимъ въ выноскѣ слова г. Самарина [1]).

Если все дѣло состоитъ въ этомъ, то, признаемся, мы не видимъ достаточныхъ причинъ съ такимъ жаромъ требовать, будто чего нибудь новаго, признанія правъ народности на участіе въ наукѣ. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ ограничивается полнѣйшее вліяніе народности на изящную литературу? 1) Степень вниманія, обращаемаго литературою на тѣ или другіе предметы, соразмѣряется со степенью важности, какую имѣютъ эти предметы въ народной жизни; потому литература занимается преимущественно изученіемъ своего роднаго быта; 2) форма художественнаго произведенія должна быть совершенно народна. Все это давнымъ-давно существуетъ и въ русской наукѣ, на сколько существуетъ русская наука. Огромное большинство нашихъ ученыхъ всѣ силы свои посвящаетъ разработкѣ отечественной исторіи, этнографіи, фауны, флоры и т. д. Тѣми отраслями науки, которыя имѣютъ предметомъ нѣчто общее для насъ и для иноземцевъ, занимается только меньшинство, котораго, конечно, не

[1]) Мы должны отдать г. Самарину справедливость, что мнѣніе своихъ противниковъ излагаетъ онъ вѣрно; онъ заставляетъ ихъ говорить такъ: «Мысль, по существу своему, безстрастна и безцвѣтна, и потому ученый, не умѣвшій или не хотѣвшій очистить себя отъ представленій, понятій и сочувствій, прилипающихъ невольно къ каждому человѣку отъ той среды, къ которой онъ принадлежитъ, не можетъ быть достойнымъ служителемъ науки. Кто вноситъ случайное и частное въ область міровыхъ идей, тотъ выноситъ изъ нея, вмѣсто общечеловѣческихъ истинъ или вѣрнаго отраженія предметовъ въ сознаніи, представленія не полныя, образы изуродованные и прихотливо расцвѣченные». И вслѣдъ за этими словами, начинаетъ онъ изложеніе своихъ мнѣній такимъ образомъ:

«Совершенно то же говорилось и печаталось у насъ еще недавно о художествѣ. Поэзія есть воспроизведеніе идеи или сущности явленія въ живомъ образѣ. Идея—достояніе всего человѣчества, а форма, хотя и взятая изъ области случайнаго, очищается отъ всего случайнаго и просвѣтляется насквозь идеею; слѣдовательно, въ художественномъ творчествѣ участіе народности незаконно. Это послѣднее примѣненіе общаго понятія объ отношеніи человѣческаго къ народному теперь устарѣло и откинуто вмѣстѣ съ безчисленнымъ множествомъ всякихъ предубѣжденій... Было бы позволительно предоставить времени произвести *такую же реакцію* и противъ теперешняго гоненія на народность въ дѣлѣ науки; но мы мало цѣнимъ успѣхъ отъ пресыщенія, и потому, не избѣгая и не откладывая спора, приступаемъ прямо къ *уясненію* возбужденнаго нами вопроса. *Недоразумѣнія лежатъ на немъ*, какъ отвердѣвшіе слои наносныхъ понятій».

Итакъ, дѣло кажется не подлежащимъ сомнѣнію: г. Самаринъ, говоря отъ имени всей школы, требуетъ для народности въ наукѣ тѣхъ же правъ, которыя уже даны ей въ искусствѣ. Обращаемъ также вниманіе читателя на слово «недоразумѣнія»: намъ кажется, что если «Русская Бесѣда» дѣйствительно останется вѣрна научной точкѣ зрѣнія г. Самарина, а не образу мыслей г. N, то дѣйствительно основаніемъ спора окажутся взаимныя недоразумѣнія, а не существенное разномысліе, и споръ о различіи началъ прекратится, какъ скоро мнимые противники объяснятся другъ съ другомъ. Объясненія съ г. N, конечно, не приведутъ къ согласію: тутъ различіе, дѣйствительно, лежитъ въ сущности понятій. Или намъ и г. Самарину должно забыть то, что мы знаемъ, или г. N узнать многое, на что не обращалъ онъ вниманія. Послѣднее и легче и лучше.

захочетъ уменьшить «Русская Бесѣда», потому что и безъ того знакомство наше съ европейскимъ просвѣщеніемъ еще слабо и поверхностно, по справедливому сознанію «Русской Бесѣды». Стало быть, надобно желать не того, чтобы пропорція ученыхъ, занимающихся изученіемъ Россіи, увеличилась насчетъ ученыхъ, знакомящихъ Россію съ Западною Европою, а только того, чтобы число тѣхъ и другихъ увеличивалось, чего и желаетъ каждый изъ насъ. Что же касается народности въ формѣ науки, то, какъ извѣстно, форма въ дѣлѣ науки далеко не имѣетъ того существеннаго значенія, какъ въ искусствѣ: наука требуетъ отъ формы только двухъ качествъ, чисто внѣшнихъ: во-первыхъ, чтобы изложеніе удовлетворяло читателя такъ называемыми качествами слога, во-вторыхъ, чтобы оно было сообразно степени образованія и познаніямъ той публики, для которой предназначается.

Относительно слога или манеры изложенія—ужели надобно говорить о такихъ вещахъ? впрочемъ, такъ какъ мы хотимъ собственно уяснить вопросъ, то не будемъ оставлять безъ вниманія и мелочей, которыя иногда подаютъ поводъ къ серьезнымъ, повидимому, недоразумѣніямъ—относительно слога надобно согласиться, что въ немъ сильно отражается народность: извѣстно различіе между нѣмецкимъ и французскимъ изложеніемъ ученыхъ вопросовъ,—намъ кажется, что и русскіе ученые имѣютъ общую манеру въ этомъ случаѣ: она занимаетъ средину между французскою и нѣмецкою. Но если кому нибудь кажется, что слогъ въ нашихъ ученыхъ сочиненіяхъ еще не такъ рѣзко самостоятеленъ, какъ формы нашей поэзіи, каждый уступчивый охотно оставитъ это мнѣніе безъ противорѣчія: стоитъ ли спорить о риторикѣ? То же надобно сказать и о приспособленіи изложенія науки къ понятіямъ и степени образованности читателей: это каждый старается дѣлать, и спорить противъ того, что русская книга должна быть приспособлена къ потребностямъ русскихъ читателей, никто не будетъ. Чего же больше требовать отъ науки въ пользу народности? «А народное воззрѣніе?»—Но въ чемъ же оно состоитъ, кромѣ качествъ, нами указанныхъ? Гизо и Мишле—оба французы: что у нихъ общаго, кромѣ общихъ качествъ французскаго слога? Въ воззрѣніи Мишле гораздо больше сходства съ воззрѣніемъ, какое имѣетъ Маколей, нежели съ Гизо. Надобно вникнуть въ это, и мы убѣдимся, что главнымъ основаніемъ различія въ ученомъ воззрѣніи бываетъ степень общаго образованія, на которой стоитъ авторъ, а не народность его, партія (ученая или политическая), къ которой онъ принадлежитъ, а не языкъ, которымъ онъ говоритъ. Вліяніе французской народности на французскую науку, нѣмецкой на нѣмецкую оказывается очень незначительно, если народность не смѣшивать съ учеными и другими убѣжденіями и съ степенью общаго образованія, и не ограничивать вліянія народности тѣми качествами изложенія, которыя указали мы выше. Убѣжденія существенно одинаковы во всѣхъ странахъ при одинаковой степени образованности и при одинаковомъ благородствѣ характера. Мы очень хорошо знаемъ, что разумѣютъ подъ «русскимъ воззрѣніемъ» люди мало образованные: они выражаются такъ потому, что не знаютъ о существованіи и во Франціи, и въ Англіи, и въ Германіи совершенно подобныхъ воззрѣній между людьми мало образованными, которыхъ и вездѣ очень много. Но мы рѣшительно не знаемъ, чѣмъ можетъ отличаться воззрѣніе г. К. Аксакова или

г. Самарина отъ воззрѣнія, какое имѣетъ каждый ставшій въ уровень съ вѣкомъ человѣкъ, какой бы націи онъ ни принадлежалъ. Есть, правда, одно, чѣмъ они отличаются не отъ иноплеменниковъ, а отъ многихъ изъ насъ: именно, они заботятся о введеніи въ науку русскаго народнаго воззрѣнія между тѣмъ, какъ другіе думаютъ только о томъ, чтобы развивать свое воззрѣніе сообразно настоящему положенію науки. Но что же дѣлать! у каждаго изъ насъ есть свои любимыя заботы, желанія, если угодно, мечты, къ которымъ всѣ другіе люди, кромѣ немногихъ друзей, остаются довольно холодны. Въ этомъ отношеніи нужно соблюдать взаимную терпимость: любимая тема есть у каждаго ученаго своя. Иногда надъ этою человѣческою слабостью можно посмѣяться, не переставая сочувствовать другъ другу; но что касается лично насъ, мы находимъ, что любимая тема писателей, нами названныхъ, нимало не забавна, потому что расположеніе къ ней вызывается фактомъ серьезнымъ и грустнымъ: наука наша находится дѣйствительно въ состояніи, котораго вовсе еще нельзя назвать блистательнымъ. Правда, знанію прошедшаго и настоящаго Россіи иностранцы учатся у насъ; но всему остальному должны еще мы учиться у нихъ, а сами мы не внесли еще въ науку ничего новаго. Всѣ согласны въ объясненіи этого факта: просвѣщеніе у насъ еще слишкомъ мало распространено въ обществѣ; истинно ученыхъ людей у насъ еще мало; всѣ наши умственныя силы еще поглощаются гигантскою задачею распространенія просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ: удивительно ли послѣ того, что намъ еще недосугъ заниматься капитальными трудами для веденія впередъ общечеловѣческой науки? Подождемъ времени, когда у насъ будетъ оставаться досугъ для разработки философіи, всеобщей исторіи и другихъ наукъ, воздѣлываніе которыхъ не лежитъ исключительно на насъ: тогда, исполнивъ свою прежнюю задачу: «просвѣтиться», мы будемъ работать и на пользу общечеловѣческой науки не хуже нѣмцевъ и французовъ, а, можетъ быть, и лучше, если вѣрить шопоту высокой народной гордости, живущей въ каждомъ изъ насъ. Къ этому фактическому объясненію, принимаемому всѣми серьезными людьми, нѣкоторымъ угодно прибавлять догадку, что мы можемъ ускорить приближеніе срока для своего дѣятельнаго участія въ развитіи общечеловѣческой науки, если будемъ заботиться о внесеніи въ нашу науку «народнаго воззрѣнія». Положимъ, что эта догадка ошибочна,—въ ней нѣтъ еще важнаго проступка: никому не запрещается строить гипотезы, разумѣется, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы не враждовать къ людямъ, не принимающимъ гипотезу, пока она не оправдана фактами. Положимъ, что она справедлива,—никто не можетъ претендовать на людей, не принимающихъ ее, пока она не подтверждена фактами; сущность гипотезы въ томъ и состоитъ, что принятіе или отверженіе ея—дѣло личной воли, а не обязанности. Убѣдить въ справедливости гипотезы нельзя никакою полемикою или діалектикою; надобно подтвердить ее фактами. Итакъ, по нашему мнѣнію, гг. Самаринъ, К. Аксаковъ и другіе избрали бы самый вѣрный и краткій путь, если бы озаботились проведеніемъ «народнаго воззрѣнія» въ капитальныхъ ученыхъ трудахъ: 1) показать фактически, въ чемъ можетъ состоять требуемое имя «народное воззрѣніе» въ наукѣ, кромѣ указанныхъ нами выше качествъ изложенія? 2) доказать самымъ дѣломъ, что при помощи заботы о «народности воззрѣнія» русскому ученому легче дви-

нуть впередъ общечеловѣческую науку, нежели при помощи обыкновеннаго метода и обычныхъ ученыхъ средствъ. Пока это не будетъ показано и доказано фактами, всякія похвалы народному воззрѣнію кажутся намъ лишенными дѣйствительнаго содержанія и основанія. Но, съ другой стороны, пока люди, принимающіе гипотезу, которой мы не принимаемъ, будутъ обо всемъ, что принадлежитъ міру дѣйствительности и сферѣ положительной науки, сохранять убѣжденія, приличныя образованному человѣку нашего времени, мы не перестанемъ сочувствовать этимъ людямъ во всемъ, кромѣ ихъ мечты, которая, принадлежа къ міру мечтаній, не имѣетъ въ нашихъ глазахъ особенной важности и не можетъ для насъ служить поводомъ къ серьезному разногласію. Одинъ астрономъ утверждаетъ, что на лунѣ есть жители, другой не принимаетъ этой гипотезы. Они могутъ вести объ этомъ рѣчь «умную, но праздную», по выраженію г. И. Аксакова, и, однако же, это не мѣшаетъ послѣднему отдавать справедливую похвалу положительнымъ услугамъ, какія первый можетъ оказывать наукѣ, одинаково интересующей обоихъ.

Итакъ, какихъ же положительныхъ услугъ общему нашему дѣлу ждемъ мы отъ «Русской Бесѣды», если она останется вѣрна направленію, за которое ручается имя издателя и лучшихъ сотрудниковъ и нѣкоторыя статьи первой книги ихъ журнала? Во всемъ, что касается положительныхъ, а не отвлеченныхъ вопросовъ, она, кажется намъ, будетъ говорить вѣрно и здраво, какъ говорятъ всѣ истинно просвѣщенные люди въ наше время; участники этого журнала располагаютъ значительнымъ запасомъ знаній и ревности къ дѣлу просвѣщенія [1]); они люди серьезные, люди съ горячими и твердыми убѣжденіями: какъ же не радоваться, что они нашли органъ для своей литературной дѣятельности? Во всемъ, что имѣетъ дѣйствительное значеніе для науки и жизни, они будутъ дѣйствовать въ пользу просвѣщенія: чего же требовать больше? Споры о гипотезахъ не принесутъ вреда ничему существенно важному, если обѣ спорящія стороны будутъ помнить, что гипотезы должны имѣть только второстепенную важность сравнительно съ чистыми выводами изъ фактовъ дѣйствительности; а въ этихъ выводахъ болѣе или менѣе согласны всѣ образованные люди. Гипотезы, даже ошибочныя, имѣютъ и хорошую сторону (подъ условіемъ, конечно, не увлекаться ими до презрѣнія къ фактамъ): онѣ возбуждаютъ дѣятельность мысли. Особенно важна эта выгода въ тѣхъ случаяхъ, когда мысль, слишкомъ привыкшая къ рутинѣ и апатіи, нуждается въ возбудительныхъ средствахъ, чтобы проснуться изъ полудремоты. Таково именно кажется намъ положеніе нашей литературы, и мы ожидаемъ отъ гипотезы, выставляемой славянофилами, оживленія для нашей умственной дѣятельности: многіе, прежде не думавшіе, начнутъ думать,—а это въ настоящее время важнѣе всего. Споры, лишь бы только велись о предметахъ, «вызывающихъ на размышленіе», а не о какихъ нибудь мелкихъ дрязгахъ, и лишь бы велись благородно, оживляютъ литературу.

---

[1]) Просимъ не забывать, что мы имѣемъ въ виду не всѣхъ участниковъ «Русской Бесѣды», а такихъ людей, которые похожи на гг. Аксаковыхъ, Кошелева, Самарина, Хомякова. Каждый журналъ и каждая школа имѣютъ слабыя стороны и сотрудниковъ, которые не содѣйствуютъ увеличенію славы журнала. Но каждый журналъ стремится побѣдить въ себѣ эти недостатки. Безъ сомнѣнія, необходимость этого увидитъ и «Русская Бесѣда».

Желаемъ «Русской Бесѣдѣ» благоденствія и процвѣтанія!

«А опасность, угрожающая отъ нея вашимъ убѣжденіямъ?»—Опасность вовсе не такъ велика, какъ могутъ думать иные, предубѣжденные противъ «Русской Бесѣды»: отъ истинныхъ славянофиловъ нельзя ожидать, чтобъ они хотѣли

Ко днямъ Кошихина Россію возвратить,

чтобъ они стали проповѣдовать отчужденіе отъ общечеловѣческой образованности. Мы вѣримъ, когда г. Самаринъ говоритъ отъ лица ихъ:

«Потребность народнаго воззрѣнія многіе принимаютъ за желаніе, во что бы то ни стало, отличиться отъ другихъ, какъ будто бы въ этомъ отличіи заключалась цѣль направленія. Имъ кажется, что ученый, садясь за свой рабочій столъ, задаетъ себѣ задачу выдумать, изобрѣсти русское народное воззрѣніе, напримѣръ, хоть на феодализмъ. Нельзя же ему повторять, что сказали Гизо или Гриммы: то были нѣмцы! И созданный воображеніемъ труженикъ, несчастная жертва воображаемыхъ дурныхъ совѣтовъ, грызетъ перо, потираетъ себѣ лобъ и губитъ время въ безплодной погонѣ за оригинальностью. Но вольно же въ такой формѣ представлять себѣ участіе народности въ развитіи науки! Неразумное, безотчетное и *преднамѣренное отрицаніе чужаго потому только, что оно чужое, при недостаткѣ своего*, при внутренней пустотѣ, *не поведетъ къ расширенію области знанія. Этого никогда никто и не утверждалъ...* Здравое понятіе о народности ограничивается, съ одной стороны, боязнью исключительности, съ другой—боязнью *слѣпаго подражанія*. Эта *послѣдняя* боязнь, безспорно *имѣвшая* основаніе въ первоначальныхъ пріемахъ науки, пересаженной въ Россію изъ западной Европы, теперь начинаетъ *исчезать*».

«Имѣвшая», а не «имѣющая»: итакъ, по словамъ г. Самарина, славянофилы находятъ, что возставать противъ слѣпаго подражанія иноземцамъ въ наукѣ уже прошло у насъ время, и уже не боятся за нашу народную самостоятельность; итакъ, по ихъ мнѣнію, мы уже имѣемъ въ наукѣ столько самостоятельности, сколько позволяетъ намъ степень нашихъ познаній. Если такъ думаютъ славянофилы, они думаютъ справедливо. Подобно г. Самарину, г. К. Аксаковъ говоритъ, что «странно было бы нападать изъ любви къ народности на общечеловѣческое: это значило бы отказывать своему народу въ имени человѣческомъ. И, конечно, такихъ нападеній нельзя ожидать отъ «Русской Бесѣды». Прекрасно! мы вполнѣ вѣримъ такому образу мыслей въ гг. К. Аксаковѣ и Самаринѣ, и желаемъ только, чтобы «Русская Бесѣда» никогда не покидала этой точки зрѣнія.

Трудно послѣ этихъ объясненій понять, въ чемъ должно состоять требуемое г. Самаринымъ и г. К. Аксаковымъ «народное воззрѣніе въ наукѣ»: ни тотъ, ни другой не обратили вниманія на то, что сущность требованія выражается въ его осуществленіи, и не позаботились уяснить для насъ теорію свою практическими приложеніями ея къ какимъ нибудь опредѣленнымъ вопросамъ. А теорія безъ практики почти неуловима для мысли, и общія понятія, ими высказываемыя, неопредѣленны въ своей отвлеченности. Намъ кажется, что сущность ихъ требованія состоитъ въ томъ, чтобы мы поняли необходимость критики въ наукѣ и не увлекались предразсудками и пристрастіями, по крайней мѣрѣ, чуждыми нашимъ нравамъ, если нельзя всегда пре-

достеречься отъ предразсудковъ, всосанныхъ съ молокомъ матери, хотя и эти предразсудки не лучше другихъ и также должны быть отстраняемы каждымъ изъ насъ въ дѣлѣ науки. Въ предисловіи къ «Русской Бесѣдѣ» также встрѣчается слово «критика». О, если дѣло идетъ только о томъ, что надобно все принимать съ строгою критикою и безпощадно отбрасывать предубѣжденія, то это дѣло прекрасное; мы прибавили бы только, что каждое дѣло надобно называть его настоящимъ именемъ, и, напримѣръ, чувствуя потребность «критики въ наукѣ», прямо и говорить, что требуется «критика въ наукѣ», а не «народное воззрѣніе» или восточное начало. Само собою разумѣется, впрочемъ, что критика хороша только при соблюденіи нѣкоторыхъ научныхъ условій; изъ нихъ важнѣйшія: 1, основывать свои сужденія о томъ, что справедливо и что несправедливо, на идеяхъ, выработанныхъ современною наукою, а не на какихъ либо субъективныхъ симпатіяхъ, не на мертвой буквѣ какой либо книги и не на предразсудкахъ, которые сами не выдерживаютъ критики: 2, ни подъ какимъ видомъ, ни для какихъ цѣлей не игнорировать и не искажать фактовъ. Если «Русская Бесѣда», вѣрная словамъ гг. Самарина и К. Аксакова, въ своей «критикѣ науки» будетъ соблюдать эти постуляты, эти категорическіе императивы науки, она скажетъ намъ очень много хорошаго, хотя скажетъ мало такого, что бы не было уже (и очень недурно) высказано въ западной Европѣ, потому что Европа очень любитъ критику въ наукѣ и занимается ею очень небезуспѣшно.

Не знаемъ, во всемъ ли согласятся съ нами гг. К. Аксаковъ и Самаринъ,—вѣроятно, не во всемъ, потому что трудно найти двухъ людей, которые думали бы совершенно одинаково, хотя бы они принадлежали и къ одной школѣ, а не къ различнымъ; но надѣемся, что точекъ сходства въ нашемъ и ихъ образѣ мыслей найдется довольно много, быть можетъ, болѣе, нежели серьезныхъ поводовъ къ разногласію. Нѣкоторые другіе участники «Русской Бесѣды», вѣроятно, найдутъ неудовлетворительными многія изъ объясненій, удовлетворительныхъ для ученыхъ, нами названныхъ. Наконецъ, съ г. N мы можемъ соглашаться только въ двухъ пунктахъ: въ томъ, что терпѣніе—прекрасное качество, и въ томъ, что смиреніе—высокая добродѣтель; но такъ какъ эти вопросы принадлежатъ не литературѣ, а законамъ благоустройства и благочинія, то можно, пожалуй, сказать, что мы съ нимъ не сходимся ровно ни въ чемъ, когда рѣчь идетъ о литературѣ. Это различіе между разными соучастниками «Русской Бесѣды» дѣлать необходимо: иначе, если мысли г. К. Аксакова смѣшивать съ мыслями г. N, или наоборотъ, дѣло совершенно запутается.

Но мы все говоримъ о направленіи «Русской Бесѣды», а ничего еще не сказали о содержаніи первой ея книги,—это потому, что интересъ публики возбуждается собственно направленіемъ «Русской Бесѣды», а не частными достоинствами или недостатками статей, вошедшихъ въ составъ ея первой книги. О нихъ достаточно будетъ сказать нѣсколько словъ. Съ лучшими изъ стихотвореній мы уже познакомили читателя въ предъидущемъ нумерѣ нашего журнала; кромѣ ихъ, въ отдѣлѣ Изящной Словесности помѣщено одно стихотвореніе Жуковскаго, и двѣ его статьи въ прозѣ: «О меланхоліи» и «О привидѣніяхъ». Духъ, которымъ онѣ проникнуты, тотъ же, какъ и въ осталь-

ныхъ сочиненіяхъ Жуковскаго о психологическихъ предметахъ. Кромѣ того, г. П. Кирѣевскій помѣстилъ нѣсколько русскихъ пѣсенъ изъ своего сборника. Въ отдѣлѣ Критики замѣтимъ статью г. Г—ва «О семейной хроникѣ», г. С. Аксакова: въ ней разсѣяно много умныхъ мыслей; двѣ небольшія статьи г. Кошелева отличаются большимъ знаніемъ дѣла. О статьѣ г. Самарина: «Два слова о народности въ наукѣ», и небольшой статейкѣ г. К. Аксакова: «О русскомъ воззрѣніи», мы говорили подробно. Онѣ служатъ какъ бы программою «Русской Бесѣды»,—и если она останется вѣрна этой программѣ, то, безъ сомнѣнія, пріобрѣтетъ общее уваженіе, чего мы отъ души желаемъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Понятія Гопкинса о народномъ хозяйствѣ. *Съ англійскаго,* В***. *Москва. 1856.*

«Сочиненіе, предлагаемое въ настоящемъ переводѣ, принадлежитъ къ наиболѣе удачнымъ опытамъ изложенія главныхъ положеній науки о народномъ богатствѣ, въ самой простой и удобопонятной формѣ», говоритъ издатель перевода, г. И. Вернадскій, въ предисловіи. — Оно до такой степени приспособлено къ понятіямъ большинства современныхъ читателей, прибавляетъ «библіографическая замѣтка», подписанная буквами И. В., что его «съ равною пользою можетъ читать и человѣкъ, получившій нѣкоторое образованіе, и круглый невѣжда или дитя».—Сообразно тому, дополняетъ въ предисловіи г. И. Вернадскій, «нѣкоторые изъ издаваемыхъ разсказовъ были помѣщены въ дѣтскомъ журналѣ «Звѣздочка».—Посмотримъ же, чему Гопкинсъ можетъ научить большинство современныхъ читателей и дѣтей.

Гопкинсъ думалъ, что если бы не было на свѣтѣ излишней роскоши, то не было бы и крайней бѣдности. Волшебница, по его желанію, уничтожаетъ всю роскошь въ мірѣ. Что же выходитъ? Бѣдняки, которые до сихъ поръ снискивали пропитаніе тѣмъ, что работали въ мастерскихъ, гдѣ дѣлаются великолѣпные экипажи, ткутся тончайшіе батисты и кружева, и т. д., остаются безъ работы и умираютъ съ голоду. Тогда Гопкинсъ бросается къ ногамъ волшебницы и умоляетъ ее привести дѣла въ прежній порядокъ,—волшебница взмахнула жезломъ опять являются великолѣпные дома, богатые экипажи, кружева и т. д., и снова все «приняло видъ довольства и счастія».— Нравоученіе изложено, какъ видимъ, очень популярно: роскошь не источникъ нищеты, а, напротивъ, истинное благодѣяніе для бѣдняковъ; только благодаря ей, бѣдняки имѣютъ средство существовать на свѣтѣ. Еще осязательнѣе выражена эта мысль «Благотворителемъ» г. Н. Ф. Павлова: («Русскій Вѣстникъ», № 9-й):

Въ увеселеніяхъ безвредныхъ
Спектаклей, баловъ, лотерей,
Весь годъ я тѣшилъ въ пользу бѣдныхъ
Себя, жену и дочерей.

Для братьевъ сирыхъ и убогихъ
Я вовсе выбился изъ силъ;
Я танцовалъ для хромоногихъ,
Я для голодныхъ ѣлъ и пилъ.

Рядился я для обнаженныхъ,
Для нищихъ сдѣлался купцомъ,
Для погорѣвшихъ, раззоренныхъ
Отдѣлалъ заново свой домъ.

Моихъ малютокъ милыхъ кучу
Я человѣчеству обрекъ:
Плясала Машенька качучу,
Давила полькою Сашокъ.

Къ несчастнымъ дѣтямъ безъ пріюта
Питая жалость съ раннихъ лѣтъ,
Занемогла моя Анюта
Съ базарныхъ фруктовъ и конфетъ.

Я для слѣпыхъ пошелъ въ картины
И отличался какъ актеръ,
Я для глухихъ пѣлъ каватины,
Я для калѣкъ катался съ горъ.

Вѣдь мы не варвары, не турки:
Кто слезы отереть не радъ?
Ну, какъ не проплясать мазурки,
Когда страдаетъ меньшій братъ?

Во всемъ прогрессъ по волѣ неба;
Законъ развитія во всемъ:
Людей безъ крова и безъ хлѣба
Все больше будетъ съ каждымъ днемъ,—

И съ большей жаждой дѣлъ прекрасныхъ
Пойду, храня священный жаръ,
Опять на все я за несчастныхъ—
На балъ, на раутъ, на базаръ!

Кто жь, кромѣ Гопкинса, повѣритъ фокусамъ волшебницы? Книжка, изданная г. Вернадскимъ, приспособлена «къ понятіямъ большинства современныхъ читателей»; стало быть, современные читатели считаются круглыми невѣждами, которые вѣрятъ въ колдуновъ, которыхъ можно забавлять волшебными сказками (очень лестное и деликатное предположеніе!); но и круглые невѣжды не лишены хотя природнаго здраваго смысла, а онъ говоритъ, что роскошь раззорительна каждому: это извѣстно изъ ежедневныхъ примѣровъ. Это знаютъ и дѣти, для которыхъ также предназначена книжка: древняя исторія объяснила имъ, что пока Цинцинната и Регулы пахали землю, Римъ былъ могущественъ, а когда явились въ Римѣ Лукуллы и Апиціи, вся Италія обратилась въ пустыню, и римская держава погибла. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, политическая экономія противорѣчитъ здравому смыслу, житейскому опыту и исторіи? Вовсе нѣтъ. Волшебница обманула Гопкинса, явясь передъ нимъ истолковательницею политической экономіи; она запугала его галлюцинаціею.

Въ самомъ дѣлѣ, производство предметовъ роскоши даетъ пропитаніе только незначительному числу работниковъ, а не большинству ихъ, какъ увѣряетъ волшебница; масса работниковъ во всѣхъ странахъ занята производствомъ предметовъ первой необходимости: хлѣба, мяса, холста и хлопчатобумажныхъ тканей, инструментовъ и машинъ и пр., и изъ ихъ скромнаго заработка половина, если не больше, берется роскошью для прихотей незначительнаго по числу меньшинства. При уменьшеніи роскоши, общественное благосостояніе возвышается потому, что капиталъ и трудъ обращаются на усиленіе производства предметовъ первой необходимости. Тогда и работники, прежде занимавшіеся производствомъ предметовъ роскоши, легко находятъ себѣ занятіе при усиленномъ производствѣ предметовъ первой необходимости. Напротивъ, при увеличеніи роскоши, отъ сельскаго хозяйства и необходимыхъ обществу работъ отнимаются руки и капиталы на служеніе тщеславію, прихотямъ безплоднымъ въ экономическомъ отношеніи. Эти истины науки, конечно, извѣстны г. Вернадскому, пользующемуся у насъ извѣстностью одного изъ лучшихъ экономистовъ, и тѣмъ болѣе странно, что онъ одобряетъ книгу, въ которой на первыхъ же страницахъ защищаются одностороннія понятія, уже давно отвергнутыя наукою.

Посмотримъ, не вознаградитъ ли за ошибочность первой сказки основательность второй. Гопкинсъ, разочаровавшись въ своемъ желаніи замѣнить растрату экономическихъ силъ на роскошь обращеніемъ ихъ на полезный для общества трудъ, думаетъ, что, по крайней мѣрѣ, хорошо было бы, если бы заработная плата повысилась, потому что въ настоящее время она (въ Англіи) недостаточна. Волшебница исполняетъ и это желаніе. Гопкинсъ и другіе работники получаютъ платы вдвое больше,—и что же? цѣны на всѣ товары поднялись вдвое. Гопкинсу и его товарищамъ нѣтъ никакой выгоды, потому что, вдвое больше получая, они должны вдвое больше платить за все.—Волшебница опять обманула неразсчетливаго Гопкинса: отъ двойнаго повышенія заработной платы, цѣна товаровъ не поднимется вдвое, а только въ гораздо меньшей пропорціи. Это легко доказать. Нормальная цѣна товаровъ опредѣляется издержками производства; они слагаются изъ двухъ элементовъ: 1) заработной платы, 2) процентовъ капитала, употребляемаго на производство. Изъ 10,000 р. сер., доставляемыхъ продажею товаровъ извѣстной фабрики, развѣ 5,000 выплачивается рабочимъ; остальная часть цѣнности идетъ на проценты употребленнаго капитала. Положимъ теперь, что заработная плата повысилась вдвое. Тогда общія издержки производства повысятся въ полтора раза (10,000 заработной платы, 5,000 процентовъ съ капитала, — всего 15,000). Цѣна товаровъ поднимется тоже только въ полтора раза. Гопкинсъ, въ качествѣ работника, прежде получалъ 100 р., теперь получаетъ 200 р. сер. Предметы, которые онъ прежде покупалъ за 100 р. сер., теперь онъ купитъ за 150 р.; а 50 р. останутся у него въ карманѣ, и онъ можетъ приберечь ихъ на черный день или пріобрѣсть за нихъ житейскія удобства, которыхъ не имѣлъ прежде. Это давно объяснено наукою.

Волшебница обманываетъ бѣднаго Гопкинса своими фокусами.

Англійская книжка, изданная теперь въ русскомъ переводѣ г. Вернадскимъ, написана вовсе не за тѣмъ, чтобъ изложить науку въ истинномъ ея

видѣ, а просто съ тою цѣлью, чтобы правдою и неправдою доказать англійскимъ фабричнымъ, что напрасно мечтаютъ они о средствахъ къ улучшенію своего положенія: положеніе фабричныхъ рабочихъ не можетъ быть улучшено. Въ Англіи распространять такое безотрадное и несправедливое убѣжденіе нужно для политическихъ видовъ нѣкоторыхъ партій, противящихся всѣмъ улучшеніямъ, тѣхъ самыхъ партій, которыя хотѣли ли бы возстановить законы противъ католиковъ, запретить ввозъ иноземнаго хлѣба, которыя защищаютъ продажность офицерскихъ чиновъ въ англійской арміи и подкупы на парламентскихъ выборахъ. Книжка написана съ односторонней и лживой цѣлью. Она излагаетъ понятія, неосновательность которыхъ давно доказана. Мы жалѣемъ о томъ, что выборъ переводчика былъ такъ ошибоченъ; жалѣемъ также, что ученый издатель книжки, г. Вернадскій, не замѣтилъ необходимости исправить, по возможности, эту ошибку прибавленіемъ замѣчаній, которыми бы обнаружилась лживость фокусовъ, придуманныхъ авторомъ англійской книжки, для ослѣпленія людей, незнакомыхъ съ политическою экономіею.

Статистическое описаніе Кіевской губерніи, *изданное тайнымъ совѣтникомъ, кавалеромъ* Иваномъ Фундуклеемъ. *Три тома. Спб. 1852.*

Хотя печатаніе трехъ первыхъ томовъ громаднаго труда, изданнаго г. Фундуклеемъ, и чрезвычайно драгоцѣннаго по богатству представляемыхъ имъ данныхъ, было окончено еще въ 1852 году, какъ видимъ изъ заглавнаго листа, но поступили въ продажу эти три тома только на дняхъ, почти четыре года пролежавъ въ кладовыхъ. Спѣшимъ извѣстить читателей о выходѣ въ свѣтъ этого важнаго сборника, оставляя за собой пріятную обязанность въ непродолжительномъ времени говорить подробно о капитальномъ трудѣ, изданномъ г. Фундуклеемъ.

Г. Фундуклей уже заслужилъ признательность нашихъ ученыхъ двумя прекрасными изданіями: «Обозрѣніе Кіева въ отношеніи къ древностямъ» (Кіевъ, 1847 г.) и «Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губерніи» (Кіевъ, 1848 г.). Изданное теперь сочиненіе доставляетъ ему новыя права на общую благодарность.

Занимая впродолженіе тринадцати лѣтъ должность кіевскаго гражданскаго губернатора, г. Фундуклей имѣлъ для этого дѣла средства, какихъ не можетъ имѣть частный человѣкъ, и воспользовался своимъ положеніемъ самымъ благороднымъ и полезнымъ для науки образомъ. По его порученію, многія лица трудились надъ доставленіемъ или обработкою статистическихъ матеріаловъ; главнымъ распорядителемъ труда и редакторомъ сочиненія былъ извѣстный нашъ экономистъ г. Журавскій. Матеріалы не только извлекались изъ всѣхъ оффиціальныхъ документовъ, но также собирались изъ свѣдѣній, нарочно для этой цѣли доставляемыхъ, по желанію г. Фундуклея, многими частными лицами (помѣщиками и управителями имѣній, заводчиками, фабрикантами и проч.), и наконецъ добывались посредствомъ особо назначаемыхъ изслѣдованій. Масса матеріаловъ, собранныхъ такимъ образомъ, громадна.

Изъ вышедшихъ нынѣ томовъ, первый содержитъ обозрѣніе площади Кіевской губерніи, ея населенія, населенныхъ мѣстъ и путей сообщенія; второй — обозрѣніе сельскаго хозяйства и поземельной собственности; третій —

обозрѣніе промышленности и торговли. Четвертый томъ, еще не изданный въ свѣтъ, будетъ заключать обозрѣніе мѣстнаго управленія и правительственныхъ учрежденій.

De l'or et de l'argent *etc., par* Narcès Tarassenko-Otreschkoff. *Paris. 1856.* (О золотѣ и серебрѣ, *ихъ происхожденіи, количествѣ ихъ, добытомъ во всѣхъ странахъ извѣстнаго свѣта, съ отдаленнѣйшихъ временъ до 1855 года, нынѣшнемъ накопленіи этихъ металловъ въ главнѣйшихъ государствахъ и ихъ взаимномъ отношеніи по вѣсу и цѣнности. Сочиненіе* Тарасенко-Отрѣшкова, *камергера Двора Его Величества Императора Всероссійскаго, статскаго совѣтника, члена Императорскаго Экономическаго Общества, Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства и Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи и проч. Томъ первый. Парижъ. 1856*).

Открытіе богатыхъ золотыхъ пріисковъ въ Калифорніи и Австраліи, значительно увеличивъ массу золота, находящагося въ обращеніи, заставило многихъ ученыхъ, занимающихся государственнымъ хозяйствомъ, опасаться, что если новооткрытые пріиски не истощатся въ скоромъ времени, то золото упадетъ въ цѣнѣ, и быстрое пониженіе его цѣнности произведетъ экономическій кризисъ. Въ послѣднія пять или шесть лѣтъ являлось очень много сочиненій объ этомъ вопросѣ. Одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ, г. Тарасенко-Отрѣшковъ, пожелалъ принять дѣятельное участіе въ этихъ изслѣдованіяхъ. Первая часть его сочиненія, теперь изданная на французскомъ языкѣ, заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о добываніи золота и серебра и о количествѣ этихъ металловъ, нынѣ находящемся въ обращеніи. Его извѣстія о способахъ добыванія благородныхъ металловъ въ Россіи представляютъ нѣсколько подробностей, интересныхъ для западныхъ ученыхъ, и потому книга его, во всякомъ случаѣ, имѣетъ положительныя достоинства.

Во второй части своего труда г. Тарасенко-Отрѣшковъ намѣренъ изложить соображенія о вліяніи, какое будетъ имѣть настоящее увеличеніе массы золота на цѣнность этого металла и на экономическія отношенія. Съ изданіемъ этой части точнѣе опредѣлится ученое значеніе сочиненія, и до того времени мы отлагаемъ сужденіе о немъ.

Разсказы и воспоминанія охотника. С. Аксакова. *Изданіе второе, съ нѣсколькими новыми замѣтками. Москва. 1856.*

Въ предисловіи къ первому изданію этой книги, почтенный авторъ «Записокъ ружейнаго охотника» говорилъ:

«Есть что-то невыразимо утѣшительное и обольстительное въ мысли, что, передавая свои впечатлѣнія, возбуждаешь сочувствіе къ нимъ въ читателяхъ, преимущественно охотникахъ до какихъ нибудь охотъ. Вотъ причина, заставляющая меня писать: я признаюсь въ ней откровенно, а равно и въ желаніи, чтобы книжка моя имѣла такой же успѣхъ, какъ и прежнія мои охотничьи замѣтки».

Желаніе его исполнилось, и второе изданіе книги, встрѣченной общими похвалами, служитъ тому доказательствомъ.

Общій курсъ исторіи среднихъ вѣковъ. *Сочиненіе М. Стасюлевича. Спб. 1856.*

Не отличаясь никакими положительными достоинствами, «курсъ» г. Стасюлевича, однакожъ, заслуживаетъ одобренія потому, что лучше многихъ другихъ руководствъ, которыми пользуются преподаватели всеобщей исторіи, не имѣющіе возможности ввести въ употребленіе между своими учениками сочиненіе г. Лоренца. Факты изложены у господина Стасюлевича сухо, безцвѣтно, но все-таки онъ сдѣлалъ нѣкоторое различіе между мелочными подробностями и существенно важнымъ и не слишкомъ обременилъ свое руководство излишними именами и цифрами. Важныя событія выставлены у него не такъ рельефно и ясно, какъ того было бы можно требовать, но все-таки не совершенно закрыты длинными перечнями ничтожныхъ походовъ и стычекъ. И если вообще «курсъ» г. Стасюлевича написанъ по той же неудовлетворительной системѣ, какъ прежніе наши учебники всеобщей исторіи, то написанъ съ нѣсколько бо́льшимъ знаніемъ и искусствомъ. Многіе изъ преподавателей, вѣроятно, будутъ и этимъ довольны.

Южно-русскія лѣтописи, открытыя и изданныя Н. Бѣлозерскимъ. *Томъ 1. Кіевъ. 1856.*

Въ маленькой книжкѣ, изданной подъ этимъ заглавіемъ г. Бѣлозерскимъ, напечатано шесть небольшихъ сочиненій, относящихся къ исторіи Малороссіи и отысканныхъ издателемъ въ рукописныхъ сборникахъ XVII—XVIII столѣтій. Четыре первыя статьи имѣютъ лѣтописный характеръ, именно: 1) «Черниговская лѣтопись», 1587—1700 годовъ (стран. 11—44); 2) «Краткое лѣтоизобразительное знаменитыхъ и памяти достойныхъ дѣйствъ и случаевъ описаніе, что въ какомъ годѣ въ Украйнѣ Малороссійской дѣялось», 1506—1783 г. (стр. 53 — 106); «Хронологія высокославныхъ ясневельможныхъ гетмановъ» (стр. 109—124), и 4) «Именная перепись Малороссійскихъ гетмановъ», 1505—1782 (стр. 129—140). Къ этимъ хронологическимъ перечнямъ приложеніемъ служатъ: 5) «Слово во время бездождья и глада и всякоя пагубы», относящееся къ концу XVII вѣка, и 6) «Ламентъ людей побожныхъ, що ся стало въ Литовской земли», написанный нѣсколько раньше «Слова». Эти матеріалы, оставшіеся доселѣ не изданными, представляютъ нѣсколько фактовъ и указаній, которые не будутъ безполезны для изслѣдователя малорусской исторіи. Изъ шести напечатанныхъ въ I-мъ томѣ статей, важнѣе другихъ №№ 1-й и 3-й: «Черниговская лѣтопись» и «Хронологія ясневельможныхъ гетмановъ».

Заграничныя извѣстія.

БОНАПАРТИЗМЪ И ЕГО РАЗНООБРАЗНЫЯ ПРОЯВЛЕНІЯ ВО ФРАНЦІИ.—НАВОДНЕНІЯ ВЪ ЮЖНЫХЪ ПРОВИНЦІЯХЪ.—ФИЛИППИКА ПРОТИВЪ РОСКОШИ.—БЫТЪ РАБОЧАГО КЛАССА ВЪ ПАРИЖѢ.—КНИГИ ЛАЗАРА, МЕНДРА И ГЮССОНА.—АВГУСТИНЪ ТЬЕРРИ.—ТЕАТРАЛЬНЫЯ НОВОСТИ.—ПРАЗДНОВАНІЕ МИРА ВЪ ЛОНДОНѢ. — ПЕРЕСМОТРЪ АНГЛІЙСКАГО ПЕРЕВОДА БИБЛІИ. — НОВОЕ ЗДАНІЕ БИБЛІОТЕКИ ПРИ БРИТАНСКОМЪ МУЗЕѢ.—НОВЫЯ ЯВЛЕНІЯ ВЪ ЛИТЕРАТУРѢ.—ПРОЭКТЪ ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГИ ВЪ ИНДІЮ.—САНТАЛЫ.—ПЕРЕВОДЪ «ПОТЕРЯННАГО РАЯ» МИЛЬТОНА НА ИТАЛЬЯНСКІЙ ЯЗЫКЪ.—ГЛАВНѢЙШІЕ АМЕРИКАНСКІЕ ЖУРНАЛЫ. — СТАТИСТИКА СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТОВЪ.

Бонапартизмъ съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ во Франціи все болѣе и болѣе значенія. Крестины императорскаго принца праздновались съ самымъ строгимъ соблюденіемъ предписаннаго церемоніала, имѣвшаго цѣлію выставить государственную важность этого событія. Тутъ все было разсчитано заранѣе, и рѣчь папскаго легата, какъ не входившая въ программу, не существовала для публики отъ грома музыки, огласившей своды храма Богоматери при первыхъ словахъ кардинала. Проэктъ закона о регентствѣ императрицы французовъ ведетъ къ той же цѣли политики Людовика-Наполеона—упрочить престолъ Франціи исключительно за своимъ семействомъ. Полярная экспедиція двоюроднаго брата императора служитъ также выраженіемъ, хотя и косвеннымъ, этой политики.

Но праздники и иллюминаціи, сопровождавшіе крестины, чудеса роскоши, выказанныя дворомъ и столицей по этому поводу, чрезвычайное стеченіе въ Парижъ иностранцевъ и провинціяловъ, конфекты, сыпавшіяся на улицы съ аэростатовъ, какъ изъ роговъ изобилія, колоссальныя бомбоньерки, спускавшіяся на парашютахъ,—весь этотъ шумъ и гамъ ликующей столицы, при видѣ ракетъ, бенгальскаго огня, золота, бархата и брильянтовъ, тѣмъ сильнѣе дали замѣтить другую сторону медали, когда, опомнясь отъ минутнаго упоенія и восторга, французская нація стала лицомъ къ лицу съ раззореннымъ представителями своихъ южныхъ провинцій.

Югъ Франціи понесъ тяжкія потери отъ разлива рѣкъ. Ліонъ, Сентъ-Этьеннъ, Авиньонъ, Туръ и всѣ плодоносныя пространства земли по берегамъ Роны и Луары опустошены совершенно, поля размыты, жилища разрушены,

скотъ потопленъ. Пособія пострадавшимъ, назначенныя самимъ императоромъ (125,000 фр.) и законодательнымъ корпусомъ (2,000,000 фр.), лишь въ слабой степени облегчатъ зло и едва ли въ состояніи будутъ предотвратить общую нищету и голодъ въ лучшихъ мѣстностяхъ государства. Франціи нужно серьезно подумать о мѣрахъ народнаго продовольствія, особенно послѣ тѣхъ странныхъ результатовъ и убытковъ, къ которымъ привели тамъ всѣ законоположенія о таксѣ на печеный хлѣбъ.

Между тѣмъ, наперекоръ этимъ печальнымъ урокамъ судьбы, вслѣдъ за жертвами, принесенными крымской войнѣ, роскошь усиливается въ Парижѣ до невѣроятныхъ размѣровъ.

На всѣхъ концахъ столицы ежедневно возникаютъ новые магазины съ мебелью, бронзой, шелковыми, туалетными и мебельными матеріями, драгоцѣнными вещами, фарфорами, антиками, рѣдкостями и пр., и пр. На ряду съ кофейнями и съѣстными лавочками, портными и модистками, обойщики получаютъ міровую важность и возбуждаютъ къ своей профессіи безграничное уваженіе.

И не нужно посѣщать дворцы или отели знатныхъ людей, чтобы имѣть понятіе о парижской роскоши: бульвары съ своими магазинами представляютъ на каждомъ шагу образцы той изысканной, тщеславной расточительности, противъ которой вооружаются всѣ благомыслящіе люди и отъ которой такъ сильно, но безмолвно страдаетъ классъ бѣдныхъ потребителей.

Кровати изъ розоваго дерева, разукрашенныя бронзой, фарфоромъ, камеями, эмалью; шкапы съ пружинами и выдвижными зеркалами, которыя со всѣхъ сторонъ отражаютъ въ себѣ одѣвающуюся даму; мозаичныя шифоньерки, бюро, къ которымъ совѣстно подойти съ мыслію о серьезномъ дѣлѣ, диваны, располагающіе къ восточной лѣни и сладкой дремотѣ, наконецъ туалеты дамъ, которыя тратятъ на наряды по тридцати, сорока тысячъ франковъ, кружева лоретокъ, которыя не знаютъ счета деньгамъ и границъ мотовству и роскоши, — все это невольно оскорбляетъ порядочныхъ женщинъ, ограниченныхъ въ денежныхъ средствахъ, все это наводитъ на печальную мысль о торжествѣ наглости и безстыдства и о постоянныхъ лишеніяхъ, съ которыми соединена судьба честнаго труженика. Потому-то люди, въ сущности благородные, но не довольно сильные характеромъ, чтобы переносить тяжкую долю посредственности, пускаются часто въ спекуляціи, рискуютъ своимъ состояніемъ, добрымъ именемъ, а прежде всего семейнымъ счастіемъ, о которомъ не можетъ быть и рѣчи, когда штофные обои и эластичныя рессоры фаэтона считаются первымъ условіемъ разумныхъ и сердечныхъ наслажденій.

При такомъ положеніи дѣлъ и при возрастающей дороговизнѣ жизни, бытъ рабочаго класса въ Парижѣ вызываетъ на самыя серьезныя размышленія. Работники, пристроенные къ мастерскимъ, приготовляютъ себѣ, посредствомъ извѣстныхъ денежныхъ взносовъ, вспомоществованіе на случай болѣзни и пособіе на похороны. Уплачивая по два франка въ мѣсяцъ, изувѣченный или больной работникъ получаетъ отъ общества взаимнаго обезпеченія (Association générale de l'Assurance mutuelle) по три франка въ день на пропитаніе съ семействомъ. Если онъ умираетъ, его прилично хоронятъ, и онъ избѣгаетъ удѣла безпомощныхъ людей—быть изрѣзаннымъ въ какой нибудь

хирургической аудиторіи и погребеннымъ въ общей могилѣ столичныхъ пролетаріевъ.

Но въ подобныхъ учрежденіяхъ для женщинъ изъ рабочаго класса въ Парижѣ большой недостатокъ [1]), и что же прикажете дѣлать швеѣ, которая, работая цѣлый день надъ фестонами оборки или солдатскими рубашками, получаетъ, съ своимъ матеріаломъ, отъ десяти до пятнадцати су? Этого едва достанетъ на хлѣбъ и воду, на вязанку дровъ въ зимнюю пору; а квартира, а бѣлье, платье, обувь?.. Мудрено ли, что, при хорошенькой наружности, швея, ослабляя мало по малу свои нравственныя правила, мѣняетъ чердакъ на уютный и комфортабельный аппартаментъ въ бель-этажѣ, соломенный стулъ—на пружинный оттоманъ,—мудрено ли, что, промѣнявъ дешевую, сто разъ мытую кисею на алансонскія кружева и безсонныя ночи за тусклымъ огаркомъ и работой на безсонныя ночи въ оперномъ маскарадѣ или загородной оргіи, она свыкается съ своимъ новымъ положеніемъ и, несясь въ щегольскомъ фаэтонѣ на модное гулянье, окидываетъ скромныхъ гризетъ, москательщицъ и чиновницъ тѣми презрительными взглядами, противъ которыхъ писалось и пишется во Франціи столько гнѣвныхъ и краснорѣчивыхъ фельетоновъ? Удержаться отъ нравственнаго паденія, посреди нужды и моральнаго индефферентизма общества, конечно, подвигъ, достойный всякой похвалы; но многія ли способны на этотъ подвигъ? и сколько, быть можетъ, душевной борьбы, раскаянія, отвращенія и тупаго отчаянія испытаетъ иная женщина прежде, чѣмъ сдѣлается модной лореткой, героиней маскарада и Бала-Мобиль, ужасомъ для скромныхъ матерей семействъ и сюжетомъ для вдохновенія драматурговъ и фельетонистовъ!..

При такихъ обстоятельствахъ, когда вопросы о бытѣ рабочаго класса въ Парижѣ и о матеріальныхъ средствахъ города вообще возникаютъ съ возрастающею настойчивостью, когда безпрерывныя перестройки стираютъ тамъ съ лица земли цѣлые кварталы и улицы,—книги, разбирающія съ той или другой стороны столицу Франціи, получаютъ занимательность не для праздныхъ лишь читателей, не для однихъ туристовъ, желающихъ познакомиться съ внѣшнимъ видомъ города: добросовѣстный трудъ въ этомъ родѣ былъ бы важнымъ соціальнымъ пріобрѣтеніемъ и указалъ бы мѣры къ возвышенію благосостоянія рабочаго населенія.

О Парижѣ написано множество книгъ, написано съ разными цѣлями: для городскаго начальства, для иностранцевъ, для мѣстныхъ жителей, для историковъ и т. д.; но въ этомъ числѣ очень мало хорошихъ сочиненій.

Теперь явился въ свѣтъ объемистый трудъ Лазара, подъ названіемъ: *Перечень парижскихъ улицъ* (Dictionnaire des rues de Paris). Это большой томъ in-4, главную часть котораго занимаетъ, расположенная въ алфавитномъ порядкѣ, исторія улицъ и находящихся на нихъ зданій. Книга составлена очень тщательно и приспособлена преимущественно къ потребностямъ мѣстныхъ жителей. При тѣхъ безпрестанныхъ перестройкахъ, которымъ Парижъ подвергался въ послѣднее время, скоро невозможно будетъ, безъ помощи подобныхъ книгъ и плановъ, имѣть понятіе даже о главныхъ изъ существовавшихъ улицъ,

[1]) Благотворительное учрежденіе для призрѣнія женщинъ есть въ предмѣстьи св. Антонія.

и мѣстности, ознаменованныя важнѣйшими историческими происшествіями, сдѣлаются достояніемъ народной миѳологіи.

Важный недостатокъ книги Лазара заключается въ томъ, что къ ней приложены историческіе планы города самыхъ малыхъ размѣровъ, тогда какъ подробный атласъ, обозначающій пространство и видъ столицы въ извѣстныя эпохи, составлялъ бы существенную принадлежность подобнаго изданія. Притомъ же, книга эта занимается исключительно матеріальною стороною города, тогда какъ главное значеніе Парижа заключается не въ улицахъ и монументахъ его, а въ томъ неизмѣримомъ вліяніи, отчасти благотворномъ, отчасти вредномъ, которое онъ оказывалъ на Францію и вообще на образованный міръ.

Потому появленіе сочиненія Мендра: *Исторія Парижа и его вліянія на Европу* (Histoire de Paris et de son influence en Europe), возбудило общее любопытство.

Здѣсь автору предстояло побѣдить много трудностей, потому что, разсуждая о значеніи Парижа и вліяніи, оказанномъ имъ на тѣ или другія событія, онъ легко могъ смѣшать то, что принадлежитъ исключительно Парижу и вытекло изъ особенностей его характера, съ тѣмъ, что составляетъ достояніе всей Франціи. Это такіе нравственные факты, которые мудрено изслѣдовать во всей точности и представить, безъ преувеличенія, со всѣми ихъ послѣдствіями. Описать вліяніе, оказанное Парижемъ на идеи и литературу всего свѣта посредствомъ школъ, посредствомъ парламента и муниципальнаго устройства, посредствомъ роли, которую онъ игралъ во время Реформаціи и религіозныхъ войнъ, посредствомъ разныхъ учрежденій, академій, торговыхъ и ремесленныхъ заведеній, журналовъ, посредствомъ своихъ нравовъ и моды, сдѣлавшейся законодательницею для всѣхъ высшихъ сословій,—безъ сомнѣнія, чрезвычайно мудрено. Населеніе Парижа состоитъ изъ разнородныхъ элементовъ, посреди которыхъ настоящіе парижане какъ бы исчезаютъ. Жители провинцій и иностранцы съ разныхъ концовъ свѣта превращаются въ этомъ центрѣ въ такое племя, которое, опредѣляя космополитскія свойства города, имѣетъ способность усвоивать себѣ и переработывать все чуждое и вмѣстѣ съ тѣмъ оказывать обратное вліяніе на весь свѣтъ, вызывая его къ подражанію. Но ошибется тотъ, кто подумаетъ, что подобные вопросы затронуты въ книгѣ Мендра: книга эта представляетъ лишь родъ политической исторіи Франціи, съ довольно произвольнымъ перечнемъ того, что случилось собственно въ Парижѣ, и съ присовокупленіемъ скудныхъ разсужденій о муниципальномъ устройствѣ столицы въ тотъ или другой періодъ времени. Между тѣмъ, вліяніе города на идеи народа, на искусства, науки, администрацію, на распространеніе французской литературы,—однимъ словомъ, все, что преимущественно дѣйствуетъ на человѣчество и находитъ для себя матеріальное выраженіе лишь въ политической исторіи,—все это пройдено молчаніемъ; авторъ не даетъ даже понять, чтобы онъ хоть сколько нибудь думалъ объ этой главной сторонѣ избраннаго имъ предмета. Такимъ образомъ, книга не достигаетъ своей цѣли; содержаніе ея не соотвѣтствуетъ заглавію и не удовлетворяетъ читателя ни какъ историческое сочиненіе, ни какъ картина нравовъ.

Для познанія матеріальной стороны парижской жизни можетъ служить недавно изданное сочиненіе Гюссона, подъ заглавіемъ: *О размѣрахъ потреб-*

ленія припасовъ въ Парижѣ (Les consommations de Paris). Авторъ этой книги служитъ начальникомъ отдѣленія въ одномъ изъ городскихъ учрежденій и потому могъ пользоваться всѣми оффиціальными источниками. Онъ разсматриваетъ, въ подробности, всѣ припасы, которые потребляются въ Парижѣ, и основывается въ своихъ выводахъ на цифрахъ городскихъ сборовъ. По каждой статьѣ представлены у него историческіе очерки извѣстнаго рода торговли или промысла и самыхъ законоположеній по этимъ предметамъ. Здѣсь говорится о происхожденіи и приготовленіи товаровъ, о подраздѣленіи ихъ, о цѣнахъ на припасы въ то или другое время, и изъ всего этого выводится заключеніе, сколько Парижъ расходуетъ ежегодно на предметы первой потребности. Авторъ беретъ въ разсчетъ рыночныя и оптовыя цѣны, прикладываетъ къ нимъ барыши, извлекаемые торговцами, и приходитъ къ слѣдующимъ результатамъ:

Рыночная цѣнность припасовъ, продаваемыхъ въ Парижѣ, представляетъ цифру 433 милліоновъ франковъ; присоединивъ къ этому 90 м. франк. барышей въ пользу торговцевъ, получимъ всего 523,000,000 ф., что составитъ, среднимъ числомъ, по 497 фр. 44 с. на человѣка.

Какъ ни значительна эта цифра, однако, она ниже дѣйствительной, потому что, съ одной стороны, барыши торговцевъ на дѣлѣ превышаютъ принятые въ настоящемъ разсчетѣ; съ другой стороны, исчисленіе дѣлалось здѣсь на основаніи цѣнъ 1851—53 годовъ. На нынѣшнія, высокія цѣны авторъ смотритъ какъ на временныя, долженствующія измѣниться.

Во всякомъ случаѣ, этого разсчета уже достаточно, чтобы дать понять, какъ тяжела для населенія столицы подобная дороговизна жизни; къ этому присоединяется еще постоянное возвышеніе цѣнъ на квартиры, зависящее отъ безпрестанныхъ перестроекъ, которымъ подвергается столица Франціи. Бѣдные люди не знаютъ, какъ имъ устроиться; народъ тысячами выселяется въ прилежащія къ Парижу деревни и потомъ теряетъ по нѣскольку часовъ въ день на ходьбу, отыскивая въ городѣ работу.

Но, не говоря уже о бѣднякахъ, даже люди съ порядочнымъ состояніемъ болѣе и болѣе затрудняются находить себѣ квартиры, которыя бы соотвѣтствовали ихъ средствамъ и потребностямъ; а такъ какъ страсть къ разрушенію и перестройкамъ все увеличивается и какъ значительныя пространства, на которыхъ стоятъ теперь дома, скоро превратятся въ площади и улицы, то нельзя даже опредѣлить хорошенько, чѣмъ все это кончится.

Городъ всячески старается возвышать сумму своихъ доходовъ: сборы увеличиваются, установляются новые налоги — на собакъ, кареты, лошадей и пр. Но невозможно, чтобы онъ скупалъ земли, ломалъ и перестраивалъ зданія на собственныя средства. Прежде всѣ надѣялись, что городскіе сборы будутъ понижаемы и мало по малу уничтожатся, по мѣрѣ того, какъ уплатятся городскіе долги. Долги эти уплачены еще въ 1852 году, а, между тѣмъ, сборы все увеличиваются, и теперь уже нѣтъ и рѣчи объ уничтоженіи ихъ. Въ какой степени этотъ порядокъ вещей стѣсняетъ городъ и его промышленность, въ какой мѣрѣ обременительны подобные сборы сами по себѣ и по вредному вліянію ихъ на торговлю и промыслы, отъ введенія въ дѣло перекупщиковъ и барышниковъ, и отъ попытокъ противопоставить этому искусственному злу еще болѣе искусственныя средства (какъ, напр., надзоръ пра-

вительства за продажею печенаго хлѣба и управленіе дѣлами булочныхъ), — обо всемъ этомъ авторъ могъ бы болѣе чѣмъ кто либо написать подробную и основательную статью. Онъ оказалъ бы тѣмъ важную услугу не одному Парижу, но вообще всѣмъ городамъ, которые въ системѣ налоговъ вздумали бы слѣдовать примѣру столицы Франціи; но дѣло въ томъ, что служебное положеніе г. Гюссона не позволяетъ ему разработывать избранный предметъ съ этой стороны. Онъ говоритъ съ энергіей и увлеченіемъ о томъ благодѣтельномъ вліяніи, которое оказало бы на бытъ рабочаго класса и на успѣхи промышленности освобожденіе производительнаго труда отъ налоговъ; но въ то же время онъ старается оправдать двѣ погрѣшающія противъ этой системы мѣры, принимаемыя парижскимъ городскимъ начальствомъ: именно сохраненіе цеховъ булочниковъ и мясниковъ.

Существованіе этихъ послѣднихъ остатковъ цеховаго устройства влечетъ за собою разнаго рода вредныя послѣдствія: дороговизну жизни, невозможность предпринять какія либо улучшенія, укорененіе злоупотребленій и чрезвычайные расходы. Всѣ средства, употреблявшіяся для смягченія этого зла, не только никому не приносили пользы, но вели даже еще къ бо́льшимъ безпорядкамъ. Два года тому назадъ вздумали, напримѣръ, удержать хлѣбъ въ Парижѣ въ извѣстной постоянной цѣнѣ, при помощи особой кассы, которая въ дорогое время обязывалась вознаграждать булочниковъ за дешевую продажу хлѣба, а, наоборотъ, въ дешевое время должна была получать съ пекарей тотъ излишекъ, который оказывался бы въ цѣнѣ, назначенной по таксѣ, въ сравненіи съ обыкновенною рыночною цѣною. Эта попытка продавать хлѣбъ однимъ *су* на фунтъ дешевле вольной цѣны повела къ значительнымъ убыткамъ для городской кассы, которая ищетъ теперь занять по этому поводу 40 милліоновъ франковъ. Между тѣмъ, городъ не хочетъ, кажется, покинуть этой системы и, безъ сомнѣнія, войдетъ еще въ бо́льшіе долги; уплата процентовъ по займамъ падетъ также на потребителей, въ видѣ городскихъ сборовъ, и жизнь будетъ становиться все дороже и дороже, тогда какъ освобожденіе промысла пекарей отъ всякихъ стѣснительныхъ мѣръ повело-бы, само собою, вслѣдствіе одной лишь конкурренціи и безъ всякихъ пожертвованій со стороны города, къ приготовленію болѣе дешеваго хлѣба.

Такимъ образомъ, нельзя не пожалѣть, что г. Гюссонъ, прекрасно понимающій этотъ вопросъ, не могъ разработать его въ своей книгѣ съ желаемой полнотою и безпристрастіемъ, тѣмъ болѣе, что книга его вполнѣ поучительна и представляетъ такой богатый запасъ статистическихъ свѣдѣній, какой едва ли можно собрать удовлетворительно для какого либо другаго города, кромѣ Парижа.

Франція потеряла въ послѣднее время много замѣчательныхъ людей, въ томъ числѣ одного изъ даровитѣйшихъ историковъ—*Августина Тьерри*, автора *Разсказовъ о временахъ Меровинговъ*, *Десяти лѣтъ историческихъ изслѣдованій*, и пр.

Исполняя обѣщаніе, данное читателямъ, скажемъ теперь нѣсколько словъ о жизни и трудахъ Тьерри.

Тьерри родился въ Блуа, въ 1795 году, въ бѣдномъ семействѣ, которое употребляло послѣднія деньги на воспитаніе двухъ братьевъ: Августина и

Амедея. Августинъ учился реторикѣ, когда ему попался въ руки томъ сочиненій Шатобріана, въ которомъ драматически описывается сраженіе франковъ съ римлянами въ Батовскихъ болотахъ. Чтеніе этой книги рѣшило карьеру молодаго Тьерри.

Выйдя изъ коллегіи, въ 1811 году, онъ поступилъ въ Нормальную школу и скоро сдѣлался провинціяльнымъ учителемъ. Около 1814 года, прервавъ сношенія съ университетомъ, онъ сдѣлался приверженцемъ Сенъ-Симона, а въ 1817 году началъ заниматься редакціей Censeur européen, лучшаго либеральнаго журнала того времени. При этомъ должно припомнить, что въ области исторіи авторитетами тогда были Милло, Гарнье и Анкетиль, которые заставляли Хлодвига носить парикъ, Фредегонду—пудриться, и королеву Бланку—надѣвать фижмы. Августину Тьерри суждено было произвести въ исторіи переворотъ по пути, подготовленному Шатобріаномъ, и, возвышаясь надъ лѣтописцами и пошлыми разсказчиками, прійти къ новымъ, живымъ научнымъ даннымъ.

Очеркъ своихъ произведеній и планъ исторической реформы Тьерри изложилъ въ письмахъ, которыя печатались въ *Courrier français* 1821 года. Съ тѣхъ поръ, распрощавшись съ свѣтомъ, онъ съ ревностью бенедиктинца погрузился въ изученіе текстовъ, ища въ нихъ преимущественно разрѣшенія задачи о вторженіи германскихъ племенъ. Плодомъ этихъ трудовъ были два произведенія, столь же замѣчательныя по формѣ, сколько важныя по внутреннему содержанію,—произведенія, сдѣлавшія переворотъ въ исторической литературѣ: *Исторія завоеванія Англіи норманнами* (l'Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands), появившаяся въ 1825 году, и *Письма объ исторіи Франціи* (Lettres sur l'Histoire de France), изданныя въ 1827 году. Автору не было еще тогда и тридцати лѣтъ; но уже и въ эту пору господствующею страстью его была привязанность къ наукѣ. Эта страсть вызвала его на слѣдующую фразу, которую мы читаемъ въ одномъ изъ его предисловій: «Если бы мнѣ пришлось снова выбирать карьеру, я бы выбралъ ту же, которая привела меня къ настоящему моему положенію. Будучи слѣпымъ и страдая безъ надежды получить облегченіе, я могу, безъ спасенія возбудить сомнѣніе въ искренности моихъ словъ, удостовѣрить, что въ свѣтѣ есть нѣчто лучшее вещественныхъ наслажденій, богатства и самаго здоровья; это—преданность наукѣ».

Августинъ Тьерри дорого поплатился за попытку разрушить уродливыя формы исторіи и разработать исторію либеральныхъ началъ французскаго народа. Зрѣніе его, отъ чтенія рукописей, все болѣе и болѣе утомлялось, а уединенная и суровая жизнь разрушала его организмъ. Напрасно предпринималъ онъ путешествіе на югъ Франціи, въ сопровожденіи друга своего г. Форіеля. По возвращеніи своемъ, онъ сталъ искать для себя секретаря. Ему представили молодаго человѣка, Армана Карреля. Подъ руководствомъ Тьерри, будущій редакторъ National пріобрѣлъ первыя историческія свѣдѣнія, которыя примѣнены были имъ потомъ къ дѣлу послѣднихъ революцій. Въ 1830 году Августинъ Тьерри призванъ былъ занять мѣсто въ Институтѣ, по Отдѣленію Надписей и Словесности. Ученое сословіе, изъ уваженія къ его необыкновеннымъ дарованіямъ, постоянно предоставляло ему премію въ десять тысячъ франковъ, установленную барономъ Гоберомъ.

Августинъ Тьерри скоро принужденъ былъ оставить Парижъ, гдѣ климатъ разрушительно дѣйствовалъ на его здоровье. Онъ жилъ потомъ въ Везулѣ, вмѣстѣ съ братомъ Амедеемъ, служившимъ префектомъ Верхней Сены, и въ Люкселѣ. Амедей Тьерри извѣстенъ также, какъ писатель, своей *Исторіей Галловъ* (Histoire des Gaulois).

Въ Люкселѣ Августинъ Тьерри встрѣтился съ Юліей Керангаль, благородной бретонской дѣвушкой. Ее тронуло несчастное положеніе геніальнаго писателя, и она рѣшилась соединить свою судьбу съ его судьбою. Не говоря уже о прекрасномъ сердцѣ г-жи Тьерри, женщина эта отличалась необыкновеннымъ умомъ и, участвуя въ историческихъ трудахъ мужа, сдѣлалась извѣстною и собственными сочиненіями. Супруги Тьерри, втеченіе лѣта, часто живали въ долинѣ Монморанси, близъ Эрмитажа, прославленнаго Жанъ-Жакомъ Руссо, и занимали тамъ маленькій коттэджъ, отдѣланный въ итальянскомъ вкусѣ. Геніальный страдалецъ проѣзжалъ по этимъ мѣстностямъ въ ручной коляскѣ, умственно созерцая ландшафты, передъ нимъ разстилавшіеся; иногда же переносилъ его изъ комнаты въ комнату особый приставленный для того слуга. Вся нижняя часть его тѣла была поражена и оставалась всегда покрытою плащемъ. Зато голова его была очаровательна. Она поднималась съ широкихъ плечъ и украшена была густыми черными волосами, начавшими сѣдѣть прежде времени. Глаза Тьерри были открыты, и недѣятельность ихъ замѣтна была лишь по тусклому и блуждающему взгляду его. Бюстъ его оставался въ здоровомъ состояніи; но на рукахъ у него дѣйствовали только большой и указательный пальцы. Со времени изданія *Писемъ объ исторіи Франціи* Тьерри ничего уже не писалъ самъ.

Передъ смертью своей Августинъ Тьерри жилъ на зимней квартирѣ, на Монпарнасскомъ бульварѣ. На похоронахъ его собралось много знати, ученыхъ и литературныхъ знаменитостей. Братъ покойнаго предводительствовалъ погребальнымъ кортежемъ.

Кромѣ Тьерри, изъ замѣчательныхъ лицъ во Франціи сошли со сцены Поль Моле-Жентильомъ, романистъ и драматическій писатель, и Бине (Жакъ-Марія-Филиппъ), президентъ Академіи Наукъ, математикъ, профессоръ астрономіи во Французской коллегіи, бывшій инспекторъ классовъ въ Политехнической школѣ, и пр.

Моле-Жентильомъ умеръ отъ апоплексіи, 42 лѣтъ. На театрахъ играются многія изъ его пьесъ и, между прочимъ, *Графиня Навайль* (Comtesse de Navailles), имѣвшая успѣхъ.

Бине родился въ Реннѣ, въ 1786 году. Будучи человѣкомъ религіознымъ и монархистомъ, онъ считался однимъ изъ политическихъ оптимистовъ Реставраціи. Съ 1830 года онъ избралъ для себя ученое поприще и уже не оставлялъ его. Бине написалъ значительное число *Мемуаровъ* о разныхъ важнѣйшихъ вопросахъ изъ области математики и астрономіи и участвовалъ въ редакціи *Небесной Механики*. Въ Институтъ онъ поступилъ лишь въ 1848 году, хотя давно уже считался кандидатомъ въ члены по Отдѣленію Геометріи.

Въ Парижѣ, на сценѣ Большой Оперы, дебютировала новая пѣвица m-lle Моро-Сенти. Она рекомендована была Обером для оперы *Бронзовый*

Конь, которую хотѣли поставить на этой сценѣ. Потомъ предназначили ее для оперъ: *Божество и Баядерка*, *Вильгельмъ-Телль*, *Флорентинская Роза*; наконецъ она появилась передъ публикою въ *Сицилійскихъ Вечерняхъ*.

Моро-Сенти, по отзывамъ журналовъ, обладаетъ прекрасною наружностію; голосъ ея довольно обширнаго размѣра, но она не форсируетъ его и не кричитъ. У нея прекрасная вокальная метода, въ игрѣ много выраженія и страсти.

Г-жѣ Жоржъ Сандъ нѣтъ удачи на сценическомъ поприщѣ. Передѣлка ея изъ Шекспира, подъ названіемъ *Comme il vous plaira*, постановка которой на Французскомъ Театрѣ, не считая платы автору, стоила болѣе пятьнадцати тысячъ франковъ, приносила дирекціи каждый разъ, несмотря на дожди и участіе г-жи Арну-Плесси, довольно значительные убытки, такъ что, послѣ десяти или двѣнадцати представленій, сопровождавшихся для публики невыносимою скукой и энергической зѣвотой, произведеніе это предано, кажется, совершенному забвенію. Съ большимъ успѣхомъ давали на этой сценѣ *Амфитріона*, Мольера, пьесу, которая не была играна уже 8 или 10 лѣтъ, и *Жоконду*, гг. Фуше и Ренье, о которой мы говорили въ свое время съ читателями и которая игралась уже въ Петербургѣ.

Пьеса Октава Фелье, подъ названіемъ *Деревня* (le Village), несмотря на простоту обстановки и незатѣйливость сюжета, очень понравилась парижанамъ. Эта пьеса также знакома петербургской публикѣ. Вотъ содержаніе ея:

Нотаріусъ Дюпюи удалился въ деревню и наслаждается полнымъ семейнымъ счастіемъ. Но къ нему пріѣзжаетъ одинъ изъ его друзей, Рувьеръ, который разсказами о своихъ путешествіяхъ и жизни, полной приключеній, сбиваетъ съ толку бывшаго нотаріуса и внушаетъ ему смѣлое желаніе странствовать. Г-жа Дюпюи скоро узнаетъ о намѣреніи мужа, покоряется его рѣшимости съ полнымъ самоотверженіемъ и тѣмъ самымъ обезоруживаетъ друзей. Рувьеръ теперь самъ старается отклонить Дюпюи отъ путешествія и въ заключеніе остается раздѣлять съ нимъ сельское уединеніе.

Въ пьесѣ *Ученыя Жены* (les Femmes savantes) дебютировала m-lle Эдиль Рикье, со сцены Гимназіи. Это актриса съ прекрасною наружностію, полная граціи и благородства въ игрѣ и манерахъ.

На сценѣ Водевиля шла пьеса Луи Люрина и Раймонда Деланда, подъ названіемъ: *Женщины, росписанныя собственною рукою* (Femmes peintes par elles-mêmes). Жюли Бодени явилась тутъ въ платьѣ, на юбку котораго употреблено было до шестидесяти аршинъ тафты. Понятно, что дамы заинтересовались и платьемъ, и пьесой, и артисткой, которая умѣетъ носить подобныя платья, и даже швеей, которая умѣетъ тратить такое огромное количество матеріи.

Вообще, пользуясь лѣтнимъ ненастьемъ, театры получали довольно хорошіе сборы.

Циркъ съ Темпльскаго бульвара переведенъ въ Елисейскія поля и подъ руководствомъ г. Дежана много выигралъ въ послѣднее время. Здѣсь прекрасные паяцы и наѣздницы. Представленіе начинается въ восемь и оканчивается въ десять часовъ. Это очень удобно и неутомительно.

На сценѣ другаго цирка, императорскаго театра этого имени, играютъ драму Огюста Люше, подъ названіемъ: *la Marchande du Temple*. По от-

зывамъ журналовъ, въ этомъ произведеніи много силы, жизни, одушевленія, веселости и прекрасныхъ подробностей.

На Итальянскомъ Театрѣ давалъ недавно большой концертъ контрабассистъ Боттезини. Публики собралось очень много, и артистъ былъ принятъ прекрасно. Его упрекаютъ только за то, что онъ издаетъ на своемъ инструментѣ всевозможные звуки, кромѣ тѣхъ, которые свойственны исключительно этому инструменту: онъ играетъ на віолончелѣ, на скрипкѣ, на гармоникѣ, на чемъ угодно, а, между тѣмъ, вы не услышите отъ него ни одной настоящей контрабасной ноты.

Въ этомъ концертѣ участвовали Фрецциллини и еще баритонъ-дилеттантъ Винтеръ, которому предсказываютъ блестящую артистическую карьеру.

29 (17) мая въ Англіи, и особенно въ Лондонѣ, происходило торжество по случаю заключенія мира. Утромъ въ этотъ день газеты были наполнены предостереженіями публики противъ безпорядковъ, которые могли случиться въ толпѣ, а на другой день разсыпались въ похвалахъ лондонскимъ жителямъ за то спокойствіе и благоразуміе, съ которыми они участвовали въ праздникѣ.

Съ сѣверо-запада, по Реджентъ-парку, Оксфордстриту, Реджентстриту, Чарингкроссу, Странду, Вейтголлу, мимо казармъ конной гвардіи, Сенъ-Джемскаго парка, Поллмолла и клубовъ, чрезъ Джемстритъ, Пиккадилли, Грипнаркъ и Гайдпаркъ тянулись безконечныя толпы народа. Впрочемъ, замѣчательнаго разнообразія, изобрѣтательности, присутствія поэтическаго элемента, или вліянія фантазіи во всей этой праздничной обстановкѣ видно не было.

Изреченіе Джона Булля: *We are practical people*, оправдывалось на дѣлѣ. Королева пожелала, чтобы торжество въ честь мира совпадало съ празднованіемъ дня ея рожденія, и практическій смыслъ народа тотчасъ понялъ, какъ извлечь для себя изъ этого желанія матеріальную выгоду. Буквъ V и A было много заготовлено для ежегоднаго празднованія рожденія и именинъ королевы, и теперь изъ слова *Victoria* составить слово *Victory* оказывалось очень удобно. Латунныя и жестяныя звѣзды (stars), приспособленныя для газоваго освѣщенія, произвели бы недурной эффектъ; но дѣло въ томъ, что онѣ появлялись уже и прежде, на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ и въ томъ же сочетаніи другъ съ другомъ, какъ и въ день послѣдняго торжества. Подобныя созвѣздія относились къ прочимъ родамъ иллюминаціи, какъ 9 къ 1. За весьма малыми исключеніями, къ числу которыхъ принадлежалъ отель лорда Варда въ Паркъ-Лэнѣ, отели нобльменовъ вообще были проще, скромнѣе и патріархальнѣе иллюминованы, нежели купеческіе магазины и лавки. Лордъ Пальмерстонъ, графъ Дерби и Лондонскій Епископъ выставили на домахъ своихъ по Пиккадилли и Сенъ-Джемсъ-скверу лишь нѣсколько висячихъ шкаликовъ, корону и буквы V и A. Они вспомнили, вѣроятно, какъ замѣчаетъ одна газета, что *величіе неразлучно съ простотою и скромностію и что первый императоръ французовъ носилъ обыкновенно сѣрый сюртукъ*. Болѣе разнообразнымъ комбинаціямъ на транспарантахъ подвергалась буква *P*, то красуясь въ одиночествѣ, то образуя слова *Peace*, *Pax* или фразы въ родѣ слѣдующихъ: *Welcome peace*; *Esto perpetua*; *Peace, may it bless our country*, при чемъ проявлялся и нѣкоторый скептицизмъ, какъ, напримѣръ, въ фразѣ: *May it be a lasting one!* Лондонская компанія омнибусовъ, на

домѣ въ Странде, избрала своимъ девизомъ прославленіе единства; но, выставивъ надпись *Unity is strength*, она, конечно, думала болѣе о своихъ интересахъ, нежели о двухъ подружившихся государствахъ. На Армейскомъ и Флотскомъ клубахъ, въ Поллмоллѣ, красовалась надпись: *Unitate fortior*, и подъ нею: *Victoria*. Наконецъ, замѣчательно, что г. Коллеттъ (извѣстный артистъ) передъ своимъ домомъ на Бельгравстритѣ вывѣсилъ слѣдующую нецеремонную надпись: «Въ знакъ скорби, по случаю безславнаго мира, какъ послѣдствія постыдно веденной войны!» Не менѣе выразителенъ былъ поступокъ продавца зонтиковъ на Оксфордстритѣ: онъ покрылъ товаръ свой флеромъ и выставилъ два флага съ надписями: «*Карсъ и Голодная смерть* (starvation)». На окнахъ одного дома виднѣлись изображенія вдовы, оплакивающей мужа, и матери, потерявшей сына. Спереди этого дома висѣло длинное черное суконное покрывало, съ надписью: «Оплакиваютъ падшихъ храбрецовъ»; при входѣ въ домъ стояло шестьнадцать траурныхъ подсвѣчниковъ, и подъ ними сдѣлана надпись: «Ночники для мертвыхъ».

Съ тѣхъ поръ, какъ лондонскіе дипломатическіе салоны стали заниматься «итальянскимъ вопросомъ», а англійская и французская журналистика начала представлять грозныя политическія статьи, это движеніе оказало сильное вліяніе на находящихся въ Англіи изгнанниковъ изъ разныхъ итальянскихъ государствъ. Эмигранты, которые для выполненія своихъ плановъ надѣялись на помощь Англіи, Франціи и Сардиніи, не хотятъ разувѣриться въ томъ, что *что-то* приготовляется въ пользу Италіи. Эта часть политическихъ бѣглецовъ придаетъ особенное значеніе составленію англо-итальянскаго легіона, который она считаетъ выраженіемъ сильной угрозы врагамъ Италіи. Потому эмигранты не перестаютъ трудиться для упроченія дружбы съ Англіей и въ религіозномъ отношеніи и стараются заключить союзъ съ англиканской пропагандой, въ видахъ распространенія протестантскихъ идей въ Италіи, — вслѣдствіе чего англійское духовенство, представляющее вмѣстѣ съ правительствомъ значительную силу, чрезвычайно интересуется итальянскимъ переворотомъ.

Англійское Библейское Общество поддерживаетъ, съ своей стороны, это протестантское направленіе, сообщенное эмигрантами, и обѣ стороны сходятся въ чувствѣ непримиримой ненависти къ Риму. Изгнанники стараются увѣрить англійское духовенство, что революція Италіи была бы болѣе религіозной, нежели политической, и хитрость эта имъ удается. Въ доказательство того приводятъ, что, при содѣйствіи эмигрантовъ, 10,000 библій въ итальянскомъ переводѣ посланы изъ Лондона въ Геную, для распространенія котомъ по всей Италіи. Такимъ образомъ, итальянскіе эмигранты нашли себѣ сильную поддержку въ самыхъ верхнихъ слояхъ общества. Въ половинѣ мая изгнанники устроили собраніе въ одномъ ресторанѣ на Лейстеръ-скверѣ, гдѣ всѣ соучастники появились съ итальянскими кокардами. Переговоры начались въ первомъ этажѣ дома, при запертыхъ дверяхъ, и продолжались до поздней ночи. Страннымъ казалось при этомъ присутствіе многихъ эмигрантовъ, которые изъ пьемонтскихъ владѣній прибыли чрезъ Геную и Францію съ сардинскими паспортами.

На ряду съ народными протестаціями противъ запрещенія воскресной музыки въ паркахъ, другое проявленіе свободомыслія заключается въ приготовленномъ Нижнею Палатою адрессѣ королевѣ, касающемся полнаго пересмотра

перевода библіи. Основанія этого адресса положены на митингѣ Англійскаго Библейскаго Института, 1 апрѣля нынѣшняго года. Адрессъ этотъ — за подписью президента Института, Вильсона, и распадается на три части. Здѣсь излагаются причины ходатайства, зависящія отъ свойства самаго перевода.

Принятый въ Англіи переводъ библіи сдѣланъ былъ еще въ то время, когда филологія находилась въ младенчествѣ (1611 г., въ царствованіе Іакова I). По словамъ адресса, въ простомъ переводѣ допущены важныя *ошибки*. Въ этомъ можетъ убѣдиться всякій, кто текстъ принятаго англійскою церковью перевода Новаго Завѣта сличитъ съ трудами новыхъ библейскихъ толкователей въ Англіи, напримѣръ Самуэля Шарпса, извѣстнаго египтолога и филолога [1]). Въ сочиненіи, изданномъ этимъ ученымъ подъ заглавіемъ *Критическія замѣчанія на англійскій переводъ Новаго Завѣта* (Critical Notes on the English translation of the New Testament), указывается, какими грубыми, совершенно искажающими смыслъ, ошибками наполненъ англійскій переводъ библіи.

Въ «Times» было въ послѣднее время много статей, разсуждавшихъ о Британскомъ Музеѣ. Даже Парламентъ, по предложенію лорда Джона Росселя и его друзей, занимался этимъ предметомъ. Въ нумерѣ на 22 мая толковали о необходимости централизаціи библіотеки Музея и о томъ, что прочія коллекціи требуютъ болѣе эстетическаго и пріятнаго на взглядъ распорядка.

Библіотека Музея была до сихъ поръ безполезнымъ складочнымъ мѣстомъ ученыхъ пособій, хранилищемъ слитковъ золота и серебра, драгоцѣнною кассою, отъ которой ключи потеряны. Тамъ есть все для утоленія умственнаго голода и жажды; но нужно слишкомъ много напряженія, чтобы сорвать плодъ съ этого древа познанія добра и зла. Англійскій формализмъ и «рутина», всепожирающій сфинксъ англійской жизни, дѣлаютъ это древо почти недоступнымъ. Но Англія теперь на пути къ «реформѣ» (не къ той реформѣ, впрочемъ, которая ознаменовала тридцатые года), и представители власти рѣшились, кажется, строить для искусствъ и наукъ дворцы,—строить ихъ съ бо́льшимъ вкусомъ и знаніемъ дѣла, чѣмъ какіе замѣтны въ Павильонѣ Георга IV въ Брайтонѣ или въ Національной Галлереѣ на Трафалгаръ-скверѣ.

По словамъ «Times», новая зала для чтенія при Британскомъ Музеѣ находится возлѣ нынѣшняго зданія музея; она окружена длиннымъ корридоромъ и завершается куполомъ, котораго внутренній разрѣзъ только на два фута ниже купола Пантеона. «Times» говоритъ, что этотъ куполъ, въ сравненіи съ куполомъ Пантеона, представляетъ даже болѣе выгодное освѣщеніе, болѣе привлекательности въ планѣ и болѣе учености въ производствѣ постройки. Для занимающагося въ залѣ соединены всевозможныя удобства: каждый посѣтитель будетъ получать особый пюпитръ, стулъ, лампу съ абажуромъ и столъ, довольно большой для того, чтобы помѣстить всѣ необходимыя книги и карты. Кругомъ по стѣнамъ залы устроятся полки, на которыхъ уставится 35,000 томовъ; къ этимъ полкамъ будутъ подходить по легкимъ желѣзнымъ галлереямъ. Все это пространство будетъ нагрѣваться самымъ удобнымъ образомъ.

Но въ прекрасномъ зданіи библіотеки, по словамъ «Times», не будетъ

[1]) Самуэль Шарпсъ — племянникъ Самуэля Роджерса, о которомъ мы говорили уже съ читателями. Египетскій отдѣлъ Сейденгемскаго хрустальнаго дворца составлялся по указаніямъ Шарпса.

ни живыхъ красокъ по стѣнамъ, ни произведеній живописи и скульптуры, ни лѣпныхъ украшеній. «Лондонъ — безцвѣтная столица!» жалобно восклицаетъ газета. «Нашъ городъ производитъ на зрителя такое же впечатлѣніе, какъ ландшафтъ, нарисованный сепіей». Въ Англіи все сѣро и мрачно—drab-coloured. Тамъ не умѣютъ придавать полезному красоту и грацію. Теперь тамъ болѣе суровости и простоты во внѣшности, чѣмъ было 150 лѣтъ тому назадъ. Вообще, англійскіе нравы—загадка.

Въ Лондонѣ Лонгмонъ и К° издали сборникъ подъ названіемъ: «Справочная книга Британскаго Консула» (The British Consul's Manual). Книга эта можетъ служить важнымъ пособіемъ для консуловъ разныхъ націй. Авторъ ея, г. Тузонъ, секретарь австрійскаго генеральнаго консульства въ Лондонѣ, съ неутомимымъ терпѣніемъ перебиралъ и сличалъ матеріалы, касавшіеся этого предмета, и извлекъ изъ нихъ наиболѣе необходимое. Все, что касается правъ и обязанностей консула, его общественнаго положенія и отношеній къ торгующему сословію, всѣ узаконенія различныхъ государствъ по части торговли и мореплаванія, — все это изложено въ объемѣ 572 печатныхъ страницъ, при чемъ сжатость не мѣшаетъ подробности и опредѣлительности сообщаемыхъ свѣдѣній. Авторъ приводитъ имена 87 писателей, трудами которыхъ онъ руководствовался при составленіи своей книги.

Книга начинается историческимъ очеркомъ происхожденія консульствъ. Отсюда мы узнаемъ, что первый англійскій торговый консулъ былъ Леонардо Строцци въ Пизѣ (1485 г.); за нимъ слѣдовали: Чензіо де-Менезада Лескесъ въ Кандіи (1522 г.) и Бенуа Джустиніани въ Скіо (1531 г.). Г. Тузонъ одобряетъ систему англійскаго и сѣверо-американскаго правительствъ, которыя назначили своимъ консуламъ приличное содержаніе и тѣмъ избавляютъ ихъ отъ необходимости прибѣгать къ постороннимъ занятіямъ, для добыванія себѣ куска хлѣба. Напротивъ того, германскія и австрійскія консульства въ Америкѣ и Азіи находятся въ самомъ жалкомъ положеніи, при чемъ способности, степень образованія и самые поступки ихъ агентовъ слишкомъ далеки отъ того, чтобъ внушить туземцамъ уваженіе къ націямъ, которыя эти агенты представляютъ.

18 лондонскихъ журналовъ, въ томъ числѣ London Times, Athenaeum, Morning Herald, Civil Service Office, Mercantile Gazette, Journal of Commerce, Economist, и т. д., отозвались о трудѣ г. Тузона съ самой лучшей стороны.

Въ литературномъ мірѣ Англіи мало замѣчательныхъ явленій. Началъ издаваться новый ежемѣсячный журналъ: The London University. Онъ занимается переводами изъ Шиллера.

Другія обозрѣнія толкуютъ о памфлетѣ Монталамберта, хваля, или порицая его, смотря потому, къ какой партіи принадлежатъ. Третій выпускъ сочиненія Майгью о Лондонѣ представляетъ подробное и любопытное описаніе большой образцовой тюрьмы въ Пентонвиллѣ. *Малютка Доррить* Диккенса тянется безъ всякой видимой причины, кромѣ той, чтобы наполнить извѣстное число листовъ.

Диккенсъ купилъ себѣ подъ лѣтнюю резиденцію Гадсгилль, прославленный Шекспиромъ.

Появился послѣдній томъ біографіи Томаса Мура, написанной лордомъ Джономъ Росселемъ.

Въ «Times» помѣщена статья о представленномъ проэктѣ желѣзной дороги въ Индію. О проэктѣ этомъ упоминалъ въ Нижней Палатѣ предсѣдатель Индѣйскаго Отдѣленія (Вернонъ Смитъ). Проэктъ исходитъ отъ лица, пользующагося большимъ авторитетомъ, именно отъ Макдональда Стефенсона, и «Times» говоритъ объ этомъ предпріятіи съ живымъ участіемъ. Вотъ въ чемъ дѣло:

Дорога будетъ продолженіемъ средне-европейскихъ линій и поведетъ чрезъ Бѣлградъ и Константинополь. Въ Скутари она начнется снова и пойдетъ въ Исмидъ, оттуда по долинѣ рѣки Сахаріа къ Севригиссуру, потомъ къ Аксераю и Куринскимъ горамъ, далѣе къ верховьямъ Евфрата, на Багдадъ и Бассору къ Персидскому заливу.

«Times» замѣчаетъ: «трудности, представляемыя мѣстностію, не очень значительны. Для половины дороги по долинѣ Евфрата матеріалъ доставлять будетъ легко. Насчетъ возможности выполненія этого проэкта почти нѣтъ сомнѣнія».

Въ Бассору посланъ инженеръ для съемокъ, и публика скоро узнаетъ результатъ его изслѣдованій.

Проэктъ продолженія линіи чрезъ Индію къ Инду «Times» считаетъ сумасбродствомъ. Вражда населенія Белуджистана и невѣжество тамошнихъ жителей представили бы въ этомъ случаѣ, по мнѣнію газеты, еще болѣе серьезныя препятствія, чѣмъ горы и степи.

Разстояніе отъ Скутари до Персидскаго залива составляетъ 1,300 англійскихъ миль. По исчисленію «Times», построеніе дороги обойдется въ 10,000 ф. ст. съ каждой мили.

Основываясь на опытѣ индѣйскаго и восточнаго пароходства, газета ожидаетъ и для дороги успѣха, особенно, если это предпріятіе найдетъ поддержку въ правительствѣ.

Стефенсонъ полагаетъ, что построеніе дороги сократитъ разстояніе между Англіей и Индіей до семидневнаго пути.

Содержаніе, получаемое англійскими чиновниками въ Остиндіи, очень значительно: такъ, напримѣръ, губернатору выдается въ мѣсяцъ 10,666 рупій, членамъ совѣта (Council) 5,333, старшему секретарю 4,166, генералъ-почтмейстеру 2,333, главному сборщику податей 3,000 рупій [1]).

Но, къ чести этихъ лицъ, должно сказать, что многія изъ нихъ, вмѣсто того, чтобы всѣ свои доходы употреблять на прихоти или копить деньги изъ привязанности къ золоту, обращаютъ ихъ въ пользу страны, обезпечившей ихъ благосостояніе.

Одинъ изъ такихъ примѣровъ представляетъ живущій въ Шотландіи гражданскій чиновникъ бенгальской службы, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ назначилъ премію въ 300 фунт. стерл. за «лучшій опытъ изложенія индѣйской философіи по системамъ Веданта, Нжая и Санкія», положилъ эту сумму въ банкъ гг. Горовъ въ Лондонѣ и поруками (Trustees) избралъ кантерберійскаго архіепископа и епископовъ лондонскаго и оксфордскаго. Составленная этими лицами испытательная коммиссія изъ двухъ профессоровъ Кембриджскаго

[1]) Рупія равняется 16 германскимъ грошамъ, или 50 коп. сер.

университета, Милля и Вевелля, и извѣстнаго Гораса Геймана Вильсона, профессора санскритскаго языка въ Оксфордѣ, не признала ни одного изъ поданныхъ до конца 1854 года сочиненій достойнымъ преміи, и потому въ прошломъ году назначенъ на этотъ предметъ новый срокъ, который окончится въ декабрѣ 1857 года, съ тѣмъ, что хотя отъ сочиненія и требуется, чтобы оно было написано на англійскомъ языкѣ, но къ соискательству допускаются не одни уроженцы Великобританіи и Ирландіи.

Въ Миланѣ вышелъ переводъ «Потеряннаго Рая», Мильтона, сдѣланный Беллати [1]). Попытка эта достойна серьезнаго вниманія, потому что библейско-пуританскій характеръ поэмы нелегко поддается переводу, особенно на итальянскій языкъ. Антоніо Беллати не новичекъ въ искусствѣ переводить. Въ 1828 году онъ издалъ «Saggio di poesie alemanne» (*Опытъ германской поэзіи*, котораго второе изданіе сдѣлано въ Миланѣ въ 1832 году). Здѣсь заключались произведенія Гете, Шиллера, Бюргера, Якоби, Гельти, Маттисона, Тидге, Салиса, Уланда, Эберта. Это былъ прекрасный сборникъ съ біографическими очерками. Но само собою разумѣется, что переводъ «Потеряннаго Рая» представляется трудомъ несравненно болѣе замѣчательнымъ. Беллати долго боролся съ трудностями подлинника и многія изъ нихъ побѣдилъ очень счастливо. Весь тонъ произведенія выдержанъ прекрасно; стихъ отличается умѣренностію въ движеніи, и если попадаются мѣста тяжелыя [2]), періоды слишкомъ растянутые, то должно вспомнить, что и въ подлинникѣ встрѣчаются періоды по пятьнадцати и двадцати стиховъ; притомъ же, итальянская поэзія любитъ вообще нѣкоторую сложность и запутанность въ построеніи періодовъ. Чтобы дать понятіе, въ какой степени Беллати успѣлъ въ своей попыткѣ, сдѣлаемъ двѣ выписки.

Для примѣра, возьмемъ сперва то мѣсто (I, 283), гдѣ описывается, какъ сатана приближается къ берегу, неся на плечахъ тяжелый щитъ, который напоминаетъ собою обликъ мѣсяца, отражающійся въ оптическомъ стеклѣ Галилея:

— «Già lo gran nemico
Movea verso la spiaggia; il ponderoso
Scudo, tondo, massicco, smisurato,
D'eterea tempra avea gittato a tergo:
Il grand'orbe pendea dalle sue spalle,
Alla luna simil, quand e ne guarda
L'ampio globo l'artefice Toscano
Di Fiesole sul colle, od in Valdarno
La sera a discovrirne entro le macchie
Per virtù di cristalli nuove terre,
E fiumi, monti». [3])

---

[1]) Il Paradiso perduto di Milton, Traduzione di Antonio Bellati.—Въ прошломъ году нѣкоторыя мѣста поэмы Мильтона переведены были Маффеи.

[2]) Байронъ находилъ это свойство и въ подлинникѣ поэмы Мильтона: „a little *heavy*, but no less divine“ (Don Juan, III, 91).

[3]) Въ подлинникѣ сказано такимъ образомъ:

«He scarce had ceased when the superior fiend
Was moving toward the shore; his ponderous shield,
Ethereal temper, massy, large, and round,
Behind him cast; the broad circumference
Hung on his shoulders like the moon, whose orb

Изображеніе первой человѣческой пары (IV, 295) передано имъ въ слѣдующихъ стихахъ:

— «Non erano eguali, e differente
Avean col sesso e qualitade e forma:
Egli ad alti pensieri, egli al valore
Era formato, ed ella alla dolcezza,
Ed alla grazia che soave alletta;
Era creato l'uom solo per Dio,
Ed ella era per Dio creata in lui». [1])

Беллати задаетъ себѣ вопросъ, можетъ ли Мильтонъ найти теперь читателей, и, кажется, остается въ сомнѣніи. Впрочемъ, Италія до сихъ поръ считается отечествомъ эпоса, и ни у одного народа нѣтъ такого терпѣнія, необходимаго для созданія эпической поэмы, какъ у итальянцевъ, несмотря на ихъ живой характеръ.

Главные журналы Соединенныхъ Штатовъ суть тѣ, которые издаются въ Нью-Йоркѣ, политической и коммерческой столицѣ Сѣверной Америки.

Первое мѣсто занимаетъ New-York-Herald, журналъ консерваторовъ и защитниковъ невольничества. Бывъ постояннымъ поборникомъ идей демократической партіи, этотъ журналъ ратуетъ нынѣче противъ правительства за отказъ, полученный будто бы его главнымъ редакторомъ отъ Пирса, у котораго онъ просилъ мѣсто посланника.

Through optic glass the Tuscan artist views,
At evening from the top of Fesole,
Or in Valdarno, to descry new lands,
Rivers, or mountains, in her spotty globe.

Т. е.: едва онъ (Вельзевулъ) пересталъ говорить, какъ сатана направилъ стопы къ берегу, забросивъ за спину тяжелый, изъ воздушнаго раствора, плотный, громадный круглый щитъ; обширная плоскость щита, лежавшая на плечахъ сатаны, походила на мѣсяцъ, котораго дискъ представляется въ оптическомъ стеклѣ тосканскаго ученаго (Галилея), когда онъ вечеромъ дѣлаетъ наблюденія съ вершины Фезоле или въ Вальдарно, желая открыть на запятнанной поверхности свѣтила новыя земли, рѣки или горы.

Бернгардъ Шуманъ, издавшій въ 1855 году нѣмецкій переводъ «Потеряннаго Рая» вмѣстѣ съ «Возвращеннымъ Раемъ» (Paradise regained), передалъ эти стихи такимъ образомъ

Kaum schwieg er, als der Feinde Haupt dem Ufer
Sich zubewegte. Sein gewicht'ger Schild
Von Aetherstoff gediegen, breit und rund,
Hieng auf den Schultern ihm, dem Monde gleich,
Nach dessen Scheibe der toscan'sche Künstler
Vom Gipfel Fiesole's, vom Thal Valdarno
Durch das geschliffne Glas am Abend schaut,
Um auf der flock'gen Kugel neues Land
Und Ströme und Gebirge zu endecken

1) Въ подлинникѣ говорится:

— «though both
Not equal, as their sex not equal seemed:
For contemplation he and valour formed:
For softness she, and sweet attractive grace,
He for God only, she for God in him.

Т. е.: хотя они и не представляли между собою сходства такъ же, какъ различались полами: онъ созданъ для размышленія и доблестныхъ подвиговъ, она для нѣжности, пріятной и привлекательной граціи; онъ сотворенъ непосредственно Богомъ, она—Богомъ же, но чрезъ посредство его.

Затѣмъ слѣдуетъ Tribune, принадлежавшій нѣкогда радикальной вѣтви партіи виговъ, но стремящійся теперь къ уничтоженію рабства.

Daily Times отличается отъ предъидущаго журнала болѣе рѣзкимъ характеромъ своей полемики. Теперешній главный редакторъ этого журнала, г. Раймондъ, былъ прежде помощникомъ редактора «Courier and Enquirer». Теперь онъ вице-губернаторъ штата Нью-Йорка.

Courier and Enquirer принадлежитъ генералу Джэмсу Ватсону Веббу. Нѣкогда этотъ журналъ былъ сильнымъ приверженцемъ демократической партіи; но во время борьбы Джаксона съ Банкомъ онъ отдѣлился отъ этой партіи и сдѣлался главнымъ органомъ виговъ. Когда виги скрылись съ политической сцены, Courier перешелъ на сторону консервативной партіи, придерживаясь въ то же время католицизма. Съ тѣхъ поръ, какъ бо́льшая часть консерваторовъ изъ виговъ поглощены но-нотингами (know-nothings), его убѣжденія на этотъ счетъ нѣсколько измѣнились.

Evenig-Post, выходящій подъ редакціей поэта Бріанта, ветерана американской журналистики, есть самое старое изъ нью-йорскихъ повременныхъ изданій. Онъ былъ преданъ демократической партіи до тѣхъ поръ, когда вопросъ о невольничествѣ привелъ эту партію въ разстройство. Теперь онъ склоняется къ демократичеокому сліянію.

Journal of Commerce, сообразно названію своему, есть изданіе чисто коммерческое. Когда онъ удаляется отъ обычной нейтральности по политическимъ вопросамъ, то ратуетъ, большею частію, за демократію и протестантизмъ.

Express и Commercial Advertiser, принадлежавшіе нѣкогда къ консервативной партіи виговъ, поддерживаютъ теперь ту отрасль *но-нотинговъ*, которая защищаетъ невольничество.

Провинціальные журналы въ Соединенныхъ Штатахъ имѣютъ лишь мѣстное значеніе. Изъ этого числа должно, впрочемъ, исключить тѣ, которые издаются въ правительственныхъ резиденціяхъ и которые сообщаютъ самые достовѣрные отчеты о преніяхъ Конгресса. Union есть органъ правительства, а National Intelligencer—органъ консерваторовъ.

Замѣчательно, что умѣренная демократическая партія, начиная съ 1832 года, почти не находила себѣ въ нью-йоркской журналистикѣ оффиціальнаго представителя, хотя было время, когда демократія была господствующимъ элементомъ въ этомъ городѣ.

Съ другой стороны, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ журналовъ Новой Англіи, Boston-Post, прославился именно упорствомъ, съ которымъ защищалъ демократію въ городѣ, проникнутомъ вигизмомъ, и начало рабства посреди населенія, противнаго невольничеству.

По поводу размолвки между Англіей и Сѣверо-Американскими Штатами, оба государства старались, посредствомъ газетныхъ статей, показать свѣту, какими средствами они располагаютъ на случай войны.

Въ этомъ отношеніи, любопытны, между прочимъ, слѣдующія статистическія данныя о разныхъ штатахъ Союза.

Населеніе штатовъ, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, составляло:

	1850.	1855.
Штаты Новой Англіи (6)	2,728,116	3,000,987
Средніе Штаты (5)	6,573,301	7,339,047
Южно-атлантическіе штаты (5)	3,952,837	4,202,418
Юго-западные штаты (7)	4,303,522	5,045,761
Западные штаты (7)	5,397,518	6,951,713
Штатъ Тихаго океана	224,435	327,108
Территоріи	92,298	189,126
Округъ Колумбія	57,689	58,127
	23,329,716	27,114,287

Народное богатство подраздѣлено такимъ образомъ:

	1850. доллеры	1855. доллеры
Штаты Новой Англіи	1,012,986,102	1,178,098,747
Средніе Штаты	1,593,256,929	2,387,491,021
Южно-атлантическіе штаты . . .	1,266,552,334	1,304,128,824
Юго-западные штаты	1,252,873,948	1,639,126,449
Западные штаты	679,404,529	1,926,515,811
Штатъ Тихаго Океана . . .	21,923,173	56,982,320
Территоріи	11,486,116	19,750,000
Округъ Колумбія	16,183,755	23,000,000
	5,854,666,886	8,535,093,172

Въ сложности, приращеніе народонаселенія и богатства усиливалось по направленію къ западу, въ слѣдующей пропорціи:

	населеніе.	богатство.
Въ Штатахъ Новой Англіи	10 процентовъ.	$16^{1}/_{3}$ процентовъ.
— Средн. Штатахъ . . .	$11^{6}/_{10}$ —	почти 50 —
— Сѣверо-западн. Штатахъ	$28^{8}/_{10}$ —	119 —
— Штатѣ Тихаго океана	$45^{4}/_{10}$ —	$159^{6}/_{10}$ —
— Территоріи	почти 105 —	72 —

Торговля союза съ Британской Америкой представляла слѣдующія цифры:

Годы.	Вывозъ. Доллеры.	Привозъ. Доллеры.
1851	12,014,923	6.693,122
1852	10,509,016	6,110.229
1853	13,140,642	7,550,718
1854	24,556,924	8,928,560
1855	27,806,020	15,136,784

Бо̀льшая часть торговли производилась съ Канадой, такъ что въ 1855 году вывозъ туда простирался до суммы 18,720,354 доллеровъ, а привозъ оттуда представлялъ цифру 8,142,314 доллеровъ [1]).

---

[1]) Allgemeine Zeitung, Athenaeum, Indépendance Belge, Revue Britannique, Revue des deux Mondes, Illustration, и пр.

Замѣтки о журналахъ.

ІЮНЬ 1856.

Разборъ статьи Н. Ф. Павлова о комедіи «Чиновникъ». — О воспитаніи, Бема.—Мысли по поводу статьи «О воспитаніи» Даля.—Объ обязанностяхъ старшаго офицера на кораблѣ.

И стихотвореніямъ, и повѣстямъ, и драмамъ бываетъ иногда, какъ людямъ, счастье, ничѣмъ, повидимому, незаслуженное. Скажите, напримѣръ, за что всѣ чувствительныя сердца въ старинные годы выбирали для акомпанимента своихъ вздоховъ непремѣнно или:

«Стонетъ сизый голубочекъ,
Стонетъ онъ и день и ночь»...

или:

«Взвейся выше, понесися,
Сизокрылый голубокъ»...

между тѣмъ, какъ въ то же самое время были сотни другихъ пѣсенокъ, ничуть не уступавшихъ ни «сизокрылому голубку», ни «сизому голубочку» своею чувствительностью и гораздо лучше написанныхъ? За что изреченіе Суворова дало безсмертіе именно «Пригожей Поварихѣ», а не другому какому нибудь плохому роману? Чѣмъ, наконецъ, и въ наши времена комедія «Чиновникъ» заслужила то особенное счастье, что возбудила живые споры въ обществѣ и подала поводъ къ появленію двухъ замѣчательныхъ разборовъ, изъ которыхъ одинъ читатели пробѣжали въ предъидущей книжкѣ нашего журнала, а первая половина другаго, принадлежащаго Н. Ф. Павлову, помѣщена въ № 11-мъ «Русскаго Вѣстника?» Русская драматическая литература не очень богата прекрасными новостями; но каждый скажетъ, что всякій годъ ставится у насъ на сцену, если не больше, то ужь никакъ не меньше десятка новыхъ пьесъ, отличающихся гораздо бо́льшими литературными достоинствами, нежели послѣдняя пьеса графа Соллогуба. И, однакожь, онѣ проходятъ безъ шума; а «Чиновнику» досталась громкая слава. Или эта комедія обратила на

себя общее вниманіе тѣмъ, что поразительно плоха? и того нельзя сказать о «Чиновникѣ:» онъ, правда, очень слабъ въ художественномъ отношеніи, но бываютъ сотни пьесъ еще гораздо слабѣе его,—и, однако же, о нихъ не говорятъ, а о немъ говорятъ. Странное счастье, незаслуженное счастье «Сизому голубочку», «Пригожей Поварихѣ» и «Чиновнику!»

Такъ ли? Въ самомъ ли дѣлѣ незаслуженное? Не на первый ли только взглядъ кажется, будто всѣ эти три произведенія получили свою извѣстность только благодаря капризу случая? Вѣдь случайно ничего не бываетъ на бѣломъ свѣтѣ—ужели только «Сизый голубокъ» и «Чиновникъ» составляютъ исключеніе изъ общаго правила? Вѣроятно, извѣстность ихъ основана же на чемъ нибудь. О «Сизомъ голубкѣ» намъ некогда пускаться въ изысканія; но что «Чиновникъ» надѣлалъ шума не безъ причины, знаетъ каждый: благо, дѣло еще недавнее. Въ комедіи графа Соллогуба есть нѣсколько горячихъ словъ противъ злоупотребленія, которое возбуждаетъ общее негодованіе. Потому-то и возбудила она къ себѣ общее вниманіе.

Такъ. Но этимъ самымъ объясненіемъ и запутывается дѣло. Если нѣкоторыя прекрасныя фразы «Чиновника» вызвали единодушные аплодисменты, то за что же критика напала на эту комедію такъ безжалостно? Положимъ, что пьеса слаба, очень слаба; но вѣдь не говорятъ же о самыхъ слабыхъ пьесахъ такъ строго, какъ говоритъ о «Чиновникѣ» Н. Ф. Павловъ. Его разборъ написанъ чрезвычайно ѣдко. Неужели пьеса не заслуживала пощады за свои громкія фразы? Отчего такой гнѣвъ?

Оттого гнѣвъ, что высокія притязанія не могутъ не возбуждать желчи, когда ими обнаруживается только незнаніе дѣла и неумѣнье взяться за него.

Въ чемъ эти высокія притязанія, эта неправда, намъ не нужно говорить: читатели знаютъ, какой вопросъ ставитъ «Чиновникъ» и какъ рѣшаетъ его. Въ главныхъ мысляхъ, критика г. Н. Ф. Павлова сходится съ тѣмъ, что было высказано въ нашемъ журналѣ по поводу пьесы графа Соллогуба. Надимовъ, столь самодовольный, съ такою гордостью выставляющій себя въ примѣръ всѣмъ, такъ презрительно отзывающійся о всѣхъ, кромѣ себя, провозглашающій во всеуслышаніе, что Россія въ немъ нуждается и погибнетъ безъ него,—этотъ Надимовъ не знаетъ ни Россіи, ни людей, ни самого себя; онъ ни къ чему не способенъ, онъ поступаетъ хуже всѣхъ тѣхъ, противъ которыхъ возстаетъ. Надобно же разоблачить такого человѣка, надобно же доказать, что онъ самъ не понимаетъ того, о чемъ твердитъ. И если онъ выступаетъ на сцену съ намѣреніемъ сдѣлать другихъ подобными себѣ, то надобно же сказать, что онъ жестоко ошибается, считая себя образцовымъ человѣкомъ, и что истина, случайно примѣшиваемая имъ къ суетнымъ похваламъ самому себѣ, искажаясь въ его устахъ въ угоду его самолюбивымъ мечтаніямъ, перестаетъ быть истиною.

Съ этой цѣлью написанъ разборъ Н. Ф. Павлова, какъ и разборъ, помѣщенный въ «Современникѣ». Но г. Павловъ идетъ далѣе. Обнаруживая, что идея комедіи фальшива, онъ подробною эстетическою критикою доказываетъ, что фальшивость основной идеи погубила и художественное достоинство пьесы.

Черезъ это его разборъ получаетъ новое достоинство: въ немъ пріобрѣтаетъ русская литература прекрасный примѣръ истинной художественной критики, понятія о которой такъ затемнились послѣ смерти Бѣлинскаго.

Художественность состоитъ въ соотвѣтствіи формы съ идеею; потому, чтобы разсмотрѣть, каковы художественныя достоинства произведенія, надобно какъ можно строже изслѣдовать, истинна ли идея, лежащая въ основаніи произведенія. Если идея фальшива, о художественности не можетъ быть и рѣчи, потому что форма будетъ также фальшива и исполнена несообразностей. Только произведеніе, въ которомъ воплощена истинная идея, бываетъ художественно, если форма совершенно соотвѣтствуетъ идеѣ. Для рѣшенія послѣдняго вопроса надобно просмотрѣть, дѣйствительно ли всѣ части и подробности произведенія проистекаютъ изъ основной его идеи. Какъ бы замысловата или красива ни была сама по себѣ извѣстная подробность—сцена, характеръ, эпизодъ,—но если она не служитъ къ полнѣйшему выраженію основной идеи произведенія, она вредитъ его художественности. Таковъ методъ истинной критики. У насъ въ послѣдніе годы всѣ эти коренныя понятія запутались и затемнились. Люди, наиболѣе толковавшіе о художественности, рѣшительно сами не знали, что такое художественность. Они, забывъ обо всемъ, на что должна обращать главное свое вниманіе критика, вообразили, будто художественность состоитъ въ красивой отдѣлкѣ подробностей, въ украшеніи произведенія заботливо сдѣланными картинками и ловко обточенными фразами. О томъ, имѣютъ ли смыслъ эти украшенія, нужны ли они для выраженія идеи, существуетъ ли, наконецъ, въ произведеніи какая нибудь идея, они и не думали спрашивать.

По ихъ понятіямъ, чѣмъ болѣе походитъ литературное произведеніе на хорошо обточенную игрушку съ пріятно звенящими бубенчиками, тѣмъ оно художественнѣе. Они совершенно возвратились къ невинной порѣ тріолетовъ и буриме. Если бы воскресли Буало и Лагарпъ, они обняли бы этихъ мастеровъ разбирать достоинства «красотъ піитическихъ»; самъ Толмачевъ и даже самъ Бургій не отказали бы въ полномъ своемъ одобреніи ихъ тонкому вкусу.

Но публика не способна нынѣ восхищаться литературными игрушками, еще менѣе способна уважать разсужденія о достоинствахъ отдѣлки бубенчиковъ на игрушкахъ. Критика лишилась не только уваженія, даже вниманія читателей. Она стала скучна. Кому охота смотрѣть на то, какъ переливаютъ изъ пустаго въ порожнее? Одного слова «художественность» стала уже довольно, чтобы навести тоскливѣйшую зѣвоту на самаго безстрашнаго читателя.

Не пора ли прекратить эту забаву? довольно времени погублено на нее; довольно надоѣла она всѣмъ.

Пора критикѣ вспомнить, что она должна быть не пустословіемъ объ игрушечныхъ бубенчикахъ. Чѣмъ же она должна быть? Не зачѣмъ пускаться въ длинныя разсужденія о томъ, чѣмъ должна быть критика, — укажемъ на разборъ «Чиновника», написанный г. Н. Ф. Павловымъ: вотъ истинно художественная критика, вотъ та критика, которой требуетъ публика, потому что въ ней находитъ мысль и дѣло, а не пустыя рѣчи о красотахъ побрякушекъ.

Каждый помнитъ еще превосходныя письма г. Н. Ф. Павлова по случаю изданія «Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями» Гоголя. Разборъ «Чиновника» стоитъ, въ своемъ родѣ, этихъ писемъ. Больше мы ничего не скажемъ въ похвалу его новой статьи, потому что трудно пріискать другую похвалу, выше этой.

Вы хотите говорить о художественности? Посмотрите же, какъ понимаетъ

художественность г. Павловъ, какъ онъ, ни на минуту не забывая объ идеѣ произведенія, каждую подробность спрашиваетъ: «скажи мнѣ прежде, зачѣмъ ты здѣсь? дала ли тебѣ общая мысль комедіи право являться передо мною въ этой комедіи? Нужна ли ты для воплощенія идеи? Не противорѣчишь ли ты ей, вмѣсто того, чтобы оправдывать ее и оправдываться ею? Только тогда, если ты докажешь это, я спрошу, красива ли ты». И когда каждая сцена, каждый характеръ поочередно обличается въ несообразности съ идеею цѣлаго или въ излишности для нея, онъ неумолимо говоритъ: «быть можетъ, эта частность отличается щегольскою отдѣлкою, все равно: будь она красива или некрасива, — она неумѣстна, фальшива, противохудожественна». Быть можетъ, напримѣръ, салонъ графини описанъ очень изящными и подробными чертами, быть можетъ, вся внѣшность аристократизма выставлена въ лицѣ графини очень точно; но чувства и поступки графини носятъ ли на себѣ отпечатокъ аристократизма? Узнаемъ ли мы изъ комедіи графа Соллогуба, какъ чувствуютъ и поступаютъ дамы высшаго общества? Нѣтъ. Нѣтъ? Такъ зачѣмъ же она графиня? зачѣмъ же ея аристократическій салонъ? Это рама безъ портрета, это надпись безъ предмета, къ которому должна относиться, въ этихъ подробностяхъ нѣтъ художественнаго смысла, авторъ испортилъ ими свою комедію, въ которой онѣ излишни и фальшивы:

«Вообще надо замѣтить, что тутъ дѣйствуетъ какая-то графиня допотопная, а не графиня современная намъ. Иные писатели любятъ присвоивать себѣ, преимущественно передъ другими, знаніе всѣхъ тонкостей въ свѣтскомъ кругѣ, называемомъ, если хотите, высшимъ обществомъ. Знаніе это, благодаря нашимъ нравамъ, нашей физіологіи и счастливо или несчастливо сложившимся историческимъ событіямъ, достигается легко и нисколько не сопряжено съ тѣми препятствіями, которыя были отличительною чертою народовъ Запада. Не было и нѣтъ мудрости познакомиться съ графиней, съ убранствомъ ея комнатъ, съ ея гардеробомъ, проникнуть къ ней въ душу, изслѣдовать движенія ея ума, опредѣлить понятія, привитыя ей вѣкомъ. Нуженъ только талантъ. Но, повторяемъ, въ сочиненіяхъ иныхъ писателей не замѣтно дѣльнаго желанія изучить предметъ, который, по благопріятному стеченію обстоятельствъ, находится подъ рукою. Къ несчастію, все, что носитъ у насъ правильно или неправильно имя образованности: познанія, общественное положеніе, знакомство съ извѣстною средою людей, все употребляется часто средствомъ для одного чванства передъ другими. При внимательномъ взглядѣ не рѣдко можно увидѣть тамъ на днѣ ничего болѣе, какъ пустое тщеславіе. «Я профессоръ въ этой наукѣ не потому, чтобъ имѣлъ особенныя способности, а потому, что ежедневно упражняюсь въ ней, я ежеминутно тамъ, гдѣ васъ нѣтъ». Это щегольство, основанное на ничтожныхъ случайностяхъ жизни, влечетъ за собою часто свое собственное наказаніе.

«Тотъ не знаетъ высшаго общества, кто знаетъ его за тѣмъ только, чтобъ сказать другимъ, что они его не знаютъ, какъ не можетъ назваться образованнымъ человѣкомъ тотъ, кто читаетъ книгу за тѣмъ только, чтобъ похвастать ею. Да, ко многимъ изображеніямъ этого общества примѣшивалось у насъ почти всегда тайное чувство хвастовства,—и что же вышло? писатель превратился въ модистку съ Невскаго проспекта, въ столяра, въ бронзовыхъ дѣлъ мастера. Нарядить графиню по модѣ, поставить передъ ней вазу съ цвѣтами, убрать ея столъ разными бездѣлками, посадить ее въ кресла, обитыя бархатомъ, заставить непремѣнно ѣздить верхомъ, постлать коверъ, вынуть у нея изъ головы всякую мысль, а изъ сердца всякое путное чувство — это значитъ изобразить свѣтскую женщину, графиню. Но, Боже мой, этотъ рецептъ ужъ извѣстенъ давно, это уже невыносимо скучно и страхъ надоѣло. Вѣдь въ свѣтской женщинѣ, въ графинѣ, несмотря на то, что она графиня, можетъ также быть вообра-

женье, тонкость ума, живость чувства, какое нибудь пониманіе того, что дышетъ, движется, мыслитъ и чувствуетъ около нея. Ошибитесь, ради Бога, въ ея туалетѣ, нарушьте требованія моды, оставьте въ покоѣ письменный столъ, верховыхъ лошадей, избавьте насъ отъ ковровъ, отъ мебели, но схватите душу свѣтской женщины, уловите направленіе ея мысли, представьте вліяніе окружающихъ обстоятельствъ на ея природный характеръ. Что это за графиня? зачѣмъ увлекать ее отъ насъ, готовыхъ съ такою нѣжностью любоваться ею, въ сферу давно забытыхъ индѣйскихъ кастъ, и насильственно разрывать у нея всѣ точки соприкосновенія съ мелкими чиновниками, когда ни вѣкъ, ни она сама, какъ она есть въ самомъ дѣлѣ, не требуютъ такой разрозненности. Нѣтъ, неправда, что современная графиня, какъ новорожденное дитя, не знающее ни людей, ни ихъ отношеній, испугается губернаторскаго чиновника; неправда, что задумается посадить его. Современная графиня не такъ труслива и не такъ младенчески добродѣтельна. Не только въ деревнѣ, но и въ Петербургѣ она приметъ чиновника съ ласковымъ словомъ, съ очаровательнымъ взглядомъ, посадитъ и тогда, когда онъ будетъ не щегольски одѣтъ, протянетъ ему даже въ иномъ случаѣ, судя по важности дѣла, два нѣжные пальчика, согласно обычаю, перенятому нами у англичанъ. Въ деревнѣ, особенно, графини не такъ недоступны и не такъ легкомысленны, какъ многіе воображаютъ. Тамъ онѣ становятся очень обходительны со всѣми, кто нуженъ, разсчетливы, иногда скупы; онѣ, напротивъ, спѣшатъ знакомиться съ полезными чиновниками и, должно сказать къ чести современныхъ графинь, часто умѣютъ обдѣлывать свои практическія дѣла гораздо лучше, чѣмъ мужчины. Вы видите, что свѣтская женщина на балѣ легка, какъ зефиръ, и вѣрите ей! Такой взглядъ à vol d'oiseau можетъ вести къ важнымъ заблужденіямъ. Нѣтъ, это не графиня изъ нынѣшняго Петербурга или изъ нынѣшней Москвы, а маркиза изъ древнихъ записокъ Saint-Simon. Виноватъ! маркизы были все-таки умнѣе нашей графини».

Надимовъ говоритъ графинѣ великолѣпныя фразы объ отечествѣ, священномъ долгѣ, самоотверженіи и проч. Хороши ли онѣ сами по себѣ, до этого художественной критикѣ будетъ дѣло только тогда, когда она узнаетъ, умѣстны ли, нужны ли здѣсь онѣ. Кто этотъ Надимовъ? Зачѣмъ онъ здѣсь? О томъ ли онъ долженъ говорить, о чемъ теперь разглагольствуетъ, рисуясь передъ графиней?—Нѣтъ. Нѣтъ? Такъ онъ говоритъ неумѣстно и фальшиво. Да и вообще имѣетъ ли онъ право приписывать себѣ тѣ качества, которыми хвалится? Чѣмъ онъ ихъ доказалъ? Ничѣмъ.—Ничѣмъ? о, такъ онъ самохвалъ, ни больше, ни меньше; а идея произведенія требуетъ, чтобы онъ былъ человѣкомъ дѣльнымъ,—стало быть, его лицо противорѣчитъ идеѣ комедіи, оно противохудожественно, оно губитъ комедію.

«Милая графиня не поняла ни единаго слова. Да и на что ей разсужденія о службѣ? она переходитъ къ вопросу, который ей ближе, къ вопросу о счастьи, къ вопросу о любви, и если Надимовъ, для бесѣды съ нею, забылъ свою обязанность, то она, становясь на его мѣсто, превращается въ чиновника, приступаетъ къ слѣдствію и допрашиваетъ немилосердно:

«А счастья вы не ищете?

«Кого же вы любите?

«Надимовъ. Я-съ, графиня? да, я живу любовью, я постоянно счастливъ въ любви.

«Графинѣ становится это непріятно. Онъ живетъ уже, а не начинаетъ жить; слѣдовательно, эта любовь не относится къ ней. Надимовъ продолжаетъ.

«—Да-съ, я счастливъ въ любви съ тѣхъ поръ, какъ догадался, гдѣ надо искать ее. Я нашелъ такую любовь, на которую положиться можно, которая навѣрно и никогда не измѣнитъ.

«Графиня. Какую же это?

«И графиня и мы заинтересованы чрезвычайно. Любопытство наше возбуждено до неимовѣрности. Мы пылаемъ нетерпѣньемъ узнать поскорѣе эту чудную женщину, ниспосланную небесами, въ ихъ благости, губернаторскому чиновнику, пріѣхавшему по дѣлу о затопленныхъ лугахъ Дробинкина, эту восхитительную любовь, которая навѣрно и никогда не измѣнитъ. Надимовъ называетъ намъ ее. Судите же о горечи нашего разочарованья! Это обманъ. Это не живая дама съ миловиднымъ лицомъ и въ нарядномъ платьѣ, а дама-идея, идея огромная, уничтожающая, это Россія.

«—Любовь къ нашему отечеству, любовь къ Россіи, говоритъ Надимовъ. Этого чувства на всю жизнь хватитъ и съ избыткомъ даже».

«И у графини и у насъ опускаются руки. Надимовъ любитъ Россію и, какъ кажется, сколько это проглядываетъ изъ его словъ, увѣренъ немного во взаимности, хотя до него великіе люди жаловались большею частью на холодность и неблагодарность отечества: Аристидъ былъ изгнанъ, Велисарій умиралъ съ голоду. Любовь къ Россіи—чувство похвальное! да, его хватитъ на цѣлую жизнь и не на одну даже, это правда: но зачѣмъ г. Надимовъ говоритъ объ этомъ? зачѣмъ такъ торжественно, съ такимъ лирическимъ вступленіемъ? развѣ это какая нибудь диковинка? развѣ любить Россію есть привиллегія, дарованная исключительно ему и пріобрѣтенная какими нибудь усиліями? развѣ предполагается, что графиня не любитъ тоже Россіи? Давать чувствовать такое предположеніе было бы неучтиво. Разговоръ между образованными людьми основанъ на взаимныхъ уступкахъ, на взаимномъ благоволеніи другъ другу. Графиня очень ограниченная женщина; но не можетъ же Надимовъ сказать ей: я уменъ: не можетъ потому, что и графиня, какова она ни есть, должна приниматься за умную. Онъ уменъ, умна и она. Не хочетъ ли Надимовъ намекнуть ей, что вотъ Мисхоринъ, котораго онъ сейчасъ видѣлъ, не любитъ Россіи; а я люблю? Конечно, Мисхоринъ, хотя щегольски, но нѣсколько пестро одѣтъ; да, во-первыхъ, Надимовъ не довольно хорошо его знаетъ, а во-вторыхъ, ронять въ мнѣніи графини заочно кого бы то ни было не идетъ человѣку щегольски и весьма просто одѣтому. Для чего же, повторяемъ, говоритъ г. Надимовъ о своей любви къ Россіи, если предполагается, и должно по совѣсти и изъ учтивости предположить, что любятъ ее и графиня и Мисхоринъ и тѣ, которые на лицо, и тѣ, которые еще за кулисами? Я люблю, а графиня скажетъ: и я люблю; послѣ этого слѣдуетъ: ты любишь, мы любимъ. Что жъ это за разговоръ? это повтореніе грамматики, спряженіе дѣйствительнаго глагола и ничего болѣе.

«Любовь къ отечеству не заслуга, не преимущество, не достоинство. Это чувство инстинктивное, невольное. Любишь и потому, что не любить не можешь, и потому, что внѣ отечества никуда не годишься и никому не нуженъ. Не любить было бы гораздо мудренѣе, чѣмъ любить. Человѣкъ живетъ во времени и въ пространствѣ, иначе на землѣ и жить нельзя. Отечество есть именно пространство, одно изъ условій его существованья. Все, что въ насъ есть, нашъ духовный и физическій составъ, все образовалось на этой почвѣ, въ этомъ воздухѣ; все, что заимствовали мы изъ-подъ чужаго неба, пріобрѣтено нами по милости той же почвы и того же воздуха. Да и кто не любитъ отечества? гдѣ эти люди, эти народы? есть такіе, которые умираютъ съ тоски по немъ. Не станемъ прибѣгать къ пошлымъ возгласамъ о благодарности: въ любви къ отечеству таится идея болѣе существенная и болѣе истинная—идея необходимости. Поэтому, покинемъ ли мы Петербургъ и выберемъ своей резиденціей городъ Устьсысольскъ, опредѣлимся ли на службу въ писцы становаго пристава, или пойдемъ положить голову за Россію, намъ всѣмъ равно любезную и равно дорогую, мы не имѣемъ права становиться на ходули и высовываться изъ необозримой массы обыкновенныхъ людей, провозглашая громогласно, что таемъ любовью къ своему отечеству. Даже, прибывъ въ имѣніе графини или княгини, по жалобѣ Дробинкина о двухъ или трехъ стогахъ сѣна, мы должны совершить этотъ подвигъ, не увѣряя другихъ, что спасаемъ Россію или приносимъ ей пользу. Этого требуетъ чувство уваженія къ себѣ, чувство нравственнаго приличія, этого требуютъ и законы смѣшнаго. Вы вступили въ должность муравья и тащите песчинку на огромную гору, — прекрасно, но что же изъ этого? неужели это должно послужить поводомъ къ диссертаціи о любви

къ отечеству? Впрочемъ, г. Надимовъ и песчинки-то не тащитъ: до сихъ поръ онъ только разговариваетъ; а какъ примѣръ соблазнителенъ, то мы боимся, что въ губерніи, гдѣ онъ поселился, будетъ большое запущеніе въ дѣлахъ. Всѣ закипятъ любовью и перестанутъ писать. Видно любовь, даже и къ отечеству, отвлекаетъ человѣка отъ занятій. Но, намъ скажутъ, онъ отказался отъ удовольствій столицы, пренебрегъ наслажденіями богатства, заѣхалъ въ какую-то трущобу, принесъ жертву. Это опять не исключительное положеніе. Замѣтимъ мимоходомъ, что въ губерніяхъ служитъ много чиновниковъ, которые и живали въ Петербургѣ, и богаты, и путешествовали. Что касается до жертвы, тутъ вопросъ важнѣе. Чтобъ жертва получила общественное значеніе, для этого нужны ея плоды, нужно не собственное мнѣніе, а мнѣніе другихъ. Иначе нѣтъ средства отличить черту самоотверженія отъ побужденій эгоизма. Пріѣхать изъ Петербурга въ губернію можно отъ сплина, отъ нечего дѣлать, отъ неудачъ, изъ мелкаго честолюбія выказать себя. Г. Надимовъ любитъ какъ-то огромно. Любить всю Россію не легко. Отчего бы не ограничиться какою нибудь изъ ея частей? полюбить бы хоть одну губернію. Россія такъ обширна, что есть изъ чего выбрать. Вотъ, напримѣръ въ эту минуту, какъ онъ изъясняется въ своей нѣжности къ цѣлому, части этого цѣлаго, то есть понятые или окольные люди, безъ которыхъ нельзя составить законнаго удостовѣренія о затопленныхъ лугахъ, лежатъ на травѣ или сидятъ, пригорюнившись, у конторы на завалинѣ, оторванные отъ своихъ работъ, въ ожиданіи, когда будетъ угодно губернскому чиновнику спросить ихъ, Богъ знаетъ зачѣмъ и Богъ знаетъ о чемъ. Они, вѣроятно, также любятъ Россію, но, одаренные большимъ знаніемъ свѣтскихъ условій, любятъ молча.—Мы говорили до сихъ поръ, не касаясь важнаго опроверженія, которое можетъ быть намъ сдѣлано. Г. Надимовъ можетъ возразить, что его любовь особеннаго рода, не та, какую мы излагали: онъ любитъ лучше и разумнѣе, чѣмъ эти несчетные милліоны людей. Точно, инстинктивное чувство любви къ отечеству переходитъ иногда въ другую, высшую степень, въ сознаніе, возводится въ идею, и, правда, человѣкъ пріобрѣтаетъ право сказать громко: я люблю Россію. Но за это право должно заплатить дорого. Оно дается немногимъ. Это достояніе историческихъ лицъ, способствовавшихъ развитію, просвѣщенію, благоденствію и славѣ отечества. Тутъ любить мало: надо еще умѣть любить, надо видѣть ясно цѣль, куда любовь ведетъ, и находить въ душѣ своей средства для достиженія цѣли. Надо знать, почему люблю и для чего люблю. Тутъ уже всѣ помыслы человѣка, всѣ его шаги, всѣ дѣйствія обращены на служеніе одной, всепоглощающей идеѣ. Съ нимъ уже не безпокойтесь, не наряжайте графинь и не ставьте бронзовыхъ бездѣлокъ на ихъ столики. Для него и нарядна, и прекрасна, и молода одна Россія. Ея только образъ будетъ носиться у его изголовья. Да, существуетъ любовь разумная, любовь не инстинктивная, любовь-идея; но много ли сердецъ, способныхъ биться ею?»

Вотъ это можно, дѣйствительно, назвать художественною критикою. Такихъ статей не могутъ писать Надимовы, будутъ ли чиновниками, или драматургами, или критиками. Противъ такихъ разборовъ они не устоятъ. Тутъ говоритъ человѣкъ, и имѣетъ право говорить, потому что понимаетъ, въ чемъ дѣло, и, между прочимъ, понимаетъ, что такое художественность и чего надобно требовать отъ литературнаго произведенія. Больше такихъ статей давайте намъ, господа русскіе критики, и вы увидите; будетъ ли уважать васъ публика. Вы, быть можетъ, умѣете хорошо писать,—публика не знаетъ этого, потому что—грѣха нечего таить—она не читала вашихъ мнимо-художественныхъ разборовъ, быть можетъ, и прекрасно написанныхъ. Не читала потому, что вы думали, будто можно заинтересовать ее разсужденіями объ узорахъ, цвѣточкахъ и кудерькахъ, какъ бы хороши ни были эти кудерьки и узоры, и какими бы красными словами, какими бы кружевными періодами ни объяснялись ихъ граціозные изгибы и хитросплетенія. Какое кому дѣло до всѣхъ этихъ прикрасъ?

У васъ, быть можетъ, есть талантъ и вкусъ. Вы думали, что этого довольно. Нѣтъ, кромѣ того, нужна дѣльная мысль, нужно знаніе дѣла. Вы пишете хорошо, и васъ никто не поблагодарилъ ни однимъ словомъ за всѣ ваши краснорѣчивыя страницы, и вы сами не были довольны другъ другомъ: такъ сильна потребность дѣла и правды, что даже мысль: «онъ занятъ тѣмъ же, чѣмъ я», не могла пересилить въ васъ сознанія: онъ занятъ пустяками». И вотъ, сравните съ своими искусными періодами тѣ простые или, быть можетъ, даже неловко написанные отрывки, которые мы приводимъ ниже, и скажите: не въ тысячу ли разъ живѣе и лучше краснорѣчивыхъ разсужденій о художественности токарныхъ издѣлій и филигранныхъ прикрасъ эти небрежныя, чуждыя литературной отдѣлки слова? Отчего жь разница? Вѣдь предметы, о которыхъ вы пишете, гораздо живѣе и интереснѣе, нежели сухіе вопросы, о которыхъ идетъ тамъ рѣчь? Вѣдь вы пишете о поэзіи, и вѣдь въ поэзіи жизнь и страсть — и, однако же, всѣ, и вы сами первые, дремали и умирали отъ скуки надъ этими толками о поэзіи. А вотъ люди, которые и не претендуютъ равняться съ вами въ искусствѣ сочинительства, пишутъ о предметахъ гораздо менѣе увлекательныхъ — о воспитаніи дѣтей, о должности старшаго офицера на какомъ-нибудь фрегатѣ: кажется, читателю позволительно бы зѣвнуть надъ разсужденіями о такихъ сухихъ матеріяхъ, и, однакожь, кто не пробѣжитъ съ интересомъ тѣхъ выписокъ, которыя мы сейчасъ приведемъ? Отчего жь это? Едва ли не отъ того, что слова этихъ людей служатъ выраженіемъ дѣльной мысли, а не прикрытіемъ пустоты.

— Кстати. «Морской Сборникъ», о которомъ часто случается слышать разговоры въ обществѣ, и разговоры всегда въ одномъ и томъ же духѣ полной признательности къ замѣчательнымъ достоинствамъ этого изданія, безъ сомнѣнія, занимающаго первое мѣсто между нашими спеціальными журналами,— въ послѣднее время пріобрѣлъ еще болѣе живости и разнообразія. Мы не будемъ перечислять всѣхъ заслужившихъ одобреніе публики статей его, а хотимъ только замѣтить одну изъ тѣхъ особенностей, которыя наиболѣе содѣйствуютъ оживленію журнала. Нерѣдко въ немъ помѣщается цѣлый рядъ статей объ одномъ и томъ же предметѣ, писанныхъ различными авторами, смотрящими на вопросъ съ разныхъ точекъ зрѣнія: одинъ предлагаетъ на обсужденіе своимъ сотоварищамъ по занятію мысли, внушенныя ему опытомъ жизни и службы; другой разбираетъ эти мысли, приводитъ новыя доказательства въ подтвержденіе ихъ или дѣлаетъ замѣчанія, возраженія; авторъ статьи, подавшей поводъ къ этимъ замѣчаніямъ, выражаетъ о нихъ свое мнѣніе, признавая ихъ справедливость или разъясняя тѣ пункты, которые первою статьею не были опредѣлены съ достаточною подробностью. Иногда и еще новыя лица принимаютъ участіе въ этой бесѣдѣ, которая всегда ведется въ «Морскомъ Журналѣ» со всею откровенностью литературнаго дѣла и со всею деликатностью разговора людей просвѣщенныхъ наукою и житейскою опытностью. Ни съ той, ни съ другой стороны не бываетъ ни ложныхъ уступокъ изъ лицепріятія, ни полемическаго увлеченія: каждый говоритъ твердо и вмѣстѣ спокойно. Такимъ образомъ, мнѣніе одного разъясняется и дополняется мнѣніемъ другаго, и одна только несомнѣнная истина остается результатомъ бесѣды, иногда очень живой и занимательной. Мы укажемъ два случая, которые могутъ слу-

жить прекрасными примѣрами пользы, доставляемой истинѣ откровеннымъ размѣномъ мыслей. Въ одномъ дѣло идетъ о вопросѣ, общемъ для всѣхъ—о воспитаніи; другой ближайшимъ образомъ относится къ морскому дѣлу, но имѣетъ своимъ предметомъ отношенія, повторяющіяся во всѣхъ сферахъ общественной жизни, и потому едва ли уступаетъ первому своимъ интересомъ для каждаго читателя, къ какому бы званію ни принадлежалъ этотъ читатель.

Въ № 1-мъ «Морскаго Сборника» за нынѣшній годъ была помѣщена статья г. Бема «О воспитаніи», написанная прекрасно. Авторъ съ большимъ знаніемъ дѣла говорилъ о цѣли воспитанія, объ отношеніяхъ семейнаго воспитанія къ общественному, о томъ, какіе предметы должны входить въ кругъ общаго преподаванія, и о степени относительной важности каждаго изъ нихъ, о различныхъ методахъ преподаванія и воспитанія. Изъ людей, прочитавшихъ это разсужденіе, почти каждому,—въ томъ числѣ, признаемся, и намъ,—казалось, что статья касается всѣхъ главныхъ сторонъ предмета, и что если можно о томъ или другомъ изъ объясненныхъ авторомъ вопросовъ думать не совершенно одинаково съ нимъ, то едва ли можно указать вопросъ, котораго онъ не коснулся бы. Но въ предисловіи къ статьѣ г. Бема Морской Ученый Комитетъ, завѣдующій изданіемъ «Сборника», предлагалъ каждому читателю высказать свое мнѣніе объ этомъ важномъ для всѣхъ предметѣ. «Морской Ученый Комитетъ»—говорило предисловіе—«обращается ко всѣмъ, кому дорого отечественное воспитаніе, особенно же къ родителямъ и воспитателямъ, съ покорнѣйшею просьбою о доставленіи въ редакцію «Сборника» своихъ замѣчаній, возраженій, взглядовъ, по поводу этой статьи, имѣющей предметомъ одну изъ насущнѣйшихъ потребностей всякаго, а тѣмъ болѣе—еще юнаго—русскаго общества».

Приглашеніе, сдѣланное такъ благородно, не осталось безъ отвѣта, и въ слѣдующихъ книжкахъ «Морскаго Сборника» явилось нѣсколько статей по поводу разсужденія г. Бема. Мы не будемъ разсматривать достоинствъ или недостатковъ каждой изъ нихъ: наша рѣчь клонится только къ тому, чтобы сказать, что въ одной изъ этихъ статей была указана совершенно новая точка зрѣнія на предметъ, была выставлена на видъ истина, о которой слишкомъ часто забываютъ, но которая имѣетъ существеннѣйшую важность въ этомъ дѣлѣ. Заслуга напомнить объ этой истинѣ принадлежитъ г. Далю. Его «Мысли по поводу статьи: о воспитаніи», напечатанныя въ майской книгѣ «Морскаго Сборника», заслуживаютъ величайшаго вниманія, какъ по своей справедливости, такъ и по рѣдкой откровенности, съ какою сообщилъ онъ намъ результаты своей извѣстной наблюдательности. Вотъ отрывки его прекраснаго размышленія, или, скорѣе, разсказа:

«Не столько въ сочиненіяхъ о воспитаніи, сколько на дѣлѣ, весьма не рѣдко упускается изъ виду бездѣлица, которая, однако же, не въ примѣръ важнѣе и полновѣснѣе всего остальнаго: *воспитатель самъ долженъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ хочетъ сдѣлать воспитанника*, или, по крайней мѣрѣ, должны искренно и умилительно желать быть такимъ и всѣми силами къ тому стремиться.

«Прослѣдите же нѣсколько за нравственною жизнію воспитателей, познайте, съ какою искренностію и съ какимъ убѣжденіемъ они слѣдуютъ не на словахъ, а на дѣлѣ своему ученію, и у васъ будетъ мѣрило для надеждъ вашихъ на всѣ ихъ успѣхи.

«Если бы, напримѣръ, воспитанники, по общей молвѣ, разсказывали другъ другу,

что-де такой-то воспитатель нашъ безпутно промоталъ все, и свое и чужое, и спасся отъ окончательнаго крушенія въ мирной пристани, въ заведеніи, при которомъ состоитъ, не отказываясь, впрочемъ, и нынѣ кутнуть на чужой счетъ, гдѣ случай представится,—но дѣлаетъ это очень ловко, осторожно и скрытно; если бы говорили о другомъ, что онъ, какъ хорошій хозяинъ, былъ въ свое время всегда избираемъ товарищами для завѣдыванія общимъ столомъ и также счелъ за лучшее удалиться подъ конецъ съ этого поприща и отъ довѣрчивыхъ товарищей и вступить въ новый и болѣе чужой кругъ; если бы всѣмъ разсказывали о третьемъ, что онъ ставитъ въ *поведеніи* полные баллы всѣмъ воспитанникамъ, которые не берутъ казенныхъ сапоговъ, а ходятъ въ своихъ; о четвертомъ, что, бесѣдуя въ классахъ о разговорныхъ пустякахъ, при внезапномъ входѣ начальника, съ удивительнымъ спокойствіемъ и находчивостью продолжаетъ бесѣду, тѣмъ же голосомъ, тѣмъ же выраженіемъ, но отрывая прежнее пустословіе свое на половинѣ слова, переходя къ продолженію преподаванія, котораго прежде того и не начиналъ,—словомъ, если бы воспитанники были такого рода или подобнаго мнѣнія о воспитателяхъ своихъ: какихъ вы бы ожидали отъ того послѣдствій? Повѣрите ли вы, что изъ рукъ такихъ воспитателей выйдутъ молодые люди высокой нравственности, благородные, правдивые?

«Что вы хотите сдѣлать изъ ребенка? Правдиваго, честнаго, дѣльнаго человѣка, который думалъ бы не столько объ удобствѣ и выгодахъ личности своей, сколько о пользѣ общей,—не такъ ли? Будьте же сами такими: другаго наставленія вамъ не нужно. Незримое, но и неотразимое, постоянное вліяніе вашего благодушія побѣдитъ зародыши зла и постепенно изгонитъ ихъ. Если же вы должны сознаться, въ самомъ завѣтномъ тайникѣ души своей, что правила ваши шатки, слова и поступки не одинаковы, приноровливаясь къ обстоятельствамъ, что облыжность свою вы оправдываете словами: живутъ же люди неправдой, такъ и намъ не лопнуть стать; что вы наконецъ и въ воспитатели попали потому только, что безъ хлѣба и безъ мѣста жить нельзя, словомъ; если вы въ тайникѣ совѣсти своей должны сознаться, что вы желаете сдѣлать изъ воспитанника своего совсѣмъ не то, что вышло изъ васъ, тогда, добрый человѣкъ, вы въ воспитатели не годитесь, какихъ бы наставленій вы ни придерживались, чего бы ни начитались. Не берите этого грѣха на душу; несите съ собой, что запасли, и отвѣчайте за себя.

«Если бы, напримѣръ, воспитатель, по врожденнымъ или наслѣдственнымъ свойствамъ своимъ, на *дѣлѣ*, стоялъ на трехъ сваяхъ—*авось*, *небось*, *да какъ нибудь*—*а на словахъ* неумолчно проповѣдывалъ: *добросовѣстность*, *порядокъ* и *основательность*, то чтобы изъ этого вышло? Вѣрьте мнѣ, и воспитанники его станутъ, въ свою очередь, поучать хорошо, а дѣлать худо.

«Если бы воспитатель не находилъ въ себѣ самомъ основательныхъ причинъ, для чего ему отказываться отъ обычныхъ средствъ жизни, то есть: прокармливая казеннаго воробья, прокормишь и свою коровушку, то какія убѣжденія онъ въ этомъ отношеніи невольно и неминуемо передастъ воспитаннику?

«Если бы воспитатель свыкся и сжился, можетъ быть, и безсознательно съ правиломъ: не за то бьютъ, что укралъ, а за то, чтобъ не попадался, то какія понятія онъ объ этомъ передастъ другому, младшему? Какія правила, конспекты, программы, курсы и наставленія на бумагѣ и на словахъ могутъ совершить такое чудо, чтобы воспитанники современемъ держались понятій и убѣжденій противоположныхъ?

«Всего этого къ кожѣ не пришьешь. Если остричь шипы на дичкѣ, чтобы онъ съ виду походилъ на садовую яблоню, то отъ этого не дастъ онъ лучшаго плода: все тотъ же горько-сладъ, та же кислица. Надобно, чтобы прививка принялась и пустила корень до самой сердцевины дерева, какъ оно пускаетъ свой корень въ землю.

«Съ чего вы взяли, будто бы изъ ребенка можно сдѣлать все, что вамъ угодно, наставленіями, поученіями, приказаніями и наказаніями?—Внѣшними усиліями можно передѣлать одну только наружность. Топоромъ можно оболванить какъ угодно полѣшко, можно даже выстрогать его, подкрасить и покрыть лакомъ, но древесина отъ этого не измѣнится: полѣно въ сущности осталось полѣномъ.

«Воспитатель долженъ видѣть въ мальчикѣ живое существо, созданное по образу и подобію Творца, съ разумомъ и со свободной волей. Задача состоитъ не въ томъ, чтобы изнасиловать и пригнести всѣ порывы своеволія, предоставляя имъ скрытно мужать подъ обманчивою наружностью и вспыхнуть со временемъ на просторѣ и свободѣ: нѣтъ! задача эта вотъ какая: примѣромъ на дѣлѣ и убѣжденіями, текущими прямо изъ души, заставить мальчика понять высокое призваніе свое, какъ человѣка, какъ подданнаго, какъ гражданина, заставить страстно полюбить—какъ любитъ самъ воспитатель, не болѣе того—Бога и человѣка, а стало быть и жить въ любви этой не столько для себя, сколько для другихъ...

«Мальчикъ, съизмала охочій копаться надъ какою нибудь ручною работой, слушая въ заведеніи, гдѣ воспитывался, физику, вздумалъ самъ построить электрическую машину. Втеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ собиралъ онъ и копилъ гривенные доходы свои и, отправившись на каникулы къ дядѣ, съ жаромъ принялся за это дѣло. И спитъ и видитъ свою машину. Накупивъ на толкучемъ нѣсколько стеклянныхъ стоекъ—остатки какой-то великолѣпной люстры или паникадила, и разбитое зеркало толстаго стекла, онъ около двухъ недѣль провозился за обдѣлкой его, чтобы, чуть не голыми пальцами да зубами, округлить стекло, обтереть или обточить его и просверлить въ срединѣ дыру. Съ этимъ-то запасомъ подъ мышкой, онъ, по окончаніи каникулъ, отправился обратно въ заведеніе, счастливый и довольный и, притомъ, пѣшій, потому что гривенникъ, отпускаемый ему на извощика, ушелъ на строительные припасы.

«Ему надо было пройти Исакіевскую площадь. Только что успѣлъ онъ поровняться съ домомъ, стоявшимъ тогда рядомъ съ домомъ графини Лаваль, какъ надъ нимъ раздался громкій голосъ: «мальчикъ! Эй, мальчикъ! поди сюда!» Взглянувъ на помянутый домъ, мальчикъ нашъ встрѣтилъ въ растворенной форточкѣ знакомое и страшное лицо воспитателя, которому, однако же, онъ лично знакомъ не былъ, и прозванія онъ его не зналъ, потому что былъ изъ другаго класса. «Поди сюда, мерзавецъ! что ты это несешь?» Робкій дѣтскій голосъ пробормоталъ что-то неслышное при стукѣ каретъ по мостовой. Тотъ, перекрикивая и стукъ каретъ этихъ, повторилъ вопросъ свой до нѣсколькихъ разъ и, наконецъ, разсыпавшись бранью, приказывалъ самымъ настоятельнымъ образомъ бросить стекло и свертокъ на мостовую. «Брось! брось сейчасъ, мерзавецъ!» кричалъ онъ, выходя изъ себя, а пойманный съ поличнымъ стоялъ навытяжку неподвижно подъ окномъ, хлопая глазами, молчалъ, но стекло свое крѣпко прижималъ подъ мышку. Разстаться съ этимъ стекломъ, бросить его на мостовую—это вовсе не вмѣщалось въ головѣ мальчика, онъ словъ этихъ не понималъ. «Такъ я жь тебя!» закричалъ тотъ въ отчаянномъ негодованіи своемъ и, захлопнувъ форточку, вѣроятно, поспѣшилъ насчетъ поимки и представленія подъ караулъ ослушника. Но этотъ бѣднякъ, съ электрическою машиной подъ мышкой, самъ не зная, что дѣлаетъ, бросился безъ памяти бѣжать въ Галерную улицу, кинулся на перваго извощика, дрожа всѣмъ тѣломъ, переправился на перевозъ, запряталъ стекло съ принадлежностями въ самое скрытное, никому недоступное мѣсто, и только чрезъ мѣсяцъ, когда всякая молва и розыски по этому страшному дѣлу миновали, снова принялся за работу и благополучно окончилъ свое произведеніе.

«Помяну еще о другомъ случаѣ.

«Въ то время, въ заведеніи, гдѣ мы воспитывались, въ Новый годъ всегда давался маскарадъ, на который мы являлись—готовясь къ этому задолго—въ шпалерныхъ кафтанахъ, пеньковыхъ парикахъ и бумажныхъ латахъ, со львиными головами на оплечьяхъ, изъ хлѣбнаго мякиша. Почти каждая рота изготовляла тайкомъ и приносила въ маскарадную залу свою пирамиду—великолѣпное бумажное зданіе, расписанное и раскрашенное, пропитанное масломъ и освѣщенное извнутри, гдѣ бѣдный фонарщикъ сидѣлъ, какъ въ банѣ, задыхаясь отъ жару и чаду. Я сказалъ не безъ умысла: «изготовляла тайкомъ»,—пирамиды эти строились очень скрытно и тайно, не столько ради нечаянности, какъ ради того, что подобное занятіе—какъ вообще всякая забава или занятіе, подающее поводъ къ отвлеченію отъ ученія и къ неопрятности и сору въ спальняхъ—строго запрещалось. Между тѣмъ, когда, съ крайнимъ страхомъ и опасеніемъ,

удавалось скрытно окончить такое бумажное египетское произведеніе къ сроку, принести и поставить его на мѣсто и освѣтить, то всѣ воспитатели низшихъ, среднихъ и высшихъ разрядовъ не безъ удовольствія ходили вокругъ бреннаго памятника, отыскивали и свои вензеля, съ иносказательными вѣнками и украшеніями, любовались этимъ и громко хвалили художниковъ, отдавая преимущество той или другой ротѣ.

«Вы спросите, можетъ быть, какой же смыслъ и толкъ въ поступкахъ этихъ?— а вотъ, послушаемъ дальше.

«Вторая рота отличалась два или три года сряду огромностью и изяществомъ своей пирамиды; въ первой ротѣ составленъ былъ заговоръ перещеголять на этотъ разъ вторую. Сдѣлали общій сборъ. Гроши и гривны посыпались отвсюду. Помню, что одинъ мальчикъ, вовсе безденежный, не захотѣлъ, однако же, отстать отъ товарищей и, продавъ богачамъ утреннюю булку свою за три дня, по грошу каждую, внесъ три гроша въ общественное казначейство. Опытные художники взялись за дѣло. Изготовленная лучина отнесена была на чердакъ, картузная бумага была склеена, выкроена и скатана, чтобы удобнѣе было ее спрятать; вырѣзки разныхъ видовъ для картинъ, вензелей и украшеній розданы для работы по рукамъ, и каждый пряталъ свою у себя, какъ и гдѣ могъ, чтобы не возбудить подозрѣнія. Всѣ принялись за работу такъ дружно, такъ усердно, что недѣли за двѣ или за три до срока знаменитая пирамида поспѣла. Надо было собрать лучинковые лѣса, пригнать чехолъ, и, наконецъ, оставалось только смазать масломъ просвѣты.

«Но въ декабрѣ на чердакѣ холодно, особенно въ одной куркѣ. Рѣшено было собрать пирамиду наскоро въ *умывальнѣ*, въ такое время, когда нельзя было ожидать прихода воспитателя, и, притомъ, разставивъ, изъ предосторожности, часовыхъ, какъ дѣлаютъ журавли, воруя хлѣбъ, да обезьяны, опустошая сады и огороды. Бѣготня, суматоха, крикъ, радость—у главныхъ зодчихъ болѣе десяти помощниковъ, у каждаго помощника по десяти подносчиковъ—дѣло кипитъ... но внезапно входитъ дежурный воспитатель, котораго называли внукомъ тогдашняго директора и очень боялись... Не берусь описывать подробностей происшедшаго побоища: негодованіе, неистовство этого человѣка превзошло всякое понятіе. Много розогъ было охлестано тутъ же, на мѣстѣ— это бы еще ничего—да безпримѣрное въ лѣтописяхъ маскарадныхъ зданіе, пирамида въ семь аршинъ вышины, была изломана, истоптана ногами и сожжена тутъ же въ печи.

«Однако почесавъ затылки, погоревавъ и опомнившись, предпріимчивые и рѣшительные строители не упали духомъ: давай собирать, что осталось; иное было тутъ и тамъ, иное успѣли вовремя выхватить и спасти отъ конечнаго истребленія, и— чрезъ недѣлю поспѣла новая пирамида, ни въ чемъ не уступавшая первой. Она красовалась на маскарадѣ 31-го декабря 1817 года. Первенство осталось на сей разъ за нею, за первой ротой. Это подтвердили всѣ, обхаживая вокругъ и любуясь необыкновенно пестрыми и кудрявыми вензелями. Подтвердилъ даже и самъ внукъ директора, который былъ такъ не злопамятенъ, что, во уваженіе общей радости и удовольствія на маскарадѣ, и не поминалъ о томъ участіи, какое принималъ онъ въ сооруженіи этого знаменитаго зданія.

«Теперь, кончивъ разсказъ, я васъ спрошу: что это такое? чего вы ожидаете отъ такого воспитателя? Но вы опять отвѣчаете мнѣ, что это либо выдумка злословія, либо примѣръ, который въ примѣръ не годится, потому что представляетъ неслыханное исключеніе. Итакъ, возьмемъ что нибудь обиходное.

«Начальникъ, при воспитанникѣ, спрашиваетъ въ сомнѣніи: исполняется ли такое-то правило или приказаніе? И воспитатель удостовѣряетъ его въ этомъ самымъ положительнымъ образомъ, не смигивая глазомъ, хотя и лжетъ наголо.

«Воспитанникъ зналъ дома два чужихъ языка и позабылъ ихъ въ заведеніи на половину, а воспитатель увѣряетъ радушнаго посѣтителя на испытаніи, что мальчикъ выучился этимъ языкамъ здѣсь.

«Воспитатель ходитъ въ церковь, или водитъ туда мальчиковъ по положенію, при начальникѣ даже много и часто крестится; но понятія и убѣжденія его о вѣрѣ и вѣчности не могутъ укрыться отъ тѣхъ, съ кѣмъ онъ проводилъ по нѣскольку часовъ въ день, если бы это и были малолѣтки. Облыжность, ханжество, безчестность,

самотничество, въ какихъ бы мелкихъ и скрытныхъ видахъ и размѣрахъ оно ни проявлялось, прилипчивѣе чумы и поражаетъ вокругъ себя все, что не бѣжитъ безъ оглядки. Но, можетъ быть, всего этого нѣтъ и не бывало и быть не можетъ, все это выдумка и клевета? Вотъ такое-то отрицательное направленіе насъ и губитъ; донесенія о *благополучіи* ослѣпительны, какъ вешній снѣгъ.

«Не будемъ спорить, я ищу и желаю совсѣмъ инаго. Выкиньте всѣ примѣры мои, какъ непригодные къ дѣлу, и вставьте свои, то есть случаи, вамъ самимъ извѣстные. Поройтесь въ памяти: вы ихъ найдете. Подведите къ нимъ мое или, пожалуй, также свое заключеніе—и оно ничѣмъ не будетъ разниться отъ того, что сказано, по глубокому и полному убѣжденію, въ этой статейкѣ:

«Воспитатель, въ отношеніи нравственномъ, самъ долженъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ хочетъ сдѣлать воспитанника,—по крайней мѣрѣ, долженъ искренно и умилительно желать быть такимъ и всѣми силами къ тому стремиться.

«Но вы скажете: ангеловъ совершенства нѣтъ на землѣ, мы всѣ люди» для того-то я, сказавъ: «Воспитатель долженъ быть такимъ», прибавилъ: «или искренно хотѣть быть такимъ и всѣми силами къ тому стремиться». Будь же онъ прямъ и правдивъ, желай и ищи добра: этого довольно. Ищи онъ случая въ присутствіи воспитанниковъ, но безъ похвалы, безъ малѣйшаго тщеславія, сознаваться въ ошибкахъ своихъ,—и одинъ подобный примѣръ направитъ на добрый путь десятки малолѣтковъ.

«Вотъ въ чемъ заключается наука нравственнаго воспитанія».

КРИТИКА.

СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ КІЕВСКОЙ ГУБЕРНІИ, *изданное тайнымъ совѣтникомъ* **И. Фундуклеемъ**. *Три тома. Спб. 1852.*

По какому-то стеченію неблагопріятныхъ обстоятельствъ, которыхъ г. Фундуклей не объясняетъ подробно, капитальный трудъ, имъ изданный, является въ свѣтъ пятью или шестью годами позже, нежели могъ бы явиться безъ этого случайнаго замедленія. «Статистическое описаніе Кіевской губерніи» было окончено еще въ 1850 году; но печатаніе трехъ первыхъ частей, нынѣ выпущенныхъ въ свѣтъ, продолжалось болѣе двухъ лѣтъ, такъ что было окончено только осенью 1852 года. Послѣ того, уже совершенно готовое изданіе около четырехъ лѣтъ лежало въ кладовыхъ и только нынѣ поступило въ продажу. Нельзя не жалѣть с томъ, что втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ публика и наука лишены были возможности пользоваться богатымъ запасомъ статистическихъ данныхъ, собранныхъ просвѣщенною заботливостью господина Фундуклея и обработанныхъ господиномъ Журавскимъ и его помощниками въ трехъ огромныхъ квартантахъ. Нельзя также не чувствовать, что въ 1851 году многія изъ цифръ, представляемыхъ этимъ трудомъ, имѣли болѣе свѣжести, нежели сохранилось въ нихъ теперь, черезъ пять лѣтъ. Но, тѣмъ не менѣе, полнота и основательность изданнаго теперь изслѣдованія таковы, что несмотря на замедленіе, которое, конечно, огорчало г. Фундуклея и г. Журавскаго болѣе, нежели кого нибудь, «Статистическое описаніе Кіевской губерніи» остается однимъ изъ самыхъ драгоцѣнныхъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ русскою наукою втеченіе всего настоящаго столѣтія. Это одинъ изъ тѣхъ ничѣмъ не замѣняемыхъ источниковъ, которые навѣкъ остаются главнѣйшимъ пособіемъ для изученія предмета, имъ излагаемаго. Не колеблясь, надобно сказать, что «Статистическое описаніе Кіевской губерніи» должно быть по своему ученому достоинству поставлено на ряду съ тѣми славными изданіями, которымъ принадлежитъ первое мѣсто въ наукѣ. Это сборникъ, въ родѣ знаменитыхъ сочиненій Фуррье «Statistique du département de la Seine» (1824—1845) или Шаброля «Recherches statistiques sur la ville de Paris» (1821—1829). И если во Франціи, столь богатой статистическими сборни-

ками, Фуррье до сихъ поръ остается необходимою справочною книгою, то у насъ изданіе г. Фундуклея еще гораздо менѣе могло потерять живую современность для науки отъ замедленія, о которомъ мы говорили. Изученіе этого труда представляетъ такъ много интереснѣйшихъ фактовъ и соображеній, что мы спѣшимъ окончить наше предисловіе и приступить къ изложенію содержанія самой книги. Свѣдѣнія, въ ней собранныя, такъ многочисленны и важны, что мы не боимся утомить вниманіе читателя, хотя статья наша будетъ обширна. Мы увѣрены, что читатель скорѣе найдетъ наше изложеніе слишкомъ краткимъ, нежели излишне длиннымъ.

Въ извѣщеніи объ изданіи г. Фундуклея, въ библіографіи предъидущей книжки «Современника», мы уже говорили о томъ, какъ были собираемы матеріалы этого труда, и какъ онъ составился.

Хорошо понимая важность и пользу статистическихъ изслѣдованій, г. Фундуклей, занимавшій должность кіевскаго гражданскаго губернатора, употребилъ всѣ зависящія отъ него средства для собранія статистическихъ свѣдѣній о губерніи, которою управлялъ, а ближайшее завѣдываніе этимъ дѣломъ и обработку собранныхъ данныхъ поручено было извѣстному политико-эконому г. Журавскому [1]). Матеріалы, служившіе основаніемъ труду, извлекались, какъ говоритъ «предувѣдомленіе», изъ трехъ главныхъ источниковъ: 1) оффиціальныхъ документовъ, представленныхъ статистической коммиссіи отъ присутственныхъ мѣстъ и чиновниковъ Кіевской губерніи; 2) изъ частныхъ письменныхъ документовъ, которые, по желанію г. Фундуклея, были доставлены конторами различныхъ фабрикъ, экономическихъ управленій, торговыхъ домовъ и проч. Эти свѣдѣнія дали чрезвычайно много интереснѣйшихъ фактовъ. 3) Кромѣ того, были предприняты особенныя изъисканія съ цѣлью повѣрять на мѣстахъ оффиціальныя показанія, дѣлать извлеченія изъ частныхъ письменныхъ документовъ, объяснять ихъ изустными показаніями свѣдущихъ людей, наконецъ наблюдать, какъ та или другая отрасль экономическаго быта идетъ въ дѣйствительности. Этимъ средствомъ добыто множество очень важныхъ и достовѣрныхъ свѣдѣній.

Всѣ собранныя данныя были разсмотрѣны и провѣрены самымъ точнымъ образомъ, и было употреблено особенное стараніе, чтобы сводъ ихъ сдѣлать сколь возможно полнѣйшимъ.

И, дѣйствительно, русская статистическая литература едва ли представляетъ сочиненіе, которое по своей полнотѣ и точности могло бы равняться съ «Описаніемъ Кіевской губерніи». Только въ «Сельскохозяйственной статистикѣ Смоленской губерніи» г. Соловьева, нѣкоторые отдѣлы, наиболѣе доступные изъисканіямъ автора (какъ, напримѣръ, хозяйственный бытъ государственныхъ крестьянъ), изложены съ полнотою, близкою къ тому, что представляетъ изданіе г. Фундуклея. Но планъ книги г. Фундуклея гораздо обширнѣе, и почти всѣ части его обработаны съ запасомъ матеріаловъ, столь же богатымъ и достовѣрнымъ, какъ тѣ матеріалы о бытѣ государственныхъ крестьянъ Смолен-

---

[1]) Въ этой книжкѣ нашего журнала, г. Журавскій помѣстилъ статью о желѣзныхъ дорогахъ. Читатели оцѣнятъ достоинство этого замѣчательнаго изслѣдованія.

ской губерніи, какими располагалъ г. Соловьевъ. При равномъ достоинствѣ, одинъ изъ этихъ трудовъ относится къ другому, какъ одна часть къ цѣлому.

Изданіе г. Фундуклея должно составить четыре тома.

I. Обозрѣніе площади, народонаселенія, населенныхъ мѣстъ и путей сообщенія. Обозрѣніе поверхности Кіевской губерніи: ея величина, топографическое и гидрографическое обозрѣнія, климатъ, геогностическое описаніе, естественныя произведенія (стр 1.—130). Народонаселеніе: его количество, движеніе, раздѣленіе по состояніямъ и занятіямъ, домашній бытъ сельскихъ классовъ (стр. 131—288). Обозрѣніе городовъ, мѣстечекъ, селеній и путей сообщенія (стр. 289—540). Къ этой части приложены двѣ карты Кіевской губерніи: 1) спеціальная карта, въ размѣрѣ 33 и $31^1/_2$ дюймовъ, по масштабу 10 верстъ въ англійскомъ дюймѣ, и 2) геогностическая карта, по масштабу 25 верстъ въ англ. дюймѣ, и подробный планъ города Кіева, въ размѣрѣ 17 и 36 дюймовъ, по масштабу 100 саженъ въ англ. дюймѣ.

II. Обозрѣніе сельскаго хозяйства и поземельной собственности. Общее хозяйственное обозрѣніе губерніи (стр. 1—86). Обозрѣніе помѣщичьихъ имѣній (стр. 87—414). Обозрѣніе имѣній государственныхъ (стр. 415—502). Имѣнія военнаго поселенія (стр. 503—512); поземельныя собственности другихъ классовъ (стр. 513—534).

III. Обозрѣніе промышленности и торговли. Фабричная, заводская и мелкая промышленность (стр. 1—314); торговля (стр. 315—572).

Эти три части, изъ которыхъ каждая составляетъ толстый томъ въ четвертку, теперь наконецъ выпущены въ книжную торговлю. Время выхода въ свѣтъ четвертой и послѣдней части, «условливаемое разными обстоятельствами, нынѣ опредѣлено быть не можетъ», говоритъ г. Фундуклей. Эта четвертая часть должна заключать въ себѣ «Обозрѣніе мѣстнаго управленія и правительственныхъ учрежденій: а) собственное управленіе; б) правительственныя учрежденія; в) государственныя и общественныя повинности; г) государственные и общественные доходы; д) употребленіе казенныхъ и общественныхъ суммъ; е) мѣстное движеніе и обороты суммъ». Нѣтъ сомнѣнія, что эта четвертая должна не уступать своею важностію тремъ первымъ, и потому нельзя не желать, чтобы она скорѣе была издана въ свѣтъ. Этого можно тѣмъ болѣе надѣяться, что предувѣдомленіе, изъ котораго заимствовали мы слова г. Фундуклея о неопредѣлимости срока ея выхода, написано еще въ 1852 году, и тѣ обстоятельства, которыя наконецъ дали ему возможность выпустить первыя три части, убійственно доселѣ лежавшія въ кладовыхъ, вѣроятно, облегчатъ нынѣ почтенному сановнику изданіе и четвертой части его «Статистическаго описанія».

Обширность плана и богатство фактовъ, представляемыхъ каждымъ отдѣломъ его, заставляютъ насъ, чтобы не переполнить своей статьи безчисленными подробностями, сосредоточивать вниманіе только на нѣкоторыхъ главахъ сочиненія, излагающихъ стороны быта, наиболѣе интересныя или по своей важности въ государственномъ хозяйствѣ, или по тому, что въ Кіевской губерніи онѣ развились особеннымъ образомъ, отличнымъ отъ того порядка, какой на-

ходимъ въ Великой Россіи. Въ Кіевской губерніи и другихъ малороссійскихъ провинціяхъ народный бытъ по многимъ отношеніямъ отличается отъ великорусскаго быта, сходясь съ нимъ во многомъ другомъ. Соображеніе этихъ особенностей и того, что одинаково въ Малой и Великой Россіи, придаетъ особенный интересъ изученію экономическаго быта Кіевской губерніи.

Мы уже знаемъ, что «Описаніе», изданное теперь г. Фундуклеемъ, окончено было въ 1850 году; труды обработки собираемыхъ матеріаловъ начались съ 1845 года. Потому цифры, представляемыя «Описаніемъ», относятся большею частію къ 1840—1849 годамъ. Съ того времени, какъ мы уже замѣтили, многія изъ нихъ должны были значительно измѣниться, особенно цифры, выражающія цѣнность различныхъ фабричныхъ и заводскихъ производствъ. Отъ этого могли увеличиться или уменьшиться доходы нѣсколькихъ заводчиковъ и торговцевъ и нѣсколько перемѣниться занятія фабричныхъ въ пяти-шести волостяхъ Но въ общихъ чертахъ экономическій бытъ населенія не успѣлъ измѣниться замѣтнымъ образомъ: количество земли, приходящейся на каждаго работника, способъ ея обработки, распредѣленіе доходовъ между различными сословіями, занятія, доходы, расходы и привычки поселянина, ремесленника, купца,—все это въ 1856 году находится въ такомъ же положеніи, какъ было въ 1845—1847 годахъ. А эти-то именно отношенія, остающіяся неизмѣнными до сихъ поръ, важнѣе всего остальнаго, они-то должны преимущественно занимать насъ, и тѣ черты быта, которыя мы извлекаемъ изъ книги г. Фундуклея, можно сказать вообще, на столько же свѣжи и современны, какъ если бы были записаны годъ или два года тому назадъ.

При своемъ благодатномъ климатѣ и плодородной черноземной почвѣ, Кіевская губернія могла бы доставлять роскошныя средства для жизни своимъ жителямъ, хотя и принадлежитъ къ числу населеннѣйшихъ провинцій Россіи. На каждую душу всего населенія (обоего пола) въ 1845 году приходилось, среднимъ числомъ, по двѣ и три-четверти десятины. Эта пропорція земли въ слишкомъ три раза болѣе, нежели въ Бельгіи, въ два съ половиною раза болѣе, нежели въ Англіи, слишкомъ въ два раза болѣе, нежели во Франціи, почти въ два раза болѣе, нежели въ Австріи, наконецъ слишкомъ въ полтора раза болѣе, нежели въ Пруссіи, гдѣ климатъ и почва, конечно, не столь хороши, какъ въ Кіевской губерніи. Почти равна густотою населенія Кіевская губернія Португаліи и Испаніи.

Общее число жителей въ Кіевской губерніи, 1,585,047, раздѣлялось, въ 1845 году, по сословіямъ слѣдующимъ образомъ:

Дворянъ	62,967,	или изъ каждыхъ	100 душъ	4,08%
Духовныхъ	16,194	» »	»	1,09%
Купцовъ, мѣщанъ и гражданъ	192,734	»	»	12,35%
Сельскихъ свободныхъ классовъ	294,127	»	»	19,02%
Крѣпостныхъ людей	1,019,025	»	»	63,46%

Такимъ образомъ, на 1,000 душъ въ Кіевской губерніи считалось людей свободныхъ городскихъ и сельскихъ сословій 366 человѣкъ, а крѣпостныхъ крестьянъ 634 души.

Сравнивая эти числа съ цифрами, сообщаемыми г. М. Заблоцкимъ относительно раздѣленія по сословіямъ народонаселенія всей Россіи въ 1836 году (см. «Сборн. Статист. Свѣд.», книга I), находимъ, что пропорція дворянъ въ Кіевской губерніи вчетверо болѣе, нежели вообще въ Россіи. Количество крѣпостныхъ крестьянъ сравнительно съ числомъ остальныхъ сословій земледѣльческаго класса также почти вчетверо болѣе. Это различіе, какъ ниже увидимъ, объясняется относительно дворянъ—многочисленностью фамилій, происходящихъ отъ шляхты, а относительно крестьянъ — пожалованіями, послѣ присоединенія къ Россіи.

Пропорція духовенства въ Кіевской губерніи почти та же, какъ и въ остальной Россіи. Но пропорція горожанъ болѣе, именно на 1,000 душъ населенія приходится:

	Поселянъ.	Лицъ другихъ состояній.
Въ Кіевской губерніи	825	175
Въ Имперіи вообще	877	123

Это большее число горожанъ зависитъ преимущественно отъ многочисленности евреевъ въ Кіевской губерніи.

По вопросу о движеніи народонаселенія, достовѣрныя числа за продолжительное число лѣтъ найдены только относительно православнаго населенія, въ метрическихъ книгахъ, съ 1804 года. Взявъ итоги за сорокъ лѣтъ (1804—1843) и раздѣливъ это пространство времени на два большіе періода, по двадцатилѣтіямъ (1, 1804—1823; 2, 1824—1843), мы получимъ среднюю цифру для каждаго года:

	Родившихся.	Умершихъ.	Прибыль населенія.
1804—1823	53,446	38,261	15,185
1823—1843	57,367	46,803	10,564

Иначе говоря: сравнительно съ первымъ періодомъ, число умирающихъ увеличилось во второмъ періодѣ на 22%, между тѣмъ, какъ число родившихся увеличилось на $6^{3}/_{4}$%. На сто человѣкъ родившихся приходилось:

Въ первомъ періодѣ	73	умершихъ
Во второмъ »	82	»

Относительно преобладанія тѣхъ или другихъ причинъ смертности въ массѣ населенія невозможно было сдѣлать никакихъ точныхъ вычисленій, потому что медицинскими пособіями пользуется только незначительная часть народа. Единственныя важныя цифры по этому предмету представляютъ таблицы смертности военныхъ чиновъ въ Кіевскомъ Военномъ Госпиталѣ за десять лѣтъ (1835—1844). Изъ общаго числа 6,400 умершихъ, отъ чахотки умерли 1,742 человѣка (одинъ изъ четырехъ); отъ изнурительной лихорадки 1,045, (одинъ изъ шести); отъ спинной сухотки 692 (одинъ изъ девяти); изъ другихъ болѣзней, наиболѣе часто причинами смерти были гнилая горячка, поносъ и водяная: отъ каждой изъ нихъ умерло около 600 человѣкъ.

Втеченіе четырехъ лѣтъ (1842—1845) въ Кіевской губерніи было

убійствъ 202, а самоубійствъ 305. При этомъ надобно еще замѣтить, что изъ числа убійствъ бо́льшая половина была совершенно безъ умысла, вслѣдствіе несчастнаго случая. Потому число несчастныхъ, лишавшихъ себя жизни, было гораздо болѣе, нежели число преступниковъ, рѣшавшихся отнять жизнь у другаго. Нельзя не видѣть, что эта пропорція поразительнымъ, хотя и прискорбнымъ, образомъ свидѣтельствуетъ о добротѣ и мягкости въ массѣ народонаселенія.

Кромѣ естественныхъ причинъ бо́льшаго и меньшаго перевѣса числа рождающихся надъ числомъ умирающихъ, быстрота, съ которою увеличивается населеніе, можетъ зависѣть также отъ переселенія. Вліяніе этого факта въ Кіевской губерніи ничтожно. Важнѣе здѣсь другія обстоятельства: съ одной стороны — водвореніе отставныхъ солдатъ, а съ другой — отдача въ рекруты и ссылка. Вотъ среднія числа, по десятилѣтней сложности:

Ежегодно:	водворяется отставныхъ солдатъ	918	человѣкъ
»	въ рекруты поступаютъ. . .	2,458	»
»	преступниковъ ссылается . .	366	»

Сверхъ прибыли или убыли населенія надобно также обращать вниманіе на періодическій отливъ и приливъ его (для богомольства, заработковъ, и проч.). Изъ фактовъ этого рода, важнѣе другихъ стеченіе богомольцевъ въ Кіевъ на поклоненіе св. мощамъ. Богомольцевъ, пріѣзжающихъ (людей достаточнаго сословія) въ Кіевъ, было, втеченіе 1845 года, 7,650 человѣкъ; число простолюдиновъ, приходящихъ пѣшкомъ съ тою же богоугодною цѣлью, измѣняется, смотря по урожайности года въ Россіи. Въ неурожайные годы бываетъ ихъ до 50,000; въ урожайные количество это возрастаетъ до 80,000 человѣкъ.

Раздѣленіе населенія въ народныхъ переписяхъ по сословіямъ позволяетъ видѣть, какое именно участіе принадлежитъ различнымъ классамъ въ общей прибыли населенія. Въ Кіевской губерніи считалось (муж. пола):

	Дворянъ.	Духовныхъ.	Купцовъ, мѣщанъ, горожанъ.	Крестьянъ помѣщ.	Крестьянъ госуд. и другихъ поселянъ.
Въ 1834 г.	23,078	8,409	80,185	507,500	125,389
» 1845 г.	32,522	8,560	97,273	504,424	134,209

Такимъ образомъ, втеченіе одиннадцати лѣтъ, число дворянъ увеличилось на пятьдесятъ процентовъ; число купцовъ и горожанъ на двадцать процентовъ; число государственныхъ крестьянъ, однодворцевъ и проч. на восемь процентовъ; въ числѣ помѣщичьихъ крестьянъ произошла небольшая убыль.

Замѣтимъ кстати, что цифры, собранныя г. Соловьевымъ о Смоленской губерніи, приводятъ къ тѣмъ же выводамъ: быстрѣе всего возрастаетъ число дворянъ; есть сильная прибыль въ сословіи купцовъ и горожанъ; довольно ощутительно приращеніе между государственными крестьянами, число крѣпостныхъ крестьянъ не возрастаетъ [1]).

[1]) Г. Соловьевъ, сличая цифры сословій Смоленской губерніи въ 1834 и 1850 годахъ, нашелъ, что втеченіе шестнадцати лѣтъ сословіе служащихъ возросло на девяносто-одинъ процентъ, купеческое и мѣщанское на двадцать процентовъ, государственныхъ крестьянъ на шесть съ половиною процентовъ, помѣщичьихъ крестьянъ на одну третью часть процента.

Отъ общаго обзора массы народонаселенія переходя къ подробностямъ о различныхъ сословіяхъ, прежде всего встрѣчаемъ нѣсколько любопытныхъ фактовъ о шляхтичахъ, число которыхъ еще въ 1831 году простиралось въ Кіевской губерніи до 40,091 человѣкъ мужескаго пола (шестьнадцатая часть всей массы населенія). «Событія 1831 года—говоритъ «Описаніе»—показали необходимость рѣшительнаго переустройства этого сословія». Указомъ 19 октября 1831 года было предписано: «Привести въ извѣстность весь составъ польской шляхты и, по разсмотрѣніи правъ на дворянство каждаго семейства, изъ доказавшихъ оныя образовать настоящее мѣстное дворянство, какъ въ великороссійскихъ губерніяхъ, а не доказавшихъ причислить къ податнымъ классамъ». Учрежденныя для того коммиссіи раздѣлили шляхту на три разряда: семейства, владѣвшія крестьянами, хотя бъ и не были признаны въ правахъ депутатскими собраніями, немедленно были причислены къ дворянамъ; семейства, утвержденныя въ дворянскихъ правахъ депутатскими собраніями, но не владѣющія крестьянами, должны были представить доказательства своихъ правъ на дворянство и до разсмотрѣнія ихъ избавлены отъ податей; шляхтичи, не утвержденные депутатскими собраніями и не владѣвшіе крестьянами, обложены немедленно податями. Лицъ мужескаго пола третьяго разряда оказалось 29,527. (Такихъ же шляхтичей въ то же время было внесено въ подушный окладъ по Волынской губерніи 31,411, а по Подольской 48,545 человѣкъ мужескаго пола). Изъ шляхтичей втораго разряда, по разсмотрѣніи ихъ документовъ, одни утверждены въ дворянствѣ, другіе причислены къ податнымъ сословіямъ; но дворянскія права большей части шляхтичей втораго разряда еще разсматриваются.

Такимъ образомъ, шляхтичи, черезъ которыхъ дворянское сословіе смѣшивалось съ остальными сословіями населенія, или причислены къ податнымъ состояніямъ, или къ дворянамъ, и дворянское сословіе строго разграничено отъ другихъ состояній.

Помѣщиковъ считалось въ 1845 г. въ Кіевской губерніи 1,266 человѣкъ. Въ ихъ владѣніи находится болѣе трехъ-четвертей всей земли и болѣе двухъ-третей всего населенія губерніи.

Безпомѣстныхъ дворянъ въ то же время считалось въ губерніи до 29,300 человѣкъ мужескаго пола. Нѣкоторые изъ нихъ находятся на государственной службѣ, но несравненно значительнѣйшая часть (до 28,000) живутъ въ селахъ, занимаясь различными промыслами и службою у частныхъ людей. Это большею частью шляхтичи 2-го разряда, т. е. внесенные въ число дворянъ до 1831 года депутатскими собраніями. Права ихъ большею частью еще разсматриваются.

«Нѣкоторые изъ нихъ (говоритъ «Описаніе») содержатъ въ арендѣ помѣщичьи имѣнья и разныя оброчныя статьи; но бо́льшая часть занимаетъ разныя сельскія должности: смотрителей экономій, конторщиковъ, писарей, счетоводовъ, магазинщиковъ и т. п.,—но какъ число этихъ мѣстъ ограниченно, а семейства дворянъ 2-го разряда постоянно прибываютъ, то средства ихъ пропитанія съ каждымъ годомъ становятся затруднительнѣе, тѣмъ болѣе, что служебное поприще для нихъ ограниченно. Однако, нужда заставляетъ многихъ не быть разборчивыми въ промыслахъ, и нынѣ во многихъ уѣздахъ есть цѣлыя слободы и селенія, населенныя дворянами, которые состояніемъ своимъ и бытомъ стоятъ наровнѣ съ крестьянами. Также можно встрѣтить въ Кіевѣ дворянъ, ищущихъ мѣстъ въ услуженіе».

Въ сословіи торговцевъ и горожанъ считалось мужескаго пола въ 1845 году: купцовъ-христіанъ—636, евреевъ—3,281; мѣщанъ-христіанъ—25,725; евреевъ—65,929.

Изъ купцовъ-христіанъ болѣе половины (358) сосредоточены въ Кіевѣ; изъ купцовъ-евреевъ почти двѣ трети (1,839) въ Бердичевѣ. Внѣ городовъ купцы христіане почти вовсе не живутъ; но купцовъ-евреевъ много (630) разсѣяно по мѣстечкамъ и селеніямъ.

Относительно количества помѣщичьихъ крестьянъ «Описаніе» сообщаетъ намъ слѣдующія замѣчанія:

«По ревизіи 1834 года число помѣщичьихъ крестьянъ на пашнѣ простиралось: мужескаго пола до 501,195 душъ, женскаго—512,120 душъ. Въ 1845 году число помѣщичьихъ крестьянъ уменьшилось: мужескаго пола до 497,930 душъ, женскаго—до 508,074 душъ.... Въ статьѣ о приращеніи народонаселенія мы замѣтили, что оно—наименьшее въ классѣ помѣщичьихъ крестьянъ и впродолженіе 48 лѣтъ не превышало 13%, т. е. почти по одной четвертой части процента ежегодно, между тѣмъ, какъ общая масса населенія увеличивалась почти на 1/2 процента. Это происходитъ отъ многихъ причинъ и обстоятельствъ... Наличное же число крестьянъ въ имѣніяхъ еще менѣе опредѣлено послѣднею ревизіею, за 10 лѣтъ—обстоятельство весьма замѣчательное, объясняемое отчасти побѣгами крестьянъ въ смежныя степныя губерніи.

Не принадлежащіе къ помѣщичьимъ крестьянамъ, свободные поселяне въ Кіевской губерніи носятъ различныя имена, смотря по тому, къ какому состоянію принадлежали прежде. Многочисленнѣе другихъ разряды старостинскихъ и экономическихъ крестьянъ (разныя наименованія государственныхъ крестьянъ), однодворцевъ, военнопоселенцевъ и безсрочно-отпускныхъ и отставныхъ солдатъ.

За обозрѣніемъ состава населенія, въ статистикѣ, изданной г. Фундукленмъ, слѣдуетъ обозрѣніе городовъ. Сказавъ нѣсколько словъ вообще о городахъ, мѣстечкахъ и селеніяхъ Кіевской губерніи, мы остановимся единственно на описаніи Кіева.

Населеніе губерніи живетъ въ 12 городахъ, 101 мѣстечкахъ, 1,106 селахъ, 839 деревняхъ, 67 хуторахъ, такъ что общее число всѣхъ поселеній въ 1847 году простиралось до 2,125.

За исключеніемъ Кіева и Бердичева, города мало отличаются отъ мѣстечекъ и наружностью и устройствомъ. Почти все еврейское населеніе сосредоточено въ городахъ и мѣстечкахъ, такъ что они по преимуществу мѣста торговли и промысловъ.

Въ польскихъ владѣніяхъ города раздѣлялись на коронные, пользовавшіеся большою самостоятельностью по магдебургскому праву, и владѣльческіе, находившіеся въ зависимости отъ помѣщиковъ, на земляхъ которыхъ были построены. По присоединеніи къ Россіи, это различіе было удержано для городовъ Кіевской губерніи, и, напримѣръ, Кіевомъ управлялъ и дѣла его жителей судилъ магистратъ по магдебургскому праву до 1832 года, когда этотъ привиллегированный порядокъ былъ замѣненъ обыкновеннымъ устройствомъ русскихъ городовъ. Зато другіе нѣкоторые города до сихъ поръ остаются владѣльческими, напримѣръ, Бердичевъ, принадлежащій князьямъ Радзивиламъ, и Липовецъ, право владѣнія которымъ раздѣлилось между нѣсколькими помѣщиками.

Въ 1798 г. число постоянныхъ жителей въ Кіевѣ было 19,000; въ 1817 г.—23,500; въ 1835 г.—29,000; въ 1845 г.—до 50,137; сверхъ того, постоянно квартировало въ Кіевѣ въ 1831—1845 годахъ до 13,400 войска. Всего постоянныхъ жителей около 1845 г. должно было считать до 64,000. На лѣтніе мѣсяцы приходитъ въ Кіевъ около 7,000 человѣкъ на работу. Число богомольцевъ, ежегодно пріѣзжающихъ въ Кіевъ, бываетъ 7—8000, и приходящихъ пѣшкомъ—50—80,000 человѣкъ. Число людей, пріѣзжающихъ или приходящихъ въ Кіевъ по служебнымъ, торговымъ и другимъ дѣламъ, простирается до 100,000 человѣкъ ежегодно.

Изъ ярмарокъ, бывающихъ въ Кіевѣ, знаменита Крещенская, или такъ называемые «Контракты». Число помѣщиковъ и купцовъ, пріѣзжающихъ на контракты, такъ значительно, что въ той части города, гдѣ преимущественно останавливаются пріѣзжіе, при отдачѣ квартиръ на годъ, всегда выговаривается хозяиномъ дома, что во время контрактовъ жилецъ долженъ помѣститься въ одной или въ двухъ комнатахъ, а всю остальную квартиру предоставить хозяину для отдачи пріѣзжимъ.

Мастеровыхъ въ Кіевѣ въ 1845 году считалось до . . .	6,048; въ томъ числѣ
Портныхъ (съ подмастерьями и учениками)	481
Сапожниковъ	953
Плотниковъ и кровельщиковъ . . .	1,409
Каменьщиковъ, каменотесовъ и штукатуровъ	1,450
Столяровъ и мебельщиковъ	508
Кузнецовъ и слесарей	322
Хлѣбопековъ	543

Въ числѣ мастеровыхъ есть нѣсколько иностранцевъ, работающихъ для богатой части населенія. Всѣ остальные мастеровые, по словамъ «Описанія», знаютъ свое дѣло очень посредственно. «Въ ихъ издѣліяхъ замѣтны недоученность, небрежность отдѣлки, совершенное равнодушіе къ улучшенію. Всѣ работаютъ по рутинѣ; заказъ по оригинальному рисунку приводитъ ихъ въ величайшее затрудненіе». Жаловаться на недостатокъ работы они не могутъ.

О распредѣленіи удобствъ жизни между различными сословіями кіевскаго населенія даетъ довольно точное понятіе таблица, показывающая число экипажей и лошадей, принадлежавшихъ въ 1845 г. разнымъ классамъ жителей:

	Дворянамъ и чиновн.	Духовнымъ.	Купцамъ.	Мѣщанамъ.	Крестьянамъ.	Разночинцамъ.
Каретъ, колясокъ и кабріолетовъ	581	67	45	19	—	—
Лошадей: упряжныхъ . .	2,120	231	578	751	190	322
— верховыхъ .	51	—	—	—	—	—

Такимъ образомъ, изъ болѣе или менѣе роскошныхъ экипажей, дворянамъ и чиновникамъ принадлежали болѣе, нежели четыре пятыхъ части всего

количества; изъ всего числа упряжныхъ лошадей—болѣе половины. Верховыя лошади исключительно принадлежали дворянамъ и чиновникамъ.

Изъ другихъ городовъ замѣчателенъ обширностью своей торговли Бердичевъ, населенный евреями. Оброчныя статьи, признанныя собственностью владѣльцевъ, на земляхъ которыхъ построенъ этотъ городъ, князей Радзивиловъ, около 1845 года приносили до 79,000 руб. сер. дохода. Но изъ этой огромной суммы только незначительная часть поступаетъ дѣйствительно въ пользу владѣльцевъ, потому что на имѣніи лежатъ большіе долги, и оброчныя статьи отдаются кредиторамъ вмѣсто уплаты.

Пропуская послѣднюю главу перваго тома, о путяхъ сообщенія, не представляющихъ почти ничего замѣчательнаго, обращаемся къ важнѣйшей сторонѣ экономическаго быта Кіевской губерніи, какъ и всѣхъ вообще провинцій Имперіи—земледѣлію.

Расположеніе сельскихъ усадьбъ въ Кіевской губерніи, имѣющее чисто малороссійскій характеръ, болѣе удобно для сельскихъ работъ, нежели великорусскій способъ постройки, гдѣ дворы стоятъ вплоть одинъ подлѣ другаго. Здѣсь дворы очень просторны, при каждомъ есть огородъ и обширное мѣсто для прогула скота до поры выгоновъ на пастбище. По широкому размѣщенію дворовъ, поля и луга поселянина не слишкомъ отдалены отъ его жилища. Система хозяйства вообще трехпольная, безъ удобренія (1, озимое поле, 2, яровое, 3, паръ). Плодоперемѣнное хозяйство съ удобреніемъ введено у немногихъ помѣщиковъ.

Обработка полей тщательнѣе и сложнѣе, нежели въ Великороссіи, и производится волами, которыхъ запрягаютъ въ плугъ три пары. Обычая просушивать хлѣбъ въ овинахъ здѣсь нѣтъ.

Масса населенія, для котораго источникомъ доходовъ служитъ земледѣліе, состоитъ въ Кіевской губерніи изъ слѣдующихъ сословій (цифры относятся къ 1845 г.):

	Число душъ обоего пола.	Количество полей, обрабатывающихся въ ихъ пользу.
Помѣщики (съ ихъ семействами)	3,500	810,098
Свободные хлѣбопашцы . .	733	2,000
Помѣщичьи крестьяне	1,006,004	899,466
Государственные крестьяне . .	205,498	309,455

Кромѣ того, земледѣліемъ занимаются военные поселенцы, сельское духовенство и лица разныхъ сословій, нанимающія землю и обрабатывающія ее посредствомъ найма (безпомѣстные дворяне и проч.) или собственнымъ трудомъ (мѣщане, однодворцы, отставные солдаты и проч.).

Сравнивая цифры, представляемыя таблицею, видимъ, что количество господской запашки, обработываемой барщиною, составляетъ почти двѣ-пятыхъ части всей обработываемой земли и почти равняется пространству полей, предоставляемыхъ помѣщиками крестьянамъ ихъ: на каждое лицо изъ класса помѣщиковъ достается, среднимъ числомъ, сборъ хлѣба болѣе, нежели съ 230 десятинъ; помѣщичьи крестьяне на каждую душу пользуются менѣе, нежели девятью-десятыхъ частей десятины; государственные крестьяне пользуются $1^1/_2$

десятины, такъ что пропорціонально имѣютъ слишкомъ въ полтора раза полей болѣе, нежели помѣщичьи крестьяне; свободные хлѣбопашцы обработываютъ почти по три десятины на душу, то есть вдвое болѣе государственныхъ и втрое болѣе помѣщичьихъ крестьянъ.

За этимъ общимъ обозрѣніемъ земледѣльческаго быта губерніи слѣдуютъ въ «Описаніи» частныя обозрѣнія помѣщичьихъ имѣній и потомъ государственныхъ имуществъ. Обѣ эти главы очень обширны и важны, особенно первая.

Во владѣніи помѣщиковъ находится, какъ мы видѣли, болѣе 3,500,000 десятинъ земли (болѣе трехъ-четвертей всего пространства) и болѣе 1,000,000 душъ (болѣе двухъ-третей всего населенія губерніи). Интересно разсмотрѣть распредѣленіе этихъ помѣстій между ихъ владѣльцами. Выше было показано число лицъ, владѣющихъ помѣстьями Кіевской губерніи, равнымъ 1,266. Но эта цифра получается черезъ сложеніе числа помѣщиковъ въ каждомъ уѣздѣ. А такъ какъ многіе помѣщики имѣютъ владѣнія каждый въ двухъ, трехъ и болѣе уѣздахъ, а потому числятся въ общей суммѣ вдвойнѣ, втройнѣ и болѣе, то дѣйствительное количество лицъ, между которыми распредѣлено владѣніе помѣстьями, должно быть менѣе этой цифры. По приблизительнымъ вычисленіямъ, «Описаніе» полагаетъ, что помѣщиковъ въ Кіевской губерніи отъ 600 до 650 человѣкъ. Но такъ какъ точныхъ свѣдѣній объ этомъ вообще по губерніи нѣтъ, то и надобно руководиться исчисленіями по отдѣльнымъ уѣздамъ, и при этомъ общее число 1,266 раздѣляется по степени богатства на четыре класса (1, менѣе 100 душъ; 2, 100—500 душъ; 3, 500—1000 душъ; 4, болѣе 1000 душъ) въ слѣдующей пропорціи:

Число помѣщиковъ, имѣющихъ		Общее количество принадлежащихъ имъ душъ м. п.
менѣе 100 душъ мужескаго пола	537	20,430
отъ 100 до 500 душъ муж. пола	518	131,300
отъ 500 до 1000 душъ . . .	131	96,450
болѣе 1000 душъ	75	253,450

Такимъ образомъ, болѣе половины всего количества помѣстій сосредоточены во владѣніяхъ 75 человѣкъ. Если положить, что богатымъ помѣщикомъ вообще долженъ называться только имѣющій не менѣе 500 душъ, то не болѣе одной-шестой части помѣщиковъ принадлежатъ этому классу; они владѣютъ болѣе, нежели двумя-третями всѣхъ помѣстій. Изъ остальныхъ, 500 помѣщиковъ могутъ, благодаря своимъ помѣстьямъ (100—500), пользоваться бо́льшимъ или меньшимъ довольствомъ въ жизни. Для остальныхъ помѣщиковъ Кіевской губерніи, имѣющихъ каждый менѣе 100 душъ, имѣнья не могутъ служить источникомъ значительныхъ доходовъ. Но Кіевская губернія есть одна изъ самыхъ обильныхъ большими помѣстьями и наименѣе имѣетъ мелкихъ помѣстьевъ. Въ другихъ губерніяхъ число богатыхъ помѣщиковъ составляетъ относительно мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ еще гораздо меньшую пропорцію. Напримѣръ, въ Смоленской губерніи, изъ общаго числа 5,619 помѣщиковъ только 38 принадлежатъ къ 4-му классу и только 74 къ 3-му, изъ 100 помѣщиковъ только 2 могутъ назваться людьми болѣе или менѣе богатыми;

напротивъ, 4,780 помѣщиковъ, или изъ 100 помѣщиковъ, болѣе 80 человѣкъ, имѣя каждый менѣе 100 душъ, не принадлежатъ къ числу людей, обезпеченныхъ въ жизни доходами съ помѣстій. («Статистика Смоленской губерніи» г. Соловьева, стр. 133).

Количество пахотныхъ и сѣнокосныхъ земель, принадлежащихъ въ Кіевской губерніи помѣщикамъ 1-го разряда (менѣе 100 душъ у каждаго)— 125,340 десятинъ; помѣщикамъ 2-го разряда (у каждаго 100—500 д.) принадлежитъ 651,850 десятинъ; помѣщикамъ 3-го разряда (500—1,000 душъ) 441,480 дес.; помѣщикамъ, имѣющимъ каждый болѣе 1,000 душъ, принадлежитъ 1,037,430 десятинъ земли. Сравнивая эти цифры съ цифрами населенія, принадлежащаго каждому разряду, находимъ, что чѣмъ обширнѣе помѣстья, тѣмъ менѣе приходится земли на каждую ревизскую душу. Именно, въ 1-мъ классѣ 6 десятинъ, во 2-мъ 5 десятинъ, въ 3-мъ $4^1/_2$ десятины, въ 4-мъ только по 4 десятины на душу. Точно также и лѣсными угодьями большія помѣстья, сравнительно, скуднѣе малыхъ: въ 1-мъ разрядѣ приходится на душу по $2^3/_4$ десятины лѣса, въ 4-мъ менѣе нежели $1^1/_2$ десятины. Количество рабочаго скота совершенно пропорціонально количеству земли, потому, сравнительно, въ большихъ помѣстьяхъ оно менѣе, а въ малыхъ болѣе. Но у помѣщичьихъ крестьянъ рабочаго скота вообще такъ недостаточно, что многіе помѣщики, для обработыванія своихъ полей, принуждены содержать собственный рабочій скотъ съ приборомъ земледѣльческихъ орудій. Этого такъ называемаго «реманентнаго скота» во многихъ помѣстьяхъ содержится по 120 воловъ (и 20 плуговъ) на каждыя 500 душъ крестьянъ. По справедливому замѣчанію «Описанія», реманенты эти надобно считать послѣдствіемъ худаго состоянія крестьянскихъ хозяйствъ (томъ 2, стр. 107).

По довольно точному исчисленію, основанному на многочисленныхъ подлинныхъ отчетахъ многихъ значительныхъ имѣній, средній годичный доходъ, получаемый всѣми помѣщиками Кіевской губерніи отъ хлѣбопашества, равнялся, по 5-лѣтней сложности, (1841—1845 г.) почти $3^1/_2$ милліонамъ руб. сер. (3,499,300). Сверхъ того, значительные доходы приносятъ помѣщикамъ свекловичныя плантаціи (142,300 руб.), сѣнокосы (191,000) и содержаніе тонкорунныхъ овецъ (127,350 руб.).

Тонкорунная овца ежегодно даетъ чистой прибыли, среднимъ числомъ, по 50 коп. сер. Значительность такой выгоды побуждаетъ разсчетливыхъ хозяевъ заботиться о распространеніи тонкоруннаго овцеводства. Но «Описаніе» замѣчаетъ, что въ Кіевской губерніи эта отрасль сельскаго хозяйства имѣетъ и свои неудобства. «Содержаніе здѣшними помѣщиками многочисленныхъ стадъ тонкорунныхъ овецъ не совсѣмъ соотвѣтствуетъ малоземелью ихъ имѣній относительно къ надѣленію землею крестьянъ, особенно нуждающихся въ сѣнокосахъ и пастбищахъ. Отъ недостатка тѣхъ и другихъ, многія хозяйства пѣшихъ, огородниковъ и бобылей не въ состояніи обзавестись скотомъ» (т. 2. стр. 166). Тонкорунное овцеводство принадлежитъ къ числу отраслей хозяйства, замѣтно развивающихся. Такъ, въ 1842 году всего въ губерніи считалось 200,344 головъ, а въ 1845 году—254,628 головъ тонкорунныхъ овецъ. Онѣ принадлежатъ исключительно только значительнѣйшимъ хозяйствамъ, требуя большихъ средствъ для успѣшнаго разведенія.

Еще значительнѣе, нежели отъ овцеводства, доходы помѣщиковъ отъ фабричныхъ заведеній. Въ 1845 году, по приблизительной оцѣнкѣ, при валовомъ производствѣ, простиравшемся до 2,992,890 руб. сер., помѣщики получили съ фабрикъ и заводовъ чистаго дохода около 750,000 руб. (748,170).

Въ это исчисленіе не входятъ винокуренные и пивоваренные заводы. Хлѣбнаго вина, пива, меда и водокъ въ 1845 году выдѣлано на сумму болѣе 1,800,000 руб. Чистый доходъ помѣщиковъ отъ этого производства простирался болѣе, нежели до 450,000 руб.

Лѣсовъ принадлежитъ помѣщикамъ 743,843 десятины, или около трехъ-четвертей всего количества лѣсовъ въ губерніи. Въ двухъ помѣстьяхъ введено правильное лѣсное хозяйство. Зато въ большей части другихъ лѣса изводятся, по словамъ «Описанія», самымъ неразсчетливымъ образомъ:

«Помѣщики, нуждающіеся въ наличныхъ деньгахъ, обыкновенно всегда готовы добыть ихъ отъ евреевъ и охотно продаютъ имъ свои лѣса на срубъ. Въ этихъ сдѣлкахъ, разумѣется, цѣнами владѣютъ тѣ, у которыхъ деньги, то есть евреи, и въ примѣръ того, до какой степени они успѣли уронить эти цѣны, можно привести формальное условіе, заключенное въ 1842 году однимъ радомысльскимъ помѣщикомъ съ купцомъ-евреемъ, на продажу ему 2,376 десятинъ отличнаго лѣса, въ которомъ много корабельнаго матеріала, цѣною за 3,900 руб. сер. Это почти безцѣнокъ, ибо за каждую десятину приходится владѣльцу лѣса по 1 руб. 64 коп. Въ 1846 году тоже продано однимъ тамошнимъ помѣщикомъ 2,000 десятинъ лѣса за 11,000 руб. ассигн». (Томъ 2, стр. 179).

«По отсутствію всякаго устройства въ помѣщичьихъ лѣсахъ—продолжаетъ «Описаніе»—и по неправильному и въ высшей степени неразсчетливому пользованію ими, почти невозможно опредѣлить дохода отъ этой важной части поземельной собственности помѣщиковъ». Приблизительно, доходъ этотъ надобно оцѣнить въ 385,000 рублей серебромъ.

Кромѣ прибыли, доставляемой куреніемъ вина, помѣщики получаютъ очень большую выгоду отъ продажи его, или такъ называемой пропинаціи. Вотъ правила, на которыхъ существуетъ она въ Кіевской губерніи:

«Въ здѣшнемъ краю вольная продажа вина и другихъ напитковъ составляетъ особую, весьма значительную, статью дохода помѣщиковъ, не существующую въ великороссійскихъ губерніяхъ. Доходъ съ винной продажи не должно смѣшивать съ доходомъ отъ винокуренія. Каждый помѣщикъ вправѣ запретить своимъ крестьянамъ употреблять на мѣстѣ всякое другое вино, кромѣ продаваемаго въ его шинкахъ и корчмахъ.»

До 1849 года за это право быть откупщикомъ въ своемъ помѣстьѣ платилась постоянная пошлина по 58 к. сер. съ ревизской души, и, за вычетомъ этой подати, чистаго дохода шинки и корчмы доставляли помѣщикамъ 872,273 р. По положенію 23 ноября 1849 г., постоянная подушная подать за пропинацію замѣнена сборомъ въ казну по 75 к. сер. съ каждаго ведра, отпускаемаго на продажу; вслѣдствіе того и количество чистаго дохода, получаемаго помѣщиками отъ пропинаціи, должно измѣниться.

Сверхъ всѣхъ исчисленныхъ главныхъ источниковъ дохода, получаемаго помѣщиками, существуютъ еще другія, второстепенныя статьи сборовъ, доставляющія имъ, въ сложности, болѣе 500,000 р. чистаго дохода.

Мы привели только главные выводы изъ разсчетовъ и изъисканій, обширныхъ и сдѣланныхъ съ чрезвычайною добросовѣстностью и аккуратностью, на основаніи многочисленныхъ достовѣрныхъ свѣдѣній, доставленныхъ отчасти оффиціальными документами, отчасти бухгалтерскими счетами различныхъ помѣщичьихъ управленій и т. д. Нѣтъ сомнѣнія, что во многихъ случаяхъ все-таки недоставало матеріаловъ для того, чтобы числа, выводимыя «Описаніемъ», были совершенно непогрѣшительны; но значительно уклоняться отъ точной истины они, кажется, не могутъ. Соединяя въ одну таблицу всѣ добытыя такимъ образомъ цифры, «Описаніе» представляетъ слѣдующую оцѣнку чистаго дохода помѣщиковъ Кіевской губерніи въ 1846 году:

Хлѣбопашество	3,425,000	р. с.
Сахарная свекловица	412,300	—
Пастбища и сѣнокосы	191,070	—
Тонкорунное овцеводство	127,350	—
Фабричная промышленность	748,170	—
Винокуреніе, пиво, медъ и водка . .	453,340	—
Лѣса	384,700	—
Винная продажа	872,250	—
Разные сборы	509,200	—
Всего дохода	7,123,380	р. с.

Такимъ образомъ, круглымъ числомъ, каждая ревизская душа въ Кіевской губерніи приноситъ помѣщику ежегоднаго дохода нѣсколько болѣе 14 р. сер. За то, что оцѣнка эта не преувеличена, ручается обыкновенная арендная плата въ помѣстьяхъ, отдаваемыхъ на оброчное содержаніе,—отъ 8 до 10 р. сер. съ души. По вычисленію г. Соловьева, въ Смоленской губерніи доходъ помѣщика съ ревизской души не можетъ быть оцѣненъ менѣе, какъ въ 10 р. 50 к. сер. («Стат. Смол. губ.», стр. 220). Такъ какъ почва Кіевской губерніи плодороднѣе, нежели Смоленской, и сверхъ того въ Кіевской губерніи существуютъ отрасли доходовъ, не существующія въ Смоленской, напримѣръ, пропинація и свекловица, то и нѣтъ сомнѣнія, что доходъ помѣщиковъ, вычисляемый изданіемъ г. Фундуклея, не превышаетъ истины, превосходя только на 3 р. 50 к. доходъ, опредѣляемый для смоленскихъ помѣщиковъ г. Соловьевымъ, за умѣренность цифры котораго ручается обычная величина оброка въ Смоленской губерніи—20 р. сер. съ работника (число мужчинъ въ порѣ рабочаго возраста составляетъ почти половину всего числа ревизскихъ душъ). Если уже полагать, что цифры, вычисляемыя г. Соловьевымъ и изданіемъ г. Фундуклея, не совершенно соотвѣтствуютъ доходу, получаемому помѣщиками, то скорѣе онѣ ниже, нежели выше дѣйствительнаго дохода.

Такимъ образомъ, все количество дохода, получаемаго помѣщиками Кіевской губеніи съ ихъ помѣстьевъ, превышаетъ сумму 7,000,000 р. сер.; а средняя цифра дохода съ ревизской души должна быть полагаема не менѣе 14 р. сер. Но это только средняя цифра, общій выводъ изъ фактовъ чрезвычайно различныхъ. Есть имѣнья, приносящія гораздо болѣе дохода, нежели

14 р. сер. съ души, особенно тѣ помѣстья, при которыхъ существуютъ заводы и фабрики; другія имѣнья, особенно тѣ, въ которыхъ доходы помѣщика извлекаются только изъ хлѣбопашества и винной продажи, даютъ менѣе 14 р. съ души.

«Количество получаемаго помѣщиками дохода отъ однѣхъ и тѣхъ же статей и отъ всѣхъ въ совокупности (говоритъ «Описаніе») безконечно различно и зависитъ отъ множества обстоятельствъ. Такъ какъ доходъ изъ каждой статьи извлекается обязанною работою крестьянъ, а количество этой работы опредѣлено закономъ [1]), то очень важно здѣсь искусство употреблять рабочіе дни возможно выгоднѣйшимъ образомъ. Но это искусство, или, собственно, разсчетливость, встрѣчается довольно рѣдко между нашими хозяевами. Разсматривая по документамъ экономическихъ конторъ годовое производство работъ въ разныхъ имѣніяхъ, мы не разъ удивлялись огромному количеству рабочихъ силъ, истрачиваемыхъ на предметы, не приносящіе положительнаго дохода. Распоряженія данными силами составляютъ самую трудную задачу хозяйства на барщинѣ, которое всегда имѣетъ свойство размножать потребности господскаго двора въ имѣніи, уменьшая въ той же пропорціи чистый доходъ. Памятно еще время, когда въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ недоставало дохода отъ цѣлыхъ волостей на содержаніе безчисленной дворни, охотничьихъ собакъ, лошадей и на другія увеселительныя заведенія владѣльцевъ. Теперь такіе примѣры стали рѣдки: хозяева сдѣлались разсчетливѣе; но, не менѣе того, раціональное употребленіе рабочихъ силъ имѣнія еще мало распространено между нашими помѣщиками. Въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, могутъ принести имъ много пользы статистическія разчисленія. Приводя въ извѣстность употребленіе барщины по предметамъ, каждый помѣщикъ легко можетъ обсудить положеніе своего хозяйства, сократить ненужный расходъ рабочихъ силъ и употребить ихъ на предметы производительные. Для этого есть достаточные матеріалы во всѣхъ большихъ и среднихъ имѣніяхъ: въ нихъ ведутся рабочіе журналы, въ которые записывается ежедневно число рабочихъ, высылаемыхъ на работы, и на какія именно, также, сколько чего сдѣлано. Особенно въ здѣшнемъ краю, гдѣ барщина регулирована, такіе журналы ведутся аккуратно. Для примѣра приводимъ здѣсь числа, полученныя этимъ путемъ, объ употребленіи барщины въ одной довольно *благоустроенной* экономіи Звенигородскаго уѣзда. Эти числа любопытны во многихъ отношеніяхъ. (Т. 2-й, стр. 218—219).

Въ самомъ дѣлѣ, эти числа любопытны. Намъ хотѣлось бы, чтобы каждый читатель, занимающійся сельскимъ хозяйствомъ, какъ можно внимательнѣе разсмотрѣлъ огромныя таблицы, представляемыя «Описаніемъ» относительно употребленія рабочихъ силъ въ этомъ имѣніи. Мы рѣшились бы выписать здѣсь эти интересныя таблицы,—хотя бы и пришлось пожертвовать для того двадцатью страницами,—если бы только были увѣрены, что вниманіе читателя преодолѣетъ такую массу цифръ. Но нѣтъ, такой пріемъ былъ бы слишкомъ тяжелъ, и потому мы выставляемъ только нѣкоторые отдѣльные факты, по примѣру которыхъ читатель можетъ судить о всемъ порядкѣ благоустроенной экономіи.

Помѣстье имѣетъ 843 ревизскихъ души. Способныхъ къ работѣ въ томъ числѣ 478. Женщинъ, способныхъ къ работѣ, 414. Изъ этого числа, за исключеніемъ людей, занятыхъ общественными должностями, находящихся въ услуженіи и имѣющихъ особыя назначенія по хозяйству, остается работниковъ, выходящихъ на барщину—248, а работницъ—257. Не исправля-

[1]) То есть инвентарями, о которыхъ будетъ сказано ниже.

ютъ барщины, будучи заняты другими обязанностями, 230 мужчинъ и 157 женщинъ. Эти послѣдніе не остаются безъ дѣла, и мы увидимъ, какую пользу приносятъ ихъ работы.

Въ удобное для полевыхъ работъ время остается болѣе половины рукъ, не занятыхъ ими и употребленныхъ на другія хозяйственныя надобности.

Всего рабочихъ дней втеченіе года было отбыто 45,000. Посмотримъ, на какія работы они распредѣлялись.

Для выдѣлки холста, сапоговъ и нитокъ употреблено болѣе 11,000 дней (цѣлая четверть всего количества работы). Продуктовъ эта работа доставила столько, что они пошли на одежду 85 должностныхъ крестьянъ и крестьянокъ, и притомъ еще недостало этихъ домашнихъ издѣлій на одежду этихъ 85 человѣкъ, а надобно было прикупать много и холста, и кожи, и сапоговъ.

На господскіе огороды употреблено 7,000 дней (болѣе одной-седьмой всѣхъ рабочихъ силъ). Получены овощи для господскаго стола и должностныхъ лицъ. На продажу не осталось ничего.

Молотьба хлѣба производилась двумя способами: 1, молотильною машиною и 2, обыкновенными цѣпами. Цѣпами обмолочено въ 3,500 дней 3,790 копенъ хлѣба (то есть рабочій день обработываетъ болѣе одной копны). При молотильнѣ рабочихъ дней употреблено 5,769, обмолочено хлѣба 4,200 копенъ,—то есть на рабочій день гораздо менѣе одной копны,—такъ что при помощи машины работа шла вполтора раза медленнѣе, нежели при помощи цѣповъ.

Количество долговъ, лежащихъ на помѣстьяхъ, не могло быть опредѣлено съ точностью, по недостатку свѣдѣній. Изъ книгъ Кіевскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія видно, что количество отдаваемыхъ въ залогъ имѣній постоянно увеличивается. Въ 1826—1830 годахъ онъ выдалъ ссудъ подъ залогъ имѣній на сумму 406,000 р., въ 1841—1845 годахъ—на сумму 672,000 р.

Изслѣдовавъ доходы, доставляемые помѣщичьими имѣніями, «Описаніе» излагаетъ способы управленія этими имѣніями, или, по выраженію, которое употреблено въ «Описаніи»—«Способы извлеченія помѣщиками доходовъ съ имѣній».

Порядокъ помѣщичьяго управленія въ Кіевской губерніи, опредѣленный инвентарями, различенъ отъ того положенія дѣлъ, которое существуетъ въ великороссійскихъ губерніяхъ. Подробности, его объясняющія, будутъ заключать много новаго для большинства читателей, не имѣвшихъ случая близко познакомиться съ малорусскимъ бытомъ; потому мы остановимся на этихъ извѣстіяхъ.

Въ провинціяхъ, гдѣ введены инвентари, существуютъ два способа извлеченія доходовъ съ помѣстій: личное завѣдываніе помѣщика или его управляющаго и отдача помѣстья въ арендное содержаніе.

Изъ 1,266 помѣстій Кіевской губерніи, въ 1847 году находилось въ распоряженіи самыхъ помѣщиковъ—944, управителей—116, и въ арендномъ содержаніи—156.

Когда имѣніемъ распоряжаются самъ помѣщикъ или управитель, поря-

докъ управленія нѣсколько различается, смотря по происхожденію помѣщика. У русскихъ помѣщиковъ онъ не совсѣмъ таковъ, какъ у польскихъ.

«Почти во всѣхъ (большихъ) имѣніяхъ, принадлежащихъ помѣщикамъ русскаго происхожденія, управленіе хозяйствомъ и весь контроль находится въ конторѣ экономической, которою завѣдываетъ управляющій имѣніемъ. Контора обыкновенно раздѣляется на 3 отдѣленія: на бухгалтерскую часть, которою завѣдываетъ бухгалтеръ: казначейскую съ казначеемъ и общую канцелярію, управляемую конторщикомъ.

«Въ большей части имѣній, о которыхъ говоримъ, должности бухгалтера, казначея и конторщика исправляются людьми, приготовленными изъ собственныхъ помѣщичьихъ крестьянъ; но есть также имѣнія, въ которыхъ онѣ замѣщаются вольными людьми, преимущественно изъ дворянъ бѣднаго состоянія и довольно посредственныхъ способностей, но для своихъ обязанностей достаточно свѣдущихъ. Всѣ вообще должностные называются оффиціалистами.

«Распоряженія изъ конторы отдаются ежедневно по предметамъ, не терпящимъ отлагательства, и еженедѣльно во время общаго съѣзда въ воскресенье или въ субботу всѣхъ оффиціалистовъ на нарядъ или такъ называемую сессію: тутъ каждый представляетъ отчетъ въ своихъ занятіяхъ и объясненія причинъ неисполненія данныхъ прежде распоряженій.

«Имѣніе раздѣляется обыкновенно на экономіи, или фольварки. Ими завѣдываютъ экономы изъ вольныхъ людей, большею частью польскіе дворяне и люди изъ бывшей шляхты; меньшими фольварками иногда завѣдываютъ свои крестьяне, и такихъ называютъ прикащиками. При экономахъ въ большихъ фольваркахъ есть писаря для помощи при досмотрѣ за барщиною, для письмоводства и выписки отработанной барщины. Писаря эти, такъ же, какъ и въ конторѣ, всѣ изъ крестьянъ.

«Книги, отчетность и вся распорядительная переписка и записка въ имѣніяхъ русскихъ владѣльцевъ ведутся на русскомъ языкѣ. Книги выдаются переплетенныя и перешнурованныя изъ конторы, за ея печатью. Въ экономіяхъ онѣ заведены по слѣдующимъ предметамъ:

«1) Инвентарь и при немъ планъ фольварка. 2) Табель для записки отработанной барщины. 3) книга прихода и расхода разныхъ продуктовъ. 4) Квитаріушъ для выдачи квитанцій на разные продукты и деньги, поступающіе въ экономію.

«Сверхъ того: а) Нумерація скирдъ и умолотная ихъ проба. б) Назначеніе жалованья и провизіи всѣмъ служителямъ. в) Описъ всему имуществу. г) Книга для записки недѣльныхъ нарядовъ и другая такая же для записки отъ слова въ слово исходящихъ бумагъ.

«Въ большихъ имѣніяхъ, которыхъ владѣльцы польскаго происхожденія, сохранился старинный польскій порядокъ управленія имѣніями. Они раздѣляются обыкновенно на ключи, въ которыхъ учреждаются ключевыя управленія, подчиненныя главноуправляющему всѣмъ имѣніемъ, который называется пелномоцникъ (*уполномоченный*), или комисаржъ; а помѣщика называютъ прынцыпалъ. Въ этихъ имѣніяхъ нѣтъ конторъ: управленіе и отвѣтственность возложены на одно лицо управляющаго, при которомъ есть только канцелярія, завѣдываемая его секретаремъ. Рахмистръ, или бухгалтеръ (отъ польскаго «раховаць», считать) и кассиръ суть двѣ отдѣльныя отъ управленія части, получающія предписанія главноуправляющаго. Въ должности рахмистра и кассира избираются люди испытанной честности, свѣдующіе и пользующіеся общимъ уваженіемъ, и должности ихъ считаются въ имѣніяхъ высшими, почетнѣйшими должностями. Въ должности кассировъ въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ избираются не иначе, какъ только за поручительствомъ помѣщиковъ или другихъ извѣстныхъ лицъ; это, однакожъ, весьма рѣдко требуется, и, сколько извѣстно, нигдѣ почти злоупотребленій со стороны помѣщичьихъ кассировъ не случается.

«Кромѣ рахмистра и кассира, есть еще третья должность, столь же почтенная: это ревизоръ. Должность ревизора состоитъ въ слѣдующемъ: наблюдать за цѣлостью господскаго имущества и за точнымъ исполненіемъ распоряженій, присутствовать при отправкѣ транспортовъ съ хлѣбомъ, водкою и т. п., дѣлать умолотную пробу послѣ

уборки хлѣба, пробу прядева, и т. п.; къ нему относятся также разслѣдованіе по разнымъ злоупотребленіямъ и ревизіи экономій во всякое время.

«Въ имѣніяхъ среднихъ находятся только экономы, обыкновенно изъ вольныхъ. Для повѣрки отчетности и составленія общаго разсчета нанимаются посторонніе люди, знающіе бухгалтерскую часть, на нѣсколько времени и для опредѣленной работы; а по окончаніи ея они удаляются.

«Въ отношеніи къ образу жизни и степени образованности оффиціалистовъ можно сдѣлать слѣдующія замѣчанія. Въ домахъ ихъ можно найти чистоту, которая при скромной мебели дастъ жилищу видъ нѣкотораго достатка. Обыкновенно мебель состоитъ изъ одного или двухъ столиковъ столярной работы, столько же диванovъ, сдѣланныхъ въ видѣ наръ, но обтянутыхъ холстинкою и съ холстяными матрацами; у стѣнъ шесть креселъ лучшихъ и столько же простыхъ, комодъ или шкапъ такого сорта, какъ продаютъ на толкучихъ рынкахъ въ Кіевѣ, но который сохраняется какъ лучшая мебель въ домѣ. Случается видѣть у нѣкоторыхъ больше; но надобно знать, что въ этихъ должностяхъ много есть людей изъ потерявшихъ состояніе на поссесіяхъ и владѣвшихъ собственными имѣніями. Есть экономы, которые сами имѣли по 400 и 500 душъ и занимали почетныя должности по выборамъ дворянства. У такихъ, конечно, можно найти остатки лучшей мебели, какой либо любимый столикъ, кресло, зеркало, кровать, не проданные иногда съ публичнаго торга или не забранные кредиторами. Тамъ найдете немного и серебра, завѣтный серебряный подносъ или сахарницу и другія вещи, перешедшія, можетъ быть, отъ дѣдовъ. Эти остатки лучшаго быта хозяевъ помѣщаются часто въ простыхъ избахъ безъ полу. Многіе того мнѣнія, что оффиціалисты живутъ расточительно и одѣваются выше своего состоянія. Но, во первыхъ, по званію дворянъ и по образованію, они не уступаютъ многимъ помѣщикамъ, и часто можно найти экономa даже лучше образованнаго (классически), нежели его помѣщикъ. Слѣдовательно, по званію, они могутъ позволять себѣ одѣваться лучше другихъ классовъ; но на дѣлѣ даже и этого нѣтъ, потому что все, что надѣваетъ жена экономa или другаго оффиціалиста, сдѣлано изъ той же самой матеріи, изъ которой и мѣщанки въ уѣздахъ дѣлаютъ себѣ платья, съ тою только разницею, что матерія выбрана съ лучшимъ вкусомъ и платье сдѣлано съ большимъ умѣньемъ.

«Къ чести вольныхъ оффиціалистовъ слѣдуетъ отнести то, что всѣ они, какъ ни малы ихъ средства, стараются помѣщать въ публичныя учебныя заведенія своихъ дѣтей, изъ которыхъ весьма многіе оканчиваютъ курсы гимназіи и университета и всѣ почти проходятъ курсъ уѣздныхъ училищъ. Дѣти оффиціалистовъ, по окончаніи ученія, большею частію поступаютъ въ военную и гражданскую службу, а нѣкоторые остаются при занятіяхъ своихъ отцовъ. Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ можно встрѣтить самыхъ бѣдныхъ и совершенно необразованныхъ экономовъ, которые, жалуясь на дороговизну нынѣшняго ученія, все-таки на старости отказываютъ себѣ во всякихъ удобствахъ, чтобы имѣть возможность отдать въ училище своего сына.

«Прежде, когда помѣщики были богаче и имѣнія больше, должности оффиціалистовъ были наслѣдственными. Послѣ отца вступалъ на его мѣсто сынъ, а отецъ, прослужившій извѣстное число лѣтъ, получалъ пожизненный пенсіонъ или кусокъ земли и домъ, что называлось gratiam, а оттого пользующіеся ею назывались граціалистами. Дѣти оффиціалистовъ воспитывались или вмѣстѣ съ сыновьями помѣщика, или главноуправляющаго, а получивъ первоначальное ученіе, поступали въ училища часто на счетъ помѣщиковъ, потому что плата за содержаніе не превышала въ годъ 40 руб. сер., и то больше хлѣбомъ, крупами и саломъ. Теперь, когда съ обстоятельствами помѣщиковъ все это измѣнилось, труды по должности не всегда вознаграждаются, и положеніе оффиціалистовъ сдѣлалось жалкимъ.

«Какъ бы то ни было, только нельзя не обратить вниманія на различіе въ происхожденіи и въ свойствахъ между оффиціалистами здѣшнихъ имѣній и должностными людьми въ имѣніяхъ великороссійскихъ. Нѣкоторая степень образованности первыхъ, дворянское званіе большей ихъ части, ихъ опытность, практическое знаніе дѣла, близкій надзоръ и отвѣтственность, которой подлежатъ, полезны для исправности сельскаго счетоводства и внутренняго порядка въ имѣніяхъ. Эти же должности

въ великороссійскихъ губерніяхъ обыкновенно поручаются крѣпостнымъ крестьянамъ и дворовымъ людямъ, которые, говоря вообще, по своему состоянію, по родственнымъ связямъ съ крестьянами, обязанными барщиной, по неопредѣленности ея исправленія и по недостаточному надзору за ними, часто употребляютъ во зло данную имъ власть и участіе въ дѣлахъ; управленіе ихъ нерѣдко бываетъ для крестьянъ обременительно и для помѣщика убыточно. Въ этомъ заключается одно изъ замѣчательныхъ различій во внутреннемъ устройствѣ между имѣніями великороссійскими и здѣшними. Господскія повинности крестьянъ приведены здѣсь къ одной мѣрѣ и одинакому способу исправленія; оттого и управленіе помѣщичьими крестьянами въ западныхъ губерніяхъ менѣе затруднительно и болѣе справедливо, нежели въ великороссійскихъ имѣніяхъ, гдѣ не только повинности, но и все внутреннее устройство и хозяйство имѣній и крестьянъ иногда совершенно зависятъ отъ произвола владѣльца или управляющаго. Не входя въ подробности управленія, остановимся на одномъ предметѣ, весьма важномъ въ благоустроенномъ имѣніи: это учетъ отработываемыхъ крестьянами дней барщины и уплачиваемыхъ денежныхъ сборовъ. По давнему порядку, въ большей части здѣшнихъ имѣній было заведено въ началѣ года выдавать каждому хозяину книжку, въ которую вписано число дней барщины и количество дней и сборовъ, слѣдующихъ съ него впродолженіе года. По мѣрѣ отработки первыхъ и уплаты послѣднихъ, экономическая контора, обыкновенно каждое воскресенье, отмѣчала то и другое въ тѣхъ книжкахъ и въ своихъ книгахъ, а въ концѣ года дѣлала по нимъ общій разсчетъ съ каждымъ хозяиномъ за цѣлый годъ; оставшіеся за нимъ неисполненные дни барщины и денежные взносы переносила недоимкою въ новую книжку на слѣдующій годъ, а переработанные дни или засчитывала, или расплачивалась за нихъ. Этотъ простой порядокъ учета повинностей весьма полезенъ и для экономіи и для крестьянъ.» (Т. 2-й, стр. 255—265).

Кромѣ оффиціалистовъ, въ каждомъ большомъ помѣстьѣ значительное число крестьянъ занято постоянными должностными обязанностями и работами—десятскихъ, овчаровъ, воловиковъ, плотниковъ и другихъ мастеровыхъ и проч. Вознагражденіе за ихъ постоянную службу для иныхъ состоитъ въ томъ, что другой работникъ изъ того же семейства совершенно освобождается отъ барщины, а иные получаютъ отъ помѣщика жалованье. Число ихъ въ Кіевской губерніи не менѣе 50,000 человѣкъ, т. е. около пятой части всѣхъ рабочихъ мужескаго пола.

«Ихъ трудъ—говоритъ «Описаніе» —приноситъ владѣльцу доходъ точно такъ же, какъ вольнонаемные работники фермеру въ другихъ государствахъ. Очень замѣчательно это стремленіе здѣшнихъ хозяйствъ къ производству работъ не исключительно барщиной, а въ значительной мѣрѣ собственными средствами, постоянными людьми на жалованьи и продовольствіи владѣльца. При нѣкоторомъ устройствѣ этого способа работъ можно бы и вовсе обходиться безъ барщины».

Таковъ порядокъ господскаго хозяйства, когда имѣніемъ распоряжается помѣщикъ или его управитель.

«Другой способъ извлеченія помѣщиками дохода съ имѣній заключается въ сдачѣ ихъ въ арендное содержаніе или, по мѣстному, въ поссесію. Этотъ обычай весьма старинный и возникъ, какъ должно полагать о всѣхъ вообще откупахъ, отъ нужды въ деньгахъ владѣльцевъ. Въ старинныхъ актахъ сохранилось много условій помѣщиковъ съ дворянами и съ евреями на уступку имъ во временное владѣніе своихъ помѣстій, или въ уплату занятыхъ суммъ, или вмѣсто процентовъ за нихъ. Отдача имѣній во временное владѣніе постороннимъ лицамъ за извѣстную сумму, полученную впередъ или уплачиваемую ежегодно, представляла владѣльцамъ столько удобствъ,

избавляя ихъ отъ хлопотъ хозяйства, что этотъ обычай сдѣлался общеупотребительнымъ въ здѣшнемъ краю, какъ и въ прочихъ западныхъ губерніяхъ.

«Арендаторами дворянскихъ имѣній при польскомъ правительствѣ были частію евреи, частію дворяне, искавшіе въ этомъ занятіи пропитанія и прибытковъ. Впослѣдствіи евреи устранены отъ арендованія имѣній и удержали въ своихъ рукахъ винную продажу и другія оброчныя статьи. Но наконецъ и это участіе евреевъ въ управленіи имѣніями уничтожено. Нынѣ арендаторы большею частью изъ мѣстныхъ дворянъ, и все, что сказано выше о состояніи оффиціалистовъ, примѣняется въ равной мѣрѣ и къ поссесорамъ, съ тѣмъ, однако, различіемъ, что состояніе послѣднихъ еще менѣе обезпечено, и изъ него нерѣдко переходятъ въ экономическія должности. Изъ приведенныхъ въ началѣ статьи чиселъ видно, что число имѣній, находившихся въ 1847 г. въ арендѣ, составляетъ 12 процентовъ общаго числа имѣній.

«Арендная плата, или такъ называемая здѣсь тенута за имѣнія, отдаваемыя въ поссесію, весьма различна, смотря по мѣстности, почвѣ, выгодамъ имѣній, числу желающихъ взять ихъ въ аренду, и т. п. Послѣднее обстоятельство имѣетъ особенное вліяніе на цѣны и ставитъ ихъ въ зависимость отъ владѣльцевъ. По размноженію класса поссесоровъ, и еще болѣе по исключеніи ихъ съ 1844 года изъ государственныхъ имѣній, конкурренція между ними на вакантныя поссесіи нынѣ весьма усилилась. Видя въ содержаніи аренды единственный способъ пропитанія своихъ семействъ, каждый поссесоръ безъ мѣста стремится всѣми силами удержать за собою открывающіяся аренды и другъ передъ другомъ набиваетъ на нихъ цѣну или соглашается на возвышенныя владѣльцемъ платы, не будучи увѣренъ, позволятъ ли ему средства имѣнія выполнить принятыя обязательства. Многіе изъ поссесоровъ имѣній съ почвою, не производящею пшеницы, считаютъ хорошимъ годомъ, когда удается исправно выплатить тенуту, прожить съ семействомъ и прокормить свой скотъ, хотя и безъ всякаго денежнаго дохода. И для этого, разумѣется, поссесоръ долженъ употребить все свое искусство и неутомимую дѣятельность, при строгой простотѣ въ образѣ жизни. Нельзя не согласиться, что хлѣбъ трудно достается классу временныхъ владѣльцевъ здѣшнихъ имѣній.»

Въ Кіевской губерніи нѣтъ обычая отпускать крестьянъ на оброкъ, потому что помѣщики не довѣряютъ исправности крестьянъ въ уплатѣ оброчной суммы. Но есть одинъ замѣчательный примѣръ средняго положенія между барщиннымъ и оброчнымъ. «Удачные результаты» сдѣлки этой между помѣщикомъ и его крестьянами, по словамъ «Описанія», «достойны подражанія не только въ здѣшнемъ краѣ, но и въ великороссійскихъ помѣстьяхъ».

Владѣлецъ мѣстечка Ржищева (имѣющаго до 2,000 душъ), въ видахъ улучшить состояніе своихъ крестьянъ, предложилъ имъ «взять самихъ себя на арендное содержаніе». По его мысли, это должно было служить для крестьянъ приготовленіемъ къ переходу на оброчное положеніе. Господскія поля остались въ прежнемъ объемѣ и въ отдѣльности отъ крестьянскихъ. Они обработываются цѣлою общиною; но крестьяне сами продаютъ съ нихъ хлѣбъ, изъ вырученныхъ денегъ платятъ помѣщику опредѣленную сумму, а остатокъ этой общинной выручки употребляютъ на общественныя надобности или дѣлятъ между собою. Кіевскіе крестьяне не привыкли жить и работать безъ надзора, не привыкли къ торговымъ оборотамъ; потому первые годы новаго положенія были для нихъ затруднительны, но потомъ они стали получать отъ него значительныя выгоды. Общинными работами завѣдуютъ двое старшинъ, которыхъ выбираютъ крестьяне.

Помѣщичьимъ крестьянамъ для хлѣбопашества предоставлено ихъ владѣльцами въ Кіевской губерніи почти столько же пашни, сколько обработывается

крестьянами на помѣщиковъ, даже нѣсколько болѣе (на 10 десятинъ господской запашки приходится 11 десятинъ крестьянской). Но пропорція луговъ и сѣнокосовъ, оставленныхъ имъ въ пользованіе, гораздо менѣе: при господскихъ хозяйствахъ состоитъ въ полтора раза болѣе луговъ и сѣнокосовъ, нежели при крестьянскихъ. «Описаніе» замѣчаетъ, что послѣднее обстоятельство должно оказывать вліяніе на благосостояніе крестьянъ, имѣющихъ недостатокъ въ продовольствіи настоящаго числа своего скота и въ способахъ къ его разноженію. Всего въ сложности на одну душу муж. пола предоставлено помѣщичьимъ крестьянамъ безъ малаго двѣ съ половиною (2,44) десятины усадебной, пахотной, огородной и сѣнокосной земли, т. е. слишкомъ въ полтора раза менѣе, нежели пропорція, находимая нами у государственныхъ (старостинскихъ) крестьянъ, гдѣ на душу муж. пола приходится такихъ земель слишкомъ по 4 десятины (см. «Описаніе», т. 2, стр. 422). Изъ этого общаго количества земли помѣщичьи крестьяне имѣютъ хлѣбной запашки, среднимъ числомъ, безъ малаго по двѣ трети (0,64) десятины на душу обоего пола.

Но пользованіе землею и хозяйственныя выгоды раздѣлены между крестьянами очень неравномѣрно, не только по различнымъ уѣздамъ и помѣстьямъ, но и по различнымъ семействамъ въ одномъ и томъ же хозяйствѣ. Семействъ, которыя имѣли бы достаточныя средства для обработки земли, въ каждомъ помѣстьѣ не такъ много, какъ семействъ, не имѣющихъ скота и потому лишенныхъ возможности съ успѣхомъ обрабатывать землю для себя.

«Помѣщичьи крестьяне въ экономическомъ отношеніи раздѣляются на хозяйства по разрядамъ соразмѣрно съ числомъ рабочаго скота, содержимаго ими. Главныхъ разрядовъ крестьянскихъ хозяйствъ пять: тяглые, полутяглые, пѣшіе, огородники и бобыли, называемые еще халупниками и кутниками.

«Тяглые тѣ, которые имѣютъ рабочей скотины не менѣе одной пары воловъ. Они подраздѣляются на плуговыя хозяйства, которыя могутъ выставить полный плугъ съ тремя парами воловъ; четверныя, у которыхъ двѣ пары воловъ: тройныя — съ тремя волами, и парныя, или поединки — съ одною парою воловъ. Полутяглыми хозяйствами называются тѣ, которыя имѣютъ не болѣе одного вола или одну лошадь. Пѣшія хозяйства тѣ, у которыхъ вовсе нѣтъ рабочаго скота; но въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ причисляются къ этому разряду и такіе крестьяне, которые, хотя имѣютъ одну какую либо рабочую скотину, но, по бѣдности или малосемейности, не употребляются на тяглую барщину. Огородники не занимаются хлѣбопашествомъ и не держатъ рабочаго скота, но имѣютъ осѣдлость, избу и небольшой участокъ земли подъ огородомъ и конопляникъ. Бобыли не имѣютъ никакой осѣдлости, ни избы, ни огорода; они живутъ при другихъ хозяевахъ, осѣдлыхъ, большею частію работниками. По показаніямъ инвентарей помѣщичьихъ имѣній, число хозяевъ означенныхъ разрядовъ въ 1845 году было слѣдующее:

Хозяевъ тяглыхъ	40,539.
Полутяглыхъ	12,040.
Пѣшихъ	95,378.
Огородниковъ	14,617.
Бобылей	9,698.
Всѣхъ хозяевъ	172,272.

Соединяя тяглыхъ съ полутяглыми и бобылей съ огородниками, мы получимъ, что на 100 хозяйствъ помѣщичьихъ крестьянъ Кіевской губерніи

приходится только 30, имѣющихъ скотъ, 55 хозяйствъ пѣшихъ и 15 хозяйствъ огородническихъ и бобылей.

«Въ сложности по цѣлой губерніи хозяйствъ тяглыхъ съ полутяглыми менѣе третьей части общаго числа; крестьянскихъ семействъ остальныя двѣ трети или вовсе отчуждены отъ хлѣбопашества, или принимаютъ въ немъ незначительное участіе по недостатку рабочаго скота.

«По всей губерніи приходится, среднимъ числомъ, въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. на сто крестьянскихъ хозяевъ: тяглыхъ 23, полутяглыхъ 7, пѣшихъ 55, огородниковъ 9, бобылей 6. Послѣдніе два разряда, или пятьнадцать процентовъ, вовсе не занимаются хлѣбопашествомъ; пѣшіе, составляющіе пятьдесятъ-пять процентовъ, по большей части сами не обработываютъ пахотной своей земли, а отдаютъ ее въ наемъ тяглымъ, или у нихъ же нанимаютъ рабочій скотъ. Слѣдовательно, одни тяглые составляютъ настоящія хлѣбопашныя хозяйства, которые одни обработываютъ своимъ скотомъ собственныя свои земли, земли пѣшихъ крестьянъ и всѣ господскія запашки.» (Томъ II, стр. 306.)

По расчисленію жатвъ, собираемыхъ помѣщичьими крестьянами съ своихъ запашекъ, оказывается, что третья часть хозяйствъ (тяглые и полутяглые) получаютъ хлѣба столько, что нѣсколько болѣе половины его могутъ продать. Но остальныя двѣ-трети всего количества крестьянъ (пѣшіе, бобыли и огородники) пользуются такимъ количествомъ запашки, что на цѣлое хозяйство (круглымъ числомъ, 6 душъ обоего пола) приходится менѣе 12 четвертей хлѣба; но и это количество достается имъ далеко не вполнѣ, потому что, не имѣя собственнаго скота, они не могутъ обработывать своихъ участковъ собственными силами, а нанимаютъ тяглыхъ и полутяглыхъ пахать эти участки, отдавая имъ за то половину урожая. Такимъ образомъ, пѣшее хозяйство имѣетъ, среднимъ числомъ, не болѣе 6 четвертей собственнаго хлѣба, то есть только по 1 четверти на душу. А какъ для годичнаго продовольствія потребно $2^1/_2$ четверти на душу, то и оказывается, что пѣшіе, огородники и бобыли отъ собственныхъ участковъ получаютъ не болѣе двухъ-пятыхъ частей потребнаго для нихъ продовольствія. Свести концы съ концами стараются они, между прочимъ, тѣмъ, что работаютъ у тяглыхъ и полутяглыхъ хозяевъ во время уборки хлѣба.

Ближайшею причиною положенія, въ которомъ находятся двѣ-трети хозяйствъ между помѣщичьими крестьянами, надобно считать, какъ мы видѣли, недостатокъ скота. Но количество скота находится въ зависимости отъ количества луговъ и сѣнокосовъ. Въ настоящее время, на каждую десятину этихъ угодій, находящуюся въ пользованіи крестьянъ, они содержатъ, круглымъ числомъ, по 3 головы крупнаго скота и по 4 овцы — количество, которое уже слишкомъ велико для десятины, такъ что запасъ собираемаго крестьянами сѣна едва достаточенъ былъ бы для двухъ мѣсяцевъ, еслибъ давать скоту надлежащее количество корма.

Денежнаго дохода крупный скотъ крестьянамъ не даетъ никакого: они не имѣютъ средствъ заниматься его разведеніемъ, потому, когда продаютъ на убой вола или корову, то эти деньги должны употребить на покупку молодаго вола, въ замѣну проданнаго. Овцы также почти не доставляютъ имъ дохода, потому что вся почти шерсть идетъ на собственныя надобности хозяйства и въ продажу не поступаетъ. Сверхъ того, не каждое хозяйство

имѣетъ и овцу. Свиньи, которымъ не нужно пастбищъ, даютъ нѣкоторый доходъ: часть сала и поросятъ крестьяне продаютъ.

Съ устраненіемъ евреевъ отъ шинкарства (въ 1844 г.) открылся для четырехъ почти тысячъ (3,888) бѣднѣйшихъ семействъ новый источникъ существованія: помѣщики назначаютъ шинкарями бобылей и пѣшихъ. Шинкарь получаетъ десятую часть изъ чистаго дохода, достающагося содержателю шинка.

Такъ какъ собственныя запашки и скотоводство не даютъ двумъ третямъ помѣщичьихъ крестьянъ средствъ для существованія, то они должны искать другихъ средствъ къ жизни. Они, какъ мы говорили, нанимаются убирать поля тяглыхъ крестьянъ; сверхъ того, занимаются разными мастерствами. Судя по пропорціи знающихъ то или другое ремесло между поступающими въ рекруты изъ кіевскихъ поселянъ, надобно полагать, что количество мастеровыхъ въ селахъ простирается до 20,000 человѣкъ. «Описаніе», впрочемъ, замѣчаетъ, что, «по ограниченности потребленія крестьянами многихъ издѣлій ремесленности и по низкой цѣнѣ, нельзя полагать, чтобы исключительное занятіе однимъ какимъ либо мастерствомъ давало полное пропитаніе». Многіе крестьяне работаютъ на мѣстныхъ заводахъ, иные ищутъ заработки въ другихъ мѣстностяхъ, болѣе обильныхъ работою.

«Промышленники отлучаются изъ своихъ селеній: на долгіе сроки по паспортамъ и билетамъ уѣздныхъ казначействъ, на кратковременные по билетамъ своихъ владѣльцевъ или ихъ управляющихъ; немало также уходитъ на заработки безъ дозволенія, промышляя, пока мѣстная полиція не отправитъ ихъ домой.

«Послѣдняго рода промышленники обыкновенно изъ бѣднѣйшихъ крестьянъ пѣшихъ, огородниковъ и бобылей. Въ нихъ рѣдко можно встрѣтить желаніе и волю скопить себѣ копѣйку честнымъ трудомъ. Женщины изъ числа ихъ лучше и добропорядочнѣе мужчинъ; заработанныя деньги онѣ тщательно зашиваютъ въ свое платье и часто сберегаютъ до дома. Уходя безъ спроса, они знаютъ, что по возвращеніи подвергнутся взысканію. Но это нисколько ихъ не останавливаетъ. Къ зимѣ многіе сами возвращаются, но рѣдко кто приноситъ въ семейство заработанныя деньги; не многіе припасаютъ себѣ зимнюю одежду; большая часть является оборванными, едва прикрытыми лохмотьями лѣтняго армяка. Перезимовавъ кое-какъ дома, на весну они опять расходятся на заработки, увольняясь тѣмъ и отъ барщины. Такое бродяжничество, кромѣ сѣверныхъ уѣздовъ, въ большомъ обычаѣ между бѣдными крестьянами уѣздовъ южныхъ, смежныхъ съ херсонскими степями. По дороговизнѣ наемныхъ работъ въ тамошнихъ мѣстахъ, промышленники снискиваютъ себѣ выгодные заработки и отлучаются на нихъ цѣлыми семействами, на что много жалуются помѣщики и арендаторы тѣхъ имѣній. Это бродяжничество уменьшено новымъ устройствомъ повинностей здѣшнихъ крестьянъ въ 1847 году, и надобно ожидать, что самовольныя ихъ отлучки вовсе прекратятся при болѣе уравнительномъ распредѣленіи крестьянскихъ земель между хозяйствами тяглыми и пѣшими на основаніи предположеннаго облюстрованія помѣщичьихъ имѣній. Въ Радомысльскомъ уѣздѣ многіе помѣщики отдавали прежде своихъ крестьянъ лѣсопромышленникамъ въ наемъ на суда, на все лѣто, отъ льда до льда (такихъ судорабочихъ называютъ здѣсь ледовниками), и получали за каждаго рабочаго по 30 руб. сер. Эта операція, выгодная для помѣщиковъ, очень невыгодна для крестьянина, потому что онъ долженъ оставлять свое хозяйство на все лѣтнее время, когда вольные заработки для него и легче и выгоднѣе, и взамѣнъ того, вмѣсто половины изъ заплаченныхъ за него 30 руб. сер., слѣдующей за барщину, едва достается имъ третья часть. Перемѣна системы хозяйственнаго устройства крестьянъ и заботливыя старанія образованныхъ и благонамѣренныхъ помѣщиковъ одни могутъ улучшить нравственный бытъ.» (Томъ II, стр. 334—335.)

Тѣ особенности, которыми положеніе помѣщичьихъ крестьянъ въ кіевской и другихъ малороссійскихъ губерніяхъ отличается отъ порядка дѣлъ, существующаго въ Великой Россіи, ведутъ свое начало отъ временъ, когда Малороссія была соединена съ Польшею. Существеннѣйшія изъ этихъ различій касаются способа отправленія повинностей, которыми обязаны крестьяне своему помѣщику.

«Повинности здѣшнихъ крестьянъ съ давняго времени были опредѣлены письменными актами или инвентарями, служившими главнымъ основаніемъ управленія имѣніями и законными документами по сдачѣ ихъ въ арендное содержаніе, а въ имѣніяхъ коронныхъ ими опредѣлялись права временныхъ владѣльцевъ при пожалованіи тѣхъ имѣній.

«Мы можемъ составить себѣ довольно точное понятіе о барщинѣ и прочихъ повинностяхъ помѣщичьихъ крестьянъ въ XVI столѣтіи, по изданному королемъ Сигизмундомъ-Августомъ уставу.

«По этому уставу основаніемъ повинности крестьянъ принятъ поземельный участокъ опредѣленной и одинаковой величины въ одну волоку пашни, заключавшей въ себѣ 33 морга (около 18 десятинъ), кромѣ сѣнокоса. За пользованіе одною волокою назначены постоянныя повинности: работою, взносомъ хлѣба натурою и въ нѣкоторыхъ случаяхъ деньгами. Слѣды этого нормальнаго крестьянскаго участка волоки донынѣ сохранились въ Кіевской губерніи во многихъ уѣздахъ, въ пропорціи надѣленія плуговыхъ крестьянъ пахотною землею, до 19 десятинъ 1,812 квадр. саженъ. И самый способъ исправленія крестьянскихъ повинностей работою, денежными сборами и данями натурою въ сущности сохранялся до 1847 г. въ большей части имѣній тотъ же, какой опредѣленъ въ XVI столѣтіи уставомъ о волокахъ. Повинности и надѣленіе землею измѣнялись современемъ подъ вліяніемъ особыхъ причинъ: повинности отъ распоряженій и надобности помѣщиковъ, а величина участковъ, сверхъ того, отъ приращенія населенія въ имѣніяхъ, отъ большаго или меньшаго благосостоянія или обѣднѣнія крестьянъ. Такимъ образомъ, произошли: съ одной стороны, большія тяглыя хозяйства плуговыя съ обширными участками земли, отъ которыхъ отбывались всѣ ихъ повинности, а съ другой стороны отдѣлились хозяйства пѣшія, не имѣющія скота. Между тѣмъ, волоковыя или плуговыя хозяйства не могли всегда оставаться въ одномъ состояніи: многія изъ нихъ бѣднѣли, лишались скота и приходили въ невозможность исправлять повинности, сопряженныя съ владѣніемъ ихъ участками. Такихъ хозяевъ помѣщики замѣняли другими, если было кѣмъ замѣнить вполнѣ, но чаще по необходимости должны были раздѣлять коренные участки волоки на меньшіе, чтобы соразмѣрить ихъ обработку съ силами хозяйствъ, т. е. съ числомъ рабочаго у нихъ скота. Отсюда произошли участки разныхъ величинъ, соотвѣтственные состоянію тяглыхъ хозяевъ по числу скота четверныхъ, тройныхъ, паровыхъ и поединковъ.

«Вновь отдѣляющіяся изъ тяглыхъ семействъ всѣхъ разрядовъ хозяйства находили всѣ земли, отведенныя въ имѣніяхъ подъ ланы, т. е. для крестьянъ, занятыми тяглыми. Помѣщики нашли, между тѣмъ, средства извлекать доходъ изъ вакантныхъ своихъ земель безъ крестьянъ, отдачею въ наемъ подъ пастбища гуртовъ, собственныхъ стадъ и т. п., и потому на прибылыя хозяйства, не имѣющія возможности, по недостатку сѣнокосовъ, обзавестись рабочимъ скотомъ и исполнять тяглую барщину, отводилась самая малая пропорція земли, и эта пропорція въ будущемъ должна была постепенно уменьшаться, по мѣрѣ приращенія населенія въ классѣ крестьянъ» (Томъ II, стр. 335—338.)

Величину повинностей, которыми были обложены крестьяне подъ польскимъ владычествомъ, мы знаемъ изъ производившихся тогда люстрацій. Въ различныхъ мѣстностяхъ Кіевской губерніи сумма повинностей, которыми было обязано плуговое хозяйство (имѣвшее 6 воловъ), оцѣнивалась въ 70 — 89 злотыхъ; пѣшее хозяйство (не имѣвшее воловъ) отбывало повинностей на

сумму 18—24 злотыхъ. «Описаніе» полагаетъ, что эти повинности должно назвать довольно умѣренными. Послѣ перехода кіевской области подъ русское владычество, прежняя система во многомъ измѣнялась, отчасти по измѣнившимся нравамъ и понятіямъ помѣщиковъ, отчасти отъ перехода многихъ большихъ имѣній въ собственность владѣльцевъ русскаго происхожденія, отчасти отъ другихъ причинъ, такъ что наконецъ около того времени, когда были введены инвентари, почти у каждаго значительнаго владѣльца былъ свой особенный порядокъ распредѣленія повинностей по крестьянамъ. Всѣ эти различія могутъ быть, однако же, подведены подъ четыре главныя системы:

I. Барщина, по русскому положенію, отъ каждой рабочей души.

II. Барщина отъ семействъ или дворовъ (старый польскій обычай).

III. Барщина отъ семействъ по разсчету рабочихъ душъ.

IV. Барщина сложная: лѣтомъ отъ рабочихъ душъ, зимою отъ семействъ.—Двѣ первыя системы были преобладающими, первая у русскихъ, вторая у польскихъ помѣщиковъ.

На основаніи подробныхъ разсчетовъ, составленныхъ по хозяйственнымъ книгамъ 14 большихъ помѣстій, «Описаніе» приходитъ къ слѣдующей оцѣнкѣ работъ и повинностей, отправлявшихся крестьянами по каждой изъ этихъ четырехъ системъ за каждую десятину земли, предоставленной помѣщикомъ въ пользованіе крестьянину:

Барщина.	Хозяйство съ 6 волами.	Съ 4 волами.	Съ 2 волами.	Пѣшее.
I. Отъ рабочей души. . .	6 р. 30 к.	8 р. 19 к.	10 р. 79 к.	13 р. 10 к.
II. Отъ двора	2 » 33 »	2 » 94 »	4 » 31 »	5 » 5 »
III. Отъ двора по разсчету душъ	—	6 » 28 »	12 » 29 »	15 » 9 »
IV. Сложная, отъ дворовъ и душъ	3 » 68 »	5 » 22 »	6 » 91 »	8 » 36 »

Эта оцѣнка выведена изъ разсчета рабочихъ дней, отправляемыхъ по каждой изъ четырехъ системъ за десятину земли. Такъ какъ двѣ первыя были наиболѣе распространены, то и сравненіе ихъ между собою особенно интересно.

Сверхъ постоянной барщины, были еще многія добавочныя повинности: напр., употребленіе женщинъ на работы въ садахъ и огородахъ, на обдѣлку льна и пеньки, на пряжу и проч., мужчинъ — на стереженіе господскихъ строеній и полей, на ремесленныя и заводскія работы и проч.; существовали также различные сборы натурою.

На основаніи представленныхъ выводовъ, «Описаніе» опредѣляетъ число лѣтнихъ и зимнихъ, тяглыхъ и пѣшихъ мужскихъ и женскихъ дней, отбывавшихся по всей губерніи; а на основаніи извѣстныхъ экономическихъ разсчетовъ о числѣ дней, требуемыхъ обработкою десятины озимаго и яроваго хлѣбовъ, сѣнокоса и проч., оно вычисляетъ, какое количество этихъ дней дѣйствительно требовалось на полную обработку всѣхъ господскихъ полей. Интересно сравнить эти цифры:

	Число отбываемыхъ дней.	Число дней, нужныхъ для полной обработки господскихъ полей и сѣнокосовъ.
Мужскихъ тяглыхъ	10,920,775	5,946,461
Мужскихъ пѣшихъ	19,838,203	5,730,230
Женскихъ	30,659,022	5,900,008
Всего	61,418,000	17,576,699

Кромѣ того, огороднических дней отбывалось не менѣе 3,370,000.

Изъ сравненія этихъ цифръ мы видимъ, что на полную уборку всѣхъ господскихъ полей и сѣнокосовъ достаточно было не съ большимъ четвертой части всѣхъ отбываемыхъ дней, именно половины тяглыхъ и менѣе третьей части мужскихъ пѣшихъ дней и одной пятой части женскихъ дней.

По цѣнамъ, какія имѣетъ въ каждомъ уѣздѣ Кіевской губерніи тяглый мужской, пѣшій мужской и женскій день, перелагая количество этихъ 61,418,000 рабочихъ дней на денежную ихъ цѣнность, «Описаніе» находитъ, что вся цѣнность исчисленныхъ барщинныхъ работъ простирается до 7,232,350 руб. сер., и что помѣщичьи крестьяне за каждую предоставляемую имъ десятину земли отправляли работъ въ пользу помѣщика на 5 руб. 89 коп. сер.

Но сумма доходовъ, получаемыхъ помѣщиками, исчислена «Описаніемъ», какъ мы видѣли, не въ 7,232,350 руб., а только въ 7,123,380—разница слишкомъ на 100,000; и не должно удивляться несоразмѣрности этихъ двухъ цифръ: напротивъ, она окажется гораздо значительнѣе 100,000 руб., когда мы сообразимъ, что въ сумму помѣщичьихъ доходовъ входятъ многія статьи, цѣнность которыхъ производится вовсе не барщиною или только отчасти барщиною. Строго говоря, нѣтъ даже ни одной отрасли дохода помѣщиковъ Кіевской губерніи, которая была бы производима исключительно барщиною. Даже земледѣльческія работы производятся отчасти усовершенствованными (господскими) орудіями, отчасти (господскими) машинами, отчасти господскимъ (реманентнымъ) скотомъ. Овцеводство, винокуреніе и заводы требуютъ, кромѣ барщины, капиталовъ и вольнонаемной работы. Въ числѣ разныхъ мелкихъ сборовъ, многіе имѣютъ характеръ добровольныхъ коммерческихъ договоровъ, а не обязательной работы. Пропинація и продажа лѣса — чисто коммерческое дѣло, доходы отъ котораго доставляются вовсе не обязательною повинностью. Попробуемъ сдѣлать хотя сколько нибудь приблизительное вычисленіе этой части дохода, доставляемаго помѣщикамъ необязательною работою крѣпостныхъ крестьянъ.

Хлѣбопашество, сѣнокосы и свекловица (полагая, что одна двадцатая часть всѣхъ работъ исполняется машинами и реманентнымъ скотомъ)	200,000 руб.
Разные мелкіе сборы (полагая, что одна-пятая часть дохода имѣетъ коммерческій характеръ)	100,000 —
Тонкорунное овцеводство, винокуреніе, фабрики и заводы (полагая половину всего дохода процентомъ на капиталъ и вольнонаемную работу)	650,000 —
Пропинація и лѣсная торговля (весь чистый доходъ) . . .	1,257,000 —
Итого	2,207,000 руб.

Эта цифра, по всей вѣроятности, ниже дѣйствительной величины; но даже принимая ее, мы увидимъ, что обязательная работа, обходясь крестьянамъ въ 7,230,000 руб., доставляетъ помѣщикамъ не болѣе 4,915,000 руб. Разница—2,315,000, — около третьей части всей цѣнности употребленнаго труда и около половины полученнаго дохода,—составляетъ чистую растрату труда, которая легко объясняется приведенными у насъ выше замѣчаніями «Описанія» относительно экономическаго употребленія силъ въ хозяйствѣ при обязательной работѣ.

Введеніемъ (съ 1848 г.) «Положенія объ инвентаряхъ» изложенныя нами отношенія отчасти измѣнились:

«Весь вышеизложенный порядокъ отправленія крестьянами господскихъ повинностей и самый размѣръ ихъ основывались, по большей части, на старинныхъ обычаяхъ и на измѣненіяхъ, введенныхъ самыми помѣщиками въ своихъ имѣніяхъ. Мы показали недостатки старой системы и необходимость ея измѣненія. Вопросъ объ этомъ предметѣ возникъ въ 1843 году при разсмотрѣніи въ высшихъ правительственныхъ мѣстахъ проэкта: «Положеніе объ инвентаряхъ для помѣщичьихъ имѣній въ западныхъ губерніяхъ». Сущность его заключается въ слѣдующемъ: «надѣлять крестьянъ землею, не ограничивая участковъ по числу рабочаго скота, потому что бѣдные скотомъ крестьяне, хотя по мѣстному обыкновенію будутъ обязаны отправлять пѣшіе рабочіе дни, но, не получая участка, который обезпечивалъ бы ихъ пропитаніе, они будутъ терпѣть каждогодно нужду въ самомъ пропитаніи и, слѣдственно, никогда не придутъ въ состояніе пріобрѣсти рабочаго скота и улучшить свое положеніе и хозяйство». Повинности предполагалось «налагать на крестьянъ не по числу наличныхъ душъ и рабочихъ силъ въ ихъ семействахъ, но по количеству и качеству поземельныхъ участковъ, выдѣляемыхъ крестьянамъ, и другихъ выгодъ, предоставленныхъ имъ въ помѣстьяхъ для устройства ихъ хозяйства и благосостоянія». На этихъ главныхъ основаніяхъ предположено было составить общій инвентарь, примѣняемый ко всѣмъ помѣщичьимъ имѣніямъ. Для ближайшихъ соображеній всего относящагося къ вопросу, былъ учрежденъ здѣсь, какъ и въ другихъ западныхъ губерніяхъ, особый комитетъ, подъ названіемъ Инвентарнаго, которому поручено было собрать, разсмотрѣть и сообразить съ законами существовавшіе въ помѣщичьихъ имѣніяхъ инвентари и представить высшему начальству свои соображенія, собранныя свѣдѣнія и собственныя предположенія, для составленія по нимъ полныхъ и положительныхъ правилъ о порядкѣ введенія инвентарей, ихъ составѣ и средствахъ исполненія. Инвентарный Комитетъ открылъ свои дѣйствія въ началѣ 1845 г. и впродолженіе двухъ лѣтъ собралъ, черезъ уѣздныхъ предводителей дворянства, разсмотрѣлъ и представилъ статистическія описанія и инвентари всѣхъ помѣщичьихъ имѣній Кіевской губерніи. Число разсмотрѣнныхъ имъ инвентарей простиралось до 2,210.

«По обсужденіи высшимъ мѣстнымъ начальствомъ этихъ данныхъ, составлены были подробныя правила для управленія здѣшними помѣщичьими имѣніями, которыми преобразованъ прежній порядокъ исправленія крестьянами господскихъ повинностей, установлено единообразіе въ ихъ размѣрѣ и самыя повинности значительно сокращены, чѣмъ много улучшалось состояніе крестьянъ безъ ущерба хозяйству помѣщиковъ. Эти правила съ 1848 г. введены въ дѣйствіе во всѣхъ здѣшнихъ имѣніяхъ». (Томъ II, стр. 379—380).

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что эта правительственная мѣра начала уже приносить теперь полезные плоды.

Глава, излагающая состояніе помѣщичьихъ имѣній, занимаетъ двѣ-трети всего «Обозрѣнія сельскаго хозяйства» въ изданіи г. Фундуклея. Остальныя главы этого тома, говорящія о государственныхъ имуществахъ, о земляхъ, состоящихъ подъ военными поселеніями, и о поземельной собственности, принад-

лежащей разночинцамъ, гораздо менѣе обширны и представляютъ гораздо менѣе изысканій, потому и мы не будемъ долго на нихъ останавливаться, спѣша перейти къ обозрѣнію фабричной и торговой дѣятельности Кіевской губерніи.

Государственныя имущества въ Кіевской губерніи по своему происхожденію раздѣляются на три главные разряда:

1) Старостинскія имѣнія, которыя при польскомъ владѣніи составляли коронную собственность, отдававшуюся во временное пользованіе старостамъ. Права старостъ надъ имѣніями этими были очень ограничены; но, при ослабленіи королевской власти, старосты стали распоряжаться ими какъ помѣщики. По присоединеніи Кіевской губерніи къ Россіи, помѣстья эти отдавались также во временное владѣніе заслуженнымъ людямъ, а въ 1839 году переданы въ вѣдомство Государственныхъ Имуществъ.

2) Имѣнія, поступившія въ казну отъ православныхъ монастырей и римско-католическаго духовенства.

3) Конфискованныя имѣнія.

Къ 1846 году въ завѣдываніи Министерства Государственныхъ Имуществъ состояло въ Кіевской губерніи 88,605 душъ мужескаго пола.

Въ имѣніяхъ военныхъ поселеній въ 1845 г. считалось 18,995 душъ мужескаго пола.

Очень замѣчательна въ Кіевской губерніи колонія меннонистовъ (въ Бердичевскомъ уѣздѣ), какъ примѣръ благосостоянія, возможнаго для поселянъ, при тѣхъ привычкахъ порядка и дѣятельности, которыя пріобрѣтены благодаря образованію, нравственности и покровительству законовъ. Довольно указать одинъ фактъ, чтобы оцѣнить выгоды, доставляемыя этими условіями. Землю свою меннонисты обработываютъ тѣми же орудіями, по той же системѣ, какъ и другіе кіевскіе поселяне, но получаютъ съ нея въ два съ половиною раза болѣе дохода, нежели получается обыкновенно.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ «Обозрѣніи» за 1842—1847 годы, изъ всѣхъ отраслей заводской и фабричной промышленности развивалось почти только одно свеклосахарное производство, и только оно имѣло важность въ экономическомъ бытѣ губерніи. Всѣ остальныя производства были незначительны. Зато возрастаніе свеклосахарныхъ заводовъ было очень быстро. Число ихъ и цѣнность издѣлій были:

	Число заводовъ.	Сумма производства.
Въ 1842 году	15	85,260 руб.
— 1843 —	20	154,460 —
— 1844 —	40	1,286,670 —
— 1845 —	41	2,200,100 —
— 1846 —	47	2,452,100 —
— 1847 —	56	3,584,600 —

Всѣ остальные фабрики и заводы въ 1847 году произвели товаровъ менѣе, нежели на 1,400,000 руб. сер., такъ что въ общемъ итогѣ— 4,953,655 руб.—свеклосахарнымъ заводамъ принадлежало почти три-четверти всей цѣнности. Изъ другихъ промышленныхъ заведеній значительнѣе прочихъ было

въ 1847 году производство суконныхъ фабрикъ (373,300 руб.), которыя, впрочемъ, постепенно упадали (въ 1842 году производство ихъ простиралось до 668,500 руб.), и кожевенныхъ заводовъ (465,300), которые довольно быстро развивались (въ 1842 году производство ихъ было 302,620 руб.).

Изъ всей суммы выдѣлки фабрикъ и заводовъ въ 1845 году—3,500,000 руб.—на заведеніяхъ, принадлежащихъ помѣщикамъ, сумма выдѣлки простиралась до 3,000,000 руб. Такимъ образомъ, въ рукахъ помѣщиковъ сосредоточивалось шесть-седьмыхъ частей всей фабрично-заводской дѣятельности.

Въ счетъ, представленный выше, не внесены винокуренные заводы, которые произвели въ 1847 году около 3,200,000 ведеръ вина, пивоварни (около 375,000 ведеръ пива) и мельницы, которыя втеченіе года смололи болѣе 2,000,000 четвертей хлѣба.

Свеклосахарная промышленность введена была въ Кіевскую губернію графомъ Бобринскимъ, устроившимъ въ мѣстечкѣ Смѣлѣ заводъ, который значительностью приносимыхъ имъ выгодъ возбудилъ всеобщую охоту заняться этимъ дѣломъ. Изслѣдованіе о свеклосахарной промышленности сдѣлалось однимъ изъ самыхъ полныхъ и точныхъ отдѣловъ «Обозрѣнія», благодаря просвѣщенной готовности заводчиковъ сообщать всѣ нужныя свѣдѣнія и отчеты о своемъ производствѣ. Спеціалисты съ большою пользою будутъ изучать это изысканіе.

Кромѣ огромныхъ выгодъ, получаемыхъ заводчиками, свеклосахарная промышленность доставляетъ пользу всему населенію мѣстностей, въ которыхъ водворилась. Такъ, между прочимъ, за одну обработку свекловичныхъ плантацій кіевскіе поселяне въ 1846 году получили по вольному найму до 88,000 рублей. Нѣтъ надобности говорить, какъ важенъ этотъ источникъ денежнаго дохода для сельскаго населенія, которое до того времени почти не знало никакихъ другихъ отношеній по работѣ, кромѣ обязательныхъ повинностей. Приведемъ фактъ, свидѣтельствующій о значительности вліянія этого новаго положенія на благосостояніе крестьянъ.

Въ Смѣлянскомъ имѣніи передъ открытіемъ завода изъ 1,031 хозяйства было 167 тяглыхъ, то есть изъ 100 хозяйствъ только 16. Черезъ шесть лѣтъ по учрежденіи завода число хозяйствъ возросло до 1,117, и въ томъ числѣ тяглыхъ было 215, то есть на 100 хозяйствъ приходилось уже 19 тяглыхъ. Въ тотъ же періодъ времени число рабочаго скота у крестьянъ возросло слишкомъ вдвое (въ 1839 г. было 890, а въ 1846—1,827 головъ).

Но вотъ другой фактъ, еще болѣе замѣчательный, относящійся къ тому же Смѣлянскому заводу. Недостатокъ въ работникахъ, которые находились бы при заводѣ постоянно, заставилъ гр. Бобринскаго перевести на этотъ заводъ изъ Харьковской губерніи до 1,000 душъ принадлежащихъ ему крестьянъ и поставить ихъ въ положеніе фабричныхъ, состоящихъ на жалованьи. Кромѣ провіанта и жилища, каждый работникъ получаетъ жалованья по 6 руб. сер. въ мѣсяцъ.

Круглымъ числомъ, работами на фабрикахъ и заводахъ Кіевской губерніи заняты до 21,000 работниковъ. Размышленія, которыми сопровожда-

ются въ «Обозрѣніи Кіевской губерніи» эти цифры, любопытны по своей справедливости. Свѣдѣнія о числѣ фабричныхъ—говоритъ «Обозрѣніе» — очень важны для разрѣшенія многихъ важныхъ экономическихъ вопросовъ и, между прочимъ, вопроса о высокомъ или низкомъ тарифѣ:

«По нашему мнѣнію, примѣняя его теоретически къ нашему отечеству, надобно болѣе имѣть въ виду пользу класса промышленниковъ, интересованныхъ въ сохраненіи и процвѣтаніи отечественныхъ фабрикъ, нежели выгоды потребителей фабричныхъ произведеній, составляющихъ самый малочисленный, а вмѣстѣ и достаточный классъ нашего населенія. Изъ приведеннаго исчисленія видимъ, что для фабричнаго производства одной губерніи нужно до 21,000 рабочихъ. Пріобрѣтаемая каждымъ изъ нихъ плата имѣетъ прямое вліяніе на благосостояніе какъ самихъ работающихъ, такъ и семействъ ихъ; слѣдовательно, полагая, среднимъ числомъ, до 5 душъ семейства на каждаго работающаго, можно заключить, что до 100,000 душъ интересовано въ фабричномъ производствѣ одной губерніи. Предположивъ теперь, что, вслѣдствіе свободнаго привоза заграничныхъ фабричныхъ издѣлій дешевыхъ, прочныхъ и красивыхъ, подобныя же издѣлія здѣшнихъ фабрикъ будутъ вытѣснены изъ торговли, вмѣстѣ съ тѣмъ закроются и самыя фабрики. Тогда, конечно, многіе изъ питающихся теперь отъ этихъ фабрикъ лишились бы куска хлѣба, ничего не выигравъ отъ свободнаго привоза, ибо простой народъ почти вовсе не потребляетъ фабричныхъ издѣлій; вся выгода была бы на сторонѣ достаточныхъ классовъ. Но это могло бы случиться только тогда, когда всѣ руки, употребляемыя на фабрикахъ, работали бы по вольному найму и безъ раздѣла заработковъ; въ настоящемъ же положеніи фабричной промышленности почти три-четверти рабочихъ изъ крѣпостныхъ крестьянъ не интересованы въ сохраненіи помѣщичьихъ фабрикъ, на которыхъ работа по большей части невыгодна и тягостна. Подрывъ и уничтоженіе этихъ фабрикъ было бы, можетъ быть, благомъ для работающихъ по неволѣ. Такъ сложны и отличны отъ другихъ народовъ наши экономическіе интересы въ настоящее время.» (Томъ 3, стр. 295—296).

Не менѣе приведенныхъ нами размышленій интересны и справедливы замѣчанія, представляемыя «Обозрѣніемъ» относительно чрезвычайной важности такъ называемыхъ мелкихъ промышленностей, которыми занимаются поселяне въ домашнемъ быту, производя издѣлія того же рода, какія дѣлаются на фабрикахъ, напр.: полотна, сукна, металлическія вещи и проч. (томъ 3, стр. 234—236). Въ этихъ «ручныхъ» работахъ «Обозрѣніе» справедливо находитъ зародыши,— правда, въ настоящее время еще очень слабые,—возможности какъ благосостоянія для занимающихся ими, такъ и доставленія фабричныхъ издѣлій многочисленнѣйшему классу потребителей, которымъ недоступны фабричные товары. Потому нельзя не раздѣлять желанія, чтобы механика обратила вниманіе на улучшеніе орудій, которыми производятся эти домашнія работы: нѣтъ сомнѣнія, что орудія эти можно усовершенствовать такъ, чтобъ, оставаясь принадлежностью домашняго хозяйства поселянина, они давали издѣлія довольно высокой доброты; тогда масса населенія получила бы удобства жизни, о которыхъ не имѣетъ и понятія въ настоящее время. Вообще, все изслѣдованіе о мелкой промышленности принадлежитъ къ числу интереснѣйшихъ въ «Обозрѣніи».

Получить точныя свѣдѣнія о торговыхъ оборотахъ въ Кіевской губерніи было очень затруднительно, потому что только немногіе значительнѣйшіе купцы, имѣющіе правильную бухгалтерію, могли и хотѣли доставить статистическія извѣстія о своей торговлѣ. Другіе до сихъ поръ считаютъ необходимостью сохранять молчаніе объ этомъ, что, конечно, и нужно для нихъ, по-

тому что, собственно говоря, они ведутъ свои дѣла безъ капитала, единственно при помощи оборотливости. До нѣкоторой степени, недостатокъ свѣдѣній, происходившій отъ этой причины, вознаграждался отчетами фабрикъ и заводовъ, по которымъ видно, какихъ товаровъ и на какую сумму было куплено и продано.

Въ концѣ XVIII вѣка судоходство по Днѣпру было незначительно. Главный продуктъ Кіевской губерніи, земледѣльческія произведенія, не находилъ себѣ почти никакого сбыта. Затрудненіями для судоходства по Днѣпру служатъ, кромѣ извѣстныхъ пороговъ, многочисленныя мели. Въ количествѣ судовъ, разгрузившихся и нагрузившихся на Кіевской и Каневской пристаняхъ, въ 1840—1844 г. не было замѣтно приращенія сравнительно съ предъидущими годами. То же надобно сказать о массѣ привезенныхъ и вывезенныхъ товаровъ. Но съ 1844 г. судоходство стало замѣтно расширяться. Тѣмъ не менѣе, сухопутная торговля въ 1846 г. все еще была гораздо дѣятельнѣе рѣчной. Напримѣръ, въ 1847 г. торговые обороты были:

	Водою по Днѣпру.	Сухимъ путемъ.
Привезено товаровъ на сумму до	420,000 р.	2,260,000 р.
Отпущено	840,000 р.	2,800,000 р.

Впрочемъ, надобно замѣтить, что въ 1847 г. отпускъ достигалъ рѣдкой значительности, по слишкомъ высокимъ цѣнамъ на хлѣбъ въ Одессѣ.

Внутренняя торговля въ границахъ самой губерніи была, конечно, гораздо значительнѣе.

Почти вся она находится, какъ извѣстно, въ рукахъ евреевъ. Хорошо или худо такое положеніе дѣла? «Полагаемъ—говоритъ «Обозрѣніе»—что этого нельзя назвать рѣшительнымъ зломъ въ настоящее время, когда правительство не только не имѣетъ надобности въ содѣйствіи евреевъ по финансовымъ дѣламъ, но даже предприняло рядъ полезныхъ мѣръ къ сближенію ихъ съ остальною частію мѣстнаго населенія, къ уничтоженію между ними тунеядства, невѣжества и фанатизма, этихъ главныхъ причинъ обмана и недобросовѣстности, которыми отличались прежде торговые обороты всѣхъ евреевъ, а нынѣ—только мелкихъ промышленниковъ этого племени. При успѣшности принятыхъ мѣръ и другихъ, которыя укажетъ дальнѣйшій опытъ, надобно ожидать, что въ данное время образуется изъ евреевъ торгующій классъ, весьма полезный для края и достойный всякаго уваженія по своей предпріимчивости, вѣрности коммерческаго взгляда, разсчетливости и изобрѣтательности въ средствахъ развитія торговли».

Улучшеніе путей сообщенія будетъ главнымъ средствомъ для оживленія торговли. Въ настоящее время даже хлѣбъ изъ Кіева въ Одессу перевозится на подводахъ. Доставка обходится почти по 2 руб. сер. съ каждой четверти. До какой степени развитіе торговли зависитъ отъ путей сообщенія и въ какомъ положеніи находятся они въ Кіевской губерніи, достаточно обнаруживаетъ уже одинъ тотъ фактъ, что хотя количество ярмарокъ по губерніи во время зимы менѣе, нежели въ какое либо другое время года, но привозъ товаровъ на зимнія ярмарки составляетъ половину всей массы ярмарочныхъ оборотовъ.

Многочисленныя, очень подробныя таблицы привоза, отпуска, потребленія и продажной цѣны разнаго рода товаровъ и дѣльныя, основанныя на глубокомъ изученіи предмета замѣчанія, которыми сопровождаются эти таблицы, даютъ главѣ «о торговлѣ» такую же чрезвычайную важность для ученаго изъискателя, какую имѣютъ почти всѣ другіе отдѣлы «Обозрѣнія». Вообще, изданіе г. Фундуклея будетъ настольною книгою каждаго занимающагося изслѣдованіемъ экономическаго быта нашей родины. Для чести русской ученой литературы, надобно желать, чтобы западные экономисты было ознакомлены съ этимъ капитальнымъ трудомъ, если не посредствомъ полнаго перевода, чего трудно надѣяться при массивности книги, то, по крайней мѣрѣ, посредствомъ обширнаго извлеченія; а для нашей собственной пользы должно желать, чтобы не замедлилось изданіе четвертой части этого поучительнаго трактата.

БИБЛІОГРАФІЯ.

О нѣкоторыхъ условіяхъ, способствующихъ умноженію народнаго капитала. *Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго Казанскаго Университета ординарнымъ профессоромъ политической экономіи и статистики* Иваномъ Бабстомъ, *3-го іюня 1856 года. Казань. 1856.*

Привычка заставляетъ насъ, наученныхъ горькими опытами, не ожидать отъ «торжественныхъ рѣчей» ничего другаго, кромѣ пышныхъ и пустыхъ фразъ, кромѣ велерѣчиваго многословія, кромѣ безжизненныхъ общихъ мѣстъ. Къ счастію, не такова «Рѣчь» г. Бабста. Это произведеніе, можно сказать, образцовое по дѣльности и благородству мысли, по живости изложенія, по обилію интересныхъ и поучительныхъ фактовъ. Рекомендуемъ эту прекрасную «Рѣчь» вниманію каждаго образованнаго читателя. Намъ хотѣлось бы, чтобъ вся публика познакомилась съ нею, и такъ какъ брошюра г. Бабста напечатана, безъ сомнѣнія, только въ незначительномъ числѣ экземпляровъ, то мы считаемъ своею обязанностью сообщить читателямъ хотя нѣкоторые отрывки изъ нея, какъ прекрасные примѣры благороднаго примѣненія науки къ жизни. Примѣры эти, къ сожалѣнію, еще рѣдки у насъ; но тѣмъ бо́льшаго вниманія заслуживаютъ немногіе опыты, представляемые въ этомъ родѣ нашею ученою литературою.

«Еще очень недавно (такъ начинаетъ г. Бабстъ) мы отпраздновали, м. г., радостное извѣстіе о заключеніи мира. Мы знаемъ, какъ благодѣтельно подѣйствовалъ на наше сельское хозяйство, на нашу торговлю и промышленность одинъ только слухъ о близости этой радостной минуты великаго народнаго примиренія. Вздохнулъ свободнѣе и помѣщикъ, имѣя надежду на сбытъ хлѣба и на хорошія цѣны, потянулась къ намъ вереница купеческихъ прикащиковъ для закупа продуктовъ нашихъ родимыхъ нивъ и полей, встрепенулись и зашумѣли наши фабрики, прекратившія работы, и толпы коммерческихъ агентовъ появились уже въ нашихъ портахъ и промышленныхъ центрахъ для закупа нашихъ продуктовъ. Встрѣчая съ радостію миръ, не возмутимъ нашего счастія сѣтованіемъ о прошедшихъ страданіяхъ, а возблагодаримъ войну за тѣ великіе плоды, которыми мы отчасти уже начинаемъ пользоваться. Тяжкія народныя борьбы и страданія заставляютъ народы осматриваться, провѣрять свою пройденную жизнь, провѣрять учрежденія, измѣнять ихъ и поправить свои ошибки. Воспользуемся же дружно, м. г., спасительными опытами войны и плодами ея. Она и въ экономическомъ

нашемъ быту раскрыла намъ также во всей ихъ наготѣ недостатки и упущенія наши. Она указала намъ на недостатки въ путяхъ сообщеній, на монопольный характеръ многихъ сторонъ нашей промышленной дѣятельности, на отсутствіе кредита, на исключительно еще почти естественный характеръ народнаго и государственнаго хозяйства, на медленное обращеніе капиталовъ, наконецъ на недостатокъ въ нихъ. Возблагодаримъ ее за то, что она намъ указала на всѣ означенныя темныя стороны. Намъ предстоитъ теперь только не дрогнуть передъ ними, но съ ними бороться и одолѣть ихъ. Подобно нашимъ доблестнымъ витязямъ, отстаивавшимъ грудью россійскіе предѣлы, пускай отстаиваютъ честь родины каждый изъ насъ: и купецъ, и земледѣлецъ, и мужи закона и науки. Ополчимся всѣ дружно и дружно станемъ дѣйствовать для распространенія нравственнаго образованія, для умноженія нашего богатства...

«Прежде всего наукѣ приходится бороться съ тупыми, устарѣлыми предразсудками, съ недовѣріемъ большинства, привыкшаго къ рутинѣ,—большинста, выражающаго на каждомъ шагу свое недовѣріе, неуваженіе, а нерѣдко и злобу къ теоріи. Нѣтъ почти ни одного вопроса, ни одного явленія въ народномъ хозяйствѣ, гдѣ бы теорія не встрѣтила упорнаго сопротивленія, и гдѣ бы намъ не пришлось вступить въ бой съ отживающими уже формами народнаго хозяйства, но за которыя говорятъ вѣковая давность, привычка, рутина и неподвижность—эти постоянные признаки отживающихъ формъ. Подобныя препятствія встрѣчала политическая экономія вездѣ. Вездѣ противъ нововведеній и реформъ, вызываемыхъ измѣнившимся содержаніемъ народной жизни и условій народнаго хозяйства, выступали защитники стараго быта, ветхихъ формъ; но за то вездѣ въ Европѣ была эта борьба облегчена тѣмъ, что тамъ существуетъ полемика, что каждый заживо затронутый въ своихъ интересахъ выступаетъ на защиту своихъ мнѣній словомъ, что тамъ экономическое образованіе составляетъ необходимую принадлежность образованнаго большинства; наконецъ, тѣмъ, что тамъ вообще образованіе разлито шире, чѣмъ у насъ. Предразсудки, недовѣріе къ теоріи, рутину найдемъ мы вездѣ. Вездѣ, гдѣ только существуетъ человѣческое общество, вездѣ встрѣтимъ мы двѣ великія партіи, на которыя одно дробится: приверженцевъ старины и рутины, не довѣряющихъ теоріи, и партію прогресса, сознающую необходимость реформы. Но дѣло въ томъ, что нигдѣ уже не найдемъ мы зато такого неуваженія къ теоріи и наукѣ, какъ у насъ; не услышимъ уже подобныхъ словъ, что не дворянское дѣло заниматься хозяйствомъ, не услышимъ похвалъ нашей внутренней торговлѣ, по душѣ, безъ всякаго счетоводства, безъ книгъ, гдѣ рѣдкій купецъ, рѣдкій помѣщикъ въ состояніи сдѣлать балансъ своимъ оборотамъ, не услышимъ уже подобныхъ мнѣній, которыя питаетъ у насъ большинство даже образованнаго народонаселенія, храпившаго дѣтское убѣжденіе. что, запретивъ вывозъ хлѣба, Россія можетъ голодомъ принудить западную Европу къ уступкамъ, не найдемъ уже людей, какъ у насъ въ захолустьѣ, которые бы удивлялись, что случайно заѣхавшій къ намъ образованный купецъ такъ живо интересуется иностранными газетами, тогда какъ въ Дворянскомъ Собраніи лежатъ онѣ почти нетронутыми, не найдемъ и представителей финансоваго управленія, высказывающихъ мнѣніе, что, умноживъ налогъ на соль, необходимо получишь больше дохода отъ увеличившагося потребленія. Въ такихъ словахъ видны уже и не нападки на теорію, а совершенное непониманіе первыхъ началъ народнаго хозяйства; здѣсь приходится учить, здѣсь только всеобщее образованіе, ученіе можетъ вызвать общество на прямую дорогу.

«Распространеніе здравыхъ экономическихъ понятій, м. г., составляетъ одну изъ самыхъ необходимыхъ потребностей нашего общества. Пора, наконецъ, перестать жить зря, какъ говорится, дѣлать все зря. Наступаетъ для насъ пора провѣрить все, что мы сдѣлали, что совершили, и достойно ли совершили. Пора намъ задать себѣ вопросъ, такъ ли мы воспользовались и обширнымъ пространствомъ нашей родины и громадными богатствами, кроющимися въ ея нѣдрахъ и выпавшими по волѣ Провидѣнія на нашу долю. Русская исторія сдѣлала громадные успѣхи въ послѣднее время; предоставимъ даровитымъ ея дѣятелямъ слѣдить за судьбами русскаго человѣка втеченіе его долгой исторической жизни. Пора и экономистамъ провѣрить исторію экономическаго быта русскаго человѣка, прослѣдить исторію его пищи, одежды, жилья,

прослѣдить все, чего онъ желалъ, чего хотѣлъ, чего добивался и какъ добивался, чего, наконецъ, успѣлъ достигнуть, и каковы успѣхи нашего экономическаго быта.

«Тогда, вѣроятно, рѣже встрѣтимъ мы эту самоувѣренность въ нашемъ превосходствѣ, это китайское самодовольствіе и эту возмутительную лѣность ко всѣмъ улучшеніямъ экономическаго быта. Тогда не встрѣтимъ мы страннаго убѣжденія, что безъ насъ и нашего хлѣба, безъ нашего лѣса или сала не можетъ обойтись западная Европа, что она зависитъ отъ насъ, и что въ нашей волѣ морить ее голодомъ или дать наѣсться досыта; а, между тѣмъ, англійскій поденщикъ продолжаетъ ѣсть хлѣбъ, какой у насъ ѣстъ только высшее сословіе, и ежедневно потребляетъ полтора фунта мяса, тогда какъ нашъ крестьянинъ ѣстъ его по праздникамъ рѣдко и круглый годъ довольствуется хлѣбомъ, о которомъ уже съ XVII ст. въ западной Европѣ и не знаютъ. Не хвастовство, не самоувѣренность приведутъ насъ къ добру, а истинный патріотизмъ и безпристрастное, благородное сознаніе въ своихъ недостаткахъ. Пора намъ перестать быть Расплюевыми, увѣряющими, что сельское хозяйство оттого въ западной Европѣ хорошо, что вѣдь съ голоду все они это дѣлаютъ. Мы, что ли, ужь такъ богаты? Ежели кто припомнитъ голодные наши годы и все, что ему приходилось видѣть на дорогахъ и въ деревняхъ, тотъ сознается, что подобнаго голода въ западной Европѣ и быть не можетъ, при ея экономическомъ развитіи, при ея богатствѣ, путяхъ сообщеній и другихъ улучшеніяхъ экономическаго быта.

«Не разъ случалось намъ слышать возгласы противъ промышленнаго, матеріальнаго направленія нашего вѣка, и преимущественно западной Европы; не рѣдко говорится о новомъ Вавилонѣ, о поклоненіи золотому тельцу, о томъ, что всѣ нравственные интересы принесены въ жертву интересамъ промышленнымъ, и затѣмъ всѣ нападки обрушиваются на науку о народномъ хозяйствѣ. Но гдѣ же болѣе видимъ мы корыстолюбія, безчеловѣчія, какъ не въ народахъ неразвитыхъ и экономически необразованныхъ? да и гдѣ мы найдемъ, не у насъ ли, патріархальность нравовъ и золотой вѣкъ, о которомъ мечтаютъ поэты? Не въ житьѣ ли, старомъ житьѣ Степана Михайловича Багрова видимъ мы патріархальность нашего экономическаго быта, не въ нашихъ ли купеческихъ сдѣлкахъ по душѣ, гдѣ чаще всего бываютъ банкротства, чаще, нежели гдѣ нибудь на Западѣ, гдѣ книговодство и счетоводство обезпечиваютъ всѣхъ и каждаго? Намъ указываютъ на широту нашей жизни, на ея размашистость, на разсчетливость западной жизни. Но послѣдняя проистекаетъ оттого, что каждый и долженъ и обязанъ жить сообразно съ своими средствами, не можетъ позволить себѣ излишества, не можетъ захватить чужой порціи; да средняя-то порція каждаго и больше и лучше.»

Могущественнѣйшее средство къ возвышенію государственнаго благосостоянія—продолжаетъ ученый профессоръ—заключается въ увеличеніи капитала, которымъ располагаетъ нація: но капиталъ приноситъ дѣйствительную пользу только тогда, когда не остается лежать мертвымъ и не растрачивается для суетныхъ цѣлей, а энергически употребляется на предпріятія, истинно полезныя для народнаго благосостоянія:

«Для лѣниваго, для безпечнаго народа капиталы—это мертвыя силы, и накопленіе ихъ, равно какъ и силы, направленныя на послѣднее, считаются, пожалуй, безплодною тратою. Нужно, чтобы въ самомъ народѣ крылись и убѣжденіе и сознаніе необходимости бережливости и труда, безъ котораго невозможно накопленіе капиталовъ. Что пользы было Испаніи, когда всѣ сокровища Новаго Свѣта прилили къ ней? Она не стала отъ нихъ богаче, потому что съ приливомъ сокровищъ не усилилась народная дѣятельность. Дурныя государственныя учрежденія, историческія условія, при которыхъ развивалась Испанія, подавили въ народѣ смыслъ и желаніе къ труду, и она осталась бѣдна. Много есть, значитъ, условій, при которыхъ образуются и накопляются капиталы. Энергія и стремленіе къ накопленію послѣднихъ не одинаковы у разныхъ народовъ, но зависятъ отъ самыхъ разнообразныхъ причинъ: отъ бережли-

вости народной, отъ обезпеченности его собственности, отъ производительности его труда, отъ отношенія между его производительнымъ и непроизводительнымъ народонаселеніемъ, отъ болѣе или менѣе быстраго обращенія цѣнностей, отъ степени нравственнаго и умственнаго образованія народнаго. Капиталы—результатъ бережливости. Чѣмъ развитѣе народъ, чѣмъ онъ трудолюбивѣе, тѣмъ онъ обыкновенно бережливѣе. По песчинкамъ накопляются капиталы; но каждая песчинка пропитана трудовымъ потомъ рабочаго сословія, и всѣ силы верховной власти, вся задача умнаго и благомыслящаго правительства должны быть направлены на то, чтобы драгоцѣнныя сіи песчинки не развѣяны были по вѣтру и не прилипли бы къ нечистымъ рукамъ.

«Первое и главное условіе для поощренія бережливости и накопленія народнаго капитала, это — полное обезпеченіе труда и собственности. Когда мы увѣрены, что плоды нашихъ трудовъ, будь они результаты труда вещественнаго или невещественнаго, не пропадутъ, тогда всѣ мы готовы трудиться, тогда народная производительность дѣлаетъ чудеса, и капиталы вещественные, равно какъ и нравственные, быстро умножаются. Гдѣ мало безопасности, гдѣ мало увѣренности въ пользованіи плодами своей бережливости, тамъ ничтожно и стремленіе къ послѣдней. Солдатъ въ военное время, моряки и въ особенности китоловы всегда чрезвычайно расточительны и безпорядочны. Домовитость, мудрое скопидомство могутъ быть только въ такихъ народахъ, гдѣ каждый увѣренъ въ своей безопасности, и гдѣ вслѣдствіе такой увѣренности дѣятельность каждаго отдѣльнаго лица получаетъ большіе размѣры, и гдѣ въ цѣломъ народѣ замѣтно стремленіе копить, чтобы умножить свое богатство и улучшить свое матеріальное положеніе. Мы часто слышимъ нападки на врожденную лѣнь и безпечность нѣкоторыхъ народовъ, на отсутствіе всякаго смысла къ улучшенію своего быта. Это отчасти справедливо. Но нельзя согласиться, чтобы лѣнь и безпечность были удѣломъ цѣлаго народа, и нельзя предположить, чтобы въ цѣломъ народѣ существовало полное отсутствіе желанія улучшить свой бытъ. Это невозможно, и мы должны скорѣе искать объясненія такого грустнаго явленія въ условіяхъ, среди которыхъ живетъ извѣстный народъ. Когда избытки народа такъ малы, что и копить ихъ нечего, когда онъ даже и въ нихъ не увѣренъ, потому что каждую минуту его трудолюбіе можетъ быть потревожено произвольными наѣздами бати-бузуковъ самаго разнообразнаго рода, гдѣ же тутъ можетъ быть возможность бережливости? Лучше пропить послѣднюю копѣйку, чтобы она только другому не досталась. Все же она какъ будто не пропала. Когда промышленникъ не можетъ начать ни одного предпріятія, не рискуя потерять своего капитала, когда заимодавецъ тщетно преслѣдуетъ своего должника, переѣзжающаго преспокойно изъ одного города въ другой, гдѣ же тутъ можетъ быть бережливость, гдѣ же тутъ возможность быстраго накопленія капиталовъ? Практики, вѣроятно, улыбнутся, читая эти строки, и укажутъ на громадные капиталы, обращающіеся въ нашей торговлѣ, укажутъ на громкія имена нашихъ аристократовъ торговли; но намъ и не приходитъ въ голову отрицать существованія капиталовъ въ Россіи. Они есть; но ихъ все-таки мало. Высота процента служитъ лучшимъ тому доказательствомъ; а онъ у насъ очень высокъ. Причина же высоты роста двоякая: или у насъ мало капиталовъ и, значитъ, мало еще стремленія къ накопленію, или же капиталы есть, и тогда высокій ростъ происходитъ отъ высоты страховой преміи—отъ недостатка безопасности; а гдѣ нѣтъ безопасности, тамъ не можетъ быть и бережливости. При такомъ отсутствіи безопасности не могутъ развиться и главныя побудительныя причины накопленія—предусмотрительность и забота объ общемъ благѣ. Народы на низкой степени нравственнаго развитія почти не знаютъ предусмотрительности.

«Трудно себѣ представить, до какой степени дурная администрація, отсутствіе безопасности, произвольные поборы, грабительство, дурныя учрежденія дѣйствуютъ гибельно на бережливость, накопленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на умноженіе народнаго капитала. Междоусобныя войны, борьба политическихъ партій, нашествія, моръ, голодъ не могутъ имѣть того гибельнаго вліянія на народное богатство, какъ произвольное управленіе. Чего не перенесли благословенныя страны Малой Азіи, какихъ не испытали они переворотовъ,—и постоянно вновь обращались въ земной рай, покуда не

скрутила ихъ турецкая администрація! Что было съ Франціей въ XVIII столѣтіи, когда надъ земледѣльческимъ народонаселеніемъ тяготѣла безобразная система налоговъ и когда въ добавокъ еще, подъ видомъ послѣднихъ, каждый чиновникъ могъ смѣло и безнаказанно грабить? Противъ воровъ и разбойниковъ есть управа; но что же дѣлать съ органами и служителями верховной власти, считающими свое мѣсто доходнымъ производствомъ? Тутъ изсякаетъ всякая энергія труда, всякая забота о будущемъ, объ улучшеніи своего быта.

«Умноженіе народнаго богатства зависитъ, главнымъ образомъ, отъ производительнаго употребленія плодовъ бережливости. Было время, когда господствовало общее мнѣніе, что правительство можетъ потребить весь капиталъ народный, что такое потребленіе будетъ даже полезно, ежели только всѣ истраченные капиталы разойдутся въ народѣ. Это невольно напоминаетъ намъ правило самосскаго тирана Поликрата, увѣрявшаго, что друзья его гораздо довольнѣе, когда онъ отдаетъ имъ назадъ, что у нихъ награбилъ, нежели когда онъ оставляетъ ихъ въ покоѣ. Такія самосскія понятія не исчезли и до сихъ поръ. Мы и теперь часто услышимъ, что расточительность не только не вредна, но даже и полезна, ежели только деньги остаются въ государствѣ. Но что, если бы всѣ капиталы, издержанные впродолженіе всеобщаго мира въ Европѣ на громадныя морскія и военныя силы, были употреблены на производительное и для народа полезное дѣло, развѣ результаты были бы тѣ же? Употребить милліонъ на фабрику или на другое промышленное предпріятіе и истратить милліонъ на потѣшный огонь, хотя бы даже и въ томъ и другомъ случаѣ деньги остались въ народѣ, не одно и то же. До пышнаго фейерверка народный капиталъ представляетъ двѣ цѣнности: милліонъ въ деньгахъ и милліонъ въ цѣнностяхъ, предназначенныхъ для потѣшнаго огня; но послѣ него 1,000,000 въ деньгахъ остался, но другой милліонъ исчезъ навсегда, за исключеніемъ только той прибыли, которая осталась въ рукахъ людей, занятыхъ приготовленіемъ торжества. Каждая ненужная трата, каждый лишній расходъ имѣютъ точно такое же вредное дѣйствіе. Употреблять двухъ работниковъ, гдѣ достаточно одного, держать легіоны чиновниковъ, гдѣ въ нихъ вовсе нѣтъ такой нужды, не менѣе вредно. Такъ, мы знаемъ, что въ нѣкоторыхъ областяхъ Австріи расходы на чиновниковъ поглощаютъ половину доходовъ областей, гдѣ они имѣютъ свои мѣста, а всѣ расходы на чиновниковъ, равно какъ и большая часть государственныхъ расходовъ, это суммы, совершенно уже погибшія для капитализаціи, и всѣ онѣ потребляются по большей части непроизводительно. Всякая лишняя трата, всякая лишняя издержка вредны для капитализаціи, и вотъ почему всѣ силы умнаго и заботливаго правительства должны быть постоянно направлены на то, чтобы не издерживать ничего лишняго и, съ другой стороны, чтобы дать всю возможность частнымъ лицамъ безпрепятственно и безопасно пользоваться копѣйкою, пріобрѣтенною трудомъ и потомъ. «Каждая копѣйка, говоритъ пословица, алтыннымъ гвоздемъ прибита».

«Мы указали уже, что одно изъ главныхъ условій накопленія капиталовъ и умноженія народнаго богатства—это правильное и производительное его потребленіе; а для этого всего прежде нужно раскрыть всѣ пути, дать самую широкую возможность къ быстрому обращенію капиталовъ. Чѣмъ быстрѣе обращаются капиталы, тѣмъ они приносятъ болѣе дохода, тѣмъ они производительнѣе. Капиталъ, обращающійся три раза въ годъ, болѣе приноситъ выгоды и пользы, нежели капиталъ, обращающійся только разъ.

«Бросивъ взглядъ на экономическій бытъ разнородныхъ обществъ Европы, мы придемъ къ одному заключенію, что тѣ общества бѣднѣе, гдѣ медленнѣе обращеніе цѣнностей, гдѣ менѣе развитъ кредитъ, гдѣ пути сообщеній хуже. Громадные успѣхи, совершившіеся въ Австріи и Венгріи съ 1848, вызваны были благодѣтельными мѣрами правительства, проведеніемъ линій желѣзныхъ дорогъ и основаніемъ обширныхъ кредитныхъ учрежденій. Говоря здѣсь о матеріальныхъ успѣхахъ въ экономическомъ быту Австріи, нельзя не упомянуть здѣсь о ея великомъ финансовомъ мужѣ Брукѣ, вышедшемъ подобно Кольберу изъ купеческой конторы, внесшемъ новыя силы и новую жизнь въ экономическій бытъ имперіи. Онъ указалъ на великую истину, что удобство сообщеній—главное условіе для дружнаго содѣйствія всѣхъ производительныхъ силъ

народа, что умноженіе матеріальнаго богатства Австріи не можетъ итти въ уровень съ матеріальнымъ развитіемъ остальной Европы, ежели въ однѣхъ областяхъ ея много промышленныхъ силъ, въ другихъ много суровья, но когда ни то, ни другое не могутъ удобно сообщаться и размѣниваться,—и сѣть желѣзныхъ дорогъ прорѣзываетъ уже по его указанію и настоянію Австрійскую имперію, а обширныя кредитныя учрежденія начинаютъ уже живить народную промышленность».

Но какъ же помочь дѣлу, когда нація имѣетъ недостатокъ въ собственныхъ капиталахъ, или эти капиталы скрываются или расточаются, не употребляясь на полезныя предпріятія? Капиталъ не прикованъ ни къ какой странѣ: онъ не знаетъ границъ, раздѣляющихъ государства и народности. Нужно только одно: силою не отгонять капитала, не убивать кредита, и самъ собою капиталъ прильетъ изъ странъ, изобилующихъ имъ, въ страны, которыя въ немъ нуждаются:

«Противъ иностранныхъ капиталовъ и прилива ихъ къ намъ случалось намъ часто слышать грозныя рѣчи. Говорятъ о какой-то постыдной зависимости отъ иностранцевъ, о потеряхъ въ звонкой монетѣ, которою мы должны будемъ уплачивать проценты, ущербѣ народному хозяйству, когда иностранецъ, нажившій себѣ въ Россіи состояніе, уѣзжаетъ пользоваться плодами своего труда на родину и увозитъ наши капиталы. Но вглядимся поближе, попристальнѣе въ это утѣшительное и многознаменательное явленіе переселенія капиталовъ, взглянемъ прямо, а не сквозь плохія очки старыхъ теорій и воззрѣній, и явленіе представится намъ совершенно въ иномъ видѣ.

«Чѣмъ дешевле намъ обходится удовлетвореніе какой нибудь экономической потребности, тѣмъ для насъ это выгоднѣе, потому что стоитъ намъ меньше усилій. Ежели одинъ изъ факторовъ производства дорогъ, то его стараются достать подешевле. Въ странѣ съ высокой заработной платой очень рады дешевымъ работникамъ, при дороговизнѣ капиталовъ, т. е. при высокомъ ростѣ, стараются пріобрѣсти ихъ изъ-за границы. Правительство, производя заемъ за границей и получая тамъ необходимые ему капиталы за 5%, поступаетъ гораздо бережливѣе, нежели занимая у себя дома по 8 или 6. Мы богаты землею, богаты естественными продуктами, но бѣдны капиталами, необходимыми для усиленія нашего производства, для обработки богатыхъ и разнообразныхъ произведеній нашей родины: очевидно, значитъ, что намъ гораздо выгоднѣе воспользоваться чужими дешевыми капиталами. Ежели Россія занимаетъ на полезное предпріятіе капиталы за границей и платитъ ежегодно 3 и 4 процента, а сама получитъ отъ производительнаго употребленія 10%, то, конечно, мы все-таки будемъ въ выигрышѣ, и въ этомъ отношеніи иностранный заемъ на Московскую желѣзную дорогу былъ, во всякомъ случаѣ, выгоднѣе займа внутренняго. Международное движеніе капиталовъ и помѣщеніе иностранныхъ капиталовъ въ большихъ промышленныхъ предпріятіяхъ—одна изъ самыхъ характеристическихъ сторонъ нашей эпохи. Англійскіе капиталы давно уже начали свою космополитическую дѣятельность. Капиталы англійскіе давно уже пополняютъ передержки въ государственныхъ расходахъ, питаютъ и живятъ промышленность континентальной Европы. Многія изъ французскихъ желѣзныхъ дорогъ построены при содѣйствіи ихъ, и наконецъ, не далѣе, какъ въ прошломъ году, австрійское правительство уступило и передало большую часть своихъ линій желѣзныхъ дорогъ, какъ отстроенныхъ, такъ и проэктированныхъ, уступило нѣсколько значительныхъ рудниковъ и горныхъ заводовъ обществу англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ капиталистовъ. Уступить главныя линіи своихъ дорогъ, богатые рудники и часть государственныхъ имуществъ частной компаніи казалось и въ Австріи дѣломъ безразсуднымъ и возбудило въ приверженцахъ старой финансовой рутины и казенныхъ предпріятій ропотъ и неудовольствіе; но не такъ думалъ и думаетъ Брукъ. Какъ купецъ и промышленникъ, онъ понимаетъ очень хорошо, что каждое казенное промышленное предпріятіе плетется всегда медленно и вяло, и что только частныя предпріятія приносятъ всѣ возможныя выгоды. Не забудемъ также и еще одного важ-

наго обстоятельства, что продажей дорогъ и рудниковъ австрійское правительство получило въ свои руки значительный капиталъ, который далъ ему возможность поправить и привести въ порядокъ свою систему ассигнацій, отъ безпорядка которой страдаетъ до сихъ поръ еще австрійское народное хозяйство. Призвавъ иностранные капиталы, австрійское правительство получило, значитъ, двоякую пользу: дало толчекъ дремлющимъ производительнымъ силамъ богатой страны и спаслось само отъ банкротства. Призывъ иностранныхъ капиталовъ нисколько, однимъ словомъ, не вредитъ государству, но только приноситъ пользу, конечно, ежели ихъ употребляютъ только производительно. Всякій же заемъ для цѣли непроизводительной вреденъ, потому что народное богатство не умножается, но уменьшается, и народъ долженъ нести на себѣ всю тяжесть уплаты процентовъ, которые уплачиваются въ добавокъ изъ прежде существовавшаго капитала. Такое выгодное перемѣщеніе капиталовъ возможно только при содѣйствіи кредита, и когда всѣ разнообразныя вѣтви народной промышленности чувствуютъ въ немъ необходимость, когда онѣ безъ кредита не могутъ подняться и распустить крылья, тогда задача каждаго правительства должна состоять въ доставленіи всѣхъ возможныхъ средствъ для развитія и расширенія кредита. Не трудно найти причины, отчего кредита въ народѣ мало, и у правительства всегда въ рукахъ средства, у него всегда и сила и возможность поднять кредитъ или, чего Боже избави, задавить его скромные начатки. Чахнетъ же кредитъ, какъ и всякая сторона экономической жизни, тогда, когда частная дѣятельность и промышленность стѣснены, когда народной промышленности навязываютъ устарѣвшіе экономическіе законы и правила».

Но подъ капиталомъ разумѣются не однѣ только деньги, не одни матеріальныя богатства:

«Есть еще одна отрасль народнаго капитала—это капиталъ нравственный, заключающійся въ народной честности, въ народной предпріимчивости и степени трудолюбія, въ живомъ и ревностномъ участіи къ общему благу, въ привычкѣ не полагаться на внѣшнюю помощь, не искать себѣ въ силахъ, лежащихъ извнѣ, опоры, но въ самомъ себѣ, въ привычкѣ къ самостоятельности. Не одинаково и не ровно распредѣлены сіи высокія качества нравственнаго достоянія народнаго, этого неоцѣненнаго запаса нравственнаго капитала. Подобно вещественному богатству, проявляющемуся въ разныхъ степеняхъ, встрѣчаемъ мы и нравственный капиталъ не въ одномъ и томъ же количествѣ. Мы найдемъ многочисленныя здѣсь ступени, начиная отъ жидовскаго торгашества и барышничества, врожденнаго восточнымъ народамъ, до непоколебимой честности квакеровъ, извѣстной цѣлому міру, отъ лѣни неаполитанскаго лазарони до трудолюбія англійскаго работника и отъ совершенной апатіи, отъ совершеннаго отсутствія потребности къ улучшенію своего быта земледѣльческаго населенія на Востокѣ до неутомимаго духа къ спекуляціямъ сѣверо-американца. Вглядитесь въ весь общественный организмъ восточныхъ государствъ, и вы увидите, что тамъ, гдѣ дѣти отъ своихъ родителей заимствуютъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ презрѣніе къ честному труду, презрѣніе къ честности и къ образованію, гдѣ все управленіе основывается на продажности и на подкупѣ, гдѣ господствуетъ полный произволъ вездѣ и всюду, гдѣ уголовное законодательство существуетъ почти единственно для потачки преступленію, а не для того, чтобы карать его,—тамъ, конечно, не можетъ быть честности; а гдѣ нѣтъ честности, тамъ не можетъ развиваться и умножаться народное богатство. И. дѣйствительно, гдѣ болѣе бѣдности и нищеты, какъ не въ самыхъ благословенныхъ странахъ Азіи и Европы, но страдающихъ отъ дурнаго управленія? Развитіе промышленности можетъ быть только тамъ, гдѣ господствуетъ честность въ народѣ и гдѣ развитъ кредитъ.

«Но ежели честность, м. г., и народная нравственность такъ много содѣйствуютъ умноженію народнаго богатства, то не забудемъ, что вмѣстѣ съ цивилизаціей усиливаются въ народѣ и духъ предпріимчивости и трудолюбіе. Никакія поощренія, никакія правительственныя мѣры не въ состояніи вызвать въ народѣ двухъ этихъ необходимыхъ для его благосостоянія качествъ, ежели только народная собственность не обезпечена, ежели у народа нѣтъ возможности дать полнаго развитія всѣмъ своимъ

промышленнымъ силамъ, ежели его дѣятельность стѣснена на каждомъ шагу вмѣшательствомъ въ его промышленныя дѣла, и онъ не можетъ безъ спросу съ мѣста двинуться, безъ платежа предпринять чего нибудь. Но для того, чтобы въ народѣ возбудить, вызвать благородный духъ предпріимчивости и уваженіе ко всякому полезному труду, возбудить честность и чувство правоты, для этого, м. г., необходимѣе всего широкое, всепроникающее образованіе.

«Возблагодаримъ же нашего Державнаго Миротворца за миръ, подъ сѣнью котораго да развивается у насъ истинное и благородное образованіе, да развивается народное богатство, да крѣпнетъ въ народѣ чувство чести и правоты. Высочайшее разрѣшеніе пріема неограниченнаго числа студентовъ въ университеты, Высочайшее дозволеніе отправлять молодыхъ людей для усовершенствованія за границу указываетъ намъ путь, которымъ хочетъ Державный Вождь вести народъ свой, и радостно отзывается на его призывъ каждое сердце истиннаго патріота, истинно образованнаго русскаго гражданина. Безъ образованія, безъ распространенія полезныхъ знаній нѣтъ возможности для матеріальнаго благосостоянія народовъ, нѣтъ возможности умноженія народнаго богатства, а безъ послѣдняго нѣтъ у народа и средствъ къ образованію и къ нравственному развитію».

Мы увѣрены, что читатели будутъ намъ благодарны за сообщеніе этихъ прекрасныхъ словъ; не сомнѣваемся въ томъ, что приведенныхъ нами отрывковъ достаточно для того, чтобы оправдать живое сочувствіе, съ которымъ говорили мы о достоинствахъ «Рѣчи» г. Бабста. Дай Богъ, чтобы подобныя произведенія чаще и чаще являлись въ нашей литературѣ.

Военно-историческіе очерки Крымской Экспедиціи, *составленные Генеральнаго Штаба капитаномъ* Аничковымъ. *Части I и II. Спб. 1856.*

Г. Аничковъ говоритъ въ предисловіи къ своимъ «Очеркамъ», что не хочетъ писать полной исторіи достопамятной Крымской Экспедиціи. Цѣль его гораздо скромнѣе: онъ только сводитъ въ одинъ связный разсказъ показанія нашихъ и иностранныхъ газетъ, повѣряя ихъ обнародованными реляціями нашихъ главнокомандующихъ и объясняя изображеніями мѣстностей. Въ первой книжкѣ, онъ описалъ такимъ образомъ битвы при Альмѣ, Балаклавѣ, Инкерманѣ и Черной, во второй—осаду и оборону Севастополя, доводя свой разсказъ до штурма 6-го іюня. Надобно сказать, что г. Аничковъ вообще хорошо исполняетъ свою программу, и изъ его брошюрокъ можно составить себѣ болѣе отчетливое понятіе о ходѣ военныхъ дѣйствій, нежели изъ отрывочныхъ реляцій и газетныхъ извѣстій. Но само собою разумѣется, что его разсказъ не замѣняетъ прагматической исторіи Крымской Экспедиціи и только заставляетъ съ бо́льшимъ нетерпѣніемъ ожидать появленія въ свѣтъ сочиненія, которымъ занимается генералъ Е. П. Ковалевскій. Отрывокъ изъ этой исторіи, помѣщенный недавно въ «Современникѣ», показываетъ, что г. Ковалевскій обогатитъ нашу военную литературу книгою, въ высшей степени замѣчательною, какъ по обилію и достовѣрности фактовъ, такъ и по высокому достоинству изложенія.

Для легкаго чтенія. *Повѣсти, разсказы, комедіи, путешествія и стихотворенія современныхъ русскихъ писателей. Томъ II. Спб. 1856.*

Мы предполагали, что изданіе, предпринятое г. Давыдовымъ, будетъ имѣть успѣхъ; и, дѣйствительно, первый томъ «Легкаго чтенія» былъ при-

нятъ публикою съ одобреніемъ, котораго и заслуживалъ по удачному своему составу и доступной всѣмъ цѣнѣ. Второй томъ, по всей вѣроятности, будетъ пользоваться такимъ же успѣхомъ, потому что достоинствомъ содержанія не уступаетъ первому. Въ немъ помѣщены:

Иванъ Савичъ Поджабринъ. Очерки *И. А. Гончарова.*
Дантъ въ Венеціи. Стихотв. *Л*.*
Капризная женщина. Разсказъ *Н. Станицкаго.*
Срубленный лѣсъ. (Отрывокъ). Стихотв. *Н. А. Некрасова.*
Не въ свои сани не садись. Комедія *А. Н. Островскаго.*
На Черномъ морѣ. (1855). Стихотв. *Я. П. Полонскаго.*
Сосѣдка. Повѣсть *Д. В. Григоровича.*
Вечерніе визиты. Очерки уѣздной жизни. *А. В. С—ча.*
Записки маркера. Разсказъ *графа Л. Н. Толстаго.*

Въ третьемъ томѣ, который выйдетъ въ этомъ мѣсяцѣ, будутъ напечатаны, между прочимъ:

Антонъ Горемыка. Повѣсть *Д. В. Григоровича.*
Пять стихотвореній *А. А. Фета.*
Жена часоваго мастера. Разсказъ *Н. Станицкаго.*
Къ отцу. Стихотвор. *А. —аго.*
Красильниковъ. Повѣсть *А. Печерскаго.*
«Одинъ, опять одинъ я». Стихотв. *Т. Л.*
Осенняя скука. Драматическая сцена *Н. А. Некрасова.*

Такимъ образомъ, первые три тома «Легкаго чтенія» даютъ шестьнадцать повѣстей, разсказовъ и драматическихъ пьесъ гг. Гончарова, Григоровича, Дружинина, Некрасова, Островскаго, Печерскаго, С***, Станицкаго, С—ча, Толстаго, Тургенева,—и шестьнадцать стихотвореній: гг. Л***, Майкова, Некрасова, А—аго, Полонскаго, Т. Л. и Фета.

Нѣкоторыя изъ этихъ произведеній являются въ «Легкомъ чтеніи» въ новомъ видѣ; особенно должно замѣтить это о повѣстяхъ г. Тургенева «Записки лишняго человѣка» и гр. Толстаго «Записки маркера». Перечитывая ихъ, мы нашли въ той и другой пьесѣ нѣсколько новыхъ прекрасныхъ сценъ, и оттого онѣ теперь производятъ впечатлѣніе болѣе полное и цѣльное.

Заграничныя извѣстія.

КАЗИМІРЪ БОНЖУРЪ.—Г-ЖА ЖИРАРДЕНЬ.—НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ.—ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ГЕРМАНІИ ПО ЧАСТИ ТЕОРІИ ИСКУССТВА.—НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ ШАЗЛЕРА.—КНИГА ЦАНА.—ЖАРЫ И ЗАПУСТѢНІЕ ВЪ ЛОНДОНѢ. — НОВЫЙ ПРОЭКТЪ ДЛЯ ОТЫСКАНІЯ ФРАНКЛИНА. — ОБЪЯСНЕНІЕ КИТАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

Французская драматическая литература понесла потерю въ лицѣ г. Казиміра Бонжура, пользовавшагося когда-то извѣстностью. Казиміръ Бонжуръ былъ прежде учителемъ, а потомъ поступилъ на службу въ Министерство Финансовъ. Здѣсь онъ написалъ первую свою пьесу Мать-соперница (La mère rivale), которая, точно такъ же, какъ и другое произведеніе его — Деньги (L' argent), отзывалась чиновничьимъ слогомъ. Въ Счастливомъ мужѣ (Le Mari à bonnes fortunes) представлялось уже больше живости, болѣе яркаго дарованія, что заставило начальство автора предположить въ немъ неспособность къ служебнымъ занятіямъ. По выходѣ въ отставку, онъ написалъ еще пять или шесть пьесъ, которыя не оправдали, впрочемъ, общихъ ожиданій. Когда наступила революція 1830 года, Казиміру Бонжуру, сдѣлавшемуся извѣстнымъ не столько своимъ талантомъ, сколько по случаю принужденной отставки отъ службы, предложили мѣсто префекта, отъ котораго онъ, однако, отказался. Онъ довольствовался должностью библіотекаря, въ которой и кончилъ жизнь. Въ послѣдніе годы онъ далъ свѣту замѣтить о своемъ существованіи изданіемъ романа Несчастіе богача и Счастіе бѣдняка (Le Malheur du riche et le Bonheur du pauvre). Попытки его поступить въ Академію оставались безъ успѣха.

Недавно появился въ печати сборникъ журнальныхъ статей, написанныхъ по случаю смерти г-жи Жирардень; но въ это изданіе не вошло лучшее сочиненіе объ этой писательницѣ, авторъ котораго, г. Таксиль Делоръ, извѣстенъ въ области легкой, фельетонной литературы.

Вотъ что говоритъ онъ, между прочимъ, о дѣятельности г-жи Жирардень: «Мудрено найти въ нашей литературѣ что нибудь болѣе трудное для выполненія, чѣмъ эта ежедневная исторія нравовъ, театра, идей, модъ и удовольствій утонченнаго общества. Ничто не требуетъ отъ ума писателя столько проницательности, легкости и вмѣстѣ глубины, какъ подобная работа. И про-

длить существованіе этихъ мимолетныхъ замѣтокъ, описывающихъ такъ называемую современность долѣе минуты, видѣвшей ихъ рожденіе, значитъ осуществить одну изъ труднѣйшихъ литературныхъ задачъ».

По поводу сочиненія г. Чихачева: Климатологическія изысканія въ Малой Азіи, и записки объ этомъ трудѣ, поданной г. Бекерелемъ въ Парижскую Академію Наукъ, былъ обсуждаемъ вопросъ объ истребленіи лѣсовъ. По указаніямъ автора, истребленіе лѣсовъ въ Малой Азіи понизило тамъ среднюю температуру лѣта, возвысило среднюю температуру зимы и было причиной появленія болотъ. Это заключеніе подкрѣплено множествомъ фактовъ. Но для правильнаго опредѣленія послѣдствій, могущихъ произойти отъ истребленія лѣсовъ, необходимо сообразить многія топографическія условія, такъ какъ въ двухъ разныхъ мѣстностяхъ уничтоженіе лѣсовъ можетъ сопровождаться діаметрально противоположными явленіями. Такимъ образомъ, вопреки примѣру, приводимому г. Чихачевымъ, можетъ случиться, что отъ оскудѣнія лѣсовъ лѣто сдѣлается болѣе сухимъ и жаркимъ, а зима болѣе холодною, такъ что обнаженіе почвы земли повлечетъ за собою болѣе значительною разницу между крайними температурами лѣта и зимы. Относительно большей или меньшей влажности почвы, уничтоженіе лѣсовъ ведетъ также къ весьма различнымъ результатамъ. Говоря вообще, лѣса защищаютъ почву отъ солнечныхъ лучей, которые теряются въ густой листвѣ, позволяютъ парамъ сгущаться въ тѣни деревъ и, такимъ образомъ, сохраняя влажность, поддерживаютъ растительную силу.

Г. Буамонъ, котораго физіологическія и психологическія изслѣдованія пользуются большою извѣстностью, издалъ недавно книгу, въ которой излагаетъ собранныя имъ данныя о статистикѣ самоубійства.

Въ предисловіи къ этой книгѣ онъ говоритъ:

«Разсмотрѣвъ примѣры самоубійства въ древности, въ средніе вѣка и въ нынѣшнее время, мы приходимъ къ слѣдующему заключенію: 1) Время отдаленной древности, по свойству господствовавшаго тогда религіознаго и философскаго ученія, имѣвшаго характеръ пантеистическій, въ особенности содѣйствовало развитію самоубійства; 2) напротивъ того, въ средніе вѣка, утвержденіе религіозныхъ чувствъ и философскаго спиритуализма много способствовало ограниченію самоубійства; 3) въ новѣйшія времена возрастающее невѣріе, скептицизмъ и равнодушіе дали опять толчекъ развитію этого преступленія».

По указаніямъ автора, число случаевъ самоубійства представляло съ 1834 по 1843 г. слѣдующія цифры: во Франціи—мужчинъ 17,904, женщинъ 6,969, всего 24,873; въ Парижѣ—мужчинъ 3,215, женщинъ 1,380, всего 4,595. Самоубійцы въ Парижѣ подраздѣлялись, относительно средствъ къ существованію, слѣдующимъ образомъ: богатыхъ было 126; людей достаточныхъ 571; зарабатывающихъ себѣ насущный хлѣбъ 2,000; людей стѣсненныхъ въ средствахъ 256; разорившихся 159; бѣдныхъ 1,173; не приведенныхъ въ извѣстность 310.

Вопреки общепринятому мнѣнію, число самоубійствъ втеченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ превышало число подобныхъ же случаевъ въ зимніе мѣсяцы. Изъ 4,595 самоубійствъ 1,491 совершены въ первые четыре мѣсяца года, 1,837 во вторые четыре мѣсяца и 1,267 въ остальные четыре мѣсяца.

Но кромѣ того, что самоубійцы выбираютъ для прекращенія своей жизни

лучшую пору года, они большею частью совершаютъ это преступленіе не ночью, а при дневномъ свѣтѣ. Изъ 4,595 самоубійствъ въ Парижѣ 2,094 были совершены среди бѣлаго дня, 766 вечеромъ, 658 ночью; объ остальныхъ же 1,077 не собрано удовлетворительныхъ данныхъ.

Г. Буамонъ представляетъ рядъ таблицъ, доказывающихъ, что число случаевъ самоубійства во Франціи и особенно въ Парижѣ и другихъ большихъ городахъ постоянно увеличивается.

Повтореніе примѣровъ самоубійства въ болѣе значительной пропорціи противъ возрастанія народонаселенія не подлежитъ, по мнѣнію автора, никакому сомнѣнію.

Въ числѣ различныхъ причинъ, способствующихъ развитію самоубійства въ Парижѣ, одну изъ главныхъ авторъ относитъ къ биржевымъ спекуляціямъ. Эта спекулятивная игра чрезвычайно увеличилась со времени уничтоженія правительствомъ публичныхъ игорныхъ домовъ.

Вообще, книга г. Буамона проливаетъ яркій свѣтъ на одну изъ печальныхъ сторонъ жизненной статистики.

Въ то время, какъ чисто-литературная дѣятельность Германіи находится въ застоѣ и не производитъ вовсе замѣчательныхъ твореній поэтическихъ, романовъ и театральныхъ пьесъ, въ Берлинѣ процвѣтаетъ отдѣлъ исторіи и критики искусства. Довольно назвать ученыя статьи Франца Куглера, этюды Ваагена о художникахъ Англіи и Франціи, Исторію архитектуры Вильгельма Любке, Письма объ искусствѣ (Künstlerbriefe) Гуля, труды и лекціи Кисса, чтобы дать понятіе, какую высокую степень эстетическая литература занимаетъ въ столицѣ Пруссіи. Между тѣмъ, посреди этой пытливой дѣятельности, недоставало только изданія, которое служило бы посредникомъ между трудами ученыхъ и германской публикой. Недостатокъ этотъ рѣшился восполнить молодой писатель Максъ Шаслеръ, близко знакомый съ исторіей живописи и слѣдившій за всѣмъ, что касалось дѣятельности и направленія современныхъ школъ. Отсутствіе политическаго единства, заставляющее Германію, въ случаѣ кризиса, безпокоиться за свою самобытность, приноситъ ей много пользы въ отношеніи умственной дѣятельности. Благодаря существующей организаціи Германіи, тамъ нѣтъ почти ни одного сколько нибудь значительнаго города, въ которомъ не было бы первостепенныхъ артистовъ; притомъ, каждый городъ отличается самобытною дѣятельностью. Къ несчастію, эти артисты слишкомъ изолированы другъ отъ друга, слишкомъ чужды одинъ другому, школы не обмѣниваются мыслями и добытыми данными, въ особенности публика недостаточно посвящена въ занятія профессоровъ и учениковъ; а потому, когда предстоитъ случай издать какое нибудь капитальное твореніе, Германія какъ будто бываетъ къ тому не приготовлена. Напримѣръ, если бы во время Парижской всемірной выставки въ Берлинѣ или Мюнхенѣ нашелся довольно значительный журналъ, который вызвалъ бы артистовъ на соревнованіе, если бы художники нашли для себя поощреніе въ литературѣ, то, конечно, германскій отдѣлъ выставки представилъ бы совершенно другіе результаты. Діоскуры, сборникъ, издаваемый г. Шаслеромъ, будетъ имѣть цѣлію исполненіе именно подобныхъ обязанностей. Онъ поставитъ себѣ задачей сближать различныя школы, сличать произведенія искусства, обращать вниманіе публики на все замѣчательное, выводить наружу невѣдомыя

сокровища, однимъ словомъ, вноситъ въ область искусства жизнь, одушевленіе. Онъ обѣщаетъ также заниматься промышленностію и отношеніями ея къ искусству рисованія. Такимъ образомъ, изданіе г. Шазлера будетъ руководить публику въ изъисканіяхъ по части искусства и въ самомъ наслажденіи художественными произведеніями. Этого сборника вышло уже нѣсколько тетрадей.

Назадъ тому лѣтъ тридцать, Вильгельмъ Цанъ предпринялъ изданіе огромнаго труда о живописи въ Помпеѣ, Геркуланумѣ и Стабіяхъ. Будучи молодъ и страстно преданъ своей работѣ, Цанъ поселился въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, которыя избралъ предметами своихъ изслѣдованій: онъ провелъ тамъ двѣнадцать лѣтъ, и плодомъ его усилій явился замѣчательный трудъ, который онъ только что окончилъ. Когда первые выпуски его появились въ 1828 году, Гете привѣтствовалъ ихъ съ энтузіазмомъ. Обративъ на это изданіе общее вниманіе Веймара, Берлина, Іены и всей сѣверной Германіи, Гете написалъ о немъ статью въ Вѣнскихъ Лѣтописяхъ, и покровительство, оказываемое имъ автору, чрезвычайно ободряло его посреди трудовъ. Вообще изданіе Цана было однимъ изъ тѣхъ немногихъ предметовъ, которые возбуждали въ дряхломъ уже поэтѣ довольно сильную симпатію. Коллекція писемъ Гете къ Цану составила бы цѣлый томъ; послѣднее изъ нихъ адресовано въ Неаполь отъ 10 марта 1852 года, за двѣнадцать только дней до кончины знаменитаго писателя.

Сочиненіе Цана издано подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Лучшія украшенія и замѣчательнѣйшія картины въ Помпеѣ, Геркуланумѣ и Стабіяхъ, съ очерками и рисунками. Г. Цанъ вмѣстѣ и археологъ и живописецъ: его оживленные снимки съ произведеній древняго искусства сопровождаются объяснительнымъ текстомъ на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ. Притомъ, у автора много изобрѣтательности. Чтобы вѣрнѣе передать характеръ помпейской живописи, онъ придумалъ отпечатывать рисунки вмѣстѣ съ красками, и рисунки эти даже теперь возбуждаютъ удивленіе въ знающихъ людяхъ. А Гумбольдтъ, вполнѣ умѣющій оцѣнивать всевозможныя произведенія ума, старался выставить важность изобрѣтенія Цана: Парижская Академія Художествъ также выразила ему свое полное сочувствіе. Цанъ подраздѣлилъ свой трудъ на три части, изъ которыхъ послѣдняя только что окончена. Первая, заключающая въ себѣ около сотни рисунковъ, появилась между 1828 и 1829 годами, вторая между 1841 и 1845 годами, третья начата въ 1848 году.

Разсматривая произведеніе Цана, всякій пойметъ восторженность Гете: нельзя не удивляться красотѣ, значительности и идеальному величію картинъ, списанныхъ авторомъ. Римская живопись, столь мало извѣстная намъ, является тутъ со всѣми своими сокровищами. Здѣсь глазамъ зрителя представляется цѣлый музей изящныхъ произведеній. Подобное изданіе займетъ почетное мѣсто во всѣхъ большихъ библіотекахъ. Впрочемъ, трудъ Цана, по самому существу своему, не можетъ тотчасъ же разсчитывать на большую популярность, хотя рано или поздно, конечно, найдетъ доступъ въ массу публики.

Лондонъ сильно страдаетъ отъ лѣтнихъ жаровъ и удушливой атмосферы. Среди общаго запустѣнія и пыли, почти единственный привлекательный уголокъ представляетъ Сейденгемскій хрустальный дворецъ. Выставка цвѣтовъ, бывшая тамъ въ нынѣшнемъ году, уже два раза собирала вокругъ себя десятки тысячъ зрителей. Растенія, воспитанныя заботливостію страстныхъ лю-

бителей и искусныхъ садовниковъ, великолѣпныя азаліи съ пунцовыми и бѣлыми цвѣтами, фантастическіе гераніумы, носящіе имена Кобдена и Кассандры, аэриды (offine rubra), эпидендры и розы всевозможныхъ сортовъ обратили внутренность дворца въ самый счастливый оазисъ. Къ цвѣточной выставкѣ присоединялась выставка плодовъ, гдѣ виднѣлись виноградныя лозы, душистые ананасы (pine apples), персики и проч.

Прелесть этихъ даровъ Флоры и Помоны возвышалась еще болѣе присутствіемъ большаго общества самыхъ изящныхъ, самыхъ элегантныхъ англичанокъ.

Монументальныхъ измѣненій внутри дворца почти совсѣмъ нѣтъ, и памятники, поставленные тамъ въ честь мира, сдѣланы изъ картона, хотя и представляютъ гранитъ.

Первому лорду казначейства подана отъ имени людей, пользующихся большимъ значеніемъ, записка, въ которой они ходатайствуютъ о дозволеніи предпринять новые поиски за остатками кораблей Erebus и Terror, на которыхъ, какъ извѣстно, Франклинъ, вмѣстѣ съ своимъ экипажемъ, оставилъ Англію. Вотъ что сказано, между прочимъ, въ этой запискѣ:

«Оставаясь въ убѣжденіи, что корабли ея величества Erebus и Terror, или ихъ остатки, затерты льдами на небольшомъ разстояніи отъ того мѣста, гдѣ найдены докторомъ Рэ нѣкоторыя вещи, принадлежавшія сэру Джону Франклину или людямъ его экипажа, мы, нижеподписавшіеся, почтительно просимъ васъ, милордъ, разрѣшить отправить экспедицію, съ цѣлію поддержать честь нашего отечества и разъяснить тайну, возбудившую сочувствіе образованнаго міра.

«Это предположеніе поддерживается многими изъ людей, производившихъ арктическія изысканія. Видя, что настоящая экспедиція ограничится извѣстнымъ, опредѣленнымъ пространствомъ, они убѣждены, что проектъ удобоисполнимъ и не сопряженъ съ большими пожертвованіями.

«Мы никакъ не думаемъ, чтобы британское правительство, оказавшее такъ много стараній при отысканіи пути, по которому ѣхалъ Франклинъ, прекратило свои изслѣдованія теперь, когда опредѣлена уже мѣстность, гдѣ должны находиться корабли или ихъ остатки,—тѣмъ болѣе, что подобныя изслѣдованія прольютъ новый свѣтъ на географію арктическихъ странъ и разсѣютъ мракъ, которымъ покрыты еще странствованія и судьба нашихъ соотечественниковъ.

«Хотя большинство пришло къ заключенію, что изъ экипажа Франклина не осталось въ живыхъ ни одного человѣка, но есть также люди съ авторитетомъ, которые держатся противнаго мнѣнія.

«Впрочемъ, оставляя въ сторонѣ разсужденія и переходя прямо къ вопросу о возможности отыскать корабли экспедиціи Франклина или слѣды существованія этихъ кораблей, замѣтимъ, что ни экспедиція внизъ по Бакъ-Рейверу, ни экспедиція, достигшая недавно острова Монреаля, не могутъ удовлетворительно выполнить тотъ планъ, который у насъ въ виду. Непрочность лодокъ изъ березовой коры, на которыхъ г. Андерсонъ производилъ свои изысканія, опасности, представляемыя рѣкою, безплодіе страны, окружающей ея устье, и неизбѣжный недостатокъ съѣстныхъ припасовъ не позволили даже

начать должнымъ образомъ изслѣдованіе, которое можетъ быть удовлетворительно выполнено лишь экипажемъ военнаго корабля, не говоря уже о моральномъ вліяніи вооруженнаго отряда, который будетъ находиться по сосѣдству, пока туземцы не заслужатъ полной довѣренности.

«Многіе изслѣдователи арктическихъ странъ выразили убѣжденіе, что, вѣроятно, есть нѣсколько дорогъ, по которымъ винтовой корабль могъ бы такъ близко подойти къ мѣсту, что совершенно устранилъ бы всякое сомнѣніе.

«Не осмѣливаясь утверждать, который именно изъ этихъ плановъ долженъ быть принятъ въ руководство, мы просимъ васъ, милордъ, разрѣшить безъ замедленія такого рода экспедицію, которая, по мнѣнію Комитета арктическихъ путешественниковъ и географовъ, могла бы всего лучше соотвѣтствовать предположенной цѣли. Если Франція, послѣ напрасныхъ усилій узнать что либо вѣрное о судьбѣ Лаперуза, лишь только услыхала, что открыты вещи, принадлежавшія этому путешественнику, какъ немедленно снарядила особую экспедицію для собранія всѣхъ предметовъ, принадлежавшихъ его кораблямъ,—то мы увѣрены, что арктическія изслѣдованія, сдѣлавшія столько чести нашему отечеству, не будутъ оставлены въ ту именно минуту, когда разъясненіе странствованій и судьбы нашихъ потерянныхъ мореплавателей, повидимому, уже въ нашихъ рукахъ.

«Въ заключеніе мы просимъ, чтобы настоящее предпріятіе, которое всего успѣшнѣе могло бы быть выполнено британскимъ правительствомъ, не было отдано на руки постороннимъ людямъ, другой націи, или вдовѣ оплакиваемаго нами собрата».

Въ вышедшей недавно книгѣ Томаса Тейлора Медоуза заключается много любопытныхъ свѣдѣній о Китаѣ, и данныя, сообщаемыя здѣсь, носятъ на себѣ печать несомнѣнной истины. Авторъ началъ изучать китайскій языкъ съ ноября 1841 года. Впродолженіе десяти лѣтъ съ половиной, онъ исправлялъ должность переводчика въ Кантонѣ и Шангаѣ и былъ посылаемъ съ особыми порученіями сперва на острова Лучу, а потомъ въ экспедицію, для изслѣдованія движеній таэ-гинпскихъ мятежниковъ, близъ Нанкина. Тутъ ему представился благопріятный случай ознакомиться съ нравами и обычаями народа, который занимаетъ «Срединную имперію» и составляетъ численностью своею третью часть всей человѣческой семьи. Притомъ-же, авторъ—самобытный мыслитель: онъ не довольствуется собираніемъ фактовъ, а, распредѣляя и сличая ихъ другъ съ другомъ, выводитъ изъ нихъ новыя идеи.

Сочиненіе, которое разсуждаетъ о философіи, нравственности и тому подобныхъ серьезныхъ предметахъ, конечно, не предназначается для поверхностнаго чтенія, но въ книгѣ г. Медоуза встрѣчаются уже слишкомъ длинные и запутанные періоды; изложеніе иногда тяжело, подобно умствованіямъ германскихъ метафизиковъ, попадаются новыя нарочно выдуманныя слова (напр., civilisade, Occidentals, barbarization), которыхъ гораздо благоразумнѣе было бы не употреблять вовсе.

За всѣмъ тѣмъ, не смотря на эти недостатки, книга Медоуза заслуживаетъ быть прочитанною всякимъ, кто желаетъ получить вѣрное понятіе о народномъ понятіи китайцевъ.

Чтобы понять нынѣшнюю китайскую революцію, нужно изучить національныя свойства китайцевъ. Китайцы признаютъ основное начало — вѣчный законъ, методу или необходимость, которые предшествовали появленію всего вещественнаго. Этотъ законъ дѣйствуетъ помощью двухъ орудій—Янгъ, положительнаго вещества, и Инъ, отрицательнаго вещества; отъ совокупнаго дѣйствія этихъ двухъ веществъ рождаются пять стихій и четыре времени года, а отъ взаимнаго вліянія стихій и временъ года происходитъ все существующее въ видимомъ мірѣ.

Далѣе, есть духовное, безтѣлесное начало, называемое Ли. Слово это означаетъ управлять; оно выражаетъ душу матеріи—господствующее начало вселенной, въ человѣкѣ указываетъ на разумъ. Въ каждомъ человѣкѣ заключается особый Ли, который есть составная часть Ли, управляющаго вселенной, подобно тому, какъ мельчайшія капли воды суть составныя части океана.

Говоря обыкновеннымъ языкомъ, китайцы убѣждены, что вселенная существовала отъ вѣчности и что хотя она подвержена постояннымъ измѣненіямъ, но не можетъ быть окончательно разрушена. Далѣе, они вѣрятъ, что міромъ управляетъ вѣчное, неизмѣнное начало, съ которымъ не соединяется впрочемъ идея о личности. Они не признаютъ божества и, разсуждая о небѣ и небесной волѣ, разумѣютъ тотъ же неизмѣнный законъ или начало, о которомъ было упомянуто выше. Этотъ законъ исполняетъ всѣ обязанности божества, потому что, будучи самъ по себѣ абсолютною истиной и совершенной гармоніей, онъ требуетъ, чтобы человѣкъ поступалъ совершенно сообразно съ его дѣйствіями, и тогда человѣкъ бываетъ вполнѣ добродѣтельнымъ. Тотъ же самый законъ за нарушеніе своихъ предначертаній наказываетъ злополучіемъ и лишеніями, сопровождающими человѣка на пути къ пороку. Такимъ образомъ бѣдствія служатъ доказательствомъ, что великій законъ, дѣятельность котораго выражается въ совершенной гармоніи и мирѣ, нарушенъ. Изъ этого китайцы выводятъ слѣдующее заключеніе: «Если благоденствіе народа служитъ убѣдительнымъ доказательствомъ, что правительство его есть орудіе или провозвѣстникъ небесной воли, или вышеупомянутаго закона, то, наоборотъ, несчастія и злополучіе народа доказываютъ, что правительство дѣйствуетъ не въ духѣ закона.» Вотъ почему авторъ могъ сказать съ полнымъ правомъ: «Изъ всѣхъ народовъ, достигшихъ нѣкоторой степени образованія, китайцы наименѣе способны произвести революцію и наиболѣе склонны къ возмущеніямъ».

Революціи суть противодѣйствіе извѣстнымъ началамъ, а китайцамъ нѣтъ дѣла до ихъ правительственныхъ началъ. Между тѣмъ, мятежъ возстаетъ противъ людей, и какъ засухи, эпидемическія болѣзни, землетрясенія, войны, грабежи,—однимъ словомъ, всевозможныя бѣдствія, зависящія отъ естественныхъ или соціальныхъ причинъ, убѣждаютъ китайцевъ, что ихъ правительство оскорбило верховный законъ, то возмущеніе получаетъ въ ихъ глазахъ совершенное оправданіе. Вотъ почему настоящимъ безпорядкамъ въ Китаѣ нельзя даже предвидѣть конца. Хотя маньчжуры, какъ чуждое племя, никогда не пользовались популярностію въ Китаѣ, но главною причиною возмущенія и безпорядковъ была несчастная война съ Англіей, распространившая пламя раздора до Квангъ-си и внушившая Гунгъ-тси-сейсну надежду возродить Китай.

Въ исторіи обращенія китайскаго реформатора и первыхъ подвиговъ его есть много сходства съ тѣмъ, что разсказывалось о Магометѣ. Подобно арабскому пророку, Гунгъ-тси-сейенъ, повидимому, человѣкъ съ нѣжнымъ нервическимъ тѣлосложеніемъ и характеромъ, склоннымъ къ мечтательности. Его такъ же, какъ и арабскаго пророка, посѣщали видѣнія, и впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ немногіе приверженцы его состояли лишь изъ членовъ его семьи.

Г. Медоузъ считаетъ его и другихъ «поклонниковъ Бога» за людей, поступающихъ по убѣжденію, и полагаетъ рѣзкое различіе между ихъ сочиненіями, основанными на протестантскомъ переводѣ Библіи, и позднѣйшими сочиненіями другихъ реформаторовъ, исполненными ненавистнаго богохульства. Гунгъ-тси-сейенъ и его другъ ли обратились въ христіанство и крестились лѣтомъ 1843 года. Осенью 1850 года новая секта пришла въ столкновеніе съ правительствомъ и приняла воинственный видъ.

Начиная съ октября 1850 по мартъ 1853 года, тае-пинги составляли одну армію и переходили изъ мѣста въ мѣсто, постоянно разбивая императорскія войска, разрушая городъ за городомъ, но не занимая никакой постоянной позиціи. Такимъ образомъ они проникли на сѣверъ чрезъ провинціи Квангъ-си, Гу-нанъ и Гу-пигъ. Завоеванія ихъ тщательно обозначены на картѣ, которая приложена къ книгѣ, 19 марта 1854 года мятежники взяли Нанкинъ и умертвили 20,000 маньчжуровъ, составлявшихъ городской гарнизонъ. Съ этого времени они заняли постоянную позицію, захвативъ южную столицу и центральныя области Китая, именно бо́льшую часть провинцій Гунана, Гу-пига, Кингъ-си и Гвуйгванга, гдѣ они остаются до сихъ поръ. Обладаніе Чинъ-Кингомъ предоставляетъ имъ владычество надъ Большимъ Каналомъ; въ то же время они безотчетно распоряжаются на Янгъ-це-кингѣ, или Большой рѣкѣ, на нѣсколько сотъ миль по ея теченію; кромѣ Нанкина и другихъ большихъ городовъ, Ву-чангъ, величайшій городъ въ Китаѣ, также находится въ ихъ власти. Армія, которую они послали къ сѣверу противъ Пекина, достигла Тсингъ-гае, въ семидесяти пяти миляхъ отъ столицы, но была прогнана оттуда арміей маньчжуровъ и дикихъ монголовъ.

По понятіямъ китайцевъ, въ пользу мятежниковъ говорятъ, во-первыхъ, ихъ первоначальные успѣхи, во вторыхъ, жестокости, которыми маньчжуры ознаменовали свое владычество.

Китайцы думаютъ, что человѣкъ по природѣ своей добръ и непороченъ, потому что существо его есть результатъ великаго закона и находится въ гармоніи съ нимъ. Притомъ Ли, или умъ, есть правящее начало матеріи и человѣка въ особенности. Потому люди должны быть управляемы на основаніи разсужденій, доступныхъ уму, а не помощію жестокостей, разрушающихъ тѣло. Если правитель жестокъ, то онъ этимъ самымъ подписываетъ свой приговоръ; а маньчжуры своими варварскими истязаніями нарушали этотъ основной законъ управленія.

Какой бы ни былъ исходъ этого возмущенія, авторъ все-таки не совѣтуетъ постороннимъ государствамъ вмѣшиваться въ дѣла Китая. Если тае-пинги, дѣйствительно, достойны независимости, то они, безъ сомнѣнія, завоюютъ ее.

Замѣтки о журналахъ.

июль 1856.

БѢЛИНСКІЙ.—ПРОДОЛЖЕНІЕ РАЗБОРА СТАТЬИ Н. Ф. ПАВЛОВА О КОМЕДІИ «ЧИНОВНИКЪ».—ВОПРОСЫ ЖИЗНИ, ПИРОГОВА.

Много хорошаго представляетъ намъ наша литература. Мы можемъ быть недовольны въ ней тѣмъ, другимъ, можемъ изъ за того иногда даже досадовать на нее, даже выражать свою досаду на ея несовершенства горькими упреками,—а все-таки много въ ней хорошаго, все-таки большею частью лучшихъ минутъ своей жизни каждый изъ насъ обязанъ тѣмъ высокимъ наслажденіямъ, тѣмъ благороднымъ чувствамъ, которыя доставляла ему литература, все-таки литературная сторона нашей жизни—самая живая и самая свѣтлая сторона ея.

А скажите, чѣмъ выразили мы свою признательность тѣмъ людямъ, которые вложили жизнь въ нашу литературу?

Эти мысли разбудилъ во мнѣ недавній случай.

На дняхъ, привелось мнѣ быть на кладбищѣ. Оно зеленѣло, могилы пестрѣли цвѣтами, играла молодая жизнь на гробахъ, и сіяла природа вѣчной красой, по выраженію поэта. Нѣсколько грустныхъ, толпы равнодушныхъ лицъ встрѣчались мнѣ: одни пришли навѣстить близкихъ, другіе—и бо́льшая часть—отъ нечего дѣлать, полюбоваться на памятники. Мнѣ было тяжело. Я шелъ дальше и дальше, изъ аристократической части кладбища, туда, гдѣ лежатъ бѣдняки. Рѣже и рѣже перерывались мраморными и чугунными памятниками ряды крестовъ, рѣже и рѣже встрѣчались люди. Вотъ я въ краю кладбища, совершенно пустомъ и безмолвномъ. Погруженный въ мысли, я машинально брелъ по пустыннымъ тропинкамъ... я забылся... Вдругъ чей-то твердый и полный какой-то торжественности голосъ вызвалъ меня изъ раздумья.

— Вотъ могила N N., которой хотѣлъ ты поклониться.

Я поднялъ глаза: передъ простымъ чернымъ крестомъ остановились, шедшіе по другой тропинкѣ, поперекъ моей дороги, двое мужчинъ: старшій,

человѣкъ лѣтъ сорока-пяти, указывая взглядомъ этотъ крестъ младшему, юношѣ лѣтъ двадцати.

«Такъ вотъ она, могила моего бѣднаго друга, которую такъ напрасно искалъ я много разъ, о которой напрасно спрашивалъ общихъ нашихъ знакомыхъ, бывшихъ здѣсь во время его смерти!»

Я подошелъ ближе. На крестѣ было, дѣйствительно, написано имя моего покойнаго друга. Вмѣстѣ съ юношей, я поклонился этой могилѣ.

— А! вы также уважаете N N!—сказалъ мнѣ старшій:—да, это былъ человѣкъ, какъ говоритъ Гамлетъ. Вотъ, сынъ ужь давно просилъ меня показать ему это мѣсто,—да я насилу могъ отъискать; а черезъ пять лѣтъ и вовсе нельзя будетъ найти: видите, крестъ ужь пошатнулся. И надъ могилой такого человѣка нѣтъ памятника!

Мнѣ стало неловко и стыдно за себя и за всѣхъ насъ, такъ много, такъ безконечно много обязанныхъ этому другу... Безъ посторонней помощи, я не могъ бы найти и могилы его, а черезъ пять лѣтъ и не найдетъ его могилы юноша, ставшій *человѣкомъ*, благодаря ему...

Кто жь этотъ покойникъ? что жь особеннаго сдѣлалъ онъ, что отецъ привелъ сына поклониться его могилѣ? Вы угадываете, кто былъ онъ: просто, писатель, не болѣе, какъ писатель, всю жизнь остававшійся ничтожнымъ бѣднякомъ. Онъ только мыслилъ и писалъ,—болѣе онъ ничего не сдѣлалъ, даже не сдѣлалъ, себѣ порядочной карьеры, даже не пріобрѣлъ себѣ обезпеченія въ жизни, даже славы—такъ ему казалось—не пріобрѣлъ своему имени... и дѣйствительно, въ послѣднемъ случаѣ едва ли не былъ онъ правъ: ни отъ кого не слышалъ онъ себѣ привѣта и одобренія; только небольшой кружокъ преданныхъ ему людей благоговѣлъ передъ его свѣтлымъ умомъ, передъ его благороднымъ сердцемъ, да публика любила то, что писалъ онъ, не заботясь и почти не зная о томъ, кѣмъ это писано. Да, пожалуй, и славы не пріобрѣлъ онъ себѣ,—по крайней мѣрѣ, при жизни.

Такъ; но тысячи людей сдѣлались людьми, благодаря ему. Цѣлое поколѣніе воспитано имъ. А слава? многіе стали славны только потому, что онъ упомянулъ о нихъ, многіе другіе только потому, что успѣли понять двѣ-три его мысли. Другіе, лучшіе, стали славны потому, что учились у него, пользовались его совѣтами. И когда я перечитываю наши нынѣшніе журналы, я всегда вспоминаю о немъ. Вотъ ученая статья—она производитъ эффектъ въ публикѣ, пріобрѣтаетъ автору уваженіе въ кругу ученыхъ—отчего это? оттого, что она писана подъ вліяніемъ *его* мысли, писана на тему, которую и указалъ и объяснилъ онъ; вотъ критическая статья, которую называютъ всѣ умною и благородною,—опять-таки все, что есть въ ней хорошаго, подсказано имъ, и авторъ не считаетъ нужнымъ даже намекнуть о томъ; напротивъ, онъ даже усиливается говорить о немъ свысока, какъ о человѣкѣ, правда, умномъ, но увлекавшемся, малообразованномъ и поверхностномъ: видно, чувствуетъ авторъ, что нужно ему отстранить это имя, чтобы казаться самому чѣмъ нибудь; видно, знаетъ авторъ, что при *немъ* онъ ничто. Вотъ повѣсть, которую называютъ прекрасною—опять это только плодъ его ученія: онъ указалъ и мысль и форму, въ которую должна облечься эта мысль... Повсюду *онъ!* Имъ до сихъ поръ живетъ наша литература!...

А что сдѣлали мы, литераторы, въ доказательство своей признательности къ тому, кто былъ общимъ воспитателемъ всѣхъ лучшихъ между нами? Ровно ничего. Мы не потрудились даже подумать, что потомство обвинитъ насъ, когда не отъищетъ его бѣдной могилы.

Я не осуждаю его друзей. Пусть они извиняются человѣческою слабостью—въ самомъ дѣлѣ, ихъ можно было извинять. Онъ умеръ во время страшной болѣзни, когда каждый трепеталъ за себя, когда никто не былъ увѣренъ поутру, что доживетъ до вечера. Въ боязни за себя, они могли забыть о немъ—о чужихъ ли могилахъ думать, когда самому надобно готовиться къ отвѣту за свою жизнь?

Но потомъ, когда болѣзнь миновалась, когда сердца успокоились отъ страха грозившей каждому опасности, можно бы вспомнить о томъ, кому каждый обязанъ своимъ нравственнымъ развитіемъ и своею извѣстностью, если имѣетъ ее.

Нѣтъ, видно, у каждаго изъ его друзей такъ много личныхъ заботъ, что некогда приняться за исполненіе обязанностей, возлагаемыхъ признательностью.

Впрочемъ, что за бѣда, если тѣсный кружокъ людей близкихъ не хочетъ вспомнить о томъ? Есть у него другіе друзья, болѣе многочисленные и болѣе вѣрные: его читатели. Теперь они знаютъ, кому обязаны оживленіемъ нашей литературы; теперь они чаще и чаще говорятъ о немъ. Они исполнятъ то, что не было въ свое время исполнено друзьями его.

Публика? — будто публика, въ самомъ дѣлѣ, такъ свято исполняетъ всегда долгъ признательности? Не случается ли ей ограничиваться только прекрасными словами, не приводя ихъ въ исполненіе? Вѣдь вотъ скоро двадцать лѣтъ минуетъ съ кончины Пушкина: двадцать лѣтъ каждый съ благоговѣніемъ называетъ его основателемъ новой нашей литературы и говоритъ о немъ съ такимъ прекраснымъ, съ такимъ святымъ жаромъ,—а гдѣ памятникъ великому поэту, котораго, кажется, всѣ признаютъ достойнымъ вѣчной славы?

Литература наша, не взирая на всѣ свои недостатки, представляетъ много хорошаго,—это фактъ, котораго нельзя отрицать, съ какимъ бы скептицизмомъ ни смотрѣть на нее. Въ прошлый разъ мы говорили о прекрасномъ началѣ обширной статьи, написанной г. Павловымъ по поводу комедіи графа Соллогуба. Начало казалось намъ такъ хорошо, что, признаемся, мы не безъ нѣкотораго опасенія за свое впечатлѣніе стали читать окончаніе этой статьи, помѣщенное въ 14-й книжкѣ «Русскаго Вѣстника». Тонъ, взятый авторомъ, былъ такъ силенъ и высокъ, что нелегко было выдержать его до конца.

Но чтеніе статьи самымъ отраднымъ образомъ опровергло эти сомнѣнія: вторая половина разбора еще лучше, если только возможно, нежели первая. Въ первой части статьи разборъ остановился на той сценѣ комедіи, съ которой начинаются служебные подвиги злополучнаго Надимова, — во второй статьѣ все вниманіе критика обращено на нихъ. Въ каждой сценѣ оказывается, что съ художественной точки зрѣнія поступки г. Надимова разрушаютъ всякое правдоподобіе въ комедіи, которая гибнетъ черезъ него въ

литературномъ смыслѣ, и, въ дополненіе къ тому, со «Сводомъ Законовъ» въ рукѣ, критикъ доказываетъ, что каждое слово, каждое понятіе этого самохвала, мнимаго чиновника, законопреступно, отчасти по незнанію закона, еще чаще по неуваженію къ нему, въ угожденіе варварскимъ понятіямъ, въ которыхъ онъ, самъ того не замѣчая, совершенно сходится со взяточниками, потому что личныя свои желанія и пристрастія ставитъ выше закона. И когда, въ своемъ забавномъ тщеславіи, Надимовъ оскорбляется тѣмъ, что ему предлагаютъ взятку, критикъ охлаждаетъ его неосновательное негодованіе словами: «да вѣдь вы, г. Надимовъ, ведете себя, какъ взяточникъ, — вѣдь вы ясно выказываете пристрастіе къ одной изъ тяжущихся сторонъ, не хотѣли выслушивать объясненій противника, старались запугать этого противника, брали на себя власть выше той, какая дана вамъ закономъ, вы отдаете подъ судъ людей, которые по закону не подвергли себя судебному слѣдствію; вы входите въ пріятельскія сдѣлки то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ лицъ, о которыхъ вы должны производить слѣдствіе; вы собственной властью прикрываете и прощаете преступленія, — словомъ, ведете себя, какъ человѣкъ, который казнитъ и милуетъ не по закону, а по произволу, — вы дѣлаете все то, что дѣлаетъ взяточникъ. Чѣмъ же вы отличаетесь отъ него? и какъ васъ не почесть за взяточника?» А когда Надимовъ начинаетъ разглагольствовать, что онъ гнушается взяточниками и истребитъ ихъ своимъ примѣромъ и своею службою, г. Павловъ говоритъ ему: «вы сами не знаете, что дѣлаете, возставая противъ взятокъ: вѣдь это не отдѣльное явленіе, которое можно уничтожить, не касаясь произвола,—нѣтъ, взятки — слѣдствіе тѣхъ самыхъ обычаевъ, которыхъ держитесь вы, г. Надимовъ; взятки — только ничтожный симптомъ той страшной болѣзни, которою охваченъ, проѣденъ до костей весь вашъ организмъ.

Взятки—не одинокое преступленіе: онѣ — неизбѣжное слѣдствіе того порядка вещей, благодаря которому вы живете и щеголяете,—понятій, которыя вамъ нравятся,—слѣдствіе, которое должно съ вашей точки зрѣнія казаться совершенно невиннымъ. Корень, на которомъ ростетъ этотъ цвѣтокъ, нужно вырвать, а на цвѣтокъ безполезно и нападать, если беречь корень: не одинъ этотъ цвѣтокъ, а сотни подобныхъ растутъ на этомъ корнѣ. За что рвать именно одинъ этотъ невинный цвѣтокъ? Да и что проку, если сорвете этотъ цвѣтокъ? Въ замѣнъ выростетъ другой, еще получше сорваннаго:

«Для васъ взятки—порокъ, преступленіе. Да, это такъ; взяточникъ есть мытарь, торгующій правдой въ ея святыхъ храмахъ. Взглядъ справедливъ, но узокъ для объема историческихъ явленій. Нѣтъ преступленій цѣльныхъ, нѣтъ преступленій безъ доли заблужденія. Если видѣть въ старинномъ развратѣ, въ народномъ бѣдствіи одинъ рядъ преступленій, то легко утѣшиться и не зачѣмъ поднимать большаго шума. Преступленія не страшны. Они, по свойствамъ человѣческой природы, составляютъ въ человѣческомъ обществѣ исключенія, на нихъ возстаетъ большинство, они прячутся отъ глазъ, краснѣютъ и живутъ тайною. Превратите только взяточника чисто въ преступника, и завтра взятокъ не будетъ. Страшно заблужденіе. Оно обнимаетъ массы и не боится Божьяго свѣта. Вы выступили на борьбу со взяточниками, съ людьми; но что люди? существа кратковременныя, доступныя чувству страха, расположенныя къ послушанію, когда оно требуется настойчивой волей. Съ людьми легко справиться: на нихъ есть казнь закона, желѣзо и огонь. Передъ вами другой врагъ, болѣе опасный; этотъ врагъ— понятіе. Оно безстрашно, непокорно, несговорчиво и, къ несчастію, долговѣчно. Вы

вытѣсните взяточника и станете на его мѣсто; а понятіе тотчасъ пополнитъ эту убыль и въ вашемъ сынѣ воспитаетъ новаго, который будетъ предметомъ удивленія для старыхъ. Вы возмущаетесь, вы негодуете, вы приходите въ ужасъ, что продается правосудіе: а понятіе вступитъ въ сдѣлку съ вашей совѣстью, сочинитъ слово «благодарность» и увѣритъ васъ, что между этимъ безукоризненнымъ словомъ и взятками проведена самая непроходимая граница, протянутъ самый тонкій волосъ. Понятіе предусмотрительно, осторожно и никогда не одиноко. Оно живетъ общей жизнію съ другими, однородными понятіями. Они тѣсной семьей вмѣстѣ проходятъ вѣка и вмѣстѣ гибнутъ, но не порознь. Взятки не жена и дѣти, не нищета и нужда,—ихъ берутъ и холостые и богатые; взятки—особенное воззрѣніе на жизнь и человѣка: взятки не причина, а слѣдствіе, не болѣзнь, а одинъ изъ ея признаковъ.

«Давно ли, испрашивая помѣщенія въ общественную должность, проситель писалъ въ просьбѣ: «прошу отпустить покормиться»? Управленіе разсматривалось, какъ кормленіе, какъ доходъ, которымъ можно быть сыту. Воеводства и приказныя дѣла назывались «корыстовными» дѣлами. Государственный вопросъ молчалъ передъ матеріальною потребностью лица. И тотъ, кто просился кормиться, и тѣ, которые отпускали его на кормленіе, нисколько не думали, что въ общественномъ дѣлѣ интересъ частнаго желудка есть интересъ второстепенный. Намъ скажутъ, что способъ кормленія опредѣлялся и, слѣдовательно, былъ законенъ. Иногда опредѣлялся, иногда нѣтъ; но что до этого? Самое воззрѣніе дѣлало невозможными правила, что и подтверждается исторіей. Если управляемые разсматривались, какъ матеріалъ для удовлетворенія аппетита управляющихъ, если на первомъ планѣ стояло цѣлью, чтобъ воевода былъ сытъ, то какъ не предположить, что онъ не безпрестанно былъ голоденъ? Съ тѣхъ поръ государственныя учрежденія измѣнились Просвѣщенные законодатели Россіи спѣшили передавать ей въ новыхъ постановленіяхъ иныя начала, иныя истины. Но нравы, но воззрѣнія не догнали государственныхъ учрежденій. Рука не смѣетъ уже писать: «отпустите покормиться»,—а въ головѣ прежнее понятіе еще живо. Предки думали, что мѣсто дается единственно за тѣмъ, чтобъ кормиться, и многіе изъ потомковъ сохранили свято завѣщанное наслѣдіе. У многихъ, вѣрныхъ преданію, цѣль та же—кормленіе, а все остальное, что написано, кажется имъ написано такъ, для одной церемоніи. Бумага измѣнилась,—понятіе осталось, потому ли, что исторія вообще невыносимо долго вырабатываетъ свои идеи, потому ли, что съ измѣненіемъ законовъ не возбудилась дѣятельность мысли, или, наконецъ, потому, что старое воззрѣніе со всѣми своими подробностями пріятнѣе слабости человѣческой.

«Воображеніе плѣнялось пріобрѣтеніемъ новыхъ истинъ права, а душа влеклась къ той поэтической неопредѣленности, гдѣ давался широкій просторъ волѣ. Законъ исполнилъ современную задачу: онъ опредѣлилъ для службы другую цѣль, другую причину, и кормленіе, какъ оно совершалось нѣкогда, назвалъ взятками, преступленіемъ. Но бытъ около закона,—бытъ, благопріятствующій прежнему воззрѣнію, сберегался тотъ же. На самую жизнь накладывались не тѣ обязанности, какія излагались въ законѣ, не то требовалось отъ нея, не тѣ идеи были въ обращеніи: отъ этого самая жизнь находилась въ постоянномъ и естественномъ противорѣчіи съ закономъ. Г. Надимовъ, увлекаясь тоже воображеніемъ, не понимаетъ, что дѣлаетъ, когда возстаетъ на взятки. Онъ не беретъ ихъ, но, нападая на нихъ, поднимаетъ руку на себя. Послѣдуемъ за нимъ въ чудный міръ фантазіи, поддадимся ея волшебному обаянію и постараемся отгадать, какъ бы это стали жить люди безъ взятокъ, какой бы у нихъ совершался жизненный процессъ, какими наслажденіями пользовались бы они и какимъ подвергались бы лишеніямъ? Ахъ, г. Надимовъ! необдуманность, необдуманность губитъ много на свѣтѣ. Жизнь безъ взятокъ что за жизнь? вѣдь это полное развитіе чувства законности, это, какъ его необходимое слѣдствіе, уваженіе на каждомъ шагу, во всѣхъ мелочахъ, къ личности человѣка, и даже понятыхъ... Видите ли, къ какимъ послѣдствіямъ ведетъ такого рода общественное положеніе. Вѣдь оно разстроило бы васъ перваго. Теперь вы пріѣхали свидѣтельствовать мельницу; но вамъ скучно, занятіе не по душѣ, не въ привычку; чувство законности васъ не тревожитъ—у васъ его нѣтъ—и вы заходите къ графинѣ, вы съ ней бесѣдуете, гуляете: вотъ сейчасъ она

предложитъ вамъ завтракать. Если кто нибудь осмѣлится вамъ напомнить, что понятые давно собраны, вы скажете: «пусть подождутъ». Подойдетъ Дробинкинъ—вы ему очень учтивымъ образомъ замѣтите, что вы чиновникъ, что и обсуживать и говорить вы хотите одни, а онъ проситель, слѣдовательно, существо безсмысленное и безсловесное. Все это чрезвычайно пріятно и удобно. Теперь, по милости взятокъ, многіе подумаютъ про васъ: вотъ краснорѣчивый человѣкъ, человѣкъ убѣжденій, человѣкъ-огонь, а тогда, безъ взятокъ, о чемъ бы вы повели бесѣду? съ чѣмъ вы тогда явились бы на сцену передъ графиней, чѣмъ бы тронули ея вѣтреное сердце? За что же вы нападаете на взятки, когда имъ обязаны столькими удовольствіями?

«Противъ понятія оружіе одно—понятіе новое, которое надо поставить на мѣстѣ стараго. Понятіе добывается не фразами, не ребяческими выраженіями желаній, надеждъ и порицаній, а тяжелымъ трудомъ мысли, просвѣщеніемъ. Съ великою робостью, отъ страха, чтобъ слова наши не были перетолкованы въ превратномъ смыслѣ, мы, вопреки г. Надимову, рѣшаемся сказать, что честный человѣкъ, сотни, тысячи честныхъ людей, какъ случайность, какъ явленіе, которое можетъ быть и не быть, безсильны въ борьбѣ съ закоснѣлымъ понятіемъ. Одной честности, этого высокаго качества, къ сожалѣнію, мало. Нужны люди честные и вмѣстѣ мыслящіе. Только мысль дѣлаетъ завоеванія не случайныя, а прочныя, одна мысль можетъ создать среду, гдѣ нельзя будетъ двигаться взяточнику. Г. Надимовъ придумалъ разныя государственныя мѣры для искорененія взятокъ, образцы и горючія слезы; но мѣры эти, превосходныя сами въ себѣ, оказываются, послѣ нѣсколькихъ тысячелѣтій опыта, недѣйствительными. Вы поставьте человѣка въ невозможность брать взятки, и онъ ихъ брать не будетъ; а возможность этой невозможности существуетъ для взятокъ точно такъ же, какъ и для другихъ нашихъ дѣйствій. Объяснимся примѣромъ, если уже г. Надимовъ такой охотникъ до нихъ. Онъ позванъ на балъ. Законъ не опредѣляетъ ни покроя его платья, ни цвѣта, ни матеріи, и какимъ бы шутомъ ни нарядился онъ, за это не положено никакого наказанія. Отчего же г. Надимовъ не явится на балѣ въ сюртукѣ и пестромъ галстухѣ? почему лучше согласится нарушить постановленіе писаннаго закона, чѣмъ обычай, введенный и поддерживаемый какою-то непостижимой силой, которая не лишаетъ правъ состоянія и не ссылаетъ въ Сибирь? Вотъ что, конечно, въ маломъ и ничтожномъ видѣ, называется взглядомъ на жизнь. Такъ люди смотрятъ, такъ думаютъ, такъ привыкли думать. Пестрый галстухъ и сюртукъ на балѣ признаны, неизвѣстно, на долго ли, неприличными: извольте переувѣрять и оспаривать.

«Для важныхъ историческихъ явленій, для взятокъ, существуетъ также возможность подобнаго взгляда, и на основаніи истинномъ, не выдуманномъ человѣческою прихотью. Судья берется отправлять правосудіе, а за деньги называетъ правду ложью и ложь правдою. Тутъ логическая нелѣпость очевидна, ея основаніе шатко: поколебать его, однакожь, трудно. Но средство есть, оно вытекаетъ уже изъ самой безсмысленности явленія. Должно только искренно желать достиженія предполагаемой цѣли и не скорбѣть о тѣхъ понятіяхъ, которыя, живя одной жизнью съ понятіемъ о взяткахъ, должны умереть съ нимъ одною смертію. Г. Надимовъ обходится со взятками какъ-то легко, храбро, не воображая, что у нихъ есть своя исторія, географія и своя теорія. Это не отрывокъ, не клочекъ изъ жизни, а цѣлая жизнь, благообразно устроенная и приведенная въ систему на извѣстныхъ мѣстностяхъ. Мы уже такъ тѣсно познакомились съ г. Надимовымъ и получили къ нему такое расположеніе привычки, что, желая ему добра, совѣтуемъ продолжать горячиться противъ взятокъ съ графиней и полковникомъ, а ни подъ какимъ видомъ не сходиться и не вступать въ споръ съ какимъ нибудь умнымъ и закоренѣлымъ взяточникомъ. Г. Надимовъ не знаетъ, какую неотразимую діалектику встрѣтитъ онъ, какое научное пониманіе дѣла, какіе неотвержимые доводы и даже какія добродѣтели. Дойдетъ до службы, до отправленія должности,—тутъ, прошу не прогнѣваться, пожалуйте денегъ; а взгляните на взяточника съ другой стороны! въ другихъ отношеніяхъ: онъ и добрый отецъ семейства, и теплый другъ, и честный человѣкъ, который васъ не обманетъ и не продастъ. Да, г. Надимовъ, много и такихъ взяточниковъ. Поэтому надо нападать не на взятки: онѣ, какъ мы уже сказали, не причина, а слѣдствіе, плодъ невѣрнаго воззрѣнія, ложнаго пони-

манія, давшаго просторъ необузданности своекорыстныхъ побужденій. Если вы хотите вложить перстъ вашъ въ свѣжую рану и поразить взятки, то во всеоружіи рыцаря вступите въ бой съ рутиной, пошлостью и безмысліемъ, которое всякую мысль считаетъ противозаконной тревогой, а всякое посягательство на невѣжество нарушеніемъ общественнаго благоустройства; съ этимъ невѣжествомъ, которое подпираетъ варварскія привычки, которое, при помощи обыденной смѣтливости, хочетъ отгадывать результаты наукъ; безъ ученія, безъ приготовленій берется за все, дѣлаетъ все кое какъ, рѣшаетъ съ плеча всѣ вопросы, и этотъ способъ дѣйствія смѣетъ называть русскимъ умомъ, а всякаго невѣжественнаго представителя мнимаго русскаго ума — русскимъ человѣкомъ...»

Да, взятки не произвольное преступленіе нѣсколькихъ дурныхъ людей, а старый обычай, тѣсно связанный со многими другими обычаями, столь же важными и вредными, съ многими коренными понятіями о жизни, еще преобладающими въ невѣжественной массѣ, отъ нравовъ которой, какъ бы гордо ни смотрѣли мы на нее, зависитъ все. Въ подтвержденіе глубокой справедливости этого замѣчанія, прекрасно развитаго г. Павловымъ, намъ хочется привести слѣдующій случай, сообщаемый «Анекдотами о Петрѣ Великомъ» Штелина. (Изданіе 3-е, Москва, 1830, часть 4-я, стр. 107—110).

«Никита Демидовичъ Демидовъ почиталъ за невѣрность, если, видя, что дѣлающееся противно волѣ и указамъ Государевымъ, не донесетъ о томъ Его Величеству. Такимъ образомъ, узнавъ, что статскій дѣйствительный совѣтникъ Василій Никитичъ Татищевъ, по дѣламъ, до рѣшенія его доходившимъ, бралъ взятки, не могъ не объявить объ ономъ Монарху. Великій Государь объявленію сему вѣрилъ; ибо вѣдалъ, что Демидовъ не донесетъ ему неправды, и въ чемъ бы не былъ онъ точно удостовѣренъ. Но какъ же однако поступилъ онъ съ Татищевымъ? Онъ призываетъ его къ себѣ, и спрашиваетъ: правду ли объявляетъ на него Демидовъ? Правду, Государь, отвѣтствуетъ сей: я беру; но въ томъ ни предъ Богомъ, ни предъ Вашимъ Величествомъ не погрѣшаю. Лихоимство есть грѣхъ достойный наказанія, продолжаетъ Татищевъ; а мзда за труды не грѣхъ, и Апостолъ говоритъ: «Мзда дѣлающему не по благодати, но по долгу». Монархъ, нѣсколько остановясь, велѣлъ ему изъяснить сіе. Татищевъ продолжалъ:

«1. Судья долженъ смотрѣть на состояніе дѣла: то если и ничего онъ не взялъ, а противъ закона сдѣлалъ, повиненъ будетъ наказанію; а если еще сдѣлаетъ сіе и изо мзды, тогда къ законопреступленію присовокупится уже и лихоимство, и повиненъ онъ будетъ сугубаго наказанія. Когда же право и порядочно сдѣлаетъ, и отъ праваго изъ благодарности его что возьметъ, не можетъ за то осужденъ быть. 2. Если мзду за трудъ пресѣчь, и только одно мздоимство судить, то болѣе вреда государству и раззоренія подданнымъ послѣдуетъ; ибо судья долженъ за получаемое жалованье сидѣть въ приказѣ только до полудни, въ которое на рѣшеніе всѣхъ нужныхъ просьбъ конечно не достанетъ времени; а послѣ обѣда трудиться должности его нѣтъ. 3. Когда, видя чье дѣло сомнительное и запутанное, никогда внятно его изслѣдовать и о истинѣ прилежать причины не имѣя, будетъ день ото дня откладывать; а челобитчикъ съ великимъ отъ того убыткомъ волочиться и всего лишиться принужденъ будетъ. 4. Дѣла въ канцеляріяхъ рѣшатся по реэстрамъ по порядку, и случается, что нѣсколько дѣлъ впереди весьма не нужныхъ; а послѣднему по реэстру такая нужда, что если ему дни два рѣшеніе продолжится, то можетъ нѣсколько тысячъ убытка понести, что по купечеству не рѣдко случается. Итакъ, Государь (продолжалъ г. Татищевъ), если я вижу, что мой трудъ не втунѣ будетъ, то я не токмо послѣ обѣда, но и ночью потружуся, а для того и карты, и собакъ, и бесѣды, и всякія другія увеселенія оставлю; и не смотря на реэстры, нужнѣйшее прежде ненужнаго рѣшу, чѣмъ какъ себѣ, такъ и просителю пользу принесу, никого другаго не обидя; слѣдовательно въ такомъ случаѣ за мзду, взятую за труды, ни отъ Бога, ни отъ Вашего Величества осужденъ быть не могу».

Видите, какъ разсуждалъ одинъ изъ лучшихъ и честнѣйшихъ людей времени Петра Великаго? Да, трудно было бы съ нимъ поспорить верхоглядамъ, кричащимъ противъ взятокъ едва ли не потому только, что не получаютъ ихъ по своему незнанію дѣлопроизводства. И самъ Петръ Великій, какъ вы думаете, что онъ отвѣчалъ Татищеву? Вотъ что:

«Великій Государь слушалъ все сіе, не перебивая рѣчи, и по выслушаніи сказалъ: *Сіе правда, и для совѣстнаго* (т. е. справедливаго) *судьи невинно*».

Да, все тутъ зависитъ отъ понятій объ отношеніяхъ судьи къ обществу, о произволѣ и законности. Да, видно, что, по понятіямъ, противъ которыхъ не могъ еще бороться самъ Петръ Великій, взяточникъ могъ быть и добросовѣстнымъ судьею и честнымъ человѣкомъ. Такъ и нынѣче судятъ многіе: взятки вовсе не беззаконіе, а невинная благодарность, — и г. Надимовъ весь проникнутъ понятіями, изъ которыхъ слѣдуютъ такія сужденія. Какое же право имѣетъ онъ возставать противъ взятокъ?

Злополучный г. Надимовъ! такимъ-то образомъ терзается каждый шагъ его, такія-то назиданія навлекаетъ онъ на себя каждымъ словомъ. И подѣломъ ему, потому что онъ типъ людей, слишкомъ размножившихся у насъ въ послѣднее время, типъ мнимыхъ джентльменовъ съ низенькою душонкою, разсуждающихъ о честности высокой фразами, въ которыхъ, что ни слово, то несообразность или ложь. И, въ довершеніе всѣхъ ударовъ, получаетъ онъ самый убійственный для него: ему доказываютъ, что онъ вовсе не джентльменъ, не человѣкъ высшаго круга, хорошихъ манеръ, а просто франтъ дурнаго тона, наглостью старающійся прикрыть свое незнакомство съ правилами хорошаго тона! о, ужасъ!

Разборъ «Чиновника», написанный г. Павловымъ, останется въ памяти публики, и если бы побольше являлось такихъ статей, счастлива была бы наша литература.

Кажется, судьба хотѣла, чтобы наши замѣтки въ этой книжкѣ были продолженіемъ того, о чемъ говорили мы въ прошлый разъ. Окончаніе статьи г. Павлова было замѣчательнѣйшимъ явленіемъ въ нашей журналистикѣ за прошлый мѣсяцъ; другая статья, обратившая на себя общее вниманіе, помѣщена въ «Морскомъ Сборникѣ» и служитъ продолженіемъ различныхъ разсужденій о воспитаніи, о которыхъ мы говорили въ предъидущемъ нумерѣ. Это — «Вопросы жизни. Отрывокъ изъ забытыхъ бумагъ, выведенный на свѣтъ неоффиціальными статьями «Морскаго Сборника» о воспитаніи», — знаменитаго нашего хирурга г. Пирогова.

Охотники спорить, пожалуй, захотѣли бы замѣтить въ статьѣ господина Пирогова нѣкоторыя частности, относительно которыхъ возможно держаться не того воззрѣнія, какое кажется справедливымъ автору. Но въ такомъ случаѣ, несогласіе было бы болѣе о словахъ, нежели о дѣлѣ. О сущности дѣла, о коренныхъ вопросахъ образованному человѣку невозможно думать не такъ, какъ думаетъ г. Пироговъ. Вотъ эти коренныя мысли, въ высокой степени справедливыя: воспитаніе главною своею цѣлью должно имѣть приготовленіе дитяти и потомъ юноши къ тому, чтобъ въ жизни былъ онъ человѣкомъ развитымъ, благороднымъ и честнымъ. Это важнѣе всего. Заботьтесь же прежде всего о

томъ, чтобы вашъ воспитанникъ сталъ человѣкомъ въ истинномъ смыслѣ слова. Когда это основное, общее направленіе къ знанію и правдѣ уже достаточно утверждено въ немъ, тогда,—и только тогда, а не раньше,—пусть онъ самъ подъ вашимъ руководствомъ выбираетъ себѣ спеціальную дорогу, къ которой наиболѣе расположенъ и способенъ. Если вы будете поступать иначе, съ самаго ранняго дѣтства заботясь только о томъ, чтобы сдѣлать изъ вашего воспитанника офицера, и, притомъ еще, именно инфантерійскаго или кавалерійскаго, морскаго или инженернаго офицера, или чиновника, или, притомъ, чиновника именно такого, а не другаго министерства, и для большей аккуратности именно по такимъ-то и такимъ-то, а не другимъ должностямъ, — вы сдѣлаете очень важную ошибку, слѣдствія которой будутъ вредны и для вашего воспитанника и для общества. Вы, не дождавшись, пока у человѣка развился разсудокъ и характеръ, скуете его на всю жизнь, втолкнете его на узкую дорогу, съ которой ужь нѣтъ ему выхода, и идти по которой онъ почти всегда оказывается неспособенъ, потому что вѣдь выборъ былъ дѣломъ слѣпаго произвола, каприза съ вашей стороны, а не разумнаго соображенія его наклонностей и способностей. Что жъ окажется въ результатѣ? Множество спеціалистовъ, неспособныхъ именно къ своей спеціальности и неспособныхъ ни къ чему иному, и мало людей, истинно знающихъ свое дѣло, а еще меньше того людей развитыхъ, образованныхъ и имѣющихъ благородное направленіе. Да и чего же иного можно ждать? Жизнь—тяжелая борьба: въ ней много и соблазновъ и недоумѣній; а вы позаботились ли о томъ, чтобы приготовить юношу къ честной борьбѣ съ соблазнами, къ свѣтлому взгляду на недоумѣнія? Нѣтъ, вы хлопотали только о томъ, чтобы механически вбить ему въ голову какое нибудь ремесло: чему же дивиться, если онъ не выдерживаетъ житейской борьбы съ соблазномъ, противъ котораго не вооружили вы его ни развитостью ума, ни благородными убѣжденіями, и если рѣдко онъ остается человѣкомъ чистымъ? Вы, не дождавшись развитія его наклонностей и способностей, дали ему въ руки ремесленный инструментъ, что же удивительнаго, если онъ оказывается потомъ и неспособенъ и не склоненъ хорошо владѣть этимъ инструментомъ, который ему вовсе не по рукамъ? Вы хромаго сдѣлали кровельщикомъ, глухаго музыкантомъ, безсильнаго труса кучеромъ: что жь чуднаго, если и кровельщикъ вашъ, и музыкантъ, и кучеръ — всѣ одинаково плохо исполняютъ свое дѣло? А если бы поступили вы разумно, подождавъ, пока можно будетъ различить качества этихъ людей и пока они поймутъ, къ чему они годны, тогда и результаты были бы не тѣ: тому глухота не помѣшала бы сдѣлаться хорошимъ кровельщикомъ, другому трусость—хорошимъ скрипачемъ, третьему хромота—хорошимъ кучеромъ. Произволъ вашъ не далъ развиться людямъ и перепуталъ спеціальности—въ результатѣ получилось: неспособность, невѣжество и отсутствіе твердой честности. А поступайте иначе, сообразно здравому смыслу и природѣ—и все должно пойти гораздо лучше.

Кто и не хотѣлъ бы, долженъ согласиться, что тутъ все — чистая правда,—правда очень серьезная и занимательная не менѣе лучшаго поэтическаго вымысла. Теперь читатель знаетъ общую мысль «Вопросовъ жизни» г. Пирогова; познакомимъ его съ нѣкоторыми отрывками размышленій нашего геніальнаго спеціалиста.

Эпиграфъ статьи очень удаченъ:

«Къ чему вы готовите вашего сына? кто-то спросилъ меня.

«Быть человѣкомъ, отвѣчалъ я.

«Развѣ вы не знаете — сказалъ спросившій — что людей собственно нѣтъ на свѣтѣ? Это одно отвлеченіе, вовсе не нужное для нашего общества. Намъ необходимы негоціанты, солдаты, механики, моряки, врачи, юристы, а не люди.

«Правда это или нѣтъ?»

Вотъ и начало статьи, не менѣе прекрасное:

«Мы живемъ, какъ всѣмъ извѣстно, въ девятнадцатомъ вѣкѣ, по преимуществу практическомъ.

«Отвлеченія, даже и въ самой столицѣ ихъ, Германіи, уже не въ ходу болѣе. А человѣкъ, что ни говори, есть, дѣйствительно, только одно отвлеченіе.

«Зоологическій человѣкъ, правда, еще существуетъ съ его двумя руками и держится ими крѣпко за существенность; но нравственный, вмѣстѣ съ другими старосвѣтскими отвлеченіями, какъ-то плохо принадлежитъ настоящему.

«Впрочемъ, не будемъ несправедливы къ настоящему. И въ древности искали людей днемъ съ фонарями, но—все таки искали.

«Правда, языческая древность была не слишкомъ взыскательна. Она позволяла имѣть всѣ возможныя нравственно-религіозныя убѣжденія: можно было ad libitum сдѣлаться эпикурейцемъ, стоикомъ, пиѳагорейцемъ; только худыхъ гражданъ она не жаловала.

«Несмотря на все наше уваженіе къ неоспоримымъ достоинствамъ реализма настоящаго времени, нельзя, однако же, не согласиться, что древность какъ-то болѣе дорожила нравственною натурою человѣка.

«Правительства въ древности оставляли школы безъ надзора и считали себя не въ правѣ вмѣшиваться въ ученія мудрецовъ. Каждый изъ учениковъ могъ пролагать, впослѣдствіи, новые пути и образовать новыя школы. Только жрецы, тираны и зелоты отъ времени до времени выгоняли, сжигали и отравляли философовъ, если ихъ ученія уже слишкомъ противорѣчили повѣрьямъ господствующей религіи; да и то это дѣлалось по интригамъ партій и кастъ.

«Язычество древнихъ, не озаренное свѣтомъ истинной вѣры, заблуждалось, но заблуждалось, слѣдуя принятымъ и послѣдовательно проведеннымъ убѣжденіямъ.

«Если эпикуреецъ утопалъ въ чувственныхъ наслажденіяхъ, то онъ дѣлалъ это, основываясь, хотя и на ложно понятомъ, ученіи школы, утверждавшей, что «искать по возможности наслажденія и избѣгать непріятнаго значитъ быть мудрымъ».

«Если стоикъ дѣлался самоубійцею, то это случалось отъ стремленія къ добродѣтели и идеалу высшаго совершенства.

«Даже кажущаяся непослѣдовательность въ поступкахъ скептика извиняется ученіемъ школы, проповѣдывавшей, что «ничего нѣтъ вѣрнаго на свѣтѣ, и что даже сомнѣніе сомнительно».

«Въ самыхъ грубыхъ заблужденіяхъ языческой древности, основанныхъ всегда на извѣстныхъ, нравственно-религіозныхъ началахъ и убѣжденіяхъ, проявляется все-таки самый существенный аттрибутъ духовной натуры человѣка—стремленіе разрѣшить вопросъ жизни о цѣли бытія».

Теперь нѣтъ этой послѣдовательности, нѣтъ этой честной вѣрности своимъ нравственнымъ убѣжденіямъ, потому что воспитаніе, обыкновенно, и не заботится о приготовленіи воспитанника къ честной послѣдовательности въ жизни: оно только учитъ мастерству, — и юноша, не имѣющій ни правилъ, ни понятій, кромѣ принадлежащихъ его ремеслу, вдругъ становится среди общества, которое предлагаетъ ему принять тотъ или другой изъ взглядовъ на цѣль и правила человѣческой жизни. Каковы же эти взгляды? Вотъ, для примѣра, нѣкоторые изъ нихъ:

«Вотъ, напримѣръ, *первый* взглядъ, очень простой и привлекательный. Не размышляйте, не толкуйте о томъ, что необъяснимо. Это, по малой мѣрѣ, лишь потеря одного времени. Можно, думая, потерять и аппетитъ и сонъ. Время же нужно для трудовъ и наслажденій, аппетитъ—для наслажденій и трудовъ, сонъ—опять для трудовъ и наслажденій, труды и наслажденія—для счастія.

«Вотъ *третій* взглядъ—старообрядческій. Соблюдайте самымъ точнымъ образомъ всѣ обряды и повѣрья. Читайте только благочестивыя книги, но въ смыслъ не вникайте. Это главное для спокойствія души. Затѣмъ, не размышляя, живите такъ, какъ живется.

«Вотъ *четвертый* взглядъ—практическій. Трудясь, исполняйте ваши служебныя обязанности, собирая копѣйку на черный день. Въ сомнительныхъ случаяхъ, если одна обязанность противорѣчитъ другой, избирайте то, что вамъ выгоднѣе или, по крайней мѣрѣ, что для васъ менѣе вредно. Впрочемъ, предоставьте каждому спасаться на свой ладъ. Объ убѣжденіяхъ, точно такъ же, какъ и о вкусахъ, не спорьте и не хлопочите. Съ полнымъ карманомъ можно жить и безъ убѣжденій.

«Вотъ *пятый* взглядъ, также практическій въ своемъ родѣ. Хотите быть счастливыми, думайте себѣ, что вамъ угодно и какъ вамъ угодно, но только строго соблюдайте всѣ приличія и умѣйте съ людьми ужиться. Про начальниковъ и нужныхъ вамъ людей никогда худо не отзывайтесь и ни подъ какимъ видомъ имъ не противорѣчьте. При исполненіи обязанностей, главное, не горячитесь. Изящнее рвеніе не здорово и не годится. Говорите, чтобы скрыть, что вы думаете. Если не хотите служить ослами другимъ, то сами на другихъ верхомъ ѣздите; только, молча, въ кулакъ себѣ, смѣйтесь.

«Вотъ *шестой* взглядъ, очень печальный. Не хлопочите: лучшаго ничего не придумаете. Новое только то на свѣтѣ, что хорошо было забыто. Что будетъ, то будетъ. Червякъ на кучѣ грязи, вы смѣшны и жалки, когда мечтаете, что вы стремитесь къ совершенству и принадлежите къ обществу прогрессистовъ. Зритель и комедіянтъ поневолѣ, какъ ни бейтесь, лучшаго не сдѣлаете. Бѣлка въ колесѣ, вы забавны, думая, что бѣжите впередъ. Не зная, откуда взялись, вы умрете, не зная, зачѣмъ жили.

«Вотъ *восьмой* взглядъ, и очень благоразумный. Отдѣляйте теорію отъ практики. Принимайте какую вамъ угодно теорію, для вашего развлеченія, но на практикѣ узнавайте, главное, какую роль вамъ выгоднѣе играть; узнавъ, выдержите ее до конца. Счастіе—искусство. Достигнувъ его трудомъ и талантомъ, не забывайтесь: сдѣлавъ промахъ, не пеняйте и не унывайте. Противъ теченія не плывите».

Спрашивается: что выйдетъ изъ юноши, поставленнаго среди такихъ понятій о жизни, безъ всякаго приготовленія къ борьбѣ съ ними? Примѣры мы видѣли и видимъ,—и, чтобъ они, по крайней мѣрѣ, не повторялись въ будущемъ, воспитаніе должно измѣнить свой характеръ, и не къ ремеслу только, а прежде всего къ честной борьбѣ съ соблазнами жизни должно оно готовить насъ:

«Приготовить насъ съ юныхъ лѣтъ къ этой борьбѣ значитъ именно:

«*Сдѣлать насъ людьми*».

«То есть тѣмъ, чего не достигнетъ ни одна ваша *реальная школа* въ мірѣ, заботясь сдѣлать изъ насъ, *съ самаго нашего дѣтства*, негоціантовъ, солдатъ, моряковъ, духовныхъ пастырей или юристовъ.

«Человѣку не суждено и не дано столько нравственной силы, чтобы сосредоточивать все свое вниманіе и всю волю, въ одно и то же время, на занятія, требующія напряженія совершенно различныхъ свойствъ духа.

«Погнавшись за двумя зайцами, ни одного не поймаешь.

«На чемъ основано приложеніе реальнаго воспитанія къ самому дѣтскому возрасту?

«Одно изъ двухъ: *или* въ реальной школѣ, назначенной для различныхъ возра-

стовъ (съ самаго перваго дѣтства до юности), воспитаніе для первыхъ возрастовъ ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго, общепринятаго.

«*Или* же воспитаніе этой школы съ самаго его начала и до конца есть совершенно отличное, направленное исключительно къ достиженію одной извѣстной, практической цѣли.

«Въ первомъ случаѣ, нѣтъ никакой надобности родителямъ отдавать дѣтей до юношескаго возраста въ реальныя школы, даже и тогда, если бы они во что бы то ни стало, самоуправно и самовольно, назначили своего ребенка еще съ пеленокъ для той или другой касты общества.

«Во второмъ случаѣ можно смѣло утверждать, что реальная школа, имѣя преимущественною цѣлью практическое образованіе, не можетъ въ то же самое время сосредоточить свою дѣятельность на приготовленіе нравственной стороны ребенка къ той борьбѣ, которая предстоитъ ему впослѣдствіи, при вступленіи въ свѣтъ.

«Да и приготовленіе это должно начаться въ томъ именно возрастѣ, когда въ реальныхъ школахъ все вниманіе воспитателей обращается преимущественно на достиженіе главной, ближайшей цѣли, заботясь, чтобы не пропустить времени и не опоздать съ практическимъ образованіемъ. Курсы и сроки ученія опредѣлены. Будущая карьера рѣзко обозначена. Самъ воспитанникъ, подстрекаемый примѣромъ сверстниковъ, только въ томъ и полагаетъ всю свою работу, какъ бы скорѣе выступить на практическое поприще, гдѣ воображеніе ему представляетъ служебныя награды, корысть и другіе идеалы окружающаго его общества.

«Отвѣчайте мнѣ, положивъ руку на сердце, можно ли надѣяться, чтобы юноша въ одинъ и тотъ же періодъ времени изготовлялся выступить на поприще, не самимъ имъ выбранное, прельщался внѣшними и матеріальными выгодами этого, заранѣе для него опредѣленнаго, поприща и, вмѣстѣ съ тѣмъ, серьезно и ревностно приготовлялся къ внутренней борьбѣ съ самимъ собою и съ увлекательнымъ направленіемъ свѣта?

«Не спѣшите съ вашею прикладною реальностію. Дайте созрѣть и окрѣпнуть внутреннему человѣку: наружный успѣетъ еще дѣйствовать: онъ, выходя позже, но управляемый внутреннимъ, будетъ, можетъ быть, не такъ ловокъ, не такъ сговорчивъ и уклончивъ, какъ воспитанникъ реальныхъ школъ, но зато на него можно будетъ вѣрнѣе положиться: онъ не за свое не возьмется.

«Дайте выработаться и развиться внутреннему человѣку, дайте ему время и средства подчинить себѣ наружнаго, и у васъ будутъ и негоціанты, и солдаты, и моряки, и юристы; а главное—у васъ будутъ люди и граждане.

«Значитъ ли это, что я предлагаю вамъ закрыть и уничтожить всѣ реальныя и спеціальныя школы?

«Нѣтъ! я возстаю только противъ двухъ вопіющихъ крайностей.

«Для чего родители такъ самоуправно распоряжаются участью ихъ дѣтей, назначая ихъ, едва выползшихъ изъ колыбели, туда, гдѣ, по разнымъ соображеніямъ и разсчетамъ, предстоитъ имъ болѣе выгодная карьера?

«Для чего реально-спеціальныя школы принимаются за воспитаніе тѣхъ возрастовъ, для которыхъ общее человѣческое образованіе несравненно существеннѣе всѣхъ практическихъ приложеній?

«Кто далъ право отцамъ, матерямъ и воспитателямъ властвовать самоуправно надъ благими дарами Творца, которыми онъ снабдилъ дѣтей?

«Кто научилъ, кто открылъ, что дѣти получили врожденныя способности и врожденное призваніе играть именно ту роль въ обществѣ, которую родители сами имъ назначаютъ?—Уже давно оставленъ варварскій обычай выдавать дочерей замужъ поневолѣ, а невольный и преждевременный бракъ сыновей съ ихъ будущимъ поприщемъ допущенъ и привилегированъ; заказное ихъ вѣнчаніе съ наукой празднуется и прославляется, какъ вѣнчаніе дожа съ моремъ!

«И развѣ нѣтъ другаго средства, другаго пути, другаго механизма для реально-спеціальнаго воспитанія? Развѣ нѣтъ другой возможности получить спеціально-практическое образованіе, въ той или другой отрасли человѣческихъ знаній, какъ распространяя его насчетъ общаго человѣческаго образованія?

«Вникните и разсудите, отцы и воспитатели!»

Когда мы припомнимъ, какое важное значеніе имѣлъ и продолжаетъ имѣть во всѣхъ образованныхъ европейскихъ государствахъ вопросъ о необходимости общаго воспитанія и о степени участія, которое можетъ быть уступлено спеціальнымъ наукамъ въ высшемъ преподаваніи, и вспомнимъ, въ какомъ смыслѣ рѣшается повсюду этотъ споръ, вспомнимъ, напримѣръ, о томъ, много ли военныхъ школъ существуетъ во Франціи, славной своею воинственностью, мы оцѣнимъ и высокій интересъ и чрезвычайную справедливость этихъ мнѣній о необходимости, чтобы общечеловѣческое образованіе играло главную роль въ воспитаніи, — мнѣній, которыя съ такою силою высказываетъ, — не забудемъ, — человѣкъ, который всѣми единогласно признанъ знаменитѣйшимъ изъ всѣхъ нашихъ ученыхъ въ настоящее время. Если онъ — слава нашихъ спеціалистовъ—говоритъ, что спеціализмъ обманчивъ, вреденъ и для общества и для самого обрекаемаго на спеціализмъ, когда не основанъ на общемъ образованіи, — кто у насъ можетъ сказать: «я лучшій судья въ этомъ дѣлѣ, нежели г. Пироговъ?» кто имѣетъ у насъ право не принять въ уваженіе его мнѣнія? Слова г. Пирогова, безъ сомнѣнія, будутъ имѣть сильное и благодѣтельное вліяніе на образъ мыслей въ нашемъ обществѣ. Честь и слава г. Пирогову за прекрасное и рѣшительное выраженіе такихъ здравыхъ убѣжденій; полная честь и «Морскому Сборнику» за помѣщеніе такихъ статей.

КРИТИКА.

СТИХОТВОРЕНІЯ Н. ОГАРЕВА. МОСКВА. 1856.

Господинъ Огаревъ никогда не пользовался шумною популярностью. Правда, критика всегда съ почетомъ говорила о немъ, когда ей, приводилось перечислять «лучшихъ нашихъ поэтовъ въ настоящее время»; правда, публика всегда уважала талантъ господина Огарева, и ей даже полюбились нѣкоторыя изъ стихотвореній, подписанныхъ его именемъ, — кто не помнитъ прекрасныхъ пьесъ: «Старый Домъ», «Кабакъ», «Nocturno», «Младенецъ» *(Сидѣла мать у колыбели)*, «Обыкновенная Повѣсть» *(Была чудесная весна)*, «*Еще любви безумно сердце проситъ*», «*Старикъ, какъ прежде, въ часъ привычный*», «*Проклясть бы могъ свою судьбу*», и многихъ другихъ? Такъ; но, тѣмъ не менѣе, публика наша, еще въ такой свѣжести сохранившая наивную готовность увлекаться, не увлекалась поэзіей г. Огарева, и наша критика, въ послѣдніе годы творившая себѣ столькихъ кумировъ, не разсыпалась передъ г. Огаревымъ въ тѣхъ непомѣрныхъ панегирикахъ, на которые бывала она такъ щедра въ послѣдніе годы. Произведенія г. Огарева не дѣлали шуму. Ему всегда принадлежало только тихое сочувствіе, да и то не слишкомъ многочисленной части публики.

Нѣтъ вѣроятности, чтобы даже и теперь, когда стихотворенія его, до сихъ поръ остававшіяся разсѣянными по журналамъ, собраны въ одну книгу, положеніе его въ современной литературѣ измѣнилось. Безъ сомнѣнія, всѣ журналы похвалятъ его,— но умѣренно; публика будетъ читать его книгу — также умѣренно. Всѣ скажутъ: «хорошо»; никто не выразитъ восторга. Поэтъ не будетъ ни огорченъ, ни удивленъ. Онъ и не требуетъ себѣ шумной славы: онъ писалъ не для нея, не разсчитывалъ на нее, быть можетъ, и не думалъ, что имѣетъ права на нее.

Поэтъ можетъ быть доволенъ. Но мы,—мы не хотимъ быть довольны за него этою полуизвѣстностью, этимъ одобреніемъ безъ горячаго чувства, этимъ почетомъ безъ лавроваго вѣнка. Мы не возстаемъ ни противъ нынѣшней публики, ни даже противъ нынѣшней критики: быть можетъ, та и другая правы съ своей точки зрѣнія. Но мы должны сказать, что черезъ тридцать,

черезъ двадцать лѣтъ, — быть можетъ, и ближе, — это измѣнится. Холодно будутъ тогда вспоминать или вовсе не будутъ вспоминать о многихъ изъ поэтовъ, кажущихся намъ теперь достойными панегириковъ, но съ любовью будетъ произноситься и часто будетъ произноситься имя г. Огарева, и позабыто оно будетъ развѣ тогда, когда забудется нашъ языкъ. Г. Огареву суждено занимать страницу въ исторіи русской литературы, чего нельзя сказать о большей части изъ писателей, нынѣ дѣлающихъ болѣе шума, нежели онъ. И когда, быть можетъ, забудутся всѣ тѣ стихотворенія, которымъ пишемъ и читаемъ мы похвалы, будетъ повторяться его «Старый Домъ»:

Старый домъ, старый другъ, посѣтилъ я
Наконецъ въ запустѣньи тебя,
И былое опять воскресилъ я,
И печально смотрѣлъ на тебя.

Дворъ лежалъ предо мной неметеный,
Да колодезь валился гнилой,
И въ саду не шумѣлъ листъ зеленый—
Желтый тлѣлъ онъ на почвѣ сырой.

Домъ стоялъ обветшалый уныло,
Штукатурка обилась кругомъ,
Туча сѣрая сверху ходила
И все плакала, глядя на домъ.

Я вошелъ. Тѣ же комнаты были—
Здѣсь ворчалъ недовольный старикъ;
Мы бесѣды его не любили—
Насъ страшилъ его черствый языкъ.

Вотъ и комнатка: съ другомъ, бывало,
Здѣсь мы жили умомъ и душой;
Много думъ золотыхъ возникало
Въ этой комнаткѣ прежней порой.

Въ нее звѣздочка тихо свѣтила,
Въ ней остались слова на стѣнахъ:
Ихъ въ то время рука начертила,
Когда юность кипѣла въ душахъ.

Въ этой комнаткѣ счастье былое,
Дружба свѣтлая выросла тамъ...
А теперь запустѣнье глухое,
Паутины висятъ по угламъ.

И мнѣ страшно вдругъ стало. Дрожалъ я,—
На кладбищѣ я будто стоялъ,—
И родныхъ мертвецовъ вызывалъ я,
Но изъ мертвыхъ никто не возсталъ...

«Конечно, «Старый Домъ» прекраснъ; но въ наше время было написано довольно много другихъ пьесъ, которыя надобно поставить выше его, или по мысли, или по отдѣлкѣ. За что же ему суждено прожить дольше, нежели всѣмъ имъ?» Не знаемъ, есть ли въ нынѣшней русской литературѣ

произведенія болѣе прекрасныя; но дѣло въ томъ, что «Старый Домъ» принадлежитъ исторіи, какъ принадлежатъ ей вообще жизнь и произведенія г. Огарева: счастье, или, вѣрнѣе сказать, достоинство, которое достается на долю немногимъ избранникамъ. Да, г. Огаревъ имѣетъ право занимать одну изъ самыхъ блестящихъ и чистыхъ страницъ въ исторіи нашей литературы. Мы отчасти излагаемъ эти права, говоря въ «Очеркахъ гоголевскаго періода» о развитіи русской литературы въ сороковыхъ годахъ и о соединеніи въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1840 — 1846) замѣчательнѣйшихъ людей тогдашняго молодаго поколѣнія. Но тамъ, конечно, мы говоримъ не въ частности о г. Огаревѣ, а вообще о школѣ, къ которой принадлежалъ онъ. Здѣсь мы пользуемся случаемъ, чтобы въ поэзіи его показать отпечатокъ школы, въ которой воспитался его талантъ.

Знали ли вы когда нибудь восторженную дружбу? Если не владѣло вами это чувство хотя въ порѣ молодости, вы, быть можетъ, улыбнетесь. Но нѣтъ, не спѣшите смѣяться: смѣяться и мы любимъ, но не надъ тѣмъ, что было необходимо и оказалось благотворно въ историческомъ развитіи. Патроклъ не Дафнисъ, созданный праздностью: онъ необходимое лицо въ «Иліадѣ». Сколько извѣстно, никто не доказывалъ противнаго. Да и Троя, если не имъ взята, то безъ него не была бы взята. Быть можетъ, теперь наше развитіе имѣетъ довольно твердыя опоры и безъ восторженныхъ чувствъ (а быть можетъ, по недостатку ихъ и замедлилось оно). Но то несомнѣнно, что двадцать лѣтъ тому назадъ энтузіазмъ этотъ былъ очень сильнымъ дѣятелемъ въ нравственномъ развитіи нашего общества, или, чтобы выразиться точнѣе, лучшихъ его представителей; и преимущественно его энергическому стремленію обязана своею силою дѣятельность людей, которымъ, въ свою очередь, мы обязаны тѣмъ, что въ настоящее время имѣемъ хотя какую нибудь литературу, хотя какія нибудь убѣжденія, хотя какую нибудь потребность мыслить. Но мы, кажется, отклонились отъ предмета: вѣдь мы хотѣли говорить объ одной изъ сторонъ поэзіи г. Огарева. Чтобы найти переходъ къ ней отъ этого эпизода, скажемъ, что этимъ энтузіазмомъ проникнутъ былъ и г. Огаревъ. Честь ему за то, что онъ остался вѣренъ своему чувству: доказательство вѣрности — стихотвореніе, которое поставлено первымъ въ его книгѣ, какъ бы замѣняя посвященіе:

ДРУЗЬЯМЪ.

Мы въ жизнь вошли съ прекраснымъ упованьемъ,
Мы въ жизнь вошли съ неробкою душой,
Съ желаньемъ истины, добра желаньемъ,
Съ любовью, съ поэтической мечтой;
И съ жизнью рано мы въ борьбу вступили,
И юныхъ силъ мы въ битвѣ не щадили.
Но мы вокругъ не встрѣтили участья,
И лучшія надежды и мечты,
Какъ листья средь осенняго ненастья,
Попадали и сухи и желты,—
И грустно мы остались между нами
Сплетяся дружно голыми вѣтвями...

Въ лирической поэзіи личностью автора затмѣваются обыкновенно всѣ другія личности, о которыхъ говоритъ онъ. У г. Огарева напротивъ: когда онъ говоритъ о себѣ, вы видите, что изъ-за его личности выступаютъ личности тѣхъ, которыхъ любилъ или любитъ онъ; вы чувствуете, что и собою дорожитъ онъ только ради чувствъ, которыя питалъ онъ къ другимъ. Даже любовь, подъ которою чаще всего скрывается себялюбіе, у него чиста отъ эгоистическаго оттѣнка. Тѣмъ болѣе у него преданности въ дружбѣ, которая и вообще часто отличается отъ другихъ чувствъ человѣка сильнѣйшимъ участіемъ этого качества. Когда г. Огаревъ говоритъ о своихъ друзьяхъ, онъ говоритъ, дѣйствительно, о нихъ, а не о себѣ; да когда говоритъ и о себѣ, то всегда чувствуется отсутствіе всякаго себялюбія, чувствуется, что наслажденіе жизни для такой личности заключается въ томъ, чтобы жить для другихъ, быть счастливымъ отъ счастья близкихъ и скорбѣть ихъ горемъ, какъ своимъ личнымъ горемъ.

Дѣйствительно, таковы были люди, типъ которыхъ отразился въ поэзіи г. Огарева, одного изъ нихъ.

И вотъ, между прочимъ, одно изъ качествъ, по которымъ она останется достояніемъ исторіи: въ ней нашелъ себѣ выраженіе важный моментъ въ развитіи нашего общества. Лицо, чувства и мысли котораго вы узнаете изъ поэзіи г. Огарева, лицо типическое. Вотъ какъ оно обрисовано передъ вами сполна въ прекрасной пьесѣ «Монологи»:

I.

И ночь и мракъ! Какъ все томительно-пустынно!
Безсонный дождь стучитъ въ мое окно,
Блуждаетъ лучъ свѣчи, мѣняясь съ тѣнью длинной,
И на сердцѣ печально и темно.
Былые сны! душѣ разстаться съ вами больно,
Еще ловлю я призраки впали,
Еще желаніе кипитъ въ груди невольно;
Но жизнь и мысль убила сны мои.
Мысль, мысль! какъ страшно мнѣ теперь твое движенье,
Страшна твоя тяжелая борьба!
Грознѣй небесныхъ бурь несешь ты разрушенье,
Неумолима, какъ сама судьба.
Ты миръ невинности давно во мнѣ сломила,
Меня на вѣкъ въ броженье вовлекла,
За вѣрой вѣру ты въ душѣ моей сгубила,
Вчерашній свѣтъ мнѣ тьмою назвала.
Отъ прежнихъ истинъ я отрекся правды ради,
Для свѣтлыхъ сновъ на ключъ я заперъ дверь,
Листъ за листомъ я рвалъ завѣтныя тетради,
И все, и все изорвано теперь.
Я долженъ надъ своимъ безсиліемъ смѣяться
И видѣть вкругъ безсиліе людей,
И трудно въ правдѣ мнѣ внутри себя признаться,
А правду высказать еще труднѣй.
Предъ истиной покой исчезъ,
И гордость личная, и сны любви,
И впереди лежитъ пустынная дорога,
Да тщетный жаръ еще горитъ въ крови.

II.

Скорѣй, скорѣй топи средь дикихъ волнъ разврата
И мысль и сердце, ношу чувствъ и думъ!
Насмѣйся надо всѣмъ, что такъ казалось свято,
И смѣло жизнь растрать на пиръ и шумъ!
Сюда, сюда, бокалъ съ играющею влагой!
Сюда, вакханка! слухъ мнѣ очаруй
Ты пѣсней полною разгульною отвагой!
На золото продай мнѣ поцѣлуй...
Вино кипитъ, и жжетъ меня лобзанье..
Ты хороша, о, слишкомъ хороша!..
Зачѣмъ опять въ душѣ проснулося страданье
И будто вздрогнула душа?
Зачѣмъ ты хороша? забытое мной чувство,
Красавица, зачѣмъ волнуешь вновь?
Твоихъ томящихъ ласкъ постыдное искусство
Ужель во мнѣ встревожило любовь?
Любовь, любовь!.. о, нѣтъ, я только сожалѣнье,
Погибшій ангелъ, чувствую къ тебѣ...
Поди: ты мнѣ гадка! я чувствую презрѣнье
Къ тебѣ, продажной, купленной рабѣ!
Ты плачешь? Нѣтъ, не плачь. Какъ, я тебя обидѣлъ?
Прости, прости мнѣ —это паръ вина;
Когда бъ я не любилъ, вѣдь я бъ не ненавидѣлъ.
Постой, душа къ тебѣ привлечена.
Ты болѣ съ устъ моихъ не будешь знать укора.
Забудь всю жизнь, прожитую тобой,
Забудь весь грязный путь порока и позора,
Склонись ко мнѣ прекрасной головой,
Страдалица любви, страдалица желанья!
Я на душу тебѣ навѣю сны,
Ее вновь оживитъ любви моей дыханье,
Какъ бабочку дыханіе весны.
Что жь ты молчишь, дитя, и смотришь въ удивленьи,
А я не пью мой налитый бокалъ?
Проклятіе! опять ненужное мученье
Внутри души я гдѣ-то отыскалъ!
Но на плечо ко мнѣ она, склоняся, дремлетъ,
И что во мнѣ—ей непонятно то.
Недвижно я гляжу, какъ сонъ ей грудь подъемлетъ,
И глупо трачу сердце за ничто!

III.

Чего хочу?.. Чего?.. О, такъ желаній много,
Такъ къ выходу ихъ силѣ нуженъ путь,
Что, кажется порой, ихъ внутренней тревогой
Сожжется мозгъ и разорвется грудь.
Чего хочу?—всего, со всею полнотою!
Я жажду знать, я подвиговъ хочу!
Еще хочу любить съ безумною тоскою,
Весь трепетъ жизни чувствовать хочу!
А втайнѣ чувствую, что всѣ желанья тщетны,
И жизнь скупа, и внутренно я хилъ;
Мои стремленія замолкнутъ безотвѣтны,
Въ попыткахъ я запасъ растрачу силъ.

Я самъ себѣ кажусь подавленный страданьемъ,
Какимъ-то жалкимъ, маленькимъ глупцомъ
Среди безбрежности, затерянным созданьемъ,
Томящимся въ броженіи пустомъ...
Духъ вѣчности обнять заразъ не въ нашей долѣ,
А чашу жизни пьемъ мы по глоткамъ;
О томъ, что выпито, мы все жалѣемъ болѣ,
Пустое дно все больше видно намъ;
И съ каждымъ днемъ душѣ тяжеле устарѣлость,
Больнѣе помнить, и страшнѣй желать,
И, кажется, что жизнь—отчаянная смѣлость.
Но биться пульсъ не можетъ перестать,
И дальше я живу въ стремленьи безотрадномъ,
И жизни крестъ беру я на себя
И весь душевный жаръ несу въ движеньи жадномъ,
За мигомъ мигъ хватая и губя.
И все хочу!.. Чего?.. О, такъ желаній много,
Такъ къ выходу ихъ силѣ нуженъ путь,
Что, кажется порой, ихъ внутренней тревогой
Сожжется мозгъ и разорвется грудь.

IV.

Какъ школьникъ на скамьѣ, опять сижу я въ школѣ
И съ жадностью внимаю и молчу;
Пусть длиненъ знанья путь, но духъ мой крѣпокъ волей,
Не страшенъ трудъ—я вѣрю и хочу.
Вокругъ все юноши: учительское слово,
Какъ я, они всѣ слушаютъ въ тиши;
Для нихъ все истина, имъ все еще такъ ново,
Въ нихъ судитъ пылъ неопытной души.
Но я уже сюда явился съ мыслью зрѣлой,
Сомнѣніемъ испытанный боецъ,
Но не убитый имъ... Я съ призраками смѣло
И искренно расчелся наконецъ;
Я отстоялъ себя отъ внутренней тревоги,
Съ терпѣніемъ пустился въ новый путь
И не собьюсь теперь съ разсчитанной дороги —
Свободна мысль, и силой дышитъ грудь.
Что, Мефистофель мой, завистникъ закоснѣлый?
Отнынѣ власть твою разрушилъ я,
Болѣзненную власть насмѣшки устарѣлой;
Я скорбью многой выкупилъ себя.
Теперь товарищъ мнѣ иной духъ отрицанья:
Не тотъ насмѣшникъ черствый и больной,
Но тотъ всесильный духъ движенья и созданья,
Тотъ вѣчно юный, новый и живой.
Въ борьбѣ безстраненъ онъ, ему губить—отрада,
Изъ праха онъ все строитъ вновь и вновь,
И ненависть его къ тому, что рушить надо.
Душа свята, такъ какъ свята любовь.

Быть можетъ, многіе изъ насъ приготовлены теперь къ тому, чтобы слышать другія рѣчи, въ которыхъ слабѣе отзывалось бы мученье внутренней

борьбы, въ которыхъ раньше и всевластнѣе являлся бы новый духъ, изгоняющій Мефистофеля,—рѣчи человѣка, который становится во главѣ историческаго движенія съ свѣжими силами; но когда-то мы услышимъ такія рѣчи?—да и въ самомъ ли дѣлѣ многіе изъ насъ приготовлены къ тому, чтобы слышать и понять ихъ? И тѣ, которые дѣйствительно готовы, знаютъ, что если они могутъ теперь сдѣлать шагъ впередъ, то благодаря тому только, что дорога проложена и очищена для нихъ борьбою ихъ предшественниковъ, и больше, нежели кто нибудь, почтутъ дѣятельность своихъ учителей. Онѣгинъ смѣнился Печоринымъ, Печоринъ—Бельтовымъ и Рудинымъ. Мы слышали отъ самого Рудина, что время его прошло; но онъ не указалъ намъ еще никого, кто бы замѣнилъ его, и мы еще не знаемъ, скоро ли мы дождемся ему преемника. Мы ждемъ еще этого преемника, который, привыкнувъ къ истинѣ съ дѣтства, не съ трепетнымъ экстазомъ, а съ радостною любовью смотритъ на нее; мы ждемъ такого человѣка и его рѣчи, бодрѣйшей, вмѣстѣ спокойнѣйшей и рѣшительнѣйшей рѣчи, въ которой слышалась бы не робость теоріи передъ жизнью, а доказательство, что разумъ можетъ владычествовать надъ жизнью, и человѣкъ можетъ свою жизнь согласить съ своими убѣжденіями.

И вотъ потому то, между прочимъ, что онъ одинъ изъ представителей своей эпохи, г. Огареву принадлежитъ почетное мѣсто въ исторіи русской литературы—слава, которая суждена очень немногимъ изъ нынѣшнихъ дѣятелей. Есть у него и другія права—о нихъ мы отчасти говоримъ въ нашихъ «Очеркахъ», и подробнѣе будемъ говорить когда нибудь, при первой возможности.

Но мы все говоримъ объ историческомъ значеніи дѣятельности г. Огарева, а еще не сказали своего мнѣнія о чисто поэтическомъ достоинствѣ его стихотвореній. Правда, кто знаетъ, что такое истинная слава, тотъ право на доброе слово исторіи поставитъ выше всякаго блеска. Но вѣдь историческое значеніе поэта должно же отчасти основываться на чисто поэтическомъ достоинствѣ его произведеній. Мы не касались этой стороны произведеній г. Огарева, потому что надѣемся черезъ нѣсколько времени помѣстить статью, въ которой будетъ разобранъ поэтическій талантъ г. Огарева.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ. *Сочиненіе* Б. Чичерина. *Москва. 1856.*

Г. Чичеринъ начинаетъ свою ученую дѣятельность блистательнымъ образомъ. Первый напечатанный имъ трудъ—о развитіи сельской общины—возбудилъ общій интересъ: всѣ заговорили о г. Чичеринѣ; многіе не соглашались съ его выводами, но всѣ соглашались въ томъ, что авторъ статьи долженъ быть человѣкъ замѣчательнаго таланта. Споры его съ «Русскою Бесѣдою» о народномъ воззрѣніи въ наукѣ и изслѣдованія о несвободныхъ состояніяхъ соотвѣтствовали своими достоинствами тѣмъ ожиданіямъ, какія внушены были первою статьею. Обширный трактатъ, о которомъ теперь должны мы говорить, самые строгіе цѣнители признаютъ капитальнымъ трудомъ. Въ нѣсколько мѣсяцевъ г. Чичеринъ составилъ себѣ извѣстность, какую обыкновенно развѣ въ нѣсколько лѣтъ пріобрѣтаютъ люди даже очень даровитые; съ перваго раза онъ сталъ въ первомъ ряду между людьми, занимающимися разработкою русской исторіи. Успѣхъ рѣдкій и, что еще лучше, успѣхъ совершенно заслуженный.

Мы ничего не имѣемъ возразить противъ общаго мнѣнія и публики и спеціальныхъ ученыхъ въ пользу г. Чичерина: оно справедливо. Скажемъ болѣе: какъ ни высоко уважается теперь талантъ г. Чичерина, но ему, какъ намъ кажется, предстоитъ въ будущемъ пользоваться еще болѣе громкою извѣстностью. Труды г. Чичерина доказываютъ, что онъ обладаетъ всѣми качествами, нужными для того, чтобы современемъ,—и, по всей вѣроятности, въ скоромъ времени,—пріобрѣсть знаменитость, какая достается на долю только очень немногимъ избранникамъ. Въ его сочиненіяхъ обнаруживается свѣтлый и сильный умъ, обширное и основательное знаніе, вѣрный взглядъ на науку, рѣдкая любовь къ истинѣ, благородный жаръ души; онъ имѣетъ даръ прекраснаго изложенія. Если, при такихъ силахъ, онъ не сдѣлается въ скоромъ времени однимъ изъ корифеевъ нашихъ, то развѣ въ томъ случаѣ, когда покинетъ ученую дѣятельность. Если же онъ будетъ продолжать трудиться для науки съ тою ревностью, какъ началъ, то, безъ сомнѣнія, дѣятельность

его составитъ эпоху въ развитіи науки, которую онъ избралъ главнымъ предметомъ своихъ занятій.

Значитъ ли это, что мы не находимъ никакихъ слабыхъ сторонъ въ изслѣдованіи г. Чичерина?—нѣтъ; труды, которые до сихъ поръ имъ изданы, отличаясь рѣдкими и высокими достоинствами, имѣютъ, конечно, и свои недостатки, но самые эти недостатки такого рода, что еще болѣе ручаются за будущность его таланта, носятъ въ себѣ залоги высшихъ достоинствъ: они происходятъ, какъ по всему видно, главнымъ образомъ оттого, что онъ еще не вполнѣ пользуется своими силами, еще вѣритъ въ сообразность съ его собственными понятіями тѣхъ рѣшеній, какія были даны тою или другою изъ нашихъ историческихъ школъ,—словомъ, еще полагается во многомъ на авторитетъ того или другаго изъ нашихъ историковъ.

Это очень натурально: до сихъ поръ г. Чичеринъ занимался изслѣдованіемъ только частныхъ, хотя очень важныхъ вопросовъ. Ему еще не представлялось случаевъ подробно разсматривать общихъ понятій о развитіи русской исторической жизни, обыкновенно принимаемыхъ нынѣ; онъ принимаетъ эти общія понятія безъ ближайшей повѣрки. Такъ дѣлаютъ и многіе другіе изслѣдователи, занимающіеся частными изысканіями. Но, между тѣмъ, какъ другіе спокойно подчиняются въ направленіи своихъ изслѣдованій духу школы, авторитетъ которой принимаютъ, г. Чичеринъ обнаруживаетъ въ своихъ частныхъ изысканіяхъ независимый взглядъ. Изъ этого иногда возникаетъ, быть можетъ, еще незамѣтное для него, несогласіе между его взглядомъ и духомъ школы, терминологію которой онъ употребляетъ, иногда терминологія, которой онъ считаетъ нужнымъ держаться, получаетъ въ его сочиненіяхъ новый смыслъ. Такимъ образомъ, г. Чичеринъ иногда не избѣгаетъ нѣкоторой сбивчивости въ изложеніи своихъ понятій, которыя не находятъ себѣ соотвѣтствія въ терминологіи, принятой имъ безъ точнаго изслѣдованія. Конечно, это недостатокъ, но недостатокъ, возникающій не отъ слабости, а отъ избытка силъ; и не трудно предвидѣть, къ чему приведутъ противорѣчія, которыхъ теперь не избѣгаетъ г. Чичеринъ, соединяя результаты своихъ изслѣдованій съ понятіями, взятыми изъ прежнихъ школъ: мало по малу, онъ увидитъ необходимость подвергнуть критикѣ тѣ общія воззрѣнія на русскую исторію, которыя сначала оставались внѣ круга его частныхъ изысканій; увидитъ, что его изслѣдованіями потрясаются тѣ основанія, на которыя прежде онъ полагался, — и постепенно образуется у него самостоятельная точка зрѣнія на ходъ событій русской исторіи. Это произойдетъ само собою, если только г. Чичеринъ намѣренъ спеціально посвятить свои дарованія разработкѣ русской исторіи.

И достоинства и нынѣшніе недостатки его изслѣдованій доказываютъ, какъ мы сказали, что онъ не изъ тѣхъ людей, которые живутъ чужими понятіями, а изъ тѣхъ, которые имѣютъ силу пролагать новые пути въ наукѣ.

Къ такому убѣжденію пришли мы, прочитавъ изслѣдованіе г. Чичерина объ областныхъ учрежденіяхъ Россіи въ XVII вѣкѣ. Только тамъ, гдѣ авторъ, принимая безъ ближайшаго разбора общія воззрѣнія прежнихъ историческихъ школъ, беретъ на себя отвѣтственность за идеи, не имъ самимъ выведенныя изъ строгаго разбора фактовъ, можно и, кажется намъ, должно съ нимъ спо-

рить. Но когда онъ является самостоятельнымъ изслѣдователемъ фактовъ, трудно не соглашаться съ нимъ вполнѣ.

Начнемъ съ тѣхъ понятій въ книгѣ г. Чичерина, которыя кажутся намъ или не совершенно справедливыми, или изложенными не совершенно удовлетворительною терминологіею.

Авторъ считаетъ учрежденіе воеводъ примѣненіемъ «государственныхъ началъ» къ областному управленію. Намъ казалось вѣрнѣе бы замѣнить выраженіе «государственныя начала» просто—ну хоть бы словомъ «централизація въ областномъ управленіи». Понятія «государство» и «централизація» совершенно различны. Въ Англіи, въ Сѣверной Америкѣ централизаціи нѣтъ: а государства эти и сильны и благоустроенны. Цетрализація является необходимою формою только тамъ, гдѣ существуетъ партикуляризмъ, гдѣ части одного и того же народа готовы жертвовать областному интересу національнымъ единствомъ. У насъ этого никогда не было (за исключеніемъ развѣ Новгорода): сознаніе національнаго единства всегда имѣло рѣшительный перевѣсъ надъ провинціяльными стремленіями,—если только были со времени Ярослава какія нибудь провинціяльныя стремленія, — которыхъ, надобно сказать, вовсе не видно, и которыхъ потому не должно предполагать: распаденіе Руси на удѣлы было, чисто, слѣдствіемъ дѣлежа между князьями, дѣломъ потомковъ Ярослава или, пожалуй, и самого Ярослава, но не слѣдствіемъ стремленій самого русскаго народа. Удѣльная разрозненность не оставила никакихъ слѣдовъ въ понятіяхъ народа, потому что никогда и не имѣла корней въ его сердцѣ: народъ только подчинялся семейнымъ распоряженіямъ князей. Какъ только присоединяется тотъ или другой удѣлъ къ Москвѣ, дѣло кончено: тверитянинъ, рязанецъ—такой же истый подданный московскаго царства, какъ и самый коренной москвичъ; онъ не только не стремится отторгнуться отъ Москвы, даже не помнитъ, былъ ли онъ когда въ разрозненности отъ другихъ московскихъ областей: онъ знаетъ только одно—что онъ русскій. При такой силѣ національнаго чувства, государственное единство нимало не нуждалось въ поддержкѣ централизаціею управленія.

Мы предлагаемъ замѣнить выраженіе «государственныя начала» понятіемъ «централизація» не потому, чтобы послѣднее слово было совершенно удовлетворительно своею точностью; оно все еще слишкомъ широко: централизація, государственная и областная, была и есть во многихъ странахъ, а намъ нужно было бы найти выраженіе, которое примѣнялось бы именно къ русской исторіи,—и если господину Чичерину или кому другому удастся найти болѣе точное опредѣленіе централизующаго принципа, отъ котораго зависѣло развитіе русской жизни, мы будемъ тому очень рады; но пока мы будемъ употреблять хотя слово централизація, за недостаткомъ болѣе точнаго выраженія: «централизація» все-таки гораздо опредѣлительнѣе, нежели «государственныя начала», потому все-таки оставляетъ менѣе простора для недоразумѣній, какимъ очень во многихъ случаяхъ подвергаетъ употребленіе выраженія «государственныя начала».

Г. Чичеринъ, конечно, не нуждается въ нашихъ поясненіяхъ, чтобы видѣть, до какой степени могутъ измѣниться понятія о смыслѣ различныхъ

явленій русской исторіи, когда точнѣе опредѣляются принципы, управлявшіе развитіемъ этихъ явленій.

Такъ, напримѣръ, если воеводы признаются представителями государственнаго начала въ областномъ управленіи, то всѣ областныя учрежденія, замѣненныя воеводами, признаются противорѣчившими государственному началу, національному интересу. Если же воеводъ считать только представителями централизаціи, учрежденіе воеводъ и паденіе другихъ учрежденій являются въ иномъ свѣтѣ.

Намъ кажется, что съ характеромъ воззрѣній, принадлежащихъ самому г. Чичерину, гораздо болѣе гармонируетъ понятіе о воеводахъ просто какъ о представителяхъ централизаціи въ областномъ управленіи.

Въ числѣ воззрѣній, не столько принадлежащихъ самому г. Чичерину, сколько принимаемыхъ имъ по авторитету различныхъ историческихъ школъ, есть еще одно довольно важное, съ которымъ мы не хотѣли бы соглашаться. Это воззрѣніе состоитъ въ томъ, что, при паденіи учрежденій, главная вина паденія всегда заключается въ несоотвѣтственности съ потребностями прогресса, при возвышеніи учрежденій всегда главною причиною возвышенія бываютъ потребности прогресса. Къ сожалѣнію, факты не всегда соотвѣтствуютъ такому понятію объ историческомъ движеніи. Мы нимало не принадлежимъ къ приверженцамъ какой бы то ни было старины; мы не сомнѣваемся и въ томъ, что если нѣтъ слишкомъ сильныхъ причинъ, извращающихъ натуральное развитіе народной жизни, то жизнь идетъ впередъ, и позднѣйшія явленія бываютъ совершеннѣе предшествовавшихъ имъ. Но часто бываетъ и иначе. Если историческое движеніе цѣлаго человѣческаго рода всегда идетъ путемъ прогресса, то отдѣльные народы подвергаются часто вліянію неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Въ примѣръ, довольно указать на исторію Испаніи. Понятіе о прогрессѣ имѣетъ свои ограниченія въ жизни народовъ. Еще чаще такія несоотвѣтственныя прогрессу явленія замѣчаются, когда мы беремъ исключительно одну сторону народной жизни. Потому едва ли можетъ соотвѣтствовать истинѣ такое построеніе исторіи отдѣльной націи, въ которомъ рѣшительно каждое важное явленіе въ каждой отрасли народной жизни представляется возникающимъ и упадающимъ сообразно правилу прогрессивнаго развитія. А именно таково построеніе, принимаемое безъ ближайшей критики г. Чичеринымъ. Нельзя сомнѣваться, что замѣненіе воеводъ другими учрежденіями было дѣломъ прогресса: факты подтверждаютъ то: но дѣйствительно ли надобно видѣть прогрессъ въ учрежденіи воеводъ, мы не можемъ сказать утвердительно.

Предѣлы статьи не позволяютъ намъ приводить выписокъ изъ актовъ и лѣтописей, подтверждающихъ замѣчанія, кратко нами высказанныя; но читатель въ книгѣ самого г. Чичерина найдетъ множество фактовъ, которые доказываютъ, что учрежденіе воеводскаго управленія было слѣдствіемъ не государственнаго начала вообще, которое не нуждалось въ воеводахъ, а скорѣе дѣломъ административной централизаціи. Мы должны также, чтобы не увеличивать чрезмѣрно нашу рецензію, отказаться отъ нѣсколькихъ болѣе частныхъ замѣчаній: почти всѣ они, какъ мы уже сказали, относятся только къ тѣмъ мнѣніямъ, которыя приняты г. Чичеринымъ на вѣру, безъ ближайшаго раз-

смотрѣнія, и которыя, по всей вѣроятности, будутъ опровергнуты проницательнымъ анализомъ самого автора, какъ скоро представится ему случай подробнѣе изслѣдовать ихъ. Что же касается тѣхъ отдѣловъ книги, которые посвящены самостоятельному изслѣдованію частнаго вопроса, избраннаго авторомъ, то есть формъ и духа областныхъ учрежденій XVII вѣка, мы можемъ только отдать полную справедливость добросовѣстности его труда и вѣрности его взгляда, съ которымъ невозможно не соглашаться. Постараемся въ нѣсколькихъ словахъ изложить результаты изъисканій г. Чичерина, справедливость которыхъ несомнѣнна.

Первоначально князья, имѣя право суда и управленія въ подчиненныхъ имъ областяхъ, смотрѣли на это право единственно какъ на источникъ дохода для себя и для обогащенія людей, которые служили имъ. Судебная и административная власть была средствомъ «кормленія» служилыхъ людей. Опредѣленныхъ учрежденій въ этомъ дѣлѣ не существовало: все зависѣло отъ частныхъ распоряженій — и назначеніе судьи-правителя (кормленщика), и округъ его вѣдомства, и степень власти. Сколько доходовъ получитъ судья-правитель, это было уже его собственнымъ дѣломъ; онъ затѣмъ и назначался, чтобы «кормиться». Произволъ его ограничивался, правда, нѣкоторыми постановленіями. Но постановленія эти вообще не имѣли силы: они отмѣнялись по произволу въ частныхъ случаяхъ, да и сами по себѣ были недостаточны. Должно было, кромѣ того, ограничиваться отчасти вѣдомство, отчасти самоуправство назначаемыхъ правителей-судей властью, присвоенною въ нѣкоторыхъ дѣлахъ выборнымъ людямъ; но власть эта была также слишкомъ слаба, чтобы служить дѣйствительною преградою произволу, и, какъ безсильная и безполезная, теряла дѣйствительное, а потомъ даже и формальное значеніе.

Таково было положеніе областнаго управленія въ началѣ XVII вѣка, когда повсюду стали назначаться воеводы, до того времени посылавшіеся только въ немногіе города по особеннымъ обстоятельствамъ, преимущественно на военное время. «Въ смутное время, въ началѣ XVII вѣка, когда войны «и мятежи распространялись по всей землѣ, и всюду было необходимо при«сутствіе военной силы, воеводы являются почти во всѣхъ городахъ; со вре«мени Михаила Ѳеодоровича они составляютъ общее учрежденіе всей Россіи».

Такимъ образомъ, самъ г. Чичеринъ даетъ намъ удовлетворительное объясненіе происхожденія воеводскаго управленія. Воеводы первоначально были временными правителями округовъ, находившихся на военномъ положеніи. Въ этомъ качествѣ, разумѣется, они имѣли чрезвычайную (дискреціонную) власть. Когда всѣ области были на военномъ положеніи, такіе полномочные правители явились повсюду; власть ихъ была удержана и тогда, когда обстоятельства, подавшія поводъ къ ихъ установленію, миновались — явленіе, очень обыкновенное въ исторіи почти каждаго народа: власть стремится къ всегдашнему удержанію объема, пріобрѣтеннаго по поводу скоропреходящихъ обстоятельствъ. Такое точное объясненіе напрасно стали бы мы дѣлать безполезнымъ, относя его къ слишкомъ отвлеченному понятію «государственнаго начала»: оно очевидно относится къ болѣе опредѣлительному понятію «полномочной централизаціи».

Быстро всѣ другія учрежденія исчезаютъ или подчиняются власти воеводъ,

или измѣняютъ свой характеръ сообразно духу преобладающей воеводской власти.

Въ понятіи государственнаго начала вообще лежитъ идея стремленія къ постоянному, прочному, легальному порядку; напротивъ того, диктатура, хотя и составляетъ одну изъ формъ государственнаго быта, по самой сущности своей противоположна этой идеѣ постоянства и опредѣлительности: потому-то мы находимъ совершенно соотвѣтствующими сущности того стремленія, изъ котораго возникло упроченіе и распространеніе по всѣмъ областямъ Россіи воеводскаго управленія, ту неопредѣлительность и безпорядочность, которая составляла отличительный характеръ воеводскаго учрежденія; всѣ усилія высшаго правительства поставить власти воеводъ какіе либо опредѣленные предѣлы оставались безуспѣшны, потому что несовмѣстны были съ самымъ принципомъ, изъ котораго возникло и которымъ поддерживалось воеводское управленіе—принципомъ полномочія.

Въ учрежденіи воеводскаго управленія все было дѣломъ произвола и случая, начиная отъ предѣловъ округа, поручаемаго воеводѣ, до предѣловъ вручаемой ему власти. Иной воеводскій округъ обнималъ цѣлую обширную область, иной былъ очень невеликъ; иные воеводы имѣли сношенія прямо съ московскими приказами, иные были подчинены другимъ воеводамъ и, будучи подчинены имъ, иногда съ тѣмъ вмѣстѣ зависѣли прямо отъ приказовъ. Въ большихъ городахъ у воеводы были товарищи, одинъ или двое, какъ случится, въ одномъ и томъ же городѣ; а иногда въ томъ же самомъ городѣ бывалъ воевода и безъ товарищей. Отношеніе воеводы къ своимъ товарищамъ бывало различно: то онъ ничего не могъ сдѣлать безъ ихъ совѣта, то поручались имъ отдѣльныя части управленія, то воевода повелѣвалъ своими товарищами. Опредѣленныхъ правилъ на эти отношенія не существовало. Въ малыхъ городахъ бывалъ одинъ воевода, безъ товарищей.

Такъ какъ мы не можемъ въ равной подробности изложить содержаніе всѣхъ отдѣловъ книги г. Чичерина, то ограничимся только главнѣйшимъ отдѣломъ—«о воеводахъ большихъ городовъ». Къ воеводамъ прикненыхъ городовъ вообще можно приложить все, что извѣстно о воеводахъ главныхъ городовъ, только съ тою разницею, что они были подчинены, въ большей части случаевъ, не прямо московскимъ приказамъ, а воеводамъ главныхъ городовъ; но духъ управленія и характеръ власти былъ одинъ и тотъ же. Всѣ другія областныя учрежденія далеко уступали своею важностью воеводамъ, которымъ обыкновенно и подчинялись. Потому о характерѣ областныхъ учрежденій въ XVII вѣкѣ можно составить себѣ достаточное понятіе, разсмотрѣвъ только воеводство главныхъ городовъ.

Прежде всего повторимъ, что общихъ правилъ, которыя бы постоянно дѣйствовали, не было ни въ назначеніи, ни въ границахъ власти воеводъ, ни въ чемъ другомъ, относящемся до нихъ: все опредѣлялось частными распоряженіями, такъ что были только случаи болѣе частые и случаи менѣе частые. Мы будемъ, говоря о характерѣ воеводской власти, опредѣлять ее сообразно съ болѣе частыми случаями; но не должно забывать, при каждомъ опредѣленіи, что оно примѣнялось далеко не ко всѣмъ воеводамъ и не постоянно, а вездѣ и во всемъ бывали частыя случайныя исключенія, не подходившія

подъ болѣе обычный распорядокъ: все зависѣло отъ обстоятельствъ и отъ воли назначавшихъ или отъ личнаго положенія назначаемыхъ.

Воеводы избирались изъ числа просителей, хлопотавшихъ о полученіи воеводскаго мѣста; въ челобитныхъ они писали: «прошу отпустить покормиться». Воеводство было обыкновенно жалованьемъ за военную службу и отдыхомъ отъ нея.

Воеводы посылались на срокъ, на два или на три года: этого срока было достаточно, чтобы «накормиться». Притомъ, сдача дѣлъ и казеннаго имущества преемнику была единственною нѣсколько серьезною отчетностью, и безсрочность была бы совершенною безотчетностью. Обыкновенно и двухъ лѣтъ не удерживался воевода на мѣстѣ (въ Шуѣ втеченіе 76 лѣтъ смѣнилось 52 воеводы): челобитчиковъ, просившихся на эти мѣста, было такъ много, что приказы не затруднялись смѣнять назначенныхъ людей новыми.

При назначеніи, воеводѣ давался наказъ для руководства въ управленіи. Общей системы для этихъ наказовъ не существовало: иногда они бывали очень подробны, иногда ограничивались немногими указаніями. Прежними наказами воеводѣ предоставлялось руководствоваться, когда нужно, по его собственному усмотрѣнію; да и тотъ наказъ, который давался ему самому, не былъ для него обязателенъ: «буде въ сихъ вышеписанныхъ статьяхъ (говорилось въ наказахъ) что явится къ нынѣшнему дѣлу и времени и исправленію несогласно, и чего будетъ дѣлать не мочно и казнѣ убыточно, и воеводамъ чинить въ тѣхъ статьяхъ по своему правому разсмотрѣнію». Иногда—впрочемъ, рѣдко—предписывалось о недоумѣніяхъ спрашивать разрѣшенія приказовъ, обыкновенно же разрѣшалось «дѣлать какъ Богъ вразумитъ». Такимъ образомъ, давался полный просторъ произволу воеводы.

Пріѣхавъ на мѣсто, воевода принималъ дѣла и казенное имущество отъ своего предшественника; но отвѣтственность обыкновенно лежала тутъ на дьякахъ, по частой безграмотности воеводъ и незнакомству ихъ съ дѣлами и счетами. Приказы получали отчеты, но не могли услѣдить по нимъ дѣйствій воеводъ; потому сдача дѣлъ при смѣнѣ была въ сущности единственною отчетностью, да и за ходомъ этихъ сдачъ приказы не могли услѣдить, потому что новые воеводы или ихъ дьяки не всегда сообщали о томъ приказамъ.

Если при сдачѣ финансовыя дѣла оказывались въ порядкѣ, за упущенія и злоупотребленія по другимъ частямъ воевода не подвергался отвѣтственности, развѣ въ случаѣ особеннаго челобитья на него царю.

Вѣдомству воеводы подлежали «всякія дѣла», такъ что вообще не было опредѣленныхъ границъ воеводской власти: воевода завѣдывалъ дѣлами духовными, иностранными, военными, разрядными, помѣстными, судебными, полицейскими и финансовыми. Но въ подвластности воеводамъ дѣлъ каждаго рода было множество изъятій или случаевъ столкновенія съ другими властями. Такъ, напримѣръ:

По духовнымъ дѣламъ—воеводамъ запрещалось вмѣшиваться въ «духовныя дѣла и духовный чинъ»: церковь была независима отъ свѣтской власти. Но часто воевода завѣдывалъ постройкою церквей, раздачею церковнымъ причтамъ земли и жалованья, обыкновенно повѣрялъ отчетность монастырей при смѣнѣ настоятелей; ему предписывалось вообще давать епископу своихъ стрѣль-

цовъ и пушкарей для помощи противъ ослушниковъ, а иногда—безъ собственнаго розъиска не дѣлать того; иногда воеводѣ поручался даже надзоръ за поведеніемъ священниковъ, иногда—за исполненіемъ церковныхъ обрядовъ со стороны прихожанъ; иногда воеводы управляли монастырскими вотчинами.

По иностраннымъ дѣламъ—воеводамъ пограничныхъ городовъ то разрѣшалось, то запрещалось сноситься съ иноземными державами и ихъ чиновниками.

По военнымъ дѣламъ, которыя были сосредоточены въ рукахъ воеводъ, ихъ власти не подлежали монастырскія крѣпости (а иногда и подлежали). Такое же то изъятіе отъ власти, то предоставленіе посторонпихъ дѣлъ власти воеводъ встрѣчаемъ въ дѣлахъ разрядныхъ и помѣстныхъ.

Въ судопроизводствѣ одни и тѣ же гражданскія дѣла то рѣшались воеводами, то отсылались воеводами въ приказы, то рѣшались приказами мимо воеводъ, которыми должны были бы рѣшаться: все зависѣло либо отъ усмотрѣнія воеводы, либо оттого, воеводѣ или московскому приказу вздумаетъ подать жалобу свою истецъ. Уголовныя дѣла подлежали воеводѣ, гдѣ не было губныхъ старостъ, или губнымъ старостамъ, если не было для этихъ дѣлъ особенныхъ сыщиковъ. Все зависѣло отъ случая: безпрестанно то отнимались у воеводъ уголовныя дѣла и поручались губнымъ старостамъ, то уничтожались губные старосты и дѣла ихъ передавались воеводамъ. Иногда уголовныя дѣла въ округѣ одного воеводы поручались завѣдыванью воеводы другаго округа. Воеводы иногда казнили, иногда не могли казнить смертью, иногда посылали, иногда не обязывались посылать въ Москву вѣдомости о наказанныхъ преступникахъ. Цѣлые классы и отдѣльныя лица были изъяты изъ общей подсудности: но и тутъ не было постоянныхъ или ясныхъ правилъ, такъ что вопросъ о подсудности былъ очень запутанъ.

Дѣла, подлежавшія вѣдомству воеводъ, были чрезвычайно разнородны. Вообще, когда и случалось, что воевода не всѣми отраслями администраціи и судопроизводства завѣдывалъ самъ, то онъ долженъ былъ вмѣшиваться во все, при перевѣсѣ своей власти надъ другими учрежденіями и при недостаткѣ точныхъ границъ въ распредѣленіи дѣлъ по различнымъ родамъ. Но главною его заботою былъ сборъ податей; а всѣ остальныя дѣла были уже второстепенными въ сравненіи съ этимъ важнѣйшимъ для государства.

Система податей была чрезвычайно разнообразна и запутанна. Подати и установлялись и измѣнялись по отдѣльнымъ распоряженіямъ, безъ всякихъ общихъ соображеній; точно также опредѣлялся и порядокъ ихъ сбора. И тутъ, какъ вездѣ, существовало множество изъятій и временныхъ и мѣстныхъ правилъ или исключеній. Тутъ была полнѣйшая свобода собственному усмотрѣнію воеводы, потому что отвѣтственность за сборъ падала на него и была единственною важною его отвѣтственностью: недоборъ въ податяхъ взыскивался съ него, за недоборъ ему грозила опала и наказаніе.

Въ дѣлахъ питейнаго и таможеннаго сбора бывали обыкновенно сначала, подъ надзоромъ воеводы, особенные выборные головы и цаловальники (впрочемъ, иногда ихъ назначалъ самъ воевода, иногда они присылались изъ Москвы),—и тутъ отвѣтственность за недоборы и упущенія падала на нихъ, а не на воеводу, которому они, однако, были подчинены; но, мало по малу, та-

можни и кабаки были—впрочемъ, не вездѣ—изъяты отъ власти воеводы, хотя преслѣдованіе корчемства и контрабанды осталось въ его вѣдомствѣ.

Такимъ образомъ, къ вѣдомству воеводъ принадлежали всѣ дѣла областнаго управленія; но были въ областномъ управленіи и другія власти, кромѣ воеводъ. Яснаго разграниченія въ вѣдомствахъ не существовало, повсюду было множество изъятій и временныхъ мѣръ, такъ что областное управленіе въ XVII вѣкѣ представляется совершеннымъ хаосомъ,—и надъ всѣмъ этимъ хаосомъ возвышалось въ областяхъ только обыкновенное разрѣшеніе воеводамъ поступать, когда покажется нужно, по собственному усмотрѣнію, какъ лучше для выгодъ казны.

Такую же запутанность встрѣчаемъ мы въ подчиненности воеводъ московскимъ приказамъ, въ дѣлопроизводствѣ и отчетности ихъ, если только можно назвать отчетностью почти совершенное отсутствіе контроля и всякой опредѣлительной отвѣтственности.

Подлѣ воеводъ, почти всегда въ подчиненіи власти ихъ, существовали нѣкоторыя учрежденія, основанныя обыкновенно на выборахъ: таможенные и кабацкіе головы и цаловальники, губные и земскіе старосты и цаловальники; но не было ни опредѣлительности въ порядкѣ выборовъ, ни самостоятельности избирающихъ и избираемыхъ; часто, вмѣсто выборовъ, назначеніе дѣлалось изъ Москвы или властью воеводы; все было подчинено власти или доступно вмѣшательству воеводы. Потому, на дѣлѣ, выборныя учрежденія не имѣли силы и сохраняли (когда сохраняли) свое существованіе только тѣмъ, что проникались тѣмъ же самымъ духомъ, который господствовалъ въ воеводскомъ управленіи.

Таковы были областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ, и только съ Петра Великаго начинаетъ появляться опредѣлительный порядокъ въ этомъ хаосѣ.

Мы изложили выводы, къ которымъ приводитъ самостоятельное изслѣдованіе г. Чичерина: противъ этихъ выводовъ невозможно сдѣлать никакого сколько нибудь значительнаго возраженія, которое могло бы назваться основательнымъ.

Нѣтъ надобности говорить, какъ важенъ вопросъ, объясняемый прекраснымъ трудомъ молодаго историка. Отъ вопроса о состояніи Россіи въ XVII вѣкѣ зависитъ рѣшеніе вопроса о необходимости реформы Петра Великаго и о томъ, много ли зародышей благоустроеннаго развитія представляетъ историческая жизнь наша до Петра Великаго. Благодаря г. Чичерину, вопросъ этотъ рѣшенъ относительно одной изъ важнѣйшихъ сторонъ народной жизни — относительно порядка дѣлъ, существовавшаго въ селахъ, городахъ и областяхъ русскихъ.

Надобно желать, чтобы столь же основательные и проницательные изслѣдователи разсмотрѣли другія стороны народной жизни въ XVII вѣкѣ. Г. Забѣлинъ представилъ превосходныя изслѣдованія о нѣкоторыхъ сторонахъ домашняго быта. Остается еще широкое поле для другихъ подобныхъ изслѣдованій о томъ же періодѣ. Хорошо было бы, еслибъ у насъ являлось больше такихъ людей, какъ г. Забѣлинъ и г. Чичеринъ, являлось побольше ученыхъ, столь даровитыхъ и живыхъ.

Но нашъ отчетъ о трудѣ г. Чичерина былъ бы слишкомъ неполонъ, если бы мы, высказавъ, въ чемъ, по нашему мнѣнію, не долженъ былъ соглашаться г. Чичеринъ съ понятіями, чуждыми его собственному направленію, и пересказавъ собственные его выводы, съ которыми нельзя не соглашаться, не дали читателю возможности видѣть, до какой степени простирается нынѣ самостоятельность понятій г. Чичерина и на сколько еще допускаетъ онъ въ свое изложеніе чуждую ему терминологію. Отчасти съ этою цѣлью, отчасти для того, чтобы читатели, еще не имѣвшіе случая познакомиться съ его трудами, убѣдились въ высокихъ достоинствахъ, какими отличаются его произведенія, мы представляемъ довольно обширную выписку изъ его книги. Мы беремъ страницы, въ которыхъ высказываетъ онъ самъ «заключеніе», общій выводъ изъ своего изслѣдованія:

«Государство было исходною точкою всего общественнаго развитія Россіи съ XV вѣка. Возникшее на развалинахъ средневѣковыхъ учрежденій, оно нашло вокругъ себя чистое поле; не было мелкихъ союзовъ, крѣпкихъ и замкнутыхъ; отдѣльныя личности, бродящія съ мѣста на мѣсто и занятыя исключительно своими частными интересами, однѣ противостояли новому общественному союзу. Главною задачею сдѣлалось устройство государства, которое организовалось сверху, а не снизу: нужно было ему устроить общій союзъ, а частные должны были служить ему орудіемъ. Поэтому на всѣхъ учрежденіяхъ лежалъ государственный характеръ, и такъ какъ прежде всего нужны были государству матеріальныя средства, то и задача управленія была преимущественно финансовая. Этимъ XVII вѣкъ отличается отъ XVIII, въ которомъ цѣлью управленія сдѣлались также промышленность и образованіе, хотя и эти отрасли дѣятельности первоначально развивались въ видахъ государственной пользы.

«Средства новаго государства были, однако же, ничтожны: ему недоставало людей, и оно сдѣлало государственную службу повинностью сословій. Ему недоставало денегъ, и оно учредило множество мѣстныхъ повинностей въ пользу государства. Ему недоставало наконецъ и административныхъ средствъ, и оно восполняло ихъ отвѣтственностью подданныхъ. Такимъ образомъ, надзоръ за мѣстными правителями былъ почти невозможенъ; поэтому отвѣтственность за сборы возложена была какъ на мѣстныхъ жителей, которые обязаны были выбирать «вѣрныхъ» сборщиковъ, такъ и на самихъ сборщиковъ и правителей, которые отвѣчали за успѣхъ своимъ лицомъ и имуществомъ. Точно также и богатство отдѣльныхъ лицъ мало подлежало вліянію государства, которое не имѣло средствъ ни узнать количество имущества подданныхъ, ни удержать ихъ на мѣстахъ, ни даже принудить ихъ къ уплатѣ податей. Поэтому уплата была возложена на цѣлыя общины, которыя отвѣчали за всѣхъ членовъ и сами уже взыскивали съ нихъ деньги. Эта система повинностей проникла, такимъ образомъ, во всѣ отношенія: земскіе люди несли службы, отправляли повинности, отвѣчали за сборы, отвѣчали даже за поведеніе всѣхъ живущихъ среди нихъ подозрительныхъ людей, хотя не имѣли на нихъ никакого вліянія.

«Ничтожность государственныхъ средствъ, незначительное вліяніе центральной власти на областное управленіе дѣлали необходимымъ усиленіе власти воеводъ. Поэтому всякаго рода дѣла сосредоточивались въ ихъ рукахъ, къ чему, съ другой стороны, вели младенческое состояніе правительственныхъ учрежденій и самая запутанность администраціи.

«Эти три черты областнаго управленія: государственный характеръ учрежденій, система повинностей и соединеніе всѣхъ дѣлъ въ рукахъ воеводъ, характеризуютъ всю эпоху, простирающуюся отъ возникновенія государства въ XV вѣкѣ до временъ Екатерины II; только начальство надъ постоянными войсками отнято было у воеводъ при Петрѣ Но Московское государство имѣло свои особенности, которыя рѣзко отличаютъ его отъ петровскихъ временъ. Въ основаніи всѣхъ этихъ обязанностей лежитъ самый способъ законодательной дѣятельности: въ Московскомъ государствѣ почти

все совершалось не на основаніи общихъ соображеній, а частными мѣрами; *оно управлялось не законами, а распоряженіями.* Главнымъ руководствомъ въ областномъ управленіи служили наказы, которые давались должностнымъ лицамъ; но эти наказы вручались отдѣльно каждому лицу; содержаніе ихъ было чрезвычайно разнообразно; изложенныя въ нихъ правила далеко не обнимали собою всѣхъ случаевъ, и обыкновенно они не были даже обязательны для правителей. Общаго же наказа не было до временъ Петра Великаго. Этотъ ходъ законодательства опредѣлилъ собою весь характеръ областнаго управленія того времени.

«Первымъ слѣдствіемъ было то, что административныя учрежденія не были повсемѣстными; однимъ округомъ управляли воеводы, другимъ городовые прикащики, третьимъ губные старосты, въ четвертомъ были однѣ земскія власти. Губныя дѣла завѣдывались гдѣ воеводами, гдѣ губными старостами, гдѣ сыщиками; въ однихъ мѣстахъ были земскіе судейки, въ другихъ ихъ вовсе не было. Тоже можно сказать и о множествѣ другихъ учрежденій.

«Самыя мѣры были отрывочны; законодательство не составляло системы, исходящей изъ общаго начала и проникающей во всѣ частности. По мѣрѣ появленія случайной практической потребности дѣлалось въ одномъ мѣстѣ одно распоряженіе, въ другомъ иное; прежнія учрежденія оставались подлѣ новыхъ, которыя часто имъ противорѣчили, и все это вмѣстѣ составляло безпорядочную массу самыхъ разнородныхъ и отрывочныхъ распоряженій. Такимъ образомъ, въ учрежденіяхъ XVII вѣка можно видѣть слѣды всѣхъ прежнихъ системъ управленія: жалованныя грамоты и привилегіи, кормы, частное поручительство, родственныя отношенія въ службѣ напоминали средневѣковую жизнь; отъ системы XVI вѣка остались земскіе судейки, губные старосты и городовые прикащики, самостоятельно управлявшіе отдѣльными округами. Все это перемѣшивалось безъ всякаго порядка, безъ всякой системы.

«Правительственныя мѣры, кромѣ того, были чрезвычайно разнообразны. Способовъ управленія было много, и каждый избирался по мѣстному удобству и случайнымъ соображеніямъ. Не было для каждаго дѣла единаго, общаго, законнаго способа, опредѣленнаго государственными потребностями; частные виды рѣшали все, и если отъ этого выигрывало иногда мѣстное удобство, то цѣлое управленіе дѣлалось отъ этого необыкновенно сложнымъ и запутаннымъ. Одно и то же дѣло поручалось иногда одному лицу, иногда другому; вѣдомство, права и взаимныя отношенія должностныхъ лицъ опредѣлялись самыми разнообразными постановленіями, безъ руководствующихъ нормъ; различныя системы управленія — коллегіяльная, бюрократическая, приказная, вѣрная, земская, замѣнялись одна другою безъ всякаго установленнаго правила. Способы дѣйствія были также различны и весьма часто опредѣлялись, иногда въ очень важныхъ случаяхъ, не общимъ закономъ, а усмотрѣніемъ мѣстныхъ властей. Наконецъ и самое подчиненіе было весьма разнообразно: одни и тѣ же дѣла завѣдывались то однимъ приказомъ, то другимъ.

«Отсюда проистекало неравенство во всѣхъ сферахъ областнаго управленія. Развитое государство, установляя общественный порядокъ, уравниваетъ всѣ явленія общественной жизни и подводитъ ихъ подъ общія категоріи, опредѣляемыя государственными потребностями. Но такихъ общихъ категорій или разрядовъ не было въ Московскомъ государствѣ; всѣ явленія оставались въ томъ случайномъ видѣ, какой они получили, возникая каждое отдѣльно отъ другихъ. Если въ какомъ нибудь мѣстѣ неравенство было слишкомъ ощутительно и слишкомъ затрудняло управленіе, происходило частное уравненіе. Иногда же всѣ неравныя явленія располагались по извѣстной лѣствицѣ, которая, сохраняя неравенство, придавала ему, однако же, нѣкоторую правильность. Такъ произошли: лѣствица городовъ, лѣствица воеводской чести, которая выражалась въ нѣкоторыхъ преимуществахъ однихъ воеводъ передъ другими, лѣствица подъячихъ въ приказной избѣ. Но обыкновенно даже и этого не было; неравенство оставалось въ случайномъ безпорядкѣ, безъ всякаго опредѣляющаго правила. Такимъ образомъ, областное дѣленіе осталось въ томъ хаотическомъ видѣ, въ какомъ оно было при постепенномъ образованіи Московскаго государства; происходили только частныя уравненія, которыя еще болѣе увеличивали пестроту. То же самое можно сказать и о сте-

пени власти правителей: она опредѣлялась не общими категоріями, а случайными соображеніями, различными не только по мѣстности, но и по времени. Одному давалось болѣе правъ, другому менѣе; получившій больше правъ въ одномъ разрядѣ дѣлъ получалъ ихъ меньше въ другихъ; воевода значительнаго города въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ имѣлъ менѣе власти, нежели воевода ничтожнаго города. То же должно сказать и о подчиненіи воеводъ однихъ другимъ, равно какъ и о подчиненіи другихъ мѣстныхъ правителей и сборщиковъ. Самые штаты были различны, какъ по мѣстности, такъ и по времени, или, лучше сказать, правильныхъ штатовъ вовсе не было: въ одинъ городъ посылалось то больше правителей, то меньше, на основаніи случайныхъ соображеній. Также неравны были наконецъ и права отдѣльныхъ союзовъ и лицъ: права даровывались имъ жалованными грамотами, по особенной царской милости, или за деньги, такъ что одни имѣли болѣе правъ, другіе менѣе, нѣкоторые же ихъ вовсе не имѣли, и все это не на основаніи какихъ либо государственныхъ видовъ, но единственно потому, что одни съумѣли ихъ выпросить, а другіе нѣтъ. Это былъ остатокъ средневѣковой системы частныхъ привилегій.

«Такое неравенство установлялось самими указами, которые имѣли въ виду только частныя цѣли. Но во многихъ случаяхъ законъ вовсе не опредѣлялъ отношеній, и тогда все рѣшалось уже собственнымъ усмотрѣніемъ правителей и случайными мѣстными обстоятельствами. Въ Московскомъ государствѣ не было общихъ юридическихъ началъ, строго опредѣляющихъ и разграничивающихъ права и обязанности лицъ; отсюда происходила юридическая неопредѣленность, которая господствовала въ администраціи. Вообще точность юридическихъ правилъ можетъ происходить изъ двоякаго источника: изъ частныхъ правъ и изъ государственнаго начала. Но въ администраціи Московскаго государства было весьма слабое развитіе частнаго права; оно предполагаетъ самостоятельную жизнь частныхъ союзовъ, а въ древней Россіи частные союзы, вслѣдствіе отсутствія союзнаго духа, были очень непрочны и получили нѣкоторую крѣпость уже отъ государства. Поэтому они не имѣли въ самихъ себѣ твердыхъ юридическихъ началъ, которыя могли бы опредѣлить всѣ ихъ права и отношенія. Только тамъ, гдѣ дѣло касалось до личныхъ правъ отдѣльныхъ людей, напримѣръ, въ мѣстничествѣ, были и строгія юридическія правила и развитая юридическая казуистика. Въ мелкихъ же союзахъ юридической жизни почти не было, и даже тѣ права, которыя они пріобрѣтали жалованными грамотами, безнаказанно нарушались воеводами, а нерѣдко даже самимъ центральнымъ правительствомъ, которое, между тѣмъ, подтверждало прежнія грамоты. Съ другой стороны, и государственное начало не могло еще установить точныхъ юридическихъ правилъ. Оно было слишкомъ мало развито; все рѣшалось частнымъ удобствомъ, все дѣлалось частными мѣрами, распорядительнымъ образомъ. Личное усмотрѣніе имѣло гораздо болѣе значенія, нежели законное правило: общихъ соображеній, общей системы вовсе не было. Поэтому весьма много отношеній оставались совершенно неопредѣленными. Установлялась, напримѣръ, коллегіальная форма управленія, но отношенія лицъ и способъ рѣшенія дѣлъ не опредѣлялись закономъ; производились выборы, но правила выборовъ, способъ подачи голосовъ предоставлялось опредѣлить самимъ избирателямъ; не было даже законнаго большинства, и всѣ несогласія рѣшались не установленными правилами, а частными распоряженіями.

«Также неопредѣленно было и разграниченіе вѣдомствъ, правъ и обязанностей правителей. Не было сознательнаго различія между центральною властью и мѣстною; одни и тѣ же дѣла, на совершенно одинакомъ основаніи, производились то тѣми, то другими, и это рѣшалось не только случайными соображеніями, частными правами, но и просто прихотью просителя, который могъ подавать просьбу и въ московскій приказъ и мѣстному правителю. Самое подчиненіе было часто очень неопредѣленно; въ нѣкоторыхъ дѣлахъ, особенно въ финансовыхъ, довольно точно опредѣлялась степень власти мѣстныхъ правителей, но во многихъ случаяхъ ихъ отношенія къ приказамъ оставались совершенно неопредѣленными, и они дѣйствовали по собственному усмотрѣнію. Имъ предписывалось отсылать въ приказы тѣ дѣла, «которыхъ за чѣмъ вершить не мочно», и писать «по часту о всякихъ дѣлахъ», а вслѣдствіе этого они

дѣлали донесенія, какъ имъ вздумывалось. Даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ именно приказывалось доносить въ Москву о какомъ нибудь дѣлѣ, они нерѣдко пренебрегали этою обязанностью и впродолженіе цѣлыхъ годовъ не посылали ни донесеній, ни отчетовъ. Это отсутствіе іерархическаго порядка выражалось и въ отношеніяхъ подчиненныхъ правителей къ своимъ мѣстнымъ начальствамъ. Къ первымъ посылались изъ Москвы грамоты иногда черезъ начальниковъ, иногда помимо ихъ; сами подчиненные дѣлали донесенія иногда своимъ начальникамъ, иногда мимо ихъ московскимъ приказамъ, иногда тѣмъ и другимъ вмѣстѣ.

«Не болѣе порядка было и въ разграниченіи отдѣльныхъ системъ управленія и вѣдомствъ различныхъ должностныхъ лицъ. Одни и тѣ же дѣла находились въ вѣдомствѣ различныхъ правителей, которыхъ взаимныя отношенія не были точно опредѣлены закономъ. Въ особенности это проявлялось въ отношеніяхъ воеводъ къ земскимъ властямъ. Объ отношеніяхъ ихъ къ вѣрнымъ сборщикамъ были еще нѣкоторыя постановленія въ наказахъ таможеннымъ и кабацкимъ головамъ, хотя и здѣсь многое оставалось не разрѣшеннымъ, и самыя постановленія были разнообразны. Но отношенія воеводъ къ земскимъ старостамъ и цаловальникамъ и къ земскимъ судейкамъ до послѣдней четверти XVII вѣка оставались безъ всякихъ законныхъ опредѣленій. Они завѣдывали одними и тѣми же дѣлами; но права ихъ и обязанности вовсе не были разграничены. Иногда только отдѣльнымъ общинамъ давались жалованныя грамоты, опредѣлявшія нѣкоторыя ихъ права; но и тѣ часто нарушались воеводами.

«Съ другой стороны, не было юридическаго опредѣленія самыхъ должностей. Извѣстная должность не установлялась для извѣстнаго разряда дѣлъ, но одно и то же дѣло поручалось, по усмотрѣнію, то одному, то другому, то третьему лицу, и, наоборотъ, въ однѣхъ рукахъ соединялись дѣла самыя разнородныя, часто не имѣвшія никакой связи между собою. Не было юридическаго анализа, раздѣляющаго дѣла на извѣстные разряды, и каждая должность носила болѣе характеръ порученія, нежели постояннаго государственнаго учрежденія.

«Наконецъ и самые округи, на которые простиралось вѣдомство правителей, не были точно разграничены: одинъ воевода посылалъ въ округъ другаго своихъ подчиненныхъ, которые сами дѣлали нужныя распоряженія. Земскіе округи, установляемые для платежа податей и для отправленія повинностей, измѣнялись безпрерывно, безъ всякаго твердаго основанія. Не было юридически опредѣленныхъ, прочныхъ мѣстныхъ союзовъ, которые бы служили постоянными единицами для сбора податей и отправленія повинностей, но частное удобство опредѣляло, съ какого округа должны быть взимаемы сборы.

«Понятно, что при такой юридической неопредѣленности личному произволу было обширное поприще. Къ этому присоединялись: отсутствіе законныхъ формъ дѣлопроизводства, запутанность управленія и недостатокъ административныхъ средствъ, которыя не дозволяли правительству имѣть точныя свѣдѣнія о состояніи мѣстнаго управленія; наконецъ дальность разстоянія и трудность сношеній. Послѣдствіемъ всего этого было то, что злоупотребленіямъ не было конца: не только тайное лихоимство, но явное нарушеніе законовъ, открытый и явный грабежъ и насилія были явленіемъ очень обыкновеннымъ. Для предупрежденія этихъ золъ правительство должно было прибѣгать къ самымъ стѣснительнымъ мѣрамъ, къ частымъ перемѣнамъ правителей, что, съ другой стороны, не было выгодно для управленія и собственно даже приносило мало пользы. Поэтому подчиненные должны были иногда прибѣгать къ самовольнымъ поступкамъ, которые правительство дозволяло, потому что невозможно было вынести злоупотребленій.

«Изъ всего этого можно вывести, что въ областномъ управленіи Московскаго государства видно отсутствіе единообразнаго, повсемѣстнаго, систематическаго законодательства, отсутствіе общихъ разрядовъ и категорій, отсутствіе юридическихъ началъ,—словомъ, отсутствіе государственной системы. Все совершалось распоряженіями, частными мѣрами, на основаніи частныхъ соображеній. Но такой порядокъ возможенъ только въ частномъ хозяйствѣ, гдѣ личный надзоръ хозяина служитъ лучшимъ руководствомъ въ управленіи: въ обширномъ же государствѣ такой надзоръ невозможенъ,

и необходимы твердыя, постоянныя правила, вытекающія изъ государственныхъ потребностей и стѣсняющія личный произволъ.

«Вообще, при развитіи государственнаго организма, ходъ законодательства можетъ быть двоякій: практическій и теоретическій. Практическое законодательство отправляется отъ частныхъ потребностей и соображеній и медленно, незамѣтно измѣняетъ старый порядокъ вещей; теоретическое же, напротивъ того, отправляется отъ общей системы и прилагаетъ ее къ жизни, разрушая старый порядокъ и замѣняя его новымъ. Практическій ходъ имѣетъ ту выгоду, что онъ не вдругъ измѣняетъ привычки, не нарушаетъ обычныхъ формъ, въ которыя люди уже вжились вѣками, не сбиваетъ съ толку и правителей и управляемыхъ. Но зато, съ другой стороны, изъ чисто практическаго хода можетъ выйти самая безобразная, безпорядочная и запутанная система законодательства. Всѣ прежнія постановленія держатся, пока могутъ, потерявъ смыслъ, противорѣча новымъ, безъ всякой связи съ другими; то, что прежде было разумнымъ, дѣлается безсмысленнымъ, прежнее благодѣяніе обращается въ гнетъ, и внуки страдаютъ отъ остатковъ отцовскихъ учрежденій. Новыя постановленія дѣлаются безъ всякихъ общихъ соображеній, безъ всякой системы; общій порядокъ приносится въ жертву частному удобству, управленіе осложняется и запутывается до безконечности, произволъ является всюду, и злоупотребленіямъ нѣтъ конца. Поэтому, если при измѣненіи стараго порядка вещей сначала преобладаетъ практическій ходъ законодательства, то самая безвыходность положенія ведетъ къ необходимости теоретическаго преобразованія. Послѣднее отправляется также отъ практической потребности установить порядокъ и стройность въ государственномъ организмѣ; оно временно нарушаетъ привычки, производитъ смятеніе, иногда даже, при недостаткѣ практическаго взгляда, вводитъ учрежденія несвоевременныя или противныя народному духу; но эти частныя неудобства выкупаются водвореніемъ общественнаго порядка, установленіемъ единства и правильности въ управленіи, умноженіемъ государственныхъ средствъ и развитіемъ народнаго благосостоянія.

«Изъ всѣхъ историческихъ народовъ одни римляне умѣли удивительнымъ образомъ сочетать теоретическій ходъ съ практическимъ; на основаніи теоретическихъ воззрѣній, они медленно, незамѣтно измѣняли одну законодательную систему въ другую. Поэтому ихъ законодательство служитъ образцомъ для всѣхъ народовъ. Но римляне измѣняли свои національныя учрежденія, составлявшія стройную систему, въ учрежденія общечеловѣческія, составлявшія также стройную систему разумныхъ юридическихъ началъ. Новые же народы должны были вывести систему государственнаго организма изъ хаотическаго безпорядка средневѣковой жизни. Это были двѣ противоположныя крайности: средневѣковая жизнь съ своими частными правами, съ мелкими союзами, съ обособленіемъ каждой частной сферы, съ безконечнымъ раздробленіемъ частей и неисчерпаемымъ разнообразіемъ общественныхъ явленій; новое государство съ началомъ общественнаго блага и порядка, съ подчиненіемъ всѣхъ частностей общему праву, съ нераздѣльностью частей, съ единообразнымъ, систематическимъ законодательствомъ, съ правильнымъ устройствомъ государственнаго организма. При такомъ измѣненіи общественной жизни, новые народы шли различными путями: одни, находясь подъ вліяніемъ средневѣковыхъ учрежденій, разнообразныхъ и частныхъ, пошли путемъ практическимъ; другіе, основываясь на новомъ началѣ, дали законодательству направленіе теоретическое. Образцомъ первыхъ служитъ Англія, гдѣ государство сложилось, какъ связь мѣстныхъ и частныхъ союзовъ, какъ сдѣлка различныхъ элементовъ общественной жизни среднихъ вѣковъ. Потому англійское законодательство, основанное на частныхъ правахъ и привилегіяхъ, на мѣстныхъ постановленіяхъ, на древнихъ законахъ, которые измѣняются только вслѣдствіе настоятельной практической необходимости, представляетъ такой безпорядокъ, такое отсутствіе всякой стройности и системы, такое множество безобразныхъ явленій, какъ никакое другое европейское законодательство. Но въ Англіи это искупается развитіемъ личныхъ правъ и основаннаго на нихъ чувства законности. Каждый сознаетъ право, какъ свое, и подчиняется ему съ любовью. Этого развитія личныхъ правъ нѣтъ въ другихъ западныхъ европейскихъ законодательствахъ, которыя развивались теоретически. Тамъ измѣненія совер-

шались на основаніи общихъ государственныхъ потребностей, которыя сознавались теоретически и вводились въ жизнь вслѣдствіе этого сознанія; нерѣдко это дѣлалось систематическими преобразованіями и даже насильственными переворотами. Это въ особенности можно сказать о Франціи, гдѣ законодательство получило вслѣдствіе того необыкновенную стройность, такъ что ея административныя учрежденія послужили образцомъ для всей Европы.

«Московское государство по существу своему принадлежало къ тому разряду, гдѣ законодательство должно было развиваться путемъ теоретическимъ. Оно возникло не изъ условнаго соединенія мелкихъ союзовъ, не изъ сдѣлки различныхъ общественныхъ элементовъ, но образовалось вслѣдствіе новыхъ понятій объ общественной жизни, объ общественномъ порядкѣ и о верховной власти. Менѣе, нежели гдѣ нибудь, было въ немъ прочныхъ мелкихъ союзовъ; поэтому болѣе, нежели гдѣ нибудь, было въ немъ потребности въ государственной системѣ. Оно развилось не на основаніи частныхъ правъ, а на основаніи государственныхъ нуждъ и пользъ; все совершалось правительствомъ, все установлялось сверху; поэтому все должно было дѣлаться на основаніи систематическихъ воззрѣній. Общія юридическія нормы должны были замѣнить недостатокъ юридическаго сознанія въ народѣ.

«Однакожь, этого не было: въ законодательствѣ Іоанна IV видна попытка установить государственную систему: въ Судебникахъ, въ Уложеніи, въ Новоторговомъ уставѣ видна государственная мысль; но вообще все управленіе основано было на частныхъ распоряженіяхъ; общихъ соображеній не было, и все дѣлалось практическимъ, безсознательнымъ образомъ. Это происходило оттого, что Московскому государству недоставало теоретическаго образованія. Только сознательная теорія, только разумныя юридическія положенія могутъ дать ключъ къ систематическому устройству государственнаго организма; чисто практическій ходъ можетъ привести къ этому развѣ впродолженіе многихъ вѣковъ. Объяснимъ это примѣромъ: при безконечномъ разнообразіи предметовъ управленія, нужно раздѣлить ихъ на извѣстныя отрасли, чтобы дать управленію правильное устройство. Но частныя измѣненія никогда не приведутъ къ такому раздѣленію: разнородныя явленія, смѣшанныя въ жизни, будутъ смѣшаны и въ управленіи; общій порядокъ, о которомъ нѣтъ яснаго сознанія, будетъ всегда принесенъ въ жертву частному удобству. Систематическое раздѣленіе можно, слѣдственно, сдѣлать только теоретически, отправляясь не отъ того, что есть, а отъ того, что должно быть; потомъ уже слѣдуетъ приложить его къ жизни, примѣняясь къ практическимъ потребностямъ народа. То же должно сказать и объ устройствѣ арміи: нужно теоретическое знаніе военнаго искусства для того, чтобы привести ее въ желанное состояніе. При всякомъ систематическомъ устройствѣ государственныхъ учрежденій необходимо, слѣдственно, теоретическое образованіе, и когда является потребность одного, является потребность и другаго. Западные народы получили свое теоретическое образованіе изъ римскаго права, на почвѣ котораго они возникли; Россія должна была получить его отъ западныхъ народовъ. Поэтому, когда Петръ Великій дошелъ до сознанія о необходимости государственной системы, къ которому привела его современная ему жизнь, онъ прежде всего поѣхалъ на Западъ, перенялъ западное образованіе и существенною цѣлью поставилъ себѣ сближеніе Россіи съ западными государствами.

«Петръ Великій не ввелъ никакихъ новыхъ началъ въ областное управленіе: онъ только привелъ въ порядокъ существующее. Попытка его установить правильное раздѣленіе областнаго управленія, которое прежде того все сосредоточивалось въ рукахъ воеводъ, была преждевременна и потому не удалась. Послѣ его смерти воеводы по прежнему соединили всю власть въ своихъ рукахъ; но управленіе получило уже правильную организацію. Результатомъ преобразованія было, слѣдственно, систематическое устройство управленія. Этимъ опредѣляется его значеніе, которое прямо вытекало изъ потребностей того времени и изъ характера государственныхъ учрежденій XVII вѣка. Преобразованія Петра Великаго составляютъ третью эпоху въ развитіи областныхъ учрежденій Московскаго государства: въ XVI вѣкѣ установлены были общественныя новинности и устроено основанное на нихъ земское начало; въ XVII вѣкѣ развито было

правительственное начало; въ XVIII вѣкѣ весь государственный организмъ получилъ правильное, систематическое устройство.

Намъ кажется, что не только достоинство этихъ прекрасныхъ страницъ зависитъ исключительно отъ тѣхъ элементовъ, которые принадлежатъ здѣсь самому г. Чичерину, но кажется также, что эти самостоятельные элементы, если и не совершенно освобождены отъ чуждыхъ примѣсей, то уже замѣтнымъ образомъ преобладаютъ надъ ними. Остальное совершится временемъ, и совершится, какъ видно по силамъ, какія обнаруживаетъ авторъ, въ непродолжительномъ времени.

Г. Чичеринъ посвятилъ свою книгу «памяти Тимоѳея Николаевича Грановскаго», котораго, въ превосходномъ, полномъ глубокаго чувства предисловіи, называетъ своимъ наставникомъ и руководителемъ. Грановскій, вѣроятно, гордился такимъ ученикомъ, какъ г. Чичеринъ, и изслѣдованіе, посвященное теперь памяти благаго учителя, какъ «дань искренней любви и признательности»—достойная дань.

Дворяне-благотворители. *Сказаніе* В. Порошина. *Спб. 1856.*

Вѣроятно, многимъ изъ читателей случалось слышать разсказы о замѣчательномъ поступкѣ князей Ширинскихъ-Шихматовыхъ, отпустившихъ на волю своихъ крестьянъ. Имѣя въ рукахъ акты, относящіеся къ этому прекрасному поступку, г. Порошинъ справедливо поставилъ себѣ священною обязанностью обнародовать эти документы, заслуживающіе полнаго вниманія, и объяснить ихъ свѣдѣніями, которыя доставлены ему были, по его настоятельной просьбѣ, однимъ изъ братьевъ, совершившихъ подвигъ высокой справедливости. «Исторія—говоритъ г. Порошинъ, не имѣетъ цѣлью что либо доказывать; но она освѣщаетъ природу міра и человѣка, свойство вещей и образъ ихъ дѣйствія. Показывая, что было на самомъ дѣлѣ, она убѣдительно рѣшитъ вопросъ о томъ, что возможно или не возможно; а послѣдствія событій, ею же развиваемыя, свидѣтельствуютъ и о томъ, что должно быть. Когда послѣдствія благопріятны, заключаемъ, что дѣло хорошо обдумано, что оно зародилось отъ здравыхъ, благихъ началъ, и тѣмъ оцѣниваемъ самыя эти начала». (*Предисловіе.*) «Общее благо требуетъ (продолжаетъ авторъ), чтобы развитіе народныхъ силъ и дарованій не встрѣчало напрасныхъ преградъ; чтобы не тщетно сѣялъ Небесный Сѣятель; чтобы сѣмена его, взойдя, не увядали, а множились; чтобы черствая земля ихъ не подавляла: sit illis terra levis! Все, что способствуетъ преуспѣянію жизни человѣческой, возстановляя правду общежитія, ведетъ гражданское общество къ прямой его цѣли; а цѣль его—совершенствоваться и совершенствовать. Само собою разумѣется, что общія, въ этомъ дѣлѣ, преобразованія исходятъ, преимущественно, отъ власти, право-правящей обществомъ; но и частныя усилія, къ тому же клонящіяся, заслуживаютъ вниманія и уваженія» (стр. 16—17).

«Въ 1803 году, положено было начало новому, въ Государствѣ Россійскомъ, званію «свободныхъ хлѣбопашцевъ». По всеподданнѣйшему ходатайству графа Сергія Петровича Румянцова, ему и всему дворянскому сословію предоставлено было право «увольнять людей своихъ въ это званіе, по добровольному съ ними соглашенію и съ

утвержденіемъ за ними участка земли или и цѣлой дачи». Тридцать лѣтъ спустя, по 8-й ревизіи, считалось 65,190 муж. пол. душъ свободныхъ хлѣбопашцевъ, число, надо сознаться, слишкомъ малое, вовсе не соразмѣрное съ многолюдствомъ нѣкоторыхъ другихъ состояній народа. Итакъ, послѣдствія не соотвѣтствовали ни ожиданіямъ графа Румянцова, ни тѣмъ «выгодамъ, для всѣхъ частей государственнаго хозяйства и политической силы», которыя онъ, въ высокой благонамѣренности своей, учрежденію сему приписывалъ. Знаемъ, что въ жизни народа все совершается медленно, такъ медленно, что иногда лишь правнукамъ тѣхъ, которые начали преобразованіе, суждено покоиться подъ сѣнью чаемыхъ отъ него великихъ наслажденій права, благоустройства или просвѣщенія. Однако же, треть столѣтія не часъ, не день, и тридцать лѣтъ, въ исторіи всякаго учрежденія, должны обозначить положительными фактами всю свойственную тому учрежденію энергію.

«Къ сожалѣнію, о послѣдствіяхъ изданнаго въ 1803 году закона есть только отрывочныя, неполныя свѣдѣнія. Мы не можемъ показать здѣсь общее число всѣхъ отдѣльныхъ случаевъ увольненія, ниже разнообразныя условія, въ силу которыхъ оно послѣдовало, ни обстоятельства, которыми сопровождалось, и чѣмъ въ каждомъ мѣстѣ окончилось. Можемъ только догадываться, что, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, до приведенія дѣла въ окончательный видъ, довольно было толковъ, недоумѣній, разногласій между сторонами и соприкосновенными лицами. Были, конечно, и споры съ прежнимъ владѣльцемъ, еще болѣе съ его наслѣдниками, при исполненіи условій; наконецъ, вслѣдствіе ихъ неисполненія со стороны крестьянъ, употреблена, вѣроятно, не разъ, крайняя строгость закона—обращеніе неисправныхъ въ прежнее положеніе, изъ котораго они были уволены. Все это извѣстно лишь немногимъ, въ видѣ частныхъ, преходящихъ случаевъ, обреченныхъ забвенію. Не менѣе темно, хотя крайне любопытно было бы знать, какое вліяніе имѣла на участвующія стороны эта перемѣна; какія произошли оттого, для нихъ и для ихъ согражданъ, съ теченіемъ времени, послѣдствія въ экономическомъ, нравственномъ и другихъ отношеніяхъ. Важное для всѣхъ рѣшеніе подобныхъ вопросовъ очень трудно, если сообразить недостатокъ частныхъ наблюденій, безгласность прямыхъ въ дѣлѣ участниковъ, недосугъ тѣхъ, которые могли сдѣлать про себя какія либо замѣты; наконецъ, разность взглядовъ и понятій о качествѣ, пользѣ и вредѣ общественныхъ преобразованій, о самой цѣли общежитія.

«Слабое дѣйствіе закона 1803 года объяснить нетрудно. Нельзя, конечно, приписать это неполнотѣ его или неясности. Напротивъ того, цѣль указана очень ясно; главныя нормы увольненія опредѣлены логически; все существенно-важное высказано въ законѣ. Послѣдующія узаконенія мало чѣмъ его пополнили. Но, хотя указъ былъ обнародованъ, онъ не въ равной мѣрѣ сдѣлался извѣстенъ обѣимъ сторонамъ, которыя имѣлъ въ виду законодатель. По всѣмъ уваженіямъ, право предложенія условій было непосредственно ближе къ одной изъ тѣхъ сторонъ, а она ни въ своемъ прошедшемъ, ни въ настоящемъ законоположеніи не находила особаго повода къ перемѣнѣ. Новизна же легко возбуждаетъ опасенія.

«Въ древнемъ Египтѣ были письмена двоякаго рода: священныя и народныя. Если бы у насъ, въ началѣ столѣтія, при завѣтномъ, монументальномъ языкѣ закона, могло имѣть мѣсто простое слово о предметахъ общественной жизни, нѣтъ сомнѣнія, что оно, развивая съ свойственною ему плодовитостью благія начала учрежденія, доказало бы пользу его для всѣхъ и каждаго, обсудило бы средства исполненія, въ примѣненіи къ каждой мѣстности, побѣдило бы равнодушіе и нерѣшительность, отъ одного невѣдѣнія проистекающія. Мы полагаемъ, что уже повсемѣстное оглашеніе состоявшихся втеченіе времени договоровъ, еслибъ было сдѣлано своевременно, могло бы быть сильнымъ средствомъ для возбужденія другихъ къ подобнымъ дѣйствіямъ, служа имъ и напоминаніемъ, и примѣромъ, и образцомъ. Такимъ образомъ, число воспользовавшихся закономъ нынѣ составляло бы уже не тысячи, а милліоны душъ.

«Одинъ очень замѣчательный случай увольненія, сдѣлавшись болѣе другихъ гласнымъ, возбудилъ слегка любопытство многихъ, но, не бывъ достаточно обслѣдованъ, мало принесъ доселѣ существенной пользы. Въ 1836 году, въ Можайскомъ уѣздѣ Московской губерніи, два помѣщика, братья Павелъ и Алексѣй Александровичи,

князья Ширинскіе-Шихматовы отпустили крестьянъ своей отчины на волю, въ званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ.»

Въ 1848 году, г. Порошинъ обращался къ кн. А. А. Ширинскому-Шихматову съ просьбою о сообщеніи ему копіи съ увольнительной записи и объясненій относительно нѣкоторыхъ подробностей этого дѣла. Теперь, по кончинѣ князя А. А. Шихматова, г. Порошинъ напечаталъ эту запись, отвѣты и завѣщаніе его, съ объяснительными замѣчаніями. Изъ всего этого и составилась интересная брошюра, о содержаніи которой мы отдаемъ отчетъ.

Изъ принадлежавшихъ имъ 127 ревижскихъ душъ, князья Шихматовы уволили 88 душъ, передавъ имъ и всю землю, состоявшую при двухъ деревняхъ, населенныхъ этими крестьянами. Помѣстья эти были совершенно чисты отъ долговъ, и крестьянамъ не приходилось дѣлать никакихъ взносовъ за свое увольненіе, кромѣ того, что при освобожденіи обязались они платить своимъ освободителямъ по 300 руб. сер. въ годъ (по 3 руб. 40 коп. съ души) до кончины этихъ бывшихъ помѣщиковъ.

Остальные 39 душъ, оставшіяся неуволенными по безпорядочности своей жизни или неустроенности хозяйства, были переселены изъ освобождаемыхъ деревень въ другое село.

Великой похвалы заслуживаетъ также, что еще задолго до освобожденія крестьянъ, съ той самой поры (1817 г.), какъ братья-помѣщики поселились въ своихъ деревняхъ, заведена была ими сельская школа, для обученія мальчиковъ чтенію, закону Божію съ христіанскимъ нравоученіемъ, разнымъ свѣдѣніямъ, полезнымъ для общежитія, четыремъ правиламъ ариѳметики и выкладкѣ на счетахъ и письму. Учителемъ былъ одинъ изъ помѣщиковъ, Алексѣй Александровичъ. По увольненіи крестьянъ, князь А. А. Шихматовъ, постоянно жившій въ селѣ, продолжалъ заниматься обученіемъ въ школѣ, при помощи нѣкоторыхъ изъ бывшихъ воспитанниковъ.

Само собою разумѣется, что благосостояніе и нравственность поселянъ послѣ ихъ увольненія быстро и значительно улучшились. Доказательствами тому могутъ служить слѣдующіе факты: 1) народонаселеніе быстро возрастаетъ (1,60% по среднему выводу за 11 лѣтъ); 2) изъ новорожденныхъ не было ни одного незаконнорожденнаго.

Прощаніе помѣщиковъ съ отпускаемыми на волю крестьянами (говоритъ г. Порошинъ) было, по свидѣтельству очевидцевъ, умилительно: «князья смиренно просили у крестьянъ прощенія, если въ чемъ согрѣшили; многіе тронуты были до слезъ» (стр. 46). Завѣщаніе князя Алексѣя Александровича, въ которомъ онъ выражаетъ «друзьямъ своимъ», какъ онъ называетъ бывшихъ своихъ крестьянъ, послѣднія свои желанія и даетъ послѣдніе совѣты, написано съ такою искренною теплотою и такимъ понятнымъ для простаго человѣка языкомъ, что одно уже могло бы служить достаточнымъ свидѣтельствомъ того, что завѣщатель и хотѣлъ и умѣлъ приносить пользу своимъ «друзьямъ»-поселянамъ.

Брошюра, изданная г. Порошинымъ, должна считаться довольно замѣчательнымъ явленіемъ въ нашей литературѣ. Дай Богъ, чтобы она нашла себѣ отголосокъ въ публикѣ.

Сочиненія Ульянова. *Въ двухъ частяхъ, съ 16 картинками. Спб. 1856.*

По всему замѣтно, что г. Ульяновъ не получилъ литературнаго образованія, не имѣетъ понятія о слогѣ, не знаетъ, какъ нынѣ принято писать; онъ «сынъ природы». Не удивительно, что онъ пишетъ стихи, очень странные въ наше время,—напримѣръ:

Что такъ жалобно воркуешь,
Сизокрылый голубокъ?
Ты о чемъ, скажи, тоскуешь,
Свой повѣсивши носокъ? и т. д.

Правда, стихи эти не отличаются особенными достоинствами, имѣютъ, конечно, свои недостатки; быть можетъ, слѣдуетъ ихъ считать даже совершенно плохими. Но что жь изъ того? Справедливо ли было бы смѣяться надъ г. Ульяновымъ, человѣкомъ безъ литературнаго образованія, когда сплошь да рядомъ пишутся почти такія же забавныя произведенія записными нашими поэтами,—и не только пишутся, но еще нравятся инымъ также записнымъ литераторамъ? Правда, изъ записныхъ поэтовъ никто не напишетъ «Что такъ жалобно воркуешь» и т. д., напротивъ, они даже посмѣются надъ такою старомодностью; но мы увѣрены, что у иныхъ, даже очень высоко превозносимыхъ поэтовъ, если поискать хорошенько, найдутся такія стихотворенія, какъ, напримѣръ:

Я тайну твою, другъ, подмѣтилъ случайно
И вздохъ твой летучій вполнѣ разгадалъ.
Онъ въ сердцѣ моемъ, будто эхо, печально
Откликнулся. И вотъ что я въ немъ прочиталъ.... и т. д.

или такія, какъ, напримѣръ, «Пѣсня воинамъ, взявшимъ Карсъ»:

Здравствуйте, ребятушки,
Здравствуйте, друзья!
Съ пѣсенкой воинской
Въ станъ пришелъ къ вамъ я.... и т. д.

За что же осуждать г. Ульянова? Правда, у него нѣтъ таланта; но одинъ ли онъ виноватъ въ этомъ грѣхѣ? Развѣ есть талантъ у иныхъ стихотворцевъ, которыми многіе восхищаются? Правда, у него нѣтъ литературнаго навыка; но тѣмъ больше чести ему, что онъ безъ всякаго образованія пишетъ часто совершенно такъ же, какъ пишутъ иные поэты, которые и въ университетахъ бывали, и въ образованномъ кругу обращаются, и о свободномъ творчествѣ умѣютъ поговорить или помолчать съ многозначительною улыбкою.

Г. Ульяновъ, кромѣ лирическихъ стихотвореній, написалъ еще поэму въ стихахъ и повѣсть въ прозѣ.

«Сочиненія» г. Ульянова надобно было бы причислить къ сѣробумажной литературѣ; но у кого, послѣ вышеизложенныхъ соображеній, достанетъ духу на такой строгій приговоръ?

Русская Грамматика В. Классовскаго. *Спб. 1856.*

Г. Классовскій, извѣстный въ качествѣ ученаго сочинителя нѣсколькими брошюрками о теоріи страстей, о душевныхъ болѣзняхъ и грамматическими изслѣдованіями въ филологическомъ вкусѣ, оставилъ, какъ видимъ, ученыя претензіи на построеніе различныхъ глубокомысленныхъ теорій,—не знаемъ, на время ли или навсегда, и издалъ обыкновенную грамматику, въ родѣ тѣхъ, какія были изданы г. Ивановымъ, Половцовымъ и многими другими. Нельзя тому не радоваться: новый трудъ г. Классовскаго, не возбуждая изумленія, не заслуживаетъ насмѣшки. Жаль только, что въ немъ все еще слишкомъ много тонкостей и мудростей: таковы слѣды прежней привычки! Отъ души желая, чтобы г. Классовскій остался на скромной, но безопасной дорогѣ, на которую вступилъ, мы совѣтуемъ ему при дальнѣйшихъ педагогическихъ трудахъ менѣе мучить дѣтей излишними и до крайности тонкими подраздѣленіями: дѣтская грамматика чѣмъ проще, тѣмъ лучше. Недурно также было бы, еслибъ онъ отбросилъ излишне оригинальные термины въ родѣ: «видъ безкратный начинательный», «видъ безкратный окончательный», и т. д. Тогда его грамматическія руководства будутъ столь же годны для преподаванія, какъ грамматики г. Иванова или г. Половцова. Ученостью передъ дѣтьми щеголять не нужно, а хитрыми тонкостями мучить ихъ не должно.

Словарь сельско-хозяйственныхъ растеній. *Составленъ* И. Палимпсестовымъ. *Одесса.*

Хозяева южной Россіи, конечно, будутъ благодарны извѣстному нашему агроному г. Палимпсестову за толстый томъ, который онъ составилъ для ихъ пользы, передѣлавъ и примѣнивъ къ нуждамъ Новороссійскаго края извѣстныя сочиненія «Le bon Jardinier» и «Neuestes Garten-Jahrbuch».

Плѣнъ у Шамиля. *Правдивая повѣсть.* Е. Вердеревскаго. *Спб. 1856.*

Разсказъ г. Вердеревскаго, печатавшійся первоначально въ одномъ изъ петербургскихъ журналовъ, заключаетъ въ себѣ много интересныхъ свѣдѣній и написанъ гораздо лучшимъ языкомъ, нежели иной читатель можетъ предположить, взглянувъ на длинное заглавіе книги: «Плѣнъ у Шамиля. Правдивая повѣсть о восьми-мѣсячномъ и восьмидневномъ (въ 1854—1856 г.) пребываніи въ плѣну у Шамиля семействъ: покойнаго генералъ-майора князя Орбеліани и подполковника князя Чавчавадзе, основанная на показаніяхъ лицъ, участвовавшихъ въ событіи. Въ трехъ частяхъ. Соч. Е. А. Вердеревскаго».

Труды Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Археологическаго Общества. *Часть 2-я. Спб. 1856.*

Нѣкоторыя изъ статей, вошедшихъ въ составъ этого тома «Трудовъ Восточнаго Отдѣленія Археологическаго Общества», были изданы отдѣльными брошюрами, напримѣръ, біографія Френа и Дорджи Банзарова: изъ другихъ важно «Обозрѣніе памятниковъ древности въ Малой Азіи», составленное уче-

нымъ нашимъ путешественникомъ П. А. Чихачевымъ; много интереснаго представляютъ «Историческія извѣстія о Коканскомъ ханствѣ, отъ Мухаммеда Али до Худаяръ-Хана», г. Вельяминова-Зернова.

Сенсаціи и замѣчанія г-жи Курдюковой за границею, дан л'Этранже. *Три части. Изданіе второе. Тамбовъ. 1856.*

Что за неожиданная встрѣча! Г-жа Курдюкова намѣрена воскреснуть отъ долгаго и, какъ мы полагали, непробуднаго сна и восхищать новое поколѣніе публики своими остроумными разсказами! Признаемся, никакъ не ждали мы дожить до такого чуда, какъ второе изданіе «Сенсацій г-жи Курдюковой

Ужели она воображала, что читатели нынѣ стали добродушнѣе прежняго и захотятъ слушать утомительную болтовню, отъ которой затыкали уши прежде? Напрасная надежда!

Жаль намъ почтенную барыню, хотѣли мы замолвить о ней доброе слово, вздумали испытать, нельзя ли найти хотя какую нибудь забаву въ ея болтовнѣ, начали вслушиваться... лучше было бъ и не начинать! Ни искры остроумія или юмора, ни тѣни хитраго или наивнаго простодушія, ни капли смысла или наблюдательности! А претензій на остроуміе гибель. И все остроуміе вертится на смѣси французкихъ словъ съ русскими, и эта старая, слишкомъ старая шутка съ самодовольствомъ растягивается на цѣлыя три книги, — правда, очень тощія, но все три книги! Ужасно! читать три книги, чтобы дойти наконецъ до стиховъ:

Чтобъ зѣвающій читатель
Не сказалъ: «кандъ финира-т-эль?»
Чего Боже сохрани!
Знайте же, «ке се фини».

Нѣтъ, ужь въ тысячу разъ остроумнѣе «Энеида, вывороченная на изнанку» Осиповымъ, да и стихи у Осипова едва ли не лучше, нежели въ «Сенсаціяхъ г-жи Курдюковой».

О выборѣ стихотворнаго размѣра. *Начала логическаго образованія словъ. Москва. 1856.*

Неизвѣстный авторъ употребилъ много труда на разрѣшеніе вопроса «о выборѣ стихотворнаго размѣра». Къ сожалѣнію, онъ не подумалъ, что для рѣшенія частнаго вопроса нужно имѣть основательныя знанія въ той наукѣ, которой принадлежитъ этотъ вопросъ. Авторъ вздумалъ прослѣдить отношенія мысли къ слову, чувства къ ритму и не счелъ нужнымъ пріобрѣсть основательное знакомство ни съ филологіею, ни съ ученіемъ о версификаціи; онъ пускается также въ философскія разсужденія и, какъ по всему видно, не почелъ за нужное познакомиться и съ этою наукою. Потому всѣ его труды остались совершенно напрасными. Онъ воображаетъ, что доказалъ, будто бы:

«Убѣждать слѣдуетъ анапестомъ (*потому что въ словѣ убѣждать удареніе на третьемъ отъ начала слогѣ*).

«Высказывать горе или ужасъ — хореемъ (потому что въ словахъ горе, «ужасъ удареніе на первомъ изъ двухъ слоговъ), и т. д.

Стало быть, о Петербургѣ надобно писать анапестомъ, — въ словѣ Петербургъ удареніе на третьемъ отъ начала слогѣ, — о Лондонѣ — хореемъ, о Мексикѣ — дактилемъ;

Но о чемъ же писать ямбомъ? какъ о чемъ? а «любовь» развѣ не ямбическое слово? Итакъ

«Если чувства изліянія выражаются ямбомъ, то, вслѣдствіе родства между волною звуковъ и чувствомъ, ямбическія волны должны пробуждать въ насъ ощущенія, подобныя чувствованіямъ изліянія, или, по крайней мѣрѣ, должны располагать насъ къ такимъ чувствованіямъ; а потому объясненіе въ любви, написанное стихами ямба, легче всего найдетъ путь къ сердцу». (Стр. 12, второй нумераціи).

Послѣ такого открытія, конечно, авторъ

«можетъ сказать, какъ Кузенъ: итакъ, мы рѣшили предложенную себѣ проблемму: выполнить условія науки, то есть вывести науку изъ наблюденій и дать ей прочное основаніе, то есть укрѣпить ее началомъ абсолютнымъ, — другими словами, мы совершили два дѣла: нашли a posteriori правила, которыя имѣютъ значеніе a priori». (Стр. 14, той же нумераціи).

Именно, такъ. А мы нашли правило a priori, которое подтверждается примѣрами a posteriori:

«Печатать книги о предметахъ, въ которыхъ ничего не понимаешь, значитъ жестоко компрометировать себя».

Замѣтки о журналахъ.

АВГУСТЪ 1856.

ОТЧЕТЪ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ЗА 1855 Г. — РОМАНЫ И РАЗСКАЗЫ ГРИГОРОВИЧА.—И. В. КИРѢЕВСКІЙ.

Успѣхи просвѣщенія, служащаго основою и внутренняго благосостоянія и внѣшняго могущества государствъ, составляютъ предметъ заботъ и желаній нашего Монарха, любящаго Свой народъ и любимаго имъ. Новое подтвержденіе этой общей вѣры, которая соединена съ непоколебимостью надеждъ на счастливыя судьбы русскаго народа подъ кроткимъ и правосуднымъ правленіемъ Александра II, даютъ слова, которыя начерталъ Государь Императоръ на «Отчетѣ Министра Народнаго Просвѣщенія за 1855 годъ» [1]), — отчетѣ, обильномъ фактами, свидѣтельствующими о томъ, что Монархъ русскій хочетъ быть просвѣтителемъ Своего народа. Въ «заключеніи» «Отчета» выражена надежда, что на почвѣ учрежденій Народнаго Просвѣщенія, «нынѣ созрѣваемой Царственною благостью, могутъ произрастать обильные плоды науки и нравственнаго преуспѣнія», — противъ этихъ словъ на подлинномъ Отчетѣ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«Дай Богъ».

Дай Богъ, чтобы исполнилось царственное желаніе, на славу Царя и на счастіе народа.

Считаемъ своею обязанностью привести здѣсь главнѣйшіе факты, сообщаемые «Отчетомъ». Нѣкоторые изъ нихъ, конечно, уже извѣстны читателямъ, какъ, напримѣръ, назначеніе попечителей въ тѣ учебные округи, которые прежде не имѣли начальниковъ, завися щихъ единственно отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія; разрѣшеніе университетамъ принимать во всѣ факультеты неограниченное число студентовъ; возстановленіе права наставниковъ получать пенсіи, оставаясь на службѣ: но эти и другіе знаки Высочайшей воли покровительствовать отечественному просвѣщенію такъ отрадны для

[1]) „Отчетъ“ напечатанъ въ іюньской книгѣ „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“.

каждаго истиннаго русскаго, что читателямъ будетъ пріятно съ новою благодарностью къ Монарху припомнить весь рядъ тѣхъ знаковъ Державнаго вниманія къ развитію нашего просвѣщенія, которыми такъ прекрасно ознаменованъ былъ истекшій годъ. Угадывая это желаніе читателей, представляемъ здѣсь нѣкоторыя извлеченія изъ «Отчета».

РАСПОРЯЖЕНІЯ ОБЩІЯ.

«По обширности и сложности занятій тѣхъ генералъ-губернаторовъ, коимъ, сверхъ прямыхъ по ихъ званію обязанностей, было временно поручено и управленіе учебными округами, Ваше Императорское Величество изволили признать за благо: управленіе учебными округами возложить на особыхъ попечителей, согласно положенію 25 іюня 1835 года,—вслѣдствіе чего и данъ Высочайшій указъ Правительствующему Сенату въ 27 день декабря 1855 года.

«Ваше Императорское Величество, во всемилостивѣйшемъ вниманіи къ общему стремленію юношества къ высшему образованію, въ 23 день ноября по всеподданнѣйшему моему представленію, Высочайше повелѣть соизволили принимать во всѣ факультеты университетовъ неограниченное число студентовъ.

«Объявляя о сей Монаршей милости, я изъяснилъ, что это разрѣшеніе служитъ несомнѣннымъ и утѣшительнымъ доказательствомъ довѣренности Вашего Императорскаго Величества къ направленію преподаванія въ университетахъ и къ духу, ихъ благоустройство охраняющему, а вмѣстѣ съ тѣмъ доказательствомъ Всемилостивѣйшаго вниманія и къ благородному стремленію юношества нашего къ пріобрѣтенію правильнаго высшаго образованія. «Въ томъ и другомъ случаѣ—присовокупилъ я—милость Вашего Величества многознаменательна и возлагаетъ на университеты и на самое юношество новыя священныя обязанности и новую отвѣтственность. Университеты должны постигнуть и оцѣнить дарованное имъ преимущество, постоянно имѣя въ виду, что бо́льшее число учащихся есть только средство къ распространенію познаній и наукъ, но что сей способъ окажется еще недостаточнымъ, если не будетъ обращено строгаго вниманія и на то, чтобы умножилось и число вполнѣ обучившихся и приготовившихъ себя надлежащимъ образованіемъ къ полезной дѣятельности на различныхъ путяхъ государственнаго и общественнаго преуспѣянія». Посему я потребовалъ отъ университетовъ, чтобы они усугубили постоянное и дѣятельное наблюденіе за правильностію испытаній согласно съ важностію пользы, отъ подобной правильности ожидаемой.

«Вслѣдствіе представленія моего, по положенію Комитета Министровъ, Всемилостивѣйше повелѣно: 1) отъ дѣйствія ст. 2-й пункта а) указа, даннаго Правительствующему Сенату въ 6 день ноября 1852 г., о прекращеніи производства пенсій на службѣ сверхъ жалованья, изъять служащихъ по учебной части вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, оставивъ ихъ въ этомъ отношеніи при дѣйствовавшихъ до изданія того указа правилахъ; 2) лицамъ, кои послѣ введенія въ дѣйствіе указа 6 ноября 1852 г. оставлены вновь на службѣ безъ пенсіи, назначить заслуженныя ими пенсіи, но ассигновать къ производству только со дня утвержденія о семъ представленія (5 апрѣля), не выдавая оныхъ за время прошлое.

«По предложенію Его Императорскаго Высочества Генералъ-Адмирала, назначена была изъ лицъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія временная коммиссія для осмотра во всѣхъ частяхъ учебныхъ заведеній морскаго вѣдомства. По представленіи отчетовъ коммиссіи объ исполненіи возложеннаго на оную порученія, Его Высочество изволилъ объявить членамъ коммиссіи, по собственному выраженію Его Высочества, «сердечную свою благодарность», и, сверхъ того, отъ имени Вашего Императорскаго Величества объявлено имъ Высочайшее удовольствіе.

ВЫСШІЯ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

1. Университетъ С.-Петербургскій. С.-Петербургскій Университетъ въ началѣ 1855 года состоялъ изъ трехъ факультетовъ: историко-филологическаго, физико-

математическаго и юридическаго. Въ сихъ факультетахъ находилось въ каждомъ по два разряда, именно: въ юридическомъ—разряды юридическихъ и камеральныхъ наукъ, въ физико-математическомъ — разряды наукъ математическихъ и естественныхъ, въ историко-филологическомъ—разряды словесности общей и словесности восточной. Въ началѣ же 1855—1856 учебнаго года разрядъ восточной словесности, на основаніи Высочайшаго указа 22 октября 1855 года, преобразованъ въ отдѣльный факультетъ восточныхъ языковъ, который и открытъ 1 сентября 1855 года.

«Чиновниковъ и преподавателей въ университетѣ 77, учащихся 399. Они распредѣлены по факультетамъ слѣдующими цифрами: въ историко-филологическомъ—30, физико-математическомъ—87, юридическомъ—238, восточныхъ языковъ—44. Въ общемъ числѣ студентовъ: дворянъ и дѣтей чиновниковъ 312, духовнаго званія 22, дѣтей купцовъ 26, податнаго состоянія 39. Сверхъ того 77 постороннихъ лицъ допущено къ слушанію лекцій.

«*II. Университетъ Московскій.* 12 января 1855 года Московскій университетъ, съ Высочайшаго соизволенія, праздновалъ совершившееся столѣтіе своего существованія. Послѣ сего въ Бозѣ почившему Императору благоугодно было удостоить ауденціи попечителя учебнаго округа, ректора и одного изъ декановъ университета.

«Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Елена Павловна и Его Императорское Высочество Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій осчастливили своимъ посѣщеніемъ факультетскую клинику, изволили осматривать оную въ подробностяхъ и обратили милостивое вниманіе на благоустройство сего заведенія.

«Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Елена Павловна удостоила Московскій университетъ высокой чести милостивымъ принятіемъ на себя званія почетнаго члена университета.

«Въ университетѣ чиновниковъ и преподавателей 128: учащихся 1,203, изъ числа коихъ въ факультетахъ: историко-филологическомъ — 58, физико-математическомъ—120 юридическомъ,—222 и медицинскомъ—803. Въ общемъ числѣ учащихся находилось дворянъ и дѣтей чиновниковъ 774, духовнаго званія 126, почетныхъ гражданъ и купцовъ 104, податнаго состоянія 199; сверхъ того, 135 постороннихъ лицъ посѣщали университетскія лекціи.

«*III. Университетъ Св. Владиміра, въ Кіевѣ.* Университетъ Св. Владиміра состоитъ изъ четырехъ факультетовъ: историко-филологическаго, физико-математическаго, юридическаго и медицинскаго. Изъ нихъ факультетъ физико-математическій раздѣляется на два разряда: наукъ естественныхъ и наукъ математическихъ.

«Въ университетѣ чиновниковъ и преподавателей 94: учащихся 615. Изъ нихъ состояло по факультетамъ: историко-филологическому—50, физико-математическому—64, юридическому—68, и медицинскому—434: въ числѣ студентовъ: дворянъ и дѣтей чиновниковъ 478, духовнаго званія 32, почетныхъ гражданъ и купцовъ 46, податнаго состоянія 60. Сверхъ того, допущено къ слушанію лекцій 12 частныхъ лицъ.

«*IV. Университетъ Харьковскій.* 17 января 1855 г. наступило пятидесятилѣтіе открытія Харьковскаго Университета. Преосвященный *Филаретъ*, епископъ харьковскій, въ сей день совершилъ божественную литургію и благодарственное Господу Богу молебствіе; послѣ сего въ университетѣ было торжественное собраніе.

«Епископъ Филаретъ, въ выраженіе своего сочувствія къ празднеству и испрошенія имъ на университетъ и въ будущія времена благословенія свыше, принесъ въ даръ университету икону Спасителя—моленіе о Чашѣ.

«Высочайшимъ указомъ 27 декабря, черниговскій, полтавскій и харьковскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ *Кокошкинъ*, Всемилостивѣйше уволенъ отъ управленія Харьковскимъ учебнымъ округомъ. Въ то же время попечителемъ сего округа повелѣно быть сенатору, тайному совѣтнику *Назимову*. При семъ особымъ Высочайшимъ рескриптомъ генералъ-адъютанту Кокошкину изъявлена искренняя признательность за постоянные труды и усердіе, съ которыми онъ дѣйствовалъ во время свыше восьмилѣтняго завѣдыванія его Харьковскимъ Университетомъ и ученымъ округомъ.

«Харьковскій Университетъ имѣетъ 4 факультета: историко-филологическій, фи

зико-математическій, юридическій и медицинскій. Факультетъ физико-математическій подраздѣленъ на разряды: математическій и естественныхъ наукъ.

«Чиновниковъ и преподавателей въ университетѣ 78, учащихся—483; изъ нихъ по историко-филологическому факультету 34, по физико-математическому 101, по юридическому 126 и по медицинскому 222. Въ общемъ числѣ учащихся: дворянъ и дѣтей чиновниковъ 340, духовнаго званія 18, почетныхъ гражданъ и купцовъ 53, податнаго состоянія 72. Кромѣ того, 17 посторонннихъ лицъ слушали лекціи.

«Преподаватели медицинскаго факультета и медицинскіе чиновники университета, движимые усердіемъ въ дѣлѣ общей пользы и любви къ отечеству, предложили свои услуги на пользу храбрыхъ нашихъ воиновъ, защитниковъ отечества. Узнавъ о предположеніи учредить въ Харьковѣ военный госпиталь на двѣ тысячи человѣкъ, они изъявили единодушное желаніе посвятить часть трудовъ своихъ и остающееся отъ чтенія лекцій и другихъ служебныхъ занятій время на безвозмездное пользованіе больныхъ. Съ пользою для больныхъ они предположили соединить и пользу учебную. Къ отдѣленіямъ госпиталя, долженствовавшимъ поступить въ завѣдываніе медицинскихъ чиновниковъ университета, они просили дозволенія прикомандировать и студентовъ высшихъ курсовъ; подъ руководствомъ наставниковъ, здѣсь имъ долженъ былъ открыться рѣдкій случай упражняться въ практикѣ. Сею мѣрою представлялась университету возможность удобнѣе, скорѣе и съ большею увѣренностію въ успѣхѣ приготовить къ выпуску студентовъ послѣднихъ курсовъ и тѣмъ снабдить военно-медицинское вѣдомство врачами, уже пріобрѣтшими извѣстную степень опытности и навыка въ леченіи разнообразныхъ болѣзней. Такая готовность медицинскихъ чиновъ университета удостоена Высочайшей Вашего Императорскаго Величества благодарности. Проектъ правилъ для особыхъ клиническихъ отдѣленій Харьковскаго военно-временнаго госпиталя, по сношеніи съ военнымъ министромъ, Высочайше утвержденъ 16 октября.

«*V. Университетъ Казанскій.* Казанскій Университетъ имѣетъ четыре факультета: историко-филологическій, физико-математическій, юридическій и медицинскій. Факультетъ физико-математическій дѣлится на разряды математическихъ и естественныхъ наукъ; юридическій факультетъ раздѣленъ на разряды собственно юридическій и камеральный. Разрядъ восточной словесности, входившій въ составъ историко-филологическаго факультета, со второй половины 1855 г. закрытъ, по случаю учрежденія при С.-Петербургскомъ Университетѣ факультета восточныхъ языковъ.

«Въ Казанскомъ Университетѣ чиновниковъ и преподавателей 77; учащихся 340, изъ коихъ въ факультетѣ историко-филологическомъ 12, физико-математическомъ 40, юридическомъ 114 и медицинскомъ 174. Въ общемъ числѣ: дворянъ и дѣтей чиновниковъ 202, духовнаго званія 27, почетныхъ гражданъ и купцовъ 39, податнаго состоянія 72.

«*VI. Университетъ Дерптскій.* Дерптскій Университетъ составляютъ пять факультетовъ: богословскій, юридическій, историко-филологическій, физико-математическій и медицинскій.

«Въ университетѣ чиновниковъ и преподавателей 74, учащихся 618. Изъ нихъ въ факультетахъ: богословскомъ 111, юридическомъ - 86, историко-филологическомъ—63, физико-математическомъ—87, медицинскомъ—271; въ общемъ числѣ: дворянъ и дѣтей чиновниковъ 245, духовнаго званія 70, купцовъ 40, податнаго состоянія 263.

СРЕДНІЯ И НИЗШІЯ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

«Нѣкоторыя изъ учебныхъ заведеній Московскаго округа имѣли счастіе принимать въ стѣнахъ своихъ Высокихъ Посѣтителей. 5 сентября въ Четвертую Московскую Гимназію изволили прибыть Ихъ Императорскія Высочества Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ съ Августѣйшими Братьями Александромъ, Владиміромъ и Алексіемъ Александровичами, въ сопровожденіи наставниковъ своихъ. Ихъ Высочества встрѣчены были мною. Остановясь сначала въ физическомъ кабинетѣ, гдѣ Имъ показаны были нѣкоторые снаряды и опыты, Они посѣтили затѣмъ пансіонъ гимназіи. Обойдя спальни и залы, Ихъ Высочества взошли на бельведеръ, откуда открывается великолѣпный видъ

на Москву и окрестности ея. Академику Погодину предоставлена была высокая честь объяснить эту величественную картину бѣглымъ очеркомъ исторіи Москвы и съ нею связанныхъ великихъ событій нашей отечественной исторіи. Потомъ Высокіе Посѣтители изволили войти въ столовую, остались тамъ нѣкоторое время и отвѣдывали кушанье. При отъѣздѣ Ихъ Императорскія Высочества, проходя черезъ актовую залу, остановились передъ золотою доскою, на которой изображены имена отличнѣйшихъ воспитанниковъ и на которой Они нашли знакомое Имъ имя Жуковскаго. Радостною толпою тѣснились около Высокихъ Гостей своихъ воспитанники гимназіи и провожали ихъ до самаго выхода изъ заведенія.

«16 сентября эта же гимназія имѣла счастіе принимать у себя Его Императорское Высочество Принца Ольденбургскаго, который 12 сентября удостоилъ и Первую Московскую Гимназію подробнымъ осмотромъ, при которомъ изволилъ произвести испытаніе нѣкоторымъ изъ учениковъ старшаго класса въ переводахъ съ латинскаго языка на русскій, при чемъ Его Высочество выразился весьма одобрительно и лестно объ отвѣтахъ спрошенныхъ учениковъ.

ИМПЕРАТОРСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ.

«Въ истекшемъ году Академія понесла важную утрату. Графъ *Уваровъ*, состоявшій въ званіи почетнаго члена съ 1811, а въ должности ея президента съ 1818 года, скончался въ Москвѣ 4 сентября. Въ его управленіе преимущественно получили развитіе филологія, технологія и изысканія о Востокѣ. Сверхъ того, онъ значительно обогатилъ кабинеты.

«Высочайшимъ указомъ 26 ноября члену Государственнаго Совѣта, статсъ-секретарю, главноуправляющему вторымъ отдѣленіемъ Собственной Вашего Императорскаго Величества канцеляріи, дѣйствительному тайному совѣтнику графу *Блудову* всемилостивѣйше повелѣно быть президентомъ Академіи, съ оставленіемъ при всѣхъ занимаемыхъ имъ должностяхъ.

«Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ удостоили принять званіе почетныхъ членовъ Академіи.

ЦЕНСУРА.

«*Цензура въ Имперіи.* Главное управленіе цензуры, слѣдя постоянно за духомъ и направленіемъ литературной дѣятельности, наблюдая какъ непосредственно, такъ и при пособіи чиновниковъ для особыхъ порученій за исполненіемъ всѣхъ правилъ цензурнаго устава, разрѣшало возникавшіе въ кругу дѣйствій подвѣдомственныхъ ему мѣстъ и лицъ недоумѣнія и вопросы и вообще руководствовало цензоровъ въ сомнительныхъ случаяхъ.

«Число вышедшихъ въ свѣтъ въ 1855 году сочиненій оригинальныхъ простирается до 1,148, переводныхъ—до 91.

«Въ 1854 году издавалось, подъ наблюденіемъ внутренней цензуры вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, журналовъ и газетъ 103. Съ 1855 года начала выходить въ свѣтъ еженедѣльная *газета Лѣсоводства и Охоты*, издающаяся по распоряженію Министерства Государственныхъ Имуществъ, на основаніи Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 16 день декабря 1854 года. Такимъ образомъ, въ 1855 году число періодическихъ изданій возросло до 104, и послѣдовало Высочайшее соизволеніе на изданіе четырехъ новыхъ журналовъ, кои суть: 1) *Художественный Журналъ для Юношества*, 2) *Музыкальный и Театральный Вѣстникъ*, 3) *Живописная Русская Библіотека*, 4) *Русскій Вѣстникъ*, которые стали выходить въ свѣтъ съ начала текущаго года.

«По штату цензурнаго управленія, для цензурованія книгъ на восточныхъ языкахъ положено было имѣть отдѣльнаго цензора въ Казани, изъ профессоровъ восточныхъ языковъ. Съ упраздненіемъ въ 1855 году преподаванія восточныхъ языковъ въ

Казанскомъ Университетѣ, признавая, что цензура сочиненій на сихъ языкахъ должна оставаться по прежнему въ Казани, я испросилъ чрезъ Комитетъ Министровъ Высочайшее соизволеніе возлагать цензурованіе книгъ на восточныхъ языкахъ въ Казани на одного изъ служащихъ тамъ чиновниковъ.

«Число оригинальныхъ сочиненій 1855 года, учебнаго и ученаго содержанія, сравнительно съ 1854 годомъ, по числу названій, нѣсколько умножилось, по объему же своему уменьшилось. Сравненіе частныхъ итоговъ по разнымъ отраслямъ наукъ показываетъ, что въ 1855 году особенно уменьшился объемъ изданій по части богословія (иновѣрческихъ исповѣданій), наукъ юридическихъ и государственныхъ, пособій къ изученію языковъ и медицины; увеличился же по сельскому хозяйству и технологіи, по географіи, этнографіи и путешествіямъ, по исторіи всеобщей и иностранныхъ государствъ, по философіи и педагогикѣ. Между оригинальными сочиненіями собственно литературнаго содержанія, сравнительно съ 1854 годомъ, усматривается увеличеніе въ собраніяхъ сочиненій (въ стихахъ и прозѣ), въ стихотвореніяхъ лирическихъ и повѣствовательныхъ, энциклопедическихъ словаряхъ и сборникахъ, романахъ и повѣстяхъ; уменьшеніе же, хотя незначительное, оказалось въ дѣтскомъ чтеніи и въ сочиненіяхъ драматическихъ.

«Общее число ввезенныхъ изъ-за границы въ Россію въ 1855 году книгъ составляло 1,191,645 томовъ. Въ 1854 году число это простиралось до 886,425 томовъ. Посему привозъ иностранныхъ книгъ въ 1855 году увеличился 305,320 томами.

«Въ числѣ ввезенныхъ книгъ неизвѣстнаго цензурѣ содержанія, разсмотрѣно въ комитетѣ цензуры иностранной 1,235 сочиненій въ 1,779 томахъ, а въ комитетахъ Рижскомъ, Виленскомъ, Одесскомъ, Кіевскомъ и отдѣльнымъ цензоромъ въ Ревелѣ— 1,133 сочиненія въ 1,674 томахъ. Въ 1855 году подвергались запрещенію преимущественно полиграфическія изданія, романы, повѣсти и памфлеты, исключительно писанные въ духѣ партій и подъ вліяніемъ враждебныхъ страстей.

«По прошеніямъ книгопродавцевъ и другихъ лицъ, выслано обратно за границу 11,074 тома запрещенныхъ, позволенныхъ съ исключеніями и неизвѣстныхъ еще цензурѣ сочиненій, и, сверхъ того, 119 экземпляровъ картинъ и другихъ предметовъ.

«Комитетъ разсмотрѣнія учебныхъ руководствъ, учрежденный въ 1850 году, разсматривалъ всякаго рода учебники (кромѣ книгъ духовнаго содержанія), издаваемые частными людьми, со включеніемъ всѣхъ сочиненій и переводовъ, назначаемыхъ для дѣтскаго чтенія.

«Въ истекшемъ году разсмотрѣно комитетомъ 291 сочиненіе, изъ коихъ было одобрено къ выпуску въ свѣтъ: безусловно— 149, съ указаніемъ исключеній и исправленій—73, по исправленіи согласно сдѣланнымъ прежде замѣчаніямъ—13, возвращено для передѣлки по замѣчаніямъ 39, и не одобрено, какъ не удовлетворяющихъ педагогическимъ или дидактическимъ требованіямъ, 17.

«*Цензура въ Царствѣ Польскомъ.* На разсмотрѣніе Варшавскаго Цензурнаго Комитета представлено въ 1855 году по цензурѣ внутренней, рукописей и печатныхъ книгъ 355 (противъ 1854 года 40 менѣе). Изъ этого числа одобрено къ печатанію 311, возвращено авторамъ, для исправленій, 13, осталось къ разсмотрѣнію на 1856 годъ 31.

«Въ 1855 году привезено изъ-за границы 22,628 сочиненій въ 71,908 томахъ. Этотъ годъ превосходитъ предъидущій въ привозѣ книгъ: по числу названій—на 101, а по количеству томовъ—на 5,350.

«*Общій выводъ.* Въ 1855 году въ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія находилось въ Имперіи 2,250 учебныхъ заведеній съ 120,247 учащихся.

«Изъ числа учащихся было: въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ (университетахъ, Главномъ Педагогическомъ Институтѣ, лицеяхъ и ветеринарныхъ училищахъ)—4,127, въ гимназіяхъ—17,817, въ уѣздныхъ училищахъ—27,309, въ приходскихъ—49,101, въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ—21,893, въ еврейскихъ казенныхъ училищахъ — 3,488.

«Общее число учебныхъ заведеній въ Имперіи простиралось до 2,356, а число учащихся—до 123,735.

«Въ Варшавскомъ учебномъ округѣ училищъ 1,516, учащихся 71,755; въ томъ числѣ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ 3,296, въ уѣздныхъ училищахъ 3,858, въ начальныхъ 57,786.

«Затѣмъ совокупное число учебныхъ заведеній составляетъ 3,872, а число учащихся—194,490.

«Воспитательныхъ заведеній было 101, въ томъ числѣ 54 пансіона при гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ и 47 конвиктовъ и общихъ ученическихъ квартиръ.

«Ученыхъ степеней и разныхъ медицинскихъ званій удостоено 964 человѣка.

«Изъ сравнительныхъ вѣдомостей, приложенныхъ къ настоящему отчету, оказывается, что, несмотря на военное время, число учащихся въ Имперіи въ 1855 году уменьшилось только на 2,948 ч. Уменьшеніе сіе относится къ однимъ уѣзднымъ и приходскимъ училищамъ и къ частнымъ учебнымъ заведеніямъ, ибо въ гимназіяхъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ число учащихся оставалось почти то же самое. По заслуживаетъ особаго вниманія уменьшеніе числа учащихся Варшавскаго учебнаго округа: эта убыль простирается до 7,474 человѣкъ. Обстоятельство сіе можно объяснить какъ тѣмъ, что съ 1851 года число таковыхъ начальныхъ училищъ начало уменьшаться потому, что сельскія общины освобождены отъ складки на содержаніе училищъ и отъ обязанности посылать дѣтей въ оныя, такъ и военными обстоятельствами.

«*Заключеніе.* Руководимое въ общихъ видахъ своихъ указаніями Вашего Императорскаго Величества, Министерство, въ протекшемъ году, старалось укоренять глубже созрѣвшія уже начала и учрежденія, коихъ общеполезность доказана продолжительнымъ опытомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ приводило въ ясность тѣ данныя и потребности, изъ которыхъ должно возникать постепенно всякое будущее улучшеніе. Уже многія изъ сихъ потребностей обозначились и опредѣлились явственно какъ вслѣдствіе личнаго моего обозрѣнія учебныхъ заведеній, такъ и чрезъ постоянныя административныя дѣйствія. Выводы изъ всего этого послужатъ основаніемъ для послѣдующихъ предначертаній и трудовъ Министерства. Обнимая движеніе нашего образованія и нужды, общества Министерство болѣе и болѣе убѣждается, что въ общей системѣ нашихъ учрежденій и ихъ организаціи, устроивавшихся послѣдовательно въ царствованіе Императрицы Екатерины II, Императоровъ Александра I и Николая I, лежитъ прочная основа ихъ будущаго процвѣтанія и что *на этой почвѣ, столь тщательно приготовленной и нынѣ согрѣваемой Царственною благостію, могутъ произрастать обильные плоды науки и нравственнаго преуспѣянія.* (Здѣсь на подлинномъ отчетѣ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: «*Дай Богъ!*»). Со стороны нашихъ юношей надобно, чтобы они сильнѣе и сильнѣе прилѣплялись къ труду мысли, строгому и послѣдовательному, почерпая въ немъ самомъ и въ пользѣ, ожидаемой отъ него отечествомъ, возбужденіе и поощреніе для себя, не удовлетворяясь одною внѣшностію образованности; а нельзя не сознаться, что у насъ вообще слишкомъ довольствовались внѣшнею образованностію, считая или даже выказывая ее за настоящую. Наука и педагогія въ нынѣшнемъ ихъ направленіи, при одушевляющемъ сердца святомъ религіозномъ назиданіи, готовы вполнѣ содѣйствовать сему. Не подлежитъ сомнѣнію, что духъ образующагося поколѣнія сильно возбужденъ, и это возбужденіе возникаетъ изъ столь прекраснаго источника: оно отличается столь благороднымъ направленіемъ, что самыя серьезныя требованія науки, такъ же, какъ требованія чести, не могутъ его устрашать. Во время личнаго моего обозрѣнія университетовъ и гимназій, вникая въ наклонности, образъ мыслей и нравы молодыхъ людей, бесѣдуя съ ними, присутствуя при ихъ учебныхъ занятіяхъ и экзаменахъ, я съ удовольствіемъ видѣлъ въ нихъ сознательное, на внутреннемъ убѣжденіи основанное стремленіе воспользоваться всѣми предлагаемыми имъ средствами знанія въ духѣ той строгой методы, какая предписывается современными требованіями науки, отвергающими все шаткое и поверхностное. Совѣты мои и внушенія въ томъ, сколь нужны на всѣхъ поприщахъ службы Государю и отечеству умы развитые, нравственные, обогащенные знаніемъ стройнымъ и плодоносящимъ, вездѣ встрѣчали искреннее, глубокое сочувствіе. Утѣшительно было видѣть ту радость, съ какою было принято между нашими юношами

вновь дарованное дозволеніе поступать въ университеты всѣмъ желающимъ, безъ соблюденія опредѣленнаго комплекта, и въ особенности ту сердечную готовность, съ какою молодые люди высшихъ учебныхъ заведеній Министерства, внимая священному призыву своего Монарха, стремились пріобрѣсти необходимыя приготовительныя свѣдѣнія, чтобы стать въ ряды защитниковъ отечества. Менѣе, чѣмъ въ четыре мѣсяца, не оставляя занятій высшими науками своихъ факультетовъ, они успѣли столько въ военныхъ знаніяхъ и экзерциціяхъ, что поступили на службу офицерами. Между тѣмъ, другіе изъ ихъ товарищей спѣшили инымъ образомъ выразить свое пламенное желаніе быть полезными въ трудные для отечества дни: я разумѣю студентовъ медицинскихъ, которые, при содѣйствіи своихъ достойныхъ профессоровъ, явили также необыкновенныя усилія, чтобы быть въ состояніи оказывать пособія раненымъ на полѣ битвы или посреди заразы. Ихъ самоотверженіе не охладѣвало при видѣ многихъ изъ ихъ же собратій, сдѣлавшихся жертвою своего долга. Такой энергической дѣятельности посвятившихъ себя медицинскимъ наукамъ и медицинскихъ факультетовъ Министерство обязано тѣмъ, что могло выпустить изъ своихъ заведеній 113 врачей и даже, къ первой трети текущаго года, приготовить къ выпуску болѣе 80 человѣкъ.

«Та же нравственная сила, которая въ юныхъ умахъ дѣйствовала столь благотворно и живительно, одушевляла и все ученое и учебное сословіе. Радуюсь, что могу свидѣтельствовать предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ о постоянныхъ трудахъ и заслугахъ сего поистинѣ почтеннаго сословія. Лица, его составляющія, въ тревожныхъ обстоятельствахъ государства, какъ и всегда, оказали себя вполнѣ достойными своего высокаго призванія. Обстоятельства эти не только не ослабляли ихъ обычной дѣятельности, но, напротивъ, возбуждали въ нихъ новую ревность къ своему долгу. Они глубже, чѣмъ когда либо, поняли, что покушенія враговъ могутъ быть намъ опасны только превосходствомъ и опередившими насъ успѣхами ихъ въ наукахъ и искусствѣ, и что опасность эта исчезнетъ тотчасъ, какъ скоро мы противопоставимъ имъ дарованныя намъ Богомъ умственныя силы, съ твердою увѣренностію не уступить никому въ великомъ дѣлѣ человѣческаго усовершенствованія.

«Въ отчетѣ семъ я имѣлъ счастіе подробно означить разные ученые труды, состоящіе частію въ сочиненіяхъ, а частію въ исполненіи особенныхъ возлагаемыхъ начальствомъ порученій,—путешествій по Россіи, предпринятыхъ съ спеціальною цѣлію обозрѣнія разныхъ учрежденій въ техническомъ отношеніи, и проч. Всѣ подобныя работы совершались безостановочно, какъ бы во дни мира, добросовѣстно, съ полнымъ знаніемъ дѣла. Нѣкоторыя изъ ученыхъ занятій были особенно важны по пользѣ, отъ нихъ ожидаемой въ приложеніи положительныхъ знаній. Таковы, между прочимъ, занятія на Николаевской обсерваторіи. Ея труды, исполненные въ 1855 году съ цѣлію споспѣшествованія точной географіи въ нашемъ отечествѣ, обращаютъ вниманіе всего ученаго міра, что подробно изложено въ моемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ. Излишнимъ считаю присовокупить, что, кромѣ сихъ трудовъ, на Николаевской обсерваторіи читаются курсы астрономіи и точной географіи, и всѣ лица, предназначаемыя для географическихъ и геодезическихъ работъ, какъ военныя, такъ и собственно ученыя, стекаются туда и проводятъ по нѣскольку мѣсяцевъ въ окончательномъ приготовленіи себя къ предстоящимъ занятіямъ. Во исполненіе Высочайшей Вашего Величества воли, съ конца нынѣшняго года откроется новый постоянный курсъ для офицеровъ Военной Академіи.

«Для составленія полнаго, современемъ, геогностическаго атласа Россіи Министерство пригласило на таковый важный трудъ профессоровъ разныхъ университетовъ. На этомъ основаніи нынѣ трудятся надъ составленіемъ геогностическихъ картъ: профессоръ С.-Петербургскаго Университета *Куторга* — Псковской губерніи, профессоръ Дерптскаго Университета *Гревингкъ* — губерній Лифляндской, Эстляндской и Курляндской, профессоръ Университета Св. Владиміра *Ѳеофилактовъ* — Кіевской губерніи, профессоръ Харьковскаго Университета *Борисякъ* — Харьковской губерніи, и профессоръ Казанскаго университета *Вагнеръ*, окончивъ карту Казанской губерніи, производитъ геогностическое изслѣдованіе почвъ губерній Симбирской и Самарской.

«Факультетъ восточныхъ языковъ при С.-Петербургскомъ Университетѣ, соста-

вляющій главный въ Имперіи разсадникъ образованія оріенталистовъ, какъ ученыхъ, такъ и требуемыхъ для службы, находится въ полномъ своемъ составѣ и началъ успѣшно свои дѣйствія.

«Во дни войны и испытаній съ высоты Престола раздался голосъ къ русскимъ сердцамъ, призывавшій къ исполненію ихъ долга. О томъ, какъ онъ былъ услышанъ, знаетъ Европа, узнаетъ позднѣйшее потомство. Въ день разцвѣтающаго мира, Вы, Всемилостивѣйшій Государь, знаменательными словами: *да развивается повсюду съ новою силою стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности*, благоволили призвать народъ свой къ другому великому подвигу. Этотъ призывъ запечатлѣлся въ сердцахъ и умахъ; онъ будетъ служить вѣрнымъ указаніемъ для нашей дѣятельности».

Въ августовской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» напечатана шестая и послѣдняя часть романа г. Григоровича «Переселенцы». Скоро это замѣчательное произведеніе явится отдѣльною книгою, и тогда мы будемъ имѣть возможность подробно говорить о немъ и, по поводу его, обозрѣть всю литературную дѣятельность г. Григоровича. Здѣсь мы можемъ только вскользь коснуться нѣкоторыхъ мыслей, вызываемыхъ прекраснымъ разсказомъ, начало котораго было встрѣчено публикою съ тѣмъ интересомъ, какой всегда возбуждаютъ произведенія автора «Деревни», «Антона-Горемыки» и «Рыбаковъ», а послѣднія части котораго все болѣе и болѣе приковывали къ себѣ живое сочувствіе читателя.

Была мода на романы изъ простонароднаго быта. Мода, какъ всегда, такъ и въ этомъ случаѣ, излишествами своими привела къ сомнѣніямъ, за увлеченіемъ послѣдовало охлажденіе, и теперь такъ же трудно заинтересовать публику простонароднымъ разсказомъ, какъ легко было пять-шесть лѣтъ тому назадъ привлекать ея вниманіе моднымъ выборомъ простонароднаго сюжета. Успѣхъ повѣстей, изображающихъ нравы нашихъ поселянъ, основывался преимущественно на достоинствахъ разсказовъ г. Григоровича; въ охлажденіи, которое было возбуждено недостатками многочисленныхъ его подражателей, г. Григоровичъ не виноватъ, и публика справедливо освобождаетъ его отъ всякой отвѣтственности за чужіе грѣхи: переставъ читать простонародные разсказы писателей, бросившихся на эту дорогу въ надеждѣ раздѣлять успѣхъ г. Григоровича, публика съ прежнимъ интересомъ читаетъ и перечитываетъ новыя произведенія г. Григоровича: она очень хорошо чувствуетъ разницу между «Переселенцами» и, напримѣръ... но къ чему утруждать себя припоминаніемъ примѣровъ, о которыхъ никому не хочется вспоминать? И никто изъ забываемыхъ описывателей простонароднаго быта не можетъ роптать на несправедливость своей судьбы. Зачѣмъ они, если имѣютъ талантъ (человѣкъ безъ таланта, конечно, ни въ чемъ не виноватъ),—зачѣмъ они не захотѣли подумать о томъ, что составляетъ главное достоинство простонародныхъ разсказовъ г. Григоровича, и зачѣмъ воображали, что, копируя или утрируя только внѣшнія особенности его произведеній, могутъ ожидать прочнаго успѣха? Внутренняя пустота скоро отгадывается, и никакія уловки не прикроютъ и не прикрасятъ ея. Зачѣмъ эти подражатели, не понимая г. Григоровича, подлѣзывались подъ его манеру? зачѣмъ они воображали, будто бездушнымъ подражаніемъ манерѣ можно создавать прекрасное? Зачѣмъ они не приняли въ соображеніе, что

г. Григоровичъ силенъ потому, что знаетъ и любитъ народъ, и воображали, будто все дѣло состоитъ въ крестьянскихъ именахъ, и въ замѣнѣ обыкновенныхъ русскихъ словъ такими диковинками, какихъ читателю съ бритой бородой и слышать не приводилось? Зачѣмъ они дѣйствовали такъ, будто гоголевы «Вечера на Хуторѣ близъ Диканьки» были обязаны своими успѣхами заимствованію малорусскихъ словъ изъ «Лексикона» Памвы Берынды?

Г. Григоровичъ знаетъ деревенскій бытъ средней полосы нашего царства и нимало не думаетъ самъ себѣ дивиться или хвалиться передъ другими тѣмъ, что онъ знаетъ его, какъ житель Петербурга вовсе не дивится тому, что знаетъ Петербургъ, какъ человѣкъ, служившій на Кавказѣ, вовсе не дивится тому, что знаетъ кавказскіе обычаи; да и скажите, въ самомъ дѣлѣ, что такое за диво быть въ русскомъ царствѣ человѣкомъ, хорошо знающимъ сельскую жизнь? Каждый помѣщикъ, каждый чиновникъ земской полиціи, каждый сельскій священникъ очень хорошо знаетъ нравы поселянъ. Хвалиться тутъ ровно нечѣмъ. Вѣдь русская деревня для насъ не Австралія, которой не видалъ никто изъ нашихъ соотечественниковъ. Г. Григоровичъ находитъ, что поселяне — такіе же люди, какъ и мы, и большею частью люди добрые и неглупые; потому онъ любитъ ихъ, и когда видитъ, что они терпятъ нужду или притѣсненіе, ему становится жаль ихъ. Всѣмъ этимъ своимъ чувствамъ онъ вовсе не думаетъ дивиться или хвастаться ими; да и что, въ самомъ дѣлѣ, удивительнаго въ этихъ чувствахъ? каждый благородный и не близорукій человѣкъ, который знаетъ нашихъ поселянъ, любитъ ихъ и жалѣетъ о невзгодахъ, какія встрѣчаются въ ихъ бытѣ.

Каждый литераторъ съ самостоятельнымъ талантомъ беретъ сюжеты для своихъ разсказовъ изъ того круга жизни, который интересуетъ его и хорошо ему знакомъ. Такъ поступилъ г. Григоровичъ: онъ сталъ писать разсказы изъ сельскаго быта, и выборъ его былъ рѣшенъ не какими нибудь мелочными соображеніями, не заботою о нововведеніяхъ, или похвальбою, или разсчетами на особенный успѣхъ,—изъ такихъ соображеній въ поэзіи никогда ровно ничего не выходитъ, потому что талантъ истинный не подчиняется имъ. Вовсе нѣтъ: г. Григоровичъ сталъ писать повѣсти изъ сельскаго быта потому, что близко знаетъ этотъ кругъ и интересовался имъ; тутъ было не болѣе, какъ исполненіе поговорки: «что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ». Писалъ ли кто нибудь по русски до г. Григоровича хорошія повѣсти изъ великорусскаго сельскаго быта или нѣтъ, это для г. Григоровича было рѣшительно все равно. Онъ самъ чувствовалъ влеченіе описывать сельскій бытъ, чувствовалъ, что можетъ описывать его,—на этомъ влеченіи таланта было основано все.

И вотъ явились «Деревня», «Антонъ-Горемыка» и т. д. Авторъ нимало не дѣлалъ насилія своему таланту, когда писалъ ихъ: выборъ предмета былъ направленъ любовью къ поселянамъ. Авторъ нимало не щеголялъ ни своимъ знаніемъ крестьянскаго языка, ни тѣмъ, что бывалъ въ курныхъ избахъ; онъ только вѣрно описывалъ хорошо знакомый ему бытъ. Видно было, что онъ любитъ поселянъ, какъ людей, и сочувствуетъ ихъ интересамъ. Очень натурально, что повѣсти, написанныя съ талантомъ и знаніемъ, оживленныя сочувствіемъ автора къ изображаемымъ людямъ, имѣли успѣхъ. Успѣхъ основывался на существенныхъ, неотъемлемыхъ достоинствахъ произведеній.

Но люди догадливые относительно средствъ всѣми правдами и неправдами добиться литературнаго успѣха тотчасъ же сообразили, въ чемъ дѣло. Они догадались, что успѣхъ повѣстей г. Григоровича основанъ не на достоинствѣ повѣстей, а только на томъ, что въ повѣстяхъ описываются не такіе люди, какъ мы съ вами, а совершенно невиданные никѣмъ—какіе-то чудаки съ бородами и въ онучахъ, и говорятъ эти чудаки-мужики вовсе не такимъ языкомъ, какъ мы съ вами, а какимъ-то чуднымъ, неслыханнымъ языкомъ. Такимъ-то легкимъ образомъ былъ найденъ рецептъ для пріобрѣтенія литературнаго успѣха: публика восхищается странными нравами мужичковъ и диковиннымъ ихъ языкомъ—начнемъ же угощать ее этими блюдами и раздѣлимъ успѣхъ г. Григоровича, а пожалуй достигнемъ и бо́льшаго успѣха, потому что перещеголять его въ пораженіи публики диковинными нравами и языкомъ вовсе не трудно: онъ далеко не вполнѣ пользуется тѣми обильными матеріалами диковинныхъ особенностей, какіе могутъ быть найдены въ сельскомъ бытѣ. Покажемъ ей, что мы умѣемъ говорить по-мужицки гораздо лучше г. Григоровича, что мы—если ужь на то пошло—знаемъ крестьянскій бытъ, какъ свои пять пальцевъ.

И принялись удивлять публику своимъ знаніемъ крестьянскаго быта и мужицкаго языка.

И, дѣйствительно, удивили,—только не въ томъ смыслѣ, какъ разсчитывали. Въ произведеніяхъ, писанныхъ на новую тему людьми, не лишенными таланта, публика удивилась пустотѣ и безцвѣтности при наружной эффектности, а въ произведеніяхъ людей бездарныхъ—огромности претензій и страшной фальшивости тона. Впрочемъ, послѣдними качествами поражали иногда и разсказы извѣстныхъ писателей.

Разсчеты на успѣхъ оказались ошибочны, и ошибка была такъ груба, что трудно даже извинить ее.

Въ самомъ дѣлѣ, неудачные подражатели г. Григоровича вообразили, что публика восхитилась въ его повѣстяхъ новизною; но ужели огромное большинство русскихъ читателей не знало крестьянскаго быта и не слыхивало крестьянскаго языка? Неужели «Деревня» произвела эффектъ въ родѣ того, какой производятъ разсказы о японцахъ и жителяхъ Ванъ-Дименовой Земли? Нимало: каждый читатель самъ зналъ очень хорошо русскихъ мужичковъ и, быть можетъ, половина читателей провели жизнь въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ ними.—Или печатные разсказы о мужикахъ были новостью, когда явилась «Деревня»? Если публика знала крестьянскій бытъ, то, быть можетъ, по крайней мѣрѣ, литература чуждалась его описаній? Нимало: отъ «Фрола Силина» Карамзина до героевъ Загоскина тянется непрерывный рядъ литературныхъ мужиковъ, и въ то самое время, когда началъ писать г. Григоровичъ, были очень извѣстные разсказчики, вся дѣятельность которыхъ была посвящена описанію простонароднаго быта. Стало быть, по той сферѣ, изъ которой взято содержаніе «Деревни», повѣсть г. Григоровича вовсе не была новостью.

Правда, было въ ней нѣчто новое, но вовсе не мысль описывать крестьянскій бытъ: ново было то, что крестьянскій бытъ описывался вѣрно, безъ прикрасъ, что въ описаніи былъ виденъ сильный талантъ и глубокое чувство, возвышающееся до самой патетической поэзіи. Этимъ качествамъ подражатели не вздумали подражать, потому, вѣроятно, что не считали ихъ важными, не

чувствуя присутствія ихъ въ себѣ. Но эти качества, упущенныя изъ виду славолюбивыми соперниками г. Григоровича, и были причиною, что его произведенія сдѣлали и продолжаютъ дѣлать такое сильное впечатлѣніе на публику, между тѣмъ, какъ люди, писавшіе до него и вслѣдъ за нимъ о тѣхъ же самыхъ мужикахъ, оставлены или вовсе не приняты публикою.

Но что такое талантъ, чувство, поэзія, вѣрность картинъ? о такихъ пустякахъ не думали подражатели: вѣдь, по ихъ мнѣнію, мужики понравились публикѣ какъ диковинка, заняли ее странностями языка и нравовъ. Этими-то качествами мужиковъ и хотѣли они выиграть, выказывая удивительнѣйшее, по собственному мнѣнію, умѣнье владѣть языкомъ и подмѣчать особенности обычаевъ поселянъ. Дѣйствительно, мужики у нихъ заговорили такъ, что не употребляли ни одной фразы, которая имѣла бы смыслъ на обыкновенномъ русскомъ языкѣ (которымъ, между прочимъ, говорятъ и крестьяне, не имѣющіе средствъ объясняться на иныхъ языкахъ), не произносили ни одного слова, не исковеркавъ его; да и то была еще милость, когда только коверкали обыкновенныя слова, а не вовсе отказывались отъ нихъ, замѣняя ихъ неслыханными въ народѣ русскомъ рѣченіями, заимствованными изъ «Словаря Областныхъ Нарѣчій». Нравы этихъ диковинныхъ поселянъ также не имѣли ничего общаго съ обыкновенными человѣческими или русскими правами: не говоря уже о чувствахъ или понятіяхъ, даже въ затылкѣ почесывали мужички ужь навѣрное никакъ не пальцами, а кулакомъ, да еще на особенный манеръ сложеннымъ, и ложку со щами подносили ко рту не обыкновеннымъ порядкомъ, а съ какими нибудь особенными извитіями рукъ и ухмыляніями лица. И на каждое диковинное словечко своихъ мужичковъ, на каждое несообразное съ обычною логикою понятіе, на каждый странный жестъ ихъ, авторъ радовался, самъ дивясь чудному своему знанію всѣхъ никѣмъ дотолѣ не подмѣченныхъ особенностей народнаго быта и языка. Г. Григоровичъ никогда не достигалъ такой высоты: у него мужики и говорили, и думали, и поступали по человѣчески, отличаясь въ языкѣ и обычаяхъ отъ остальныхъ русскихъ не болѣе того, какъ отличаются дѣйствительные, живые русскіе поселяне, которые говорятъ и думаютъ о житейскихъ дѣлахъ почти такъ же, какъ и всякій другой человѣкъ, не получившій книжнаго воспитанія. Мы ужь сказали, отчего происходила эта разница: г. Григоровичъ не изумляется своему знакомству съ поселянами, не находитъ нужды щеголять этимъ знакомствомъ, онъ привыкъ видѣть въ поселянахъ людей такихъ же, какъ и мы съ вами, читатель, или, быть можетъ, и нѣсколько лучшихъ, нежели большая часть изъ насъ; онъ — какая рѣдкость! — онъ и любитъ ихъ просто, какъ людей, а не какъ чудаковъ, странности которыхъ могутъ давать литераторамъ поживу для курьезныхъ описаній. Если въ какомъ уѣздѣ поселяне произносятъ «хурушу», вмѣсто «хорошо», это, по его мнѣнію, такая же драгоцѣнная для поэзіи и такая же восхитительная для него находка, какъ «харашо», которое произносимъ мы вмѣсто «хорошо». Но для многихъ изъ его подражателей поселянинъ, въ самомъ дѣлѣ, диковинка, знаніемъ которой не могутъ они довольно нащеголяться, и на употребленіи «хурушу» основаны и надежда ихъ на славу и любовь ихъ къ поселянамъ.

Безъ знанія или безъ любви что можетъ сдѣлать даже замѣчательный

талантъ? А если, притомъ, и талантъ у литератора, требующаго себѣ отличій за снисходительное знакомство свое съ мужиками, не слишкомъ великъ, что жь удивительнаго, когда разсказы его изъ сельскаго быта такъ же пусты, аффектированы и скучны, какъ пусты, скучны и аффектированы были бы его повѣсти изъ аристократическаго быта?

Да и что хорошаго можетъ произвести насилованіе своего таланта? Г. Григоровичъ тѣмъ и силенъ, что пишетъ простонародные разсказы по влеченію собственной натуры, не насилуя таланта, а давая ему полный просторъ. А послѣдователи его начали описывать поселянъ не по влеченію таланта, а по разнымъ постороннимъ соображеніямъ, насилуя талантъ.

Есть люди, которые любятъ толковать о свободномъ творчествѣ—почему жь не толковать и объ этомъ предметѣ? дѣло хорошее, лишь бы только толкующій самъ понималъ, о чемъ толкуетъ, и не смѣшивалъ свободнаго творчества, напримѣръ, съ пустословіемъ, которое относится скорѣе къ прозѣ, и, притомъ, очень пошлой прозѣ, нежели къ поэзіи. Свободное творчество состоитъ въ томъ, чтобы поэтъ не насиловалъ своей природы: природа внушаетъ одному сатиру, другому идиллію,—пусть каждый изъ нихъ пишетъ, что ему внушаетъ природа таланта. Но если сатирикъ начнетъ гнуть свой талантъ, чтобы—хочешь, не хочешь—написать идиллію, тутъ уже не будетъ ровно никакой свободы творчества, а просто на просто будетъ насилованіе таланта, и идиллія выйдетъ хуже всякой пародіи на идиллію. Для Гоголя свободою творчества было писать о Чичиковыхъ и Бетрищевыхъ, а изображать Улиньку и Костанжогло было чистымъ насилованіемъ таланта; Диккенса «Пиквикскій Клубъ» и «Тяжелыя Времена»—равно плоды свободнаго творчества, какъ и Пушкину «Онѣгинъ» не менѣе «Каменнаго Гостя» внушенъ свободнымъ творчествомъ. Ужь болѣе двухъ тысячъ лѣтъ прошло съ того времени, какъ высказана была истина, что верховнымъ правиломъ разумной жизни должно быть: «слушайся природы»—secundum naturam vivere. Пора намъ понять эту истину. И въ поэзіи она такъ же безспорна, какъ во всемъ остальномъ.

Правда и то, что у однихъ натура сильна, здорова и влеченія ея дѣльны, у другихъ—натура дрябла и влеченія ея пусты. Конечно, людямъ послѣдняго разбора непонятны здоровыя влеченія и дѣльныя мысли. Къ числу такихъ людей принадлежатъ, между прочимъ, и тѣ, которые воображали, что прочной литературной славы можно достичь у насъ, не имѣя сильныхъ и благородныхъ стремленій, что публика наша прельстится фразами безъ смысла, формою безъ живой идеи. Эти люди, особенно тѣ изъ нихъ, которые потерпѣли крушеніе собственныхъ литературныхъ надеждъ, могутъ быть недовольны г. Григоровичемъ, во первыхъ, за то, что ему досталась извѣстность, которой напрасно искали они, во вторыхъ, и за то, что въ его произведеніяхъ есть всегда живая мысль, необходимости которой никакъ не могли понять они. Но мнѣніе такихъ людей вовсе не законъ ни для г. Григоровича, ни для русской публики: она, что ни говорите, таки умѣетъ цѣнить людей и награждаетъ своимъ сочувствіемъ только тѣхъ писателей, которые служатъ правдѣ, служа поэзіи, потому что безъ правды нѣтъ и поэзіи.

Горька участь литераторовъ, которые, несмотря на всѣ хлопоты, не успѣли пріобрѣсть славы, за которою гнались или еще продолжаютъ гнаться; но кто жь

виноватъ въ томъ, что участь ихъ горька? Зачѣмъ они такъ узко и поверхностно поняли литературу, воображая, что она можетъ быть пустословіемъ?

Кто, напримѣръ, виноватъ, если разсказы изъ простонароднаго быта вообще не раздѣляли того успѣха, которымъ постоянно пользовались произведенія г. Григоровича? Неужели охлажденіе публики надобно считать причиною неуспѣха многихъ писателей, въ подражаніе г. Григоровичу водившихъ насъ по избамъ и нивамъ?—Но вѣдь это охлажденіе не простиралось же никогда на пропзведенія г. Григоровича, и, напримѣръ, послѣдній романъ его былъ читаемъ всѣми съ величайшимъ одобреніемъ. Отчего же такая разница? Отчего г. Григоровичъ безъ всякаго труда приковываетъ къ себѣ вниманіе публики, когда многихъ другихъ повѣствователей о сельскомъ бытѣ не хочетъ она и слушать?

Г. Григоровичъ не забавляетъ себя и публику набираніемъ странныхъ словъ и странныхъ обычаевъ (чѣмъ ограничиваются другіе): въ его «Переселенцахъ» есть живая мысль, есть дѣйствительное знаніе народной жизни и любовь къ народу; у него поселяне выводятся не затѣмъ, чтобы исполнять должность диковинныхъ чудаковъ съ неслыханнымъ языкомъ: нѣтъ! они являются, какъ живые люди, которые возбуждаютъ къ себѣ полное ваше участіе. Въ этомъ и причина постояннаго успѣха его повѣстей и романовъ изъ сельскаго быта.

Мы не будемъ пересказывать содержаніе «Переселенцевъ»: кто не читалъ еще этого романа, конечно, прочтетъ его. Мы не будемъ и перечислять сценъ, особенно хорошо исполненныхъ, или характеровъ, очерченныхъ особенно удачно, потому что это исчисленіе было бы слишкомъ длинно. Отъ хилаго и тѣломъ и духомъ Тимоѳея Лапши, котораго помѣщикъ переселяетъ въ саратовскіе луга изъ вотчины, гдѣ Лапшу не любили за то, что у него братъ Филиппъ скрывался въ бѣгахъ и промышлялъ воровствомъ, до жены Тимоѳея, Катерины, которая бьется, какъ рыба объ ледъ, чтобы какъ нибудь поддержать хозяйство, и до маленькаго тимоѳеева сына Пети, котораго Филиппъ отчасти выманиваетъ, отчасти силою отнимаетъ у отца и продаетъ нищимъ: отъ агронома и филантропа-помѣщика, Сергѣя Васильича Бѣлицына, который очень хорошо разсуждаетъ объ обязанностяхъ помѣщика и о своихъ великолѣпныхъ планахъ, и раззорается, устроивая въ Петербургѣ прекрасные балы, до молодаго гуртовщика Карякина, который хвастается тѣмъ, что не боится своего тятеньки,—почти всѣ характеры обрисованы съ обыкновеннымъ мастерствомъ г. Григоровича, такъ что выставляются живыми людьми. Заключеніе изъ своего разсказа выводитъ самъ авторъ въ слѣдующей сценѣ:

Узнавъ о смерти Тимоѳея Лапши, хозяйство и здоровье котораго было окончательно убито переселеніемъ, и о горькой участи его семьи, супруга Сергѣя Васильича, Александра Константиновна, надолго задумалась. Сергѣй Васильевичъ, вмѣстѣ съ нею выслушавшій разсказъ старосты, тоже сидѣлъ молча.

«— О чемъ ты думаешь? спросилъ наконецъ мужъ, прикасаясь ладонью къ рукѣ жены.

«— Я думаю объ этой бѣдной женщинѣ и ея дѣтяхъ, думаю также о помѣщикахъ... такихъ, какъ мы... вымолвила Александра Константиновна.

«Сергѣй Васильичъ сильно потеръ лобъ ладонью и опустилъ голову.

« Надо сознаться, Serge, оба мы поступили непростительно опрометчиво, подхватила Александра Константиновна:—нѣтъ, мы живемъ совсѣмъ не такъ, какъ бы намъ слѣдовало!

«— Что ты хочешь этимъ сказать? краснѣя, проговорилъ мужъ.

«— Я хочу сказать, кротко возразила Бѣлицына: что если ужь существуетъ наше положеніе—положеніе помѣщика, оно налагаетъ на насъ. помѣщиковъ, обязанности... строгія, святыя обязанности—право, такъ! Это не пустое слово, не фраза. Сколько разъ думала я: еслибъ владѣли мы только землями да лѣсомъ, наша безпечность была бы простительна, насъ можно было бы извинить за наше незнаніе; но вѣдь въ рукахъ нашихъ живые люди, мы имѣемъ сотни семействъ, судьба которыхъ въ нашемъ полномъ распоряженіи... съ горячностью подхватила она:—какъ христіане, какъ граждане, наконецъ, просто какъ честные люди, можемъ ли мы быть безпечными? Имѣемъ ли мы право бросить этихъ людей на произволъ судьбы, не знать ихъ жизни, ихъ потребностей?.. Наше равнодушіе, наше невѣжество въ отношеніи къ быту этого народа, который круглый годъ, всю свою жизнь для насъ трудится и проливаетъ потъ свой,—наше равнодушіе и незнаніе постыдно и безчестно!.. Мы наряжаемся, пляшемъ, безумно тратимъ деньги, уважаемъ и принимаемъ за серьезное то, что въ сущности вздоръ, и почти презираемъ то, къ чему обязываютъ насъ совѣсть, религія и всѣ человѣческія чувства... Сердце возмущается и страшно дѣлается, какъ подумаешь обо всемъ этомъ! Нѣтъ, мы живемъ не такъ, далеко не такъ, какъ бы слѣдовало!...

«Но мы считаемъ лишнимъ досказывать то, что говорила Александра Константиновна. Мысль, которая одушевляла ее, и безъ того понятна,—мысль, по нашему мнѣнію, въ милліоны разъ дороже самаго пылкаго, блестящаго краснорѣчія.

«Во все время, какъ говорила Бѣлицына, Сергѣй Васильичъ не поднялъ головы. Когда она кончила, онъ продолжалъ сидѣть въ томъ же положеніи. Видно было, однакожъ, что слова Александры Константиновны произвели на него сильное впечатлѣніе. Доброе лицо его выражало столько грусти, что, взглянувъ на него, Бѣлицына быстро подошла къ мужу и взяла его за обѣ руки.

«Она подумала, не зашла ли ужь слишкомъ далеко въ своемъ увлеченіи, не оскорбила ли какъ нибудь нечаянно мужа, который, въ сущности, былъ главнымъ виновникомъ проекта о переселеніи и подалъ поводъ къ ея упрекамъ.

«— О чемъ ты думаешь? спросила она съ ласковой улыбкой.

«— О чемъ я думаю? вымолвилъ Сергѣй Васильичъ, подымая голову, при чемъ жена увидѣла слезы на глазахъ его:—я думаю, что ты во сто-тысячъ разъ умнѣе и честнѣе меня—вотъ что я думаю... Начинай же то дѣло, о которомъ ты говорила! подхватилъ онъ съ воодушевленіемъ:—начинай это дѣло, съ Богомъ, и я твой вѣрный, неизмѣнный помощникъ!...»

~

Александра Константиновна, женщина умная и, дѣйствительно, хорошая, видитъ необходимость взять управленіе въ свои руки, мало по малу приводитъ въ порядокъ разстроенное хозяйство и успѣваетъ облегчить участь поселянъ.

Нѣкоторые читатели замѣтятъ, что эта идея можетъ подать поводъ къ спорамъ -тѣмъ лучше: лишь были бы у насъ хотя споры о чемъ нибудь дѣльномъ, и это было бы уже важнымъ шагомъ впередъ. Но людей, которые желаютъ спорить съ Александрою Константиновною, мы, прежде всякихъ споровъ, просимъ обратить вниманіе на слова, которыми начинается ея монологъ: «*если* ужь *существуетъ* наше положеніе», говоритъ она—она говоритъ не о своихъ идеалахъ, а только о своихъ обязанностяхъ при настоящемъ положеніи: но какъ она думаетъ объ этомъ положеніи, она того не говоритъ, и, по всей вѣроятности, у нея есть объ этомъ свои мысли, и, быть можетъ, мысли, не оставляющія мѣста никакимъ спорамъ.

Тѣ, которые съ интересомъ слѣдятъ за развитіемъ мнѣній такъ называемыхъ славянофиловъ, нетерпѣливо ожидали выхода второй книги «Русской Бесѣды», надѣясь найти въ ней трактатъ И. В. Кирѣевскаго «О необходимости и возможности новыхъ началъ для философіи». Трактатъ этотъ долженъ былъ пояснить, какъ именно нынѣ понимается, если не всѣми славянофилами, то многими и, кажется, послѣдовательнѣйшими изъ нихъ, теоретическій вопросъ объ общихъ началахъ знанія,—вопросъ, которому славянофилы придаютъ чрезвычайную важность.

Вышла вторая книга «Русской Бесѣды», и помѣщенъ въ ней трактатъ И. В. Кирѣевскаго... но мы не можемъ говорить о немъ, какъ намѣревались: находя многое въ немъ вѣрнымъ и прекраснымъ (особенно идею, что однихъ отвлеченныхъ понятій недостаточно для живаго рѣшенія вопросовъ жизни, потому что умъ человѣка не есть еще весь человѣкъ, а жить нужно всему человѣку, и не однимъ разсудкомъ, а также любовью), находя, что вся статья, напечатанная теперь [1]), проникнута духомъ благороднымъ и чистымъ отъ фанатизма или нетерпимости,—находя наконецъ въ изложеніи статьи силу мысли, не совсѣмъ обыкновенную и возбуждающую къ себѣ невольное уваженіе, какъ возбуждаетъ уваженіе всякій сильный умъ,—потому, имѣя сказать многое въ похвалу статьи, мы, однако же, находимъ въ ней ошибки, которыя намъ кажутся важными, и, какъ слѣдствіе ошибокъ, нѣкоторыя мнѣнія, какъ намъ кажется, несоотвѣтствующія или нынѣшнему состоянію науки, или потребностямъ жизни. Конечно, мы не могли бы оставить эти мнѣнія безъ замѣчаній. Но надъ свѣжею могилою, недавно поглотившею Кирѣевскаго, неумѣстны и неприличны были бы не только споры, даже все, что могло бы походить на споръ. Да и къ чему теперь возражать, опровергать? Къ сожалѣнію, нѣтъ уже надобности защищать противъ Кирѣевскаго тѣ изъ нашихъ убѣжденій, справедливость которыхъ не признавалъ онъ—къ сожалѣнію, говоримъ мы, потому что не въ развитіи тѣхъ или другихъ мнѣній, могущихъ возбуждать несогласія, состояло главнѣйшее значеніе Кирѣевскаго, а въ развитіи стремленій благородныхъ и полезныхъ для нашего общества, столь мало еще проникнутаго потребностью мыслить, жаждою истины. Жажда истины, дѣятельность мысли—зародышъ и залогъ всего благаго; а въ Кирѣевскомъ была эта жажда истины, онъ пробуждалъ въ другихъ дѣятельность мысли. Потому, во всякомъ случаѣ, онъ былъ полезенъ и нуженъ у насъ.

«Русская Бесѣда» посвящаетъ нѣсколько страницъ воспоминанію о Кирѣевскомъ. Страницы эти проникнуты искренностью глубокаго чувства и написаны прекрасно. Мы беремъ изъ нихъ тѣ мысли, въ которыхъ совершенно согласны съ мнѣніями или чувствами, высказываемыми отъ имени «Русской Бесѣды» о ея покойномъ сотрудникѣ.

«Сердце, исполненное нѣжности и любви; умъ, обогащенный всѣмъ просвѣщеніемъ современной намъ эпохи; прозрачная чистота кроткой и беззлобной души; какая-то особенная мягкость чувства, дававшая особенную прелесть разговору; горячее стрем-

[1]) Кирѣевскій успѣлъ обработать только половину трактата, которымъ занимался въ послѣднее время жизни, только первую, критическую часть своего изслѣдованія; вторая часть, которая должна была содержать догматическое построеніе началъ его собственной системы, осталась не написанною.

леніе къ истинѣ; необычайная тонкость діалектики въ спорѣ, сопряженная съ самою добросовѣстною уступчивостью, когда противникъ былъ правъ, и съ какою-то нѣжною пощадою, когда слабость противника была явною; тихая веселость, всегда готовая на безобидную шутку, врожденное отвращеніе отъ всего грубаго и оскорбительнаго въ жизни, выраженіи мысли или отношеніяхъ къ другимъ людямъ; вѣрность и преданность въ дружбѣ, готовность всегда прощать врагамъ и мириться съ ними искренно, глубокая ненависть къ пороку и крайнее снисхожденіе въ судѣ о порочныхъ людяхъ; наконецъ безукоризненное благородство, не только не допускавшее ни пятна, ни подозрѣнія на себя, но искренно страдавшее отъ всякаго неблагородства, замѣченнаго въ другихъ людяхъ: таковы были рѣдкія и неоцѣненныя качества, по которымъ Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій былъ любезенъ всѣмъ, сколько нибудь знавшимъ его, и безконечно дорогъ своимъ друзьямъ. Смерть его останется неисцѣлимою раною для многихъ.

«Но потеря Ивана Васильевича Кирѣевскаго важна не для однихъ личныхъ его знакомыхъ и не для тѣснаго круга его друзей: нѣтъ! она важна и незамѣнима для всѣхъ его соотечественниковъ, истинно любящихъ просвѣщеніе и самобытную жизнь русскаго ума. Немного оставилъ онъ памятниковъ своей умственной дѣятельности— нѣсколько листовъ составляютъ весь итогъ его печатныхъ трудовъ; но въ этихъ немногихъ листахъ заключается богатство самостоятельной мысли. Нашему убѣжденію будетъ, конечно, сочувствовать всякій, кто съ разумомъ прочелъ или теперешнюю статью Ивана Васильевича Кирѣевскаго, или тѣ, которыя напечатаны въ «Москвитянинѣ» и въ «Московскомъ Сборникѣ».

«Слишкомъ рано писать его біографію; скажемъ только, что жизнь его украшена была съ первой молодости пріязнію Пушкина, горячею дружбою Жуковскаго, Баратынскаго, Языкова и (слишкомъ рано увядшей надежды нашей словесности) Д. В. Веневитинова. О движеніи и развитіи его умственной жизни и о литературной дѣятельности говорить также еще нельзя.... Но придетъ время, когда наука оцѣнитъ его достоинство и опредѣлитъ его мѣсто въ движеніи русскаго просвѣщенія. Выводы, имъ добытые, сдѣлавшись общимъ достояніемъ, будутъ всѣмъ извѣстны; но его немногія статьи останутся всегда предметомъ изученія по послѣдовательности мысли, постоянно требовавшей отъ себя строгаго отчета, по характеру теплой любви къ истинѣ и людямъ, которая вездѣ въ нихъ просвѣчиваетъ, по вѣрному чувству изящнаго, по благоговѣйной признательности его къ своимъ наставникамъ, предшественникамъ въ путяхъ науки, даже тогда, когда онъ принужденъ ихъ осуждать, и особенно по какому-то глубокому сочувствію не высказаннымъ требованіямъ всего человѣчества, алчущимъ животворящей правды.

«Память твоя да будетъ съ праведною похвалою, нашъ усопшій братъ»!

Скажемъ и мы отъ себя:

Да будетъ память твоя съ праведною похвалою, честный и полезный дѣятель русской мысли, человѣкъ замѣчательный по высокимъ качествамъ ума и благороднымъ достоинствамъ сердца!

БИБЛІОГРАФІЯ.

Записки Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. *Книжка 1. Спб. 1856.*

Основаніе Сибирскому Отдѣлу Русскаго Географическаго Общества положено было въ 1851 году. Вслѣдъ за учрежденіемъ особаго отдѣленія Общества, подъ именемъ Кавказскаго, въ Тифлисѣ, предположено было открыть подобный отдѣлъ въ Иркутскѣ, изъ членовъ, имѣющихъ постоянное пребываніе въ Восточной Сибири, и другихъ, постороннихъ лицъ, которыя бы изъявили желаніе участвовать своими трудами въ общемъ дѣлѣ. Этотъ проэктъ удостоился 6 іюня 1851 года Высочайшаго утвержденія, при чемъ разрѣшено было выдавать ежегодно, въ пособіе Сибирскому Отдѣлу, 2,000 руб. сер. изъ Государственнаго Казначейства. Занятія членовъ и отдѣльныя экспедиціи, которыя снаряжались Отдѣломъ для изученія мѣстностей, особенно интересныхъ въ географическомъ отношеніи, доставили значительное количество любопытныхъ географическихъ описаній и мелкихъ замѣтокъ, которыя отчасти уже нашли мѣсто въ изданіяхъ Общества. Наконецъ, постоянно увеличивавшееся число подобныхъ матеріаловъ и другія обстоятельства еще въ 1854 г. подали мысль покойному секретарю Географическаго Общества В. А. Милютину предложить Сибирскому Отдѣлу изданіе особеннаго сборника, въ родѣ «Записокъ», издаваемыхъ отдѣленіемъ Общества на Кавказѣ. Такое изданіе, исключительно посвященное сочиненіямъ о Сибири, было бы постояннымъ органомъ дѣятельности этого спеціальнаго Отдѣла, и мысль о немъ приведена была въ исполненіе. Въ вышедшей теперь книгѣ мы имѣемъ начало изданія.

Въ «Запискахъ» приняты три главныя подраздѣленія: 1) изслѣдованія и матеріалы; 2) лѣтопись Отдѣла, т. е. свѣдѣнія о его занятіяхъ со времени основанія; 3) смѣсь, составляемая изъ мелкихъ замѣтокъ и извѣстій. Кромѣ того, въ приложеніяхъ будутъ помѣщаемы подробныя вѣдомости о добычѣ золота на частныхъ пріискахъ, метеорологическія наблюденія и т. п.

Такова исторія и планъ изданія. Успѣхъ другихъ предпріятій и достоинства прежнихъ изданій Географическаго Общества могутъ быть порукою, что и въ настоящемъ случаѣ должно ожидать если не всегда блестящихъ, то удовле-

творительныхъ результатовъ. Распространеніе свѣдѣній о такомъ краѣ, какова Сибирь, еще мало описанная и изслѣдованная, страна съ огромной будущностью впереди, есть дѣло, имѣющее всѣ права на вниманіе и сочувствіе образованной публики: надѣемся поэтому, что начатое изданіе найдетъ себѣ много читателей, живо интересующихся предметомъ.

Въ первомъ отдѣленіи вышедшей книги помѣщены слѣдующія статьи: 1) «Описаніе рѣки Иркута отъ Тунки до впаденія въ Ангару», члена-сотрудника *Н. Бакшевича*; 2) «Описаніе Жиганскаго улуса», члена-сотрудника протоіерея *Хитрова*; 3) «Описаніе дороги отъ Якутска до Среднеколымска», дѣйствительнаго члена *И. Сельскаго*, и 4) «Краткій геогностическій очеркъ прибрежій рѣки Амура», члена-сотрудника *И. Аносова*. Г. Бакшевичъ подробно описываетъ направленіе горныхъ хребтовъ, имѣвшихъ вліяніе на образованіе русла рѣки Иркута, и преимущественно занимается объясненіемъ мѣстности въ геогностическомъ отношеніи; потому статья носитъ нѣсколько спеціальный характеръ. Къ сочиненію его приложена карта теченія Иркута съ показаніемъ горныхъ породъ, сопровождающихъ его берега. Замѣтимъ, впрочемъ, любопытное описаніе быта жителей села Тункинскаго, лежащаго не вдалекѣ отъ главныхъ верховьевъ рѣки. Жиганскій улусъ, описываемый г. Хитровымъ, составляетъ часть Верхоянскаго округа и расположенъ по берегамъ Ледовитаго моря, по обѣ стороны рѣки Лены; онъ принадлежитъ къ числу краевъ Сибири, наименѣе извѣстныхъ по описаніямъ путешественниковъ и ученыхъ. На огромномъ пространствѣ этого улуса, населеніе очень рѣдко и простирается только до 2,700 человѣкъ якутовъ и тунгусовъ; русскихъ около 200. Описаніе г. Хитрова, вѣроятно, исполненное по программѣ, отрывочно, но довольно полно указываетъ физическія особенности страны. Жаль только, что авторъ поскупился на энтографическія замѣтки, которыя были бы, безъ сомнѣнія, очень интересны. Якуты и тунгусы здѣшняго края, почти совершенно лишеннаго такъ называемыхъ даровъ природы, находятся на низшей степени человѣческаго развитія; въ образѣ жизни ихъ много патріархальнаго, но эта патріархальность не всегда можетъ возбуждать сочувствіе къ себѣ. Этотъ образъ жизни и сосѣдство туземцевъ имѣютъ вліяніе и на русскихъ, до такой степени, что, по словамъ г. Хитрова, «по физіономіи, образу жизни языку и нравамъ, здѣшнихъ русскихъ и тунгусовъ слѣдуетъ причислить къ якутамъ (т. е. основному населенію края): такъ во всемъ слились они съ этими послѣдними», — явленіе, чрезвычайно занимательное. Заимствуемъ нѣсколько эпизодовъ изъ статьи г. Хитрова о характерѣ быта туземцевъ Жиганскаго улуса.

«Изъ всѣхъ странъ Якутской области—говоритъ авторъ—этотъ край наиболѣе отличается простотою нравовъ, чистотою, добросовѣстностью и патріархальною жизнію. Въ лѣтнюю пору всѣ вышесказанныя племена (т. е. русскіе, якуты, и тунгусы) по нѣскольку семействъ вмѣстѣ кочуютъ съ своими стадами оленей по болотистымъ и обнажоннымъ тундрамъ близъ береговъ Ледовитаго моря и питаются отъ промысла дикихъ оленей. Два или три искусныхъ стрѣлка каждый день отправляются съ ружьями или луками къ оленьимъ табунамъ и убиваютъ по нѣскольку штукъ. Воротясь домой, они извѣщаютъ свой таборъ, что тамъ и тамъ подстрѣлены ими олени. Тотчасъ добычу при-

возятъ въ таборъ, и мясо этихъ оленей раздѣляется по числу наличныхъ членовъ, а кожа, по общему приговору, дается кому нибудь одному. По тузомному, этотъ даръ называется *нимать*. Въ правѣ на нимать соблюдается очередь, въ которую не включается только самъ промышленникъ. Такимъ образомъ, убьетъ ли онъ втеченіе лѣта сто штукъ, или одну, польза для него одинакова, т. е. *онъ не получаетъ себѣ ничего* и не имѣетъ никакого права нигдѣ претендовать на то. Такой обычай основанъ у туземцевъ на тѣхъ понятіяхъ о промыслѣ Божіемъ, что стрѣлокъ убиваетъ добычу не собственнымъ искусствомъ, а по соизволенію Божію, и *не для себя, а для всѣхъ вообще*, и если бы промышленникъ началъ споръ о томъ, то долженъ навсегда лишиться своего таланта въ охотѣ. Звѣри будутъ убѣгать его, глазъ измѣнять ему, и самое оружіе лишится своей силы. Другой, не менѣе оригинальный обычай существуетъ между туземцами—помогать единоплеменникамъ. Случается, что волки нападаютъ на стадо оленей, истребляютъ его наповалъ, и бѣднякъ якутъ или тунгусъ, среди безпредѣльныхъ и безжизненныхъ тундръ, подвергается опасности умереть отъ голода и холода. При первой возможности онъ *обращается къ своимъ родовичамъ* съ просьбою о помощи. Они ему тотчасъ же даютъ до тридцати оленей, и бѣднякъ живетъ опять своимъ домомъ и въ своей семьѣ, благодаря Бога. Я знаю одного якута, которому такія пособія оказаны были три года».

Читая эти строки, невольно вспоминаешь споры нѣкоторыхъ изъ нашихъ ученыхъ съ защитниками древняго русскаго родоваго, или общиннаго быта, видящими въ этихъ несозрѣвшихъ формахъ гражданственности явленія безпримѣрныя, которыя могли быть созданы только славянскою мыслью. На это мнѣніе не безъ основанія возражали тѣ, которые думали, что подобныя формы быта составляютъ довольно обыкновенную ступень въ развитіи общественнаго устройства, что онѣ возможны у другихъ народовъ столько же, сколько у нашихъ предковъ, и что нѣкоторыя отличія ихъ удовлетворительно объясняются разными внѣшними условіями. Въ наше время еще сохраняются эти формы у иныхъ дикихъ народовъ въ различной степени развитія; и ихъ изученіе могло бы дать вѣрную точку зрѣнія на предметъ, который иначе предоставляется въ жертву безконечной логомахіи. Изъ приведеннаго выше отрывка нельзя не видѣть, что слѣды общиннаго быта до сихъ поръ находятся въ образѣ жизни якутовъ, и, притомъ, съ такими строгими чертами, которымъ можно столько же удивляться, какъ и нѣкоторымъ другимъ проявленіямъ общиннаго начала. Что это не зависитъ даже отъ особеннаго духовнаго развитія, которое бы возвышало этихъ дикарей до такого понятія объ общинѣ, въ этомъ убѣждаемся, читая далѣе безъискусственный разсказъ г. Хитрова.

«Характеръ всѣ вообще имѣютъ вѣжливый и гостю стараются угодить сверхъ угощенія подарками. Мужчины занимаются только звѣроловствомъ и рыбною ловлею, а женщины и дѣвицы исправляютъ *болѣе тяжкія* работы, какъ-то: въ зимнюю пору строятъ юрты, хвоятъ ихъ мхомъ, замазываютъ глиною и обмораживаютъ снѣгомъ, рубятъ и колятъ дрова, носятъ воду и ходятъ за оленями... Особенныхъ церемоній при родинахъ и поминкахъ не бываетъ. Для перваго случая убиваютъ оленя и угощаютъ сосѣдей. Къ колыбели малютки (мужескаго пола) привѣшиваютъ ножъ, огниво, лукъ, кре-

мень и трутъ: этими вещами выражаютъ эмблему ратнаго человѣка. Свекоръ во время родовъ не можетъ быть въ одной юртѣ съ своею невѣсткою-родильницею; но онъ или она должны выйти въ другую юрту, и очень нерѣдко случается, что родильницу во время самыхъ мукъ выводятъ въ холодную ровдужную урасу (шалашъ изъ жердокъ, покрытыхъ древесной корой), гдѣ она, разрѣшившись уже отъ бремени, лежитъ до 5—6 дней... Есть и еще при этомъ обычаи, оскорбительные для чувства и благопристойности пола. На поминкахъ также убиваютъ оленя и мясомъ этого животнаго угощаютъ всѣхъ присутствующихъ въ печальной процессіи. На годовщинахъ не бываетъ этой роскоши: тогда родственники теплятъ только передъ иконами свѣчи и молятъ Бога объ успокоеніи души усопшаго. Въ домѣ, гдѣ умретъ человѣкъ, болѣе уже не живутъ, опасаясь дьявольскаго навожденія».

Оставляемъ другія не менѣе характеристическія черты быта якутовъ Жиганскаго улуса. Въ этихъ туземцахъ страннымъ образомъ соединяются чрезвычайная грубость и неразвитость съ большою чистотою нравовъ и добродушіемъ. «Правда—говоритъ авторъ—по неимѣнію на ихъ языкѣ грамоты, они не знаютъ молитвъ и слабое имѣютъ понятіе о догматахъ православной вѣры: но зато въ нихъ преобладаетъ вѣра». Статья г. Хитрова написана, сколько можно судить, съ хорошимъ знаніемъ предмета: автору близко знакомы и физическія особенности страны и образъ жизни туземнаго населенія. Желательно, чтобъ въ статьяхъ подобнаго рода обращалось болѣе вниманія на этнографическую сторону описываемаго края: она необходима для ученаго географа, а для читателя-неспеціалиста едва ли не болѣе всего интересна.

Въ другомъ родѣ занимательна статья г. Сельскаго, которая составлена имъ по очерку пути изъ Якутска въ Нижнеколымскъ, сообщенному г. Виноградовымъ. Это—замѣтки путешественника, который говоритъ только о томъ, что видѣлъ на пути: о дорогѣ, горахъ, рѣкахъ, переправахъ, станціяхъ и отдыхахъ; но, несмотря на такое, повидимому, сухое и монотонное содержаніе, замѣтки читаются очень легко и съ большимъ интересомъ. Авторъ очень обстоятельно рисуетъ всѣ трудности, встрѣчаемыя здѣсь смѣлымъ путешественникомъ, который принужденъ ѣхать и по лѣсамъ, гдѣ долженъ лавировать въ чащѣ кривыхъ деревьевъ, и по крутизнамъ высокихъ горъ, и по льду рѣкъ, который проламывается подъ ногами лошадей, и по болотамъ и зыбунамъ, и, притомъ, ѣхать 2,500 верстъ верхомъ, потому что о саняхъ или телѣгѣ здѣсь невозможно и думать, и, въ заключеніе, вмѣсто покойнаго отдыха, ночевать на открытомъ воздухѣ, при сорока градусахъ мороза: такъ называемыя «поварни», играющія здѣсь роль станціонныхъ домовъ, едва ли удобнѣе ночлега подъ открытымъ небомъ, потому что путникъ страдаетъ въ нихъ вдвойнѣ, отъ холода и отъ дыма. Бѣдная и негостепріимная природа этого края дѣлаетъ самое путешествіе подвигомъ со стороны человѣка: оттого разсказъ пріобрѣтаетъ почти романическую занимательность. Въ заключеніи своего описанія авторъ говоритъ:

«Среднеколымскъ отъ Якутска лежитъ прямо на сѣверо-востокъ. По почтовому дорожнику считаютъ отъ одного до другаго мѣста 2,100 верстъ. Это исчисленіе невѣрно: тотъ, кто имѣлъ несчастіе проѣзжать эти пустыни, снисходительнѣйшимъ образомъ полагаетъ разстояніе до 2,500 верстъ, прибавляя

въ лѣтнее время еще до 200 верстъ. Но что это за дорога! собраніе наитруднѣйшихъ подвиговъ, безпрестанныхъ опасностей, неудобствъ всякаго рода. Глубокіе снѣга, пурги и едва выносимый холодъ—зимою; грязи, топи, бадараны (густо-грязное мѣста), зыбуны (мѣста около озеръ, покрытыя мхомъ и мелкимъ кустарникомъ, подъ которыми скрывается вода, иногда на значительную глубину) и комары — лѣтомъ, утомятъ и геніальное терпѣніе. Безлюдье, мертвый видъ природы, опрокинутыя скалы, розсыпи горъ, корявый лѣсъ, опаленный пожарами или вырванный вѣтромъ, безчисленное множество горныхъ рѣкъ и рѣчекъ, тьма озеръ и болотъ, недостатокъ въ самыхъ необходимѣйшихъ для жизни вещахъ, пища чисто-отшельническая, неимѣніе крова для защиты отъ холода и дождей, жестокая стужа и жгучее солнце смѣняютъ только мученія одного рода другими. Бурныя рѣки грозятъ смертію, бадараны и зыбуны—опасностями. Дымная, холодная поварня или вонючая юрта якута служатъ пристанищемъ, а во многихъ мѣстахъ кровъ небесный замѣняетъ кровы земные, и неисправность почто-содержателей вѣнчаетъ эту длинную роспись страданій... Въ десять и двадцать дней ѣзды на душу непривычнаго находятъ мысли такія тяжелыя, черныя, что невольно содрогнешься отъ нихъ въ минуты спокойныя».

Коротенькій «Очеркъ прибрежій Амура» состоитъ изъ перечета геогностическихъ наблюденій, произведенныхъ авторомъ на всемъ пространствѣ этой рѣки отъ истоковъ до устья; онъ опредѣляетъ и теченіе Амура, его ширину, искривленья и т. д. Наблюденія г. Аносова приводятъ къ самымъ благопріятнымъ выводамъ о томъ, какое значеніе можетъ пріобрѣсти впослѣдствіи край при-Амурскій. Образцы горныхъ породъ здѣшней мѣстности, по словамъ автора, представляютъ большую аналогію съ забайкальскою почвою и могутъ заключать въ себѣ тѣ же разнообразныя богатства ископаемаго царства, какими природа такъ щедро надѣлила Нерчинскій край; но такъ какъ Амурская страна обладаетъ лучшимъ климатомъ и лучшими средствами сообщеній, то, безъ сомнѣнія, она привлечетъ множество горныхъ промышленниковъ и заводчиковъ. «Берега Амура—оканчиваетъ авторъ — могутъ принять милліоны обитателей, щедро награждая пришельцевъ богатствами изъ своихъ нѣдръ; а горные кряжи при заселеніи края дадутъ пищу дѣятельному уму и благодарный трудъ для горнаго поколѣнія». Всѣ эти выводы вполнѣ согласны съ тѣми ожиданіями, которыя болѣе и болѣе распространяются въ послѣднее время, и нѣтъ причинъ сомнѣваться, что надежды будутъ оправданы результатами.

Въ смѣси помѣщены слѣдующія небольшія статейки: «Воспоминаніе о Шелеховѣ», знаменитомъ основателѣ первыхъ русскихъ поселеній въ Сѣверной Америкѣ и учредителѣ Россійско-Американской Компаніи: кромѣ нѣсколькихъ біографическихъ свѣдѣній о немъ, здѣсь помѣщено описаніе памятника, воздвигнутаго въ 1800 г. на могилѣ его въ Иркутскѣ, съ надписями, сочиненными Державинымъ и Дмитріевымъ; «Отвѣтъ на вопросъ Гумбольдта о появленіи тигра въ сѣверной Азіи», г. Сельскаго, который считаетъ появленіе тигра въ этомъ краю чистой случайностью, а не обыкновеннымъ фактомъ, и приводитъ немногіе примѣры въ поясненіе своихъ мнѣній; «О древнихъ развалинахъ, найденныхъ около крѣпости Тунки въ 1809», г. Мордвинова; «Взглядъ на распространеніе православной вѣры въ якутской области»:

«Описаніе сходящихся вершинами рѣкъ, впадающихъ въ Охотское море и рѣку Колыму», г. Н. Чихачева, и наконецъ извлеченіе изъ отчета о дѣйствіяхъ частныхъ золотыхъ промысловъ Енисейскаго округа за 1854 годъ, съ подробными вѣдомостями пріисковъ, гдѣ указаны время открытія розсыпей и начала разработки, ихъ пространство въ квадратныхъ саженяхъ, количество промытаго песку, добыча золота и т. д.

Изложенное нами содержаніе первой книжки «Записокъ» можетъ дать читателю понятіе о достоинствѣ этого новаго изданія Географическаго Общества: кромѣ чисто-географическихъ матеріаловъ, имѣющихъ научный интересъ, оно представляетъ не мало и общезамѣчательнаго чтенія. Сообщая характеристики мало извѣстныхъ краевъ Сибири и описанія мѣстностей, привлекающихъ теперь всеобщее вниманіе, оно можетъ восполнить замѣтный недостатокъ въ нашей географической литературѣ, и если послѣдующіе выпуски «Записокъ» будутъ составлены такъ же, какъ вышедшая теперь книга, то можно впередъ обѣщать имъ удовлетворительный успѣхъ въ публикѣ.

Римскія женщины. *Историческіе разсказы по Тациту.* П. Кудрявцева. *Съ рисункомъ. Москва. 1856.*

Въ этой книгѣ собраны статьи г. Кудрявцева, помѣщенныя подъ тѣмъ же заглавіемъ въ «Пропилеяхъ». Мы не имѣемъ нужды повторять теперь единогласнаго мнѣнія о мастерскихъ разсказахъ г. Кудрявцева, которые живо передаютъ читателю трагическія судьбы послѣдняго поколѣнія Цезарей и въ то же время прекрасно знакомятъ съ знаменитымъ историкомъ начала Римской имперіи. Книга г. Кудрявцева посвящена памяти Грановскаго. Это снова дало автору поводъ сказать нѣсколько теплыхъ словъ о покойномъ профессорѣ, имя котораго одинаково дорого и для его бывшихъ слушателей и для товарищей, особенно тѣхъ, кто болѣе другихъ былъ близокъ къ нему.

Собраніе стихотвореній В. Бенедиктова. *Три тома. Спб. 1856.*

Литературная карьера была несчастна для г. Бенедиктова. Главною бѣдою его, изъ которой произошли всѣ послѣдующія непріятности, надобно считать то, что первая книжка стихотвореній, изданная имъ въ 1835 г., доставила автору многочисленныхъ почитателей и почитательницъ. Какимъ образомъ могла она произвесть такое впечатлѣніе, мы никогда не понимали и до сихъ поръ не понимаемъ, потому что даже тѣ качества, которыми восхищались поклонники г. Бенедиктова, вовсе не имѣютъ чрезвычайнаго блеска, которымъ извинялось бы обольщеніе: великолѣпія въ стихѣ нѣтъ, сладострастіе въ картинахъ женской красоты и чувственной любви очень холодно и вяло. Одного только нельзя отрицать: языкъ, дѣйствительно, испещренъ и кудреватъ до неимовѣрности, а метафоры неправдоподобно смѣлы и безчисленны. Только на этомъ и могъ основываться успѣхъ. Но, какъ бы то ни было, успѣхъ этотъ былъ пагубенъ г. Бенедиктову, обративъ на него вниманіе читателей съ развитымъ вкусомъ и критики. Счастливы г. Тимоѳеевъ, г. Бернетъ, фонъ-Лизандеръ, Якубовичъ и другіе: они прошли незамѣченными, за то и мало терпѣли отъ

насмѣшекъ,—а г. Бенедиктову, по какому то губительному счастію, суждено было надѣлать шуму,—и шумъ этотъ вызвалъ голосъ критики и образованной части публики... Завидна участь скромныхъ лилій, поблекнувшихъ въ безвѣстности, т. е. Якубовича, Стромилова, Гогніева и другихъ.

Подвергся г. Бенедиктовъ и другому несчастію въ самомъ началѣ своего поэтическаго поприща. Одному ученому цѣнителю изящнаго, знаменитому своими многочисленными промахами, почему то вздумалось краснорѣчиво объявить, что г. Бенедиктовъ есть по преимуществу поэтъ мысли. Это былъ самый странный изъ всѣхъ возможныхъ промаховъ. Статья была такъ поразительна своею несообразностью съ разсудкомъ, что до сихъ поръ никто изъ читавшихъ ее не можетъ забыть о ней, хотя прошло съ того времени уже двадцать одинъ годъ.

Эти два пагубныя обстоятельства, въ которыхъ г. Бенедиктовъ былъ нимало не виноватъ, нанесли ему безчисленный и безконечный вредъ. Являлся ли нумеръ журнала, являлся ли какой нибудь сборникъ съ стихотвореніями разныхъ служителей Феба и, между прочимъ, стихотвореніями г. Бенедиктова, — о стихахъ Коптева, Кропоткина, Крешева и т. д. или великодушно умалчивалось, или слегка упоминалось, что они плохи, — Коптевъ, Кропоткинъ, Крешевъ писатели темные: съ нихъ взыскивать нечего; но о стихахъ г. Бенедиктова нельзя было не говорить: вѣдь онъ писатель, имѣющій толпу поклонниковъ и поклонницъ, раскупившихъ трп изданія первой части его стихотвореній... И начинала критика разбирать новое стихотвореніе г. Бенедиктова... И каковы были эти разборы! Вотъ, напримѣръ, отрывокъ изъ статьи «Отечественныхъ Записокъ», написанной о третьемъ томѣ «Ста Русскихъ Литераторовъ»:

«Г. Бенедиктовъ снабдилъ свой портретъ пятью стихотвореніями. Посмотримъ на нихъ и начнемъ съ перваго.

«Лебедь плаваетъ на водѣ «въ державной красотѣ», и у него завязывается съ поэтомъ преинтересный разговоръ; г. Бенедиктовъ спрашиваетъ его:

Что такъ гордо, лебедь бѣлый,
Ты гуляешь по струямъ?
Иль свершилъ ты подвигъ смѣлый?
Иль принесъ ты пользу намъ?

«Лебедь отвѣчаетъ г. Бенедиктову, что онъ «праздно нѣжится въ водномъ хрусталѣ», но что онъ не даромъ «упитанъ гордымъ духомъ на землѣ», а именно вотъ почему:

Жизнь мою переплывая, (?)
Я въ водахъ омытъ отъ зла, (?)
И не давитъ грязь земная
Мнѣ свободнаго крыла.
Отряхнусь—и сухъ я стану;
Встрепенусь—и серебристъ; (?)
Запылюсь—я въ волны пряну;
Окунусь и снова чистъ.

«Читатель, можетъ быть, спроситъ, что значитъ «переплывать свою жизнь», и, пожалуй, не найдетъ смысла въ этой фразѣ; можетъ быть, также не пойметъ, какъ

можно омываться водою отъ зла кому нибудь, а тѣмъ болѣе лебедю, который, какъ животное, злу не причастенъ, а развѣ грязи, которую вода, дѣйствительно, имѣетъ способность смывать; еще, можетъ быть, читателю покажутся смѣшными послѣдніе четыре стиха, какъ реторическая стукотня пошлаго тона, а второй стихъ не понятенъ. Но мы совѣтуемъ вамъ не быть слишкомъ строгими и придирчивыми и не забывать, что вѣдь все это говоритъ птица, животное, которому простительнѣе, нежели людямъ, говорить вздоръ.

«Далѣе, лебедь, видя, что г. Бенедиктовъ благосклонно слушаетъ его болтовню и не останавливаетъ его, утверждаетъ рѣшительную нелѣпость, будто человѣкъ никогда не слыхивалъ лебединаго крика (который поэты величаютъ пѣніемъ) на томъ основаніи, что

Лебединыхъ сладкихъ пѣсенъ
Недостоинъ человѣкъ.

«Вслѣдствіе сего обстоятельства, онъ, реченный лебедь, и поетъ только для неба, да и то лишь въ предсмертный часъ свой Но пѣніе не мѣшаетъ лебедю заблаговременно распорядиться своею духовною. Во первыхъ, онъ даетъ поэту «чудотворное» перо изъ своихъ «крылій»,

И надъ міромъ, какъ изъ тучи,
Брызнутъ молніи созвучій
Съ вдохновеннаго пера.

«Теперь ясно, отчего одни поэты поютъ сладко, а другіе такъ отвратительно: первые пишутъ лебединымъ перомъ, а вторые—гусинымъ. Конечно, если хотите, хорошій поэтъ и гусинымъ перомъ будетъ писать недурно, но все не такъ, какъ лебединымъ, потому что, владѣя этимъ «чудотворнымъ» орудіемъ, онъ дѣлается «пѣвучимъ наслѣдникомъ» лебедя. Avis aux poëtes! Потомъ лебедь завѣщаетъ для изголовья милой дѣвы мягкій пухъ съ мертвенно-остылой груди, въ которой витала летучій духъ!!.. И этому пуху дѣва, въ нѣмую ночь, ввѣрить, изъ-подъ внутренней грозы, роковую тайну пламенной слезы,

И, согрѣтъ ея дыханьемъ,
Этотъ пухъ начнетъ дышать
И упругимъ колыханьемъ
Бурнымъ перьямъ отвѣчать.

«Подумаешь, сколько хорошаго можетъ надѣлать одинъ лебедь! А все отчего? оттого, что онъ отряхнется—и станетъ сухъ, встрепенется—станетъ серебристъ, запылится — и поскорѣе въ волны, окунется — и какъ ни въ чемъ не бывалъ! Оттого онъ и пѣсни поетъ небу и перо даритъ поэту, а пухъ—красавицѣ! А затѣмъ... но пусть онъ вамъ самъ скажетъ, что будетъ съ нимъ затѣмъ: онъ такъ хорошо говоритъ, что хочется и еще послушать его:

Я исчезну,—и средь влаги,
Гдѣ скользилъ я, полнъ отваги,
Не увидитъ міръ слѣда;
А на мѣстѣ, гдѣ плескаться
Такъ любилъ я иногда,
Будетъ тихо отражаться
Неба мирная звѣзда.

«Но что же изъ всего этого? какой результатъ, какой смыслъ, какая мысль, какое, наконецъ, впечатлѣніе въ умѣ читателя? Ничего, ровно ничего, больше, чѣмъ

ничего—стихи, и только... Чего жь вамъ больше? Не все же гоняться за смысломъ—не мѣшаетъ иногда удовольствоваться и одними стихами.

«Однажды, въ поэтическую минуту, вниманіе г. Бенедиктова привлекла—

Отъ женской головы отъятая коса,
Достойная любви, восторговъ и стенаній,
Густая, черная, сплетенная въ три грани,
Изъ страшной тьмы могилъ исшедшая на свѣтъ,
Не измѣненная подъ тысячами лѣтъ,
Межь тѣмъ, какъ столько косъ, съ ихъ царственной красою,
Изсѣклось времени нещадною косою.

«Надо согласиться, что было надъ чѣмъ попризадуматься, особенно поэту. Не диво мнѣ—говоритъ г. Бенедиктовъ—что діадемы не гніютъ въ землѣ:

Въ нихъ рдѣло золото—прельстительный металлъ!
Онъ время соблазнитъ и вѣчность онъ подкупитъ—
И та ему удѣлъ нетлѣнія уступитъ.

«Эта удивительная фраза о соблазнѣ времени и подкупѣ вѣчности золотомъ, какъ будто бы время — женщина, а вѣчность — подъячій,— эта несравненная фраза даетъ надежду, что г. Бенедиктовъ скажетъ когда нибудь, что гранитъ и желѣзо запугиваютъ или застращиваютъ время и вѣчность, и эта будущая фраза, подобно нынѣшней, будетъ тѣмъ громче и блестящѣе, чѣмъ безсмысленнѣе. Итакъ, неудивительно, что золото не гніетъ въ землѣ: но какъ же коса то упѣлѣла?

Ужели же она
Всевластной прелестью надъ временемъ сильна?
И вѣчность жадная на этотъ даръ прекрасный
Глядѣла издали съ улыбкой сладострастной?

«Часъ отъ часу не легче! Вѣчность доступна обольщенію, подкупу! вѣчность сладострастна! Какая негодница!.. Но что жь дальше? Дальше общія мѣста по реторикѣ г. Кошанскаго: гдѣ глаза этой косы, которые сводили съ ума диктаторовъ, царей, консуловъ, мутили весь міръ, въ которыхъ были свѣтъ, жизнь, любовь, душа, въ которыхъ «пировало безсмертіе»(??!!!...) и т. п. Гдѣ жь они?

И тихо выказалъ осклабленный скелетъ
На желтомъ черепѣ два страшные провала.

«Откуда же взялся черепъ? Вѣдь дѣло о косѣ, «отъятой отъ женской головы»? Подите съ поэтами! спрашивайте у нихъ толку!..

«Въ третьемъ стихотвореніи г. Бенедиктовъ бранитъ толпу, и, надо сказать, довольно недурно, еслибъ только онъ поостерегся отъ персидскихъ метафоръ, въ родѣ слѣдующихъ: «полотно широкой думы пламенѣетъ подъ краской чувства», «громъ искрометной риомы» и т. п. вычурностей пошлаго тона. Въ четвертомъ стихотвореніи г. Бенедиктовъ разсказываетъ намъ, какъ невинно и духовно взиралъ онъ на грудь «дѣвы стройной»:

Любуясь красотой сей выси благодатной,
Прозрачной, трепетной, двухолмной, двураскатной,
. . . . . .
Онъ чувство новое въ груди своей питалъ;
Поклонникъ чистыхъ музъ—желаньемъ не сгоралъ
Удава кольцами вкругъ милой обвиваться,
Когтями ястреба въ пухъ лебедя впиваться.

«Какіе сильные, а главное, какіе изящные и благородные образы!...

«Нельзя не согласиться, что г. Бенедиктовъ—поэтъ столько же смѣлый, сколько и оригинальный. У него есть свои поклонники, и мелкіе рифмачи даже пишутъ къ нему посланія стихами, въ которыхъ не знаютъ, какъ и изъявить ему свое удивленіе. Нашелся даже критикъ, который поставилъ его выше всѣхъ поэтовъ русскихъ, не исключая и Пушкина. Само собою разумѣется, что предметъ поклоненія всегда бываетъ выше своихъ поклонниковъ; а такъ какъ почитателей таланта г. Бенедиктова таже и теперь тьма-тьмущая, то и нельзя не согласиться, что г. Бенедиктовъ есть въ своемъ родѣ замѣчательное явленіе въ русской литературѣ, какъ были въ ней замѣчательны, напримѣръ, Марлинскій и г. Языковъ. Конечно, подобная «замѣчательность» ненадежна и недолговременна, но все же она имѣетъ свое значеніе, потому что основана не на одномъ только дурномъ вкусѣ эпохи или значительной, по большинству, части публики, но также и на талантѣ своего рода. Но мы уже не разъ говорили, что есть таланты, которые служатъ искусству положительно, и есть другіе, которые ему служатъ отрицательно: произведенія первыхъ приводятся эстетиками, какъ примѣры истиннаго и правильнаго хода искусства; произведенія вторыхъ служатъ для примѣровъ ложнаго и фальшиваго направленія искусства. Это бываетъ не съ одними лицами, но и съ народами: для образцовъ изящнаго вкуса смѣло пользуйтесь греками, для образцовъ дурнаго вкуса смѣло обращайтесь къ китайцамъ и у послѣднихъ берите только лучшихъ художниковъ и лучшія произведенія. Муза г. Бенедиктова — женщина средней руки, если хотите, не дурная собою, даже хорошенькая, но съ пошлымъ выраженіемъ лица, бойкая, вертлявая и болтливая, но безъ граціи и достоинства, страшная щеголиха, но безъ вкуса; она любитъ бѣлила и румяна, хотя бы могла обходиться и безъ нихъ, любитъ пестроту и яркость въ нарядѣ и, за неимѣніемъ брильянтовъ, охотно бременитъ себя стразами; ей мало серегъ: подобно индѣйской баядерѣ, она готова носить золотыя кольца даже въ ноздряхъ. Все это относится только къ выраженію въ поэзіи г. Бенедиктова. Разложить стихотвореніе г. Бенедиктова на составные элементы, пересказать его содержаніе изъ него же взятыми и нисколько не измѣненными фразами, всегда значитъ обратить его въ пустоту и ничтожество». («Отечественныя Записки» 1845 г., № 9, Критика, стр. 13—15).

А вотъ другой отрывокъ изъ разбора Альманаха «Метеоръ»; онъ взятъ также изъ «Отечественныхъ Записокъ» за тотъ же годъ.

«Въ «Метеорѣ» доставило намъ истинное удовольствіе, до слезъ развеселило насъ стихотвореніе г. Бенедиктова: «Тостъ». Не можемъ отказать себѣ въ наслажденіи подѣлиться съ читателями нашимъ весельемъ.

Часто рдѣютъ, словно розы,
И въ развалъ ихъ вновь и вновь
Винограда брызнутъ слезы,
Нервный сокъ (?) его и кровь.
Эти чаши днесь воздымемъ.
И, склонивъ къ устамъ края,
Влагу свѣтлую пріимемъ
Въ честь и славу бытія,
Общей жизни въ честь и славу,
За ея всесвѣтный тронъ,
И всемірную державу
Поглатитъ струю кроваву
До осушки стклянныхъ донъ!

«Стихотвореніе это столько же огромно, сколько и прекрасно: всего нельзя выписать; ограничимся лучшимъ:

Жизнь сіяй! Твой свѣточъ—разумъ.
Да не меркнетъ подъ тобой
Свѣтъ сей, вставленный алмазомъ
Въ перстень вѣчности самой:

«Удивительно! Разумъ сперва является свѣточемъ жизни, потомъ уходитъ подъ жизнь и наконецъ дѣлается алмазомъ и попадаетъ въ перстень вѣчности! Какая глубокая мысль—ничего не поймешь въ ней! Господа современные русскіе стихотворцы, объясните намъ смыслъ этой глубокой мысли: тысячи пудовъ россійскихъ стихотвореній въ награду.

Вѣнчанъ лавромъ или миртомъ—
На подобіе сихъ чашъ,
Буди налитъ черепъ нашъ
Сокомъ думъ и мысли спиртомъ!

«Браво! брависсимо! На подобіе чашъ, налить черепа живыхъ (физически) людей сокомъ думъ и спиртомъ мысли: какая счастливая, оригинальная мысль! Жаль только, что она будетъ въ подрывъ откупамъ и погребамъ.

Пьемъ за милыхъ—вѣстницъ рая—
За красы ихъ, начиная
Съ полныхъ мрака и лучей
Зажигательныхъ очей,
Томныхъ, нѣжныхъ и упорныхъ,
Цвѣтомъ всяческихъ цвѣтныхъ,
Сѣрыхъ, карихъ, адски-черныхъ
И небесно-голубыхъ!
За здоровье устъ румяныхъ,
Блѣдныхъ, алыхъ и багряныхъ—
Этихъ движущихся струй,
Гдѣ дыханье пламенѣетъ,
Рѣчь дрожитъ, улыбка млѣетъ,
Пышетъ вѣчный поцѣлуй!
Въ честь кудрей благоуханныхъ;
Легкихъ, дымчатыхъ, туманныхъ,
Свѣтло-русыхъ, золотыхъ,
Темныхъ, черныхъ, разсыпныхъ,
Съ ихъ неистовымъ извивомъ,
Съ искрой, съ отблескомъ, съ отливомъ,
И закрученныхъ, какъ сталь,
Въ безконечную спираль!

«Далѣе поэтъ настаиваетъ въ своемъ намѣреніи восчествовать юныхъ дѣвъ и добрыхъ женъ.

Сихъ богинь огне-сердечныхъ,
Кѣмъ міръ цѣлый проведенъ
Чрезъ святыню персей млечныхъ,
Колыбели и пеленъ.

. . . . . .

Этихъ горлицъ, этихъ львицъ,
Расточительницъ блаженства
И страданія царицъ!

«Молніеносными чертами рисуетъ потомъ поэтъ географію и анатомію Россіи:

Чудный край! черезъ Алтай
Бросивъ локоть на Китай,
Темя вспрыснувъ Океаномъ,
Въ Балтъ ребромъ, плечемъ въ Атлантъ (!),
Въ полюсъ лбомъ, пятой къ Балканамъ
Мощный тянется (?!) гигантъ.

«Потомъ поэтъ, прійдя въ вящшій восторгъ, предлагаетъ выпить сока думъ и спирта мысли—

Въ славу солнечной системы,
Въ честь и солнца и планетъ,
И дружинъ огне-крылатыхъ.
Длинно хвостыхъ, бородатыхъ,
Быстрыхъ, бѣшеныхъ кометъ.

«Наконецъ ему показалось, что земля

Мчится въ пляскѣ круговой
Въ парѣ съ вѣрною луной, —

что «всѣ міры танцуютъ»...

«Жалѣемъ, что не могли выписать этого дивнаго диѳирамба вполнѣ: въ немъ еще осталось столько соку думъ и спирта мысли!... Правъ, тысячу разъ правъ г. Шевыревъ, доказавшій, что до г. Бенедиктова въ русской поэзіи не было мысли, и что Державинъ, Крыловъ, Жуковскій. Батюшковъ, Пушкинъ — поэты безъ мысли. Да, только съ появленіемъ книжки стихотвореній г. Бенедиктова русская поэзія преисполнилась не только мыслію, но и сокомъ думъ и спиртомъ мысли...» («Отечественныя Записки» 1845 г., № 5. Библіогр., стр. 13—15).

Не ужасны ли эти насмѣшки? Положимъ, что онѣ справедливы; но чѣмъ же виноватъ г. Бенедиктовъ въ томъ, что его стихотворенія заслуживаютъ такихъ насмѣшекъ?

Еще прискорбнѣе читать пародіи на стихотворенія г Бенедиктова, потому что рѣшительно не видишь, чѣмъ стихотворенія его отличаются отъ пародій, на нихъ написанныхъ. Вотъ, напримѣръ, пусть человѣкъ, которому бы не было памятно, какія изъ шести приведенныхъ намп стихотвореній — подлинныя стихотворенія, а какія пародіи на нихъ,—пусть такой человѣкъ различитъ пародіи отъ стихотвореній:

I.

Есть мгновенья думъ упорныхъ,
Разрушительно-тлетворныхъ,
Мрачныхъ, буйныхъ, адски-черныхъ,
Сихъ—опасныхъ, какъ чума—
Расточительницъ несчастья,
Вѣстницъ зла, воровокъ счастья
И гасительницъ ума!
Вотъ въ неистовствѣ разбоя
Въ грудь вломились, яро воя—
Все вверхъ дномъ! И цѣлый адъ
Тамъ, гдѣ часъ тому назадъ
Яркимъ, радужнымъ алмазомъ
Пламенѣлъ твой свѣточъ, разумъ!

Гдѣ любовь, добро и миръ
Пировали честный пиръ!
Адъ сей—въ комъ изъ земнородныхъ
Отъ степей и нивъ безплодныхъ
Сихъ отчаянныхъ краевъ,
Полнымъ хлада и снѣговъ—
Отъ Камчатки льдяно-реброй
До береговъ отчизны доброй,—
Въ комъ онъ бурно не кипѣлъ?
Кто его—страстей изъятый,
Безсердечіемъ богатый —
Не восчествовать посмѣлъ?
Адъ сей—ревностью онъ кинутъ
Въ душу смертнаго. Раздвинутъ
Для него широкій путь
Въ человѣческую грудь...
Онъ грядетъ съ огнемъ и трескомъ,
Онъ ласкательно язвитъ,
Все инымъ кровавымъ блескомъ
Обольетъ и превратитъ
Міръ въ темницу, радость—въ муку,
Счастье—въ скорбь, веселье—въ скуку,
Жизнь—въ кладбище, слезы—въ кровь.
Въ ядъ и ненависть—любовь!
Полонъ чувствъ огнепалящихъ,
Вопіющихъ и томящихъ,
Проживаетъ человѣкъ
Въ страшный мигъ тотъ цѣлый вѣкъ!

II.

Нѣтъ, красавица, напрасно
Твой языкъ лепечетъ мнѣ,
Что родилась ты въ ненастной,
Нашей хладной сторонѣ.
Нѣтъ, не вѣрю: издалека
Вѣтеръ къ намъ тебя завлекъ;
Ты жемчужина Востока,
Поля жаркаго цвѣтокъ!
Черный глазъ и черный волосъ —
Все не нашихъ русыхъ дѣвъ,
И въ рѣчи кипитъ твой голосъ,
А не тянется въ распѣвъ:
Вольной зыбью океана
Грудь волнуется твоя,
И извивъ живаго стана —
Азіатская змѣя.

Ты глядишь, очей не жмуря,
И въ очахъ горитъ смола,
И тропическая буря
Дышетъ пламенемъ съ чела,
Фосфоръ—въ бѣшеномъ сверканьѣ—
Взгляды быстрые твои,
И сладчайшее дыханье

Вѣетъ мускусомъ любви,—
И какой-то силой скрытной
Ты, волшебница, полна,
Притягательно-магнитной
Сферой вся обведена.
Сынъ желѣза — сѣверянинъ,
Этой силой отуманенъ,
На тебя наводитъ взоръ—
И предъ этимъ обаяньемъ,
Ограждаясь разстояньемъ,
Еле держится въ упоръ.
Лишь нарушься только мѣра,
Полъ-шага ступи впередъ,
Обаятельная сфера
Такъ и тянетъ, такъ и жжетъ!
Нѣтъ, не вѣрю: ты не близко
Рождена: твои черты
Говорятъ: султанша ты,
Ты Зюлейка, одалиска,
Верхъ восточной красоты!

III.

Съ эффектомъ громовымъ, побѣдно и мятежно
Ты въ мірѣ пронеслась кометой неизбѣжной
И бѣдныхъ юношей толпами наповалъ,
Какъ молнія, твой взоръ и жегъ и убивалъ!
Я помню этотъ взглядъ фосфорно-ядовитый
И локонъ смоляной, твоимъ искусствомъ взбитый,
Небрежно падавшій до раскаленныхъ плечъ,
И пламенемъ страстей клокочущую рѣчь,
Двухолмной груди блескъ и узкой ножки стройность.
Во всѣхъ движеніяхъ разгаръ и безпокойность
И припекавшія лобзаньями уста—
Вѣнецъ красы твоей, о дѣва-красота!
Я помню этотъ мигъ, когда царица бала,
По льду паркетному сильфидой ты летала
И какъ, дыханіе въ груди моей тая,
Взирая на тебя, страдалъ и рвался я,
Какъ нынѣ рвуся я, безумецъ одинокій,
Надъ сей могилою, заглохшей и далекой.

IV.

Есть чувство адское: оно вскипитъ въ крови
И, вызвавъ демоновъ, вселитъ ихъ въ рай любви,
Лобзанья отравитъ, оледенитъ объятья,
Вздохъ нѣги превратитъ въ хрипящій вопль проклятья,
Отниметъ все—и свѣтъ, и слезы у очей,
Въ прельстительныхъ кудряхъ укажетъ свитыхъ змѣй,
Въ улыбкѣ алыхъ устъ—гіены осклабленье,
И въ легкомъ шопотѣ—ехиднино шипѣнье.

Вотъ, вотъ прелестница! Усмѣшка по устамъ
Ползетъ, какъ свѣтлый червь по розовымъ листамъ.

Она—съ другимъ—нѣжна! Увлажена рѣсница;
И наглый взоръ его сверкаетъ, какъ зарница,
По прелестямъ ея, какъ молнія скользитъ
По персямъ трепетнымъ, впивается, язвитъ,
По складкамъ бархата стремительно струится
И въ брызги адскія у ногъ ея дробится;
То брызжетъ ей въ лицо, то лижетъ милый слѣдъ.
Вотъ руку подала! Измѣнницы браслетъ
Не стиснулъ ей руки... Ужь вотъ ея мизинца
Коснулся этотъ левъ изъ моднаго звѣринца,
Съ косматой гривою! Зачѣмъ на ней надѣтъ
Сей свѣтло-розовый мнѣ ненавистный цвѣтъ?
Условья нѣтъ ли здѣсь? Въ васъ тайныхъ знаковъ нѣтъ ли,
Извинченныхъ кудрей предательскія петли?
Въ васъ, пряди черныхъ косъ, подернутыя мглой?
Въ васъ, верви адскія, залитыя смолой,
Щипцами демоновъ закрученные свитки,
Снаряды колдовства, орудья вѣчной пытки?

V.

О, какъ быстра твоихъ очей
Огнемъ напитанная влага!
Отъ нихъ — и тысячи смертей
И море жизненнаго блага!
Они, одѣтыя черно,
Горятъ во мракѣ сей одежды;
Сей трауръ имъ носить дано
По тѣхъ, которымъ суждено
Отъ нихъ погибнуть безъ надежды.
Быть можетъ, въ сумракѣ земномъ
Ихъ пламя для того явилось,
Чтобъ небо звѣздъ своихъ огнемъ
Передъ землею не гордилось, —
Или оттоль, гдѣ звѣздъ ряды
Крестятъ эѳиръ лучей браздами,
Упали бѣлыхъ двѣ звѣзды
И стали черными звѣздами.
Порой въ нихъ страсть: ограждены
Двойными иглами рѣсницы,
Они на міръ наведены
И смотрятъ ужасомъ темницы,
Гдѣ черезъ эти два окна
Чернѣетъ страшно глубина,—
И поглотить міръ цѣлый хочетъ
Та всеобъемлющая мгла,
И тамъ кипящая клокочетъ
Густая черная смола;
Тамъ адъ; но муки роковыя
Радъ каждый взять себѣ на часть,
Чтобъ только въ этотъ адъ попасть,
Проникнуть въ бездны огневыя,
Отдаться демонамъ во власть,
Истратить разомъ жизни силы,

Перекипѣть, перегорѣть,
Кончаясь, трепетать и млѣть
И, какъ въ бездонныхъ двѣ могилы,
Все въ тѣ глаза смотрѣть, смотрѣть.

VI.

Вотъ она, звѣзда Востока,
Неба жаркаго цвѣтокъ!
Въ сердце дѣвы страстно-окой
Льется пламени потокъ!

Груди бьются, будто волны,
Пухъ на дѣвственныхъ щекахъ
И, роскошной нѣги полны,
Рдѣютъ розы на устахъ;

Брови черныя дугою
И зубовъ жемчужный рядъ,
Очи—звѣзды подо мглою —
Провозвѣстники отрадъ!

Все любовію огнистой,
Сумасбродствомъ дышетъ въ ней,
И курчаво-смолянистый
На плечѣ побѣгъ кудрей...

Дѣва юга! Предъ тобою
Бездыханенъ я стою:
Взоромъ адскимъ, какъ стрѣлою,
Ты пронзила грудь мою!

Этимъ взоромъ, этимъ взглядомъ —
Чаровница!—ты мнѣ вновь
Азіятскимъ злѣйшимъ ядомъ
Отравила въ сердцѣ кровь!

Изъ этихъ шести стихотвореній, три принадлежатъ г. Бенедиктову, другія три написаны какъ пародіи на его манеру. Но читатель, не знавшій предварительно, которыя именно стихотворенія относятся къ первому, которыя къ послѣднему классу, навѣрное, не будетъ въ состояніи избѣжать ошибокъ при различеніи подлинныхъ стихотвореній отъ пародій. Это очень огорчительно.

Двадцать лѣтъ постоянно быть предметомъ безчисленныхъ разборовъ, подобныхъ тѣмъ, какіе приведены выше—судьба, которая можетъ поселить состраданіе въ душѣ самаго суроваго судьи.

Намъ очень тяжела была необходимость говорить о стихотвореніяхъ г. Бенедиктова, потому что мы не видѣли возможности измѣнить сужденіе, которое безчисленное количество разъ было произносимо различными журналами о достоинствѣ его произведеній. Но мы надѣялись, что найдемъ, по крайней мѣрѣ, какую нибудь возможность смягчить это сужденіе. Изъ сожалѣнія о грустной судьбѣ этихъ стихотвореній, мы перечитывали изданные теперь три тома, расположивъ себя къ величайшей снисходительности, проникнувшись желаніемъ найти въ нихъ что нибудь, кромѣ недостатковъ, которые столько разъ уже были замѣчаемы другими рецензентами.

Наши поиски не были совершенно напрасны: мы нашли три или четыре стихотворенія, въ которыхъ г. Бенедиктовъ, оставляя обыкновенныя свои темы, обращается мыслью къ событіямъ, совершающимся вокругъ насъ, — изъ міра «извинченныхъ кудрей», «фосфорныхъ очей» и адскихъ страстей, выражаемыхъ натянутыми метафорическими гиперболами, переходитъ въ міръ чувствъ, знакомыхъ обыкновеннымъ людямъ. Намъ пріятно было убѣдиться, что г. Бенедиктовъ иногда выказываетъ въ этихъ случаяхъ чувства и желанія, достойныя уваженія. Особенно примирительно можетъ дѣйствовать на читателей та пьеса, которою заключаются въ третьей части оригинальныя произведенія г. Бенедиктова.

СТАНСЫ ПО СЛУЧАЮ МИРА.

Вражды народной конченъ пиръ.
Пора на отдыхъ ратоборцамъ!
Насталъ давно желанный миръ,—
Насталъ,—и слава миротворцамъ!

Довольно кровь людей лилась...
О, люди, люди! вспомнить больно!
Отъ адскихъ жерлъ земля тряслась
И бѣсы тѣшились... довольно!

Довольно черепы ломать,
Въ собратѣ видѣть душегубца,
И знамя брани подымать
Во имя Бога-Миролюбца!

За миръ помолимся Тому,
Изъ Чьей десницы все пріемлемъ,
И вкупѣ взмолимся Ему,
Да въ лонѣ мира не воздремлемъ!

Не время спать, о братья,—нѣтъ!
Не обольщайтесь настоящимъ!
Женихъ въ полунощи грядетъ:
Блаженъ, кого найдетъ не спящимъ.

Царь, призывая васъ къ мольбѣ
За этотъ миръ, любви словами
Зоветъ васъ къ внутренней борьбѣ
Со зломъ, съ домашними врагами.

Въ словахъ тѣхъ шлетъ онъ Божью вѣсть—
Не пророните въ нихъ ни звука!
Слова тѣ: вѣра, доблесть, честь,
Законы, милость и наука.

Всѣмъ будетъ дѣло. Превозмочь
Должны мы лѣнь, средь дѣлъ бумажныхъ
Возросшую. Хищенье—прочь!
Исчезни племя душъ продажныхъ!

Ты, малый труженикъ земли,
Сознай, что въ дѣлѣ нѣтъ бездѣлки!
Не мысли, что грѣхи твои
За тѣмъ простительны, что мелки!

И ты, сановникъ, не гордись!
Не мни, что злу ты недоступенъ,
И неподкупнымъ не зовись,
Коль только златомъ неподкупенъ!

Не лихоимецъ ли и ты,
Когда своей чиновной силой
Кривишь судебныя черты
За взглядъ просительницы милой?

Коль гнешь рычагъ своихъ вѣсовъ
Изъ старой дружбы, изъ участья,
Иль по ходатайству большихъ,
Или за взятку сладострастья?

Всякъ трудъ свой въ благо обращай!
Имущій силу дѣлать—дѣлай!
Имущій словеса—вѣщай,
Греми глаголомъ правды смѣлой!

Найдется дѣло и тебѣ,
О, чувствъ и думъ зерно-метатель!
Возстань и ты къ святой борьбѣ,
Витія мощный и писатель!

Возстань,—не духа злобы полнъ,
Возстань не буйнымъ демагогомъ,
Не лютымъ двигателемъ волнъ,
Влекущимъ къ гибельнымъ тревогамъ:

Нѣтъ! гласомъ добрымъ воззови,
И зовъ твой, гдѣ бы ни прошелъ онъ,
Пусть духомъ мира и любви
И въ самомъ громѣ будетъ полонъ!

Огнемъ свой ополчи глаголъ
Лишь на несчастіе земное,
И—съ Богомъ—ратуй противъ золъ!
Взгляни на общество людское:

Увидишь язвы въ немъ; имъ данъ
Лукавый ходъ по жиламъ царства,
И противъ этихъ тайныхъ ранъ
Нѣтъ у врачей земныхъ лекарства.

Пороковъ мало ль есть такихъ,
Которыхъ ядъ полъ-міра губитъ,
Но судъ властей не судитъ ихъ
И мечъ закона ихъ не рубитъ!

Ты видишь: бѣднаго лиша
Послѣднихъ благъ въ послѣднемъ дѣлѣ,
Ликуя, низкая душа
Широко дремлетъ въ тучномъ тѣлѣ.

Пышнѣй, вельможнѣй всѣхъ владыкъ,
Добывъ чертогъ аристократа,
Иной бездушный откупщикъ
По горло тонетъ въ грудахъ злата.

Мы видимъ роскошь безъ границъ
И океанъ долговъ бездонныхъ.
Мужей, дошедшихъ до темницъ,
Отъ раззорительницъ законныхъ.

Нерѣдко видимъ мы окрестъ
И брачный торгъ — укоръ семействамъ,
И юныхъ жертвенныхъ невѣстъ,
Закланныхъ дряхлымъ любодѣйствомъ.

Зримъ въ вертоградахъ золотыхъ,
Среди цвѣтовъ, въ тѣни смоковницъ,
Любимцевъ счастія пустыхъ
И ихъ блистательныхъ любовницъ.

Толпа спѣшитъ не въ храмъ Творца:
Она спѣшитъ, воздѣвъ десницу,
Златаго чествовать тельца
Иль позлащенную телицу.

Но есть для васъ, сыны грѣха,
Но есть для васъ, земли кумиры,
И громъ и молнія стиха
И бичъ карающей сатиры,—

И есть комедіи арканъ,—
И, какъ боецъ, открывъ арену,
Новѣйшихъ дней Аристофанъ
Клеона вытащитъ на сцену.

Гласъ Божій, мнится, къ намъ воззвалъ
И указуетъ перстъ судьбины,
Да встанетъ новый Ювеналъ
И сдернетъ гнусныя личины!

Правда, художественнаго достоинства въ этой пьесѣ довольно мало: она растянута, нѣкоторые удары автора не попадаютъ въ цѣль, и вообще пьеса кажется прозою, переложенною въ стихотворный размѣръ; но первыя и нѣкоторыя изъ среднихъ строфъ заслуживаютъ похвалы по мысли, а въ послѣднихъ трехъ даже выраженіе замѣчательно сильно. Изъ другой пьесы подобнаго содержанія — «къ Россіи», написанной г. Бенедиктовымъ также въ послѣднее время, недавно были приведены въ «Современникѣ» лучшія строфы («Соврем.» 1855 г., № 12, Замѣтки о журналахъ). Въ третьемъ томѣ есть пять-шесть стихотвореній, которыя хотя не имѣютъ особенныхъ достоинствъ, но лучше другихъ тѣмъ, что написаны языкомъ не слишкомъ напыщеннымъ. Эти немногія

стихотворенія и особенно пьеса «Къ Россіи» и «Стансы по случаю мира», вѣроятно, оправдаютъ насъ передъ читателями въ томъ, что мы хотимъ высказать свое мнѣніе о степени таланта г. Бенедиктова безъ насмѣшекъ надъ напыщенностью его языка, который уже слишкомъ достаточное число разъ бывалъ въ нашихъ журналахъ предметомъ шутки.

Несмотря на все наше желаніе смотрѣть на произведенія г. Бенедиктова самыми благорасположенными глазами, мы никакъ не можемъ видѣть въ нихъ хотя бы слабыхъ слѣдовъ поэзіи. Чувства въ нихъ нѣтъ; они носятъ на себѣ слишкомъ очевидные признаки, что все въ нихъ — придуманное, сочиненное: отъ самыхъ сладострастныхъ картинъ вѣетъ холодомъ; на самыхъ гиперболическихъ выраженіяхъ лежитъ тяжелый отпечатокъ недостатка фантазіи. Поэтическая фантазія состоитъ не въ томъ, чтобы придумывать небывалыя метафоры и гиперболы, — иначе, въ извѣстной книгѣ «Не любо не слушай» было бы гораздо больше поэзіи, нежели въ Шекспирѣ и Гомерѣ. Она не состоитъ и въ томъ, чтобы описывать подробно всѣ принадлежности женскаго организма: иначе, въ «Руководствѣ къ повивальному искусству» опять-таки было бы гораздо больше поэзіи, нежели въ Шекспирѣ и Гомерѣ. Поэтическая фантазія состоитъ въ томъ, чтобы предметъ немногими чертами изображался живо и точно; а этого качества рѣшительно нѣтъ въ стихотвореніяхъ г. Бенедиктова. Хотя бы даже оставить безъ вниманія всѣ натянутыя и неловкія выраженія, все-таки стихотворенія г. Бенедиктова остаются холодны, картины его сбивчивы и безжизненны. Потому надобно, къ сожалѣнію, рѣшительно сказать, что поэтическаго таланта у г. Бенедиктова мало.

Такое заключеніе, повидимому, не утѣшительно,—но только повидимому; на самомъ же дѣлѣ, оно очень успокоительно и совершенно примиряетъ насъ съ стихотвореніями г. Бенедиктова. По нашему убѣжденію, нельзя упрекать его ни въ чемъ, напрасно преслѣдовать его насмѣшками и т. д. — все это совершенно безполезно. Напрасно говорить, что онъ злоупотреблялъ своимъ талантомъ или шелъ по ложному пути—для него не было никакой дороги въ царствѣ поэзіи. Прежде, когда у него были почитатели изъ числа людей съ неразвитымъ вкусомъ, конечно, нужно было разоблачать недостатки его произведеній, чтобы вывести этихъ заблуждавшихся людей изъ ошибки, вредной для ихъ развитія. Но теперь эта надобность, кажется, уже миновалась. Время успѣха давно прошло для г. Бенедиктова.

Но, однако же, нѣкогда успѣхъ его былъ громаденъ въ извѣстной части публики,—долженъ же былъ на чемъ нибудь основываться этотъ успѣхъ? Мы уже сказали, на чемъ онъ основывался: на неразвитости вкуса. Прибавимъ и другую причину—стихотворенія г. Бенедиктова привлекали своими физіологическими подробностями. Они возбуждали интересъ точно такого же рода, какъ та картинка, на которую засмотрѣлся Акакій Акакіевичъ, идя по Невскому проспекту: дама надѣваетъ на ногу чулокъ — предметъ интересный, хотя бы рисунокъ и былъ довольно плохъ.

Статья наша окончена. Остается только сказать, что изъ шести стихотвореній, приведенныхъ нами, г. Бенедиктовымъ написаны второе, четвертое и пятое, а стихотворенія, поставленныя на первомъ, третьемъ и шестомъ мѣстѣ—пародіи.

Стихотворенія графини Ростопчиной. *Томъ второй. Спб. 1856.*

Разсматривая первый томъ новаго изданія произведеній поэтессы, мы подробно высказали свое мнѣніе какъ о характерѣ ея произведеній, такъ и о степени ея таланта. Не имѣя теперь сказать объ этихъ предметахъ ничего новаго, мы только выпишемъ изъ втораго тома стихотвореній графини Ростопчиной нѣсколько пьесъ: мы беремъ ихъ почти безъ выбора, потому что выборъ безполезенъ.

ЗВѢЗДЫ ПОЛУНОЧИ.

Кому блестите вы, о звѣзды полуночи?
Чей взоръ прикованъ къ вамъ съ участьемъ и мечтой
Кто вами восхищенъ? Кто къ вамъ подыметъ очи,
Незасоренныя землей?

Не хладный астрономъ. упитанный наукой,
Не мистикъ астрологъ васъ могутъ понимать!
Нѣтъ! для изящнаго ихъ дума близорука:
Тотъ испытуетъ васъ,— тотъ хочетъ разгадать.

Поэтъ, одинъ поэтъ съ восторженной душою,
Съ воображеніемъ и страстнымъ и живымъ
Пусть наслаждается безсмертной красотою,
И вдохновеніемъ пусть васъ почтитъ своимъ!

Да женщина еще,—мятежное созданье,
Рожденное мечтать, сочувствовать, любить,—
На небеса глядитъ, чтобъ свѣтъ и упованье
Въ душѣ пугливой пробудить.

ПАХИТОСЪ.

Fumer... rêver... et puis... on va sa loin alors! *X. X.*

Пахитосъ,—отрада лѣни,
Европейскій наргиле,—
Страсть новѣйшихъ поколѣній,
Поводъ дѣдушкамъ къ хулѣ,—
Пахитосъ!.. предметъ раздора
И въ гостиныхъ и въ семьяхъ,—
Соучастникъ разговора,
И наперсникъ нашъ въ мечтахъ,—
Дымъ твой полонъ откровеній,
Ммного тайнъ въ твоей золѣ,
Пахитосъ, отрада лѣни,
Европейскій наргиле!

Львицъ причудливое знамя,
Ты безгрѣшно тѣшишь ихъ,
Ты игрушка имъ,—и пламя
На замѣнъ огней другихъ!

Другъ испанки черноокой,
Ты при счастьи, средь скорбей
Жизни праздной, одинокой
Сокращаешь скуку ей!
Ты присталъ и ручкѣ нѣжной,
И коралловымъ устамъ,
Думѣ грустной и мятежной
И смѣющимся глазамъ!

Я не львица удалая,
Не испанка подъ фатой,—
Но блаженствую, вдыхая,
Пахитосъ, чадъ легкій твой!
Мнѣ сдается, суевѣрной,
Что разрозненнымъ друзьямъ
Ты символъ въ дали безмѣрной,
Связь двумъ мыслямъ, двумъ мечтамъ...
Дымъ твой полонъ откровеній,
Много тайнъ въ твоей золѣ,
Пахитосъ, отрада лѣни,
Европейскій наргиле!

ЦЫГАНСКІЙ ТАБОРЪ.

Полночь звучитъ... Сюда несите чашу,
Благоуханный дайте ромъ...
Всѣ свѣчи вонъ!.. Пусть жженка прихоть нашу
Потѣшитъ радужнымъ огнемъ!
Зовите таборъ къ намъ!.. Чтобъ пѣснью чудно-шумной
Насъ встрѣтилъ изступленный хоръ,
Чтобъ дикой радостью, чтобъ удалью безумной
Былъ пораженъ и слухъ и взоръ!

Велите пѣть цыганкѣ черноокой
Про страсть, про ревность, про любовь,
Про все, про все, что въ жизни одинокой
Волнуетъ умъ, сжигаетъ кровь!..
И мы послушаемъ тотъ вѣчный сердца ропотъ,—
И оживится хладный прахъ,
Забытыхъ нами сновъ—проснется страстный шопотъ
Въ давно заглохнувшихъ сердцахъ!..

Давно, мои друзья, любимыхъ пѣсенъ звуки
Давно не тѣшили меня;
Но русской рѣчи складъ въ чужбинѣ, въ дни разлуки
Припоминала часто я.
О, какъ хотѣлось мнѣ любимое веселье
Лѣтъ свѣжей юности вкусить,
И послѣ странствія, возврата новоселье
Подобнымъ пиромъ огласить!

Оно исполнилось, тоскливое желанье,—
Поютъ мнѣ пѣсни старины!
Простонародныхъ словъ и ладовъ сочетанья
Кипучей жизнью такъ полны!..

Въ восторженной душѣ очнулося былое
Съ минувшей радостью, тоской,—
И сердце, какъ тогда, безумно молодое
Забилось съ прежней быстротой.

Внимаю жадно имъ, знакомцамъ незабытымъ,
Люблю радушный ихъ привѣтъ,
И предпочту его поклонамъ знаменитымъ,
Въ которыхъ правды, смысла нѣтъ!
Здѣсь есть поэзія, въ поющей сей картинѣ,
Есть страсть, есть воля, есть порывъ;
Разнообразный хоръ таинственъ, какъ судьбина,—
Какъ беззаботность онъ гульливъ.

Для чувства робкаго, для тайныхъ упованій
Поетъ онъ сладкій гимнъ любви;
Для сердца грустнаго въ немъ откликъ есть страданій,—
Что хочешь, каждый назови!..
И насъ немного здѣсь,—но каждый понимаетъ
По своему отвѣтный гласъ;
И вѣрно, углубясь въ мечту, припоминаетъ
Какой нибудь завѣтный часъ...

Предаться можемъ мы свободно увлеченью
Очаровательныхъ минутъ:
Ни взоръ завистливый, ни злость, ни осужденье
Въ нашъ тѣсный кругъ не попадутъ,
И мы довѣрчиво другъ другу смотримъ въ очи,
Безъ опасенья, безъ препонъ...
Жаль, быстрые часы блаженной этой ночи
Промчатся, какъ чудесный сонъ!

НА ЛАВРОВЫЙ ВѢНЕЦЪ,

поднесенный мнѣ земляками въ саду виллы д'Эсте, въ Тиволи.

Не мнѣ, друзья, не мнѣ вѣнецъ лавровый...
Такая честь не подобаетъ мнѣ!
Даръ вашей дружбы я принять готова,—
Имъ радуюсь въ душевной глубинѣ,—
Но, какъ символъ таинственно-высокій,
Мнѣ чуждъ сей лавръ!... мнѣ до него далеко!...

Смотрите, гдѣ мы!!... Вотъ стоятъ палаты
Старинныя, чудесныя.... и въ нихъ
Когда-то дворъ державный и богатый
Торжествовалъ пиры князей своихъ,—
Родъ д'Эсте угощалъ своихъ клевретовъ,
Воителей, художниковъ, поэтовъ.

И вспомните, *чіи* стопы ходили
По симъ аллеямъ!... *чей* здѣсь гласъ звучалъ....
Чьи пѣсни здѣсь Элеонору чтили!
Здѣсь страстный Тассо жилъ.... любилъ.... мечталъ!...
Не мнится ль вамъ, что подъ лавровой сѣнью
Мы встрѣтимся съ его туманной тѣнью?...

Скажите: тамъ, межь тополей шумящихъ,
Какъ будто шорохъ не слыхали вы?...
Межь мраморныхъ фонтановъ, здѣсь блестящихъ,
Вы не видали обликъ головы?...
О, тише!... Воздадимте въ умиленьи
Страдальцу и пѣвцу благоговѣнье!

Что я предъ нимъ?.. Что я въ странѣ сей славной?..
Дитя суетъ, и баловень мечты,—
Поэтъ полу-пустой и легконравный,
Любящій балъ, наряды и цвѣты....
Лишь женщина.... во всемъ значеньи слова!...
Не мнѣ, друзья, не мнѣ вѣнецъ лавровый.

ПѢСНЬ ВОЗВРАТА [1]).

Я съ гордостью свой путь припоминаю,—
Его съ восторгомъ дѣтскимъ совершала:
Въ странѣ красотъ классическихъ была я.—
И тамъ сказали мнѣ: «Ты хороша!»
Въ отчизну мысли и ума пришла я,—
И тамъ поэта пылкая душа
Нашла друзей, цѣнителей, хваленья....
И поняла, что въ славѣ есть значенье.

Довольна я!!... Да, женщина, поэтъ
Равно своей поѣздкой насладились;
Обоихъ угостилъ широкій свѣтъ,
Обоихъ ожиданья совершились!
Воспоминанья двухъ прожитыхъ лѣтъ
Мнѣ дороги.... съ душой моей сдружились,
Какъ сладкій, чудный, незабвенный сонъ;
Лишь жаль, что слишкомъ скоро прерванъ онъ!..

ОТВѢТЪ НѢКОТОРЫМЪ БЕЗЪИМЕННЫМЪ СТИХОТВОРЕНІЯМЪ.

(1854).

Самъ Богъ сказалъ: «Чти мать свою!»
И грѣхъ тебѣ, о сынъ лукавый,
Когда, врагъ материнской славы,
Позоришь бранію неправой
Ты мать родимую твою!
Когда, въ лжемудрости надменной
И честь и совѣсть погубя,
Разишь рукою дерзновенной
Грудь, воскормившую тебя!..

[1]) Пьеса эта довольно велика по объему; оттого мы могли привести только нѣкоторыя строфы. Кстати замѣтимъ, что она написана въ 1846 году, черезъ семнадцать лѣтъ послѣ начала поэтической дѣятельности графини Ростопчиной.

И грѣхъ и стыдъ вамъ, лже-поэты,
Клеветники Руси святой,
Что въ день и въ часъ сей роковой
Одни въ разладѣ вы съ толпой,
Ея любовью не согрѣты;
Что васъ она не увлекла
Восторгомъ православной битвы,
Что нечестивая хула
Отвѣтъ вашъ на ея молитвы!..

И грѣхъ и стыдъ, и горе вамъ,
Что смѣетъ вашъ языкъ коварный,
Вашъ злобный стихъ высокопарный,
Шептать укоръ неблагодарный
Отчизны преданнымъ сынамъ;
Что съ вражьей зоркостію ока
Окинувъ Русь во всѣ концы,
Въ ней лишь предлоги для упрека,
Добра въ ней не нашли, слѣпцы!

Она же, наша Русь святая,
Васъ не казнитъ, не проклянетъ,—
Но лихомъ вспомнитъ васъ народъ!
Изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ
Пройдетъ молва о васъ худая,
Позорнымъ прозвищемъ клеймить
Васъ будетъ вѣрное преданье
И малымъ дѣтямъ въ поруганье
Вѣкъ имя ваше будетъ жить!..

Въ поэтическомъ отношеніи всѣ выписанныя нами стихотворенія могутъ быть названы одинаковыми. Но относительно содержанія первая пьеса отличается отъ другихъ тѣмъ, что въ ней *одна* мысль кажется сомнительною: гр. Ростопчина, быть можетъ, не совершенно близка къ истиннымъ понятіямъ о вещахъ, утверждая, что астрономы не смотрятъ на звѣзды.

Замѣтки о журналахъ.

СЕНТЯБРЬ 1856.

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА, АКСАКОВА.—ГУБЕРНСКІЕ ОЧЕРКИ, ЩЕДРИНА.—ЗАМѢТКА ПО ПОВОДУ СТАТЬИ БЛАНКА «РУССКІЙ ПОМѢЩИЧІЙ КРЕСТЬЯНИНЪ», БЕЗОБРАЗОВА.—О ГОРѢ-ЗЛОСЧАСТІИ, БУСЛАЕВА.

Часто случалось намъ слышать недоумѣнія относительно причинъ, которымъ надобно приписать чрезвычайный успѣхъ «Семейной Хроники» г. Аксакова. Отъ нѣкоторыхъ людей, заслуживающихъ всякаго уваженія по развитости своего вкуса, мы слышали даже осужденіе всѣмъ нашимъ журналамъ отъ «Русской Бесѣды» до «Русскаго Вѣстника» и «Современника», за тотъ восторгъ, съ какимъ отозвались всѣ критики о книгѣ г. Аксакова.—«Спора нѣтъ—говорили эти люди - «Семейная Хроника» написана хорошо, можно, пожалуй, согласиться, что она написана даже очень хорошо,—но выставлять «Семейную Хронику» книгою необыкновенныхъ, изумительныхъ достоинствъ—дѣло рѣшительно несправедливое; а въ эту ошибку впали всѣ журналы. По какому случаю всѣ они были единодушны въ ошибкѣ, когда такъ рѣдко бываютъ единодушны въ истинѣ? Не упоминаемъ о критической статьѣ одного изъ нихъ, объявившаго, что съ «Семейной Хроники» начинается новая эпоха для нашей литературы, что у самого Гоголя лучшія мѣста въ первомъ томѣ «Мертвыхъ Душъ» написаны подъ вліяніемъ этой книги, отрывки изъ которой читались ему въ рукописи; что всѣ наши поэты и нувеллисты должны учиться и будутъ учиться слогу и чувствамъ, искусству писать и умѣнью понимать русскую жизнь у г. Аксакова. Это слишкомъ очевидное преувеличеніе объясняется, пожалуй, даже извиняется, духомъ партіи. Но чѣмъ извинить другіе журналы, которые говорили о книгѣ г. Аксакова тономъ, развѣ немного уступающимъ въ восторженности тону этой статьи? Вѣдь въ ихъ разборахъ также видѣлось необыкновенное удивленіе достоинствамъ «Семейной Хроники»; они также какъ будто отдавали г. Аксакову первенство надъ всѣми нашими нынѣшними писателями, говорили о немъ, какъ о художникѣ, передъ которымъ надобно преклоняться. Все это ошибочно.

«Семейная Хроника», въ литературномъ отношеніи, имѣетъ недостатки...» И эти строгіе цѣнители исчисляли литературные недостатки книги г. Аксакова, быть можетъ, сами также преувеличивая ихъ, какъ преувеличивалъ достоинства книги критикъ, находившій, что она должна преобразовать всю нашу литературу, для которой начинается новая эпоха съ появленія «Семейной Хроники».

Нѣтъ надобности оправдывать журналы, которые, быть можетъ, уже достаточно оправдываются своимъ единодушіемъ. Во всякомъ случаѣ, чрезвычайный успѣхъ «Семейной Хроники» остается фактомъ, и слишкомъ строгіе цѣнители, мнѣніе которыхъ мы привели выше, едва ли не впадаютъ сами въ ошибку, слишкомъ много занимаясь вопросомъ о томъ, какъ велики именно литературныя достоинства книги г. Аксакова: интересъ, возбужденный «Семейною Хроникою», основывался не исключительно на этихъ достоинствахъ: гораздо важнѣе было другое обстоятельство—то, что книга эта удовлетворяла слишкомъ сильной потребности нашей въ мемуарахъ,—потребности, находящей себѣ слишкомъ мало пищи въ нашей литературѣ. Конечно, если книга эта, интересная какъ мемуары, имѣла, притомъ, и замѣчательныя литературныя достоинства, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ частяхъ (чего никто не отрицаетъ), тѣмъ лучше; но будь она написана хотя бы не болѣе, какъ только не совсѣмъ дурнымъ слогомъ, успѣхъ ея былъ бы развѣ немногимъ меньше того, какой она имѣла при всѣхъ своихъ настоящихъ литературныхъ достоинствахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, у насъ вовсе нѣтъ мемуаровъ, относящихся до близкаго къ намъ времени, относящихся до современной эпохи рѣшительно нѣтъ. А потребность въ такихъ мемуарахъ очень сильна. Только изъ одной беллетристики мы можемъ литературнымъ образомъ расширить наше знаніе о томъ, что недавно дѣлалось или дѣлается вокругъ насъ. Но дѣло ясное, что одна беллетристика недостаточна въ этомъ случаѣ. Мемуары вездѣ являются во множествѣ, вездѣ читаются съ жадностію, вездѣ приносятъ много и пользы и наслажденія; у насъ только нѣтъ и нѣтъ мемуаровъ. «Да гдѣ же они? Давайте ихъ!»

Г. Щедринъ хочетъ пособить этому недостатку: онъ началъ печатать въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (книжка 16-я) разсказы, которые называетъ «Губернскими Очерками». Мы смотримъ на эти разсказы, какъ на отрывки изъ мемуаровъ,—такъ, вѣроятно, смотритъ на нихъ и самъ авторъ. Ни ему, ни намъ нѣтъ никакого дѣла до требованій, какимъ могутъ подлежать разсказы о приключеніяхъ и лицахъ, создаваемыхъ фантазіею. Въ литературномъ отношеніи у насъ только одно условіе относительно мемуаровъ: чтобы они были написаны недурно,—не болѣе, совершенствъ и красотъ мы въ нихъ не ищемъ,—напротивъ, эти красоты иногда только мѣшаютъ существенному достоинству мемуаровъ—точной правдивости разсказа. «Губернскіе Очерки» г. Щедрина совершенно удовлетворяютъ этому условію: никто не скажетъ, что разсказъ автора не хорошъ. Бо́льшаго публика и не потребуетъ. Мы не имѣли еще случая слышать, какой успѣхъ имѣютъ въ публикѣ «Губернскіе Очерки», но впередъ можно быть увѣреннымъ, что успѣхъ этотъ не уступитъ успѣху «Семейной Хроники».

Г. Щедринъ разсказываетъ намъ свои воспоминанія изъ жизни въ нѣ-

коемъ городѣ Крутогорскѣ; но что это за городъ Крутогорскъ? имя, кажется, выдуманное? Если хотите, имя точно выдумано: почему жь иногда и не придумать какого-нибудь имени, для собственнаго удобства и пользы читателей: дѣло не въ имени, а въ дѣлѣ. Посмотримъ же, что выдумщикъ г. Щедринъ разсказываетъ о выдуманномъ городѣ Крутогорскѣ. Но прежде всего узнаемъ мѣстность, къ которой относитъ г. Щедринъ свои выдумки. Въ другихъ мѣстностяхъ, можетъ быть, ничего такого и не бываетъ, какъ въ Крутогорскѣ.

«Въ одномъ изъ далекихъ угловъ Россіи есть городъ, который какъ-то особенно говоритъ моему сердцу. Не то, чтобы онъ отличался великолѣпными зданіями; нѣтъ въ немъ садовъ семирамидиныхъ, ни одного даже трехъэтажнаго дома не встрѣтите вы въ длинномъ рядѣ улицъ, да и улицы-то все немощеныя; но есть что-то мирное, патріархальное во всей его физіономіи, что-то успокоивающее душу въ тишинѣ, которая царствуетъ на стогнахъ его. Въѣзжая въ этотъ городъ, вы какъ будто чувствуете, что карьера ваша здѣсь кончилась, что вы ничего уже не можете требовать отъ жизни, что вамъ остается только жить въ прошломъ и переваривать ваши воспоминанія.

«И, въ самомъ дѣлѣ, изъ этого города даже дороги дальше никуда нѣтъ, какъ будто здѣсь конецъ міру: куда ни взглянете вы окрестъ—лѣсъ, луга да степь, степь, лѣсъ и луга; гдѣ-гдѣ вьется прихотливымъ извивомъ проселокъ и бойко проскачетъ по немъ телѣга, запряженная маленькою рѣзвою лошадкой, и опять все затихнетъ, все потонетъ въ общемъ однообразіи...»

Въ этомъ далекомъ отъ насъ городѣ люди живутъ очень патріархально, но съ большими претензіями на свѣтскость и подражаніе Петербургу. Такъ, напримѣръ, хозяйка считаетъ уже своею обязанностью занимать гостей, пріѣхавшихъ съ визитомъ (визиты свирѣпствуютъ въ Крутогорскѣ), тамъ женщины уже не прячутся отъ мужчинъ; мало того: знатныя лица уже сажаютъ на стулья людей, пріѣхавшихъ къ нимъ съ визитомъ, а не разговариваютъ съ ними, держа ихъ въ стоящемъ положеніи; гости, съ своей стороны, стараются вести съ дамами разговоры любезные и занимательные:

«Вотъ наступаетъ воскресенье: весь городъ, съ ранняго утра, въ волненіи, какъ будто томимъ недугомъ. На площадяхъ шумъ и говоръ, по улицамъ ѣзда страшная. Чиновники, не обуздываемые въ этотъ день никакимъ присутственнымъ мѣстомъ, изъ всѣхъ силъ устремляются къ его превосходительству поздравить съ праздникомъ. Случается, что его превосходительство не совсѣмъ благосклонно смотритъ на эти поклоненія, находя, что они вообще не относятся къ дѣлу; но духа времени измѣнить нельзя: «помилуйте, ваше превосходительство, это намъ не въ тягость, а въ сладость!»

«— Сегодня отличная погода, говоритъ Порфирій Петровичъ, обращаясь къ ея превосходительству.

«Ея превосходительство слушаетъ съ видимымъ участіемъ.

«— Только жарко немножко-съ отзывается уѣздный стряпчій, слегка привставая на креслѣ:—я, ваше превосходительство, потѣю...

«— Какъ здоровье вашей супруги? спрашиваетъ ея превосходительство, обращаясь къ инженерному офицеру, съ очевиднымъ желаніемъ замять разговоръ, принимающій слишкомъ интимный характеръ.

«— Она, ваше превосходительство, всегда въ это время бываетъ въ такомъ положеніи...

«Ея превосходительство рѣшительно теряется.

«Общее смущеніе.

«— А у насъ, ваше превосходительство, говоритъ Порфирій Петровичъ: — случилось на прошлой недѣлѣ обстоятельство. Получили мы изъ Рожновской Палаты бумагу-съ. Читали мы, читали эту бумагу—ничего не понимаемъ, а бумага, видимъ,

нужная. Вотъ только и говоритъ Иванъ Кузьмичъ: «позовемте, господа, архиваріуса— можетъ быть, онъ пойметъ». И точно-съ, призываемъ архиваріуса. Прочиталъ онъ бумагу. Понимаешь? спрашиваемъ мы. — «Понимать не понимаю, а отвѣчать могу». Вѣрите ли, ваше превосходительство, вѣдь и въ самомъ дѣлѣ написалъ-это бумагу въ палецъ толщиной, только еще непонятнѣе первой. Однако, мы подписали и отправили.

«Общій хохотъ.

«— Любопытно, говоритъ его превосходительство:—удовлетворится ли Рожновская Палата?

«— Отчего же не удовлетвориться, ваше превосходительство? вѣдь имъ больше для очистки дѣла отвѣтъ нуженъ: вотъ они возьмутъ да цѣликомъ нашу бумагу куда нибудь и пропишутъ-съ, а то мѣсто опять пропишетъ-съ; такъ оно и пойдетъ...»

Жизнь въ городѣ, гдѣ обхожденіе такъ любезно, а разговоры такъ поучительны, конечно, очень пріятна; потому и у г. Щедрина остались о ней самыя свѣтлыя воспоминанія:

«Да, я люблю тебя, далекій, никѣмъ не тронутый край! Мнѣ милъ твой просторъ и простодушіе твоихъ обитателей! И если перо мое нерѣдко коснется такихъ струнъ твоего организма, которыя издаютъ непріятный и фальшивый звукъ, то это не отъ недостатка горячаго сочувствія къ тебѣ, а потому собственно, что я не желалъ бы слышать эти звуки, которые грустно и болѣзненно отдаются въ моей душѣ. Много есть путей служить общему дѣлу, но смѣю думать, что обнаруженіе зла, лжи и порока также не безполезно, тѣмъ болѣе, что предполагаетъ полное сочувствіе къ добру и истинѣ. Смѣю думать, что всѣ мы, отъ мала до велика, видя ту упорную и непрестанную борьбу со зломъ, предпринимаемую тѣми, въ рукахъ которыхъ хранится судьба Россіи, — всѣ мы обязаны, по мѣрѣ силъ, содѣйствовать этой борьбѣ и облегчать ее».

Изъ трехъ разсказовъ, которые слѣдуютъ у г. Щедрина за общею картиною нынѣшняго состоянія Крутогорска, два имѣютъ одинаковое заглавіе: «Прошлыя времена». Оба они заимствованы изъ бесѣдъ съ однимъ и тѣмъ же старымъ уѣзднымъ служакой, отъ лица котораго и ведутся эти разсказы въ Запискахъ г. Щедрина. Изъ этихъ двухъ разсказовъ мы и сдѣлаемъ нѣсколько выписокъ. Старый служака жалѣетъ о прежнихъ временахъ, когда все было проще и дружелюбнѣе, нежели нынѣ; въ его бесѣдахъ есть что-то идиллическое, напоминающее преданія поэтовъ о золотомъ вѣкѣ:

«...Нѣтъ, нынѣче не то, что было въ прежнее время: въ прежнее время народъ какъ-то проще, любовнѣе былъ. Служилъ я теперича въ земскомъ судѣ засѣдателемъ, триста рублей бумажками получалъ, семействомъ угнетенъ былъ, а не хуже людей жилъ. Прежде знали, что чиновнику тоже пить-ѣсть надо, ну, и мѣсто давали такъ, чтобъ прокормиться было чѣмъ... А отчего? оттого, что простота во всемъ была, начальственное снисхожденіе было—вотъ что!

«Много было у меня въ жизни случаевъ, доложу я вамъ, случаевъ истинно любопытнѣйшихъ. Губернія наша дальняя, дворянства этого нѣтъ: ну, и жили мы тутъ, какъ у Христа за пазушкой; съѣздишь, бывало, въ годъ разъ, въ губернскій городъ, поклонишься чѣмъ Богъ послалъ благодѣтелямъ и знать больше ничего не хочешь. Этого и не бывало, чтобъ подъ судъ попасть или ревизіи тамъ какія нибудь, какъ нынѣче: все шло себѣ какъ по маслу. А вотъ вы, молодые люди, поди-ка, чай, думаете, что нынѣче лучше: народъ, дескать, меньше терпитъ, справедливости больше, чиновники Бога знать стали. А я вамъ доложу, что все это напрасно-съ: чиновникъ все тотъ же, только тоньше, продувнѣе сталъ... Какъ послушаю я этихъ нынѣшнихъ-то, какъ они и про экономію-то и про благо-то общее начнутъ толковать, инда злость подъ сердце подступаетъ.

«Брали мы, правда, что брали—кто Богу не грѣшенъ, Царю не виноватъ? да вѣдь и то сказать, лучше, что ли, денегъ-то не брать, да и дѣла не дѣлать? Какъ возьмешь, оно и работать какъ-то сподручнѣе, поощрительнѣе. А нынѣче, посмотрю я, все разговоромъ занимаются, и все больше насчетъ этого безкорыстія, а дѣла не видно.

«Жили мы въ тѣ поры, чиновники, всѣ промежъ себя очень дружно. Не то, чтобъ зависть или чернота какая нибудь, а всякій другъ другу совѣтъ и помощь подаетъ. Проиграешь, бывало, въ картишки цѣлую ночь, все дочиста спустишь,—какъ быть? ну, и идешь къ исправнику. Батюшка, Демьянъ Иванычъ, такъ и такъ, помоги! Выслушаетъ Демьянъ Иванычъ, посмѣется начальнически: «вы, молъ, такіе-сякіе, приказные, и деньгу-то сколотить не умѣете, все въ кабакъ, да въ карты!» А потомъ и скажетъ: «ну, ужъ нечего дѣлать, ступай въ Шарковскую волость подать собирать». Вотъ и поѣдешь: подати-то не соберешь, а ребятишкамъ на молочишко будетъ.

«И вѣдь какъ это все просто дѣлалось! не то, чтобъ истязаніе или вымогательство какое нибудь, а пріѣдешь этакъ, соберешь сходъ.— Ну, молъ, ребятушки, выручайте! Царю-батюшкѣ деньги надобны: давайте подати.

«А самъ идешь-себѣ въ избу да изъ окошечка посматриваешь: стоятъ ребятушки да затылки почесываютъ. А потомъ и пойдетъ у нихъ смятеніе, вдругъ всѣ заговорятъ и руками замахаютъ, да вѣдь съ часъ времени этакъ-то прохлаждаются. А ты себѣ сидишь натурально въ избѣ да посмѣиваешься, а часомъ и сотскаго къ нимъ вышлешь: «будетъ, молъ, вамъ разговаривать—баринъ сердится». Ну, тутъ пойдетъ у нихъ суматоха пуще прежняго; начнутъ жеребій кидать. Это значитъ идетъ дѣло на ладъ, порѣшили итти къ засѣдателю, не будетъ ли божеская милость обождать до заработковъ.

«— Э-э-эхъ, ребятушки, да какъ же съ батюшкой Царемъ-то быть! вѣдь ему деньги надобны: вы хошь бы насъ, своихъ начальниковъ, пожалѣли!

«И все это ласковымъ словомъ, не то, чтобъ по зубамъ да за волосы: «Я, дескать, взятокъ не беру, такъ вы у меня знай, каковъ я есть окружный!» — нѣтъ, этакъ лаской да жалѣньемъ, чтобъ насквозь его, сударь, прошибло!

«— Да нельзя ли, батюшка, хоть до Покрова обождать?

«Ну, натурально, въ ноги.

«— Обождать-то, для-че не обождать? это все въ нашихъ рукахъ, да за что жь я передъ начальствомъ въ отвѣтъ попаду—судите сами.

«Пойдутъ ребята опять на сходъ, потолкуютъ, потолкуютъ, да и разойдутся по домамъ, а часика черезъ два, смотришь, сотскій и несетъ тебѣ за подожданье по гривнѣ съ души, а какъ въ волости-то душъ тысячи четыре, такъ и выйдетъ рублевъ четыреста, а гдѣ и больше... Ну, и ѣдешь домой веселѣе.

«А то вотъ у насъ еще фортель какой былъ—это обыскъ повальный. Эти дѣла мы приберегали къ лѣту, къ самой страдной порѣ. Выѣдешь это на слѣдствіе и начнешь весь окольный народъ сбивать; мало одной волости, такъ и другую прихватишь—всѣхъ тащи. Сотскіе же у насъ были народъ живой, тертый—какъ есть на всѣ руки. Сгонятъ человѣкъ триста, ну, и лежатъ они на солнышкѣ. Лежатъ день, лежатъ другой; у иного и хлѣбъ, что изъ дому взялъ, на исходѣ, а ты себѣ сидишь въ избѣ, будто взаправду занимаешься. Вотъ какъ видятъ, что время уходитъ — полевая то работа не ждетъ—ну, и начнутъ засылать сотскаго: «нельзя ли, дескать, явить милость, спросить въ чемъ слѣдуетъ». Тутъ и смекаешь: коли ребята сговорчивые, отчего жъ имъ удовольствіе не сдѣлать, а коли больно много артачиться станутъ, ну, и еще погодятъ денекъ-другой. Главное тутъ дѣло характеръ имѣть, не скучать бездѣльемъ, не гнушаться избой да кислымъ молокомъ. Увидятъ, что человѣкъ-то дѣльный, такъ и поддадутся, да и какъ еще: прежде по гривенкѣ, можетъ, просилъ, а тутъ—шалишь!—по три пятака, дешевле не моги и думать. Покончивши это, и переспросишь ихъ всѣхъ скопомъ:

«— Каковъ, молъ, такой-то Трифонъ Сидоровъ? мошенникъ?

«— Мошенникъ, батюшка, что и говорить, мошенникъ!

«— А вѣдь онъ лошадь-то у Морея укралъ? онъ, ребята?

«— Онъ, батюшка, онъ, должно.

«— А грамотные изъ васъ есть?

«— Нѣтъ, батюшка, какая грамота!

«Это говорятъ мужички повеселѣе: знаютъ, что, значитъ, отпускъ сейчасъ имъ будетъ.

«— Ну, ступайте съ Богомъ да впередъ будьте умнѣе.

«И отпустишь черезъ полчаса. Оно, конечно, дѣла немного, всего на нѣсколько минутъ, да вы посудите, сколько тутъ вытерпишь: сутки двое-трое сложа руки сидишь, кислый хлѣбъ жуешь... другой бы и жизнь-то всю проклялъ—ну, ничего такимъ манеромъ и не добудетъ».

Много было хорошихъ дѣльцовъ въ старое доброе время, — вотъ, напримѣръ, городничаго Фейера нельзя не похвалить: человѣкъ былъ знающій и къ службѣ усердный.

«Начальство наше все къ нему приверженность большую имѣло, потому какъ собственно онъ изъ воли не выходилъ и все исполнялъ до точности: иди, говоритъ, въ грязь—онъ и въ грязь идетъ, въ невозможности возможность найдетъ, изъ песку веревку совьетъ.

«По той единственно причинѣ ему всѣ его противоестественности съ рукъ и сходили, что человѣкъ онъ былъ золотой. Напишутъ это изъ *губерніи*—рыбу непремѣнно къ именинамъ надо, да такую, чтобъ была рыба, китъ не китъ, а около того. Мечется Фейеръ какъ угорѣлый, мечется и день и другой—есть рыба, да все не такая, какъ надо: то съ рыла вся въ именинника вышла, скажутъ личность, то молокъ мало, то перомъ не выходитъ, величественности совсѣмъ не имѣетъ. А у насъ въ губерніи любятъ, чтобъ каждая вещь въ настоящемъ видѣ была. Задумается Фейеръ да и засадитъ всѣхъ рыболововъ въ сибирку. Тѣ чуть не плачутъ.

«— Да помилуйте, ваше благородіе, гдѣ жь возьмешь этаку рыбу?

«— Гдѣ? а въ водѣ?

«— Въ водѣ-то, знамо дѣло, что въ водѣ; да гдѣ ее искать-то въ водѣ?

«— Ты рыболовъ? говори, рыболовъ ли ты?

«— Рыболовъ-то я точно, что рыболовъ...

«— А начальство знаешь?

«— Какъ не знать начальства! завсегда знаемъ.

«— Ну, слѣдственно...

«И являлась рыба, и такая именно, какъ быть слѣдуетъ, во всѣхъ статьяхъ.

«Присланъ былъ къ намъ Фейеръ изъ другаго города за отличіе, потому что нашъ городъ торговый и на рѣкѣ судоходной стоитъ. Передъ нимъ былъ городничій старикъ, и такой слабый да добрый. Осѣдлали его здѣшніе граждане. Вотъ пріѣхалъ Фейеръ на городничество и сзываетъ всѣхъ заводчиковъ, а у насъ ихъ не мало — до пятидесяти штукъ въ городѣ то.

«— Вы, молъ, такъ и такъ, платили старику по десяти рублевъ, ну, а мнѣ, говоритъ, этого мало: я, говоритъ, на десять рублевъ наплевать хотѣлъ, а надобно мнѣ три бѣленькихъ съ каждаго хозяина.

«Такъ куда тебѣ, и слушать не хотятъ.

«— Видали мы-ста экихъ щелкоперовъ...

«Онъ было вспыхнулъ.

«— Ну, говоритъ, такъ не хотите по три бѣленькихъ?

«— Пять рубликовъ, кричатъ: — ни копѣйки больше.

«— Ладно, говоритъ.

«Черезъ недѣлю глядь, что ни на есть къ первому кожевенному заводчику съ обыскомъ: «кожи-то, молъ, у тебя краденыя». Краденыя не краденыя, однако, откуда взялись, и у кого купилъ, заводчикъ объясниться не могъ.

«— Ну, говоритъ: не давалъ трехъ бѣленькихъ, давай пятьсотъ.

«Тотъ было ужь и въ ноги, нельзя ли поменьше, такъ куда тебѣ, и слушать не хочетъ.

«Отпустилъ его домой, да не одного, а съ сотскимъ. Принесъ заводчикъ деньги, да все думаетъ, не будетъ ли милости, не согласится ли на двѣсти рублевъ. Сосчиталъ Фейеръ деньги и положилъ ихъ въ карманъ.

«— Ну, говоритъ, принеси остальные триста.

«Опять кланяться сталъ купецъ, да нѣтъ, одеревенѣлъ человѣкъ, какъ одеревѣнѣлъ, твердитъ одно и то же. Попробовалъ еще сотню принесъ,—и ту въ карманъ положилъ, и опять:

«— Остальные двѣсти!

«И не выпустилъ-таки изъ сибирки, доколѣ всѣ сполна не заплатилъ.

«Видятъ парни, что дѣло дрянь выходитъ: и каменьями-то ему въ окна кидали, и ворота дегтемъ по ночамъ обмазывали, и собакъ цѣпныхъ отравливали — нейметъ ничего! Раскаялись. Пришли съ повинной, принесли по три бѣленькихъ, да не на того напали.

«Нѣтъ, говоритъ: не дали, какъ самъ просилъ, такъ не надо жь мнѣ ничего, коли такъ.

«Такъ и не взялъ: смекнулъ, видно, что по разнотѣ-то складнѣе, нежели скопомъ».

Мы не будемъ рѣшать въ точности, каковы литературныя достоинства этого разсказа: надобно ли только назвать его недурнымъ, или положительно хорошимъ или прекраснымъ,—для насъ, вѣроятно и для публики, это второстепенный вопросъ: главное то, что мемуары г. Щедрина интересны. Мы увѣрены, что публика наградитъ своимъ сочувствіемъ автора за то, что онъ вздумалъ подѣлиться съ нею своими записками о губернской жизни.

Въ томъ же нумерѣ «Русскаго Вѣстника» есть другая статья, также заслуживающая вниманія и одобренія. Это—небольшая «Замѣтка» написанная г. Безобразовымъ «по поводу статьи г. члена Вольнаго Экономическаго Общества, статскаго совѣтника Бланка: «Русскій помѣщичій крестьянинъ».

Статья г. Бланка обнаруживаетъ незнакомство автора съ предметомъ, о которомъ взялся онъ судить очень смѣло. Незнаніе вовлекло его въ важныя ошибки; а такъ какъ «Труды» Вольнаго Экономическаго Общества, въ которыхъ напечатана его статья, расходятся въ значительномъ числѣ экземпляровъ, и потому ошибочныя понятія г. Бланка могли бы многихъ ввести въ заблужденіе, то г. Безобразовъ поступилъ прекрасно, предупредивъ своею «Замѣткою» возможность недоумѣнія относительно вопросовъ, слишкомъ легкомысленно обсуживаемыхъ г. Бланкомъ. Возраженія написаны съ благороднымъ негодованіемъ на излишнюю рѣшительность тѣхъ людей, которые безъ всякихъ знаній берутся судить и рядить о важныхъ ученыхъ и практическихъ вопросахъ, да еще и вопіять противъ людей, которые, изучивъ предметъ, смѣютъ думать иначе. Еще больше возбуждаетъ негодованіе г. Безобразова низкое понятіе г. Бланка о русскомъ народѣ (къ которому принадлежатъ крестьяне).

«Г. Бланкъ (говоритъ авторъ «Замѣтки») начинаетъ свою статью выраженіемъ сожалѣнія *о распространеніи иностранцами и за ними нѣкоторыми русскими ложной идеи, будто невольничество или рабство одно и то же, что крѣпостное состояніе*... Въ этомъ отношеніи мы можемъ совершенно успокоить автора: сколько намъ извѣстно, никто, сколько нибудь знакомый съ исторіей и значеніемъ названныхъ понятій, ни въ Западной Европѣ, ни въ Россіи, никогда не выражалъ подобной мысли и потому не занимался столь странною въ глазахъ автора

пропагандою, точно такъ же, какъ никто не принимаетъ за одно и то же мѣщанство и дворянство въ Россіи и буржуазію и феодальную аристократію въ Европѣ. Если и были дѣлаемы подобныя сравненія, то только для уясненія различій въ развитіи и внутреннемъ строеніи общественныхъ сословій у насъ и на Западѣ. Притомъ же, указываемое авторомъ заблужденіе было бы, какъ мы увидимъ ниже, весьма странно, потому что крѣпостное состояніе — явленіе вовсе не чуждое Западной Европѣ: оно было, хотя съ нѣсколькими отличіями отъ русскаго, у всѣхъ европейскихъ народовъ. Авторъ говоритъ: «Это послѣднее учрежденіе (крѣпостное состояніе), *совершенно оригинальное, составляетъ исключительную собственность нашего отечества, не* будучи вовсе похоже ни на состояніе невольничества на Востокѣ и въ англійскихъ и другихъ колоніяхъ Азіи, Африки и Америки, ни на рабство, бывшее въ Римской имперіи и потомъ въ прочихъ государствахъ Западной Европы».

Чтобы опровергнуть его сужденія, основанныя на одномъ совершенномъ незнаніи, г. Безобразовъ дѣлаетъ выписку изъ экономическаго словаря Коклена и Гильйомена. Отрывокъ этотъ въ состояніи убѣдить каждаго, что западные экономисты очень хорошо знаютъ различіе между рабствомъ и крѣпостнымъ состояніемъ, и также осязательно показываетъ, что крѣпостное состояніе существовало нѣкогда во всѣхъ европейскихъ государствахъ, стало быть, вовсе не есть явленіе, которое можно было бы (подобно г. Бланку) считать свойственнымъ исключительно русской народности. Далѣе г. Бланкъ разсуждаетъ о западныхъ пролетаріяхъ, о смутахъ, которыя производятся этими пролетаріями, о томъ, что крѣпостное право предохраняетъ насъ отъ пролетаріата. Г. Безобразовъ очень справедливо замѣчаетъ на это:

«Какъ ни убѣдительны слова автора, но съ ними весьма трудно согласиться. Почему же, спросимъ мы его, нѣтъ у насъ пролетаріата не только въ одномъ крѣпостномъ состояніи, но и во всѣхъ другихъ, не только сельскихъ, но и городскихъ сословіяхъ? почему же нѣтъ и тѣни его въ званіи всякаго наименованія государственныхъ поселянъ, въ званіи обязанныхъ, государственныхъ крестьянъ, поселенныхъ на собственныхъ земляхъ? Авторъ видитъ причину спасенія нашего отечества отъ язвы пауперизма не тамъ, гдѣ она дѣйствительно находится: эта причина въ самомъ характерѣ нашего общественнаго устройства и хозяйственнаго порядка, въ самомъ способѣ владѣнія землей, одинаково дѣйствующемъ посреди всѣхъ безъ изъятія званій сельскихъ жителей, въ нашемъ народномъ бытѣ, ограждающемъ и сельскаго и городскаго жителя, какого бы они ни были состоянія, отъ безнадежной нищеты и бездомства, и наконецъ (и это главное) въ излишкѣ земли противъ потребностей народонаселенія. При всей нашей готовности вѣрить въ самое искреннее попеченіе нашихъ помѣщиковъ о благосостояніи ввѣренныхъ имъ крестьянъ, мы не думаемъ, чтобы, при другихъ условіяхъ, они были въ силахъ его обезпечить. Не лишнимъ также считаемъ мы, если не припомнитъ автору, то замѣтить здѣсь, что сельское населеніе въ Западной Европѣ далеко не принимало того участія въ печальныхъ экономическихъ и политическихъ событіяхъ Западной Европы, какъ городское; напротивъ того, оно было всегда лучшимъ представителемъ охранительныхъ элементовъ во всѣхъ государствахъ и только изрѣдка и, такъ сказать, вслѣдствіе всеобщей заразы было затронуто пауперизмомъ и духомъ возмущенія, гнѣздившимся преимущественно въ городскомъ рабочемъ классѣ».

Г. Бланкъ, пускаясь въ историческія фантазіи, воображаетъ, будто бы крѣпостное право всегда существовало въ русской землѣ; по своему незнанію, онъ смѣшиваетъ немногочисленныхъ холоповъ (дворовыхъ служителей), существовавшихъ въ старину, съ поселянами, которые не имѣютъ съ ними ничего общаго и прикрѣплены къ землѣ только уже въ концѣ XVI вѣка, всего ка-

кихъ нибудь двѣсти-шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Г. Безобразовъ выписками изъ статей г. Чичерина «О несвободныхъ состояніяхъ въ Россіи» снова обнаруживаетъ грубость ошибки г. Бланка, очевидную, впрочемъ, для всякаго, хотя въ уѣздномъ училищѣ учившагося русской исторіи по книжкѣ г. Устрялова. «Замѣтка» оканчивается слѣдующимъ образомъ:

«До сихъ поръ разсужденія автора статьи *Русскій помѣщичій крестьянинъ* о разныхъ выраженіяхъ изъ древняго русскаго права и быта, или, лучше, игра этими выраженіями, были только игрою и могли вызвать только улыбку сожалѣнія со стороны читателя о понапрасну истраченныхъ досугахъ между сельскими занятіями; но какъ злоупотребленіе всякою игрою можетъ повести иной разъ къ весьма печальнымъ результатамъ, такъ и авторъ приходитъ послѣ *своего историческаго очерка* къ заключенію, которое, *мы*, по крайней мѣрѣ, отказываемся называть шуткою, ибо убѣждены, что такое заключеніе въ рукахъ людей опытныхъ можетъ сдѣлаться далеко не шуткою. Вотъ оно, приводимъ его собственными словами автора:

«Итакъ, вотъ высокая идея связи власти съ повиновеніемъ, основанной на взаимныхъ выгодахъ, на заботливости о благосостояніи подчиненнаго лица и вмѣстѣ съ тѣмъ объ исполненіи имъ своего долга; твердыня, на которой создано помѣщичье и крѣпостное состояніе въ Россіи, существующее тысячелѣтіе; человѣколюбивѣйшая политика, обезпечивающая продовольствіе народа на самой власти, имъ управляющей, на самыхъ капиталахъ, заключающихся въ землѣ, ими же обработываемой; патріархальный семейный союзъ, безмысленно осуждаемый только эгоистами, желающими избавиться отъ священныхъ обязательствъ, которыя они имѣютъ относительно рабочаго класса, или людьми, не имѣющими поземельной собственности или пренебрегающими ею, или, наконецъ, слѣпыми подражателями и превозносителями нѣкоторыхъ западныхъ идей, заслужившихъ, подъ блескомъ ложной филантропіи, историческій патентъ разрушенія, неустроицы, варварства, грабежей и разврата. Укажите хотя на одно учрежденіе въ мірѣ, съ котораго были бы сколкомъ оригинальныя учрежденія Россіи о кабальныхъ и потомъ крѣпостныхъ крестьянахъ, проистекшія изъ ея народной опытности и самобытности, естественныя по ея мѣстоположенію и значенію, какъ государства преимущественно земледѣльческаго, какъ житницы Европы,—неизмѣнно съ усовершенствованіями пережившія и удѣльную систему, и вѣче, и владычество иноплеменныхъ татаръ, и бѣдственныя времена междуцарствія, и всѣ перемѣны, которымъ подверглось древнее русское законодательство вообще».

«Послѣ вышесдѣланныхъ нами указаній на порядокъ прикрѣпленія помѣщичьихъ крестьянъ къ землѣ и выписокъ изъ изслѣдованій объ образованіи крѣпостнаго состоянія въ Россіи,—какъ эти указанія и выписки ни кратки, мы можемъ сказать уже автору: нѣтъ, крѣпостное состояніе, окончательно утвержденное законодательствомъ не ранѣе начала XVIII столѣтія, не *твердыня* могущества Россіи, существующая тысячелѣтіе. нѣтъ, не оно дало силы русскому народу выдержать и удѣльную систему, и иго татаръ, и многія другія порабощенія: это не учрежденіе, коренящееся въ древнемъ русскомъ патріархальномъ союзѣ.—нѣтъ! это государственная мѣра, необходимо вызванная потребностями государственнаго благоустройства въ XVII вѣкѣ, точно такъ же, какъ было сообразною съ потребностями времени государственною мѣрою и прикрѣпленіе къ Средневѣковой Россіи другихъ сословій, бояръ и служилыхъ людей изъ вольныхъ слугъ, и какъ было государственною же мѣрою, сообразною съ потребностями другаго времени, надѣленіе дворянъ, при Екатеринѣ Великой, разными правами и преимуществами и дарованіе городскому сословію жалованной грамоты.

«Въ остальной части своей статьи г. Бланкъ всѣми силами превозноситъ нынѣ существующій у насъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ порядокъ хозяйства и отношеній землевладѣльцевъ къ крестьянамъ. Многое бы хотѣли мы сказать, но воздерживаемся до другаго раза. Говоря о русскомъ крестьянинѣ, авторъ не находитъ другихъ словъ, для изображенія естественныхъ его наклонностей, какъ: лѣность, пьянство, развратъ,

воровство, бродяжничество, буйство, непокорность, своеволіе и т. д.,—не можемъ умолчать о томъ тяжкомъ чувствѣ, которое оставила въ насъ эта характеристика. Какъ? Неужели вы не могли отыскать на вашей палитрѣ, столь щедрой для описанія печальнаго положенія западнаго пролетарія, другихъ, болѣе успокоительныхъ для глазъ, красокъ, когда стали говорить о русскомъ крестьянинѣ? Но этотъ народъ, вы сами же намъ сказали, вынесъ на себѣ удѣльную систему, иго татаръ, бѣдствія междоусобія, и вынесъ на своихъ плечахъ; онъ вынесъ на нихъ и много другихъ тяжелыхъ для насъ испытаній; онъ же стоялъ на бастіонахъ Севастополя; онъ же и теперь съ безпредѣльною покорностію передъ своею судьбою, терпѣливо возлагая свою участь на милость Бога и Царя, и твердо во всемъ на нее уповая, непоколебимо идетъ тою же своею сѣрою полоской и съ тѣмъ же невозмутимымъ спокойствіемъ во дни славы, какъ и во дни бѣдствій Россіи, тащитъ по родимой землѣ свою неуклюжую соху. Неужели нельзя было представить болѣе утѣшительную картину жизни русскаго крестьянина и, вспоминая все то, чѣмъ онъ обязанъ помѣщику, можно было бы не вспомнить и всего того, чѣмъ мы ему обязаны? Но оплакивать судьбу людей, отстоящихъ отъ насъ такъ далеко, какъ западный пролетарій, можетъ быть, легче, этотъ плачъ не влечетъ за собою никакихъ практическихъ послѣдствій.

«Наконецъ да позволено будетъ намъ одно послѣднее размышленіе. Не воспоминаніями о холопствѣ и кабалѣ древней Россіи и разрытіемъ могилъ, давно заросшихъ и новыми цвѣтами и новыми терніями, можетъ улучшить помѣщикъ бытъ ввѣренныхъ его попеченію крестьянъ и подвинуть собственное и ихъ благосостояніе. Нѣтъ! подобныя воспоминанія не только безплодны, но могутъ быть даже вредны: ибо, смотря назадъ, мы не можемъ въ то же время смотрѣть впередъ».

Въ дополненіе къ статьѣ г. Костомарова о древнемъ русскомъ стихотвореніи «Горе-Злочастіе» помѣщаемъ здѣсь замѣтку о томъ же предметѣ, написанную однимъ изъ нашихъ ученыхъ. Стихотвореніе, открытое г. Пыпинымъ, имѣетъ особенную важность для исторіи нашей литературы именно потому, что представляется единственнымъ образцомъ эпическаго разсказа изъ частнаго быта. Г. Буслаевъ, въ своей статьѣ о «Горѣ-Злочастіи», интересной потому, что въ ней помѣщены многіе отрывки изъ рукописей, не признаетъ этого качества за стихотвореніемъ, которое было напечатано въ нашемъ журналѣ. Вопросъ важенъ для литературы, и во взглядѣ на него мы вполнѣ согласны съ мнѣніями г. Костомарова и автора слѣдующей замѣтки.

«Въ 13—14 нумерахъ «Русскаго Вѣстника» помѣщена была обширная статья г. Буслаева по поводу древняго русскаго стихотворенія о «Горѣ-Злочастіи», изданнаго въ мартовской книжкѣ «Современника» нынѣшняго года. Не ограничиваясь ближайшимъ разсмотрѣніемъ этого памятника, авторъ счелъ нужнымъ обставить его другими фактами древней нашей письменности, гдѣ бы выражались явленія стариннаго быта, нашедшія себѣ мѣсто и въ повѣсти о «Горѣ»: такъ какъ первымъ началомъ несчастій добраго молодца, героя нашей повѣсти, была его разгульная жизнь, которая отчасти и обличается въ стихотвореніи, то г. Буслаевъ свелъ нѣкоторыя свидѣтельства старины о распространеніи этого порока въ русской жизни того времени, или по духовнымъ поученіямъ, русскимъ и переводнымъ, или же по свѣтскимъ сочиненіямъ и повѣстямъ, описывающимъ происхожденіе и вредъ хмѣльнаго питія. Статьи въ родѣ повѣсти «о худоумныхъ пьяницахъ» значительно распространены въ сборникахъ XVII—XVIII столѣтія и, конечно, доставляли запасъ поучительнаго чтенія, нерѣдко имѣвшій приложеніе къ жизни. Иныя изъ этихъ повѣстей

принадлежали, безъ сомнѣнія, русскимъ сочинителямъ. По близости своихъ сюжетовъ къ житейскимъ случаямъ, онѣ съ любопытствомъ перечитывались и наконецъ въ самой внѣшности получили отпечатокъ народнаго склада. Впрочемъ, наше стихотвореніе только одною стороною, и то далеко не главною, сходится съ этими на половину книжными произведеніями. Существенная мысль его прямо указана въ заглавіи стихотворенія: это—повѣсть о «Горѣ-Злочастіи», которое, въ самомъ дѣлѣ, является въ ней, конечно, столь же рѣзко очерченнымъ, какъ и личность добраго молодца. Завязка и весь ходъ стихотворенія ясно ведутъ къ тому, чтобы вывести на сцену это загадочное существо со всѣми его особенностями и аттрибутами. Оно занимаетъ въ стихотвореніи главную роль: какъ мало участвовала въ его изображеніи фантазія отдѣльнаго автора и какъ, слѣдовательно, необходимы были черты, съ какими является здѣсь «Горе-Злочастіе», можно судить по сравненію съ народными пѣснями, до сихъ поръ сохранившими съ большой свѣжестью представленіе объ этомъ лицѣ. Такое единство изображенія его въ памятникахъ народной словесности, раздѣленныхъ и пространствомъ и временемъ, само собою указываетъ, что образъ «Горя-Злочастія» былъ сильно напечатлѣнъ въ народныхъ понятіяхъ: онъ постоянно рисуется однѣми эпическими чертами и, безъ сомнѣнія, сохраняетъ въ себѣ отголосокъ древняго миѳическаго смысла. Г. Буслаевъ не признаетъ, впрочемъ, въ «Горѣ-Злочастіи» миѳическаго значенія, считая его такимъ же поэтическимъ олицетвореніемъ, какимъ является «злодѣй-тоска» въ нашихъ пѣсняхъ, или «правда и кривда» въ стихѣ о «Голубиной Книгѣ». Въ статьѣ г. Костомарова, въ нынѣшней книжкѣ «Современника», читатели найдутъ защиту противоположнаго мнѣнія, которое и намъ кажется болѣе близкимъ къ истинѣ. Поэтическое олицетвореніе, правда, имѣетъ свою долю участія въ народныхъ произведеніяхъ; но его не слѣдуетъ смѣшивать съ такимъ поэтическимъ олицетвореніемъ, которое осталось какъ слѣдъ стариннаго миѳическаго пониманія. Олицетворенія, которыми преисполнено Слово о Полку Игоревѣ, очевидно имѣютъ свое основаніе глубже простаго поэтическаго созерцанія, и именно въ миѳическихъ вѣрованіяхъ народа. Современная народная поэзія нерѣдко сохраняетъ тѣ же образы и картины, съ тою только разницею, что для нынѣшнихъ поколѣній давно уже исчезла возможность принимать эти образы въ древнемъ ихъ значеніи; но если теперь они стали чисто формальной принадлежностью пѣсни или сказки, это не отнимаетъ у нихъ прежняго смысла, дававшаго имъ мѣсто въ ряду космогоническихъ воззрѣній народнаго эпоса. Есть средство опредѣлять достоинство поэтическаго олицетворенія и по внѣшнему развитію образа: можно сомнѣваться въ его миѳологическомъ значеніи, когда онъ является частной и мелкой подробностью въ цѣломъ произведеніи, когда олицетвореніе играетъ роль болѣе или менѣе посторонюю для главнаго сюжета. «Горе-Злочастіе», напротивъ, выступаетъ вездѣ, какъ строго опредѣленная личность, понятая вполнѣ антропоморфически: олицетвореніе, доведенное до такихъ обширныхъ размѣровъ, было бы возможно развѣ только у сочинителя, очень знакомаго съ пріемами школьной піитики,—въ нашемъ же авторѣ, конечно, никто не станетъ подозрѣвать охоты къ аллегоріямъ, иносказаніямъ и тому подобнымъ реторическимъ тонкостямъ. Наконецъ, самая эпоха нашего стихотворенія, еще сильно привязанная къ старин-

нымъ повѣрьямъ, уцѣлѣвшимъ отъ языческаго быта,—эта эпоха наводитъ на мысль, что личность «Горя-Злочастія», миѳологическая въ своемъ древнемъ основаніи, и тогда могла быть понимаема съ подобной точки зрѣнія: иначе, она еще могла занимать мѣсто въ народной демонологіи, изъ которой, кажется, уже исчезла въ наше время.

«Г. Буслаевъ чувствовалъ необходимость указать миѳическую сторону въ содержаніи нашей повѣсти и, сближая ее съ западными и русскими преданіями, опирался единственно на первыхъ строкахъ повѣсти, составляющихъ родъ введенія къ дальнѣйшему разсказу. Но сравненіе нашего преданія съ западной «Пляской Смерти» и другими представленіями этого рода, слишкомъ отдаленно, если не натянуто. Какъ ни будемъ принимать начало нашего стихотворенія, говорящее объ Адамѣ и Евѣ,—позднѣйшей ли прибавкой, или дѣйствительною частью стихотворенія, — это начало имѣетъ съ главнымъ разсказомъ только отвлеченную связь: содержаніе ихъ различно и въ сущности независимо одно отъ другаго, и сближеніемъ нашей повѣсти съ произведеніями въ родѣ поэмы «Danse aux Aveugles», Петра Мишо, французскаго писателя XV столѣтія, г. Буслаевъ опять можетъ скорѣе дать превратное понятіе о мѣстѣ, какое повѣсть о «Горѣ-Злочастіи» должна занимать въ средѣ нашего народнаго эпоса. Далѣе, называя нашу повѣсть *старческой пѣсней*, какъ это сдѣлалъ г. Срезневскій, напечатавшій стихотвореніе въ академическихъ «Извѣстіяхъ», и за нимъ г. Буслаевъ,—мы едва ли вѣрно обозначимъ ея характеръ. Старческая пѣсня, или, какъ чаще говорятъ, духовный стихъ не былъ первоначальнымъ родомъ нашего народнаго эпоса, какъ былина или сказка; какъ явленіе христіанское, онъ образовался въ позднѣйшую пору, когда новое направленіе народныхъ понятій требовало и новаго поэтическаго выраженія. Авторъ статьи о «Горѣ-Злочастіи» опредѣляетъ, между прочимъ, значеніе духовнаго стиха, считая его и сказку двумя позднѣйшими формами, въ какія развилась наша духовная поэзія. «Послѣ сказки, другая художественная форма—говоритъ онъ—въ которой наша эпическая поэзія получила дальнѣйшее развитіе, есть духовный стихъ или старческая пѣсня. Въ немъ тотъ же спокойный и ровный разсказъ, то же невозмутимое теченіе рѣчи, обильное эпическими выраженіями, то же отсутствіе личныхъ интересовъ цѣвца. Несмотря на то, нельзя не замѣтить, что народная поэзія наша сдѣлала значительный шагъ впередъ въ этомъ родѣ стихотвореній. Первоначальныя эпическія пѣсни, которыя у древнерусскихъ грамотниковъ слыли за мірскія или бѣсовскія, глубоко коренились въ языческой старинѣ нашихъ предковъ, такъ что и самъ Владиміръ, по народному эпитету, Красное Солнышко, окруженный своими богатырями, является въ нихъ только какъ герой мірской, съ своими богатыми пирами. Еще болѣе языческой старины должны были видѣть благочестивые грамотники въ пѣсняхъ хороводныхъ, свадебныхъ и другихъ обрядныхъ. Что же касается до духовнаго стиха, то въ немъ наши предки нашли примиреніе просвѣщенной христіанствомъ мысли съ народнымъ поэтическимъ творчествомъ. Но такъ какъ между христіанскою идеею и поэтическою ея обработкою въ стихѣ не было никакого посредствующаго звена, то есть пѣвцы излагали свои христіанскія убѣжденія, не руководствуясь никакими литературными поэтическими образцами, то духовный стихъ вышелъ такъ же свѣжъ и наивенъ, какъ и прочія народ-

ныя пѣсни... Поэзіи мало было мѣста въ литературѣ строго религіозной, направленной къ практическимъ цѣлямъ—распространенія элементарныхъ началъ просвѣщенія. Отсюда понятно, почему богатые матеріалы повѣствовательнаго и даже высоко-поэтическаго содержанія, собранные въ переводныхъ патерикахъ Скитскомъ и Синайскомъ, въ нашемъ патерикѣ Печерскомъ и въ богатѣйшихъ собраніяхъ житій святыхъ, не вошли въ содержаніе народныхъ стиховъ, оставаясь достояніемъ немногихъ грамотниковъ. Изданіе духовныхъ стиховъ г. Кирѣевскаго убѣдитъ всякаго, что этотъ родъ нашей безъискусственной поэзіи ограничился самымъ тѣснымъ кругомъ нѣкоторыхъ житій святыхъ, пѣснями о началѣ и концѣ міра, немногими нравоучительными и аскетическими стихотвореніями... Слѣпые старцы и калики перехожіе, какъ въ старину называли нашихъ бродячихъ пѣвцовъ, не имѣли такого образованія, какое необходимо для изученія и возсозданія религіозныхъ повѣствовательныхъ матеріаловъ. Да и сама старинная публика, привыкшая къ повторительному слушанію однѣхъ и тѣхъ же эпическихъ пѣсенъ, не могла быть взыскательною къ однообразному содержанію духовныхъ стиховъ. Впрочемъ, надобно полагать, что калики перехожіе, люди бывалые, странствовавшіе по святымъ мѣстамъ, хранили нѣкоторыя литературныя преданія. По крайней мѣрѣ, они были проводниками, посредствомъ которыхъ немногія книжныя свѣдѣнія переходили въ безграмотную массу народа. И хотя они пользовались народнымъ пѣсеннымъ складомъ, однако, книжная начитанность не могла не положить замѣтныхъ слѣдовъ на ихъ произведенія, что особенно выразилось въ значительномъ господствѣ церковнославянскаго элемента надъ разговорнымъ русскимъ въ языкѣ духовныхъ стиховъ. Впрочемъ, проходя чрезъ поколѣнія безграмотныхъ старцевъ, они болѣе и болѣе высвобождались изъ-подъ этого элемента и принимали болѣе развязное теченіе языка разговорнаго. Этимъ объясняется разнообразіе и неровность слога въ духовныхъ стихахъ». Такимъ образомъ, духовный стихъ держится постоянно въ одной опредѣленной сферѣ и въ ней ограничился только немногими житіями святыхъ и нѣкоторыми нравственными положеніями. Только немногіе изъ духовныхъ стиховъ, каковы, напримѣръ, стихъ о «Голубиной книгѣ», о «Георгіи Храбромъ», возвышаются до многозначительнаго эпическаго изложенія. Причина этого лежитъ, повидимому, въ обширномъ значеніи самаго содержанія, входившаго въ кругъ чисто народныхъ поэтическихъ представленій о судьбѣ природы и человѣка, или же доставлявшаго возможность эпическаго развитія, какъ въ стихахъ о Борисѣ и Глѣбѣ и другихъ. Но вездѣ одинаково въ основѣ этихъ произведеній лежатъ или христіанскія воззрѣнія, или христіанскія личности, такъ что, и выходя иногда изъ обыкновенныхъ границъ своихъ, смѣшиваясь въ частностяхъ съ былиной, духовный стихъ вообще не можетъ существовать внѣ этихъ коренныхъ основаній. Потому сюжетъ «Горя-Злочастія» едва ли можетъ быть отнесенъ къ числу предметовъ, дающихъ содержаніе стиху: чисто поэтическое представленіе не подчинено въ немъ специально духовному до такой степени, какъ во всѣхъ другихъ произведеніяхъ этой религіозной поэзіи. Но начало и конецъ стихотворенія, спросятъ насъ: что касается до начальныхъ стиховъ, то, во-первыхъ, еще нельзя доказать, что они нераздѣльно соединяются съ самымъ разсказомъ; во-вторыхъ, при совершенно отличномъ содержаніи, они служатъ только къ тому, чтобы провести

извѣстный поучительный тонъ. Въ сущности только послѣдніе стихи о монастырской жизни даютъ стихотворенію колоритъ, свойственный старческимъ пѣснямъ; если же обратить вниманіе на главныя черты содержанія и выраженія, преобладающія въ цѣломъ стихотвореніи, то нельзя не замѣтить значительной разницы между нашей повѣстью и духовными стихами. Вѣрные своему происхожденію, эти послѣдніе отличаются обыкновенно аскетическимъ, безстрастнымъ къ житейскимъ интересамъ, настроеніемъ, которое, обнаруживаясь часто и въ языкѣ стремленіемъ къ формамъ церковнаго нарѣчія, составляетъ одну изъ коренныхъ принадлежностей стиха. Иные стихи до того проникнуты этимъ тономъ и архаическимъ стилемъ, что въ нихъ трудно бываетъ признать народное произведеніе; другіе и вовсе не имѣютъ въ себѣ народнаго начала, какъ прямое сочиненіе полуграмотныхъ старцевъ: даже пріобрѣтая популярность, подобные стихи сохраняютъ иногда свою первоначальную грубую форму, такъ какъ интересъ ихъ заключается только въ благочестивомъ содержаніи. Примѣры можно видѣть и въ изданіи Кирѣевскаго и въ нѣкоторыхъ выпискахъ г. Буслаева. Въ «Горѣ-Злочастіи», напротивъ, какъ, съ одной стороны, нельзя найти ничего, чтобы могло оскорбить слухъ, привыкшій къ вѣрному теченію народно-поэтическаго слова, такъ, съ другой стороны, нѣтъ и односторонняго піэтизма, присутствіе котораго едва ли бываетъ выгодно въ художественномъ отношеніи. Взглядъ неизвѣстнаго автора на несчастныя похожденія добраго молодца не страдаетъ никакими пристрастіями: рисуя отношенія своего героя къ преслѣдующему его «Горю-Злочастію», онъ какъ будто остается хладнокровнымъ свидѣтелемъ; въ пріемахъ его нельзя уловить ни желанія поучать, ни стремленія къ другимъ напередъ задуманнымъ цѣлямъ. Словомъ, вся манера представленія не подходитъ къ обыкновенному міросозерцанію, проявляющемуся въ духовныхъ стихахъ. Своимъ складомъ и картинами повѣсть о «Горѣ-Злочастіи» до такой степени близка къ произведеніямъ чистаго эпоса, что мы охотнѣе отнесемъ ее къ отдѣлу мірской старинной поэзіи: она ближе къ былинѣ, чѣмъ къ старческой пѣснѣ; авторъ ея скорѣе народный пѣвецъ, чѣмъ слѣпецъ-нищій. Къ тому же результату привелъ бы, безъ сомнѣнія, и внимательный разборъ стихотворенія со стороны языка и слога.

«По содержанію, наша повѣсть не можетъ быть вполнѣ причислена ни къ духовному эпосу, ни къ эпосу былины. Въ ней вовсе нѣтъ историческаго элемента, принадлежащаго послѣднему; нѣтъ и духовнаго сюжета, какіе обыкновенно развиваются въ первомъ: это—свѣтская *повѣсть*, за которой всего приличнѣе оставить названіе, данное ей въ старинной рукописи. Было уже замѣчено, что нѣкоторыя мѣста этой повѣсти почти буквально повторяются въ пѣсняхъ,—одна пѣсня «Безпечальна меня мати породила» вставлена цѣликомъ въ повѣсть, и это сближеніе снова говоритъ въ пользу нашей мысли. Пѣсни, съ которыми сходится повѣсть о «Горѣ», — пѣсни чисто свѣтскія, по идеѣ совершенно отличныя отъ религіозныхъ старческихъ пѣсенъ. Полная параллель нашего стихотворенія съ его источниками, отрывками или варіантами въ пѣсняхъ, была бы очень любопытна».

БИБЛІОГРАФІЯ.

Стихотворенія Н. Некрасова. *Москва. 1856.*

Читатели, конечно, не могутъ ожидать, чтобы «Современникъ» представилъ подробное сужденіе о «Стихотвореніяхъ» одного изъ своихъ редакторовъ.

Мы можемъ только перечислить здѣсь пьесы, вошедшія въ составъ изданной теперь книги. Вотъ ихъ списокъ:

Поэтъ и Гражданинъ, Въ дорогѣ, Власъ, Въ деревнѣ, Огородникъ, Извощикъ, «Такъ, служба! самъ ты въ той войнѣ», На улицѣ, Вино, Тройка, Забытая деревня, Школьникъ, Псовая охота, Гадающей невѣстѣ, Пьяница, Нравственный человѣкъ, Маша, Секретъ, Княгиня, Прекрасная партія, Въ больницѣ, Колыбельная пѣсня, «Отрадно видѣть, что находитъ», Филантропъ, Современная ода, Отрывки изъ путевыхъ записокъ графа Гаранскаго, Саша, Муза, Новый годъ, «Ты всегда хороша несравненно», Памяти пріятеля, Передъ дождемъ, «Тяжелый крестъ достался ей на долю», «Ахъ, были счастливые годы», «Блаженъ незлобивый поэтъ», «Въ невѣдомой глуши, въ деревнѣ полудикой», «Мы съ тобой безтолковые люди», Свадьба, Воспоминаніе, Письма, 14 іюня 1854 года, Петербургское утро, «Пускай мечтатели осмѣяны давно», «Самодовольныхъ болтуновъ», «Чуть-чуть не говоря: ты сущая ничтожность», За городомъ, «Безвѣстенъ я, я вами не стяжалъ». Влюбленному, «Ѣду ли ночью по улицѣ темной», «Я за то глубоко презираю себя». «Такъ это шутка», Несжатая полоса, «Я посѣтилъ твое кладбище», Старыя хоромы. «Да, наша жизнь текла мятежно», Застѣнчивость, «Внимая ужасамъ войны», «Я сегодня такъ грустно настроенъ», «Когда изъ мрака заблужденья», Старики, На родинѣ. Буря, Послѣдняя элегія, «Давно, отвергнутый тобою», «Если мучимый страстью мятежной», Отрывокъ, Сознаніе, Въ черный день, «Я не люблю ироніи твоей», Т.....ву, Прости, «Какъ ты кротка, какъ ты послушна», «Замолкни, Муза мести и печали».

Читатели замѣтятъ, что многія изъ этихъ пьесъ не были еще напечатаны. Нѣкоторыя изъ бывшихъ напечатанными являются нынѣ въ видѣ болѣе полномъ, нежели какъ были напечатаны прежде.

Изъ тѣхъ, которыя не были напечатаны, мы приведемъ здѣсь пьесы: «Поэтъ и Гражданинъ», «Забытая деревня», «Отрывки изъ путевыхъ записокъ графа Гаранскаго». [1])

. . . . . .

[1]) Перепечатывать здѣсь эти стихотворенія считаемъ въ настоящее время излишнимъ. Примѣчаніе издателя.

Замѣтки о журналахъ.

ОКТЯБРЬ 1856.

БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ И ЕЯ ПРОГРАММА.—ПОЛЕМИКА СЪ ОТЕЧЕСТВЕННЫМИ ЗАПИСКАМИ.

Читатели знаютъ изъ газетъ, что редакцію «Библіотеки для Чтенія» принялъ на себя г. Дружининъ, и, конечно, раздѣляютъ нашу увѣренность, что теперь русская литература будетъ имѣть однимъ хорошимъ журналомъ болѣе. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что новый редакторъ придастъ новую жизнь старшему изъ нашихъ литературныхъ журналовъ: въ томъ ручаются и извѣстныя достоинства г. Дружинина, какъ писателя, и независимое положеніе его въ литературномъ кругу, и общее уваженіе, которымъ онъ пользуется отъ всѣхъ своихъ собратовъ по литературѣ. «Современникъ» имѣлъ въ г. Дружининѣ одного изъ постоянныхъ своихъ сотрудниковъ втеченіе всѣхъ десяти лѣтъ своего существованія, и мы должны при настоящемъ случаѣ выразить ему за то искреннюю признательность: справедливость требуетъ признать, что г. Дружинину нашъ журналъ обязанъ многимъ. Продолжительныя и тѣсныя отношенія «Современника» съ г. Дружининымъ увѣряютъ насъ, что онъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые наиболѣе способны оживить и возвысить во мнѣніи публики журналъ. Его обширная начитанность, его близкое знакомство съ иностранными литературами, его тонкій вкусъ и вѣрный тактъ, его неутомимая дѣятельность,—качества, столь драгоцѣнныя и столь рѣдкія,—служатъ прочными ручательствами за то, что журналъ, имъ управляемый, пойдетъ по прекрасной дорогѣ. Многочисленныя литературныя связи г. Дружинина должны быть обезпеченіемъ за то, что отнынѣ у «Библіотеки для Чтенія» не будетъ недостатка въ матеріалахъ, достойныхъ вниманія и одобренія публики.

Программа, объясняющая, чѣмъ хочетъ и надѣется быть «Библіотека для Чтенія» подъ управленіемъ новаго редактора, написана съ тактомъ, который производитъ самое выгодное впечатлѣніе, и въ такомъ тонѣ, который внушаетъ довѣріе къ надеждамъ и обѣщаніямъ обновляющагося журнала. Журналъ не отказывается отъ своего прошедшаго, въ первомъ періодѣ котораго такъ много было блеска, но вполнѣ признаетъ необходимость принять суще-

ственныя измѣненія, сообразно настоящему развитію нашей литературы. «Новые дѣятели новаго литературнаго поколѣнія (говоритъ объявленіе), принимая на себя заботы о журналѣ, много лѣтъ считавшемся во главѣ всѣхъ современныхъ ему русскихъ періодическихъ изданій, не могутъ держаться тѣхъ самыхъ основаній, на которыхъ «Библіотека для Чтенія» издавалась двадцать лѣтъ назадъ, въ періодъ наибо́льшаго своего успѣха. Воззрѣнія измѣнились съ тѣхъ поръ, просвѣщеніе много двинулось впередъ, журнальное дѣло приняло иной ходъ и иныя условія, самый взглядъ на литературу понесъ великія измѣненія: всѣ эти обстоятельства не могутъ не обусловливать собой воззрѣній новой редакціи. Со всѣмъ тѣмъ, всякій журналъ имѣетъ свое прошлое, съ которымъ никогда не слѣдуетъ разрывать литературной связи. Какъ ни измѣнились наши мнѣнія о дѣятельности «Библіотеки для Чтенія» въ первые годы ея основанія, мы вполнѣ сознаемъ, что журналъ имѣлъ полное право на успѣхъ, имѣлъ свою физіономію, о которой не забудетъ новая его редакція. «Библіотека для Чтенія» была журналомъ истинно независимымъ отъ всѣхъ литературныхъ партій, служила посредницей между русскимъ читателемъ и дѣятелями иностранныхъ словесностей и отличалась не только разнообразіемъ, но и общедоступностью статей, въ ней помѣщавшихся. Этихъ самыхъ основаній будетъ тщательно держаться новая редакція. Она озаботится полнотою всѣхъ отдѣловъ, обратитъ особенное вниманіе на нетронутыя еще сокровища старой и новой иностранной словесности и станетъ стремиться къ тому, чтобы каждая статья въ журналѣ могла быть занимательною для каждаго читателя. Критическая часть изданія пріобрѣтетъ полную независимость, можетъ быть, даже смѣлость, исходящую изъ этой самой независимости. Отдѣляясь отъ всѣхъ литературныхъ партій, мы не ставимъ себя къ нимъ во враждебное отношеніе. Глубоко сочувствуя всякой дѣятельности на пользу отечественнаго просвѣщенія, мы не можемъ даже понять возможности мелкой полемики въ нашемъ журналѣ. Какъ бы смѣлы мы ни были въ нашихъ отзывахъ, намъ никогда не случится забыть, что мы спорим не съ врагами, а съ литературными товарищами, по разнымъ дорогамъ идущими къ одной и той же общей цѣли».

Нельзя не признать, что программа эта написана съ достоинствомъ и прямотою, съ умѣренностью и, вмѣстѣ, твердостью. «Библіотека для Чтенія» будетъ отнынѣ журналомъ съ самостоятельными мнѣніями, эти мнѣнія будутъ выражаться съ благородною смѣлостью, чуждою мелочной придирчивости, но столь же чуждою и робкой шаткости. Читатели, знающіе г. Дружинина, конечно, увѣрены въ томъ, что это и не можетъ быть иначе въ журналѣ, имъ управляемомъ. «Библіотека для чтенія» не будетъ отголоскомъ того или другаго изъ остальныхъ нашихъ журналовъ, но не будетъ враждебна ни къ одному изъ добросовѣстныхъ мнѣній, хотя бы и не раздѣляла ихъ: даже на тѣхъ изъ сотоварищей по литературѣ, мнѣнія которыхъ должна будетъ опровергать для проведенія собственныхъ убѣжденій, она будетъ смотрѣть не какъ на враговъ, а какъ на товарищей по стремленію къ общей цѣли, при всей разности въ понятіяхъ о достиженіи этой цѣли,—словомъ, она хочетъ имѣть своимъ девизомъ «независимость и терпимость, твердость убѣжденій и доброжелательство». Какая программа можетъ быть лучше и благороднѣе?—А тонъ

объявленія и имя новаго редактора, повторяемъ, ручаются за неуклонное исполненіе этой благородной программы.

Но какими же силами владѣетъ въ своихъ сотрудникахъ новая редакція «Библіотеки для Чтенія» для доставленія своему журналу живости и разнообразія, для обезпеченія его литературныхъ и ученыхъ достоинствъ?—Списокъ новыхъ участниковъ, [1]) пріобрѣтенныхъ журналу новою редакціею, даетъ на это отвѣтъ совершенно удовлетворительный. Тутъ мы видимъ имена, принадлежащія людямъ самихъ различныхъ литературныхъ партій—ручательство за то, что журналъ будетъ занимать среди ихъ независимое положеніе—и почти всѣ эти имена пользуются болѣе или менѣе выгодною извѣстностью—ручательство за то, что въ хорошихъ статьяхъ журналъ не будетъ имѣть недостатка.

Исчисливъ главныхъ своихъ сотрудниковъ и объяснивъ важнѣйшія улучшенія, которыя вводитъ въ каждомъ отдѣлѣ журнала, новая редакція «Библіотеки для Чтенія» заключаетъ свою программу, обѣщая «дѣятельность честную и постоянную, и упорную», символомъ которой будетъ служить эпиграфъ всего изданія, взятый изъ Гёте: Ohne Hast, ohne Rast—«безъ отдыха, безъ торопливости».—Можно и должно вѣрить подобному обѣщанію такого писателя, какъ новый редакторъ «Библіотеки для Чтенія». Но онъ проситъ судить о тѣхъ улучшеніяхъ, которыя даются «Библіотекѣ для Чтенія» его управленіемъ, не по однимъ только обѣщаніямъ въ будущемъ, но и по тѣмъ результатамъ, которые отчасти уже достигаются имъ въ настоящемъ. Послѣднія книжки «Библіотеки для Чтенія» за 1856 г., издаваемыя новою редакціею—говоритъ программа—«дадутъ публикѣ возможность судить какъ объ улучшеніяхъ по журналу, такъ и о томъ литературномъ характерѣ, отъ котораго уже не будетъ уклоняться «Библіотека для Чтенія».—По окончаніи года, мы выскажемъ общее впечатлѣніе, которое произведетъ на насъ обозрѣніе всѣхъ нумеровъ, изданныхъ новою редакціею, а теперь пока скажемъ, что первый изъ этихъ нумеровъ, октябрьская книжка «Библіотеки для Чтенія», свидѣтельствуетъ о дѣятельности новой редакціи выгоднымъ образомъ. Составъ книжки очень разнообразенъ, многія статьи живы и интересны. Статья редактора о великомъ реформаторѣ Пруссіи, другѣ Императора Александра I, баронѣ Штейнѣ заслуживаетъ особеннаго вниманія. Изъ трехъ стихотвореній г. Некрасова, напечатанныхъ въ этомъ нумерѣ «Библіотеки», мы позволяемъ себѣ выписать здѣсь одно:

ШКОЛЬНИКЪ.

Ну, пошелъ же, ради Бога!
Небо, ельникъ и песокъ—
Невеселая дорога...
Ей, садись ко мнѣ, дружокъ!

---

[1]) Оба редактора «Современника» почли своею обязанностью быть сотрудниками «Библіотеки для чтенія», новый редакторъ которой пріобрѣлъ великое право на ихъ благодарность какъ прежнимъ своимъ постояннымъ и въ высшей степени полезнымъ сотрудничествомъ, такъ и тѣмъ, что остается и теперь, по прежнему, постояннымъ сотрудникомъ «Современника».

Ноги босы, грязно тѣло
И едва прикрыта грудь...
Не стыдися! Что за дѣло?
Это многихъ славныхъ путь.

Вижу я въ котомкѣ книжку—
Такъ, учиться ты идешь.
Знаю, батька на сынишку
Издержалъ послѣдній грошъ;

Знаю, старая дьячиха
Отдала четвертачокъ,
Что проѣзжая купчиха
Подарила на чаекъ.

Или, можетъ, ты дворовый
Изъ отпущенныхъ?.. Такъ что жь
Случай тоже ужь не новый:
Не робѣй, не пропадешь!

Скоро ты узнаешь въ школѣ,
Какъ архангельскій мужикъ,
По своей и Божьей волѣ
Сталъ разуменъ и великъ.

Не безъ добрыхъ душъ на свѣтѣ...
Кто нибудь свезетъ въ Москву:
Будешь въ университетѣ,
Сонъ свершится на яву!

Тамъ ужь поприще широко—
Знай работай да не трусь...
Вотъ за что тебя глубоко
Я люблю, святая Русь!

Не бездарна та природа,
Не погибъ еще тотъ край,
Что выводитъ средь народа
Столько славныхъ черезъ край.

Столько славныхъ, благородныхъ,
Сильныхъ любящей душой
Посреди тупыхъ, холодныхъ,
И напыщенныхъ собой.

Мы увѣрены, что въ слѣдующемъ году «Библіотека для чтенія» будетъ имѣть въ публикѣ успѣхъ, заслуживаемый улучшеніями, какія сообщаются этому журналу новою его редакціею, и впередъ радуемся этому успѣху. Но не всѣ думаютъ, подобно намъ, что одинъ журналъ долженъ радоваться успѣхамъ другихъ. У иныхъ всякое улучшеніе въ чужомъ журналѣ возбуждаетъ чувство болѣзненнаго раздраженія, совершенно напраснаго. Вотъ, напримѣръ, едва только мы объявили, что со слѣдующаго года гг. Григоровичъ, Островскій, Толстой и Тургеневъ будутъ помѣщать свои новыя произведенія исклю-

чительно въ нашемъ журналѣ, какъ одинъ изъ русскихъ журналовъ воскипѣлъ величайшимъ негодованіемъ и наполнился желчными выходками противъ насъ и нашихъ сотрудниковъ. Эту роль угодно было принять на себя, къ сожалѣнію, «Отечественнымъ Запискамъ»,—къ сожалѣнію, говоримъ мы, потому что, уважая прекрасное прошедшее этого журнала, мы не хотѣли бы видѣть, чтобы онъ измѣнялъ прежнему своему достоинству и становился въ положеніе, котораго никто не одобритъ.

Октябрьская книжка «Отечественныхъ Записокъ» посвящаетъ «Современнику» нѣсколько десятковъ страницъ. Походъ начинается длиннѣйшею филиппикою г. Галахова противъ одного изъ эпизодовъ статьи г. Лайбова о «Собесѣдникѣ Любителей Россійскаго Слова»; предполагая, вѣроятно, большія достоинства въ этой филиппикѣ, «Отечественныя Записки» помѣстили ее въ отдѣлъ критики. Затѣмъ, въ «Литературныхъ и Журнальныхъ Замѣткахъ» слѣдуютъ выходки противъ шестой статьи «Очерковъ гоголевскаго періода», противъ объявленія о томъ, что господа Григоровичъ, Островскій, Толстой и Тургеновъ съ наступающаго года будутъ помѣщать свои статьи исключительно въ «Современникѣ», и наконецъ вновь противъ статьи г. Лайбова. Словомъ, батареи гремятъ... Причина этого грома ясна.

Но подумали ль «Отечественныя Записки» о томъ, какую роль онѣ принимаютъ на себя? Вѣдь онѣ становятся относительно «Современника» въ то самое положеніе, въ какомъ нѣкогда угодно было стоять «Сѣверной Пчелѣ» относительно «Отечественныхъ Записокъ». Объяснять ли свойство этой роли? Оно въ старые годы было прекрасно объясняемо «Отечественными Записками», когда онѣ подвергались добросовѣстнымъ нападеніямъ правдолюбивой газеты за то, что были журналомъ не похожимъ на журналы, издававшіеся издателями «Сѣверной Пчелы». Напомнимъ «Отечественнымъ Запискамъ» ихъ прежнее благородное время, ихъ прежнія справедливыя и прекрасныя слова. Они совершенно прилагаются къ настоящему случаю; только—увы—то, что говорилось тогда «Отечестве ными Записками» о «Сѣверной Пчелѣ», могло быть сказано нынѣ «Современникомъ» объ «Отечественныхъ Записках».

«Сентябрь мѣсяцъ—время подписки на журналы, время крика и тревогъ въ извѣстной сторонѣ русской журналистики. Журнальцы или газеты, для которыхъ наука, искусство, литература—не болѣе, какъ слова, сидящія въ ихъ программахъ, ждутъ не дождутся этого блаженнаго времени. Цѣлый годъ чахнутъ они отъ недостатка пищи и только въ это время начинаютъ какъ будто оживать. Слышите ли, какъ они теперь начинаютъ разсказывать всевозможныя выдумки о журналахъ, которые, гордецы, и знать не хотятъ ихъ; какъ увѣряютъ, что тѣ журналы, суду которыхъ публика вѣритъ и на которые подписывается, никуда не годятся... Словомъ, въ это время газеты воскресаютъ и начинаютъ заниматься тѣмъ, что на ихъ языкѣ называется *литературою* и что на обыкновенномъ языкѣ называется *сплетнями*. Это фактъ замѣчательный: на него непремѣнно долженъ обратить свое вниманіе будущій историкъ такъ называемой русской литературы, долженъ сообщить его всему образованному міру. «Русскіе журналы»—скажетъ онъ съ горькою улыбкою—«большею частью снятъ впродолженіе года; они просыпаются только отъ сентября до декабря мѣсяца и, проснувшись, начинаютъ говорить о подписчикахъ, выдумывая другъ на друга сплетни». За такое открытіе будущему историку скажетъ спасибо Европа, въ которой до сихъ поръ не бывало и нѣтъ еще ничего подобнаго. Кто не знаетъ, что вездѣ есть журнальные споры, вездѣ есть полемика, гдѣ только есть литература? Но эти споры

имѣютъ источникомъ своимъ разнорѣчіе въ ученыхъ или литературныхъ убѣжденіяхъ двухъ сторонъ; отъ преній между этими сторонами выигрываетъ или наука, или общество; у насъ же,—извините,—дѣло идетъ о предметѣ гораздо интереснѣйшемъ—о числѣ подписчиковъ чужаго журнала, о чужихъ приходахъ и расходахъ..

«На этомъ поприщѣ съ честію и славою всегда подвизалась «Сѣверная Пчела» преимущественно передъ всѣми другими русскими журналами. Ежегодно пробуждается она въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Къ этому мы такъ же привыкли, какъ къ ежедневной смѣнѣ дня ночью, и, признаемся, начинали уже удивляться, что въ нынѣшнемъ году «Сѣверная Пчела» какъ будто измѣнила неизмѣнному закону своего существованія—молчала въ то время, какъ почти всѣ журналы объявили о подпискѣ на будущій годъ; мы уже безпокоились о здоровьѣ «Сѣверной Пчелы» и думали, что русская журналистика лишилась одного изъ своихъ родимыхъ пятнышекъ, такъ рѣзко обозначающихъ ея физіономію. Но опасенія наши исчезли съ появленіемъ 207 нумера (18 сентября) этой газеты. Нѣтъ, жива «Сѣверная Пчела»! опять воскресли ея объявленія о подпискѣ на журналы! 207 нумеръ ея обогащаетъ новымъ фактомъ разсказъ будущаго историка русской литературы, выясняя ему одну изъ самыхъ занимательныхъ торговыхъ и нравственныхъ сторонъ нашей журналистики.

«Всѣмъ извѣстны отношенія «Сѣверной Пчелы» къ «Отечественнымъ Запискамъ»; всѣмъ извѣстно, какъ, еще до появленія первой ихъ книжки, «Сѣверная Пчела» въ 25 статьяхъ доказывала, что этотъ журналъ (еще не появившійся) никуда не годится и умретъ при самомъ своемъ началѣ. Извѣстно также, какъ оправдались эти предсказанія и какъ съ тѣхъ поръ «Сѣверная Пчела,» всегда больная чужимъ здоровьемъ, преимущественно страдала и страдаетъ отъ цвѣтущаго здоровья «Отечественныхъ Записокъ.» Впродолженіе трехъ лѣтъ она не переставала повторять, и прямо и косвенно, тѣ же самыя фразы, увѣщевая читателей, ради всего святаго, не подписываться на «Отечественныя Записки», дерзавшія такъ откровенно высказывать свое мнѣніе о ней самой и о сочиненіяхъ ея издателей. Но представьте же непокорство этой своенравной публики: она съ каждымъ годомъ, какъ бы на зло увѣщаніямъ «Сѣверной Пчелы», подписывалась на большее число экземпляровъ «Отечественныхъ Записокъ» и наконецъ простерла дерзость свою и охоту читать этотъ журналъ до того, что «Отечественныя Записки» не только здраво и невредимо просуществовали три года, но объявили объ изданіи на четвертый годъ, да еще и съ новыми улучшеніями. («Отеч. Зап.», томъ XVIII, Библ. Хрон., стр. 63—64).

Тутъ нужно только поставить на мѣсто «Отечественныхъ Записокъ»—«Современникъ», на мѣсто «Сѣверной Пчелы»—«Отечественныя Записки», на мѣсто «трехъ лѣтъ» и «объявленія на четвертый годъ»—«десять лѣтъ» и «объявленіе на одиннадцатый годъ», на мѣсто «сентябрь»—«октябрь»,—всѣ остальныя подробности не нуждаются ни въ малѣйшихъ измѣненіяхъ, чтобы прямо примѣняться къ настоящему случаю.

Но подобными нападеніями тотъ ли достигается результатъ, который имѣется въ виду? Опять просимъ «Отечественныя Записки» припомнить, вредъ или пользу приносили имъ нападки «Сѣверной Пчелы». Въ былое время «Отечественныя Записки» хорошо понимали это. «Современникъ» пріобрѣлъ честь служить единственнымъ журналомъ, въ которомъ будутъ помѣщать свои произведенія четыре литератора, пользующіеся особенною любовью публики,—онъ гордится этою честью, онъ объявляетъ о томъ, онъ хочетъ, чтобы всѣ читатели знали это,—что же дѣлаютъ «Отечественныя Записки»? начинаютъ шумно толковать о томъ самомъ, что такъ пріятно для «Современника». Спрашивается: во вредъ или въ пользу «Современнику» послужитъ шумъ, поднимаемый «Отечественными Записками?» Конечно, чѣмъ больше будутъ толковать о томъ, что гг. Григоровичъ, Островскій, Толстой и Тургеневъ будутъ со слѣдующаго года

помѣщать свои произведенія исключительно въ «Современникѣ», тѣмъ бо́льшую услугу окажутъ нашему журналу. Бывало, точно такія же услуги оказывала «Сѣверная Пчела» «Отечественнымъ Запискамъ», и пусть «Отечественныя Записки» вспомнятъ, съ какимъ чувствомъ принимали онѣ ея хлопоты о распространеніи ихъ извѣстности. Вотъ подлинныя слова старыхъ «Отечественныхъ Записокъ» объ этомъ предметѣ. Каждая фраза, каждое слово этого прекраснаго замѣчанія вполнѣ и буквально примѣняются къ шуму, поднимаемому «Отечественными Записками» о нашемъ журналѣ.

«Вѣроятно, немногіе изъ читателей подозрѣваютъ истинныя отношенія «Сѣверной Пчелы» къ «Отечественнымъ Запискамъ»: бо́льшая часть убѣждена, что между обоими этими изданіями существуетъ вражда непримиримая, ненависть заклятая. Такъ должно бы, казалось, заключать по наружности... Но, милостивые государи, наружность обманчива, особенно наружность журнальныхъ перебранокъ, которыхъ настоящее значеніе можетъ быть объяснено только временемъ. Время мало по малу объяснило и отношенія наши къ «Сѣверной Пчелѣ»; скрывать долѣе истину опасно, ибо дальнѣйшая мистификація можетъ быть безполезною: читатели сами скоро будутъ въ состояніи обличить ее. Впрочемъ, прозорливѣйшіе изъ нихъ давно уже поняли, въ чемъ дѣло, и давали намъ это чувствовать: они видѣли, что «Сѣверная Пчела» всегда состояла *по особымъ порученіямъ* при «Отечественныхъ Запискахъ» съ самаго начала изданія этого журнала, и не только никогда не старалась вредить ему, но съ неутомимымъ усердіемъ распространяла его извѣстность до отдаленнѣйшихъ концовъ читающаго міра. Было бы неблагодарностью съ нашей стороны молчать объ услугахъ и не изъявить этой газетѣ признательности. — особенно теперь, когда мы уже пользуемся этими услугами пять лѣтъ... Пять лѣтъ усердной службы—это, право, стоитъ награды, и вотъ, при окончаніи пятаго года изданія «Отечественныхъ Записокъ», долгомъ считаемъ принести «Сѣверной Пчелѣ» нашу искреннюю благодарность за все то, что сдѣлано ею втеченіе этого времени въ нашу пользу. А сдѣлано ею многое, и очень многое. Вспомните: прежде еще, нежели мы успѣли объявить о намѣреніи своемъ издавать журналъ, «Сѣверная Пчела» предварила объ этомъ публику нѣсколькими статьями безъ всякой съ нашей стороны просьбы и тѣмъ заинтересовала читателей увидѣть поскорѣе новый журналъ; послѣ появленія программы, она неутомимо хлопотала о томъ, чтобъ всѣ узнали эту программу, и каждый день твердила о ней каждому изъ своихъ читателей; по выходѣ первой книжки журнала, она тотчасъ напечатала оглавленіе статей ея, съ разборомъ каждой изъ нихъ, и потомъ начала еженедѣльно и ежедневно толковать объ «Отечественныхъ Запискахъ», и только объ однѣхъ «Отечественныхъ Запискахъ», какъ будто бы, кромѣ ихъ, не было въ Россіи не одного журнала. Такое постоянное обращеніе къ одному и тому же изданію впродолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ и цѣлыхъ годовъ постоянно заинтересовывало публику, возбуждало въ ней желаніе читать журналъ... Словомъ, «Сѣверная Пчела» ни разу не измѣняла своей обязанности въ отношеніи къ «Отечественнымъ Запискамъ» и дѣлала въ пользу ихъ все, что только могла дѣлать. Бо́льшаго мы и не имѣли права отъ нея требовать. Постоянно пять лѣтъ была она на стражѣ нашихъ интересовъ и служила на пользу нашу вѣрой и правдой, по крайнему своему разумѣнію. Умудренная многолѣтнимъ опытомъ, она знаетъ, какъ важно для всякаго журнала напоминать о немъ публикѣ въ то именно время, когда онъ объявляетъ подписку на слѣдующій годъ, когда онъ объясняетъ предполагаемыя имъ улучшенія; она понимаетъ, что чѣмъ болѣе число читателей будетъ знать это, тѣмъ выгоднѣе для журнала,—и вотъ она усиливаетъ свою дѣятельность осенью и, по выходѣ объявленія о продолженіи «Отечественныхъ Записокъ», толкуетъ о нихъ ежедневно однажды навсегда принятымъ тономъ, хлопочетъ неутомимо о распространеніи подписки на этотъ журналъ... Спасибо, и еще разъ спасибо, доброй газетѣ! Такъ поступала она впродолженіе пяти лѣтъ, такъ поступаетъ до сихъ поръ и, мы увѣрены, не разсердится на насъ за откровенное объясненіе передъ публикою настоящихъ ея къ намъ отношеній. Мы, и

безъ того уже, долго молчали о томъ; благодарность наша не въ силахъ долѣе скрываться, и мы рѣшились публично засвидѣтельствовать ее. Это, по нашему мнѣнію, нисколько не должно уменьшить, а, напротивъ, увеличить усердіе «Сѣверной Пчелы», которую мы убѣдительно просимъ и на этотъ разъ не прекращать своихъ напоминаній объ открывшейся теперь подпискѣ на изданіе нашего журнала въ 1844 году. Мы были бы въ отчаяніи, еслибъ «Сѣверная Пчела» *отложилась* отъ «Отечественныхъ Записокъ»: такой усердной помощницы не найти намъ... Но нѣтъ! мы чувствуемъ, «Сѣверная Пчела» создана для услугъ «Отечественнымъ Запискамъ»; измѣнить этому назначенію—для нея значило бы умереть... («Отечественныя Записки», томъ XXX, Смѣсь, стр. 118—120).

Удивительна точность, съ какою всѣ обстоятельства борьбы «Сѣверной Пчелы» противъ «Отечественныхъ Записокъ» повторялись и повторяются въ борьбѣ «Отечественныхъ Записокъ» противъ нашего журнала. Все буквально сходно: какъ «Сѣверная Пчела», еще до появленія первой книги «Отечественныхъ Записокъ», осыпала ихъ безцеремонными выходками, точно также, въ свою очередь, «Отечественныя Записки» еще до появленія первой книги «Современника» уже возставали противъ начинающагося журнала [1]); какъ неутомимо хлопотала «Сѣверная Пчела» о распространеніи извѣстности «Отечественныхъ Записокъ» втеченіе пяти лѣтъ, такъ неутомимо «Отечественныя Записки» хлопочутъ уже десять лѣтъ о распространеніи извѣстности «Современника», и съ такою же пользою для нашего журнала. Вѣрная служба ихъ намъ вдвое продолжительнѣе, потому мы имѣемъ двойную обязанность выразить къ «Отечественнымъ Запискамъ» ту же самую благодарность, какую онѣ выражали нѣкогда «Сѣверной Пчелѣ»:

«Лестное вниманіе къ намъ со стороны «Сѣверной Пчелы» и вѣрная долговременная служба ея «Отечественнымъ Запискамъ» трогаютъ насъ до глубины души, и мы, въ концѣ года, обязанностію считаемъ свидѣтельствовать ей нашу искреннюю благодарность. Почти не бываетъ нумера этой газеты, въ которомъ не говорилось бы, прямо или косвенно, объ «Отеч. Запискахъ». Будемъ надѣяться, что въ слѣдующемъ году усердіе «Сѣверной Пчелы» не ослабнетъ. («Отеч. Зап.» томъ XXXI, Смѣсь, стр. 128).

Но—говорили въ старину «Отечественныя Записки», несмотря на всю свою глубокою признательность къ усердной служительницѣ — необходимо бывало иногда противорѣчить ей, потому что излишнее усердіе ея къ своему дѣлу вовлекало ее иногда въ ошибки, о которыхъ невозможно было молчать:

«Но какъ ни умѣемъ мы чувствовать услугъ, намъ оказываемыхъ, однакожъ, дорого цѣня истину, не можемъ иногда не поправлять ошибокъ, дѣлаемыхъ «Сѣверною Пчелою» въ статьяхъ объ «Отечественныхъ Запискахъ». Въ усердіи своемъ къ нашимъ пользамъ, эта добрая помощница наша иногда говоритъ больше, нежели сколько требуетъ отъ нея ея обязанность,—а это можетъ вводить публику въ заблужденіе. Нашъ долгъ—останавливать такое слѣпое усердіе и вводить его въ надлежащія границы».

Читатели знаютъ, что мы давно — съ начала нынѣшняго года, когда принуждены были посовѣтовать «Отечественнымъ Запискамъ» не продолжать удивительныхъ статей г. В. Б — ва о мнѣніяхъ «Современника» (въ чемъ

[1]) Смотр. „Сѣв. Пчелу“ за послѣднюю половину 1838 года и „Отеч. Зап.“ за послѣднюю половину 1846 года.

«Отечественныя Записки» и послушались нашего совѣта) — не обнаруживали ни малѣйшей охоты разсуждать съ «Отечественными Записками», хотя этотъ журналъ рѣшительно въ каждомъ нумерѣ дѣлалъ нѣсколько прямыхъ или косвенныхъ выходокъ противъ нашего журнала (какъ нѣкогда «Сѣверная Пчела» противъ «Отечественныхъ Записокъ»). Читатели повѣрятъ намъ, что мы не чувствуемъ особеннаго расположенія къ тому и въ настоящее время. Точно таково было нѣкогда расположеніе «Отечественныхъ Записокъ» относительно отвѣтовъ на выходки «Сѣверной Пчелы».

«Если мы когда либо доходили до какихъ нибудь объясненій (съ ратниками «Сѣв. Пчелы»), то не иначе, какъ отвѣчали на ихъ выходки и придирки. И вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ въ «Отеч. Запискахъ» совсѣмъ не появлялось такого рода объясненій, изъ чего, однакожъ, отнюдь не должно заключать, чтобъ имъ не на что и некому было отвѣчать, но что онѣ не хотѣли только обращать вниманія на немощныя усилія своихъ почтенныхъ доброжелателей. Подобная умѣренность только еще болѣе раздражала ихъ, и они съ большею настойчивостію напрашиваются на наше благосклонное вниманіе. Что дѣлать? Надо на время отложить гордость въ сторону: въ журналѣ, какъ и въ обществѣ, не всегда можно говорить только съ тѣми, чье собесѣдничество сообразно съ вашимъ достоинствомъ, но и съ тѣми, которые не перестаютъ заговаривать съ вами, по неумѣнію растолковать вашего молчанія. Пусть будетъ такъ: tu l'as voulu, tu l'as bien voulu, George Dandin!.. («Отеч. Зап.», т. XXXVI, Смѣсь, стр. 108).

Все это теперь буквально примѣняется нами къ «Отечественнымъ Запискамъ», и въ особенности слова: «Tu l'as voulu, tu l'as bien voulu, George Dandin». Мы вовсе не хотѣли бы говорить, но «Отечественныя Записки» напрашиваются на отвѣтъ. Пусть онѣ толковали бы, что «Современникъ» плохой журналъ, что его не стоитъ читать, не стоитъ на него подписываться,— мы молчали бы, какъ молчали до сихъ поръ и какъ теперь не считаемъ нужнымъ отвѣчать на выходки «Отечественныхъ Записокъ» противъ «Очерковъ гоголевскаго періода».

«Очерки гоголевскаго періода» не подписаны фамиліею автора, стало быть, только редакція «Современника» могла бы оскорбляться не совсѣмъ деликатными выраженіями «Отечественныхъ Записокъ» объ этихъ статьяхъ,— а редакція «Современника» не можетъ огорчаться упреками журнала, забывающаго о приличіи, особенно, когда знаетъ причину его гнѣва (объясненную выше, при помощи старыхъ отвѣтовъ «Отечественныхъ Записокъ»). О насъ пусть говорятъ «Отечественныя Записки» все, что имъ угодно: но «Отечественныя Записки» касаются не только насъ, но и сотрудниковъ, нами уважаемыхъ. Этого мы не можемъ оставить безъ отвѣта. Tu l'as voulu, George Dandin.

Нѣкоторые изъ наиболѣе уважаемыхъ публикою литераторовъ согласились и обѣщались помѣщать свои статьи исключительно въ «Современникѣ». Этою честью «Современникъ» долженъ гордиться: какъ ни толкуйте фактъ, съ какой стороны ни смотрите на него, ничего вы въ немъ не найдете такого, что можно было бы осудить. Въ иностранныхъ литературахъ мы найдемъ тому множество примѣровъ. Изъ англичанъ, Маколей писалъ исключительно для «Edinburgh Review», Диккенсъ для «Daily News», Теккерей для «Punch'а»; изъ французовъ, Жоржъ Сандъ исключительно для «Revue des deux Mondes»; изъ нѣмцевъ, Гейне исключительно для «Allgemeine Zeitung». Кажется, пять

названныхъ нами писателей составляютъ цвѣтъ европейской современной литературы,— кажется, нѣтъ изъ новыхъ писателей во Франціи, Англіи, Германіи еще никого, кто могъ бы быть поставленъ на ряду съ ними, какъ по первоклассному таланту, такъ и по чистотѣ своихъ литературныхъ отношеній. Кажется, ясно: всѣ знаменитости европейской литературы дѣлали то же самое, что теперь намѣрены дѣлать гг. Григоровичъ, Островскій, Толстой и Тургеневъ, т. е. входили съ однимъ изъ періодическихъ изданій своей родины въ соглашеніе такого содержанія, чтобы быть сотрудниками исключительно этого журнала. И что тутъ страннаго? Это необходимо вытекаетъ изъ самой сущности ихъ положенія въ литературѣ. Почему, напримѣръ, Теккерей писалъ исключительно въ журналѣ «Punch»? между прочимъ, потому, что объявленіе о своемъ исключительномъ участіи въ этой газетѣ было для него вѣрнѣйшимъ средствомъ избавиться отъ докучливости какого нибудь «Blackwood's Magazine», издатель котораго не давалъ ему ни минуты свободнаго отдыха неотступными просьбами объ осчастливленіи «Blackwood's Magazin'a» помѣщеніемъ своего разсказа, между тѣмъ, какъ Теккерей не питалъ особенной симпатіи къ «Blackwood's Magazin'y». Ясно ли, что Теккерею уже по одной этой причинѣ было необходимо сдѣлаться сотрудникомъ исключительно «Punch'a»? — вѣдь каждый человѣкъ, писатель или не писатель, долженъ принимать мѣры для отвращенія отъ себя неотступныхъ просьбъ, нимало не пріятныхъ. Конечно, издатель «Blackwood's Magazin'a» чувствовалъ досаду на Теккерея за то, что этотъ знаменитый писатель избралъ не его журналъ, а другое періодическое изданіе для помѣщенія своихъ трудовъ; но у Теккерея были на то очень основательныя причины. Во первыхъ, «Blackwood's Magazine», нѣкогда пользовавшійся уваженіемъ публики, потерялъ это уваженіе чрезъ то, что сталъ помѣщать слишкомъ много дурныхъ статей: что за охота Теккерею являться передъ публикою въ обществѣ какого-нибудь бездарнаго Броуна или обскуранта Блека, наполняющихъ нынѣ своими издѣліями «Blackwood's Magazine»? Были и другія причины, отвращавшія Теккерея отъ «Blackwood's Magazin'a» и привлекавшія его къ участію въ «Punch'ѣ». У Теккерея есть друзья—эти друзья помѣщаютъ свои произведенія въ «Punch'ѣ», и ихъ (людей талантливыхъ) безпощадно бранитъ и чернитъ «Blackwood's Magazine», выходя, при этомъ, за границы всякаго литературнаго приличія и восхваляя различныхъ бездарныхъ своихъ сотрудниковъ. Скажите, что за удовольствіе Теккерею печатать свои произведенія въ журналѣ, который вовсе не литературнымъ образомъ бранитъ его друзей, талантливыхъ писателей, пользующихся уваженіемъ каждаго порядочнаго человѣка въ Англіи? Были и другія причины, столь же уважительныя. Напримѣръ, Теккерей, какъ извѣстно, другъ просвѣщенія, «Punch» защитникъ просвѣщенія, а «Blackwood's Magazine» иногда сильно грѣшитъ въ этомъ отношеніи, вѣроятно, самъ не понимая того, но все-таки грѣшитъ противъ просвѣщенія. Словомъ сказать, когда «Blackwood's Magazine» началъ возставать противъ Теккерея за то, что этотъ писатель не помѣщаетъ своихъ прекрасныхъ разсказовъ въ его журналѣ, то вся публика приняла сторону Теккерея, и «Blackwood's Magazine» скоро увидѣлъ, что лучше ему, «Blackwood's Magazin'y», молчать объ этомъ дѣлѣ. Этимъ, впрочемъ, исторія не кончилась: издатель «Blackwood's Magazin'a» человѣкъ

опытный въ литературно-коммерческихъ дѣлахъ, хотя иногда увлекающійся своими гнѣвными чувствами, но человѣкъ разсудительный. Онъ знаетъ, что журналу всего болѣе вредитъ то, когда онъ рѣшается чернить писателей, уважаемыхъ и любимыхъ публикою, особенно, если публика догадывается, по какимъ соображеніямъ это происходитъ. Онъ понялъ, что за выходки противъ Теккерея публика лишитъ своего послѣдняго довѣрія «Blackwood's Magazine», что онъ, «Blackwood's Magazine», сдѣлалъ страшно невыгодную для себя ошибку, обнаруживъ свою досаду на Теккерея, что единственное средство исправить свой неловкій промахъ и заставить публику забыть оскорбленія, несправедливо нанесенныя ея любимому писателю, это начать, скрѣпя сердце, превозносить Теккерея больше, нежели когда нибудь,—и черезъ годъ послѣ раздраженныхъ выходокъ «Blackwood's Magazine» обратился въ ревностнѣйшаго поклонника прекрасныхъ произведеній Теккерея. Поступая такимъ образомъ, издатель «Blackwood's Magazine» доказалъ, что онъ человѣкъ съ тактомъ: въ самомъ дѣлѣ, только люди, лишенные такта, не удерживаются отъ выраженій своей досады тогда, когда эта досада можетъ повредить имъ самимъ въ общемъ мнѣніи.

Въ русской литературѣ также часто бывали примѣры, подобные тому, о которомъ идетъ рѣчь. Напримѣръ, когда основалась «Библіотека для Чтенія», многіе изъ нашихъ лучшихъ литераторовъ (въ томъ числѣ Пушкинъ) обѣщали свое сотрудничество исключительно этому журналу, и никто не могъ видѣть въ томъ ничего, кромѣ хорошаго. Но самые многочисленные примѣры исключительнаго сотрудничества въ одномъ журналѣ представляетъ исторія «Отечественныхъ Записокъ» въ блестящее время ихъ существованія, о которомъ мы всегда вспоминаемъ съ величайшимъ уваженіемъ. Кто имѣлъ право негодовать на Лермонтова за то, что онъ помѣщалъ свои произведенія исключительно въ «Отечественныхъ Запискахъ»? Напротивъ, это исключительное сотрудничество Лермонтова приносило честь какъ великому поэту, такъ и г. Краевскому, редактору «Отечественныхъ Записокъ». «Если такой писатель, какъ Лермонтовъ (думала публика, и думала справедливо) настолько уважаетъ журналъ г. Краевскаго, что хочетъ имѣть дѣло исключительно съ нимъ, это самымъ выгоднымъ образомъ свидѣтельствуетъ въ пользу г. Краевскаго. Съ другой стороны, о характерѣ Лермонтова свидѣтельствуетъ самымъ выгоднымъ образомъ то обстоятельство, что онъ печатаетъ свои произведенія въ журналѣ г. Краевскаго, котораго уважаетъ, и не соглашается печатать ихъ въ «Сѣверной Пчелѣ». Точно также исключительно въ «Отечественныхъ Запискахъ» печатали свои произведенія другіе лучшіе наши литераторы тогдашняго времени, и «Отечественныя Записки», быть можетъ, согласятся, что въ такомъ обстоятельствѣ не было ничего предосудительнаго для литераторовъ, желавшихъ быть исключительно сотрудниками этого журнала.

Довольно ли убѣдительны для «Отечественныхъ Записокъ» эти примѣры и объясненія? Поймутъ ли «Отечественныя Записки», что онѣ становятся въ самое невыгодное положеніе, обнаруживая несправедливую досаду на писателей, согласившихся помѣщать свои произведенія исключительно въ «Современникѣ»? Поймутъ ли «Отечественныя Записки», что на фактъ, столь простой и натуральный, защищаемый примѣромъ всѣхъ знаменитостей европейской литературы

и исторіею самихъ «Отечественныхъ Записокъ» въ блестящее время ихъ существованія, невозможно нападать безъ того, чтобы нападающій не уронилъ себя въ общемъ мнѣніи?

Мы вовсе не имѣемъ охоты продолжать этихъ объясненій, какъ не имѣли охоты и начинать ихъ (по тѣмъ самымъ чувствамъ, которыя нѣкогда прекрасно были выражаемы «Отечественными Записками» относительно «Сѣверной Пчелы»). Мы предоставляемъ «Отечественнымъ Запискамъ» полнѣйшую свободу говорить что угодно о насъ самихъ. Но одного мы не позволимъ дѣлать безнаказанно: бросать неблагопріятную тѣнь на тѣхъ писателей, которые дѣлаютъ честь нашему журналу помѣщеніемъ въ немъ своихъ произведеній. Тутъ мы на каждый кривой намекъ будемъ отвѣчать фактомъ, на каждое объясненіе—разъясненіемъ дѣла, и не уступимъ ни шагу. Надѣемся, положеніе дѣла таково, что общее мнѣніе будетъ на нашей сторонѣ, какъ было оно нѣкогда на сторонѣ «Отечественныхъ Записокъ» противъ «Сѣверной Пчелы».

Приводимъ выходку «Отечественныхъ Записокъ» противъ писателей, которые обѣщались помѣщать свои произведенія исключительно въ «Современникѣ». Пусть судитъ читатель, много ли въ ней остроумія и правды.

«Русскій языкъ удивительно богатъ. Давно извѣстно, что онъ совмѣщаетъ въ себѣ всѣ превосходныя качества другихъ языковъ, что на немъ можно выражать мысли о какихъ угодно предметахъ, начиная съ самыхъ возвышенныхъ и оканчивая самыми низкими. Даже знаменитые стихи Пушкина, что

. . . . гордый нашъ языкъ
Къ почтовой прозѣ не привыкъ,

кажутся теперь анахронизмомъ. Въ русскомъ языкѣ—этомъ неисчерпаемомъ сокровищѣ всевозможныхъ словъ и оборотовъ, легко отъищутся точныя реченія для замѣны реченій иностранныхъ, которыхъ у насъ такъ много и которыя, собственно говоря, нѣтъ надобности и переводить, потому что они понятны всѣмъ, мало-мальски грамотнымъ людямъ.

«Новѣйшее, если не послѣднее, доказательство неистощимаго богатства нашего языка мы видимъ въ объявленіи «Объ изданіи Современника въ 1857 году». («Московскія Вѣдомости», № 114). Въ немъ, между прочимъ, сказано:

«Взаимный обмѣнъ мыслей, здѣсь (въ «Объявленіи») изложенныхъ, имѣлъ своимъ послѣдствіемъ *обязательное соглашеніе* между редакціею «Современника» и нѣсколькими литераторами...»

«*Обязательное соглашеніе!*.. да что жь это иное, какъ не контрактъ? Двумя русскими словами замѣнено здѣсь одно иностранное, и не только замѣнено, но и опредѣлено въ точности. Можно было, пожалуй, распространить это опредѣленіе, какъ и распространяютъ его французы, говоря, что контрактъ — c'est une convention par laquelle une partie s'engage à faire ou ne pas faire quelque chose, ou plus spécialement l'acte même qui forme la preuve littérale de l'engagement contracté; но какая въ томъ надобность? Французы, по бѣдности языка своего, принуждены bon gré mal gré пускаться въ длинныя объясненія и перифразы. Богатый языкъ нашъ не имѣетъ въ томъ никакой надобности: онъ гордо произноситъ: *обязательное соглашеніе!* и каждый понимаетъ, что это значитъ, хотя бы подлѣ этихъ словъ и не стояло въ скобкахъ слово *контрактъ*.

Какая милая свѣтскость въ этихъ французскихъ фразахъ! «Отечественныя Записки» могутъ вспомнить, каковы были ихъ сужденія о подобныхъ остротахъ «Листка для Свѣтскихъ Людей»: этотъ несчастный журналецъ, на

который нѣкогда съ такимъ справедливымъ состраданіемъ смотрѣли «Отечественныя Зап.», писался совершенно такимъ же языкомъ, и достоинство его юмора было совершенно таково же, какъ въ строкахъ, которыми начинается филиппика противъ «обязательнаго соглашенія». Попробуемъ объяснить «Отечественнымъ Запискамъ», въ чемъ онѣ ошиблись, увлекшись несправедливою досадою.

Итакъ (продолжаютъ «Отечеств. Зап.»), «заключенъ контрактъ между нѣсколькими литераторами и редакторами «Современника» — это что-то неслыханное въ нашей литературѣ». Если бы и дѣйствительно это было дѣло неслыханное, изъ того не слѣдуетъ еще, что это дѣло дурное, а только то, что это дѣло новое. Первая желѣзная дорога, первая печатная книга — все это были дѣла неслыханныя до того времени, и, однако же, дѣла очень хорошія. Но дѣйствительно ли взаимныя обязательства между литераторами и журналистами новость въ нашей литературѣ? Каждому извѣстно, что вовсе не новость. Журналу всегда необходимо сотрудничество нѣсколькихъ лицъ; журналъ всегда бываетъ дѣломъ общаго труда, а общій трудъ невозможенъ безъ взаимныхъ обязательствъ между лицами, его раздѣляющими. Кажется, все это просто и неоспоримо? Кажется, все это по собственному опыту извѣстно каждому русскому литератору или журналисту съ того времени, какъ существуютъ у насъ порядочные журналы. А кому не извѣстно, можетъ узнать хотя бы изъ біографіи Пушкина, приложенной къ новому его изданію. Чему же дивятся «Отечественныя Записки», если нѣкоторые изъ нашихъ лучшихъ литераторовъ вступили съ «Современникомъ» въ такія отношенія, въ какія вступалъ Пушкинъ съ однимъ изъ тогдашнихъ журналовъ? Мы нѣсколько разъ перечитывали статейку «Отечественныхъ Записокъ» и никакъ не могли найти въ ней яснаго выраженія относительно предмета ихъ удивленія и жалобы. Все ограничивается какими-то смутными возгласами. Мы не удивляемся этой темнотѣ: кто чувствуетъ, что жалоба его неосновательна, досада несправедлива, всегда старается запутать и затемнить дѣло; но кто не смѣетъ ясно выражать своей жалобы (чувствуя, что она неосновательна), долженъ быть не слишкомъ щедръ на упреки другимъ, особенно, когда эти другіе заслужили общее уваженіе. Кто не только безъ всякаго права оскорбляетъ темными намеками людей, уважаемыхъ обществомъ не только за ихъ талантъ, но и за высокую безукоризненность ихъ душевнаго благородства, тотъ подвергаетъ себя опасности показаться обществу человѣкомъ другаго рода.

Клевета пятнаетъ въ общемъ мнѣніи не того, на кого клевещутъ, а того, кто клевещетъ.

Предоставляемъ нравственному чувству читателей судить о слѣдующихъ выраженіяхъ «Отеч. Записокъ».

Къ литератору преимущественно относится строгій приказъ русской пословицы: «давши слово — держись». Онъ больше, чѣмъ кто-либо другой, обязанъ быть рабомъ своему слову. Онъ до того ему крѣпокъ, что къ другой крѣпости или въ другомъ рабствѣ не видитъ ни малѣйшей нужды. Давая слово, онъ вмѣстѣ съ нимъ кладетъ и честь свою, потому что на каждое свое слово смотритъ какъ на «parole d'honneur». Поэтому «обязательное соглашеніе», въ отношеніи къ литераторамъ — странный плеоназмъ, бросающій грустную тѣнь на обѣ обязывающіяся стороны. Развѣ соглашеніе или согласіе, произнесенное просто-на-просто голосомъ, то есть выраженное изустно, не

есть своего рода обязательство? Чѣмъ же другимъ можетъ быть оно въ благородномъ званіи литератора?

Пропускаемъ остроумную тираду о дружбѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ, которые не обязывали другъ друга никакими контрактами—юморъ этой тирады столь же хорошъ, какъ и начало статейки—но смыслъ ея непостижимъ здравому уму,—и читаемъ далѣе:

Предки наши, не знавшіе ни иностраннаго слова «контрактъ», ни перевода его на русскій языкъ «обязательное соглашеніе», говорили коротко и ясно: «кто измѣнитъ своему слову, тому да будетъ стыдно». Отчего мы не подражаемъ ихъ достохвальному примѣру? Неужели оттого, что—страшно даже вымолвить—мы потеряли стыдъ?—Или почтенная краска древняго стыда замѣнилась у насъ невозмутимостью духа новѣйшей снисходительности, которая избрала своимъ девизомъ названіе комедіи Островскаго: «Свои люди—сочтемся!»

Просимъ «Отеч. Записки» вспомнить, о какихъ людяхъ онѣ говорятъ подобныя вещи; просимъ этотъ журналъ подумать о томъ, сообразно ли съ здравымъ смысломъ предполагать, что каждый порядочный человѣкъ въ грамотной Россіи не приметъ, какъ личное оскорбленіе себѣ, оскорбленіе наносимое писателямъ, которыми гордится русская литература?

Мы говоримъ прямо:

«Отеч. Записки» поступили неблагоразумно, давъ свободный разгулъ досадѣ, возбужденной въ нихъ тѣмъ, что онѣ лишились надежды имѣть своими сотрудниками гг. Григоровича, Островскаго, Толстаго и Тургенева.

На темные намеки мы отвѣчаемъ указаніемъ фактовъ, извѣстныхъ всѣмъ.

Если «Отеч. Записки» будутъ продолжать свою неблагоразумную тактику, мы не отступимъ ни передъ какими объясненіями; на каждый намекъ мы будемъ отвѣчать фактомъ—факты всѣ говорятъ въ пользу писателей, неблагоразумно оскорбляемыхъ «Отечеств. Записками», и если этотъ журналъ заставитъ насъ сдѣлать эти факты извѣстными публикѣ, то это обнародованіе не доставитъ особенной радости «Отечественнымъ Запискамъ». Мы совѣтовали бы не подавать къ тому новаго случая. Пусть припомнятъ «Отечественныя Записки», какой ударъ нанесли онѣ себѣ въ 1846 году, неосторожно поднявъ шумъ о дѣлѣ, вовсе для нихъ невыгодномъ. Этотъ случай несомнѣнно повторится, если «Отеч. Записки» будутъ и въ настоящемъ дѣлѣ дѣйствовать такъ же неблагоразумно, какъ тогда.

Повторяемъ. Мы не желали начинать этихъ объясненій и не желаемъ продолжать ихъ. Но мы не позволимъ безнаказанно оскорблять писателей, дѣлающихъ честь нашему журналу помѣщеніемъ въ немъ своихъ произведеній...

Вражда «Отечественныхъ Записокъ» къ «Современнику» вводитъ ихъ въ ошибки, пагубныя для нихъ. Новое подтвержденіе тому представляетъ помѣщенная въ октябрьской книжкѣ статья г. Галахова «Были и Небылицы», направленная противъ изслѣдованія г. Лайбова «О Собесѣдникѣ Любителей Россійскаго Слова» («Современникъ» 1856 г. № VIII).

Не можемъ оставить безъ отвѣта этой страшно длинной выходки. Того требуетъ правило, высказанное нами выше.

Статья г. Галахова имѣетъ ученую наружность: она снабжена 153 цитатами, преимущественно изъ смирдинскаго изданія «Сочиненій Императрицы Екатерины II», и «сочиненій Державина» [1]).

Г. Галаховъ напечаталъ 43 страницы, кототорыхъ цѣль—«доказать односторонность или невѣрность выводовъ, заключающихся въ нѣсколькихъ строкахъ статьи г. Лайбова въ «Современникѣ» и относящихся къ «Былямъ и Небылицамъ» Императрицы Екатерины. Такая честь должна, конечно, быть очень лестною для г. Лайбова: онъ лицо совершенно неизвѣстное въ литературѣ, а г. Галаховъ успѣлъ уже пріобрѣсти извѣстность, какъ между учащимися—своею хрестоматіею и разными статьями, такъ между учеными—признаніемъ, что въ составленіи своей хрестоматіи онъ руководствовался «Чтеніями о Словесности» г. Давыдова. (См. «От. Зап.» 1843 г., № 7).

Г. Галаховъ прежде всего выбралъ изъ статьи г. Лайбова по нѣскольку строкъ, съ шести страницъ, оставивъ въ сторонѣ связь мыслей и все, чѣмъ онѣ доказываются. (Методъ, за употребленіе котораго всегда хвалили «Отеч. Записки» добросовѣстныхъ своихъ оппонентовъ «Сѣверной Пчелы»). Затѣмъ, рѣшаясь опровергать выводы г. Лайбова, г. Галаховъ сначала толкуетъ весьма пространно о томъ, что Императрица Екатерина всегда была вѣрна своимъ основнымъ принципамъ (противъ чего никто и не говорилъ ни слова); потомъ исчисляетъ пороки, которые Императрица осмѣивала въ своихъ комедіяхъ: неплатежъ долговъ, мотовство, щегольство, легкость семейныхъ отношеній. Затѣмъ слѣдуетъ 10 страницъ о стараніяхъ Императрицы положить предѣлъ иностранному воспитанію въ Россіи, потомъ еще столько же о суевѣріи и тайныхъ обществахъ. Послѣ того говорится еще о вопросахъ Фонвизина, о самой формѣ «Былей и Небылицъ», о ихъ языкѣ, изъ всего разсужденія выводится, что «Были и Небылицы» истинная характеристика тогдашняго общества и что на нихъ можно смотрѣть какъ на сводъ всего, что писала Екатерина II *до* и *послѣ* 1783 г...

Доказываетъ г. Галаховъ свою мысль весьма оригинальнымъ способомъ: онъ дѣлаетъ десятки выписокъ изъ комедій Императрицы, изъ Наказа, изъ сатиръ Кантемира и Сумарокова, изъ переписки Дидро съ Гриммомъ, Екатерины съ Циммерманомъ и Вольтеромъ, Вольтера съ Даламберомъ, и пр., все для того, чтобы доказать, что у насъ былъ извѣстный порокъ, напр., суевѣріе, и затѣмъ побѣдоносно представляетъ *одну* амѣтку «Былей и Небылицъ», чтобы доказать, что и онѣ объ этомъ говорили. Приведя около десятка подобныхъ заключительныхъ выписокъ во всей статьѣ, г. Галаховъ думаетъ, что дѣло его кончено, и что противникъ его уничтоженъ окончательно. Но тому, кто внимательно прочиталъ статьи г. Лайбова и г. Галахова, ясно видно, что г. критикъ говоритъ совсѣмъ не о томъ, о чемъ слѣдуетъ, и сражается съ вѣтряными мельницами. Пріемъ, имъ употребленный, похожъ на то, какъ если бы мы, стараясь доказать, что, напр., Гоголь былъ стихотворецъ, а не прозаикъ, начали бы толковать о Гомерѣ, Данте, о Ломоносовѣ, Державинѣ, Пушкинѣ и пр. и, сказавъ, что всѣ они писали стихи, въ заключеніе рѣшили бы, что Гоголь, написавшій «Ганца Кюхель-

[1]) *Примѣчаніе издателя.* Дальше текстъ, какъ видно изъ рукописей, принадлежитъ, до послѣдняго абзаца, *Н. А. Добролюбову.*

гартена» и «Италію»,—тоже стихотворецъ. Это очень логично, но къ дѣлу нисколько не относится.

Но, оставивъ въ сторонѣ странный способъ г. Галахова разсуждать объ одномъ предметѣ, говоря совершенно о другомъ, мы видимъ много невѣрнаго, неопредѣленнаго и ложно понятаго въ самыхъ его положеніяхъ. Онъ вооружается особенно противъ тѣхъ словъ г. Лайбова, что самъ авторъ смотрѣлъ на «Были и Небылицы» какъ на плоды досуга и *говорилъ въ нихъ обо всемъ, что ему приходило въ голову.* Эти слова онъ называетъ безъ всякой церемоніи—*безсмысленными* («От. Зап.» 1856 г., № 10, Крит., стр. 45), на томъ основаніи, что Императрица отличалась вѣрностью своимъ принципамъ и пристрастіемъ къ своимъ идеямъ, безъ котораго не бываетъ ни великихъ дѣятелей, ни великихъ дѣлъ. Вполнѣ уважаемъ въ г. Галаховѣ этотъ благородный порывъ благоговѣнія къ великой монархинѣ и вполнѣ согласны съ его мнѣніемъ о томъ, что Екатерина II всегда вѣрна была своимъ идеямъ. Но мы думаемъ, что Ея величіе и слава нимало не нуждаются въ томъ, чтобы бѣглыя замѣтки Ея считались по своей важности и серьезности равными «Наказу». Слава Ея не помрачается, а возвышается еще болѣе, когда мы смотримъ на Ея дѣло съ точки зрѣнія истины и справедливости, къ которымъ такую любовь выказывала Она сама. Если бы Ея произведенія были дурны, и тогда Она бы потребовала, чтобы Ей сказали о нихъ правду; тѣмъ менѣе могла бы Она потерпѣть преувеличенные отзывы о значеніи того, чему Она сама не придавала никакого значенія. Людовикъ XIV писалъ слабые стихи,—и развѣ помрачается этимъ его величіе? Петръ Великій занимался точеньемъ; но развѣ вещи, выточенныя Имъ, должны непремѣнно отражать въ себѣ великія идеи преобразователя Россіи и занимать важное мѣсто въ исторіи токарнаго искусства? А «Были и Небылицы» были точно также *отдыхомъ* для Екатерины, какъ для Петра—точенье. Съ этимъ согласенъ и самъ г. Галаховъ (стр. 81). А можно ли требовать отъ человѣка, чтобы онъ, въ часы отдыха, занимался важнымъ дѣломъ, по строго опредѣленному плану и системѣ? Не естественно ли, что плодъ этого досуга будетъ не болѣе, какъ забавная игрушка, и, если это литературное произведеніе, что въ немъ дѣло будетъ перемѣшано съ бездѣльемъ? Да и какъ не замѣтить этого съ перваго раза, при чтеніи «Былей и Небылицъ?» Это видно въ тѣхъ выпискахъ, которыя представлены въ статьѣ г. Лайбова... Конечно, Императрица не противорѣчила здѣсь самой себѣ, не шла противъ своихъ убѣжденій; но вѣдь объ этомъ никто и не говорилъ.

Г. Лайбовъ упрекается также за то, будто онъ вѣритъ разсказу автора «Былей и Небылицъ» объ употребленіи ихъ на обертку и на папильотки, и изъ этого будто бы выходитъ, что авторъ ихъ самъ не придавалъ имъ значенія (стр. 79). Но здѣсь г. Галаховъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, возражаетъ на собственныя мысли, а не на слова своего противника, которыя онъ не хотѣлъ даже привести въ своей выпискѣ (стр. 43) такъ, какъ слѣдуетъ для полноты смысла. Послѣ разсказа о папильоткахъ, у него тотчасъ выписаны слова: «и это не пронія», и пр., а въ подлинникѣ они относятся совсѣмъ не къ тому. Въ подлинникѣ сказано, что когда кто-то въ письмѣ просилъ авторъ «Былей» изобразить человѣческое тщеславіе, тогда онъ отвѣчалъ,

что перемытаривать свѣтъ онъ не намѣренъ, и пр. (см. «Совр.» № 8, стр. 66). Здѣсь, въ самомъ дѣлѣ, видно, что авторъ «Былей» не хотѣлъ даже и браться за серьезное изображеніе порока въ своихъ легкихъ, бѣглыхъ замѣткахъ, въ которыхъ именно (повторимъ слова статьи «Современника») все писано какъ бы импровизаціей, безъ особеннаго плана и заботы о томъ, чтобы составить стройное цѣлое.

Точно также опрометчиво поступилъ г. Галаховъ и въ слѣдующей выпискѣ, взятой имъ совершенно отдѣльно отъ предъидущихъ мыслей. Г. Лайбовъ разбираетъ тѣ попытки на представленіе характеровъ, которыя видимъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «Былей», и находитъ, что осмѣиваются—самолюбивый, нерѣшительный, лгунъ и проч. («Современникъ», стр. 67). Здѣсь онъ и замѣчаетъ, что бо́льшая часть этихъ описаній характеровъ, съ ихъ намеками и остротами, очень общи, а гораздо болѣе характернаго въ мимолетныхъ, случайныхъ замѣткахъ. Все это очень естественно и какъ нельзя лучше соглашается съ общимъ положеніемъ автора, что «Были и Небылицы» не имѣли значенія серьезной сатиры, а были просто бѣглыми замѣтками обо всемъ, что автору ихъ приходило въ голову, и, между прочимъ, иногда, конечно, и о вещахъ болѣе или менѣе серьезныхъ. Но у г. Галахова приведена только вторая половина мнѣнія, такъ что, прочитавъ выписку, думаешь, что г. Лайбовъ рѣзко противорѣчитъ себѣ. Замѣтимъ еще, что противъ степени характерности бѣглыхъ замѣтокъ въ «Быляхъ» г. Галаховъ не говоритъ ни слова, а, между тѣмъ, гордо обѣщался опровергнуть выводы, представленные имъ изъ статьи г. Лайбова, «начиная съ перваго и оканчивая послѣднимъ». Возстаетъ г. Галаховъ особенно еще противъ той мысли, что «Были и Небылицы» не были характеристикой общества. Онъ говоритъ: онѣ заключаются въ указаніи и осмѣяніи общественныхъ недостатковъ, тогда господствовавшихъ, тѣхъ самыхъ, съ которыми имѣли дѣло и другія сочиненія Императрицы, явившіяся и прежде и послѣ «Былей и Небылицъ», и Ея правительственные уставы и учрежденія, и произведенія современныхъ писателей. *Отсюда вытекаетъ прямое заключеніе,—вопреки заключенію г. Лайбова,*—что «Были и Небылицы»—живая и мѣткая сатира (но тоже самое, только съ большимъ ограниченіемъ, утверждаетъ и г. Лайбовъ, говоря, что въ «Быляхъ и Небылицахъ» есть сатира и, *вѣроятно, мѣткая* и живая), но изъ темныхъ явленій русской жизни «Были» представляютъ очень немногія, и то не важнѣйшія. Онѣ болѣе обращаются къ внѣшней сторонѣ жизни, онѣ не заботятся о томъ, чтобы обнять все дурное, что представляется въ обществѣ, потому что онѣ именно написаны подъ вліяніемъ минутнаго расположенія духа, въ веселый часъ, во время отдыха, а не съ серьезной цѣлью. Авторъ отказался описать *мздоимца* и *ябедника*, онъ не хотѣлъ затрогивать *человѣческаго тщеславія*: равнымъ образомъ ни г. Лайбовъ, ни г. Галаховъ не представили намъ, что «Были и Небылицы» изображали ханжество, ласкательство, послуживанье и выслуживанье предъ высшими, грубость и жестокость съ низшими, отсутствіе собственныхъ убѣжденій, животное равнодушіе къ высшимъ вопросамъ и т. п. А вѣдь нельзя не согласиться, что, при молчаніи объ этихъ недостаткахъ, вышла бы плохая *характеристика* общества, и еслибъ Императрица хотѣла писать *характеристику*. Она бы, конечно, обратила на нихъ болѣе вни-

манія, нежели на все остальное. Недостатки эти существовали и были сильны тогда въ русскомъ обществѣ. Доказательство представляетъ тотъ же «Собесѣдникъ», въ которомъ помѣщены «Были и Небылицы». Изъ совокупности замѣтокъ этого журнала, дѣйствительно, можно составить довольно полную характеристику общества, что и сдѣлалъ г. Лайбовъ во второй статьѣ своей. Сказать же, что характеристика общества заключается въ «Быляхъ и Небылицахъ», почти то же, что сказать, будто, напр., «Хвастунъ» Княжнина или «Говорунъ» Хмѣльницкаго представляютъ полную характеристику общественныхъ недостатковъ.

Но какія же новыя черты отъискалъ г. Галаховъ въ Быляхъ», черты, которыя были бы упущены изъ виду г. Лайбовымъ и могли измѣнить взглядъ на это сочиненіе? Никакихъ. Онъ только распространилъ ненужными выписками изъ комедій Императрицы и пр. то самое, о чемъ упомянулъ и г. Лайбовъ. Стоитъ сравнить все содержаніе статьи г. Галахова съ 67—8 страницами статьи г. Лайбова въ № III «Современника», и каждый увидитъ, что г. Галаховъ ничего сколько нибудь важнаго не прибавилъ къ тому, что мы узнали о «Быляхъ и Небылицахъ» отъ г. Лайбова, у котораго сказано было: «въ первой же статьѣ «Былей» осмѣиваются: самолюбивый, нерѣшительный, лгунъ, мотъ, щеголиха, вздорная баба, мелочной человѣкъ... Во второй находятся насмѣшки надъ пренебреженіемъ къ литературѣ... Далѣе насмѣшки надъ человѣкомъ, который некстати высказываетъ свое недовольство, надъ женой, не любящей мужа, надъ дѣвушкой, которая бѣлится, и пр.... авторъ вооружается противъ пристрастія къ иноземному, особенно французскому, противъ того, когда человѣкъ тянется, чтобы выйти изъ своего состоянія, противъ непостоянства, часто мѣняющаго заведенный порядокъ, противъ умничанья, которое онъ называетъ скучнымъ...» Г. Галаховъ счелъ нужнымъ распространить все это выписками; но такъ какъ «Были» давали ему матеріала очень мало, то онъ началъ выписывать изъ комедій, изъ Полнаго Собранія Законовъ, изъ «Словаря достопамятныхъ людей», изъ «Исторіи Московскаго Университета», и пр., и пр., воображая, что онъ представляетъ *характеристику* «Былей и Небылицъ». Да вѣдь дѣлать эти выписки—дѣло совсѣмъ не трудное. Г. Лайбовъ, конечно, съумѣлъ бы надѣлать ихъ не менѣе г. Галахова, тѣмъ болѣе, что смирдинское изданіе русскихъ авторовъ и «Наказъ» Екатерины II (главные матеріалы г. Галахова) у всякаго подъ рукой. Такимъ образомъ, легко было бы, вмѣсто шести страницъ, написать о «Быляхъ» сорокъ-три, и, слѣдовательно, о всемъ «Собесѣдникѣ», вмѣсто ста, семьсотъ страницъ. Но г. Лайбовъ не вправѣ былъ сдѣлать этого, говоря объ одномъ изъ сочиненій Екатерины II, а не объ общемъ характерѣ литературы. Если бы онъ писалъ статью о «нравахъ русскаго общества въ вѣкъ Екатерины», тогда, конечно, онъ могъ выписывать все, что можно найти о нихъ въ современной литературѣ. Въ настоящемъ же случаѣ онъ, по нашему мнѣнію, хорошо сдѣлалъ, что помнилъ, *о чемъ* онъ пишетъ.

Г. Галаховъ самъ замѣтилъ неумѣстность своихъ разсужденій и оправдываетъ ихъ тѣмъ, что «историко-литературное разсужденіе должно выяснить вопросъ вполнѣ, поставить его въ соотношеніе и съ мѣрами правительственными и съ произведеніями словесности». Онъ говоритъ, что нельзя оградить

«себя однѣми «Былями», что «нужно начать издалека»... И все это для чего же? Для того, чтобы доказать, что у насъ, въ самомъ дѣлѣ, было въ прошломъ столѣтіи пристрастіе къ французскому воспитанію, что дѣйствительно были суевѣрія, были масонскія общества, что точно были люди, не платившіе долговъ, мотавшіе, дурно исполнявшіе семейныя обязанности! Да, помилуйте, кто же въ этомъ сомнѣвается? Это уже дѣло рѣшеное. Ваша задача должна состоять только въ томъ, чтобы показать, *что* и *какъ* отразилось въ «Быляхъ и Небылицахъ». И вы, несмотря на щедрыя выписки, успѣли представить изъ «Былей и Небылицъ» не болѣе характерныхъ чертъ, нежели г. Лайбовъ.

Г. Галаховъ не понимаетъ, откуда вывелъ г. Лайбовъ, что въ веселомъ тонѣ «Былей» выразился блестящій вѣкъ Екатерины, вѣкъ веселій, вѣкъ празднествъ и пр. («Отечественныя Записки», стр. 82). Самое это мнѣніе о вѣкѣ Екатерины онъ считаетъ ложнымъ (стр. 44). Почему господинъ Галаховъ отвергаетъ качество, всѣми признанное за этимъ блестящемъ вѣкомъ и оставившее столь яркіе слѣды и въ тогдашней литературѣ и въ воспоминаніяхъ современниковъ, этого онъ не считаетъ нужнымъ объяснять. Онъ, очевидно, не хочетъ обратить вниманія на то обстоятельство, что во время Екатерины II, по крайней мѣрѣ, столько же было писано одъ на празднества, сколько и на побѣды, что веселое направленіе выражалось во всемъ. А стоило бы, кажется, хоть припомнить конецъ оды Державина на смертъ Мещерскаго, и тогда слова г. Лайбова о вѣкѣ Екатерины представились бы не болѣе, какъ перифразомъ ея заключительной строфы.

Но всего интереснѣе разсужденіе г. Галахова о тогдашнемъ воспитаніи. Нѣсколько страницъ объ этомъ порождены тремя строками одного изъ примѣчаній г. Лайбова («Современникъ» № 9, стр. 64), гдѣ сказано: «Замѣчательно, что во время изданія «Собесѣдника», несмотря на частныя выходки нѣкоторыхъ журналовъ, въ литературѣ нашей еще господствовало полное довѣріе и уваженіе къ французамъ и ихъ *ученію*». Хотя передъ этимъ ничего не говорилось о воспитаніи, но г. Галаховъ вообразилъ, что ученіе именно употреблено здѣсь въ смыслѣ школьныхъ уроковъ, и написалъ грозную страницу, въ которой упоминаетъ и о Фонвизинѣ, и о сатирическихъ журналахъ 1769—74 г. (которые оговорены были и г. Лайбовымъ), и даже о комедіяхъ Сумарокова. Съ маленькой натяжкой онъ могъ бы прибавить сюда и сатиры Кантемира и даже «Камень Вѣры» Стефана Яворскаго. Г. Лайбовъ говоритъ о философскихъ ученіяхъ, а г. Галаховъ воображаетъ, что дѣло идетъ о дѣтскихъ учителяхъ.

Въ доказательство того, что воспитаніе наше стремилось къ народности съ самаго восшествія на престолъ Императрицы Екатерины, онъ приводитъ много мѣстъ изъ «Полнаго Собранія Законовъ» и изъ «Наказа» и говоритъ, что Бецкій работалъ въ этомъ духѣ по идеямъ Императрицы. Но странно, какъ г. Галаховъ, умѣя приводить букву, не можетъ вникнуть въ истинный смыслъ и духъ того, изъ чего онъ приводитъ. Какъ будто оффиціальная бумага—такое литературное произведеніе, которое прямо вамъ и объясняетъ внутренній характеръ всего дѣла. Совсѣмъ нѣтъ: здѣсь нужно добраться до сущности нѣкоторыми соображеніями. И, раскрывъ «Собраніе учрежденій и предписаній о воспитаніи въ Россіи» (Спб., 1789 г.), совсѣмъ нетрудно сооб-

разить дѣло, видя, что тутъ безпрестанно толкуется о грекахъ, персахъ и римлянахъ, приводятся выписки изъ *Локка*, *Саншеса*, *Гюма*, *Монтаня*, припоминаются мнѣнія *Ришелье*, помѣщаются *вигеціевы* наставленія, указывается на книгу о законахъ и домостроительствѣ *Датскаго* королевства, для пополненія и разъясненія изложенныхъ здѣсь правилъ, говорится, что воспитательный домъ учреждается по примѣру Голландіи, Франціи и Италіи, высказывается безусловное восхищеніе кассельскимъ и ліонскимъ госпиталями для бѣдныхъ, и пр., и пр. Г. Галаховъ въ защиту своей мысли приводитъ также слова изъ оффиціальной рѣчи Сумарокова на открытіе Академіи Художествъ (стр. 60) и замѣчаетъ, что Сумароковъ какъ бы повторяетъ здѣсь мысли Бецкаго. Но вотъ что тотъ же Сумароковъ говорилъ о Бецкомъ въ частной бесѣдѣ: «есть де нѣкто г. Таубертъ: онъ смѣется Бецкому, что онъ робятъ воспитываетъ на французскомъ языкѣ. Бецкій смѣется Тауберту, что онъ робятъ въ училищѣ, которое недавно заведено при Академіи, воспитываетъ на языкѣ нѣмецкомъ. А мнѣ кажется, и Бецкій, и Таубертъ—оба дураки: должно дѣтей въ Россіи воспитывать на языкѣ россійскомъ» («Сем. Пор. Зап.», стр. 436). Вотъ какая можетъ быть разница между самымъ дѣломъ и оффиціальнымъ представленіемъ его: нехудо г. Галахову замѣтить эту разницу [1]).

Теперь спросимъ: выигралъ ли г. Галаховъ, вызвавъ насъ на этотъ отвѣтъ? Не выиграла ли, напротивъ, статья г. Лайбова отъ его неудачныхъ нападеній, и какого результата достигли «Отечественныя Записки» помѣщеніемъ статьи г. Галахова?

---

[1]) *Примѣчаніе издателя.* Далѣе послѣднія строки писаны опять Н. Г. Чернышевскимъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Дѣтство и отрочество. *Сочиненіе* графа Л. Н. Толстаго. *Спб. 1856.*

Военные разсказы. Графа Л. Н. Толстаго. *Спб. 1856.*

«Чрезвычайная наблюдательность, тонкій анализъ душевныхъ движеній, отчетливость и поэзія въ картинахъ природы, изящная простота—отличительныя черты таланта графа Толстаго». Такой отзывъ вы услышите отъ каждаго, кто только слѣдитъ за литературою. Критика повторяла эту характеристику, внушенную общимъ голосомъ, и, повторяя ее, была совершенно вѣрна правдѣ дѣла.

Но неужели ограничиться этимъ сужденіемъ, которое, правда, замѣтило въ талантѣ графа Толстаго черты, дѣйствительно ему принадлежащія, но еще не показало тѣхъ особенныхъ оттѣнковъ, какими отличаются эти качества въ произведеніяхъ автора «Дѣтства», «Отрочества», «Записокъ Маркера», «Метели», «Двухъ Гусаровъ» и «Военныхъ Разсказовъ»? Наблюдательность, тонкость психологическаго анализа, поэзія въ картинахъ природы, простота и изящество,—все, что вы найдете и у Пушкина, и у Лермонтова, и у г. Тургенева,—опредѣлить талантъ каждаго изъ этихъ писателей только этими эпитетами было бы справедливо, но вовсе недостаточно для того, чтобы отличить другъ отъ друга; и повторить то же самое о графѣ Толстомъ еще не значитъ уловить отличительную физіономію его таланта, не значитъ показать, чѣмъ этотъ прекрасный талантъ отличается отъ многихъ другихъ столь же прекрасныхъ талантовъ. Надобно было охарактеризовать его точнѣе.

Нельзя сказать, чтобы попытки сдѣлать это были очень удачны. Причина неудовлетворительности ихъ отчасти заключается въ томъ, что талантъ графа Толстаго быстро развивается, и почти каждое новое произведеніе обнаруживаетъ въ немъ новыя черты. Конечно, все, что сказалъ бы кто нибудь о Гоголѣ послѣ «Миргорода», оказалось бы недостаточнымъ послѣ «Ревизора», и сужденія, высказавшіяся о г. Тургеневѣ, какъ авторѣ «Андрея Колосова» и «Хоря и Калиныча», надобно было во многомъ измѣнять и дополнять, когда явились его «Записки Охотника», какъ и эти сужденія оказались недостаточными, когда онъ написалъ новыя повѣсти, отличающіяся новыми до-

стоинствами. Но если прежняя оцѣнка развивающагося таланта непремѣнно оказывается недостаточною при каждомъ новомъ шагѣ его впередъ, то, по крайней мѣрѣ, для той минуты, какъ является, она должна быть вѣрна и основательна. Мы увѣрены, что не дальше, какъ послѣ появленія «Юности», то, что мы скажемъ теперь, будетъ уже нуждаться въ значительныхъ пополненіяхъ: талантъ графа Толстаго обнаружитъ передъ нами новыя качества, какъ обнаружилъ онъ севастопольскими разсказами стороны, которымъ не было случая обнаружиться въ «Дѣтствѣ» и «Отрочествѣ», какъ потомъ въ «Запискахъ Маркера» и «Двухъ Гусарахъ» онъ снова сдѣлалъ шагъ впередъ. Но талантъ этотъ, во всякомъ случаѣ, уже довольно блистателенъ для того, чтобы каждый періодъ его развитія заслуживалъ быть отмѣченъ съ величайшею внимательностью. Посмотримъ же, какія особенныя черты онъ уже имѣлъ случай обнаружить въ произведеніяхъ, которыя извѣстны читателямъ нашего журнала.

Наблюдательность у иныхъ талантовъ имѣетъ въ себѣ нѣчто холодное, безстрастное. У насъ замѣчательнѣйшимъ представителемъ этой особенности былъ Пушкинъ. Трудно найти въ русской литературѣ болѣе точную и живую картину, какъ описаніе быта и привычекъ большаго барина старыхъ временъ въ началѣ его повѣсти «Дубровскій». Но трудно рѣшить, какъ думаетъ объ изображаемыхъ имъ чертахъ самъ Пушкинъ. Кажется, онъ готовъ былъ бы отвѣчать на этотъ вопросъ: «можно думать различно; мнѣ какое дѣло, симпатію или антипатію возбудитъ въ васъ этотъ бытъ? я и самъ не могу рѣшить, удивленія или негодованія онъ заслуживаетъ». Эта наблюдательность — просто зоркость глаза и памятливость. У новыхъ нашихъ писателей такого равнодушія вы не найдете; ихъ чувства болѣе возбуждены, ихъ умъ болѣе точенъ въ своихъ сужденіяхъ. Не съ равною охотою наполняютъ они свою фантазію всѣми образами, какія только встрѣчаются на ихъ пути: ихъ глазъ съ особеннымъ вниманіемъ всматривается въ черты, которыя принадлежатъ сферѣ жизни, наиболѣе ихъ занимающей. Такъ, напримѣръ, г. Тургенева особенно привлекаютъ явленія, положительнымъ или отрицательнымъ образомъ относящіяся къ тому, что называется поэзіею жизни, и къ вопросу о гуманности. Вниманіе графа Толстаго болѣе всего обращено на то, какъ однѣ чувства и мысли развиваются изъ другихъ; ему интересно наблюдать, какъ чувство, непосредственно возникающее изъ даннаго положенія или впечатлѣнія, подчиняясь вліянію воспоминаній и силѣ сочетаній, представляемыхъ воображеніемъ, переходитъ въ другія чувства, снова возвращается къ прежней исходной точкѣ и опять и опять странствуетъ, измѣняясь по всей цѣпи воспоминаній; какъ мысль, рожденная первымъ ощущеніемъ, ведетъ къ другимъ мыслямъ, увлекается дальше и дальше, сливаетъ грезы съ дѣйствительными ощущеніями, мечты о будущемъ съ рефлексіею о настоящемъ. Психологическій анализъ можетъ принимать различныя направленія: одного поэта занимаютъ всего болѣе очертанія характеровъ; другаго—вліяніе общественныхъ отношеній и житейскихъ столкновеній на характеры; третьяго — связь чувствъ съ дѣйствіями; четвертаго — анализъ страстей; графа Толстаго всего болѣе — самъ психическій процессъ, его формы, его законы, діалектика души, чтобы выразиться опредѣлительнымъ терминомъ.

Изъ другихъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ поэтовъ болѣе развита эта сторона психологическаго анализа у Лермонтова; но и у него она все-таки играетъ слишкомъ второстепенную роль, обнаруживается рѣдко, да и то почти въ совершенномъ подчиненіи анализу чувства. Изъ тѣхъ страницъ, гдѣ она выступаетъ замѣтнѣе, едва ли не самая замѣчательная — памятныя всѣмъ размышленія Печорина о своихъ отношеніяхъ къ княжнѣ Мери, когда онъ замѣчаетъ, что она совершенно увлеклась имъ, бросивъ кокетничанье съ Грушницкимъ для серьезной страсти.

«Я часто себя спрашиваю, зачѣмъ я такъ упорно добиваюсь любви молоденькой дѣвочки, которую обольстить я не хочу и на которой никогда не женюсь» и т. д.— «Изъ чего же я хлопочу? Изъ зависти къ Грушницкому? Бѣдняжка! онъ вовсе ея не заслуживаетъ. Или это слѣдствіе того сквернаго, но непобѣдимаго чувства, которое заставляетъ насъ уничтожать сладкія заблужденія ближняго, чтобъ имѣть мелкое удовольствіе сказать ему, когда онъ въ отчаяніи будетъ спрашивать, чему онъ долженъ вѣрить:

«— Мой другъ, со мною было тоже самое, и ты видишь, однако, я обѣдаю, ужинаю и сплю преспокойно, и, надѣюсь, съумѣю умереть безъ крика и слезъ»... и т. д.

Тутъ яснѣе, нежели гдѣ нибудь у Лермонтова, уловленъ психическій процессъ возникновенія мыслей, — и, однакожь, это все-таки не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ тѣми изображеніями хода чувствъ и мыслей въ головѣ человѣка, которыя такъ любимы графомъ Толстымъ. Это вовсе не то, что полумечтательныя, полурефлективныя сцѣпленія понятій и чувствъ, которыя ростутъ, движутся, измѣняются передъ нашими глазами, когда мы читаемъ повѣсть графа Толстаго,—это не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ его изображеніями картинъ и сценъ, ожиданій и опасеній, проносящихся въ мысли его дѣйствующихъ лицъ; размышленія Печорина наблюдены вовсе не съ той точки зрѣнія, какъ различныя минуты душевной жизни лицъ, выводимыхъ графомъ Толстымъ,—хотя бы, напримѣръ, это изображеніе того, что проживаетъ человѣкъ въ минуту, предшествующую ожидаемому смертельному удару, потомъ въ минуту послѣдняго сотрясенія нервовъ отъ этого удара:

«Только что Праскухинъ, идя рядомъ съ Михайловымъ, разошелся съ Калугинымъ и, подходя къ менѣе опасному мѣсту, начиналъ уже оживать немного, какъ онъ увидѣлъ молнію, ярко блеснувшую сзади себя, услыхалъ крикъ часоваго: «маркела!» и слова одного изъ солдатъ, шедшихъ сзади: «какъ разъ на бастіонъ прилетитъ!»

Михайловъ оглянулся. Свѣтлая точка бомбы, казалось, остановилась на своемъ зенитѣ—въ томъ положеніи, когда рѣшительно нельзя опредѣлить ея направленіе. Но это продолжалось только мгновеніе: бомба быстрѣе и быстрѣе, ближе и ближе, такъ что уже видны были искры трубки и слышно роковое посвистываніе, опускалась прямо въ средину батальона.

— Ложись! крикнулъ чей-то голосъ.

Михайловъ и Праскухинъ прилегли къ землѣ. Праскухинъ, зажмурясь, слышалъ только, какъ бомба гдѣ-то очень близко шлепнулась на твердую землю. Прошла секунда, показавшаяся часомъ—бомбу не рвало. Праскухинъ испугался: не напрасно ли онъ струсилъ? можетъ быть бомба упала далеко, и ему только казалось, что трубка шипитъ тутъ же. Онъ открылъ глаза и съ удовольствіемъ увидѣлъ, что Михайловъ, около самыхъ ногъ его недвижимо лежалъ на землѣ. Но тутъ же глаза его на мгновеніе встрѣтились съ свѣтящейся трубкой въ аршинѣ отъ него крутившейся бомбы.

Ужасъ—холодный, исключающій всѣ другія мысли и чувства, ужасъ—объялъ все существо его. Онъ закрылъ лицо руками.

Прошла еще секунда,—секунда, въ которую цѣлый міръ чувствъ, мыслей, надеждъ, воспоминаній промелькнулъ въ его воображеніи.

«Кого убьетъ—меня или Михайлова? или обоихъ вмѣстѣ? А коли меня, то куда? въ голову, такъ все кончено; а если въ ногу, то отрѣжутъ, и я попрошу, чтобы непремѣнно съ хлороформомъ,—и я могу еще живъ остаться. А, можетъ быть, одного Михайлова убьетъ: тогда я буду разсказывать, какъ мы рядомъ шли, его убило и меня кровью забрызгало. Нѣтъ, ко мнѣ ближе... меня!»

Тутъ онъ вспомнилъ про двѣнадцать рублей, которые былъ долженъ Михайлову, вспомнилъ еще про одинъ долгъ въ Петербургѣ, который давно надо было заплатить; цыганскій мотивъ, который онъ пѣлъ вечеромъ, пришелъ ему въ голову. Женщина, которую онъ любилъ, явилась ему въ воображеніи въ чепцѣ съ лиловыми лентами, человѣкъ, которымъ онъ былъ оскорбленъ пять лѣтъ тому назадъ и которому не отплатилъ за оскорбленіе, вспомнился ему, хотя вмѣстѣ, нераздѣльно съ этими и тысячами другихъ воспоминаній чувство настоящаго—ожиданіе смерти—ни на мгновеніе не покидало его. «Впрочемъ, можетъ быть не лопнетъ», подумалъ онъ и съ отчаянной рѣшимостью хотѣлъ открыть глаза. Но въ это мгновеніе, еще сквозь закрытыя вѣки, глаза его поразилъ красный огонь, съ страшнымъ трескомъ что-то толкнуло его въ средину груди: онъ побѣжалъ куда-то, споткнулся на подвернувшуюся подъ ноги саблю и упалъ на бокъ.

«Слава Богу! я только контуженъ», было его первою мыслью, и онъ хотѣлъ руками дотронуться до груди, но руки его казались привязанными, и какіе-то тиски сдавили голову. Въ глазахъ его мелькали солдаты, и онъ безсознательно считалъ ихъ: «одинъ, два, три солдата; а вотъ, въ подвернутой шинели, офицеръ», думалъ онъ. Потомъ молнія блеснула въ его глазахъ, и онъ думалъ, изъ чего это выстрѣлили: изъ мортиры или изъ пушки? Должно быть изъ пушки. А вотъ еще выстрѣлили: а вотъ еще солдаты—пять, шесть, семь солдатъ, идутъ все мимо. Ему вдругъ стало страшно, что они раздавятъ его. Онъ хотѣлъ крикнуть, что онъ контуженъ, но ротъ былъ такъ сухъ, что языкъ прилипъ къ небу, и ужасная жажда мучила его. Онъ чувствовалъ, какъ мокро было у него около груди: это ощущеніе мокроты напоминало ему о водѣ, и ему хотѣлось бы даже выпить то, чѣмъ это было мокро. «Вѣрно, я въ кровь разбился, какъ упалъ», подумалъ онъ, и, все болѣе и болѣе начиная поддаваться страху, что солдаты, которые продолжали мелькать мимо, раздавятъ его, онъ собралъ всѣ силы и хотѣлъ закричать: «возьмите меня!» но вмѣсто этого застоналъ такъ ужасно, что ему страшно стало слушать себя. Потомъ какіе-то красные огни запрыгали у него въ глазахъ,—а ему показалось, что солдаты кладутъ на него камни; огни все прыгали рѣже и рѣже, камни, которые на него накладывали, давили его больше и больше. Онъ сдѣлалъ усиліе, чтобы раздвинуть камни, вытянулся и уже больше не видѣлъ, не слышалъ, не думалъ и не чувствовалъ. Онъ былъ убитъ на мѣстѣ осколкомъ въ середину груди».

Это изображеніе внутренняго монолога надобно, безъ преувеличенія, назвать удивительнымъ. Ни у кого другаго изъ нашихъ писателей не найдете вы психическихъ сценъ, подмѣченныхъ съ этой точки зрѣнія. И, по нашему мнѣнію, та сторона таланта графа Толстаго, которая даетъ ему возможность уловлять эти психическіе монологи, составляетъ въ его талантѣ особенную, только ему свойственную силу. Мы не то хотимъ сказать, что графъ Толстой непремѣнно и всегда будетъ давать намъ такія картины: это совершенно зависитъ отъ положеній, имъ изображаемыхъ, и наконецъ просто отъ воли его. Однажды написавъ «Метель», которая вся состоитъ изъ ряда подобныхъ внутреннихъ сценъ, онъ въ другой разъ написалъ «Записки Маркера», въ которыхъ нѣтъ ни одной такой сцены, потому что ихъ не требовалось по идеѣ разсказа. Выражаясь фигуральнымъ языкомъ, онъ умѣетъ играть не одной этой струной, можетъ играть или не играть на ней, но самая способность играть

на ней придаетъ уже его таланту особенность, которая видна во всемъ постоянно. Такъ, пѣвецъ, обладающій въ своемъ діапазонѣ необыкновенно высокими нотами, можетъ не брать ихъ, если то не требуется его партіей,—и все-таки, какую бы ноту онъ ни бралъ, хотя бы такую, которая равно доступна всѣмъ голосамъ, каждая его нота будетъ имѣть совершенно особенную звучность, зависящую собственно отъ способности его брать высокую ноту, и въ каждой нотѣ его будетъ обнаруживаться для знатока весь размѣръ его діапазона.

Особенная черта въ талантѣ графа Толстаго, о которой мы говорили, такъ оригинальна, что нужно съ большимъ вниманіемъ всматриваться въ нее, и тогда только мы поймемъ всю ея важность для художественнаго достоинства его произведеній. Психологическій анализъ есть едва ли не самое существенное изъ качествъ, дающихъ силу творческому таланту. Но обыкновенно онъ имѣетъ, если такъ можно выразиться, описательный характеръ,—беретъ опредѣленное, неподвижное чувство и разлагаетъ его на составныя части,—даетъ намъ, если такъ можно выразиться, анатомическую таблицу. Въ произведеніяхъ великихъ поэтовъ мы, кромѣ этой стороны его, замѣчаемъ и другое направленіе, проявленіе котораго дѣйствуютъ на читателя или зрителя чрезвычайно поразительно: это—уловленіе драматическихъ переходовъ одного чувства въ другое, одной мысли въ другую. Но обыкновенно намъ представляются только два крайнія звена этой цѣпи, только начало и конецъ психическаго процесса,— это потому, что большинство поэтовъ, имѣющихъ драматическій элементъ въ своемъ талантѣ, заботятся преимущественно о результатахъ, проявленіяхъ внутренней жизни, о столкновеніяхъ между людьми, о дѣйствіяхъ, а не о таинственномъ процессѣ, посредствомъ котораго вырабатывается мысль или чувство; даже въ монологахъ, которые повидимому чаще всего должны бы служить выраженіемъ этого процесса, почти всегда выражается борьба чувствъ, и шумъ этой борьбы отвлекаетъ наше вниманіе отъ законовъ и переходовъ, по которымъ совершается ассоціація представленій,—мы заняты ихъ контрастомъ, а не формами ихъ возникновенія,—почти всегда монологи, если содержатъ не простое анатомированіе неподвижнаго чувства, только внѣшностью отличаются отъ діалоговъ: въ знаменитыхъ своихъ рефлексіяхъ, Гамлетъ какъ бы раздвоился и споритъ самъ съ собою; его монологи въ сущности принадлежатъ къ тому же роду сценъ, какъ и діалоги Фауста съ Мефистофелемъ, или споры маркиза Позы съ Донъ-Карлосомъ. Особенность таланта графа Толстаго состоитъ въ томъ, что онъ не ограничивается изображеніемъ результатовъ психическаго процесса: его интересуетъ самый процессъ,—и едва уловимыя явленія этой внутренней жизни, смѣняющіяся одно другимъ съ чрезвычайною быстротою и неистощимымъ разнообразіемъ, мастерски изображаются графомъ Толстымъ. Есть живописцы, которые знамениты искусствомъ уловлять мерцающее отраженіе луча на быстро катящихся волнахъ, трепетаніе свѣта на шелестящихъ листьяхъ, переливы его на измѣнчивыхъ очертаніяхъ облаковъ: о нихъ по преимуществу говорятъ, что они умѣютъ уловлять жизнь природы. Нѣчто подобное дѣлаетъ графъ Толстой относительно таинственнѣйшихъ движеній психической жизни. Въ этомъ состоитъ, какъ намъ кажется, совершенно оригинальная черта его таланта. Изъ всѣхъ замѣчательныхъ русскихъ писателей онъ одинъ мастеръ на это дѣло.

Конечно, эта способность должна быть врождена отъ природы, какъ и всякая другая способность; но было бы недостаточно остановиться на этомъ слишкомъ общемъ объясненіи: только самостоятельною дѣятельностью развивается талантъ, и въ той дѣятельности, о чрезвычайной энергіи которой свидѣтельствуетъ замѣченная нами особенность произведеній графа Толстаго, надобно видѣть основаніе силы, пріобрѣтенной его талантомъ. Мы говоримъ о самоуглубленіи, о стремленіи къ неутомимому наблюденію надъ самимъ собою. Законы человѣческаго дѣйствія, игру страстей, сцѣпленіе событій, сліяніе обстоятельствъ и отношеній мы можемъ изучать, внимательно наблюдая другихъ людей; но все знаніе, пріобрѣтаемое этимъ путемъ, не будетъ имѣть ни глубины, ни точности, если мы не изучимъ сокровеннѣйшихъ законовъ психической жизни, игра которыхъ открыта передъ нами только въ нашемъ общественномъ сомосознаніи. Кто не изучилъ человѣка въ самомъ себѣ, никогда не достигнетъ глубокаго знанія людей. Та особенность таланта графа Толстаго, о которой говорили мы выше, доказываетъ, что онъ чрезвычайно внимательно изучалъ тайны жизни человѣческаго духа въ самомъ себѣ; это знаніе драгоцѣнно не только потому, что доставило ему возможность написать картины внутреннихъ движеній человѣческой мысли, на которыя мы обратили вниманіе читателя, но еще, быть можетъ, больше потому, что дало ему прочную основу для изученія человѣческой жизни вообще, для разгадыванія характеровъ и пружинъ дѣйствія, борьбы страстей и впечатлѣній. Мы не ошибемся, сказавъ, что самонаблюденіе должно было чрезвычайно изострить вообще его наблюдательность, пріучить его смотрѣть на людей проницательнымъ взглядомъ.

Драгоцѣнно въ талантѣ это качество, едва ли не самое прочное изъ всѣхъ правъ на славу истинно замѣчательнаго писателя. Знаніе человѣческаго сердца, способность раскрывать передъ нами его тайны — вѣдь это первое слово въ характеристикѣ каждаго изъ тѣхъ писателей, творенія которыхъ съ удивленіемъ перечитываются нами. И, чтобы говорить о графѣ Толстомъ, глубокое изученіе человѣческаго сердца будетъ непзмѣнно придавать очень высокое достоинство всему, что бы ни написалъ онъ и въ какомъ бы духѣ ни написалъ. Вѣроятно, онъ напишетъ много такого, что будетъ поражать каждаго читателя другими, болѣе эффектными качествами, глубиною идеи, интересомъ концепцій, сильными очертаніями характеровъ, яркими картинами быта — и въ тѣхъ произведеніяхъ его, которыя уже извѣстны публикѣ, этими достоинствами постоянно возвышался интересъ, — но для истиннаго знатока всегда будетъ видно — какъ очевидно и теперь — что знаніе человѣческаго сердца основная сила его таланта. Писатель можетъ увлекать сторонами болѣе блистательными; но истинно силенъ и проченъ его талантъ только тогда, когда обладаетъ этимъ качествомъ.

Есть въ талантѣ г. Толстаго еще другая сила, сообщающая его произведеніямъ совершенно особенное достоинство своею чрезвычайно замѣчательной свѣжестью — чистота нравственнаго чувства. Мы не проповѣдники пуританизма; напротивъ, мы опасаемся его: самый чистый пуританизмъ вреденъ уже тѣмъ, что дѣлаетъ сердце суровымъ, жесткимъ; самый искренній и правдивый моралистъ вреденъ тѣмъ, что ведетъ за собою десятки лицемѣровъ, прикрывающихся его именемъ. Съ другой стороны, мы не такъ слѣпы, чтобы не видѣть

чистаго свѣта высокой нравственной идеи во всѣхъ замѣчательныхъ произведеніяхъ литературы нашего вѣка. Никогда общественная нравственность не достигала такого высокаго уровня, какъ въ наше благородное время,—благородное и прекрасное, несмотря на всѣ остатки ветхой грязи, потому что всѣ силы свои напрягаетъ оно, чтобы омыться и очиститься отъ наслѣдныхъ грѣховъ. И литература нашего времени, во всѣхъ замѣчательныхъ своихъ произведеніяхъ, безъ исключенія, есть благородное проявленіе чистѣйшаго нравственнаго чувства. Не то мы хотимъ сказать, что въ произведеніяхъ графа Толстаго чувство это сильнѣе, нежели въ произведеніяхъ другаго какого изъ замѣчательныхъ нашихъ писателей: въ этомъ отношеніи, всѣ они равно высоки и благородны, но у него это чувство имѣетъ особенный оттѣнокъ. У иныхъ оно очищено страданіемъ, отрицаніемъ, просвѣтлено сознательнымъ убѣжденіемъ, является уже только какъ плодъ долгихъ испытаній, мучительной борьбы, быть можетъ, цѣлаго ряда паденій. Не то у графа Толстаго: у него нравственное чувство не возстановлено только рефлексіею и опытомъ жизни, оно никогда не колебалось, сохранилось во всей юношеской непосредственности и свѣжести. Мы не будемъ сравнивать того и другаго оттѣнка въ гуманическомъ отношеніи, не будетъ говорить, который изъ нихъ выше по абсолютному значенію—это дѣло философскаго или соціальнаго трактата, а не рецензіи—мы здѣсь говоримъ только объ отношеніи нравственнаго чувства къ достоинствамъ художественнаго произведенія, и должны признаться, что въ этомъ случаѣ непосредственная, какъ бы сохранившаяся во всей непорочности отъ чистой поры юношества, свѣжесть нравственнаго чувства придаетъ поэзіи особенную — трогательную и граціозную—очаровательность. Отъ этого качества, по нашему мнѣнію, во многомъ зависитъ прелесть разсказовъ графа Толстаго. Не будемъ доказывать, что только при этой непосредственной свѣжести сердца можно было разсказать «Дѣтство» и «Отрочество» съ тѣмъ чрезвычайно вѣрнымъ колоритомъ, съ тою нѣжною граціозностью, которыя даютъ истинную жизнь этимъ повѣстямъ. Относительно «Дѣтства» и «Отрочества» очевидно каждому, что безъ непорочности нравственнаго чувства невозможно было бы не только исполнить эти повѣсти, но и задумать ихъ. Укажемъ другой примѣръ—въ «Запискахъ Маркера»: исторію паденія души, созданной съ благороднымъ направленіемъ, могъ такъ поразительно и вѣрно задумать и исполнить только талантъ, сохранившій первобытную чистоту.

Благотворное вліяніе этой черты таланта не ограничивается тѣми разсказами или эпизодами, въ которыхъ онъ выступаетъ замѣтнымъ образомъ на первый планъ: постоянно служитъ она оживительницею, освѣжительницею таланта. Что въ мірѣ поэтичнѣе, прелестнѣе чистой юношеской души, съ радостною любовью откликающейся на все, что представляется ей возвышеннымъ и благороднымъ, чистымъ и прекраснымъ, какъ сама она? Кто не испытывалъ, какъ освѣжается его духъ, просвѣтляется его мысль, облагораживается все существо присутствіемъ дѣвственнаго душою существа, подобнаго Корделіи, Офеліи или Дездемонѣ? Кто не чувствовалъ, что присутствіе такого существа навѣваетъ поэзію на его душу, и не повторялъ вмѣстѣ съ героемъ г. Тургенева (въ «Фаустѣ»):

Своимъ крыломъ меня одѣнь,
Волненье сердца утиши,
И благодатна будетъ сѣнь
Для очарованной души...

Такова же сила нравственной чистоты и въ поэзіи. Произведеніе, въ которомъ вѣетъ ея дыханіе, дѣйствуетъ на насъ освѣжительно, миротворно, какъ природа,—вѣдь и тайна поэтическаго вліянія природы едва ли не заключается въ ея непорочности. Много зависитъ отъ того же вѣянія нравственной чистоты и граціозная прелесть произведеній графа Толстаго.

Эти двѣ черты—глубокое знаніе тайныхъ движеній психической жизни и непосредственная чистота нравственнаго чувства, придающія теперь особенную физіономію произведеніямъ графа Толстаго, останутся существенными чертами его таланта, какія бы новыя стороны ни выказались въ немъ при дальнѣйшемъ его развитіи.

Само собою разумѣется, что всегда останется при немъ и его художественность. Объясняя отличительныя качества произведеній графа Толстаго, мы до сихъ поръ не упоминали объ этомъ достоинствѣ, потому что оно составляетъ принадлежность, или лучше сказать, сущность поэтическаго таланта вообще, будучи собственно только собирательнымъ именемъ для обозначенія всей совокупности качествъ, свойственныхъ произведеніямъ талантливыхъ писателей. Но стоитъ вниманія то, что люди, особенно много толкующіе о художественности, наименѣе понимаютъ, въ чемъ состоятъ ея условія. Мы гдѣ-то читали недоумѣніе относительно того, почему въ «Дѣтствѣ» и «Отрочествѣ» нѣтъ на первомъ планѣ какой нибудь прекрасной дѣвушки лѣтъ восемнадцати или двадцати, которая бы страстно влюблялась въ какого нибудь также прекраснаго юношу... Удивительныя понятія о художественности! Да вѣдь авторъ хотѣлъ изобразить дѣтскій и отроческій возрастъ, а не картину пылкой страсти, и развѣ вы не чувствуете, что еслибъ онъ ввелъ въ свой разсказъ эти фигуры и этотъ патетизмъ, дѣти, на которыхъ онъ хотѣлъ обратить ваше вниманіе, были бы заслонены, ихъ милыя чувства перестали бы занимать васъ, когда въ разсказѣ явилась бы страстная любовь,—словомъ, развѣ вы не чувствуете, что единство разсказа было бы разрушено, что идея автора погибла бы, что условія художественности были бы оскорблены? Именно для того, чтобы соблюсти эти условія, авторъ не могъ выводить въ своихъ разсказахъ о дѣтской жизни ничего такого, что заставило бы насъ забыть о дѣтяхъ, отвернуться отъ нихъ. Далѣе, тамъ же мы нашли нѣчто въ родѣ намека на то, что графъ Толстой ошибся, не выставивъ картинъ общественной жизни въ «Дѣтствѣ» и «Отрочествѣ»; да мало ли и другого чего онъ не выставилъ въ этихъ повѣстяхъ? въ нихъ нѣтъ ни военныхъ сценъ, ни картинъ итальянской природы, ни историческихъ воспоминаній, нѣтъ вообще многаго такого, что можно было бы, но не умѣстно и не должно было бы разсказывать: вѣдь авторъ хочетъ перенесть насъ въ жизнь ребенка,—а развѣ ребенокъ понимаетъ общественные вопросы, развѣ онъ имѣетъ понятіе о жизни общества? Весь этотъ элементъ столь же чуждъ дѣтской жизни, какъ лагерная жизнь, и условія художественности были бы точно такъ же нарушены, если бы въ «Дѣтствѣ» была изображена общественная жизнь, какъ и тогда, еслибъ

изображена была въ этой повѣсти военная или историческая жизнь. Мы любимъ не меньше кого другаго, чтобы въ повѣстяхъ изображалась общественная жизнь; но вѣдь надобно же понимать, что не всякая поэтическая идея допускаетъ внесеніе общественныхъ вопросовъ въ произведеніе; не должно забывать, что первый законъ художественности—единство произведенія, и что потому, изображая «Дѣтство», надобно изображать именно дѣтство, а не что либо другое, не общественные вопросы, не военныя сцены, не Петра Великаго и не Фауста, не Индіану и не Рудина, а дитя съ его чувствами и понятіями. И люди, предъявляющіе столь узкія требованія, говорятъ о свободѣ творчества! Удивительно, какъ не ищутъ они въ «Иліадѣ»—Макбета, въ Вальтерѣ Скоттѣ—Диккенса, въ Пушкинѣ—Гоголя! Надобно понять, что поэтическая идея нарушается, когда въ произведеніе вносятся элементы, ей чуждые, и что если бы, напримѣръ, Пушкинъ въ «Каменномъ Гостѣ» вздумалъ изображать русскихъ помѣщиковъ или выражать свое сочувствіе къ Петру Великому, «Каменный Гость» вышелъ бы произведеніемъ нелѣпымъ въ художественномъ отношеніи. Всему свое мѣсто: картинамъ южной любви въ «Каменномъ Гостѣ», картинамъ русской жизни въ «Онѣгинѣ», Петру Великому въ «Мѣдномъ Всадникѣ». Такъ и въ «Дѣтствѣ» или «Отрочествѣ» умѣстны только тѣ элементы, которые свойственны тому возрасту,—а патріотизму, геройству, военной жизни будетъ свое мѣсто въ «Военныхъ Разсказахъ», страшной нравственной драмѣ—въ «Запискахъ Маркера», изображенію женщины въ «Двухъ Гусарахъ». Помните ли вы эту чудную фигуру дѣвушки, сидящей у окна ночью, помните ли, какъ бьется ея сердце, какъ сладко томится ея грудь, предчувствіемъ любви?

«Простясь съ матерью, Лиза одна пошла въ бывшую дядину комнату. Надѣвъ бѣлую кофточку и спрятавъ въ платокъ свою густую длинную косу, она потушила свѣчу, подняла окно и съ ногами сѣла на стулъ, устремивъ задумчивые глаза на прудъ, теперь уже весь блестѣвшій серебрянымъ сіяньемъ.

«Всѣ ея привычныя занятія и интересы вдругъ явились передъ ней совершенно въ новомъ свѣтѣ: старая, капризная мать, несудящая любовь къ которой сдѣлалась частью ея души, дряхлый, но любезный дядя, дворовые, мужики, обожающіе барышню, дойныя коровы и телки, — вся эта все та же, сколько разъ умиравшая и обновлявшаяся природа, среди которой съ любовью къ другимъ и отъ другихъ она выросла, все, что давало ей такой легкій, пріятный душевный отдыхъ, — все это вдругъ показалось не *то*, все это показалось *скучно*, *не нужно*. Какъ будто кто нибудь сказалъ ей: «дурочка, дурочка! двадцать лѣтъ дѣлала вздоръ, служила кому-то зачѣмъ-то и не знала, что такое жизнь и счастье!» Она это думала теперь, вглядываясь въ глубину свѣтлаго, неподвижнаго сада, сильнѣе, гораздо сильнѣе, чѣмъ прежде ей случалось это думать. И что навело ее на эти мысли? нисколько не внезапная любовь къ графу, какъ бы это можно было предположить. Напротивъ, онъ ей не нравился. Корнетъ могъ бы скорѣе занимать; но онъ дуренъ, бѣдный, и молчаливъ какъ-то. Она невольно забывала его и съ злобой и съ досадой вызывала въ воображеніи образъ графа. «Нѣтъ, не то», говорила она сама себѣ. Идеалъ ея былъ такъ прелестенъ! Это былъ идеалъ, который среди этой ночи, этой природы, не нарушая ея красоты, могъ быть любимымъ, — идеалъ, ни разу не обрѣзанный, для того, чтобы слить его съ какой нибудь грубой дѣйствительностью.

«Сначала уединеніе и отсутствіе людей, которые бы могли обратить ея вниманіе, сдѣлали то, что вся сила любви, которую въ душу каждаго изъ насъ вложило Провидѣніе, была еще цѣла и невозмутима въ ея сердцѣ; теперь же уже слишкомъ долго она жила грустнымъ счастіемъ чувствовать въ себѣ присутствіе этого чего-то

и, изрѣдка открывая таинственный сердечный сосудъ, наслаждаться созерцаніемъ его богатствъ, чтобы необдуманно излить на кого нибудь все то, что тамъ было. Дай Богъ, чтобы она до гроба наслаждалась этимъ скупымъ счастіемъ. Кто знаетъ, не лучше ли и не сильнѣе ли оно? и не одно ли оно истинно и возможно?

«Господи Боже мой!—думала она—неужели я даромъ потеряла счастіе и молодость, и ужь не будетъ... никогда не будетъ? неужели это правда? и она вглядывалась въ высокое свѣтлое около мѣсяца небо, покрытое бѣлыми волнистыми тучами, которыя, застилая звѣздочки, подвигались къ мѣсяцу. «Если захватитъ мѣсяцъ это верхнее бѣлое облачко, значитъ правда», подумала она. Туманная, дымчатая полоса пробѣжала по нижней половинѣ свѣтлаго круга, и понемногу свѣтъ сталъ слабѣть на травѣ, на верхушкахъ липъ, на прудѣ, черныя тѣни деревъ стали менѣе замѣтны. И, какъ будто вторя мрачной тѣни, осѣнившей природу, легкій вѣтерокъ пронесся по листьямъ и донесъ до окна росистый запахъ листьевъ, влажной земли и цвѣтущей сирени.

«Нѣтъ, это неправда—утѣшала она себя—а вотъ если соловей запоетъ нынче ночью, то значитъ вздоръ все, что я думаю, и не надо отчаяваться, подумала она. И долго еще сидѣла молча, дожидаясь кого-то, несмотря на то, что снова все освѣтилось и ожило, и снова нѣсколько разъ набѣгали на мѣсяцъ тучки, и все померкло. Она уже засыпала такъ, сидя у окна, когда соловей разбудилъ ее частой трелью, раздававшейся звонко низомъ по пруду. Деревенская барышня открыла глаза. Опять съ новымъ наслажденіемъ вся душа ея обновилась этимъ таинственнымъ соединеніемъ съ природой, которая такъ спокойно и свѣтло раскинулась передъ ней. Она облокотилась на обѣ руки. Какое-то томительно сладкое чувство грусти сдавило ей грудь, и слезы чистой, широкой любви, жаждущей удовлетворенія, хорошія, утѣшительныя слезы, налились въ глаза ея. Она сложила руки на подоконникъ и на нихъ положила голову. Любимая ея молитва какъ-то сама пришла ей въ душу, и она такъ и задремала съ мокрыми глазами.

«Прикосновеніе чьей-то руки разбудило ее. Она проснулась. Но прикосновеніе это было легко и пріятно. Рука сжимала крѣпче ея руку. Вдругъ она вспомнила дѣйствительность, вскрикнула, вскочила и, сама себя увѣряя, что не узнала графа, который стоялъ подъ окномъ, весь облитый луннымъ свѣтомъ, выбѣжала изъ комнаты»...

Графъ Толстой обладаетъ истиннымъ талантомъ. Это значитъ, что его произведенія художественны, то есть въ каждомъ изъ нихъ очень полно осуществляется именно та идея, которую онъ хотѣлъ осуществить въ этомъ произведеніи. Никогда не говоритъ онъ ничего лишняго, потому что это было бы противно условіямъ художественности, никогда не безобразитъ онъ свои произведенія примѣсью сценъ и фигуръ, чуждыхъ идеѣ произведенія. Именно въ этомъ и состоитъ одно изъ главныхъ требованій художественности. Нужно имѣть много вкуса, чтобы оцѣнить красоту произведеній графа Толстаго; но зато человѣкъ, умѣющій понимать истинную красоту, истинную поэзію, видитъ въ графѣ Толстомъ настоящаго художника, то есть поэта съ замѣчательнымъ талантомъ.

Этотъ талантъ принадлежитъ человѣку молодому, съ свѣжими жизненными силами, имѣющему передъ собою еще долгій путь — многое новое встрѣтится ему на этомъ пути, много новыхъ чувствъ будетъ еще волновать его грудь, многими новыми вопросами займется его мысль, какая прекрасная надежда для нашей литературы, какіе богатые новые матеріалы жизнь даетъ его поэзіи! Мы предсказываемъ, что все, данное донынѣ графомъ Толстымъ нашей литературѣ, только залоги того, что совершитъ онъ впослѣдствіи; но какъ богаты и прекрасны эти залоги.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, его жизнь и сочиненія. *Съ портретомъ А. С. Пушкина. Спб. 1856.* [1]).

Дѣтей обыкновенно хвалятъ, но хвалятъ болѣе по привычкѣ, по какой-то нѣжной лести, нежели по ясному убѣжденію въ ихъ добротѣ, умѣ и другихъ хвалимыхъ качествахъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы не всегда умѣемъ цѣнить по достоинству, напримѣръ, умъ дѣтей,— по крайней мѣрѣ, мы вообще слишкомъ мало довѣряемъ ему,—мы или мучимъ его затверживаніемъ сухихъ правилъ и мертвыхъ словъ, смысла которыхъ не объясняемъ дѣтямъ, «потому что они еще дѣти, не поймутъ они этого», или, когда хотимъ доставить имъ пріятное чтеніе, болтаемъ съ ними о такихъ вещахъ и такимъ языкомъ, что умное дитя тотчасъ же замѣтитъ въ нашихъ словахъ притворное ребячество и будетъ подсмѣиваться надъ этимъ неловкимъ и скучнымъ ребячествомъ. Мы думаемъ, что дѣтскій разсудокъ слабъ, что дѣтскій умъ непроницателенъ; о, нѣтъ, напротивъ, онъ только неопытенъ, но, повѣрьте, очень остеръ и проницателенъ. Вѣдь научается же двѣнадцатилѣтній мальчикъ понимать алгебраическія отвлеченности, которыя и взрослому не всякому объяснишь. Если дѣтскій умъ въ состояніи понять квадратныя уравненія, безконечныя дроби, ньютоновъ биномъ, то можно ли сомнѣваться въ томъ, что онъ пойметъ такія живыя, объясняемыя наглядными примѣрами понятія, какъ, напримѣръ, поэзія, литература, поэтъ, и т. д.? Вѣдь согласитесь, что изъ насъ, взрослыхъ людей, найдется вдесятеро больше имѣющихъ сносное понятіе о поэзіи, искусствѣ, нежели имѣющихъ хотя какое нибудь понятіе о неполныхъ квадратныхъ уравненіяхъ? Стало быть, первыя понятія гораздо легче охватываются пониманіемъ, нежели послѣднія. Да, нужно только умѣючи приняться за дѣло, и съ дѣтьми можно говорить и объ исторіи, и о нравственныхъ наукахъ, и о литературѣ, такъ что они будутъ не только узнавать мертвые факты, но и понимать смыслъ, связь ихъ. Въ этомъ отношеніи мы вообще не довольны книгами для дѣтскаго чтенія: онѣ слишкомъ—извините за выраженіе—оскорбляютъ дѣтей недовѣрчивостью къ ихъ уму, отсутствіемъ мысли, приторными сентенціями. Къ чему эта преднамѣренная пустота, преднамѣренное идіотство? Дѣтямъ очень многое можно объяснить очень легко, лишь бы только объясняющій самъ понималъ ясно предметъ, о которомъ взялся говорить съ дѣтьми, и умѣлъ говорить человѣческимъ языкомъ. Съ этой стороны мы довольны книжкою, заглавіе которой выписали. Надобно дѣтямъ узнать, кто былъ Пушкинъ и что онъ писалъ. Да почему же надобно знать это? Потому, что онъ былъ великій поэтъ,—и книжка объясняетъ своимъ читателямъ, что такое просвѣщеніе, литература, поэзія, поэтъ, великій человѣкъ, и объясняетъ эти понятія въ ихъ настоящемъ смыслѣ, нисколько не искажая ихъ, и посмотрите, какъ доступно уму двѣнадцатилѣтняго ребенка это объясненіе такихъ возвышенныхъ предметовъ:

«Пушкинъ — великій поэтъ», говоритъ каждый изъ насъ, и эти слова такъ важны, что надобно постараться какъ можно лучше вникнуть въ смыслъ ихъ и

---

[1]) Авторъ этой книги—Н. Г. Чернышевскій. Книга эта будетъ перепечатана въ т. X настоящаго изданія.—*Примѣчаніе издателя.*

объяснить ихъ: что такое значитъ «великій поэтъ»? почему великіе поэты пользуются общимъ глубокимъ уваженіемъ? и почему Пушкина всѣ считаютъ великимъ поэтомъ?

«Объяснивъ себѣ это, мы увидимъ, какъ необходимо каждому изъ насъ ближе познакомиться съ жизнью Пушкина и его сочиненіями.

«Не нужно доказывать, что образованіе — самое великое благо для человѣка. Безъ образованія люди и грубы, и бѣдны, и несчастны. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить разсказы путешественниковъ о дикаряхъ. Краснокожіе индѣйцы жили и отчасти еще живутъ въ тѣхъ же самыхъ земляхъ, которыя заняты теперь Сѣверо-Американскими Штатами: посмотрите же, какая разница между краснокожими, малочисленными, нуждающимися во всемъ необходимомъ для жизни, и многочисленными, богатыми, имѣющими все въ изобиліи сѣверо-американцами! И отчего вся эта разница? Только оттого, что сѣверо-американцы — народъ образованный, а краснокожіе туземцы—дикари. Другой примѣръ, болѣе близкій къ намъ: Россія теперь государство могущественное и богатое, потому что русскіе, благодаря Петру Великому, стали народомъ образованнымъ; а всего только пятьсотъ лѣтъ тому назадъ русскіе были угнетаемы и раззоряемы татарами, потому что были еще мало образованы.

«Но не довольно того, что просвѣщеніе приноситъ народу и благосостояніе и могущество: оно доставляетъ человѣку такое душевное наслажденіе, съ которымъ ничто не можетъ сравниться. Каждый образованный человѣкъ чувствуетъ это и всегда скажетъ, что безъ образованія жизнь его была бы очень скучна и жалка.

«Теперь будетъ совершенно ясно, какъ важна для всеобщаго блага литература, если мы скажемъ, что изъ всѣхъ средствъ для распространенія образованности самое сильное — литература. Народъ, у котораго нѣтъ литературы, грубъ и невѣжественъ: чѣмъ болѣе усиливается и совершенствуется, или, какъ принято говорить, развивается литература, тѣмъ образованнѣе и лучше становится народъ.

«Образованнымъ человѣкомъ называется тотъ, кто пріобрѣлъ много знаній и, кромѣ того, привыкъ быстро и вѣрно соображать, что хорошо и что дурно, что справедливо и что несправедливо, или, какъ выражаются однимъ словомъ, привыкъ «мыслить», и, наконецъ, у кого понятія и чувства получили благородное и возвышенное направленіе, то есть пріобрѣли сильную любовь ко всему доброму и прекрасному. Всѣ эти три качества — обширныя знанія, привычка мыслить и благородство чувствъ — необходимы для того, чтобы человѣкъ былъ образованнымъ въ полномъ смыслѣ слова. У кого мало познаній, тотъ невѣжда; у кого умъ не привыкъ мыслить, тотъ грубъ или тупоуменъ; у кого нѣтъ благородныхъ чувствъ, тотъ человѣкъ дурной.

«Въ дѣтствѣ, въ первую пору молодости, человѣкъ учится въ школахъ: уроки наставниковъ имѣютъ ту цѣль, чтобы сдѣлать юношу образованнымъ человѣкомъ. Но когда онъ выходитъ изъ школы, перестаетъ учиться, его образованіе поддерживается и совершенствуется чтеніемъ, то есть, вмѣсто прежнихъ наставниковъ, которыхъ слушалъ мальчикъ и юноша, взрослый человѣкъ имѣетъ одну наставницу—литературу.

«Чтобъ исполнить, какъ должно, свою великую обязанность — быть руководительницею людей на пути образованія, литература, какъ мы уже знаемъ, должна давать ему различныя знанія, развивать въ немъ привычку мыслить и поддерживать въ немъ любовь ко всему прекрасному и доброму. Каждая хорошая книга до нѣкоторой степени исполняетъ всѣ эти условія; но нѣкоторыя книги имѣютъ главною своею цѣлью сообщать уму читателя различныя познанія—это книги, принадлежащія къ такъ называемой ученой литературѣ, напримѣръ, сочиненія по исторіи, по естественнымъ наукамъ и пр.; другія книги пишутся съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы дѣйствовать главнымъ образомъ на воображеніе и сердце читателя, возбуждая въ немъ сочувствіе къ доброму и прекрасному—это книги, принадлежащія къ такъ называемой изящной литературѣ. Между полезными дѣйствіями, какія производятъ на читателя книги того и другаго рода, есть очень много общаго; особенно сходны всѣ хорошія книги въ томъ, что непремѣнно возбуждаютъ въ читателѣ желаніе думать о томъ, что справедливо, прекрасно и полезно для людей. Сходны онѣ между собою и въ томъ, что хорошая ученая книга, дѣйствуя болѣе всего на умъ, дѣйствуетъ также и на сердце; а про-

изведенія изящной литературы, преимущественно обращаясь къ сердцу читателя, въ то же время не остаются безполезны и для его ума, которому сообщаютъ вѣрныя понятія о человѣческой жизни. Но, несмотря на это значительное сходство, изящная литература очень рѣзко отличается отъ ученой. Одну сторону этого различія мы уже знаемъ: главная цѣль ученыхъ сочиненій, какъ мы сказали, та, чтобы сообщать точныя свѣдѣнія по какой нибудь наукѣ, а сущность произведеній изящной словесности — въ томъ, что они дѣйствуютъ на воображеніе и должны возбуждать въ читателѣ благородныя понятія и чувства. Другое различіе состоитъ въ томъ, что въ ученыхъ сочиненіяхъ излагаются событія, происходившія на самомъ дѣлѣ, и описываются предметы, также на самомъ дѣлѣ существующіе или существовавшіе; а произведенія изящной словесности описываютъ и разсказываютъ намъ въ живыхъ примѣрахъ, какъ чувствуютъ и какъ поступаютъ люди въ различныхъ обстоятельствахъ, и примѣры эти большею частію создаются воображеніемъ самого писателя. Коротко можно выразить это различіе въ слѣдующихъ словахъ: ученое сочиненіе разсказываетъ, что именно было или есть, а произведеніе изящной литературы разсказываетъ, какъ всегда и ли обыкновенно бываетъ на свѣтѣ.

«Довольно намъ и этихъ двухъ замѣчаній, чтобы видѣть, до какой степени изящная литература различна отъ ученой, хотя есть у нихъ и много общаго.

«Можно теперь спросить: которая же изъ двухъ отраслей литературы важнѣе? которая больше приноситъ пользы людямъ? которая больше содѣйствуетъ распространенію и усовершенствованію просвѣщенія? На это образованный человѣкъ будетъ отвѣчать: обѣ онѣ равно важны, равно полезны людямъ. Ученая литература спасаетъ людей отъ невѣжества, а изящная—отъ грубости и пошлости; то и другое дѣло одинаково благотворны и необходимы для истиннаго просвѣщенія и для счастія людей.

«Теперь надобно только сказать, что хорошіе писатели по части изящной литературы называются поэтами, и мы поймемъ, какой высокій смыслъ заключается въ этомъ словѣ. Поэты — руководители людей къ благородному понятію о жизни и къ благородному образу чувствъ: читая ихъ произведенія, мы пріучаемся отвращаться отъ всего пошлаго и дурнаго, понимать очаровательность всего добраго и прекраснаго, любить все благородное; читая ихъ, мы сами дѣлаемся лучше, добрѣе, благороднѣе [1]).

«И если Пушкинъ, въ самомъ дѣлѣ, великій поэтъ, то нельзя не согласиться, что онъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые сдѣлали наиболѣе добра своимъ соотечественникамъ, одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ каждый русскій наиболѣе обязанъ уважать и любить».

Интересно предисловіе этой книги, заключающее въ себѣ мысль очень оригинальную и, по нашему мнѣнію, вѣрную.

«Въ настоящей книгѣ взрослый читатель не найдетъ для себя ничего новаго о Пушкинѣ. Ея цѣль—служить для юношества началомъ знакомства съ великимъ русскимъ поэтомъ. Съ этою цѣлію въ ней разсказана а) жизнь поэта, по существующимъ нынѣ печатнымъ матеріаламъ, при чемъ составитель отдавалъ предпочтеніе фактамъ, рельефно представляющимъ трудолюбивую, благородную и могучую личность Пушкина; б) представленъ краткій очеркъ произведеній Пушкина и в) помѣщено въ «Приложеніи» нѣсколько мелкихъ стихотвореній и отрывковъ изъ поэмъ Пушкина, выбранныхъ, разумѣется, согласно назначенію книги.

«Такимъ образомъ составленная книга о Пушкинѣ, по нашему мнѣнію, можетъ служить полезнымъ и занимательнымъ чтеніемъ русскаго юношества, какъ мужскаго, такъ и женскаго половъ.

---

[1]) Прежде называли поэтами только стихотворцевъ, а поэзіею только одни стихи. Теперь поняли, что поэтическими произведеніями должно называть всѣ хорошія сочиненія по части изящной литературы, все равно, стихами ли они писаны, или прозою. Впрочемъ, до сихъ поръ «поэтами» называютъ въ особенности тѣхъ писателей, у которыхъ особенно много или воображенія, или задушевной теплоты; тѣ произведенія изящной словесности, въ которыхъ холодный разсудокъ преобладаетъ надъ воображеніемъ и теплотою чувства, не принято называть «поэтическими». (*Примѣчаніе автора*).

«Изъ всего вышесказаннаго видно, что издатель имѣлъ въ виду дѣтей. И, однакожь, книга не названа дѣтскою. Это сдѣлано не безъ намѣренія. Кто потрудится перенестись мыслію къ собственному дѣтству и отрочеству, тотъ, вѣрно, вспомнитъ, какъ въ то время хотѣлось ему казаться *большимъ* и какъ отталкивало его одно названіе *дѣтскій*. Намъ случалось видѣть дѣтей, особенно въ порѣ перехода къ отрочеству, которыя именно поэтому не читали хорошихъ книгъ, тогда какъ съ жадностію бросались на книги сомнительнаго достоинства, лишь бы на нихъ не стояло: *для дѣтей*.

«Итакъ, мы думаемъ, что родители и наставники, которые, пріобрѣтя нашу книгу, вырвутъ изъ нея этотъ листокъ прежде, чѣмъ отдадутъ ее въ руки своимъ питомцамъ, поступятъ весьма благоразумно: они придадутъ ей въ глазахъ своихъ питомцевъ двойной интересъ».

Портретъ Пушкина, приложенный къ книжкѣ, гравированъ на сталн въ Лондонѣ. Внѣшній видъ книжки можно назвать изящнымъ.

Для легкаго чтенія. *Повѣсти, разсказы, комедіи, путешествія и стихотворенія современныхъ русскихъ писателей. Т. IV. Спб. 1855.*

Успѣхъ «Легкаго Чтенія» возрастаетъ съ изданіемъ каждаго новаго тома, какъ и надобно было ожидать. Нѣтъ сомнѣнія, что вышедшій теперь четвертый томъ будетъ сильно содѣйствовать дальнѣйшему увеличенію успѣха сборника, предпринятаго г. Давыдовымъ; за то ручается выборъ пьесъ, вошедшихъ въ составъ этой части «Легкаго Чтенія». Въ ней заключаются: «Разсказъ лезгинца Асана о похожденіяхъ своихъ», г. Даля; «Агарь», стихотвореніе г. Полонскаго; «Десять дней въ Севастополѣ», г. Берга; шесть стихотвореній графа А. Толстаго; «Гдѣ тонко, тамъ и рвется», комедія г. Тургенева; «Портретистъ», повѣсть г. Станицкаго; «Бобыль», разсказъ г. Григоровича; восемь стихотвореній г. Щербины; «Зюльма», разсказъ г. Ковалевскаго.

Въ пятомъ томѣ, который, вѣроятно, не заставитъ долго ждать себя, обѣщаны: два стихотворенія Пушкина (не вошедшія въ изданія его сочиненій); «Неудавшаяся жизнь», повѣсть г. Григоровича; «Помѣщикъ», разсказъ г. Тургенева; «Идеалистъ», повѣсть г. Станкевича; «Признанія труженика», стихотвореніе Н***; «Недосказанная фраза», разсказъ г. П—ва; «Рыбная ловля», поэма г. Майкова; «Нянюшка», сцены г. Михайлова.

О золотѣ и серебрѣ. *Сочиненіе* Н. Тарасенко-Отрѣшкова. *Часть первая. Спб. 1856.*

Г. Тарасенко-Отрѣшковъ (камеръ-юнкеръ Двора Его Величества Императора Всероссійскаго, статскій совѣтникъ, членъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства и Общества Южной Россіи, какъ означаетъ онъ самъ себя на заглавномъ листѣ книги) рѣшился, по выраженію Сумарокова, «своими трудами принести честь своему отечеству» предъ лицомъ всей Европы, и потому издалъ въ Парижѣ на французскомъ діалектѣ первую часть своего сочиненія «О золотѣ и серебрѣ, происхожденіи ихъ и пр. и пр.» —заглавіе книги такъ же длинно, какъ и обозначеніе ея автора. (См. «Совр.» № VII, библіографія). Это похвально.

Не желая обидѣть и своихъ соотечественниковъ, не знающихъ по французски, онъ издалъ теперь ту же самую первую часть по русски. Это еще похвальнѣе. Но всего похвальнѣе было бъ, еслибъ онъ первую часть напечаталъ только по французски, а вторую—только по русски. Тогда, безъ всякаго сомнѣнія, всѣ русскіе, восхищенные второю частью, выучились бы по французски, чтобы прочитать первую, а всѣ французы, очарованные первою частью, выучились бы по русски, чтобы прочитать вторую.

Замѣтки о журналахъ.

НОЯБРЬ 1856.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ.—РУССКАЯ БЕСѢДА.

Годъ, съ которымъ готовимся мы проститься, принесъ много хорошаго нашему отечеству. При самомъ началѣ его, благая воля Государя подала намъ надежду на миръ, желаемый всею Европою, благотворный для насъ; эта надежда не обманула насъ,—и миръ былъ заключенъ въ самое благопріятное для примиренія время, на условіяхъ, самыхъ выгодныхъ. Миръ, который должны благословлять мы всѣ, снова открылъ свободный путь нашей заграничной торговлѣ, оживилъ промышленную дѣятельность внутри государства, возстановилъ наши сношенія съ другими образованными народами, наконецъ, что всего важнѣе, далъ время и возможность къ исправленію всего того, что нуждается въ улучшеніи. Затѣмъ — торжество Коронованія и сопровождавшій его милостивый манифестъ,—манифестъ, возвратившій утраченныя блага столькимъ людямъ, облегчившій массу народа трехлѣтнею льготою отъ рекрутскихъ наборовъ. За манифестомъ послѣдовали преобразованія и улучшенія по многимъ отраслямъ національной жизни и,—быть можетъ, важнѣйшее изъ всѣхъ этихъ улучшеній, — принятіе мѣръ къ построенію обширной сѣти желѣзныхъ дорогъ.

Съ оживленіемъ всѣхъ отраслей національнаго нашего существованія и литература наша въ оканчивающемся теперь году была живѣе, интереснѣе, богаче мыслями и замѣчательными явленіями, нежели когда нибудь. Всѣ слухи, доходившіе до литературнаго нашего міра изъ провинцій, были согласны въ томъ, что на всѣхъ концахъ Россіи литературный интересъ пробудился въ замѣчательной степени. Повсюду въ публикѣ были толки и пренія по поводу той или другой повѣсти, того или другаго стихотворенія, той или другой журнальной статьи. Такъ оживилось сочувствіе къ литературѣ въ провинціяхъ. То же было и въ столицахъ,—это каждый литераторъ знаетъ по опыту.

Всякая живая мысль, всякое дѣльное слово принималось публикою съ горячимъ одобреніемъ; эта симпатія должна была дѣйствовать на литературу,—

и, дѣйствительно, литература старалась оправдать требованія и надежды публики; съ справедливою гордостью можетъ она сказать, что въ истекающемъ году была, хотя до нѣкоторой степени, достойна ея вниманія.

Въ началѣ года, она обогатилась двумя новыми журналами, изъ которыхъ каждый имѣетъ свою несомнѣнную важность, и каждый приноситъ большую пользу нашему умственному развитію,—одинъ положительнымъ образомъ, другой, быть можетъ, почти только отрицательнымъ — возбуждая къ безпристрастнѣйшему изслѣдованію затрогиваемыхъ имъ вопросовъ—но все же приноситъ пользу и этотъ второй. Читатели видятъ, что мы говоримъ о «Русскомъ Вѣстникѣ» и о «Русской Бесѣдѣ».

Различны были ожиданія, возбужденныя тѣмъ и другимъ, — и, надобно сказать, въ значительной степени эти ожиданія были обмануты,—однимъ журналомъ къ лучшему, другимъ—не такъ, чтобы оттого увеличился его интересъ.

Литературно-ученыя мнѣнія редакціи «Русскаго Вѣстника» и писателей, которыхъ ожидали видѣть главными его сотрудниками, были хорошо извѣстны по ихъ дѣятельности въ другихъ журналахъ, до основанія «Русскаго Вѣстника»; мнѣнія эти не могли имѣть интереса новизны. Никто не сомнѣвался въ томъ, что «Русскій Вѣстникъ» будетъ журналомъ почтеннымъ, всѣ были увѣрены, что онъ дастъ много хорошихъ статей, особенно статей ученаго содержанія; сотрудничество многихъ профессоровъ Московскаго Университета, который столь справедливо считается средоточіемъ ученой жизни въ Россіи и бывшіе питомцы котораго такъ справедливо сохраняютъ на всю жизнь любовь къ нему, — это сотрудничество повсюду возбуждало самое горячее участіе къ новому журналу. Надежды на него были, какъ видимъ, довольно велики. Но слышались отъ многихъ и предположенія, до нѣкоторой степени ослаблявшія нетерпѣливость ожиданій,—теперь, когда эти предположенія прекрасно опровергнуты журналомъ, мы не находимъ нужды умалчивать о нихъ. Отъ многихъ можно было слышать мнѣніе, что «Русскій Вѣстникъ» не будетъ имѣть самобытнаго, только ему принадлежащаго характера, что онъ будетъ двойникомъ того или инаго изъ тѣхъ журналовъ, которые прежде имѣли его редактора и главныхъ сотрудниковъ своими сотрудниками. Нѣкоторые прибавляли, что новый журналъ, быть можетъ, не избѣжитъ сухости. Мы съ самаго начала не считали справедливыми этихъ предположеній и потому привѣтствовали появленіе «Русскаго Вѣстника» съ полною увѣренностью, что онъ докажетъ неосновательность сомнѣній. И, дѣйствительно, ему удалось достичь того. Нѣтъ надобности говорить, какъ опредѣлился характеръ «Русскаго Вѣстника»: основныя черты его физіономіи достаточно ясны для каждаго. Благодаря своему характеру, онъ утвердилъ за собою общее сочувствіе. Столь же удачно, какъ безцвѣтности, онъ умѣлъ избѣжать и сухости, такъ что принадлежитъ теперь къ числу не только наиболѣе распространенныхъ въ публикѣ, но и наиболѣе читаемыхъ журналовъ.

Мы хотѣли бы подробнѣе и точнѣе характеризовать физіономію «Русскаго Вѣстника», но тутъ пришлось бы, конечно, намъ не оставаться при однѣхъ похвалахъ, а указать также и нѣкоторыя стороны, которыя нуждаются въ улучшеніи и, безъ сомнѣнія, будутъ улучшены,—эти замѣчанія были бы немногочисленны, но всетаки ихъ нельзя было бы совершенно устранить при

полной характеристикѣ журнала,—но послѣ странной и совершенно несправедливой выходки противъ «Современника», которую угодно было сдѣлать «Русскому Вѣстнику» въ прошедшемъ мѣсяцѣ, мы не хотимъ дѣлать и этихъ немногихъ замѣчаній, не желая, чтобъ кто нибудь могъ истолковать ихъ въ непріязненномъ смыслѣ. Потому, отказываясь на этотъ разъ отъ сужденія о томъ, чѣмъ наиболѣе и чѣмъ менѣе силенъ «Русскій Вѣстникъ», скажемъ только, что вообще этотъ журналъ пользуется общимъ уваженіемъ совершенно справедливо и значительно содѣйствовалъ оживленію нашей литературы въ прошедшемъ году.

«Русскій Вѣстникъ» въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ превзошелъ ожиданія, съ которыми былъ встрѣченъ, хотя эти ожиданія были велики. «Русская Бесѣда» до сихъ поръ не успѣла дать публикѣ того, что всѣ надѣялись найти въ ней. Около десяти лѣтъ, славянофилы не имѣли своего органа въ литературѣ; естественно было думать, что новый журналъ ихъ скажетъ послѣ долгаго безмолвія что нибудь замѣчательное. Приверженцы славянофильскихъ мнѣній въ публикѣ немногочисленны; большинство и не готовилось сочувствовать «Русской Бесѣдѣ». Но всѣ интересовались новымъ журналомъ: вѣроятно, десять лѣтъ прошли не безплодно для славянофиловъ, какъ не безплодно прошли они для развитія всей нашей литературы; прежде славянофилы не могли сами себѣ объяснить, чего именно они хотятъ, что они думаютъ; ихъ доктрина страдала неопредѣленностью, непослѣдовательностью. Теперь, вѣроятно, она опредѣлилась, стала понятнѣе для ума человѣческаго, если не стала справедливѣе. Любопытно послушать, что такое они скажутъ. Такъ говорятъ всѣ. Нѣкоторые, въ томъ числѣ и мы, имѣли ожиданія болѣе благопріятныя.

Не знаемъ, со временъ фонвизинскаго Иванушки существовали ли на Руси люди, которымъ все въ Западной Европѣ было бы восхитительно, которые воображали бы, что французскій языкъ—единственный порядочный языкъ на свѣтѣ, что на Западѣ всѣ люди счастливы, что на Западѣ нѣтъ многаго дурнаго и отвратительнаго. Въ наше время изъ людей, сколько нибудь образованныхъ, нѣтъ ни одного, который бы считалъ Западную Европу земнымъ раемъ. Истинно образованный русскій (точно такъ же, какъ истинно образованный французъ, нѣмецъ и такъ далѣе) видитъ въ Европѣ очень много хорошаго, но съ тѣмъ вмѣстѣ и очень много дурнаго. Мы осмѣливались полагать, что образованные люди вездѣ сходятся въ своихъ понятіяхъ о дурномъ и хорошемъ. Мы полагали, однимъ словомъ, что разница между славянофилами и людьми, не раздѣляющими ихъ мнѣній, можетъ существовать только въ томъ, что послѣдніе смотрятъ на вещи безпристрастнѣе, что послѣдніе менѣе преувеличиваютъ свое доброе, менѣе обманываются относительно своихъ недостатковъ. Но мы никакъ не полагали, чтобы кто нибудь изъ образованныхъ людей находилъ дурное хорошимъ или наоборотъ. Потому мы полагали, что когда славянофилы будутъ осуждать Западную Европу, можно будетъ сказать: «вы преувеличиваете истину, но если отбросить преувеличенія, въ вашихъ словахъ найдется очень много правды»; что таково же будетъ отношеніе ихъ мнѣній о Россіи къ безпристрастнымъ мнѣніямъ. Словомъ, мы надѣялись, что съ ними можно будетъ во многомъ соглашаться, во многомъ другомъ противорѣча имъ. Многіе смѣялись надъ нашею надеждою.

Признаемся, до сихъ поръ «Русская Бесѣда» не успѣла доказать, что тѣ, которые смѣялись надъ нашею надеждою, были неправы.

До сихъ поръ, «Русская Бесѣда» не сказала еще ничего такого, съ чѣмъ бы можно было согласиться, хотя отчасти. Нельзя съ нею ни въ чемъ согласиться не потому, чтобы она исключительно говорила мысли, изъ которыхъ каждая сама по себѣ несправедлива,—нѣтъ, въ самой неосновательной доктринѣ, если только она достигла нѣкоторой ясности и связности, всегда можно открыть что нибудь похожее на правду, можно найти хотя незначительную частицу истины, съ которой можно согласиться.

Но въ «Русской Бесѣдѣ» мы до сихъ поръ не могли найти ничего такого, съ чѣмъ бы можно было согласиться, потому что не могли найти ровно ничего сколько нибудь яснаго.

Какъ же? Вѣдь они много говорятъ о многихъ важныхъ вопросахъ? Но что говорятъ!—самыя разнородныя понятія у нихъ смѣшиваются въ одно, самыя противоположныя явленія сливаются въ одно представленіе. Напримѣръ: «наука должна искать истину и доказать справедливость тѣхъ убѣжденій, которыми мы дорожимъ»—какое же тутъ понятіе о наукѣ? Скажите что нибудь одно; скажите: «наука должна искать истину»—съ вами надобно будетъ безусловно согласиться; или, пожалуй, скажите: «наука должна показать справедливость убѣжденій, которыми мы дорожимъ»—это понятіе будетъ ошибочно, но все-таки въ немъ будетъ какой нибудь смыслъ, можно будетъ видѣть, что вамъ нужна не наука, а защищеніе всего, что вамъ нравится; но если вы рядомъ ставите обѣ фразы: «наука должна искать истину и доказать справедливость убѣжденій, которыми мы дорожимъ»—если вы такъ говорите, можно ли понять, что вы разумѣете подъ наукою? точно ли науку, или защищеніе того, что вамъ нравится?

Та же самая исторія повторяется до сихъ поръ, во всемъ, о чемъ бы ни заговорили славянофилы: возьмите какое угодно понятіе изъ тѣхъ, которыя особенно часто повторяются ими, и попробуйте разгадать, что они подъ нимъ разумѣютъ, вы увидите, что вѣчно соединяютъ они подъ нимъ два совершенно различныя представленія.

Потому, интересъ, съ которымъ ожидалось появленіе «Русской Бесѣды», совершенно исчезъ. Она перестала обращать на себя вниманіе.

Кромѣ «Русскаго Вѣстника» и «Русской Бесѣды», мы должны упомянуть еще о третьемъ новомъ журналѣ — «Сынѣ Отечества». «Сынъ Отечества» своимъ литературнымъ отдѣломъ отчасти походитъ на то, чѣмъ была «Библіотека для Чтенія» въ послѣдніе годы. Зато «Библіотека для Чтенія» подъ конецъ года совершенно обновилась и, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ занимать въ литературѣ болѣе видное мѣсто, нежели какое занимала въ послѣднія пятнадцать лѣтъ.

Всѣ вообще журналы наши, старые и новые, въ этомъ году имѣли болѣе жизни, нежели прежде. Поэзія, беллетристика, отдѣлы серьезнаго содержанія представляли много замѣчательнаго, довольно много представили даже блестящихъ явленій.

Въ этомъ году мы читали четыре произведенія г. Тургенева: повѣсти «Рудинъ», «Переписка» и «Фаустъ», и пьесу «Завтракъ у предводителя».

Романъ г. Григоровича «Переселенцы» и повѣсть его «Пахарь».

«Севастополь въ августѣ мѣсяцѣ», «Двухъ Гусаровъ» и «Мятель» графа Толстаго.

Можно припомнить еще нѣсколько повѣстей или разсказовъ, не лишенныхъ достоинства. Изъ нихъ одобреніе всѣхъ читателей заслужили «Губернскіе очерки» г. Щедрина.

Мы не будемъ здѣсь дѣлать оцѣнку того или другаго изъ этихъ произведеній въ отдѣльности; скажемъ только, что общій балансъ нашей беллетристики за этотъ годъ, сравнительно съ предъидущими, очень удовлетворителенъ.

«Оды Горація», переведенныя г. Фетомъ, «Германъ и Доротея» Гете, въ его же переводѣ, «Фаустъ», переведенный г. Струговщиковымъ, наконецъ «Лиръ», переведенный г. Дружининымъ (въ этой книжкѣ «Современника»).— все это было помѣщено въ нашихъ журналахъ за нынѣшній годъ.

Но всего замѣтнѣе оживленіе русской литературы отразилось на ученыхъ и критическихъ статьяхъ. Тутъ прежде всего должны мы назвать превосходный этюдъ о нравахъ русскаго общества, написанный г. Павловымъ по поводу комедіи графа Соллогуба «Чиновникъ». Потомъ замѣтимъ статьи г. Чичерина,—имени новаго, но уже всѣмъ очень хорошо знакомаго въ нашей литературѣ, и статью г. Костомарова объ исторіи Малороссіи до Богдана Хмѣльницкаго.

Но не столько отрадны достоинства нѣсколькихъ отдѣльныхъ статей, сколько разнообразіе и интересъ, которымъ вообще отличался ученый отдѣлъ нашихъ журналовъ. Мы не ошибемся, если скажемъ, что наша молодая литература обнаруживаетъ рѣшительное стремленіе къ сближенію съ жизнью.

Въ примѣръ, укажемъ два-три вопроса, близкіе къ жизни, изъ тѣхъ, которые занимали журналистику въ нынѣшнемъ году.

Въ самомъ началѣ нынѣшняго года, привлекъ на себя общее вниманіе вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ. Изъ журналовъ онъ перешелъ въ газеты, и до сихъ поръ часто встрѣчается въ той или другой изъ нихъ статейка по этому дѣлу. Люди, совершенно чуждые обыкновеннаго литературнаго кружка, принимали участіе въ преніи: видно было, что вопросъ заживо затрогивалъ каждаго, такъ или иначе, и каждый спѣшилъ высказать свое мнѣніе, принести новый доводъ въ пользу мысли, кажущейся ему справедливою, или новое опроверженіе мысли, которую считалъ ошибочною. Нельзя было безъ особеннаго участія слѣдить за этимъ всестороннимъ обсужденіемъ дѣла, важнаго для общества. Конечно, много было выражено тутъ мнѣній, происходившихъ единственно отъ непривычки нашей думать о политико-экономическихъ вопросахъ, многіе голоса возвышались совершенно понапрасну, не имѣя сказать ничего дѣльнаго; но вообще преніе было ведено наставительно и довольно глубоко. Спорили и о томъ, до какой степени нужны намъ желѣзныя дороги, еще больше о томъ, какой доходъ могутъ онѣ приносить у насъ въ вознагражденіе затраченнаго капитала, и о томъ, какими капиталами надобно строить ихъ, русскими или иностранными, и о томъ, каково должно быть направленіе линій, наиболѣе необходимыхъ. Слѣдствіемъ преній было разъясненіе многихъ недоразумѣній, распространеніе здравыхъ понятій о дѣлѣ желѣзныхъ дорогъ и

настоятельной необходимости, при недостаткѣ русскихъ капиталовъ, допустить въ замѣну ихъ иностранные. Теперь изъ людей, читающихъ что нибудь, вы очень мало найдете такихъ, которые не приготовлены къ принятію истиннаго рѣшенія вопроса, задуманнаго правительствомъ.

Нѣсколько позднѣе начался въ журналахъ и газетахъ споръ о преимуществахъ высокаго или низкаго тарифа. Онъ былъ иными, особенно изъ противниковъ низкаго тарифа, веденъ съ раздраженіемъ, напраснымъ съ ученой точки зрѣнія, быть можетъ, свидѣтельствовавшимъ о непривычкѣ нашей къ веденію преній, но съ тѣмъ вмѣстѣ свидѣтельствовавшимъ о близкой связи этого вопроса съ жизненными интересами нашего общества.

Упомянемъ еще о преніяхъ по вопросу относительно воспитанія. Они были вызваны предложеніемъ «Морскаго Сборника», подавшаго тѣмъ прекрасный примѣръ признанія пользы, какую можетъ принести всестороннее обсужденіе затруднительныхъ вопросовъ. Много разъ мы ставили «Морской Сборникъ» образцомъ для всѣхъ подобныхъ ему журналовъ, и теперь скажемъ, что онъ продолжаетъ пріобрѣтать все больше и больше права на признательность русской публики энергическимъ исканіемъ чистой истины.

Появленіе «Русской Бесѣды» заставило нѣкоторыхъ обратиться къ изслѣдованію вопроса о народности въ наукѣ. Большинство публики, совершенно соглашаясь съ справедливостью понятія, что наука должна искать общечеловѣческой истины, а не оправданія мѣстныхъ и временныхъ односторонностей, находило, однако же, что туманныя мечты о какой-то особенной народности въ наукѣ, не имѣя ровно никакого положительнаго содержанія, едва ли заслуживали того, чтобы и заниматься ихъ опроверженіемъ. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя изъ статей, написанныхъ, по поводу «Русской Бесѣды», въ доказательство того, что наука не должна имѣть ничего общаго съ случайными пристрастіями и предубѣжденіями, обращали на себя вниманіе замѣчательными достоинствами.

Опытомъ изъ нынѣшняго года подтверждается истина, очень извѣстная, но немногими понимаемая во всемъ ея значеніи: развитіе литературы находится въ самой тѣсной связи съ усиліемъ умственной жизни въ обществѣ.

Мы указали только немногіе изъ тѣхъ вопросовъ, которые были подняты и болѣе или менѣе основательно изслѣдованы нашими журналами въ теченіе нынѣшняго года; многіе другіе, или не столь важные, или не довольно обсужденные, не попали въ этотъ краткій перечень главныхъ предметовъ умственнаго движенія, находившихъ себѣ отголосокъ въ нашихъ журналахъ за настоящій годъ. Но и эти немногія воспоминанія могутъ уже быть доказательствомъ, что пробужденіе интереса въ публикѣ къ нашимъ періодическимъ изданіямъ было не случайно: оно зависѣло отъ пробужденія въ обществѣ умственной дѣятельности.